

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВѢКОВОЙ МЕДИЦИНЫ.

Выпускъ I.

СОСТАВИЛЪ

С. КОВНЕРЪ.

Кіевъ.

Типографія Императорскаго университета св. Владиміра,

В. І. Заводнаго, Б. Васильковская ул. д. №№ 29—31.

1893.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР.
Предисловіе—I, II. Введеніе—1. Мистическая и магическая медицина	3
Каббала—4. Неоплатонизм—9. Алхимія—12. Астрологія	14
Медицина въ западно-римской имперіи отъ 3 в. до ея паденія	
Quintus Serenus Samonicus—14. Gargilius Martialis	15
Sextus Placitus Papyrensus. Lucius Apulejus. Vindicianus	16
Theodorus Priscianus—17. Plinius jun. Secundus, Pseudo-Plinius—18. Marcellus Empiricus. 19	
Медицина восточной римской имперіи. Зеновъ —21. Jonicus. Magnus	22
Oribasius. Сочиненія: <i>Collecta medicinalia. Synopsis ad Eustathium. Euporista ad Euporism, Commentaria in Aphorismos Hippocratis</i> —23—27. Анатомія, Физиологія—27. Гигіена и діететика—28. Общая терапія—31. Фармакологія, Частная патологія и терапія—32. Хирургія—34. Заключение—35. Adamantius, Nemesius	36
Византійская медицина. Neosychius, Psychrestus v. Soter	39
Asclepiodotos, Palladius, Severus	40
Aëtius. Tetrabiblia —41. Перечень содержанія—42. Фармакологія. Анатомія и физиологія. Частная патологія и терапія—45. Хирургія—49. Глазныя болѣзни—51. Акушерство—53. Гинекологія—54. Отрывки—56. Заключение	58
Alexander изъ <i>Tralles'a.</i> Біографія. Характеристика—58. <i>Libri duodecim de re medica, De febribus, De lumbricis.</i> Библиографическія замѣтки—61. Содержаніе	65
Анатомія и физиологія—66. Общая патологія. Діагностика—67. Общая терапія	68
<i>Частная патологія и терапія.</i> —О лихорадкахъ—71. Болѣзни кожи и волосъ—77. Глазныя—78 и ушныя болѣзни—80. <i>Нервныя болѣзни</i> —81. Болѣзни дыхательныхъ органовъ—88. Болѣзни брюшныхъ органовъ—93. Болѣзни мочеполовыхъ органовъ—105. Подагра, arthritis, ischias—108. Заключение	110
Theophilus (Philoteus) Protosporatorios—111. Stephanus Atheniensis	115
Johannes изъ Александріи, Abron Presbyter	116
Павель Эгинскій —117. Compendii (medici) libri septem—118. Предисловіе—119. Содержаніе—121. <i>Частная патологія и терапія</i> внутреннихъ болѣзней—122. <i>Нервныя болѣзни</i> —124. Сифилологія. Сынныя болѣзни—125. Фармакологія и токсикологія. Гигіена	126
Отіатрія. Болѣзни зубовъ, носа. Офтальміатрія—127. Гинекологія и акушерство	128
Хирургія Павла Эгинскаго. Малая хирургія—129. Военная хирургія—131. Ученіе о переломахъ и вывихахъ—132. <i>Оперативная хирургія отдѣльныхъ частей тѣла,</i> трахеотомія—133. <i>Exstirpatio mammae,</i> операція эмпіемы, парадентезъ, грыжи—135. <i>Pyrospadiasis.</i> Кисты—137. Болѣзни мочевого пузыря—138, задняго прохода—139. Ампутаціи. Пластическія операціи	140
Періодъ совершеннаго упадка византійской медицины.	141
Damascius, Meletius—142. Photius, Theophanes Nonnos, Mercurius	143
Michaelus Psellus—144. Simeon Seth—145. Nicetas. Хирургическая <i>Collectio</i>	147
Kallikles, Stephanus Magnetes. Synesius и Constantinus Africanus s. Rheginus	148
Hierophilus—150. Demetrius Pepagomenes—151. Kabasilas, Nicolaus Myrepsus	152
Johannes Actuarius. <i>De affectionibus spiritus animalis</i> и <i>Methodus medendi</i> —154. Практическая медицина—155. Общая терапія—156. Фармакологія—157. Уроскопія—158. Психологія	159
Ретроспективный взглядъ на средневѣковую греческую медицину	161
Прибавленіе. Чума Юстиніана	163
Арабская медицина. Въ библиографіи—165. Начатки арабской культуры и медиц. 167	
Общій взглядъ на ходъ развитія и характеръ арабской культуры и медицины. Арабская культура—169. Арабская медицина	176
Арабская медицина въ ея частностяхъ и главнѣйшихъ ея представителяхъ.	
Доисламистскій періодъ	180
Медицина въ эпоху Магомета. Theodorus—181. Burzweih, Harets ben Kaladah	182
Ennadhr, Ebn Abu Ramitsa. Медицина пророка	183
Медицина въ эпоху Оммаядовъ. Отношеніе александрійской школы къ арабской медицинѣ—185. Johannes Grammaticus s. Philoronus и александрійская бібліотека	186
Chaled ben Yezid, Dschafar, Geber —187. Медицина при Оммаядахъ	189
Simon Taibuta, Theodocus, Nakam, Ebn Athal. Женщина-врачъ Zeinab	190
Періодъ переводной арабской медицины. Десятый вѣкъ	191
Школы несторианъ въ Азій, Эдесса —192. Джондисапоръ	193
Семейства Вахтншуа и Месуѣ	194

Sabur ben Sahl, Jahya s. Серапионъ - древній, Salmui ben Bayan, семья Thifury . . .	195
Abu Koreisch, Abu Mansur Mawaffak Honein ben Ishak , или Johannitus . . .	196
Ishac ben Honein, Hobeisch ben el Hasan el Asam, Isa ben Ali . . .	202
Costa ben Luca —202. El Kendi —203. Thabet ben Korrah —205. Ali ben Rabban Etthabari—206. Abu Hanifa, Atulfaradsch ben Taieb, Abulfaragius Gregorius . . .	207
Періодъ самостоятельной арабской медицины. Десятый вѣкъ	208
<i>Персія.</i> Rhazes. Continens, Ad Almansorem, De variolis, Divisiones и другія соч. 209—221	
Messihy—221. El Komri, Al Farabi , Abu Mansur Muwaffak ben Ali	222
<i>Иракъ.</i> Sinan ben Thabet и Thabet ben Sinan, Dschabril ben Obeid Allah и Obeid Allah, Abu Mansur Saad ben Bascher, 2 Abul Hossein'a Eddscharraidi* (хирурга) . . .	223
Ali ben el Abbas (Maleki) —224. Temimi—227. Тростниковый сахаръ El-Massudi . . .	228
<i>Египетъ.</i> El Azhar, El Bathrik (Euty chius)	231
<i>Миребъ.</i> Ishak ben Amran, Ishak Judaeus —229. Ebn ed-Dschezzar (Viaticum) . . .	231
Dunasch ben Temim	232
<i>Испанія</i> —232. Ebn Dscholdschol , Arib ben Said el Kateb	233
Abulcasis s. Abulcassem s. Alzaharavius, <i>Тесрибъ</i> —234. Содержание	236
Хирургія Абудказиса 238—246. Chasdai ben Scharput	247
Одинадцатый вѣкъ. <i>Персія.</i> Avicenna —248. Автобиографія—249. <i>Капонъ, Canticum</i> и другія сочиненія—352. Медицина Авиценны—253—261. Al-Biruni . . .	261
<i>Иракъ.</i> Abul Faradsch ben Thaieb, Ebn Bothlan—262. Said ben Hibat Allah . . .	263
Ebn Dschezla—264. Ali ben Isa —265. Mezuë младшій	266
<i>Египетъ.</i> Ebn el Heitsam (Alahzen) —267. Ali ben Rodhwan (Rodoam), Afranim (Afratsim), Salama ben Rahmun—268. Omar el Musli (Canamusali)	269
<i>Миребъ.</i> Константинъ Африканскій	270
<i>Испанія.</i> Aben-Guefith—273. Muhammed el Temimi и трактатъ клинической медицины 274	
El Bekri, Rabbi Juna, Abul Fadhl Chasdai	275
Двадцатый вѣкъ—275. <i>Персія.</i> Abul Fedhail Dschordschani	277
Samuel ben Jahya (Jehuda) и <i>Nozhat el Azhab</i>	278
<i>Иракъ.</i> Amin ed-Daula-ebn-Ettalmid —279. Abul Barakat Hibat Allah	280
<i>Сирія.</i> Abul Medsched, Ebn el Mathran—280. Abderrahmann ben Nasr Eschschirazi 281	
<i>Египетъ.</i> Abu Dschafar ben Chasdai, Scheich Sedid, Ebn el Dschami—281. Abul Beyan и другіе врачи-евреи въ Египтѣ. <i>Миребъ.</i> Scherif el Edrissy	282
<i>Испанія.</i> Ebn Badscha (Avempase), Errafequy—282. Avenzoar, Teissir	283—292
Averroës, Colliget —292. Ebn Tofail —299. Maimonides (Musa ben Mimun, Rambam) 299	
Fachr ed-Din-er-Razi, Muhammed и Abu Dschafer al Gafiki Ibn Hobbal Muhaddib ed-Din el Samarkandi	307
Тринадцатый вѣкъ—307. Nassir eddin Etthussi , Raschid-ed-Din ben Imad ed-Daula, Cottob ed-Din Eschschirazi	308
Errahabi, Jacub ben Saklan, Omran el Israili, Abul Abbas Ennabati	309
Ebn el-Beithar —310—316. Abd-el-Latif —316. Ebn Abi Oseibia	319
Serapion Junior (Ebn Serabi) —323. Salah ed-Din ben Jusef el Kahhal	324
En-Nefis el-Korchi (el Misri)—325. Abulfaragius Gregorius (Abulfaradsch Dschorschis) 326	
Cohen el Atthar—327. Sedid ed-din ben Abil Bajan	328
Періодъ упадка арабской медицины. XIV вѣкъ. Анонимный трактатъ о ревматизмѣ.	
<i>Ма-ла-jesa</i> el Cotbi el-Джвини, <i>Schefai el Askam Chider Ebn Chatib'a</i>	328
Muhammed ben Ismail, M. ben Abi Thaleb el Ansari. <i>Damiri</i>	329
Джелдеки, Lessan eddin el Chatib, Ebn Doreihim.	330
Пятнадцатый вѣкъ. Sojuti	331
Шестнадцатый вѣкъ. Daud ben Omar el Antaki—332. Левъ Африканскій 333	
Семнадцатый вѣкъ. Гаджи Кальфа. XVIII в. Abd Errezzak Eddschezzairi 334	
Арабская медицина въ Персіи и Индіи—335. Заключение	339
Прибавленія. а) Къ медицинскимъ учрежденіямъ арабовъ. Больницы—343. Школы. 345	
Медицинская полиція и общественное положеніе врачей—346. Библиотека	347
б) Къ переводамъ на латинскій языкъ—348. Gerardus изъ Кремоны	349
Ferraguthy—350. Armengaud и другіе. Общій взглядъ на переводы	351
в) Къ литературѣ объ арабской медицинѣ.	352

ВВЕДЕНІЕ.

Средніе вѣка обыкновенно разсматриваютъ, какъ мрачную эпоху полуварварства или совершеннаго варварства, какъ періодъ исторіи, который резюмируется въ двухъ словахъ: невѣжество и суевѣріе. Въ доказательство этого приводятъ, что для философовъ и врачей втеченіе всего средневѣковаго періода природа оставалась закрытой книгой, причѣмъ указываютъ на преобладающее господство въ это время астрологій, алхиміи, магіи, колдовства, чудесъ, схоластики и легвовѣрнаго невѣжества. Какъ доказательство ничтожности средневѣковой медицины приводятъ совершенное отсутствіе, въ средніе вѣка, гигиѣны, какъ въ частныхъ жилищахъ, такъ и вообще въ городахъ, а также на свирѣпствовавшія втеченіе всего этого періода убійственныя эпидеміи чумы, проказы, различнаго рода болѣзни кожи и т. д.

Въ противоположность этому взгляду существуетъ мнѣніе, что средніе вѣка уже потому выше древности, что они за нею слѣдуютъ. Нечего доказывать, что и то и другое лишено основанія; по крайней мѣрѣ, что касается медицины, уже одинъ здравый смыслъ говоритъ въ пользу того, что не было и не могло быть перерыва въ медицинскомъ преданіи, и подобно тому, какъ исторія во всѣхъ другихъ областяхъ культуры показываетъ, что варвары были непосредственными преемниками римлянъ, точно также и медицина не можетъ и не могла составить въ этомъ отношеніи исключенія. Извѣстно, съ одной стороны, что въ Римской Имперіи и въ особенности въ Италіи преобладала греческая медицина, такъ что греческія сочиненія служили настоящими руководствами для наставниковъ и учениковъ, и съ другой стороны, что нашествія варваровъ вовсе не имѣли на западѣ такихъ всеокрушающихъ послѣдствій для наукъ и искусствъ, какъ обыкновенно полагаютъ. Почти во всей Европѣ до VII вѣка процвѣтали имперскія школы, послужившія образцами для возникшихъ впоследствии налатинскихъ школъ, учрежденныхъ меровингскими и каролингскими королями. Мало того, предводители остготовъ, вестготовъ и лангобардовъ неоднократно являлись покровителями народнаго обученія и поклонниками классической литературы и науки. Такъ король Аталарихъ въ то время,

когда римское населеніе было сведено только до 500 обитателей, счелъ однако нужнымъ предписать—продолжать выдачу учителямъ содержанія, которое они получали до тѣхъ поръ.

Одновременно и о-бокъ съ упомянутыми школами мало по малу возникали, подъ руководствомъ епископовъ, исключительно клерикальныя школы, которыя сначала имѣли частный характеръ, а впоследствии сдѣлались публичными разсадниками ученыхъ и наукъ, въ томъ числѣ и медицины. Что послѣдняя въ средніе вѣка была въ почетѣ, доказывается тѣмъ, что меровингскіе и каролингскіе короли имѣли своихъ архіатровъ, а города своихъ официальныхъ врачей, и что уже въ то время различали врачей отъ хирурговъ ¹⁾.

По отношенію къ клерикальной медицинѣ необходимо сказать, что если съ одной стороны въ началѣ среднихъ вѣковъ она не мало способствовала распространенію разнаго рода предрасудковъ и суевѣрія въ дѣлѣ леченія болѣзней, то съ другой стороны учрежденія, вызванныя къ жизни христіанскимъ милосердіемъ, какъ госпитали, пріюты для немощныхъ и т. д., основанныя, правда, болѣе для душеспасительныхъ цѣлей, тѣмъ не менѣе имѣли несомнѣнно то благотѣльное вліяніе на средневѣковую медицину, что въ нихъ росла и развивалась практика медицинскаго искусства.

Вообще средневѣковой періодъ медицины можно назвать консервативнымъ, такъ какъ онъ преимущественно служилъ для собиранія и сохраненія сочиненій древнихъ.

Въ частности въ средневѣковой медицинѣ, правда, рѣзко бросается въ глаза широкое развитіе мистической медицины, получившей начало гораздо раньше (каббала, неоплатонизмъ), но затѣмъ въ ней рельефно выдѣляются слѣдующіе важные факты: переходъ медицинскій науки отъ греческихъ врачей, которыми кишѣла римская имперія, къ народамъ новолатинскимъ, возникновеніе медицинскихъ школъ на всѣхъ пунктахъ вновь основанныхъ государствъ, причемъ въ большей части этихъ школъ традиціонное преподаваніе медицины занимаетъ особое мѣсто и оставило для потомства многочисленныя и важныя памятники, далѣе мгновенная вспышка на востокѣ послѣднихъ искръ потухающаго греческаго генія въ то время, когда сама Греція ничего уже почти не производитъ, наконецъ, развитіе медицины, при помощи греческихъ учителей, у арабовъ и передача ея послѣдними западнымъ народамъ.

Такимъ образомъ нигдѣ и ни въ какой моментъ средневѣковаго періода нельзя констатировать дѣйствительнаго, абсолютнаго перерыва въ ходѣ развитія медицинскій науки и практики.

¹⁾ Ср. D a g e m b e r g, Histoire des sciences médicales, I, 255 и слѣд.

Мистическая и магическая медицина. Каббала. Неоплатонизмъ. Алхимія и астрологія.

Мы видѣли, что изъ первоначальной теургической медицины у всѣхъ народовъ мало - по - малу возникали философски - медицинскія системы, изъ коихъ въ цвѣтущій періодъ большей части народовъ развилась настоящая научная медицина. Но вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ къ истинѣ всѣмъ народамъ присуще еще стремленіе проникать въ тайны природы, ведущее съ одной стороны къ вѣрѣ, а съ другой—и къ суевѣрію, а потому рядомъ со свѣтской медициной въ народныхъ массахъ тлѣла искра таинственной магической медицины, которая во времена умственного упадка стремилась къ господству. Такимъ образомъ развились магическія системы въ родѣ эманационной системы Зороастра, изъ которой многое перешло въ религіозныя представленія и теургическую медицину евреевъ, особенно послѣ ихъ упадка во время вавилонскаго плѣненія. По окончательной утратѣ ими самостоятельности, у нихъ, а именно у евреевъ въ Египтѣ (куда многіе изъ нихъ переселились еще во времена Іереміи и гдѣ впоследствии, въ особенности въ Александріи, Птоломеи даровали имъ право гражданства и свободу заниматься науками) возникла въ 150 г. до Р. Х. особая секта ессеевъ или священныя терапевтовъ (отъ *θεραπεῖα τοῦ Ὀυτοῦ*)¹⁾. Въ ученіи этой секты слились во-едино чисто-іудейскія, зороастровы и отчасти пифагорейскія воззрѣнія. Они полагали, что поклоненіемъ Богу въ уединеніи, постояннымъ, сосредоточеннымъ въ себѣ созерцаніемъ, чистотою нравовъ, священнымъ молчаніемъ, удаленіемъ отъ другихъ людей они скорѣе всего приблизятся къ „истеченію“ Бога, дабы часть его силы перешла и въ нихъ. Этимъ они полагали приобрѣсть способность творить чудеса и излечивать болѣзни. А потому у нихъ преобладалъ теургическій методъ леченія, хотя они пользовались и естественными средствами. Главной цѣлебной силой служило у нихъ „Слово Божіе“, которое они еще задолго до Р. Х. называли „ангеломъ“, „идею идей“, „сыномъ Божіимъ“, „врачемъ всѣхъ болѣз-

¹⁾ Philo, *De vita contemplat.* p. 471, ed. Mangey.

ней¹⁾. Ессеи, почти во всемъ подражавшіе пифагорейцамъ, отъ воинъ переняли даже облаченіе въ бѣлыя одежды, жили въ своего рода монастыряхъ (monasteria s. semneia, самый обширный былъ у Маретическаго озера), большею частью занимались толкованіемъ священныхъ книгъ и пользовались большимъ уваженіемъ. Они не приносили никакихъ жертвъ, собственноручно исполняли всѣ работы, въ особенности землѣдѣльческія, и вели вообще уединенный и умѣренный образъ жизни. Главное ихъ занятіе — сосредоточенное созерцаніе и толкованіе словъ св. Писанія — мало-по-малу выродилось въ бессмысленный культъ словъ и буквъ и обусловило собою чисто-іудейскій характеръ этого теософскаго направленія, изъ котораго развилась

Наббала („Устное преданіе“). Основателемъ ея считается Акиба (ум. около 120 по Р. X.), которому приписывается „Книга творенія“ (Sopher Jezirah), написанная на древне-еврейскомъ языкѣ. Его преемникъ Симеонъ бенъ-Иохай въ своей книгѣ „Зогар“ или „Сіаніе“ (Sohar), написанной на халдейскомъ языкѣ, усовершенствовалъ ее и вызвалъ къ жизни чисто-теургическую медицину, адепты которой воздержной, благочестивой жизнью старались вступать въ духовное общеніе съ Богомъ и его ангелами и съ помощью ихъ силы излечивать болѣзни.

Изданія: 1) Sopher Jezirah; съ комментаріями: Mantua, 1662, 4, Jacob Gazolo; съ лат. переводомъ изд. Rittangel'я, Amsterd. 1642; Constantinop. 1724; Żolkiew, 1745, 4; Grodno, 1806 (съ коммент. Или Виленскаго); Wilna—Grodno, 1820. — Безъ комментаріевъ: у М. Корник'а, Dyrhelfurt, 1812; у А. Напповега въ Schaare Zyon, Prag. 1662, Amst. 1671 и множество другихъ.

Латинскіе переводы: Guil. Postelt: Abrahami patriarchae Liber Jezirah ex hebraeo versus et commentariis illustratus: Paris 1552, въ видѣ прибавленія: Restitutio rerum omnium conditarum per manum Elise etc. — особый мистическій трактатъ.

Jo. Pistor, Liber Jezirah. etc. ex hebraeo versus etc. Въ его же собраніи сочиненій: Ars Cabbalistica h. e. reconditae theologiae et philosophiae scriptorum etc., Basel, 1587.

Jo. Steph. Rittangel, Liber Jezirah, qui Abrahamo patriarchae adscribitur, etc. translatus et notis illustratus, Amstel. 1642.

Athaus Kircher, Oedipus Aegyptiacus, Rom. 1652—54, въ которомъ книга Jezirah въ лат. переводѣ включена въ первую часть 2 тома.

Пояснительныя сочненія: Leop. Zunz, die gottesdienstl. Vortraege der Juden etc. (о Jezirah p. 165). Berlin 1832.

Ad. Franck, Systéme de la cabbale ou de la philosophie religieuse des Juifs (2 глава), Paris, 1842, въ нѣмец. переводѣ Ad. Jellinek, (Leipzig 1844), p. 54—65.

H. Graetz, Gnosticismus u. Judenthum, Krotoschin, 1846, весь третій отдѣлъ, p. 102—132.

¹⁾ Philo, *De mundi opific.* p. 5.

2) *Sepher(ha) Sohar*: Mantua, 1558—60; Cremona, 1500; Lublin, 1628. Самое полное: Sulzbach, 1684. ed. Chr. R. v. Rosenroth, typis Mos. Bloch; Amstelodami: 1670; 1714; 1728, 1772, 1805. Constantinopoli—1736; Krotoschin 1844—45; 1858. Кроме того издания в Салоникахъ, Кенигсбергѣ, Жолкиевѣ и въ Россіи.

Пояснительныя сочиненія: Ad. Frank, *Système de la cabbale etc.* (см. выше). Jakob Emden, *Kritiken u. Nachweise üb. d. Sohar u. Erweis. seiner Unehchtheit*, Altona, 1768¹⁾.

Упомянутыя выше древнѣйшія каббалистическія сочиненія не всеми приписываются названнымъ авторамъ и происхождение ихъ до сихъ поръ достоверно неизвѣстно. Такъ „Книга Творенія“ (*Sepher Jezirah*) приписывается нѣкоторыми каббалистами не только Акибѣ, но и патриарху Аврааму и даже Адаму. Первые, рѣшившіеся открыть завѣсу „тайнаго ученія“ были Авраамъ бенъ-Давидъ изъ Poiquières (Рао-бадъ), главнѣйшій противникъ Маймонида, и въ особенности сынъ его, Исаакъ-Слѣпецъ (Саги-Ногоръ, 1190—1210), который усиленно занимался „Книгою Творенія“, объясняя и истолковывая ея непонятный смыслъ. Въ связной же системѣ каббала впервые была изложена двумя учениками его, близнецами Азриэлемъ и Эзрою, уроженцами Героны, этой родины цѣлаго ряда каббалистовъ, между коими въ особенности извѣстны Яковъ бенъ-Шешеть Герунди (1248), Моисей Нахманъ, главнѣйшая опора каббалы, за которымъ слѣдовали Иегуда-Хасидъ изъ Регенсбурга, Элеазаръ Вормскій (1160—1230) и другіе²⁾.

Что касается *Sohar*'а (Сіянія), то, по мнѣнію новѣйшихъ критиковъ, онъ не что иное, какъ сборникъ традицій многихъ вѣковъ съ дополненіями и толкованіями позднѣйшихъ каббалистовъ, привезенный въ концѣ 13 столѣтія въ рукописи изъ Палестины въ Европу и попавшій въ руки ученаго раввина изъ Каталоніи, Моисея де-Лиона (1250—1305), которымъ впервые и обнаруженъ. Гретцъ доказалъ даже, что Моисей де-Лионъ самъ былъ авторомъ „Зогара“ и только для матеріальныхъ выгодъ издалъ его подъ именемъ знаменитаго р. Симеона бенъ-Иохая³⁾. Франкъ однако полагаетъ, что главное основаніе Зогара—метафизическая религіозная система каббалы—принадлежитъ р. С. бенъ-Иохая⁴⁾.

Интересно, что въ Зогарѣ встрѣчаются и „научныя“ свѣдѣнія. Такъ одно мѣсто трактуетъ объ анатоміи мозга:

„Въ черепѣ 3 полости, заключающія мозгъ, далѣе онъ окруженъ мягкой и твердой оболочкою. Эти 3 части мозга, посредствомъ 32 каналовъ, распространяются по всему тѣлу по одну и другую стороны; такимъ образомъ онъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ тѣло и распространяются по всѣмъ его частямъ“.

Въ другомъ мѣстѣ здѣсь изъ будто-бы древнѣйшей еще книги какого-то р. Гамнуна-Старца приводится слѣдующее замѣчательное объясненіе:

„Земля вращается около своей оси, она имѣетъ форму шара, одни вверху, другіе внизу; всѣ существа, сохраняя свое положеніе, различны по своей вѣшности, смотря по климату каждаго мѣста. Извѣстныя страны земли освѣщены въ то время,

¹⁾ Ср. J. Fürst, *Bibliotheca judaica*, Leipz., 1849 — 68, voc. Akiba и Simon b. Jochai.

²⁾ Э. Трубицъ, Очерки каббалы, въ журналѣ *Восходъ*, 1886, I, 67, 68, 73; Graetz, *Geschichte der Juden*, Leipzig, 1868, VII, 72—89.

³⁾ Тамъ же, 490, Note 12.

⁴⁾ Frank, *La cabbale etc.* p. 103 и слѣд.

когда другія находятся во мракѣ; въ одинъ день въ то время, когда у другихъ ночь, и есть страны, въ которыхъ постоянно день или гдѣ ночь, по крайней мѣрѣ, продолжается не болѣе, какъ нѣсколько секундъ¹⁾.

Вообще старинныя каббалистическія школы Гретцъ дѣлятъ на *геронскую*, *сеговианскую*, quasi—*философскую*, *авулафианскую* и *зоаристскую*²⁾.

Новая каббалистическая школа, основанная Исаакомъ Лурье (1537—1574) только развиваетъ и дополняетъ древнюю каббалу.

Изъ христіанъ каббалой занимались въ особенности Раймундъ Луллъ, Пико-де-Мирандола, Парацельсъ, Корнелій Агриппа (*De occulta philosophia*), Рейхлинъ (*De arte kabbalistica*, 1567 и *De verbo mirifico*)³⁾.

Каббалу обыкновенно раздѣляютъ на практическую или экспериментальную и теоретическую или спекулятивную. Практическая каббала даетъ наставленія, при какихъ условіяхъ можно заставлять высшія силы дѣйствовать на земной мѣрѣ, т. е. творить чудеса. Каббалисты твердо вѣруютъ въ чудодѣйственную магическую силу надписей именъ Бога и ангеловъ на амулетахъ или произнесенія извѣстныхъ словъ изъ св. Писанія, заключающихъ намеки на высшія духовныя существа, посредствомъ коихъ можно, по ихъ мнѣнію, подчинить эти высшія силы, изгонять демоновъ, излечивать больныхъ и т. д.⁴⁾

Теоретическая каббала имѣетъ цѣлю помощью своеобразнаго толкованія св. Писанія разрѣшить важнѣйшіе вопросы метафизики, теологіи, космологіи, психологіи и этики: каждому слову, каждой буквѣ св. Писанія придается высшій таинственный смыслъ. Согласно этому „тайному ученію“, доступному только святымъ, избраннымъ людямъ, основаніе всякаго объективнаго познанаія лежитъ не въ самомъ объектѣ и не въ познающемъ субъектѣ, а въ наитіи свыше или вдохновеніи, доставшемся этимъ избраннымъ натурамъ, которымъ познанаіе абсолютнаго дается не посредствомъ созерцанія или представленій, всегда подверженныхъ обманамъ, а прямымъ почерпаніемъ этого познанаія ихъ чистымъ духомъ, непосредственно изъ общаго духа⁵⁾.

Въ упомянутыхъ двухъ древнѣйшихъ источникахъ каббалы несомнѣнно воспроизведена вся эманационная система Зороастра. Согласно ученію каббалы,

1) Первое истеченіе изъ „Безконечнаго“ или „Энъ-Софа“,

¹⁾ Sohag. ed. Mantua. Ср. Трубинъ, Очерки Каббалы, въ журналѣ „Восходъ“ 1886. I, 72.

²⁾ Graetz, I. c., 507.

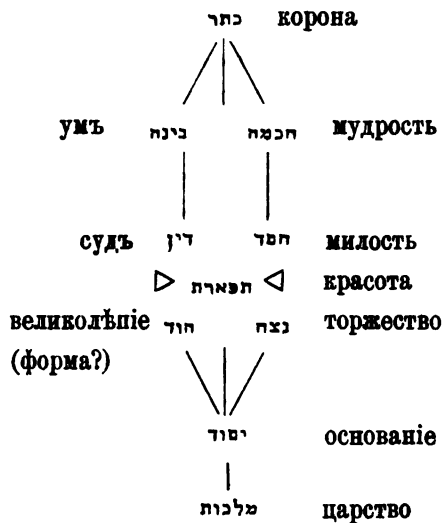
³⁾ Ср. Трубинъ, I. c., 73.

⁴⁾ Тамъ же, 65—67.

⁵⁾ Тамъ же, „Восходъ“, 1886, I, 70.

въ видѣ перваго міра или непосредственной эманации („Ацила“), составляютъ 10 духовныхъ субстанцій или посредствующихъ силъ, „Сефиротъ“¹⁾,—нѣчто въ родѣ среднихъ духовныхъ существъ, занимающихъ средину между Безконечнымъ и міромъ явленій. Первые три истечения: познание или корона, разумъ и мудрость, нѣсколько напоминаютъ троицу платониковъ: ἀγάθος, δημιουργός καὶ ψυχὴ²⁾.

Слѣдующее изображеніе или „каббалистическое древо“ представляетъ наглядно священную декаду Сефиротъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательнаго истечения другъ отъ друга:

Эта фигура представляетъ образъ „первоначальнаго небеснаго чело вѣ ка“ (Адамъ Кадмонъ, macrocosmos), по подобію котораго создана вселенная, въ отличіе отъ чело вѣ ка, его миниатюрнаго отпечатка или „маленькаго міра“ (Оламъ катанъ, microcosmos). Всѣ эти 10 Сефиротъ вмѣстѣ съ Энь-Софомъ образуютъ одно цѣлое и представляютъ только различныя стороны или лики (парцэфимъ) одного и того же существа. Эта теорія цѣликомъ перешла въ систему натурфилософовъ 16 столѣтія съ Парацельсомъ во главѣ³⁾. Кромѣ этого „перваго“ міра, изъ „Безконечнаго“ истекли въ постоянно расширяющихся, послѣдовательныхъ, концентрическихъ кругахъ еще три другихъ міра:

2) Міръ творенія („Beria“) или міръ идей творенія по заранѣе обдуманному разумному плану, также: міръ душъ.

¹⁾ Отъ слова сефиръ, число, быть можетъ здѣсь подразумѣваются также сферъ.

²⁾ Rittangel, ad libr. Jezirah, p. 150. Ср. Sprengel. II, 177.

³⁾ Ср. Труби чъ, I. с. „Восходъ“ за 1886, I, 83.

3) Міръ формаціи („Іедира“), также: міръ ангеловъ и формирующихъ силъ органической природы.

4) Міръ матеріи или міръ явленій („Асія“), въ которомъ сходятся всѣ предыдущіе ¹⁾.

Изъ этихъ міровъ каждый связанъ съ другимъ такимъ образомъ, что все, совершающееся въ послѣдующемъ, посредствомъ образцовъ или прообразовъ уже намѣчено въ первомъ ²⁾.

Мы не можемъ здѣсь входить въ дальнѣйшія подробности относительно ученія каббалы о предсуществованіи душъ, о метемсихозѣ и связанномъ съ нимъ возмездіи и т. д.

Здѣсь отмѣтимъ только, что при леченіи болѣзней въ каббалѣ все сводится къ тому, чтобы приводить въ дѣйствіе соотвѣтствующія силы выснихъ міровъ. Этого можетъ достигнуть только тотъ, кто дошелъ до познанія ихъ посредствомъ каббалы, а благочестіемъ и созерцательной жизнью сдѣлался достойнымъ общенія съ небесными силами. Подобныя условія имѣютъ для врачебнаго искусства гораздо болѣе значенія, чѣмъ вся земная премудрость, которая такъ часто оставляетъ втунѣ. Отсюда ненависть древнихъ еврейскихъ учителей къ обыкновеннымъ врачамъ ³⁾.

Мы позволили себѣ здѣсь нѣсколько пространное наложеніе нѣкоторыхъ главнѣйшихъ основанацъ каббалы въ виду того, что это ученіе, какъ сказано, воспринято и реформаторомъ медицины Парацельсомъ, отчасти же потому, что и понинѣ чуть ли не миллионы людей на юго-западѣ Россіи и въ Галиціи, а именно евреи-хасиды то и дѣло прибѣгаютъ еще къ магическому способу леченія, практикуемому въ широкихъ размѣрахъ ихъ „цаддиками“ или праведниками, этими „основами мірозданія“, обладающими по ихъ понятіямъ тайнымъ искусствомъ лечить болѣзни въ силу ихъ постоянныхъ сношеній съ высшими небесными сферами, на которыя могутъ вліять своими молитвами и въ извѣстной мѣрѣ вынуждать божество къ изліанію своей милости на земной міръ ⁴⁾.

Эти фантастическія бредни восточной философіи распространялись однако не одними евреями. Къ ней примкнула также греческая и римская философія, въ особенности въ Александріи, гдѣ происходилъ дѣятельный обмѣнъ не только товаровъ, но также взглядовъ и системъ. На первый планъ тутъ выступаютъ чудотворецъ

Симонъ, приверженецъ каббалистовъ и Зороастра, производившій отъ Всеобщаго Отца (Bythos) такъ называемую Еп ποία или святой духъ, котораго оцъ, Симонъ, считалъ себя также причастнымъ,—и въ особенности

¹⁾ Ср. Sohar, ed. Mantua и Трубинъ, I. с. „Восходъ“ 1886, II, 17.

²⁾ Serpher Jezirah, p. 162. Ср. Sprengel, II, 177.

³⁾ Ср. Sprengel II, 178.

⁴⁾ Ср. Гретцъ, Исторія евреевъ, перев. Бакста, СПб., 1884, 96.

Аполлоніусъ изъ Тіаны, ученикъ пифагорейца Евксена, старавшійся также творить чудеса, чтобы уподобиться Пифагору, и считавшій себя однимъ изъ духовъ, котораго Богъ надѣлилъ мудростью и даромъ пророчать будущее. Однимъ изъ необходимыхъ качествъ истиннаго мудреца онъ считалъ искусство врачеванія, причемъ по его мнѣнію врачеваніе тѣла должно всегда соединять съ врачеваніемъ души. Онъ долгое время жилъ въ храмахъ Эскулапа, гдѣ производилъ чудесныя излеченія, а храмъ Эгейскій превратилъ въ родъ академіи, куда стекалось множество софистовъ и риторовъ. Между ними особенно отличался сопровождавшій его гимнософистъ Јагсһаs изъ Индіи, который „слѣпымъ возвращалъ зрѣніе, хромымъ употребленіе ногъ, глухимъ—слухъ и умалишеннымъ—разсудокъ“.

Въ числѣ удачныхъ излеченій Аполлоніа приводятъ случай излеченія имъ въ Тарсусѣ водобоязни съ помощью собаки, въ которомъ переселилась душа мизійца Телена и которая по его знаку лизнула больного, вслѣдъ затѣмъ выздоровѣвшего (!). Точно также ему приписываютъ оживленіе многихъ мнимоумершихъ и изобрѣтеніе талисмановъ, исписанныхъ разными цѣлительными, мистическими, священными „варварскими“ словами. Благодаря его единомышленникамъ—жрецамъ слава его достигла такой степени, что ему воздвигли статуи во многихъ храмахъ, а императоръ Александръ Северъ въ своемъ Іаgаtіонѣ поклонился ему наравнѣ съ Христомъ¹⁾.

Неоплатонизмъ. Немного спустя, эти восточныя бредни въ сліяніи со взглядами Платона, Аристотеля и отчасти христіанскими понятіями образовали систему „неоплатонизма“ (неоплатоновская или вторая александрійская школа). Первые начатки неоплатонизма находятся уже у Филона (ок. Р. X.), основателя философской школы²⁾ и представителя іудейскаго элемента въ неоплатонизмѣ, и у Numenius'a изъ Апамен (150 по Р. X.), представителя его христіанскаго элемента и автора ученія о происходящемъ отъ Бога втораго божества или деіурга—творца вселенной. Но настоящимъ основателемъ неоплатонизма считается

Ammonius Sakkas (около 200 по Р. X.), вѣроятно отпавшій отъ христіанства, жившій въ Александріи въ царствованіе Коммода (180—190) и старавшійся связать въ одно цѣлое ученія перипатетической и академической школы съ восточными мистическими и христіанскими взглядами. Въ особенности же распространенію неоплатонизма во всѣхъ отрасляхъ знанія способствовали: его ученикъ

Plotinus (195—270 по Р. X.), ученикъ послѣдняго, Porphyrius (ок. 280 по Р. X.), Јamblichus (ок. 300 по Р. X.) и Proclus (410—484

¹⁾ Тамже 179, 180.

²⁾ См. Исторію Древней Медицины. вып. III, стр. 680.

по Р. Х.). Въ медицину же неоплатонизмъ былъ введенъ впервые врачомъ Андреемъ Хризарисомъ ¹⁾. Всѣ они старались примѣнить восточное ученіе объ эманации къ космологіи Платона. Изъ нихъ Плотинъ конечной цѣлью философіи считалъ сліяніе во-едино человѣческаго и божественнаго знанія, а средствомъ для этого—внутреннее созерцаніе Бога. Изъ учениковъ его, между коими были и врачи (Paulinus Scitopolita, Eustachius изъ Александріи), самый главный, Порфирій, объявилъ достойнымъ презрѣнія всякое спекулятивное знаніе, если оно не способствуетъ тѣсному сближенію человѣка съ Богомъ. Наконецъ Jamblichus (ум. 333 по Р. Х.) всѣ эти теоріи связалъ и слилъ въ одно цѣлое со всѣмъ, что съ древнѣйшихъ временъ считалось высшей тайной мудростью у халдеевъ, іудеевъ и грековъ ²⁾. Вообще неоплатоники принимали истечение изъ вѣчнаго источника свѣта высшаго или низшаго порядка духовъ, до которыхъ человѣкъ въ состояніи возвыситься посредствомъ экстаза, или особеннаго погруженія въ созерцаніе Бога, могущее имъ даровать даже власть надъ этими духами. Болѣзни, согласно этому ученію, зависятъ отъ низшихъ духовъ, которыхъ возможно умилостивлять жертвоприношеніями, заклинаніями и различнаго рода символами и таинственными словами, какъ Савваоѣ, Адонай, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, каковыми халдейскимъ и іудейскимъ словамъ, равно какъ и непонятному дѣтскому лепету, приписывалось особенное могущество и способность изгонять духовъ ³⁾. Съ теченіемъ времени возникла даже цѣлая іерархія способовъ мистическаго леченія болѣзней, согласно излюбленному позднѣйшими неоплатониками дѣленію магіи на высшую и низшую. Высшая ея степень—теософія или теокразія, согласно Дамасцію, состояла въ общеніи съ источникомъ свѣта и леченіи болѣзней черезъ посредство самого Бога. Затѣмъ слѣдуютъ: теургія, излечивающая болѣзни посредствомъ добрыхъ, и гоэтія—посредствомъ злыхъ духовъ, собственно магія, излечивающая болѣзни посредствомъ матеріальныхъ (злыхъ, гнѣздящихся въ земныхъ тѣлахъ) и высшихъ духовъ, наконецъ фармація, или тотъ видъ воздѣйствія на болѣзни, при которомъ стараются укрощать духовъ съ помощью лекарственныхъ веществъ ⁴⁾. Къ этимъ способамъ леченія прибѣгали Плотинъ, Порфирій, а также преемники чародѣя Симона, каковы Saturnus, Basilides, Карпокрates, за коими слѣдуютъ Marcion, Marnes и другіе ⁵⁾.

¹⁾ Galenus, de facult. simpl. med. l. VI. Ср. Sprengel, II, 187.

²⁾ Ср. Haeser, I, 435.

³⁾ Ср. Sprengel, II, 186.

⁴⁾ Тамъ же, 185.

⁵⁾ Тамъ же, 195.

Изъ нихъ особенно Basilides и Carpocrates упрочили ученіе объ эманации и о таинственной іерархіи небесныхъ силъ, которыя они называли зонами. Гностикъ Basilides дѣлитъ даже этихъ зонъ на мужескихъ и женскихъ и первымъ женскимъ зономъ называетъ Еρνοια или святой духъ. Священное рукоположеніе дѣлало рукополагаемое лицо причастнымъ этого зона и способнымъ къ леченію больныхъ, одержимыхъ бѣсомъ ¹⁾. Такимъ же, стоящимъ во главѣ всѣхъ, зономъ былъ для нихъ Іисусъ Христосъ, чѣмъ они и объясняли совершенныя имъ чудеса. Какъ зонъ, по ихъ мнѣнію, онъ былъ божественной силой, какъ человекъ, онъ проявилъ строжайшее воздержаніе и до такой степени отрѣшился отъ чувственности, что сдѣлался способнымъ укрощать духовъ и излечивать болѣзни. „Оттого-то—говоритъ Carpocrates—тотъ, кто ведетъ такой же образъ жизни, какой велъ Іисусъ Христосъ, можетъ, подобно ему, производить чудесныя излеченія и достигнуть власти надъ деміургами“ ²⁾. Таковую же способность гностики приписывали апостоламъ и другимъ благочестивымъ мужамъ и даже старѣйшинамъ общинъ ³⁾. Въ каждой страшной и опасной болѣзни гностики прибѣгали къ заклинаніямъ и изгнаніямъ злыхъ духовъ (exorcismus) ⁴⁾, коимъ они присвоивали способность вызывать всякаго рода бѣдствія, какъ напр. голодъ, неурожай, порчу воздуха, эпидеміи и разныя болѣзни, особенно у новорожденныхъ. Вліяніе мистической медицины на леченіе болѣзней выразилось еще въ томъ, что всѣ тяжкіе недуги, согласно библейскимъ воззрѣніямъ, считались Божьей карой и что ни одинъ врачъ не долженъ былъ себѣ позволять лечить ихъ, дабы не противодѣйствовать мстѣщему Божьему правосудію, чему доказательство представляетъ Plinius Valerianus и исторія проказы ⁵⁾. Между прочимъ вопросъ, почему такъ много прокаженныхъ и подверженныхъ недугамъ людей, рѣшался гностиками въ томъ смыслѣ, что демонъ болѣзней входитъ въ тѣло грѣшныхъ въ наказаніе за ихъ роскошь, почему гностики принимали двоякую причину заразы: гнѣвъ Божій и злокачественныя испаренія ⁶⁾.

Что касается приведеннаго выше леченія произнесеніемъ извѣстныхъ мистическихъ словъ, то между ними особенная магическая сила приписывалась таинственному слову Ἀβράξας (Abraxas), выражающему цифру небесъ (числомъ 365), происшедшихъ отъ зонъ, составляющихъ, согласно гностику Basilides'у, высшія истеченія обильнаго лучезарнаго и божественнаго свѣта (Pleroma). Sprengel полагаетъ, что гностики заимствовали

¹⁾ Tertullianus adversus Valentinum c. 8. Cp. Sprengel, II, 195, 199.

²⁾ Тамъ же, 196.

³⁾ Тамъ же, 190.

⁴⁾ Tertull. apologet, c. 23. Cp. Sprengel, II, 193.

⁵⁾ Тамъ же, 194.

⁶⁾ Anastasius, Quaestiones CXIV, cp. Sprengel, 202.

это могущественное слово у александрийскихъ евреевъ, сложившихъ его, согласно ихъ учению о Троицѣ, изъ словъ: אב, בן, רוח (отца, сына и Св. Духа). Къ этому времени относится происхождение такъ называемыхъ камней (Abrahas-Gemmen) или талисмановъ съ таинственными надписями и изображеніями египетскихъ божествъ и зороастрово-іудейскихъ символовъ, напр. персидскаго Митры, солнца съ львиной или пѣтушьей головой и змѣиными ногами. Эти надписи и знаки суть: ΙΑΩ (יהוה), ΑΒΡΑΣΑΕ, ΧΝΟΥΒΙΣ, ΦΡΗ, также ΣΕΜΕΣ (שמש) и разныя діаграммы ¹⁾.

Вотъ къ какимъ страннымъ представленіямъ повели въ первые 3 вѣка нашей эры слияніе языческихъ, іудейскихъ и христіанскихъ воззрѣній и пестрая смѣсь восточныхъ фантазмагорій и ученія Платона, которое первые христіанскіе учителя не только усматривали уже въ книгахъ Моисея, но старались ввести и въ христіанское вѣроученіе, дабы придать послѣднему болѣе достоинства и обезпечить ему легчайшій доступъ въ среду язычниковъ ²⁾. Интересно, что уже апостоль Павелъ предостерегалъ отъ слиянія христіанскаго ученія съ языческой философій ³⁾. Причины распространенія означенныхъ суевѣрій Sprengel видитъ въ деспотизмъ римскаго государства и роскошномъ образѣ жизни его властелиновъ и ихъ любимцевъ, отрывшихъ широкій доступъ въ имперію магамъ, а съ ними всякаго рода невѣжеству и предрасудкамъ ⁴⁾. Одна только восточная церковь съ самаго начала проявила отвращеніе ко всѣмъ нелѣпостямъ магіи, а первые христіанскіе византійскіе императоры издали даже строгіе законы противъ всякаго рода прорицаній ⁵⁾.

Для исторіи медицины неоплатоническая философія имѣетъ однако немаловажное значеніе, ибо въ ней берутъ начало алхимія и астрологія.

Алхимія или наука о превращеніи простыхъ металловъ въ благородные (золото и серебро), въ своемъ стремленіи къ приготовленію философскаго камня и раскрытію таинственныхъ силъ природныхъ тѣлъ посредствомъ огня послужила впослѣдствіи къ обоснованію химіи. Искусство отысканія философскаго камня изложено въ подложныхъ книгахъ такъ называемаго Hermes Trismegistus, въ tabula smaragdina и въ особенности въ книгѣ Kyranides (около 400 по Р. X.).

Выраженіе алхимія вм. астрологіи встрѣчается уже у одного позднѣйшаго римскаго писателя: „Et si fuerit haec domus ☉, dabit astronomiam,—si ♃, divinum cultum et scientiam in lege, si ♁, scientiam alchimiae, si ☽, providentiam in quadru-

¹⁾ Sprengel, II, 196, 197.

²⁾ Justin. Mart. ad. Graec. sahort. p. 26 и Clement. Alex. Strom. lib. I. Cp. Sprengel II, 200. ³⁾ Koloss. II, 3. Cp. Sprengel, II, 194. ⁴⁾ Тамъ же, 202—207.

⁵⁾ Cod. Theodos. XVI tit. III, De pagan. sacrific. l. 1, 2, 3, у Sprengel'я II, 199.

pedibus etc.“¹⁾ Книги Hermetis Trismegisti представляют ряд теософических и алхимических сочинений, составляющих смѣсь древне-египетской и александрийской мудрости, въ которой въ особенности фигурировали учения Пифагора и Платона. 14 изъ этихъ книгъ носятъ названіе „Poemander“ или высшей мудрости (σοφία) и состоятъ изъ бесѣдъ послѣдней съ авторомъ о космогоніи, согласно конемъ Всевышній своимъ словомъ вызвалъ къ битію другаго бога, творца міра, создавшаго „семь слугъ“, представляющихъ семь мировымъ сферамъ, человѣка же сотворилъ самъ Богъ по образу и подобию своему.

Маданія: Hermetis Trismegisti *Poemander*, ed. G. Parthey, Berol. 1854.

Hermes Trismegiste, Traduction complète précédée d'une étude sur l'origine des livres hermétiques par Louis Ménard. Paris, 1866²⁾.

Вѣра въ алхимию или въ возможность превращенія простыхъ металловъ въ благородные беретъ начало у древнихъ египтянъ, считавшихъ искусство сдѣлать золото даромъ свыше. Отъ нихъ эта вѣра перешла въ эпоху императоровъ въ Римѣ, гдѣ уже Калигулу увѣрили въ возможности превратить оперментъ въ золото³⁾. Изъ императоровъ Диоклетіанъ въ концѣ III вѣка (296 по Р. X.) приказалъ сжечь всѣ египетскія книги о химіи золота и серебра и вмѣстѣ запретилъ занятія астрологіею, предоставивъ магамъ практиковать только безвредныя искусства⁴⁾. Это однако не помѣшало распространенію алхиміи въ послѣдующіе вѣка.

Въ египетскихъ книгахъ заключается множество химическихъ рецептовъ. Слово химія встрѣчается, какъ сказано, у упомянутого выше Maternus'a, въ смыслѣ высшаго знанія и въ особенности искусства угадыванія судьбы людей по созвѣздіямъ, подъ которыми они рождаются („Mathesis“), причемъ людямъ, родящимся подъ созвѣздіемъ Сатурна, предсказывается „scientia chimiae“⁵⁾. Греческія алхимическія книги приписываются Демокриту (Φωσικά καὶ μυστικά cum Synesii, Pelagii, Stephani notis, ed. Pizimentii Patav. 1573). Одна изъ нихъ, *De arte magna* или *de rebus naturalibus*, напечатана по латини. Комментарій его, христіанскій софистъ Synesius (въ 4 ст.) въ особомъ письмѣ (Synesii epistola ad Dioscorum ap. Fabric. bibl. graec.) указываетъ на то, что уже въ то время возлагали большія надежды на фиксированіе ртути (σελένη) и что при большой химической процедурѣ (πράξις) употреблялись также магнезія и мышьякъ⁶⁾. Первое вѣрное указаніе на искусство добыванія философскаго камня находится у Апенаса изъ Газы (въ V в.). Въ смыслѣ добыванія философскаго камня слово χημία, χημεία впервые встрѣчается у Io hannes'a изъ Антиохіи. У греческихъ алхимиковъ рѣчь идетъ о ἴσρα или θεία τέχνη, χρυσοποιία, τέχνη φιλοσοφίας. Позднѣйшіе алхимики подъ названіемъ „sulfur,

¹⁾ Julius Firmicus Maternus (при Константинѣ), astronom. l. III, c. 15, ср. Sprengel, II, 210.

²⁾ Ср. Haeser I, 434.

³⁾ Plinius, Hist. natur l. XXXIII, c. 4.

⁴⁾ Cod. Justin. IX, tit. XVIII Ср. Sprengel, II, 209.

⁵⁾ Ср. Haeser I. 437.

⁶⁾ Ср. Sprengel, 211.

mercurius, sal⁴ (вмѣсто argenicum) подразумѣвали собственно не эти тѣла, а какія-то гадательныя элементарныя вещества¹).

Въ тѣсной связи съ алхиміей находилась и

Астрологія или наука о вліяніи созвѣздіи на судьбу людей. Изъ соотвѣтствія солнца—золоту, луны—серебру, а планетъ—остальнымъ металламъ выводили заключеніе, что лунный свѣтъ можетъ превращать металлы въ серебро и что для добыванія золота необходимо прибѣгать къ воздѣйствію солнца²).

Собственно говоря, въ медицину астрологія была введена уже во времена Плинія массилійцемъ, по имени Криспъ, пытавшимся даже діету устанавливать сообразно съ теченіемъ планетъ и звѣздъ³). Но самаго широкаго развитія она достигла у западно-европейскихъ врачей со временъ крестовыхъ походовъ, о чемъ рѣчь впереди.

Къ только что описанной *мистической* медицинѣ непосредственно примыкаетъ

Медицина въ западно-римской имперіи отъ 3 вѣка до ея паденія (220—476 по Р. X.).

Въ періодъ упадка западно-римской имперіи вмѣстѣ со всѣми науками низко упалъ также уровень медицины, какъ доказываетъ цѣлый рядъ сочиненій, состоявшихъ большей частью только изъ *сборниковъ лекарственныхъ веществъ*, употребляемыхъ въ разныхъ болѣзняхъ. Рядъ авторовъ этихъ сочиненій начинается собою

Quintus Serenus Samonicus, оставившій дидактическую медицинскую поэму въ гекзаметрахъ.

Издами: Sulpitius Verulanus въ Миланѣ или Римѣ (до 1484). Лучшее изданіе:

Quinti Sereni Samonici *De medicina praescepta saluberrima*. Text. recens. lection. variet. notas interpret. selectior. suasque adiecit Io. Christ. Askerman n. Lips. 1786⁴).

Неизвѣстно, кто собственно изъ носившихъ это имя двухъ врачей—авторъ упомянутой поэмы: отецъ ли, рекомендовавшій разные амулеты и казненный Каракаллой, вѣроятно, за его приверженность императору Гетѣ (211 по Р. X.), или сынъ его, учитель младшаго Гордіана (237 по Р. X.). Изъ нихъ первый, бывшій другомъ Гордіана I и Александра Севера, обла-

¹) Haeser, I, 437.

²) Тамъ же, 438.

³) Plinii Histor. natural. l. XXIX, c. 1.

⁴) Ср. Choulant, Bücherkunde, 210, 211.

далъ громадной библіотекой въ 62000 томовъ и писалъ сочиненія о „тайныхъ вещахъ“, о чудесахъ острова Thule, о музыкѣ, астрономіи, математикѣ, въ прозѣ и стихахъ, почему, согласно Нескег'у, означенную поэму скорѣе слѣдуетъ приписывать ему, нежели его сыну, завѣщавшему библіотеку своего отца Гордіану II ¹⁾. Между рекомендуемыми имъ лекарствами рядомъ съ немногими лишь разумными средствами, каковы напр. животная ванна при подагрѣ, медь съ морскою водою (Thalassomeli), какъ слабительное и вообще дешевыя домашнія средства, здѣсь встрѣчается множество самыхъ нелѣпыхъ и отвратительнѣйшихъ средствъ, какъ мышиный пометъ въ дождевой водѣ при mastitis, козья моча внутрь противъ каменной болѣзни, земля изъ колесъ снаружи при коликѣ,—далѣе особенное уваженіе къ числамъ 3, 7, 9 и т. д., наконецъ, при лихорадѣ (hemitritaeus) амулеты съ магическими словами въ формѣ треугольника, составленнаго изъ слова Abra-cadabra и его сокращеній по слѣдующему наставленію:

abracadabra

bracadabra

racadabra

acadabra

cadabra

adabra

dabra

abra

bra

ra

a

„Inscribas chartae, quod dicitur a b r a c a d a b r a,

„saepius et subter repetas, sed detrahe summas,

„et magis atque magis desint elementa figuris

„singula, quae semper rapies et cetera figes

„donec in angustum redigatur litera conum

„his lino nexis collum redimire memento ²⁾.

Современникомъ Serenus'a былъ

Gargilius Martialis (220—240 по Р. X.), авторъ сочиненія о сельскомъ хозяйствѣ, рекомендованнаго Кассіодоромъ (въ 6 вѣкѣ), въ которомъ отдѣлъ *de pomis* трактуетъ о медицинѣ.

Изданіе: *De medicina ex pomis* у Aug. Majus, Auctores classici III; полнѣе: Gargilii Martialis, quae supersunt etc. eruit A. Majus, Luneb. 1832, apud Herold et Wahlstab. Новѣйшее: у Valent. Rose въ Anecdota graeca et graeco-latina Berol. 1870, по рукописи изъ S-t Gallen'a. Кромѣ того отрывокъ: *Curae boum Gesner'a* въ

¹⁾ Ср. Hecker, II, 27, 28; Haeser, I, 616.

²⁾ Quinti Sereni praeccepta etc. ed Ackerman. Ср. Sprengel, II, 236.

Scriptores rei rusticae, исправленъ въ изданіи Schuch, Rastatt. 1856¹⁾.

Sextus Placitus Papyrensis s. philosophus Platonicus (360 по Р. X.), въ подражаніе Xenocrates'у, оставилъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ о лекарственныхъ веществахъ изъ животнаго царства.

Изданія: *S. Placiti Papyrensis liber de medicamentis ex animalibus*. Norimb. 1532. Новѣйшее у Ackermann'a въ *Parabulum* (см. ниже).

Образчикомъ приводимыхъ имъ нелѣпныхъ средствъ (рядомъ съ нѣкоторыми болѣе или менѣе подходящими, какъ напр. мозгъ оленя въ теплой водѣ противъ колики) можетъ служить рекомендуемый имъ способъ леченія лихорадки вырѣзываніемъ щепки изъ двери, въ которую только что прошелъ скопецъ, приговаривая: „Поднимаю тебя, дабы такой то освободился отъ лихорадки“ (*Tollo te, ut ille NN febris liberetur*)²⁾.

Lucius Apulejus (390 по Р. X.) Ap. Barbarus, Ap. Platonicus, или вѣрнѣ Pseudo-Apulejus, присвоившій себѣ имя поэта того же имени изъ Мадаура въ Африкѣ, согласно Мейеру, тоже африканецъ, писавшій однако ранѣе 439 по Р. X.³⁾, оставилъ перечень растительныхъ лекарственныхъ веществъ подъ названіемъ: *Herbarius seu de medicaminibus herbarum*, также *Herbarum vires et curationes*, и книжку о *Betonica*. Оба послѣдніе автора—**Sextus Placitus** и **Lucius Apulejus** многое заимствовали у Плинія, а послѣдній—и у Dioscorida и въ особенности изъ неизвѣстной нынѣ „модной книги“ того времени. Книга его состоитъ изъ 128 главъ, трактующихъ о столькихъ же растительныхъ средствахъ и излечиваемыхъ ими болѣзняхъ.

Изданія: *Lucii Apulei Herbarium seu de medicaminibus herbarum* ed. princ. Roma (до 1484, быть можетъ уже 1470 г.) со старинѣйшими рисунками растений, вырѣзанными на деревѣ. Лучшее изданіе:

Parabulum medicamentorum scriptores antiqui: Sexti Placiti Papyrensis de medicamentis ex animalibus liber, Lucii Apulei de medicaminibus liber. Ex rec. etc. Id. Christ. Gottl. Ackermann. Norimberg. et Altorf. 1788, *Libellus utilissimus de Betonica*, помѣщено тутъ же Ackermann'омъ, вѣроятно по Coll. Aldina. Ср. Hecker, II, 84, 88. Кроме того существуетъ еще вновь открытое *Physiognomia Apulei*, помѣщенная въ Val. Rose, *Anecdota Graeca et Graeco-latina*. Berol. 1864. Ср. Haeser I, 629.

Vindicianus, проконсуль, гимназіархъ и Comes archiatrorum императора Валентиніана (364—375), обращенный въ христіанство св. Августиномъ, оставилъ поэму о приготовленіи теріака и давно затерянное сочиненіе:

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 224 и Haeser, I, 617.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 239.

³⁾ Ср. Haeser, I, 628.

De expletis, о которомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ Валентиніану (*Epistola Vindiciani, Comitum archiatrorum, ad Valentinianum imp.* въ *Fabricii Biblioth. graec.* Vol. XIII, p. 448). Письмо это *Sprengel* считаетъ подложнымъ, съ тѣмъ однако несогласенъ *Hecker*, который находитъ, что оно носитъ вполне печать того вѣка, обнаруживая въ то же время практическій взглядъ автора на гастрическое происхождение желчныхъ лихорадокъ („*ex indigestione hesternarum erudissimarumque scapularum, vel superfusa diversi nimietate vini repletis venis*“¹⁾). По стихотворной формѣ его сочиненія о *теріакѣ* и склонности къ чудесному онъ однако приближается къ *Serenus'u*, котораго вѣкоторые даже считаютъ авторомъ упомянутой поэмы. Поэма эта помещена во многихъ старинныхъ изд. Цельса, у *Marcellus Empiricus*, Basil. 1536 и *Fabricius*, *Biblioth. graeca ed. vet.* XIII. Еще болѣе тѣни на значеніе *Vindician'a*, какъ на врача, бросаетъ его ученикъ,

Theodorus Priscianus (также *Octavius Horatianus*), архіатръ Граціана (около 380 г. по Р. X.), оставившій сочиненіе о леченіи болѣзней подъ названіемъ: *Medici antiqui omnes*, гдѣ онъ собралъ туземныя лекарственныя вещества, которыя рекомендуетъ вмѣсто совершенно отвергаемыхъ имъ иноземныхъ.

Здѣсь рядомъ съ дѣльными совѣтами (напр. *Semen Santonici* противъ глиствъ) онъ сообщаетъ массу нелѣпныхъ, въ родѣ средствъ для превращенія голубыхъ глазъ въ черныя, а также множество „гоетическихъ“ средствъ (напр. при колѣнѣ садиться на стулъ, приговаривая: *per te diacholon, diacholon, diacholon*, или: если съѣдать 3 фіалки, то это предохраняетъ отъ всѣхъ болѣзней на весь годъ²⁾).

Подобно всѣмъ низкой пробы эмпирикамъ, говоритъ *Hecker*, онъ обнаруживаетъ ненависть противъ всякой учености и явное поползновеніе привести медицину въ ея первобытное состояніе³⁾. Необходимо однако замѣтить, что этому приговору *Hecker'a* противорѣчитъ множество основательныхъ замѣчаній, встрѣчаемыхъ въ сочиненіи *Присціана*, какъ напр. относительно правилъ: лечить болѣзни, сообразуясь съ временемъ и обстоятельствами; при кровопусканіи въ плевритѣ принимать въ соображеніе возрастъ, время года и свойство мѣстности; далѣе въ началѣ острыхъ болѣзней ничего не предпринимать; при кровотеченияхъ изъ матки примѣнять кровососныя банки на груди. Онъ одинъ изъ первыхъ рекомендуетъ *свинцовыя* препараты при головныхъ сыпяхъ *магнитъ* при боли головы. Наконецъ онъ совѣтовалъ *метасинкритическій* способъ леченія при падучей болѣзни, *fluor albus*, въ чахоткѣ и хроническихъ болѣзняхъ почекъ, въ чемъ видѣнъ послѣдователь методической школы⁴⁾. Въ области фивіологіи *Присціанъ* является послѣдователемъ *Аристотеля*. Такъ онъ принимаетъ,

1) Ср. *Sprengel* II, 236 и *Hecker*, II, 29.

2) Ср. *Sprengel* II, 238.

3) *Th. Priscianus*, *Medici antiqui omnes etc.*, praefatio. Ср. *Hecker* II, 31.

4) Тамъ же, 31—34.

что сердце есть мѣстопробываніе разумной души и центръ дѣятельности органовъ чувствъ, причѣмъ прибавляетъ: „cor intelligit et audit, quia et aures habet ad audiendum“¹⁾.

Изъ 6—7 книгъ сочиненія Присціана „Medicina graesentanea“ или *Regum medicarum* сохранились только пять.

Изданіе: Gelenius, Basil. 1582, содержитъ только 3 неполныхъ книги.

Неупаг, который называетъ авторомъ Octavius Horatianus'a, помѣстилъ 4 книги: *Regum medicarum libri IV*, Argent. (Schott.) 1582 (вмѣстѣ съ *Chirurgia Abulkasem'a*).

Полное: *Experimentarius medicinae Arg.* 1544. *Medici antiquissimi omnes, qui latinis literis diversorum morborum genera et remedia persecuti sunt etc.* Venet. ap. Aldum, 1547, fol. 291.

Въ изданіи Неупаг'a 4 первыхъ книги носятъ заглавія: I. *Logicus. De curationibus omnium ferme morborum corp. hum. ad Euporistum.* II. *De acutis et chronicis passionibus ad eundem.* Здѣсь между болѣзнями задьяго прохода, какъ часто попадающіяся обозначены трещины и кондиломы. III. *Gynaezia. De mulierum accidentibus et curis eorundem, ad Victoriam.* Повидимому—извлечение изъ Сорана, 4 глава трактуетъ объ атрезіяхъ женскихъ половыхъ органовъ (περί ἀτρηγῶν) IV. *De physica scientia. Experimentorum liber, ad Eusebium filium.* Содержитъ рецепты и различныя физиологическія темы, между прочимъ экскурсіи въ область исторіи развитія и сѣмени, напр. описаніе 30-дневнаго плода, въ которомъ сердце было величиной съ маковое зерно. Упомянутое выше циклическое леченіе методиковъ изложено въ 9 главѣ. V книга (*Diaeta*) трактуетъ о пищевыхъ веществахъ, гимнастикѣ, ваннахъ и т. д.²⁾

Plinius Junior Secundus, также Valerianus, извѣстный болѣе всего подъ названіемъ Pseudo-Plinius, оставилъ сборникъ рецептовъ подъ названіемъ *Medicina Plinii*. Это не что иное, какъ медицинскій путеводитель для непосвященныхъ, содержаніе коего заимствовано изъ *Historia Naturalis* Плинія старшаго и въ которомъ растительныя лекарственныя вещества, изъ коихъ исключены дорогія и иноземныя, расположены по болѣзнямъ, причѣмъ въ концѣ имѣется отдѣлъ *contra venena*. Сочиненіе это служитъ немаловажнымъ пособіемъ для уразумѣнія многихъ темныхъ мѣстъ текста Плинія Старшаго, которыя Плиній Младшій довольно удачно объясняетъ. Кромѣ того онъ пользовался сочиненіемъ Gargilius Martialis'a и затерявшимся сочиненіемъ Vindicianus'a *De expertis*, а также Целіемъ Авреліаномъ.

Изданіе: *Medicinae Plinianaе libri quinque*, Romae, 1509. Torinus, Basil. 1528.

Collectio Aldina, Caii Plinii Secundi de re medica libri V, Venecia 1547.

Пояснительное: Günz, *De auctore operis de re medica etc. libellus*, Lips., 1786, гдѣ авторомъ *Medicinae Plinianaе* признается Sibirius изъ Бордо.

Подробности ср. V. Rose, *Hermes*, VIII, и Haeser, I, 623—625. Согласно послѣднему

¹⁾ Ср. тамъ же 34.

²⁾ См. Choulant, *Bücherkunde*, 216, и Haeser, I, 630.

Medicina Plinii первоначально состояла из 3 книг, из коих первая 2 рассматривают болезни отдельных частей, начиная от головы до ступней (от головной боли до подагры), третья же занимается болезнями, не находящимися в связи с определенными частями тела, каковы раны, лихорадки, болезни кожи. Из последних 2 книг, появившихся в упомянутых изданиях, четвертая есть ничто иное, как буквально списанное извлечение из „*Medicina*“ затерянного сочинения Гаргилія Марциалиса о сельском хозяйстве и состоит из 2 частей: *de oleribus* (главы 1—38) и *de pomis* (гл. 39—58); пятая (*liber diaetarum*) есть буквально извлечение из „*Diaeta*“ весьма старинного латинского перевода Александра из Tralles'a. Следовательно, мы имеем здесь дело с позднейшей обработкой сочинения Плиния Младшего, относящейся к VI или VII вѣку. Эта последняя в свою очередь послужила основанием для третьей обработки под названием „*Liber de remediis*“ в St. Gallen'sком кодексе, относящейся к X вѣку¹⁾.

Излишне сказать, что *Medicina Plinii* для истории медицины не имеет почти никакого значения, что здесь был бы напрасный труд искать верных показаний для лечения болезней, и даже единственное интересное замѣчаніе насчетъ наружнаго примѣненія электрическаго угря при болезняхъ селезенки теряетъ свое значеніе, если вспомнить, что еще в I вѣкѣ по Р. X. средство это было предложено противъ головной боли.

Этотъ рядъ болѣе или менѣе бесплодныхъ западныхъ писателей заканчиваетъ собою

Marcellus изъ Бордо или **Marcellus Empiricus**, *magister officiorum* императора Феодосія (379—395). Онъ оставилъ объемистое сочиненіе *De medicamentis*, предназначенное служить руководствомъ для его сыновей съ цѣлью поданія помощи бѣднымъ больнымъ въ крайнихъ случаяхъ, причемъ однако **Marcellus** совѣтуетъ для приготовленія лекарствъ обращаться за совѣтомъ къ врачу. Источниками для него служили **Scribonius Largus** („*Designatianus*“), **Celsus**, **Appolonaris**, **Pseudo-Plinius** и соотечественники Марцелла: **Sibirius**, **Eutropius** и **Ausonius**. Оно содержитъ 36 обширныхъ главъ, въ которыхъ по порядку изложены по болезнямъ простыя, сложныя и магическія средства.

Изданіе: **Marcellus**, *De medicamentis empiricis physicis ac rationalibus liber*, ed. **Jan. Cornarus**, Basil. 1536, 1539.

Это изданіе безъ измѣненія воспроизведено въ *Medic. antiq. coll. Venet.* 1547 и въ **Stephanus**, *Med. art. principes*, Venet. 1567.

Если съ одной стороны сочиненіе Марцелла представляетъ нѣкоторый интересъ по отношенію къ истории языка (сообщеніемъ заимствованныхъ у народа кельтскихъ лечебныхъ, магическихъ формулъ) и къ ботаникѣ (первымъ по времени описаніемъ многихъ кельтскихъ растений)²⁾, то съ

¹⁾ Ср. **Choulant**, *Bücherkunde*, 218; **Naeser**, I, 624, 625.

²⁾ Ср. **Naeser**, I, 626.

другой стороны въ немъ, можно сказать, магическая медицина достигла своего апогея. Такихъ бессмысленныхъ и нелѣпныхъ способовъ и формулъ леченія болѣзней нельзя встрѣтить ни въ какомъ другомъ подобномъ сочиненіи. Представляемъ здѣсь нѣсколько обращиковъ, могущихъ служить лучшей иллюстраціей глубокаго упадка медицины вообще у тогдашнихъ западно-европейскихъ врачей.

Прежде всего замѣтимъ, что многія средства рекомендуются на томъ основаніи, что ихъ употребляла *Diva Augusta*, *Diva Livia*. Для предупрежденія слезотеченія изъ глазъ—высматривать падающую звѣзду и отъ момента возникновенія до исчезновенія ея считать какъ можно быстрѣе, и глазъ будетъ предохраненъ отъ слезотеченія столько лѣтъ, сколько разъ было сосчитано. Противъ *Lippitudo*—вырвать съ корнемъ *Millefolium*, согнуть въ кругъ и смотрѣть черезъ него, приговаривая трижды: „*excisum asriosos*“, затѣмъ трижды плюнуть и опять засадить растеніе, если продолжается ростъ, то *Lippitudo* никогда не вернется. Если въ глазъ попадаетъ инородное тѣло, то, сдѣлавъ такой кругъ изъ *Artemisia*, прикасаться къ страждущему глазу, приговаривая 3 раза и послѣ каждаго раза отплевываясь: „*Os gorgonis basio*“. Если послѣднюю фразу проговорить трижды девять разъ, то этимъ способомъ можно удалить инородное тѣло изъ глотки. Для устраненія ячменя, или язвы на вѣкѣ взять 9 ячменныхъ зеренъ, прикоснуться острыми къ язвѣ, приговаривая: *φεῦγε, φεῦγε, χρίθῃ σε δίαχρη*; или: при ячменѣ на правомъ глазѣ дотронуться до него 3 пальцами лѣвой руки и, сплюнувъ, проговорить трижды: *Nec mula parit, nec lapis lanam fert, nec huic morbo caput crescat, aut si creverit, tabescat* („Мула не родитъ, камень не производитъ шерсти, точно также да не выростетъ голова на этой болѣзни, или если выростетъ, да высохнетъ“¹⁾). При кровотеченіяхъ произносить *carmen*: „*Sicy cuma, susuma, usuma, cuma, uma, ma*“ (тоже своего рода *абракадабра*); при кровотеченіяхъ изъ матки: „*Stupidus in monte ibat, stupidus stupuit. Adiuro te, matrix, ne hoc iracundia suscipias*“; противъ зубной боли: „*Argidam, margidam, sturgidam*“; противъ головной боли помогаетъ мохъ, выросшій на головѣ какой-нибудь статуи. При опухоли языка прикладывать виноградную ягоду, приговаривая 3 раза: „*uva uvam emendat*“, или „*crisi, crasi, concrasi*“, или написать на бумагѣ для завязыванія кругомъ шеи слѣдующій *carmen*: „*formica sanguinem non habet, nec fel: fuga uva, ne cancer te comedat*“. При лишаѣ на пальцѣ дотронуться до стѣны, проговоривъ трижды слѣдующій *carmen*: „*pu, pu, pu, numquam te videam, per parietem gerere*“; при коликахъ трижды проговорить: *Stulpus a coelo cecidit: hunc morbum pastores invenerunt, sine manibus collegunt, sine igne coherunt, sine dentibus comederunt*. Кромѣ того *Marcellus* рекомендуетъ готовить извѣстные лекарства только по четвергамъ, принимать ихъ, обращаясь на востокъ, соблюдать пѣломудріе и чистоту сердца, молиться на новый годъ, произносить: *in nomine Dei Jacobi, in nomine dei Sabbaot*“ и т. п.²⁾

Rhamnus spinae Christi считается *Ма р д е л л о мъ* испытаннымъ магическимъ средствомъ, такъ какъ этими терніями былъ увѣнчанъ *Иисусъ Христосъ*³⁾. Очевидно *Магcellus* въ этомъ отношеніи былъ ревностнымъ подражателемъ восточнаго и христіанскаго *экзорцизма*, о которомъ рѣчь была выше.

¹⁾ Ср. *Sprengel*, II, 242.

²⁾ *Marcellus, De medicamentis* ed. Steph. pp. 267—402. Ср. *Haeser*, I, 626. *Sprengel*, II, 242, 243.

³⁾ Тамъ же, 244.

Медицина восточной римской империи (310—1300 по Р. X.).

Въ то время, какъ на западѣ медицина, какъ мы видѣли, быстрыми шагами близилась къ упадку, вслѣдствіе ея сліянія съ мистической и магической медициной, на востокѣ римской имперіи въ медицинскихъ школахъ все еще продолжала тлѣть искра догматизма въ соединеніи съ началами методической и эмпирической школъ, другими словами—эклектизма, и эту догматически-эмпирическую форму греческая медицина сохранила почти 1000 лѣтъ сряду. Сквозь весь этотъ длинный періодъ красною нитью проходитъ, собственно говоря, только *галенизмъ*, ибо въ школахъ за все это время преподавались только начала Галена и подъ конецъ они черпались не прямо изъ источника, а изъ разныхъ компиляцій, такъ что и здѣсь, какъ и на западѣ, одни за другими стали появляться все новые и новые *сборники рецептовъ* безъ малѣйшихъ признаковъ движенія медицины впередъ. Начало этого періода совпадаетъ съ царствованіемъ Константина и перенесеніемъ столицы римской имперіи въ Византію въ 330 г., около каковаго времени жилъ и относящійся сюда врачъ,

Зенонъ изъ Кипра, знаменитый іатрософистъ или профессоръ медицины (титулъ, довольно часто попадающійся въ ту пору), прогнанный изъ Александріи грегорианцами, но впоследствии снова призванный сюда съ большимъ почетомъ императоромъ Юліаномъ въ качествѣ преподавателя. Интересно, что короткое царствованіе этого императора, несмотря на его отступничество и озлобленіе противъ христіанства и духа времени, было тѣмъ не менѣе весьма благоприятно для процвѣтанія наукъ. Высоко образованный и отъ природы богато одаренный Юліанъ, въ недоумѣніи передъ нарождающимся новымъ міромъ идей и неизвѣстнымъ его будущимъ, счелъ своимъ долгомъ стать грудью за выработанную культуру, за добытые языческой цивилизаціей результаты и за установившіяся науки. Между послѣдними онъ высоко ставилъ медицину, какъ достойную уваженія часть древне-греческой образованности, и потому всѣми мѣрами старался поддерживать стремленіе къ наукамъ, въ томъ числѣ и къ изученію медицины, въ главномъ мѣстопребываніи тогдашней учености—Александріи, откуда вся уцѣлѣвшая тогда научная дѣятельность получала санкцію и направленіе. Ниже, при изложеніи Орибазія, для насъ еще яснѣе станетъ роль Юліана въ дѣлѣ сохраненія многовѣковаго медицинскаго наслѣдія и преданія. Что касается Зенона, то хотя отъ него не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ, но, насколько можно судить о немъ по духовному наслѣдію, перешедшему къ его ученикамъ, онъ по всему видимому представлялъ счастливое сочетаніе обширнаго знанія съ яснымъ умомъ, сумѣвшимъ отстаивать себя противъ перипатетическихъ

взглядовъ, получившихъ тогда широкое распространение ¹⁾. Онъ привлекъ въ Александрію множество молодыхъ людей, изучавшихъ и обрабатывавшихъ подъ его руководствомъ медицину. Между его учениками въ особенности извѣстны *Jonicus*, *Magnus* и *Oribasius*.

Jonicus изъ Сардеса (360 по Р. X.) пользовался большимъ почетомъ между современными учеными врачами, считавшими его учение и его образъ дѣйствій воплощеніемъ древней медицины. Онъ былъ преимущественно анатомомъ, фармакологомъ и хирургомъ, избѣгавшимъ однако, какъ и всѣ его современники, кровавыхъ операций, и кромѣ того обладалъ обширнымъ философскимъ образованіемъ и не былъ чуждъ даже краснорѣчія и поэзіи. Умеръ онъ нѣсколько лѣтъ до смерти *Oribasія* ²⁾.

Magnus изъ Антиохіи, также профессоръ медицины (іатрософистъ) въ Александріи, подвизался болѣе какъ тонкій перипатетическій діалектикъ и полемистъ, нежели какъ практической преподаватель медицины, и хотя его аудиторія всегда была полна слушателями, но врачами онъ мало былъ любимъ, такъ какъ постоянно высказывался скептически объ ихъ дѣятельности и выражалъ недвусмысленное сомнѣніе „въ томъ, чтобы она могла способствовать выздоровленію какихъ-бы то ни было больныхъ“. Затерянное семіотическое сочиненіе его о мочѣ долго еще читалось въ позднѣйшіе вѣка ³⁾.

Oribasius (325—403 по Р. X.), послѣ *Галена*—самый важнѣйшій изъ медицинскихъ авторовъ этой эпохи, согласно его біографу и другу *Eunapius*'у, родомъ также изъ Пергама въ Мизіи, происходилъ изъ хорошаго семейства и изучилъ медицину у *Зенона* изъ Кипра, вышеупомянутаго александрійскаго врача. Онъ былъ лейбъ-медикомъ и другомъ императора *Юліана*, съ которымъ отправился въ Галлію въ 355 г. и по предложенію коего въ 361 г. приступилъ къ составленію обширнаго медицинскаго сборника, посвященнаго имъ императору. Онъ сопровождалъ *Юліана* и въ походѣ противъ персовъ, во время коего послѣдній погибъ въ 363 г. Послѣ смерти *Юліана* произошла перемѣна и въ участи *Oribasія*, раздѣлявшаго его взгляды въ дѣлѣ преслѣдованія христіанъ и потому изгнаннаго его преемниками *Валентіемъ* и *Валентиніаномъ*, принявшими

¹⁾ *Eunapius Sardinianus*, *De vitis philosophorum et sophistarum*. Colon. Allobrog. 1616. Ср. *Hecker*, II, p. 49, 50.

²⁾ Тамъ же, 51.

³⁾ *Theophilus De urina*. Praef. interpr. Alban. Torin. Basil. 1533. Ср. *Hecker*, II, 51.

христианство, причемъ онъ бѣжалъ къ готамъ. Впослѣдствіи однако онъ былъ возвращенъ изъ изгнанія и, женившись на богатой женщинѣ, отъ которой имѣлъ дѣтей, предался медицинской практикѣ. Умеръ около 400 г. ¹⁾.

Орибазій оставилъ слѣдующія сочиненія:

- 1) Συναγωγή ἰατρικαί, Collecta medicinalia.
- 2) Σύνοψις, Synopsis ad Eustathium.
- 3) Εὐπόριστα, Euporista ad Eunarium.
- 4) Commentaria in Aphorismos Hippocratis.

Кромѣ того нѣкоторымъ ему ошибочно приписываются: De victus ratione per quod libet anni tempus (въ Collect. Albani Torini 1528) и Ἀνορθμὸς εἰσαγωγῆ ἀνατομικῆ (ed. Laugemburg, Hamb. 1616 и Bernard, Lugd. Batav., 1744).

Изъ этихъ сочиненій главнѣйшее—составленный имъ Сборникъ; носящій названіе: Α) Ἰατρικαί Συναγωγαί (Collectanea medicinalia) въ 70 книгахъ, родъ энциклопедіи медицинскихъ наукъ, обнимающей въ систематическомъ порядкѣ всѣ медицинскія познанія того времени. Самая главная заслуга этой энциклопедіи та, что въ составъ ея вошли исключительно буквальныя, дословныя извлечения изъ текстовъ Галена и другихъ знаменитѣйшихъ врачей и хирурговъ. Къ сожалѣнію, больше половины, почти $\frac{2}{3}$ этого сочиненія погибло,—потеря тѣмъ болѣе прискорбная, что недостающія книги этого сочиненія, которое должно было бросить столь яркій свѣтъ на исторію древней медицины, содержали именно самыя интересныя и обширныя отдѣлы хирургіи и медицины.

Изданіи: Bart. Rasarius, Venet., ap. Paul et Manutium, Aldina (годъ не обозначенъ, во всякомъ случаѣ до 1555), подъ заглавіемъ: Oribasii Sardiiani collectorum medicinalium libri XVII [1—15, 24 и 25 книги], qui ex magno septuaginta librorum volumine ad nostram aetatem soli pervenerunt, I. B. Rosario medico Novariensi interprete. Долгое время Сборникъ Орибазія былъ извѣстенъ только по этому крайне неполному, хотя превосходному латинскому переводу.

Augustin. Riccius (кн. 1 и нач. 5), Rom. 1543.

Paris, 1555, ex officina Aldina ap. B. Turrisanum.

Collectaneorum artis medicae liber, quo totius corporis humani sectio explicatur ex Galeni commentariis, Paris 1556, ap. Morelium (только 24 и 25 книги), на греческомъ,—извлечение изъ анатоміи Галена, хотя сжатое, но весьма обстоятельное.

Oribasii anatomica ex libris Galeni cum versione latina I. B. Rasarii Lugd. Bat. 1735, ed. Dundass, ap. Langerak.

Matthaei, Moscoviae, 1808, носятъ названіе: XXI veterum et clarorum medicorum graecorum varia opuscula primo nunc impensis fratrum Zosimadarum ex Oribasii codice Mosquasi graece edid. et Mosquae 1808, ed. Ch. T. de Matthaei litteris Cesareae universitatis. Это изданіе Mattei, равно какъ и рукопись Орибазія, которой онъ пользовался, погибли во время пожара въ Москвѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ, изъ коихъ въ іенской и бреславльской бібліотекахъ имѣется по одному. Это изданіе весьма рѣдкое и обнимаетъ только первыя 15 книгъ Συναγωγαί, причемъ здѣсь выпущены главы, извлеченныя изъ Галена, Dioscorida и Rufus'a, а помѣщены только извлечения изъ другихъ греческихъ авторовъ. Текстъ крайне небрежный.

¹⁾ Тамъ же, 52—55; по Corlieu (Les médecins grecs, Paris, 1885, p. 112) † въ 395 г.

Изъ сказаннаго видно, что

1) книги 1—15 впервые появились въ латинскомъ переводѣ изд. *Rasarius'a* вмѣстѣ съ книгами 24 и 25, которыя на греческомъ напечатаны впервые въ Парижѣ въ 1556 г. и затѣмъ перепечатаны въ 1735 г. въ Лейденѣ *Dundass'омъ*. Къ этому необходимо еще прибавить что,

2) книги 46 и 47 (*De fracturis et luxatis*) изданы *Cossi, Florentia*, въ 1754 г.

3) Кардиналь *Angelo Mai*, слѣдовавшій исключительно системѣ *Mattei*, только не по отношенію къ *Rufus'u*, помѣстилъ на греч. языкѣ въ *Classicis auctoriis IV, Rom.* 1831, книги 44 (*de abscessibus*), 45 (*de tumoribus*), 48 (*de laqueis*), 49 (*de machinamentis*) и нѣсколько отрывковъ изъ 50 и 51 книгъ (*De pudendorum morbis*). Наконецъ

4) *Vido Vidius* въ своей *Chirurgia, Paris, 1544* издалъ въ латинскомъ переводѣ первую половину 48, извлеченную изъ *Heraclides'a*, и 49 книги¹⁾, а *Chartier (Charterius)* въ своемъ изд. *Гипократа и Галена*—вторую половину 48 книги, извлеченную изъ *Heliodorus'a*.

Всѣ эти разрозненныя изданія, за исключеніемъ послѣдняго (№ 4), крайне недостаточны, въ особенности *Mattei* и *Mai*, именно вслѣдствіе пропусковъ извлеченій изъ Галена и *Диоскорида*.

Изъ *Συναγωγαι* самъ *Орибазій* составилъ и посвятилъ своему сыну *Eustathius'u* краткій компендіи подѣ заглавіемъ:

В) *Σύνοψις πρὸς Εὐστάθιον* въ 9 книгахъ.

Изданіи: только въ латинскомъ переводѣ и впервые—*Rasarius, Venet. 1554* подѣ заглавіемъ:

Oribasii Synopseos ad Eustathium filium libri IX, quibus tota medicina in compendium redacta continetur, Rasario interprete. Venet. ap. Ald. 1554.

Paris, 1554, ap. Audoenum parvum.

Наконецъ въ латинскомъ же переводѣ существуетъ еще извлечение изъ 4 книгъ *Synagogai* для непосвященныхъ, подѣ названіемъ:

С) *Εὐπόριστα (de parabilibus remediis)*, посвященное *Орибазіемъ* своему другу *Eunapius'u*.

Изданіи: *Basil. 1529, ed. Sichard. ap. Petri.*

Venet. 1558: Oribasii ed. Eunapium libri IV, quibus facile parabilia medicamenta facultates simplicium, morborum et locorum affectorum curationes continentur, ed. Rasarius, ex officina Erasimiani Vincentii Valgrisi.

Полныя изданія: 1) самое старинное: *Oribasii Sardiani opera, quod exstant omnia, tribus tomis digesta, I. B. Rassario interprete. Basil. 1557 ap. Isingrinium.*

Новѣйшее: *Oeuvres d'Oribase, par Bussemaker et Daremberg, Paris, 1861--67* въ 6 томахъ, греч. текстъ (по вновь открытымъ рукописямъ) съ франц. переводомъ. Ср. тамъ же, *Plan de la collection des médecins grecs et latins, XXXIII—XXXVII.*

Д) *Commentaria in Aphorismos Hippocratis.*

Изданіи: *Oribasii Commentaria in aphorismos Hippocratis hactenus non visa ed. Guinter Andernaе, ap. Simon. Colinaeum, Paris. 1533.*

¹⁾ Такъ выходитъ по *Bussemaker et Daremberg'u*; но по *Choulant, Bücherkunde p. 124*, здѣсь помѣщены еще 43 и 45 книгъ, что очевидно у него описка.

Venet. 1558 ap. Antonid. de Nicolinis.

Basil. 1535 ex officina Andr. Cratandri.

Patau. 1658, typis Matthaei Cadorini и наконецъ въ Opera omnia, Basil. 1557, ap. Isingrinium¹⁾.

Пояснительнымъ сочиненіемъ: Gruner, Program. inest Oribasii medicinal. collectorum I. I et II. et fragmentum aliud e Codice Mosquensi nunc primum gr. et lat. Jen. 1782.

Нескер, Oribasius, der Leibarzt Julianus, въ его Annalen der gesammten Heilkunde. Berlin, 1825. I B. 1 Heft.

Въ предисловіи къ Synagoge находимъ обстоятельное изложеніе плана всего сочиненія:

„Самодержецъ Юліанъ! Согласно выраженному Тобой во время нашего пребыванія въ Западной Галліи желанію, я закончилъ краткій сборникъ, заказанный мнѣ Твоимъ Божественнымъ Величествомъ (Θεϊότης) и извлеченный только изъ сочиненій Галена. Удостойвъ его похвалы, Ты повелѣлъ мнѣ взяться за другой трудъ—отыскать и собрать во едино все наиболѣе важное въ сочиненіяхъ лучшихъ врачей и все, способствующее достиженію цѣлей медицины. Я охотно взялся за выполнение этого труда по мѣрѣ своихъ силъ, будучи увѣренъ, что такой сборникъ будетъ весьма полезенъ, ибо читатели могутъ здѣсь скоро найти необходимое для больныхъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Считаю бесполезнымъ и совершенно лишнимъ повторять одно и тоже, почерпая одинаково у лучшихъ писателей, и только изъ матеріаловъ, доставленныхъ давно уже Галеномъ, я ничего не пропущу въ томъ соображеніи, что этотъ авторъ далеко превосходитъ остальныхъ, писавшихъ о томъ же предметѣ, какъ отиѣнностью своихъ методовъ, такъ и своими опредѣленіями, ибо онъ всегда и вездѣ слѣдуетъ началамъ и взглядамъ гиппократическимъ. Здѣсь буду держаться слѣдующаго порядка: сначала соберу все, касающееся предмета гигиены и леченія, затѣмъ все, сказанное о природѣ и строеніи челоуѣка, далѣе, все, относящееся къ сохраненію здоровья и восстановленію силъ у больныхъ, потомъ все, имѣющее отношеніе къ ученію о діагностикѣ и прогностикѣ, наконецъ буду говорить о леченіи болѣзней, ихъ симптомахъ, словомъ обо всемъ, несогласномъ съ природой. Начну со свойствъ пищевыхъ веществъ“²⁾.

Четыре первыя книги посвящены пищевымъ веществамъ, способу ихъ дѣйствія и приготовленію; кн. V—напиткамъ, VI—упражненіямъ: въ началѣ рѣчь идетъ о покоѣ, снѣ и бодрствованіи, декламации, а затѣмъ подробно разбираются всѣ виды упражненій, массажа, прогулокъ, гимнастики и проч. и притомъ по различнымъ авторамъ, начиная отъ Гипократа и кончая Галеномъ. Кн. VII и VIII посвящены кровоизвлеченіямъ и опорожненіямъ, кн. IX трактуетъ о вліяніи воздуха, мѣстности, наружныхъ медикаментовъ, кн. X—о ваннахъ и мѣстномъ леченіи, кн. XI, XII, XIII—ничто иное, какъ воспроизведеніе *Materiae medicae* Діоскорида, только систематическій порядокъ Орибазіи замѣнилъ здѣсь алфавитнымъ. Книги XIV, XV, XVI занимаются простыми и сложными медикаментами, книги

¹⁾ Cp. Choulant, Bücherkunde, 122—125 и изд. Bussemaker et Dagerberg's, Plan de la Collection, XXXIII и слѣд.

²⁾ *Oeuvres D'Oribase*, par Bussemaker et Dagerberg, Paris, 1861, I, p.1—3.

XVII—XX погибли. Въ кн. XXI, XXII рѣчь идетъ о сѣланхнологіи и вообще объ анатоміи. Слѣдующія книги опять таки затеряны вплоть до XLIV, занимающейся практической хирургіей и рассматривающей между прочимъ приливный діатезъ, воспаленія, изсѣченіе реберъ (с. 11), свищи, гангрену, рожу, нарывы вообще и въ частности нарывы печени, селезенки, брюшины, задняго прохода и другихъ частей. Здѣсь находимъ подробное указаніе на хирургическое леченіе фистуль, на бронзовую трубку (с. 15), посредствомъ которой въ свищевые ходы вводились разныя мази, и обстоятельное, подробное изложеніе правилъ для леченія различныхъ нарывовъ припарками, разрѣзами, мазями и т. д. ¹⁾ Книга XLV (которою начинается t. IV) излагаетъ ученіе объ опухоляхъ, какъ-то, о кистахъ (по Галену), стеатомахъ, torhus (περὶ κόρου), склеромѣ, ганглии (по Rufus'у и Геліодору), astochordon и ракахъ, thymus (гранулирующей язвѣ на половыхъ частяхъ), о контрактурѣ, золотушныхъ страданіяхъ, Varices, Emphysema (мышцъ), аневризмѣ (по Антилле), Elephantiasis и отложеніяхъ. Книги XLVI—XLIX занимаются переломами, вывихами, повязками и машинами ²⁾. Интересно, что постановленіемъ парижской Faculté de médecine отъ 11 іюля 1607 г. предписывается преподавать студентамъ именно эти книги Орибазія о повязкахъ и машинахъ ³⁾. Въ кн. L рассматриваются короткое праерутіумъ, hyospradiasis, мочевои свищъ, rhimosiis, срашеніе праерутіи съ головкой, обрѣзаніе, разращенія и расщепленія на половыхъ частяхъ, стриктуры, инфибуляція, грыжи; въ кн. LI—язвы вообще (t. IV, 459—525).

Въ предисловіи ко второму своему сочиненію, *Synopsis*, Орибазій говоритъ, что оно можетъ служить полезнымъ пособіемъ для врачей, чтобы легко ориентироваться и находить то, что имъ нужно сдѣлать въ каждомъ данномъ случаѣ:

„Читая сжатое изложеніе, они припомятъ все, относящееся къ каждому отдѣльному понятію, и будутъ пользоваться выгодой—обладать достаточными данными обо всемъ необходимомъ, не обременяя себя слишкомъ тяжелой работой. Я приведу лишь тѣ способы леченія, которые наиболѣе употребительны и легко доступны, т. е. тѣ, которые обыкновенно удаются при помощи медикаментовъ и режима, но я не буду говорить о хирургіи, такъ какъ она трудно выполнима (sic!), особенно во время путешествія“ ⁴⁾.

Въ этомъ сочиненіи находимъ быть можетъ первое обстоятельное описаніе ликантроніи, рассматриваемой какъ видъ меланхоліи ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ-же, t. III, 531—675.

²⁾ Тамъ-же, t. IV, pp. 1—101 и 102—458.

³⁾ Ср. Corlieu, Les médecins grecs depuis la mort de Galien etc., Paris, 1886, p. 114.

⁴⁾ Prooemium Орибазія къ *Synopsis*, ed. Daremb., t. V, p. 2.

⁵⁾ Тамъ-же l. VIII, с. 10, t. V, p. 414.

Третье сочинение Орибазия, *Περὶ Εὐπαρίου* (О легко приготовляемых средствах), посвященное *Euparius*'у из *Sardes*, есть родъ лечебника для непосвященныхъ съ указаніемъ, какъ подавать помощь больнымъ вдали отъ населенныхъ центровъ, до прибытія врача. Здѣсь онъ излагаетъ гигиеническія правила, которымъ необходимо слѣдовать въ обыкновенныхъ болѣзняхъ, главные ихъ симптомы и лечение.

По отношенію къ *отдѣльнымъ отраслямъ* медицины, насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ книгамъ *Сборника* Орибазія, наиболѣе обработанными представляются анатомія и гигиена и гораздо менѣе остальные области медицины.

Анатомія, какъ легко убѣдиться изъ вышесказаннаго, не была предметомъ самостоятельныхъ изслѣдованій Орибазія, хотя, по его собственному завѣренію, онъ неоднократно вскрывалъ обезьянъ¹⁾. Всѣ его заслуги въ этой области сводятся лишь къ собранію въ одно цѣлое анатомическихъ данныхъ Галена, Руфа и Сорана младшаго²⁾, примѣнительно къ потребностямъ учащихся и практическихъ врачей. Здѣсь, впрочемъ, въ книгѣ XXIV находимъ первое описаніе слюнныхъ железъ:

„По обѣ стороны связки (*δεσμός*, т. е. *frenulum*) вы найдете отверстія сосудовъ, носящихъ названіе слюнныхъ (*σπυλοῦν*), въ которыя можно ввести пугачатый на обѣихъ концахъ зондъ. Эти сосуды берутъ начало у корня языка, тамъ, гдѣ помѣщаются железы (*οἱ ἀένες*) этого органа, отъ конхъ и идутъ эти сосуды [протоки], по виду похожие на артеріи. Черезъ эти сосуды держитъ путь слизистая жидкость (*φλεγματώδες ὑγρόν*, т. е. слюна), увлажняющая самый языкъ, а также боковыя, нижнія и вообще окружающія части³⁾.

Въ области *физиологій* находимъ у Орибазія вкратцѣ воспроизведенныя болѣею частью по Галену главы о температурахъ⁴⁾, о естественныхъ силахъ и отравленіяхъ (*Περὶ φυσικῶν δυνάμεων καὶ ἐνεργείων*)⁵⁾, о сѣмени, беременности, развитіи зародыша и половыхъ сношеніяхъ⁶⁾, о формѣ головы въ связи со строеніемъ мозга, о признакахъ темперамента глазъ, мозга и другихъ частей, какъ нормальныхъ (*κράσεως*), такъ и ненормальныхъ (*δυσκрасίων*), о страхѣ, гнѣвѣ, тоскѣ, способностяхъ души⁷⁾, о движеніяхъ легкихъ и грудной кѣтки, причинѣ дыханія, образованіи го-

¹⁾ *Oribasii Collect. med. l. VII c. 5* (въ изд. *Daremb.*, t. II, p. 34, 35).

²⁾ Тамъ-же, II. XXIV и XXV (Въ изд. *Daremb.* t. III, 273—530) и отдѣльное: *Rasarius, Oribasii anatomica, cum versione latina, Lugd. Bat. 1735.*

³⁾ *Oribasii Collect. med.*, l. XXIV, c. 8 (ed. *Daremb.*, t. III, p. 310).

⁴⁾ *Oribasii Collect. med.*, l. XXI ed. *Daremb.* t. III, pp. 1—23.

⁵⁾ Тамъ-же, l. XXII, c. 1, pp. 26—40.

⁶⁾ Тамъ-же, cc. 2—9, pp. 40—79 и *Liv. incert.* cc. 6—10, pp. 98—114.

⁷⁾ Тамъ-же, *Liv. incert.* cc. 26—41, pp. 195—218.

лоса, мышечныхъ движеніяхъ ¹⁾. Всѣ эти главы по своей краткости и неполнотѣ даютъ лишь весьма слабое понятіе объ относящихся сюда предметахъ.

Гораздо важнѣе заслуги Орибазія въ разныхъ областяхъ *практической медицины*. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ его

Гигіена и діететика. Основой какъ для физическаго воспитанія дѣтей, такъ и для сохраненія здоровья всѣхъ возрастовъ и при всякомъ состояніи тѣла, служить у него слѣдующее общее правило:

Продвѣтанію тѣла весьма много способствуетъ спокойствіе души“ (*ἡ δὲ ἀνεκὶ τῶν ψυχῶν εἰς εὐτροφίαν σώματος μεγάλα συμβάλλεται*) ²⁾.

Выше мы видѣли, что во главѣ его объемистаго *Сборника* имъ поставлена подробно изложенная діететика, обнимающая всѣ роды пищевыхъ веществъ ³⁾. Такую-же тщательной обработкой отличаются главы о питьевой водѣ ⁴⁾, натираніяхъ ⁵⁾, винѣ и другихъ напиткахъ ⁶⁾, гимнастикѣ ⁷⁾, купаньяхъ ⁸⁾, причемъ вездѣ просвѣчиваютъ здравыя сужденія о вліяніи внѣшнихъ дѣятелей, какъ видно изъ замѣчаній о свойствахъ мѣстности и вліяніи почвы на образъ жизни ея обитателей,—замѣчаній, заимствованныхъ имъ у Сабина ⁹⁾. Весьма интересны извлеченія изъ Антилла, Галена, Агатины и Геродота объ искусственныхъ ваннахъ, горчичхъ, песчаныхъ, масляныхъ и морскихъ ваннахъ ¹⁰⁾, а также о Psilothrum Менемаха—вредномъ составѣ изъ ѣдкой извести и мышьяка, прибавлявшемся къ ваннамъ съ цѣлью разрушенія волосъ (epilatorium) ¹¹⁾.

Не мало мѣста Орибазій отводитъ гигиенѣ молодыхъ дѣвицъ, беременныхъ женщинъ и въ особенности кормленію дѣтей, причемъ не упускаетъ изъ виду выбора кормилицы, образа жизни, который она должна вести, изслѣдованія молока и проч., а также много говоритъ о воспитаніи дѣтей до 14-лѣтняго возраста и послѣ него, и наконецъ останавливается на подробномъ разборѣ здороваго образа жизни для разныхъ возрастовъ и

¹⁾ Тамъ-же, сс. 42—45, p. 219—272.

²⁾ Oribasii Synopsis, l. V, c. 14 (ed. Daremb. t. V, p. 208).

³⁾ Oribasii Collect. med. ll I—IV, ed. Daremb. t. I, 1—305.

⁴⁾ Тамъ-же, l. V, сс. 1—5, 306—338.

⁵⁾ Тамъ-же, l. VI, сс. 13, 16—20, pp. 470—472, 482—503.

⁶⁾ Тамъ-же, l. V, сс. 6—33, pp. 338—435.

⁷⁾ Тамъ-же, l. VI, сс. 14, 15, pp. 473—482.

⁸⁾ Тамъ-же, l. X, c. 1 и слѣд., t. II. 369 и слѣд.

⁹⁾ Тамъ-же, l. IX, c. 15, 310 и слѣд.

¹⁰⁾ Тамъ-же, l. X, сс. 1—8, 38, 39, ed. Dar., t. II, pp. 369—407, 466—468

¹¹⁾ Тамъ-же, l. X, c. 14, ed. Daremb., t. II, p. 417 и Euporista l. IV, c. 7, ed. Dar., t. V, p. 700, t. VI, p. 533, 534.

временъ года, приче́мъ находимъ здѣсь замѣчанія объ афтахъ, а равно о разныхъ сыпяхъ у дѣтей ¹⁾, съ леченіемъ коихъ, по его мнѣнію, не слѣдуетъ спѣшить, такъ какъ быстрое ихъ исчезновеніе можетъ подавать поводъ къ серьезнымъ заболѣваніямъ внутреннихъ органовъ ²⁾. Словомъ Орибазій разсматриваетъ здѣсь дѣтскую гигиену и діететику, начиная отъ рожденія вплоть до зрѣлости, приче́мъ дѣлаетъ позаимствованія у Галена, Атеней, Мнеситея изъ Аѳинъ, Rufus'a, Диоклеса.

Какъ образчикъ гигиены Орибазія приведемъ здѣсь извлеченіе его изъ Атеней о режимѣ дѣтей различнаго возраста:

„Маленькимъ дѣтямъ, только что отлученнымъ отъ груди, необходимо предоставлять играть на свободѣ и жить въ свое удовольствіе; ихъ надо приучать къ душевному покою и къ упражненіямъ, сопровождаемымъ маленькими шалостями и невинными обманами. Пищу имъ необходимо давать весьма легкую и въ умѣренномъ количествѣ, ибо тѣ, которые по случаю отлученія отъ груди пичкаютъ ихъ разнаго рода кушаньями и даютъ имъ слишкомъ питательныя, только портятъ ихъ питаніе и задерживаютъ ихъ ростъ черезъ разслабленіе ихъ природы (διὰ τὴν τῆς φύσεως ἀσθένειαν). Многія изъ этихъ дѣтей поражаются изъязвленіями и воспаленіями кишекъ, выпаденіемъ задняго прохода и другими тяжкими болѣзнями вслѣдствіе часто повторяющихся несвареній и испраженій на низъ (διὰ τὰς συζηεῖς ἀπεψίας καὶ τὰς καταφορὰς τῆς κοιλίας). Съ 6-ти или 7-лѣтняго возраста мальчиковъ и дѣвочекъ слѣдуетъ поручать кроткимъ и человѣчнымъ (φιλανθρώποις) учителямъ, ибо тѣ, которые привлекаютъ къ себѣ дѣтей, какъ средство обученія употребляютъ увѣщанія и поощренія и часто ихъ хвалятъ, достигаютъ лучшихъ успѣховъ и въ большей мѣрѣ вызываютъ въ нихъ рвеніе; такой способъ обученія забавляетъ дѣтей и доставляетъ имъ чувство удовольствія, душевная же свобода и радость (ἡ ἄνεσις καὶ χαρὰ τῆς ψυχῆς) много способствуютъ хорошему питанію. Тѣ же напротивъ, которые настаиваютъ на обученіи, прибѣгаютъ къ суровымъ мѣрамъ и упрекамъ, развиваютъ въ дѣтяхъ рабскій и трусливый характеръ и вселяютъ въ нихъ отвращеніе къ предмету ихъ обученія, ибо заставляютъ ихъ учиться подъ колотушками и призывать на помощь свою память какъ разъ во время побоевъ, когда они теряютъ присутствіе духа. Нѣтъ надобности втеченіе цѣлаго дня мучить ученіемъ только что начинающихъ дѣтей, наоборотъ большую часть дня слѣдуетъ посвящать играмъ. И въ самомъ дѣлѣ, даже у людей болѣе крѣпкихъ, достигшихъ уже своего полного развитія, мы видимъ истощеніе тѣла, если они съ жаромъ и безъ перерыва предаются культивированію наукъ. Дѣти, достигшіе 12-лѣтняго возраста, должны уже посѣщать грамматиковъ и геометровъ и предаваться тѣлеснымъ упражненіямъ, но необходимо, чтобы они имѣли разумныхъ, не совсѣмъ лишенныхъ опытности наставниковъ и надзирателей, дабы они знали мѣру и время, удобныя для приѣма пищи, для упражненій, ваннъ, для сна и другихъ подробностей режима: большинство довольно дорого платитъ за своихъ конюховъ и выбираютъ для этой цѣли людей старательныхъ и испытанныхъ, между тѣмъ въ наставники своимъ дѣтямъ берутъ лицъ неопытныхъ, ставшихъ уже бесполезными и не могущихъ болѣе оказывать ни одной изъ обычныхъ въ жизни услугъ. Съ 14-лѣтняго возраста до истеченія третьей седь-

¹⁾ Oribasii Coll. med., Liv. incert. cc. 2—25, ed. Dar., t. III, 82—194.

²⁾ Тамъ-же, Liv. incert. c. 24 (ed. Daremb. t. III, 189).

мици [лѣтъ] необходимо серьезнѣе заняться усвоеніемъ себѣ наукъ [собственно математики, μαθημάτων], слушать философскія лекціи (φιλοσόφων λόγων κατήχησις), запоминать ихъ и запоминаемое повторять съ напряженнымъ вниманіемъ. Съ 14 лѣтъ всѣмъ полезно или скорѣе необходимо изъ преподаваемыхъ предметовъ усваивать не только остальные науки, но даже медицину, стараясь слушать преподаваніе правилъ этого искусства, дабы мы могли сдѣлаться хорошими совѣтниками себѣ самимъ въ отношеніи вещей, полезныхъ для здоровья. Ибо нѣтъ почти ни одного мгновенія втеченіе ночи или дня, гдѣ бы мы не ощущали потребности въ медицинѣ: что бы мы ни дѣлали, гуляемъ ли мы, сидимъ, дѣлаемъ натиранія, беремъ ли ванну, ѣдимъ, пьемъ, спимъ или бодрствуемъ, втеченіе всей нашей жизни и посреди различныхъ относящихся сюда занятій мы нуждаемся въ совѣтахъ, какъ пользоваться этой жизнью съ выгодой и безъ неудобствъ, обращаться же каждый разъ къ врачу за всякой мелочью—и утомительно, и невозможно. Вотъ какъ слѣдуетъ направлять касающіяся души обстоятельства у молодыхъ людей этого возраста. Что касается тѣлесныхъ упражненій, то, принимая во вниманіе окрѣпшій организмъ, начало выработки сѣмени въ этомъ возрастѣ и пылкія страсти, возбуждающія молодыхъ людей къ половымъ сношеніямъ, то эти тѣлесныя упражненія должны быть многочисленнѣе, дабы, уставъ душой и тѣломъ, она съ самаго начала научалась подавлять свои вождельнія, ибо ничто такъ не останавливаетъ развитія души и тѣла, какъ преждевременное и чрезмерное злоупотребленіе половыми сношеніями. Необходимо также не допускать употребленія вина въ этомъ возрастѣ, такъ какъ оно ведетъ къ разстройству. Вообще не слѣдуетъ пренебрегать упражненіемъ ни одной изъ частей тѣла и души, а одинаково упражнять ихъ всѣ, дабы мы могли достигнуть старости въ цѣльномъ, ненарушенномъ видѣ. Зрѣлому возрасту подобаеъ полный режимъ тѣла и духа; здѣсь поэтому необходимо прибѣгать ко всѣмъ возможнымъ упражненіямъ, преимущественно же къ тѣмъ, которыя соотвѣтствуютъ привычкамъ каждаго порознь, пищу употреблять въ достаточномъ количествѣ, подавлять страсти, такъ чтобы вождельнія не превышали силъ. И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторое время крѣпкій организмъ еще въ состояніи оказывать сопротивленіе разстройству, но болѣе серьезныя погрѣшности, превшающія силы, подрываютъ наконецъ даже наилучше сложенный организмъ¹⁾. Слѣдуютъ подробныя діететическія правила для старости, въ которой съ увяданіемъ душевныхъ и физическихъ силъ и тѣло уподобляется изношенной тряпкѣ и поэтому легко подвержено заболѣваніямъ отъ малѣйшихъ вредныхъ вліяній, между прочимъ рекомендуются покойная жизнь въ свое удовольствіе, уменьшеніе упражненій, сохраненіе кроткаго и веселаго нрава, пріятное обращеніе съ окружающими и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянная забота болѣе о собственномъ тѣлѣ, нежели о другихъ, затѣмъ О. продолжаетъ: „Старость бываетъ наиболѣе счастливая у людей, отличающихся эрудиціей и знакомствомъ съ рациональными науками, вслѣдствіе разумнаго ихъ примѣненія, умеренности въ образѣ жизни, уравновѣженности души и пользованія постояннымъ досугомъ, опираясь на свои собственные труды и на работы своихъ предковъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ разумный человѣкъ найти лучшаго товарища или собесѣдника, если пренебрегаетъ отѣйными произведеніями столь великихъ людей? Какую радость и подъемъ ощущаетъ душа, находясь въ духовномъ общеніи съ философами и врачами, нашими предшественниками, и со всѣми другими людьми, идущими во главѣ универсальныхъ наукъ, и часто къ нимъ обращающаяся!¹⁾).

¹⁾ Тамъ-же, Liv. incert. c. 21, ed. Dar., t III, pp. 161—168.

Въ области *общей терапіи* Орибазій является достойнымъ подражателемъ Гиппократъ. Въ особенности заслуживаютъ вниманія установленныя имъ правила для кровопусканій, для коихъ общимъ показаніемъ служитъ избытокъ крови (*plethora ad vires* и *plethora ad spatium* Галена)¹⁾. При воспаленіяхъ и задержаніи привычныхъ кровотеченій, по Орибазію, надлежитъ тотчасъ прибѣгать къ кровопусканію, а не выжидать появленія явныхъ признаковъ плевры²⁾, при этомъ, гдѣ нужно, дѣлать ихъ сразу до обморока, а также, смотря по надобности, повторять 3—4 раза до перелома болѣзни, всегда однако руководствуясь пульсомъ³⁾. Количество выпускаемой крови опредѣляется интенсивностью болѣзни и состояніемъ силъ организма; при слабости послѣднихъ лучше пускать кровь по частямъ, но были случаи, гдѣ больные переносили потерю крови въ 6 фунтовъ⁴⁾. Возрастъ для кровопусканій: отъ 14 и даже до 70 лѣтъ⁵⁾. Время для кровопусканій: при безлихорадочныхъ болѣзняхъ—до обѣда, при лихорадочныхъ—по ослабленіи симптомовъ, слѣд. во всякое время дня и ночи⁶⁾. Мѣсто: при воспаленіяхъ на головѣ и шеѣ—изъ руки больной стороны, при воспаленіяхъ ниже діафрагмы и для вызванія геморроидальныхъ и мѣсячныхъ кровотеченій—изъ ноги, кровопусканія же изъ противоположной страданію стороны дѣйствуютъ медленнѣе и предпринимаются лишь съ отвлекающей цѣлью (*venaes. revulsoria*)⁷⁾. При общемъ полнокровіи мѣсто кровоиспусканія безразлично, при застарѣлыхъ же воспаленіяхъ—лучше всего на больной сторонѣ или возможно ближе къ мѣсту пораженія⁸⁾.

Что касается мѣстныхъ кровоизвлеченій, то въ книгѣ VII своего *Сборника* Орибазій говоритъ о банкахъ (с. 15—17), пивкахъ (с. 21) и благотворномъ дѣйствиіи тогда еще мало примѣнявшихся кровоизвлеченій посредствомъ насѣчекъ (*ἐγχαράξις, κατασχασμός*) при остановкѣ мѣсячныхъ, приливахъ къ глазамъ, головныхъ боляхъ. При этомъ онъ приводитъ хорошее дѣйствіе насѣчекъ на голени, испытанное имъ на себѣ

¹⁾ *Oribasii Collect. med. l. VII, c. 1* (ed. Daremb., t. II, pp. 1—4).

²⁾ Тамъ же, l. VII, c. 4, p. 22; с. 5, p. 32.

³⁾ Тамъ же l. VII, c. 4, p. 21, 22.

⁴⁾ „*ἕξ λίτρας*“. Тамъ же, p. 25

⁵⁾ Тамъ же, pp. 21, 22.

⁶⁾ Тамъ же, сс. 6 и 8, pp. 36, 37 и 43.

⁷⁾ *Oribasii Collect. med. l. VII, c. 2, p. 16* и с. 5, pp. 26—32. Тутъ же находимъ подробности о техникахъ и анатомическихъ данныхъ при выборѣ и вскрытіи венъ для кровопусканій.

⁸⁾ Тамъ же, с. 5, p. 33.

самою по случаю заболѣванія его чумой въ Азій, отъ которой, благодаря этому способу, выздоровѣлъ будто бы уже на другой день¹⁾.

Рвотный (Helleborus) и слабительный методы (растительныя drastica) изложены Орибазіемъ на основаніи данныхъ Галена, Архигена, Антилла, Геродота, Руфа и Dieuches'a²⁾.

Противъ обильной рвоты и кровохарканія онъ рекомендуетъ методъ Геродота, состоящій въ укутываніи и стягиваніи всѣхъ членовъ въ вату³⁾.

Фармакологія обработана Орибазіемъ въ духѣ Галена (объясненіе дѣйствія лекарственныхъ веществъ 4 элементарными качествами⁴⁾), но въ алфавитномъ порядкѣ, по Dioscoridu⁵⁾, причѣмъ приведены избранныя формулы⁶⁾ и данныя изъ разныхъ авторовъ, кромѣ упомянутыхъ—еще изъ Зоппира, современника Митридата, методика Филумена (Assa foetida и Castoreum противъ столбняка)⁷⁾, Филотима и Dieuches'a, учениковъ Праксагора, методика Мпасаеуса и др. Весьма важное значеніе онъ придаетъ *метасинкритическому* способу леченія⁸⁾. Изъ сложныхъ средствъ приведемъ здѣсь confectio diascodion Филагрія (отваръ зеленыхъ маковыхъ головокъ съ медомъ) по столовой ложкѣ, какъ успокоивающее⁹⁾. Въ отдѣлѣ о ядахъ онъ больше занимается противоядіями, чѣмъ послѣдними, дабы „не дать опаснаго орудія въ руки преступниковъ“¹⁰⁾.

Частная патологія и терапія Орибазія заключалась преимущественно въ затерянныхъ книгахъ его *Сборника*. Какъ богато было содержаніе *Сборника* по этой части, можно видѣть изъ книги „*Избранная жемчуга о леченіяхъ*“¹¹⁾, составляющей извлеченіе, сдѣланное анонимнымъ сократителемъ изъ погибшихъ книгъ *Сборника*. И хотя этотъ послѣдній обнаружилъ больше пристрастія къ списыванію рецептовъ, но по време-

¹⁾ Тамъ же, сс. 18—20, pp. 63—68.

²⁾ Тамъ же, l. VII. сс. 23—26 (ed. Dar., t. II, pp. 73—145) и l. VIII (вся кн. VIII, t. II, pp. 146—280).

³⁾ Тамъ же, l. X., с. 18, p. 420 и слѣд.

⁴⁾ Oribasii Collect. med. l. XIV, с. 1, ed. Dar. t. II 473—475.

⁵⁾ Тамъ же, l. XI—XIII (въ изд. Dar. не имѣются).

⁶⁾ Oribasii Synopsis l. III, ed. Dar. t. V, p. 96—155.

⁷⁾ Тамъ же, l. VIII, с. 17., ed. Daremb., t. V, 424.

⁸⁾ Тамъ же, l. X, с. 41, t. II, pp. 470, 471.

⁹⁾ Тамъ же, l. V, с. 19, t. I, 376 и слѣд.

¹⁰⁾ Orib. Euporista, l. III, с. 63, t. V, 677.

¹¹⁾ 'Εκ τῆς βιβλίου 'Οριβασίου τῆς πρὸς 'Ιουλιανὸν τὸν βασιλέα 'Εκλόγαι βοηθημάτων (Le choix de traitements) въ изд. Bussemaker et Daremberg, t. IV, pp. 542—657.

намъ онъ повидимому забываетъ свой планъ и копируетъ описанія болѣзней и показанія для ихъ леченія ¹⁾.

Вотъ по порядку содержаніе этой книги:

О головной боли; средства противъ падушей болѣзни, Pityriasis, Alopecia, выпаденія волосъ, вшивости, Achogae; „сжимающія голову“ ²⁾. О болѣзняхъ глазъ. Противъ ушныхъ болей (πρὸς ὄτων ἀλγῆματα), язвъ носа, полиповъ, слезныхъ опухолей; чихательныя; средства противъ кровотеченій изъ носа, кровоточивыхъ и воспаленныхъ десенъ, изъязвленій и рыхлости ихъ, противъ воспаления и опухолей миндалевидныхъ железъ, афтъ, гангула (βάτραχον ὑπογλώσσιον), противъ разныхъ болѣзней рта. Противъ трещинъ на губахъ; linimentum, притягивающее слезъ изъ головы; противъ насморка, катарра, болѣзней дыхательнаго горла. О кашлѣ; средства противъ dyspnoea, asthma и orthopnoea; о кровохарканіи; противъ чихотки, эмпиемы, регрессивной; о плевритѣ, воспаленіи зѣва, эпилепсїи, morbus cardiacus; противъ атоніи отверстія желудка и отсутствія аппетита; для тѣхъ, у коихъ отверстіе желудка страдаетъ отъ желчи (χολῆ ὀχλομένης τὸν στομάχον); противъ „собачьяго голода“ [волчьаго аппетита, κυνῶδες ὀρέξεις]; противъ сдавленія и „саливаціи“ отверстія желудка (πρὸς σαλισμὸν στομάχου); припарка для немощныхъ удерживать пищу и коихъ древніе называли stomachici или одержанными страданіями отверстія желудка: противъ тошноты и рвоты, повторяющихся ежедневно, а также для тѣхъ, у коихъ пища окисляется; о развитіи газовъ въ отверстіи желудка (περὶ ἐμπνευματώσεως στομάχου); о чиханіи (περὶ πταρμῶν); объ обморокѣ (περὶ λιποθυμίας); о болѣзняхъ печени; о селезенкѣ; о желудкѣ; о водянкѣ; о холерѣ; о morbus coeliacus (περὶ κοιλιακῶν, κοιλιακῆ διάθεσις); о дизентеріи; о lienteria; о тенезмѣ; о глистахъ; о тимпанитѣ (περὶ πνευματώσεως); объ ileus; о поносѣ; о болѣзняхъ толстой кишки; о болѣзняхъ почекъ, о болѣзняхъ мочеваго пузыря; о „гонорреѣ“ (spermatorrhoea); о yatrogiasis; о мужскомъ безсиліи (περὶ ἀπράκτων μορίων); о lassitudo (περὶ κόπων); о разрывѣ мышцъ и фиброзныхъ частей; о трясеніи; средства противъ всякаго рода холода; о судорогахъ; о столбнякѣ, о параличѣ; объ ischias; о подагрѣ и артритѣ; объ elephantiasis. Противъ зуда, alphia, lichen, lepra и vitiligo alba (λευκή). О проказѣ и рога. О простыхъ слабительныхъ, рвотныхъ, болеутоляющихъ. О средствахъ при болѣзняхъ сѣдалища (περὶ ἐδρηκῶν). О средствахъ при болѣзняхъ наружныхъ половыхъ органовъ. Объ опущеніи кишекъ въ мошонку, угрожающемъ образованіемъ ileus. О кровоостанавливающихъ средствахъ. О носовомъ кровоточеніи. Пластири для кровоточащихъ ранъ, ушибовъ фиброзныхъ частей. Противъ ревматизма суставовъ, недоброкачественныхъ, трудно рубящихся язвъ. О воспаленіи. Лекарство противъ золотухи (χοιραδικόν), „данное мнѣ Proëchius'омъ“. Лекарство противъ Meliceridea. Вытяжные пластири вообще разрѣшаютъ затвердѣлости и такимъ образомъ дѣйствуютъ на воспаленія, перешедшія въ состояніе склерозное. Лекарство противъ бубоновъ и бугорковъ (φύματα). Malagma противъ сращеній (ἀγκυλώματα). Противъ favus (κηρία). Лекарство, разрѣшающее ганглии. О нарывахъ. Лекарства для сообщенія рубцамъ цвѣта остальной кожи. О свищахъ. Collugium для свищей. Другое лекарство противъ снѣй. Лекарство противъ рожи; объ этой болѣзни была

¹⁾ Тамъ же, Préface вначалѣ.

²⁾ Σμήγματα πυκνοῦντα κεφαλῆν. У Аэція (Tetrab. II, serm. II, с 54) они носятъ названіе: Smygmata et pulvilli inspersiles, caput densantes.

уже рѣчь въ главѣ о подагрѣ. Лекарство противъ Негрес. О карбункулѣ. Противъ ожогъ. Лекарства для загниванія и прижиганія (σφύραι χαιστικαί). Объявленіе лѣтъ (περί χριμάτων). Лекарства противъ Рагаритіумъ. Другое лекарство противъ вросшаго ногтя. Лекарства противъ лепрозныхъ бугристыхъ ногтей. Противъ трещинъ на подошвѣ и пяткѣ. Противъ омокленностей подошвы. Противъ thymī, fornicariā (μυρμηκία) и aschordones. О сыпяхъ, сопровождающихся зудомъ. Вяжущее для кожи противъ знога и мелкаго пота. Объявленіе хвѣстиковъ собакъ. Противъ укушенной змѣи. Противъ ранъ отъ скорпионовъ, ядовитыхъ пауковъ, осъ и пчелъ. Предохранительныя втиранія. Противъ комаровъ. О паукахъ. О ядахъ. Общее противоядіе для случаевъ, когда неизвѣстно, какой ядъ принять. О ядѣ стрѣлы, способахъ его распознаванія и средствахъ противъ причиняемыхъ имъ страданій. О створоженомъ молокѣ. О ругти. О грибахъ; о пьивкахъ. О веществахъ, даваемыхъ съ цѣлью доставлять благополучіе (ἐπι φάσεια διδομένων). Какія противоядія приличествуютъ противъ ядовъ. О болѣзняхъ женщинъ, лекарство Архимеда противъ изъязвленій сосковъ, осложненныхъ злокачественностью. Хирургическое леченіе нарывовъ груди. Лекарства, препятствующія увеличенію грудныхъ железъ. Лекарства, останавливающія образованіе сгустковъ въ соскахъ. Лекарства, препятствующія оспротворенію молока, содержамаго въ соскахъ. О мѣсячномъ очищеніи. Лекарства для изгнанія плода. О противоестественныхъ аппетитахъ беременныхъ женщинъ. Объявленіе послѣда. О задержаніи мѣсячныхъ. О слишкомъ обильныхъ мѣсячныхъ. Противъ истеченія бѣлей у женщинъ. О воспаленіи и уклоненіяхъ въ положеніи матки¹⁾.

Изъ приведеннаго перечня видно, что въ *Сборникъ* Орибазія частная патологія и терапия представляла богатый и разнообразный матеріалъ, къ сожалѣнію навсегда утраченный для исторіи нашей науки. Что касается относящихся сюда данныхъ въ *Synopsis*, то укажемъ здѣсь на ученіе о лихорадкѣ въ духѣ Галена²⁾, на отрывочныя терапевтическія данныя о нѣкоторыхъ болѣзняхъ, какъ напр., употребленіе опорожняющихъ и мочегонныхъ при одышкѣ³⁾ и паровыхъ ваннъ при сахарномъ мочеизнуреніи⁴⁾. Во дянкѣ онъ производитъ отъ простуды, закрытія менструаціи, слишкомъ сильнаго геморроидальнаго кровотеченія⁵⁾. Нѣсколько полнѣе здѣсь данныя о женскихъ и нервныхъ болѣзняхъ (меланхолія и гипохондрія⁶⁾), куда Орибазій относитъ и водобоязнь⁷⁾.

Столь же скудною представляется въ *Сборникъ* Орибазія

Хирургія. Здѣсь однако сохранились драгоцѣнныя извлеченія о переломахъ и вывихахъ (кн. XLVI и XLVII)⁸⁾, о хирургическихъ ма-

¹⁾ *Oeuvres d'Oribase*, par Bussemaker et Daremberg, t. IV, p. 542 и слѣд.

²⁾ *Oribasii Synopsis*. l. VI, cc. 6—47, ed. Dar. t. V, pp. 274—324.

³⁾ *Oribasii Synopsis*. l. IX, c. 5, t. V, p. 471.

⁴⁾ Тамъ-же, с. 33, p. 521.

⁵⁾ Тамъ-же, с. 22, p. 504.

⁶⁾ Тамъ-же, cc. 41—55; pp. 529—549 и l. VIII, c. 1—22, pp. 400—430.

⁷⁾ Тамъ-же, с. 13, p. 417.

⁸⁾ *Oribasii Collect.*, ed., Dar. t. IV, pp. 102—244.

шинахъ для вправленія вывиховъ по Геліодору (подробныя описанія plinthii Nilei, glossocomii Nymphodorus'a, trispastis Apellides'a или Архимеда и скамьи Гиппократата¹⁾, далѣе о хирургическихъ болѣзняхъ мужскаго уда (укороченіе крайней плоти, Hypospadiasis, Phimosis) и операціяхъ при нихъ (circumcisio и infibulatio), о грыжахъ и язвахъ²⁾; затѣмъ объ образованіи петель и узловъ по Геркулесу³⁾; о десмологіи⁴⁾ и наконецъ объ *ампутации* по Геліодору (περί ἀμφοτέρωθεν):

„Руку или ногу отнимаютъ (ἀφαίρειται), когда есть гангрена или когда какая либо конечность омертвѣла по другой причинѣ. Нижнія части конечностей можно удалить, не подвергая больнаго большой опасности, но ампутация частей выше локтя или колѣна подвергаетъ его большой опасности влѣдствіе угрожающаго въ большей части случаевъ послѣдовательнаго кровотеченія, такъ какъ необходимо перерѣзывать крупныя сосуды. Нѣкоторые врачи, налегая съ необъяснимымъ рвеніемъ на быстроту въ производствѣ операціи, однимъ разрѣзомъ пересѣкаютъ мягкія части и затѣмъ пилить кость; но ампутация по этому способу не лишена опасности, такъ какъ при этомъ кровь разомъ можетъ хлынуть изъ большаго числа сосудовъ. Поэтому я полагаю, что лучше сначала раздѣлить мѣтѣ мясистыя части члена, напр. соотвѣтствующія передней поверхности голени, затѣмъ пилить и тогда уже раздѣлить остальныя мягкія части, достигая такимъ образомъ [постепенно] отнятія члена. Чтобы достигнуть возможно полнаго закрытія сосудовъ, я сначала закладываю бинтъ выше мѣста пиленія и затѣмъ произвожу операцію такъ, какъ я описалъ. Дѣйствуя пилой, пластинкѣ этого инструмента сообщаютъ равномерное движеніе, дабы разрѣзъ кости представлялъ также правильную поверхность. Перепиливъ кость, перерѣзываютъ по возможности быстро ножомъ еще неотдѣленныя мягкія части, затѣмъ въ самый моментъ отнятія члена накладываютъ длинныя пучки корнѣи и вмѣсто *μοτοφύλακος* (garde-tente, D.)⁵⁾—параллельныя компрессы, а поверхъ всего губки и бинтъ потуже. Начиная съ 3 или 4 дня, когда кровотеченіе остановилось, примѣняютъ леченіе какъ при нагноеніи, удерживая рану постоянно выполненною корнѣей⁶⁾).

Очевидно о перевязкѣ артерій—ни слова, разрѣзъ же, вѣроятно былъ съ лоскутомъ, ваковой, какъ доказано, Геліодоръ примѣнялъ при ампутации пальца.

Заключеніе. Подведя итогъ заслугамъ Орибазія, мы должны признать, что хотя онъ и не былъ новаторомъ въ медицинѣ, а только разумнымъ компиляторомъ, тѣмъ не менѣе онъ долженъ занимать почетное мѣсто въ исторіи медицины, ибо въ его *Сборникѣ* на каждомъ шагѣ сказывается необыкновенный талантъ, съ одинаковымъ искусствомъ умѣвшій владѣть перомъ и ланцетомъ. Ему лично медицина обязана установленіемъ самыхъ

¹⁾ Orib. collect. l. XLIX (ed. Daremb., t. IV, pp. 333—458). Тамъ-же на стр. 691—698 см. воспроизведенныя Daremberg'омъ изображенія машинъ и петель.

²⁾ Тамъ-же, ll. L и LI, pp. 459—525.

³⁾ Oribasii collect. l. XLVIII cc. 1—18, ed. Dar. t. IV, pp. 253—270.

⁴⁾ Тамъ-же, cc. 19—70 pp. 270—332.

⁵⁾ т. е. вмѣсто защищающей корнѣиной подушки.

⁶⁾ Тамъ-же, l. XLVII, c. 14, ed. Darem. t. IV, p. 247—249.

подробныхъ и рациональныхъ показаній для кровопусканій¹⁾, мастерскимъ наставленіемъ для выбора кормилицъ и весьма дѣльными главами о значеніи гигиены, гимнастики и физическаго воспитанія для нормальнаго психическаго развитія вообще²⁾. Но самая главная его заслуга, разумѣется, заключается въ томъ, что благодаря поддержкѣ и поощренію своего высокаго покровителя и друга, геніальнаго императора Юліана, „этого романтика на тронѣ цезарей“³⁾, ему удалось какъ сохранить для насъ точныя свѣдѣнія о состояніи медицины IV вѣка, такъ и спасти отъ забвенія хотя бы только отрывки авторовъ, о коихъ другіе писатели не упоминаютъ.

Adamantius, iatrosophista изъ Александріи (около 350 по Р. Х.), оставилъ сочиненіе о *физиономикѣ*, содержаніе котораго заимствовано у Аристотеля и у Полемона, жившаго при Адрианѣ. Онъ былъ родомъ еврей, поселившійся въ царствованіе Констанція (337—361) въ Александрію, гдѣ, принявъ христіанство, сдѣлался небезызвѣстнымъ преподавателемъ медицины, котораго цитируютъ Орибазій и Аэцій.

Изданіе: Adamantii Sophistae Physiognomicon. Scriptores physiognomoniae veteres. Ex rec. C. Perusci et Fr. Sylburgii graec. et. lat. rec. Io. Georg. Frid. Franzius, Altenburg, 1780.

Въ этомъ сочиненіи проведена основная мысль Аристотеля о сходствѣ человѣческихъ чертъ лица съ животными. Кромѣ того Adamantius писалъ о *зубныхъ болѣзняхъ*, *фармакологіи* и *вѣтрахъ*, а также оставилъ донынѣ ненапечатанное сочиненіе о медицинскихъ *мракахъ* и *вѣсахъ*⁴⁾.

Nemesius, епископъ изъ Эмезы, внѣ Нумс⁵⁾, въ Сиріи (около 370 г. по Р. Х.), былъ солидный ученый, знакомый съ сочиненіями Гипократа и Галена и старавшійся сблизить греческую натуральную философію съ христіанскими воззрѣніями. Выходя изъ основнаго положенія, что все человѣческое знаніе основывается на познаніи природы и откровеніи, онъ рѣшительно возстаеъ противъ астрологіи и фатализма. Онъ оставилъ сочиненіе „*De natura hominis*“, состоящее изъ 44 главъ, въ которомъ онъ трактуетъ о душѣ, ея связи съ тѣломъ, объ органахъ чувствъ, страстяхъ, пульсѣ, произражденіи, дыханіи, о судьбѣ, провидѣніи и т. д. Анатомія и физиологія изложены по лучшимъ источникамъ (по

¹⁾ Oribasii Collect. l. VII, c. 2 и слѣд. (ed. Dar. t. II, p. 4 и слѣд.).

²⁾ Ср. такъ-называемыя „*Livres incertains*“ въ т. III изданія Bussemaker et Daremb. (се. 13—18 pp. 120—133) и l. VI, c. 14—15, t. I, pp. 473—482.

³⁾ Ср. Puschmann, Alexander von Tralles, Wien, 1878, B. I, p. 73.

⁴⁾ Ср. Hecker II, 218, 219.

⁵⁾ по Corlieu (l. c. 115)—въ Финикии.

Галену); особенно замѣчательнъ отдѣлъ психологіи (по Платону и Аристотелю). Ему приписываютъ даже знакомство съ кровообращеніемъ, но излагаемыя имъ физиологическія данныя такъ мало уклоняются отъ современныхъ ему физиологическихъ воззрѣній, что трудно допустить, чтобы онъ имѣлъ какое бы то ни было понятіе о кровообращеніи. Такъ онъ утверждаетъ, напр., что сѣмя образуется въ мозгу и черезъ сосуды, находящіеся позади уха, проводится къ яичкамъ, гдѣ и отлагается.

Изданіи: Nemesius, περί φύσεως ἀνθρώπου на греч. и лат. Antverp. 1505.

Nemesius Emesenus, De natura hominis, ed. Christian. Frideric. Matthaei. Hal. 1802. Кромѣ того недавно открытъ въ Авраншѣ (Avranches въ Нормандіи) латинскій переводъ этого сочиненія подъ заглавіемъ:

Alphanus (изъ Салерны), Премно φυσικον (πρέμνον φυσικόν) i. e. *stipres naturalium* ¹⁾.

Переводы: англійскій—Wither, London, 1636; нѣмецкій—Osterhammer, Salzburg, 1819; французскій—Thibault (ученикъ Ecole normale), Paris, 1844.

Въ своей *психологіи* Nemesius, повидимому, примыкаетъ къ основнымъ взглядамъ Аристотеля, причѣмъ однако онъ пользовался и позднѣйшими образцами:

„Душа имѣетъ свое мѣстопробываніе во всѣмъ тѣлѣ. Она находится вездѣ и повсюду въ каждой освѣщаемой ею части, но она безтѣлесна и не связана никакими предѣлами и ни съ какимъ мѣстомъ въ отдѣльности. Она не управляется тѣломъ, но сама господствуетъ въ немъ, она въ тѣлѣ, какъ въ сосудѣ, но тѣло въ ней“ (Nemesius, l. c. c. 3).

Отсюда ясное представленіе о подчиненіи тѣла и о свободѣ души (тамъ же с. 35). Началомъ всякой духовной дѣятельности Nemesius считаетъ простое чувственное воспріятіе, которое, однако, кажется ему невозможнымъ безъ самодѣтельнаго вниманія души. Такъ величину какого-нибудь различаемаго нами тѣла мы иногда не въ состояніи опредѣлить безъ обдумыванія и помощи памяти (тамъ же, с. 7). Чувственное воспріятіе въ умѣ превращается въ представленія воображенія, дающія свой матеріаль мыслительной способности (*διανοητικόν*), а оттуда переходящія въ память, которой онъ, очевидно, отводитъ высшее мѣсто. Какъ связующее начало между тѣлесными и умственными отправленіями Немезій, слѣдуя пневматикамъ, выставляетъ душевное *рпейта* древнихъ (*πνεύμα ψυχικόν*), на которое намекалъ уже Хризиппъ и понятіе о которомъ подробнѣе было развито Эразистратомъ и удержано Галеномъ. Отсюда—весьма ясное представленіе, которое Немезій составилъ себѣ объ органахъ души, а именно, слѣдуя пневматику Посидонію, онъ принималъ, что

¹⁾ Rénan, Journ. des savants, 1851. Ср. Haeser I, 484.

дѣятельность чувствъ и воображеніе (τὸ φανταστικόν) гнѣдаются въ переднихъ желудочкахъ мозга, разсудокъ въ среднемъ желудочкѣ (μέση κοιλίη), а память въ заднемъ (четвертомъ) желудочкѣ. Передніе желудочки мозга вмѣстѣ съ пребывающимъ въ немъ душевнымъ рпеиша и происходящими отъ нихъ нервами и органами чувствъ, пропитанными этимъ же рпеиша, онъ представляетъ себѣ какъ одно нераздѣльное цѣлое (с. 13). Разстройства переднихъ частей мозга, по мнѣнію Немезія, могутъ существовать, не сопровождаясь таковыми же остальныхъ частей, разстройства же разсудка всегда сопровождаются разстройствомъ воображенія, а потеря памяти—аномаліями остальныхъ двухъ основныхъ душевныхъ способностей. Въ высшей степени достойно примѣчанія напоминающее Аристотеля ученіе Немезія о постепенномъ развитіи въ природѣ и извѣстныхъ переходахъ отъ однихъ органическихъ существъ къ другимъ. Начиная отъ зоофитовъ, онъ прослѣживаетъ рядъ живыхъ существъ, восходящій отъ растительнаго міра къ высшимъ животнымъ и къ человѣку, причемъ высказываетъ даже убѣжденіе, что нельзя провести рѣзкой грани между умственными способностями животныхъ и человѣка, а слѣдуетъ принимать извѣстный переходъ психическихъ качествъ отъ однихъ совершенныхъ животныхъ къ другимъ,—качествъ, обнаруживающихся въ извѣстной естественной хитрости (φυσική σύνεσις, μηχαναί, πανουργία) и служащихъ для цѣлей самосохраненія (с. 1).

Что касается *физиологii* Немезія, то при всѣхъ указанныхъ выше недостаткахъ нельзя не упомянуть объ одномъ мѣстѣ, изъ котораго видно, что Немезій, еще задолго до Sylvius'a, былъ отчасти знакомъ съ назначеніемъ желчи:

Желтая желчь служитъ для пищеваренія (πέψις) и изгоняетъ экскременты; она, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ отношеніи есть одинъ изъ агентовъ питанія: она сообщаетъ тѣлу извѣстную теплоту. По этой причинѣ она, повидимому, имѣетъ право на самостоятельное существованіе; но, обладая свойствомъ очищать кровь, она, повидимому, существуетъ для крови“ (с. 28, о дыханіи).

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести здѣсь мѣсто, подавшее поводъ къ предположенію о знакомствѣ Немезія съ кровообращеніемъ:

„Пульсовое движеніе, называемое также жизненной силой (ζωτική δύναμις), исходитъ изъ сердца, въ особенности отъ его лѣваго, такъ называемаго пневматическаго (πνευματική) желудочка, распредѣляющаго жизненную теплоту черезъ артеріи во всѣ части тѣла, подобно тому, какъ печень снабжаетъ ихъ пищевыми веществами черезъ вены. И въ самомъ дѣлѣ, если сердце неестественно разгорячено, то и животное разгорячается сверхъ обыкновенія, при охлажденіи же его оно охлаждается, ибо жизненное рпеиша проникаетъ изъ сердца черезъ артеріи во все тѣло. Нервы идутъ изъ мозга, начала движенія и чувствительности; изъ печени, источника крови и питательной силы, происходятъ

венн или кровеносные сосуды; из сердца, начала жизненной силы, происходят артерии или сосуды, содержащие рпеиша. Эти 3 части оказывают одна другой взаимныя услуги. Вена доставляет пищу нерву и артерии; артерія доставляет естественную теплоту венѣ и распространяетъ жизненное рпеиша. Артерія расширяется и сокращается съ извѣстной гармоніей и правильностію, но, расширяясь, артерія силою притягиваетъ въ себя изъ ближайшихъ венъ легкую кровь, которая, испаряясь, становится пищею для жизненнаго рпеиша; сокращаясь, она выдѣляетъ все нечистое черезъ невидимыя, скрытыя во всемъ тѣлѣ поры, подобно тому, какъ сердце при выдыханіи изгоняетъ нечистыя вещества (τὸ λευώδες) черезъ ротъ и носъ (Тамъ же, с. 24).

Излишне распространяться о томъ, что Немезій былъ даже гораздо дальше отъ мысли о кровообращеніи, нежели Галенъ¹⁾.

Византийская медицина.

Послѣ дѣленія римской имперіи на западную и восточную (въ 395 по Р. X.) второе мѣсто послѣ Александріи въ отношеніи процвѣтанія наукъ занимаетъ Византія. Къ извѣстнымъ врачамъ разсматриваемой здѣсь эпохи принадлежать:

Hesychius изъ Дамаска (430 по Р. X.); прибылъ въ Константинополь послѣ того, какъ въ теченіе 40 лѣтъ занимался практикой въ Дамаскѣ, на о. Родосѣ, въ Греціи и Египтѣ (въ Александріи), и вездѣ пользовался большою славой. Еще большей славой пользовался его сынъ,

Iacobus Psychrestos s. Soter (460 по Р. X.), comes archiatrorum въ Константинополь при императорѣ Львѣ Фракійскомъ. Онъ родился въ Греціи (въ Дрепанумѣ на о. Аргосѣ) и въ послѣдствіи переселился въ Константинополь къ отцу послѣ его 19-лѣтняго отсутствія. Его проникательность при распознаваніи болѣзней и удачное ихъ леченіе доставили ему названіе „спасителя“ (σωτήρ) и „Зевксиса и Фидія въ медицинѣ“. Дѣло дошло даже до того, что ему въ Константинополь, а именно въ баняхъ Зевксиппа воздвигли статую, въ которой Дамасція (въ 6 столѣтіи) поражало выраженіе высокаго ума, серьезности и достоинства²⁾. Современные ему врачи до того уважали его, что видѣли въ немъ не столько врача, сколько Богомъ любимаго святаго мужа (θεοφιλή), а Александръ изъ Tralles'a говорилъ о немъ: „μέγας ἀνὴρ καὶ θεοφιλέστατος περὶ τὴν τέχνην γενόμενος“³⁾. Къ сожалѣнію, отъ него до насъ не дошло никакихъ письменныхъ памятниковъ, а сохранилось только изреченіе:

¹⁾ Ср. Hecker, II, 77—82, Corlieu, I, с. 116.

²⁾ Photius, Biblioth. Cod. 242. ed. Heschel Aug. Vind. 1611. Ср. Hecker, II, 82, 83.

³⁾ Alexandr. Trall. βιβλία ἰατρικὰ I, V, с. 4, ed. Puschmann, II, 163.

„Хорошій врачъ долженъ или тотчасъ отказаться отъ леченія больного, или же не оставлять его до тѣхъ поръ, пока не принесетъ ему хоть облегченія“ Suidas voc. ἰατρος.

Названіе *Psychrestos* онъ получилъ отъ того, что въ хроническихъ болѣзняхъ придерживался прохладяющей и увлажжающей діеты ¹⁾.

Къ этому же времени относятся іатрософисты:

Asclepiodotos (480 по Р. Х.) изъ Александріи, ученикъ Якова Сотэра, посвятившій себя сначала натуральной философіи, математикѣ, этикѣ, физикѣ и въ особенности музыкѣ и только впоследствии и медицинѣ, въ которой онъ будто превзошелъ даже своего учителя, избравъ себѣ образцами Гиппократата и Сорана Старшаго. Онъ вновь ввелъ въ употребленіе *Helleborum album*, съ помощью коего съ большимъ успѣхомъ лечилъ многія хроническія болѣзни ²⁾. Оставилъ ли онъ какія нибудь сочиненія, неизвѣстно.

Palladius (въ 5 вѣкѣ) ³⁾ въ Александріи оставилъ комментаріи къ сочиненіямъ Гиппократата, изъ коихъ часть напечатана:

Σχόλια εἰς τὸ περὶ ἀγμάτων Ἱπποκράτους, Scholia in l. Hippocratis de fracturis.

Εἰς ἕκτον τῶν ἐπιδημιῶν βιβλίον, in sextum epidemiorum librum commentarius.

Изданіи: Paris, 1646, ed. Chartier.

Dietz, Apollonii etc. Scholia in Hippocr. Regiom. 1834 (къ Epid. VI), а къ *De fracturis* въ Сборникѣ Niketas'a (См. ниже).

Кромѣ того ему приписываютъ сочиненіе *о михорадкахъ*, которое было даже напечатано подъ заглавіемъ:

Palladii de febribus concisa Synopsis (περὶ πορῶν συντομος συνοψις) cum notis Joh. Stephaan. Bernard. Lugdun. Bat., 1745 ⁴⁾.

Но въ новѣйшее время доказано, что сочиненіе это принадлежитъ Теофилу (см. ниже).

Severus около этого же времени оставилъ сочиненіе *о клистирахъ* (περὶ ἐκτεήρων ἢτοι κλιστήρων) и излечиваемой ими колики, которое открыто и издано Dietz'емъ.

Severi iatrosophistae de clysteribus ed. Dietz. Regiom. 1836.

Есть ли это тотъ самый офтальмологъ Theodotius Severus, изъ сочиненій котораго находимъ излеченія у Аэдія—трудно рѣшить, ибо Геккеръ относитъ его даже къ III вѣку ⁵⁾.

¹⁾ Alexander Trallianus, l. c.

²⁾ Phot. l. c.; Suid. voc. Ἀσκληπιόδοτος, Δεισιδαιμονία. Ср. Hecker, II, 85.

³⁾ Обыкновенно историки принимаютъ, что Палладій жилъ въ VI вѣкѣ, но новѣйшіе, какъ Haeser, относятъ его къ V вѣку, а Corlieu—даже къ IV в. по Р. Х.

⁴⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, 192.

⁵⁾ Тамъ же 430.

⁶⁾ Ср. Hecker, II, 107.

Aëtius (502—572) изъ Амиды, въ Мессопотаміи (нынѣшній Діарбекиръ у верхняго Тигра), учился въ Александріи и жилъ при византійскомъ дворѣ императора Юстиніана I (527—565), при которомъ занималъ должность comes obsequii или начальника императорской свиты. Онъ былъ христіанскаго вѣроисповѣданія и оставилъ объемистый сборникъ подъ заглавіемъ „Βιβλία ἱατρικὰ ἕκκατδεκά“, т. е. шестнадцать книгъ о медицинѣ, составлявшихъ нѣчто въ родѣ учебника совокупной медицины. Впослѣдствіи онѣ безъ всякой надобности были раздѣлены на 4 части, „Tetrabiblia“, по 4 книги въ каждой, „sermōnes“ (λόγοι). Хотя этотъ *Сборникъ* есть не болѣе, какъ компиляція, основанная на сочиненіяхъ Аретея, Галена, Діоскорида, Орибазія и другихъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтна самостоятельная обработка предметовъ, какъ напр. въ главахъ о зубахъ и нервахъ и въ особенности въ области офтальміатріи и терапіи, которая вполне носитъ печать его времени.

Изданія: греческія—'Αετίου Ἀμιδηνοῦ βιβλίων ἱατρικῶν τόμος. Ἀποῦστα: βιβλία ὀκτώ τὰ πρῶτα. Venet. 1584 (Aldina), только первыя 8 книгъ.

'Αετίου λόγος ἑνωτός (о болѣзняхъ брюшной полости), съ греческими примѣчаніями въ сочиненіи Ἀνδρέου Μοισατοῦ ὁδοῦ καὶ Δημητρίου Σχινᾶ: Συλλογὴ ἑλληνικῶν ἀνεκδότων. Ἐν Βενετία 1816. Ἀπρίλ. τετραδ. α. 8.

Латинскія—Aetii Antiocheni medici de cognoscendis et curandis morbis sermones sex jam primum in lucem editi interprete Jano Cornario Zwiccaviens med. Basil. 1533. Содержитъ только 8—13 книгъ.

Cornarius и Montanus (Frobeniana), Basil. 1533—35. Первому принадлежатъ переводъ 8—13, второму 1—7 и 14—16 книгъ.

То же: Venet. 1534 (имѣется въ библиотекѣ университета св. Владиміра).

Aetii contractae ex veteribus medicinae tetrabiblos, h. e., quaternio. i. e., libri universales quatuor: singuli quatuor sermones complectentes, ut sint in summa quatuor sermonum i. e., sermones sedecim, per J. Cornarium, med. phys. latine conscripti Basil. 1542, 1548, ap. Frobenium, новыи переводъ одного Корнаріа.

Venet, 1548—44 и Lugduni 1549¹⁾ и 1559, перенечатки предыдущаго.

¹⁾ Corlieu (l. c., 119) говоритъ объ этомъ изданіи Lugd. 1549, что въ немъ помѣщены первыя 8 книгъ греческаго текста. Вотъ его слова въ приведенномъ мѣстѣ: „Nous ne possédons que les huit premiers [livres] imprimés en grec: ils existent à la bibliothèque de la faculté de médecine de Paris, édition greque latine de Janus Cornarius, Lugduni 1549, in—fo, n^o—84. Cornarius a traduit les seize livres en latin, mais n'a donné que les huit premiers en grec“ etc. У насъ подъ рукою имѣется какъ разъ это изданіе: Cornarius, Lugduni 1549 (изъ библиотеки университета Св. Владиміра), но здѣсь не только 8 греческихъ книгъ, но и 8 греческихъ буквъ нельзя отыскать: изданіе это цѣлкомъ и исключительно латинское. Такое небрежное обращеніе съ библиографіей непрослительно изслѣдователю изъ страны Dagemberg'овъ, Littré, Bouchut и т. п. Кстати прибавимъ здѣсь, что на-

Полсимтѣльные сочиненія: Orosii (de Horozco) annotationes in interpretes Aetii. Basil. 1540.

I. E. Hebenstreit, Tentamen philologicum medicum super Aëtii Amiden Synopsis medicorum veterum libris octo, etc. Lips. 1757.

Eiusdem: Aëtii Amideni Ἀνεκδότων Lib. IX, с. XXVIII. Lips. 1757.

Weigel, Aëtianarum Exercitationum Specimen. Lips. 1791.

Magnus a Tengström. Commentationum in Aetii medici ἀνεκδοτα specimen I, sistens libri IX, cap. 41 περί ἀσχαρίδων. Aboae 1817¹⁾.

По мнѣнію Hecker'a, Аэцій писалъ свои Tetrabiblia между 540 и 550 г. по Р. X.²⁾ Приведемъ здѣсь вкратцѣ перечень содержанія 16 книгъ Аэціа.

Кн. I—о свойствахъ и дѣйствіяхъ лекарственныхъ веществъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Кн. II—о различіяхъ почвы, металловъ и пр. Здѣсь онъ говоритъ объ армянской глинѣ, соляхъ, медикаментахъ изъ животнаго царства,—о крови, молокѣ, сывороткѣ (по Галену), сырѣ (по Галену), о маслѣ, далѣе рассматриваетъ потъ, слюну, мочу, испражненія, мясо, сорта рыбъ и пр.

Кн. III трактуетъ объ упражненіяхъ въ верховой ѣздѣ, о половыхъ сношеніяхъ по Rufus'у, солнечномъ ударѣ (по Антиллу), о кровопусканіи (по Галену), о способахъ остановленія артеріальнаго кровотеченія, банкахъ, слабительныхъ по Антиллу, о глазныхъ, ушныхъ, носовыхъ и мочегонныхъ средствахъ, о средствахъ, опорожняющихъ печень, селезенку, почки, мочевоу пузырь, о мѣсячногонныхъ и т. д.

Кн. IV посвящена гигиенѣ и воспитанію дѣтей; кн. V—распознаванію и леченію лихорадокъ (по Филумену).

Въ кн. VI Аэцій рассматриваетъ болѣзни головы, нервовъ, ушей, носа по Посидонію, Марцеллу, Архигену, Дидиму и др.

Кн. VII посвящена глазами болѣзнямъ, а VIII—болѣзнямъ лица, зубовъ, гортани, груднымъ болѣзнямъ, для которыхъ Аэцій дѣлаетъ позаимствованія у Критона и Архигена. Въ этой книгѣ онъ даетъ формулы помады для бровей, мазей для сохраненія цвѣта кожи, косметическихъ средствъ противъ пятенъ на лицѣ и т. д.

Кн. IX занимается болѣзнями желудка, кишекъ, глистами (ascarides).

Кн. X трактуетъ о болѣзняхъ печени, селезенки, нарывахъ и пр. по Филагрію, Архигену и др. Желтуха обработана по Rufus'у и Галену.

ходящійся у насъ подъ рукоу экземпляръ Аэціа переплетенъ вмѣстѣ съ довольно интереснымъ экземпляромъ сочиненія Савонаролы, подъ заглавіемъ: *Practica major* J. Mich. Savonarolae, Medici patavini, Venetiis, ap. Vincentium Valgrisium, 1560.

¹⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, pp. 133—135.

²⁾ Hecker II, 87.

Кн. XI занимается сахарным мочеизнурением, болезнями почек, мочевого пузыря, прианризмом, истечением сѣмени, мужскимъ безсиліемъ. Въ гл. 14 Аэцій указываетъ на способы распознаванія присутствія камня въ мочевомъ пузырьѣ.

Кн. XII разсматриваетъ ischias, подагру, ревматизмъ, желчныя болѣзни. Эта книга весьма интересна въ практическомъ отношеніи.

Въ кн. XIII Аэцій говоритъ объ укушеніи ядовитыхъ животныхъ и приготовленіи извѣстныхъ лекарствъ, теріака Митридата, различныхъ противоядій, затѣмъ о слоновой кожѣ (проказѣ), vitiligo.

Въ кн. XIV рѣчь идетъ о геморроѣ, болѣзняхъ сѣдалища, мошонки и соотвѣтственныхъ мѣстныхъ средствахъ, о кровоточащихъ раненіяхъ, нарывахъ, язвахъ, фистулахъ и т. д.

Кн. XV разсматриваетъ мягкія опухоли, зобъ (bronchocoele), стеатомы, расширенія сосудовъ; артеріальныя и травматическія аневризмы (гл. 10), причеиъ исчисляетъ ихъ симптомы и указываетъ на хирургическое леченіе аневризмы локтеваго сгиба.

Кн. XVI и послѣдняя посвящена женскимъ болѣзнямъ, беременности и ея осложненіямъ, преимущественно по Филумену. Аэцій излагаетъ здѣсь причины дистокіи, зависящей отъ матери и отъ младенца, нѣсколько главъ о безплодіи мужчинъ и женщинъ, о болѣзняхъ груди, матки, причеиъ Аэцій заимствуетъ много у Архигена, Филумена, Аспазіи, Сорана и пр.

Аэцій вообще дѣлалъ позаимствованія почти у всѣхъ предшествовавшихъ ему врачей, которыхъ онъ всегда добросовѣстно цитируетъ. Въ его компиляціи собрано множество рецептовъ, причеиъ находимъ нѣкоторыя средства изъ египетской фармакопеи. Онъ одинъ изъ первыхъ говоритъ о червяхъ, развивающихся въ мышцахъ, и указываетъ на необходимый здѣсь способъ леченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заплатилъ дань своему времени, такъ какъ приводитъ немало магическихъ способовъ леченія. Такъ, для освобожденія больныхъ отъ проглоченныхъ рыбныхъ косточекъ или другихъ инородныхъ тѣлъ, онъ рекомендуетъ слѣдующій способъ:

„Станьте лицомъ къ лицу противъ больнаго, прикажите ему смотрѣть на васъ и говорите: „выйди кость, если ты кость, или соломенка, или что-бы ты ни было, подобно тому какъ Иисусъ Христосъ заставилъ Лазаря возстать изъ гроба или Иону выйти изъ кита“. Затѣмъ, придерживая больнаго за горло, провнесите слѣдующія слова: „Блазій, мученикъ и служитель Христа, говоритъ: выходи на верхъ или спустишься внизъ“¹⁾. Но вмѣ-

¹⁾ „Ὁ Ἰησοῦς Χριστὸς Λάζαρον ἀπὸ τάφου ἀνήγαγε, καὶ Ἰωνᾶν ἐκ τοῦ κήτους λέγει, κατέχον τὸν λάρυγγα τοῦ πάσχοντος· Βλάσιος ὁ μάρτυς ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ λέγει, ἀνάβηθι ὄστου ἢ κατάρηθι“. Aetii βιβλ. ιατρικ. I. VIII, с. 50. Ср. Нескер, II, 87.

стѣ съ тѣмъ онъ даетъ и рациональный совѣтъ—заставитъ проглотить кусокъ мяса, привязанный на ниткѣ, которую затѣмъ вытягиваютъ¹⁾. При приготовленіи мазей изъ пластырей онъ рекомендуетъ во все время этой операціи до полученія консистенціи пластыря торжественнымъ тономъ непрерывно и громко приговаривать: „Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова да даруетъ силу этому средству“. Сюда же относится вынесенный имъ изъ Египта и рекомендуемый имъ яшмовый амулетъ царя *Nehemsa*²⁾.

Тѣмъ не менѣе заслуги Аэція по отношенію къ сохраненію медицинскаго преданія громадны. Учебникъ его обнимаетъ всю практическую медицину и представляетъ обильный источникъ для древней медицины, такъ какъ содержитъ весьма мало оригинальнаго, но зато многочисленныя дѣльныя обработки важныхъ предметовъ изъ погибшихъ сочиненій. Онъ, правда, уступаетъ по живости изложенія Орибазію, но зато избѣгаетъ расплывчатости Галена, и при чтеніи его выносишь убѣжденіе, что онъ съ большимъ знаніемъ дѣла и опытною усвоилъ дошедшія до него преданія. Подробнѣе всего имъ обработана

Фармакологія, причѣмъ замѣчается однако совершенное отсутствіе естественно-историческихъ данныхъ и принимается во вниманіе лишь дѣльное дѣйствіе лекарственныхъ веществъ. Въ своей *Materia medica* Аэцій во всемъ слѣдуетъ Галену, здѣсь на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ „первыя и вторыя качества“. Отдѣльныя средства изъ трехъ царствъ природы изложены имъ въ алфавитномъ порядкѣ, причѣмъ не замѣчается особаго уклоненія отъ Галена и Діоскоріда, описанія коего онъ однако опускаетъ, перечисляя только свойства и дѣйствія лекарственныхъ веществъ³⁾.

Анатомія и физиологія Аэція заимствованы большею частью изъ Rufus'a, Орибазія и др. Нѣкоторый интересъ представляютъ здѣсь описаніе развѣтвленія третьей вѣтви пятой пары, а также замѣчаніе, что субстанція зубовъ пронизана нервами и что зубы представляютъ единственный видъ чувствительныхъ костей⁴⁾, наконецъ, установленное имъ различіе между миндалевидными и подчелюстными железами, изъ коихъ послѣднія онъ называетъ *ἀντιδενες*⁵⁾. Недурно также описаніе матки⁶⁾. Изъ области физиологіи отмѣтимъ тонкіе оттѣнки, различаемые имъ въ раз-

¹⁾ Tetrab. II, serm. IV, c. 50, col. 489.

²⁾ Tetrab. I, serm. II, c. 35, col. 84.

³⁾ Tetrab. I, serm. I (весь Sermo primus).

⁴⁾ Tetrab. II, serm. IV, c. 19, col. 457: „inter ossa soli dentes dolore afficiantur“.

Кстати замѣтимъ, что, за исключеніемъ греческихъ выраженій, мы здѣсь цитируемъ вездѣ по изд. Lugd. 1549.

⁵⁾ Тамъ же, c. 48. col. 488.

⁶⁾ Tetrab. IV, serm. IV, c. I, col. 955.

ныхъ видахъ аппетита: первый видъ слѣдуетъ, по Аэцію, за опорожненіемъ кишечнаго канала, второй—естественный, третій заключается въ актѣ всасыванія питательнаго вещества, четвертый въ самомъ ощущеніи этого всасыванія, наконецъ пятый есть животный аппетитъ¹⁾.

Патологія Аэціи почти цѣликомъ основана на элементарныхъ качествахъ и элементарныхъ влагахъ Галена; точно также семіотика его изложена въ систематическомъ порядкѣ по сочиненіямъ Галена, но довольно часто Аэціи является послѣдователемъ и методической школы (*status strictus* и *status laxus*).

Въ *частной патологіи* и *терапии* Аэціи первое мѣсто занимаетъ ученіе о лихорадкахъ, въ которомъ онъ большею частью слѣдуетъ Галену:

„Лихорадка есть противоестественный, изъ глубины выходящій жаръ сердца и артерій, вызывающій разстройство жизненной силы (*τόνος ζωτικός*) съ измѣненіемъ пульса“²⁾.

Аэціи различаетъ однодневную лихорадку (*ἑφήμερος*), происходящую отъ *πνεύμα*, гнилостную (*ἐπί σήπιδόνη*)—отъ болѣзненно измѣненныхъ влагъ и изнурительную (*ἐκτιχός*)—отъ пораженія сердца³⁾; далѣе постоянную, воспалительную лихорадку (*πύρετος σύννοχος*), появляющуюся у молодыхъ субъектовъ отъ избытка горячей или слишкомъ густой крови и либо продолжающуюся равномерно до конца (*f. homotonos*), либо повышающуюся (*f. erasmastica*), либо съ самаго начала падающую (*f. parasmastica*)⁴⁾, смотря по тому, наступаетъ ли меньшее или большее испареніе⁵⁾. Впрочемъ описаніе этихъ послабляющихся лихорадокъ (*πυρρῶσι συνεχεῖς*) довольно сбивчиво. *Causus* (*καύσος*), по Аэцію, есть воспалительная желчная лихорадка, происходящая отъ испорченной желтой желчи⁶⁾. Относительно гнилостной лихорадки необходимо замѣтить, что Аэціи приписывалъ ея происхождение задерживанію выдѣленій („*Dum quotidie fumosarum ac fuliginosarum superfuitatum transpiratio impeditur*“), вслѣдствіе чего естественная теплота превращается въ противоестественную, причемъ поражаются не только влаги, но и плотныя составныя части организма⁷⁾. Кромѣ того Аэціи различаетъ еще *коликвативную* лихо-

¹⁾ Tetrab. III, serm. I, c. 20, col. 552.

²⁾ Tetrab. II, serm. I, c. 7, col. 230.

³⁾ Тамъ же, c. 58, col. 243.

⁴⁾ Ср. „Исторію древней медицины“, вып. III, 962.

⁵⁾ Tetrab. II, serm. I, c. 70, col. 248: „Sunt autem differentiae. f. continentis tres, una aut aequalis permanet magnitudo ab initio usque ad solutionem, aut additamentum facit, aut detractorem: hoc autem contingit prout majores aut minores fiunt transpirationes, ex eo quod densior aut rarior est habitus corporis affecti“.

⁶⁾ Tetrab. II, serm. I, c. 50, col. 240.

⁷⁾ Tetrab. II, serm. I, c. 74, col. 250.

радку (συντήξις), впервые описанную Филагріемъ ¹⁾, сопровождаемую изнурительнымъ, вонючимъ поносомъ, происходящимъ отъ прилива къ кишечному каналу изъ всего тѣла не только влагъ, но и растворенныхъ плотныхъ частей организма. Далѣе, что касается перемежающихся лихорадокъ, то и онѣ изложены совершенно по Галену: *f. tertiana ex tertia* (ἐπιτετριμένως τριταῖος) есть трехдневная лихорадка съ приступами черезъ 12 часовъ ²⁾; дву-трехдневная (*hemitritaeus* или *semitertiana*) происходитъ на половину отъ испорченной желчи и на половину отъ испорченной слизи ³⁾. *Eriala* съ одновременнымъ ознобомъ и жаромъ происходитъ отъ кислой, прозрачной, слегка испорченной слизи ⁴⁾. *Lipurgia* есть воспаление желудка, при которомъ бываетъ внутренній жаръ и наружное ощущение холода, съ потерей рвчи. При этомъ Аэцій говоритъ также о рожистомъ воспаленіи кишечнаго канала (*ignis sacer, ἐρσιπέλας σπλάγγων*). Наконецъ, тифозная лихорадка (*fumosa, τυφώδης*) происходитъ отъ воспаления печени и сопровождается бредомъ и тупостью, воспаление же легкихъ влечетъ за собой лихорадку съ ледянымъ холодомъ (*algida, κρυώδης* ⁵⁾).

Относительно эпидемическихъ и чумныхъ лихорадокъ Аэцій ничего не прибавилъ къ даннымъ Rufus'a, согласно которому чума происходитъ либо отъ вредныхъ испареній изъ земли, либо отъ порчи воздуха, а появленію ея всегда предшествуетъ моръ четвероногихъ и птицъ ⁶⁾.

Лечение лихорадокъ по Аэцію состоитъ при изнурительныхъ—въ назначеніи холоднаго питья и опія, при воспалительной и гнилостной лихорадкѣ—въ примѣненіи кровопусканія, вообще же при всѣхъ лихорадкахъ Аэцій совѣтуетъ прохладное содержаніе.

Далѣе Аэцій говоритъ о рожистомъ, болѣе поверхностномъ воспаленіи мозга (*Erysipelas cerebri*) и другомъ болѣе глубокимъ, при которомъ мозгъ опухаетъ до того, что расходятся швы ⁷⁾,—а также объ апоплексіи (*syderatio*, по Галену ⁸⁾, о *phrenitis* (по Поси-

¹⁾ Tetrab. II, serm. I, с. 90 col. 263.

²⁾ Тамъ-же, с. 79, col. 255.

³⁾ Тамъ же, с. 82, col. 256.

⁴⁾ Тамъ же, с. 87, col. 261.

⁵⁾ Тамъ же, с. 89, col. 262. Выраженіе τυφός=fungus беретъ начало вѣроятно отъ ученія древнихъ объ *anathumiasis* или вредныхъ испареній, поднимающихся къ мозгу изъ брюшныхъ внутренностей. Ср. Нескеръ, II, 94.

⁶⁾ Tetrab. II, serm. I, сс. 94, 95, col. 268, 269.

⁷⁾ Tetrab. II, serm. II, с. 25, 26.

⁸⁾ Тамъ же с. 27. Тутъ же Аэцій распространяется о параличѣ вообще (с. 28) и въ частности о параличѣ отдѣльныхъ органовъ (сс. 19—37); а также о столбнякѣ (с. 39) и разныхъ видахъ головной боли (сс. 40—50).

донію)¹⁾, о воспаленіи мозга у дѣтей (siriasis)²⁾, о дифтеритѣ (ἐλάκη ἐν παρισθμίοις ἐσχαρώδη καὶ λοσιώδη), который онъ описываетъ по А р е т е ю, А р х и г е н у и Г а л е н у, причеиъ даже упоминаетъ о параличѣ мягкаго неба по окончаніи болѣзни³⁾.

При ischias, подагрѣ и ревматизмѣ Аэціи совѣтуетъ, по примѣру Архигена, употребленіе sauteria либо въ видѣ раскаленнаго желѣза, либо въ видѣ моксъ изъ корней растеній или помета козы; далѣе онъ даетъ формулы для многихъ линиментовъ и устанавливаетъ дифференціальное распознаваніе между подагрой и артритомъ, полагая ихъ причину въ экссесахъ in venere и за столомъ, а также въ несвареніи влагъ. Изложивъ гуморально - патологическую теорію, Аэціи переходитъ къ леченію какъ предохранительному (дѣта и режимъ), такъ и собственно терапевтическому, состоящему въ опорожненіи слишкомъ обильныхъ влагъ кровопусканіями и очищеніями и въ укрѣпленіи обезсиленныхъ членовъ охлаждающими средствами, смотря по сухости или влажности темперамента. Затѣиъ слѣдуетъ перечень мазей и пластырей, которыми онъ приписываетъ большое значеніе⁴⁾.

Далѣе, Аэціи упоминаетъ о встрѣчающихся въ Эфіопіи и Африкѣ dracunculis или filaria medinensis подъ кожей и въ мышцахъ, особенно у мальчиковъ, которой онъ однако, повидимому, самъ не наблюдалъ и которую описываетъ даже не по первоисточнику (Agatharchides), а по Леониду⁵⁾. Ленточную глисту Аэціи вмѣстѣ съ пневматикомъ Геродотомъ считаетъ за превращеніе слизистой оболочки кишекъ въ живое тѣло („permutatio pelliculae intrinsecus tenua intestina ambientis, in corpus quoddam vivum“), зато вполне рационально совѣтуетъ примѣнять противъ нея гранатовую корку⁶⁾, которую рекомендовалъ уже Цельсъ⁷⁾ и которая вновь введена въ употребленіе Breton'омъ лишь въ началѣ настоящаго столѣтія⁸⁾.

¹⁾ Tetrab. II, serm. II, c. 2, col. 293. Тутъ же изложены и другія болѣзни мозга, какъ то: hydrocephalus (с. 1), lethargus, catocha и catalepsia, sagus, coma и vertigo (сс. 3—7), далѣе—insania, нѣчто вродѣ прилива къ мозгу, сопровождаемаго веселостью, смѣхомъ, пѣніемъ, звономъ въ ушахъ, разстройствомъ воображенія и т. д. (тамъ же, с. 8), а также melancholia (сс. 9—10), эпилепсія (сс. 13—21), водобоязнь (с. 24), потеря памяти (с. 23), ликантропія (insania lupina aut canina, с. 11) и кошмаръ (incubus, с. 12).

²⁾ Tetrab. I, serm. IV, c. 13, col. 200.

³⁾ Tetrab. II, serm. IV, c. 46, col. 481.

⁴⁾ Tetrab. III, serm. IV, сс. 1—48, col. 707—758.

⁵⁾ Tetrab. IV, serm. II, с. 85, col. 904. Объ Agatharchides см. в. III, 687.

⁶⁾ Tetrab. III, serm. I, с. 40: „corticis radices mali punicae acidae“.

⁷⁾ Celsi de med., l. IV, с. 17.

⁸⁾ Roge t, On the Efficacy of the bark of the Pomegranate Tree in cases of Taenia, въ Medico-chirurgical Transactions. Vol. XI, 2, 1821. Ср. Hecker, II, 103.

Шоносъ вообще и при прорѣзываніи зубовъ у дѣтей въ особен-ности считался насильственнымъ и поэтому Азій вмѣстѣ съ Филуменомъ не спѣшилъ съ его остановленіемъ ¹⁾. Вообще желудочно-кишечныя пораженія изложены весьма подробно подъ общимъ названіемъ *crudititas* (Галенъ) и *stercora* (Филуменъ) ²⁾.

Къ болѣзнямъ кишечнаго канала, описываемымъ Азціемъ, слѣдуетъ также отнести судорожное сжатіе сфинктера задняго прохода, не пропускающее даже зонда, что случается будто бы при *volvulus*, который бываетъ трехъ родовъ: отъ воспаления, переходящаго въ нагноеніе или гангрену, отъ ущемленія грыжъ, отъ твердаго кала или даже отравленія ³⁾.

Дизентерію Азцій вмѣстѣ съ Архигеномъ считаетъ за изъязвленіе кишечнаго канала ⁴⁾. Болѣзни печени и селезенки изложены по Филагрію, Галену, Филумену и собственнымъ наблюденіямъ ⁵⁾.

Кровохарканіе Азцій лечилъ кровопусканіемъ ⁶⁾, а плевритъ—слабительными ⁷⁾.

Далѣе встрѣчаемъ у Азція описаніе геморроя, болѣзной почки и мочеваго пузыря (*phorriasis, scabies vesicae*) съ отрубевиднымъ слизистымъ выдѣленіемъ, причиняющимъ мучительный зудъ мошонки ⁸⁾. Въ другомъ мѣстѣ Азцій указываетъ на способъ леченія зуда мошонки (*scabiosum scrotum*), приписываемаго имъ острогѣ влагъ—воздержаніемъ отъ острой пищи, умѣреннымъ образомъ жизни и примѣненіемъ примочекъ изъ воды съ виномъ, припарокъ изъ египетскихъ бобовъ, *linimentum* изъ сѣры или яичнаго бѣлка и пр. ⁹⁾.

Много мѣста Азцій отводитъ болѣзнямъ половыхъ органовъ, которыя онъ излагаетъ по Леониду. Сюда относятся разрастающіяся, злокачественныя и разѣдающія язвы на крайней плоти, на всемъ членѣ и около задняго прохода, которыя лечились раскаленнымъ желѣзомъ или удаленіемъ (крайней плоти). Кромѣ того есть указанія на кондиломы, перелой, воспаленіе яичекъ, трещины задняго прохода,

¹⁾ Tetrab. III, serm. I, c. 35, col. 584, Tetrab., I, serm. IV, c. 9, col. 199.

²⁾ Tetrab. III, serm. I, cc. 24, 25, col. 556—562.

³⁾ Tetrab. III, serm. I, c. 28, col. 567: „*podex [anus] ita adstrictus, ut neque specilli extremum suscipere possit.*“

⁴⁾ Tetrab. III, serm. I, c. 43, col. 599.

⁵⁾ Tetrab. III, serm. II, cc. 1—18.

⁶⁾ Tetrab. II, serm. IV, cc. 59—63, col. 506—510.

⁷⁾ Тамъ же, c. 68, col. 522.

⁸⁾ Tetrab. III, serm. III, c. 22, col. 687.

⁹⁾ Tetrab. IV, serm. II, c. 20, col. 847.

бубоны¹⁾ и пр., изъ каковыхъ измѣненій нѣкоторыя указываютъ на вѣроятное существованіе уже въ то время сифилиса.

Изъ сыпныхъ болѣзней, между прочимъ, упоминаются *mentagra* которую Аэціи считаетъ за катарральную болѣзнь²⁾, а также проказа (*Elephantiasis graecorum* или *Legra arabum*), которую Аэціи наблюдалъ въ Египтѣ, причемъ приводитъ способъ ея леченія кастраціею, какъ весьма важнымъ спасительнымъ средствомъ на томъ основаніи, что ни скопцы, ни женщины будто не поражаются этой болѣзвью³⁾.

Наконецъ приведемъ наружное примѣненіе Аэціемъ *cauteria* и *Anagallis* противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ, одновременно съ *Alyssum* и известнымъ раковымъ средствомъ (10 частей заживо сожженныхъ въ мѣдномъ блюдѣ раковъ, 5 частей *Gentianae* и 1 часть ладону)⁴⁾. Кромѣ того у Аэціи находимъ небольшую главу, посвященную притупляющимъ средствамъ, во главѣ которыхъ онъ ставитъ опій и шафранъ⁵⁾.

Хирургія Аэція занимается преимущественно второстепенной хирургической терапіею, въ которой главную роль играютъ мази, пластыри, а также *cauteria*. Кровоопусканіе онъ совѣтуетъ дѣлать какъ на больной, такъ и на противоположной сторонѣ, при приливахъ же къ головѣ, кромѣ того—вводитъ въ носъ соломенку для усиленія эффекта обоихъ кровоопусканій⁶⁾. Изъ кровоостанавливающихъ средствъ Аэціи совѣтуетъ перевязку и скручиваніе артерій, а также прижиганія и древнія *misu* и *chalcitis*⁷⁾. Операцию аневризмы въ локтевомъ сгибѣ онъ производитъ по Антиллу (см. вып. III, 977): разрѣзываетъ артерію между двумя лигатурами, удаляетъ кровяные свертки и выполняетъ рану разными веществами, между прочимъ и ладонемъ. Интересно, что въ видѣ приготовленія къ этой операциіи онъ считалъ нужнымъ предварительно производить еще другую: отыскавъ плечевую артерію на разстояніи трехъ или четырехъ поперечныхъ пальцевъ ниже подкрыльцевой ямы, онъ дѣлалъ продольный разрѣзъ, обнажалъ артерію и, наложивъ двойную лигатуру, перерѣзывалъ по срединѣ, послѣ чего перевязывалъ рану порошкомъ ладона и корпией.

1) *Tetrab.* IV, в. II, сс. 3, 19, 21 и *Tetrab.* II, в. I, с. 67. Въ одномъ мѣстѣ мы нашли даже намекъ на триперныя нити (*Tetrab.* III, serm. III, с. 31) съ указаніемъ, что таковыя наблюдались уже Гипократомъ, Архигеномъ и Галеномъ (см. ниже).

2) *Tetrab.* II, в. IV, с. 9, col. 446. Тутъ же рѣчь идетъ о веснушкахъ, *stigmata*, аспе, *gucosis* и различныхъ видахъ *impetiginis* (сс. 11—16).

3) *Tetrab.* IV, в. I, сс. 120—122. Кстати замѣтимъ здѣсь, что описаніе проказы у Аэціи вышло несравненно блѣднѣе, чѣмъ у Аретей.

4) *Tetrab.* II, serm. II, с. 24. 5) *Tetrab.* III, serm. IV, с. 30.

6) *Tetrab.* I, serm. III, с. 12, *Tetrab.* II, serm. I, с. 124. 7) *Tetrab.* IV, serm. II, с. 51.

Вотъ относящеся сюда мѣсто у Аэція:

„Primum arteriam superne, ab ala ad cubitum, per internam brachii partem delatam signamus. Deinde in eadem interna brachii parte simplicem sectionem tribus aut quatuor digitis infra alam, per longitudinem facimus, ubi maxime ad tactum arteria occurrit, atque eâ paulatim denudata, deinceps incumbentia corpuscula sensim exoriamus ac separamus et ipsam arteriam caeco uncino attractam duobus fili vinculis probe adstringimus mediamque inter duo vincula dissecamus, et sectionem polline thuris explemus ac linamentis inditis congruas deligationes adhibemus. Postea vero tumorem in cubiti cavitate sive flexura securi secamus, nihil amplius verentes sanguinis eruptionem. Tunc grumis evacuatis, arteriam unde sanguis prodiit perquirimus, et repertam uncino attractam sicut priorem constringimus ac dissecamus rursusque thuris polline sectione expleta, puris generationem procuramus“¹⁾.

Геморрой Аэцій различалъ скрытый, глубокий и открытый, кровоточащій. Операция геморроидальныхъ шишекъ состояла въ извлеченіи ихъ крючкомъ и разрѣзѣ основанія съ послѣдовательнымъ скручиваніемъ. Для остановленія крови онъ вкладывалъ губку, обмотанную ниткой, конецъ которой оставлялъ наружу²⁾. Далѣе Аэцій излагаетъ по Леониду лечение выпаденія прямой кишки прижиганіемъ, а нарывовъ на краю задняго прохода и фagedеническихъ язвъ вырѣзываніемъ и прижиганіемъ³⁾; при свищѣ задняго прохода онъ примѣнялъ нынѣ употребительный способъ операции: разрѣзъ и удаление каллезностей⁴⁾.

Какъ груди, величиной не больше половины послѣдней, Аэцій лечилъ ампутаціей и прижиганіемъ; глубокий же и плотносидащій (скирръ) онъ считалъ неизлечимымъ и потому подлежащимъ операциі⁵⁾.

При камняхъ въ мочевомъ пузырьѣ, въ случаѣ невозможности достигнуть ихъ растворенія внутренними литотрипсическими лекарствами⁶⁾ или извлеченія посредствомъ катетера, Аэцій рекомендуетъ „обыкновенное“ (pro more) нижнее сѣченіе пузыря⁷⁾. При этомъ камнесѣченіи, которое онъ примѣнялъ и у женщинъ⁸⁾, онъ, по словамъ Sprengel'я, будто бы совѣтуетъ употреблять ножъ, скрытый въ трубкѣ, во избѣжаніе поврежденій внутреннихъ половыхъ органовъ, могущихъ имѣть послѣдствіемъ без-

¹⁾ Tetrab. IV, serm. III, c. 10, col. 915. Въ вып. III, стр. 979 мы вмѣстѣ съ Пескегономъ ошибочно назвали этотъ способъ операциі „способомъ Филагрія“: Аэцій послѣдняго не цитируетъ, а говоритъ отъ своего лица.

²⁾ „Per hamulum obtorquere“ Tetrab. IV, serm. II, cc. 5, 6, col. 839.

³⁾ Тамъ же, cc. 7—10.

⁴⁾ Тамъ же, c. 11.

⁵⁾ Tetrab. IV, serm. IV, c. 50, col. 983.

⁶⁾ Tetrab. III, serm. III, cc. 9—13, гдѣ между прочимъ фигурируетъ и козлиная кровь (sanguis hircinus).

⁷⁾ Тамъ же, c. 14.

⁸⁾ Tetrab. IV, serm. IV, c. 99.

плодіе. Но такого совѣта мы въ соотвѣтственныхъ главахъ Аэціи при возможно тщательной провѣркѣ нигдѣ не нашли ¹⁾).

О вывихахъ и переломахъ онъ вовсе не упоминаетъ ²⁾).

При отравленныхъ ранахъ Аэціи прежде всего устанавливаетъ общее правило — промывать каждое ядовитое укушеніе по возможности раньше уксусомъ и водой, затѣмъ высасывать ртомъ, который для предохраненія отъ отравленія предварительно смазывается масломъ, и затѣмъ перевязывать рану золою съ уксусомъ ³⁾. Употреблялъ ли Аэціи при этомъ обычный и понинѣ на востокѣ приемъ — высасываніе ядовитыхъ укушенныхъ ранъ кровососными банками, мы не могли отыскать. Противъ укушенія *vipera*, послѣ котораго смерть наступала уже черезъ 7 часовъ, Аэціи приводитъ совѣтъ Архигена, кромѣ наружныхъ средствъ, принимать внутрь вино съ чеснокомъ еще до появленія кровавой мочи ⁴⁾. Реагентомъ для опредѣленія ядовитости раны Аэцію служило прикладываніе къ ранѣ волошскихъ орѣховъ, которые затѣмъ бросаютъ курицѣ: если она остается живой, то рана не ядовита, если же нѣтъ, то рана содержитъ ядъ ⁵⁾.

Наконецъ упомянемъ здѣсь, что при подкожной водянкѣ Аэціи, по примѣру Асклепиада, прибѣгалъ къ насѣчкамъ выше лодыжки ⁶⁾, причѣмъ входитъ въ подробности объ этой операціи, ошибочно приписываемой *Delaboë-Sylvius'u*.

Въ области *глазныхъ болѣзней* находимъ у Аэціи извлеченія изъ Галена, Демосеена, *Severus'a*, а также многія самостоятельныя наблюденія. Роговая оболочка состоитъ изъ четырехъ пластинокъ (*κτῆδονες*, *fibrae*, по сходству ихъ съ кольцами или слоями древесныхъ стволовъ) ⁷⁾. Мы уже выше указали на то, что это открытіе дало возможность различать *opuchiam* отъ *hurorouon*, а также на наблюденія надъ эпидемической бленорреей и трахомой, равно какъ и на способы лѣченія глазныхъ болѣзней посредствомъ *periscythismus*, *angiologia*, *hypospathismus*, астафиломы (*clavus*) — двумя перекрещивающимися лигатурами ⁸⁾. Здѣсь прибавимъ только, что

¹⁾ Ср. *Sprengel*, II, 276, гдѣ онъ ссылается на *Tetrab.* III, *serm.* III, с. 21, но тамъ объ этомъ рѣшительно нѣтъ рѣчи.

²⁾ Маленькая глава въ 12 строчекъ, *Tetrab.* IV, *serm.* II, с. 71, не можетъ идти въ счетъ.

³⁾ *Tetrab.* IV, *serm.* I, с. 10.

⁴⁾ *Tetrab.* IV, *serm.* I, с. 21.

⁵⁾ *Tetrab.* II, *serm.* II, с. 24, col. 317.

⁶⁾ *Tetrab.* III, *serm.* II, с. 30.

⁷⁾ *Tetrab.* II, *serm.* III, с. 29, 34.

⁸⁾ См. Исторію древней медицины, выпускъ III, стр. 978, 979. Здѣсь считаемъ долгомъ исправить ошибку, вкрадшуюся въ приведенное мѣсто III выпуска. Аэціи, правда

при леченіи глазныхъ болѣзней Аэцій, какъ и Severus, высказывается противъ всѣхъ грубыхъ способовъ и злоупотребленія разными collugia, въ составъ коихъ между прочимъ почти всегда входилъ кадмій,—въ особенности же противъ разрывающихъ инструментовъ, тренія фиговыми листьями и т. д. Любимое средство Severus'a при неровностяхъ, утолщеніяхъ и каллезныхъ образованіяхъ на соединительной оболочкѣ глазъ состояло изъ слѣдующихъ веществъ:

Rp. Testae sepiae ℥viii
 Punicis ℥viii
 Rubricae sinopicae
 Ammoniaci thymiamatis singulorum ℥x
 Gummi ℥viii

Excipe aqua. „Ex hujus usu magnam laudem reperies¹⁾“.

Необходимо однако сказать, что хотя Аэцій и вооружается противъ прижиганія висковъ раскаленнымъ желѣзомъ или сердцевиной орѣховаго дерева, а также противъ hyposphatismus, но самъ же рекомендуетъ не менѣе грубый способъ, какъ приведенный periscithismus:

„Quidam barbaris legibus servientes in diuturnis oculorum fluxionibus, tempora inurunt, aut per pharmacum, aut per medullam lignorum nucis juglandis, quod hyscas appellant. Quidam etiam ferrum candefaciunt et ustionem perficiunt. Ego itaque ejus modi affectionem ex temporum ustione conflata vidi“ etc. (Tetrab. II, s. III, c. 89, col. 408).

„Frontis per submissum scapellum excoriationem hyposphatismum Graecis appellatum assumunt, qui deformitatem cicatricis maxime per circulum fientis in frontis circuncisione, devitant. Verum haec curatio imperfectior illa est. Unde magis frontis circuncisione perisciphismo appellato utendum est ita, ut rei magis necessariae curam habeamus (Тамъ же, с. 92).

А вотъ описаніе periscythismus, этой по истинѣ варварской операциі, которой Аэцій отдаетъ предпочтеніе передъ hyposphatismus:

„Sed et calvariae circuncisionem, periscythismum Graecis dictum, assumimus, in quibus diuturna et tenuis oculorum fluctio existit et multa vasa fluctionem delegantia. Oportet igitur rasos locos notare, ut ne in coronalem suturam, aut temporum musculos, sectio fiat. Facienda autem est sectio paululum supra frontem transversa initio a tempore ad tempus facto, ita ut membrana calvam ambiens simul dissecetur, et diligenter radatur. Deinde cuneolis sectione inditis linamenta adhibemus, et reliqua consequenter facimus velut praedictum est in arteriarum sectione, assumpta ex vino, et oleo irrigatione. A tertio die curatio suppuratoria fiat. Deinde ea quae resiccationem promittit. Si quidem igitur a solo sincipite oculi fluxione infestantur, praedicta sectione contenti sumus. Si vero una cum supernis vasis, etiam ex

смыляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Severus'a (Tetrabib. II, serm. III, сс. 42, 43, 85, 90, 94, 95, 102), но большею частью говорить отъ своего имени, и на основаніи находящихся у него данныхъ трудно рѣшить, что принадлежитъ ему и что Severus'у въ мѣстахъ, гдѣ онъ его не цитируетъ.

¹⁾ Tetrab. II, serm. III, с. 43, col. 387.

temporibus fluxio feratur, post factam relatam supernam sectionem, alias duas luniformes assumimus, unam ob utraque parte. Habeat autem principium, tum ea quae a dextris fit, tum quae a sinistris, a principiis transversae sectionis superne factae, ita ut ex supernis ad tempora deferantur, usque ad medium frontis. Procedant autem luniformiter ad supercilia conversae, ut ne temporum musculos injuria afficiant. Sit autem figura trium harum sectionum similis literae Graecae π, ita tamen ut apices ad internas partes incurvatos habeat hoc modo: π. Oportebit autem et hic cuneolos sectionis indere, et consequentia facere, velut antea dictum est. Porro dicunt Aethiopes a nativitate frontem circumcidere, ut ne oculorum fluxione infestentur (Tetrab. II, s. III, c. 91, col. 409).

Удивительно только, какъ это больные соглашались на подобную жестокую операцію, которую могли выдерживать развѣ только ко всему притерпѣвшіеся эфіопы, не останавливавшіеся даже передъ его употребленіемъ съ одной только профилактической цѣлью на своихъ дѣтяхъ!

Въ остальномъ леченіе глазныхъ болѣзней у Аэціа отзывается прежней рутинной: артеріотомія позади ушей, кровопусканіе, сильныя слабительныя, ванны, строгая гигіена по древне-египетскимъ правиламъ въ сочетаніи съ безчисленнымъ множествомъ наружныхъ средствъ—весь этотъ древній балластъ перешелъ въ глазную терапію Аэціа ¹⁾. Какъ особенную заслугу его въ этой области необходимо однако признать, что онъ вмѣстѣ съ Демосееномъ, Аптиломъ и Северомъ много способствовалъ различенію и установленію разныхъ болѣзненныхъ формъ, въ томъ числѣ бленорройнаго конъюнктивита, huporion, phlyctæna, prolapsus iridis, трахомы, atopia, myopia, nystalopia, ambliopia, amaurosis, катаракты ²⁾, trichiasis ³⁾. Интересно, что удаленіе pterygii при начинающейся катарактѣ онъ считалъ предосудительнымъ, такъ какъ это можетъ ускорить потемнѣніе хрусталика ⁴⁾. Кромѣ того Аэцій говоритъ еще объ Aegilops (нарывъ у внутреннего угла глаза) ⁵⁾.

Акушерство изложено по Филумену, который, повидимому, приобрѣлъ богатую опытность тѣмъ, что приказывалъ повивальнымъ бабкамъ приглашать его заблаговременно къ роженицамъ и не слишкомъ долго дѣйствовать самостоятельно ⁶⁾. Между причинами, замедляющими роды и зависящими отъ матери, первое мѣсто у него занимаетъ узкій тазъ, затѣмъ слѣдуютъ уродливости отъ чрезмѣрнаго сгибанія позвоночнаго столба, задержаніе каловыхъ массъ, пожилой возрастъ, первые роды, полипы, мочевые камни, неправильныя положенія и т. д. Вообще при родахъ онъ старался

¹⁾ Tetrab. II, serm. III, c. 90 и сс. 6—10.

²⁾ Tetrab. II, serm. III, сс. 28, 29, 43—48, 51.

³⁾ Тамъ же, с. 66, col. 397.

⁴⁾ Тамъ же, с. 58, col. 395.

⁵⁾ Tetrab. II, serm. III, сс. 85, 86.

⁶⁾ Tetrab. IV, serm. IV, c. 23.

примѣнять нѣжные способы, къ болѣе же энергическимъ прибѣгаль только въ крайнихъ случаяхъ. При узости маточнаго устья онъ примѣнялъ медленное расширеніе, роженицу же при первыхъ потугахъ усаживалъ на родильное кресло, наклоня туловище впередъ съ цѣлію предоставить маткѣ болѣе простора (?) для растяженія, закрытый *humeri* и слишкомъ плотныя оболочки перерѣзывалъ, при слишкомъ раннемъ отхожденіи водъ впрыскивалъ яичный бѣлокъ въ слизистомъ отварѣ изъ ячменной крупы или мальвы, при слабости движеній младенца извлекалъ его руками, при двоянхъ одинъ изъ младенцевъ отодвигался назадъ, точно также при уродливостяхъ младенца отодвигалъ его назадъ, чтобы привести въ болѣе удобное положеніе, при предлежаніи ножки или ручки Филумень, подобно Гиппократу, запрещалъ всякое грубое дерганіе, отодвигалъ подлежащую часть назадъ и дѣлалъ поворотъ на ножки, поперечныя положенія старался превращать въ правильныя, въ крайнихъ же случаяхъ, а также при чрезмерной величинѣ плода или отдѣльныхъ частей его Филумень прибѣгаль къ раздробленію младенца. Если роженица впадала въ спячку или судороги, онъ отказывался отъ этого способа, но, если оставалась еще какая нибудь надежда, онъ укладывалъ роженицу съ запрокинутой назадъ головой, укрѣплялъ ее виномъ и хлѣбомъ, вспрыскивалъ лицо виномъ и т. д. При вѣдреніи слишкомъ большой головки онъ вкладывалъ два крючка въ глазныя впадины, въ ротъ или за подбородокъ и выше и затѣмъ этимъ способомъ извлекалъ младенца; при головной водянкѣ выпускалъ воду разрѣзомъ и если этого было недостаточно, то раздроблялъ головку и извлекалъ кости зубными и костными щипцами, а также пальцами, и затѣмъ уже накладывалъ крючки. При вѣдреніи груди или живота онъ разрѣзывалъ ребра и вынималъ изъ послѣдняго внутренности. При крайней же надобности онъ прибѣгаль къ отрѣзыванію верхнихъ и, если нужно, и нижнихъ конечностей изъ плечеваго или тазо-бедреннаго составовъ, затѣмъ головки, послѣ чего туловище, а за нимъ головку извлекалъ острыми крючками ¹⁾. При узости маточнаго отверстія или скиррахъ матки прибѣгали къ искусственному выкидышу, для чего существовало множество способовъ, предложенныхъ еще Аспазіей ²⁾. Весьма богатый отдѣлъ въ послѣдней книгѣ (*Tetrab. IV, s. IV*) составляетъ

Гинекологія Аэціи. Не говоря уже о физиологіи мѣсячныхъ очищеній, зачатія, признакахъ и теченіи беременности, а также леченіи разныхъ измѣненій въ организмѣ беременных ³⁾, о пессаріяхъ, вызывающихъ без-

¹⁾ Тамъ же, с. 22.

²⁾ Тамъ же, сс. 16, 18.

³⁾ *Tetrab. IV, serm. IV, сс. 2—12.*

плодіе (с. 17), о средствахъ къ уничтоженію плода по Аспазіи (с. 18), о признакахъ наступающаго выкидыша (с. 19), объ обычныхъ выкидышахъ на второмъ или третьемъ мѣсяцѣ (с. 21) и другихъ вопросахъ, относящихся собственно къ акушерству, мы находимъ у него еще главы о причинахъ и леченіи безплодія мужчинъ и женщинъ (с. 26), о признакахъ и леченіи слишкомъ холодной, слишкомъ горячей, слишкомъ влажной или сухой матки (сс. 27—30), о различныхъ напиткахъ, пессаріяхъ и окуриваніяхъ, способствующихъ зачатію ¹⁾. Само собой разумѣется, что и тутъ дѣло у Аэція не обходилось безъ симпатическихъ средствъ, куда относится напр.

„*A muletum naturale: Ossa, quae in corde cervi reperuntur, sinistro brachio adallegata, arcana quadam naturae vi conceptionem juvare creduntur*“. или средство для произражденія плода мужскаго или женскаго пола: „*Si vir dextro pede, fascia candida vincto, cum muliere coeat, marem, ut ferunt, generabit, si vero sinistram pedem colorata fascia ligarit, foemellam. Tradunt etiam satyrii ac serapiadis radicem solidiorem salaces facere, et masculis generandis prodesse, flaccidiorem vero contrarium efficere*“ ²⁾.

Далѣе рѣчь идетъ о средствахъ, полезныхъ при недостаткѣ молока и для предупрежденія створоженія молока въ грудяхъ (с. 33—35), о заболѣваніяхъ грудей вслѣдствіе патологически измѣненнаго молока, воспаленіяхъ грудной желѣзы, нарывахъ, фистулахъ, язвахъ грудей и т. д. (сс. 36—42), о ракъ груди и его хирургическомъ леченіи (*sancti chirurgia* по Леониду) ампутаціей или прижиганіемъ каутеріями, о фармацевтическомъ леченіи закрытаго и открытаго рака и скирра (сс. 43—50), о задержаніи мѣсячныхъ по Руфу и Аспазіи (с. 51) ³⁾, объ отсутствіи мѣсячныхъ (сс. 52—54), о пессаріяхъ (с. 55), о леченіи отсутствія мѣсячныхъ у тучныхъ, полныхъ, худощавыхъ и одержимыхъ болѣзненными измѣненіями влагъ (сс. 56—59). Затѣмъ слѣдуетъ леченіе в и к а р и р у ю щ и хъ мѣсячныхъ (с. 60), а также отсутствія мѣсячныхъ вслѣдствіе праздности („*nimium osium*“, с. 61), вслѣдствіе болѣзней матки (с. 62), послѣ чего Аэцій переходитъ къ терапіи дисменореи (*stillicidium*, с. 63), слишкомъ обильныхъ мѣсячныхъ (сс. 63, 64), катарра матки (сс. 65, 66), бѣлей (с. 67), истерики (*uteri strangulatio et suffocatio*, сс. 68—71); далѣе о сперматорреѣ женщинъ (*seminis fluxus*), о слабости матки, о бѣшенствѣ, параличѣ, выпаденіи матки, по Сорану (сс. 72—76), о наклоненіяхъ и перегибахъ матки, по Аспазіи (с. 77), о *physometra* (*uteri inflatio*), водянкѣ матки, заносѣ (*mola*), о рыхлой опухоли матки (*tumor laxus*, сс. 78—81), о *satyriasis* по Сорану (с. 82), о воспаленіи матки, по Филумену (с. 83), о скиррѣ матки по Сорану (с. 84), о нарывѣ матки, по Архигену (с. 85), о хирургическомъ

¹⁾ *Tetrab. IV, serm. IV, c. 32 col. 974.* ²⁾ Тамъ же, въ концѣ с. 32, col. 976.

³⁾ Между прочимъ: „*steriles, praegnantes, cantrices ac saltatrices naturaliter non purgantur*“. Ср. вып. III, стр. 749, примѣч. 3.

его леченіи (с. 86), о вскрытіи маточныхъ нарывовъ въ кишечный каналъ и полость брюшины (с. 87), о язвахъ (сс. 88—90), по ш а матки, по Аспазіи (с. 92), о средствахъ, способствующихъ зарубцеванію язвъ, по Асклепиаду (с. 93), о ракахъ матки по Архигену (с. 94), о зарощеніи маточнаго устья (сс. 95—96), о геморроѣ матки, по Аспазіи (с. 97), о камняхъ матки (с. 98), о грыжахъ у женщинъ (сс. 100—102), объ изсѣченіи клитора (пупфа, с. 103), о хвостѣ у женщинъ (de cauda), причеъ по описанію Аэціи этотъ хвостъ начинается отъ устья матки и выходитъ въ видѣ торчащаго наружу мясистаго стебля (с. 104), о разныхъ наростахъ (thymus, verrucosae, formicaria) матки, при которыхъ Аэціи примѣнялъ хирургическое леченіе (с. 105); далѣе о кондиломахъ матки, по Аспазіи (с. 106), о трещинахъ (с. 107), милліарныхъ туберкулахъ (с. 108) и пустулахъ матки (с. 109), о нарывахъ въ малыхъ и большихъ дѣтородныхъ губахъ (с. 110), о выпячиваніи пупка (с. 111), о трещинахъ кожи и пигментныхъ пятнахъ на животѣ у женщинъ вслѣдствіе родовъ (с. 112); наконецъ о приготовленіи разныхъ мазей и составовъ для окуриванія при женскихъ болѣзняхъ (сс. 113—122).

За невозможностью по недостатку мѣста и обилію матеріала представить здѣсь болѣе полный и систематическій обзоръ сочиненія Аэціи, въ заключеніе приведемъ хоть еще нѣсколько образчиковъ его манеры изложенія какъ въ его заимствованіяхъ, такъ и въ оригинальныхъ главахъ.

(*Cura febris ardentis [causus]*, по Филумену) „Est igitur febris ex flava bile putrefacta incensa, continua ardentissima, et neque medicis, neque aegris bonum ordinem exhibet. Lingua enim in his arida est, et nigra ac aspera. Morsus item ventris, ac sitis intolerabilis, et vigiliae. Aliquando etiam delirium. Primum itaque leniter ac blande hanc febrem aggredi oportet. Ubi vero concoctionis signa apparuerint in urinis, et morbus iam vigerit, acrius instare, et ad frigidem potum accedere. Nisi et hic aliquid prohibeat ex his quem de continentibus febribus relata sunt. Prima vero auxilia in febre ardenti sunt: Decubitus in locis frigidis, qui ad purum aerem patent ac perflantur. Stratum molle et saepius renovatum, amicula assidue permittata, et satis gracilia et non sordida. Lectus sit abunde amplus, quo possint membra calefacta subinde ad alias atque alias eius partes transferri. Et per flabellum aëri gravior concitetur etc.“¹⁾

(*De vesicae fluxione et his quae capillorum forma exeunt cum urina, Archigenis*).... „Novimus autem quosdam etiam pilos per lotium ejecisse modo invicem perplexos, modo simplices, et aliquando valde longos, aliquando breves, atque eos omnes a fluxione productos. Haec sane Archigenes. Galenus autem de hoc ita inquit: Capillis similia etiam Hippocrates cum urina prodiisse vidit, et nos sane vidimus quandoque palmi longitudine, quandoque etiam longiora aut breviora: ex colore autem et compage persuasus sum, ex crasso et viscoso humore calefacto et resiccato in venis eos coactos esse“ etc.²⁾ Не характерное ли это описаніе триперныхъ нитей?

¹⁾ Tetrabib. II, serm. I, c. 78, col. 253.

²⁾ Tetrab. III, s. III, c. 31, col. 698—9.

(*De inflammatione vesicae: Rufi*)... „Febri acuta infestantur, et vigilant, et delirantes aliena loquuntur, et vomunt biliosa pura, et lotium ejicere non possunt: durus fit pecten et pubes cum vehementi dolore, et egerendi appetentiae velut in tenesmo fieri solent“ etc. (*Къ леченію*). „Ego vero, inquit Rufus, vehementioribus existentibus doloribus opium magnitudine ervi cum modica myrrha et croco lanae illitum in podicem indidi, et statim dolores quieverunt, confestimque aeger obdormit“... „Porrò catheteris immissionem ad inflamatam vesicam in viro quidem non probò: etenim cum laboriose immiti queat dolores exacuit, et inflammationes auget. Verum mulieri ipsum adhibere nihil absurdum, brevis enim in ipsis urinae meatus“... „Si vero urinae suppressae periculum urgeat, necessario ad catheteris usum confugimus“ etc.¹⁾.

(*De dolore animi deliquium inducente*). „Dolor est repentina temperamenti mutatio, et futura continuitatis solutio. Non enim quae paulatim fit alteratio, animal dolore afficere potest. Apparet enim corpora non solum dum acervatim ad non naturalem habitum ducuntur, molestam habere mutationem, sed etiam dum ad naturalem habitum reducantur, nisi paulatim id contingat, dolore affici. Proinde eos qui in vehementissimo frigore iter fecerunt, acervatim calefactos dolore affici scimus circa unguium radices adeò ut ferre non possint. Quaerimus igitur quomodo aegrotantes dolent, nullo forinsecus accedente ipsis dolorem inducente. Necessarium est in corpore talem quandam causam quaerere, quae calfaciens vehementer, aut perfrigerans, aut essentiam alicujus sensitivi corporis dividens, angorem nobis inducat“. Указавъ, затѣмъ, на причиняющіе нарушеніе цѣлости разрывъ, ушибъ или разъѣденіе, Аэцій продолжаетъ: „At ruptura fit ex tensione, contusio ex gravitate, erosio ex mordaci qualitate. Quum igitur foris nihil fuerit, quod dolorem inducat, aut tendens, aut gravans, aut mordens, sed ex seipso aliquid horum patitur corpus, omnibus nimirum manifestum est, quod ab aliquo intrinsecus fit. Attensio quidem ab essentia distendente corpus ipsum continens fieri potest, aut ab immodica siccitate. Contusio vero ab aliquo tumore duro adiacente. Morsus autem ab acri humore. Considerandum igitur est, an sit humor miltus, aut flatus transitum non habens, velut in colicis. Aut gravis moles in inflammationibus et tumoribus induratis. Aut humor mordax, aut affectio sicca, velut in convulsis. Aut frigiditas vehemens. Aut caliditas. Et horum singulorum correctio ritè facienda est“. Что касается нервовъ, то ихъ участіе въ болевомъ ощущеніи Аэцій признаетъ только въ направленіи ихъ распространенія въ длину, но не ихъ растяженія въ ширину, приписывая боль въ послѣднемъ случаѣ растяженію перепончатыхъ образованій (фасцій); такъ напр. при мигрени: „velut a radice quadam, a primario affecta parte dolor initium sumens, celerrime ad adjacentes utrinque partes fertur. Quapropter ad ambas extremitates contingentibus distensionibus, etiam nervi ad utranque partem distenduntur. Minime ad latitudinem distentos dolores nervi ipsi habent. At vero membrana subter omnem cutem distenta, tensivos et stupidos dolores inducit“. Такую же роль онъ приписываетъ междумышечнымъ и проникающимъ въ самыя мышцы перегородкамъ („inter carnem sunt membranae et forinsecus ipsam carnem ambientes“), а также надкостной плевѣ. Сообразно съ вышесказаннымъ и леченіе болей у Аэція состоитъ главнымъ образомъ въ опорожненіяхъ: у крѣпкихъ кровопусканіе, у слабыхъ revulsio et derivatio, при измѣненіи влагъ—очищеніе, далѣе размягчающія, разрѣшающія, согрѣвающія, anethum viride („dolorem eximit et somnum inducit“)²⁾.

¹⁾ Tetrab. III, serm. III, c. 26.

²⁾ Tetrab. II, serm. 1, c. 100.

Puschmann въ своемъ изданіи *Александра Траллійскаго* говорить, что Аэцій, „подобно Орибазію, только съ меньшимъ искусствомъ и талантомъ, соединилъ въ одну общую картину научныя изслѣдованія предшествовавшихъ ему великихъ врачей и писателей,—картину, получившую свою своеобразную окраску отъ смѣси христіанской мистики и языческаго суевѣрія, непрактическаго догматизма методической школы и ненаучной практики эмпириковъ, слѣпой вѣры въ непогрѣшимость Галена и скептицизма электиковъ“¹⁾. Изъ представленнаго нами очерка видно однако, что Puschmann уже слишкомъ произвольно сгустилъ краски въ упомянутой картинѣ. Не смотря на значительную примѣсь мистическаго и языческаго элементовъ, отъ которыхъ вѣдь и Александръ Траллійскій отнюдь не былъ свободенъ, сочиненіе Аэція, какъ это долженъ признать всякій безпристрастный изслѣдователь, сослужило великую службу не только исторіи медицины, какъ единственный цѣлныи, дошедшій до насъ историческій памятникъ о древней медицинѣ,—но и дѣлу сохраненія медицинскаго преданія для практическииъ врачей, какъ самый полный и наилучшій въ свое время компендіи совокупной медицины, по которому учились, безъ сомнѣнія, многія и многія поколѣнія врачей.

Важное практическое значеніе сочиненія Аэція для того времени лучше всего выражено въ слѣдующей оцѣнкѣ, сдѣланной ему Корнаріемъ, которой и закончимъ настоящій обзоръ:

„Crede mihi, quisquis es rerum medicarum studiose, si totum Galenum contractum, si totum Oribasium explicatum, si Paulum [Aeginetam] ampliatum, si omnes veterum speciales, tum per pharmaca, tum per chirurgiam aggressiones, ad omnes affectiones, in summa habere voles, Aetium habes, unde totum hoc petere, ac ferre potes“²⁾.

Среди мрака, царствовавшего въ области медицины вначалѣ среднихъ вѣковъ, звѣздой первой величины считается врачъ, напоминающій классическій періодъ греческой медицины, а именно,

Alexander изъ **Tralles'**а (525—605 по Р. Х.) въ Лидіи (нынѣ Sultan Hisar къ югу отъ Меандра). Это былъ одинъ изъ городовъ Малой Азіи, гдѣ говорили на чистѣйшемъ греческомъ языкѣ по причинѣ соудства острововъ Эгейскаго моря, которые вели обширную торговлю между

¹⁾ Puschmann, *Alexander von Tralles*. Original-text und Uebersetzung, Wien, 1878, B. I, p. 74.

²⁾ Cornarius, Предисловіе къ его изданію Аэція, Lugduni, 1549, стр. 5. Достойно удивленія, что съ 1560 г. не было ни одного новаго изданія Аэція, а вторая половина греч. текста до сихъ поръ имѣется только въ рукописи!

Греціей и Азіей. Отець Александра, по имени *Stephanus*, какъ онъ самъ сообщаетъ, былъ врачомъ и вмѣстѣ его первымъ наставникомъ. У означеннаго Стефана было еще четыре сына, также пріобрѣвшіе громкую извѣстность, а именно: *Anthemius*, строитель Софійской церкви въ Константинополѣ—какъ архитекторъ, *Метродоръ*—какъ грамматикъ, *Олимпій*—какъ юристъ и *Діоскуръ* въ Константинополѣ—какъ врачъ. Александръ, по видимому, былъ самый младшій. Первоначальныя свѣдѣнія въ медицинѣ Александръ, какъ сказано, получилъ въ домѣ отца, но настоящимъ его учителемъ и впоследствии вѣрнымъ другомъ былъ отецъ какого-то Козьмы, который сначала былъ купцомъ, впоследствии монахомъ, пріобрѣвшимъ извѣстность путешествіемъ въ Индію и составленіемъ географическаго сочиненія ¹⁾, съ которымъ онъ до конца жизни былъ связанъ узами дружбы и благодарности и которому онъ посвятилъ свое сочиненіе, написанное собственно по настоянію этого же Козьмы. Что касается Александра, то для довершенія своего образованія онъ предпринималъ далекія путешествія въ Грецію, Италію, Галлію, Африку и на о. Кирену, послѣ чего поселился, по однимъ, въ Римѣ ²⁾, гдѣ умеръ въ глубокой старости (*Naeser*), а по другимъ, большую часть своей жизни провелъ преимущественно въ Египтѣ и Финикіи (*Corlieu*). Въ Галліи онъ научился лечить падучую болѣзнь пѣтушьими яичками, въ Испаніи—перезженнымъ и растолченнымъ ослинымъ пометомъ. Въ книгахъ VII, VIII, IX онъ расхваливаетъ италіанскія вина; въ Этруріи онъ узналъ отъ крестьянина, что запахъ улицы полезенъ эпилептикамъ. Что онъ жилъ въ Римѣ, доказываетъ его рассказъ о тамошнемъ больномъ, одержимомъ отекомъ гортанной щели и излечившемся солеными примочками. Такъ какъ его сочиненіе обнаруживаетъ отчасти форму академическихъ лекцій, то есть основаніе предполагать, что онъ былъ въ Римѣ преподавателемъ медицины, а судя по дорогимъ лекарствамъ и образу жизни, рекомендуемому имъ своимъ больнымъ, нужно полагать, что онъ практиковалъ въ высшихъ кругахъ. *Ruschmann* принимаетъ, что Александръ былъ христіанскаго вѣроисповѣданія, на что указываетъ его монотеистическое міросозерцаніе: намеки на еврейскія преданія, воспринятые христіанствомъ, призваніе священныя имена „Іаоѣ, Саваоѣ, Адонай, Элои“, упоминаніе объ исторіи съ женой Лота, находящіяся въ сочиненіяхъ Александра—все это указываетъ на его

¹⁾ *Fabricius*, *Bibl. graeca*, XII, p. 595, *Meyer*, *Geschichte der Botanik*, II, 384. Ср. *Ruschmann*, I. c., V. I, p. 83.

²⁾ Куда онъ получилъ почетное приглашеніе: ἐν τῇ πρεσβυτείῳ Ῥώμῃ κατώκησεν ἐν τιμότατα μετακκλημένος. *Agathias*, *De imperio et rebus gestis Iustiniani*, Paris. 1660, p. 149. Ср. *Sprengel*, II, 277.

знакомство съ Ветхимъ Завѣтомъ ¹⁾. Слава, имъ пріобрѣтенная, была такъ велика, что его часто обозначали просто подъ именемъ Ἰατρός ²⁾. На склонѣ дней своихъ, когда онъ ужъ болѣе не былъ въ состояніи практиковать, Александръ изъ Tralles'a, по просьбѣ Козьмы, сына упомянутаго стараго учителя его, изложилъ результаты своей многолѣтней практики и опытности въ пространномъ, въ полности дошедшемъ до насъ сочиненіи: Βιβλία ἰατρικὰ δυοκαίδεκα³⁾, представляющемъ весьма оригинальное изложеніе всей совокупности медицины, за исключеніемъ хирургіи и женскихъ болѣзней, чѣмъ воздвигъ себѣ памятникъ, который, по выраженію Meuser'a, въ прочности и блескѣ можетъ соперничать съ великолѣпнымъ храмомъ, построеннымъ его старшимъ братомъ.

Изъ предыдущаго видно, что младенчество Александра совпадаетъ съ воцареніемъ императора Юстиніана, царствованіе котораго принадлежитъ къ самымъ блестящимъ эпохамъ византійской исторіи: основаніе благотворительныхъ учрежденій, забота о духовномъ развитіи человечества, покровительство наукамъ и искусствамъ, законы противъ рабства и вообще содѣйствіе культивированію права, въ особенности же введеніе шелковичнаго производства—вотъ незабвенныя великія заслуги Юстиніана, которыми въ извѣстной степени выкупаются многіе неблаговидные поступки, бросающіе тѣнь на его царствованіе. Съ другой стороны юношескій возрастъ Александра совпадаетъ съ печальной эпохой страшныхъ катаклизмовъ, какъ то: землетрясеній, наводненій, голода, войнъ и злокачественныхъ эпидемій. Одно такое землетрясеніе разрушило до основанія блестящую Антиохію и похоронило подъ ея развалинами 250 тысячъ человѣкъ; такой же участи подверглись города Аназарбъ, Селевкия, Лаодикея, Беритъ и другіе. Показавшаяся комета Лампадія, которая появилась уже раньше въ годъ смерти Цезаря, наводила всеобщій ужасъ. Наконецъ, наступила страшная Юстиніанова чума, опустошившая почти всѣ страны древняго міра и отъ которой въ одномъ Константинополѣ втеченіе 542 года умирало ежедневно отъ пяти до десяти тысячъ человѣкъ. Достоинно удивленія, что ни Александръ Траллійскій, ни другіе жившіе въ то время врачи ни слова не говорятъ объ этой страшной эпидеміи ³⁾.

Возвращаясь къ сочиненію Александра, необходимо прежде всего сказать что большое достоинство его составляютъ скромность, безпритязательность, краткость и точность изложенія, популярность и общепонятность рѣчи въ связи съ научнымъ обоснованіемъ положеній,—далѣе уваженіе къ предше-

¹⁾ Ср. Puschmann I. c. I, 84 и II, 585.

²⁾ Ср. Corlieu, I. c. 131.

³⁾ Puschmann, I. c. I, 83—84.

ственникамъ, въ особенности къ Гипократу, Архигену и Галену, однако безъ слѣснаго поклоненія авторитетамъ. Даже по отношенію къ Галену онъ предоставляетъ себѣ право самостоятельнаго сужденія и, вполнѣ признавая его заслуги въ теоретическомъ обоснованіи и усовершенствованіи медицины, въ то же время порицаетъ его терапевтическія правила, примѣняя къ нему слова, сказанныя Галеномъ же объ Архигенѣ, что онъ былъ человѣкъ и что, какъ таковой, онъ не былъ ни всевѣдущъ, ни непогрѣшимъ. Врачъ, по мнѣнію Александра, обязанъ открывать для пользы человечества все, что признаетъ вѣрнымъ на основаніи опыта; молчаніе въ такомъ случаѣ есть грѣхъ и преступленіе; онъ долженъ бросить въ сторону всякія личныя отношенія и руководствоваться только любовью къ истинѣ¹⁾. Наконецъ, онъ внушаетъ врачамъ—не оставлять неиспытаннымъ ни одного средства, которое можетъ спасти больного, и не отставать въ этомъ стремленіи даже тогда, когда, повидимому, тщетны всѣ надежды на выздоровленіе. На этомъ основаніи онъ требуетъ, чтобы врачъ изучалъ тайныя, сокровенныя силы природы, чѣмъ объясняется то, что и Александру пришлось заплатить дань своему вѣку, а именно въ крайнихъ случаяхъ и онъ прибѣгалъ къ чудеснымъ средствамъ и амулетамъ, особенно тогда, когда никакія другія средства не помогали и когда ихъ желалъ и въ нихъ вѣрилъ самъ больной. Поэтому, говоритъ Александръ, врачъ долженъ обращать вниманіе на явленія симпатіи и антипатіи, обнаруживающіяся въ дѣйствіяхъ волшебныхъ средствъ точно такъ же, какъ они обнаруживаются въ природѣ, но при этомъ онъ даетъ совѣтъ—при употребленіи чудесныхъ средствъ не забывать все таки діететическихъ правилъ, требуемыхъ въ каждомъ данномъ случаѣ²⁾.

Библиографическія замѣтки. Сочиненія Александра Траллійскаго весьма рано были переведены на латинскій, арабскій, а позднѣе съ латинскаго—на еврейскій и сирійскій языки.

Греческія рукописи находятся въ парижской національной бібліотекѣ, а также въ бібліотекахъ Флоренціи, Рима (въ Ватиканѣ), Милана, Венеціи, Кембриджа, Миддлгилла (Уорчестершайръ), Оксфорда (Bodleiana) и наконецъ Эскуріала.

Латинскіе переводы изготовлены, быть можетъ, тотчасъ послѣ появленія оригинала и во всякомъ случаѣ не раньше IX вѣка. Латинскія рукописи находятся въ Монте-Казино, Парижѣ, Шартрѣ, Анжерѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ (British Museum), Оксфордѣ, Кембриджѣ, Глазговѣ и т. д.

¹⁾ Alexander Trall. l. V, c. 4, ed. Puschmann, II, 155. Здѣсь онъ приводитъ также ссылку самаго же Галена на аристотелевское изрѣченіе: φίλος μὲν ὁ Πλάτων, φίλη δὲ καὶ ἡ ἀλήθεια etc.

²⁾ Ср. Puschmann, l. c. I. 86, 87.

Въ арабской медицинской литературѣ Александръ Траллійскій упоминается довольно часто, начиная отъ Fihrist'a и кончая Rhazes'омъ, который называетъ Александра авторомъ книгъ о болѣзни „Birsen“ (Phrenitis), о желудкѣ, лихорадкѣ, параличѣ, и компендія болѣзней.

Въ еврейскомъ сочиненіи „Наблюденія изъ медицинской практики“ („Nisjopot“), ошибочно приписываемомъ Ибнъ-Эзрѣ (въ XII в.), также упоминается врачъ Александръ. Кромѣ того въ еврейской рукописи въ Мюнхенской библіотекѣ, вмѣстѣ съ переводами съ латинскихъ авторовъ, находятся также извлечения изъ сочиненія Александра Траллійскаго, вѣроятно—также съ латинскаго (въ 1199 г.).

Сочиненія Александра Траллійскаго имѣли громадное вліяніе на позднѣйшую медицинскую литературу. Такъ, Павелъ Эгинскій и Theophanes Nopnus дѣлали у него буквальные позаимствованія, рѣдко или вовсе не упоминая его имени; пятая книга сочиненія *De re medica*, приписываемаго Псевдо-Плинію, почти дѣлкомъ взята у Александра Траллійскаго. Demetrius Peragomenus, Johannes Actuarius, Nicolaus Myrgesus, Constantinus Africanus обнаруживаютъ несомнѣнное вліяніе на нихъ Александра Траллійскаго. Это же вліяніе испытали на себѣ врачи салернской школы, Gariopontus, *Chirurgia* и *Practica medicinae Roger'a*, Gilbertus Anglicus, Petrus Castellanus (Pierre du Chastel) ¹⁾.

Александру Траллійскому приписываютъ слѣдующія сочиненія:

1) Βιβλία ἰατρικὰ δωοκάδεκα, Libri duodecim de re medica—нѣчто въ родѣ частной патологии и терапіи.

2) Περὶ τῶν πυρετῶν, De febribus—вошло въ составъ № 1.

3) Περὶ ἐλμίνθων, De lumbricis—въ видѣ письма.

Кромѣ того ему еще приписываютъ нѣсколько замѣтокъ о пульсѣ и мочѣ у лихорадящихъ; наконецъ онъ самъ говоритъ, что написалъ специальное сочиненіе о глазныхъ болѣзняхъ и ссылается еще на трактатъ о *переломахъ* и на сочиненіе о *поврежденіяхъ головы*, которныя однако не дошли до насъ. Что же касается приписываемыхъ ему нѣкоторыми Ἰατρικὰ ἀπορήματα καὶ φυσικὰ προβλήματα, Quaestiones medicae et problemata physica, въ коихъ рѣчь идетъ о физиологическихъ и патологическихъ явленіяхъ, то они и по повѣстному восточному слогу, и по терминологіи, и по натур-философскому содержанию не могутъ принадлежать Александру Траллійскому, этому трезвому наблюдателю и въ полномъ смыслѣ слова практическому врачу, а потому авторомъ этихъ *проблемъ* совершенно справедливо считаютъ Александра изъ Arhodi-siasis ²⁾.

Изданія: 1) Βιβλία ἰατρικὰ δωοκάδεκα. Прежде всего появились

Латинскія — неполное: Alexandri iatros practica cum expositione glose interlinearis Jakobi de Partibus et (Simonis) Jannensis in margine posite. Lugd. 1504. Papiae. 1520. Venet. 1522. Этотъ латинскій переводъ сдѣланъ, вѣроятно, вслѣдъ за появленіемъ оригинала еще въ VI столѣтіи, повидимому, съ большими сокращеніями; отсюда неполнота упомянутаго изданія. Гораздо полнѣе:

Alexandri Tralliani de singularum corporis partium ab hominis coronide ad imum usque calcaneum vitiis, aegritudinibus et injuriis libri ad unguem facti V. lat. etc., per Alban. Torigin. exc. N. Petrus. Basil. 1533. Носитъ также названіе: *Paraphrases in libros omnes Alexandri Tralliani*. Это въ полномъ смыслѣ слова — вольный переводъ.

¹⁾ Тамъ же, pp. 87—97.

²⁾ См. Исторію древней медицины, 975.

Argentinae, 1549, въ переводѣ Guinterus Andernacus'a повторныя: Venet. 1555, Lugd. 1560, 1576, Strassburg, 1770, Lausannae, 1772, съ Сборникъ Галлера (вмѣстѣ съ *Epistola de lumbricis*) *Artis medicae principes* (1769—1774).

Греческое: Goupylus (профессоръ въ Парижѣ, † 560 г.), Paris, 1548—съ множествомъ опечатокъ и съ греческимъ переводомъ сочиненія Rhases'a, *De pestilentia*.

Греко-латинское: Guinter Andernacus, Basil., 1556, съ весьма изящнымъ и точнымъ переводомъ того же Guinte'ra изъ Андернаха на Рейнѣ (р.1487, † 1574, былъ лейбъ-медикомъ Франциска I, впоследствии профессоромъ въ Страсбургѣ).

Греко-нѣмецкое: Theodor Puschmann (профессоръ въ Вѣнѣ), *Alexander von Tralles*, Wien, 1878—1879, II Bde.—Весьма изящное изданіе, греческій текстъ и нѣмецкій переводъ. Въ началѣ этого изданія большую часть перваго тома занимаетъ цѣлый трактатъ, въ которомъ издатель излагаетъ ходъ развитія идей въ исторіи греческой медицины до Александра Траллійскаго, послѣ чего слѣдуютъ біографія послѣдняго, бібліографическія замѣтки и подробный сравнительно-историческій очеркъ положеній Александра въ области физиологій, патологій и терапій и отношеній его къ предшествующимъ ему врачамъ.

Кромѣ того въ разное время появились:

Французскій переводъ 11 книги о подагрѣ: Colin (врачъ въ Fontenay), Poitiers, 1557.

Англійскій—Edw. Milwards: *Trallianus reviviscens or an account of Trallianus one of the greek writers who florished after Galenus, shewing that these authors are far from deserving the imputation of mere compilers*, London, 1734. 8. Это не болѣе какъ извлеченіе изъ Александра Траллійскаго, занимающееся почти исключительно терапевтическими теоріями послѣдняго и весьма мало его воззрѣніями въ области патологій.

2) Пері τῶν πυρετῶν вошло также въ составъ „*Collectio de febribus Veneta*“, 1576 и 1594.

3) *Epistola de lumbricis* появилась прежде всего въ изданіи Venet. 1570, ed. Mercurialis, затѣмъ въ его же *De morbis puerorum*, Francofurti, 1584, а также въ сборникахъ Галлера (VII, pp. 314—322) и Fabricius'a, *Bibliot. graec.* (Т. XIII, pp. 602—613). Наконецъ греческій текстъ у Idele'ra, *Physici et medici graeci minores*, Berlin, 1841. I, pp. 305—312.—Къ этому прибавимъ, что неправильно приписываемыя Александру *Problemata* находятся во многихъ изданіяхъ Аристотеля послѣ таковыхъ же послѣдняго, а также отдѣльно: греческое: Paris, 1540. Латинскій переводъ Davion'a, Paris, 1541 ¹⁾).

Что касается главнаго сочиненія Александра Траллійскаго о *частной патологій и терапій* внутреннихъ болѣзней, то изъ первыхъ 11 книгъ одні обработаны съ особенной тщательностью, другія представляютъ ничто иное, какъ бѣглыя замѣтки и собраніе рецептовъ. Книга же XII прежнихъ изданій, т. е. трактатъ о лихорадкѣ, какъ по языку, такъ и по формѣ рѣзко отличается отъ прочихъ, а именно, здѣсь замѣчается отсутствіе той сжатости и точности выраженій, а также обилія цитатъ, которыя характеризуютъ остальные книги, языкъ же, напротивъ того, вполне отмѣченъ печатью византійскаго періода, такъ что нѣкоторые склонны приписывать этотъ трактатъ другому автору. Но этому противорѣчатъ полнѣйшее сходство физиологическихъ и патологическихъ взгля-

¹⁾ Choulant, *Bücherkunde*, 135—141 и Puschmann, *l. c.* I, 97—100.

довъ, одинаковые обороты рѣчи, употребленіе однихъ и тѣхъ же популярныхъ примѣровъ, сравненій и выраженій, встрѣчающихся только въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ, но ни въ какомъ бы то ни было другомъ. То обстоятельство, что въ трактатѣ о *михорадкѣ* упоминается Аэцій, но не упоминаются ни Александръ Траллійскій, ни Павелъ Эгинскій, также говоритъ противъ гипотезы о принадлежности обоихъ сочиненій различнымъ авторамъ. Къ тому же и то и другое помѣщены вмѣстѣ во всѣхъ рукописяхъ и переводахъ какъ одно цѣлое и подъ однимъ и тѣмъ же именемъ. Puschmann, I, 102, 103).

Относительно порядка составленія обоихъ сочиненій въ хронологическомъ отношеніи Freind и Нескер принимаютъ, что трактатъ о *михорадкѣ* составлялъ первую книгу въ *частной патологій и терапіи* Александра, такъ какъ упомянутое выше посвященіе помѣщено именно вначалѣ этого трактата, составляющаго въ рукописяхъ XII книгу. Но этому, по мнѣнію Puschmann'a, противорѣчитъ однако тотъ фактъ, что книга XII была сочинена гораздо позднѣе, чѣмъ 11 остальныхъ, что видно изъ объясненія Александра въ главѣ περὶ φλεγμονῆς στομάχου, что онъ „объ этомъ предметѣ“¹⁾ будетъ подробнѣе говорить въ своемъ трактатѣ о *михорадкѣ*, а также ссылка на Аэція, не встрѣчающаяся въ другихъ книгахъ, и на свой богатый опытъ (по поводу критики терапіи Галена), что опять таки могло имѣть мѣсто только послѣ долговременной практики. На основаніи всего сказаннаго Puschmann приходитъ къ заключенію, что первыя 11 книгъ представляютъ только замѣтки и наброски, служившіе, быть можетъ, Александру для лекцій, читанныхъ имъ своимъ ученикамъ,—что планъ обнародованія ихъ созрѣлъ у него только въ пожиломъ возрастѣ и что для разрѣшенія своей задачи онъ тогда же написалъ *посвященіе и трактатъ о михорадкѣ*, составляющій необходимое дополненіе къ его частной патологій и терапіи. Puschmann поэтому отступаетъ отъ общепринятаго дѣленія, помѣстивъ XII книгу, хотя и позднѣе сочиненную, но не входившую въ общую рамку всего плана сочиненія, какъ отдѣльный трактатъ во главѣ всего сочиненія, въ которомъ конецъ XII (по изд. Puschmann'a) книга, трактующей о *подагрѣ*, по словамъ самаго Александра, составляетъ окончаніе всего сочиненія²⁾.

Въ заключеніе здѣсь необходимо прибавить, что при изложеніи *глазныхъ* болѣзней Александръ говоритъ, что онъ разсмотритъ ихъ вкратцѣ, такъ какъ имъ объ этомъ предметѣ „уже написано специальное сочиненіе въ трехъ книгахъ“, которое повидимому погибло и не имѣетъ ничего общаго съ найденнымъ въ венеціанской рукописи Александра Траллійскаго, а именно между первой и второй книгой его *частной патологій*, трактатомъ о томъ же предметѣ. Этотъ послѣдній, написанный въ духѣ Галена, по мнѣнію Puschmann'a, составляетъ либо юношескій опытъ, въ которомъ Александръ еще не дошелъ до самостоятельности сужденій, либо принадлежитъ христіанскому ученому византійскаго періода, съ успѣхомъ изучавшему Галена³⁾.

Порядокъ изложенія въ своемъ сочиненіи Александромъ изъ Tralles'a избранъ употребительный въ то время: а сапте ad calcem.

Такъ какъ при дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ придерживаться изданія Puschmann'a, то сообразно съ этимъ будемъ придерживаться и принятаго имъ порядка въ расположеніи книгъ.

¹⁾ т. е. „о происхожденіи одного и того же процесса отъ противоположныхъ причинъ“. Alexander Trallianus, изд. Puschmann'a, l. VII, с. 8 (В. II, р. 313).

²⁾ Ср. Puschmann, l. с. I, 104 и II, 585. ³⁾ Тамъ же, I, 107.

Въ книгѣ о *лихорадкахъ*, послѣ упомянутаго *посвященія* Козьмѣ, Александръ разсматриваетъ однопневную и гнилостную лихорадки, обморокъ, наступающій при лихорадкахъ, изнурительную, трехдневную, ежедневную и четырехдневную лихорадки.

Содержаніе слѣдующихъ затѣмъ книгъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Кн. I занимается плѣшивостью, выпаденіемъ волосъ и ихъ леченіемъ, причѣмъ исчисляются всевозможныя средства для волосъ, помады, тинктуры, разныя краски для волосъ и т. п. Далѣе рѣчь идетъ о pityriasis, пузырьчатыхъ (*ψοδράχια*), crusta lactea, чесоткообразныхъ и гнойныхъ сыпяхъ на головѣ, *achor*, *favus* (*κρίβον*). Затѣмъ слѣдуютъ острая головная боль и ея виды, хроническая, далѣе мигрень, *phrenitis*, спячка (*lethargus*), эпилепсія, парезъ, меланхолія.

Кн. II, которой начинается II томъ изданія Puschmann'a, вся посвящена глазнымъ болѣзнямъ.

Кн. III излагаетъ болѣзни ушей, воспаленіе внутренней поверхности слуховаго канала, шумъ въ ушахъ, катарральныя боли, кровотеченія изъ ушей, глухоту, паротиты. Кн. IV разсматриваетъ воспаленія зѣва.

Кн. V и VI посвящены болѣзнямъ груди, а именно кн. V—кашлю, воспаленію легкихъ (*φλεγμονή ἐν τῷ πνεύμονι*), туберкуламъ послѣднихъ, явленіямъ, наступающимъ при засореніи легкихъ вязкими и густыми влагами, кровохарканію, нагноенію легкихъ, а кн. VI разсматриваетъ плевритъ.

Кн. VII излагаетъ болѣзни отверстія желудка, волчій аппетитъ, отсутствіе аппетита, жажду, образованіе черной желчи и вызываемое ею вздутіе желудка, боль подъ ложечкою, тошноту и рвоту, воспаленіе желудка, икоту.

Кн. VIII занимается холерой и коликой, кн. IX—воспаленіемъ печени, слабостью ея и печеночной дизентеріей (*περὶ ἀτονίας ἥπατος καὶ ἥπατι-κῆς δυσεντερίας*), а также и обыкновенной дизентеріей, кн. X—водянкой.

Кн. XI разсматриваетъ болѣзни почекъ (воспаленія), распознаваніе и леченіе затрудненнаго мочеиспусканія, камни въ мочевомъ пузырьѣ, распознаваніе „мочепузырной чесотки“ (*ψοριώση χόστις*), диабетъ, сперматоррею, приапизмъ. Кн. XII вся посвящена подагрѣ.

Затѣмъ въ изданіи Puschmann'a слѣдуютъ письмо о *лмстахъ* и фармакологическій указатель.

Приступаемъ теперь къ изложенію содержанія сочиненія Александра Траллійскаго въ его общихъ чертахъ и въ частности по отношенію къ отдѣльнымъ группамъ болѣзней.

Анатомія и фізіологія не могли быть предметомъ спеціального изложенія практическаго врача, задавагося цѣлью описать только результаты своихъ наблюденій въ области частной патологии и терапіи. Встрѣчаемыя у него анатомическія данныя, правда, изложены точно и обнаруживаютъ полное знакомство съ терминологіей и признаніе весьма важнаго значенія анатоміи для практической медицины. Но познанія его по части анатоміи врядъ ли превышали уровень изслѣдованій Галена. Здѣсь приведемъ лишь его замѣчаніе, что параличи периферическихъ нервовъ возможно установить только научно-анатомическимъ путемъ ¹⁾.

Въ области фізіологіи онъ также вполне слѣдуетъ Галену. Источниками органической жизни онъ считаетъ влажность и теплоту и кромѣ того является приверженцемъ произвольнаго зарожденія (образованія глнсть отъ процессовъ разложенія въ кишечномъ каналѣ). И у него, какъ у Галена, встрѣчаемъ гипотезу о трехъ высшихъ способностяхъ, имѣющихъ мѣстопробываніе въ мозгу (психическая), въ сердцѣ (жизненная сила) и печени (животная сила). Кромѣ того онъ, подобно Галену, принимаетъ подчиненныя имъ физическія силы: притягательную, задерживающую, отдѣляющую и измѣняющую, завѣдывающія отдѣльными отправленіями, причеиъ, по его мнѣнію, притягательная сила поддерживается теплотой, а задерживающая холодомъ.

Далѣе и у него встрѣчаемъ древнее ученіе о 4 кардинальныхъ влагахъ (кровь, слизь, желтая и черная желчь), соотвѣтствующія 4 элементарнымъ качествамъ: влажности, холоду, теплотѣ и сухости.

Назначеніе влагъ, по мнѣнію Александра, заключается въ питаніи плотныхъ частей, и поэтому онъ совѣтуетъ врачамъ прилежно изучать движенія соковъ. Точно также Александръ сохранилъ прежнее ученіе о рпеиша, имѣющее мѣстопробываніе въ мозгу, дающее начало ощущенію и движенію и возобновляемое процессомъ дыханія. Нервы, по его мнѣнію, полны и наполнены воздухомъ. Въ патологическомъ состояніи они охлаждаются и высыхаютъ (дрожь происходитъ отъ высыханія мозга и выходящихъ изъ него нервовъ).

Пища въ желудкѣ превращается въ соки и при помощи притягательной силы печени входитъ въ этотъ органъ, гдѣ превращается въ кровь. Образованіе кислыхъ газовъ въ желудкѣ Александръ сравниваетъ съ процессомъ закисанія вина подъ вліяніемъ теплоты или холода или съ процессомъ разложенія, ведущаго къ образованію кислаго тѣста. Гніеніе преимущественно происходитъ въ кишкахъ, гдѣ образуются валь и

¹⁾ Alexander Trallianus, l. I, c. 16, ed. Puschmann, I, 577: „τῆ ἀνατομικῆ θεωρίᾳ“.

глисты. Ему способствуют какъ влажная теплота, такъ и сухость. Кровь и желчь сами по себѣ не гниютъ, а суть только носители парообразнаго, гніеніе возбуждающаго, тѣла. Питие имѣетъ цѣлью растворять накопившіяся въ тѣлѣ нечистоты и переводить ихъ въ нижнюю часть живота, да-дѣе—способствовать равномерному распредѣленію соковъ, умѣрять жаръ рпеиша и разрыхлять поры, служащія для удаленія влажности путемъ транспираціи.

Эрекция, по мнѣнію Александра, происходитъ отъ наполненія полыхъ сосудовъ мужскаго члена воздухомъ. Старость (*γῆρας*) онъ называетъ *физиологическимъ маразмомъ* (*μαρasmus κατὰ φύσιν*), напоминающимъ *misère physiologique* французовъ и происходящимъ отъ высыхания влагъ тѣла¹⁾. У молодыхъ людей влаги имѣютъ болѣе теплое свойство и быстрѣе распредѣляются въ организмѣ, чѣмъ у стариковъ, у коихъ онѣ холоднѣе, гуще и склонны къ застою²⁾.

Общая патологія излагается Александромъ въ трактатѣ о *лихорадкахъ*, который въ изданіи Puschmann'a служитъ, такъ сказать, введеніемъ въ медицину Александра вообще, въ другихъ же изданіяхъ составляетъ кн. XII. Здѣсь онъ является вполнѣ приверженцемъ ученія Галена о дискразіяхъ. Болѣзнь, согласно Александру, есть борьба между болѣзнетворнымъ веществомъ и страждущимъ органомъ или цѣлымъ организмомъ. Вредное дѣйствіе этого вещества зависитъ отъ его количества или качества или отъ обоихъ вмѣстѣ. Характеръ болѣзни зависитъ отъ преобладанія въ болѣзнетворномъ веществѣ крови, слизи, желтой, черной желчи или газовъ (*πνεύμα φερόμενον*), а также отъ разстройствъ физическихъ, физиологическихъ и психическихъ силъ организма. Болѣзнь можетъ также развиваться секундарно отъ пораженія сосѣднихъ органовъ или путемъ передачи черезъ соединяющіе органы нервные пучки.

Въ области *этіологіи* Александръ принимаетъ внутреннія и внѣшнія, случайныя причины, куда относитъ жаръ, холодъ, сухость, влажность, употребленіе испорченной пищи и напитковъ, пребываніе въ дурномъ воздухѣ, неумѣстное употребленіе ваннъ, умственное и тѣлесное напряженіе, заботы, развратъ, травматическія поврежденія и т. д.

Диагностика составляетъ весьма важный отдѣлъ медицины Александра, съ какою цѣлью онъ пользовался осмотромъ, осязаніемъ и изслѣдова-ніемъ мочи, испражнений, мокротъ, пульса, дыханія, а также разговоромъ больного. Температуру онъ опредѣлялъ прикосновеніемъ къ кожѣ. Горькій

¹⁾ Тамъ же, 369.

²⁾ Ср. Puschmann, l. c., В. I, pp. 108—111 (общая часть).

вкусъ во рту, по его мнѣнію, указываетъ на страданіе желчи, соленый на поражение слизи, укисноокислый на страданіе черной желчи. Далѣе онъ принималъ во вниманіе возрастъ, конституцію, полъ больного и вліяніе на него мѣстности и время года. Вообще діагностика, согласно Александру, должна служить путеводительницей для леченія. Въ острыхъ болѣзняхъ Александръ различаетъ 3 періода: *ἀκμή*, *παρακμή* и *πέψις* или свареніе влагъ, выражающееся преимущественно въ качествѣ мочи.

Сущность воспаленія заключается въ возвышенной температурѣ крови, переходящей какъ бы въ состояніе кипѣнія, и приливѣ ея къ страждущему органу, который поэтому опухаетъ. Ненормальный составъ крови (преобладаніе слизи, желтой или черной желчи) ведетъ къ сложнымъ формамъ воспаленія. Причина увеличеннаго притока болѣзнетворныхъ веществъ черезъ артеріи или вены въ страждущій органъ, по мнѣнію Александра, заключается въ возвышеніи температуры. Переходъ воспаленія въ нагноеніе или другіе болѣзненные продукты зависитъ, по его мнѣнію, не отъ образованія ихъ въ больномъ органѣ, а отъ притока къ нему болѣзнетворныхъ веществъ ¹⁾.

Кровотеченія происходятъ отъ разрыва, надѣденія кровеносныхъ сосудовъ или черезъ „анастомозы“, т. е., произвольное открываніе отверстій сосудовъ ²⁾.

Наконецъ Александръ признавалъ, что каждая продолжительная дискразія ведетъ къ истощенію и уменьшенію питанія, нѣкоторыя же болѣзни къ совершенному вырожденію тканей ³⁾.

Изъ сказаннаго видно, что въ области *физиологии* и *патологии* Александръ отнюдь не ушелъ дальше своихъ предшественниковъ.

Общая терапія Александра придерживается гиппократовскаго начала „*contraria contrariis*“. Физиологическимъ процессамъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ способствовать однородными средствами, патологическимъ же—противодѣйствовать противоположными.

„Задача хорошаго врача заключается въ томъ, чтобы охлаждать теплое, согрѣвать холодное, высушивать влажное и увлажять сухое. На больного онъ долженъ смотрѣть, какъ на осажденный городъ и стараться спасти его всѣми средствами искусства и науки ⁴⁾).

Врачъ долженъ быть изобрѣтателемъ въ придумываніи новыхъ средствъ и путей, могущихъ вести къ исцѣленію. Твердо вѣруя въ существованіе природнаго инстинкта, подсказывающаго человѣку необходимое для него въ болѣзняхъ, Александръ внушаетъ врачамъ обращать вниманіе на цѣлебное стремленіе природы, часто ведущее къ выздоровленію безъ содѣйствія че-

¹⁾ Ср. Puschmann, l. c., V. I, pp. 112—114.

²⁾ Alexander Trallianus, ed. Puschmann, l. V, c. 5, V. II, 187.

³⁾ Тамъ же, περί πυρετών, с. 4, I, 369. ⁴⁾ Тамъ же, с. 7, I, 409.

ловѣва. Къ такимъ цѣлебнымъ силамъ природы принадлежатъ критическія кровотеченія и опорожненія, служащія для выведенія болѣзнетворныхъ веществъ изъ организма (рвота при накопленіи въ желудкѣ густыхъ несваренныхъ соковъ), а потому врачъ долженъ не препятствовать, а содѣйствовать этимъ благодѣтельнымъ актамъ.

Лечить всякую болѣзнь удобнѣе въ самомъ началѣ и притомъ легкими средствами и только, если не помогаютъ, прибѣгать къ сильнѣе дѣйствующимъ. Величайшее зло во всѣхъ болѣзняхъ есть откладываніе леченія¹⁾. Понятно поэтому, что Александръ не поклонникъ героическихъ способовъ леченія, каковы обильныя и внезапныя кровопусканія, сильныя слабительныя, артеріотомія и сильныя прижиганія, изъ коихъ послѣдніе два способа, по его мнѣнію, для больного составляютъ скорѣе наказаніе, чѣмъ цѣлебное средство. Онъ поэтому совѣтуетъ дѣйствовать медленно и постепенно и избѣгать крайностей, дабы вмѣстѣ съ „изведеніемъ“ болѣзни не изводить и больного.

Вообще у крѣпкихъ людей необходимо употреблять болѣе сильныя средства, у слабыхъ наоборотъ²⁾. При заболѣваніи всего тѣла необходимо общее леченіе, при заболѣваніи части мѣстное леченіе. Далѣе слѣдуетъ обращать вниманіе на количество и качество болѣзнетворнаго вещества, уменьшать избытокъ перваго и ослаблять вредное дѣйствіе втораго. Болѣзнетворное вещество Александръ старается выводить испражнениями на низъ, рвотой, потомъ, мочей, кровопусканіями, чихательными, ваннами, припарками, втираніями, пластырями, мазями, окуриваніями, клистирами, суппозиторіями. Для отвода болѣзнетворнаго вещества въ здоровыя отдаленныя части тѣла онъ примѣняетъ разминаніе, согрѣваніе и средства, раздражающія кожу.

Что касается лекарственныхъ веществъ вообще, то врачъ долженъ прежде всего изучать дѣйствіе простыхъ веществъ и только тогда приступать къ составленію сложныхъ медикаментовъ, которые по своему составу удовлетворяютъ одновременно различнымъ показаніямъ. При выборѣ лекарственнаго вещества слѣдуетъ также обращать вниманіе на то, что иное вещество обнаруживаетъ благотворное дѣйствіе въ одномъ направленіи и вредное въ другомъ, и потому при назначеніи его необходимо взвѣшивать, не будетъ ли въ данномъ случаѣ больше вреда, чѣмъ пользы отъ этого средства. Вообще лекарственныя вещества дѣйствуютъ отчасти въ силу своихъ элементарныхъ качествъ, отчасти своими физическими свойствами, отчасти способностью измѣнять составъ страждущаго организма, отчасти специфическимъ вліяніемъ на извѣстные органы, отчасти же присутіемъ имъ тайными силами, непонятнымъ для насъ образомъ ведущими

¹⁾ „Μέγιστον γάρ κακόν ἐστιν ἐν πάσι τοῖς νοσήμασιν ἡ ἀναβολή“. Тамъ же, с. 2, I, 317.

²⁾ Тамъ же, I. IV, B. II, 127.

къ излеченію. Сообразно съ этимъ Александръ различаєть прохладяющія, разгорячающія, увлажяющія, сушашія, разрѣжающія, сгущающія, стягивающія, расслабляющія, прижигающія, притягивающія, удерживающія, отводящія, метасинкритическія, специфическія и тайныя средства.

Формой лекарственныхъ веществъ, какъ и нынѣ, служили у Александра отвары, настои, растворы, микстуры, пилюли, лепешки, порошки и кашки. Особенную осторожность онъ совѣтуетъ при употребленіи наркотическихъ веществъ, могущихъ вести къ непріятнымъ осложненіямъ.

Кровоизвлеченія производились Александромъ посредствомъ кровососныхъ банокъ, насѣчекъ, пиявокъ и кровопусканіемъ изъ венъ, все равно какихъ, локтевой ли, подкожной, височной или даже подъязычной, глазной или какой нибудь шейной, ибо, замѣчаетъ Александръ, всякое кровоизвлеченіе уменьшаетъ общую массу крови¹⁾. Главнымъ образомъ кровоизвлеченіе употреблялось для уменьшенія воспаленія черезъ вызываемое имъ направленіе тока крови въ другія мѣста.

Весьма важную роль въ терапіи Александра играли ванны, а также минеральныя источники и морскія купанія.

Само собою разумѣется, что Александръ обращалъ особое вниманіе на гигиеническія и діететическія условія и даетъ подробныя наставленія для каждаго даннаго случая.

Діета, можно сказать, составляетъ по Александру, важнѣйшую задачу при леченіи большей части болѣзней, многія изъ коихъ онъ излечивалъ одною только діетою, а потому онъ возстаєтъ противъ врачей, пренебрегающихъ послѣднею и то и дѣло назначающихъ своимъ больнымъ медикаменты и пластыри²⁾. Къ сожалѣнію, говоритъ онъ, есть много людей, которые врачей, любящихъ прижигать и рѣзать, считаютъ гораздо лучше тѣхъ, которые пытаются достигнуть исцѣленія путемъ рациональной діеты.

Излишне прибавить, что Александръ требуетъ отъ врача, прежде чѣмъ приступать къ леченію, установленія точной діагностики и способа происхожденія болѣзни, такъ какъ первая задача при леченіи заключается въ устраненіи причины болѣзни. Кромѣ того онъ требуетъ отъ врача обращенія особеннаго вниманія на конституцію, возрастъ, полъ и общее состояніе больнаго, на предшествовавшія вредныя вліянія, на силу и характеръ болѣзни, времена года, мѣстность, климатъ и атмосферныя условія и т. д.

Наконецъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ врача, по мнѣнію Александра, заключается въ предупрежденіи болѣзней, устраненіи вызывающихъ ихъ вредныхъ вліяній и предохраненіи излеченнаго больнаго отъ возвратовъ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, I, I, с. 17, В. I, 595. ²⁾ Тамъ же, с. 13, I, 523.

³⁾ Ср. Puschmann, Alexander von Tralles, В. I, 115—119.

Частная патологія и терапія. Какъ мы видѣли выше, трактатъ о *лихорадкахъ* помѣщенъ въ началѣ изданія Puschmann'a въ видѣ введенія къ патологіи Александра. Мы поэтому разсмотримъ прежде всего ученіе Александра

О *лихорадкахъ*. Это ученіе носитъ характеръ исключительно гуморально-патологическій и цѣликомъ еще вращается въ предѣлахъ древнихъ формъ, но зато обращаетъ особенное вниманіе на общее состояніе и богато болѣе строгими и сообразными съ природою разграниченіями отдѣльныхъ формъ, въ чемъ однако Александръ имѣлъ передъ собою уже готовые образцы въ описаніяхъ Галена и Аэція.

Мѣстопробываніе и средоточіе всякой лихорадки онъ, подобно послѣднимъ, полагаетъ въ сердцѣ:

„Такъ какъ лихорадка состоитъ въ измѣненіи врожденной теплоты (τροπή τοῦ ἐμφίτου θερμῶς), врожденная же теплота беретъ начало въ сердцѣ, то отсюда слѣдуетъ, что каждая лихорадка имѣетъ свое мѣстопробываніе въ сердцѣ. Далѣе, такъ какъ лихорадка не заключается въ одномъ только ненормальномъ возвышеніи температуръ, а связана съ извѣстнымъ веществомъ (ὄλη), матерія же въ насъ проявляется въ трехъ различныхъ формахъ, то отсюда слѣдуетъ, что и лихорадка проявляется въ этихъ трехъ видахъ матеріи: въ воздухѣ, влажныхъ и плотныхъ составныхъ частяхъ тѣла. Когда болѣзненное измѣненіе поражаетъ воздухъ, то возникаетъ пневматическая лихорадка (ὁ ἐπι πνεύματι πυρετός), которая носитъ также названіе *однодневной* (ἑφημερικός) лихорадки; когда она поражаетъ влаги тѣла, то мы имѣемъ дѣло съ *гнилостной* лихорадкой (ἐπι σήψει), — если же плотныя части, то — съ *изнурительной* лихорадкой (ἐκτικός) ¹⁾“.

Отсюда мы видимъ, что поскольку лихорадка зависитъ отъ измѣненій элементарныхъ веществъ тѣла, Александръ по заведенному обычаю различаетъ тѣ же формы, что Галенъ и Аэцій.

Однодневная или пневматическая лихорадка происходитъ, согласно Александру, отъ переутомленія, простуды, невоздержности, недостатка пищи, расстройствъ пищеваренія, разгоряченія, plethora, бессоницы, заботъ, вслѣдствіе засоренія поръ (ἐμφραξίς) и задержанія кожныхъ испареній (ἀδιακνηστία τῶν περιττωμάτων), въ чемъ видно вліяніе методической школы. Лечение этой формы лихорадки Александръ сообразуетъ съ вызвавшей ее причиной, такъ при plethora назначаетъ кровопусканіе, при расстройствѣ пищеваренія сарминатива и слабительныя, а также, смотря по обстоятельствамъ, мочегонныя, потогонныя, тепловатыя ванны, втиранія изъ смѣси масла и воды и легкія растиранія ²⁾.

¹⁾ Alexander Trallianus, περὶ πυρετῶν, с. 1, ed. Puschmann, I, 291.

²⁾ Alexander Trallianus, l. c. I, 293—311.

Постоянныя лихорадки Александръ приписываетъ порчѣ соковъ и гніенію, приче́мъ онъ принимаетъ, что болѣзнетворныя вещества развиваются ввнутри кровеносныхъ сосудовъ и вслѣдствіе своей густой, вязкой консистенціи неспособны къ выдѣленію наружу, не могутъ проникнуть до поверхности кожи, чтобы вызвать ознобъ,—отличіе отъ перемежающихся лихорадокъ, которыхъ болѣзнетворное вещество жиже и болѣе приспособлено къ выдѣленію ¹⁾). Александръ различаетъ здѣсь двѣ формы—собственно септическую и жгучую (causus). Септическая происходитъ либо отъ однодневной, не окончившейся кризисомъ, либо отъ воспріянія гніющихъ и гніеніе возбуждающихъ веществъ. При септической continua, согласно Александру, озноба не бываетъ, пульсъ неправильный, съ короткой систолой, жаръ значительный, зудъ на поверхности кожи, моча несваренная ²⁾). При этомъ онъ приводитъ мнѣніе тѣхъ врачей, которые принимаютъ, что лихорадка вовсе не зависитъ отъ гніенія, и другихъ, полагающихъ мѣсто гніенія не въ сосудахъ, а въ кишечномъ каналѣ изъ гніющихъ тамъ веществъ, продукты которыхъ всасываются въ кровеносные сосуды и тѣмъ вызываютъ лихорадку. Далѣе онъ указываетъ на разногласіе относительно производящей септическую лихорадку влаги, которою гипократики считаютъ желчь, другіе же слизь; способность же черной желчи вызывать лихорадку многими врачами совершенно отрицается, съ чѣмъ отчасти согласенъ и Александръ, впрочемъ, допускающій возможность происхожденія септическихъ лихорадокъ отъ каждой изъ четырехъ кардинальныхъ влагъ, а также возможность происхожденія гніенія отъ сухости и жара (*καὶ διὰ ξηρότητα σφίσι, μᾶλλον δὲ ἔγχευσιν*) ³⁾). Лечение здѣсь состоитъ также въ кровопусканіи при плеторѣ и удаленіи гнилостныхъ веществъ слабительными, затѣмъ въ примѣненіи разжижающихъ и охлаждающихъ лекарствъ. Жгучая лихорадка (causus), согласно Александру, отличается желчнымъ поносомъ, чернымъ, жесткимъ языкомъ и сильной жаждой, которая однако бываетъ слабѣе, если causus происходитъ отъ рожистаго воспаленія легкихъ, какимъ именемъ обозначались лихорадочныя формы, происходящія отъ прилива желчи. Повидимому, Александръ злокачественныхъ формъ гипократиковъ не наблюдалъ, но крайней мѣрѣ, описанія его гораздо блѣднѣе, чѣмъ у Аретея и гипократиковъ. Болѣзнетворное вещество, вызывающее causus, одинаково съ тѣмъ, которое вызываетъ перемежающуюся лихорадку. Кроме того Александръ принимаетъ еще ложный causus (*νόθος καῖσος*), вслѣдствіе смѣше-

¹⁾ Тамъ же, с. 2, ed. Puschm., I, 311.

²⁾ Тамъ же, с. 2, I, 317.

³⁾ Тамъ же, с. 2, I, 313, 315.

нiя желчи со слизью, каковая форма, по его мнѣнiю, опаснѣе, чѣмъ настоящiй саусус (*ἀκριβής*), хотя симптомы болѣзни выражены здѣсь слабѣе ¹⁾.

Леченiе саусус или воспалительной желчной лихорадки также состоитъ въ кровопусканiяхъ и назначенiи слабительныхъ и прохлаждающихъ при порчѣ желчи и согрѣвающихъ примочекъ и припарокъ при порчѣ слизи: кромѣ того растительные соки внутрь, теплыя ванны, противъ бессонницы — опиѣ; въ пищу при настоящемъ саусус птизана, растительныя и прохлаждающiя вещества, при ложномъ наоборотъ ²⁾.

Изнурительная лихорадка, которую Александръ называетъ также состарѣлостью отъ болѣзни (*ἐκ νόσου γήρας*), происходитъ отъ растворенiя плотныхъ частей и бываетъ первичная, отъ случайныхъ причинъ, и вторичная, какъ осложненiе тяжкихъ хроническихъ болѣзней; она имѣетъ характеръ *f. continuae* съ умѣренными лихорадочными движенiями, причемъ, по мнѣнiю Александра, бываетъ не столько увеличенiе жара, сколько выдѣленiе животной теплоты изъ глубины на поверхность, по временамъ поты, сухой кашель. Если влаги при этой формѣ вслѣдствiе усиливающегося жара высыхаютъ, то изъ нея развивается *марантическая* форма лихорадки. Александръ, подобно Галену, различалъ именно въ изнурительной лихорадкѣ двойное состоянiе: выступленiе красныхъ пятенъ на щекахъ (*χρόος ἀνθός*), причемъ существенные питательные соки плотныхъ частей (*οὐσιώδης, πρώτη ὑγρότης*) только согрѣваются, и малокровiе или маразмъ (*μαρασμὸς, πυρετὸς μαρασμώδης*), въ которомъ эти соки потребляются и исчезаютъ, что дѣлаетъ невозможнымъ возвращенiе къ здоровью, какъ въ глубокой старости или состоянiи „естественнаго изнуренiя“ (*κατὰ φύσιν*), отсюда упомянутое выраженiе: состарѣлость отъ болѣзни. Марантическую лихорадку поэтому слѣдуетъ разсматривать какъ позднѣйшую стадiю изнурительной лихорадки. При этомъ бываетъ

сильное истощенiе, лицо становится темнѣе и суше, щеки впалы, кожа на лбу растягивается, вѣки опадаютъ вслѣдствiе ослабленiя мышцъ, глазная влага высыхаетъ и глаза уходятъ въ свои впадины, животъ напряженъ, пульсъ твердый, маленькiй, ускоренъ. Въ этомъ периодѣ тщетны всѣ надежды на выздоровленiе ³⁾.

Леченiе при этой формѣ сначала прохлаждающее въ видѣ обливанiй, примочекъ, укрѣпительной и освѣжающей пищи и напитковъ (молоко, преимущественно женское, затѣмъ ослиное и козье, а также сыворотка). Далѣе Александръ совѣтуетъ спать на полѣ свѣжiе листья, а вино давать лишь при чрезмѣрной слабости и изнуренiи. При осложненiи болѣзнями грудныхъ и брюшныхъ органовъ онъ совѣтуетъ прохлаждающее леченiе этихъ органовъ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, с. 2, I, 321.

²⁾ Тамъ же, с. 2, I, 316—319 и 323—327.

³⁾ Alex. Trallianus, περί πυρετῶν, с. 4, ed. Puschmann, I, 349—353 и 369.

⁴⁾ Тамъ же, 358—369.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ не прочь отъ назначенія пѣтушыхъ яичекъ, причѣмъ высказываетъ убѣжденіе, что одна пища не придаетъ силъ, а придаетъ ихъ природа, которая способствуетъ усвоенію ея тѣломъ (οὐ γὰρ ἀπλῶς τροφή τὴν δύναμιν αὐξεί, ἀλλ' ἡ φύσις, ἣτις πᾶσαν τροφήν καὶ πέττειν καὶ μεταβάλλειν καὶ προσθέσθαι τῷ σώματι, πέφυκεν)¹⁾.

Изъ *перемежающихся* лихорадокъ, согласно Александру, ежедневная (quotidiana, ἀμφημερικός) происходитъ отъ слизи, продолжается не болѣе 12 часовъ (Аэцій) и сопровождается менѣ бурными явленіями, чѣмъ при другихъ формахъ; при этомъ жаръ бываетъ умѣренный, постоянные поты, слизистыя рвоты и испражненія. Лечение поэтому состоитъ здѣсь въ назначеніи средствъ, растворяющихъ слизь, почему Александръ совѣтуетъ разжижающіе напитки, легкія слабительныя, спиртныя и масляныя втиранія²⁾.

Здѣсь-то Александръ во всеоружіи опыта выступаетъ противъ Галена, рекомендующаго безъ разбора одни только разжижающія средства, и настаиваетъ на строгомъ различеніи свойствъ измѣненныхъ влагъ; такъ „слизь при лихорадкѣ бываетъ то соленая, то кислая, то прозрачная, то холодная и густая“. Поэтому при соленой слизи, имѣющей также и иссушающее свойство, горячительныя и сухія средства не въ состояніи ее разжидить, а еще больше сгущаютъ. Сюда относятся солонина, перецъ, рѣдька, капорцы и т. д. Эти средства скорѣе полезны при quotidiana, происходящей отъ холодной, жидкой и кисловатой слизи. При соленой же слизи лучше слегка разрѣжающія и согрѣвающія, а также слабительныя, но только тогда, когда болѣзнетворное вещество созрѣло и само начинаетъ разрѣшаться³⁾.

Трехдневная (τριταῖος) лихорадка, по Александру, зависитъ отъ желчи, начинается потрясающимъ ознобомъ, за которымъ слѣдуютъ періоды жара и пота. Эту форму Александръ считаетъ менѣ опасной, чѣмъ другія, хотя наблюдалъ и многіе неизлѣчимые случаи ея (вѣроятно, въ Италіи). Кромѣ того онъ и здѣсь принимаетъ ложную форму 3-дневной лихорадки вслѣдствіе смѣшенія желчи и слизи, причѣмъ, по Галену, бываетъ и значительная опухоль селезенки.

Лечение при настоящей tertiana состоитъ въ примѣненіи холода и влажности, овощей, обильнаго питья теплой воды, ваннъ и слабительныхъ, при ложной формѣ—отвара полни, разжижающихъ и согрѣвающихъ лекарствъ⁴⁾. Непонятно только, какъ это онъ достигалъ блестящихъ результатовъ излеченія и даже предупрежденія 3-дневныхъ лихорадокъ одной только мякотью холодныхъ дынь (πέπων), хотя бы и запиваемой теплой водой!⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, 367.

²⁾ Тамъ же, с. 6, I, 385—407.

³⁾ Тамъ же, 387 и слѣд.

⁴⁾ Тамъ же, с. 5, 371—385.

⁵⁾ Тамъ же, 373.

Четырехдневная лихорадка (*quartana*, *τεταρταῖος*) согласно Гиппократу происходит от черной желчи и бывает только разъ въ жизни, рѣдко начинается сильнымъ ознобомъ, селезенка при ней значительно опухаетъ. Согласно Александру, въ 4-дневной лихорадкѣ слѣдуетъ различать двѣ формы: одну вслѣдствіе чрезмѣрнаго разгоряченія и высыханія желтой желчи, имѣющей мѣстопробываніе въ сосудахъ и другую отъ черной желчи или дрожжеобразнаго свойства крови, имѣющую мѣстопробываніе въ селезенкѣ, которая сильно опухаетъ, причѣмъ Александръ приводитъ случай, въ которомъ опухоль селезенки быстро уменьшилась вслѣдъ за сильнымъ опорожненіемъ кишечнаго канала¹⁾.

Леченіе при первой формѣ—холодныя ванны и примочки, въ пищу прохладящія факты, овощи; при второй формѣ наоборотъ—теплота въ видѣ теплыхъ примочекъ, припарокъ, горячихъ ваннъ, далѣе гимнастическія упражненія, растиранія, мочегонныя, вино, соленая пища. При обѣихъ же формахъ—слабительныя, рвотныя, опіаты, иногда кровоизвлеченія. Иногда онъ достигалъ излеченія съ помощью однихъ только рвотныхъ, какъ напр. шекотаніе перомъ и водомедъ, но отвергаетъ героическія средства, т. наз. противоядія лихорадки, какъ сѣрку съ перцемъ, теріакъ, *liquor cypripaeus* и т. д.; самъ же все таки прибѣгаетъ къ сложнымъ средствамъ, напр. къ смѣси равныхъ частей опія, *pirex longus* и *castoreum* въ видѣ пасты съ винограднымъ сусломъ, въсомъ въ одинъ оболъ, каковое средство вызывало обильный потъ. Вообще 4-дневныя лихорадки онъ лечилъ, смотря по ихъ происхожденію отъ черной, слишкомъ перегорѣвшей желтой желчи или отъ испорченной крови (*τρογώδης*) и мѣстопробыванію ихъ въ сосудахъ или въ селезенкѣ²⁾.

Въ концѣ трактата о лихорадкѣ находимъ у Александра взятую цѣликомъ у Аэція главу о *lirugia* и т. д.³⁾

Какъ общее правило при всѣхъ лихорадкахъ Александръ устанавливаетъ показаніе—прибѣгать къ опорожняющему способу и кровопусканіямъ только въ періодъ полнаго созрѣванія и сваренія влаги, слѣдовательно, только тогда, когда влаги начинаютъ выдѣляться, но не раньше: при формѣ 4-дневной лихорадки, зависящей отъ высыханія желчи—избѣгать согрѣвающихъ, которыя не разрѣшаютъ, а сгущаютъ соки⁴⁾.

Любимыми средствами Александра при лихорадкахъ были: опій, *castoreum*, шафранъ, мандрагора, какъ при ежедневной, такъ и при четырехдневной, далѣе перецъ, мирра, *stogax*, *galbanum*⁵⁾, какъ слабительныя—*scammonium* съ медомъ и розовымъ сокомъ или съ *boletus laticis*⁶⁾, а также коллоквинты, aloës съ полинью въ видѣ

1) Тамъ же, с. 7, I, 419.

2) Тамъ же, с. 7, I, 407—435.

3) Тамъ же, с. 7, I, 437—439. Ср. Aëtius, *Tetrab.* II, *serm.* I, с. 89.

4) Тамъ же, с. 7, I, 411, 413.

5) Тамъ же, с. 6, I, 403, с. 7, I, 423—429.

6) Тамъ же, с. 7, I, 415.

пилюль¹⁾; въ особенности же дѣйствительнымъ противъ 4-дневной лихорадки для опорожненія черной желчи онъ считалъ армянскій камень, т. е., известковый камень, окрашенный въ синий цвѣтъ углекислой мѣдью²⁾.

Кромѣ того въ главѣ о 4-дневной лихорадкѣ находимъ у него нѣчто въ родѣ настоящей панацеи противъ всѣхъ возможныхъ болѣзней, какъ то: застарѣлыхъ головныхъ болей, обмороковъ, падучей болѣзни, бессонницы, бреда, сильныхъ болей въ глазахъ, ревматизма, зубной боли, одышки, хроническаго кашля, воспаления легкихъ, сухаго и эксудативнаго плеурита, кровохарканія, болѣзней желудка и кишечнаго канала (Ileus, хроническія воспаления и т. д.), печени, желтухи, меланхолии, связанной съ безпокойствомъ. Это средство, по его мнѣнію, возвращаетъ каждый заболѣвшій органъ въ нормальное состояние, открываетъ поры, способствуетъ мочеотдѣленію, даетъ покойный сонъ, уменьшаетъ напряженіе сосудовъ, въ особенности же оно полезно при болѣзняхъ матки, при подагрѣ, отравленіяхъ. Употреблялось оно per os et anup; при 4-дневной лихорадкѣ давалось по зі за 2 часа до приступа. Составъ его слѣдующій: мирры 7,0, индѣйскаго нарда (*cardostachyos*) 13,0, croci 15,0, castorei 4,0, opii 18,0, amomi 4,0, anisi 10,0, petroselini macedonici 15,0, сѣмень сельдерея (*Arium*) 12,0, цвѣтовъ мастики 9,0, египетской кассіи 4,0, бѣлаго перцу 4,0, чернаго перцу 15,0, сирійскаго сизона 12,0, stogacis 6,0, selseli 4,0, сладкопахучей мази (*ήδουχρόου μάγματος*) 5,0 и наконецъ меда, съ котораго снята пѣнка q. s.³⁾

Въ заключеніе приведемъ здѣсь рекомендуемые Александромъ амулеты противъ разныхъ формъ лихорадокъ.

Противъ *однодневной лихорадки*. „Орлиный камень (*αετίτης λίθος*)⁴⁾, повѣшенный на больного дѣйствененъ при многихъ страданіяхъ, въ особенности при ежедневной лихорадкѣ“⁴⁾. Другой амулетъ, часто примѣнявшійся Александромъ: „написать на масляномъ листѣ обыкновенной черной краской: ‘κα’, ‘ροι’, ‘α’ и до восхода солнца повѣсить его на шею больному“. Или: „маленькое животное (*ζώοφιον*), сидящее и ткущее паутину для ловли мухъ, весьма полезно, если его завернуть въ платокъ, которымъ обвязать лѣвую руку“⁵⁾. *Противъ 4-дневной*: навозный жукъ (*scarabeus sacer, ήλιοκάνθαρος*), пойманный живымъ и повѣшенный въ красномъ платкѣ во кругъ шеи, также зеленая ящерица (*lascerta viridis, σαύρα χλωρά*), повѣшенная вокругъ шеи, послѣ чего обрѣзки ногтей повѣсить въ красномъ платкѣ вокругъ шеи больного и, отвязавъ ящерицу, дать ей побѣжать въ томъ мѣстѣ, въ которомъ она была поймана. Далѣе: обвязать шею волосами, снятыми съ подбородка козла, или же помазать правое запястье или правое плечо кровью соблазненной дѣвушки либо первой отдѣлившейся у дѣвушки мѣсячной кровью. Еще „испытанное средство“: у одного больного 4-дневная лихорадка прошла отъ ношенія рубахи, пропитанной сначала его потомъ и затѣмъ побывавшей на родильницѣ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, I, 431.

²⁾ Тамъ же, с. 7, I, 429. Ср. Aëtius. Tetrab. I, serm. II, с. 47, serm. III, с. 32.

³⁾ Alexander Trallianus, l. c. I, 431—435.

⁴⁾ Окись желѣза съ сѣрылымъ ядромъ, ср. Dioscorides, V, 160, Puschmann l. c., I, 406.

⁵⁾ Alexander Trallianus, l. I, с. 6, I, 407.

⁶⁾ Тамъ же, с. 7, I, 437.

Болезни кожи и волосъ, которыми Александръ начинаетъ свою *частную патологию и терапію*, изложены нѣсколько непонятно, что, по мнѣнію Puschmann'a, по всей вѣроятности находится въ связи съ значительнымъ уклоненіемъ латинскаго текста отъ греческаго, дошедшаго до насъ очевидно въ искаженномъ видѣ. Такъ

Alopecia (ἀλωπεκία, τριχῶν μείσις, ρύσις τῶν τριχῶν) въ греческомъ текстѣ не разграничена отъ ophiasis, которая въ латинскомъ текстѣ поставлена съ нею рядомъ и отличается отъ нея своей змѣвидной формой:

„Contingit haec duplex passio cadentibus capillis ut aliquando defectu quodam cadant et nudando partem capitis deturpent; vocatur ophiasis quae velut serpentinis squamis superficiem cutis metiatur. Alia vero vulnerebus horribilibus plerumque visibus occurrit, cuius foeditas vulpinis vulneribus exhibet similitudinem quam alopeciam vocant“¹⁾.

Причиной выпаденія волосъ Александръ считаетъ соленое измѣненіе слизи, а также преобладаніе желтой или черной желчи въ питательной влагѣ черепной кожи, кромѣ того недостатокъ питательнаго и образовательнаго матеріала для волосъ, отчего происходитъ сухость ихъ и, быть можетъ, слишкомъ плотное (узкое) или слишкомъ рыхлое свойство поръ, наконецъ выдѣленіе изъ нихъ нечистыхъ веществъ на поверхность черепной кожи.

Здѣсь Александръ рекомендуетъ слабительныя для отвлеченія слизи и желчи, при сухости—ванны, маслянистыя втиранія, жидкую пищу, при рыхлости поръ—вяжущія и охлаждающія средства, при узости ихъ—разслабляющія и слегка согревающія, наконецъ при отдѣленіи нечистыхъ веществъ черезъ головную кожу—ничего не дѣлать, такъ какъ страданіе это проходитъ съ прекращеніемъ отдѣленія. Интересно, что Александръ уже совѣтуетъ выбриваніе волосъ, обмываніе головной кожи и примѣненіе различныхъ составовъ изъ смолы, дегтя, зола лягушекъ, козьихъ копытъ, тростника, горькихъ миндалей, далѣе изъ щелока, сѣры, жира (медвѣжьяго) и маселъ. Въ особенности росту волосъ, по его мнѣнію, способствуетъ ладонъ (olibanum) съ мышинымъ пометомъ въ укусѣ, а также verbena officinalis (περίστερων βοτάνη), а еще лучше „предварительно втирать въ кожу рѣдъку и лукъ“²⁾.

Для окрасиванія волосъ въ черныи цвѣтъ Александръ употреблялъ составы, въ которые входятъ галлусовыя орѣшки, вытяжка акаціи, корка неспѣлыхъ орѣховъ, красное вино, мирра, желѣзная изгарь, мѣдный купоросъ, квасцы, свинцовыя опилки и т. д.; для окраски волосъ въ бѣлокурый цвѣтъ онъ беретъ lithargyri, критской земли и негашенной извести *aa* ζ iv и затѣмъ листья *betae vulgaris*³⁾; въ золотистыи: *Aluminis*, *Sandarac. aa* ζ vi *Croci* ζ ii, *Thapsiae* (римской красной капусты) ζ ii, щелока шляпочниковъ *xest.* 4; красныхъ въ русый цвѣтъ: *gummi myrrhae* и соляныхъ цвѣтовъ (ἀλός ἄθος, повидимому, родъ нечистой соды) по равной части въ видѣ помады, или же размоченный въ водѣ *Lupinus albus* или наконецъ размячченныя въ сокѣ *Saponariae officinalis* листья *Alcannae* (*Lawsonia alba*)⁴⁾.

1) *Alexander von Tralles* I, c. 1, ed. Puschmann, I, 441.

2) *Alex. Trallianus*, I, c. 1, 2, ed. Puschmann, I, 441—451.

3) А также мазь изъ дрожжей и грязнаго масла.

4) Тамъ же, с. 3, 453—457.

Pityriasis (*porrigo* латинскихъ писателей) Александръ описываетъ какъ чрезмѣрное образование и отдѣленіе маленькихъ отрубевидныхъ чешуекъ не только на головѣ, но и на всемъ тѣлѣ, иногда сухихъ, иногда мокнущихъ или даже гноящихся (очевидно онъ ихъ смѣшивалъ съ *Eczema*). Причиной ихъ Александръ считаетъ дискразіи и приливъ къ головѣ соленой слизи или крови, смѣшанной съ желтой или черной желчью. Лечение и здѣсь, смотря по обстоятельствамъ, должно быть общимъ или мѣстнымъ: жирная глина, вино, масло, порошокъ ладона и обмыванія соленой водой; при вшивости еще сандаракъ и *staphis agria*¹⁾.

При пустулезныхъ и другихъ сыпяхъ на головѣ Александръ, подобно Галену и Азцію, рекомендуетъ свинцовыя мази²⁾.

При чесоткообразныхъ и гноящихся сыпяхъ на головѣ Александръ совѣтуетъ сбриваніе волосъ и присыпку квасцовъ, свинцовыхъ глета и бѣлилъ, а также сѣрки, или втираніе ваксы съ укусомъ³⁾.

Aschor (ἄσχορ) Александръ описываетъ отчасти какъ отдѣленіе гноевидной жидкости изъ маленькихъ невидимыхъ отверстій, отчасти какъ маленькія возвышенія или струпики (равнозначашіе галеновскимъ ὄγκος), до того плотные, что не пропускаютъ почти никакого секрета. Въ послѣднемъ случаѣ болѣзнь происходитъ отъ черной желчи, въ первомъ отъ желтой желчи или отъ слизи.

На этомъ основаніи онъ принимаетъ 3 формы *aschor*'а: слизистую съ густымъ и вязкимъ отдѣленіемъ, соленымъ вкусомъ во рту больного и холодной на ощупь кожей, — желто-желчную съ жидкимъ и блѣднымъ отдѣленіемъ, горькимъ вкусомъ у больныхъ и теплой кожей, и наконецъ черно-желчную со скуднымъ отдѣленіемъ, вкусомъ мѣдяки во рту и умѣренно-холодной кожей. Лечение здѣсь такое же, какъ при *aloresia*: сначала поправленіе общаго состоянія, устраненіе вредныхъ веществъ, а затѣмъ мѣстныя средства⁴⁾.

Fachus (χηρίον), по Александру, сходенъ съ *aschor*'омъ и отличается отъ него только большей величиною гнойныхъ отверстій и сходствомъ его проридавленной поверхности съ медовымъ сотомъ, откуда и названіе *χηρίον*. Лечение такое же, какъ при *aschor*⁵⁾.

Изъ *глазныхъ болѣзней*, которымъ посвящена вся кн. II, его *частной патологійи и терапійи*, онъ только для полноты послѣдней разсматриваетъ здѣсь воспаленія или приливы къ глазамъ, *pustaloria*, воспаленіе слезнаго мѣшка и т. д., ссылаясь на то, что имъ объ этомъ предметѣ написано спеціальное сочиненіе (см. выше),

¹⁾ Тамъ же, с. 4, В. I, 457—459. Жирная глина добывалась на о. *Kimolia*, нинѣ *Argentiera*. ²⁾ Тамъ же, с. 5, I, 459—461.

³⁾ Тамъ же, с. 6, 7, I, 461.

⁴⁾ Тамъ же, с. 8, I, 463. Эта и слѣдующая главы крайне отрывочны, судя по совершенному отсутствію подробныхъ указаній мѣстныхъ средствъ. ⁵⁾ Тамъ же с. 9, I, 465.

Воспаленіе глазъ происходитъ, согласно Александру, отъ прилива крови, дискразій, закупориванія или суженія поръ посредствомъ рпеиша или крови, смѣшанной со слизью, для устраненія коихъ онъ назначаетъ

слабительныя, кровопусканіе, иногда даже и вино для разжиженія и уменьшенія застою крови, далѣе обшія ванны, а изъ мѣстныхъ средствъ—водомедъ въ видѣ глазныхъ капель, затѣмъ прохлаждающія и раздражающія мази, примочки и впрыскиванія, а также присыпку порошковъ изъ мѣдныхъ, цинковыхъ, свинцовыхъ и наркотическихъ препаратовъ¹⁾. Вообще при глазныхъ боляхъ Александръ даетъ совѣтъ не спѣшить съ назначеніемъ наркотическихъ мазей и впрыскиваній, отъ которыхъ вначалѣ замѣчается даже ухудшеніе болѣзненного процесса, а прежде всего изслѣдовать причины боля, зависятъ ли онѣ отъ количества или отъ качества болѣзнетворнаго вещества или отъ обоихъ вмѣстѣ, притекаетъ ли это вещество изъ всего тѣла или изъ одной только головы черезъ артеріи или вены, преобладаетъ ли въ немъ одна изъ кардинальныхъ влагъ или рпеиша или нѣкоторыя совмѣстно, и сообразно съ этимъ назначать послѣ кровопусканій слабительныя, отвлекающія и нѣжныя мѣстныя средства, а потомъ уже болѣе энергическое леченіе (вяжущія и раздражающія)²⁾. Для очищенія вѣкъ онъ охотнѣе прибѣгаетъ къ струѣ водомеда (*μελίκρατος*), чѣмъ къ губкамъ³⁾.

Такое же мѣстное леченіе онъ употребляетъ при язвахъ, грануляціяхъ соединительной оболочки вѣкъ, *χρημόσις* рубцахъ, *leucosia*, ночной слѣпотѣ, *hurorion*, стафиломахъ, *міокефалии*, *pterygium* и начинающейся катарактѣ⁴⁾. Для болѣе удобнаго примѣненія мѣстныхъ средствъ онъ выворачиваетъ вѣки⁵⁾. Главную роль въ его глазной терапіи играютъ мѣдный купоросъ, какъ *per se*, такъ и въ растворѣ, а также яичный бѣлокъ, вяжущія и наркотическія.

Такъ называемый карбункулъ глаза (*anthrax*, вѣроятно *raporphthalmitis*) происходитъ, согласно Александру, отъ чрезмѣрнаго разгоряченія и высыханія крови, принимающей характеръ черной желчи, и сопровождается сильными болями, воспаленіемъ и омертвѣніемъ глаза, ведущими къ потерѣ зрѣнія, а по временамъ даже къ судорогамъ и бреду.

Леченіе и здѣсь состоитъ въ кровопусканіи, слабительныхъ, тепловатыхъ ваннахъ и обмываніяхъ головы, причѣмъ избѣгать слишкомъ большаго холода или жара, а также смазыванія тѣла масломъ, уменьшающимъ кожное испареніе и выдѣленіе продуктовъ разложенія. Кромѣ того—покойное положеніе глаза, прохладныя и смягчающія примочки, раздражающія и наркотическія мази и пища, не способствующая накопленію болѣзнетворнаго вещества⁶⁾.

1) Alexander Trallianus, l. II, ed. Puschmann, B. II, 1—30.

2) Тамъ же, 5—7.

3) Тамъ же, 55.

4) Тамъ же, II, 31—57 и 65. Такъ напр. при *pterygium*—растворъ мѣднаго купороса, *salis ammoniaci*, *gummi* съ уксусомъ, а также *populus nigra*, *seria* съ каменной солью и т. п. Тамъ же, 65.

5) Тамъ же, 49.

6) Тамъ же, 59 и слѣд.

Далѣ при *Aegilops*, нарывѣ у внутренняго угла глаза, ведущемъ иногда къ надѣденію кости и образованію слезныхъ свищей, Александръ употребляетъ сначала нѣжныя (*hyoscyamus*), потомъ сушашія, а позднѣе вяжущія и раздражающія присыпки и мази ¹⁾. Такое же леченіе онъ примѣняетъ и при слезотеченіи изъ глазъ, приписываемомъ имъ атрофіи или совершенному отсутствію мясышка у внутренняго угла глаза, которое онъ, повидимому, считаетъ заслонкой, закрывающей слезной протокъ ²⁾.

Необходимо однако замѣтить, что обо всѣхъ этихъ предметахъ и притомъ гораздо обстоятельнѣе писали уже его предшественники и въ особенности Аэціи, у котораго Александръ заимствовалъ, повидимому, не мало. Вообще весь этотъ отдѣлъ есть въ сущности не болѣе какъ собраніе рецептовъ; онъ даетъ многочисленныя формулы для глазныхъ примочекъ, мазей и пр., но не указываетъ ни одной хирургической операціи.

Изъ *ушныхъ болѣзней* Александръ прежде всего разсматриваетъ *Болѣ въ ушахъ*, которая, по его мнѣнію, можетъ зависѣть отъ дискразій, воспаленій, закупореній, холода, жара, и поэтому требуетъ соответственнаго леченія, уменьшенія желчи, раздраженія и выведенія слизи, теплыхъ средствъ при боли отъ холода и наоборотъ, очищенія накопившихся въ ушахъ нечистотъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что ощущеніе тяжести въ головѣ указываетъ на закупореніе слуховаго органа слизью, а чувство одного только напряженія въ ушахъ—на закупореніе сгущеннымъ воздухомъ. Ыдкія средства употребляются имъ только въ хроническихъ случаяхъ по уменьшеніи боли и при оставшейся глухотѣ ³⁾.

При воспаленіи уха, которое, согласно Аэцію ⁴⁾, занимаетъ либо оболочку, выстилающую слуховой каналъ, либо болѣе глубокія части и при сильной степени сопровождается лихорадкой, бредомъ, изступленіемъ и иногда даже ведетъ къ смерти, Александръ употребляетъ антифлогистическое леченіе:

кровонявляющее, успокоивающія капли изъ розоваго масла, съ небольшою примѣсью укуса, *castoreum* съ опіемъ, который Александръ совѣтуетъ впускать только 1 или 2 раза, во избѣжаніе опасныхъ осложненій, каковы потеря рѣчи и чувствительности ⁵⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, подобно Галену, совѣтуетъ остерегаться прикосновенія инструментами къ воспаленному слуховому каналу, которое можетъ усиливать боль, а примѣнять только вливанія съ помощью ушной ложечки (*μυλάτις*) или ушной спринцовки (*ὀτερχύτη*) ⁶⁾, далѣе теплыя примочки, пары изъ горшка, наполненнаго отваромъ полыни, припарки, гусиный жиръ, женское молоко, свѣжее масло и т. д. Такое же леченіе онъ употребляетъ при воспаленіи отъ механическихъ причинъ ⁷⁾. При образованіи язвъ онъ употребляетъ раздражающіе порошки (ладонъ), мази изъ мирры, шафрана, неизбѣжнаго *castoreum* и пр., а также очищающія промыванія ⁸⁾.

¹⁾ Тамъ же, 67—69. ²⁾ Тамъ же, 67.

³⁾ Тамъ же, I. III, с. 1, B. II, 71—79.

⁴⁾ *Tetrab. II, serm. II, с. 73: ob inflammationem cutis in meatu, aut nervi auditorii in profundo.*

⁵⁾ *Alex. Trallianus, I. III, с. 2, B. II, 79--81.*

⁶⁾ Тамъ же, 83. ⁷⁾ Тамъ же, 83—87.

⁸⁾ Тамъ же, 89—93.

Далѣ Александръ тутъ разсматриваетъ шумъ и инородныя тѣла въ ухахъ, которыя онъ извлекалъ завернутою въ шерсть ушною ложечкою,—катарръ уха, образование червей въ ухахъ (коихъ совѣтуетъ, до извлеченія, сначала убивать наркотическими), кровотечение изъ ушей, глухоту (*κωφώσις*) отъ прилива желчи или слизи ¹⁾, наконецъ паротитъ (*περὶ παρωτίδων*), который бываетъ воспалительный при преобладаніи желчи, безболѣзненный и одутловатый при избыткѣ слизи и плотный—при преобладаніи черной желчи.

При первомъ онъ прибѣгаетъ къ кровопусканіямъ, мягчительнымъ припаркамъ, при высокой температурѣ—къ холоднымъ примочкамъ, но только безъ примѣси наркотическихъ и вжущихъ веществъ, при переходѣ въ нагноеніе—къ теплымъ припаркамъ и жирнымъ мазямъ. При пастообразномъ характерѣ паротита онъ примѣняетъ какъ разрывающее кимоловую (бѣлую, плотную) глину, а также известь, наконецъ при плотныхъ паротитахъ—мягчительныя мази изъ меда, воска, терпентина, пшеничной муки, свиного сала съ примѣсью смоль и солей, а также свинцовыя пластыри ²⁾.

Гинтеръ Андернахскій въ своемъ изданіи приводитъ еще двѣ главы о болѣзняхъ носа и зубовъ, а также замѣтки о леченіи угрей на лицѣ, найденныя имъ будто бы въ одной рукописи Александра Траллійскаго и дополненныя по Галену ³⁾.

Первыя болѣзни. Здѣсь прежде всего Александромъ разсматривается

острая головная боль (*κεφαλαλγία*), составляющая симптомъ многихъ болѣзней и происходящая отъ прилива ненормальныхъ влагъ къ головѣ, отъ болѣзней желудка, горячей конституціи, аномальныхъ влагъ въ печени и селезенкѣ при лихорадкахъ, отъ чрезмернаго употребленія вина, отъ солнечнаго удара и отъ травматическихъ причинъ. При воспаленіи мозговыхъ оболочекъ головная боль есть предвѣстникъ судорогъ, иногда даже внезапной смерти. Леченіе и здѣсь Александромъ проводится причинное въ видѣ примочекъ, мазей, слабительныхъ и т. д. ⁴⁾.

Хроническая головная боль (*κεφαλαία*) имѣетъ перемежающійся характеръ и обостряется отъ самыхъ незначительныхъ вѣшнихъ причинъ, какъ употребленіе вина, сильныя захла, слишкомъ большой свѣтъ. Вообще же причинами ея служатъ: общаа plethora, болѣзни и аномаліи головныхъ влагъ, воспаленіе надчерепной плевы или мозговыхъ оболочекъ, излишнее рпеиша въ мозгу, избытокъ, стуженіе, слишкомъ большой жаръ или холодъ влагъ. Далѣ разгораченіе желчи, болѣзни пищеваженія, бессонница, сильная печаль ⁵⁾. Леченіе какъ въ предыдущей формѣ,—между прочимъ *sal ammoniacum*, *scammonium* и т. п.

Мигрень (*ἤμικρανία*), согласно Александру, происходитъ отъ накопленія нечистыхъ веществъ въ головѣ, гдѣ онѣ превращаются въ газъ, а также отъ болѣзней брюшныхъ органовъ. Леченіе состоитъ въ примѣненіи то согрѣвающихъ и прохладительныхъ, то

¹⁾ Тамъ же, сс. 3—6, В. II, 98—105.

²⁾ Тамъ же, с. 7, В. II, 105—125.

³⁾ Alexander Trallianus, ed. Guinteri Andernaci, Basileae, l. III, сс. 8—10, pp. 204—218.

⁴⁾ Alexander Trallianus, l. I, с. 10, ed. Puschmann, В. I, 465—485.

⁵⁾ Тамъ же, с. 11, 485—497.

отвлекающихъ и слабительныхъ средствъ (пильюль изъ колоквиентовъ). Кровопусканіе же онъ употребляетъ только при избыткѣ крови¹⁾.

Обморокъ (*συνοκότη*), по Александру, наступаетъ при лихорадкахъ, общей слабости, поносахъ, слишкомъ обильныхъ потахъ, избыткѣ или гніеніи влаги, недостаткѣ пищи, сухости тѣла, простудѣ или разгоряченіи тѣла, воспаленіяхъ, засореніяхъ благородныхъ органовъ, при сильныхъ душевныхъ потрясеніяхъ. Далѣе его слѣдуетъ опасаться при болѣзняхъ брюшныхъ органовъ, матки, желудка, въ особенности входа въ послѣдній, при коликахъ, *ileus*, при вскрытіи нарывовъ и раненіяхъ. Вообще обморокъ отъ слабости онъ различалъ происходящій отъ сердца, отъ мозга или отъ печени, смотря по поражению совокупной жизненной силы всего тѣла (*διακοούση τὸ σῆμα δύναμις*) въ животныхъ отправленіяхъ (*ζωτικῆ δύναμις*—въ сердцѣ), въ нервной дѣятельности (*ψυχικῆ δύναμις*—въ мозгу) или въ области питанія (*φυσικῆ δύναμις*—въ печени)²⁾. Лечение здѣсь сообразуется съ обстоятельствами и состоитъ либо въ согрѣваніи, либо въ охлажденіи, т. е., возбуждающемъ или противовоспалительномъ методѣ. При обморокѣ вслѣдствіе вредныхъ веществъ въ желудкѣ—легкое рвотное (*Hydroleum*), при поносѣ—избѣгать средствъ, стягивающихъ кожу, отъ коихъ поносъ усиливается, при желчномъ поносѣ—перевязываніе членовъ. Очевидно, лечение здѣсь, какъ и вездѣ, у Александра причинное; при этомъ онъ совѣтуетъ также заботиться о доступѣ воздуха, растирать больныхъ, всприскивать водой, давать чихательныя, холодную воду, вино, укрѣпляющую пищу, а снаружи примѣнять софѣвающія примочки, ванны и т. д.³⁾.

Апоплексія (*ἀποπληξία*), согласно Александру, есть потеря чувствительности и движенія съ разстройствомъ важнѣйшихъ отправленій всего тѣла. Подъ названіемъ же *пареза* (*πάρεσις*) онъ подразумѣваетъ мѣстное пораженіе или мѣстный периферическій параличъ половины тѣла или даже только одной или нѣсколькихъ нервныхъ территорій, безъ одновременнаго пораженія головного или спиннаго мозга. Сущность болѣзни, согласно Александру, состоитъ въ засореніи центральной нервной системы или отдѣльныхъ периферическихъ нервовъ избыточными или болѣзненно-измѣненными влагами. При пораженіи головного мозга бывають гемиплегіи или параличъ отдѣльныхъ нервовъ лица и черепа, въ остальныхъ случаяхъ параличъ происходитъ отъ заболѣванія спиннаго мозга и периферическихъ нервовъ, въ извѣстныхъ же случаяхъ рѣзко ограниченнаго паралича Александръ исключаетъ всякое участіе центральной нервной системы⁴⁾. Фаетъ паралича противоположной половины тѣла при поврежденіяхъ черепа онъ, должно быть, предполагалъ извѣстнымъ и потому о немъ не распространяется. Вообще при описываемой болѣзни Александра больше всего интересуется ея

¹⁾ Тамъ же, с. 12, В. I, 499—507.

²⁾ Alexander Trallianus, *περὶ ποметός*, с. 3, В. I, 347.

³⁾ Тамъ же, с. 3, В. I, 329—347.

⁴⁾ Alexander Trallianus, l. I, с. 16, ed. Puschmann, В. I, 575—577.

терапия, состоящая главным образом въ уменьшеніи избыточныхъ или испорченныхъ соковъ съ одной стороны (кровоусканія, слабительныя, потогонныя для расширенія поръ и устраненія засоренія нервовъ), а съ другой—въ доставленіи организму жидкостей для разжиженія густыхъ вязкихъ влагъ, способствующихъ засореніямъ, наконецъ въ освобожденіи крови отъ примѣся слизи или черной желчи. Кромѣ того—растиранія, теплыя и холодныя ванны, теплыя минеральныя источники. Мѣстно онъ употребляетъ насѣчки, приставленіе пиявокъ, раздражающія средства съ цѣлью согрѣвать и оживлять парализованныя части и размягчать уплотненія. Такое же леченіе онъ употребляетъ при параличахъ отдѣльныхъ частей, какъ то: глазъ, губъ, мускуловъ подбородка, руки, желудка, мочеваго пузыря, задняго прохода и сѣдалищныхъ мышцъ, примѣняя въ послѣднемъ случаѣ еще клистиры и и сидячія ванны¹⁾.

Въ *Lethargus* Александръ различаетъ двѣ формы: настоящую, происходящую отъ слизи, вызывающей, вслѣдствіе пропитыванія ею мозга, неодолимую спячку и потерю памяти, и ложную, при которой происходитъ приливъ къ головѣ не только слизи, но и желчи, причѣмъ явленія бываютъ смѣшанныя, то спячка, то бредъ, безпрестанное движеніе руками при закрытыхъ вѣкахъ, которыя, если заговорить съ больнымъ, онъ открываетъ и затѣмъ опять закрываетъ, при сильной же степени больные лежатъ безъ движенія, пульсъ рѣдкій, маленькій, едва ощутимый.

Леченіе: кровоусканіе, примочки изъ уксусу и розоваго масла, въ упорныхъ случаяхъ—втираніе въ остриженную голову нагнаивающихъ средствъ, бобровая струя снаружы и внутрь, далѣе чихательныя, растиранія, въ особенности бедеръ, теплыя ванны; при запорѣ—слабительныя; пища должна быть разжижающая; вино только при выздоравливаніи²⁾. Такого же леченія требуетъ

хѣрос, т. е., внезапная потеря движенія и чувствительности, а по временамъ также памяти и рѣчи съ параличемъ мочеваго пузыря. Подобно Галену, Александръ полагаетъ мѣстопробываніе болѣзни въ передней части мозга вслѣдствіе разрывовъ и поврежденій мозговыхъ оболочекъ, ушибовъ черепныхъ костей и механическаго давленія на средней мозговой желудочекъ. Начинается болѣзнь, согласно его описанію, сильными болями, смѣняющимися вскорѣ почти совершенною недѣятельностью органовъ чувствъ, а потому нужно полагать, что подъ названіемъ *хѣрос* онъ подразумѣвалъ сопорозное состояніе, наступающее послѣ апоплексій, травматическихъ поврежденій и сотрясеній мозга³⁾.

Противоположное спячкѣ страданіе составляетъ

Phrenitis, которую Александръ, вмѣстѣ съ Галеномъ, считаетъ происходящимъ отъ желчи воспаленіемъ мозга и его оболочекъ. Чѣмъ свѣтлѣе притекающая къ мозгу желчь, тѣмъ слабѣе выражены явленія болѣзни. Обыкновенно ей предшествуютъ

продолжительная бессонница, иногда лишь прерываемая безпокойными сновидѣніями, забывчивость, усиленная чувствительность и большая возбудимость; дыханіе частое, глубокое, пульсъ маленькій, твердый. Въ началѣ глаза больного мутны, взглядъ неподвижный,

¹⁾ Тамъ же, В. I, 577—591.

²⁾ Alex. Trallianus, l. I, c. 14, В. I, 527—533.

³⁾ Тамъ же, 533—535 и Puschmann, l. c., I, 148.

сухой жаръ, поздне наступаютъ безпамятство, хватаніе мухъ, тупость, на вопросы не отвѣчаетъ, затѣмъ бредъ, иногда кровоточенія изъ носу. При длительномъ теченіи картина болѣзни, согласно Александру, совершенно мѣняется: бредъ, лихорадка и другія бурныя явленія ослабѣваютъ и наступаетъ періодъ полного взнеможенія, пульсъ слабій, короткій, узкій, но твердый. Это не особенная форма phrenitidis, а только позднѣйшая ея стадія. По сидоній, какъ извѣстно, различалъ 3 формы этой болѣзни, смотря по тому, поражено ли воображеніе, гнѣздящееся въ передней части мозга, разсудокъ—въ среднемъ мозговомъ желудочкѣ, или память—въ заднемъ желудочкѣ¹⁾. Александръ же принимаетъ только 2 формы: настоящую, воспалительную Phrenitis, подраздѣляемую имъ на болѣе слабую и болѣе сильную, и ложную, при которой желчь содержитъ примѣсь слизи и необикновенно разгорячается и высыхаетъ. Сообразно съ этимъ присоединяются новыя симптомы болѣзни.

Леченіе Александръ начинаеть кровопусканіемъ, послѣ чего переходитъ къ примѣненію холода и опія, котораго совѣтуетъ избѣгать при слабости и ложной phrenitis; далѣе при судорогахъ онъ совѣтуетъ растиранія и согрѣванія нижнихъ конечностей, кровососныя банки къ ногамъ съ дѣлью отвлеченія болѣзнетворнаго вещества отъ головы; при безпамятствѣ чихательныя, растиранія и теплыя припарки на животъ; наконецъ тепловатыя ванны для успокоенія больнаго и уменьшенія жара: въ питье теплую воду съ масломъ для опороженія излишней желчи; холодная же вода, по его мнѣнію, служитъ источникомъ новыхъ заболѣваній (злокачественной лихорадкой). Вино онъ разрѣшаетъ только при сильномъ истощеніи противъ бессонницы и безпокойства, въ особенности у привычныхъ къ нему; въ пищу слизистые отвары, немного хлѣба и освѣжающіе фрукты. Далѣе онъ обращаетъ особенное вниманіе на гигиеническія условія, устраненіе шума; комната больнаго должна быть болѣе свѣтлая и около него могутъ находиться только самыя близкіе²⁾.

Падушая болѣзнь, согласно Александру, заключается въ полномъ прекращеніи дѣятельности чувствъ и произвольнаго движенія. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ полагаетъ мѣстопробываніе болѣзни въ мозгу—источникѣ двигательныхъ и чувствительныхъ нервовъ.

По поводу различныхъ названій этой болѣзни Александръ объясняетъ, что наименованіе ея „morbus sacer, іера νόσος“ происходитъ отъ мѣстопробыванія болѣзни въ мозгу, составляющемъ вѣчто „священное и драгоцѣнное“. Названіе „болѣзнь Геркулеса“ происходитъ не отъ того, что Геркулесъ былъ одержимъ этой болѣзью, а оттого, что она напоминаетъ силу и жестокость страданія³⁾. У римлянъ она называлась „morbus comitalis“ оттого, что приступы болѣзни въ большихъ собраніяхъ производили потрясающее впечатленіе. Названіе же „ἐπιληψία“ Александръ производитъ отъ ἐπιλαμβάνεσθαι, а не отъ ἐπιλαμβάνεσθαι, ошибки, вкравшейся въ большую часть рукописей⁴⁾. Интересно, что одно изъ средствъ противъ эпилепсіи онъ приводитъ изъ 58 кн. Theodorus'a Moschion'a⁵⁾.

¹⁾ Ср. Aëtius, Tetrab. II, serm. II, с. 2 и выше стр. 38.

²⁾ Alexander Trallianus, l. I, с. 13, В. I, 509—527.

³⁾ Тамъ же с. 15, В. I, 535.

⁴⁾ Alexander Trall. l. I, с. 15, ed. Puschm. В. I, 535 и Общая часть, р. 140.

⁵⁾ Тамъ же, 563. Haeser (I, 460) говоритъ, что здѣсь Александръ его также на-

Александръ вмѣстѣ съ Галеномъ различаетъ три формы болѣзни, смотря потому, происходитъ ли она отъ пораженія мозга, желудка или другой части тѣла. Первая бываетъ преимущественно у дѣтей и выражается тяжестью въ головѣ, головокруженіемъ, потерей чувствительности и зрѣнія. Вторая сопровождается болями въ желудкѣ, урчаніемъ въ животѣ и бываетъ тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ меньше до того тѣло больной. Наконецъ въ случаяхъ, гдѣ болѣзнь начинается въ другой части тѣла, напр. въ одной изъ конечностей, больные отчетливо чувствуютъ восхожденіе ея оттуда вверхъ къ мозгу и поэтому сами предсказываютъ приступъ. Нужно однако прибавить, что у Аретей эта болѣзнь изображена гораздо рельефнѣе.

При леченіи эпилепсін Александръ больше всего заботится объ уменьшеніи слизи и черной желчи. У младенцевъ онъ прежде всего старается урегулировать питаніе, причѣмъ даетъ отличныя наставленія для выбора кормилицы, пробы молока и т. д. Кромѣ того совѣтуетъ купать и дѣлать растиранія, начиная отъ верхнихъ конечностей, перехода потомъ на грудь, животъ и нижнія конечности, съ цѣлью отведенія болѣзнетворнаго вещества изъ головы внизъ. У старшихъ дѣтей съ той же цѣлью онъ совѣтуетъ употреблять отвары исopa, сильныя слабительныя, рвотныя, полосканія и жевательныя для возбужденія отдѣленія слизи. Если болѣзнь происходитъ отъ желудка, то для уменьшенія желчи Александръ совѣтуетъ слабительныя, теплую воду и пищу, свободную отъ масляныхъ, жирныхъ, соленыхъ и способствующихъ накопленію слизи въ желудкѣ составныхъ частей; кромѣ того согрѣвающія и укрѣпляющія средства. При третей формѣ, начинающейся отъ конечностей въ видѣ ауга *epileptica*, *abra*, *haxia*, онъ примѣняетъ въ началѣ приступа мѣстное леченіе: бинтованіе, растираніе конечностей, нагнаивающія средства (*Lepidium*), вызывающія потъ; при этомъ—систематическое опорожняющее леченіе, кровопвлеченіе же только въ самыхъ упорныхъ случаяхъ; послѣ приступа—растиранія головы, прикладыванія къ ней теплыхъ полотенецъ. Изъ пищи избѣгать трудноваримыхъ веществъ, способствующихъ образованію слизи и черной желчи. Кромѣ того онъ рекомендуетъ движеніе на воздухѣ, бѣду, купанья и воздержаніе отъ половыхъ сношеній, далѣе—не смотрѣть долго вверхъ, избѣгать солнца или жаркаго пламени, сильныхъ запаховъ и т. п. Само собою разумѣется, что рядомъ съ этими дѣтетическими и гигиеническими правилами онъ приводитъ длинный рядъ амулетовъ и суевѣрныхъ средствъ, между которыми встрѣчаются и такія, какъ яички пѣтуха, человѣческая кровь, порошокъ изъ пероженнаго ослинаго черепа, драгоценныя камни и проч.¹⁾

Меланхолія подъ каковымъ названіемъ Александръ описываетъ всѣ вообще душевныя болѣзни, происходитъ, по его мнѣнію, не отъ одной какой либо влаги, но отъ многихъ, которыя между собою смѣшиваются. Такъ, кровь иногда смѣшивается съ избыткомъ желчи, въ другихъ случаяхъ со слизью, еще въ другихъ съ болѣе густыми „меланхолическими“ (черножелчными) влагами. Отсюда разнообразіе симптомовъ. Вотъ относящееся сюда мѣсто:

зываетъ *Diorthotes*, но это не вѣрно. Ни въ изд. Puschmann'a, ни въ изд. Guinterus'a нѣтъ этого прибавочнаго названія, даннаго Мусціону Галеномъ. Ср. вып. III, стр. 748.

¹⁾ Alexander Trall. l. I, c. 15, B I, 535—575.

„Меланхолия не всегда происходит отъ одной и той же причины и страданіе это не всегда зависитъ отъ одинаковой влаги, а отъ различныхъ болѣзнетворныхъ веществъ, которыя принимаютъ то ту, то другую форму. Оттого не всегда наступаютъ одни и тѣ же симптомы болѣзни, и воображеніе больного не всегда работаетъ одинаково. Нѣкоторые больные постоянно смѣются и ихъ фантазія оживлена свѣтлыми картинами, другіе приходятъ въ гнѣвъ, возбуждены и уподобляются въ этомъ отношеніи такъ называемымъ иступленнымъ (φρενιτικοί), нѣкоторые обнаруживаютъ большую апатію (ωαροτης), такъ что неохотно говорятъ, подобно такъ называемымъ идиотамъ (μωροί), другіе одержимы ложными представленіями и полагаютъ, что предсказываютъ будущее. Одни жаждутъ смерти; другіе умоляютъ, чтобы ихъ убили, еще другіе обнаруживаютъ страхъ передъ смертью. У нѣкоторыхъ изъ нихъ въ извѣстное время бываютъ свѣтлыя промежутки, такъ что могутъ заниматься своими дѣлами; у другихъ промежутковъ не бываетъ. Но отдѣльныя формы болѣзни отличаются не только различіемъ симптомовъ, но и мѣстопребыванія ея. Иногда пораженъ только мозгъ, иногда и все остальное тѣло или же только желудокъ и подложечная область. А потому, въ виду того, что причины, мѣстопребываніе и мучительные симптомы меланхолиі не всегда бываютъ одни и тѣ же, считая цѣлесообразнымъ для обучающихся (τοις φιλομαθεσι) усвоить себѣ основательное знаніе съ каждой отдѣльной формой и ея исходной точкой. Необходимо поэтому точно изслѣдовать различительные признаки, ибо только этимъ способомъ будемъ въ состояніи, хотя это и не легко, достигнуть исцѣленія и устраненія болѣзни“¹⁾.

Бредъ и галлюцинаціи при этой болѣзни также отличаются непостоянствомъ. Одни теряютъ сознаніе своей личности и считаютъ себя превращенными въ другія существа. Между прочимъ Александръ рассказываетъ, что наблюдалъ одну женщину, которая постоянно держала средній палецъ вытянутымъ, полагая, что такимъ образомъ она поддерживала вселенную, и боялась его согнуть, чтобы не опрокинуть послѣднюю; другую, удивленную, что проглотила змѣю, и излеченную тѣмъ, что въ ея рту было подкинута змѣе-видное животное. Ф и л о т и м ъ видѣлъ, мужчину, полагавшаго, что у него нѣтъ головы, и излеченнаго надѣваніемъ ему на голову свицовой шапки и т. д.²⁾

Александръ различаетъ три первичныя формы меланхолиі: первая происходитъ либо отъ слишкомъ большого количества крови, либо отъ вредныхъ примѣсей. Къ полнокровію расположены преимущественно брюнеты съ густыми волосами и пожилые люди, легко приходящіе въ гнѣвъ. Въ такихъ случаяхъ душевное расстройство легко наступаетъ при застояхъ привычныхъ выдѣленій (геморроя, мѣсячныхъ очищеній), причемъ въ голову поднимаются испаренія изъ крови, поражающія мозгъ, производящія замутнѣніе душевнаго рпеиша (πνεῦμα ψυχικόν) и вызывающія ложныя представленія. При этомъ у больныхъ бываетъ ощущеніе тяжести въ тѣлѣ, красное лицо, набухшія вены и веселый бредъ³⁾.

Вторая форма меланхолиі зависитъ отъ качества крови. Если она содержитъ примѣсь слишкомъ большого количества желчныхъ и острыхъ

¹⁾ Тамъ же, I, I, с. 17, В. I, 591.

²⁾ Тамъ же, В. I, 605—607.

³⁾ Тамъ же, В. I, 593.

веществъ, то и поднимающіеся въ мозгъ испаренія имѣютъ такое же свойство и потому картина болѣзни совершенно другая: бредъ и ложныя идеи отличаются буйнымъ характеромъ, больные чрезвычайно раздражительны, легко приходятъ въ гнѣвъ; являются приступы настоящаго бѣшенства. Расположеніе къ этой формѣ обнаруживаютъ возмужалый возрастъ, сухая и горячая конституція влагъ, а также употребленіе горячей, острой пищи. При одинаковомъ распредѣленіи желчи и крови въ тѣлѣ возникаетъ смѣшанная изъ обѣихъ приведенныхъ формъ и мѣняющаяся картина болѣзни ¹⁾.

Третья форма меланхоліи, согласно Александру, происходитъ отъ примѣси къ крови черной желчи во вредномъ для здоровья количествѣ, причеиъ изъ нея поднимаются въ мозгъ горячія испаренія, вызывающія измѣненіе жизненнаго рпеиша. При этомъ у больныхъ являются безпричинная тоска, печальное настроеніе духа, отвращеніе къ жизни, ненависть къ людямъ, манія преслѣдованія и боязнь насильственной смерти. Къ этой же формѣ болѣзни Александръ причисляетъ мономанію и сумасшествіе, при которыхъ больные теряютъ сознаніе своей личности и считаютъ себя превращенными въ другія существа ²⁾.

Кромѣ этихъ первичныхъ формъ Александръ принимаетъ еще вторичную, а именно хроническую меланхолію, при которой бываютъ засоренія мозговыхъ желудочковъ и стойкія анатомическія измѣненія существа мозга, почему при этой формѣ и ложныя представленія становятся стойкими и терапия почти безсильна ³⁾.

Леченіе меланхоліи сообразуется съ причиной болѣзни: при избыткѣ крови — кровопусканіе изъ вены руки, подкожной и лодыжковой (при задержаніи мѣсячныхъ), а также лобной (при густой крови). При этомъ избѣгать пищи, способствующей образованію крови, въ особенности мяса ⁴⁾. При примѣси къ крови желчи или острыхъ веществъ Александръ прибѣгаетъ къ слабительнымъ, жидкой пищѣ, ваннамъ ⁵⁾. Что касается рекомендованныхъ древними врачами примѣненія пьвокъ, кровососныхъ банокъ и присыпки раздражающихъ ѣдкихъ порошковъ къ головѣ, то Александръ порицаетъ этотъ способъ, оставляя его только для хроническихъ, закоренѣлыхъ случаевъ, неподдающихся болѣе иѣжнымъ способамъ ⁶⁾, причеиъ онъ примѣняетъ и общее кровопусканіе, а вмѣсто *Nellebogus albus* предпочитаетъ „армянскій камень“, легко и безъ боли опорожняющій болѣзнетворное вещество ⁷⁾. Особенно большое значеніе онъ приписываетъ в а н н а м ѣ и д і э т ѣ, которыми, согласно его словамъ, онъ достигалъ гораздо больше исцѣленій, чѣмъ

1) Тамъ же, I, 597—599.

2) Тамъ же, I, 605—607.

3) Тамъ же, I, 607.

4) Тамъ же, I, 595.

5) Тамъ же, I, 598—603.

6) Тамъ же, I, 603.

7) Тамъ же, I, 609—611.

лекарствами. Точно также для излеченія больного чрезвычайно важны, по его мнѣнiю, покой и сонъ ¹⁾. Наконецъ онъ достигалъ успѣшныхъ результатовъ психическимъ методомъ леченія, причемъ совѣтуетъ соглашаться съ ложными представленiями больного и стараться исполнять его желанiя, а также перемѣну мѣста, путешествiя, посѣщенiе театра и собранiй, легкiя занятiя ²⁾.

Болезни дыхательныхъ органовъ. Здѣсь сначала излагаются *Воспаленiя гѣла*, которыхъ, по словамъ Александра, позднѣйшіе авторы, смотря по мѣстоположенiю, различали четыре вида, а именно *suprapne*—внутреннее воспаленiе и *parapne*—наружное воспаленiе мускуловъ гортани, затѣмъ *subpne*—внутреннее и *parapne*—наружное воспаленiе мускуловъ глотки ³⁾. Интересно, что Александръ также придерживался укоренившагося въ древности мнѣнiя о катарральномъ происхожденiи болѣзней дыхательныхъ органовъ, отъ истеканiя острой слизи изъ головы, и даже старался подрѣзывать это мнѣнiе, принимая, что означеннымъ болѣзнями нерѣдко предшествуютъ раздраженiе и ослизненiе языка ⁴⁾.

Леченiе должно сообразоваться съ обстоятельствами и періодомъ болѣзни: вначалѣ слегка вяжущiя полосканья (шелковица, шафранъ и проч.), позднѣе сильно вяжущiя и желчныя разрѣжающiя средства (квасцы, натръ, галлусовыя орѣшки); при уплотненiи воспаленныхъ внутреннихъ частей—полосканье теплою водою, а наружныхъ частей—мягчительныя и разрѣшающiя припарки. Затѣмъ онъ совѣтуетъ у крѣпкихъ—осторожное общее кровопусканiе, а если не помогаетъ, то изъ *v. sublingualis*, а за неотнсканiемъ ея изъ *v. jugularis*, способъ, никѣмъ до Александра не упоминаемый; далѣе при задержанiи менструацiи и обычныхъ геморроидальныхъ кровотеченiй—изъ лодыжковой вени. Кромѣ того кровососныя банки, примочки, припарки, пластыри, но только тогда, когда приливъ болѣзнетворнаго вещества прекратился и тѣло не содержитъ болѣе продуктовъ изверженiя. Наконецъ слабительныя, водомедъ, птизану и немного личнаго желтка ⁵⁾.

Въ отдѣльной главѣ имъ разсматривается вообще

Кашель (*περί βηχός*), о которомъ вначалѣ читаемъ слѣдующее:

„Кашель, какъ и одышка, есть только симптомъ. Онъ происходитъ отъ различныхъ причинъ: а именно, онъ зависитъ то отъ горячей, то отъ холодной, то отъ су-

¹⁾ Тамъ же, I, 615.

²⁾ Тамъ же, I, 615—617.

³⁾ Тамъ же, I, IV, В. II, 125.

⁴⁾ Тамъ же, I, V, с. 1, ed. Puschm., В. II, 149. Наеер (I, 460) по этому поводу говоритъ, будто здѣсь Александръ приводитъ случай, въ которомъ „у больного съ кашлемъ была выхаркнута“ *arteria aspera*, „вѣроятно большiе фибринозные свертки, составлявшiе отпечатокъ большихъ бронховъ при *bronchitis couposa*“, причемъ Н. ссылается на I, V, с. 1. Ничего подобнаго однако здѣсь нѣтъ; Александръ тутъ говоритъ только о раздраженiи, но ничуть не о выхаркиванiи „*arteriae tracheae*“: *Εἰ μὲν οὖν ἐκ τῆς κεφαλῆς εἴη τὸ ἐπιρρέον, ἀνάγκη κατὰ τὴν σταφυλὴν ἢ τὴν τραχεῖαν ἀρτηρίαν ἐρεθισμὸν τινα γίνεσθαι*. Ср. также изд. Guinter. p. 241.

⁵⁾ Тамъ же, 127—145.

хой или влажной дискразіи“... „Я долженъ еще упомянуть, что кашель обнаруживает различіе происхожденія не только по отношенію къ причинамъ, но и по отношенію къ частямъ тѣла [органамъ] и потому можетъ составлять не только первоначальное, но и секундарное страданіе. Необходимо поэтому точное установленіе діагностики и соответственной причины. Безъ точной же діагностики невозможно правильное леченіе“¹⁾).

Очевидно, Александръ различаетъ отдѣльные виды кашля, смотря по характеру обуславливающей ихъ дискразіи. При преобладаніи жара голова и лицо красны; у больного замѣчается жажда свѣжаго воздуха, облегчающаго его гораздо больше, чѣмъ вода; отхаркиваніе незначительное или вовсе отсутствуетъ, а если есть, то оно бываетъ соленоватаго вкуса, дымчатаго или слегка желтоватаго цвѣта и жидкой консистенціи. Причинами здѣсь являются горячая пища, горячія ванны, сладострастіе и пр. При холодной дискразіи больные блѣдны и чувствуютъ во рту болѣе кислый, чѣмъ горькій вкусъ; жажды и соленыхъ мокротъ не бываетъ. Прохлаждающія средства имъ неприяты, согревающія же приносятъ облегченіе. Въ такомъ же родѣ описывается сухая и влажная дискразіи²⁾).

Понятно, что при леченіи главную роль играютъ причиняющія кашель дискразіи. Средства противъ кашля Александръ приводитъ безчисленное множество. Сюда относятся Storax, Myrrha, анисъ, медъ, Castoreum, терпентинъ, лабрица, сѣра и, въ особенности, препараты опиума, которые онъ однако примѣняетъ съ большой осторожностью. Далѣе окуриванія ладономъ, сандаракомъ, вдыханіе эфирныхъ смолъ, масляныя втиранія въ грудь, жирныя мази и пластыри. При густыхъ мокротахъ онъ предостерегаетъ отъ примѣненія мочегонныхъ, могущихъ способствовать еще большому ихъ сгущенію. Въ пищу онъ даетъ ячменную слизь, яичные желтки, куриное мясо, свѣжіе овощи и фрукты; въ питье, смотря по конституціи больного, холодную или тепловатую воду. Кромѣ того онъ не считаетъ противопоказанными ни вина, ни ваннъ, какъ теплыхъ, такъ и холодныхъ³⁾).

Далѣе находимъ здѣсь у Александра симптоматологію воспаленія легкихъ (φλεγμονή ἐν τῷ πνεύμονι): сильный жаръ, одышка, сухость языка, краснота щекъ, чувство тяжести въ груди и скудное отдѣленіе мокротъ. Если послѣднія имѣютъ желчный характеръ, чувство тяжести или стѣсненія въ груди не такъ велико, но жаръ сильный, то это, согласно Александру, указываетъ на рожистый характеръ воспаленія. Присутствіе гноя въ легкихъ узнается по плеску при встряскѣ больного⁴⁾. О леченіи воспаленія легкихъ Александръ совершенно умалчиваетъ. Также мало онъ распространяется о встрѣчающихся въ легкихъ туберкулахъ (φύματα), которые причиняютъ затрудненное дыханіе, стѣсненіе въ груди и развиваются то быстро, то медленно, а до наступленія нагноенія при нихъ

1) Тамъ же, I. V, с. 1, 147 вначалѣ.

2) Тамъ же, 147—149.

3) Тамъ же, I. V, с. 4, B. II, 157—185.

4) Тамъ же, I. V, с. 2, B. II, 151.

не замѣчается ни отхаркиванія, ни дыхательнаго шума (ψῆφος), ни чувства царапанія въ шеѣ, которыя обнаруживаются только впоследствии вмѣстѣ съ болями, кашлемъ и лихорадочнымъ жаромъ¹⁾. Мы уже видѣли, что подъ фѳрмата древніе подразумѣвали туберкулы, быстро распадающіеся, претерпѣвающіе творожистое перерожденіе или омѣлотовореніе, образующіе пещеристые ходы, часто вовлекающіе въ этотъ процессъ сосѣднія бронхіальныя желѣзы. По поводу явленій при вязкихъ и густыхъ мокротахъ въ легкихъ находимъ у Александра наблюденіе надъ больнымъ, отхаркивавшимъ мокроты съ конкрементами (т. н. легочными камнями)²⁾—явленіе, замѣченное уже Галеномъ.

Въ главѣ о кровохарканіи онъ излагаетъ различительное распознаваніе кровотеченій изъ легкихъ и гортани. Вообще кровохарканіе онъ считаетъ самой опаснѣйшей изъ всѣхъ болѣзней легкихъ, ибо, „если оно и не лишаетъ больного жизни вслѣдствіе потери большаго количества крови, то часто становится источникомъ и первой причиною тяжелой болѣзни“. По примѣру всѣхъ древнихъ врачей, Александръ принимаетъ три способа кровотеченія: разрывъ сосудовъ, изъязвленія сосудистыхъ стѣнокъ и такъ называемый анастомозъ (то же дѣленіе мы видѣли выше у Аэція).

Разрывъ сосудовъ происходитъ отъ механическихъ причинъ, поднятія тяжестей, крика, холода, застоя крови и газовъ. При надѣженіи сосудистыхъ стѣнокъ вначалѣ кровотеченіе незначительно и только при большихъ раздѣленіяхъ кровь вытекаетъ въ большемъ количествѣ, причѣмъ въ отхаркиваемой крови Александръ часто находилъ мясистые и тканевые элементы. Причиннымъ моментомъ онъ здѣсь считаетъ употребленіе острой и соленой пищи или же недостатокъ питанія, печаль, заботы и т. д. При такъ называемомъ анастомозѣ (раскрываніи отверстій сосудовъ) кровохарканіе происходитъ отъ употребленія горячей пищи, слишкомъ горячихъ ваннъ, пребыванія въ жареныхъ странахъ и т. п. Для отличительнаго распознаванія, изъ какого органа течетъ кровь, Александръ даетъ слѣдующія точки опоры: кровь, вытекающая изъ легкихъ—алая и пѣнистая, причѣмъ она изливается въ видѣ густыхъ массъ и безъ боли. Если кровотеченіе происходитъ „изъ груди“, то больной жалуется на боли въ груди (?), количество же вытекающей крови незначительно. Если кровохарканіе сопровождается не кашлемъ, а харканьемъ, то источникомъ кровотеченія служитъ глотка или дыхательное горло. Если же нѣтъ ни кашля, ни харканья, то источникъ кровотеченія находится въ рту или въ желудкѣ³⁾. Не столь ясно, какъ мы видѣли, изложено это отличительное распознаваніе у Галена⁴⁾.

Леченіе кровохарканія должно сообразоваться съ вызвавшей его причиною. При разрывѣ сосудовъ Александръ назначаетъ кровопусканіе изъ локтевой или лодыжковой вены, но не иначе, какъ чрезъ три часа послѣ приступа и то лишь у молодыхъ и крѣп-

¹⁾ Тамъ же, I, V, с. 3; В. II, 151—153.

²⁾ Тамъ же, с. 4, В. II, 153: τὸν λίθον ἀνέπτουσαν.

³⁾ Тамъ же, I, V, с. 5, В. II, 187—189.

⁴⁾ Ср. выпускъ III, стр. 949.

ких; послѣ кровопусканія — покой, избѣгать глубокаго вдыханія, внутрь принимать воду съ уксуомъ, вяжущіе растительные соки, квасцы, снаружн — часто возобновляемыя холодныя примочки на грудь, въ пищу тепловатые или холодныя слизистые супы, ломтики хлѣба, яичные желтки, вяжущіе фрукты, позднѣе куриное мясо, рыбу, топленое молоко, какъ питье — воду, уксусный лимонадъ и т. п.¹⁾ При надѣженіи сосудовъ стѣнокъ Александръ прежде всего заботится объ уменьшеніи остроты производящаго изъязвленіе вещества, кровопусканіе же совершенно отвергаетъ, такъ какъ здѣсь врачъ обыкновенно имѣетъ дѣло съ ослабленными и приближающимися къ чахоткѣ больными. Поэтому онъ обращаетъ здѣсь особенное вниманіе на укрѣпленіе большаго питательной пищей²⁾. Противъ жара онъ совѣтуетъ холодныя ванны, холодныя примочки на голову (причемъ поемизируетъ съ Галеномъ, назначавшимъ въ подобныхъ случаяхъ сушадія и горячительныя средства), далѣе наружныя вяжущія, какъ акація, квасцы, lapis hematites (ὁ λίθος ὀσφρακτικός), т. е., окись желѣза, встрѣчающаяся въ видѣ минерала, которую онъ употреблялъ съ „большимъ успѣхомъ“³⁾, а при недостаточномъ его запасѣ — bolus agnecis и самійскую или лемиійскую глину⁴⁾; изъ внутреннихъ Rheum, сокъ листьевъ Pastaciae lentiscus, Polygoni, одинъ или съ лемиійской глиной⁵⁾. Горячительныя, какъ теріакъ, теплыя минеральныя воды, прижиганіе головы каленымъ желѣзомъ онъ примѣняетъ только у одержимыхъ слизистой, холодной дискразіей. При кровохарканіи „peg apastomisin“ — остерегаться слишкомъ продолжительныхъ ваннъ, опьяненія, горячей пищи. Наконецъ онъ совѣтуетъ больнымъ постоянное употребленіе молока⁶⁾ и укрѣпляющую пищу (дичь, куропатки, пѣтушья яйца, къ которымъ питаетъ большое довѣріе, извѣстные сорта рыбъ, желтокъ); въ питье настой огуречной травы (zuyphutum), портулака, вѣроу дубовой коры и т. д.⁷⁾.

Эмпіема, которая, согласно Аэцію⁸⁾, имѣетъ мѣсто въ плевральномъ мѣшкѣ, происходитъ, по Александру, отъ оставшейся послѣ кровотеченія изъ легкиихъ части крови, вызывающей воспаленіе въ окружающихъ частяхъ и превращающейся въ гной, ибо онъ вмѣстѣ съ Гиппократомъ рассматриваетъ воспаленіе легкиихъ какъ генетическій посредствующій процессъ (διὰ μέσης συστάσεως) между кровохарканіемъ и эмпіемой⁹⁾. Точно также, по Александру, образуется эмпіема, если при плевритѣ или воспаленіи легкиихъ отдѣленія не отхаркиваются, а частью остаются въ легкиихъ и тамъ переходятъ въ гніеніе, причемъ лихорадочное состояніе усиливается, появляется потрясающій ознобъ, и больной чувствуетъ въ груди скорѣе ощущение тяжести, чѣмъ боль; жаръ не очень сильный, но постоянный, по ночамъ усиливается; наступаютъ поты, кашель, одышка, скудное отдѣленіе, западеніе глазъ, краснота щекъ, слабость голоса, выпаденіе волосъ, искривленіе ногтей, свинцово-сѣрый цвѣтъ кожи, отеки конечностей, изъ чего можно заключить, что древніе словомъ „эмпіема“ обозначали не только легочные абсцессы и скопленіягноя въ плеврѣ, но и многіе случаи чахотки. Распознается, по Александру, присутствіегноя въ груднойкѣткѣ посредствомъ всплеска при succussio, кромѣ того по цвѣту, и запаху отдѣляемагогноя при его сжиганіи, а также по растворимости его въ водѣ. При леченіи

¹⁾ Alexander Trall., l. V, 5, B. II, 189—193.

²⁾ Тамъ же, 199—201. ³⁾ Тамъ же, 199—205. ⁴⁾ Тамъ же, 207. ⁵⁾ Тамъ же, 195. ⁶⁾ Тамъ же, 207—209. ⁷⁾ Тамъ же, 193, 195. ⁸⁾ Tetrab. II, serm. IV, с. 65.

⁹⁾ Alexander Trall., l. V, с. 6, B. II, 211 вначалѣ.

эмпию, которую Гиппократъ опорожнялъ при помощи разрѣза или прижиганія, Александръ ограничивается перечисленіемъ множества рецептовъ, состоящихъ главнымъ образомъ изъ эфирныхъ смолъ, а также точнымъ урегулированіемъ діеты и укрѣпленіемъ больного. При переходѣ эмпию въ *phtisis*, подъ которой древніе подразумѣвали гнойныя скопленія въ легкыхъ и плеврѣ, ведущія къ исхуданію тѣла и атрофіи мускуловъ, Александръ совѣтуетъ удобоваряемую, укрѣпляющую пищу, молоко, въ особенности ослиное и кобылье, минеральныя источяники, перемѣну воздуха и морскія путешествія¹⁾.

Одинъ изъ самыхъ блестящихъ отдѣловъ въ сочиненіи Александра составляетъ

Pleuritis, гдѣ съ самаго начала находимъ объясненіе, что подъ этимъ именемъ онъ подразумѣваетъ не боль въ боку, а воспаленіе выстилающей ребра плевы (*ἢ γὰρ κυρίως πleuritis φλεγμονή ἐστὶ τοῦ τὰς πλευράς ἐπεζωχότος ὕμενος*)²⁾. Болѣзнь эта, согласно Александру, сопровождается колючими болями, одышкой, кашлемъ и сильнымъ жаромъ, зависящимъ отъ близости сердца. Для опредѣленія причины болѣзни Александръ руководствуется цвѣтомъ отхаркиваемыхъ мокротъ: если онѣ красны, то болѣзнетворное вещество есть кровь, если золотисто-желты, то—желчь, если онѣ бѣлаго цвѣта и вязки—слизь, а если черны, то черная желчь. Отъ страданій печени, при которыхъ бываютъ такія же явленія, какъ при воспаленіи легочной плевы, послѣднее отличается колючимъ характеромъ болей, твердымъ, „пилящимъ“ (*ἐμπρίοντα*) пульсомъ, большей жестокостью кашля, менѣе выраженной блѣдностью лица и часто наступающимъ отхаркиваніемъ мокротъ, изъ каковыхъ признаковъ послѣдній однако не можетъ служить патогномонистическимъ въ виду отсутствія мокротъ при нѣкоторыхъ формахъ плеврита и вообще въ первоначальной стадіи воспаленія плевы.

Леченіе состоитъ въ кровопусканіяхъ, которыя Александръ употребляетъ только при избыткѣ крови и приливѣ ея къ верхнимъ частямъ груди и опущеніи ключицы, причемъ однако совѣтуетъ не прибѣгать къ нему безъ крайней надобности и упрекаетъ врачей, прибѣгающихъ къ нему изъ боязни слабительныхъ. Послѣднія онъ назначаетъ при избыткѣ болѣзнетворнаго вещества, о которомъ онъ судитъ по дѣйствию теплыхъ примочекъ: если онѣ облегчаютъ, то есть надежда, что онѣ поведутъ къ растворенію болѣзнетворнаго вещества; если же не облегчаютъ болей, то количество послѣдняго слишкомъ велико, и тогда онъ примѣняетъ кровозмеченія, слабительныя и клистиры. Въ случаяхъ, гдѣ количество крови не слишкомъ велико, онъ рекомендуетъ и асѣчки и кровососныя банки, способъ, по его словамъ, любимый публвкой, съ усѣхомъ примѣнявшійся армянскими врачами и дѣйствительно полезный по его собственнымъ наблюденіямъ. Кромѣ того онъ употреблялъ снаружи прикладываніе губокъ, смоченныхъ теплою водою, припарокъ, магическихъ пластырей, мазей (отъ прижигающихъ и раздражающихъ веществъ онъ предостерегаетъ, такъ какъ они увеличиваютъ приливъ болѣзнетворнаго ве-

¹⁾ Тамъ же, I. V, с. 6, B. II, 211—227 и общая часть, B. I, 193—198.

²⁾ Тамъ же, I. VI, B. II, 229.— Такое же опредѣленіе однако дано уже Галеномъ: *πleuritis ἢ τοῦ τὰς πλευράς ἐπεζωχότος ὕμενος φλεγμονή* (ed. Kühn, XI. 77).

щества и усиливают воспаления), а внутрь — медовые лимонады, слизистые отвары, препараты же опи́я — только при опасной бессонницѣ, такъ какъ они затрудняютъ отхаркиваніе и ослабляютъ больнаго; пищу онъ совѣтуетъ давать больному удобоваримую, укрѣпляющую и не содержащую веществъ, вызывающихъ вздутіе, въ питье — теплую воду и легкое вино ¹⁾).

Болѣзни брюшныхъ органовъ Александръ начинаетъ болѣзнями „отверстія желудка“ (*στόμα τῆς γαστρῆς*), т. е., пищеваода:

„Отверстіе желудка, которое въ древнія времена называли также *στόμαχος* или *καρδίαν*, при заболѣваніи становится для человѣка источникомъ безконечно разнообразныхъ и многихъ страданій, ибо оно порождаетъ приступы падучей болѣзни, судороги, сопорозныя состоянія (*χάρος*), безпричинную печаль, страхъ, меланхолію, противоестественный аппетитъ, отсутствіе аппетита, тошноту, рвоту, процессы разложенія (*φθόρας*) и боли въ кишкахъ, въ маткѣ и въ мочевомъ пузырьѣ. Иногда появляются также бессонница, бредъ, безпричинная тоска и холодъ конечностей: до того бываетъ чувствительно отверстіе желудка. Оно вовлекаетъ въ сочувственное страданіе сердце, по сосѣднему положенію, и мозгъ, по внутреннему сродству. А потому въ виду столь тяжкихъ страданій, могущихъ произойти отъ желудка, необходимо обращать вниманіе на то, какіи болѣзненныя измѣненія свойственны собственно желудку и какіи страданія случайны. Только тщательно разграничивъ оба эти пункта, можно приступить къ леченію“ ²⁾).

Очевидно, такъ называемое „отверстіе желудка“ играло въ патологій древнихъ, въ томъ числѣ и у Александра Траллійскаго, выдающуюся роль, такъ какъ по своей чувствительности оно считалось исходной точкой многихъ страданій. Переходя къ отдѣльнымъ симптомамъ болѣзней желудка, Александръ разсматриваетъ сначала

Волчій аппетитъ (*βούλιμος* ³⁾), *κυνώδης ὄρεσις*), зависящій по Александру отъ холодной или горячей дискразіи отверстія желудка, а также отъ слабости, задерживающей силы организма (*ἀσθενούση καθεκτικῆς δύναμειος*).

При нахожденіи въ желудкѣ холодныхъ, вязкихъ соговъ больной обнаруживаетъ больше ложный аппетитъ къ пищѣ, чѣмъ къ напиткамъ, почему здѣсь не замѣчается жажды; часто бываетъ рвота пищей или слизистыми массами. Здѣсь онъ назначаетъ согрѣвающие лекарства и напитки, жирную пищу, цѣльное вино, теплыя ванны и теплыя минеральные источники, гимнастику, морскія путешествія и т. п. ⁴⁾).

При волчьемъ аппетитѣ, зависящемъ отъ жары, причиняющаго испареніе влаги тѣла, больной чувствуетъ сильную жажду, не бываетъ слизистой рвоты и существуетъ чаще запоръ, чѣмъ поносъ ⁵⁾. Здѣсь Александръ назначаетъ прохлаждающее леченіе; причемъ порицаетъ примѣненіе съ этой цѣлью препаратовъ опи́я ⁶⁾. При слабости задерживающей силы вмѣстѣ съ испраженіями выдѣляются цѣлкомъ огромныя массы непереваренной и неизмѣнной пищи и являются нѣкоторые симптомы диспепсій ⁷⁾. Здѣсь Александръ назначаетъ укрѣпляющія и согрѣвающія средства, когда это расстройство зависитъ отъ холода, и наоборотъ ⁸⁾. Въ концѣ этого отдѣла Александръ приводитъ случай

¹⁾ Тамъ же, I. VI, В. II, 229—243. ²⁾ Тамъ же, I. VII, с. 1, В. II, 245. ³⁾ Подъ „βούλιμος“ подразумѣвался обыкновенно волчій голодь, сопровождаемый давленіемъ подъ ложечкой, слабостью и обмороками. Тамъ же, с. 2, В. II, 251. ⁴⁾ Тамъ же, с. 1, В. II, 245, 249. ⁵⁾ Тамъ же, 247. ⁶⁾ Тамъ же и 253. ⁷⁾ Тамъ же, 247. ⁸⁾ Тамъ же, 249—251.

неутоляемаго аппетита у женщины, которая ѣла необыкновенно много, все переваривала и все-таки не насыщалась и у которой послѣ приѣма слабительнаго (ієра) вслѣдствіе болей въ желудкѣ и головѣ, отдѣлилась ленточная глиста длиной въ 12 локтей, послѣ чего чувство „бѣшенаго“ (μανιώδους) голода прекратилось ¹⁾.

Отсутствіе аппетита (ἀνορεξία) зависитъ, по его мнѣнію, отъ накопленія соковъ въ желудкѣ или отъ ихъ ненормальнаго смѣшенія.

Въ первомъ случаѣ онъ старается уменьшить избытокъ соковъ, вызывая рвоту, при расположеніи къ ней больнаго и жидкомъ свойствѣ соковъ, при помощи большихъ количествъ тепловатой воды; въ противномъ же случаѣ онъ старается вызвать послабленія на низъ; при болѣзненномъ смѣшеніи соковъ онъ слѣдуетъ правилу: „contra^{gr}ia contra^{gr}ia“, при вязкости ихъ онъ старается достигнуть ихъ разжиженія пикантной пищей, напр. капорцами, маслинами, гагон, перцемъ, уксусомедомъ, снаружи, смотря по надобности, назначаетъ прохлаждающіе, согревающіе или укрѣпляющіе пластыри и мази, причемъ стараются дѣйствовать метасинкритически ²⁾.

Чрезмѣрная жажда (δίψη), согласно Александру, зависитъ отъ дискразіи или отъ накопленія испорченныхъ соковъ въ отверстіи желудка, гдѣ они переходятъ въ гніеніе. Онъ поэтому старается

уменьшить количество вредныхъ соковъ и устранить ихъ болѣзненное свойство, съ какою цѣлью назначаетъ при сухости влажныя, при жарѣ прохлаждающія средства, кромѣ того—слабительныя. Если къ жадѣ присоединяются жженіе въ желудкѣ, боли и отсутствіе аппетита, то онъ, по примѣру Архигена, назначаетъ холодную воду, прохлаждающіе, слегка вяжущіе напитки и лекарства, а на область желудка пузырь со льдомъ, прохлаждающіе пластыри и мази, смѣсь творогу съ мукой и т. п. ³⁾.

Тошнота (ναυτία) и рвота (έμετός) составляютъ, согласно Александру, одинъ болѣзненный симптомъ, зависящій отъ различныхъ причинъ. Тошнота происходитъ отъ дурнаго качества, рвота отъ обильнаго количества содержаемаго желудка. Вредные соки, вызывающіе тошноту и рвоту, образуются, согласно Александру, либо въ желудкѣ, либо во всемъ тѣлѣ, въ особенности въ печени и селезенкѣ, откуда они проникаютъ въ желудокъ. Въ первомъ случаѣ рвота бываетъ часто или постоянно, въ послѣднемъ рѣже и лишь тогда, когда болѣзненные соки притекаютъ къ желудку. При наступленіи рвоты тотчасъ послѣ ощущенія тошноты и безъ особеннаго напряженія соки, согласно Александру, плаваютъ свободно въ желудкѣ, при существованіи же только позыва на рвоту и незначительномъ результатѣ самаго акта рвоты вредные соки, по его мнѣнію, прилипаютъ къ

¹⁾ Тамъ же, I. VII, с. 2, В. II, 251—253.

²⁾ Тамъ же, I. VII, с. 3, В. II, 253—263. Гагон (ὁ γάρρος)—соленный соусъ, приготовленный изъ рыбы garus, въ родѣ сардинокъ. Уксусомедъ, обладающій очищающимъ и разжижающимъ свойствомъ, Александръ рекомендуетъ „Юліановъ и философа Лонгина“, котораго Еупаріусъ называетъ „живой (библиотекой и ходячимъ музеемъ“. Ср. Fabricius, Bibliotheca graeca, ed. Harless, VI, p. 79 и Puschmann, I. с., II, 256, 257.

³⁾ Тамъ же, I, 208, II, I. VII, с. 4, 263—267.

стѣнкамъ желудка и всасываются. О симптоматической рвотѣ при разнообразныхъ страданіяхъ другихъ органовъ Александръ, повидимому, не считалъ нужнымъ распространяться.

Лечение Александръ начинаетъ при заболѣваніи всего тѣла и избыткѣ соковъ—кровопусканіемъ и слабительными, при заболѣваніи одного только желудка—примѣненіемъ мѣстныхъ средствъ. Остроту и жаръ соковъ съ примѣсью желтой или черной желчи онъ старается уменьшить обильнымъ питьемъ тепловатой воды. Тоже самое онъ совѣтуетъ при вязкомъ и соленомъ свойствѣ соковъ, прилипаніи ихъ къ стѣнкамъ желудка, высыханіи и уплотненіи ихъ отъ горячительныхъ и сухихъ лекарствъ, а также и тогда, когда они становятся жадкими, похожими на сыворотку и не прилипаютъ. При этомъ, смотря по количеству слизи, онъ назначаетъ уксусомедь, вапорцы, горчицу и т. д., приличную діету, умеренное употребленіе пищи, покой и сонъ. При горячей дискразіи плотныхъ частей онъ отвергаетъ слабительныя, которыя въ этомъ случаѣ, по его словамъ, ведутъ къ извуревію и маразму.—При ослабленіи отверстія желудка слишкомъ большою „влажностью“ и склонности его къ рвотѣ онъ назначаетъ слегка вяжущія и раздражающія средства, дѣйствующія согревающимъ, сушащимъ и въ то же время укрѣпляющимъ образомъ¹⁾.

Икота (*λυγρός*), по мнѣнію Александра, есть страданіе желудка, при которомъ послѣдній „готовъ, кажется, разорваться отъ судорогъ“, а отдѣляющая способность его изо всѣхъ силъ старается удалить отягощающія желудокъ и предназначенныя къ изверженію вещества. Главнымъ образомъ икота вызывается остротою и вреднымъ качествомъ содержимаго и соковъ желудка, рѣже сухостью, напр. при кровавомъ поносѣ, въ теченіи лихорадокъ, причѣмъ она упорнѣе и опаснѣе.

Лечение икоты состоитъ въ исправленіи качества соковъ, съ какою цѣлью Александръ назначаетъ обильное количество тепловатой или холодной воды, уксусный лимонадъ, по временамъ рвотное и чихательныя (для выведенія воздуха изъ желудка); снаружи—втирать *castoreum*, *stogax* или мастику съ горячимъ масломъ, смачивать концы пальцевъ холодной водой (по Діоскориду²⁾, горячей водой, которую онъ, совѣтуетъ и внутрь, а также горячія губки на животъ). При воспаленіи желудка или печени—кровопусканія и обливанія живота *oleo gardi* и т. п. Если же это не помогаетъ, то Александръ прибѣгаетъ къ различнымъ амулетамъ, причѣмъ приводитъ таковыя же изъ сочиненій ученаго Дидима, который однако даетъ также и рациональный совѣтъ—полоскать горло, закрывъ ротъ и уши³⁾. Галенъ, какъ извѣстно, совѣтовалъ задержаніе дыханія.

При вздутіи желудка Александръ совѣтуетъ холодныя примочки губки, смоченныя уксусомъ и раздражающіе пластыри на животъ, внутрь—горячіе отвары, мѣшающіе образованію черной желчи, горькія, *carminativa*, иногда слабительныя⁴⁾.

Воспаленіе желудка выражается совокупностью всѣхъ или многихъ изъ изложенныхъ до сихъ поръ отдѣльныхъ симптомовъ; здѣсь Александръ примѣняетъ

1) Тамъ же, I. VII, с. 7, В. II, 283—291.

2) Dioscorides, *περί εἰσπορίστων*, II, 4.

3) Alexander Trallianus, I. VII, с. 9, В. II, 313—319.

4) Тамъ же, с. 5, В. II, 267—279.

согрѣвающія и сушащія средства; при накопленіи влаги въ желудкѣ—охлаждающія и вяжущія, при раздраженіи слизи отъ жара—прохлаждающія и, наконецъ, смягчающія и разрѣшающія средства при набуханіи и затверднѣніи желудка, а также разныя сильныя и раздражающія пластыри и мази снаружи. При отсутствіи аппетита и упадкѣ истощеніи—укрѣпляющія, какъ напр. полынь. При боляхъ и спазмахъ онъ употреблялъ лепешки изъ сельдерея, аниса, полыни, мирры, корицы, *pipere longum*, *castoreum* и

къ болѣзнямъ желудка Александръ причисляетъ еще *подложечку*.

Morbus cardiacus (*кардиакъ διάθεσις*) древнихъ, изъ коихъ (Эразистратъ, Асклепиадъ, Аретей) рассматривали эту болѣзнь какъ поражение сердца, а другіе (Галенъ и его преемники)—страданіе отверстія желудка, еще другіе (Цельсъ, *Soranus*) какъ общее недомоганіе всего тѣла. Аэцій и за нимъ *Alexander Trallianus* примыкаютъ къ Галену, полагая первоначальную причину *morbi cardiaci* въ желудкѣ и считая заболѣваніе при этомъ сердца и тѣла послѣдовательнымъ явленіемъ.

Не входя въ подробное описаніе признаковъ, приводимыхъ другими авторами по Аретей сердцѣбіенію, головокруженію, обморокъ, обильные поты, анестезія, афонія, сонница, раздражительность нервной системы), Александръ ограничивается только указаніемъ этиологическихъ моментовъ, какъ накопленіе бѣдныхъ и ядовитыхъ соковъ въ стѣн желудка и заползаніе гнъ изъ кишекъ въ желудокъ, причемъ совѣтуетъ употребленіе натовныхъ ядеръ, прохлаждающую и укрѣпляющую пищу, кромѣ того слабительныя, а сильныхъ боляхъ *anacardium* и „сладкое“¹⁾. Александръ— послѣдній изъ авторовъ, упоминающихъ объ этой болѣзни, которая послѣ него исчезаетъ изъ медицинскои номенклатуры (*Landsberg*²⁾ относительно этого загадочнаго эпизода въ исторіи болѣзней указываетъ на сходство *morbi cardiaci* древнихъ съ симптомокомплексомъ анеміи и хлороза современныхъ.

Холера, по выраженію Александра есть „разнузданная революція“ (*ἡ ἀμετρος ἐκτάραξις*), обнаруживающаяся рвотой, поносомъ и зависающая отъ „полнаго переворота и порчи въ желудкѣ“ (*ἐπ' ἀνατροπῆ καὶ κακώσεϊ τοῦ στομάχου*)³⁾. При этомъ Александръ предостерегаетъ отъ произведенія слова *cholera* отъ *cholē*: онъ съ своей стороны производитъ холеру отъ *cholās*—названія, коимъ обозначали тонкія кишки вплоть до слѣпой (Аретей). При этомъ онъ ссылается на Гомера, который называетъ тонкія кишки *cholādas*⁴⁾. Самое полное и ясное опредѣленіе хо-

¹⁾ Тамъ же, I. VII, с. 8, В. II, 291—313.

²⁾ „*γλυκὴ φαρμάκων*“, состоящее изъ уксусу, укрупу, алоэ и аттическаго меда. Тамъ же, I. VII, с. 6, В. II, 279—281.

³⁾ Въ *Janus Henschel*'я, II, 53. Ср. *Puschmann*, I. с. I, 218.

⁴⁾ *Alexander Trallianus*, ed. *Puschm.*, I. VIII, с. 1, В. II, 321.

⁵⁾ „*Κέχυντο γαμαὶ χολίδες*“ (на землю выпали кишки). *Иліада* IV, 526. Аретей (р. 153) говоритъ слѣдующее: *ἐντέρων τὰ μὲν ἄνω λεπτά καὶ χολώδεα μέσφι τοῦ τυφλοῦ χολάδας ἐπίκλην*. Ср. *Alex. Tral.* I. с.

леры, однако, принадлежит Галену, согласно коему это—острая болѣзнь, протекающая съ безмѣрной рвотой, поносами, судорогами въ икрахъ, холодомъ конечностей, маленькимъ и совершенно исчезающимъ пульсомъ¹⁾.

Александръ рассматриваетъ 4 вида холеры: 1) происходящій отъ разложенія излишне принятой пищи, причѣмъ бываетъ только тошнота и позывъ на рвоту, самая же рвота и поносъ незначительны и проходятъ тотчасъ послѣ опорожненія вредныхъ веществъ. Это, по мнѣнiю Александра, даже и не болѣзнь, такъ какъ при этомъ нѣтъ органическаго измѣненія желудка, почему эту форму неправильно называютъ холерой. Этого названiя заслуживаетъ собственно 2) видъ холеры, происходящій отъ употребленія дини, причѣмъ ясно выражены боли въ животѣ и всѣ явленiя холеры. 3) Третiй видъ холеры зависитъ отъ избытка желчи, ищущей выхода вверхъ или внизъ, причѣмъ опорожняемыя массы имѣютъ желчный видъ, бываетъ сильный жаръ, языкъ обложенъ, боль въ кишкахъ, позднiе судороги и обмороки. 4) Четвертая форма есть cholera sicca Гипократа, причѣмъ нѣтъ ни рвоты, ни поноса. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что древнiе подъ названiемъ cholera обозначали не только бурная явленiя, вызываемыя cholera postica, но и болѣе легкiя пораженiя и другiя, болѣе сложныя заболѣванiя желудочно-кишечнаго канала.

Въ виду опасности болѣзни и угрожающаго упадка силъ, она требуетъ быстрой медицинскои помощи. При излишне принятой пищѣ Александръ старается вызвать рвоту щекотанiемъ нѣба гусиными перьями. Если рвота принимаетъ угрожающiй характеръ, то онъ назначаетъ отвара мяты (*mentha sativa*, τὸ τοῦ ἡδύοσμου ζῆμα) съ виномъ, согреваетъ нижнiя и верхнiя конечности съ цѣлью отведенiя туда болѣзнетворнаго вещества при помощи раздражающихъ маселъ, припарокъ и пластырей²⁾. При слабости желудка онъ назначаетъ укрѣпляющiя средства—вино, хлѣбъ, а снаружки подиванiя области желудка ароматическими маслами, виномъ, мази и пластыри; при вздутии—сухiя банки на животъ, съ нащѣками же только при одновременномъ воспаленiи кишекъ³⁾. При cholera sicca, которую онъ также называетъ „безболѣзненно протекающей“ (ἀλύτως κινουμένη), онъ прежде всего старается вызвать испраженiя на низъ слабительными вмѣсто примѣнявшихся тутъ съ этой цѣлью Гипократомъ промывательныхъ изъ теплаго масла. При холодѣ конечностей онъ назначалъ растиранiя теплыми руками, погруженiе ихъ въ горячую воду, укутыванiе въ теплыя платки, ванны и т. д.⁴⁾ Изъ вина онъ особенно употребляетъ пальматiйское, но не сарентское (χωρὶς Σαρραφίνου)⁵⁾.

Колѣка. Подъ названiемъ колѣки (κολική διάβησις) Александръ, какъ и его предшественники, обозначаетъ боль, наступающую въ толстой кишкѣ вслѣдствiе плотности и толщины ея стѣнокъ, затрудняющихъ или дѣлающихъ совершенно невозможнымъ размельченiе поступающихъ туда веществъ. Боль эта наступаетъ здѣсь или первично, вслѣдствiе накопленiя въ толстой кишкѣ холодныхъ, густыхъ, слизистыхъ влагъ, плотнаго кала и газовъ, или распространяется сюда отъ сосѣднихъ органовъ, напр. при

¹⁾ Galenus, ὄροι ἰατρικοί, ed. Kühn. XIX, 421.

²⁾ Alexander Trallianus, l. c., V. II, 321—327. Въ особенности Александръ хвалитъ здѣсь пластырь οἰνάνθη изъ цвѣтовъ диваго и масла неспѣлаго винограда (ὄμφακίαις) στοгахъ, g. asaciae, сухихъ розъ, галусовыхъ орѣшковъ, финиковъ, кислаго вина, миртоваго масла и смолы. Тамъ же, 327.

³⁾ Тамъ же, 329 и слѣд. ⁴⁾ Тамъ же, 333. ⁵⁾ Тамъ же, 325.

воспаленіяхъ мочевого пузыря, почекъ, печени, селезенки, діафрагмы и т. д., въ каковомъ случаѣ засореніе кишекъ должно называться не коликой, а относится къ „chordapsus“ (завороту кишекъ). Отъ почечной колики кишечная отличается, по Александру, болѣе сильными и продолжительными болями, не ограничивающимися однимъ мѣстомъ и проходящими послѣ испражненій, далѣе частой рвотой, запоромъ. Моча при кишечной коликѣ густая, при почечной сначала водянистая, затѣмъ съ примѣсью песка. Вообще колику Александръ считаетъ опасной болѣзнью, ведущей иногда къ нарывамъ, заворотамъ кишекъ и даже къ внезапной смерти ¹⁾.

Леченіе состоитъ прежде всего въ урегулированіи діеты, причемъ Александръ даетъ подробныя указанія на подходящія сорты овощей, птицъ, рыбъ, мяса, ванъ (за завтракомъ полное, анисовое и вообще съ пряностями, за обѣдомъ бѣлыя и отнюдь не влажущія) и наконецъ даже на десертъ (сокъ миндалей съ медомъ и съ перцемъ). При холодномъ характерѣ болѣзни онъ примѣняетъ теплыя примочки (особенно при задержаніи вѣтровъ), возлежаніе на нагрѣтыхъ кускахъ мрамора, прикладываніе мѣшковъ съ отрубями, припарки, маслянистыя втиранія, а также присыпку на животъ острыхъ веществъ, горчичники, смоляные пластыри (δρόμαξ), растиранія тѣла, купанія въ теплыхъ, сѣрныхъ и асфальтовыхъ минеральныхъ источникахъ, которые онъ назначаетъ и внутрь вслѣдствіе ихъ слабительнаго дѣйствія. Кромѣ того suppositoria, клистиры изъ теплаго масла, растительныхъ соковъ, съ прибавленіемъ солей и наркотическихъ веществъ ²⁾. Въ упорныхъ же случаяхъ онъ прибѣгалъ къ такъ называемому „леченію мѣхомъ“ (τοῦ ἀσχοῦ θεραπεία), извѣстному уже гипократикамъ, примѣнявшимъ его при ileus, и состоящему въ томъ, что изъ мѣха вдувается въ задній проходъ воздухъ посредствомъ трубки, послѣ чего ставится промывательное. Какъ слабительныя онъ примѣнял парвѣнионъ, globularia alurum и даже свинцовыя (!) пилюли (καταποτῖα ἀπὸ μόλυβδου) ³⁾. Изъ сильнодѣйствующихъ—Euphorbium, Aloes, Daphne Gnidium, Scammonium, Boletus Laricis съ полынью въ видѣ пилюль ⁴⁾. Опіаты онъ примѣнял только при происхожденіи колики отъ горячихъ, острыхъ влагъ и когда боли невыносимы и ослабляютъ больного, при коликѣ же отъ холодныхъ и тягучихъ влагъ онъ избѣгалъ наркотическихъ веществъ, такъ какъ, по его мнѣнію, дѣйствуя прохлаждающимъ образомъ, они суживаютъ поры, сгущаютъ испражненія и могутъ даже вести къ параличамъ и къ смерти ⁵⁾. При коликѣ отъ воспаления кишекъ онъ отвергаетъ слабительныя, могущія вести къ заворотамъ кишекъ (о коихъ вначалѣ с. 2 р. 335 обѣщается поговорить въ особомъ отдѣлѣ, до насъ однако не дошедшемъ), а назначаетъ охотнѣе крововозлеченія, ванны, клистиры, въ пищу легковаримыя вещества, не производящія вздутія, въ питье — теплую или холодную воду, иногда съ легкимъ виномъ, но только тогда, когда нѣтъ лихорадки и воспаленія ⁶⁾.

Наконецъ и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Александръ приводитъ длинный рядъ амулетовъ, но только „для вѣрующихъ“, такъ какъ и „великій Гипократъ преподавалъ мудрое правило—довѣрять священныя вещи лишь благочестивымъ“ ⁷⁾.

¹⁾ Alexander Trallianus, l. c., l. VIII, c. 2, B. II, 335—337. ²⁾ Тамъ же, 339—361.

³⁾ Тамъ же, 363. ⁴⁾ Тамъ же, 345. ⁵⁾ Тамъ же, 359. ⁶⁾ Alexander Trallianus, l. VIII, c. 2, B. II, 371—375. Ср. Puschmann l. c., I, 222—226. ⁷⁾ Тамъ же, B. II, 377.

Ученіе Александра о глистной болѣзни изложено въ его ἐπιστολή къ Theodorus'у, быть можетъ тому самому, который былъ императорскимъ референдаріемъ во время чумы въ Константинополѣ. Онъ различаетъ, также какъ и его предшественники, остриць (*ἀσκαρίδες*, *oxyuris vermicularis* или *ascaris vermicularis*), круглыхъ глисть (*ἐλμίνθες στρογγύλαι*, *lumbrici teres* или *ascaris lumbricoides*) и ленточную (*πλατέϊα*, *taenia lata*). Александръ принимаетъ, что глисты образуются отъ разложенія пищи или перехода несваренныхъ соковъ желудка въ гніеніе. Интересно однако, что онъ умалчиваетъ о таковой же теоріи происхожденія глисть Геродота, приведенной Аэціемъ¹⁾. *Симптоматологія* глистной болѣзни у Александра согласна съ дѣйствительностью, причеъ онъ указываетъ также на судороги, бредъ, обмороки и т. д. Онъ различаетъ глистную лихорадку и безлихорадочную глистную болѣзнь. По словамъ Александра, глисты иногда продиравливають стѣнки кишечнаго канала и даже брюшные покровы.

При глистной лихорадкѣ онъ избѣгаетъ горькихъ и острыхъ средствъ, а прибѣгаетъ обволакивающія и прохлаждающія, какъ розовый медъ, розовое масло съ водой и въ особенности клистиры и втиранія изъ *oleum chamomilae* и *hydroleum*, причеъ и здѣсь избѣгаетъ горькихъ средствъ, дабы не загонять глисть кверху. Слишкомъ строгое воздержаніе отъ пищи онъ считалъ вреднымъ, такъ какъ при этомъ именно онъ будто наблюдалъ прободеніе кишекъ и кожи глистами²⁾. Въ безлихорадочной формѣ онъ прибѣгалъ клистиры изъ кедровой смолы, или отвара ромашекъ съ ячменной мукою противъ остриць, внутрь горькія и слабительныя, чеснокъ, тминъ, отваръ полыни, алоѣ, бычачью желчь, теріакъ, гагатовый камень. Далѣе онъ назначаетъ при глистахъ—миртовне листья, горькіе миндали, корень папоротника (*θηλοπτερίον*, *filix femina*), сѣмена *Heliotropi Euphoraei*, *ol. ricini*, волоискіе орѣхи (*κάρυα βασιλικά*), пластыри изъ чернаго тмина (*μελάνθιον*) на животъ, втиранія изъ *oleum lupini* (*θήρμος*) съ оленьимъ костнымъ мозгомъ въ пупокъ исподъ, смоляной уголь, наконецъ цвѣты и сѣмена граната (а не корку, какъ у Аэція): всѣ эти средства убиваютъ ленточную, а большая часть изъ нихъ и круглую глисть. Противъ послѣдней онъ, кромѣ того, еще специально совѣтуетъ отваръ изъ полыни, сѣмена кориандра и *thymus*³⁾. Всѣ приведенныя средства, однако, за исключеніемъ бычачьей желчи и гранатовыхъ цвѣтовъ, были уже извѣстны съ древнихъ временъ.

Кривавый поносъ (*δυσεντερία*) изображенъ Александромъ совершенно вѣрно и согласно съ дѣйствительностью. Сущность болѣзни онъ ищетъ въ присутствіи язвъ въ кишкахъ. Онъ различаетъ первичную и вторичную формы болѣзни, смотря по тому, образуются ли язвы непосредственно и съ самаго начала въ кишечномъ каналѣ, или развиваются послѣдовательно при заболѣваніяхъ другихъ органовъ, напр. при болѣзняхъ печени

1) См. выше стр. 47.

2) Alexander Trallianus, ἐπιστολή περί ἐλμίνθων, ed. Puschm. В. II, 587—593.

3) Тамъ же, 593—597.

(печеночная дизентерія), селезенки, брыжжечныхъ сосудовъ, а также отъ обыкновеннаго длительнаго поноса (ревматическая дизентерія, *dysenteria ex ventris profluvio*, ἐκ τοῦ τῆς γαστρῆς ῥευματισμοῦ). Александръ прежде всего задается цѣлью изслѣдовать, въ какой части кишекъ находятся язвы. При образованіи ихъ въ верхнихъ отдѣлахъ тонкихъ кишекъ позывъ на низъ наступаетъ лишь нѣсколько часовъ спустя послѣ обнаруженія сильныхъ болей, самыя же испражненія жидкія, смѣшанныя съ перепонками и кровью. При образованіи язвъ въ средней части кишекъ испражненія наступаютъ хотя и раньше, но все же не одновременно съ болями въ животѣ, и содержатъ небольшую примѣсь гноя. Наконецъ при образованіи изъязвленной въ толстой кишкѣ боли слабѣе, но занимаютъ нижнюю часть живота, являются тенезмы, испражненія похожи на мясной настой, послѣ ихъ выдѣленія часто отдѣляется еще нѣсколько капель крови или жира. При распространеніи язвъ на нижнюю часть прямой кишки, тенезмы усиливаются, причемъ отдѣляется только кровь, смѣшанная съ частицами тканей. Кишечныя язвы причиняютъ гніеніе и разложенія, а при запущеніи даже смерть ¹⁾.

Печеночная дизентерія возникаетъ при заболѣваніяхъ и разстройствѣхъ отравленій печени по части пищеваренія и кроветворенія, причемъ выдѣляются жидкія испражненія, похожія на воду, стекающую съ свѣжаго мяса; въ послѣдствіи дѣло доходитъ до образованія язвъ и настоящей дизентеріи ²⁾.

Ревматическая дизентерія (обработанная Александромъ по Филумену) развивается изъ поносовъ, вызываемыхъ приливами къ желудку. По мнѣнію Александра, при этомъ пища, превращающаяся обыкновенно въ брыжжечныхъ сосудахъ въ кровь, въ видѣ таковой течетъ назадъ въ кишечный каналъ и, смѣшавшись съ желчью, опорожняется. Испражненія при этомъ кислы и разнообразнаго качества. Больные страдаютъ отсутствіемъ аппетита, сильной жаждой, болями въ кишкахъ и худѣютъ. Тогда образуются язвы въ кишкахъ, испражненія становятся кровавыми, позднѣе гнойными и содержатъ жиръ и клочья тканей. При злокачественномъ характерѣ болѣзни отдѣляются дрожжеобразныя, вонючія, раково-перерожденныя, черныя, а также гніющія, мясистыя массы. Если существуетъ лихорадка, то она мѣшаетъ заживленію язвъ, которыя становятся грязными и гніющими, вслѣдствіе чего развиваются воспалительныя и раковидныя процессы ³⁾.

¹⁾ Alexander Trallianus, l. IX, c. 3, ed. Puschmann, B. II, 415—419.

²⁾ Тамъ же, c. 2, B. II, 397 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, ed. Guinteri Andernaci, l. VIII, c. 8, pp. 432—434. Въ изд. Puschmann'a этой главы нѣтъ, а есть только изложеніе ея въ общей части. Ср. Puschmann, l. c. B. I, 236.

При леченіи Александръ прежде всего обращаетъ вниманіе на мѣсто нахождения язвъ. При существованіи язвъ въ верхнихъ частяхъ кишечнаго канала онъ назначаетъ лекарства *per os*, въ нижнихъ -- *per anum*. Кроме того онъ руководствуется степенью болѣзни. При незначительности ея онъ старается содѣйствовать цѣлебной силѣ природы, освобождая только тѣло отъ излишнихъ и вредныхъ веществъ и только при *plethora* назначая кровопусканіе и слабительныя. При сильной же степени болѣзни и возрастающемъ ослабленіи больного, Александръ назначаетъ слизистыя, производящіе запоръ отвары, вяжущіе растительныя соки и опіати, напр. пилюли изъ мышьяка, опія, сандалака, мѣди, извести, а также порошки изъ галлусовыхъ орѣшковъ. Далѣе Александръ назначаетъ сунпозиторию, напр. изъ *Myrtha Troglodyt.*, *Glaucium* и опія величиной въ сосновую шишку, и клистиры изъ слизистыхъ, маслянистыхъ, вяжущихъ и наркотическихъ веществъ, сваружающіе, согревающіе, раздражающіе и укрѣпляющіе пластыри, мази, припарки и втиранія; кровопусканиа же только въ началѣ болѣзни у молодыхъ, крѣпкихъ и полнокровныхъ; пищу удобоваримую, укрѣпляющую и слегка заваривающую, въ особенности сваренное молоко, въ которое бросаютъ раскаленные кремни или кусочки желѣза для сообщенія молоку слегка вяжущаго дѣйствія, а также *Rhus coriaria*, *Plantago*, рисовую кашу, рисовый отваръ, виноградъ, вяжущіе фрукты, легкое, теплое вино и т. д.¹⁾ При секундарномъ характерѣ дизентеріи, кромѣ мѣстнаго леченія, Александръ обращаетъ вниманіе на основное страданіе, которое старается устранять цѣлесообразной діетой и соответственными лекарствами. Наконецъ онъ излечивалъ дизентерическихъ больныхъ исключительно одной только діетой²⁾.

Болѣзни печени. Воспаленія печени, говоритъ Александръ, по общепринятому мнѣнію, какъ и всякое другое воспаленіе, происходитъ отъ кипѣнія крови (*ἐξ ζέοντος αἵματος*). Для діагностики необходимо прежде всего удостовѣриться, существуетъ ли воспаленіе въ самой печени, на выпуклой, вогнутой ея поверхности или на обѣихъ вѣстѣхъ, въ окружающихъ ея оболочкахъ или въ сосѣднихъ мускулахъ³⁾. При воспаленіи самой ткани выпуклой части печени распознаваніе не трудно, такъ какъ очертанія воспаленной печени легко выступаютъ наружу. При этомъ у больного бываетъ сильная, жгучая лихорадка, желчная или похожая на ярь-мѣдянку рвота, частые приступы кашля, а въ печени ощущеніе скорѣе тяжести, нежели боли; кромѣ того при этомъ бываетъ опущеніе ключицы и сжатіе діафрагмы. Всѣ эти явленія однако рѣзко выступаютъ только при сильной степени болѣзни. При воспаленіи вогнутой части печени опухоль расположена болѣе книзу, являются обмороки, тѣло худѣетъ, теряетъ свой нормальный цвѣтъ, наступаютъ подкожныя отеки. Весьма часто къ воспаленію печени присоединяются завалы ея (*ἐμφραξις*) и желтуха, которая, по Александру, развивается либо отъ болѣзней печени, либо отъ дискразій желудка. Для отличительнаго распознаванія отъ воспаленія окружающихъ оболочекъ (перитонита) Александръ указываетъ на болѣе сильную боль при

1) Alexander Trall. I. IX, с. 3, В. II, 417—429 и 431—435.

2) Тамъ же, 437—439.

3) Тамъ же, I. IX, с. 1, В. II, 379.

послѣднемъ; при воспаленіи брюшныхъ мышцъ, послѣднія рѣзко очерчиваются, симптомы же воспаленія печени отсутствуют¹⁾).

Лечение воспаленія печени Александръ начинаетъ кровопусканіемъ, затѣмъ назначаетъ обливанія, примочки, мочегонныя, потогонныя, рвотныя и слабительныя, причемъ старается всячески пролагать болѣзни путь наружи. Пищу онъ назначаетъ легкую, прохлаждающую, нестягивающую, въ особенности же запрещаетъ употребленіе вина и сластей. При затвердѣніи онъ примѣняетъ припарки, примочки, мази и пластыри. О способахъ вскрытія нарывовъ печени у Александра нѣтъ рѣчи²⁾).

Завалы печени, по словамъ Александра, не сопровождаются лихорадкой. Больной только жалуется на непріятное ощущеніе тяжести и напряженія въ области воротной вены. Иногда высушенные соки лежатъ въ больной печени подобно камнямъ и никакими средствами не поддаются разрѣшенію³⁾. Лечение состоитъ въ употребленіи разжижающихъ средствъ (перецъ, *agrimonia*, *costus* въ аскалонскомъ винѣ, *ammoniacum*, *olibanum*, капорцы и т. д.) и стараніяхъ выводить болѣзнетворное вещество испражнениями и потомъ⁴⁾.

Такъ называемая слабость печени (*ἀτονία ἥπατος*), по мнѣнію Александра, зависитъ отъ дискразій: при горячей дискразіи больной чувствуетъ жажду, языкъ шероховатый и тѣло сухое. Съ испражнениями, какъ съ мокротами, отдѣляются желчныя или похожія на яръ-мѣдянку массы, впоследствии частицы тканей съ отвратительнымъ запахомъ. Больные брюзгливы, легко приходятъ въ гнѣвъ, худѣютъ и представляютъ, по выраженію Александра, такой видъ, какъ будто печень растворилась. При холодной дискразіи жажда незначительна и желчныхъ мокротъ нѣтъ. Больной чувствуетъ во рту не горькій, а кислый вкусъ, испраженія похожи на чернила и по видимому содержатъ старые кровяные свертки. При сухой дискразіи тѣло изсушено и исхудало, жажда усилена, испраженія скудны и густы, при влажной—жажда отсутствуетъ, языкъ влажный, впоследствии присоединяются поносы. Вообще же всѣ виды атоніи печени подаютъ поводъ къ происхожденію такъ называемой печеночной дизентеріи.

Лечение направлено противъ основной дискразіи и имѣетъ цѣлью устранить послѣднюю, равно какъ и существующіе завалы, соответственными діететическими предписаніями и медикаментами, а также укрѣпить печень и способствовать пищеваренію, причемъ Александръ примѣняетъ преимущественно масляныя втиранія, припарки, острые, раздражающіе пластыри, внутрь лимонный сокъ, медъ, терпентинъ и т. д.⁵⁾

Болѣзни селезенки обработаны Александромъ по Филагрію⁶⁾, авторитетъ котораго признается и Аэціемъ. Согласно ему, селезенка, какъ и

1) Тамъ же, 379—381.

2) Тамъ же, 381—393.

3) Тамъ же, 385.

4) Тамъ же, 393—395.

5) Тамъ же, с. 2, В. II, 397—413.

6) Непонятно, почему Puschmanн счелъ нужнымъ пропустить въ своемъ изданіи главы о болѣзняхъ селезенки, хотя-бы обработанныя по Филагрію, разъ онѣ имѣются въ

другіе органы, подвержена дискразіямъ и кромѣ того увеличенію въ объемѣ, чрезмѣрнымъ припуханіямъ, удлиненіямъ, сморщиваніямъ, заваламъ, затвердѣніямъ и скиррозному перерожденію. Холодная дискразія болѣе свойственна селезенкѣ, чѣмъ горячая. Последняя вызывается лихорадкой и солнечнымъ зноемъ. Затѣмъ, упомянувъ о сухой и влажной дискразіяхъ, Александръ переходитъ, къ смѣшаннымъ формамъ, а именно къ сухо-горячей, сухо-холодной, влажно-горячей и влажно-холодной. Лечение проводится по гиппократовскому принципу: *contraria contrariis* 1). Затѣмъ Филагрій разсматриваетъ по порядку:

Припуханіе селезенки отъ газозъ (*inflatio, πνευματώσις*) безъ воспалительныхъ явленій, причемъ не только селезенка, но и желудокъ, тонкія кишки и весь животъ вздуты (вѣроятно метеоризмъ, осложненный симпатическими явленіями со стороны селезенки) 2). Кромѣ Александра и Аэціи 3), также слѣдующаго Филагрію въ своей патологіи болѣзней селезенки, никто изъ древнихъ врачей объ описываемой болѣзни не упоминаетъ.

Воспаленіе селезенки, по Филагрію, также какъ и по Гипократу, бываетъ 4 видовъ, смотря по тому, вызывается ли оно измѣненіемъ крови, слизи, желтой или черной желчи, причемъ Филагрій приводитъ слѣдующіе отличительные признаки при происхожденіи воспаления селезенки отъ слизи, лихорадка бываетъ ежедневная, кожа блѣдная, селезенка то опухаетъ, то спадается, есть аппетитъ; при воспаленіи отъ желчи—3-дневная, опухоль селезенки доходитъ до лобковыхъ костей, при воспаленіи отъ черной желчи—4-дневная, селезенка не такъ опухаетъ. Кромѣ того Филагрій, подобно Гипократу, признаетъ здѣсь наслѣдственность, но ничего не говоритъ о происхожденіи болѣзней селезенки отъ пребыванія въ болотистыхъ мѣстностяхъ, употребленія испорченной воды и т. д., а также объ опуханіи ея при тифѣ, піеміи, цынгѣ и взаимныхъ отношеніяхъ между селезенкой и печенью, что было уже извѣстно гиппократикамъ. Воспаленіе селезенки переходитъ въ нагноеніе, затвердѣніе или скирръ.

Здѣсь Филагріемъ назначается кровопусканіе, слабительныя, клистиры, втиранія пластыри, припарки и мочегонныя. При такъ называемомъ селезеночномъ кашлѣ о пій внутрь

рукописяхъ. Puschmann ограничивается только изложеніемъ ихъ содержанія въ упомянутой выше *Общей части* (В. I, 108—286, ср. выше стр. 63), которой и мы руководствовались при нашемъ изложеніи, придерживаясь однако по возможности самаго текста Александра Трапійскаго, какъ это явствуетъ изъ приводимыхъ нами ссылокъ и выдержекъ, коихъ у Puschmann'a нѣтъ. Считаемо поэтому не лишнимъ разсмотрѣть здѣсь вкратцѣ упомянутыя пропущенныя главы о болѣзняхъ селезенки по изданію Гинтера Андернахскаго.

1) Alex. Trall., l. VIII, c. 10, ed. Guinteri Andernaci, 472—479.

2) Тамъ же, 479.

3) Tetrab. III, v. II, c. 9.

снаружи въ видѣ мази. При вздутіи *scirpinativa*, сухія банки на животъ. Весьма важную роль играютъ здѣсь также *drastica*, препараты каперцоваго дерева и различные виды *asplenii* ¹⁾.

Водянка по Александру бываетъ 3-хъ видовъ: подкожная (*υδερως*), которая также носитъ названіе *ἀνὰ σάρακα* или *λευκορλεγματία*, брюшная, (*ἀσχιτης*) и тимпанитъ (*τομπανία*). По мнѣнію Александра водянка происходитъ тогда, когда принятая пища превращается не въ кровь, а въ воду, слизь или газы, что бываетъ при простудѣ печени, искони слывущей какъ органъ кроветворенія ²⁾.

Въ разрѣзъ съ Галеномъ, принимающимъ, что *anasarca* происходитъ отъ накопленія и избытка въ мускулахъ холодныхъ, влажныхъ или испорченныхъ продуктовъ разложенія, влекущихъ за собою раствореніе плотныхъ частей, Александръ держится того мнѣнія, что размягченіе плотныхъ частей часто происходитъ скорѣе отъ слишкомъ большого жара, чѣмъ отъ холода, а потому причину водянки нужно искать въ препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ кроветвореніемъ. Больные, согласно Александру, страдаютъ при этомъ расстройствѣмъ пищеваренія, кашлемъ, лихорадкой же только при развитіи водянки отъ острыхъ воспалительныхъ болѣзней; при этомъ онъ высказываетъ удивленіе, что лихорадка не устраняется и не тушится водянкой, такъ какъ отъ лихорадочнаго зноя вода должна бы испаряться ³⁾.

Въ діагностическомъ отношеніи онъ обращаетъ вниманіе на слѣдующіе признаки: при *ascites* явственно выступаетъ зыбленіе, причемъ жидкость болтается „словно въ пузырьѣ“ (*ὡς ἐν ἀσχιῳ*) ⁴⁾. При тимпанитѣ слышенъ барабанный звукъ постукиванія. При *anasarca* все тѣло имѣетъ кадаверозный видъ, болѣзнь не сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, а разлита по всему тѣлу, кожа теряетъ свою упругость, такъ что слѣдъ отъ давленія пальцемъ остается. Наконецъ отличительными признаками служатъ происхожденіе *anasarki* отъ слизи, тимпанита отъ воздуха и *ascites* отъ водянистой жидкости ⁵⁾.

Леченіе состоитъ въ назначеніи слабительныхъ, масляныхъ и соленыхъ втираній въ животъ, ароматическихъ припарокъ, раздражающихъ пластырей изъ сѣры, квасцовъ, раствора мѣднаго купороса и т. д., а внутрь—мочегонныхъ, потогонныхъ, *scirpinativa* и желѣзныхъ препаратовъ; при оплотненіяхъ печени и селезенки—припарки или небольшое кровозвлеченіе. При лихорадкѣ Александръ назначаетъ смѣшанное леченіе, направленное какъ противъ нея, такъ и противъ водянки, причемъ смотря по преобладающимъ симптомамъ примѣняетъ согрѣвающія или охлаждающія средства. Ванны, особенно вначалѣ, онъ вовсе отвергаетъ, такъ какъ онѣ дѣйствуютъ болѣе охлаждающимъ, чѣмъ согрѣвающимъ

¹⁾ Alex. Trallianus, ed. Guinteri Andernaci, l. VIII, cc. 10, 11, pp. 479—510. Ср. Puschmann, l. c. I, 247—251.

²⁾ Alex. Trall. l. X, ed. Puschm., B. II, 439.

³⁾ Тамъ же, II, 459—461.

⁴⁾ Отсюда и названіе *ascites*. Тамъ же 441.

⁵⁾ Вслѣдствіе худосочія при пораженіяхъ легкихъ (чахоткѣ), діафрагмы, селезенки, тонкихъ кишекъ, брыжейки, матки, почки, мочеваго пузыря, при сильныхъ метроррагіяхъ и задержаніи мѣсячныхъ. Тамъ же, B. II, 439—441.

образомъ. Вообще же онъ предостерегаетъ отъ назначенія многихъ лекарствъ, въ особенности слабительныхъ. При апазагса, при которой онъ принимаетъ избытокъ въ тѣлѣ холодной крови и слизи, онъ, кромѣ приведенныхъ выше средствъ, считаетъ еще полезнымъ кровопусканіе (котораго при ascites и tympania не одобряетъ), но не до обмороковъ и упадка силъ. Кромѣ того онъ здѣсь употребляетъ растиранія, для разрыхленія поръ и облегченія выхода изъ нихъ жидкостей, либо сухими руками, либо при помощи маселъ и солей. О проколѣ для удаленія жидкостей Александръ не упоминаетъ, но зато совѣтуетъ морскія путешествія, умѣренное движеніе пѣшкомъ и верхомъ, внослѣдствіи ванны, минеральные источники, перемѣну воздуха, развлеченіе, въ пищу легковаримыя вещества: хлѣбъ съ тминомъ, анисомъ и укропомъ, нѣжныя овощи, худое мясо, въ особенности дичь, наконецъ старое крѣпкое вино ¹⁾.

Изъ *болѣзней моче половых органовъ* разсматривается

Воспаленіе почекъ, которое, согласно Александру, происходитъ отъ увеличеннаго притока крови или отъ измѣненнаго ея качества, когда она получаетъ болѣе густое, тягучее, острое или землистое свойство, вслѣдствіе преобладанія въ ней слизи, желтой или черной желчи. При наличности и количественнаго и качественного измѣненія крови почка опухаетъ. Кромѣ того Александръ совѣтуетъ изслѣдовать, происходитъ ли приливъ болѣзнетворнаго вещества изъ всего тѣла или только изъ отдѣльныхъ органовъ, напр. селезенки или печени ²⁾.

При переходѣ воспаления почекъ въ нагноеніе, лихорадка и боли усиливаются, появляется потрясающій ознобъ; при перемѣнѣ положенія на здоровую сторону, больной получаетъ ощущеніе большей тяжести, чѣмъ до образованія нарыва; каждое движеніе усиливаетъ боль; моча становится гнойной и содержитъ также примѣсъ крови и другихъ составныхъ частей, которыя Александръ совѣтуетъ изслѣдовать для опредѣленія мѣсто-нахожденія язвъ. Листообразный осадокъ въ мочѣ указываетъ на происхожденіе гноя изъ пузыря, мясовидный—изъ почекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. допускаетъ прониканіе гноя въ мочу изъ другихъ мѣстъ, напр. изъ легкихъ и пищеварительныхъ органовъ ³⁾.

Леченіе Александръ начинаетъ кровопусканіемъ при острой формѣ и полнокровіи. Противъ болѣзненно-измѣненнаго качества крови онъ назначаетъ слабительныя, потогонныя и мочегонныя, а также щелочныя и другія средства, уменьшающія остроту мочи; далѣе охлаждающія мази, припарки, ванны, причемъ предостерегаетъ отъ примѣненія слишкомъ большой теплоты, способствующей нагноенію, равно какъ и отъ слишкомъ большаго холода, ведущаго къ затвердѣнію; въ питье назначаетъ тепловатую воду, медъ и т. д. Къ средствамъ способствующимъ опороженію гноя онъ причисляетъ водомедъ, capillus Veneris, огурцы съ хризаттійскимъ виномъ, можжуховыя ягоды (phusalis Alkekengi), молоко ослицъ, а также армянскую глину въ видѣ питья и т. п. ⁴⁾.

Затрудненное мочеиспусканіе (*страγγουρία*), согласно Александру, бываетъ болѣзненное и безболѣзненное. Если препятствіе находится въ мочевомъ пузырьѣ, то моча выдѣляется съ трудомъ и съ

¹⁾ Тамъ же, 443—461. ²⁾ Alex. Trallianus, l. XI, c. 2, B. II, 475—477. ³⁾ Тамъ же, 481. ⁴⁾ Тамъ же, 477—479 и 483—485.

болью; присутствіе въ ней гноя указываетъ на язвы или нарывы въ мочевомъ пузырьѣ; если боли сопровождаются чувствомъ напряженія, но не ощущеніемъ тяжести въ мочевомъ пузырьѣ, то въ послѣднемъ, согласно Александру, находятся раздувающія его газы. Если же затрудненіе при мочеиспусканіи не сопровождается ни болями, ни напряженіемъ, ни опухолью въ области пузыря, то мѣстопробываніе болѣзни нужно искать въ мочеточникахъ или почкахъ.

Леченіе состоитъ въ устраниеніи дискразій и назначеніи мочегонныхъ, потогонныхъ средствъ, согрѣвающихъ втираній, обильнаго употребленія теплой воды и даже вина, наконецъ въ примѣненіи ваннъ, теплыхъ минеральныхъ источниковъ и т. д. При затрудненномъ мочеиспусканіи вслѣдствіе густыхъ влагъ ук сусомедъ, отвары изъ *Origani* и *Euphorbium*, но только не при воспаленіи¹⁾.

Почечные камни Александръ, какъ и всѣ древніе, производить отъ высыханія тягучихъ и густыхъ влагъ вслѣдствіе большого жара въ почкахъ при лихорадкѣ. Матеріальный субстратъ (*ὄλιον*), говоритъ Александръ, образуетъ сгущенная матерія (*ἡ παχυτέρα ὕλη*), дѣйствующую же причину составляетъ лихорадочный жаръ²⁾. Распознаваніе почечныхъ камней, согласно Александру, представляетъ не малое затрудненіе вслѣдствіе сходства сопутствующихъ имъ явленій съ коликой: какъ при той, такъ и при другой болѣзни наступаютъ сильныя боли, рвота, запоръ, вздутіе и напряженіе живота, доходящее до области селезенки и печени. Отличительными признаками для почечныхъ камней служить болѣе острая и ограниченная боль въ области почекъ, меньшая частота рвоты и запора, въ особенности же отдѣленіе песку вмѣстѣ съ мочою³⁾.

Леченіе имѣетъ цѣлю размягченіе и раздробленіе почечныхъ камней, для чего Александръ рекомендуетъ продолжительныя теплыя ванны, согрѣвающія втиранія, припарки, масляные клистиры, а изъ внутреннихъ средствъ мочегонныя и въ особенности створожившуюся ко з л и н у к р о в ь (*τραγεῖον αἷμα*); при бессоницѣ—о п і й, имѣющей, по его мнѣнію, разрѣшающее дѣйствіе на камни, при полнокровіи и осложненіи воспаленіемъ почекъ—кровоусканія. Кромѣ того онъ обращаетъ особенное вниманіе на предохранительное леченіе и совѣтуетъ избѣгать всего, что можетъ способствовать сгущенію влагъ, возвышенію нормальной температуры почекъ и образованію воспаленія ихъ, почему больные не должны употреблять пряностей, перцу и вообще горячительныхъ веществъ и лекарствъ, а также густой, кашицеобразной, мучнистой пищи, коржей, крутыхъ яицъ, молока, сыру, жирнаго мяса, слишкомъ терпкихъ, темныхъ винъ, не ѣсть поздно, не спать на перинахъ, не стоять много, а больше сидѣть или ходить, пить побольше воды и употреблять удобоваримую пищу, въ особенности фрукты. Къ средствамъ, способствующимъ растворенію камней, онъ причисляетъ *Betonica officinalis* съ медовымъ виномъ (*οἶνο-μίλιτος*), а также *Potentilla reptans* (*πενταφύλλος*), *Erysimum officinale*, *έρύσιμος*, *Thymus*

¹⁾ Тамъ же, с. 3, В. II, 485—489.

²⁾ Тамъ же, I. XI, с. 1, В. II, 463.

³⁾ Тамъ же, 463—465.

segyllum (έρπύλλος) и, наконецъ, средство изъ кузнечиковъ (τεττίγων)¹⁾. Какъ амулетъ (φοσι-κόν) онъ совѣтуетъ ношеніе на медицинскомъ (четвертомъ) пальцѣ золотого кольца со вдѣланнымъ въ него камнемъ изъ кипрской или никейской мѣди, съ изображеніемъ льва, мѣсяца или звѣзды. При этомъ Александръ ссылается на признаніе и Галеномъ могущественныхъ силъ, присущихъ симпатическимъ средствамъ, какъ это ясно выражено въ трактатѣ Галена „περί τῆς καθ' Ὀμηρον ἱατρικῆς πραγµατείας“²⁾.

Камни въ мочевомъ пузырьѣ, согласно Александру, происходятъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и почечные, и требуютъ такого же леченія, т. е., разжиженія густыхъ соковъ и соответственной діеты. У дѣтей они бывають чаще, чѣмъ у взрослыхъ. Изъ симптоматологіи онъ обращаетъ здѣсь вниманіе на „несваренный и бѣлый видъ мочи“, представляющей также песчаный осадокъ. Кромѣ того больные часто чешутъ и дергаютъ за половыя части при позывѣ на мочеиспусканіе. Здѣсь онъ между прочимъ рекомендуетъ симпатическія средства, какъ помазаніе области пузыря козьей или козиной кровью. Иногда онъ видѣлъ усилѣніе отъ теплыхъ ваннъ³⁾. Объ оперативномъ вмѣшательствѣ, равно какъ и о примѣненіи катетера при затрудненномъ мочеиспусканіи у него нѣтъ рѣчи.

Подъ названіемъ мочепузырной чесотки (φωρίωση κύστις), онъ, какъ и всѣ древніе, обозначаетъ такое видоизмѣненіе мочеваго пузыря, при которомъ выдѣляемая густая, вязкая моча содержитъ отрубеви-ды и чешуйки. Впослѣдствіи въ пузырь образуются язвы и моча становится гноевидной или кровянистой. Болѣзнь эту онъ считаетъ тяжелой и почти неизлечимой. Весьма вѣроятно, что она соответствуетъ нынѣшнему хроническому циститу.

Здѣсь Александръ назначаетъ молочное леченіе (въ особенности ослиное молоко), слабительныя; при язвахъ—средства, способствующія ихъ высыханію и заживленію, напр. составъ изъ сосновыхъ шишекъ (στροβίλια), огуречныхъ сѣменъ, муки и сѣмень аріи; при болѣзненномъ мочеиспусканіи опиій или *Conium maculatum*⁴⁾.

Сахарное мочеизнуреніе (διαβήτης) Александръ, подобно Галену, приписываетъ, съ одной стороны, слабости задерживающей силы почекъ, съ другой—увеличенной притягательной силѣ ихъ, подъ вліаніемъ возвышенной температуры притягивающей къ почкамъ влагу не только изъ сосудовъ, но и изъ всего тѣла. Здѣсь онъ совѣтуетъ

холодъ на область почекъ, укрѣпленіе тѣла, обильное питье и питательную плотную пищу, не легко превращающуюся въ мочу. Вообще на діету онъ обращаетъ особенное вниманіе, причемъ рекомендуетъ разныя вина, цикорій, салатъ, изъ сортовъ мяса—

1) Тамъ же, 465—475 и с. 3, 489.

2) Тамъ же, с. 1, 475.

3) Тамъ же, с. 4, В. II, 489—491.

4) Тамъ же, с. 5, В. II, 491—493.

грудину, ноги, рыло, изъ рыбъ—имѣющихъ плотное мясо (*σκληροσάρκος*); соленой же и острой пищи, а также приностей онъ совѣтуетъ избѣгать, изъ растительныхъ разрѣшаетъ каштаны, дыни, сладкія яблоки ¹⁾.

Сперматоррея, которая и у Александра носить еще названіе „gonorrhoea“, происходитъ, по его мнѣнію, либо отъ остраго и жидкаго состоянія сѣмени, либо отъ слабости сѣменныхъ сосудовъ, не выдерживающихъ напора сѣмени вслѣдствіе ослабленія ихъ удерживающей силы. Онъ считаетъ необходимымъ изслѣдованіе цвѣта и состава сѣмени, а также образа жизни больного. Въ числѣ причинъ онъ упоминаетъ также о внезапномъ воздержаніи.

Леченіе здѣсь болѣе діететическое; такъ онъ совѣтуетъ не употреблять пищи и веществъ, способствующихъ вздутію живота и образованію желчи и сѣмени. Къ послѣднимъ онъ относитъ сѣмена крапивы, *costus*, крупныя виды *orchis*, *satyrion* и почки ящерицы (*sciscus officinalis*); пищу употреблять болѣе охлаждающую и сухую. При ночныхъ полюціяхъ онъ совѣтуетъ класть свинцовыя гири на бедра съ цѣлю будить больного производимымъ ими давленіемъ ²⁾. Такого же леченія требуетъ и приапизмъ, происхождение котораго онъ, подобно Галену, приписываетъ наполненію „пещеристыхъ ходовъ“ (*σφραγγίδες*) газами. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтуетъ избѣгать здѣсь соблазнительныхъ зрѣлищъ, слишкомъ вязкихъ, охлаждающихъ и наркотическихъ веществъ, мѣшающихъ разрѣшенію болѣзни, слишкомъ горячительной и влажной пищи, мѣстно — мазь изъ розоваго спуска съ холодноватой водой и уксусомъ, въ питье настой морской розы (*purpurea alba*), какъ уменьшающей образованіе сѣмени, далѣе движенія, растиранія верхнихъ конечностей, гимнастическія упражненія, которыя, вызывая потъ, тѣмъ самымъ способствуютъ отводу матеріи и раздражающихъ газовъ ³⁾.

Подагра. По мнѣнію всѣхъ древнихъ врачей (Целіа Авреліана, Аретей, Галена и др.) *arthritis*, подагра, *ischias*—однородныя болѣзни, и подагра относится къ *arthritis*, какъ видъ къ роду ⁴⁾. Александръ различаетъ четыре вида подагры, смотря по тому, поражена ли кровь, слизь, желтая или черная желчь. Если разгоряченная кровь притекаетъ въ сочленовную полость, то она растягиваетъ послѣднюю и вызываетъ въ ней боль, красноту и опухоль. При происхожденіи подагры отъ желтой желчи на пораженномъ сочлененіи хотя и замѣчается краснота, но нѣтъ опухоли и больной жалуется больше на чувство жара, чѣмъ на ощущеніе напряженія и тяжести въ суставѣ. Если причиной болѣзни слизь, то нѣтъ ни жара, ни красноты, но чувствуются напряженіе и значительныя боли. Наконецъ, при происхожденіи болѣзни отъ черной желчи боли весьма

¹⁾ Тамъ же, с. 6, 493—495.

²⁾ Тамъ же, с. 7, В. II, 495—499.

³⁾ Тамъ же, с. 8, 499—501.

⁴⁾ „Igitur quidam medici arthriticam passionem genus vocant, podagricam vero speciem. Caelius Aurelianus, *De chronicis*, l. V, c. 2.

значительны и въ суставахъ ощущается холодъ и тяжесть. Вообще ревматизмъ сочлененій, согласно Александру, происходитъ не только отъ дискразій, но и отъ ненормальнаго качества болѣзнетворныхъ влагъ, отъ слишкомъ большого ихъ жара, холода, сухости или влажности¹⁾. Самую большую часть XII книги занимаетъ у Александра

Терапія подагры. Здѣсь онъ руководствуется качествомъ и количествомъ протекающихъ болѣзнетворныхъ веществъ, а также степенью и мѣстомъ воспаления и согласно съ этимъ старается дѣйствовать то охлаждающимъ, то согревающимъ образомъ или вызывать то сухость, то влажность. При избыткѣ крови онъ назначаетъ кровопусканіе, которое предохраняетъ и отъ новыхъ приступовъ болѣзни²⁾; противъ желчи и слизи—сильныя слабительныя, какъ коллоквины, Scammonium, Aloes, Cidonia vulgaris, Euphorbium и т. д., кромѣ того потогонныя и мочегонныя средства, которыя онъ совѣтуетъ употреблять и послѣ приступа³⁾. Снаружъ онъ принимаетъ, смотря по надобности, охлаждающія мази, примочки, припарки, обливанія ароматическими отварами, втиранія масла или вина, разрѣшающіе пластыри, горчичники и мушки, которые въ соединеніи съ смягчительными и разрѣшающими веществами, по словамъ Александра, вслѣдствіе вызываемаго ими выпотѣнія суеровицы приносятъ значительное облегченіе, хотя и не въ состояніи предотвратить образованіе подагрическихъ оплотнѣностей и узловъ (πῶροι)⁴⁾. При очень сильныхъ боляхъ Александръ принимаетъ наркотическія средства, предостерегая однако отъ слишкомъ продолжительнаго ихъ употребленія, способствующаго уменьшенію подвижности суставовъ⁵⁾. Кромѣ того онъ совѣтуетъ теплыя ванны, въ особенности послѣ пищи, чтобы вызвать усиленную транспирацію, а также умѣренное движеніе и избѣжаніе чрезмѣрныхъ напряженій⁶⁾. Противъ отекаго припуханія стопъ, происходящаго, по его мнѣнію, отъ слизи и газовъ, онъ назначаетъ растиранія и примочки съ примѣсью соли, каковымъ средствомъ онъ излечилъ одну изъ выдающихся особъ въ Римѣ⁶⁾.

Противъ оплотненій и узловъ въ составахъ онъ употребляетъ вышеприведенныя средства въ усиленномъ размѣрѣ съ цѣлью ихъ размягченія и разрѣшенія, въ особенности раздражающіе пластыри и мази изъ терпентина, кияовари, Origanum, Galbanum, колофонія и т. д.⁷⁾, наконецъ циклическій методъ леченія, занимающій въ терапіи Александра весьма видное мѣсто. Это леченіе продолжается цѣлый годъ и состоитъ въ умѣренномъ образѣ жизни, строгомъ выполненіи діететическихъ предписаній, избѣжаніи всякихъ излишествъ и пріемахъ легкихъ слабительныхъ въ извѣстные дни. Вообще на діету и образъ жизни онъ обращаетъ преимущественное вниманіе, предостерегаетъ отъ слишкомъ питательной пищи, половыхъ излишествъ, вина (многіе больные, по его словамъ, излечивались однимъ только полнымъ воздержаніемъ отъ вина), а потому онъ совѣтуетъ больнымъ тощую діету и обильное употребленіе тепловатой воды⁸⁾.

Между прочимъ онъ назначалъ еще въ подагрѣ весьма сложное противоядіе⁹⁾, употребленіе котораго совѣтовалъ начать въ январѣ и притомъ такъ, чтобы при-

¹⁾ Alex. Trallianus, l. XII, B. II, 501—503. ²⁾ Тамъ же, 547, гдѣ совѣтуетъ также избѣгать мяса и вина. ³⁾ Тамъ же, 503—507 и 519—537. ⁴⁾ Тамъ же, 575. ⁵⁾ Тамъ же, 511—513. ⁶⁾ Тамъ же, l. XII, B. II, 541. ⁷⁾ Тамъ же, 553—557 и слѣд. ⁸⁾ Тамъ же, 519—529. ⁹⁾ Оно состоитъ изъ каралловъ, Myrrha Troglodytes, Caryophyllus aromaticus, Rheum rhaponticum, листьевъ Malabathron, корня неонія, Aristolochia cretica и pallida и Nardostachys. Alexander Trallianus l. XII, B. II, 525.

нимать его 8 дней сряду, на 15 дней оставить, послѣ 200 приѣмовъ принимать черезъ день, пока не дойдетъ до суммы 365 дозъ. Изъ множества мазей имъ отмѣчена одна, какъ особенно „отмѣнная и разрѣшающая (κρηστή καλλιστή διαλύουσα), устраняющая подагрическіе узлы такъ, что о новообразованіи ихъ и думать нечего“ и состоящая изъ „пѣншагоса“ (углекислаго) натра (ἀφρονίτρος), terebinthina, воску, стараго масла и щелока шляпочниковъ¹⁾. Противъ подагры же онъ совѣтуетъ, написавъ стихъ Гомера: τετρήχαι δ'ἀγορή, ὄλο δ'ἔστοναχίζετο γαῖα'²⁾ или же во время убыванія луны на золотомъ листѣ: μεί, θραύ, μόρ, φόρ, ταύξ, ζά, ζών, θέ и т. д.³⁾, первый носить на шеѣ, второе на подошвахъ!

Кромѣ того встрѣчаемъ здѣсь у Александра примѣненіе присыпокъ, напр. такъ называемаго индійскаго порошка, весьма сложнаго состава, дѣйствующаго метасинкритически и употреблявшагося при горячихъ дискразіяхъ и ревматизмахъ вслѣдствіе студенистыхъ, кислыхъ соковъ или отъ разгоряченной крови, а также psilothron, примѣнявшійся въ ваннѣ при происхожденіи подагры отъ слизи, въ особенности когда оказывалось необходимымъ достигать разжиженія крови. Этотъ составъ также весьма сложный, между прочимъ сюда входятъ желтый и красный сѣрнистый мышьякъ⁴⁾.

Заключеніе. Противъ ожиданія нашъ этюдъ объ Александрѣ вышелъ гораздо пространнѣе, чѣмъ мы предполагали въ началѣ и чѣмъ онъ, быть можетъ, того въ дѣйствительности заслуживаетъ, судя по тому, что онъ все еще вращается въ закодванномъ кругу прежнихъ взглядовъ и предразсудковъ въ области физиологій, патологій и вообще медицины. Но намъ казалось не безинтереснымъ привести здѣсь in extenso содержаніе его сочиненія, заканчивающаго и какъ бы резюмирующаго собой всю частную патологію и терапію древнихъ и притомъ отмѣченнаго печатью несомнѣнно крупнаго, оригинальнаго и критическаго таланта, отнюдь не склоннаго jugare in verba magistri. Alexander Trallianus былъ прежде всего практикъ, поэтому на первомъ планѣ у него всегда терапія. Главныя отличительныя его черты—тщательность въ діагностикѣ болѣзни, богатство и разумная постановка показаній. Здѣсь образцомъ служилъ ему Гиппократъ, но единственнымъ авторитетомъ—собственный опытъ, съ чѣмъ согласуется также его внушеніе собратамъ по ремеслу—не слишкомъ подчиняться обаянію авторитетовъ. Терапевтическіе отдѣлы его сочиненія свидѣтельствуютъ въ достаточной степени о его оригинальности и богатой опытности; доказательствомъ чего могутъ служить осторожность, съ которой онъ примѣнялъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ опиѣ, вслѣдствіе причиняемыхъ послѣднимъ приливовъ къ головѣ, далѣе примѣненіе мушекъ при подагрѣ, совѣтъ избѣгать запирающихъ средствъ въ начальномъ періодѣ кроваваго поноса и вмѣсто нихъ употреблять слегка послабляющія. Приписываемое ему Ed. Milwards'омъ

¹⁾ Alexander Trallianus, I. XII, B. II, 555.

²⁾ „неистово шумѣла базарная площадь и внизу застонала земля“. Тамъ же, 581.

³⁾ Тамъ же, 583.

⁴⁾ Тамъ же, 543—545.

введеніе ревеня въ терапію вѣрно только отчасти, такъ какъ ему слабительное дѣйствіе ревеня, по всему видимому, было неизвѣстно, причемъ однако необходимо замѣтить, что онъ употреблялъ не *Rheum rharoticum* (ῥῆα, ῥῆον или ῥέον ποτικόν Diosкорида и Галена), а ῥέον βαρβαρικόν, которое, по его словамъ, имѣетъ то же значеніе, что ξυλομάχερ ¹⁾ и которое, вѣроятно тождественно съ индійскимъ или арабскимъ ревенемъ. Вообще фармакологія Александра весьма богата, но къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, мы не могли представить здѣсь подробный обзоръ ея ²⁾.

Въ особенности заслуживаетъ уваженія постоянное вниманіе, обра- щаемое имъ при леченіи на конституцію, образъ жизни, возрастъ и состоя- ніе силъ больнаго. Споръ о принадлежности Александра къ той или дру- гой медицинской школѣ долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что онъ, подобно Галену, былъ электикомъ и, оставаясь горячимъ приверженцемъ физиологіи и патологіи Галена, въ то же время не пренебрегалъ строгой систематикой методической, а при случаѣ и простыми правилами пневматической школъ ³⁾.

Theophilus Protospatharios (онъ же Philotheus s. Philaretus, около 620 до Р. X.), монахъ (μοναχός) или начальникъ копыеносцевъ при им- ператорѣ Геракліѣ (610—641), во всякомъ случаѣ христіанинъ, въ сво- ихъ сочиненіяхъ часто призывавшій къ „Христу, истинному Богу“, былъ іатрософистомъ въ Константинополѣ и оставилъ слѣдующія сочиненія:

1) Περὶ τῆς τοῦ ἀνθρώπου κατασκευῆς βιβλία εἰ, *De corporis humani fa- brica* въ 5 книгахъ, сокращеніе *De usu partium* Галена.

Изданія: греческое—Paris, 1555 ap. Morellum.

Латинское (въ перев. I. P. Crassus'a): Paris, 1536 и 1540.

Греко-латинскія: Patav, 1555, Greenhill, Oxon. 1842.

2) Περὶ οὐρῶν βιβλίον, Theophili De urinis libellus.

Изданія: латинскія—Basil, 1533 (переводъ Albanus Torinus'a). Argent. 1535 и въ сборникѣ Stephanus'a.

Греко-латинскія: Paris, 1608, ap. Fr. Morellum (его же переводъ); Lugd. Batav. 1703, ed. Guidot. apud Teering; 1731, ap. Wishoff.

Греческія у Ideleer'a l. c., И у Bussemaker'a, въ *Revue de philologie*, Paris, 1845.

3) Περὶ διαχωρημάτων, *De excrementis alvinis* (въ изд. Guidot подъ за- главіемъ: Theophili De urinis libellus.—Cui accessit ejusdem Theophili de *Excrementis alvi* Tractatus, luce et Latio nunc primum donatus. Ed. Thomas Guidotius Anglo-Britanus, Lugd. Batav., 1703.

¹⁾ Тамъ же, l. IX, c. 2, B. II, 397.

²⁾ Систематическій обзоръ фармакологіи Александра Траллійскаго по изд. Puschmann'a могъ бы составить благодарную тему для спеціальной работы въ „Historische Studien“, выходящихъ изъ фармакологической лабораторіи уважаемаго проф. Коберта въ Дерптѣ, гдѣмъ болѣе, что почва для этого предмета достаточно уже воздѣлана Puschmann'омъ. ³⁾ Ср. Puschm. l. c., I, 284 и слѣд.

4) *Philareti De pulsuum scientia libellus* (вмѣстѣ съ упомянутымъ переводомъ *De urinis* (Torinus'a), Basil, 1533; носитъ еще заглавіе: „*Theophili celebri medici, De exacta retrimentorum vesicae cognitione commentariolus*“. Albano Torino interprete. Въ новѣйшее время въ *Anecdota medica graeca* Ermerins'a, X, 1840.

5) *Philothaei medici praestantissimi Commentaria in Aphor. Hippocratis* (на лат.) Venet. 1549, перев. Coradus'a; Spiraе, 1581 и въ Dietz, *Scholia in Hipp. et Galenum*, 1835, t. II.

6) [Palladii] *Περὶ πυρετῶν σύντομος σύνοψις*, *De febris concisa synopsis* (прежде приписывалось Палладію, нинѣ доказано, что оно принадлежитъ Теофілу).

Изданіи: Paris, 1646, ed. Chartier; Lugd. Bat. 1745, ed. St. Bernard.

Новѣйшее: *Theophili et Stephani Atheniensis De februm differentia ex Hippocrate et Galeno*, edidit Demetrius Sicurus, Florent. 1862¹⁾.

Анатомико-физиологическій трактатъ Теофіла, какъ мы уже сказали, есть извлеченіе изъ *De usu partium* Галена, которое, правда, отличается тѣмъ же телеологическимъ направленіемъ, но по сжатости и ясности изложенія съ 7 вѣка считалось однимъ изъ лучшихъ подготовительныхъ руководствъ для достиженія званія врача. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе отчетливое описаніе костей, запястья, *arthritis palmaris*, *m. palmaris brevis* и т. д. При изложеніи ученія о произражденіи есть у него даже указаніе на самостоятельныя вскрытія (беременныхъ козь)²⁾; равнымъ образомъ встрѣчаются указанія на самостоятельныя изслѣдованія череповъ на поляхъ сраженій³⁾. Что касается ученія Галена о дыханіи и движеніи крови, то врядъ ли и въ позднѣйшія столѣтія оно было кѣмъ либо лучше понято и изложено, чѣмъ Теофіломъ:

„Изъ праваго желудочка сердца (*αιματική κοιλία*) происходитъ артеріальная вена (*φλέψ αρτηριώδης*, т. е., легочная артерія), переводящая въ легкія кровь, поступающую изъ полой вены; изъ лѣваго желудочка сердца происходятъ аорта (*αρτηρία πνευματική*), развѣтвляющаяся во всемъ тѣлѣ, и венозная артерія (*αρτηρία φλεβώδης*, т. е., легочныя вены), доставляющая крови лѣваго желудочка жизненное рпеума“⁴⁾.

Ученіе о питаніи тѣла изложено имъ примѣнительно къ потребностямъ учащихъ, въ 13 отдѣлахъ, по Галену⁵⁾, а въ ученіи о нервахъ находимъ слѣдующее положеніе прежняго (не называемаго по имени) физиолога: „Черепъ и позвоночный хребетъ получаютъ свою форму отъ головнаго и спиннаго мозга“⁶⁾.

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde* p. 140 и Paeser, I, 462.

²⁾ Theophilus, *De corporis humani fabrica*, l. V, c. 20.

³⁾ Тамъ же, l. IV, c. 4.

⁴⁾ Тамъ же, l. III, c. 7 и c. 11.

⁵⁾ Тамъ же, l. II, c. 16.

⁶⁾ Тамъ же, l. IV, c. 2. Ср. Necker, II, 186, 187.

Вотъ краткій перечень содержанія трактата *De corporis humani fabrica*.

Въ кн. I Теофилъ разсматриваетъ верхнія и нижнія конечности, пальцы, ногти, сочлененія и т. д.

Въ кн. II онь разсматриваетъ желудокъ и его отправления, кишечный каналъ, брюшину, печень, почки, топографическое положеніе и отправления пищеварительныхъ органовъ, четыре способности (силы) желудка: притягательную, удерживающую, измѣняющую и изгоняющую.

Кн. III занимается грудною клѣткою, легкими, сердцемъ, хрящами гортани и надгортаннымъ, возвратными нервами и ихъ свойствами. Подобно Галену, Теофилъ принималъ въ сердцѣ продольныя, поперечныя и косыя волокна съ принадлежащими каждому изъ этихъ родовъ волоконъ особенными физиологическими свойствами.

Въ кн. IV Теофилъ занимается головою, мозгомъ и свойствами зрительныхъ нервовъ, влагами и формой глаза, вѣками и образующими ихъ двумя мышцами, бровями, мозговыми нервами, языкомъ, зубами, кожей и шейей. Причину голоса онь полагалъ въ мозгу.

Въ кн. V онь говоритъ о спинномъ мозгѣ, о выходящихъ изъ него нервахъ, спинныхъ позвонкахъ, костяхъ и сочлененіяхъ. Онь указываетъ здѣсь на существованіе общей, соединяющей всѣ позвонки, связки (*ligamentum vertebrale commune*). Далѣе онь говоритъ здѣсь и о наружныхъ и о внутреннихъ женскихъ дѣтородныхъ органахъ, о зародышѣ, о мужскомъ дѣтородномъ удѣ, эрекции и ея причинахъ, о неспособности одержимыхъ *hystericis* къ произражденію. Яички онь разсматривалъ какъ состоящіе изъ железистой, губчатой, легкой ткани, содержащей множество волосныхъ сосудовъ (*ἀγγεῖα πολλὰ τριχουεῖδῆ καὶ ἀραχουεῖδῆ κατὰ πέρμενα κατ' αὐτὸν ἀδένα ἔχοντες*¹).

Вообще этотъ маленькій анатомико-физиологическій трактатъ составленъ систематически и съ большимъ знаніемъ дѣла. Главнѣйшая заслуга Теофила — установленіе понятія объ обонятельныхъ нервахъ, какъ самостоятельной парѣ нервовъ, берущихъ начало въ переднихъ желудочкахъ мозга, отдѣльно отъ зрительныхъ, и черезъ рѣшетчатую пластинку развѣтвляющихся въ обѣихъ половинахъ носовой полости²). Извѣстно, что Галеномъ обонятельные нервы и ихъ развѣтвленія разсматривались какъ продолженіе мозгового вещества. За эту заслугу можно простить Теофилу и то, что онь придерживается еще древняго взгляда на рѣшетчатую продиравленія твердой мозговой оболочки какъ на назначенныя для стока слизи изъ мозга, и другія телеологическія воззрѣнія, коихъ у него не мало.

Семіотика Теофила, весьма слабая по отношенію къ пульсу (его сочиненіе о пульсѣ [№ 3] Нескер считаетъ отрывкомъ, составленнымъ по его

¹) Тамъ же, I. V, с. 28. (Ср. Corlieu, I. с., р. 138).

²) Тамъ же, I. IV, сс. 12, 19, 26. Ср. Hecker, II, 187.

лекціямъ), удовлетворительна по отношенію къ испраженіямъ въ трактатѣ *De excrementis*, въ которомъ, вмѣстѣ съ довольно вѣрными понятіями объ отправленіяхъ брюшныхъ органовъ, встрѣчаются также указанія на страданіе мозга отъ вредныхъ веществъ въ содержимомъ брюшныхъ внутренностей (с. 15), на происхожденіе поносовъ отъ расслабленія (*ἀτονία*) или раздраженія (*δῆξις*, с. 4), на молочный (*fluxus coeliacus*, с. 12) и жирный поносъ (с. 14), наконецъ на цѣлебное дѣйствіе геморроидальныхъ кровотеченій (с. 10). Что касается уроскопій, то въ согласіи съ ученіемъ Галена о происхожденіи мочи изъ нижней полой вены и о томъ, что моча носитъ отпечатокъ образуемой въ печени крови и можетъ поэтому служить для распознаванія свойствъ крови всего тѣла вообще, Теофилъ принималъ еще, что находящіяся въ мочѣ въ растворенномъ видѣ вещества образуются уже въ воротной венѣ (*φλέψ στελεχιαία*) и посредствомъ тоненькихъ „волосныхъ“ канальцевъ (*πρόροι στενοὶ καὶ τριχουειδεῖς*), соединяющихъ ее съ полой веной, поступаютъ въ послѣднюю и оттуда въ почки¹⁾, а потому, по мнѣнію Теофила, состояніе кровотоверенія легко узнать по мочѣ. Тѣмъ не менѣе семиологическое значеніе приводимыхъ Теофиломъ данныхъ ничтожно, такъ какъ при этомъ не обозначены съ точностью относящіяся сюда отдѣльныя формы болѣзней. Такъ сущность сахарнаго мочеизнуренія (*εἰς ἀμύδα διάβροια*) ему осталась также неизвѣстной, какъ и Аполлонію изъ Мемфиса и Деметрію изъ Апамен, ибо онъ опредѣляетъ его только, какъ обильное отдѣленіе разжиженной, свѣтлой мочи²⁾. Зато весьма важный шагъ впередъ составляетъ

Ученіе Теофила о причинахъ лихорадки. Согласно этому ученію, причинами гнилостныхъ эпидемическихъ болѣзней бываютъ и спаренія, развивающіяся отъ несожженныхъ труповъ на поляхъ сраженій, отъ болотъ и кладбищъ:

„Началомъ гніенія (*σηπεδόνος*) служатъ или извѣстное накопленіе несожженныхъ въ сраженіяхъ труповъ (*πληθὸς τι νεκρῶν μὴ καυθέντων ἐν πολέμοις*), или же оно происходитъ отъ трясины (*ἐκ τελαμάτος*), или болотъ (*λιμνῶν*) или сосѣдней почвы, изъ которой лѣтомъ развиваются пагубныя и зловерныя испаренія“³⁾.

Сущность лихорадки Теофилъ полагалъ въ противоестественномъ жарѣ (*θερμασία*), распространяющемся отъ сердца, черезъ артеріи, по всему тѣлу и видимо нарушающемъ его отправленія. Онъ поэтому принималъ, что вредныя вещества крови служатъ возбудителями лихорадки только тогда, когда они постушили въ сердце⁴⁾. Жаръ слѣдуетъ за озно-

¹⁾ Theophili De urinis, с. 2.

²⁾ Ср. Нескер, II, 189—191.

³⁾ Ср. Хаеве, I, 463.

⁴⁾ [Palladii] De febribus, с. 1 в. с. 9.

бомъ оттого, что кровь, оттѣсненная послѣднимъ во внутреннія части тѣла, удваиваетъ естественную теплоту сердца, сообщающуюся отъ него черезъ артеріи всему тѣлу ¹⁾). Главное мѣстопребываніе лихорадки Теофиль, виѣстѣ съ Протагоромъ, полагаетъ въ полой венѣ, простое разгоряченіе которой влечетъ за собой хотя продолжительную, но неопасную лихорадку, тогда какъ лихорадки, происходящія отъ разложенія крови въ сосудахъ (ἐπι σήψει), всегда опасны ²⁾). Постоянную воспалительную лихорадку онъ производитъ отъ простаго полнокровія ³⁾). Въ остальномъ, равно какъ и въ ученіи о разныхъ видахъ лихорадокъ, онъ вездѣ слѣдуетъ Галену, Аэцію и Александру Траллійскому.

Stephanus (630 г. по Р. X.) Atheniensis (онъ же Stephanus изъ Александріи, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ въ качествѣ преподавателя), ученикъ Теофила и послѣдній, болѣе или менѣе крупный представитель второй александрійской школы, извѣстенъ болѣе, какъ „философъ“ (т. е. алхимикъ) и комментаторъ ⁴⁾). Онъ, во первыхъ, участвовалъ въ составленіи и изданіи приведеннаго выше комментарія Теофила къ *Афоризмамъ* Гипократа, представляющаго не что иное, какъ плохое подражаніе таковому же Галену. Собственно же Стефану принадлежать:

1) Ἐξήγησις εἰς τὴν τοῦ πρὸς Γλαύκωνα Γαληνοῦ θεραπευτικὴν. Лекція о сочиненіи Галена De medendi methodo ad Glauconem.

Изданіи: Venet., ap. Aldum, 1536. Новѣйшее въ изданіи Dietz'a: Scholia Apollonii Citiensis etc. Regiom. Boruss. 1834.

Латинскій переводъ: Stephanii Atheniensis philosophi explanationes in Galeni priorem librum therapeuticum ad Glauconeum, Augustino Gadaldino Mutinensi interprete, въ *Сборникъ* Юлія Павла Grassus'a, Basil. 1585.

2) Σχόλια εἰς τοῦ προγυνωστικὸν Ἰπποκράτους, въ упомянутомъ изд. Dietz'a, Regiom. 1834.

3) *Alphabetum empiricum*, s. Dioscoridis et Stephanii Atheniensis, philosophorum et medicorum, de remediis expertis liber, juxta alphabeti ordinem digestus. Nunc primum a Casparo Wolphio Tigurino medico in latinam linguam conversus et in lucem editus. Tiguri. 1581 (Греч. изд. не существуетъ).

4) *Actiones novem de arte chemica*. Dominico Pizimento interprete. Patav. 1573. Алхимическое сочиненіе, посвященное императору Ираклію ⁴⁾). Но еще сомнительно, дѣйствительно ли оно принадлежитъ Стефану ⁵⁾).

Эти сочиненія, которыя мы привели здѣсь лишь потому, что они одни изъ послѣднихъ, вышедшихъ изъ александрійской школы, почти всѣ безъ исключенія мало содержательны. Въ *Лекціяхъ* (*Exegesis*) о терапевтическомъ сочиненіи Галена ненужныя разъясненія къ положеніямъ

¹⁾ De febris, с. 26. ²⁾ Тамъ же, с. 15. ³⁾ Тамъ же, с. 5. Ср. Necker, II, 167.

⁴⁾ Тамъ же, 194. ⁵⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, 138.

Галена сопровождаются безсвязными замѣчаніями самого комментатора о давно извѣстныхъ вопросахъ медицины. Нѣкоторый интересъ представляетъ здѣсь опроверженіе Стефаномъ мнѣнія современника его *Angelevas'a* о сосудахъ, соединяющихъ паховыя железы съ мочевымъ пузыремъ и доставляющихъ послѣдному питательныя вещества, излишекъ коихъ будто сообщаетъ мочѣ мутноватобѣлый цвѣтъ, указывающій на воспаленіе этихъ желѣзъ или лихорадку. Что касается фармакологическаго сочиненія Стефана (№ 3), то все, что можно сказать въ его пользу, это то, что оно меньше содержитъ суевѣрныхъ средствъ, чѣмъ предшествующія подобныя сочиненія и что въ немъ собраны болѣе испытанныя формулы, неимѣющія впрочемъ особаго значенія для терапій и предназначенныя только для удобства и руководства необразованныхъ врачей. Этотъ литературный памятникъ какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ объ упадкѣ и низкомъ уровнѣ александрійской медицины въ 7 вѣкѣ, которую онъ собою и завершаетъ ¹⁾.

Чтобы покончить здѣсь со второй александрійской школой, упомянемъ еще о нѣсколькихъ греческихъ врачахъ, послѣднихъ адептахъ этой школы, способствовавшихъ переносу греческой медицины къ арабамъ. Сюда относятся:

Johannes изъ Александріи, авторъ комментаріевъ къ *De natura pueri* и *Epidem. VI* Гипократа (первый помѣщенъ въ *Dietz, Apollonii Citiensis Scholia I*, а второй въ средневѣковомъ сборникѣ *Articella* въ 15 вѣкѣ), а также къ „каноническимъ“ книгамъ Галена ²⁾, о каковыхъ комментаріяхъ часто упоминають арабы.

Johannes ссылается на двухъ неизвѣстныхъ, весьма уважаемыхъ имъ врачей, изъ коихъ одинъ долго слылъ подъ названіемъ „*Trisendemon*“ (отъ *τρίς ενδαίμων*—трижды блаженный), а другой—авторъ сочиненія *ἐπιδημιαί*, подъ названіемъ „*Jonchius*“ (собственно поэтъ *Jon* изъ *Chios'a*, авторъ путевыхъ картинъ, о которыхъ рѣчь идетъ у *Johannes'a*) ³⁾.

Ahron „Presbyter“, христіанскій священникъ и врачъ, жившій въ Александріи, современникъ Павла Эгинскаго, оставилъ „*Pandectae medicae*“, которыми много пользовался *Rhases*, у коего сохранились изъ нихъ отрывки въ переводѣ на арабскій языкъ. Изъ этихъ отрывковъ

¹⁾ Ср. *Necker*, II, 193—195.

²⁾ Сюда принадлежатъ: *De sectis*, *Ars parva*, *De administrationibus anatomicis* и др. сочиненія Галена по анатоміи, *De usu partium*, сочиненія о пульсѣ, объ элементахъ и темпераментахъ, *De symptomatum causis*, *De febribus*, *De crisisibus*, сочиненія о діететикѣ и *Methodus medendi*.

³⁾ *Val. Rose*, *Jon's Reisebilder und Johannes Alexandrinus der Arzt*, въ *Hermes*, V, ср. *Haeser*, I, 474.

видно, что Аhгоп былъ дѣльный прогностикъ и указалъ между прочимъ на опасность появленія петехіальной сыпи въ эпидемическихъ болѣзняхъ и ежедневно повторяющихся приступовъ при эпилепсіи. Онъ первый тщательнo описалъ причины оспы (разгоряченіе и воспаленіе крови и „волненіе“ желтой желчи), симптоматологію ея, прогностикъ, которую со- вѣтовалъ не ставить въ началѣ болѣзни, наконецъ леченіе. Золотуху онъ приводитъ въ связь съ плохимъ питаніемъ и дурнымъ образомъ жизни.

Въ прежнее время Аhгоп'a относили къ первой половинѣ 7 вѣка, но въ настоящее время его относятъ (Roeger) къ 5 вѣку, когда жила переводчица Pandectae на сирийскій языкъ Gosius (вѣроятно Gesius, по другимъ, еврей Maserdschaweih Ebn Dschal-schal изъ Bassra) и персидскій врачъ якобитъ Sergius (Serdschis), прибавившій къ нимъ двѣ книги и бывшій въ числѣ приближенныхъ царя Кезры¹⁾.

Павелъ Эгинскій (Paulus Aegineta, около 625—690 по Р. Х.) род. на о. Эгинѣ въ аеинскомъ заливѣ. Portal, Eloy, Dezeimeris, Briau и другіе историки, опираясь на свидѣтельство арабскаго историка, епископа и врача, Григорія Абулфараджа²⁾, принимаютъ, что онъ нѣкоторое время изучалъ медицину въ Александріи, а именно, нѣсколько ранѣе разрушенія ея, съ ея обширными библіотеками, полководцемъ Омара (634—644), Ашги, въ 640 по Р. Х. Онъ много путешествовалъ, слѣдовательно, былъ „періодевромъ“, но иногда его также называютъ „іатрософистомъ“. Блестящій періодъ его дѣятельности совпадаетъ съ царствованіемъ императора Ираклія († 641), но повидимому онъ пережилъ также Константина III, Констанція II и Константина IV Погонатоса (668—685). Gaspard Barthius, а за нимъ и Фабрицій полагаютъ, что Павелъ Эгинскій былъ христіанинъ, что не вѣроятно, но не доказано. Въ Малой Азіи онъ прославился, какъ акушеръ, каковымъ названіемъ и величаютъ его арабы („Alkawabeli“)³⁾.

Согласно Абулфараджу, Павелъ Эгинскій оставилъ 2 сочиненія: трактатъ о *женскихъ болѣзняхъ*, до насъ не дошедшій, и *медико-хирургическій компендіи* или *Сборникъ*, состоящій изъ 7 книгъ и названный имъ самимъ „памятной книгой“ (ἀπομνημα), а арабами „собраніемъ плеядъ“—по числу книгъ. Компендіи этотъ обнимаетъ отчасти медицину, но въ особенности хирургию и женскія болѣзни и носитъ названіе:

¹⁾ Тамъ же, 475.

²⁾ Gregor. Abulfarag. medici Malatiensis histor. dynast. p. 114. Ср. Hecker, II, 198.

³⁾ Ср. Тамъ же и Corlieu, l. c., p. 140.

ἑπιτομή (ιατρικῆς) βιβλία ἑπτα, compendii (medici) libri septem.

Италия: Полныя—греческія:

Παύλου Αἰγινητοῦ ἰατροῦ ἀρίστου βιβλία ἑπτα, Pauli Aeginetae *De re medica* libri septem, graece, Venet. in aedib. Aldi et Andr. Asulani soceri, 1528.

Pauli Aeginetae libri septem graece collatione vetustissimorum exemplarium emendati et restituti nec non aliquot locis aucti per Hi. Gemusaeus, Basil. ap. And. Cratandrum 1588.

Переводы: арабскіе, весьма рано, Нонейна и отчасти Rhazes'a и Avicennae, кою хирургія почти цѣликомъ взята у Павла.

Латинскіе. Тотчасъ послѣ появленія перевода Нонейна явился латинскій съ этого послѣдняго (довольно плохой), кромѣ того Dagemberg'омъ открытъ въ Monte Cassino латинскій переводъ 9 или 10 столѣтія. Далѣе слѣдуютъ:

Pauli Aeginetae medici insignis opus divinum, quo vir ille vastissimum totius artis laconica brevitate sensibus argutis, merisque aphorismis in epitomen rededit. Albano Torino Vitodurensi interprete. Basil. 1532 ap. Cratandrum et Bebelium (недост. VI кн.).

Pauli Aeginetae opus de re medica nunc primum latinitate donatum per J. Guinterium Andernacum. Paris, apud Simon Colinaeum 1532 (послѣдующія изданія: Colon. 1534, Argent. 1542, Venet. 1542 и 1554, Lugd. 1551, 1567, 1589).

Basil. 1538, per Balthasarum Lasium, переводъ Torinus'a, имъ самимъ пересмотрѣнный, съ прибавленіемъ VI книги и впоследствии имъ же изд. въ третій разъ подъ заглавіемъ: Pauli Aeginetae medicinae enchiridion. Basil. 1546, тоже 1551.

Pauli Aeginetae totius rei medicae libri VII, per Jan. Cornarium latina lingua conscripti, Basil. ap. J. Hervagium 1556 (самый лучший переводъ).

Наконецъ въ Stephani Artis medicae principes. 1567.

Англійскій: *Fr. Adams, The seven books of Paulus Aegineta.* Translated from the Greek. 3 voll. London, 1834 ap. Welsch, 1845—47 (Sydenham Society). Съ весьма цѣнными комментаріями о важнѣйшихъ предметахъ греческой медицины. Самое удобнѣйшее изданіе.

Неполныя—книги I: Guil. Corpus, Pauli Aeginetae praeccepta salubria (de tuenda valetudine). Paris ap. Stephanum 1510; Norimb. 1525 ap. Petreium вмѣстѣ съ Erasmi Roterdami encomium artis medicae; Argent. 1538 ap. Schottum, подъ заглавіемъ: Sebastiani Austrii s. Rubeaquensis de secunda valetudine in Pauli Aeginetae librum explanato; наконецъ Lugd. 1541 подъ заглавіемъ: De facultatibus alimentorum interprete Alb. Torino.

Кн. II: Pauli Aeginetae de febribus et iis, quae febribus superveniunt, liber unus, J. Guinter. interprete, nunc recens recognitus et repurgatus per Rembertum Dodonaeum, Colon. 1546.

Кн. VI: Pauli Aeginetae de chirurgia liber, J. Bernardo Feliciano interprete, accedunt Albani Torini castigationes in suam P. A. tralationem, Basil. ap. Cratandrum et Bebelium, 1533.

Французскіе переводы: Pierre Tolet, Lyon, 1539.

Simon Pietre, въ *Chirurgie française* Dalechamps'a, Paris, 1610.

René Briaux, *La Chirurgie de Paul d'Égine*; съ греч. текстомъ, Paris, 1855.

Кн. VII: Pauli Aeginetae pharmaca simplicia Othone Brunfelsio interprete, Argent. 1531, Paris, 1582.

Кромѣ того отдѣльно: De crisi et diebus decretoriis et eorum signis (вм. съ Actuarius, de urinis) interprete Linacro, Basil., 1529.

De ponderibus et mensuris interprete Cornaro. Basil. 1533.

Camper, Paulus von Aegina Abhandlungen über die Fisteln u. Vorfälle des Afters, übersetzt u. erläutert von Pet. Camper; aus dem Holländischen, Leipz. 1781.

Пояснительныя сочиненія:

Ch. Oroscius, annotatianes in interpretes Paul. Aeginetae, Venet. 1586.

Henr. Eggeling, disp. qua quanta ex lectione Pauli Aeginetae utilitas speranda sit declaratur. Francofurti ad Viadr. 1541.

H. Gemüsaei annotatianes in libros Pauli Aeginetae omnes. Basil. 1543.

J. Ern. Hebenstreit, περί ἀναφωνήσεως, de declamatione, antiquae gymnasticae parte, ad P. A. l. I, c. 19 progr. Lipsiae, 1753.

Rudolf. Augustin. Vogel, De Pauli Aeginetae meritis in medicinam imprimisque chirurgiam prolusio I et II, Gottingae, 1768, 1769.

Car. Glo. Kühn, Progr. de additamentis quibusdam, quae in cod. msto. Pauli Aeginetae a Scaligero reperta fuerunt, num ad hujus medici secundam editionem, ab auctore ipse factam, concludi possit, quaeritur. Lipsiae. 1828. Scripta erant a Scaligero ad marginem editionis Aldinae, sumta e cod. msto. exemptum illud ed. Ald. asservatur in bibl. Havniensi¹⁾.

Компендию Павла Эгинскаго есть, по его собственному опредѣленію, не болѣе, какъ медицинскій мемуаръ, долженствовавшій составить нѣчто среднее между обширнымъ *Synagoge* и краткимъ *Synopsis* Орибазія и предназначенный для врачей, пренебрегающихъ изученіемъ древнихъ, съ цѣлью дать имъ годный для обученія очеркъ всей медицины (σύντομος ἡράν διδασκαλίας), какъ видно изъ предисловія:

„Я составилъ это сочиненіе не потому, что древними пропущено что либо необходимое для искусства, а для того, чтобы имѣть сводъ положеній науки; ибо, наоборотъ, все совершенно и въполнѣ выработано ими. Между тѣмъ новѣйшіе не только не стараются освоиться съ древними, но еще обвиняютъ ихъ въ болтливости. Я поэтому составилъ это сочиненіе съ тѣмъ, чтобы оно служило памятной книгой (υπόμνημα), конечно, для желающихъ, а также для собственного моего упражненія“... „Весьма трудно однако и даже невозможно удержать въ памяти всѣ врачебные методы или всѣ ихъ мелкія подробности. Вотъ почему я составилъ, по сочиненіямъ древнихъ, этотъ сокращенный сборникъ. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мною приведены не собственные мои взгляды, за исключеніемъ небольшого количества вещей, видѣнныхъ и испытанныхъ мною лично въ практикѣ искусства. Прочитавъ большинство лучшихъ авторовъ, въ особенности Орибазія, который самъ собралъ у другихъ всю книгу, въ которой онъ представилъ подробную картину средствъ, служащихъ для сохраненія здоровья, ибо онъ жилъ послѣ Галена и даже въ болѣе новѣйшую эпоху, — я съ своей стороны выбралъ все, что есть лучшаго у этихъ авторовъ, стараясь по возможности не пропустить ни одной болѣзни“.

„Hedomecontabiblon Орибазія дѣйствительно обнимаетъ весь матеріалъ искусства, но не всѣ могутъ себѣ прибрѣсть это сочиненіе, вслѣдствіе его громаднаго объема. Что касается сокращенія этой книги [*Synopsis*], написаннаго имъ для своего сына Евстата, то въ немъ не только пропущено множество болѣзней, но разборъ другихъ остается здѣсь неполнымъ, какъ по отношенію къ этиологій, такъ и къ діагностикѣ. Иногда же здѣсь не

¹⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, 141—144.

найти даже самого необходимаго для леченія, равно какъ и другихъ вещей, о которыхъ слѣдовало упомянуть⁴.

„Предлагаемый же трудъ содержитъ діагностику, причины и лечение всѣхъ болѣзней подобныахъ тканей, органическихъ (*органікѡν*), или относящихся къ нарушеніямъ цѣлости, и притомъ не только въ видѣ обзора, но въ возможно обширномъ объемѣ. До того же изложенъ весь режимъ, съ помощью коего сохраняется здоровье, и подъ конецъ разсмотрѣны простыя и сложныя лекарства“¹).

Изъ сказаннаго видно, что сочиненіе Павла Эгинскаго — такая же компиляція, какъ и сочиненія Орибазія и Аэціи. Между ними, по словамъ Haeser'a, есть однако и разница. Въ то время какъ эти послѣдніе только копируютъ и дѣлаютъ извлеченія изъ своихъ источниковъ, сочиненіе Павла Эгинскаго, не смотря на широкое пользованіе предшественниками, представляетъ собою свободный и самостоятельный трудъ, въ которомъ на каждомъ шагу бросаются въ глаза какъ сужденіе автора, такъ и собственныя его наблюденія²).

Иначе думаетъ Dagemberg. Опираясь на собственное признаніе Павла Эгинскаго, Д. доказываетъ, что его медико-хирургическое руководство не представляетъ и ничего оригинальнаго, что Павелъ Эгинскій составилъ его по сочиненіямъ древнихъ, сдѣлавъ отъ себя лишь нѣсколько прибавленій изъ собственныхъ наблюденій, ибо онъ не настолько смѣлъ, чтобы допустить, что древніе могли „пропустить что-либо необходимое для искусства“ (см. выше его предисловіе). По словамъ Павла, онъ дѣлалъ извлеченія изъ Галена, Орибазія и *лучшихъ авторовъ*; но эти лучшіе авторы — тѣ, у коихъ сдѣлалъ свои позанмствованія и Орибазій, съ тою только разницею, что Павелъ не называетъ по имени ни ихъ, ни „*новѣйшихъ*“, т. е., тѣхъ, которые писали послѣ Орибазія и коихъ мнѣнія тамъ и самъ приводятся Павломъ Эгинскимъ. По мнѣнію Dagemberg'a, изъ 7 книгъ, составляющихъ сочиненіе Павла Эгинскаго, одна только кн. VI имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что источники, по которымъ она составлена, частью погибли; остальные же книги могли бы исчезнуть съ лица земли безъ особеннаго ущерба для науки, такъ какъ разсматриваемыя въ нихъ предметы гораздо лучше обработаны другими авторами. Павелъ, говоритъ Dagemberg, — не болѣе какъ блѣдный сократитель или рабскій копировщикъ, къ тому же не всегда понимавшій сокращаемыхъ имъ авторовъ. Тщательное сравненіе руководства Павла Эгинскаго съ сочиненіями Орибазія привело Dagemberg'a къ слѣдующему выводу: изъ 99 главъ I книги, 48 или 50 скопированы большею частью буквально изъ *Synopsis* I. V Орибазія, нѣсколько другихъ заимствованы изъ *Euporista* того же автора, остальные же большею частью составляютъ болѣе или менѣе дословныя извлеченія изъ Галена. Въ кн. II тоже имѣетъ мѣсто больше чѣмъ для половины составляющихъ ее 61 главы. Въ кн. III, состоящей изъ 81 главы, сходство съ *Synopsis* не такъ очевидно, но зато здѣсь замѣтно широкое пользованіе Галеномъ и, вѣроятно, утраченными книгами *Сборника* Орибазія. Такимъ образомъ, говоритъ Dagemberg, почти въ половинѣ главъ первыхъ трехъ книгъ руководства Павла Эгинскаго не только текстъ Орибазія можетъ служить для составленія текста Павла Эгинскаго и наоборотъ, но оба текста могутъ безразлично быть замѣщены одинъ другимъ. Что касается встрѣчающихся въ 41 и 66

1) Pauli Aegintae de re medica, praefatio.

2) Ср. Haeser, I, 464.

главахъ кн. I выраженій: „я видѣлъ одержимаго“ и т. д., или „я дѣлаю то-то“, то они принадлежатъ Галену и суть буквальные копии съ Орибазія, съ тою только разницей, что послѣдній въ каждой главѣ имѣетъ привычку называть автора, у котораго дѣлаетъ позавиствованія, Павелъ же Эгинскій дѣлаетъ это чрезвычайно рѣдко, иногда даже ставитъ „я“ тамъ, гдѣ Галенъ выражается безлично. Наконецъ, даже при составленіи VI книги Павелъ Эгинскій, по мнѣнію Dagemberg'a, широко пользовался, иногда не вполнѣ усвоивъ себѣ предмета, *Сборникомъ* Орибазія и только утрата многихъ хирургическихъ книгъ послѣдняго не позволяетъ дѣлать сопоставленій, но именно эта-то утрата и придаетъ значеніе VI книгѣ Павла Эгинскаго, этого, отчасти по крайней мѣрѣ, единственнаго письменнаго памятника, позволяющаго прослѣдить исторически ходъ развитія хирургіи, начиная отъ Цельса и до момента перехода ея въ руки византійскихъ врачей¹⁾.

Дальнѣйшее изложеніе, однако, покажетъ, что приговоръ D a g e m b e r g'a въ общемъ хотя и правдивъ, но все же слишкомъ суровъ, такъ какъ отрицать заслуги П а в л а Э г и н с к а г о, по крайней мѣрѣ въ области *хирургіи*, было бы слишкомъ явной несправедливостью.

Содержаніе 7 книгъ Павла Эгинскаго, вкратцѣ, слѣдующее:

Кн. I рассматриваетъ все, касающееся гигиены по отношенію къ возрастамъ, временамъ года, темпераментамъ, пищѣ, бодрствованію, сну и половымъ отправлениямъ. Здѣсь рѣчь идетъ о діететикѣ беременныхъ, питаніи и воспитаніи дѣтей, важнѣйшихъ дѣтскихъ болѣзняхъ, о растираніяхъ, гимнастикѣ, діететикѣ старческаго возраста, кожи, всякаго рода выдѣленіяхъ, путешествіяхъ сухопутныхъ и морскихъ. Далѣе тутъ идетъ рѣчь объ утомленіи, пьянствѣ, солнечномъ ударѣ, мѣсячногонныхъ и потогонныхъ средствахъ, водахъ, купаньяхъ и т. п.

Кн. II занимается патологіей, ученіемъ о лихорадкахъ и ихъ разновидностяхъ, причинахъ, прогностикѣ, кризисахъ, характеризующихъ ихъ симптомахъ и леченіи.

Кн. III содержитъ описаніе болѣзней въ топографическомъ порядкѣ.

Кн. IV занимается весьма подробно наружными болѣзнями, а именно болѣзнями кожи, нарывами, гангреней, ракомъ, поврежденіями, язвами, свищами, кровотечениями, глистами и т. д. По поводу язвъ Павелъ обращаетъ вниманіе на различныя причины ихъ упорнаго незаживленія (отъ страданія костей или отъ глубокихъ измѣненій конституціи).

Кн. V посвящена медикаментамъ и ядамъ, въ особенности животнымъ (отъ укушеній).

Кн. VI содержитъ *хирургію*.

Кн. VII, самая объемистая, рассматриваетъ простыя и сложныя лекарства и ихъ свойства.

Самая драгоцѣнная изъ этихъ книгъ, несомнѣнно—шестая, представляющая весьма обстоятельное *resumé* хирургіи 7 вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Ср. D a g e m b e r g, La médecine, histoire et doctrines, Paris, 1865, pp. 118—119

обзоръ ея успѣховъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ вплоть до Павла Эгинскаго. Интересно, что приведеннымъ уже выше (см. *Орибазія*) постановленіемъ старинной *faculté de médecine* отъ 11 іюля 1607 г. предписывалось преподавать хирургию по этой книгѣ Павла Эгинскаго ¹⁾. Это и неудивительно, такъ какъ здѣсь вся почти греческая хирургія изложена впервые врачомъ, посвятившимъ себя преимущественно этой отрасли медицины. Но такъ какъ многое собрано имъ и въ другихъ отрасляхъ медицины, то мы сначала рассмотримъ собранныя имъ данныя изъ области послѣднихъ, а затѣмъ уже перейдемъ къ изложенію его заслугъ въ излюбленной имъ хирургіи.

Частная патологія и терапія *внутреннихъ болѣзней* у Павла Эгинскаго какъ и вообще отдѣлы, не относящіеся къ хирургіи, много уступаютъ въ оригинальности тѣмъ же отдѣламъ у Александра изъ *Tralles'a*. Тѣмъ не менѣе онъ нѣсколько приближается къ послѣднему, судя по хотя и не столь многочисленнымъ, разсѣяннымъ тамъ и сямъ, но вполне самостоятельнымъ наблюденіямъ. Къ ученію о лихорадкѣ, правда, онъ ничего не прибавилъ, зато находимъ у него множество дѣльныхъ практическихъ замѣчаній по отношенію къ другимъ болѣзнямъ. Такъ онъ рекомендуетъ при жиганіе исходныхъ точекъ аугае при *эпилепси*, причемъ, кромѣ *Lepidium* Александра, онъ примѣнялъ также и мушки ²⁾. Точно также онъ подтверждаетъ наблюденія Александра относительно выхаркиванія легочныхъ камней, въ особенности при кровохарканіи, и изъ многихъ видѣнныхъ имъ подобныхъ случаевъ сообщаетъ объ одномъ, въ которомъ вслѣдъ за отдѣленіемъ 4—5 камней развилась чахотка ³⁾. Ему также были извѣстны виварныя кровохарканія при остановкѣ геморроидальныхъ и мѣсячныхъ кровотеченій ⁴⁾, а равно примѣсъ гноя въ мочѣ при переносѣ чахотки на мочевой пузырь, причемъ онъ принималъ, въ видѣ осторожнаго предположенія, что гной попадаетъ туда, быть можетъ, черезъ соединительные кровеносные сосуды (*μεταλήψις δι' ἀγγείων τιτύου*) ⁵⁾. Далѣе, онъ одинъ изъ первыхъ дѣлалъ (хотя и недостаточныя) наблюденія надъ болѣзнями сердца; такъ онъ говоритъ о „рожистыхъ“ воспаленіяхъ сердца, не менѣе смертельныхъ, чѣмъ его раненія,

¹⁾ Ср. Corlieu, *Les médecins grecs etc.* Paris, 1885, p. 142.

²⁾ *Pauli Aeginetae de re medica*, l. III, c. 13, interprete Guintero Andernaco. Lugd. 1567, p. 246. За нѣкоторыми исключеніями, мы вслѣдъ цитируемъ по этому изданію.

³⁾ Тамъ же, l. III, cc. 28 и 31, p. 320. ⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, l. III, c. 32, p. 325 (ed. Basil. 1538, p. 90).

о сердцебіеніи вслѣдствіе полнокровія, обморокахъ при малокровіи и опасности разстройствъ смѣшенія крови при лихорадочныхъ болѣзняхъ (очевидно, подобно Галену и Александру, полагая мѣстопробываніе лихорадки въ сердцѣ)¹⁾. Воспаленіе легочной плевры въ случаяхъ, гдѣ примѣненіе кровопусканій встрѣчало препятствія, онъ лечилъ отвлекающимъ способомъ, посредствомъ острыхъ промывательныхъ; при этомъ встрѣчаемъ строгое разграниченіе этой болѣзни отъ мышечнаго ревматизма или „ложнаго плеврита“ (*μη κυρίως πλευρίτις*)²⁾. Понятіе о происхожденіи катарровъ дыхательныхъ путей отъ истеканія слизи изъ головы (мозга) сохранилось и у Павла Эгинскаго³⁾.

Lienteria различалась имъ 2 родовъ: отъ слабости желудка (*κατὰ χροῖα δύναμις*) и отъ кишечныхъ язвъ и рубцовъ, какъ послѣдствій кроваваго поноса⁴⁾. Ему были также извѣстны язвы желудка⁵⁾, равно какъ и различіе между воспалительными и кахектическими водянками⁶⁾. Замѣчательнѣе его вѣрный, провнцательный взглядъ на свойство и происхожденіе подагры, которую онъ производитъ отъ извѣстной слабости сочлененій и болѣзнетворнаго вещества, образующагося отъ избытка пищи при уменьшеніи ассимилирующей силы (*altrix facultas, θρεπτικῆ δύναμις*), лѣнливомъ образѣ жизни и часто повторяющихся разстройствахъ желудка. Это болѣзнетворное вещество, которое онъ, вмѣстѣ съ Александромъ изъ Tralles'a, представляетъ себѣ состоящимъ, смотря по мѣсту пораженія, то изъ крови, то изъ желтой, то изъ черной желчи, обыкновенно же изъ слизи, притягивается и отлагается, по мнѣнію Павла, не только въ ослабленныхъ составахъ, какъ мѣстахъ наименьшаго сопротивленія („*quotiens offensum corpus est, vitiosa pars maxime sentit*“ Цельса⁷⁾), *loci minoris resistentiae* новѣйшихъ), но и во внутреннихъ органахъ (печени, селезенкѣ) и не щадитъ даже шеи, ушей и зубовъ⁸⁾. Весьма вѣрно изображается имъ происходящая отъ подагры *Ischias* (которую онъ различаетъ *antica* и *postica*), какъ боль, распространяющаяся то отъ ягодичной области той или другой стороны, то отъ сѣдалищной кости на переднюю или заднюю поверхность бедра вплоть до колѣна и стопы; здѣсь онъ примѣнялъ кровопусканіе изъ руки или въ области лодыжекъ, приставленіе кровососныхъ банокъ, пьавокъ, а также 3—или 4-кратное прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ⁹⁾. При этомъ встрѣчаемъ у него указанія

¹⁾ Тамъ же, I, III, с. 34, ed. Lugd. 1567, p. 329. ²⁾ Тамъ же, I, III, с. 33, p. 327.

³⁾ Тамъ же, I, III, сс. 24, 28.—Это и неудивительно, если вспомнить, что понятіе это перешло и въ обиходный языкъ современныхъ французовъ (*rhume de cerveau*).

⁴⁾ Тамъ же, I, III, с. 40, p. 341. ⁵⁾ Тамъ же, I, III, с. 37, p. 336.

⁶⁾ Тамъ же, I, III, сс. 47, 48. ⁷⁾ *Celsi de medicina*, I, I, с. 9.

⁸⁾ *Pauli Aeginet*, I, III, 78, p. 422. ⁹⁾ Тамъ же, I, с., I, III, с. 77, p. 419—421.

и на употреблявшіяся въ его время эмпирическія средства, напр. купанье въ маслѣ, въ которомъ вываривались мертвыя или брошенныя туда живыя лисицы и гіены ¹⁾.

Весьма загадочна крайне неясно описываемая имъ э п и д е м и ч е с к а я к о л и к а (нѣчто въ родѣ *Raphaniae*), распространившаяся въ его время по всей Италиі и другимъ странамъ съ исходомъ въ „эпилепсію“, оканчивавшуюся большею частью смертью, и „параличь“, переходившій обыкновенно въ выздоровленіе. Неизвѣстно, была ли эта болѣзнь заразная, хотя Павелъ и говоритъ о ея распространеніи, подобно чумѣ (*κατά λοιμικήν τὴν ἀμετάδοσιν*). Неизвѣстный итальянскій врачъ, котораго онъ не называетъ по имени, будто бы успѣшно ее лечилъ при помощи прохлаждающей діеты ²⁾.

Что касается гельминтологіи, то онъ, вмѣстѣ съ пневматикомъ Геродотомъ, считаетъ ленточную глисту за куски перерожденной слизистой оболочки кишекъ ³⁾, но зато находимъ у него описаніе нитчатки подъ кожей (*Filaria medinensis*), изъ котораго видно, что она была извѣстна уже Сорану и Leonides'у ⁴⁾.

Сообщенія его о Phrenitis не могутъ идти въ сравненіе съ таковыми же Александра, впрочемъ онъ строго отличаетъ обыкновенный лихорадочный бредъ отъ этой болѣзни, которую считаетъ воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ и мозга или противоестественнымъ ихъ разгоряченіемъ, причеиъ, подобно другимъ древнимъ врачамъ, все еще не можетъ отрѣшиться отъ представленія о ней, какъ о сочувственномъ страданіи, исходящемъ отъ діафрагмы ⁵⁾. Точно также онъ, подобно Аэцію, говоритъ еще о болѣе глубокомъ воспаленіи мозга, ведущемъ къ лопаніи швовъ, и поверхностномъ „рожистомъ“ ⁶⁾. Зато sagus онъ справедливо приводитъ въ связь съ давленіемъ на мозгъ отъ переломовъ черепа и поврежденій его инструментомъ „meningophylax“ при трепанаціи ⁷⁾.

Для нервныхъ болѣзней имъ вообще сдѣлано весьма немного. Такъ онъ не былъ даже знакомъ съ открытымъ Теофиломъ обонятельнымъ нервомъ, вслѣдствіе чего потерю обонянія объяснялъ прямо пораженіемъ переднихъ мозговыхъ желудочковъ ⁸⁾. Далѣе, параличь онъ объяснялъ, по общепринятому мнѣнію, закупориваніемъ сосудовъ (*ἔμφραξις*) ⁹⁾, страстную любовь онъ считалъ болѣзнію мозга ¹⁰⁾ и описываетъ часто встрѣчавшуюся въ его время психическую болѣзнь (*ἐνθεατικὴ* Платона), находившуюся въ связи съ высшими силами и позволявшую предсказывать будущее ¹¹⁾.

1) Тамъ же, с. 78, р. 430. 2) Тамъ же, сс. 19 и 43, р. 350.

3) Тамъ же, I. IV, с. 57, р. 514. 4) Тамъ же, с. 58, 5) Тамъ же, I. III, с. 6, р. 232.

6) Тамъ же, сс. 7 и 8. 7) Тамъ же, с. 9, р. 237. 8) Тамъ же, с. 24, р. 294.

9) Тамъ же, с. 18. 10) Тамъ же, с. 17. 11) Тамъ же, с. 14, р. 249.

Ударъ онъ лечилъ кровопусканіями, въ которыхъ прибѣгалъ и въ другихъ болѣзняхъ, ограничивъ ихъ примѣненіе у стариковъ свыше 60 и у дѣтей моложе 14 лѣтъ¹⁾. *Hydrocephalus* онъ различаетъ 3 родовъ: между кожей и надчерепной плевою, между послѣдней и костью и между костью и твердой мозговой оболочкой, при каковой формѣ всякое оперативное вмѣшательство непозволительно²⁾.

Cyphilitologia у Павла Эгинскаго изложена довольно обстоятельно, хотя специфическія свойства и заразительность относящихся сюда заболѣваній ему были неизвѣстны. Онъ наблюдалъ разъѣдающія язвы (*υρη*) половыхъ органовъ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, не воспалительныя язвы, а также влажныя и сухія, углубленныя и возвышенныя язвы (*βύμος*) или бодиломы на головкѣ и на крайней плоти, иногда во многихъ экземплярахъ, наконецъ разращенія какъ надѣтородныхъ губахъ, такъ и на крайней плоти. Лечение ихъ состояло въ мѣстномъ примѣненіи при невоспалительныхъ язвахъ *Aloës*, *Pompholyx*, *lapis haematites*, при разъѣдающихъ язвахъ (*υρη*) въ прикладываніи припарокъ изъ гранатовой корки и чечевицы, прижиганіяхъ ѣдеими средствами, а при злокачественномъ характерѣ—раскаленнымъ желѣзомъ, наконецъ при возвышенныхъ язвахъ и кондиломахъ у мужчинъ и женщинъ—въ вырѣзываніи и заживленіи потомъ раны вяжущими средствами³⁾. Перелой онъ описываетъ вѣрно, отличаетъ его отъ сперматорреи (которую по все еще принятому обычаю называетъ „*gonorrhoea*“) и производитъ отъ изъясненія мочеиспускательнаго канала, причемъ, конечно, настоящей его причины не зналъ. Интересно однако, что при леченіи перелоя онъ вводилъ турунды, смазанныя различными составами („*tenue linamentum tortile unctum imponitur*“), въ томъ числѣ и свицовыми⁴⁾—способъ, сильно напоминающій нынѣшнюю мѣстную терапію перелоя.

Изъ *сытныхъ* болѣзней, описываемыхъ имъ, какъ сказано, весьма подробно, онъ въ особенности останавливается на проказѣ, которую считаетъ заразительной, подобно чумѣ (*εὐμετάδοτος πάθος*) и доступной леченію только вначалѣ (кровопусканія, прижиганіе головы раскаленнымъ желѣзомъ и различныя лекарства внутрь)⁵⁾. Далѣе рассматриваются по по-

¹⁾ Тамъ же, I. III, с. 18, 256 и I. VI, с. 40, 596.

²⁾ Тамъ же, с. 3, 560.

³⁾ Тамъ же, I. III, с. 59, 388, I. IV, с. 44 и I. VI, с. 58 и с. 71.

⁴⁾ Тамъ же, I. III, с. 59, 388, 389.

⁵⁾ Тамъ же, I. IV, с. 1.

ряду psoriasis, pruritus, leuce, alphas albus et niger, stigmata (рубцы), exanthemata (pituitae eruptiones), epinuctides (ночные прыщи), pustulae s. phlyctaenae, ожоги, ссадины (apositymata, abrasa), intertrigo, fornicia (мурмезион, широкія бородавки), verruca (acrochordon, висящія узкія б.), ganglion, phlegmone, нарывы, гангрена, рожа, herpes, воспаление железъ (bubo, phuma, phugelion), фурункулъ (ζοφίτην), terebinthus Орибазія (нарывъ съ черной пустулой), карбункулъ, ракъ, скирръ, зобъ, oedema, подкожная эмфизема, экхимозы, favus, язвы ¹⁾.

Фармакологія и *токсикологія* Павла Эгинскаго, которымъ посвящены книги V и VII, основаны на Dioscoridѣ, причемъ, пройдя молчаніемъ описанныя уже послѣднимъ растенія, онъ даетъ зато описаніе такихъ цѣлебныхъ растеній, коихъ нѣтъ ни у Dioscorida, ни у Плинія, ни у Галена (Haeser). Далѣе, онъ первый рекомендуетъ опиій (paraveris lacrimae) при столбнякѣ ²⁾ и съ легкой руки методической школы распространилъ примѣненіе вяжущихъ при многихъ болѣзняхъ, какъ напр. квасцовъ и свинцовыхъ препаратовъ при зловонныхъ потахъ ³⁾, припаровъ изъ гранатовой корки и примочекъ изъ винныхъ отваровъ галлусовыхъ орѣшковъ при кишечныхъ и сальниковыхъ грыжахъ ⁴⁾, причемъ однако накладывалъ еще грыжевой бандажъ (τριώνυον ἐπίδέσμον), изобрѣтенный для этой цѣли уже александрійцами ⁵⁾.

Гигіена занимаетъ у него всю кн. I, гдѣ въ сжатомъ видѣ собрано почти все, что древніе и ближайшіе къ нему предшественники писали о діететикѣ беременныхъ, о кормилицѣ и вообще о питаніи и воспитаніи дѣтей, о главнѣйшихъ дѣтскихъ болѣзняхъ (сыпяхъ, кашлѣ, зудѣ десенъ, прорѣзываніи зубовъ, афтахъ, intertrigo, течи изъ ушей, syriasis), далѣе о гигиенѣ всѣхъ возрастовъ, въ особенности старческаго (с. 23), о разныхъ видахъ гимнастики, массажа, натираній, о гигиенѣ кожи, зубовъ, слуха, зрѣнія, пищеваренія, половой жизни, далѣе о купаніяхъ, гигиенѣ рабочихъ, образѣ жизни въ различныя времена года, во время морскихъ путешествій и на сушѣ, при тучности и исхудалости, при различныхъ темпераментахъ и неправильныхъ смѣшеніяхъ крови, о различныхъ родахъ пищи какъ растительной, такъ и животной, о напиткахъ, о снѣ, бодрствованіи, сопорозномъ состояніи. Здѣсь, между прочимъ, есть также главы: de animalibus (с. 82—84) и de partibus animalium (с. 85) въ кулинарномъ и питательномъ отношеніяхъ, наконецъ въ заключеніе воспроизведено письмо Діоклеса — *Epistola, ad valetudinem tuendam conscripta* (с. 100).

¹⁾ Тамъ же, I. IV, сс. 2—50. ²⁾ Тамъ же, I. III, с. 20, 265.

³⁾ Тамъ же, I. III, с. 36, 333. ⁴⁾ Тамъ же, I. III, с. 53, 382. ⁵⁾ Тамъ же, 382 внизу.

Изъ другихъ отраслей медицины слабѣе обработана

Otiatpía, въ области которой ему были извѣстны врожденныя и приобретеныя зараженія наружнаго слуховаго канала отъ язвъ и мясистыхъ опухолей (полиповъ), при коихъ примѣнялъ цѣлесообразное лечение. Инородныя тѣла изъ уха онъ извлекалъ пинцетомъ, встряской головы, черезъ герметическую трубку (*καλαρίς*) посредствомъ аспираціи или же черезъ полулунный разрѣзъ ¹⁾. Далѣе разсматриваются

Болезни зубовъ и рта (*epulis, ragulis*, срращеніе языка), причемъ встрѣчаемъ указаніе на необходимость вывиханія и выдергиванія зуба однимъ инструментомъ, а также на отпиливаніе длинныхъ зубовъ ²⁾.

Болезни носа изложены на основаніи предшествовавшихъ ему наблюдений. Полипы простые онъ удалялъ ножомъ, „ракообразные“—раскаленнымъ желѣзомъ или ниткой съ многочисленными узлами ³⁾.

Офтальмиатрія изложена у Павла Эгивскаго на основаніи прежнихъ и собственныхъ наблюдений съ возможной для его времени полнотой ⁴⁾.

Здѣсь вратцѣ излагаются боли въ глазахъ и ихъ причины, *lippitudo*, воспаленія глазъ, *chemosis*, разрывъ сосудовъ и развитіе газовъ (*hyposphagma, emphysema*), *prago—scelero—* и *xerophthalmia*, *ectropium*, *aegilops*, *trachoma*, *chalazion*, *crithe* (нарывчики), *pediculi palpebrarum*, *madarosis*, *ptilosis* (утолщеніе вѣкъ), *trichiasis*, *encanthis*, язвы *corneae*, *proptosis* (*pralapsus iridis*), *unguis*, *phlyctaeanae*, *nuheculae et albugines* (*leucomata*), *pterygium*, *carbunculus et carcinoma*, *mydriasis*, *phthisis* [*pupillae*] et *atrophia* (всего глаза), *puscatopia*, *glaucoma et suffusio*, *amaurosis* (*obscuritas*), *amblyopia* (*hebetudo*), *strabismus*, *επιεστρός* (*oculorum expressio*), *confusiones*, *myopia* ⁴⁾.

При этомъ однако замѣтенъ весьма незначительный шагъ впередъ за весь 600-лѣтній періодъ, считая отъ Цельса, что доказываютъ описываемыя имъ по Галену болѣзни вѣкъ и обусловливаемыя послѣдними операци ⁵⁾. Здѣсь встрѣчаемся съ такими курьезами, какъ примѣненіе помага крокодила при помутнѣніяхъ роговицы, крови клопа или лягушки при *Trichiasis* и т. д. Цѣлесообразенъ, однако, его совѣтъ надѣвать маску съ соответственными отверстиями для глазъ при *косоглазїи* ⁶⁾. Какъ мало офтальмиатрія подвинулась впередъ, видно даже изъ описываемой имъ операци катаракты:

„Больнаго усаживаемъ съ лицомъ, обращеннымъ къ свѣту, но такъ, чтобы на него не падали солнечныя лучи, здоровый глазъ тщательно закрываемъ бинтомъ и, отгнупъ вѣки, отмѣриваемъ отъ [края] радужной оболочки въ меньшемъ [наружномъ] углу глаза пространство, равное протяженію пуговицы зонда. Здѣсь мѣсто, назначенное для введенія, намѣчиваемъ, уколовъ остриемъ катарактиной иглы (*παρακλυστήριον*). Правый глазъ оперируется лѣвой, лѣвый правой рукой. Затѣмъ, введя вращательнымъ движеніемъ острие округленной на своемъ концѣ иглы (*ἀναστρέφαντες*), втыкаемъ ее съ силой въ означенное мѣсто до тѣхъ поръ, пока попадемъ въ пустое пространство. Мѣркой глубины укола должно служить разстояніе зрачка отъ [края] радужной оболочки [ширина радужной обо-

¹⁾ Тамъ же, I, VI, сс. 23, 24, 580, 581. ²⁾ Тамъ же, I, III, с. 26, I, VI, сс. 27, 28.

³⁾ Тамъ же, I, III, с. 24. I, VI, с. 25, 582. ⁴⁾ Тамъ же, I, III, с. 22, pp. 268—282.

⁵⁾ Тамъ же I, VI, с. 8. ⁶⁾ Тамъ же, I, III, с. 22, p. 282.

лочки]. Послѣ того, проведши иглу къ верхнему краю катаракты, ибо стальной инструментъ явственно видѣнъ по причинѣ прозрачности роговицы, подаемъ катаракту ... правленію въ нижележащее мѣсто. Послѣ низведенія ея, спокойно выжидаемъ короткое время; если она снова поднимется, мы тотчасъ опять низводимъ ее. По изданіи катаракты, медленно и вращательными движеніями выводимъ иглу¹⁾.

Очевидно, Павелъ Эгинскій описываетъ способъ низдавленія катаракты. Первые попытки смотрѣть разрѣшались только 7 дней спустя послѣ операціи.

Гинекологія и акушерство разсматривались Павломъ Эгинскимъ особомъ, нынѣ утраченномъ сочиненіи, которое пользовалось большимъ успѣхомъ у арабовъ. Отдѣлы, посвященные имъ этому предмету въ сочиненіи *Сборникъ*, а именно многія главы книгъ III и VI, свидѣтельствуютъ о весьма незначительныхъ успѣхахъ въ этой области сравнительно съ Сораномъ, на котораго онъ преимущественно опирается въ своихъ изложеніяхъ. Въ кн. III разсматриваются: менструація, которая согласно Павлу продолжается между 15—50, рѣже между 12—60 годми²⁾, двѣ причины воспаленія матки, которыя бываютъ либо отъ травматическихъ причинъ, либо отъ остановки мѣсячныхъ, либо отъ выкидыша, либо отъ пуэрперальныхъ, причемъ онъ различаетъ симптомы, смотря по пораженію маточнаго рыльца, стѣнокъ, дна или же всей матки и хотя прибѣгала къ кровопусканіямъ изъ руки, но не раньше, какъ послѣ 3-дневнаго поста³⁾. При леченіи разстройствъ менструаціи онъ руководствовался правиломъ действовать противъ болѣзненнаго состоянія всего организма. Главнымъ средствомъ противъ обильныхъ мѣсячныхъ состояло въ перевязываніи членовъ⁴⁾, рекомендованномъ, еще Хризиппомъ, способъ, котораго придерживались всѣ древніе врачи. Вообще при изслѣдованіи матки Павелъ пользовался маточнымъ зеркаломъ (*διωκτρίσιμος*)⁵⁾, при помощи коего разсматривалъ мастерски описываемые имъ переходъ воспаленія въ нагноеніе, зараженія и затвердѣлости (отъ воспаленія), разрывы, раженія (*κονδύλωματα*) и варикозныя расширенія сосудовъ влагалища и матки („геморрой“), каковыя измѣненія лечилъ вырѣзываніемъ или жужуцами⁶⁾, и ракъ, который вмѣстѣ съ Гиппократомъ считалъ неизлечимымъ⁷⁾. Точно также онъ съ знаніемъ дѣла описываетъ выпаденіе матки, бесплодіе и истерику, при коей примѣнялъ перевязываніе членовъ⁸⁾, наконецъ нимфоманію, при которой первый производилъ вырѣзываніе похотника⁹⁾. Въ главѣ, занимающейся нарывами матки (см. выше), онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ примѣненіе маточнаго зеркала:

¹⁾ Тамъ же, I. VI, с. 21, р. 578. ²⁾ Тамъ же, I. III, с. 61. ³⁾ Тамъ же, I. III, с. 64.

⁴⁾ Тамъ же, I. III, с. 62. ⁵⁾ Тамъ же, с. 65. ⁶⁾ Тамъ же, I. III, сс. 73, 75, I. VI, сс. 71, 72.

⁷⁾ Тамъ же, I. III, с. 67. ⁸⁾ Тамъ же, сс. 72, 74 и 71. ⁹⁾ Тамъ же, I. VI, с. 70.

„Женщину помѣщаютъ на високомъ креслѣ съ пригнутыми къ животу ногами и раздвинутыми бедрами. Руки подводятся подъ колѣнныя ямы, гдѣ укрѣпляются бинтами, которые обводятъ вокругъ шеи въ видѣ петли. Операторъ садится справа и вводитъ зеркало (διопτρί(ε)τω), соразмѣрное возрасту больной. Вводящій зеркало (διопτρί(ζ)ων) долженъ измѣрять глубину влагалища зондомъ, дабы не придавливать матки, если каналъ (λωτός) зеркала слишкомъ большой [длинный]. И если окажется, что каналъ зеркала длиннѣе, чѣмъ влагалище, то на большія дѣтородныя губы кладутъ компресси, на которые опирается зеркало. Вводитъ его слѣдуетъ такъ, чтобы часть, на которой находится винтъ, была обращена вверхъ (1). Инструментъ придерживается операторомъ, а винтъ закручивается помощникомъ, черезъ что вѣтви (ἐλάσματα) удаляются одна отъ другой и расширяютъ влагалище“ 1).

Что касается акушерскихъ операций, то у Павла описываются только извлеченіе мертваго плода, эмбриотомія и удаленіе послѣда, причѣмъ по поводу эмбриотоміи встрѣчаемъ намеки на эклампсію родильницъ 2). Интересныя подробности онъ сообщаетъ объ эмбриульци 3), которая впослѣдствіи подала мысль къ устройству щипцовъ, но тѣмъ непростительнѣе ему, что при предлежаніи *ручекъ* или *ножекъ* онъ прибѣгалъ къ ихъ *ампутации*:

„Si autem manus objecta fuerit, nec propter obstructionem queat converti, circumposito panniculo, ne revolvatur, modice attrahere oportet, ac prolapsam totam ab humero abscindere, idemque facere etiam, si duae manus prociderint, similiter etiam pedes procidentes, corpore reliquo non subsequente, ab inguinibus amputari oportet: deinde reliquum corpus dirigere conandum“ 4)!

Мы подошли теперь къ самому важнѣйшему отдѣлу сочиненія Павла.

Хирургія Павломъ Эгинскимъ дѣлится на два большихъ отдѣла, изъ коихъ одинъ занимается хирургическими болѣзнями мягкихъ частей, а другой—болѣзнями плотныхъ частей 5), переломами и вывихами. Всѣхъ главъ, посвященныхъ хирургіи—122, изъ нихъ въ первыхъ 22 разсматриваются преимущественно глазныя болѣзни, въ 23 и 24—ушныя, въ 25—полипы, въ 26—„coloboma“ т. е. дефекты, въ 27 и 28 болѣзни десенъ и зубовъ. Слѣдующія главы занимаются болѣзнями дыхательнаго горла, нарывами, зобными опухолями и прочими хирургическими болѣзнями.

Малая хирургія Павла Эгинскаго представляетъ значительный шагъ впередъ. Кровососныя банки предпочитались имъ широкія, металличе-

1) Тамъ же, I. VI, с. 73, 630, 631 (Ср. Haeser, I, 473).

2) Тамъ же, I. VI, сс. 74, 75.

3) „Spatula polypis, aut scalpro, auf cultro (scolopomacherion) calvariam dividemus, ut evacuatâ concidat“; также поступаютъ съ грудью, животомъ, а когда нужно, и со всѣмъ туловищемъ: „totum ipsum intus dissectum particulatim eximemus, cura adhibita, ne particula quaequam ipsius nobis nesciis intus reliquantur“. Отдѣльные куски вынимались зубными или костными щипцами. Тамъ же, I. VI, с. 74, 638.

4) Тамъ же. 5) Тамъ же, I. VI, с. 1, 558.

скія съ длиннымъ горлышкомъ, которыя не такъ легко лопаются, какъ стеклянныя, и позволяютъ большее разрѣженіе воздуха посредствомъ пламени. Насѣчки онъ производилъ не обыкновеннымъ скарификаторомъ, а съ помощію скальпеля ¹⁾. Обширное примѣненіе находить у него при жиганіи головы раскаленнымъ желѣзомъ при сильныхъ воспаленіяхъ глазъ, одышкѣ, Elephantiasis graecorum (lepra arabum) и т. д., причѣмъ выбритое мѣсто головы пугочатымъ каутеріемъ выжигалось до кости съ послѣдовательнымъ соскабливаніемъ послѣдней, чтобы вызвать сращеніе ея съ мягкими частями для предупрежденія костоѣды (!); при проказѣ примѣнялись 5 такихъ каутеріевъ ²⁾. Точно также онъ употреблялъ раскаленное желѣзо при нарывахъ печени, Емруета, застарѣлыхъ вывихахъ. Далѣе имъ практиковались впрыскиванія въ мочевой пузырь ³⁾, артеріотомія ⁴⁾, чаще же всего

Кровопусканія изъ венъ, ближайшихъ къ мѣсту заболѣванія, напр. при болѣзняхъ глазъ изъ v. jugularis, или frontalis, обыкновенно же изъ v. mediana, косымъ разрѣзомъ, причѣмъ у крѣпкихъ все необходимое количество крови выпускалось заразъ, у слабыхъ—въ нѣсколько пріемовъ и понемногу, вообще же у всѣхъ—руководствуясь пульсомъ ⁵⁾.

Какъ кровоостанавливающая Павелъ Эгинскій, кромѣ styptica, употреблялъ преимущественно перевязку сосудовъ, до того уже усвоенную древними хирургами, что по поводу ея при операціи пупочно-сальниковой грыжи онъ замѣчаетъ, что отрѣзываніе лишняго куска производится „послѣ того, какъ приводящій сосудъ, естественно, былъ перевязанъ“ („Si vero omentum sit, eo protracto, id quod supervacuum est amputabimus, vase si quod occurrit, ut verisimile est, lino deligato“) ⁶⁾.

Въ главѣ объ аневризмахъ Павелъ Эгинскій примыкаетъ къ Антиллу и не совсѣмъ сходится съ Галеномъ, описывающимъ лишь производшія отъ раненія артерій:

„Мы же (Nos autem) различаемъ аневризмы одну отъ другой (in vicem) слѣдующимъ образомъ. Тѣ, которыя происходятъ отъ расширенія артерій, кажутся длиннѣе и глубже лежащими: при давленіи пальцемъ въ нихъ ощущается извѣстный шумъ, тогда какъ въ происходящихъ отъ раненія не слышно никакого шума; эти послѣднія болѣе округлены и встрѣчаются ближе къ поверхности (per summa occurrunt)“.

„Мы воздерживаемся отъ операціи аневризмъ, расположенныхъ въ подкрыльцовыхъ ямахъ, пахахъ, на шеѣ и другихъ мѣстахъ, по причинѣ ихъ слишкомъ большаго объема и толщины сосудовъ; тѣ же, которыя встрѣчаются на конечностяхъ, членахъ или головахъ, слѣдуетъ оперировать такъ: если опухоль произошла отъ расширенія, дѣлаемъ прямой [ливейный] разрѣзъ кожи во всю длину аневризмы; затѣмъ, удерживая края раны рас-

¹⁾ Тамъ же, l. VI, с. 41, 599. ²⁾ Тамъ же, с. 2, 558, 559. ³⁾ Тамъ же, с. 59, р. 615.

⁴⁾ Тамъ же, l. VI, с. 4, р. 561. ⁵⁾ Тамъ же, l. VI, с. 40, pp. 595—598.

⁶⁾ Тамъ же, l. VI, с. 51, р. 607 („ἀποκλιώσαντες τὸ παρεμπύπτον, ὡς εἰς ὅς, ἀγγύειον“, ed. Vriau, р. 226. Ср. Haeser I, 500).

критыми съ помощью крючковъ, мы разсѣкаемъ и отдѣляемъ части посредствомъ скальпеля, пока артерія не будетъ обнажена, послѣ чего завязываемъ двѣ нитки, проведенныя съ помощью иглы [выше и ниже опухоли] и, вскрывъ предварительно флеботомомъ часть артерій, лежащую между обѣими нитками, и опорожнивъ ея содержимое, примѣняемъ нагнаивающую повязку до отпаденія нитокъ“.

„Если же аневризма происходитъ отъ разрыва артерій, должно захватить сквозь кожу все, что можно забирать пальцами изъ аневризмы, затѣмъ подъ остающимся проводить иглу, снабженную двумя нитками и, перерѣзавъ петлю ножницами, перевязать такимъ образомъ опухоль съ одной и другой стороны. Если опасаются, что нитки соскользнутъ, нужно провести другую иглу, также съ двумя нитками, въ томъ же мѣстѣ, гдѣ проведена первая, и, перерѣзавъ петлю, завязываютъ такимъ образомъ опухоль 4 нитками. Затѣмъ, вскрывъ опухоль посреднѣй, опорожняютъ кровь и срѣзываютъ лишнюю кожу, оставивъ лишь незавязанную часть. Послѣ того накладываютъ компрессъ, пропитанный виномъ и деревяннымъ масломъ и примѣняютъ лечение корпией, смазанной лекарствами“¹⁾.

Въ ученіи Павла Эгинскаго о *раменіяхъ* видную роль играетъ его

Военная хирургія, которая, повидимому, основывалась на богатомъ опытѣ, такъ какъ самыя тяжелыя раненія, по его наблюденіямъ, имѣли счастливый исходъ, „подобно тому какъ куски печени, сальника, брюшины или матки были удаляемы и однако смерть не наступала“.

„Multi siquidem abscessu quoque in aliqua vitae necessaria parte oborto, praeter opinionem consauerunt, cum et jecoris fibram, et omenti partem, peritoneique, et totam vulvam [uterum] subinde ademptam fuisse, nec mortem inde subsequutam, memoriae prodatur“²⁾.

Съ особенной подробностью изложены раненія стрѣлами (tela), металлическими копьями и камнями, причемъ Павелъ сообщаетъ, что длина острія большихъ стрѣлъ доходила до трехъ поперечныхъ пальцевъ, что нѣкоторыя изъ нихъ были снабжены двойными капсулами (cuspides), такъ что при извлеченіи удалялась только внутренняя и т. д. По отношенію къ материалу и формѣ стрѣлы дѣлались деревянные или металлическія, круглыя, треугольныя, желобоватыя и т. д. Стрѣльными ядами служили у д а к і й ц е в ъ и д а л м а т о в ъ „Helenium“ s. „Ninum“. Главное правило при всѣхъ подобныхъ ранахъ состояло въ томъ, чтобы по возможности приводить пораженную часть въ такое положеніе, въ какомъ она находилась въ моментъ раненія, причемъ практиковалось изслѣдованіе зондомъ. Удаленіе стрѣлъ производилось посредствомъ извлеченія, вырѣзыванія или протыканія насквозь. Извлеченіе производилось руками или инструментами, ваковы atracton, зубные щипцы, belulcon, а также выпиратель (propulsorium), для избѣжанія раненія сосудовъ или нервовъ:

„turpe siquidem est, dum telum extrahimus, rejus eod malum efficere“³⁾.

Для извлеченія хвостатыхъ стрѣлъ, что опредѣлялось опять таки домъ, примѣнялся также выпирательный инструментъ (propulsorium), имѣв-

¹⁾ Тамъ же, I. VI, с. 37, 598. ²⁾ Тамъ же, с. 88, 649. ³⁾ Тамъ же, с. 88, 646—648.

шій мужскую и женскую части, изъ которыхъ употреблялась то та, то другая, смотря по очертанію стрѣлы. Если стрѣлы застрѣвали въ важныхъ для жизни органахъ, то лишь въ крайнихъ случаяхъ прибѣгали къ трепанаціи, резекціи ребра, гастроррафii (смотря по мѣстопребыванію стрѣлы), ибо, какъ сказано выше, такія стрѣлы часто выдѣлялись произвольно черезъ нагноеніе. При извлеченіи стрѣлы изъ большихъ сосудовъ на послѣдніе предварительно накладывались двойныя лигатуры ¹⁾. При изложеніи раненій другими метательными орудіями встрѣчаемъ интересные наблюденія надъ камнями, зароставшими или остававшимися въ тѣлѣ долгое время, пока не выдѣлялись черезъ нагноеніе ²⁾.

Ученіе о переломахъ и вывихахъ изложено Павломъ Эгинскимъ по Гиппократу, Цельсу, Сорану, и изложеніе это изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ изъ древности — самое полное и систематическое. По поводу раненій черепа находимъ намежъ на cerebro-спинальную жидкость („salva autem hominis undique plena et alioquin solida est.“ ³⁾). При переломахъ черепа Павелъ различаетъ собственно переломы, коихъ принимаетъ 5 видовъ (ῥογή, fissio; ἔκκοπη, excisio, отсѣченіе; ἐκπίεσις, effractio, раздробленіе; ἐγγύσις, corrogum appropinquatio, прониканіе отломковъ вплоть до „внутренней“ мозговой оболочки; καμαρῶσις, testudinatio s. camegae modo, сводчатый переломъ), и ушибы или вдавленія (θλάσις), коихъ принимаетъ 2 вида: во всю толщю черепной кости или только до внутренней пластинки (lamina vitrea), въ обоихъ случаяхъ однако безъ нарушенія цѣлости. Возможность же перелома на сторонѣ, противоположной удару, онъ отрицаетъ. При *леченіи* этихъ переломовъ онъ ставитъ первымъ показаніемъ трепанацію, о производствѣ которой даетъ весьма подробныя указанія. При этомъ онъ не упускаетъ изъ виду и леченія присоединяющагося здѣсь воспаленія (вырѣзываніе или многочисленные уколы воспаленной оболочки) и омертвѣнія [твердой] мозговой оболочки, причемъ рассказываетъ случай сохраненія послѣдней при переломѣ затылочной кости отъ раненія стрѣлой ⁴⁾.

При переломахъ другихъ частей тѣла (туловища и конечностей) ⁵⁾ онъ настаиваетъ на немедленномъ наложеніи шинъ (σώλην — изъ дерева или жженой глины), коихъ отнюдь не слѣдуетъ часто мѣнять, даже при сложныхъ переломахъ ⁶⁾. Искусственное вторичное переламываніе дурно зажившихъ переломовъ онъ рѣшительно отвергаетъ и вмѣсто этого рекомендуетъ вначалѣ надавливаніе, а затѣмъ сравненіе костной мозоли

¹⁾ Тамъ же, I VI, с. 88, pp. 648—650. ²⁾ Тамъ же, 650. ³⁾ Тамъ же, с. 90, 653.

⁴⁾ Тамъ же, I VI, с. 90, pp. 653—658. ⁵⁾ Тамъ же. I VI, сс. 93—106, pp. 662—673.

⁶⁾ Тамъ же, I VI, с. 107, 674.

костнымъ ножемъ, скребцомъ и даже буравомъ¹⁾. Самыми рѣдкими онъ считаетъ переломы надколѣнной чашки, причеиъ даетъ вполне вѣрную картину нарушенныхъ здѣсь функций при хожденіи²⁾.

Въ ученіи о вывихахъ Павелъ Эгинскій почти исключительно слѣдуетъ Гиппократу и весьма часто дословно воспроизводитъ описанія послѣдняго, напр. вывиховъ нижней челюсти³⁾. Полный вывихъ одного позвонка—безусловно смертеленъ, неполный, но значительный вывихъ ведетъ къ остроконечному искривленію, легкій же вывихъ нѣсколькихъ позвонковъ—къ образованію округленныхъ искривленій позвоночнаго столба (kyphosis, lordosis, scoliosis)⁴⁾. Врожденные вывихи конечностей или приобретенные у дѣтей ведутъ къ атрофіи. Далѣе онъ подробно описываетъ вывихи ключицы (с. 113), плеча (с. 114), допуская только вывихъ плечевой головки внизъ, локтеваго состава (часто смѣшивался съ переломами локтеваго отростка)⁵⁾, пальцевъ, позвонковъ, тазобедреннаго, колѣннаго и стопнаго сочлененій, наконецъ осложненные раненіями и переломами⁶⁾. Противъ часто возвращающихся вывиховъ онъ примѣнялъ раскаленное желѣзо. Кроме того онъ изобрѣлъ ортопедическую „скульптурную“ машину для исправленія горбатости⁷⁾.

Оперативная хирургія отдѣльныхъ частей тѣла у Павла Эгинскаго весьма богата и разнообразна.

Въ *полости рта* обращаетъ на себя вниманіе его тонзилотомія посредствомъ „ἀγκυλότομος“, изогнутаго по поверхности инструмента, устроеннаго особо для правой и лѣвой сторонъ; миндалевидная железа при этомъ придерживалась острымъ крючкомъ, а языкъ—особымъ языкодержателемъ (γλωττοχάτορος)⁸⁾. Удлиненный язычекъ онъ удалялъ ножемъ, а у боящихся его—какимъ нибудь ѣдкимъ средствомъ (ἄξιρον φαρμάκον), которое наносилось посредствомъ особаго инструмента съ рукояткой и круглой выемкой (σταφυλόχαρστον)⁹⁾. Рыбныя косточки и другія инородныя тѣла въ пищеводѣ, если только они были доступны, онъ удалялъ посредствомъ глоточнаго зонда (ἀκαθάρτολος) или губки, привязанной на ниткѣ и проглатываемой больнымъ¹⁰⁾.

Изъ операций на шеѣ интересны вылуценіе опухолей и въ особенности трахеотомія, для которой показаніемъ служила „припухлость верхнихъ частей, угрожающая удушьемъ“.

1) Тамъ же, I. VI, сс. 108, 109, р. 677. 2) Тамъ же, I. VI, с. 103, р. 672.

3) Тамъ же, с. 112, р. 678. 4) Тамъ же, с. 117, р. 687. 5) Тамъ же, I. VI, сс. 115, 685.

6) Тамъ же, сс. 116—122. 7) Тамъ же, 117, р. 688. 8) Тамъ же, I. VI, с. 30, 584.

9) Тамъ же, I. VI, с. 31, 585, 586. Подобное же средство изъ ѣдкой извести, жженнаго виннаго камня, жженной соды и сурьки со щелокомъ до густоты меда употреблялъ уже Demosthenes изъ Массалии. Ср. Aëtius, Tetrab. VI, serm. II, с. 52.

10) Paul. Aegin. I. IV, с. 32, 588.

Вотъ что говорить о ней Павелъ Эгинскій:

„Chirurgorum praestantissimi hanc quoque administrationem literis prodiderunt. Antyllus itaque hunc in modum scribit: „[In synanchicis] quidem, ut in ea parte dicitur quae victus rationem tradit, chirurgiam improbamus, cum inutilis sit praecisio, in quibus omnes arteriae (*κασα αἱ ἀρτηριαί*) et pulmo affectus est. [In ore autem et mente] inflammationem experientibus, aut etiam tonsillis asperae arteriae os operientibus, incolumi sane ipsa arteria ratio est [summi gutturis] sectione uti, quo periculum strangulatus evitetur: deinde cum infra arteriae caput (*κατωτέρω τῆς κηφαλῆς τοῦ βρόγχου*) spatio trium ipsius quatuorve circulorum manum adegerimus, partem nonnullam ipsius arteriae scalpello pertundemus. Totam enim dividere securum non est, tum quod hic locus incarnis sit, tum quod vasa procul a loco diviso sint disita. Itaque inclinato aegroti capite retrorsum, ut arteria reddatur conspicua, transversam lineam incidemus, inter duos circulos ipsam ducentes, ne cartilago, sed membrana cartilagine colligans, discindatur. At si meticulosior (*δειλότερος*) aliquis inter agendum fuerit, hamulo (*ἄγκιστρον*) prius cutem elevatam dividet: deinde sic ipsi arteriae incidens, vasis, si forte occurrant, praeteritis, lineam ducat“.

Haec quidem Antyllus dixit, coniciens arteriam scalpello esse penetratam, inde quod spiritus per eam cum murmure quodam erumpat, tum quod vox intercisa sit“.

Къ сказанному Павелъ Эгинскій отъ себя прибавляетъ лишь немногое:

„Ubi vero de strangulatu metus amplius non est, oras vulneris renovabimus, mox suturis committemus, ita ut solam cutim citra cartilaginem suamus, utemurque medicamento quod cruentis facit. Sin minus conglinuetur, praesidio quod carnem inducat insistemus“.

„Лучше хирургъ также описалъ эту операцію. Antyllus говорить объ этомъ слѣдующее: „у больныхъ, одержимыхъ synanche, мы операцію отвергаемъ, какъ это покажемъ при изложеніи діететическаго способа, — ибо у тѣхъ, у коихъ поражены всѣ развѣтвленія бронховъ и легкія, разрѣзъ будетъ безполезенъ. Но у больныхъ съ воспаленіемъ въ полости рта и у подбородка или когда миндалевидныя железы закрываютъ отверстіе дыхательнаго горла, это же послѣднее окажется здоровымъ, рационально прибѣгнуть къ „фаринготоміи“ [ларинготоміи], чтобы избавить отъ опасности задушенія. Если же рѣшаемся приступить къ этому, то дѣлаемъ разрѣзъ на мѣстѣ, лежащемъ на три или четыре хрящевыхъ кольца ниже гортани, ибо перерѣзываніе всего дыхательнаго горла было бы опасно. Указанное мѣсто дѣлаемъ подобно потому, что на немъ и вѣтви и сосуды расположены далеко отъ мѣста разрѣза. Отогнувъ по этому голову больного назадъ, дабы дыхательное горло выпятилось впередъ, дѣлаемъ поперечный разрѣзъ между двумя кольцами, перерѣзывая такимъ образомъ не самый хрящъ, а соединяющую хрящи перепонку. Врачу, не совсѣмъ твердо увѣренному въ искусствѣ оперировать, слѣдуетъ сначала раздѣлить кожу, приподнятую крючкомъ, и, отодвинувъ въ сторону попадающіеся на встрѣчу сосуды, потомъ уже докончить разрѣзъ“.

Такъ говоритъ Антиллъ. О послѣдовавшемъ вскрытіи дыхательнаго горла онъ заключалъ по рпеиша, съ извѣстнымъ шумомъ выходившаго наружу, а также по исчезновенію голоса“.

„По минованіи опасности задушенія слѣдуетъ, освѣживъ края раны, соединить только кожу, а рану дыхательнаго горла, швами и примѣнить обычное леченіе ранъ. При недостаточномъ заживленіи прибѣгаемъ къ зарубцовывающимъ средствамъ“.

При ранахъ дыхательнаго горла у самоубійцъ примѣняется такое же леченіе ¹⁾. О введеніи трахеальной трубочки нѣтъ рѣчи.

Въ области *грудной кляткы* у Павла Эгинскаго описывается вылу-щеніе не только женской (при ракъ), но и мужской грудной же-лезы при чрезмѣрномъ развитіи въ ней жира, причеъ онъ дѣлалъ подѣ нею одинъ полулунный разрѣзъ, при слишкомъ большомъ объемѣ—два разрѣза, съ удаленіемъ лежащей между ними кожи вмѣстѣ съ клѣтчат-кой (pinguedo), рану же зашивалъ ²⁾. При е струе т а опороженію вы-пота онъ предпочиталъ многочисленныя поверхностныя прижиганія кожи корнемъ *aristolochiae*, смоченнымъ въ кипячемъ маслѣ ³⁾—для такого хи-рурга несомнѣнный шагъ назадъ въ сравненіи съ хирургіей гиппократиковъ.

Въ области *брюшныхъ* органовъ онъ зато дѣйствовалъ смѣлѣе. Такъ, на рывы печени вскрывались имъ съ помощію тонкаго раскаленнаго желѣза съ оливообразнымъ концомъ, проникавшимъ въ полость нарыва ⁴⁾, при онухояхъ селезенки онъ примѣнялъ трезубецъ *Marcellus'a* (напоминающій *cauter trisulcus Themison'a*) ⁵⁾, которымъ заразъ производилъ 6 прижиганій, а также горящій грибокъ (ѣжа) ⁶⁾ въ видѣ мокси,—способъ, за-имствованный изъ Азіи у „варваровъ“ или арабовъ (*οἱ βάρβαροι*), употреб-лявшихъ его при длительныхъ болѣзняхъ („ревматизмѣ“) желудка.

П а р а ц е н т е зъ Павелъ Эгинскій производилъ по срединѣ живота, на 3 поперечныхъ пальца ниже пупка, въ случаяхъ, когда водянка, по приня-тому древними дѣленію ея, происходила отъ измѣненій кишечнаго ка-нала; при водянкахъ же, зависящихъ отъ болѣзней печени, онъ дѣлалъ на лѣвой сторонѣ два разрѣза, одинъ до брюшины, а другой въ послѣдней, но такъ, чтобы края обоихъ разрѣзовъ не совпадали, и затѣмъ уже вво-дилъ трубочку; при водянкахъ отъ болѣзней селезенки онъ дѣлалъ тоже на правой сторонѣ, такъ какъ считалъ вреднымъ ранить больную сторону, на которой больной лежалъ ⁷⁾.

Въ главѣ о грыжахъ (*περὶ ἐντεροκήλης*) онъ при изложеніи симпто-мовъ намекаетъ на ущемленіе:

„καὶ ἡ τοῦ κόπρου δὲ εἰς ὄσχεον ἀπό-
ληψις κίνδυνον αὐτοῖς πολλὰκις ἐπήνεγκεν“.

„Stercus autem in scrotum receptum
periculum subinde ipsis intulit“ ⁸⁾.

¹⁾ Тамъ же, I. VI, с. 33, 588—589. „Quomodo aspera arteria incidi debeat“.

²⁾ Тамъ же, I. VI, сс. 45, 46, 603, 604.

³⁾ Тамъ же, I. VI, с. 44, 602. Хотя тутъ же прибавляетъ: „Nonnulli etiam hos curare a usi sunt transversa linea inter quintam et sextam costam ducta et cute paululum oblique divisa, deinde sic scalpello membrana quae costas succingit perforata, pus exreverunt“.

⁴⁾ Тамъ же, I. VI, с. 47, 604.

⁵⁾ *Caelius Aurelianus, Chron.*, I. III, с. 4. ⁶⁾ *Paulus Aegineta*, I. VI, с. 49, 605.

⁷⁾ Тамъ же, I. VI, с. 50, 605, I. III, с. 48, 370.

⁸⁾ Тамъ же, I. VI, с. 65. р. 624.

Еще яснѣе онъ выражается объ ущемленіи въ главѣ о *volvulus*:

„Quam acutissima et dolorosa affectio sit volvulus, habet quoddam symptoma periculo gravius, nam superati miserima morte pereunt, stercum tandem per os redentes. Conflatur autem affectio ex cruditatibus (*ἀπεψίας*) et obturationibus (*ἐμφράξαιον*), ubi corrupta permanserint et ex venenosis medicamentis et ex intestinorum in scrotum delapsu (*καὶ ἐπὶ ταῖς τῶν ἐντέρων εἰς ὄσχεον καταλισθήσασιν*)¹⁾.

Но всякое сомнѣніе исчезаетъ при изложеніи способа леченія въ концѣ той же главы:

„εἰ δὲ διὰ τὴν τὴν εἰς ὄσχεον τοῦ ἐντέρου καταλισθῆσιν τὸ πάθος γένοιτο συμματίσαντος αὐτὸν εὐθέως ἀνωρῶπεις ἀναθλίψομεν εἰς βουβῶνα τὸ καταλισθῆσαν ἐντέρον συνδέσμιφ δὲ κατὰσχῶμεν“.

„Si vero ob delapsum intestini in scrotum affectio facta est, statim ipsis sursum vergente figura reclinatis, delapsum intestinum ad inguen retrudemus, et ligamento hoc retinebimus“²⁾.

Какъ сказано выше, повязка эта состояла изъ 3-угольнаго пелота (*τρίγωνον ἐπίδεσμον*) съ примѣненіемъ влжущихъ³⁾.

Показаніемъ къ операциіи Павелъ считаетъ лишь грыжи, произшедшія отъ растяженія, но не отъ разрыва брюшины. Самая техника грыжеваго сеченія описывается такъ:

„Большой лежитъ, операторъ и помощникъ захватываютъ кожную складку и дѣлаютъ поперечный разрѣзъ (нѣкоторые—продольный); затѣмъ вставляютъ крючки, чтобы удерживать рану открытой, и раздѣляютъ всѣ слои вплоть до брюшины при помощи крючковъ или скальпеля. По обнаженіи брюшины вводятъ указательный палецъ, коимъ отдѣляютъ находящіяся на задней сторонѣ грыжеваго мѣшка сращенія между брюшиной и *t. dartos*. Тогда грыжевой мѣшокъ захватываютъ и натягиваютъ лѣвой рукой, а правой проталкиваютъ назадъ въ мошонку отдѣленной оболочки, яичко же вмѣстѣ съ его влагалищной оболочкой вытягивается и передается помощнику, чтобы тянуть за него. Послѣ того операторъ изслѣдуетъ, не предлежитъ ли кишечная петля, которую тогда необходимо вправить. Затѣмъ берутъ большую иглу со вдѣтой въ нее ниткой, сложенной въ десять разъ (*δέκαπλοον δεκάπλοον*) и затѣмъ еще вдвое, и прокалываютъ ея посредніи у конца (*πρὸς τὸ πέρας*) брюшины. Послѣ того, отрѣзавъ нитку возлѣ иглы, получаемъ четыре конца нитокъ, которыми грыжевой мѣшокъ перевязывается крестообразно (*ἀντεμπλέξαντες ἐξ ἀμφότερων*). Тогда концы нитокъ еще разъ обматываютъ и завязываютъ узломъ, дабы ни одинъ изъ питательныхъ [приводящихъ] сосудовъ не доставлялъ питанія; черезъ это предотвращается воспаленіе. Далѣе снаружи (*ἐξωτερῶ*), а именно, отступя меньше чѣмъ на два поперечныхъ пальца, накладывается вторая лигатура. По наложеніи этихъ лигатуръ остатокъ брюшины, шириною въ палецъ, вкрѣпляемъ кругообразно (*κατὰ κύκλον ἀποτέμωμεν*), и ричемъ одновременно удаляемъ яичко. По наложеніи противоотверстія (*καθοπὸρρῶσιν*) въ мошонкѣ, вводимъ полосу“ и т. д.⁴⁾

„Мы знаемъ нѣкоторыхъ неопытныхъ операторовъ, которые послѣ резекціи *ἐλυτροειδῆς*, изъ боязни кровотечения прижигаютъ ее каутеріями. Послѣ операциіи они сажаютъ

¹⁾ Тамъ же, I, III, с. 44, 352. По переводу *Cognarius'a*, котораго къ сожалѣнію мы не могли достать и который приводимъ по *Альберту* (см. ниже). Обыкновенно же, какъ сказано, мы цитируемъ по изд. *Lugd. 1567, interpr. Guint. Andernaco*,—единственному доступному намъ экземпляру, изъ библіотеки университета св. Владиміра.

²⁾ Тамъ же. Ср. *Albert, Beiträge zur Geschichte der Chirurgie. Wien, 1878, II, pp. 138, 139.*

³⁾ *Paulus Aegineta, I, III, с. 53, 382.* ⁴⁾ Тамъ же, I, VI, с. 65, 524, 625.

больного въ теплую ванну и купаютъ 5 разъ втеченіе одного дня и одной ночи до 7 днѣ. Это ими практикуется особенно у дѣтей и отлично имъ удается, такъ какъ не наступаетъ воспаленія и повязка скоро отпадаетъ вмѣстѣ со струпомъ¹⁾.

Для *наховой* грыжи существовало два способа. Болѣе древніе дѣлали поперечный разрѣзъ длиною въ 3 пальца, вырѣзывали подкожную клетчатку, оболочку и затѣмъ вправляли грыжевой мѣшокъ пуговкой зонда (*πυρήνη μήλης*), черезъ что вправляется и кишка. Тогда выдававшіяся по обѣимъ сторонамъ введеннаго зонда части грыжеваго мѣшка сшивались и зондъ вынимался, причѣмъ не было надобности ни резецировать грыжевой мѣшокъ, ни удалить яичко. Новѣйшіе предпочитаютъ каутеризацію. Больной долженъ сначала кашлять или нажиматься и когда покажется опухоль, подлежащая прижиганію часть намѣчивается чернилами или *collugium* въ формѣ треугольника, обращеннаго основаніемъ кверху (*κατὰ τρίγωνον σχῆμα, πρὸς τὴν βούβορος θεσιν ἄνω τὴν ἐυχαραίαν ὑράμην τάττοντες*) и средина его означается точкою. Тогда больной ложится и сначала прижигаютъ прямымъ каутеріемъ среднюю точку, затѣмъ стороны треугольника Г-образными и наконецъ плоскость треугольника—чечевицеобразными каутеріями, между тѣмъ какъ помощникъ обтираетъ и высушиваетъ прижженные мѣста²⁾.

Плотнаго закрытія грыжеваго отверстія Павель, очевидно, достигалъ тѣмъ, что удалялъ пожемъ излишекъ кожи и удлиненной брюшины и рану зашивалъ. Несомнѣнный регрессъ составляетъ удаление имъ яичекъ при операціи мошоночныхъ грыжъ, тогда какъ напр. *Heliodogus* ихъ оставлялъ.

При *Hypospadiasis* онъ считалъ показаннымъ укороченіе уда у *corona glandis* („*sed sculpturae simili, ut per medium eminentia quaedam glandem repraesentans appareat*“) и ограничивался простымъ остановленіемъ крови, не опасаясь даже послѣдовательнаго кровотеченія³⁾. При висящей мошонкѣ (*scrotum pendulum, rhakosis*) онъ вырѣзывалъ излишекъ мошонки.

При операціи *Hydrocele* онъ вырѣзывалъ *tunicam vaginalem propriam* (*ἐλτροσεϊδής*) и въ видахъ зарощенія вводилъ въ полость намавленную шерсть⁴⁾. Иногда при *hydrocele* онъ прибѣгалъ и къ Г-образному раскаленному желѣзу, числомъ 10—12, коими прожигались наружныя покровы и *tunica erythroidea*, послѣ чего, выпустивъ жидкость, удалялъ мечеобразнымъ раскаленнымъ желѣзомъ самую оболочку, приподнятую крючками⁵⁾.

Кисты (*ἐκτεμετός*) яичка, *sarco-* и „*rogocеле*“ (*h. topasea*, каллезныя, бугорковья опухоли, энхондромы, оостенѣнія влагалищной оболочки?) онъ равнымъ образомъ вылуцивалъ, причѣмъ перевязывалъ сосуды (*τὰ μὲν ἀγγεῖα διασφίζομεν*)⁶⁾.—*Varicoscele* онъ оперировалъ наложеніемъ двойной лигатуры и затѣмъ удаленіемъ варикозно-разширенныхъ венъ, если же имѣлось заболѣваніе всѣхъ сосудовъ яичка, то по примѣру *Leonides*'а производилъ вылуценіе, причѣмъ, какъ и при всѣхъ другихъ заболѣваніяхъ яичка, требовавшихъ его удаленія, всегда перевязывалъ предварительно канатикъ⁷⁾.

¹⁾ Тамъ же, 625. ²⁾ Тамъ же, с. 66, 626 (Ср. Albert. l. c. 148—151).

³⁾ Тамъ же, l. VI, с. 54, 612. ⁴⁾ Тамъ же, l. VI, с. 62, 620. ⁵⁾ Тамъ же, 621.

⁶⁾ Тамъ же, l. VI, с. 63, р. 622. (Ср. Haeser, I, 510). ⁷⁾ Тамъ же, с. 64.

Наконецъ изъ относящихся сюда операций онъ посвятилъ особую главу оскопленію (εὐνοουσιμός). При этомъ онъ высказывается съ негодованіемъ противъ этой недостойной званія врача операции, совершаемой по повелѣнію властителей, которую однако самъ вынужденъ былъ производить и для которой находилъ нѣкоторое извиненіе въ упадкѣ нравовъ того вѣка, когда евнухи достигали значительной власти, что подавало многимъ поводъ добровольно подвергаться этой унижительной операци:

„Cum ars nostra hunc tendat, ut corpora à statu qui praeternaturalem est in natura-lem deducat, eunuchos faciendi ratio, quam Graeci Eunuchismum dicunt, contraria promittit. Verum quia et inviti subinde à praepotentibus quibusdam eunuchos facere cogimur, explicandus compendiose modus est, quo illis satisfaciamus („ἄκροντες πολλὰκις ὑπὸ τῶν ὑπερεχόντων εὐνοουσιεῖν ἀναγκαζομένη“).

Такихъ способовъ онъ приводитъ два: 1) разможеніе яичка, не всегда достигавшее цѣли, такъ какъ при этомъ сохраняются отдѣльныя частицы яичка, подающія поводъ къ половымъ возбужденіямъ, и 2) полное вылученіе (кастрація) ¹⁾.

При *болъзняхъ мочевого пузыря* Павелъ Эгинскій первый ввелъ методъ вприскиванія растворовъ лекарственныхъ веществъ въ пузырь черезъ катетеръ, методъ, вновь вошедшій въ употребленіе въ новѣйшее время и нынѣ, какъ извѣстно, имѣющій широкое примѣненіе. При этомъ онъ даетъ слѣдующее описаніе катетеризма и промыванія пузыря:

„Catheterum [in rectum] inferemus usque ad colis basim, deinde naturalia ad umbilicum inclinabimus. Etenim ab hac parte obliquus vesicae meatus existit, deinde sic cathetera adigemus. Quum vero juxta regionem inter scrotum et anum, prope sedem fuerit, rursus [genitalia imposito] instrumento deflectemus, in naturalem reducentes figuram, nam a perinaeo vesicae meatus sursum tendit, propellemusque catheterem usque dum vesicae sinum penetraverit, secundum hoc linum catheteri iniectum retrahemus, quo urina simul cum lana attracta subsequatur, quemadmodum in syphonibus accidit. Atque talis demittendi catheteris modus est. At quia subinde exulcerata vesica collui desiderat, siquidem auricularii clysteres, id quod iniiciendum est possint transmittere, illis in quaedictum modum utemur, in vesicam demissis; si fieri nequit, catheteri pelle aut exsica bubula adaptata, eoque indito, vesicam colluemus“ ²⁾.

Его ученіе о мочевыхъ камняхъ—самое полное во всей древности. При задерживаніи ихъ въ мочеточникахъ онъ прибѣгала къ кровопусканіямъ съ цѣлью расслабить ткань послѣднихъ и облегчить такимъ образомъ выходеніе камня. Для удаленія камней изъ пузыря онъ прежде всего испытывалъ камнерастворяющія средства, какъ напр.:

„asparagus, vitrum combustum, rad. graminis, adianthum, bdellium, spongiarum calculi, acet. scillae, rhu etc., за хифрага“ ³⁾. Самая операція производилась имъ по видоизмѣненному способу Целъса ⁴⁾, но описана имъ гораздо яснѣе, причѣмъ онъ замѣчаетъ, что маль-

¹⁾ Тамъ же, I, VI, с. 68, 627, 628. [Ср. Нескер, II, 228. Caelius Aurelianus (Chron., I, I, с. 4) советовалъ кастрацію противъ падушей болѣзни]. ²⁾ Тамъ же, I, VI, с. 59, 615.

³⁾ Тамъ же, I, III, с. 45, 354. ⁴⁾ Ср. вып. III, стр. 783.

чки (до 14 л.) и старики даютъ большой % выздоровленій, чѣмъ средней возрастъ, а въ послѣднемъ—одержимые болѣе крупными камнями, „ибо они уже свѣлились съ воспаленіями“:

„Если операція рѣшена, мы сначала пригнѣаемъ встряску либо посредствомъ помощниковъ, либо заставивъ больного соскочить съ высокаго мѣста, чтобы вызвать опущеніе камня къ шейкѣ пузыря. Затѣмъ укладываемъ больного почти въ прямомъ сидячемъ положеніи (*rectus in sedili*)¹⁾, помѣстивъ его руку почти подъ ляшками, дабы пузырь съжался и умѣстился въ небольшомъ пространствѣ. Если при наружномъ ощущеніи камень, сдвинутый съ своего мѣста встряской, покажется намъ спустившимся къ промежности, мы немедленно приступаемъ къ операціи; но если онъ не спустился, то вводимъ въ задній проходъ смазанный деревяннымъ масломъ указательный палецъ лѣвой руки, если больной—дѣтя, или вѣстѣ и средний, если онъ старше, согнувъ пальцы, отыскиваемъ и подводимъ мало по малу камень внизъ къ шейкѣ пузыря, гдѣ фиксируемъ его. Затѣмъ однимъ или нѣсколькими пальцами толкаемъ фиксированный такимъ образомъ камень по направленію кнаружи и, поручивъ одному помощнику сдавливать пузырь руками, велимъ другому приподнять яички вверхъ правой рукой, а лѣвой натянуть съ обѣихъ сторонъ промежность въ мѣстѣ, назначенномъ для разрѣза“.

„Тогда мы сами, захвативъ въ руку инструментъ, называемый литотомомъ, проводимъ косою (*λόξη*) разрѣзъ между заднимъ проходомъ и яичками, не посреднѣи промежности, а сбоку, вблизи лѣвой ягодицы (*πυγίον*), пользуясь камнемъ, какъ точкой опоры, и при томъ такъ, чтобы разрѣзъ образовалъ кнаружи болѣе объемистое отверстіе, а кнутри—небольшое того, сколько необходимо для пропуска камня. И въ самомъ дѣлѣ, отъ давленія однимъ или нѣсколькими пальцами въ заднемъ проходѣ, камень легко и безъ замедленія проскальзываетъ наружу въ тотъ же моментъ, какъ заканчиваютъ разрѣзъ. Если же онъ не выходитъ такимъ способомъ, то вынимаемъ его посредствомъ камнеизвлекателя (*λιθούλακος*)“²⁾.

Согласно сказанному, Павелъ Эгинскій не проводитъ, подобно Цельсу, двухъ разрѣзовъ, а проникаетъ ножомъ прямо въ шейку пузыря. Маленькіе камни, засѣвшіе въ мочевомъ каналѣ, онъ удалялъ посредствомъ *уретротомии*³⁾.

Въ области *задняго прохода* онъ вскрывалъ за р а щ е н і я у новорожденныхъ пальцемъ или ножомъ, слѣд. не зналъ болѣе глубокихъ артезій; у взрослыхъ для устраненія суженій отъ язвъ онъ вводилъ конусообразныя твердыя тѣла или свинцовую трубку⁴⁾. Главы о свищахъ, опухоляхъ, ракѣ и аневризмахъ задняго прохода повторяютъ данныя прежнихъ авторовъ. Изъ свищей заднепроходно-пузырные, а также полные, открывающіеся въ прямую кишку, и с к р ы т ы е (слѣпые) или открывающіеся вблизи тазобедренного состава или вдоль бедра, Павелъ Эгинскій считалъ неизлечимыми⁵⁾, при свищахъ же въ мошонкѣ предпринималъ вылуценіе яичка! Для распознаванія скрытыхъ (внутреннихъ) свищей задняго прохода онъ пользовался *заднепроходнымъ зеркаломъ* *Leonides'a* (*ἐρροδιαιολής*).

Поверхностные свищи онъ лечилъ обыкновеннымъ способомъ: разрѣзомъ при помощи зонда; при болѣе глубокихъ проникалъ изъ свища въ

¹⁾ По толкованію же *Наесер'а* (I, 471)—въ положеніи на животѣ.

²⁾ Тамъ же, I, VI, с. 60, р. 616, 617. ³⁾ Тамъ же, 617. ⁴⁾ Тамъ же I, VI, с. 81, 642.

⁵⁾ Тамъ же, I, VI, с. 78, 640.

полость прямой кишки скальпелемъ или даже трепаномъ и раздѣлялъ всё между ними лежащія ткани, стараясь однако избѣгать перерѣзыванія сфинктера. Что касается скрытыхъ свищей, то объ нихъ читаемъ у него слѣдующее:

„De latentibus autem fistulis Leonides hunc in modum tradit. Cum autem alta pars stringentis anum musculi in fistulam dehiscit, quae vel a sede incipiat vel longius procedat, post notas indicatas, disquiretur instrumento quod ad sedem diducendam sit aptatum. Dico autem exiguo perspicillo (τῷ μικρῷ διοπτρῷ) anum, ut muliebrem sinum distendi. At cum fistulae os clare apparuerit per ipsum specilli mucro demittetur, propelleturque in imum: [lamina vero subiecta] tota fistula super eam dividetur semispathula, aut spatha fistulis incidendis peculiari. Nos autem cum in talem incidissemus affectum, hoc administrationis modo uti non potuimus, quod ductus fistulae in conspectum non veniret. Nam inter anum et eius fibulam dextra parte sita erat, instrumentum vero quod ei diducendae erat impositum, magis operationem adumbrabat: at per digitos distendentibus anum nobis, rima quaedam inter unam quandam ani rugam, ceu fistulae emissarium, apparebat, etenim pus per ipsam emanabat: per eandem vero cultelli [mucronem] in fistulam demittebamus ceu manu ab ea ducti, deinde dextrae manus indice digito, [ani fibulae] inserto, cum invenissemus quoddam inter digitum et instrumentum, tenue corpus, eumque violentius cultellum digito adegissemus, fundum fistulae sursum conversum perforavimus, ubi iam digito [mucronem] instrumenti, foras traiectassemus, conspicuum nobis factum totum corpus quod inter fistulae officia habebatur: dico autem ea quae initio ad humoris emissarium sita erant, et ea quae nunc a nobis facta sunt scalpello praecedentes [dissolvimus]“¹⁾.

Изъ а м п у т а ц і й Павелъ производилъ отнятіе руки и стопы (ἀχροτηριασμός), о чемъ оставилъ лишь слѣдующее краткое описаніе:

„Summis partibus nonnunquam putredine consumptis, nempe manu aut pede, ut etiam ossa ipsa contabuerint, vel ex causa exterius adveniente, fracta, vel etiam ex interiore causa putredinem experta, et serrula praecidi postulent, ante hanc necesse est corpora ossibus circumdata primum dividere. Verum quia dum hoc primum fit, deinde longiore temporis spatio serrae administratio peragitur, sanguinis profluvii metus subsequitur, recte Leonides non omnia primum corpora praescindit, nisi ex toto putredine contabuerint, sed partem, ubi non plures neque grandiores esse venas aut arterias existimet principio celeriter usque ad os resecat, deinde os protinus serra praescindit, panniculum lineum partibus sectis circumponens, ne serra per ipsa tracta dolores pariat. Atque tunc reliqua parte excisa, ferramenta candentia vasis iniicit, [et sanguinis fluore suppresso], linamentis insertis, et convenienti ligatura adhibita, remedio utitor quod pus moveat“²⁾.

Тоже относится и къ пластическимъ операціямъ при солубота (дефектъ, ἑλλειψίς) въкъ, лба, щекъ, середины носа и ушей; причѣмъ онъ вкратцѣ повторяетъ сказанное объ этомъ предметѣ Антиллоу³⁾.

Изъ сказаннаго видно, что Павелъ Эгинскій былъ если не самый главный, то, несомнѣнно, даровитый и подчасъ—самый смѣлый изъ древнихъ греческихъ хирурговъ.

1) Тамъ же, I. VI, с. 78, pp. 639, 640.

2) Тамъ же, I. VI, с. 84, 643.. 3) Тамъ же, I. VI, с. 26, 583.

Періодъ совершеннаго упадка византійской медицины.

„Эру греческой медицины“, говоритъ Вгіаи, заканчиваетъ Павелъ Эгинскій, резюмировавшій ее, правда, въ сжатомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ возможно полномъ видѣ. Послѣ нашего автора греческая школа закрывается и наука погружается въ средневѣковой мракъ, чтобы засіять новымъ блескомъ лишь по истеченіи многихъ вѣковъ, съ новымъ разцвѣтомъ греческой литературы на западѣ Европы. Какова бы ни была репутація, приписываемая арабскимъ врачамъ, у нихъ нѣтъ никакихъ правъ на то, чтобы считаться продолжателями классической греческой медицины“¹⁾.

Едва ли однако возможно согласиться съ высказаннымъ здѣсь взглядомъ Вгіаи. Исторія арабской медицины несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что арабскіе врачи были не только хранителями, но и продолжателями греческаго медицинскаго преданія, и что только благодаря имъ сдѣлалась возможной передача греческаго наслѣдія новому времени и сохранилась преемственная связь между греческой и новѣйшей медициной.

Зато на востокѣ, въ византійской имперіи дѣйствительно долго длился закатъ медицинской науки. Слѣдующіе за Павломъ Эгинскимъ вѣка представляютъ лишь весьма небольшое число врачей, коихъ имена и сочиненія дошли до насъ, что находится въ тѣсной связи съ политическимъ упадкомъ восточной имперіи. И въ самомъ дѣлѣ среди глубокой деморализаціи Византіи, гдѣ господствовали безпримѣрные въ исторіи безпорядки въ арміи, въ финансахъ и въ администраціи, гдѣ непрерывно происходили религиозныя распри и безконечныя метафизическія препирательства, а при дворѣ свирѣпствовали насиліе, убійства и всѣ пороки древней Греціи и Рима,—среди такой обстановки не могло быть мѣста наукамъ. Начиная отъ Гераклія (610—641), побѣдившаго персовъ и ихъ военачальника *Chosroës'a*, и до восшествія македонской династіи въ лицѣ Василя (867), на константинопольскомъ тронѣ возсѣдали одинъ за другимъ 23 императора, оставившихъ по себѣ лишь печальныя и кровавыя воспоминанія. Нѣкоторое спокойствіе воцарилось только при императорѣ Василя, собравшемъ законы имперіи въ 40 книгахъ, къ которымъ его преемникъ Левъ VI прибавилъ еще 20,—собраніе, извѣстное подъ названіемъ *Basilica*. Но со смертью послѣдняго въ 911 г. безпорядки возобновились и продолжались непрерывно вплоть до паденія восточной имперіи и взятія въ 1453 г. Магометомъ II Константинополя, съ тѣхъ поръ окончательно потеряннаго для христіанъ²⁾.

¹⁾ Вгіаи, *Paul d'Egine*, p. 37.

²⁾ Ср. Corlieu, l. c., 147, 148.

Въ этой огромной имперіи, просуществовавшей, не смотря на всё безпорядки, 11 вѣковъ, умственная жизнь повидимому оставила Европу и перешла въ Азію. Втеченіе этого длиннаго періода, Греція дала только двухъ врачей: Павла Эгинскаго и Stephanus'a изъ Аѳинъ, всѣхъ же остальныхъ, какъ отчасти мы видѣли выше, доставляли азіатскіе города: Пергамъ, Ephesus, Tralles, Aphrodisias, Amida, Edessa, Emesus, Damascus и Александрія въ Египтѣ ¹⁾. Изъ нихъ многіе вовсе не оставили сочиненій и извѣстны только какъ практики, напр. Jakobus Psychrestos (ψυχρηστός), какъ сказано выше, названный такъ потому, что былъ сторонникъ освѣжающей пици и умѣреннаго, разрѣшающаго образа жизни ²⁾, или Stephanus изъ Edessa, бывшій наставникомъ персидскаго царя Chosroës'a. Немного выиграла медицина и отъ тѣхъ врачей конца описываемаго періода, отъ коихъ и остались кое-какіе литературные памятники. Сюда относятся:

Damascius (Δαμασκίως), означающій не имя, а только мѣсто жительства или рожденія извѣстнаго подъ этимъ названіемъ врача VII вѣка, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ философомъ того же имени, жившимъ въ 5 вѣкѣ по Р. Х. Онъ оставилъ комментаріи къ Гиппократу въ семи отдѣлахъ, обнародованные въ *Scholia in Hippocratem et Galenum Dietz'a* и не представляющіе ничего оригинальнаго ³⁾.

Meletius, фригійскій монахъ, родомъ изъ Tiberiopolis (въ Фригіи), жившій въ VIII или IX вѣкѣ, оставилъ комментарий къ *Афоризмамъ* Гиппократа, подъ заглавіемъ:

1) Μελετίου ἰατροῦ καὶ φιλοσόφου ἐξηγήσεις εἰς τοὺς ἀφορισμοὺς (не напечатано).

Далѣе сочиненіе о природѣ и строеніи человѣка, *de natura structuraque hominis*, составленное по сочиненіямъ свѣтскихъ (языческихъ) и духовныхъ писателей, подъ заглавіемъ:

2) Μελετίου περὶ τῆς τοῦ ἀνθρώπου παρασκευῆς, ed. Cramer, Anecdota Graeca, Oxonii, 1836.

Латинскія изданія: Meletii philosophi de natura structuraque hominis. Opus Polemonis Atheniensis insignis philosophi naturae signorum interpretatio. Hippocratis de hominis structura. Dioclis ad Antigonum regem de tuenda valetudine epistola. Melampri de naevis corporis tractatus. Omnia haec non prius edita. N. Petrejo Corsyreo interprete. Venet., apud Gryphium, 1552.

Meletii commentarius de natura hominis e cod. cracov. ed. Fridr. Ritschel, Vratislav. 1837, содержитъ приблизительно только $\frac{1}{4}$ всего сочиненія.

Пояснительное сочиненіе: Bachmann, Quaestio de Meletio graece inedito ejusque latino interprete Nicolao Petrejo. Rostoch. 1833 ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, p. 148.

²⁾ Alex. Trallianus, ed. Puschmann, t. II, 163, 565, 571.

³⁾ Ср. Corlieu l. c. p. 150.

⁴⁾ Тамъ же, 151 Haeser I, 476 и Choulant Bücherkunde, 145.

Leo iatrosophista, въ царствованіе императора Теофила (829—842), оставилъ недавно открытое сочиненіе:

Σύνεψις ἱατρικῆ, въ 7 книгахъ, предназначенное первоначально для одного молодого врача и обнародованное впервые на греч. и лат. языкахъ въ *Anecdota medica graeca* Eggerins'a, L. B. 1840.

Photius, жившій въ царствованіе Михаила III (842—876), константинопольскій патріархъ и ученый, игравшій немаловажную роль въ церковныхъ и политическихъ событіяхъ своего времени, оставилъ обширную, но безплодную компилятивную энциклопедію всѣхъ наукъ: *Myriobiblon* или *Bibliotheca*, въ 279 книгахъ, изъ коихъ естественно-научныя и медицинскія составлены по сочиненіямъ Теофраста, Діоскорида, Орибазія и Аэція.

Изданія: Photius Μυριοβιβλον, ed. Hoeschelius (съ лат. переводомъ Schott'a), Aug. Vindel. 1601, 1611, Rothomagi 1653. Новѣйшее изд. Imman. Becker, Berol., 1824. — Кромѣ того отъ него сохранилось περί ἱατρικῶν ζητημάτωνъ въ Photius, Amphilochia, ed. Oikonomos, Athen. 1858. Ср. Hergengöther, Photius, Patriarch von Constantinopel, Regensb. 1867¹⁾.

Theophanes Nonnos (въ X вѣкѣ), врачъ покровительствовавшего ученымъ императора Константина VII Багрянороднаго (950 г. до Р. X.), составилъ по призыву послѣдняго *Compendium totius artis medicae* (въ 297 главахъ) или Извлеченіе изъ всей медицины по Александру изъ Tralles'a, Орибазію и Павлу Эгинскому, коихъ однако нигдѣ не называетъ. Здѣсь въ топографическомъ порядкѣ и подчасъ со многими бессмыслицами изложены въ сжатой формѣ болѣзни, ихъ причины, симптомы и леченіе, причемъ наибольшее вниманіе обращено на фармакологію, меньше на патологію и еще меньше на хирургію.

Изданія: Martius: Ἐπιτομή τῆς ἱατρικῆς ἀπάσης τέχνης, Noni Medici clarissimi, de omnium particularium morborum curatione, sic ut febres quoque et tumores praeter naturam complectatur, liber, nunc primum in lucem editus et summa diligentia conversus, ed. Hieremias Marthius, excud. Josias Rihelius graece et latine. Argent. 1568.

St. Bernard: Theophanis Nonni Epitome de curatione morborum graece et latine ope codd. mss. recensuit notasque adjecit J. St. Bernard, Gottae et Amstelodami, 1794 и 1795. Окончено послѣ смерти St. Bernard'a въ 1793 г. Gumpert и Sparr'омъ.

Кромѣ того въ парижской Bibliothéque nationale находится начало маленькаго трактата Nonus'a о діететикѣ, посвященнаго Константину Багрянородному²⁾.

Mercurius (- Monachos) греческій монахъ, жившій на югѣ Италіи въ X, а согласно Sprengel'ю—въ XIII в., заимствовавшій свою книжицу отъ монаха, ушедшаго въ Китай, оставилъ всего 28 афоризмовъ о пульсѣ подъ громкимъ заглавіемъ:

¹⁾ Ср. Haeser, I, 476.

²⁾ Тамъ же, 477, Ср. Choulant, Bücherkunde, 146, и Corlieu l. c., 151.

Περὶ τοῦ λογιστάτου μονάχου Κύρου Μερκουρίου ἀναγκασιότατη διδασκαλία περὶ σφουγμῶν. *Весьма полезныя правила весьма искуснаго монаха Кира Меркурія о пульсѣ* въ *Physici et medici graeci minores Ideler'a t. II*, p. 254. Греко-латинское: Neapoli, 1812, ed. Salvator Cygillus.

Здѣсь на двухъ страницахъ излагаются правила—какъ ощупывать пульсъ и ставить діагностику, смотря по тому, какъ онъ бьется. Подобнымъ изслѣдованіемъ пульса можно, по его мнѣнію, распознавать всѣ болѣзни ¹⁾).

Michaelus Psellus (ψελλός—заика) родомъ изъ патриціевъ Константинополя (1020—1105) былъ наставникомъ императора Михаила Ducas'a (1068—1071) и жилъ при его дворѣ, а по его изложеніи—въ монастырѣ. Онъ составилъ энциклопедію, обнимающую религію, философію, ариѳметику, музыку, юриспруденцію, комментаріи къ Аристотелю и т. д. подъ заглавіемъ:

1) Διδασκαλία παντοδαπῆ (различныя правила) на греч. и лат. въ Fabricius, Bibliotheca graeca, t. V.

2) Πόνημα ἱατρικὸν ἀριστον δι' ἰάμβων—дидактическая поэма въ 1373 стихахъ, содержащая въ первой части (242 стиха) правила о гигиенѣ, а во второй—прогностику (издана въ Boissonade, Anecdota graeca, Paris 1829 и у Ideler'a, I, p. 203—243 и раньше).

3) Περὶ λούτρου—о купаньяхъ въ 21 стихѣ. (Тамъ же. II, 193).

4) Περὶ λίθων δυνάμεων, de lapidum virtutibus, graece et latine.

Изданія: S. l. 1594, typis Otthomarianis. Nomenclator gemmarum quae magis in usu sunt, cum earundem medicinis, nunquam antehac, quod sciri adhuc potuerit, editus Claudio Ancanthero, medico et Caesareo historico ex graeco. Accesserunt ejusdem Ancantheri in hunc libellum Notae breves non infructuosae.

Lugd. Bat. 1745, ed. St. Bernard и Ideler I, 245—247. Здѣсь на 4 страницахъ въ 26 главахъ, по вѣсколку строчекъ каждая, изложены происхожденіе, цвѣтъ и лечебныя свойства различнаго рода камней, причемъ разсматриваются алмазъ, киноварь, бериллъ противъ спазмовъ, агатъ, амбра, лигнитъ при болѣзняхъ глазъ, галактитъ какъ молокогонное, прогоняющее печаль и цѣлебное при укушеніяхъ животныхъ; амбра противъ disuria, лихорадки и катарра желудка, iaspis противъ головныхъ болей и чумныхъ болѣзней, магнитъ противъ меланхоліи, опух противъ ночнаго испуга, смарагдъ противъ слоновой проказы и кровотеченій, schalazion противъ укушеній скорпіона, словомъ, это своего рода минералогическая Materia medica, составленная по признанію Psellus'a, на основаніи взглядовъ Анаксагора, Эмпедокла, Демокрита и Александра изъ Aphrodisias.

5) Περὶ διαίτης, de victus ratione въ 2 книгахъ, на лат.

Изданія: Erfordia e, 1499 подъ названіемъ: Opusculum ad augendam conservandamque sanitatem et prolongandam vitam. Valde quam non utile modo, sed etiam necessarium. Л. 2b: Pselli ad Imperatorem Constantinum. Georg. Valla Placentino interprete. Л. 13 a: Interpretamentum leve in Psellum philosophum et medicum de natura ciborum communium.

¹⁾ Тамъ же, 152.

Basil. 1529, на греч. и у Ideleg, II, p. 257—281, подъ заглавіемъ: Ἀνοῦβλου περί χύμων, βρωμάτων καὶ πόματων (Thierfelder). Посвящено императору Константину X Дукасу.

6) Περί καίνων ὀνομάτων τῶν ἐν νοσήμασι въ Voissonpade, Anecdota graeca, Paris, 1829. Это маленькій медицинскій словарикъ, на 9 страницахъ, гдѣ Psellus воспроизводитъ употребительныя въ медицинѣ названія и ихъ значеніе. Здѣсь приложены еще его же пері γερῶν.

7) Περί ἐνεργείας διαμόνων διάλογος, dialogus de operatione daemoum, Paris, 1615, ed. Gaulminus; Kiloni, 1688 и ed. Voissonpade Norimb. 1838.

8) Ἐπιλύσεις σύντομοι φυσικῶν ζητημάτων, ed. Seebode, Gotha, 1840.

Кромѣ того въ національной парижской библиотекѣ находятся еще приписываемыя Psellus'у и Theophanes Nopius'у рукописи: *О пищѣ, Вопросы и отвѣты* по предметамъ, относящимся къ медицинѣ, *Собраніе началъ медицины* (въ 205 главахъ, посвящено императору Константину Багрянородному); *О зачатіи*. Все это однако не оригинальныя сочиненія, а компиляціи ¹⁾.

Simeon Seth (ок. 1060 по Р. X.), названный такъ сокращенно по восточной манерѣ по отцу своему Seth'у и жившій въ Константинополѣ при императорахъ Константинѣ IX и Михаилѣ VII Ducas'ѣ (1071—1078); былъ лейбъ-медикомъ послѣдняго, а также занималъ при дворцѣ Антиоха важную должность хранителя гардероба и государственныхъ драгоценностей (πρωτοβεστιαριος, μαγιστῆρ Ἀντιοχείας). Его не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это дѣлаетъ Corlieu, съ протобестиаріемъ Симономъ при Михаилѣ IV, изгнаннымъ изъ Константинополя въ 1034 году и поселившимся во Фракійскомъ монастырѣ близъ Олимпа ²⁾. Онъ оставилъ посвященный Михаилу VII *Сборникъ* о качествахъ (силахъ) пищевыхъ веществъ со включеніемъ пряныхъ, ароматическихъ и употреблявшихся послѣ обѣдовъ вторыхъ средствъ, въ алфавитномъ порядкѣ. Сборникъ этотъ составленъ довольно умѣло по сочиненіямъ Гиппократа, Теофраста, Dioscorida, Galena, Proclus'a, Philotimus'a, Азція и Павла Эгинскаго.

Изданія: Греко-латинскія—Basil. 1538, ed. Gualdus, подъ заглавіемъ: Συμειῶνος μαγιστροῦ Ἀντιοχείας τοῦ Σηθὶ Σύνταγμα κατὰ στοιχεῖον περί τροφῶν δυνάμεων, Simeoni Sethi magistri Antiochae Syntagma per literarum ordinem, de cibariorum facultate etc.

Lutetiae Parisiorum 1658, ed. Bogdani, подъ тѣмъ же греч. и латинскимъ заглавіемъ: Simeonis Sethi, magistri Antiocheni volumen de alimentorum facultatibus juxta ordinem literarum digestum ex duobus bibliothecae Mentelianae MM. SS. codd. emendatum, auctum et latina versione donatum cum difficilium locorum explicatione etc. Наилучшее изданіе.

Латинскія:—Basil. 1561: Simeonis Sethi syntagma per elementorum ordinem de alimentorum facultate, ap. Pt. Pernam, перев. Gualdus'a, исправленный Monthesaurus'омъ.

Новѣйшее греческое: ed. Bernhard Langkavel, Lips. 1868, Teubner.

¹⁾ Choulant, Bücherkunde, 147—149, Haeser, I, 477, 478; Corlieu, 154, 155.

²⁾ Тамъ же, 156, и Haeser, I. c. Послѣдній пишетъ: „protobestiarches“.

Кромѣ того Симеонъ Сеть оставилъ переведенный съ арабскаго снотолкователь, сочиненіе о землѣвѣдѣніи и астрономіи (по Pvellus'у), *Σύνοψις καὶ ἀπάνθισμα φυσικῶν τε καὶ φιλοσόφων δογμάτων* (не напечатано), статью о запахахъ, вкусѣ и осязаніи и хроникку отъ сотворенія міра до его времени, наконецъ, согласно Dagemberg'у (*Notices et extraits des manuscrits médicaux, Paris, 1853*) статью о діететикѣ и возраженіе противъ философскихъ теорій Галена (въ Оксфордскомъ кодексѣ его Syntagma)¹⁾.

Въ предисловіи къ Syntagma, обращаясь къ императору Михаилу VII, Симеонъ Сеть даетъ слѣдующее понятіе о своей книгѣ:

„Могущественный и славный владыка! Многіе писатели, не только въ Греціи, но и въ Персіи, Аравіи и Индіи, писали о свойствахъ пищевыхъ веществъ. Объ однихъ вопросахъ они согласнаго, о другихъ различнаго мнѣнія. Я подумалъ, что во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ слѣдовало отыскать все, что въ нихъ лучшаго и наиболѣе близкаго къ истинѣ, и представить на усмотрѣніе Вашего высочайшаго и божественнаго могущества, такъ что, познавъ дѣйствія и свойства пищевыхъ веществъ, Вы будете въ состояніи пользоваться ими съ наибольшей выгодой для Вашего здоровья... ибо на свѣтѣ нѣтъ ничего драгоценнѣе и полезнѣе для хорошаго владыки, какъ здоровье и долголетіе. Но такъ какъ извѣстныя пищевыя вещества слывуть въ публикѣ подъ другими названіями, нежели у древнихъ врачей, то постараюсь употребить самыя обыкновенныя и наиболѣе извѣстныя названія для того, чтобы быть понятнымъ Вами. Въ этомъ сочиненіи я рассмотрю все, касающееся приностей, ароматическихъ веществъ и напитков“.

Вся книга состоитъ изъ 159 главъ, въ коихъ каждое вещество разсматривается сначала со стороны 4 основныхъ качествъ (теплоты, холода, сухости, влажности), затѣмъ со стороны его физиологическихъ и терапевтическихъ свойствъ. Вотъ образчикъ его манеры изложенія:

„Петрушка горяча во второй и суха въ третьей степени. Она гонитъ мочу, устраняетъ завалы, не пучитъ, а скорѣе гонитъ вѣтры и вызываетъ мѣсячныя выдѣленія. Переваривается она съ трудомъ, а потому ее слѣдуетъ употреблять посрединѣ трапезы. Она мало сжимаетъ животъ и въ силу специфической особенности вредна одержимымъ надучей болѣзнію, почему послѣднимъ слѣдуетъ безусловно отъ нея воздерживаться. Лица, раньше подвергавшіяся по временамъ припадкамъ этой болѣзни и затѣмъ чувствовавшія себя хорошо, послѣ ея употребленія становились опять эпилептическими. Она вредна для ячечекъ. Зерно дѣйствуетъ сильнѣе, нежели листья, а корень еще сильнѣе. Петрушка очищаетъ почки и мочевой пузырь и устраняетъ засоренія въ венахъ и артеріяхъ. Сѣмена прогоняютъ опьяненіе. Петрушка сообщаетъ тѣлу пріятный запахъ и многихъ уже ея употребленіе освободило отъ дурнаго запаха. Она дѣлаетъ женщинъ болѣе склонными къ любви. Въ видѣ припарокъ и примочекъ, говорятъ, она изгоняетъ камни, облегчаетъ дизурию и лечитъ почки. Женщины, кормящія грудью, должны избѣгать ея употребленія, такъ какъ она уменьшаетъ отдѣленіе молока. Ея сокъ весьма полезенъ для одержимыхъ знобами ежедневныхъ лихорадокъ. Дикая петрушка обладаетъ особеннымъ дѣйствіемъ противъ ядов“²⁾.

Очевидно древнимъ было извѣстно мочегонное, вѣтрогонное и мѣсячогонное дѣйствіе петрушки, вмѣсто которой нынѣ употребляется апіоль.

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*; 150 и Naeser, I, 479.

²⁾ По переводу Corlieu, *l. c.* 157.

Симеонъ Сеть — первый грекъ, упоминающій объ арабскихъ средствахъ, каковы: аmyris gileadensis ¹⁾, гвоздика, мушкатные орѣхи ²⁾, амбра (ἀμπρα) ³⁾, камфора (καρούρα) и камфорное дерево ⁴⁾, мускусъ (μύσχος) изъ Тибета (Τουπάτ) ⁵⁾, а также о введенныхъ арабами составахъ Јулер'а (ζουλάπιον), сиропахъ, напр. фиолетовомъ (ισσαύαρων) противъ грудныхъ болѣзней, и пахучихъ маслахъ ⁶⁾. Онъ указываетъ на хорошее дѣйствіе спаржи въ дизуріи, болѣзняхъ почекъ, печени и при сердцебіеніи. Камфору онъ употреблялъ какъ успокоивающее въ остромъ періодъ болѣзней, при головныхъ боляхъ, воспаленіяхъ печени, и признавалъ за ней способность охлаждать почки и сѣменные протоки и задерживать сѣмя: καὶ αὐτὸ πῆγνυσι τὸ σπέρμα ⁷⁾. Такимъ же свойствомъ обладаетъ конопля (κάνναβος) ⁸⁾, вѣроятно сапabis indica.

Изъ сказаннаго видно, что трактатъ Syntagma занимается качествами не только пищевыхъ веществъ, но и лекарственныхъ изъ растительнаго и животнаго царствъ, и что Сеть пользовался не только греческими, но и арабскими источниками, а потому онъ представляетъ собой переходъ отъ среднихъ къ новымъ вѣкамъ.

Nicetas или **Niketas** (1100?), жившій вѣроятно въ концѣ 11 столѣтія при Константинѣ Dukas'ѣ, сынѣ его Михаилѣ и Алексіѣ I Комненѣ (1081—1118), оставилъ *хирургическій сборникъ* изъ сочиненій Гиппократа, Аполлонія изъ Kittium, Сорана, Rufus'a, Галена, Орибазія, Павла Эгинскаго и Палладія, изъ котораго напечатана только часть:

Graecorum chirurgici libri, Sorani unus de fracturarum signis, Oribasii duo de fractis et de luxatis. E collectione Nicetae ab antiquissimo et optimo codice florentino descripti, conversi et editi ab Ant. Cocchio. Florent. 1754. На греч. и лат.—Флорентійская рукопись 11 или 12 в., по которой напечатанъ этотъ отрывокъ, содержитъ незабѣлывные рисунки, изъ коихъ нѣкоторые даже позолочены. Ср. Haeser, I, 479.

Вообще это одинъ изъ лучшихъ сборниковъ послѣ Орибазія, содержащій весьма драгоценные хирургическіе отрывки съ *рисунками* повязокъ и машинъ. Упомянутая рукопись служила руководствомъ для общаго употребленія въ больницѣ сорока мучениковъ, учрежденной въ Константинополѣ въ концѣ XII столѣтія Исаакомъ Ангеломъ ⁹⁾, а также быть можетъ и въ знаменитомъ и богатомъ *Orthoprotropheum*'ѣ, устроенномъ уже ранѣе Алексіемъ Комненомъ: это было заведеніе или, вѣрнѣе, цѣлый городъ на восточной окраинѣ Кон-

¹⁾ Simeon Seth, ed. Bogdani, Paris 1659. p. 14. ²⁾ Тамъ же, p. 55. ³⁾ Тамъ же, p. 11.

⁴⁾ Тамъ же, p. 45 и 59. ⁵⁾ Тамъ же, p. 70. ⁶⁾ Тамъ же p. 43. Ср. Hecker, II, 302—305.

⁷⁾ Simeon Seth, ed. Teubner, p. 59. ⁸⁾ Тамъ же, p. 61, ср. Corlieu l. c. 158.

⁹⁾ *Nicetae Collectio*, предисловіе Cocchi, p. XI.

стантинополю, въ которомъ отлично содержались до 10000 больныхъ и увѣчныхъ, дѣтей и старцевъ, подѣ верховнымъ призравнѣемъ императорской фамилии и самого императора, какъ видно изъ его историографіи, написанной его дочерью, Анной Комненой¹⁾. Интересно, что Комнены сами занимались медициной, какъ напр. та же Анна Комнена, обладавшая значительными медицинскими познаніями и предсѣдательствовавшая въ совѣтѣ врачей по поводу болѣзни ея отца (вѣроятно порокъ сердца)²⁾, а также Manuelus Komnenus, который познаніями въ медицинѣ превзошелъ будто бы всѣхъ врачей своего времени, самъ назначалъ лекарства и мази, дѣлалъ кровопусканія и накладывалъ повязки. Ему же и его врачамъ приписываютъ излеченіе іерусалимскаго короля Балдуина II отъ тяжкаго поврежденія верхней конечности и императора Конрада III—отъ хронической болѣзни послѣ его пораженія въ Малой Азіи³⁾. Изъ относящихся къ началу 12 вѣка врачей наиболѣе извѣстны:

Nicolaus Kallikles, Pantechnes Michaelus (1110), лейбъ-медики Алексія I, и евнухи Michaelus и Thomas (изъ Лесбоса)³⁾, изъ коихъ послѣдній 40 лѣтъ спустя жилъ при дворѣ Мануила Комнена.

Къ этому же времени относится составленіе нѣсколькихъ медицинскихъ *Сборниковъ*, авторами коихъ были:

Stephanus Magnetes, оставившій расположенный по алфавиту медицинскій *Сборникъ*, украшенный именами Diosкорида и Стефана Аѳинскаго, подѣ заглавіемъ:

Βιβλος Διοσκορίδου καὶ Στεφάνου Ἀθηναίου τοῦ φιλοσόφου περιέχουσα φαρμάκων ἐμπειρίας κατὰ ἀλφάβητον σοφῶς ἐκτεθεισα (въ рукописи въ Вѣнѣ).

Латинское изданіе: *Alphabetum empiricum, sive Dioscoridis et Stephani Atheniensis philosophorum et medicorum de remediis expertis liber juxta alphabeti ordinem digestus*. Ed. Casp. W o l p h. Tiguri, 1581⁴⁾.

Synesius и Constantinus Africanus (вѣрнѣе Reginus изъ Reggio въ Калабріи) оставили медицинскій *путеводитель* (*Viaticum*), изъ коего напечатана только статья о *мхорадкахъ*:

Synesius, de febris quem nunc primum ex Codd. ms. biblioth. Lugd. Bat. edidit, vertit, notisque illustravit I. St. B. Accedit *Viatici* Constantino Africano, iinterprete *lib. VII*, ed. St. Bernard, ap. Gerard de Groot et Ph. Bonk. Amstelodami et Lugd. Bat. 1749. Очевидно, это лишь отрывокъ, самое же сочиненіе осталось ненапечатаннымъ и носить названіе:

¹⁾ Анна Комнена, Alexiad. I. XV, p. 482 и слѣд. ²⁾ Тамъ же, p. 496. ³⁾ Тамъ же. Ср. Нескер, II, 308—310.

⁴⁾ Ср. Haeser, I, 479.

Τὰ ἐφοδία ἀποδημοῦντων. Viaticum peregrinantium или санитарный Vademecum, на арабскомъ въ Дрезденѣ, на греч. въ лейденской, ватиканской (XI вѣка), парижской національной (XIII вѣка) и др. библиотекахъ. Это не что иное, какъ переводъ съ арабскаго на греческій языкъ санитарнаго путеводителя арабскаго врача Abu Dschafar Ahmed el Dschezzag (сокращенно Algazirah по мѣсторожденію въ Algazirah въ Мессопотаміи), носящаго названіе Zadel Mosafeg (руководство для странниковъ). По другимъ авторомъ арабской рукописи считается Ahmed ben Abrahah, еще по другимъ—Isaak Hebraeus. До послѣдняго времени, на основаніи надписи на сликѣ лейденской рукописи, авторомъ перевода считался грекъ Synesius. Въ новѣйшее время однако таковымъ считается Константинъ изъ Reggio (τοῦ Ῥηγίου), а не африканскій, такъ какъ Abu Dschafar умеръ между 961 и 1009, а Константинъ африканскій (изъ Кароагена) умеръ въ 1087 г. до Р. X. ¹⁾ Между тѣмъ Dagembeg ²⁾ видѣлъ въ Ватиканѣ переводную рукопись, относящуюся къ X или началу XI вѣка, слѣд. она не можетъ быть приписана послѣднему. Наконецъ есть еще еврейская обработка: *Dzedat el derachim* ³⁾ (вѣроятно отъ „Tzedat laderech“—запасъ на дорогу. Бытіе, XLII, 25).

Ruscipotti высказываетъ мнѣніе, что упомянутое арабское „Руководство для странниковъ“—не оригинальное сочиненіе, а переводъ съ первоначальнаго греческаго подлинника, относящагося къ X вѣку и служившаго образцомъ для *Aggregator*'а (s. *Brecciarium*) арабскаго врача Serapion'a ⁴⁾.

Изъ сказаннаго видно, что изъ сочиненія ἐφοδία напечатана только кн. VII—de febribus, посящая названіе Synesius'a. Этотъ трактатъ раздѣляется на 10 главъ, въ коихъ говорится объ эфемерной, горячечной, трехдневной и ежедневной лихорадкѣ, далѣе о потѣ, жаждѣ, синохальной и 4-дневной лихорадкѣ (причемъ часто приводятся Гипократъ, Галенъ, Платонъ, Агатинъ, методикъ и эмпирикъ), наконецъ объ оспѣ и ея леченіи (περὶ τῆς φλοκτανοῦσης λοιμικῆς, главы 9 и 10). Эти послѣднія главы составляютъ резюме всего, что извѣстно было объ этой болѣзни изъ описанія Rhazes'a (изъ Багдада). Synesius, или вѣрнѣе Абу Джафаръ различаетъ два вида этой эпидемической, заразительной болѣзни (λοιμικῆ): собственно оспу, φλοκτανοῦση λοιμικῆ, и другой видъ—λεπτή καὶ πυκνὴ λοιμικῆ (по другимъ εὐλογία), которую Нескер истолковываетъ какъ корь, смѣшиваемую арабами съ оспою и считавшуюся ими за

¹⁾ Тамъ же, 486, Corlieu, l. c. 159 и Leclerc, La médecine arabe, Paris, 1876, I, 413. Согласно Pierre Diacre'y Константинъ Африканскій род. въ Кароагенѣ, оставался 39 лѣтъ въ Вавилонѣ (Багдадѣ?) и пр., гдѣ изучилъ индійскія нарѣчія и медицину, затѣмъ возвратился въ Кароагенъ, а оттуда переселился въ Салерну, гдѣ вновь возбудилъ въ Италіи интересъ къ изученію греческой медицины, послѣ чего сдѣлался монахомъ въ Monte-Cassino, гдѣ и скончался. Тамъ же 539, 540.

²⁾ Dagembeg, Notices et extraits des manuscrits grecs, latins et français, Ipar-tie, Paris, 1853, pp. 77 и слѣд.

³⁾ Ср. Haeser, I, 466.

⁴⁾ Тамъ же.

особый видъ оспы ¹⁾. Производитъ Абу Джафаръ оспу отъ гніенія крови, по примѣру Rhazes'a, сравнивавшего этотъ процессъ съ броженіемъ вина, „такъ какъ при этомъ суслообразная кровь дѣтей превращается въ вино-подобную кровь взрослыхъ“ ²⁾. Какъ симптомы этой болѣзни описываются сильная лихорадка, головная боль, краснота глазъ, тургесценція лица, боль въ горлѣ и груди, сухой кашель, зудъ въ ноздряхъ, чиханіе, зудъ отъ проявляющейся скоро сыпи. Что касается леченія, то оно состояло въ тепломъ содержаніи и употребленіи согрѣвающихъ и влажныхъ лекарствъ съ цѣлью разжиженія болѣзненныхъ влагъ и отвлеченія ихъ по направленію къ кожѣ, чтобы способствовать скорѣйшему высыпанію, между прочимъ въ назначеніи укропной и петрушечной воды съ розовымъ сахаромъ (ρόδόςαχαρ) ³⁾.

Интересно еще описаніе однодневной лихорадки отъ квасцовыхъ, щелочныхъ и сѣрныхъ ваннъ ⁴⁾, а также воспалительной (πυρετός φλογώδης), которую Абу Джафаръ лечилъ кровопусканіями и легкими слабительными (тамаринды, дамасскія сливы) ⁵⁾; кромѣ того имъ, какъ вообще арабами, употреблялись еще дистиллированныя воды, напр. розовая (ρόδόςταγμα или ρόδων σταλάγμα), масла, сиропы, камфора, а также пахучія вещества, какъ роза, мирра, ивовыя вѣтки и проч., которыя при сильномъ жарѣ сыпались вокругъ больного и поливались водой для очищенія воздуха ⁶⁾.

Около средины XII вѣка встрѣчаемъ еще небольшое діететическое сочиненіе, авторомъ коего считается

Hierophilus (Ἱεροφίλος), въ срединѣ XII вѣка, носящій названіе не врача, а софиста, подъ каковымъ именемъ подразумѣвался магистръ философіи и краснорѣчія.

Изданіе: Ἱεροφίλος, περὶ τροφῶν λόγος, ed. Boissanade, Paris, 1827 и въ Ideler, *Physici et medici graeci minores*, 1841, t. 1, p. 409.

Это—маленькій трактатъ на 9 страницахъ, излагающій виды пищи и правила гигиены для каждаго мѣсяца ⁷⁾.

Затѣмъ въ теченіе почти цѣлаго столѣтія исторія не сохранила ни одного медицинскаго имени въ Греціи и только въ концѣ XIII вѣка вновь обнаруживаются слабые признаки жизни въ области медицины. Сюда относятся:

¹⁾ Synesius, *De febribus*, l. c. c. 9. ²⁾ Тамъ же, с. 1. (Ср. Нескер, II, 315, 316).

³⁾ Ср. Corlieu, l. c., 161.

⁴⁾ Synesius, l. c., с. 1. ⁵⁾ Тамъ же, сс. 7 и 3. ⁶⁾ Тамъ же, с. 2. Ср. Нескер, II, 316, 317. ⁷⁾ Ср. Corlieu, l. c. 163.

Demetrius Peregomenes (1270?), живший при императорѣ Михаилѣ VIII Палеологѣ (1261—1283). Онъ оставилъ два сочиненія:

ветеринарное: *περὶ τῆς τῶν ἱερακῶν ἀνατροφῆς τε καὶ θεραπείας*, „О бoльзняхъ охотничьихъ соколовъ и ихъ леченіи на греч. и лат. въ Rigaltius, *Hierakosophon s. rei accipitrariae scriptores*, Paris, 1612 (*Kynosophon*—объ уходѣ за собаками, въ Aelianus, *De natura animalium*, ed. Hercher, Lips. 1863, лишь ошибочно приписывается Peregomenes'у. Ср. Haeser, I, 480 и Hecker, II, 266), и

медицинское: *Σύνταγμα περὶ τῆς ποδάγρας*, трактатъ о *подагрь*.

Изданія: греко-латинскія—Demetrii Peregomeni, liber de podagra etc., Paris, 1558. Переводъ и изд. Andr. Turnebus'a.

Λειτουργίου κυρίου Δημητρίου τοῦ Πεπαγομένου σύνταγμα περὶ τὰς ποδάγρας, αἰτέθεν πρὸς τοῦ βασιλέως Μιχαὴλ τοῦ Παλαιολόγου—Demetrii Peregomeni liber de podagra, graece et latine. Quem ope ms. bibliothecae Lugduno - Bataviae recensuit atque notis illustravit J. St. Bernard, Lugd. Bat. 1743.

Латинскія: de podagra libellus incerti auctoris graeco in latinum conversus etc. Margonusuro (архієпископомъ) Romae, 1517. Другой переводъ—Morelius'a, 1558.

Demetrius Peregomenes redivivus, s. tractatus de arthritide graece conscriptus, ex gallico Frederici Jamoti latine redditus a J. Borgesio, Audomari 1619, ap. C. Boscardum.

Французское: Trad. de Frédéric Jamot de Béthune, Paris, 1567 и 1573 ¹⁾.

Эта книга, содержащая 46 главъ, составляетъ резюме взглядовъ на подагру Гипократа, Галена и Александра изъ Траллеса. Объяснивъ, что ревматизмъ происходитъ отъ прилива и накопленія влаги (Гипократъ), Peregomenes указываетъ на то, какъ онъ бросается на мозгъ, печень и сердце—доказательство, что древнимъ былъ извѣстенъ ревматизмъ внутреннихъ:

„Ὅ μόνον μὲν εἰς χεῖρας καὶ εἰς πάντα τὰ ἄρθρα γίνονται οἱ τοιοῦτοι ρευματισμοί, ἀλλὰ καὶ εἰς ἐγκέφαλον καὶ εἰς ἥπαρ καὶ εἰς αὐτὴν τὴν καρδίαν ἢ τινὰ εἰς δεινότατα καὶ δυσπαλλακτότατα“.

„Эти ревматизмы поражаютъ не только руки и всѣ другіе составы, но также мозгъ, печень и самое сердце,—тяжкія и весьма упорныя осложненія“ ²⁾.

Если органическія силы въ состояніи изгнать эти накопленія, то возвращается здоровье, если нѣтъ, то наступаетъ болѣзнь. Отсюда естественно вытекаетъ профилактическое и терапевтическое лечение. При этомъ Peregomenes точкой отправленія беретъ, что безъ вѣрнаго діагноза невозможно цѣлесообразное лечение (ὁ γὰρ ἄριστα διαγνοὺς ἄριστα καὶ θεραπεύει) ³⁾ и что главное вниманіе должно быть обращено на ограниченіе и удаленіе продуктовъ разло-

¹⁾ Choulant, Bücherkunde 155, 156 и Corlieu, l. c., 167.

²⁾ Demetr. Peregomenes de Podagra (ed. Bernardi, 1743), с. 5 (Ср. Corlieu, l. c. 166).

³⁾ Demetr. Peregomenes, l. c., praef. p. 6. Ср. Hecker, II, 322.

женія (περιττώματα), движеніе коихъ къ пораженнымъ частямъ и вызываетъ подагру (ρευματισμός). Согласно съ этимъ Peparomenes совѣтуетъ хотя и не поститься, но мало ѣсть и пить, пища должна быть разнообразная, но легкая; сухая же и вязущая, а также вино воспрещаются ¹⁾. Предохраняющее леченіе состоитъ въ ежемѣсячныхъ очищеніяхъ съ помощью пилюль, состоящихъ изъ aloës, scammonium, potentilla (quinquefolium), cinnamomus ²⁾. Леченіе же болѣзни состоитъ въ кровопусканіяхъ на больной сторонѣ ³⁾, рвотныхъ ⁴⁾, слабительныхъ, въ томъ числѣ sennae (σέννε) ⁵⁾, а также въ употребленіи персидскихъ пилюль, въ составъ коихъ входятъ гвоздика, cinnamomus, мастика, agaricus и пр. ⁶⁾. Далѣе, онъ совѣтуетъ строгую діету, сыворотку и неизбѣжный теріакъ. Какъ мѣстные средства имъ рекомендуются припарки изъ листьевъ капусты, петрушки, чистаго бульона, или же припарки изъ смѣси хлѣба, яичныхъ желтковъ и розоваго масла съ прибавленіемъ небольшого количества укусу, а также мазь съ шафраномъ, опиѣмъ и т. д. ⁷⁾.

Изъ другихъ придворныхъ врачей историками упоминается современникъ Peparomenes'a,

K a b a s i l a s, присутствовавшій при смерти императора и носившій титулъ „actuarius“ (ἀκτουαριός), присвоенный лейбъ-медикамъ не раньше какъ въ 13 вѣкѣ и соотвѣтствовавшій отгѣненному званію comites archiatrogum ⁸⁾.

Nicolaus Myrepsus (ὁ μυρσεψός—unguentarius), родившійся въ Александрію, жившій одно время при дворѣ императора Іоанна Дукаса Vatatzes'a въ Никеѣ (1222—1255) въ качествѣ actuarias'a и во время занятія Константинополя римскими царями отправившійся въ Римъ ⁹⁾, оставилъ сочиненіе о *медикаментахъ* подъ названіемъ *Antidota* (Ἀντιδοτά), составленное по греческимъ, латинскимъ и арабскимъ авторамъ, нѣчто въ родѣ сборника формуль сложныхъ медикаментовъ. Во время своихъ путешествій, приведшихъ его обратно въ Александрію, онъ изучилъ арабскую медицину, а въ Италиі — салернскую ¹⁰⁾, однако безъ самостоятельныхъ наблюденій, результатомъ чего былъ упомянутый безсмысленный наборъ рецептовъ, составленный имъ, повидимому, въ глубокой старости (между 1270 и 1290), такъ какъ онъ упоминаетъ о папѣ Николаѣ III (1278—1280). Сочиненіе его содержитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 2656 формуль, принадлежащихъ самымъ различнымъ школамъ, начиная отъ Герофила и оканчивая арабскою и салернскою школами. Греческій текстъ такъ и остался въ рукописи, а напечатанъ только

¹⁾ Тамъ же, сс. 25, 27. ²⁾ Тамъ же, с. 20. ³⁾ Тамъ же, с. 23. ⁴⁾ Тамъ же, с. 16.

⁵⁾ Тамъ же, с. 34. ⁶⁾ Тамъ же, с. 45. ⁷⁾ Тамъ же, сс. 41, 43. Ср. Hecker, II, 324, 325.

⁸⁾ Тамъ же, 326. ⁹⁾ Georg. Acropolit. Histor. с. 39. Ср. Hecker, II, 329. ¹⁰⁾ Тамъ же, 330.

Латинскій переводъ: Nicolai Alexandrini medici graeci vetustissimi liber de compositione medicamentorum secundum loca, translatus e graeco in latinum a Nicolao Rhegino Calabro, antehac nusquam impressus cum brevissimis adnotationibus locorum difficultium, ed. Argicola Ammonius, Ingolstadii 1541. Содержитъ только 1065 рецептовъ и приписывается салерицу Nicolaus'у Praepositus'у, жившему за 200 л. до Мугерсус'а.

Nicolaus Mugerpsi Alexandrini alias Praepositi medicamentorum opus in sectiones XLVIII digestum, hactenus in Germania non visum. Ed. Leonhart. Fuchs. Basil. 1549. Lugd. 1549. Francof. 1625, 1626, подъ заглавіемъ: Dispensatorium medicum sive de recta medicamentorum praeparatione et usu.—Norimb. 1658, подъ заглавіемъ: Theatrum medicum practicum.

Содержаніе 48 главъ сочиненія Мугерсус'а представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Antidota—противодія противъ разныхъ болѣзней. 2. Sales. 3. Unguenta. 4. Aromeli et Arophlegmatismi (о различныхъ сортахъ Hydromelis и ихъ составѣ). 5. Betchica (противукашлевныя средства). 6. Glandes et Epomphalia (наружныя слабительныя, прикладываемыя на пупокъ). 7. Muliebria et linguae mala. 8. Drosata (сиропы, у Actuarius'а Sagaria). 9. Stomatica et dysenterica 10. Emplastra. 11. Epithemata. 12. Hedrica (сулпозиторія). 13. Eligmata (Linctus). 14. Anthelminthica. 15. Errhina. 16. Olea. 17. Enemata. 18. Smegmata (мыла). 19. Zulapia (julep'ы) et Decocta. 20. Hepatica et Haemicranica. 21. Suffimenta (благовонія). 22. Theriaca. 23. Hierae (варенья и лекарства противъ желтухи и обдалищной боли). 24. Collyria. 25. Pasmata sive Inspersilia (средства противъ выпаденія волосъ и плѣшивости). 26. Uctiones purgantes. 27. Purgatoria et condita (конфекты). 28. Purgantia eligmata. 29. Cataplasmata. 30. Cerata. 31. Cataplasmata colica (брюшныя) et cephalica. 32. Pilulae (слабительныя и вяжущія). 33. Lехоругета (противулихорадочныя) и Lichenica (средства противъ камней). 34. Malagmata (размягчающія) и Unguenta. 35. Nardina (ароматическія), Nephritica, Nomas sanantia, Abstorsoria (очищающія противъ язвъ). 36. Pulveres. 37. Oxumelita, Oxuporia (зубныя), Confectiones vini. 38. Pessa (средства для зачатія), Propomata ad alopecias (для роста волосъ). 39. Zulapia etc. (медъ и сахарныя юлены). 40. Satyriaca (aphrodisiaca), Sapones, Sinapismi. 41. Pastilli. 42. Hypoglotides (лекарства, примѣняемыя подъ языкомъ), Aquae etc. 43. Somnifera. 44. Aquae, Diuretica, Uterina. 45. Pediculos, lentigines, phlegmones, pustulas amolientia. 46. Fissuras labiorum et strumas sanantia. 47. Scabiem sanantia et Psilothra (противъ подагрической calvities). 48. Auricularia¹⁾.

До какой степени въ сочиненіи Nicolaus Mugerpsi преобладаетъ грубая эмпирика, видно изъ множества заклинаній и восхваляемыхъ имъ универсальныхъ средствъ (antidota catholica, rapasea и т. д.), а также изъ высокопарныхъ названій (каковы а. sauitas, miranda, philanthropos, mysterium, age vita (αἰούρα βίτα), пластырь Петра и Павла, unguentum alabastron, „коимъ Марія будто смазывала Спасителя“ и т. д. Изъ солей онъ упоминаетъ преимущественно о нашатырѣ и поваренной соли, употреблявшихся во многихъ соединеніяхъ съ растительными веществами; сода примѣнялась болѣе снаружи, ртутная мазь (изъ ртути,

¹⁾ Ср. Corlieu l. c. 168, 169. Necker, II, 331, 332.

терпентина, яичнаго желтка, свинца и муки)—при упорныхъ сыпяхъ, напр. чесоткѣ. Противохородачныя (Lехоруgeta), напр. ambrosia изъ шафрана, свинцоваго глета, ромашки, жира, розоваго масла и воска, также примѣнялись болѣе снаружи. Что Nicolaus пользовался сочиненіями Mesue и N. Praepositus'a, явствуетъ изъ упоминаемыхъ имъ мускуса, камфоры, сеппа, амбры и другихъ арабскихъ средствъ ¹⁾.

Книга Николая Мирепса до 17 вѣка была настоящимъ Codex pharmaceuticus для парижскаго медицинскаго факультета, который въ 1651 г. избралъ комиссію для пересмотра этой книги, что однако было выполнено лишь сто почти лѣтъ спустя ²⁾.

Изъ предшествующаго очерка видно, какъ мало-по-малу, не смотря на свое славное прошлое, греческая медицина приближалась къ своему концу. Достойное ея завершеніе, послѣднюю вспышку медленно угасавшей, но все еще тлѣвшей въ ней искры представляетъ собой

Johannes Actuarius (архиастръ), сынъ Zacharias'a и ученикъ философа Rasendytes'a, жившій въ концѣ 13 или началѣ 14 вѣка при дворѣ Андроника Палеолога (1281—1328). Онъ оставилъ слѣдующія сочиненія:

1) Περὶ ἐνεργειῶν καὶ παθῶν τοῦ ψυχικοῦ πνεύματος καὶ τῆς κατ'αὐτὸ διαίτης λόγοι β', de affectionibus et affectibus spiritus animalis hujusque nutritione (2 книги).

Изданія: Греческія: Gurylus, Paris, 1557, ap. Mt. Juvenem.

J. F. Fischer, Lipsiae, 1774, подъ заглавіемъ:

Περὶ ἐνεργειῶν etc. λόγοι β', quorum alterum e Paris. exemplo Martini Juvenis, alterum e cod. Monacensi c. varietate lectionis nunc primum in Germania edidit J. Fr. Fischerius, и у Idele'а, I, 312—387.

Латинскія: Julius Alexandrinus de Neustain, Venet., 1547; повтор. въ 1554 (съ Methodus medendi), 1556 (въ Opera Actuarii) и 1567 въ Collectio Stephanus'a.

2) Θεραπευτικὴ μέθοδος—Methodus medendi (посвященъ товарищу Актуарія, Аросачусу, при отправленіи послѣдняго посломъ къ гверборейскимъ скивамъ), въ 6 книгахъ. Это самое главное сочиненіе Актуарія, изъ коего на греческомъ напечатаны только первыя 2 книги подъ заглавіемъ:

Περὶ διαγνώσεως παθῶν у Idele'а, II, 353—164.

На латинскомъ послѣднія 2 книги, подъ названіемъ:

De medicamentorum compositione, ed. Duonys. Corronius, vert. J. Ruellius, Paris, 1539; ed. Gesner, Basil. 1540. Затѣмъ все сочиненіе подъ заглавіемъ:

Actuarii Ioannis, filii Zachariae, Methodus medendi libri VI vert. Cornelius H. Mathisius (Mathisio), Venet., 1554 — переводъ, слишкомъ вольный, вмѣстѣ съ переводомъ Spiritus animalis Jul. Alexand. de Neustain'a. Повторено въ Actuarii Opera omnia и въ Collectio Stephani (1567).

¹⁾ Тамъ же, 332—334.

²⁾ Corlieu, l. c. 170.

3) Περὶ οὐρῶν. De urinis, въ 7 книгахъ: 1 de differentiis urinarum; 2 de judiciis urinarum; 2 de causis urinarum и 2 de praevidentia ex urinis.

На греческомъ: въ Ideler, Physici et medici graeci minores, II, 3—192.

На латинскомъ: Ambrosio Leone Nolaro interprete, Venet, 1519, Basil. 1520 и 1563, Lugd. 1529, Paris, 1522. 1548 (ap. Roigny) и 1556. Пересмотрѣвъ и сравнить Яс. Goupylus'омъ. Trajecti ad Rhenum, 1670.

Оrega omnia (на лат.) Paris, 1556 ap. Morelium, при содѣйствіи Goupylus'a, Lugd. 1556, ap. Tornaes. et Gazeium.

Ненапечатанными остались: περὶ φλεβοτομίας (Cod. Dresden.) и комментаріи къ „Афоризмамъ“ Гипократа¹⁾.

Сочиненія Іоанна Актуарія отличаются ясностью и систематичностью изложенія и хотя содержаніе ихъ главнымъ образомъ заимствовано изъ Галена и лучшихъ прежнихъ и позднѣйшихъ греческихъ авторовъ, въ томъ числѣ и у пневматиковъ, а равно и у арабовъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ на каждомъ шагѣ бросаются въ глаза самостоятельность и богатство собственнаго опыта. Проникнутый уваженіемъ къ древности и защищенный отъ схоластики собственнымъ недюжиннымъ умомъ, онъ былъ одинаково чуждъ какъ легковѣрія, такъ и суевѣрій.

Практическая медицина, вмѣстѣ съ необходимыми частями хирургіи, изложена Іоанномъ Актуаріемъ въ первыхъ 4 книгахъ его *Methodus medendi*, изъ коихъ первыя двѣ образуютъ „Диагностику“ (περὶ διαγνώσεως παθῶν), отчасти же въ VI книгѣ.

Въ книгѣ I, послѣ общихъ размышленій о врачѣ и болѣзняхъ, рѣчь идетъ о пульсѣ и его разновидностяхъ, поскольку это необходимо для распознаванія болѣзней; затѣмъ о болѣзняхъ печени, сахарномъ мочеизнуреніи, болѣзняхъ головного и спиннаго мозга, о мании и меланхоліи, о болѣзняхъ грудныхъ органовъ, желудка (кровавая рвота), о кишечныхъ кровотеченияхъ, bulimia, тенезмахъ, ileus, глистахъ, о болѣзняхъ половыхъ органовъ, расстройствахъ мѣсячныхъ очищеній, о потахъ.

Кн. II разсматриваетъ лихорадки, критическіе дни, болѣзни кожи, ушей, носа, лица, язвы и воспаленія подкожной кѣлѣчатки (флегмоны).

Кн. III трактуетъ о кровопусканіяхъ, артеріотоміи, плевкахъ, кровососныхъ банкахъ, слабительныхъ, ваннахъ, о пищѣ, о дѣтѣ въ различныхъ болѣзняхъ, въ томъ числѣ при лихорадкахъ, и о лѣченіи послѣднихъ.

Кн. IV занимается мѣстной патологіей, болѣзнями головы, сердца, легкихъ и т. д.

Книги V и VI посвящены медикаментамъ, но въ послѣдней разсматриваются также нѣкоторыя мѣстныя болѣзни.

Свое ученіе о болѣзняхъ Іоаннъ Актуарій начинаетъ изложеніемъ теоріи 4 элементовъ и гуморальной патологіи Галена, причемъ обнаруживаетъ явное расположеніе къ пневматизму. Формы болѣзней онъ описываетъ, придерживаясь данныхъ фізіологіи, въ особенности замѣ-

¹⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, 152—154 и Hесker (II, 334 и слѣд., а также 340), котораго преимущественно придерживаемся при дальнѣйшемъ изложеніи, не упуская однако изъ виду другихъ пособій и самаго текста Актуарія, изданій Venet, 1554 и Paris 1556.

чательно его знакомство съ физиологическими отравленіями нервной системы, положенное имъ въ основу ученія о нервныхъ болѣзняхъ. Слѣдуя теоріи Посидонія объ органахъ душевныхъ способностей ¹⁾, онъ вѣрно оцѣнивалъ значеніе спинного мозга въ болѣзняхъ органовъ движенія. Такъ столбнякъ онъ производитъ не только отъ прилива къ спинному мозгу, но и отъ поврежденій или простуды ²⁾. Въ ученіи о глистахъ у него имѣется намекъ на *trichosephalus dispar* ³⁾. Женскія болѣзни онъ описываетъ по Павлу Эгинскому ⁴⁾. Въ ученіи о лихорадкахъ онъ слѣдуетъ Галену, причѣмъ однако у него яснѣе отмѣчены двойные типы перемежающейся лихорадки (*f. duplex*) ⁵⁾, какъ и вообще типическое теченіе болѣзней, причѣмъ 7-дневные періоды онъ производитъ отъ вліянія луны на землю ⁶⁾. Снпныя болѣзни изложены поверхностно, причѣмъ вниманія заслуживаетъ вѣрная оцѣнка красныхъ и черныхъ петехій ⁷⁾. Остальныя болѣзни изложены *a capite ad calcem* то подробнѣе, то поверхностно, причѣмъ иногда попадаются дѣльныя замѣчанія, напр. о заразительности эпидемическихъ воспаленій глазъ ⁸⁾.

Общая терапія I. Актуарія сводится къ наполненію, опорожненію и измѣненію ⁹⁾. Въ ученіи о кровопусканіяхъ и показаніяхъ къ нимъ онъ наравнѣ съ арабской медициной повторяетъ старо-греческіе взгляды со всѣми ихъ недостатками и достоинствами. Онъ убѣжденъ, что кровопизвлечение устраняетъ не только полнокрое, но и всякое переполненіе крови вредными веществами и влагами, причѣмъ со скрупулезною точностью устанавливаетъ выборъ венъ для отвлекающихъ кровопусканій: такъ при страданіяхъ головы онъ совѣтуетъ кровопусканіе изъ венъ плеча, при грудныхъ болѣзняхъ—изъ локтевыхъ, при болѣзняхъ нижележащихъ частей—изъ венъ предплечія или ручной кисти (напр. при болѣзняхъ печени и селезенки) ¹⁰⁾, а также изъ отдаленныхъ венъ, напр. при страданіяхъ головы изъ ножныхъ, при воспаленіяхъ половыхъ органовъ изъ венъ руки,

¹⁾ J. Actuarius, *Meth. med.*, I, I, с. 16, ed. Mathisii, Venet, 1554, p. 28.

²⁾ Тамъ же, p. 25.

³⁾ Тамъ же, I, I, с. 21, p. 24. При этомъ онъ принимаетъ его происхожденіе отъ гагучей влаги въ кишкахъ, превращающейся въ животное при помощи животной теплоты.

⁴⁾ Тамъ же, I, I, с. 22, 45.

⁵⁾ Тамъ же, I, II, с. 1, p. 53, гдѣ говорится также о „*f. triplex* и *duplices triplicesque*“.

⁶⁾ Тамъ же, I, II, с. 4, p. 63.

⁷⁾ Тамъ же, I, I, с. 23, pp. 48, 49.

⁸⁾ Тамъ же, I, II, с. 7, p. 70: „*quasi contagio communicari videtur*“.

⁹⁾ Тамъ же, I, III, *Praefatio*.

¹⁰⁾ Тамъ же, I, III, с. 1, pp. 86—89. Ср. *Hecker*, II, 349—351.

и при томъ не противоположной, подобно методикамъ, а больной стороны ¹⁾. Точно также находимъ у него старыя правила объ артеріотоміи и мѣстныхъ крововызвеченіяхъ (насычкахъ, банкахъ) ²⁾.

Въ области фармакологіи на немъ замѣтно сказалось вліяніе арабской медицины, обнаружившей рѣшительное предпочтеніе и склонность къ болѣе нѣжнымъ способамъ леченія, что безспорно слѣдуетъ считать весьма важнымъ шагомъ впередъ. Сообразно съ этимъ Johannes, подобно арабамъ, отвергалъ сильно дѣйствующія средства противъ лихорадочныхъ болѣзней, а назначалъ прохлаждающіе, увлажняющіе и легкіе слабительныя напитки арабовъ (главнымъ образомъ сахарныя воды), къ которымъ по мѣрѣ надобности прибавлялись оживляющія растительныя вещества, въ родѣ описаннаго уже Dioscoridomъ р h u (valeriana) ³⁾. Можно сказать, что онъ первый совершилъ въ фармакологіи реформу, потребность въ которой чувствовалась уже давно. Главное вниманіе имъ обращено на изученіе простѣйшихъ лекарственныхъ веществъ, позволяющее составленіе новыхъ смѣсей и измѣненіе сложныхъ старыхъ соединеній, черезъ что получается возможность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ удовлетворительнѣе слѣдовать указаніямъ природы ⁴⁾. Онъ совершенно ясно рекомендуетъ при назначеніи лекарствъ какъ внутреннихъ, такъ и наружныхъ, каждый разъ принимать въ соображеніе различную индивидуальную воспримчивость больныхъ и потому всегда начинать съ легкихъ и затѣмъ уже переходить къ сильнѣе дѣйствующимъ средствамъ ⁵⁾. Интересно, что ему уже было извѣстно внутреннее дѣйствіе лекарствъ, примѣненныхъ снаружи, напр. слабительное дѣйствіе втираній мази изъ euphorbium въ подошвы или цѣлебное дѣйствіе такового же пластыря для вызыванія спасительныхъ кровотеченій, драстическое и потуги вызывающее дѣйствіе разныхъ ерорhalia, которыя поэтому требуютъ осторожнаго примѣненія у беременныхъ ⁶⁾. При кровавомъ поносѣ и болѣзняхъ легкихъ онъ назначалъ опиій ⁷⁾, противъ сердцебіенія и возбужденнаго состоянія въ лихорадкахъ—moychus ⁸⁾. Тѣмъ не менѣе онъ употреблялъ нерѣдко и прежнія средства, напр. какъ рвотное внутрь или въ видѣ свѣчекъ—Hellebolum al-bum ⁹⁾, при перемежающейся лихорадкѣ—перець, при грудныхъ болѣзняхъ—сѣру ¹⁰⁾. Что касается сильно дѣйствующихъ драстическихъ средствъ, то онъ значительно ограничилъ злоупотребленіе ими, какъ вредными для же-

¹⁾ Тамъ же. I. IV, с. 4, р. 129. ²⁾ Тамъ же, I. III, сс. 2, 3, pp. 90, 91. Ср. Necker, II, 351, 352.

³⁾ Joh. Actuarius, Methodus medendi, Venet. 1554, ed. Mathisii I. V, с. 2, р. 182.

⁴⁾ Тамъ же, с. 4, р. 184. ⁵⁾ Тамъ же, с. 11, р. 233. ⁶⁾ Тамъ же, с. 10, pp. 230, 231.

⁷⁾ Тамъ же, с. 5, р. 190. ⁸⁾ Тамъ же, с. 6, р. 207. ⁹⁾ Тамъ же, с. 8, 217, ¹⁰⁾ Тамъ же с. 6, pp. 199 и 209.

лудка, сохранивъ только aloës и прибавивъ употребительную у арабовъ ма н у. При этомъ находимъ гуморально патологическую классификацію слабительныхъ средствъ, смотря потому, какіе соки ими отвлекаются (Cholagoga, Hydragoga, Phlegmagoga и т. д.) ¹⁾.

Токсикологія у I. А к т у а р і я изложена на основаніи древнихъ описаній, съ предостереженіемъ не употреблять во зло его сообщеній. Свипцовое отравленіе описано почти согласно съ дѣйствительностью ²⁾. Наконецъ необходимо прибавить, что и I. А к т у а р і й не избѣгнулъ общей участи древнихъ и средневѣковыхъ врачей и подобно имъ не могъ отдѣлаться отъ вѣры въ чудотворное дѣйствіе извѣстныхъ средствъ, напр. sanitas (ὕγεια, вм. прежняго теріака), которая будто въ состояніи предохранять отъ болѣзней, чаръ и призраковъ ³⁾.

Уроскопія. Сочиненіе I. А к т у а р і я *De urinis* справедливо считается наилучшимъ изъ подобныхъ сочиненій греческой медицины, такъ какъ впервые излагаетъ ученіе о мочѣ на основаніи фізіологическихъ данныхъ, чѣмъ выгодно отличается отъ полного тонкостей и мистическихъ ученій о томъ же предметѣ арабской школы. И хотя въ основаніе этого сочиненія положены одни лишь внѣшніе признаки, а по формѣ оно составляетъ подражаніе таковымъ же Галена, Magnusa и Теофила, но въ наблюденіяхъ и оцѣнкѣ явленій онъ вполнѣ самостоятеленъ.

I. А к т у а р і й выходитъ изъ положенія, что моча есть колатура крови (*περὶ θήμα αἵματος*), почему по ея свойствамъ возможно судить объ измѣненіяхъ крови въ болѣзняхъ ⁴⁾. Онъ принимаетъ 4 степени усвоенія: пищевареніе въ желудкѣ, переработку и измѣненія, претерпѣваемыя пищевыми веществами въ брыжжеечныхъ, воротной и венахъ нижней части печени, измѣненія ихъ въ верхней части печени и наконецъ переходъ во всѣ части тѣла, каковымъ степенямъ соотвѣтствуютъ 4 вида выдѣленій: рвота и испражненія, отдѣленіе желчи, отдѣленіе мочи и наконецъ потъ, невидимыя испаренія и сыпи ⁵⁾.

Существенные пункты его уроскопіи заключаются въ слѣдующемъ: сосудъ для изслѣдованія мочи долженъ быть изъ прозрачнаго стекла и имѣть форму стакана, съ 11 дюймовыми дѣленіями, для опредѣленія осадковъ, которые занимаютъ 4 нижнихъ дѣленія, епаеогета занимаетъ 6, 7 и 8 дѣленія (считая снизу), облачко—10 и 11 дѣленія, пятое же и девятое дѣленія образуютъ границы между осадкомъ и епаеогетомъ и между послѣднимъ и облачкомъ ⁶⁾. Въ цвѣтѣ мочи онъ различаетъ 14 оттѣнковъ: бѣлый (*λευκή*, соломенный (*ὀπόχρα καὶ οὐρά*), золотой и шафранный (*πύρρα καὶ ζαυθή*), красный (*ὀπέροθρα καὶ ἐροθρά*), цвѣтъ вина (*οἴνωτά*), темносиній (*κυάνη*), зеленый (*χλωρά*), масляный (*ἐλακώδες*), чер-

¹⁾ Тамъ же, с. 8, р. 212. ²⁾ Тамъ же, с. 12, р. 242. ³⁾ Тамъ же, с. 6, р. 200.

⁴⁾ I. Actuarius, De differ. urin. с. 6, р. 130. ed. Paris, 1556. ⁵⁾ Тамъ же, с. 5, р. 127.

⁶⁾ Тамъ же, с. 13, pp. 146, 147, гдѣ имѣется изображеніе закругленнаго внизу стекляннаго сосуда (*matula*) съ 11 дѣленіями.

новатый (φαία), синеватый (παλίθνα) и черный (μαλαίνα) ¹⁾. При обсужденіи значенія этихъ оттѣнковъ онъ придерживаетсяъ вездѣ гуморально-патологическихъ взглядовъ. При обсужденіи прозрачной мочи находимъ у него намекъ на спазмодическое состояніе (obstructio meatuum) ²⁾; внезапное превращеніе красной мочи въ прозрачную указываетъ на phrenitis ³⁾.

Изъ осадковъ онъ различаетъ между прочимъ: ogober (отъ οροβοειδής), fufurea (питуроειδής), laminea (петаλωδής), similasea (κριμωνδής); точно также онъ обстоятельно описываетъ облачко, epaeogema и измѣненія мочи на поверхности и на краю (στεφανή) ⁴⁾.

Само собою разумѣется, къ I. Актуарію нельзя предъявлять современныхъ требованій, въ родѣ химическаго или микроскопическаго изслѣдованія мочи или даже простого кипяченія или выпариванія ея. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, что онъ не могъ еще знать сущности сахарнаго мочеизнуренія ⁵⁾, которое онъ считалъ болѣзнію почекъ и печени, причѣмъ принималъ, что почки, вслѣдствіе уменьшенія „удерживающей силы“, сильнѣе притягиваютъ водянистыя части изъ крови печеночныхъ венъ, почему печень вынуждена поглощать больше воды изъ желудка, чѣмъ и объясняется неутолимая жажда больныхъ ⁶⁾.

Въ заключеніе приводимъ здѣсь краткій перечень содержанія *De urinis*. Сочиненіе это раздѣлено на 7 книгъ. Въ кн. I рѣчь идетъ вообще о различныхъ видахъ мочи. Въ слѣдующихъ 2 книгахъ разсматривается моча по отношенію къ возрастамъ, временамъ, мѣстностямъ, во снѣ или при бодрствованіи, у ѣдущихъ много и мало, а также количество осадка и запахъ ея въ различнаго рода лихорадкахъ. Книги IV и V занимаются причинами, производящими различнаго рода мочу, наконецъ послѣднія 2 книги—прогностикою на основаніи цвѣта и степени прозрачности мочи.

Самой важной заслугой I. Актуарія вполнѣ справедливо считается его

Психологія, изложенная въ сочиненіи „*О нормальныхъ и ненормальныхъ дѣятельностяхъ (отправленіяхъ) духа и относящейся сюда діететикѣ души*“—одномъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній древности по психофизиологіи и лучшемъ источникѣ физиологическихъ и психологическихъ взглядовъ того вѣка вообще. Въ этомъ сочиненіи, посвященномъ, какъ мы видѣли, его учителю Rasendytes'у и составленному по побужденію послѣдняго, I. Актуарій доказалъ, что свободный, самопознающій умъ можетъ стряхнуть съ себя всѣ сковывающія его схоластическія путы ⁷⁾. Здѣсь онъ задался мыслію возстановить психологію въ ея первоначальной чистотѣ, на основаніи физиологическихъ отправленій тѣла, хотя для этой цѣли ему пришлось прибѣгнуть къ помощи давно забытыхъ положеній пневматической школы.

¹⁾ J. Actuarius, De judic. urin. l. I, cc. 13—20, pp. 180—187.

²⁾ Тамъ же, l. I, c. 12, p. 180. ³⁾ De praeventia ex urinis l. I, c. 2, p. 334.

⁴⁾ De different. urin. c. 15, p. 149. ⁵⁾ De judic. urinarum, l. I, c. 11, p. 176.

⁶⁾ J. Actuarius, Meth. med. l. I, c. 11, p. 18 и c. 22, p. 44 (ed. Venet. 1554). Ср. Hecker, II, 342—348.

⁷⁾ И здѣсь при дальнѣйшемъ изложеніи мы слѣдуемъ Hecker'у (II, 353 и слѣд.), не теряя однако изъ виду самаго текста Актуарія.

„Божественное въ человѣкѣ просто, одарено многими силами (πολυδύναμον), безтѣлесно и не имѣть образа, органомъ его служить душа“¹⁾. „Всякое познание возникаетъ изъ сравненія подобнаго и пониманія общаго“²⁾. „Душа не можетъ заболѣвать сама по себѣ, но можетъ участвовать въ страданіяхъ душевнаго рпеума (πνεύμα ψυχικόν), съ которыми она тѣсно связана“³⁾.

I. Актуарій, правда, занимается много и животнымъ рпеума (πν. ζωτικόν), но гораздо дольше останавливается на πνεύμα ψυχικόν и его отправленияхъ и расстройствахъ, на отправленияхъ органовъ чувствъ, совершающихся при помощи этого рпеума, на возникающихъ изъ чувственныхъ впечатлѣній ощущеній (αἰσθησεις) и представлений (φρονήσεις), на дѣятельности фантазіи, памяти и разсудка и на ихъ расстройствахъ. Онъ находитъ ихъ положенія, что одаренная разумомъ человѣческая душа связана съ тѣломъ посредствомъ тончайшаго, органически одушевленнаго вещества (рпеума) и что эта душа составляетъ главную и существенную часть (ἀρχὴ καὶ ὑποβάθρα) живущаго въ чувственномъ мірѣ человѣка⁴⁾. Но эта разумная душа, хотя по своей сущности единая и недѣлимая, обладаетъ однако различными способностями, зависящими существенно отъ свойствъ различныхъ видовъ рпеума, составляющаго матеріальную подкладку души. Онъ именно вмѣстѣ съ Галеномъ признаетъ, что различное строеніе частей тѣла существенно вліяетъ на отправления и измѣненія образующагося въ нихъ рпеума. Физическое рпеума (πνεύμα φυσικόν) образуется изъ пищи въ печени и служитъ органомъ желательной способности (τὸ ἐπιθυμητικόν); проникнувъ черезъ нижнюю полую вену въ сердце, оно превращается здѣсь въ жизненное рпеума (πν. ζωτικόν), которое черезъ артеріи распредѣляется по всему тѣлу, а въ мозгу претворяется въ самое усовершенствованное, душевное рпеума (πν. ψυχικόν)⁵⁾. А такъ какъ первоисточникъ, изъ коего образуется рпеума, есть пища и образуемая изъ нея кровь, то, естественно, оно должно измѣняться и заболѣвать вмѣстѣ съ каждымъ измѣненіемъ и заболѣваніемъ крови; когда же подобное испорченное вещество доставляется мозгу, то разумная душа, связанная съ больнымъ органомъ, „столь же мало въ состояніи управлять его отправлениями, какъ изъ разстроеннаго музыкальнаго инструмента невозможно извлекать гармоническіе звуки“⁶⁾.

Возвращаясь къ развиваемому I. Актуаріемъ взгляду на способности и отправления души, необходимо замѣтить, что онъ связываетъ ея различныя способности съ различнымъ строеніемъ принимаемыхъ Посидоніемъ „органовъ мозга“⁷⁾. Эти душевныя способности распредѣляются у него по порядку въ слѣдующемъ ряду: чувственное воспріятіе (αἰσθησεις), воображеніе (φαντασία), представленія (φρονήσεις), способность мнѣнія или одѣнки (μέρος δοξαστικόν), разсудокъ (διάνοια), разумъ (νοῦς). Оцѣнивающая способность служитъ связующимъ звеномъ между воображеніемъ и разсудкомъ, никогда однако не достигая достовѣрности послѣдняго⁸⁾. Наименѣе связанъ съ душевнымъ рпеума высшій разумъ, представляющій по его мнѣнію самую чистую духовную дѣятельность („divina atque intellectualis substantia“), объединяющую всѣ дѣятельности низшихъ способностей души⁹⁾.

¹⁾ „Simplex esse quod divinum innatum nobis est, ac facultatum multarum, infor-
meque et incorporeum... spiritu nostro veluti instrumento quodam usum“. I. Actuarii, De actionibus et affectibus spiritus animalis huiusque nutritione, l. I, c. 3. (Parisiis, 1556, p. 12).

²⁾ Тамъ же, l. 1, c. 2, p. 8. ³⁾ Тамъ же, l. I, c. 5, p. 16. ⁴⁾ Тамъ же, Prooemium, p. 2.

⁵⁾ Тамъ же, l. I, c. 6, p. 21. ⁶⁾ Тамъ же, l. I, c. 14, p. 45. ⁷⁾ Тамъ же, l. I, c. 7, p. 22.

⁸⁾ Тамъ же, l. I, c. 10, 11, pp. 29—32. ⁹⁾ Тамъ же, l. I, c. 4, pp. 12—14.

Что касается памяти, то хотя I. Актуарій вѣрно опредѣляетъ ея отношеніе къ воображенію ¹⁾, но вмѣстѣ съ Посидоніемъ принимаетъ, что послѣднее имѣетъ свое мѣсто-пробываніе въ передней, а первая въ задней части мозга, и что средину между ними занимаетъ разумъ, относительно же органовъ разсудка и оцѣнивающей способности онъ колеблется высказаться съ положительностью ²⁾.

Объясненіе дѣятельности органовъ чувствъ осталось въ этой психологій прежнее, ведущее свое начало отъ Эмпедокла и сохранившееся во всей древности (за исключеніемъ разумѣется Галена). Но вмѣстѣ съ тѣмъ I. А к т у а р і й удержалъ *συναίρεσις* Платона. Зрѣніе происходитъ отъ *κλύμα αὐτοειδής* въ соединеніи съ вѣшнимъ свѣтомъ. Доказательствами истеченія свѣта изъ глаза служатъ блестящіе глаза у животныхъ, искры въ глазахъ при давленіи на одинъ изъ угловъ или сотрясеніи ихъ и разширеніе зрачка глаза при закрытіи другого: „*oculorum altero occluso, alterius pupilla dilatatur*“ ³⁾.

Самую выдающуюся способностью души животныхъ I. Актуарій считалъ воображеніе, подчиненное въ человѣческой душѣ высшимъ способностямъ ⁴⁾; существенная психическая разница между людьми и животными заключается именно въ отсутствіи у животныхъ способности къ совершенствованію: животныя имѣютъ только *βραχὺ ἀπότομα ἢ τὴν ἀπόφοιναν* человѣческой души ⁵⁾.

Вторая книга посвящена *διαιτητικῆν души*, причѣмъ точкой отправленія послужила *anathymiasis* Аристотеля, способствовавшая установленію взгляда, что различныя приѣмы къ крови портятъ рпеиша. Отсюда вытекаетъ душевная діететика, имѣющая цѣлю—сохранить дѣшевное рпеиша какъ чистый и незапятнанный органъ души. Согласно съ этимъ, I. А к т у а р і й указываетъ здѣсь *Racendytes* на вліянія, способствующія и мѣшающія нормальной дѣятельности души: на излишества въ пищѣ и напиткахъ, на ненормальности крови, на растительную и животную пищу, на число ежедневныхъ приѣмовъ пищи, на сонъ, гимнастику и купанье, — далѣе на свойства мочи, дѣятельность кожи, вліяніе различныхъ условий на разные виды рпеиша, въ особенности рпеиша *ψυχισιμ*. Такимъ образомъ, старыя правила для сохраненія здоровья получали въ его рукахъ еще большее значеніе, какъ способствующія чистой дѣятельности души ⁶⁾.

Ретроспективный взглядъ на средневѣковую греческую медицину.

Подведя итогъ средневѣковой греческой медицинѣ, на вопросъ, что создала эта медицина, очевидно приходится, вмѣстѣ съ *Corlieu*, отвѣтить: *очень немного!*

Въ IV вѣкѣ, *Antyllus* мы обязаны первымъ описаніемъ операціи аневризмы, первыми попытками костныхъ резекцій на продолженіи или вблизи пораженныхъ костей, *Орибазію*—первымъ описаніемъ слюнныхъ желѣзъ, и хотя онъ кромѣ этого ничего не прибавилъ къ анатоміи Галена, зато онъ оставилъ *Сборникъ*, знакомящій насъ съ меди-

¹⁾ Тамъ же, I. I, сс. 9, 10, pp. 27—31.

²⁾ Тамъ же, I. I, сс. 19, pp. 51—56.

³⁾ Тамъ же, I. I, сс. 8, 9 pp. 24—28 и с. 9, p. 27.

⁴⁾ Тамъ же, I. I, с. 5, p. 16.

⁵⁾ Тамъ же, I. I, сс. 1, 2. Ср. *Hecker*, II, 356.

⁶⁾ Тамъ же, 357.

циной IV вѣка и сохранившій для насъ имена и труды авторовъ, сочиненія коихъ погибли.

Въ V вѣкѣ встрѣчаемъ одного только Аэція, собравшаго всѣ наиболѣе практическія подробности о болѣзняхъ глазъ, о каутеріяхъ и о отвлекающихъ при параличѣ и астмѣ, о проколахъ при водянкахъ, о подкожной *filaria medinensis*, о фармаціи египтянъ.

Въ VI вѣкѣ также встрѣчаемъ только одного врача, Александра изъ Tralles'a, который пользовался большимъ уваженіемъ какъ практикъ и можетъ быть признанъ величайшимъ греческимъ врачомъ среднихъ вѣковъ.

Въ VII вѣкѣ встрѣчаемъ Теофила Protospatharius'a, которому мы обязаны первымъ описаніемъ обонятельнаго нерва, далѣе Стефана Аэинскаго и Павла Эгинскаго, оставившаго весьма отчетливое и точное резюме современной ему хирургіи, служившее долго классическимъ учебникомъ въ парижскомъ и другихъ медицинскихъ факультетахъ.

VIII вѣкѣ былъ не столь богатъ дѣльными врачами, онъ оставилъ намъ только имена Якова Психреста, весьма моднаго въ свое время врача, а также Дамасція и Мелетія, едва ли заслуживающихъ вниманія. IX вѣкѣ, какъ мы видѣли, такъ и не оставилъ ни одного имени.

Въ X вѣкѣ встрѣчаемъ только два нѣсколько извѣстныхъ имени: Theophanes Nonnus и Mercurius.

XI и слѣдующіе вѣка произвели только терапевтовъ, такъ какъ полагали, что хирургія сказала свое послѣднее слово. Это направленіе поддерживалось, съ одной стороны, второй александрійской школой, съ другой — арабами, способствовавшими обогащенію *materiae medicae* и процвѣтанію полифармаціи, въ то время какъ медицина все болѣе и болѣе близилась къ своему закату въ Византіи, гдѣ послѣдними свѣтлыми явленіями были Simeon Seth и Михаилъ Psellus въ XI в. и Demetrius Peragomenes, Nicolaus Myrepsus и J. Actuarius въ XII и XIII вѣкахъ. Въ то же время на западѣ, среди всеобщаго крушенія, медицина находила еще спокойный пріютъ въ монастыряхъ, ибо изученіемъ ея занялись монахи, отчего она снова сдѣлалась „жреческой“, какъ во времена до-гиппократическія, со всѣми свойственными ей мистическими приемами, молитвами и заклинаніями. Въ это время однако дѣятельно занимались и переводами.

На востокѣ, именно изъ Александріи, замѣчаются два большихъ теченія: одно—въ Малую Азію, которая произвела почти всѣхъ греческихъ врачей этой эпохи и гдѣ калифъ Al-Mansur основалъ въ 702 г. Багдадъ, куда привлекъ массу ученыхъ, которыхъ заставилъ вновь скопировать греческія рукописи; другое—на сѣверъ Африки (Магребъ?) и на югъ Испаніи, гдѣ арабами основана медицинская школа въ Кор-

довѣ (въ XII в.). Что же касается Константинополя, то внутреннія междоусобицы, дворцовые заговоры и непрерывныя войны съ персами, скинами, татарами, сарацинами и туркменами, попятно, дѣлали его наименѣе благоприятной почвой не только для процвѣтанія, но и для сохраненія медицинскихъ наукъ. Такимъ образомъ медицина, рационально-эмпирическая у Гипократа, научно-экспериментальная начиная со времени Галена, положившаго основаніе физиологіи и экспериментальной медицинѣ, но въ теченіе среднихъ вѣковъ увлеченная потокомъ религіозныхъ, философскихъ и мистическихъ ученій востока и Греціи, была доведена до крайняго упадка и должна была ждать цѣлыхъ 14 вѣковъ, чтобы съ открытіемъ *кровообращенія* сдѣлаться разъ навсегда *научной* ¹⁾.

Прибавленіе. Чума Юстиніана (542—570) ²⁾.

Хотя самыя раннія извѣстія о появленіи чумы относятся къ 531 году, но дѣйствительное начало ея было лишь въ 542 г., о которомъ Викторъ Тувисскій говоритъ что тогда была „generalis orbis terrarum mortalitas“. Исходнымъ мѣстомъ ея былъ Египетъ. По мнѣнію Проконія она началась въ Пелузѣ, по словамъ же Евagriя— въ Эіопіи. Изъ Египта болѣзнь распространилась по всей тогда извѣстной землѣ и продолжалась около 60 лѣтъ. Евagriй, бывшій очевидцемъ первыхъ 52 лѣтъ существованія чумы, принимаетъ 15-лѣтніе періоды усиленія и ослабленія чумы. Зейбель принимаетъ, 4 полныхъ цикла только въ отдѣльныхъ странахъ. Опустошительный потокъ болѣзни по Зейбелю, выйдя изъ Египта, раздѣлился на два главныхъ противоположныхъ рукава: одинъ направился на западъ къ Александріи и далѣе вдоль сѣвернаго берега Африки, другой на востокъ черезъ Палестину и Сирію въ области западной Азіи, откуда эпидемія обошла всѣ провинціи Римской Имперіи и земли варваровъ, весной 542 г. она появилась въ Константинополѣ, гдѣ во время самаго разгара ея будто убывало отъ 5 до 10 тысячъ людей въ день, въ 543 г. перешла въ Италію, въ 545 и 546 въ Галлію, а оттуда въ Германію. Французскіе лѣтописцы упоминаютъ о появленіи чумы даже еще въ 570 г.

Способъ распространенія. Къ особенностямъ болѣзни относятся: первоначальное появленіе ея у береговъ, откуда она углублялась внутрь страны; различная восприимчивость, такъ что въ самихъ гнѣздахъ эпидеміи случалось, что вымирали цѣлыя дома, тогда какъ въ другихъ не было ни одного случая заболѣванія; перенесшіе болѣзнь однажды могли себя считать предохраненными отъ втораго заболѣванія, хотя, по Проконію, бывали случаи, гдѣ ею поражались во второй и въ третій разъ. Согласно Проконію, она не различала ни возраста, ни пола, по Агаоію, она поражала людей цвѣтущаго возраста и чаще мужчинъ.

¹⁾ Ср. Corlieu, l. c., 173 и слѣд.

²⁾ О чумѣ Юстиніановой писали: изъ новѣйшихъ: J. F. Necker, въ его *Annalen für die wissenschaftliche Medicin*, 1828 и въ *Geschichte der Heilkunde* II, 135—144. H. Haeser, *Historisch-pathol. Untersuchungen*, I, 84 и сл. Val. Seibel, *Die grosse Pest zur Zeit Justinians I u. die ihr voraus und zur Scite gehenden ungewöhnlichen Naturereignisse*, Delingen, 1857. Wolmar, *Abhandlung über die Pest*, Berlin, 1827. Изъ болѣе старинныхъ: Euagrii scholastic. *Historia ecclesiast.* Paris, 1673. Agathias, *de imper. et reb. gest. Justiniani imp.* Venet. 1729. Procopius, *Bell. Persic.* Venet. 1729 и *Hist. arcan. Gregorius Turonens.*, *Historia Francorum*. Здѣсь мы слѣдуемъ изложенію Гезера, *Исторія поварныхъ болѣзней* (см. слѣд. страницу).

Явленія болѣзни. Въ Константинополѣ, рассказываетъ Прокопій, многіе, прежде чѣмъ заболѣть чумою, видѣли во снѣ и на яву страшные образы, возвѣщавшіе предстоящую имъ опасность. Но большинство, прибавляетъ онъ далѣе, заболѣвало, не бывъ мучно подобными привидѣніями.

Болѣзнь начиналась или ночью, причѣмъ больной просыпался въ лихорадкѣ, или днемъ внезапно, среди обычныхъ занятій. Многіе, на что въ особенности указываетъ Агафій, умирали мгновенно среди полного здоровья, какъ бы отъ удара; у другихъ же лихорадка была такъ незначительна, а общее состояніе страдало такъ мало, что они нисколько не подозрѣвали какой либо опасности, пока появленіе бубона гдѣ-нибудь на тѣлѣ не указывало на сущность болѣзни. Таковы были явленія, которыя наблюдались почти у всѣхъ больныхъ. Кромѣ того, по описанію Прокопія, въ иныхъ случаяхъ появлялись также и другіе признаки, или указывавшіе на общее страданіе больного, или же мѣстные. Такъ, лихорадка сопровождалась или спячкою, или бредомъ; въ тѣхъ-же случаяхъ, когда бубоны переходили въ смертельное омертвѣніе, не было ни того, ни другаго. У иныхъ смерть наступала вслѣдствіе рвоты кровью (неизвѣстно, гдѣ былъ источникъ этой крови—въ легкихъ или въ желудкѣ). Такимъ образомъ, больные умирали или внезапно, или же спустя нѣсколько дней. Относительно *предсказанія*, Прокопій хотя и говоритъ, что часто даже лучшіе врачи ошибались какъ въ своихъ надеждахъ, такъ и въ опасеніяхъ, однако тотчасъ же прибавляетъ, что черныя петехіи служили безусловнымъ предсказаніемъ смерти. Опасность была особенно велика для беременных; обыкновенно онѣ умирали вмѣстѣ съ дѣтьми, разрѣшившись ими своевременно или ранѣе срока.

Какъ на единственный путь къ выздоровленію, Прокопій указываетъ на переходъ бубонной въ нагноеніе. Изъ числа, безъ сомнѣнія, весьма частыхъ послѣдовательныхъ болѣзней онъ указываетъ на особенное страданіе языка, вслѣдствіе котораго нарушалась, на болѣе или менѣе продолжительное время, или даже и навсегда, способность говорить.

По Евagriю болѣзнь начиналась съ головы, послѣ чего появлялись краснота глазъ и поражение глотки. Затѣмъ онъ упоминаетъ о смертельныхъ поносахъ, бубонѣ, бредѣ и anthraxes (карбункулахъ). Интересно, что Евagriю, дѣлавшій свои наблюденія въ Антиохіи (Сиріи), т. е. въ отчизнѣ „глоточной чумы“, сходится въ этомъ отношеніи съ Ареетемъ, благодаря описанію котораго эта форма чумы впервые стала извѣстною. Далѣе замѣчательно то, что и Прокопій и Евagriю согласны между собою въ томъ, что врачи и прислуга заболѣвали не чаще и даже рѣже, чѣмъ другіе, а избѣгавшіе общенія становились жертвою болѣзни.

„Эта эпидемія болѣе чѣмъ что либо другое потрясла Византійскую Имперію и много содѣйствовала начинавшейся дикости нравовъ, погасивъ послѣдніе проблески древней греческой культуры, которая въ слѣдовавшіе за Юстиніаномъ 8 вѣковъ влачила лишь жалкое существованіе и окончательно пала послѣ второй еще болѣе свирѣпой чумы“.

„Благодаря именно Юстиніановой чумѣ въ Италіи образовалось новое цвѣтущее государство усиліями свѣжихъ нѣмецкихъ народностей, вызвавшихъ новую жизнь изъ развалинъ отжившей Римской монархіи“¹⁾.

¹⁾ Ср. Гезеръ, Исторія повальныхъ болѣзней, переводъ Вячеслава Манассеина. СПб., 18, ч. I, стр. 35—46.

Арабская медицина.

Из библиографинъ объ арабской медицинѣ¹⁾. Самымъ стариннымъ сочиненіемъ по исторіи арабской медицины считается

1) *Mohammed ben Ishaq Ennedim, Fihrist*, ed. Flügel, (1876?), заключаетъ въ себѣ перечень научныхъ книгъ на арабскомъ языкѣ, какъ арабскихъ, такъ и другихъ писателей, съ приложеніемъ свѣдѣній объ ихъ авторахъ отъ самаго начала возникновенія наукъ у арабовъ до 377 г. (987 г. по Р. X.). Сочиненіе это распадается на 10 трактатовъ, смотря по категоріямъ писателей; изъ этихъ трактатовъ для исторіи медицины интересенъ седьмой, который раздѣляется на 3 главы, изъ коихъ первая трактуетъ о философахъ и ихъ сочиненіяхъ, вторая о математикахъ и астрономахъ, а третья о врачахъ. Этимъ сочиненіемъ пользовались и позднѣйшіе писатели.

2) *Dschemal Eddin el Kofthy* (El Kady el Akghat, въ XIII стол.), *Kitab tarikh el hokamat*²⁾, т. е. книга объ исторіи ученыхъ, содержащая ни больше ни меньше, какъ 300 замѣтокъ о древнихъ и новѣйшихъ ученыхъ, между коими много мѣста отведено грекамъ, причемъ встрѣчаемъ свѣдѣнія не только объ ихъ сочиненіяхъ, но и о переводахъ съ нихъ на арабскій и сирійскій языки. Dschemal Eddin много почерпалъ въ *Fihrist*'ѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ обильный собственный матеріалъ, такъ какъ былъ величайшимъ арабскимъ библиофиломъ и оставилъ послѣ смерти библиотеку, цѣнившуюся въ 60 тысячъ золотыхъ. „*Bibliotheca philosophorum*“, доставившая столько данныхъ Casiri, есть ничто иное, какъ это сочиненіе *Kitab el hokama*. Ошибочно это сочиненіе приписывали Zuzeni, который однако издалъ только сокращеніе его. Современникъ Dschemal Eddin'a Abulfaragius, авторъ *Династій*, включилъ въ свое сочиненіе съ сотню замѣтокъ, заимствованныхъ изъ *Kitab el hokama*, къ которымъ прибавилъ лишь нѣсколько ему собственно принадлежащихъ.—Самымъ важнымъ изъ относящихся сюда сочиненій по справедливости признается:

3) Ebn Abu Osseibiah (Ibn Ali Osseibia, тоже въ XIII столѣт.), *Uyun el anba fi thabacat elathibba* или *Fontes relationum de classibus medicorum* (источники свѣдѣній о различныхъ классахъ врачей). Къ свѣдѣніямъ, представленнымъ его предшественниками, Ebn Abu Osseibia присовокупляетъ тѣ, которыя онъ почерпалъ въ другихъ источникахъ, а также собственные о современныхъ и непосредственно ему предшествовавшихъ врачахъ. Сочиненіе его состоитъ изъ 15 главъ: 1) Начало медицины. 2) О первыхъ врачахъ. 3) О греческихъ врачахъ, начиная съ Эскулапа. 4) Гипократъ и его современники. 5) Галенъ и его эпоха. 6) Александрійскіе врачи. 7) Врачи,

¹⁾ При дальнѣйшемъ изложеніи мы придерживались преимущественно сочиненія Leclerc'a, *La médecine arabe*, Paris, 1876, равно какъ и работъ Sprengel'a, Freind'a, Haeser'a и другихъ, которыя будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Подъ тѣмъ же заглавіемъ (*Tarikh el hokama*) еще разѣ написалъ историческое сочиненіе Ebn Dscholdschol (въ X вѣкѣ), цитируемое Джемаледдиномъ. Ср. Leclerc., l. c., I, 431.

современные Магомету. 8) Сирийскіе врачи при первыхъ Аббасидахъ. 9) Переводчики и ихъ покровители. 10) Врачи Ирака. 11) Врачи Персіи. 12) Врачи Индіи. 13) Врачи Магреба и Испаніи. 14) Врачи Египта. 15) Врачи Сиріи. Въ этомъ сочиненіи заключаются замѣтки о врачахъ арабской школы, числомъ до 400, и каждая изъ нихъ заканчивается библиографическимъ указателемъ. Онѣ бросаютъ совершенно новый свѣтъ на мало до сихъ поръ извѣстную эпоху и доказываютъ живучесть научной дѣятельности у арабовъ въ теченіе двухъ столѣтій крестовыхъ походовъ.

4) *Сборникъ биографій Ebn Khallikan'a*. Весьма драгоцѣнное сочиненіе для исторіи арабской литературы есть также

5) *Hadschi Kalfa* (въ XVII стол.), *Midja*, или библиографическій словарь (изд. G. Flügel. Lips. 1835—42. 4, 3 Bde). „Авторъ собралъ 15 тысячъ названій арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ сочиненій, главнымъ же образомъ арабскихъ,—сочиненій, которыя онъ долженъ былъ всѣ, или почти всѣ, лично просмотрѣть и конхъ онъ указываетъ названія, слова, которыми они начинаются и оканчиваются, имя автора съ нѣкоторыми краткими и точными данными о его жизни и довольно часто содержаніе и главныя отдѣлы. Онъ нигдѣ не старается увеличивать объемъ своей книги; напротивъ того, все здѣсь кратко, положительно и сведено къ самому необходимому“ (Mohl). Flügel въ своемъ изданіи прибавилъ еще каталоги 26 публичныхъ библиотекъ Константинополя, Дамаска, Каира, Родоса и Алеппа, содержащіе почти 24 тысячи названій.

6) *Casiri, Bibliotheca arabico-hispana Aescorialensis, 1760—1770*. Это обширный и самый знаменитый каталогъ, извлеченный изъ такъ называемой „*Bibliotheca philosophorum*“, которая, какъ мы видѣли, есть не что иное, какъ *Kitab el hokama*. Каталогъ этотъ не всегда отличается точностью, особенно въ медицинской части, съ технологіей которой *Casiri* былъ незнакомъ.

7) *Каталоги Bodleiana*е, британскаго музея, парижской, флорентійской, дрезденской, лейденской, мюнхенской, вѣнской и другихъ библиотекъ.

8) *Choulant, Bücherkunde, Leipzig, 1842*.

9) *Assemani, Bibliotheca orientalis. Rom. 1728*, содержитъ весьма драгоцѣнныя свѣдѣнія о первыхъ временахъ арабской медицины и въ особенности о несторіанскихъ школахъ.

10) *Leo Africanus, De philosoph. et medic. Arabum*.

11) *Carcassone, Essai historique sur la médecine des Hébreux anciens et modernes. Montpell. 1818*.

12) *Reiske et Fabri, Opuscula medica ex monumentis Arabum et Ebraeorum. Iterum rec. Gruner. Hal. 1776. 8*.

13) *Dietz, Analecta medica. Lips. 1833, 8, p. 117 seq.*

14) *Carmoly, Histoire des médecins juifs anciens et modernes, Bruxell. 1844*. Здѣсь главное мѣсто отведено врачамъ-евреямъ, какъ по отношенію къ ихъ доктринамъ, такъ и къ ихъ личностямъ. Вообще это сочиненіе по отношенію къ точности, отчасти незаслуженно, отчасти справедливо, не пользуется сочувствіемъ ни французовъ, ни нѣмцевъ.

15) *Brueg, Diss. de medicis illustribus Judaeorum, qui inter Arabes vixerunt. Hall. 1843*.

16) *Wüstenfeld, Geschichte der arabischen Aerzte und Naturforscher, Götting. 1840*. Это собственно не исторія арабской медицины, а рядъ библиографическихъ замѣтокъ, числомъ до 300, съ весьма скудными биографическими данными и безъ всякихъ свѣдѣній объ общихъ или объ отдѣльныхъ доктринахъ арабскихъ врачей. Все сочиненіе занимаетъ 160 страницъ и главнымъ образомъ основано на сочиненіяхъ *Osseibiae*, *Khallikan'a*, *Kalf'i* и разныхъ изчисленныхъ выше каталогахъ. Такъ какъ *Kitab el hokama* *Wüstenfeld'y*

не былъ извѣстенъ, то онъ часто обращается къ его плагиатору *Abulfaragius*'у. Точно также онъ не пользовался *Fihrist*'омъ (см. выше № 1). Вообще это первое серьезное сочиненіе объ арабской медицинѣ есть не болѣе, какъ библиографическій очеркъ, не чуждый нѣкоторыхъ неточностей.

17 *J. G. Wenrich: De auctororum graecorum versionibus et commentariis syriacis, arabicis, armeniacis, persicisque commentatio*, scripsit *J. G. Wenrich* Lipsiae. 1842. Здѣсь болѣе всего мѣста отведено арабскимъ переводамъ. Сочиненіе это раздѣляется на 2 части. Въ первой излагаются прогрессивное распространеніе греческой литературы на востокъ, затѣмъ общая исторія переводовъ съ греческаго на различные восточные языки. Во второй части излагается исторія переводовъ каждаго греческаго автора въ отдѣльности въ хронологическомъ порядкѣ, причѣмъ указываются также комментаріи писателей востока. Сочиненіе это обнаруживаетъ болѣе широкое пользованіе источниками, чѣмъ у *Wüstenfeld*'а, и опирается преимущественно на *Fihrist* и *Kitab el hokama*.

Кромѣ того по отношенію къ общей исторіи наукъ у арабовъ заслуживаетъ вниманія:

Schmoelders, Essai sur les écoles philosophiques chez les Arabes.

Munk, Mélanges de philosophie juive et arabe.

Repan, Averroës et l'Averroïsme. Paris, 1860.

Наконецъ различныя сочиненія *Sédillot, Introduction à la géographie d'Aboulfeda* *Reinaud*'а, *Les recherches sur les traductions d'Aristote* *Jourdain*'а и статья объ арабахъ въ *Cosmos*'ѣ.

Самое капитальное сочиненіе объ арабской медицинѣ, откуда нами заимствованы главнымъ образомъ вышеназванныя данныя и котораго отчасти будемъ придерживаться при дальнѣйшемъ изложеніи, есть бесспорно:

18) *Lucien Leclerc, Histoire de la médecine arabe*, t. I, II. Paris, 1876. Самъ авторъ называетъ свою исторію био-библиографической. Что касается исторіи доктринъ, то хотя въ сочиненіи *Leclerc*'а на этотъ предметъ обращено гораздо болѣе вниманія, чѣмъ у *Wüstenfeld*'а; но все же нужно сказать, что здѣсь ему отведено слишкомъ мало мѣста. Зато *Leclerc* у принадлежитъ та заслуга, что онъ пользовался всѣми вышеназванными источниками и, по крайней мѣрѣ въ отношеніи био-библиографическомъ, сочиненіе его поэтому вышло и о нѣе всѣхъ предыдущихъ. Онъ раздѣляетъ свою исторію на 8 книгъ:

Кн. I. Начало арабской медицины (до паденія Оммаядовъ).

Кн. II. Исторія переводовъ греческихъ сочиненій на арабскій языкъ и замѣтки объ арабскихъ врачахъ IX в.

Книги III, IV, V и VI обнимаютъ исторію X, XI, XII и XIII вѣковъ.

Кн. VII изображаетъ періодъ упадка арабской науки вплоть до эпохи возрожденія.

Кн. VIII занимается исторіей арабской медицины на западѣ, т. е., переводами съ арабскаго на новѣйшіе языки, а также въ особенности на латинскій, равно какъ и влияніемъ арабской науки въ средніе вѣка¹⁾.

На Арабскомъ полуостровѣ, ограниченномъ морями и песками пустыни, искони обиталъ подъ шатрами народъ, состоявшій изъ пастуховъ и купцовъ, любившій свободу, войны, краснорѣчіе и поэзію,—народъ, бо-

¹⁾ Ср. *L. Leclerc, Histoire de la médecine arabe*, Paris, 1876, I, Avant-propos.

лѣе склонный къ созерцанію, чѣмъ къ анализу. Жаркій климатъ воспламенялъ фантазію и породилъ своеобразную поэзію, отличавшуюся роскошными образами, силой ощущенія и остроумными афоризмами. Ни одна страна не изобиловала такимъ множествомъ поэтовъ, какъ Аравія. До известной степени арабы культивировали и исторію, поддерживавшую въ народѣ гордость своей генеалогіею. Но всѣ произведенія первобытной арабской поэзіи и исторіи долгое время хранились лишь въ памяти народа, узнаваемаго употребленіемъ письма гораздо позднѣе. Понятно, что у этого полудикаго народа первоначальная медицина могла быть только отчасти эмпирической, отчасти магической, пользовавшейся большею частью суевѣрными заклинаніями духовъ, которые считались виновниками болѣзней¹⁾. Нѣкоторыя смутныя понятія о медицинѣ арабы, вѣроятно, получили отъ своихъ сношеній съ Персіей. Въ такомъ состояніи медицина находилась у арабовъ весьма долгое время, пока наконецъ, послѣдствіемъ торговыхъ сношеній Медины (Yetrab) и Мекки съ сосѣдней Александріей, финикіянами, персами, индусами, евреями и греками, на ихъ полуостровѣ не возникло броженіе, въ которомъ принимали участіе древне-греческія, еврейскія и христіанскія ученія и изъ котораго въ заключеніе развился и с л а м и з м ъ, произведшій внезапный переворотъ въ судьбахъ этого до сихъ поръ языческаго народа. Изъ мирнаго, пастушескаго, чуждаго разнымъ внѣшнимъ влияніямъ племени онъ вдругъ превратился въ армію новообращенныхъ фанатиковъ; покрывшихъ чуть-ли не полміра (отъ береговъ Атлантическаго океана до Инда), но благодаря какому-то чуду, вмѣсто того чтобы подобно сѣвернымъ варварамъ растоптать подъ своими стопами послѣдніе обломки древней цивилизаціи и науки, арабы сверхъ ожиданія и съ необыкновенной быстротою усвоили себѣ науку побѣжденныхъ христіанъ, которые сдѣлались ихъ учителями. Въ теченіе пяти или шести вѣковъ одни только арабы держали въ своихъ рукахъ свѣточъ цивилизаціи и такимъ образомъ съ лихвой воздали западному христіанству за услуги, оказанныя имъ христіанами восточными²⁾. Не маловажную роль въ этомъ процессѣ движенія науки съ востока на западъ игралъ родственнѣе арабамъ семитическій народъ—евреи. Разсѣянные по разрушеніи Іерусалима по всему міру, многіе евреи еще во времена Маккавеевъ бѣжали между прочимъ, въ Аравію, гдѣ, тѣснимые и гонимые язычниками и христіанами, примкнули къ арабамъ и впоследствии во всѣхъ странахъ оказывали магометанамъ важныя услуги. Точно также въ Аравіи находили убѣжище многіе изъ подвергавшихся въ III и IV вѣкѣ

¹⁾ A bulfaragius, *Histor. dynast.* p. 246 (ed. arab. Pocock); Reiske, *Miscell. med. ex arab. monumentis*, p. 37. Ср. Sprengel, II, 326.

²⁾ Ср. Leclerc, l. c. I, p. 2.

преслѣдованіямъ христіанъ. Такимъ образомъ тѣ и другіе, еще въ доисламистскій періодъ, были піонерами, способствовавшими насажденію между арабами культуры, между прочимъ и медицины ¹⁾.

Въ „Reichsanzeiger“ недавно появилось извѣстіе о томъ, что Рудольфъ Массе, редакторъ „Berl. Tagesblatt“, принесть берлинскому музею въ даръ пріобрѣтенную имъ коллекцію художника Эдуарда Глазера, изслѣдователя восточной Аравіи, состоящую изъ 33 арабскихъ рукописей, написанныхъ шрифтомъ, похожимъ на абиссинскій, и 3 мраморныхъ изваяній. По опредѣленію Глазера, большая часть этихъ рукописей относится къ послѣднему тысячелѣтію до-христіанской эры, остальные же къ первымъ временамъ христіанства. Содержаніе ихъ отчасти религіозное, отчасти историческое (одна изъ нихъ, въ 23 строки, трактуеть о союзѣ между савскимъ и двумя другими арабскими королями). Вообще изъ нихъ видно, что какъ въ до-христіанскій періодъ, такъ непосредственно послѣ Христа въ древней Аравіи уже процвѣтали культура и знанія ²⁾.

Общій взглядъ на ходъ развитія и характеръ арабской культуры и медицины.

Арабская культура. Первый толчекъ къ развитію высшей культуры между арабами былъ данъ первымъ калифомъ изъ рода Омайядовъ, Муавіа (ум. въ 679 г. по Р. Х.). Онъ перенесъ свою резиденцію въ Дамаскъ, гдѣ арабы тотчасъ вступили въ сношенія съ христіанскими и еврейскими школами въ Сиріи, при помощи коихъ имѣли случай познакомиться съ плодами греческой, еврейской и индійской мудрости. Здѣсь же Муавіа основалъ библіотеку, школы, обсерваторіи и т. д. Все это, понятно, должно было привлечь въ Дамаскъ и множество врачей. При его наслѣдникѣ Abd el Manik ben Marwan'ѣ, въ концѣ VII столѣтія, между арабами въ Иракѣ поселились два греческихъ врача: Theodocus, христіанинъ, и Theodunus, сдѣлавшіеся учителями многихъ прославившихся впослѣдствіи арабскихъ врачей. Изъ нихъ Theodocus (ум. въ 708 по Р. Х.) былъ врачомъ намѣстника Ирака, Alhagog ben Iusufa, учителемъ знаменитаго Forat ben Schannata и авторомъ первой арабской медицинскій книги, *Kannasch (Pandectae)* ³⁾, написанной сначала вѣроятно на персидскомъ языкѣ, а потомъ переведенной на арабскій ⁴⁾. Весьма важное вліяніе на развитіе арабской культуры имѣли послѣдніе наставники александрійской школы какъ до, такъ и послѣ завоеванія Египта Омаромъ. Побѣжденные греки, большею частью изъ Сиріи, рядомъ съ евреями сдѣлались учителями арабовъ. Они-то впервые познакомили арабовъ съ произведеніями греческой литературы. Пробужденію

¹⁾ Ср. Наевер, I, 548.

²⁾ Ср. газету „Nazeifra“ Варшава, 1891, № 175 (отъ 6 августа).

³⁾ По Leclerc'у (I. c. I, p. 93): *Kinnasch*, авторомъ коей былъ Георгій Баггишауа. (См. ниже).

⁴⁾ Ср. Наевер, I, 549.

между арабами интереса къ наукамъ весьма много способствовалъ еl Mansur (Almansur, ум. въ 774 г.), основавшій на берегахъ Тигра знаменитый Багдадъ („городъ мира“) и въ немъ академію, достигшую впоследствии громкой славы во всѣхъ магометанскихъ государствахъ. Здѣсь же была основана коллегія врачей, представители которой обязаны были экзаменовывать всѣхъ, желавшихъ заниматься практикой. Сюда стекалось такъ много учащихся и учащихся, что современемъ число ученыхъ дошло здѣсь до 6000¹⁾. Здѣсь же калифы основали первыя больницы и публичныя аптеки въ интересахъ медицинскаго преподаванія²⁾, и хотя впоследствии громадное множество еврейскихъ школъ почти вытѣснили арабскія, но въ XIII столѣтіи багдадскія академія и медицинская коллегія были восстановлены калифомъ Mostanser'омъ³⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній основалъ здѣсь библіотеку и новую аптеку, и почти ежедневно лично присутствовалъ при преподаваніи⁴⁾. Еще болѣе процвѣтанію наукъ между арабами способствовалъ преемникъ Альмансура Гарун-еl-Raschid (786—809), который превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ любовью къ наукамъ, терпимостью и распространеніемъ ученыхъ учреждений. Онъ щедро награждалъ сирійскихъ грековъ-христіанъ, возложивъ на нихъ обязанность обучать арабовъ наукамъ, въ особенности же, медицинѣ. Въ то же время онъ оказывалъ покровительство христіанской школѣ въ Джондисапорѣ, которая еще процвѣтала въ его время. Но самымъ величайшимъ меценатомъ является его младшій сынъ еl-Mamin (813—833), царствованіе котораго можно назвать золотымъ вѣкомъ арабской литературы. По его приказанію сдѣлано множество новыхъ переводовъ греческихъ произведеній, въ особенности же онъ старался приобрѣтать отовсюду древнія классическія сочиненія, поручивъ собираніе ихъ своему посланнику при дворѣ императора Теофила, причемъ посредникомъ служилъ вышеупомянутый Фотій⁵⁾, жившій долгое время въ качествѣ посланника въ Багдадѣ; точно также, подобно Гарунъ-ель-Рашиду, онъ еще ранѣе испрашивалъ греческія сочиненія у византійскихъ императоровъ Никифора и Льва-армянина. Его примѣру слѣдовали также преемники его: еl-Motassem и Motawakel, изъ коихъ послѣдній восстановилъ академію и библіотеку въ Александріи⁶⁾.

Примѣру еl-Mamin'a старались подражать намѣстники пророка въ

¹⁾ Leo Africanus, de philosoph. et medic. Arabum; ср. Sprengel, II, 332.

²⁾ Abulfarag. Hist. dynast., p. 320; ср. Sprengel II, 333.

³⁾ Benjamin Tudel. Itinerarium, p. 75, Lugd. Bat., 1633.

⁴⁾ Abulfaragius l. c. 482, 483; у Sprengel'я тамъ же.

⁵⁾ См. выше стр. 143.

⁶⁾ Benjamin Tudel. l. c. 121, ср. Sprengel. II, 335.

различныхъ магометанскихъ государствахъ; такъ, властители Магриба (отъ *magreb*—западъ) оказались уже въ VIII столѣтїи весьма дѣятельными сподвижниками наукъ. Одинъ изъ нихъ, *Abdallah ebn Nadschab* въ Тунисѣ, будучи самъ поэтомъ, привлекалъ къ своему двору множество поэтовъ и ученыхъ. Еще въ большей степени тоже самое имѣло мѣсто на развалинахъ Картагена, въ Фецѣ и Мароккѣ, въ особенности при эдризитахъ; послѣдній изъ нихъ *Iahiah* превратилъ свой дворъ въ настоящую академію наукъ и его уваженіемъ пользовался только тотъ, кто отличался образованностью и ученостью¹⁾.

Въ этотъ ранній періодъ арабской исторїи научная дѣятельность арабовъ сосредоточивалась преимущественно на изученїи корана, арабскаго языка и медицины, причемъ весьма важную роль играла школа несторїанъ въ Джондисапорѣ, представители коей часто приглашались ко двору калифовъ и по приказанію послѣднихъ переводили важнѣйшія философскія и медицинскія греческія сочиненія на арабскій языкъ, пользуясь при этомъ еще неиспорченными текстами.

Весьма скоро арабы познакомились также съ литературой Персіи и Индіи, послѣ покоренія этихъ странъ. Такъ *Ayur-Veda* Сушруты сдѣлалась извѣстной арабамъ еще при Гарунъ-ель-Рашидѣ, а изъ жившихъ при его дворѣ индусскихъ врачей, *Mankah* и *Saleh*, первый перевелъ на арабскій языкъ Чараку (*Charaka*). Даже халдейская мудрость не ускользнула отъ вниманія пытливыхъ арабовъ. Такъ халдеецъ *Ibn Wahschija* перевелъ около 710 года на арабскій языкъ два халдейскихъ сочиненія: одно—о *земледѣліи* съ замѣтками о ботаникѣ, *медицинѣ* и ветеринарномъ искусствѣ, и другое—о *ядахъ*, причемъ пользовался работами древняго халдейскаго врача *Jarbuka* и новѣйшаго *Suhab'a*²⁾.

Наивысшей степени процвѣтанія достигла цивилизація въ мусульманской Испанїи, въ которой арабы утвердились уже въ 712 г. Самый высшій расцвѣтъ арабской культуры совпадаетъ съ царствованіемъ трехъ Абдеррахмановъ и ел-Накем'а (отъ 8 до 10 в.). Здѣсь, подъ счастливымъ небомъ Испанїи и мудрымъ управленіемъ упомянутыхъ калифовъ, выдававшихся какъ храбростью, такъ и рыцарскимъ обращеніемъ, все благопріятствовало культивированію наукъ и искусствъ, чему не мало способствовало и то обстоятельство, что здѣсь арабы застали значительные остатки древне-греческой и римской образованности. Наибольшая доля заслугъ, по

¹⁾ Sprengel, тамъ же, 335.

²⁾ A. Sprenger, de originibus medicinae arabicae sub Khalifatu; Lug. Batav., 1840, р. 7; ср. Haeser, I 550, 551.

словамъ Haesera, принадлежить здѣсь евреямъ, которые еще со 2 ст. по Р. Х. въ значительномъ числѣ переселились въ Испанію, гдѣ основали выдающіяся школы въ Зарѣ (Zara), Толедо и Кордовѣ: „фанатическіе готы-завоеватели ихъ преслѣдовали и угнетали, арабы же, одинаковаго съ ними происхожденія, являлись для нихъ избавителями и они поэтому съ радостью старались оказывать имъ всевозможное содѣйствіе“¹⁾.

Абдеррахманъ I (755—791), чудомъ спасшійся при истребленіи рода Оммаядовъ на востокѣ, равно какъ его преемникъ Abd-Ain Naszir, оказывали особенное покровительство наукамъ и искусствамъ.

Абдеррахманъ III (912—961), а по словамъ Casiri²⁾, сынъ его el Nakim II (961—976) основалъ въ Кордовѣ, съ 300000—нымъ населеніемъ, академію, куда были вызваны ученые востока, которымъ была поручена разработка политической, естественной исторіи и исторіи литературы. Слава этой академіи была такъ велика, что сюда стекались всѣ западные христіане, которые жаждали познаній въ наукахъ. Здѣсь уже въ 10 в. существовала величайшая на западѣ библіотека, состоявшая изъ 250,000, а по другимъ изъ 600,000 томовъ, одинъ каталогъ которой занималъ 44 тома. Такія же академіи были основаны въ Севильѣ, Толедо и Мурсіи. Въ 12 вѣкѣ, въ которомъ латинскіе народы Европы имѣли лишь скудныя библіотеки и только два университета, салернскій и парижскій, въ мусульманской Испаніи было 70 публичныхъ библіотекъ и 17 высшихъ школъ; что касается авторовъ, то Кордова насчитывала ихъ 150, Алмерія 52, а Мурсія 62³⁾.

Примѣромъ высокаго положенія и значительнаго вліянія еврейскихъ ученыхъ на распространеніе восточнаго знанія въ Испаніи могутъ служить лейбъ-медикъ el-Nakim'a, Isabeh-Isaac, въ домѣ котораго калифъ устраивалъ собранія ученыхъ, равно какъ и врачъ Abu Iussuf Hasdaï Ibn Schaprouf, происходившій изъ еврейской семьи въ Іаѣнѣ, въ Андалузій. Онъ съ ранней юности жилъ въ Кордовѣ, гдѣ изучилъ медицину и впослѣдствіи сотрудничалъ въ переводѣ Діоскорида на арабскій языкъ, предпринятомъ его другомъ, греческимъ монахомъ Николаемъ, отправленнымъ императоромъ Романомъ въ 949 году къ калифу Абдеррахману вмѣстѣ съ экземпляромъ вышеупомянутаго автора. Черезъ это Hasdaï снискалъ себѣ милость калифа до того, что послѣдній возвелъ его въ санъ министра финансовъ и кромѣ того далъ ему другія важныя порученія въ качествѣ посланника. Такою же благосклонностью онъ пользовался и у преемника его el-Nakim'a⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 551.

²⁾ Casiri, II, p. 38: ср. Sprengel, II, 336.

³⁾ Тамъ же и 337.

⁴⁾ Ph. Luzzatto, Notice sur Abou Iousof Hasdaï Ibn Schaprouf, médecin juif du X. siècle. Paris 1852; ср. Haeser, I, 552.

Слава вышеупомянутыхъ научныхъ учрежденій привлекала громадныя массы не только мусульманъ, но и христіанъ и въ особенности евреевъ, и чрезъ посредство тѣхъ и другихъ наука, представлявшая сліяніе арабскихъ, христіанскихъ и еврейскихъ элементовъ, была занесена съ запада, изъ испанскихъ школъ, въ среднюю Европу¹⁾.

Въ Египтѣ, въ началѣ магометанской эры, во время господства фатимидовъ, высшая культура прививалась сначала съ меньшимъ успѣхомъ, чему доказательствомъ приводятъ разрушеніе Александріи полководцемъ Амру, хотя новѣйшіе изслѣдователи сильно сомнѣваются въ фактѣ уничтоженія библіотеки при этомъ завоеваніи (Parthey, Klirpel, Ahrège). Послѣдующіе властители Египта, однако, съ теченіемъ времени позаботились о восстановленіи александрійской школы, а калифъ Накем Biamrillah (996—1021), третій изъ фатимидовъ, основалъ въ Каирѣ собраніе ученыхъ подъ названіемъ „дома мудрости“, и при немъ библіотеку, просуществовавшіе болѣе 50 лѣтъ²⁾.

Интересно, что и на дальнемъ востокѣ магометанскія государства служили убѣжищами арабской образованности: такъ, эмиры иракскіе Abaded-Daula и Saif-éd-Daula въ концѣ X в. покровительствовали наукамъ; изъ нихъ послѣдній основалъ медицинскія академіи въ Куфѣ и Бассрѣ, достигшія вскорѣ большой извѣстности. Въ Курдистанѣ Abu-Mansur Bahram основалъ публичную библіотеку, съ самага-же начала состоявшую изъ 7,000 томовъ. Въ XIII в. славилась также медицинская академія въ Дамаскѣ, которую щедро одарилъ калифъ Malek Adel, самъ нерѣдко ходившій туда съ книгой подъ мышкой, чтобы присутствовать на лекціяхъ. Даже въ дальней Бухарѣ существовала подъ владѣтельствомъ сарацинъ академія съ библіотекой³⁾.

Не смотря однако на всю ученость калифовъ, множество академій и библіотекъ и громадное число писателей, въ качественномъ отношеніи арабская образованность во многомъ уступала греческой: арабамъ именно недоставало той простоты и естественности, той ясности міросозерцанія и чувства изящнаго, которыя были присущи греческому гению. У арабскихъ писателей, за немногими лишь исключеніями, нечего искать ни свободнаго изслѣдованія, ни новыхъ открытій, ни художественной отдѣлки литературныхъ произведеній; имъ недоставало, главнымъ образомъ, самостоятельности, хотя съ другой стороны нельзя отрицать, что арабы воспріяли эллинское знаніе не пассивно, а переработавъ и измѣнивъ его по своему. Главнымъ препятствіемъ для свободнаго развитія умственной дѣя-

¹⁾ Тамъ же. ²⁾ Тамъ же, 553.

³⁾ Ср. Sprengel, II, 337.

тельности арабовъ считается ко р а н ъ, согласно которому всякое проявленіе свободной, самостоятельной мысли составляетъ великій грѣхъ и заслуживаетъ проклятiя. Коранъ былъ и остался для арабовъ „несотворенной книгой“ и воплощеніемъ всякаго знанiя; все-же, что именуется знаніемъ внѣ его, заслуживаетъ, по мнѣнiю мусульманъ, презрѣнiя. Въ сущности однако эта власть корана проистекаетъ изъ врожденнаго арабамъ чувства благоговѣнiя къ авторитету, благодаря коему они рабски усвоили также греческую философію и медицину: Аристотель у арабскихъ философовъ и Галенъ у врачей пользовался такимъ же авторитетомъ, какъ законъ Магомета¹⁾. Въ первые времена господства ислама занятіе языческой философіей считалось преступленіемъ, заслуживающимъ смертной казни: для каждаго правовѣрнаго мусульманина, кромѣ корана, всякая человѣческая мудрость излишня. Но послѣ того, какъ Аббасиды огнемъ и мечемъ водворили исламъ въ магометанскихъ государствахъ, арабы не только получили позволеніе по своему заниматься философіей, но вмѣнили себѣ въ обязанность заставить ее служить исламу и сдѣлать изъ нея оружіе противъ его противниковъ. Въ 10 или 11 в. въ Бассрѣ, при персидскомъ заливѣ, образовалось ученое общество, задавшееся цѣлью очистить исламъ отъ излишнихъ примѣсей человѣческаго и усовершенствовать и привести его въ первобытную чистоту путемъ сочетанiя съ греческой философіей. Діалектика впоследствии до того вошла въ плоть и кровь сарацинъ, что, на примѣръ, Isa ben Dschesla въ 11 в., не находя учителя въ христіанскихъ странахъ, перешелъ поэтому къ арабамъ. Діалектика сдѣлалась даже насущною потребностью для монарховъ: такъ Гарунъ-ель-Рашидъ самъ разрѣшилъ грамматическій споръ между Sibüia и Khasai, а одинъ князь сельджуковъ прилежно изучалъ компендіи діалектики, написанный евреемъ Hebatollah ben Malkha²⁾. Необходимо однако замѣтить, что хотя арабы давно уже были знакомы съ Аристотелемъ, но не съ греческимъ, а съ александрійскимъ, т. е. со смѣсю псевдо-платоновскихъ, еврейскихъ и христіанскихъ догматовъ. Этотъ-то, передѣланный на арабскій ладъ, Аристотель, вскорѣ поступившій на службу корана, послужилъ основаніемъ схоластическаго міросозерцанiя арабовъ. Самымъ знаменитымъ изъ арабскихъ послѣдователей александрійскихъ философовъ былъ Abu Nassr al Farabi³⁾, познакомившій магометанъ

1) Ср. Haeser, I, 555.

2) Abulfarag. Hist. dynast., pp. 330, 331, 365, 394; ср. Sprengel II, 340.

3) Mor. Steinschneider; al-Farabi (Alfarabius), des arabischen Philosophen Leben und Schriften, mit besonderer Rücksicht auf die Geschichte der griechischen Wissenschaft unter den Arabern. u. s. w. (X, 268); въ Mémoires de l'académie de St. Pétersbourg, 1869.

съ ученіемъ объ эманациі и его дѣтищами, астрологіей и алхіміей, ученіемъ, которое въ послѣдствіи получило у нихъ еще болѣе широкое развитіе, благодаря Ebn-Rosch d'y (Averroës), защищавшему его противъ нападокъ al-Gazali¹⁾.

Упомянутое выше ученое общество въ Бассрѣ, носившее названіе „чистыхъ братьевъ“ (ihwan as safa), съ особеннымъ успѣхомъ распространилось въ Испаніи, гдѣ подъ вліяніемъ многочисленныхъ еврейскихъ и христіанскихъ школъ господствовала большая свобода изслѣдованія. Эти „чистые братья“ составили *энциклопедію* наукъ въ пятидесяти книгахъ, въ коихъ, при изложеніи ученія о природѣ, они являются послѣдователями Аристотеля, а въ математикѣ, астраноміи и т. п. приверженцами неоплатониковъ. Человѣкъ, согласно ихъ ученію, есть сочетаніе тѣла и души, а потому первая изъ упомянутыхъ книгъ содержитъ краткую, популярно-изложенную, анатомію; вторая — излагаетъ ученіе о чувственныхъ воспріятіяхъ; слѣдующія трактуютъ о смерти, какъ стадіи развитія, ведущей къ высшему бытію, о языкѣ и т. д.²⁾

Литература объ ученіи „чистыхъ братьевъ“ довольно обширна; о немъ въ шестидесятихъ и началѣ семидесятихъ годовъ написалъ цѣлый рядъ статей F. Diterici; далѣе H. Steiner: „Die Mutaziliten oder die Freidenker im Islam. Leipz. 1865. 8; затѣмъ Duses, Philosophisches aus dem zehnten Jahrhundert. Ein Beitrag zur Literaturgeschichte der Muhamedaner und Juden. Nacel. 1868. 8, Magazin für die Literatur des Auslandes, 1872, № 15³⁾.

Дальнѣйшему распространенію и развитію ученія „чистыхъ братьевъ“ способствовали: Abu Bekr Ebn Thop hail („philos. autodid.“) въ XII в. въ Андалузіи⁴⁾, далѣе Alkindi, считавшій основаніемъ всякаго знанія математику; философъ и врачъ Omar-el-Kermani въ Сарагоссѣ, el Farabi и еще болѣе Abu Bekr Ebn Badschdscheh (Averroës), извѣстный какъ врачъ и флейтистъ, въ послѣдствіи визирь въ Фецѣ (ум. въ 1138 г. отъ яда). Въ особенности же во главѣ арабскихъ послѣдователей Аристотеля стоятъ Avicenna, Averroës и Maimonides. Благодаря трудамъ всѣхъ упомянутыхъ авторовъ, въ Испаніи развилось раціоналистическое ученіе, имѣвшее огромное вліяніе на средневѣковыя еврейскія и арабскія школы, а черезъ нихъ и на западныя университеты, въ смыслѣ пробужденія свободнаго научнаго изслѣдованія, — вліяніе, сказавшееся вполнѣ ярко лишь нѣсколько столѣтій спустя. Эти раціоналисты утверждали, что

¹⁾ Ср. Sprengel, II, 341.

²⁾ Ср. Haeser, I, 556.

³⁾ Тамъ же и 557.

⁴⁾ Sprengel, II, 242 и слѣд.

человѣкъ могъ бы достигъ познанія Бога и безъ откровенія, что религія необходима лишь для слабыхъ умовъ, и вмѣсто творенія, происшедшаго изъ свободной воли Бога, принимали природу, перешедшую изъ возможности въ дѣйствительность. Наилучшимъ выраженіемъ разума служить для нихъ способный къ высшему развитію и совершенствованію умъ человечества¹⁾.

Что касается значенія арабовъ въ исторіи развитія естественныхъ наукъ, то слабѣ всего оно выражено по отношенію къ ботаникѣ; но зато ихъ справедливо считаютъ основателями химіи; имъ же принадлежитъ заслуга самостоятельной разработки математики, физики, астрономіи и географіи. Такъ, уже el-Masudi заставилъ сдѣлать измѣреніе земныхъ градусовъ для опредѣленія объема земли; далѣе, арабы составили таблицы о движеніи небесныхъ тѣлъ (*толедскія* въ 1080 г. и *альфонсистскія* въ 13 столѣтіи)²⁾.

Самымъ важнымъ арабскимъ астрономомъ считается Muhamed ben Dschahir (Albatani, Albategni). О космографіи писалъ Kazwini (*Die Wunder der Schöpfung*, aus dem arabischen von Ethé, Leipzig, 1869); о географіи—Abulfeda (французскій переводъ: Reinaud, Paris, 1848); о химіи—Dschahir-el-Sadik (правдивый) и Abu Mussa Dschaher al-Safi (изъ Гаррана, въ Мессопотаміи) ben Hajjan el-Tarsufi (изъ Тарса, 699—765), извѣстный подъ искаженнымъ именемъ Geber'a и оставившій многія сочиненія по *алхиміи*, содержаніе коихъ заимствовано преимущественно у „древнихъ мудрецовъ“; наконецъ, изъ писавшихъ по *минералогіи* арабовъ болѣе другихъ извѣстенъ Teifaso, а по *ботаникѣ*—Ishac ben Amran, которымъ много пользовался Ibn-el-Beitar, и въ особенности Abu Ad-dainuduri и Abd-el-Letif³⁾.

Арабская медицина отнюдь не должна быть рассматриваема какъ нѣчто исключительно заимствованное или, говоря словами Choulant'a, какъ измѣненная и искаженная греческая медицина. Не подлежитъ сомнѣнію, что арабская медицина сформировалась совершенно своеобразно, принимаясь къ условіямъ обитаемыхъ мусульманами странъ, образа жизни, расовыхъ особенностей и всего строя арабскаго быта, сложившагося подъ вліяніемъ закона Магомета. Недостатокъ самостоятельности, которымъ страдаетъ вообще арабская медицина, рѣзче всего обнаруживаютъ

Анатомія и *физиологія* арабовъ. Не говоря о томъ, что по ученію корана самое прикосновеніе къ трупу уже оскверняетъ, тѣловскртыя были строжайше запрещены мусульманскимъ закономъ, такъ какъ по ученію мусуль-

¹⁾ См. Haeser, I, 557.

²⁾ Въ составленіи этихъ послѣднихъ таблицъ, по приглашенію кастильскаго короля Альфонса-Мудраго (1252), принимали участіе ученые евреи, въ томъ числѣ его первый лейбъ-медикъ Jehuda Мосса. Ср. Carmoly, Hist. des médecins juifs, въ *Revue orientale*, Bruxelles, 1841, I, 434.

³⁾ Haeser, I, 558.

манъ душа не сразу оставляетъ тѣло, а мало по малу переходитъ изъ одного члена въ другой, пока не дойдетъ до груди, гдѣ и остается на долго, отчего всякое вскрытіе неизбѣжно должно сопровождаться излишними мученіями для усопшаго. Къ этому присоединяется еще заимствованное магометанами у евреевъ ученіе, по которому мертвые въ могилахъ удерживаются въ прямомъ положеніи двумя ангелами, Накиромъ и Монкеромъ, чтобы въ этомъ видѣ предстать предъ загробнымъ судомъ; слѣдовательно, трупъ не долженъ быть лишень ни одной своей части¹⁾. Поэтому, когда Toderini предложилъ одному муфтію вопросъ, можно ли вскрывать человѣческіе трупы, то послѣдній отвѣтилъ, что самый вопросъ этотъ уже противозаконенъ²⁾. Арабы не могли изучать анатомію даже по рисункамъ, такъ какъ всякія изображенія запрещены кораномъ; единственнымъ пособіемъ при изученіи ея служилъ у нихъ Галенъ. Лишь весьма рѣдко они имѣли случай ознакомиться съ *osteологіей* въ хранилищахъ костей. Такъ Abd-el-Letif, изслѣдовавъ болѣе 2000 человѣческихъ череповъ, былъ въ состояніи исправить ошибочныя утвержденія Галена и доказать, что нижняя челюсть состоитъ изъ одной, а не изъ двухъ отдѣльныхъ костей; равнымъ образомъ крестецъ изъ одной, а не изъ шести костей, какъ принимаетъ Галенъ³⁾. Занятіе анатоміей запрещалось также жившимъ между магометанами христіанамъ и евреямъ. Единственное сочиненіе по анатоміи въ арабской литературѣ составляетъ такъ называемый „Dissector“ Muhammed'a el-Gafiki⁴⁾.

Тоже можно сказать и о физиологіи арабовъ; достаточно указать здѣсь на физиологическую систему приведеннаго выше Тофаила, отъ котораго немногимъ далѣе ушелъ даже Avicenna. Въ этой системѣ, составляющей сочетаніе александрійской и аристотелевской философіи, встрѣчаемъ ученіе объ элементарныхъ качествахъ, о формахъ, постигаемыхъ лишь чистымъ разумомъ, какъ тяжесть и легкость, свойственныя вообще природнымъ тѣламъ, ростъ и питаніе въ растеніяхъ, чувствительность и движеніе у животныхъ, каковыя формы имѣютъ одинъ общій источникъ—рпеуша или субстанцію, сходную съ пятымъ элементомъ небесныхъ тѣлъ, т. е. съ эфиромъ, изъ котораго состоятъ

¹⁾ Alcoran, sur. XLVII, 27.

²⁾ Toderini, Literatur der Türken, aus dem italienischen, Königsberg, 1790, I, 127: ср. Sprengel, 345.

³⁾ Abd-el-Letif, memor. Aegypt. I, II, с. 3, ed. Pauli, Tübingen 1789; (тоже: Histor. aegypt. compend. ed. White, Oxon. 1800) ср. Sprengel, II, 346, и Haeser I, 561.

⁴⁾ Тамъ же.

составляющіе истеченіе божества демоны или духи. На этой-то системѣ основана фізіологія арабовъ. Человѣкъ, согласно послѣдней, состоитъ изъ души, образовавшейся вслѣдствіе броженія четырехъ элементарныхъ веществъ, и тѣла, орудія души, образованнаго ею съ помощью божественнаго духа. Всѣ отправления тѣла слѣдуютъ поэтому велѣніямъ этой души, имѣющей свое мѣсто-пробываніе въ желудочкахъ сердца, гдѣ она приходитъ въ волненіе отъ гнѣздящейся здѣсь врожденной теплоты и, разгораясь словно въ пламя, сообщаетъ и сердцу конусообразную форму. Теплота сердца требуетъ для своего поддержанія питательнаго, т. е. горючаго матеріала; этотъ матеріалъ (кровь) поставляется печенью, а для того, чтобы теплота эта чувствовалась, въ мозгу происходитъ ощущеніе. Дѣятельность этихъ органовъ была бы невозможна безъ притекающаго къ нимъ рпеиша; для этой цѣли существуютъ артеріи, доставляющія рпеиша во всѣ органы тѣла. Отсюда тѣсная связь между всѣми внутренними органами, изъ коихъ каждый существуетъ для другого и безъ другого существовать не можетъ¹⁾. Очевидно, фізіологія арабовъ во многомъ сходна съ фізіологіей Галена, телеологическая точка зрѣнія котораго вполне согласуется съ воззрѣніемъ корана.

Патологія арабовъ страдаетъ отсутствіемъ наблюдательности и естественной простоты. Склонность къ чудесному выдвинула у нихъ астрологію и уроскопію, а педантическая мелочность семіотики вытѣснила всякое здравое пониманіе раціональной патологии. Самая высшая задача медицинскаго искусства заключалась для арабовъ въ дошедшемъ у нихъ до виртуозности ощущеніи пульса,—искусствѣ, доставившемъ арабамъ даже между греками славу отличныхъ предсказывателей болѣзни. Thabeth ebn Ibrahim по состоянію пульса опредѣлялъ даже родъ употребленной до того пищи! До чего доходило шарлатанство арабскихъ врачей, доказываетъ случай заболѣванія калифа Abu-Ali ebn-Dschalal ed-Daula 4—дневной лихорадкой, которую его лейбъ-медикъ вылечилъ слабительнымъ и кровопусканіемъ, объяснивъ, что первое имъ употреблено для растворенія крови, а второе для выведенія желчи. Isa Abu Koreisch Sidalani (аптекарь) достигъ блестящаго положенія тѣмъ, что по состоянію мочи предсказалъ у наложницы калифа Al-Mohdi беременность и рожденіе мальчика²⁾.

Больше всего, безспорно, разработаны арабами

Химія и фармакологія. Первая развилась изъ распространеннаго у позднѣйшихъ александрийцевъ искусства превращенія металловъ. Пер-

¹⁾ Abu Bekr ebn Thophail, philos. autodid. cp. Sprengel, II, 342—344.

²⁾ Abulfarag. Hist. dynast. 229 и 358; cp. Sprengel, 348, 349.

вымъ химикомъ между арабами считается вышеупомянутый Geber: въ алхимическомъ его сочиненіи ¹⁾ упоминаются уже нѣкоторые ртутные препараты, какъ сулема и красная осадочная ртуть, а также крѣпкая и царская водка, азотнокислое серебро и многіе другіе химическіе препараты. Позднѣйшіе философы и врачи также не мало способствовали разработкѣ химіи, особенно въ фармацевтическомъ отношеніи. Фармація, можно сказать, вновь создана арабами. Названія: alcohol, julep (по персидски — розовая вода), sirup, looch (linctus), sief (albi trochisci), parhta, samphora, bedeguar (spongia cynobasti), bezoar (lapis bezoardicus) и многочисленныя другія—арабскаго происхожденія. Арабы первые ввели правила для приготовленія лекарственныхъ веществъ, нѣчто въ родѣ фармакопей, подъ названіемъ *dispensatoria* („carâbadinât“); первая изъ нихъ, подъ названіемъ akrabadin, была составлена представителемъ джондисапорской школы Sarog ebn Sahel'емъ, въ послѣдней половинѣ IX в. ²⁾ Въ XII вѣкѣ особенно славился акрабадинъ христіанскаго епископа и лейбъ-медика багдадскихъ калифовъ, *Abul Hassan Hebath Allah Ebn al-Tamid'a*. Это—сочиненіе, впоследствии служившее руководствомъ для арабскихъ аптекъ, находившихся подъ особеннымъ надзоромъ правительства, которое заботилось о дешевизнѣ и доброкачественности лекарствъ ³⁾. Однимъ изъ главныхъ занятій аптекарей была торговля пахучими веществами, въ особенности сандалнымъ деревомъ, отсюда ихъ названіе „szandalani“. Главнымъ образцомъ въ этой области служилъ для арабовъ Діоскоридъ, но въ ихъ фармакопеяхъ встрѣчается также множество персидскихъ и индійскихъ названій. Выше уже было замѣчено, что арабы не любили сильнодѣйствующихъ веществъ и вмѣсто греческихъ драстическихъ ввели болѣе легкія слабительныя, каковы напр. cassia, seppa и тамаринды, а къ сильнодѣйствующимъ, напримѣръ scamonium, прибавляли фіалковый корень, лимонный сокъ и т. п. для ослабленія этого дѣйствія. Весьма важный предметъ арабской фармакологіи составляло ученіе о ядахъ и противоядіяхъ ⁴⁾. Интересно, что калифы также занимались *токсикологіей*; такъ, одинъ изъ нихъ, el-Motawakkel, превзошелъ даже Митридата, подвергая своихъ гостей во время

¹⁾ Alchemia Gebri, Bern, 1545.

²⁾ Abulfarag. hist. dynast., p. 269; ср. Sprengel, II, 347.

³⁾ Abulfarag. l. c. 394; ср. Sprengel, 347; Carmoly. Rev. orient. I, 405.

⁴⁾ Ср. Steinschneider, die toxicologischen Schriften der Araber bis Ende des XII Jahrhunderts. Virchow's Archiv, B. LII. Maimonides, Gifte und ihre Heilung, deutsch von Mor. Steinschneider, Virchow's Archiv, Bd. LVII, Berlin, 1873. Israel Michel Rabbinowitz, Traité des poisons de Maimonides, Paris, chez Delahaye. 1867.

пировъ укушеніямъ ядовитыхъ змѣй, которыя излечивалъ затѣмъ магически дѣйствовавшимъ теріакомъ¹⁾.

Хирургія у арабовъ не могла процвѣтать уже потому, что этому мѣшали какъ религіозныя предрасудки (запрещеніе заниматься анатоміей, см. выше), такъ и боязнь кровавыхъ операцій и чувство стыдливости (у женщинъ не только акушерскія операціи, но даже камнесѣченіе, вправленіе грыжъ и т. п. должны были производиться только женщинами). Вотъ почему въ этой области медицинскій литературы встрѣчается множество баснословныхъ разсказовъ, напр., о соединеніи ранъ живота будто бы съ помощью большихъ муравьевъ, которыхъ заставляли укусывать края раны, послѣ чего заднюю часть ихъ тѣла отрѣзывали; этотъ разсказъ переходилъ изъ одного столѣтія въ другое, пока, наконецъ, въ XVI в. Massa не доказалъ абсолютной невозможности такого способа²⁾. Единственное исключеніе составляетъ лучший арабскій писатель по хирургіи Abulkasis, который однако въ свою очередь много заимствовалъ у грековъ, въ особенности у Павла Эгинскаго. Неудивительно поэтому предпочтеніе, оказываемое арабскими врачами ѣдкимъ лекарственнымъ веществамъ, которыя оттого называются „арабскими каутеріями“. Значительно больше успѣховъ между арабами сдѣлала

Офтальміатрія, гдѣ однако преобладаютъ наружныя медикаменты. Изъ арабскихъ офтальмологовъ болѣе другихъ извѣстны Ali-ben-Isa и Sanathusali³⁾.

Наконецъ арабская медицинская литература насчитываетъ нѣсколькихъ писателей по исторіи медицины, изъ коихъ важнѣйшіе Оссейбія и Эбнъ-Джолджоль (см. выше „Библиографію“).

Арабская медицина въ ея частностяхъ и главнѣйшихъ представителяхъ.

Доисламистскій періодъ. Въ своей исторіи арабскихъ врачей Ibn Abu Osseibia первую книгу посвящаетъ началу медицины вообще, причѣмъ приводитъ гипотезы объ этомъ предметѣ своихъ предшественниковъ, въ особенности лейбъ-медика Саладина, Ibn el Mathran'a, согласно коему первые зачатки медицины обязаны своимъ происхожденіемъ случаю, наблюденію, инстинкту и сужденію.

Такъ, случайныя носовыя кровотеченія, облегчавшія принадки плеторы, повели впоследствии къ открытію кровопусканія изъ венъ, или случайное облегченіе же-

¹⁾ Ср. Haeser, I, 562.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 350, примѣч. 45, 46. ³⁾ Ср. Haeser I, 562.

лудочно-кишечныхъ припадковъ рвотой и поносомъ—къ открытію извѣстныхъ травъ, производящихъ то же дѣйствіе. Мало-по-малу эти наблюденія накопились и повели къ усовершенствованію искусства путемъ чистаго сужденія или наведенія. Самъ Оссеібіа принимаетъ нѣсколько источниковъ происхожденія медицины: божественное вдохновеніе, сны, а также опытъ, случай и наблюденіе того, что у нѣкоторыхъ животныхъ совершается путемъ инстинкта. Впослѣдствіи эти свѣдѣнія умножились и при помощи сужденія люди дошли до познанія многихъ вещей и явленій, ихъ причинъ и аналогій, изъ коихъ наконецъ составились общія правила и начала науки ¹⁾. Такъ называемая *медицина пророка* (см. ниже), заключающаяся въ многочисленныхъ изреченіяхъ Магомета, содержитъ практическія правила, основанныя на наблюденіяхъ Магомета у арабовъ по отношенію къ здоровью. Къ доисламистской эпохѣ арабскіе писатели относятъ исторію одного ставщика банокъ изъ Sabbath близъ Маданна. За немнѣніемъ клиентовъ онъ поджидалъ на дорогахъ проходящія войска, причемъ ставилъ солдатамъ банки „въ кредитъ до ихъ возвращенія“; нерѣдко, за недостаткомъ же клиентовъ, онъ ставилъ банки своей матери, повторяя эту процедуру до тѣхъ поръ, пока она не умерла. Къ доисламистскому же періоду относится фактъ перваго появленія оспы (около 570 до Р. X.), о которомъ есть намекъ въ коранѣ; а именно, подъ камнями въ клювахъ птицъ абабилъ, упоминаемыхъ въ коранѣ по поводу осады Мекки абиссинскимъ принцемъ Абрага, ориенталисты подразумеваютъ эпидемію оспы, каковое толкованіе согласуется съ историческими данными, такъ какъ годъ осады Мекки (570 по Р. X.), который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ годомъ рожденія Магомета, названъ арабскими хроникерами *годомъ слона* ²⁾ и къ этому-то году историческіе документы относятъ первое появленіе оспы среди арабовъ. Такъ Reiske говоритъ, что оспа и корь впервые появились среди арабовъ въ „годъ слона“, по показанію Masudi и Ebn Doreid'a ³⁾. Другой случай оспы имѣлъ мѣсто въ 601 г., спустя 30 лѣтъ послѣ экспедиціи Абрага, въ конвоѣ кавалеровъ, проважавшихъ женъ Benu Firas'a, изъ коихъ одинъ, по имени Rabi'a, былъ боленъ оспой ⁴⁾.

Медицина въ эпоху Магомета первоначально была, повидимому, персидскаго происхожденія, на что указываютъ сохранившіяся у арабовъ персидскія названія разныхъ благовоній и медикаментовъ. Первый, имѣвшій вліяніе на появленіе у арабовъ систематическихъ свѣдѣній по медицинѣ, былъ

Theodorus, христіанскій врачъ, жившій въ Персіи при царѣ Сапорѣ или, по другимъ, при его внука Bahram'ѣ, слѣдовательно въ IV в. по Р. X. Онъ написалъ медицинскій компендіи Kappasch, который, по сло-

¹⁾ Leclerc, l. c. p. 19. Ср. также наше *Введеніе* въ I вып.

²⁾ Принцъ Абрага, лейтенантъ негуса при осадѣ Мекки въ 570 г., ѣхалъ на бѣломъ слонѣ, имя котораго Mahmud сохранилось въ исторіи. Ср. преданіе о построеніи принцемъ Абрага въ Санѣ христіанской церкви у Leclerc'a l. c., p. 20, 21.

³⁾ Reiske. Opuscula medica ex monumentis Arabum et Ebraeorum. p. 8. Ср. Leclerc, l. c. 22.

⁴⁾ Caussin de Perceval, Histoire des Arabes avant l'islamisme, у Leclerc'a l. c. p. 22.

вамъ автора Fihrist'a, былъ переведенъ на арабскій языкъ ¹⁾. Другой персидскій, жившій въ эту эпоху знаменитый врачъ, былъ

Burzuïh (Burzweih, Barsudje въ VI в.), привезшій Кезръ Великому знаменитое сочиненіе Калилы и Димны изъ Индіи, которое онъ перевелъ на персидскій языкъ, съ какового в послѣдствіи *Mosaffa* при Мансурѣ сдѣлалъ арабскій переводъ.

Lesclerc полагаетъ, что приводимыя *Разесомъ* цитаты (въ латинской версіи *Buriezui*), а также упоминаемая въ *Antidotarium'*ъ *Серапіона* „*Pilulae Barziuatis sarpientis*“, должны быть отнесены именно къ этому *Burzuï*, и что, быть можетъ, этотъ послѣдній есть одно и то же лицо съ приводимымъ *Ренаномъ* (въ его „*De philosophia peripatetica apud Syros* p. 46) „*Berozi, sarpientis maximi, de temperamento terrae*“ ²⁾.

Между относящимися къ этой эпохѣ арабскими врачами первое мѣсто занимаетъ

Harets ben Kaladah (*Hareth ebn Kaldath*, род. въ *Teïf'*ъ при Меккѣ около половины VI вѣка). Достоинно примѣчанія, что появленіе этого перваго арабскаго врача, дѣйствительно заслуживающаго этого названія (такъ какъ онъ былъ первый между арабами, сочетавшій практическую и теоретическую медицину), совпадаетъ съ первымъ расцвѣтомъ арабской поэзіи въ лицѣ *Антара*, бывшаго одновременно „арабскимъ Гомеромъ и Ахилломъ“.

Для изученія медицины *Harets* отправился въ Персію въ школу *Джондисапора* (см. ниже). По возвращеніи оттуда онъ имѣлъ учениковъ въ лицѣ своего сына и, быть можетъ, самого пророка. Допущенный ко двору, онъ долго бесѣдовалъ съ Кезрою о медицинѣ и преимущественно о гигиенѣ, каковая бесѣда дошла и до насъ. *Гаджи Кальфа* говоритъ, что *Harets* оставилъ послѣ себя *Сборникъ* (диванъ).

Основанія его *мнѣній* слѣдующія: опасайте всего вводить пищу за пищей [т. е. объѣдаться]. Далѣе, онъ порицаетъ употребленіе ваннъ послѣ ѣды, сокупленіе въ пьянбѣ видѣ, совѣтуетъ ночью покрываться, пить преимущественно воду и никогда не употреблять чистаго вина. Соленое и сушеное мясо, а также мясо молодыхъ животныхъ онъ считаетъ дурной пищей. Фрукты слѣдуетъ ѣсть въ соответствующій имъ сезонъ. Что касается лекарствъ, то онъ даетъ средства противъ каждой изъ влагъ порознь; далѣе рекомендуетъ употребленіе промывательныхъ, а также приставленіе банокъ при убыли луны, въ ясную погоду и при расположеніи къ тому тѣла. Въ особенности Кезръ поправилось сдѣланное *Harets'*омъ описаніе женщины и предписаніе его—не имѣть сношеній со старыми женщинами—правило, подтверждаемое многими позднѣйшими арабскими врачами.

Богато одаренный Кезрою, *Harets* возвратился на родину, гдѣ, по словамъ одного историка, онъ хорошо изучилъ обычаи арабовъ и умѣстныя для нихъ лекарства. Здѣсь онъ вступилъ въ сношенія съ *Магометомъ*, который посылалъ къ нему больныхъ, и этимъ-то сношеніямъ

¹⁾ Тамъ же, 24. ²⁾ Тамъ же, 25.

Магометъ, вѣроятно, былъ обязанъ своими обширными свѣдѣніями въ медицинѣ, доказательствомъ чего служатъ сходство многихъ изреченій Магомета и Harets'a. Не смотря на эти сношенія, мало однако вѣроятно, чтобы Harets сдѣлался мусульманиномъ. Умеръ онъ немного спустя послѣ пророка ¹⁾. Сынъ его и вмѣстѣ ученикъ

Eppadhr по матери приходился двоюроднымъ братомъ Магомету. Подобно своему отцу онъ путешествовалъ и заводилъ сношенія съ учеными всѣхъ вѣроисповѣданій. По словамъ Оссейби, онъ былъ знакомъ съ значительной частью древнихъ наукъ, въ томъ числѣ и медициной, съ которыми его познакомилъ отецъ. По мнѣнію Lesler's'a, слабительныя пилюли, указанные въ пятой книгѣ *канона* Авиценны, должны быть приписаны Eppadhr'у.

Интересенъ его трагическій конецъ отъ руки Али, сына Абу-Талеба, по приказанію Магомета, съ которымъ онъ враждовалъ, котораго превосходилъ своими познаніями и личность коего, равно какъ и писанія, онъ осмѣивалъ. Согласно корану, смерть его послѣдовала въ 624 г. въ день „Бедры“, когда онъ выступилъ въ числѣ сражавшихся противъ пророка и очутился въ рядахъ побѣжденныхъ. Интересно еще, что сестра Eppadhr'a Котейла оставила трогательную (дошедшую до насъ) элегію на смерть своего брата, вызвавшую въ Магометѣ глубокое раскаяніе въ своей жестокости ²⁾.

Третьимъ арабскимъ врачомъ, относящимся къ этому времени, былъ

Ebn Abu Ramitsa изъ колѣна Темимъ, хирургъ. Все, что объ немъ извѣстно, это то, что онъ предлагалъ Магомету вырѣзать замѣченный имъ между плечами пророка наростъ, рассматриваемый какъ тѣлесный атрибутъ пророковъ, и что Магометъ отъ операціи отказался ³⁾.

Медицина пророка. Своими познаніями въ медицинѣ Магометъ вѣроятно обязанъ былъ отчасти личнымъ наблюденіямъ во время своихъ путешествій, отчасти, какъ сказано, сношеніямъ съ Harets ben Kaladah и другими свѣдущими въ медицинѣ арабами, которые примѣняли прижиганія, кровососныя банки, кровопусканія (между прочимъ на самомъ Магометѣ), перевязывали раны, назначали внутреннія лекарства или прибѣгали къ сверхъестественнымъ средствамъ. Преданіе сохранило множество изреченій и способовъ леченія, собранныхъ и выученныхъ наизусть многочисленными его послѣдователями, изъ коихъ многіе посвящали этому занятію всю свою жизнь. Эти медицинскія преданія („hadits“) составляютъ дополненіе къ корану и достигаютъ цифры приблизительно 300; они то и составляютъ *медицину пророка*,—нѣчто въ родѣ медицинскихъ сборниковъ, существующихъ и до нынѣ въ арабскихъ рукописяхъ. Сюда отно-

¹⁾ Тамъ же, 26—28.

²⁾ Тамъ же, 28, 29.

³⁾ Тамъ же, 29.

сятся сборники Abu Nuaim'a и Dschelal Eddin Abu Soleiman Dauid'a; послѣдній переведенъ Perron'омъ¹⁾. Это своего рода систематическій трактатъ, въ которомъ сообразно съ примѣнявшимися пророкомъ средствами, излагаются естественныя, сверхъестественныя лекарства и сочетанія тѣхъ и другихъ.

Магометъ придаетъ величайшее значеніе здоровью: „наилучшій изъ васъ тотъ, кто получилъ отъ Бога наилучшее физическое сложеніе“. Основная мысль, проходящая черезъ всю „медицину пророка“, слѣдующая: противъ всякой болѣзни Богъ ниспослалъ лекарство. Гигіена, какъ и у евреевъ, предписывается мусульманамъ уже самою религіею. Въ этомъ отношеніи первое занимаетъ воздержаніе: „желудокъ—воспріимникъ болѣзней, дѣта—основа леченія, а неумѣренность—источникъ всѣхъ болѣзней“. Это же изреченіе однако приписывается и Harets'у. Равнымъ образомъ омовенія и поддерживаемая на всемъ тѣлѣ чистоплотность составляютъ весьма важное правило религіи мусульманъ. Сюда же относится совѣтъ быть умѣреннымъ во всемъ, избѣгать гнѣва, страстей, вина, даже какъ лекарства, чрезмѣрнаго употребленія мяса, которому предпочитаютъ молочная пища, фрукты, медъ и деревянное масло. О пальмахъ Магометъ говоритъ, что ихъ слѣдуетъ уважать какъ своихъ родителей, такъ какъ онѣ созданы изъ глины, оставшейся послѣ сотворенія Адама. Изъ медикаментовъ рекомендуются преимущественно финифть, медъ, lausonіа, крессъ, regalum hartala, александрійскій листъ (senпа), далѣе ouigs (memecylon tinctorum) и kadi (Pandanus odoratissimus)—индійское specificum противъ оспы. Излеченіе, говоритъ Магометъ, достигается тремя вещами: медомъ, настѣчками и прижиганіями. Такъ самъ Магометъ, почувствовавъ боль въ бедрѣ, приказалъ себѣ поставить банки, въ другихъ случаяхъ онъ примѣнялъ на себѣ прижиганія и кровопусканія; кровотеченія онъ также останавливалъ прижиганіемъ; дочь же его, Фатъма, кровотеченіе вслѣдствіе перелома рѣзца остановила у себя прикладываніемъ золы папируса. Раненымъ Магометъ перевязывалъ самъ. Для перевязки же раненныхъ онъ приглашалъ кромѣ того женщинъ, а также двухъ врачей изъ Медины (въ сраженіи при Ohod'ѣ). При *головной боли* и *мигорадкѣ* онъ употреблялъ холодныя обливанія и настѣчки. Изъ Корана извѣстно, что онъ самъ былъ подверженъ головнымъ болямъ, а по нѣкоторымъ—падучей болѣзни, такъ какъ обѣ эти болѣзни на арабскомъ языкѣ пишутся почти одинаково. При *водянкѣ* онъ совѣтовалъ мочу и верблюжье молоко и ничего не имѣлъ противъ прокола. При боляхъ въ стопѣ онъ употреблялъ лавзонію. Въ извѣстныхъ случаяхъ онъ разрѣшалъ даже сало. При заразительныхъ болѣзняхъ совѣтовалъ осторожность. Вообще говоря, онъ не отказывалъ въ совѣтахъ никому изъ обращающихся къ нему, причѣмъ ему ассистировала жена его, Айша, научившаяся черезъ то сама умѣнію лечить болѣзни. Въ трудныхъ случаяхъ однако пророкъ отправлялъ больныхъ къ Harets'у. Въ то же время онъ допускалъ и сверхъестественное леченіе, напр. колдовствомъ, причитаніями („hadits“), чтеніемъ Корана и въ особенности первой сураты (Fatha).

О медицинѣ пророка впослѣдствіи явилось множество сочиненій на арабскомъ языкѣ, изъ коихъ одно, въ переводѣ Perron'a, появилось въ Gazette médicale de l'Algérie. Что касается изреченій („hadits“), то обѣ нихъ писали Gagnier въ *Исторіи Магомета* и Reiske въ *Opuseula medica*²⁾.

¹⁾ Тамъ же, 30.

²⁾ Leclerc, l. c., I, pp. 29—33.

Медицина въ эпоху Оммаядовъ.

Этотъ періодъ характеризуется двумя фактами: 1) преобладаніемъ несторіанъ, 2) стремленіемъ къ культивированію наукъ, пробудившимся въ арабахъ тотчасъ же послѣ истребленія ими драгоцѣннѣйшаго хранилища сокровищъ древней науки, остатки которыхъ они тщательно старались собирать въ томъ же Египтѣ. При этомъ однако они прежде всего набросились на болѣе чудесную ихъ сторону (алхимию, герметическія книги), но въ то же время приступили уже къ переводной работѣ, преимущественно внѣ Египта. Такимъ образомъ арабская медицина въ описываемый періодъ только въ началѣ примыкаетъ къ александрійской школѣ, впоследствии же развивается на другой почвѣ.

Отношеніе александрійской школы къ арабской медицинѣ. Въ послѣднее время существованія александрійской школы нѣсколько врачей, съ цѣлью организациі дѣла медицинскаго преподаванія, учредили школу, принявъ въ основаніе преподаванія *Сборникъ*, состоявшій изъ XVI книгъ, содржавшихъ избранныя мѣста изъ сочиненій Галена.

Объ этомъ фактѣ не упоминаютъ ни греческіе, ни латинскіе писатели, и потому онъ до настоящаго времени оставался неизвѣстнымъ. Упомянутое учрежденіе, на время ступевашееся тотчасъ вслѣдъ за мусульманскимъ вторженіемъ, вскорѣ однако было возстановлено арабами, послѣ того какъ они получили въ наслѣдство греческую науку, а потому память о немъ сохранилась только у арабовъ. Означенныя XVI галеновскихъ книгъ были положены въ основу медицинскаго у нихъ преподаванія и вызвали впоследствии по этому предмету новыя работы у арабовъ. Различныя ориенталисты, какъ de Sacy, Munk и другіе, едва догадывались о существованіи упомянутыхъ XVI книгъ, и только недавно онѣ сдѣлались извѣстными чрезъ обнародованіе каталога еврейскихъ манускриптовъ въ Парижской національной библіотекѣ¹⁾. Въ особенности же на этотъ предметъ пролилъ яркій свѣтъ изысканія Leclerc'a, благодаря которымъ нынѣ приведены въ ясность способъ составленія, редакція и выборъ упомянутыхъ книгъ. Согласно этимъ изысканіямъ въ трехъ главнѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ арабовъ, а именно *Fihrist*, *Kitab el hokama* и *Жизни врачей Оссейбіи* (см. выше), болѣе или менѣе ясно говорится о преподаваніи медицины въ Александріи, основанномъ на изученіи упомянутаго *Сборника*, книги коего были составлены, съ разными сокращеніями, парафразами и комментаріями, по сочиненіямъ Галена.

Въ составленіи этого *Сборника* принимали участіе Stephanus („Astephan“) изъ Александріи, Джазіусъ, Marinus и въ особенности Ankilaus. По свидѣтельству Оссейбіи, кромѣ нихъ въ составленіи сказаннаго *Сборника* принимали участіе еще 3 сотрудника: Theodosius, Palladius („Alfadius“) и Iohannes Grammaticus²⁾.

¹⁾ Ср. Leclerc, l. c., I, 39.

²⁾ Тамъ же, 41 и слѣд.

Названнымъ XVI книгамъ позднѣйшіе арабскіе писатели отводятъ отдѣльное мѣсто при исчисленіи ими сочиненій Галена и нерѣдко дѣлаютъ ихъ предметомъ особнхъ этюдовъ. Вотъ списокъ этихъ книгъ (по *Führer*'у, Константину Африканскому и другимъ): 1. книга о сетахъ, 2. книга объ агъ рагва, 3. книга о пульсѣ (ad Teutgam), 4. вторая книга ad Glaucopem о леченіи болѣзней, 5. пять книгъ объ анатоміи, 6. книга объ элементахъ (по Гиппократу), 7. книга о темпераментѣ, 8. книга о природныхъ качествахъ, 9. книга о болѣзняхъ и припадкахъ (симптомахъ), 10. книга о болѣзняхъ внутреннихъ органовъ, 11. большая книга о пульсѣ, 12. книга о лихорадкахъ, 13. о кризисахъ, 14. о критическихъ дняхъ, 15. о сохраненіи здоровья, 16. объ искусствѣ лечить (агъ magna).

Къ сказанному нужно прибавить, что авторъ каталога Британскаго музея зналъ объ упомянутыхъ XVI книгахъ и даже опредѣляетъ годъ ихъ редакціи (до 1190), но не зналъ содержанія этого *Сборника*. Еврейскій переводъ ихъ сдѣланъ въ 1323 г.¹⁾

Интересно, что по отношенію къ XVI книгамъ ошибся даже Dagemberg, который относитъ ихъ ко временамъ Константина Африканскаго²⁾.

Iohannes Grammaticus s. Philoponus и александрійская бібліотека. До послѣдняго времени Абулфараджъ считался первымъ или единственнымъ авторомъ, рассказавшимъ подробно исторію сожженія александрійской бібліотеки полководцемъ Омара, Амру, но Leclerc доказалъ, что рассказъ Абулфараджа цѣликомъ и буквально заимствованъ изъ *Kitab el hokama* Джемалэддина³⁾. Кромѣ того de Sacy говоритъ, что объ этомъ же событіи рассказываетъ немаловажный арабскій писатель Abdellatif († 1231 г., слѣдовательно жилъ гораздо раньше Абулфараджа)⁴⁾. Тѣмъ не менѣе Leclerc вмѣстѣ съ Matter'омъ приходитъ къ заключенію, что фактъ существованія и пожара бібліотеки въ Александріи во времена Омара еще долженъ быть установленъ въ исторіи⁵⁾.

Что касается Иоанна Грамматика, то объ немъ извѣстно, что онъ сначала былъ лодочникомъ, перевозившимъ посѣтителей школы, расположенной на островѣ при Александріи, и что бесѣды съ ними возбудили въ немъ любовь къ наукамъ, почему, продавъ свою лодку, 40 лѣтъ отъ роду сталъ посѣщать курсы и самъ сдѣлался ученымъ. Онъ написалъ въ 626 г. по Р. X. *commentarii* къ Аристотелю, изъ коихъ одинъ (къ *Physica*) состоялъ изъ десяти томовъ. Впослѣдствіи онъ написалъ также комментаріи къ XVI книгамъ Галена, равно какъ къ книгамъ *De usu partium*, *De theriaco*, *De venaesectione*, кромѣ того трактатъ о *пульсѣ*, а также объ *исторіи медицины*⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, 44, 45, 52—54.

²⁾ Dagemberg, въ его работѣ Zâd el Moçafir d'Ebn Eddjezzar. Ср. Leclerc, l. c. 55. ³⁾ Тамъ же, 58.

⁴⁾ de Sacy, Relation de l'Egypte, 240, ср. Leclerc, I, 57.

⁵⁾ Matter, Histoire de l'école d'Alexandrie, I, 342, ср. Leclerc, l. c. 59.

⁶⁾ Тамъ же и 60.

Къ этому же времени относится усвоение арабами *алхимии*, которая перешла къ нимъ какъ непосредственное наслѣдіе отъ александрійской школы. Тому немало способствовали переводы съ языка Египта, этой классической страны герметической науки. Интересно, что первое пробужденіе арабской мысли, первая попытка арабовъ къ усвоенію древней науки обращены были на самый слабый пунктъ послѣдней—на изученіе герметическихъ наукъ. Толчекъ къ этому несомнѣнно далъ претендентъ на калифатъ Khaled ben Yezid, заставившій сдѣлать переводы астрономическихъ, медицинскихъ и алхимическихъ книгъ.

Египетъ, какъ извѣстно, есть колыбель алхимии и родина Гермеса, давшаго названіе этой наукѣ. Эти герметическія преданія продержались во все время существованія александрійской школы, послѣдніе адепты которой и передали ихъ арабамъ. Отличаясь необыкновенной живучестью, преданія эти выросли разомъ и вдругъ въ цѣлую науку подъ вліяніемъ Khaled'a и въ скоромъ времени достигли своего апогея въ лицѣ Geber'a. Изъ сочиненія по алхиміи *Liber de compositione Alchemiae*, quem edidit Morienus romanus Calid regi Aegyptiorum (перевелъ съ арабскаго Robert Castrensis въ 1182 г.) узнаемъ, что римлянинъ Morienus былъ привлеченъ въ Египетъ славою христіанскаго философа Adfar'a, посвятившаго многіе годы изученію книгъ Гермеса, и въ свою очередь сдѣлался учителемъ Khaled'a¹⁾. Другимъ переводчикомъ медицинскихъ, алхимическихъ и астрономическихъ книгъ для Khaled'a считается редакторъ XVI книгъ, Stephanus изъ Александріи, о чемъ говорятъ Fihrist и Hadji Khalfa, согласно коему Stephanus перевелъ также *Логикъ* и *Категоріи* Аристотеля. Онъ оставилъ слѣдующее сочиненіе по алхиміи: *De divina et sacra arte chrisopoeae* (лейденская рукопись), ср. Van der Linden, *de scriptis medicis*, liber primus, 435. Въ Парижской національной библиотекѣ рукопись эта носитъ названіе: Stephani philosophici oecumenici *de divina et sacra arte auri conficiendi* lectiones novem ad imperatorem Heraclium, а въ „Химической библиотекѣ“ Manget (I, 472): *Questio Herculis regis a Stephano alexandro* („puisque tu est le prince de philosophes de notre temps, que penses tu de l'or, du cuivre, du fer“ etc.). Слова Heraclium, Herculis можетъ быть составляютъ латинскій переводъ имени Khaled'a²⁾. Отъ самаго Khaled'a сохранились три книги на латинскомъ языкѣ: книга о *тайнахъ*, книга о *трехъ словахъ* и *беседа* съ Morienus'омъ; всѣ онѣ находятся въ герметическихъ сборникахъ. Hadji Khalfa говоритъ, что Khaled перешелъ изъ мусульманъ занимался химіей, писалъ объ ней сочиненія и далъ составъ *эмксира*, а послѣ него прославились имамъ

Dschafar Essadik или правдивый и его ученикъ Geber (699 s. 700—765 s. 776). Хотя утверждаютъ, что Dschafar писалъ объ алхиміи, но подъ этимъ именемъ нѣтъ ни одного изъ приписываемыхъ ему сочиненій, изъ коихъ самое извѣстное—*малая Djefr* (о судьбахъ исламизма), написанная на верблюжьей кожѣ, откуда и его имя³⁾.

Geber (Abu Abd Allah Dschaber ben Hayan ben Abdallah el Koufy) именуемый также Essouffy, по Fihrist'у былъ родомъ изъ Куфы, но по другимъ

1) Тамъ же, 62—64. 2) Тамъ же, 65. 3) Тамъ же, 69.

жилъ также въ Thus'ѣ, Тарсѣ и Магрѣбѣ. Онъ родился въ началѣ VIII вѣка и умеръ въ 776 г. Вообще о его происхожденіи мало извѣстно. По поводу алхиміи въ Фецѣ Leo Africanus пишетъ объ немъ:

„Habent autem ejus artis multa opuscula a doctis viris conscripta, inter quos potiorum locum habet Geber, qui centum annis post Mahumetum vixit, quem natione graecum aiunt fidem abjurasse“¹⁾.

Herbelot²⁾ полагаетъ, что онъ исповѣдывалъ сабеизмъ, а Магометъ бенъ Исакъ говоритъ, что онъ написалъ 2000 страницъ и что исповѣдывавшіе сабеизмъ считали его однимъ изъ своихъ. Между прочимъ въ числѣ его сочиненій находится трактатъ объ *астролябіи*. Hadji Khalfa приписываетъ ему 20 сочиненій³⁾, изъ коихъ большая часть посвящена алхиміи, сюда относятся: *Kitab el Khalis* (оригиналъ Summae perfectionis), книга о милосердіи (*kitab errahma*) и *книга пятисотъ*, родъ введенія въ медицину; далѣе, книги о минералахъ, камняхъ, о свойствахъ и о метафизикѣ. Большая часть этихъ книгъ трактуетъ о металлахъ, какъ о золотѣ, серебрѣ, мѣди, желѣзѣ, свинецѣ, оловѣ (имѣетъ отношеніе къ Юпитеру). Наконецъ, въ книгѣ о присягѣ или завѣщаніи (*Kitab el Ahd*) рѣчь идетъ о медицинѣ въ духѣ Галена:

„Всякая вещь имѣетъ свою противоположность или антагониста, такъ—теплое есть противоположность холоднаго, сухое—влажнаго. Такъ желчь есть антагонистъ слизи, а кровь—черной желчи. Есть даже противоположности между элементами лекарства и болѣзни, такъ противъ желчныхъ болѣзней противопоставляютъ тыввы, сыворотку, musilago psyllium; противъ болѣзней крови—холодныя и сухія вещества, какъ *thabaschir* (засохшій сокъ бамбука), уксусъ, гранаты; противъ болѣзней черной желчи—лукъ, бѣлую горчицу, водомедъ; противъ страданій слизи—castoreum, оронопах, *assa foetida* etc.“⁴⁾.

Geber очень много распространяется о различныхъ видахъ *головной боли*, въ особенности отъ злоупотребленія виномъ. Для глазныхъ примочекъ онъ употреблялъ кадмій и цинкъ. Изъ греческихъ писателей онъ, кромѣ Галена, ссылается часто на Сократа, Платона, Аристотеля, Порфирія, Андромаха. Ссылка на индуса Mahragis указываетъ на сношенія его съ Индіей. Изъ напечатанныхъ сочиненій его самое главное:

Gebrī Arabis *Chimia, sive Traditio summae perfectionis....*, a Casparye Hornio, Lugduni Batavorum, 1668, in-12 (на французскій языкъ переведена Salmon'омъ). Это общій трактатъ о матеріи, который начинается такъ:

„Вся наша наука о превращеніи металловъ, которую я извлекъ изъ книгъ древнихъ философовъ и распространилъ въ моихъ различныхъ сочиненіяхъ, представлена здѣсь мною въ сокращеніи“.

¹⁾ Leonis Africani *Descriptionis Africae* lib. III, f. 196, Romae, 1526. Ср. Leclerc, l. c. I, 71.

²⁾ d'Herbelot, *Bibliothèque orientale*, voce Geber.

³⁾ *Fihrist* же—200 сочиненій. Ср. Leclerc, I, 72.

⁴⁾ Тамъ же, 74, 75.

Summa perfectionis есть въ нѣкоторомъ родѣ философія герметической науки. Geber начинаетъ съ того, что устанавливаетъ реальность науки и опровергаетъ ея хулителей:

„Если намъ возразятъ, что одинъ видъ не превращается въ другой, то мы отвѣтимъ, что это ложь. Развѣ мы не видимъ, что червь превращается въ муху или пшеница—въ плевелы. Не мы дѣйствуемъ, а природа, коей мы—слуги. Слѣдовательно, не мы превращаемъ металлы, а природа, которой мы помогаемъ изобрѣтательнымъ искусствомъ, приготовляя матеріалъ и средства“ (р. 33).

Онъ требуетъ отъ учениковъ извѣстныхъ качествъ и средствъ и предостерегаетъ ихъ отъ напрасныхъ надеждъ. „Эта наука, говоритъ онъ, не подобаешь бѣднымъ!“ Тѣмъ не менѣе, этимъ совѣтамъ не всегда слѣдовали; такъ одинъ изъ адептовъ, которому не удалось добыть золото, послалъ—по словамъ Hadji Khalfa—по его адресу слѣдующее проклятіе: „Вотъ человѣкъ, обманувшій древнихъ и новыхъ! О Геберъ! ты только разрушитель, но не возстановитель (Djabir)“.

Извлечение изъ сочиненій Гебера находится въ *Исторіи химіи* Hoefera, который говоритъ, что „Geber для исторіи химіи то же, что Гиппократъ для исторіи медицины“. Вообще Geber—одна изъ крупнѣйшихъ фигуръ среднихъ вѣковъ, какъ говоритъ Leclerc. Никто изъ его современниковъ не обнималъ такого широкаго горизонта, какъ онъ, и въ этой области онъ остался верховнымъ властелиномъ. Въ особенности его поражали превращенія, претерпѣваемыя тѣлами при ихъ взаимодействіи. Если онъ ошибался въ истолковываніи этихъ фактовъ, то ему по крайней мѣрѣ принадлежитъ та заслуга, что онъ вызвалъ къ жизни рядъ восторженныхъ послѣдователей, непрерываемыя работы которыхъ въ теченіе многихъ вѣковъ сдѣлали возможнымъ народженіе новой науки ¹⁾.

Медицина при Омаядахъ. Въ этотъ періодъ началась работа „инфилтраціи научной медицины“ отъ грековъ къ арабамъ, послужившая приготовленіемъ къ окончательному посвященію ихъ въ науку въ теченіе IX вѣка. Здѣсь прежде всего встрѣчаемся съ именами трехъ лицъ: Ahun, Джазіусъ и Массерджвей, изъ коихъ первый былъ авторомъ *Pandectae* или *Компендія*, состоявшаго изъ 30 книгъ, гдѣ разсматриваются болѣзни, ихъ причины, симптомы и ихъ леченіе; второй перевелъ эту книгу съ греческаго на сирійскій языкъ, а третій—съ сирійскаго на арабскій, о чемъ рѣчь была уже выше ²⁾.

Здѣсь прибавимъ только, что Masserdschweih изъ Бассры сдѣлалъ свой переводъ, по свидѣтельству Эбнъ Джолджола, при Меруанѣ, что подало Sprgen-

¹⁾ См. Leclerc, l. c. 75—77.

²⁾ См. выше стр. 116, 117.

герю (II, 352), поводъ считать ихъ за одно и то же лицо¹⁾. Что касается упомянутого выше (стр. 117) Sergius'a (современника Юстиниана), то по мнѣнію Leclerc'a вмѣсто такъ называемаго Абуфараджемъ Serdjis слѣдуетъ читать Masserdjis, — чѣмъ устраняется несообразность прибавленія Sergius'омъ двухъ лишнихъ главъ къ переводу Masserdjis (въ началѣ VIII в.)¹⁾. Кстати замѣтимъ, что, придерживаясь французской ореографіи Leclerc'a, вездѣ, гдѣ ставимъ j, слѣдуетъ произносить ж или sch.

Изъ врачей, жившихъ во время господства оммаядовъ, извѣстны:

Simeon Taibuta (Schemaun), сирійскій монахъ (въ концѣ 7 в.), названный такъ по заглавію его сочиненія того же имени.

Theodocus и **Theodunus**, по Leclerc'у одно и то же лице—**Tiaduc** († 708), былъ врачомъ страшнаго Геджаджа и оставилъ большой *Сборникъ*, предназначенный для его сына, и трактатъ о *приготовленіи лекарствъ*. Онъ образовалъ многихъ учениковъ, между прочимъ еврея Forat ben Schanpata, также врача Геджаджа. Свои мысли о гигиенѣ онъ выразилъ въ 10 правилахъ:

„не ѣсть, пока желудокъ еще содержитъ пищу; ѣсть лишь то, что можетъ быть размельчено зубами; не пить тотчасъ послѣ ѣды (!); каждые два дня брать ванну; стараться увеличивать количество крови въ тѣлѣ; очищать кишечникъ разъ въ каждое время года; не задерживать мочи; испражняться передъ сномъ; избѣгать злоупотребленія in coitu; не брать себѣ въ жены старухъ“. „Четыре вещи фатальны: идти въ баню, сытно поѣвши; видѣть женщину послѣ ѣды; ѣсть сухую и соленую говядину; пить натощакъ холодную воду“²⁾.

Изъ христіанскаго семейства **Nakam**—отецъ, **Abu Nakam**, пользовался довѣріемъ **Muawi**, сынъ, **Nakam Eddimaschki**—изъ Дамаска, извѣстенъ остановленіемъ артеріальнаго кровотечения съ помощію давящей повязки, а внукъ, **Issa ben Nakam Eddimaschki**, также **Massih Eddimaschki** учился въ Дамаскѣ и жилъ въ Багдадѣ. Онъ оставилъ три сочиненія: *Сборникъ*, *О качествахъ животныхъ* и *Risalat el Harunia*, посвященное Гарунъ-ель-Рашиду (рукопись), нѣчто въ родѣ краткой гигиены и общей медицины, изложенныхъ по Галену и Гипократу; разъ двадцать здѣсь упоминается также индійскій философъ **Falthis** (**Faltius**).

Ebn Athal, христіанскій врачъ изъ Дамаска, служилъ при калифѣ **Muawi**a, эксплуатировавшемъ его знакомство съ ядами, чтобы отдѣлываться отъ неприятныхъ ему особъ, зато этотъ врачъ и погибъ отъ руки племянника одной изъ жертвъ.

Наконецъ между врачами описываемой эпохи фигурируетъ и

Женщина-врачъ Zeinab, изъ колѣна **Beni-Daud**, хорошо знавшая практическую медицину, въ томъ числѣ леченіе ранъ и офтальмій³⁾.

¹⁾ Ср. Leclerc, I. c. p. 80 и 173, откуда видно, что прибавленныя 2 главы принадлежатъ самому Массерджвею. Sprengel (I. c.) пишетъ: „Masserdschwaih ebn Dschaldschal aus Bassra“.

²⁾ Ср. Leclerc, I. c. I, 82—86. ³⁾ Тамъ же, 83—86.

Періодъ переводной арабской медицины (IX вѣкъ).

„Въ то время, когда германскія племена, отличавшіяся грубымъ невѣжествомъ, должны были употребить цѣлое тысячелѣтіе для того, чтобы возстановить связь и преемственность преданій,—арабы совершаютъ то же самое менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе“ (Leclegc).

Въ концѣ VIII вѣка весь научный багажъ ихъ сводился къ переводу одного медицинскаго трактата и нѣсколькихъ алхимистическихъ книгъ, но еще до истеченія IX вѣка они вступили въ обладаніе всей греческой наукой, къ которой прибавили еще нѣкоторыя точныя науки. Важную роль въ этомъ научномъ переворотѣ играли школы въ Джондиссапорѣ и Багдадѣ. Первый толчокъ этому научному движенію далъ родоначальникъ семейства Бактишуа, процвѣтавшаго почти 300 лѣтъ (754—1006), а именно, Георгій Бактишуа (Bocht Jesu, т. е. служитель Иисуса, по Leclegc'у: „счастіе Иисуса“). По приглашенію калифа эль-Мансура, Георгій заказываетъ переводы греческихъ медицинскихъ книгъ на арабскій языкъ, положивъ такимъ образомъ начало многочисленнымъ переводнымъ работамъ, произведеннымъ какъ его потомками, такъ и, чрезъ ихъ посредство, другими, благодаря щедрости преемниковъ Мансура,—Гаруна эль-Рашида и эль-Мамуна; при этомъ переводчики уже не ограничиваются одной медициной, а захватываютъ рѣшительно всѣ отрасли науки. Особенно счастливое стеченіе обстоятельствъ способствовало Аббассидамъ въ дѣлѣ распространенія наукъ, какъ то: наплывъ въ Багдадъ ученыхъ не только изъ дондиссапорской школы, но и изъ Персіи и Индіи, усердіе ихъ просвѣщенныхъ министровъ, Бармесидовъ, наконецъ то и дѣло прибывавшіе въ Багдадъ караваны верблюдовъ, навьюченныхъ книгами чуть ли не на всѣхъ тогда извѣстныхъ языкахъ.

Не обошлось и здѣсь дѣло безъ примѣси чудеснаго. Такъ Абу-Оссеѣбіа рассказываетъ, что эль-Мамунъ видѣлъ во снѣ старца, объявившаго ему, что онъ—Аристотель. Проснувшись и узнавъ отъ окружающихъ, что это былъ величайшій греческій философъ, онъ тотчасъ послалъ за Нопѣиномъ, которому предложилъ перевести на арабскій языкъ всѣ сочиненія этого философа, и за каждую переведенную книгу платилъ ему на вѣсъ золота ¹⁾. По примѣру калифовъ, и богатые вельможи нанимали переводчиковъ, и эта научно-переводная горячка, можно сказать, охватила всѣ слои общества.

Такъ какъ переводныя работы въ описываемомъ періодѣ начаты Георгіемъ Бактишуа, то мы прежде всего разсмотримъ основанную имъ исторіанскую школу и ея послѣдователей, а затѣмъ остальныхъ переводчиковъ этой эпохи.

¹⁾ Ср. Freund, Hist. de la médecine, trad. de l'Anglais par Etienne Coulet, Leide, 1727, II, p. 10.

Школы несторіанъ въ Азіи. Весьма важное и едва ли не главное значеніе въ дѣлѣ сохраненія греческой медицины и передачи ея арабамъ имѣли школы, основанныя въ Месопотаміи, Сиріи и Персіи въ монастыряхъ несторіанъ. Берега Тигра и Евфрата искони служили колыбелью и разсадникомъ культуры и связующимъ звеномъ между народами азіатскими и населяющими берега Средиземнаго моря, причемъ наиболѣе выдающимися посредниками между ними, какъ указано выше, были евреи, оставшіеся въ этихъ областяхъ послѣ персидскаго плѣненія и основавшіе здѣсь многочисленныя іудейскія школы какъ до, такъ и послѣ разрушенія Іерусалима. Но и греческая цивилизація весьма рано проникла въ эти области, особенно со временъ Александра Македонскаго и позднѣе при Селеввидахъ. Не мудрено поэтому, что здѣсь, рядомъ съ языческими и іудейскими, возникли впоследствии и христіанскія школы, и въ самомъ дѣлѣ еще со временъ апостоловъ епископы этихъ странъ много содѣйствовали процвѣтанію въ нихъ наукъ основаніемъ многочисленныхъ, общепользовательныхъ образовательныхъ училищъ, несомнѣнно имѣвшихъ благотворное вліяніе на восточную культуру. Неудивительно, что здѣсь искали и нашли убѣжище и несторіане¹⁾.

Несторій, родомъ изъ Сиріи, былъ вначалѣ V вѣка (428) епископомъ въ Антиохіи. Послѣдователи его ученія, отъ коихъ большею частью происходятъ нынѣшніе христіане Леванта, были предметомъ такихъ же враждебныхъ преслѣдованій, какъ и аріане.

Большою извѣстностью пользовалась школа, основанная св. Ефремомъ († 379), по другимъ св. Яковомъ въ Эдессѣ (нынѣ Orfa) въ Месопотаміи къ западу отъ Nisibis въ Сиріи. Она носила названіе персидской академіи („Academia Persidis, Schola christiana persicae gentis“) ²⁾. Здѣсь обучались безъ различія сыновья христіанъ и нехристіанъ, и первоначально греческое преподаваніе получило естественно своеобразный восточный оттѣнокъ сообразно съ характеромъ мѣста и времени.

Преподавателями были, разумѣется, лица духовнаго званія, а предметами обученія служили прежде всего теологія³⁾, въ Nisibis исключительно, въ другихъ же школахъ — также грамматика, геометрія, астрономія, музыка, между прочимъ и медицина. Едва ли однако можно допустить, какъ это принимаетъ Haeser, что школы эти можно разсматривать, какъ ядро и прообразъ позднѣйшихъ университетовъ. По крайней мѣрѣ, что касается медицины, изъ этихъ школъ, руководимыхъ монахами, не могли выйти и не выходили сколько нибудь значительные врачи, не смотря на то, что въ нихъ распо-

¹⁾ *Assemani, Bibliotheca orientalis Clementino-Vaticana, t. III, p. II, Rom. 1780. De syris Nestorianis, p. 944 (ср. Hecker, II, 131).* ²⁾ Тамъ же, p. 926.

³⁾ Тамъ же, 943. *Pueri omnes legant Psalmos Davidis et librum novi testamenti etc.*

ряженіи находились *valetudinaria* („*qui medicinae operam dare cupit, ad valetudinarium pergat*“), ибо ихъ учителя не обладали способностью наблюдать, а болѣе всего, какъ и позднѣе въ такихъ же монастырскихъ западныхъ школахъ, налегали на діалектическія тонкости перипатетической школы и изученіе богословія¹⁾. Собственно монахамъ запрещалось изучать медицину, какъ не согласующуюся съ богословіемъ. Что касается изучавшихъ медицину, то они частью пользовались готовымъ содержаніемъ, частью должны были сами зарабатывать свой хлѣбъ, многіе же изъ нихъ даже не чувствовали особенной любви къ своему призванію: „*fuerunt multi, quos non doctrinae amor, sed ventris esuries vocaverat*“²⁾.

Что касается насажденія греческой культуры, а съ нею и медицины, въ Персіи, то оно совпадаетъ съ царствованіемъ персидскихъ царей Сапора I (241—271) и его преемниковъ, изъ коихъ Сапоръ I основалъ городъ Джондисаноръ (въ Кузистанѣ), куда были приглашены и греческіе врачи и куда впослѣдствіи (въ 489 г.) бѣжали и несторіане по изгнаніи ихъ изъ Эдессы Львомъ (или Зенономъ?) Изавриемъ. Въ этомъ персидскомъ городѣ, какъ и въ Nisibis'ѣ, изгнанники встрѣтили радушный приемъ и потому основаніе въ этихъ городахъ настоящихъ медицинскихъ школъ относится только къ концу V вѣка. Но самый цвѣтущій періодъ медицинской школы въ Джондисанорѣ начинается съ воцареніемъ покровителя наукъ и въ особенности медицины, *Chosroës'a I* (532—579), который, при посредствѣ врача *Stephanusa* изъ покоренной Эдессы, заключилъ перемиріе съ Юстиніаномъ (въ 551 г.), подъ условіемъ свободного возвращенія въ Аѳины семи мудрецовъ, изгнанныхъ послѣднимъ изъ Аѳинъ и нашедшихъ убѣжище при персидскомъ дворѣ, а также оставленія на службѣ у персидскаго царя другого врача, *Tribunusa*, изъ Палестины³⁾. Обученіе посвятившихъ себя медицинѣ имѣло мѣсто въ джондисанорскомъ госпиталѣ, при которомъ существовала также аптека. Изъ директоровъ этого госпиталя упоминаются: Георгій Бахтишуа (*Dschorschis ben Dschabril ben Bachtischua*, † 771 по Р. X.), лейбъ-медикъ Альмансура, вызванный имъ въ Багдадъ въ 765 г.,—его сынъ, также Георгій (по *Leclerc'u*: *Bakhtischou ben Djordjis*), сынъ послѣдняго Гавріиль, оба лейбъ-медики калифа *Harun-el-Raschid'a* въ Багдадѣ, и Бахтишуа сынъ Гавріила—*Bakhtichou ben Djabril (Leclerc)*. Далѣе Сабуръ, сынъ *Saheli* († 869), авторъ сочиненія о сложныхъ medica-

1) „*Qui medendi scribendique artibus incumbunt neutiquam negligent atente legere expositionem novi testamenti et codicem sacramentorum auctore Mar Theodoro, magistro magistrorum et interprete interpretum. Nemo fratrum, qui in schola docentur, medicum sequatur aut lectionem ab eo excipiat. Non enim conveniunt libri ad fidem spectantes cum literis saecularibus*“. *Assemani*, l. c. 941.

2) Тамъ же, 940. Ср. *Haeser*, I, 451.

3) Тамъ же, 449, 450.

ментахъ, наконецъ Abu-Sahelus, учитель Авиценны († 988 до Р. X.)¹⁾.

Вообще семейство Бахтишуа (въ буквальный переводъ: „счастье Христа“—Lesclerc), какъ сказано, играетъ весьма важную роль въ исторіи научнаго переворота, совершившагося при дворѣ Аббасидовъ. Присутствіе Георгія въ Багдадѣ вызвало впервые научное движеніе на востокъ, выразившееся преимущественно въ появленіи переводовъ, въ которыхъ самъ Георгій отчасти принималъ участіе и которыми много содѣйствовали его потомки, если не личной работой, то наймомъ переводчиковъ на свой счетъ. Снятъ Георгія, Бахтишуа, вызванный ко двору Гарунъ-ель-Рашида въ 787 г., былъ имъ возведенъ въ архіатри. Но самымъ знаменитымъ членомъ этого семейства былъ Гавріилъ, сынъ Бахтишуа, служившій 20 лѣтъ, съ перемѣнчивымъ счастьемъ, при дворѣ Гарунъ-ель-Рашида, затѣмъ при сынѣ его аль-Аминѣ и, наконецъ, при аль-Мамунѣ, собравъ за все время службы состояніе свыше 90 милліоновъ драхмъ! Онъ оставилъ слѣдующія сочиненія:

1) *Письмо* въ аль-Мамуну о *пищѣ и напиткахъ*. 2) *Введеніе въ логику* (которое Wüstenfeld ошибочно принялъ за введеніе въ медицину). 3) *Трактатъ о совокупленіи*. 4) *Компендіи медицины*. 5) *Pandectae* и 6) *Трактатъ о составѣ духовъ, посвященный аль-Мамуну*. По части переводовъ для него работалъ Ишу бенъ Баръ бенъ-Матранъ, а на старости лѣтъ онъ не постыдился присутствовать на лекціяхъ молодого Нопейна, котораго называлъ своимъ учителемъ²⁾.

Сынъ Гавріила, Бахтишуа, сопровождалъ аль-Мамуна въ его походѣ противъ грековъ въ 828 и служилъ также при калифѣ Мотаваккелѣ; онъ оставилъ трактатъ о *насычкахъ*, но самая главная его заслуга—переводы, заказанные имъ Нопейну³⁾.

Другая семья врачей-христіанъ въ Джондисанорѣ—это фамилія Месуѣ, въ которой особенно выдавался его сынъ Јаһуа или Јуһаппа, иначе Іоаннъ бенъ Мезузъ. Отецъ его былъ въ концѣ 8 вѣка 30 лѣтъ сряду фармацевтомъ при джондисанорскомъ госпиталѣ, гдѣ приобрѣлъ такіа познанія въ медикаментахъ и болѣзняхъ, что могъ выступить въ Багдадѣ въ качествѣ врача и конкурировать съ Гавріиломъ при аль-Рашидѣ, у котораго вылечилъ офтальмію. Сынъ его Јаһуа бенъ Месуѣ, извѣстный подъ именемъ Іоанна или Месуѣ—древняго (въ отличіе отъ позднѣйшаго), согласно Леону Африканскому, род. въ 777 г. до Р. X. и прожилъ 120 лѣтъ. По порученію Гарунъ-ель-Рашида имъ переведены древнія книги, найденныя въ Ангорѣ, Амуріи и во всей Греціи, почему былъ возведенъ въ званіе „главы переводчиковъ“, о чемъ свидѣлствуютъ эбнъ-Джолджоль, Оссейбіи и Абулфараджъ. При аль-Мамунѣ онъ былъ отправленъ за поисками древнихъ книгъ въ Грецію (Fihrist и Hadji Kalfa). Онъ съ блестящимъ успѣхомъ преподавалъ медицину (по Галену) и діалектику, но въ практикѣ не былъ счастливъ. Умеръ въ Саммарѣ въ 857 г., оставивъ многочисленныя сочиненія (переводы его до насъ не дошли), изъ коихъ во времена Аби Оссейбіи сохранились слѣдующія:

Demonstratio, въ 30 книгахъ. *Внимательное зрѣніе. Дополненіе и усовершенствованіе*. Книга о *мисорадахъ* (переведена на латинскій). *Пища и напитки. Pandectae*,

¹⁾ Тамъ же, 451 и Lesclerc, l. c., I, 96—112.

²⁾ Ср. Lesclerc, l. c. 101.

³⁾ Тамъ же, 102, 103.

гоже—сокращенныя (адресованныя Мамуну). О кровопусканіяхъ и насѣчкахъ. О *туберкулезной прокашѣ*. О веществахъ. О ночныхъ поллюціяхъ. О выпяченіи желудка (*stomachi gerletio*). Объ употребленіи и исправленіи вкуса слабительныхъ. О полнѣйшей тайнѣ. Объ исправленіи вкуса пищи. О ваннахъ. О ядахъ и ихъ леченіи. Книга введенія. Книга времени. Книга объ атрибутахъ и признакахъ. О поносѣ. Объ отварѣ. О головной боли, ея причинахъ, разновидностяхъ и леченіи. О головокруженіи. Почему врачи должны воздерживаться отъ леченія женщинъ въ извѣстные мѣсяцы беременности. Объ испытаніи врачей. Объ испытаніи окулистовъ. Объ измѣненіяхъ глаза. Объ ощупываніи венъ. О голосѣ и силности. О ячменной водѣ. О черной желчи. О леченіи, содѣйствующемъ зачатію бесплодныхъ женщинъ. О зародышѣ. Объ образѣ жизни въ здоровомъ состояніи. О зубныхъ средствахъ. О желудкѣ. О коликѣ. Медицинскіе курьезы. Объ анатоміи. О назначеніи слабительныхъ сообразно съ временами года и темпераментами. О конституціи челоуѣка, его органахъ и причинахъ болѣзней (посвящено Мамуну).

Изъ этихъ сочиненій до насъ дошли только: О свойствахъ пищи и Медицинскіе курьезы (*Nuader etthobb* на арабскомъ въ лейденской библіотекѣ) и трактатъ о лихорадкахъ въ латинскомъ переводѣ¹⁾.

Sabur ben Sahl († 869 г.), врачъ при джондисапорскомъ госпиталѣ, оставилъ первую фармакопею (*Acrabadin Kebir*), сочиненія о пищѣ, о *succedanea*, бесѣду о снѣ и бодрствованіи, критику на сочиненіе *Honein'a* „О различіи между пищевыми и лекарственными слабительными“, кромѣ того спеціально занимался минералами (*Sabur in lapidario y Rhazes'a*).

Iahya или *Iuhanna ben Serapion* или *Серапіонъ-древній*, онъ же *Ianus Damascenus*, писалъ только по сирійски и оставилъ большой трактатъ въ XII книгахъ и меньшій въ VII книгахъ. Этотъ послѣдній я есть вышеупомянутый *Kunpasch* (*Pandectae*), извѣстный также подъ названіемъ *Practica* или *Breviarium*, гдѣ есть ссылки на древнихъ врачей, начиная отъ Гипократа до Александра Траллійскаго, а также на Іоанна—Грамматику и перса *Burzweih*, и болѣзни излагаются а *capite ad calcem*, хотя съ большими пропусками (*Ali Abbas*). Кромѣ того есть еще *Antidotarium Serapion'a*, цитируемый *Mesue*.

Salmui ben Baun († 840), христіанинъ, почитаемый *Honein'омъ* какъ самый ученый врачъ своего времени, въ 833 г. поступилъ на службу къ калифу *Motawesh'u*, котораго, умирая, предостерегалъ лечиться у *Iuhann'a ben Mesue*, „не умѣвшего оцѣнивать интенсивность болѣзни, не смотря на свою ученость“,—что впоследствии будто подтвердилось кончиной калифа при пользованіи у послѣдняго. Онъ оставилъ сочиненія, которыя до насъ не дошли.

Изъ христіанской семьи *Thifury* отецъ, *Abdallah*, при калифѣ *el-Nady*, извѣстенъ тѣмъ, что заказалъ нѣсколько переводовъ *Honein'у*, а сынъ *Zakagya* (въ первой половинѣ 9 в.) сопровождалъ военачальника *Afschin'a* въ походѣ противъ *Бабека*, гдѣ способствовалъ обнаруженію плутней дрогистовъ. Сынъ его *Isgail* (въ срединѣ 9 вѣка) былъ лейбъ-медикомъ *Мотаваккеля*. Наконецъ дрогистъ

¹⁾ Кромѣ того въ Парижской библіотекѣ находится трактатъ хирургіи *Mesue*, переведенный на лат. евреемъ *Ferranus'омъ*, но *Leclerc* не склоненъ приписывать его *Mesue*-древнему. Ср. *Leclerc*, l. c. I, 103—111. Ему приписываютъ еще сочиненіе подъ заглавіемъ: *Ianus Damascenus, Aphorismi*. *Bonon*, 1489, а также *Selecta artis medicae*. Ср. *Choulant*, 337.

Abu Koreisch Issa es-Sidalani изъ Багдада, предсказавшій дважды по мочѣ султанши Khizuran рожденіе мальчиковъ (въ томъ числѣ Гаруна), вошелъ въ милость къ el-Mohdy, который сдѣлалъ его лейбъ-медикомъ, не смотря на его невѣжество ¹⁾.

Интересно, что упоминаемая медицинская школа въ Джондисапорѣ поддерживала постоянныя связи съ Индіей, откуда приглашала врачей, бывшихъ преподавателями въ школѣ и переводившихъ сочиненія своей родины на персидскій языкъ ²⁾. Такъ, еще Chosroës (Kesra) два раза отправлялъ своего лейбъ-медика Barsudje (Buzweih) за медикаментами и медицинскими сочиненіями въ Индію, откуда послѣдній привезъ также шахматы. Далѣе, медицинскими диспутами, бывшими въ ходу въ Джондисапорѣ, руководилъ индійскій врачъ Tanfatschal (Tasuti-stani), написавшій „*Книгу ошибочныхъ мнѣній о больныахъ и немощахъ*“ (въ духѣ Галена). Изъ магометанскаго періода извѣстенъ Haret ben Kalda, врачъ пророка, изучавшій медицину сначала въ Персіи, затѣмъ въ Индіи. При дворѣ калифовъ въ Багдадѣ жили индійскіе врачи, какъ напр. Salah bin Balat, при помощи чихательнаго средства возвратившій къ жизни асфитическаго больнаго, котораго Гавріиль Бахтишуа считалъ уже умершимъ ³⁾. Сюда же относится написанное въ X вѣкѣ на персидскомъ языкѣ по греческимъ, римскимъ, сирійскимъ и индійскимъ источникамъ фармакологическое сочиненіе лейбъ-медика эль-Mansur'a ben Nut'a:

Abu Mansur Muwaffak bin Ali Heratensis (изъ Герата въ Chorasan'ѣ) liber fundamentorum pharmacologiae. Textum persicum cum latina versione et comment., ed. Fr. R. Seligmann. Pars I (Prolegomena et textus). Vindob. 1869 ⁴⁾.

Перехода къ другимъ переводчикамъ разсматриваемаго періода, необходимо признать, что первой крупной фигурой (въ IX вѣкѣ) является здѣсь бесспорно

Honein ben Ishak (Abu Zeid ben Soleiman ben Ejjub el-'Ibadi), извѣстный также подъ названіемъ **Iohannitius** (809—873 в. 877). Онъ родился въ семействѣ арабскихъ христіанъ, ибадитовъ, утвердившихся въ Ніга, гдѣ его отецъ былъ фармацевтомъ. Когда онъ явился къ Мезуэ въ Багдадъ съ просьбой принять его въ число своихъ учениковъ,

¹⁾ Ср. Leclerc, I, 112—121.

²⁾ Sprengel, De originibus medicinae arabicae sub khalifatu. L. B. 1840, p. 12.

³⁾ Seligmann, Codex Vindobonensis, pp. XLV и XLVI, ср. Haeser, I, 452.

⁴⁾ Ср. тамъ же.

послѣдній отослалъ его подъ предлогомъ, что уроженцы Нира, слывшіе за беотійцевъ, неспособны къ изученію медицины. Однако, Нонеин не унывалъ; онъ отправился въ Грецію, гдѣ пробылъ 2 года, въ совершенствѣ изучивъ греческій языкъ, и привезъ оттуда съ собой книги. Немного спустя по возвращеніи въ Багдадъ, онъ отправился въ Персію, а оттуда въ Бассру, гдѣ усовершенствовался въ арабскомъ языкѣ, затѣмъ окончательно поселился въ Багдадѣ, гдѣ съ большимъ успѣхомъ выступилъ въ качествѣ преподавателя. Вооруженный знаніемъ сирійскаго, арабскаго и греческаго языковъ, онъ прежде всего взялся за переводъ *Анатоміи* Галена, которымъ привелъ въ удивленіе стараго Гавріила бенъ Бахтишуа и Иоанна бенъ Мезуэ. Тогда калифъ эль-Мамунъ возложилъ на него переводы съ греческаго на арабскій и пересмотръ чужихъ переводовъ, каковой трудъ оплачивался ему буквально на вѣсъ золота. Дѣятельность Нонеин'а была по истинѣ изумительная. Не говоря уже о пересмотрѣ чужихъ переводовъ, онъ корректировалъ списки всего Гипократа, перевелъ большую часть сочиненій Галена, а также сочиненія Орибазія, Павла Эгинскаго, многія сочиненія Аристотеля и Платона, далѣе—сочиненія математиковъ (Эвклида, Архимеда—о сферѣ и о цилиндрѣ), астрономовъ (Autolycus'a—о движущейся сферѣ, Менелая—о сферическихъ тѣлахъ и т. д.), философовъ (Николая Дамасскаго—*Summarium Philosophiae Aristotelis*, *De plantis* Аристотеля), трактатъ объ астрологіи Аполлонія изъ Тіаны и множество другихъ. Изъ числа просмотрѣнныхъ имъ чужихъ переводовъ, назовемъ переводъ Діоскорида, сдѣланный „Stephanus'омъ сыномъ Василя“. Наконецъ существуетъ переводъ Ветхаго Завѣта, сдѣланный Нонеин'омъ съ греческой Septuaginta, а также Птолемея („*Almagestum*“).

Кромѣ этого безчисленнаго множества переводовъ (къ участию въ которыхъ онъ привлекалъ иногда своего сына Исаака и племянника Гобейша), онъ оставилъ еще съ сотню самостоятельныхъ сочиненій, изъ коихъ одни надолго оставались классическими образцами для преподаванія, а другія свидѣтельствуютъ объ умѣннн его сочетать теорію съ практикой, какъ, напримѣръ, трактатъ *о мазняхъ болѣзняхъ*.

Калифъ эль-Motawakkel (847—861), до котораго дошли слухи объ ученой дѣятельности Нонеин'а, пригласилъ его къ своему двору и назначилъ своимъ лейбъ-медикомъ. Но, заподозривъ его въ приверженности къ грекамъ, долгое время подвергалъ испытанію,

приказавъ ему однажды приготовить тайное средство, которымъ онъ желалъ отдѣлаться отъ одного изъ своихъ враговъ, и получивъ упорный отказъ, велѣлъ заключить его въ тюрьму, гдѣ Нонеин оставался цѣлый годъ, который употребилъ для переводовъ и сочиненій. Когда, по истеченіи этого срока, Нонеин все-таки оставался непреклоннымъ,

тогда калифъ освободилъ его, утѣшая тѣмъ, что все это было не болѣе, какъ испытаніе, и на вопросъ, чему приписывать такой упорный отказъ, получилъ въ отвѣтъ: „моей религіи и моей профессіи!“¹⁾

Послѣ того, какъ онъ снова вошелъ въ милость калифа, онъ не преминулъ возбудить къ себѣ въ немалой степени зависть своихъ собратьевъ по ремеслу, что, по увѣреніямъ однихъ (Абулфараджъ и за нимъ Гезеръ)²⁾, окончилось для него весьма печально, такъ какъ интриги послѣднихъ довели его будто бы до самоотравленія; по словамъ же Леклера, эти интриги только отравили послѣдніе годы его существованія, но въ концѣ концовъ онъ все-таки вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы со своими врагами.

Объ этомъ эпизодѣ сохранился, носящій отпечатокъ грусти, рассказъ самого Нопейна, который сводится къ слѣдующему. Изъ своего пребыванія въ Греціи, Нопейнъ вынесъ отвращеніе къ почитанію иконъ и это-то обстоятельство послужило канвой для интригъ противъ него враговъ, въ особенности Бахтишуа, сына Гавріила, и Thifurgу, котораго Нопейнъ порицалъ за почитаніе иконъ. Интересно, что, по словамъ самого Нопейна, повелитель правовѣрныхъ за поруганіе иконы, заказанной Бахтишуа, несмотря на всю свою къ Нопейну благосклонность, не задумался предать его въ руки „каеолика“ или начальника христіанской общины, который, отлучивъ его отъ церкви и подвергнувъ наказанію ста ударами плетью, заключилъ въ тюрьму, гдѣ отъ времени до времени наказаніе это повторялось. Неудивительно, что эти преслѣдованія его ожесточили.

„Тѣмъ, къ которымъ я былъ великодушенъ, жалуются онъ, которыхъ я просвѣтилъ и возвысилъ надъ согражданами, отплатили мнѣ за добро зломъ; тѣмъ не менѣе я прославляю имя Божіе, памятуя изреченіе Галена, что и изъ злоключеній можно извлекать пользу, но какъ тутъ оставаться спокойнымъ!.. Они видятъ превосходство моихъ знаній надъ ихъ познаніями, мои переводы, которые они сами признали превосходящими всѣ предшествующіе. Ученые всѣхъ вѣроисповѣданій меня любили, уважали, но эти христіанскіе врачи, которые мнѣ обязаны своимъ знаніемъ, посягаютъ на мою жизнь“ и т. д.

Тѣмъ временемъ Motawakkel заболѣлъ и Нопейнъ, освобожденный изъ тюрьмы, вновь появился при дворѣ, чтобы участвовать въ консультаціяхъ вмѣстѣ со своими врагами. Годомъ его смерти принято считать 873 по Р. Х.³⁾, хотя—по словамъ Freind'a—онъ, согласно Аби-Оссейбіи, прожилъ 100 лѣтъ (164—264 геджры)⁴⁾.

Хотя Нопейнъ писалъ очень много помимо своихъ переводовъ, тѣмъ не менѣе самой главной его заслугой слѣдуетъ считать именно переводы. Онъ стоитъ во главѣ всѣхъ переводчиковъ своего времени не только по точности самихъ переводовъ, но, преимущественно, по ихъ важному зна-

¹⁾ Leclerc, l. c. I, 139—141.

²⁾ Ср. Haeser, I, 567.

³⁾ Leclerc, l. c. I, 142, 143.

⁴⁾ Freind, „History of medicine“ (франц. пер. Etienne Coulet), Leide, 1727, II, p. 10.

ченію и объему. Они обнимаютъ почти всё образцовыя классическія сочиненія древней медицины. Кромѣ того, онъ вновь пересмотрѣлъ и исправилъ оригинальные тексты Гипократа и Галена, а также множество арабскихъ переводовъ, сдѣланныхъ другими. Переводилъ онъ то на сирійскій для своихъ единовѣрцевъ (Гавріила и Мезуэ), то на арабскій языкъ для сыновей Муссы или для эль-Мамуна.

Вопросъ о томъ, что арабскіе переводы были сдѣланы не прямо съ греческаго, а съ сирійскихъ переводовъ, Леклеркъ считаетъ празднымъ и полагаетъ, что бѣльшая часть переводовъ сдѣлана прямо съ греческаго, причемъ могло случиться, что эти переводчики, работая для арабовъ, не забывали и своихъ единовѣрцевъ, которые еще нѣкоторое время должны были продержаться въ своихъ рукахъ свѣточъ знанія и практической медицины, пока не завершится окончательно воспитаніе арабовъ.

Какъ бы то ни было, переводы Нопеіп'а и его родныхъ сына и племянника безукоризненны и обнимаютъ лучшую часть греческой медицины. Не находя возможнымъ привести здѣсь перечень всѣхъ сдѣланныхъ имъ переводовъ, укажемъ только на слѣдующіе:

Платона: *Politica*, *Leges* и *Timaeus*¹⁾. Аристотеля—на сирійскій, часть *Органона*, трактатъ *De generatione et corruptione*, трактатъ *De anima* и отрывокъ *Metaphysica*; на арабскій: *Categorii*, *Analytica*, *Ethica*, *Physica*.

Гипократа: Эпидемія, Прогностика, Афоризмы, De aëre, aquis et locis, De natura hominis, Jusjurandum, De victu in acutis, De officina, De octimetri partu.

Галена: De administrationibus anatomicis (этотъ переводъ нѣкоторыми приписывается Гобейшу), De motu thoracis et pulmonis (переводъ Stephanusa, пересмотрѣнный Нопеіп'омъ), De animi ejusque vitiorum dignotione, De voce, De motu musculorum, De necessitate (De usu?) respirationis, De motibus manifestis et obscuris, De usu partium (переводъ Гобейша, пересмотрѣнный Нопеіп'омъ), De optima configuratione (corporis nostri constitutione), De bono habitu (совмѣстно съ Гобейшемъ), De simplicibus, De septimetri partu, De atrabile, De difficili respiratione, De marasmo, Pro puero epileptico, De alimentorum facultatibus, De attenuante victus ratione, *De medicina Aristotelis* (?²⁾), *De acutorum curatione secundum Hippocratem* (De victus ratione in morbis acutis ex Hippocratis sententia?), De optima secta ad Thrasybulum, Quod optimus medicus sit quoque philosophus, *De libris veris Hippocratis*, De medico, *De demonstratione* въ 15

¹⁾ Что касается до *Timaeus Platonis*, то Нопеіп перевелъ 17, а Исаакъ—остальныя три книги.

²⁾ Такого названія въ сочиненіяхъ Галена мы не нашли, но допускаемъ возможность сохраненія таковаго только въ арабскомъ переводѣ. Леклеркъ, у котораго заимствуемъ перечень переводовъ Нопеіп'а, передаетъ названія сочиненій на французскомъ языкѣ, мы же сочли нужнымъ приноровить ихъ къ приведенной въ нашемъ изданіи латинской номенклатурѣ. Ср. вып. III, pp. 826—832. При этомъ названія сочиненій, не значащихся въ нашемъ изданіи, мы передаемъ также по латини и *курсивомъ*, оставляя на Леклеркѣ всю отвѣтственность вообще за фактъ существованія таковыхъ.

книгахъ, *De primo motore*, *De venaesectione*, *Introductio in logica*¹⁾. Кроме того, Галену приписываютъ сочиненіе „о промывательныхъ“, которое было переведено на еврейскій съ арабскаго перевода Honein'a; по мнѣнію Разеса, это сочиненіе должно быть приписано Rufus'у. Honein перевелъ также комментаріи Галена къ Гиппократу, а изъ сочиненій Орибазія Synopsis и Collectio (въ 70 книгахъ), наконецъ *Pandectae* Павла Эгинскаго. Ср. Leclerc, I, 144--150.

Оригинальныя сочиненія Honein'a. Изъ нихъ многія трактуютъ о Гиппократѣ и Галенѣ; къ первому онъ написалъ нѣсколько комментаріевъ, а изъ второго дѣлалъ извлеченія, въ томъ числѣ сокращенное изложеніе XVI книгъ Галена, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Далѣе

1) Подъ названіемъ *Fructus* онъ написалъ извлеченіе изъ комментаріевъ Галена къ Афоризмамъ, *Prognosticon*, *De morbis acutis*, *De capitis vulneribus*, *Epidemia*, *De officina*, *De aëre, aquis et locis* и *De natura hominis* Гиппократа.

2) *Liber introductionis in medicinam* (*Microtechné* Галена), латинскій переводъ напечатанъ подъ названіемъ: *Iohannitii isagoge ad artem parvam (s. techné) Galeni* (Lips. 1497; Argentor. 1534); извлеченіе изъ него: *Utilissimus liber perstringens isagogas Ioannitii*. Lips., 1508²⁾.—Это сочиненіе составлено по образцу *ἰσαγωγή* Галена и весьма пригодно для ознакомленія съ началами арабской медицины. Въ средніе вѣка оно было въ большомъ ходу во всѣхъ университетахъ, и его распространенію въ особенности способствовалъ извѣстный флорентійскій схоластикъ Thaddaeus, въ XIII вѣкѣ. Въ особенности на преподаваніе и практическую медицину у арабовъ имѣли вліяніе два сочиненія его: *Quaestiones* и *Liber de oculo*. Изъ нихъ

3) *Quaestiones*—ничто иное, какъ элементарный трактатъ или родъ *введенія въ медицину* въ вопросахъ и отвѣтахъ; это сочиненіе было предметомъ многихъ комментаріевъ, въ томъ числѣ Ebn-Abi-Sadek'a.

4) *Liber de oculo*, въ десяти бесѣдахъ, изъ коихъ послѣдняя, Гобейша пользовалась большимъ уваженіемъ у арабскихъ окулистовъ³⁾. Въ латинскомъ переводѣ имѣется еще одно сочиненіе Honein'a:

5) *Liber secretorum*, перевелъ Gerardus изъ Кремоны. Кроме того, Honein составилъ по арабскимъ источникамъ *Исторію врачей*⁴⁾.

На арабскомъ языкѣ изъ переводовъ напечатано:

The Aphorismes of Hippocrates in to Arabic by Honein Ben Ishac, Physician to the Caliph Motawakkal. Calcutta, 1832. 8. ed. John Tytler⁵⁾.

Наконецъ, въ Лейденѣ имѣется приписываемая Honein'у обработка комментарія Галена къ *Афоризмамъ*, переведенная съ сирійскаго на еврейскій языкъ⁶⁾.

¹⁾ По Wüstenfeld'у, сохранились еще переводы Honein'a съ сочиненій Галена *De locis affectis*, *De sectis*, *Ars parva*, *De februm differentiis*, *De crisis*, *De diebus criticis*, *De tuenda valetudinis*, *De arte medendi*, *De morborum causis et differentiis*, *De symptomatum differentiis etc.* Ср. Morvitz, l. c. p. 66.

²⁾ Choulant, *Bücherkunde*, 338, 339.

³⁾ Ср. Leclerc, I, 151.

⁴⁾ Sprenger, l. c. p. 16.

⁵⁾ Ср. Haeser, I, 567.

⁶⁾ А. Н. Israël, въ *Ianus*, II, 815. Интересно, что въ заглавіи названной лейденской рукописи къ имени Honein ben Ishac имѣется прибавка „h a-Israëli“, въ чемъ

Изъ другихъ сочиненій Нонеин'а Леклеркъ приводитъ—и о м е д и ц и н ѣ: о простой и сложной пищѣ; о различіи между пищевыми и лекарственными веществами; о прижигающихъ средствахъ; о молокѣ; о діетѣ въ здоровомъ и нѣкоторыхъ болѣзненныхъ состояніяхъ; о гигиенѣ, купаньяхъ, сохраненіи зубовъ, зараженныхъ водахъ, coitus, и т. д. Кромѣ того, онъ написалъ трактаты объ а н а т о м і и л и щ е в а р и т е л ь н а г о а п п а р а т а, о болѣзняхъ желудка, о пульсѣ, мочѣ, симптомахъ болѣзней; о лихорадкахъ, одышкѣ, падучей болѣзни, язвахъ, мочевыхъ камняхъ. П о ф и з и к ѣ: о дѣйствіи солнца и луны, о метеорахъ, о соленомъ свойствѣ моря, о приливѣ и отливѣ и, наконецъ, даже о земледѣліи. Если къ этому прибавить еще трактаты о грамматикѣ и логикѣ, о категоріяхъ по Themistius'у, собраніе курьезовъ и изреченій древнихъ философовъ и „Аналы“, то получимъ приблизительное понятіе о его универсальности¹⁾.

Обрачикомъ арабской медицины того времени можетъ служить упомянутое выше *Введеніе въ медицину* Нонеин'а (*Isagoge*). Здѣсь онъ принимаетъ еще большее количество дѣйствующихъ силъ организма, нежели Галевъ; такъ, онъ принимаетъ слѣдующія силы („virtutes“): pascens, nutritiva, immutativa и informativa; послѣднія, въ свою очередь, распадаются на пять силъ: assimilativa, cavativa, perforativa, laevigatoria и exasperativa; послѣ всѣхъ слѣдуетъ произраждающая сила²⁾. Отравленія животнаго организма онъ объясняетъ элементарными качествами. Такъ, по его мнѣнію, и щ е в а р е н і е совершается при помощи сухости и теплоты; холодъ и сухость составляютъ задерживающую силу, а холодъ и влажность помогаютъ изгоняющей силѣ. Духовная сила (virtus spiritualis) есть отчасти operativa, производящая пульсъ, отчасти operata, возбуждаемая извнѣ и проявляющая себя въ страстяхъ. Желчь онъ дѣлитъ на 5 видовъ: чистую, красную; лимонножелтую, состоящую изъ воды и красной желчи; ячно-желтую—изъ слизи и красной желчи; икрянисто-зеленую, идущую изъ желудка, и наконецъ похожую на ярь-мѣдянку, имѣющую ядовитое свойство. О з н о б ѣ Нонеинъ объясняетъ проникновеніемъ г н и л о с т н ы х ѣ веществъ въ чувствительныя ткани, но не въ кровеносные сосуды³⁾. Относительно разрѣшающихъ средствъ, онъ ставитъ вопросъ, дѣйствуютъ ли эти средства притягиваніемъ соковъ, на подобіе магнита, или проникновеніемъ во внутренности, въ которыхъ образовался застой соковъ, и тамъ содѣйствуютъ ихъ разрѣшенію. Тамъ и сямъ въ *Isagoge* Нонеин'а проглядываютъ слѣды методизма, напр., въ данномъ имъ опредѣленіи здоровья, какъ нормальнаго отношенія поръ къ атомамъ, а также въ примѣненіи метасинкритическаго способа леченія при застарѣлыхъ язвахъ, 4-дневной лихорадкѣ, чахоткѣ (молочное

д-ръ А. Н. Israël склоненъ видѣть подтвержденіе мнѣнія Wolffa (Bibl. Hebr. I, p. 383), называющаго Нонеин'а „Judaeus Arabus“, тогда какъ по общепринятому мнѣнію Нонеинъ былъ сирійскій христіанинъ. Ср. I an u s Henschel'я, 1847, II, 815, 816.

¹⁾ Ср. Leclerc, l. c. I, 151, 152.

²⁾ Joannitii isagoge in artem parvam Galeni, Argentorati, 1534, p. 6.

³⁾ Тамъ же, pp. 3—23.

лечение; въ одномъ случаѣ, осложнившемъ подагру—клизмы, ванны, втиранія и другія гигиеническія средства). Выше уже было указано на его опытность въ леченіи глазныхъ болѣзней, гдѣ онъ между прочимъ предостерегаетъ отъ употребленія вяжущихъ при болѣзняхъ глазъ, происходящихъ отъ внутреннихъ причинъ. Въ большемъ ходу была его примочка („bagud“), состоявшая изъ *lapidis haematitis*, цинковаго глета, крахмала, оіія и сюръмы¹⁾.

Ishac Ben Monein († 910 или 911 г.), воспитанный своимъ отцомъ, переводилъ многія сочиненія Галена, Аристотеля и проч., самостоятельно или совмѣстно съ отцомъ.

Онъ оставилъ описаніе менингита у дѣтей и изнурительной лихорадки; при злокачественныхъ язвахъ примѣнялъ вяжущія, особенно гранатовую корку; при рожѣ выводилъ желчь при помощи жиробалана, а при плевритѣ и другихъ острыхъ болѣзняхъ назначалъ свѣжіе фрукты, какъ прохлаждающія, увлажжающія и слегка опорожняющія средства²⁾. Наконецъ, племянникъ **Но е і п'а**,

Hobeisch ben el-Nasan el-Asam, въ переводномъ искусствѣ едва ли не превзошелъ своего дядю и учителя. Онъ жилъ, въ качествѣ лейбъ-медика, при дворѣ Motawakkel'я и его преемниковъ и перевелъ преимущественно важнѣйшія сочиненія Галена: *De administrationibus anatomicis*, *De arte medendi (medica?)*, книги о пульсѣ, причинахъ и симптомахъ болѣзней, *De Hippocratis et Platonis decretis*, *Quod animi mores corporis temperamenta sequantur*, *De medicamentorum compositione secundum genera (Katadjene) et secundum locos (Miami)* и т. д. Кроме того, онъ оставилъ и собственные сочиненія: объ исправленіи вкуса слабительныхъ, простыхъ медикаментахъ, пищевыхъ веществахъ, водянкѣ, пульсѣ и о теріакѣ³⁾. Ему-же приписываютъ переводъ сочиненія Nicolaus Damaeus'а о *растенияхъ*. Одинъ изъ учениковъ Но е і п'а, сирійскій лексикографъ и врачъ,

Isa-Ben-Ali (885 по Р. X.), оставилъ книгу *О ядахъ (Semum)* и другую *О пользѣ, извлекаемой изъ животныхъ*⁴⁾. Съ нимъ не слѣдуетъ смѣшивать другаго **Isa Ben Ali** (въ XI столѣтіи), оставившаго *Liber memorialis ophthalmicorum*, въ латинскомъ переводѣ—подъ заглавіемъ *De cognitione infirmitatum oculorum et curatione eorum*, въ видѣ прибавленія къ хирургіи Guy de Chauliac'а (Venet. 1497), гдѣ помѣщено и другое офтальмологическое сочиненіе *Canatus ali de Baldach*⁵⁾.

Costa ben Luca (грекъ и христіанинъ изъ Balbek'a) въ первой половинѣ X в. Его переводы цѣнились наравнѣ съ переводами Но е і п'а: онъ занимался ими въ Иракѣ, а затѣмъ въ Арменіи, куда былъ приглашенъ принцемъ Сенджарибомъ.

Онъ перевелъ *Афоризмы* Гипократа, болѣе же всего математическія, философскія, астрономическія и музыкальныя сочиненія, часть физики Аристотеля, двѣ книги Плуларха о добродѣтели и оставилъ нѣкоторыя самостоятельныя медицинскія сочиненія, какъ: *Введеніе въ медицину*; о четырехъ влагахъ; о болѣзняхъ крови; о жаждѣ, волосахъ; о болѣзняхъ печени; критическихъ дняхъ; отчего зѣионы черны; о различіи между душою и духомъ⁶⁾ и т. д.

¹⁾ Ср. Sprengel, II, 361—364.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 364, 365.

³⁾ Leclerc, I, 152—156. ⁴⁾ Ср. Haeser, I, 568. ⁵⁾ Choulant, l. c. p. 339.

⁶⁾ Переведено на латинскій Іоанномъ Испанскимъ въ 1070 г., ср. Деклеркъ l. c. 157—159.

El-Kindi (El Kindi, Abu Jusuf Jakub ben Ishak ben el-Subbah, 813—873), сынъ намѣстника Куфы изъ княжеской семьи, жилъ сначала въ Бассрѣ, гдѣ его отецъ былъ губернаторомъ, а затѣмъ въ Багдадѣ, въ царствованіе эль-Мамуна и эль-Мотассема¹⁾). Изъ всѣхъ переводчиковъ, онъ раньше и сильнѣе другихъ былъ увлеченъ потокомъ научнаго движенія, вызваннаго Аббассидами. Біографы называютъ его „чудомъ своего вѣка“; онъ вполне усвоилъ себѣ всю греческую, персидскую и индійскую мудрость, почему получилъ названіе „философа“ по преимуществу. Въ 840 году, въ царствованіе эль-Мотассема, онъ наблюдалъ втеченіе 3 мѣсяцевъ пятна на солнцѣ, которыя онъ приписывалъ прохожденію Венеры. Калифъ Motawakkel, по наущенію его завистниковъ, конфисковалъ его книги, которыя однако предъ смертію калифа были ему возвращены. Годъ его смерти еще не окончательно установленъ, хотя Sprengel принимаетъ, что онъ умеръ въ 880 году²⁾. Онъ оставилъ до 200 сочиненій, обнимавшихъ, согласно Casiri, философію, математику, медицину и даже астрологію, перевелъ Птолемея, писалъ комментаріи къ Аристотелю и своими философскими сочиненіями возбудилъ противъ себя враждебныя преслѣдованія правовѣрныхъ мусульманъ, причислявшихъ его къ классу маговъ, такъ какъ онъ старался сочетать медицину и философію съ неоплатонизмомъ.

Онъ оставилъ 16 философскихъ сочиненій, 9 трактатовъ о логикѣ, 11 трактатовъ объ арифметикѣ, 8 трактатовъ о сферическомъ видѣ вселенной, 6 о музыкѣ, 17 объ астрологіи, 22 о геометріи, 10 о небесныхъ сферахъ, 11 о политикѣ, 7 объ оптикѣ, 3 о предвидѣніи будущаго и 30 трактатовъ смѣси о разныхъ предметахъ, между прочимъ о парахъ въ центрѣ земли, причиняющихъ землетрясенія, о обманахъ алхимиковъ и безсиліи ихъ въ отысканіи философскаго камня, о лошадахъ и ветеринарномъ искусствѣ, о молчаливыхъ философскихъ сектахъ и т. д.

Въ области медицины онъ оставилъ слѣдующіе 30 трактатовъ (по Оссейбін): о духовной медицинѣ; о медицинѣ Гипократа; о пищѣ и медикаментахъ, составляющихъ яды; объ оздоравливающихъ воздухъ окуриваніяхъ во время чумы; о медикаментахъ, уничтожающихъ ядовитыя испаренія; о слабительныхъ; о причинахъ кровохарканья; о діетѣ въ здоровомъ состояніи, о противоядіяхъ; объ основномъ органѣ челоуѣческаго тѣла (по Casiri: что духъ есть основной органъ и т. д.); о проказѣ; описаніе мозга; о болѣзняхъ мозга и ихъ леченіи; о болѣзняхъ слизи и внезапной смерти; о болѣзняхъ желудка и подагрѣ; о лихорадкахъ и ихъ видахъ; о леченіи затвердѣній селезенки черно-желчнаго свойства; о порчѣ тѣла животныхъ; о пищевомъ режимѣ; о приготовленіи пищи; о жизни; о переломахъ въ острыхъ болѣзняхъ; объ испытанныхъ лекарствахъ; фармакопея; о различіи между судорогами, принимаемыми рпеума и происходящими отъ измѣненія влаги; о физиономіи; о причинѣ ядовъ; о средствахъ противъ псады; перечень простыхъ средствъ

¹⁾ Herbelot считаетъ его евреемъ, что опровергнуто de Sacy и Леклеркомъ, ср. тамъ же, р. 160.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 370.

Галена; о пользѣ медицины; о прогностикѣ. Интересно, что напечатанный въ латинскомъ переводѣ трактатъ „*De medicamentorum compositorum gradibus* (Argentorati, 1531) въ каталогѣ Оссейбѣи не значится, но Леклеркъ полагаетъ, что онъ имѣетъ отношеніе къ его же „*Фармакопѣи*“ (Akrabadin) ¹⁾. Многія сочиненія el-Kendî были переведены на латинскій языкъ, сюда относятся: *Liber Electionum* (Kitab el ikhtiarat). *De diebus criticis*, *De radiis*; *De judiciis*. *De judiciis ex eclipsibus*. *De imbribus*. *De quinque essentiis*. *De intellectu et intellecto*. *De ratione*. *De somno et visione* ²⁾.

Что касается его переводовъ, то онъ, по всей вѣроятности, дѣлалъ ихъ съ сирийскаго языка, такъ какъ съ достовѣрностью не установлено, зналъ ли онъ по гречески.

Между арабскими врачами el-Kendû, какъ практикъ, занимаетъ лишь второстепенное мѣсто, такъ какъ онъ болѣе вдавался въ діалектическія тонкости, что доказываетъ его книга *О степеняхъ медикаментовъ*.

Какъ извѣстно, эти степени еще со времяъ Галена отыскивались въ простыхъ медикаментахъ и опредѣлялись на основаніи замѣченныхъ въ нихъ физическихъ свойствъ. Jakub el-Kendû первый сдѣлалъ попытку примѣненія къ нимъ ученія о геометрической прогрессіи и музыкальной гармоніи, для опредѣленія дѣйствія сложныхъ медикаментовъ. Эта теорія продержалась у арабскихъ и позднѣйшихъ врачей до XVIII столѣтія. El-Kendû въ основаніе своей теоріи кладетъ принципъ, согласно которому въ различныхъ степеняхъ лекарственныхъ веществъ не можетъ существовать другихъ отношеній, кромѣ геометрическихъ ³⁾. Первая степень происходитъ тогда, когда равномѣренная смѣсь множится на два, вторая—когда мѣра первой степени, а третья—когда мѣра второй степени множится на два. Такимъ образомъ мѣра второй степени есть четверная (quadruplum) равномѣрной смѣси, мѣра третьей степени равняется восьмеричной равномѣрной смѣси, мѣра четвертой степени въ 16 разъ больше равномѣрной смѣси и въ 8 разъ больше первой степени. При этомъ онъ упоминаетъ о томъ, что при смѣшеніи теплыхъ и холодныхъ составныхъ частей необходимо должно имѣть мѣсто притяженіе теплорода, откуда онъ заключаетъ, что когда количество холодныхъ составныхъ частей составляетъ половину теплыхъ, то сложное лекарство становится теплымъ въ 1-ой степени, если четвертую часть, то сложное лекарство получаетъ теплоту во 2-ой степени, если восьмую часть, то оно становится теплымъ въ 3-ей степени.

Для болѣея наглядности Sprengel приводитъ слѣдующую таблицу:

лекарств. вещ.	вѣсъ.	теплота.	холодъ.	влажность.	сухость.
Кардамомъ	3j.	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1
Сахаръ	3jj.	2	1	1	2
Индиго	3j.	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	1
Emblica	$\frac{3ij}{5vj}$.	$\frac{1}{4\frac{1}{2}}$	$\frac{2}{4\frac{1}{2}}$	$\frac{1}{3}$	$\frac{2}{6}$ ⁴⁾ .

¹⁾ Ср. Choulant, 336. Леклеркъ, I. с. 162—165. ²⁾ Тамъ же, 167.

³⁾ Alchind. de medicinarum compositorum gradibus p. 471. Какъ прибавленіе къ Mesuë, Opera omnia, ed. Marin. Venet. 1562, отдѣльно Argent. 1531.—Ср. Sprengel, II, 371. Ср. еще Lakemacher, Diss. de Alkendi Arabum philosopho celeberrimo. Helmist. 1719—4.

⁴⁾ Ср. Sprengel, II, 372.

Такимъ образомъ при прописываніи лекарствъ арабы прежде всего должны были каждый разъ дѣлать подобныя ни къ чему не ведущія вычисленія,—занятіе, которое сильно порицалъ уже Аверроэс.

Что же касается *переводныхъ* работъ el-Kendi, то онѣ ограничиваются географіей Птоломея и пересмотромъ переводовъ Autolycus'a и Hysicles'a. Онъ, правда, не оставилъ глубокаго слѣда ни въ области медицины, ни въ области философіи, но его, по всей справедливости, считаютъ даровитымъ піонеромъ арабской культуры, съумѣвшимъ обнять всю совокупность современнаго ему знанія¹⁾.

Къ IX вѣку относятся еще члены семейства Korrah изъ Harran'a въ Месопотаміи, которые также извѣстны какъ переводчики греческихъ авторовъ; они принадлежали къ сектѣ сабеевъ. Родоначальникъ ихъ,

Thabet ben Korrah (836—906, по Леклерку: Tsabet, 826—901), сначала былъ по профессіи мѣнялой и только счастливому случаю обязанъ своей карьерой, а именно, Абу-Джафаръ Магометъ бенъ-Мусса, возвращаясь изъ Греціи изъ своей миссіи, проѣздомъ чрезъ Гарранъ, былъ пораженъ его умомъ, взялъ его съ собой въ Багдадъ и сдѣлалъ своимъ ученикомъ. Здѣсь онъ впослѣдствіи, владѣя въ совершенствѣ греческимъ, арабскимъ, сирійскимъ и персидскимъ языками, занялся переводами, составленіемъ собственныхъ сочиненій, астрономіей и медицинской практикой при дворѣ калифа el-Mothadhed'a въ Багдадѣ, при которомъ и состоялъ въ качествѣ астронома и лейбъ-медика. Онъ написалъ на сирійскомъ языкѣ, противъ el-Kendy, книгу „*О покое артерій между двумя пульсаціями*“, которая заслужила одобреніе Ishak ben Honëin'a и была переведена на арабскій ученикомъ его, христианиномъ, Issa ben Assid. Онъ вмѣстѣ съ Honëin'омъ и Гобейшемъ находился въ числѣ наемныхъ переводчиковъ у сыновей Муссы бенъ Шакера; сынъ его, Senan ben Thabet, былъ директоромъ медицинской коллегіи въ Багдадѣ, равно какъ и сынъ послѣдняго, Thabet ben Senan, бывшій лейбъ-медикомъ калифа Arradi Billah²⁾. Thabet ben Korrah оставилъ огромное множество медицинскихъ, философскихъ, математическихъ и астрономическихъ сочиненій, сохраняющихся до сихъ поръ въ рукописяхъ. Какъ врачъ, онъ занималъ второстепенное мѣсто, но имѣетъ извѣстное значеніе, какъ популяризаторъ; изъ его медицинскихъ работъ извѣстны:

Нѣсколько комментариевъ къ Гиппократу и сокращеніе трактата De aëre, aquis et locis. Главнымъ же образомъ извѣстны его сокращенія изъ большаго числа сочиненій Галена. Къ собственнымъ его сочиненіямъ относятся: Вопросы медицины, О по-

¹⁾ Leclerc, l. c. I, 168.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 374 и Леклеркъ l. c. 168, 169.

дагрѣ, О болѣзняхъ составовъ, О бѣломъ цвѣтѣ кожи, Объ оспѣ о кори, О болѣзняхъ почекъ и мочевого пузыря, О пульсѣ, О вопросахъ, которые врачъ долженъ задавать больному, О зародышѣ, О времени, благоприятномъ для coitus, Объ образѣ жизни въ здоровомъ состояніи, О дурномъ темпераментѣ, О формахъ тѣла, О взвѣшиваніи медикаментовъ, Объ анатоміи птицъ, вышеупомянутое сочиненіе О паузѣ между двумя пульсаціями артерій и т. д. По *Kiyab-el-Hokama*, число его сочиненій доходитъ до 100, а по *Asseshani* до 150 на арабскомъ и до 16 на сирійскомъ языкѣ. Леклеркъ приводитъ его изреченіе: „для старика самое худшее — хорошій поваръ и молодая жена“. Кромѣ того, онъ писалъ о физикѣ, музыкѣ, комментировалъ Аристотеля, написалъ книгу о координаціи наукъ и нѣсколько сочиненій о сабеизмѣ, за которыя былъ исключенъ изъ этой секты, наконецъ, множество переводовъ математическихъ и астрономическихъ сочиненій, какъ Эвклида, Архимеда, Pappus'a, Никомаха, Autolycus'a, Теодозія, Птоломея. Кромѣ того, онъ перевелъ сочиненія Галена *De chylo* (?) и *De optima secta*, а съ персидскаго — трактатъ о ветеринарной медицинѣ, и сдѣлалъ сокращеніе *Tetrabiblon* Птоломея.

Вообще говоря, онъ много способствовалъ распространенію между арабами медицинскихъ, болѣе же всего математическихъ и астрономическихъ знаній и потому долженъ занять почетное мѣсто рядомъ съ Нопейномъ, *Costa ben Luca* и *el-Kendy*¹⁾.

Второстепенные переводчики. Изъ нихъ *Leclerc* приводитъ безчисленное множество, куда между прочимъ относятся: *Sergius*, якобитъ, *Masserdjвей* (еврей, въ VIII в.) и сынъ его *Issa*, *Stephanus*-древній, цѣлая фаланга членовъ семьи *Бахтишуа*; въ IX вѣкѣ: *Abu Amru el Kateb* (писатель), *Aiub el Abrasch* (*Iob leprosus* или *lentiginosus*), *Abu Hassan*, *Muhammed ben Mussa* (больше меценатъ), *el-Bathrik*, сынъ его *Jahya* и многіе другіе²⁾. Изъ врачей - евреевъ сюда принадлежатъ: *Rabban Etthabari* (по *Carmoly* — изъ *Seleucia*, онъ же *Joschua ben Nun*)³⁾ или просто *Thabari*, и сынъ его,

Ali ben Rabban Etthabari, изъ Табаристана, гдѣ изучилъ медицину, затѣмъ переселился въ *Reu*, гдѣ былъ однимъ изъ учителей *Разеса*, а еще позднѣе — въ *Sorghmenra*, гдѣ началъ свой *Рай философіи* (*Firdus elhikma*), оконченный имъ въ 850 г. въ царствованіе Мотаваккеда. При калифѣ Мотасемѣ онъ принялъ исламъ и сдѣлался близкимъ къ нему человекомъ. Это первый случай обращенія изъ иудейства въ исламъ, каковой примѣръ впоследствии повторялся довольно нерѣдко.

Ali ben Rabban, кромѣ *Философскаго рая*, оставилъ еще слѣдующія сочиненія: *Преимущества дарованія. Подарокъ королей. Pandectae.* Объ употребленіи пищи,

¹⁾ По *Sedillot* онъ первый примѣнилъ алгебру къ геометріи. Ср. Тамъ же, 169—172.

²⁾ Ср. *Leclerc*, I, 173 и слѣд.

³⁾ *Carmoly*, въ *Revue Orientale*, I, 308—311, гдѣ *Carmoly* говоритъ о *Rabban de Seleucie* и *Zein el Taberi*, какъ объ отдѣльныхъ личностяхъ, у *Леклерка* же (р. 185) читаемъ: *Rabban Etthabary*.

напитковъ и лекарствъ. О сохраненіи здоровья. Книга о чарахъ. Книга о кровососныхъ банкахъ. О классификаціи медикаментовъ.

Философскій рай, рукопись котораго находится въ британскомъ музеѣ, раздѣляется на семь частей: 1) Объ элементахъ и ихъ превращеніи, о бытіи, о порчѣ и т. д. словомъ общіе вопросы науки. 2) О произражденіи, темпераментахъ, органахъ, объ умѣ, страстяхъ, гигиенѣ и проч. 3) О пищѣ. 4) Общая и частная патологія. 5) О свойствахъ тѣлъ, ихъ цвѣтѣ, о плавленіи, сжиганіи, гніеніи и произрастаніи. 6) О свойствахъ плодовъ, овощей, разныхъ сортовъ мяса, молока, о condimenta; о запахахъ, о животныхъ, о простыхъ и сложныхъ медикаментахъ. 7) О мѣстностяхъ (краяхъ) водахъ и вѣтрахъ; о достовѣрности медицины; о звѣздахъ; о медицинской наукѣ; о дѣтѣ въ здоровомъ состояніи; о причинахъ болѣзней и т. д.

Въ началѣ этого сочиненія имѣется нѣсколько данныхъ о Thabaгі-отцѣ. Согласно Р а з е с у, Alı ben Rabban имѣлъ основательныя свѣдѣнія въ индійской медицинѣ¹⁾.

Наконецъ къ IX вѣку относится

Abu Hanifa Ahmed ben Dana Eddinury (изъ Динавера въ персидскомъ Иракѣ, ум. въ 895 г.), который до настоящаго времени считается однимъ изъ лучшихъ ботаниковъ Востока, почему называется также *Aschschab* (собиратель травъ). Онъ оставилъ *Книгу о растеніяхъ* и его часто цитируетъ Ebn Beithar. Его наблюденія надъ растеніями относятся главнымъ образомъ къ Оману. Между прочимъ у него отмѣчены около 50 новыхъ, древнимъ неизвѣстныхъ, растеній, сюда относятся аракъ, бетель, тамаринды, александрійскій листъ; *sadi*, *mahaleb*, бананы, кокосъ, *wars* (*memecylon tinctorium* и т. д.). Hanifa въ свою очередь нѣсколько разъ цитируетъ предшествовавшаго ему ботаника *Abu Zeud'a*²⁾.

Въ заключеніе, чтобы не возвращаться къ переводному періоду, мы должны упомянуть здѣсь еще о двухъ переводчикахъ слѣдующихъ вѣковъ, изъ коихъ одинъ,

Abulfaradsch ben Taieb, несторіанецъ XI в., перевелъ Аристотеля и Библию и оставилъ сокращенное изложеніе XVI книгъ Галена, а другой,

Abulfaragius Gregorius (Въ XIII в., иначе *Bag-Nebraeus*), перевелъ *Канонъ Авиценны* на сирійскій языкъ, оставилъ комментаріи къ *Афоризмамъ* Гиппократата и большое сочиненіе, въ которомъ собралъ мнѣнія врачей³⁾.

Вообще всѣхъ переводчиковъ насчитываютъ до ста. „Эта цифра, говоритъ Деклеръ, указываетъ на интенсивность и объемъ научнаго движенія въ Багдадѣ. Научныя стремленія арабовъ выразились, съ одной стороны, въ методической классификаціи накопившихся фактовъ, въ особенности въ области медицины и естественныхъ наукъ (*Канонъ Авиценны*), а съ другой — въ культивированіи отвлеченныхъ наукъ, при чемъ позитивистскій арабскій умъ обнаружилъ больше склонности слѣдовать научному

¹⁾ Ср. Leclerc, I, 292, 293

²⁾ Тамъ же, 298, 299.

³⁾ Ср. Leclerc, I, 190, 191.

генію Аристотеля, чѣмъ идеализму Платона. Арабы, какъ на то справедливо указываетъ Седильо, вполнѣ усвоили и индуктивный методъ Аристотеля, который впоследствии они передали въ руки новѣйшихъ, у коихъ онъ сдѣлался орудіемъ прекраснѣйшихъ открытій⁴. Что бы ни говорили о поверхностности и недостаточно самостоятельномъ характерѣ арабской науки, необходимо однако признать, что арабская школа свое появленіе на поприщѣ наукъ ознаменовала несомнѣнными успѣхами: въ теченіе семи вѣковъ она находилась во главѣ цивилизаціи и своимъ блескомъ наполнила громадное разстояніе между древними (аѳинской и александрійской) и новѣйшими школами. Арабы были нашими наставниками въ алгебрѣ и геометріи, естественныхъ наукахъ, механическихъ искусствахъ, имъ же мы обязаны нашими цифрами и десятиальной системой, изобрѣтеніемъ компаса, маятника, пушечнаго пороха, алкоголя.

Изъ сказаннаго видно, что средніе вѣка многимъ обязаны арабамъ. „Вычеркните арабовъ изъ исторіи и возрожденіе наукъ въ Европѣ отодвинулось бы на нѣсколько столѣтій“ (Lübgi). „Арабы, говоритъ Гумбольдтъ, заставили отчасти отступить назадъ варварство, въ которое, втеченіе 2 вѣковъ, погрузилась Европа, потрясенная вторженіемъ народовъ. Они добрались до неизсякаемыхъ источниковъ греческой философіи и не только сохранили для насъ всѣ сокровища пріобрѣтенныхъ знаній, но и приумножили ихъ, открывъ вмѣстѣ съ тѣмъ новыя пути для изслѣдованія природы“¹). Все му этому безспорно, было положено начало въ IX вѣкѣ.

Періодъ самостоятельной арабской медицины.

Десятый вѣкъ.

Умственное движеніе въ X вѣкѣ сводится къ двумъ разрядамъ фактовъ. Съ одной стороны, посвященіе арабовъ въ науку, принимая все большіе и большіе размѣры, распространяется между всѣми членами обширной мусульманской семьи народовъ, съ другой стороны, они вступаютъ на новыя невѣдомыя грекамъ пути, умножая запасъ полученныхъ отъ нихъ свѣдѣній и систематизируя совокупность пріобрѣтенныхъ знаній. IX вѣкъ представляетъ лишь двѣ крупныя фигуры между арабами, это—*Noein* и *el-Kendū*. Въ X вѣкѣ роли перемѣнились: христіане производятъ только второстепенныхъ ученыхъ, первостепенныхъ же слѣдуетъ искать у мусульманъ, какъ-то *Rhazes*, *Alfaraby*, *Ali ben el Abbas*, *Abulcasis*, и въ то же время между учеными появляется нѣсколько евреевъ, число коихъ въ слѣдующіе вѣка постепенно увеличивается. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается расширеніе научной территоріи: въ IX вѣкѣ она ограничивается почти только однимъ Иракомъ, въ X она простирается отъ Оксуса до Атлантическаго океана и отъ Нила до Кавказа.

Въ Багдадѣ и его окрестностяхъ число врачей въ это время было выше 800, и здѣсь медицинское преданіе поддерживается преимущественно

¹) Ср. Leclerc, I, 323—327.

двумя семьями врачей: Бахтишуа и Thabet. Меценатомъ въ это время является здѣсь эмиръ Adhad ed-Daula, основавшій школы и больницы, изъ коихъ больница el-Adhedу была съ самаго своего основанія снабжена 80 врачами. Тоже видимъ и въ другихъ краяхъ.

Въ Персiи, собственно говоря, вначалѣ не было самостоятельной школы или ученаго центра и первые врачи ея получали свое образованіе въ Багдадѣ. Самымъ знаменитымъ изъ персидскихъ врачей и, вообще, арабской школы въ X вѣкѣ долженъ безспорно считаться

Rhazes (Abu Bekr Muhammed ben Zakarija er-Râzi, 850—923 или 932) изъ города Raу въ Хорасанѣ, откуда и его названіе. Первые 30 лѣтъ жизни онъ былъ чуждъ медицинѣ: сначала онъ былъ страстнымъ любителемъ музыки и знаменитымъ виртуозомъ на цитрѣ, затѣмъ занялся изученіемъ философіи, литературы, писалъ стихи, былъ даже мѣнялой и наконецъ избралъ медицинское поприще.

Леклеркъ приводитъ невыдерживающій, по его мнѣнію, критики разсказъ, согласно которому его карьеру рѣшилъ будто бы упомянутый выше Adhad ed-Daula, который сдѣлалъ его врачомъ своего госпиталя, при выборѣ мѣста для котораго воспользовался совѣтомъ Rhazes'a: послѣдній будто развѣшивалъ въ различныхъ мѣстахъ Багдада куски мяса и мѣсто, гдѣ гниеніе наступило позже всего, было имъ признано какъ самое здоровое для постройки больницы.

Невѣроятность этого разсказа по Леклерку опровергается просто тѣмъ, что Rhazes жилъ раньше Adhad ed-Daula и что первоначально Rhazes завѣдывалъ госпиталемъ въ своемъ родномъ городѣ Raу, а затѣмъ уже, и гораздо позднѣе, въ Багдадѣ. Какъ бы то ни было, здѣсь онъ открылъ лекціи, привлекшія многихъ учениковъ со всѣхъ странъ и доставившія ему мѣсто лейбъ-медика при калифѣ Moktader-Billah¹⁾.

Согласно Лью Африканскому (De philosophorum et medicorum vitis), Rhazes будто бы предпринималъ также путешествія въ Каиръ и Испанію, гдѣ посвятилъ одно сочиненіе эль-Мансуру (*О достоверности алхиміи*); но это извѣстіе опровергнулъ Sprengel, который доказалъ, что онъ посвятилъ свое сочиненіе *О леченіи болѣзней* наместнику Хорасана, Almansur'у еbn Ishak'у, а не кордовскому калифу, причемъ Sprengel приводитъ собственныя слова Rhazes'a: „et feci ipsum regi Almansori domino Согассет, а сугіus nomine nominavi librum“²⁾.

Остатокъ дней своихъ Rhazes повидимому провелъ въ своемъ родномъ городѣ Raу, гдѣ задолго до своей смерти заболѣлъ катарактой отъ ушиба въ голову, полученнаго имъ будто отъ эль-Мансура за неудачные алхимистическіе опыты; по другой версiи, эта катаракта образовалась у него отъ употребленія бобовъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Еще разсказываютъ, что онъ отказался отъ операціи, предложенной ему однимъ окулистомъ, оттого, что тотъ не зналъ, изъ сколькихъ оболочекъ состоитъ глазъ. Умеръ онъ въ глубокой старости и бѣдности, такъ какъ все, что имѣлъ, раздавалъ нуждающимся. Первымъ его учителемъ въ Багдадѣ по медицинѣ былъ еврей Thabari, а въ философію его посвятилъ el-Balchy³⁾.

¹⁾ Ср. Leclerc, I, 337 и Haeser, I, 569. ²⁾ Sprengel, II, 377.

³⁾ Leclerc, I, 338, 339.

Rhazes былъ одинаково искуснымъ теоретикомъ и практикомъ; всѣ прославляли его опытность, умѣнье распознавать болѣзни и правильность его леченія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ приводитъ многіе случаи изъ своей практики, причемъ каждый разъ цитируетъ и своихъ предшественниковъ. Между его сочиненіями есть такія, которыя состоятъ только изъ собранія его собственныхъ наблюденій.

Ettenpachy приводитъ слѣдующій случай: молодой человѣкъ, одержимый кровохарканьемъ, изъ Багдада, явился къ нему за совѣтомъ въ Рау. Исключивъ существованіе у больного phthisis или нарыва, онъ спросилъ только, пилъ ли онъ дорогій, на что получилъ отвѣтъ, что напился изъ болота. Rhazes тотчасъ подумалъ о пьавкахъ, а потому далъ больному большое количество lempae minogis, послѣ чего вмѣстѣ съ этими сѣменами больного вырвало пьавкой¹⁾.

Rhazes пользовался большимъ уваженіемъ въ своемъ родномъ городѣ и окрестностяхъ и съ нимъ переписывались знаменитѣйшіе ученые его времени, о чемъ свидѣлствуютъ его сочиненія, редактированныя въ видѣ писемъ. За нѣсколько времени до его смерти, прибылъ въ Рау нѣкто ebn el Hamid, который купилъ у его сестры манускриптъ его Continens, оставшійся недоконченнымъ и дополненный его учениками. Rhazes писалъ весьма много о медицинѣ, химіи, астрономіи и философіи. Wüstenfeld насчитываетъ до 237 сочиненій, изъ коихъ сохранилось 36, изъ нихъ напечатаны только 6 на латинскомъ и одно на арабскомъ языкѣ. По словамъ Леклерка,

„въ библиографической литературѣ о сочиненіяхъ Rhazes'a господствуетъ большая путаница, внесенная въ эту область Wüstenfeld'омъ, который впалъ въ неоднократныя повторенія и ошибки вслѣдствіе того, что не придерживался самаго полного и точнаго списка Осейбіи, а воспроизвелъ полный ошибокъ каталогъ Casiri, дополнивъ его каталогами Kitab el Nokama и A'ün el Anba, причемъ привелъ одни и тѣ же сочиненія подъ новыми заглавіями“²⁾.

Steinscheider, однако, въ *Archiv für Geschichte der Medicin* Rohlf's'a неопровержимо доказалъ, что ошибался подчасъ и Леклеркъ, какъ видно изъ многочисленныхъ, сдѣланныхъ къ нему въ томъ же *Archiv* Steinschneider'омъ, поправокъ³⁾; трудъ же Wüstenfeld'a, по мнѣнію St., не потерялъ значенія и необходимъ еще и повныѣ, даже послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Леклерка, какъ трудъ, проложившій новые пути („bahnbrechend u. noch heute unentbehrlich“) и въ которомъ самъ Леклеркъ, „при лучшемъ знакомствѣ съ нѣмецкимъ языкомъ и большимъ вниманіи, могъ бы найти для себя много поучительнаго“⁴⁾.

Сочиненія Rhazes'a: А) *По медицинѣ*. Самыя важнѣйшія изъ нихъ: 1) Continens (Comprehensor) или el Hawi, 2) Kitab al tib Almanasuri, 3) Dschami или „Сборникъ“, 4) Fakhir или „Драгоценный“, 5) Liber de variolis et morbillis, 6) Divisiones, 7) Introductio in medicinam, 8) Aphorismi medici или Director.

¹⁾ Тамъ же, 340. ²⁾ Тамъ же, 341. ³⁾ Ср. Steinschneider, въ Rohlf's *Archiv f. Gesch. d. Medicin*, Leipzig, 1878, III, 356—364 и IV, 437—451. ⁴⁾ Тамъ же, III, 360.

Затѣмъ, у Леклерка находимъ слѣдующій списокъ болѣе или менѣе интересныхъ сочиненій Rhazes'a:

О томъ, что организація челоѣка довольно изучена. Объ удовольствіи. О привычѣ. О жадѣ. О вкусахъ. Различныя описанія сердца, печени, глаза, уха, лицевъ, сочлененій. О зрѣніи и о томъ, что оно не обуславливается исходящими изъ глаза лучами. О первенствѣ органа зрѣнія. О вѣкахъ и пользѣ ихъ движенія. Почему глазъ [зрачекъ?] сокращается отъ свѣта и расширяется въ темнотѣ. Объ отправленияхъ органовъ. Какимъ образомъ совершается питаніе. О причинахъ, обуславливающихъ связь сердца съ внутренностями. О соитус. Отчего испаренія самума убиваютъ животныхъ. Отчего осень порождаетъ болѣзни. Для тѣхъ, у кого нѣтъ врача (другое заглавіе: О медицинѣ бѣдныхъ). Испытаніе врача (въ Орега рагуа). **О томъ, что одинъ врачъ не можетъ лечить всѣ болѣзни.** О томъ, что легкія болѣзни могутъ быть трудноизлечимыми. О непонятныхъ болѣзняхъ. О смертельныхъ больныхъ. О подагрѣ и ischias. О камняхъ. О коликахъ. О геморроѣ. О кожныхъ болѣзняхъ. О проказѣ. О параличѣ. О tic facialis. О насморкѣ. О кровопусканіи. О пищевомъ режимѣ въ болѣзняхъ. О хирургическихъ операціяхъ. О вправленіи передомовъ. Отчего отрѣзанныя части не прирастаютъ. Объ опьяняющихъ винахъ. О винахъ неопьяняющихъ. О молокѣ. О снѣгѣ и о водѣ, охлажденной снѣгомъ. О глинѣ. О медикаментахъ. О приготовленіи лекарствъ (по адресу его ученика Josef ben Jakub). О слабительныхъ при горячемъ темпераментѣ. О суррогатахъ. Формулы. Отчего такъ мало людей достигаетъ пожилаго возраста. **Отчего такъ много людей обращается къ дурнымъ врачамъ вмѣсто хорошихъ.** О царской медицинѣ. Лечение болѣзней преимущественно пищей. О госпиталяхъ.—Къ этимъ слѣдуетъ прибавить многіе комментаріи къ Галену и письма, адресованныя къ разнымъ современникамъ о вопросахъ, касающихся либо доктринъ, либо фактовъ.

В) По алхиміи онъ оставилъ книгу въ 12 главахъ о различныхъ вопросахъ алхиміи; книгу о вѣроятности алхиміи, другую о достовѣрности ея; книгу о желтомъ камнѣ, о золотѣ и серебрѣ, далѣе отвѣтъ el Kendu, писавшему о ничтожности алхиміи; книгу объ As Geber'a.—Кромѣ того онъ написалъ множество сочиненій по предметамъ философіи, религіи, естественныхъ наукъ, математики, compendium музыки (автобиографію¹⁾).

Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію важнѣйшихъ сочиненій Разеса:

а) *Continens, el-Hawifi'l Tib*, т. е. *Вмѣстилище* медицины.

Изданіи: Латинскія: Vrixiae, 1486. Подъ заглавіемъ: *Explicit liber XXV el-havy, i. continentis in medicina quem composuit Bubikir Zacharie Errasis filius, trad. per Ferragium medicum Salerni.*

Venet., 1500 и 1506 (25 книгъ) и 1509 (37 книгъ) подъ заглавіемъ: *Liber Helchavy i. e. continens artem medicine et dicta predecessorum in hac facultate emendatorum.*

Первое изъ этихъ изданій, появившееся въ Brescia, представляетъ латинскій переводъ, сдѣланный Абуль Фараджемъ бенъ Салемомъ (Ferragius) въ XIII вѣкѣ²⁾. Единственная полная арабская рукопись el-Hawi—въ Эскуриалѣ.

Это—обширное сочиненіе, обнимающее въ 30 книгахъ всю практическую медицину и хирургію и представляющее извлеченія изъ почти

¹⁾ Ср. Leclerc, I, 350—353.

²⁾ Choulant, Bücherkunde, 342. По Леклерку (I, 346) еврейскъ *Ferraguth'omъ*

всѣхъ предшествовавшихъ врачей, начиная отъ Гиппократъ, Галена, Орибазія, Аэція, Павла Эгинскаго и оканчивая Ishak ben Nonein'омъ. Здѣсь онъ сконцентрировалъ мнѣнія древнихъ и новыхъ врачей, которыя онъ контролируетъ и дополняетъ своими личными наблюденіями. Это сочиненіе, сначала предназначенное имъ для собственнаго употребленія, самъ Rhazes признавалъ наиболѣе несовершеннымъ изъ своихъ сочиненій и, послѣ его смерти, появилось совсѣмъ видоизмѣненнымъ въ передѣлкѣ его учениковъ. Небрежность послѣднихъ доходитъ до того, что часто Rhazes приводится здѣсь въ третьемъ лицѣ и нерѣдко цитируются изреченія врачей, жившихъ позднѣе. Steinschneider называетъ его „далеко еще неисчерпаннымъ источникомъ арабской медицины¹⁾“. Оно сначала излагаетъ мѣстные болѣзни, начиная съ головы, и затѣмъ переходитъ къ общимъ болѣзнямъ, наконецъ къ ядамъ, медикаментамъ и ихъ синонимамъ. Самый интересный отдѣлъ— *De admirabilibus quae ei acciderunt*, заключающій рядъ собственныхъ наблюденій Rhazes'a.

Изъ древнихъ врачей здѣсь фигурируютъ и такіе, сочиненія которыхъ погибли. Относительно Гиппократъ, Галена, Аристотеля, Демокрита, Диогена, Критона, Эразистрата здѣсь не встрѣчается ничего новаго. Далѣе, онъ приводитъ нѣкоего Артемида, оставившаго книгу объ образованіи и украшеніи голоса, Николая Дамасскаго, Rufus'a, за которыми слѣдуютъ Архигенъ, Philagrius, Antyllus, Palladius, Oribasius, Alexander Trallianus, Paulus Aegineta, Magnus, Stephanus, Johannes Grammaticus, причѣмъ имена, какъ и техническія выраженія, часто искажены до неузнаваемости; такъ Philumenus у него называется Aslimon, Moschion—Misussen, Archigenes—Arkidschanes, Изъ переходной эпохи онъ приводитъ Симеона, Ahgn'a, Theodosus'a (Tiaduk), Masserdschweih. Изъ арабскихъ врачей, кромѣ исчисленныхъ выше, начиная отъ Бахтишуа и кончая Thahet ben Korah, онъ приводитъ еще Абраша, Сабура, эль-Батрика и многихъ другихъ. Изъ персидскихъ—сочиненіе *Персидское земледѣліе* и компендіи Ebn Abi Khaled el Farsy; изъ индійскихъ—Charaka, Sendahschar, Kolohman, Athra, Susruta, Mohraris; изъ халдейскихъ—Ebn Wahschija²⁾.

b) *Liber medicinalis Almansoris. Kitab al tib Almansuri.*

Изданія: Mediolani, 1481, содержатъ Libri ad Almansorem, вмѣстѣ съ другими, какъ то: liber divisionum, de juncturis, de morbis infantum, aphorismi etc.

Venet. 1497. Содержитъ, кромѣ предыдущихъ: Antidotarium, de praeservatione ab aegritudinibus lapidis, introductorium medicinae, de sectionibus, de cauteriis et ventosis, casus quidam qui ad manus ejus pervenerunt, synonyma, tabula omnium antidotorum in *Opp. Rasis contentorum*, de proprietatibus, jvamentis et nocumentis sexaginta animalium.

Lugd. Bat., 1510: Opera parva Abubetri etc. содержитъ тѣ-же книги, что и въ предыдущемъ изданіи.

Basil. 1544, подъ заглавіемъ; Abubetri Rhazae Maomethi opera exquisitoria, per Gerardum Toletanum medicum cremonensem, Andrea Vesalium Bru-xellensem, Albanum Torinum Vitoduranum latinitate donata ac jam primum quam ca-

¹⁾ г. е. первого періода ея. Ср. Haeser, I, 569.

²⁾ Ср. Leclerc, I, 341—345.

stigmatissime ad vetustum codicem summo studio collata et restaurata, sic ut a medicinae candidatis intelligi possint. Содержитъ: Introductio de arte medendi; *Almansor*, de pestilentia (переводъ Valla); Liber divisionum; de antidotis, de affectibus juncturarum, de morbis infantum; *Aphorismi* (lib. I: de prognosticis, l. II: de experimentis et confidentiis, l. III: de casibus, qui ipsi Razaе acciderunt, l. IV: de diaetis medicinis et cibariis, l. V: de verbis Hippocratis, l. VI: de scientiis et intellectibus, sine quibus rectus medicus esse non potest),—далѣе *Antidotarius*; de praeservatione ab aegritudine lapidis, de sectioibus, cauteriis et ventosis, de facultatibus partium animalium. Весьма часто встрѣчающееся изданіе, но уступающее болѣе стариннымъ, такъ какъ оно мною потеряло въ достовѣрности, вслѣдствіе стремленія *Torinus'a* къ исправленіямъ текстовъ и стилистическимъ украшеніямъ, отъ которыхъ изданіе это ничего не выиграло¹⁾.

Кромѣ того, есть еще множество другихъ изданій, которыя опускаемъ, между прочимъ—*Argentor.* 1531, виѣсть съ арабскими фармакологами, ed. Otto Brunfels²⁾.

Какъ мы видѣли выше, сочиненіе *Almansor* посвящено намѣстнику Хорасана *el-Mansur ben Ishak'u*. Это ничто иное, какъ обзоръ всей медицины, по греческимъ и арабскимъ образцамъ. въ 10 книгахъ: I. анатомія, II. темпераменты, III. пища и медикаменты, IV. гигиена, V. косметика, VI. образъ жизни въ дорогѣ, VII. хирургія, VIII. токсикологія, IX. патологія, X. ученіе о лихорадкѣ. Кн. IX долгое время служила пособіемъ для академическихъ лекцій въ западныхъ университетахъ. Вообще это сочиненіе, обнаруженное самимъ *Rhazes'омъ*, представляетъ больше порядка въ расположеніи матеріала и отличается лучшимъ слогомъ, въ сравненіи съ *el-Nawî*.

Интересна характеристика обоихъ сочиненій, представленная *Ali ben Abbas'омъ* въ предисловіи къ *Maleki*, гдѣ, объясняя причины, побудившія его написать свое сочиненіе, онъ указываетъ на краткость *Almansor'a* и на небрежность и большой объемъ „*Continens*“, а также на недостаточную обработку въ послѣднемъ *хирургіи*, причемъ однако признаетъ его „отличнымъ резюме всего, что было написано врачами всѣхъ временъ и всѣхъ странъ“³⁾.

с) *Dschami* или „Сборникъ“ (рукопись) обнимаетъ, на подобіе „*Continens*“, не только практическую медицину, но почти всѣ отрасли медицинскаго искусства; послѣдняя глава трактуетъ о сочиненіяхъ Галена, пропущенныхъ въ каталогѣ *Нопейна*.

d) *Fachir* или „Драгоценный“ (тоже рукопись) есть какъ бы сокращеніе „*Continens*“, излагающее болѣзни *a capite ad calcem*, причемъ ссылки на прежнихъ авторовъ и связь съ греческими сочиненіями выступаютъ въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ *Continens*⁴⁾.

¹⁾ Choulant, Bücherkunde, 343, 344.

²⁾ Тамъ же и Haeser, II, 570.

³⁾ Leclerc, l. c. I, 346.

⁴⁾ Тамъ же, 347.

Первымъ въ хронологическомъ порядкѣ обстоятельнымъ сочиненіемъ въ лѣтописяхъ медицины объ этомъ предметѣ считается и вѣроятно навсегда останется

е) *De variolis et morbillis* (liber de pestilentia).

Изданіе: арабско-латинское: London, 1766, ed Channing.

Греческое въ Alexander Trallianus, ed. Gouryulus, Paris, 1548 (переводъ съ сирійскаго, сдѣланный по приказанію императора Константина Дукаса).

Латинскія: а) Valla, съ упомянутого греческаго въ Nicerphori *Logica*, Venet. 1498 и въ Psellus, *de victus ratione*, Basil. 1529; б) Torinus, съ арабскаго въ Rhazes *opera exquisitoria*, Basil. 1544; в) Salomo Negri, съ арабскаго, ed. Mead, Lond. 1747 и d) Channing, Gottingae, 1781, ed. Ringenbroig.

Французскія: Jacques Paulet, *Histoire de la petite vérole*, Paris, 1763.

Leclerc et Lenoir, *Rhazes*, *Traité de la variole et de la rougeole*. Paris, 1866.

Англійское: по оригиналу, перев. Greenhill, Lond., 1847¹⁾.

Объ этомъ предметѣ впрочемъ раньше писали Агрон и кромѣ того есть намекъ и въ коранѣ (см. выше) и по поводу Rabiah ben Makaddem, который болѣлъ оспой въ 602 году.

г) *Antidotarium*—о составѣ и приготовленіи лекарствъ (изданія смотри б). Интересны данныя о нѣкоторыхъ ртутныхъ препаратахъ, напр. о полученномъ изъ ртути и поваренной соли (сулема).

г) *Divisio morborum* или *Divisiones*—о признакахъ и леченіи болѣзней, съ комментариемъ Gerardi Cremonensis (изданія смотри тамъ же).

д) *Introductio in medicinam*—нѣчто въ родѣ общаго ученія о природѣ и физиологій (тамъ же).

и) *Aphorismi medici* s. *Director* (см. выше sub. б, Basil. 1544).

Сочиненія подъ е—і известны также подъ названіемъ *Opera parva*.

Wüstenfeld приводитъ 165 погибшихъ сочиненій, между ними—*Historiarum novocotii Bagdadensis* liber и *Autobiographia* Val. Rose (Anecdota graeca et graecolatina, Berolini, 1872) приводятъ старинную французскую физиологію, основанную на сочиненіяхъ Rhazes'a. Steinschneider въ Virchow's Archiv (В. 36) помѣстилъ нѣмецкій переводъ съ еврейскаго перевода сочиненія Rhazes'a: *О встрѣчающихся въ медицинскомъ искусствѣ обстоятельствахъ, отвлекающихъ большинство людей отъ врачей достойныхъ уваженія и заставляющихъ ихъ обращаться къ недостойнымъ*²⁾.

Въ *Altansor* есть воспроизведенная цѣликомъ у Freind'a³⁾ глава „О качествахъ врача, которому можно довѣряться“, сущность которой сводится къ слѣдующему:

„Тысяча врачей, быть можетъ, уже тысячу лѣтъ трудились надъ усовершенствованіемъ медицины. Поэтому тотъ, кто читаетъ ихъ творенія прилежно и ста-

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 342, и Haeser, I, 570.

²⁾ Тамъ же, 570.

³⁾ Freind, *Hist. de la médecine* (съ англ.), par Coulet, Leide, 1727, II, 33—35.

ражсь вникать въ ихъ смыслъ, открываетъ втеченіе своей короткой жизни гораздо больше, чѣмъ еслибъ онъ хоть тысячу лѣтъ бѣгалъ по больнымъ“... „Ибо невозможно, чтобъ одинъ человѣкъ, живи онъ хоть столько-же лѣтъ, при помощи однихъ только собственныхъ наблюденій, могъ дойти до познанія большей части медицинскіхъ истинъ, если онъ не знакомъ съ результатами опытовъ его предшественниковъ“... „Врача образовываетъ не только чтеніе, но и способность обсуждать читанное и сознанныя истины примѣнять къ отдѣльнымъ случаямъ“¹⁾.

У Freind'a находимъ еще главу Разеса о шарлатанствѣ, въ медицинѣ, которую также считасмъ нелишнимъ воспроизвести здѣсь in extenso:

„Есть столько маленькихъ фокусовъ, которыми врачи-шарлатаны стараются импонировать легковѣрнымъ, что ихъ не перечесть и въ цѣлой книгѣ. Одни излечиваютъ падучую болѣзнь, проводя крестообразный разрѣзъ позади головы и вынимая оттуда предметъ, который они держали спрятаннымъ въ рукѣ; другіе вынимаютъ изъ ноздрей змѣй и ящерицъ, приготовленныхъ ими заранѣе изъ печени, или снимаютъ съ глазъ маленькія бѣлыя пятнышки, ловко показывая скрытые въ ихъ рукахъ кусочки бѣлаго полотна. Нѣкоторые высасываютъ воду изъ уха, скрывъ во рту наполненную таковою трубочку; другіе такимъ же образомъ вынимаютъ червей изъ ушей или корней зубовъ, еще другіе, дѣлая разрѣзъ подъ языкомъ, вынимаютъ оттуда маленькихъ лягушекъ. Эти шарлатаны всовываютъ въ язвы и раны даже кости и потомъ вынимаютъ ихъ оттуда. Одни дѣлаютъ даже камнесѣченія, вводя предварительно зондъ и не умѣя даже опредѣлить, есть ли въ пузырь камень, и вынимаютъ оттуда бывший у нихъ наготовѣ; другіе излечиваютъ съ помощью разрѣза несуществующій геморрой, причиняя такимъ образомъ безъ всякой надобности фистулу или рану; нѣкоторые увѣряютъ, что извлекутъ слизь или стекловидную матерію изъ мужскаго члена или другой части тѣла, выпуская воду изъ скрытой во рту трубочки. Есть и такіе, которые берутся собрать всѣ влаги тѣла въ одно мѣсто, натирая его сокомъ зимнихъ вишенъ, причиняющимъ быстрое воспаленіе, и затѣмъ требуютъ вознагражденія, какъ будто въ самомъ дѣлѣ излечили болѣзнь; послѣ того натираютъ это мѣсто масломъ и боль проходитъ моментально. Иные увѣряютъ больныхъ, что они проглотили стекло, которое удаляютъ, вызывая рвоту при помощи щекотанія въ горлѣ перомъ, изъ котораго пропускаютъ туда это же стекло. Такимъ-то образомъ эти самозванцы извлекаютъ изъ названныхъ мѣстъ множество предметовъ, которые сами же ловко туда пропустили, конечно не безъ опасности для легковѣрныхъ больныхъ, которые иногда отъ этихъ процедуръ и умираютъ. Большинство изъ нихъ и не догадывается, что ихъ обманываютъ, но иногда этотъ обманъ случайно обнаруживается, если только вниательно присматриваться. Не слѣдуетъ поэтому никогда рисковать своей жизнью, довѣряясь шарлатанамъ и принимать отъ нихъ лекарства, которыя принесли несчастье столькимъ людямъ, легко дававшимся въ обманъ“²⁾.

Приступаемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію медицины Разеса.

Въ области *анатоміи* и *физиологіи* находимъ у него указаніе на п. *infratrochlearis*, происходящій отъ носовой вѣтви пятой пары (онъ именно

¹⁾ Rhazes, ad Almansorem, tr. IV, c. 32, f. 21 (ed. Gerard. Cremon., Venet., 1500), ср. Sprengel, II, 391.

²⁾ Freind, l. c. p. 35 и слѣд.

предостерегаетъ отъ поврежденія этого нерва при операциі слезной фи-
стулы), о которомъ древне-греческіе авторы не упоминаютъ; далѣе, онъ
отличаетъ голосовой нервъ отъ возвратнаго, который по его сло-
вамъ происходитъ отъ перваго въ уровень съ дыхательнымъ горломъ.
На правой сторонѣ, по его словамъ, *p. gesiggenis* по временамъ бываетъ
двойной; это открытіе *Wrisberg'a*, слѣдовательно, должно быть припи-
сано Разесу. При объясненіи теоріи задушениа и потери голоса
онъ обращаетъ вниманіе на параличъ *m. cricothyreoidei*. Онъ зналъ *iga-*
schnus и отношеніе его къ мочевому пузырю у зародышей, а также о ро-
жденіи мальчиковъ при преобладающей силѣ мужскаго
сѣмени; отъ грековъ заимствовалъ фактъ поворота зародыша на вось-
момъ мѣсяцѣ беременности, отъ себя же въ этой области прибавляетъ, что
по числу морщинъ на животѣ первороженницы можно опредѣлить количе-
ство дѣтей, которое она произведетъ на свѣтъ! ¹⁾.

Патологія Разеса представляетъ смѣсь галеновскихъ началъ,
которыя впрочемъ преобладаютъ, съ методическими. Интересно его
признаніе, что различныя воззрѣнія древнихъ приводятъ его въ замѣша-
тельность („*ex diversitate antiquorum omnium nimis conturbor*“), почему онъ
выражаетъ намѣреніе придерживаться преимущественно Галена. Его ученіе о
лихорадкахъ — чисто галеновское, онъ впрочемъ строго отличаетъ
вредныя лихорадки отъ обыкновеннаго жара и случайныя лихорадки отъ
настоящихъ, и говоритъ о 5-и 6-дневныхъ лихорадкахъ, какъ объ обыкно-
венныхъ явленіяхъ, а также о гнилостныхъ лихорадкахъ, которыя
узнаются по сухости кожи и отсутствію пота въ концѣ пароксизмовъ.
Однодневную лихорадку онъ производитъ отъ засоренія поръ. Сли-
зистая лихорадка, по Разесу, всегда начинается безъ озноба. За исклю-
ченіемъ слизи, другія влаги не превращаются больше въ кровь и должны
быть удалены изъ тѣла при содѣйствіи искусства или природы. Весьма цѣ-
лесообразно у него леченіе грудныхъ болѣзней, осложненныхъ гнило-
стной лихорадкой, укрѣпляющими средствами и виномъ; онъ приводитъ слу-
чай, гдѣ, по его мнѣнію, больной навѣрное бы погибъ, еслибъ онъ продол-
жалъ употребленіе опорожняющихъ и прохлаждающихъ средствъ, которыя
совѣтовали другіе врачи. Далѣе, онъ приводитъ случаи неправильныхъ
лихорадокъ, происходящихъ отъ нагноенія почекъ. Его замѣчанія о влія-
ніи на конституцію болѣзней погоды, время года и климата изложены
на основаніи гиппократовскихъ началъ. Изъ *нервныхъ* болѣзней онъ
описываетъ ударъ, при которомъ поносъ считаетъ критическимъ, гип-
похондрію („*mirachia*“) и *tic convulsif*.

¹⁾ Ср. *Sprengel*, II, 380.

Интересенъ описываемый имъ случай заболѣванія желудка, при которомъ изверженное рвотой было до того кислое, что смѣшеніе его съ землею вызвало шипѣніе. Далѣе, онъ приводитъ случаи водянки отъ почечныхъ и кровавого поноса отъ вѣшечныхъ камней, а также перехода геморроя на матку, вызывавшаго опасныя кровотеченія изъ послѣдней, равно какъ и случаи *hüdrometra*, *molae*, ложной беременности и т. д.¹⁾

Семіотика и *прогностика* Разеса стяжали ему наибольшую славу.

Выше уже было указано на то, что арабы за свое искусство въ прогностику приобрѣли у грековъ такое уваженіе, что ихъ считали почти за прирожденныхъ пророковъ. И Разесъ, своими удачными предсказаніями въ острыхъ и хроническихъ болѣзняхъ, вполне оправдалъ это лестное мнѣніе грековъ; въ особенности удачны были его предсказанія при водянкахъ. Интересно, что хотя и онъ, подобно всѣмъ арабскимъ врачамъ, придавалъ значеніе *уроскопи*, но выступилъ рѣшительнымъ противникомъ шарлатанскихъ пріемовъ въ этой области, примѣняя здѣсь взгляды Гипократа на свареніе, кризисъ и критическіе дни и настаивая на осмотрѣ мочи не иначе, какъ въ комнатѣ больнаго²⁾.

Терапія Разеса — преимущественно діететическая, основанная на началахъ восточной школы, особенно въ острыхъ болѣзняхъ, напр., лихорадкахъ, гдѣ онъ ставилъ рациональныя причинныя показанія.

Въ жгучихъ лихорадкахъ онъ подобно грекамъ примѣнялъ холодную воду, при изнурительной и чахоткѣ—молоко и сахаръ. Что касается опорожняющаго метода, то, отдавая полную справедливость ученію Гипократа, онъ иногда однако отступалъ отъ него, напр. при ударѣ, гдѣ отвергалъ слабительныя, а примѣнялъ рвотныя, клистиры и теплыя примочки на голову! Вообще онъ ограничилъ употребленіе слабительныхъ. Интересно, что уже Разесъ старался достигнуть **слабительнаго дѣйствія путемъ наружнаго примѣненія лекарственныхъ веществъ**, напр., втираніемъ коллоквинтовъ въ кожу. При меланхоліи онъ рекомендуетъ — шахматную игру, при кровавомъ поносѣ — фрукты, сухія банки, рисъ и мучнистую пищу, при длительной формѣ—негашенную известь, мѣшякъ и опій; при подагрѣ, вмѣсто примѣнявшихся другими ртутныхъ втираній, употреблялъ втираніе маселъ. Есть у него однако и курьезы, въ родѣ перевязки членовъ при тошнотѣ или удачнаго излеченія диспепсіи одной только холодной водой и коровьямъ масломъ³⁾.

Самостоятельность и наблюдательный талантъ Разеса ярче всего выступаютъ въ его книгѣ *De variolis et morbillis* (какъ сказано, древнѣйшемъ сочиненіи объ этомъ предметѣ), такъ какъ здѣсь онъ долженъ былъ опираться на личныя наблюденія. Указавъ на то, что Галенъ, хотя и зналъ эту болѣзнь, но мало говоритъ о признакахъ и ничего— о леченіи ея, Разесъ обращаетъ преимущественное вниманіе на послѣднее.

¹⁾ Тамъ же, 381—383.

²⁾ Тамъ же, 384.

³⁾ Тамъ же, 385, 386.

Происхождение этой болѣзни онъ объясняетъ тѣмъ, что еще въ зародышевой жизни, вслѣдствіе задержаннаго отдѣленія менструаціи во время беременности, въ кровь младенца вступаютъ нечистыя вещества, которыя подобно вину переходятъ въ броженіе и шпѣніе ¹⁾— процессъ, необходимый будто для здоровья. Весьма вѣрно изложена у Разеса *симпто-матологія* оспы. Къ предвѣстникамъ онъ относитъ сильный жаръ и головную боль, боль въ спи́нѣ („почти вѣрнѣйшій признакъ“), сухость кожи, затрудненное дыханіе, красноту глазъ, покалываніе во всемъ тѣлѣ, тяжесть и ощущение пульсаціи въ головѣ; позывы на рвоту. Онъ совершенно явственно различаетъ образованіе отдѣльныхъ пустулъ („*sublimia*“) и сливной оспы („*lata*“) и на этомъ различіи основываетъ предсказаніе: первая форма не опасна, особенно если при этомъ нѣтъ сильной лихорадки, затрудненнаго дыханія, пульсъ правильный и пустулы хотя красны вокругъ, но правильно засыхаютъ. Но если онѣ многочисленны, стоятъ густо и сливаются на большихъ протяженіяхъ, становятся похожими на жиръ, выдаются въ видѣ бородавокъ и въ тому же крайне блѣдны, приче́мъ лихорадочное состояніе усиливается, то это указываетъ на злокачественный характеръ болѣзни. Если же больной чувствуетъ сильную боль въ какой нибудь части, которая становится зеленоватою или черною, если пустулы малы, тверды, зеленого, фіолетоваго, темнокраснаго или чернаго цвѣта и не засыхаютъ, если силы падаютъ, являются обмороки и сердцебіеніе, а лихорадка не уменьшается, то такая форма абсолютно-смертельна ²⁾.

При леченіи онъ придерживается преимущественно однихъ діететическихъ средствъ. Вначалѣ онъ совѣтуетъ т. н. „*extinguentia*“, слабыя кислоты, камфору ³⁾, *srodiu m*, много холодной воды, примѣняетъ, съ цѣлью способствовать созрѣванію пустулы, паровыя ванны и совѣтуетъ величайшую осторожность въ примѣненіи слабительныхъ, которыя допускаетъ только при дѣйствительномъ запорѣ. При сильной лихорадкѣ—опій, кровопусканія до обморока. Для предохраненія отдѣльныхъ органовъ отъ разрушенія и образованія рубцовъ, онъ совѣтуетъ примѣненіе вяжущихъ средствъ на глазъ, въ глоткѣ, а также на конечности, послѣ вскрытія большихъ пустулъ на послѣднихъ, съ цѣлью предупредить омертвѣніе, противъ остающихся пятенъ на роговой оболочкѣ—вяжущія и механически-раздражающія средства, противъ рубцовъ на остальныхъ частяхъ тѣла—свинцовые препараты, втиранія, ванны, жиры ⁴⁾.

Что касается кори, то хотя онъ и описываетъ ее подъ названіемъ „*Hasbah*“ или „*Chaspe*“ (общее сирійскому, еврейскому и арабскому языкамъ, которое переводчики передаютъ словомъ „*morbilli*“, по гречески *Εὐλογία* или вѣрнѣе *Εὐφρογία*) и хотя при этомъ отмѣчаетъ даже характерный для нея кашель, но въ сущности Разесъ не отдѣляетъ ее отъ оспы, считая ее разновидностью послѣдней и подчасъ не менѣе опасной ⁵⁾.

¹⁾ Ср. *Freind*, l. c. II, 100, и *Sprengel*, II, 390.

²⁾ Ср. *Freind*, l. c., II, 101—103.

³⁾ Между прочимъ Разесъ примѣнялъ здѣсь „*sygurus margaritarum*“, содержащій камфору и употреблявшійся имъ также при чумѣ, фурункулахъ и воспаленияхъ зѣва, приче́мъ приводитъ отзывъ объ этомъ сиропѣ индійскихъ врачей: „*siquis bibat de syguro margaritarum, si in illo jam eruperint pustulae variolarum novem, decima non superveniet*“. Ср. *Haeser*, I, 572.

⁴⁾ Тамъ же, *Sprengel*, l. c. и *Freind*, II, 104—107.

⁵⁾ Ср. *Freind*, l. c. II, 101, 102.

Хирургія въ *Continens* изложена, какъ признаеть el-Abbas, довольно небрежно, но все-таки настолько, что представляетъ цѣнные данныя для хирургіи арабовъ. Такъ Разесъ говоритъ, что въ его время были хирурги, которые, подобно Lombard'у, лечили свищи и язвы съ помощью бинтовъ. Интересно, что даже по отношенію къ мазямъ и пластырямъ справлялись съ теоріей объ элементарныхъ качествахъ и смотрѣли, отличается ли тѣло влажностью, а членъ сухостью, и наоборотъ, и сообразно съ этимъ рѣшали, какіе употреблять мази и пластыри. Переломы и вывихи лечились по издревле заведенному обычаю—насильственными машинами. Интересны его наблюденія надъ возрожденіемъ разрушенной нижней челюсти или голени, которая однако не достигала прежней плотности, а также надъ переломомъ мужскаго уда и уплотненіями или ganglia на протяженіи нервовъ, вызывающими иногда падучую болѣзнь. Разныя сращенія и горбатости онъ лечилъ наложеніемъ укрѣпляющихъ пластырей¹⁾. Кстати упомянемъ, что имъ впервые описана spina venetosa, причеиъ онъ признается, что если опухоль раскрылась, то нѣтъ другого средства, какъ удаленіе ея съ помощью разрѣза или огня²⁾. Такое же леченіе, т. е. удаленіе съ помощью ножа или огня, онъ примѣняетъ при ракъ³⁾. Вообще онъ былъ большой любитель ревусивнаго способа леченія въ хирургіи; такъ при опухоли на ладони у одной женщины съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ онъ примѣнялъ повторное кровопусканіе одновременно изъ vv. basilica et saphaena. При ischias онъ, подобно Архигену, совѣтовалъ сильнодѣйствующія промывательныя изъ коллоквиновъ и nitrum и даже до появленія крови, причеиъ прибавляетъ, что видѣлъ успѣхъ отъ этого способа леченія болѣе чѣмъ „у тысячи людей, у коихъ онъ никогда не отказывалъ въ своемъ дѣйствіи“, за исключеніемъ одного застарѣлаго случая, гдѣ нужно было прибѣгнуть къ огню⁴⁾. Язвы на крайней плоти онъ производитъ отъ втутреннихъ причинъ. Фистулы задняго прохода онъ не оперировалъ, а лечилъ бинтованіемъ. Грыжи онъ описываетъ весьма тщательно, въ томъ числѣ hernia hiatalis, которой онъ самъ страдалъ и которую лечилъ рвотными. Ему были извѣстны загибы матки, при коихъ совѣтовалъ вправленіе и сухія банки.

Въ области акушерства онъ примѣнялъ встряску и эмбриотомію⁵⁾.

¹⁾ Ср. Sprengel, II, 387, 388.

²⁾ Freund, II, 31.

³⁾ Тамъ же, 30.

⁴⁾ Тамъ же, 28, 29.

⁵⁾ Ср. Sprengel, II, 388.

Въ области *офтальміатри* болѣзни увеае и радужной оболочки онъ, подобно методикамъ, приписывалъ сокращенію или расслабленію; при *trichiasis* онъ вырѣзывалъ изъ вѣка 4-угольный доскутъ ¹⁾.

Кровопусканія Разесъ примѣнялъ довольно часто. Такъ при воспаленіи печени онъ примѣнялъ кровопусканіе изъ правой *v. basilica*, какъ соответствующей полои венѣ; при кровохарканіи—кровопусканіе изъ ноги, причемъ предупреждалъ, чтобы вообще при кровопусканіяхъ никогда не вскрывать вены въ поперечномъ, а всегда въ продольномъ направленіи и руководствоваться силами больного, почему предпочиталъ повторныя кровопусканія, выпуская каждый разъ небольшія порціи крови. На возрастъ онъ, повидимому, не обращалъ вниманія, такъ какъ дѣлалъ кровопусканія у дѣтей, если только къ тому имѣлись показанія. (Ср. Sprengel, II, 388, 389).

Изъ *Almansor*'а видно, что арабы подчасъ были порядочные невѣжды въ хирургіи; такъ въ вихи они искали не въ составѣ, а на продолженіи кости. Далѣе встрѣчаемся здѣсь съ предрасудкомъ о возможности достигнуть образованія настоящаго мяса при помощи извѣстныхъ средствъ, но зато находимъ здѣсь указаніе на возможность излеченія рака съ помощью средствъ, измѣняющихъ соки ²⁾, къ чему, какъ извѣстно, стремится и новѣйшая медицина. При укушеніи бѣшеной собакой Разесъ примѣнялъ прижигающія и кромѣ того средства, опорожняющія черную желчь. Любопытенъ разсказъ его объ одномъ подобномъ больномъ, который требовалъ воды, но отказывался ее пить потому, что она имѣла будто бы запахъ собаки или кошки ³⁾. Проклазу онъ лечилъ опорожняющими, а отдѣльные припадки ея—по симитоматическимъ показаніямъ; при этомъ приводитъ случай проказы, осложненной расщепленіемъ конца волосъ, съ указаніемъ нѣкоторыхъ средствъ противъ этого ⁴⁾,

Въ сочиненіи *Almansor* (смотри выше) Sprengel находитъ первый намекъ у медицинскихъ авторовъ на приготовленіе водки (объ арабѣ упоминаетъ уже Strabo), которую арабы научились готовить въ IX вѣкѣ, равно какъ и различные сорта пива, изъ ячменя, риса и пшеницы („*vina falsa ex succaro, melle et rigo*“ ⁵⁾).

Въ сочиненіи *Divisiones* есть указанія на упомянутый выше *tiscopulsif* (с. 14), заячью губу (с. 43) и желтуху которая, по его мнѣнію, происходитъ вслѣдствіе засоренія трехъ желчныхъ протоковъ:

¹⁾ Ср. Sprengel, II, 387.

²⁾ Ср. Rhazes *Almansor*, VII, сс. 1, 4, 9, ср. Sprengel, II, 398.

³⁾ Тамъ же и Freind, l. c. II, 30.

⁴⁾ Ср. Sprengel, II, 392, 393.

⁵⁾ Rhazes ad *Almansorem*, tr. III, с. 6, 7, ср. Sprengel, II, 392.

печеночнаго, кишечнаго и желудочнаго (с. 64). Изъ области *хирургіи* можно тутъ отмѣтить перевязку и затѣмъ „отпиленіе“ носовыхъ полиповъ (с. 42), тампонаду кровоточащихъ сосудовъ паутиной (с. 139) и леченіе панариціа снѣгомъ и затѣмъ примочкой изъ ярь-мѣдянки и укуса (с. 137)¹⁾.

Въ *Афоризмахъ* Rhazes'a, написанныхъ въ восточномъ высокопарномъ стилѣ, Sprengel отмѣчаетъ леченіе злокачественной лихорадки наружнымъ примѣненіемъ холода, замѣчанія о вредныхъ послѣдствіяхъ болотныхъ испареній, о необходимости при кровопусканіяхъ обращать вниманіе на климатъ (ограниченіе ихъ въ очень жаркомъ и очень холодномъ), о томъ, что діететическими средствами можно вездѣ достигать гораздо большаго, чѣмъ лекарственными, наконецъ, слѣдующіе афоризмы, относящіеся къ качествамъ, которыми должны обладать врачъ:

„Dubitabilis est doctor, qui judicat facile“.—„Logici, et qui ex ingenio proprio volunt judicare, et juvenes, qui res non sunt experti, intersectores existunt“.—„Medici complexio temperata debet esse, ut nec rebus saecularibus intendat omnino, nec expertus eorum existat“²⁾.

Наконецъ въ *Antidotarium* есть указаніе на приготовленіе ртутнаго препарата (каломеля или сулемы) изъ ртути и поваренной соли, примѣнявшагося при чесоткѣ и другихъ сыпяхъ, а также на приготовленіе ртутной мази (с. 36), далѣе, на наружное примѣненіе аврипигмента и сандарака (даже для влистіровъ при кровавомъ поносѣ), а также мѣднаго купороса и чернильнаго камня. Изъ внутреннихъ средствъ онъ приводитъ селитру, борахъ, красные кораллы и драгоценные камни. Кромѣ того здѣсь есть указаніе и на химическія операціи, напр. на приготовленіе муравьянаго масла³⁾.

Изъ другихъ персидскихъ врачей въ X вѣкѣ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, какъ предшественники и учителя Авиценны:

Abu Sahl el Messihy (ум. въ 1000 г., 40 лѣтъ отъ роду), христіанинъ изъ Джорджана, жилъ также въ Хорасанѣ, оставилъ значительное число сочиненій, изъ коихъ *Kitab el Meya* (книга въ 100 главахъ)—первый опытъ медицинской энциклопедіи въ арабской школѣ и нѣкоторымъ образомъ программа *Канона* Авиценны. Это полный трактатъ о медицинѣ, въ которомъ первая треть посвящена гигиенѣ, пищѣ, медикаментамъ, вторая—общей медицинѣ, а третья—частной патологій и терапіи.

Интересно, что Авиценна избралъ медицинское поприще именно подъ влияніемъ Messihy⁴⁾.

¹⁾ Ср. Sprengel, II, 393, 394, гдѣ онъ приводитъ изъ *Divisiones* также слѣдующую отнюдь не платоническую главу (с. 11): „*De amore*.—Cura ejus est assiduatio coitus, et jejuniū, et deambulatio, et ebrietas plurima assidue“.

²⁾ Тамъ же, 395. ³⁾ Тамъ же и 396. ⁴⁾ Ср. Leclerc, I, 356, 357.

El Komri (Abu Mansur el Hassan ben Nuh), оставилъ компендіи медицины R'аnу или Маnу, гдѣ подробно разсматриваетъ всѣ болѣзни и ихъ леченіе, и Трактатъ о причинахъ болѣзней¹⁾.

Al-Faraby (Abu Nassr Muhammed ben Muhammed ben Tarchan), названный такъ по имени его роднаго города Фараба въ Туркестанѣ или Фаріаба въ Хорасанѣ, болѣе извѣстенъ какъ философъ и поклонникъ Аристотеля, ученіе котораго онъ воспроизвелъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Арабы называютъ его „княземъ“ своихъ философовъ. Образование свое онъ получилъ въ Багдадѣ, гдѣ сдѣлался преподавателемъ, образовавшимъ въ свою очередь множество знаменитыхъ учениковъ. Впослѣдствіи онъ поселился во дворцѣ Seif ed-Daula, алепскаго князя, котораго сопровождалъ въ Дамаскъ, гдѣ и умеръ въ 950 в. Авиценна увѣрялъ, что все свое знаніе онъ почерпнулъ въ сочиненіяхъ Al-Farabi, Мункъ же (въ *Mélanges de philosophie juive et arabe*) говоритъ, что Еbn Torhaïl не придавалъ особеннаго значенія философіи Al-Farabi, повидимому не признававшей безсмертія души, и что Маймонидъ весьма высоко цѣнилъ его книгу о *политикѣ*. Онъ оставилъ съ собою сочиненій, обнимающихъ не только философію, но также астрономію, математику и музыку.

Изъ научныхъ его сочиненій обращаетъ на себя вниманіе *Иса el Уит*—родъ энциклопедіи, гдѣ онъ занимается классификаціею наукъ (*Compendium omnium scientiarum*); изъ медицинскихъ—*Теоретическая* и *практическая медицина* (переводъ ея на еврейскій языкъ находится въ парижской бібліотекѣ), гдѣ встрѣчаются возраженія Галену и Разесу, а также трактаты *объ органахъ животныхъ, о сходствѣ мѣлкій*, съ одной стороны—Гиппократу и Платону, съ другой—Аристотелю и Галену по разнымъ вопросамъ въ области физики. Въ парижской бібліотекѣ хранится множество рукописей Al Farabi на арабскомъ, еврейскомъ и латинскомъ языкахъ²⁾. Достоинно примѣчанія, что Leclerc, какъ истый французъ, совершенно игнорируетъ работу Steinschneider'a объ Al Farabi³⁾.

Наконецъ изъ персидскихъ врачей сюда относятся:

Abu Mansur M. Muwaffac ben Ali, который предпринялъ путешествіе въ Индію, гдѣ изучилъ мѣстную медицину; онъ оставилъ *Materia medica* на персидскомъ языкѣ, посвященную принцу Nuh ben Mansur'у (изданіе Seligmann'a)⁴⁾.

Въ Иранѣ, съ окончаніемъ переводныхъ работъ и началомъ паденія калифата, Багдадъ долженъ былъ потерять свое значеніе, какъ центръ цивилизаціи, и рядомъ съ нимъ возникли мало по малу новые очаги для распространенія просвѣщенія. Въ это время (въ X в.) главнымъ покровителемъ литературы и наукъ является эмиръ изъ династіи Буидовъ, Adhad ed-Daula, основатель госпиталя того же имени (см. выше), въ которомъ имѣлись спеціальныя палаты по категориямъ болѣзней, напр. для глазныхъ, лихорадочныхъ, раненныхъ и т. д.

¹⁾ Тамъ же, 359. ²⁾ Ср. Leclerc, I, 359—361. ³⁾ См. выше, стр. 174.

⁴⁾ Leclerc, I, 361. У Haeser'a (I, 452): *Mansur ben Nuh*. См. выше *Школа несторіанъ* въ концѣ, 196.

Изъ принадлежащихъ сюда врачей обращаютъ на себя вниманіе двѣ семьи: Thabet (Tsabet L.) и потомки Бахтишуи. Къ первой относятся сабеяне:

Sinan (Abu Said ben Thabet ben Corra, ум. въ 942 г.) и сынъ его, **Thabet ben Sinan**, написавшій историческую лѣтопись о событіяхъ его родины, начиная съ 295 г. геджры.

Въ этой-то лѣтописи онъ приводитъ біографическія данныя о своемъ отцѣ, изъ коихъ узнаемъ, что **Sinan**'у, кромѣ завѣдыванія багдадскимъ госпиталемъ, была поручена организація **военной и земской медицины**, съ временными больницами, причемъ онъ получилъ распоряженіе визиря Ali ben Iva подавать помощь „сначала людямъ, а потомъ животнымъ, а изъ людей—сначала мусульманамъ, а потомъ уже иновѣрнымъ („zimmiis“, въ томъ числѣ еврейямъ, заболѣвшимъ въ большомъ числѣ въ окрестностяхъ Nahg el Malek'a)“. Отсюда же узнаемъ, что по случаю смерти одного больного отъ **врачебной ошибки** въ 931 г. были установлены экзамены и дипломы, безъ коихъ воспрещалось всякое врачеваніе, причемъ для полученія послѣднихъ сразу явилось до 800 кандидатовъ. Экзаменаторомъ, разумѣется, былъ назначенъ тотъ-же **Sinan**. Онъ оставилъ лѣтописи о сирійскихъ царяхъ, своемъ родѣ, о религіи сабеянъ, кромѣ того сочиненія по математикѣ и астрономіи. Но о медицинскихъ его сочиненіяхъ ничего неизвѣстно. Онъ служилъ при калифахъ Mostader Billah, Kaher и Radhy, а сынъ его при калифахъ Moffadul, Mostacfy et Mufy.

Изъ потомковъ Бахтишуи выдающимся врачомъ былъ

Dschabril ben Obeid Allah при дворѣ Adhad Ed-Daula (послѣ 967 г.), врачъ при госпиталѣ въ Багдадѣ, умеръ въ Meyafarikin'ѣ, въ 1005 г., 85 лѣтъ отъ роду. Сынъ его,

Obeid Allah (ум. въ 1058 г.) жилъ въ послѣдне-названномъ городѣ, гдѣ умеръ его отецъ. Онъ оставилъ значительное число сочиненій, изъ коихъ самое главное—*„Партеръ медицины“* или

Rawdhat etthebb, въ 50 главахъ, посвященныхъ общимъ вопросамъ философіи и медицины (опредѣленіе рода, вида, количества, качества здоровья, болѣзни, причины, симптомовъ, медикаментовъ и т. д.). Кромѣ того онъ оставилъ трактатъ *О качествахъ животныхъ* со многими, плохоисполненными изображеніями послѣднихъ¹⁾.

Изъ другихъ многочисленныхъ врачей, приводимыхъ здѣсь Деклеркомъ видѣляются:

Abu Mansur Saad ben Basher, который, согласно Ebn Bothlan'у, первый сталъ примѣнять въ багдадскомъ госпиталѣ кровопусканія и прохлаждающія вмѣсто возбуждающихъ, употреблявшихся при приливахъ крови къ мозгу; точно также онъ замѣнилъ горячительные медикаменты пшизаной и ячменной водой²⁾,

и два врача, носившихъ одно и тоже имя:

Abul Hossein Eddschaгдаіdi (хирургъ), служившіе оба при госпиталѣ El-Adhedu³⁾.

¹⁾ Ср. Leclerc, I, 363—374.

²⁾ Тамъ же 379.

³⁾ Тамъ же, 381.

Величайшимъ врачомъ конца X вѣка долженъ безспорно считаться

Ali ben el Abbas (Ali ed-Din el Madschussi или магъ), персиянинъ, родомъ изъ Ahwaz'a (ум. въ 994 г.). Онъ былъ лейбъ-медикомъ эмира Adhad ed Daula. Его сочиненія—первыя арабскія произведенія, появившіяся въ латинскомъ переводѣ. Учителемъ его былъ по Leclerc'у—Abu Maher ben Saïar, по Sprengel'ю же—Musa ben Jasser. Онъ задался мыслию написать книгу, обнимающую совокупность всѣхъ отраслей медицины, что и было имъ блистательно выполнено въ его *Maleki* (царственная книга, *regalis dispositio*) или *Kamel* (полная книга), какое сочиненіе онъ, естественно, посвятилъ величайшему цѣнителю умственныхъ работъ въ этомъ вѣкѣ, Adhad ed-Daula. Авторъ *Kitab el hokama* говоритъ, что упомянутое *Maleki* „пользовалось большимъ уваженіемъ какъ uon plus ultra арабской учености и было вытѣснено только *Канономъ* Авиценны: *Канонъ* стоитъ выше по отношенію къ теоріи, *Maleki*—по отношенію къ практикѣ“. Къ этому приговору Leclerc прибавляетъ, что *Maleki* не уступаетъ *Канону* въ порядкѣ расположенія матеріала и превосходитъ его по отношенію къ сжатости изложенія и большей однородности въ распредѣленіи матеріала.

Эта книга, по мнѣнію Leclerc'a, представляетъ собою огромный шагъ впередъ, сдѣланный восточной медициной. И въ самомъ дѣлѣ, арабъ осмѣлился на этотъ разъ сдѣлать то, чего не нашелъ у грековъ—заключить всю медицину въ предѣлы одного сочиненія. Книга эта обнимаетъ совокупность всей медицины въ общихъ чертахъ и соразмѣрно распредѣленныхъ отдѣльныхъ ея частяхъ, причемъ факты, относящіеся къ каждой отдѣльной области, подвержены строгому контролю критики и опыта и заключены въ надлежащія рамки ¹⁾.

Maleki (Almaleki или el-Maliki) было переведено на латинскій языкъ весьма рано, а именно Константиномъ Африканскимъ (въ XI в.), подъ заглавіемъ *Pantegnum*, но выдавалось имъ за собственное сочиненіе, затѣмъ въ 1127 г. Стефаномъ изъ Антиохіи, каковой переводъ имѣлъ нѣсколько изданій: *Almaleki Liber regius*, Venet. 1492. *Liber totius medicinae necessaria continens quem Haly filius Abbas edidit regique inscripsit, uude et regalis dispositionis nomen assumpsit* ²⁾.

Планъ и содержаніе этого сочиненія лучше всего явствуютъ изъ предисловія, гдѣ авторъ самъ выясняетъ точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на его сочиненіе. Указавъ на сжатость Гипократа и расплывчатость Галена, равно какъ и на отсутствіе полного систематическаго руководства медицины не только у нихъ, но и у Павла Эгин-

¹⁾ Leclerc, I, 381, 382.

²⁾ Тамъ же, I, 382 и Choulant, Bücherkunde, 350.

скаго (это, впрочемъ, какъ можно убѣдиться изъ нашего очерка, не совсѣмъ справедливо), онъ переходитъ къ арабамъ и останавливается въ особенности на *Continens Rhazes'a*, представляющемъ, по его мнѣнью, безсвязную компиляцію, въ которой пространныя цитаты, приводимыя имъ полноты ради, именно своими повтореніями и длиннотами дѣлаютъ эту книгу недоступной обыкновеннымъ врачамъ. Онъ поэтому рѣшился составить книгу, имѣющую цѣлю не столько „расширеніе предѣловъ науки, сколько внесеніе побольше свѣта и порядка въ совокупность накопленныхъ фактовъ. „Въ этой книгѣ (заключаетъ Али свое предисловіе) изложу все нужное для сохраненія здоровья и леченія болѣзней и безъ чего нельзя обойтись ни одному искусному врачу“. Онъ сознается, что вездѣ слѣдовалъ по стопамъ грековъ, за исключеніемъ *фармакологіи*, которая была значительно обогащена арабскими и персидскими врачами, причѣмъ старался руководствоваться взглядами грековъ на вліяніе климатическихъ условій. Нужно однако признать, что сочиненіе Али содержитъ много оригинальнаго и множество новыхъ для его времени теорій и принциповъ. При этомъ авторъ дѣлится съ читателемъ многочисленными собственными наблюденіями въ госпиталяхъ и вмѣняетъ начинающимъ врачамъ въ обязанность—провѣрять въ больницахъ не всегда вѣрныя описанія болѣзней, встрѣчающіяся въ медицинскихъ сочиненіяхъ¹⁾.

Анатомія и *физиологія* Али составлены въ духѣ Галена, причѣмъ Али удержалъ также телеологию какъ Галена, такъ и позднѣйшихъ грековъ. Такъ напр., польза брюшины заключается, согласно Али, въ томъ, чтобы способствовать акту рвоты²⁾. Достоинно примѣчанія довольно вѣрное описаніе имъ 9 мускуловъ глаза, изъ коихъ 6 служатъ для движенія глазной луковичы, а 3 для движенія вѣкъ³⁾.

Семіотика Али составлена также въ духѣ Галена и изложена довольно подробно.

Между прочимъ онъ даетъ наставленіе, какъ отличать пятна при проказѣ отъ обыкновенныхъ (*vitiligo*), а именно: слѣдуетъ натереть эти пятна львиной лапой (*alchemilla*) и уксуомъ: если пятна остаются, то они указываютъ на проказу. Этой пробой пользовались при продажѣ рабовъ⁴⁾. Вниманія заслуживаютъ еще указываемыя имъ различія въ пульсѣ, причѣмъ онъ беретъ въ соображеніе и температуру пульса; между прочимъ, есть у него *pulsus inclinatus*, по срединѣ высокій, полный и твердый, а по бокамъ маленький и слабый⁵⁾.

Патологія отдѣльныхъ болѣзней изложена Али на основаніи общепринятыхъ тогда гипотезъ о силахъ организма, какъ-то: привлекающей, измѣняющей, и т. д. Интересны мнѣніе Али, что вывихи могутъ происходить отъ внутреннихъ причинъ, въ особенности отъ судорожнаго сокраще-

1) Ср. Leclerc, I, 383—388 и Sprengel II, 397.

2) Ali Abbas, *Maleki*, Theor, I, III, с. 24.

3) Тамъ же, I, IX, с. 13.

4) Тамъ же, I, I, с. 24.

5) Тамъ же, I, VII, с. 3. (Ср. Sprengel, II, 397—399).

нія мускуловъ ¹⁾, а также наблюденные имъ случаи камней въ маткѣ, на клоновъ послѣдней и т. д. ²⁾.

Отдѣлы, относящіеся къ области акушерства, представляютъ яркую картину состоянія этой отрасли у арабовъ и подтверждаютъ, что она находилась исключительно въ рукахъ повивальныхъ бабокъ. Алі между прочимъ много распространяется о сходствѣ зародыша съ плодомъ на деревѣ, о черномъ цвѣтѣ мочи послѣ рожденія, зависящемъ отъ остатковъ нечистой крови, служащей для питанія зародыша и т. д. Впрочемъ интересно, что *menstrua decidua* была извѣстна Алі по Аретей ³⁾.

Самый лучшій и важнѣйшій отдѣлъ въ сочиненіи Алі составляетъ его *Гигіена и діететика*, куда относится ученіе о вліяніи одежды на здоровье и о минеральныхъ водахъ, приче́мъ, впрочемъ, и ему пришлось заплатить дань предрасудкамъ своего вѣка.

Такъ напр. онъ совѣтуетъ возить съ собой немного родной земли, которая, будучи примѣшана къ водѣ на чужбинѣ, дѣлаетъ ее безвредной и годной для питья ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе нужно отдать справедливость его превосходнымъ діететическимъ предписаніямъ по отношенію къ различнымъ временамъ года, климатамъ и индивидуальности. Въ особенности онъ обращаетъ вниманіе на привычку (въ отдѣлѣ *de speculatione consuetudinis*). Интересно также, что искусственную рвоту онъ считаетъ средствомъ, предохраняющимъ отъ многихъ болѣзней, а сахаръ—хорошимъ пищевымъ средствомъ для новорожденныхъ ⁵⁾.

Весьма хорошо обработана у него

Фармакологія. Здѣсь онъ преподаетъ правила, какъ испытывать и изучать дѣйствіе лекарствъ, въ особенности такихъ, которыя не были извѣстны грекамъ. При этомъ онъ хотя и руководствуется вкусомъ лекарственныхъ веществъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не первый даетъ удобопонятныя наставленія для предварительнаго производства опытовъ надъ *дѣйствіемъ лекарствъ на больныхъ животныхъ*. Эти опыты онъ считаетъ „крайне необходимыми, такъ какъ ежегодно открываются новыя средства, о которыхъ древніе не имѣли понятія“. Алі, слѣдовательно, можно по справедливости считать родоначальникомъ экспериментальной фармакологіи. Въ особенности остроумны его изысканія, по примѣру Нопейна, о способахъ дѣйствія слабительныхъ лекарствъ, приведшія его къ выводу, что они дѣйствуютъ не только притяженіемъ, но также „измѣненіемъ и выдѣленіемъ“ ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, I. IX, с. 8.

²⁾ Тамъ же, с. 39.

³⁾ Тамъ же, I. III, с. 34.

⁴⁾ Тамъ же, I. V, с. 34.

⁵⁾ Алі А б б а s, *Maleki, Pract.*, I. I, сс. 12, 20.

⁶⁾ Тамъ же, I. II, сс. 2, 7, 15. (Ср. Sprengel, II, 398—400).

Terapia Ali мало разнится отъ таковой же Разеса и, вообще говоря, отличается простотой и естественностью. Переменяющуюся лихорадку онъ, подобно своимъ предшественникамъ, лечилъ противовоспалительными и слабительными средствами, при рахъ примѣнялъ лекарства, опорожняющія черную желчь, при оспѣ съ самаго начала—кровопускание или банки, затѣмъ способъ леченія Разеса въ полномъ объемѣ; при чахоткѣ—большою частью сахаръ и молоко; при водянкѣ онъ старался удовлетворять причиннымъ показаніямъ, проколъ же дѣлалъ прямо подъ пупкомъ. При жигающія средства онъ примѣнялъ вездѣ, гдѣ къ пораженнымъ частямъ замѣчается обильный приливъ влаги, а лекарственныя вещества не приносятъ пользы. При hydrocele онъ употребляетъ такъ называемыя *cocturae* (прижиганія?). Камнестѣченіе онъ производилъ по способу Павла Эгинскаго, хирургіи коего онъ вообще придерживается; при заднепроходномъ свищѣ дѣлалъ разрѣзъ только тогда, когда послѣдній проникалъ въ полость прямой кишки¹⁾.

Temimi (Muhammed ben Ahmed ben Saïd Etemimi) въ концѣ X в., внукъ врача Saïd'a, въ Иерусалимѣ (отсюда также его названіе El Mokadessy), по *Kitab el-hokama* жилъ также въ Египтѣ (въ 986 г.). Онъ оставилъ интересное сочиненіе *Madat el Baka* (о продленіи жизни съ помощью *очищенія испорченнаго воздуха* и о предохраненіи отъ вреднаго вліянія чумы²⁾), далѣе трактаты о *теріакѣ*, о *ножномъ воспаленіи* глазъ и *Morched* (о пищѣ и простыхъ лекарствахъ). Это замѣчательный фармакологическій трактатъ, къ сожалѣнію, дошедшій до насъ въ отрывочномъ видѣ (сохранились только главы XI—XIX), отличающійся попыткой къ классификаціи и оригинальностью сообщаемыхъ свѣдѣній.

Гл. XI трактуетъ о видахъ манны, съ прибавленіемъ о сахарныхъ веществахъ вообще, и о видахъ дегтя.

Разные виды манны, по его мнѣнію,—не что иное, какъ роса и испаренія, падающія съ неба и представляющія различныя видоизмѣненія сообразно съ воздухомъ, мѣстомъ, почвой и пространствами, на которыя они падаютъ. Между прочимъ, здѣсь фигурируетъ *wags* (тайнобрачное изъ рода *Lecanora*), рекомендуемое имъ какъ специфическое средство при ночной слѣпотѣ. Еще интереснѣе отдѣлъ о видахъ дегтя, обнимающій разные виды земныхъ смолъ, между коими фигурируетъ одинъ сортъ, собиравшійся (и еще иныя собираемый) въ Магребѣ, подъ названіемъ *bellima*—родъ мастики или амбры, употребляемой женщинами.

¹⁾ Ali, Abbas, *Maleki, Pract.* въ разныхъ мѣстахъ; ср. Sprengel II, 400, 401.

²⁾ Wüstenfeld передаетъ это заглавіе такъ; „Augmentum durationis vitae *restauracione corrupti appetitus* et cautio a poxa pestis“. Leclerc (I, 389) исправляетъ его такъ: вмѣсто „*restauracione corrupti appetitus*“ читать: „*par la purification de l'air corrompu*“, такъ какъ рѣчь идетъ о чумѣ.

Здѣсь же, по поводу дегтя въ Иудеѣ, помѣщена длинная и любопытная статья о *Мертвомъ морѣ* и свойствахъ его воды, обличающая тщательныя и долговременныя наблюденія автора на мѣстѣ.

Гл. XII трактуетъ о различныхъ видахъ „почвы“ и солей; между первыми фигурируетъ *Djudjundum* или *Tabaschir*—родъ бамбуковаго сахара ¹⁾.

По мнѣнію Темини, тростниковый сахаръ, хотя и образуется отъ сгущеннаго сока еще зеленаго бамбука, тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ землянымъ веществамъ. Онъ же опровергаетъ мнѣніе Галена о томъ, что изъ воды Мертваго моря нельзя получить соль. Прибрежныя жители, прибавляетъ онъ, не употребляютъ другой соли, только соль съ восточнаго берега лучше, такъ какъ земля тамъ лучше, а съ противоположнаго берега хуже, такъ какъ здѣсь почва хуже.

Гл. XIII разсматриваетъ металлы, а XIV—камни. Изъ другихъ веществъ въ этомъ сочиненіи интересны статьи о сикоморѣ, ивѣ, розовомъ маслѣ, вонючей ящерицѣ, пивѣ и т. д. ²⁾.

El-Massudi (ум. въ 957 г.) оставилъ сочиненіе *Золотые луга* гдѣ въ особенности обращаетъ на себя вниманіе статья о мускусѣ, воспроизведенная Авиценной и Серапіономъ и отличающаяся полнотой, не оставляющей ничего желать даже и для настоящаго времени. Вообще его сочиненіе содержитъ совокупность почти всѣхъ свѣдѣній арабовъ по древней исторіи Запада ³⁾.

Египетъ въ X вѣкѣ произвелъ только двухъ выдающихся ученыхъ врачей—еврея El-Aizar, лейбъ-медика Моэзъ'a, изобрѣвшаго для послѣдняго сиропъ изъ тамариндовъ и оставившаго *Фармацію*, и El-Bathrik'a (Eutychius, 876—940), александрійскаго патріарха, хотя оставившаго трактатъ о медицинѣ, но болѣе извѣстнаго по своимъ историческимъ („Лѣтописи“, изд. Selden и Roscoe'a) и полемическимъ трактатамъ („Диспутъ“, „Жемчужное ожерелье“) ⁴⁾. Точно также

¹⁾ Leclerc I, 388—390; Sprengel II, 84, гдѣ находимъ историческія данныя о тростниковомъ сахарѣ. Такъ древніе, до крестовыхъ походовъ, не знали другаго сахара, кромѣ сгущеннаго сока бамбуковаго тростника, который греки называли μέλι κάλλινον и ἄλις Ἰνδική, а персы—противолихорадочнымъ сокомъ (potio antipyretica). Первое обстоятельное описаніе *Tabaschir*'а принадлежитъ Garcias ab Orto, *histor. arom.* I, c. 12. Далѣе о немъ писалъ еще Lüdger (diss. de medicamento novantiquo Tebaschir. Gött. 1791). Сарацины первыя стали разводить настоящій сахарный тростникъ въ аравійскихъ владѣніяхъ, Греціи и на островахъ Кипрѣ и Сициліи, откуда онъ былъ перенесенъ на Мадеру, а изъ послѣдней въ западную Индію. Ср. Sprengel, I, c. и его же *Geschichte der geographischen Entdeckungen*, p. 186.

²⁾ Ср. Leclerc, I, 390, 391.

³⁾ Тамъ же, 392.

⁴⁾ Ср. Leclerc, I, 403—405.

Магребъ можетъ похвалиться лишь кратковременнымъ блескомъ по отношенію къ медицинѣ, благодаря тремъ выдающимся врачамъ, изъ коихъ первые два были евреи, а именно: *Ishak ben Amran* и его ученикъ *Ishak ben Soleiman*, бывший въ свою очередь учителемъ третьяго, араба, *Ebn Dschezza'ra*.

Изъ нихъ первый былъ апостоломъ и вмѣстѣ мученикомъ медицины въ Магребѣ, нашедшимъ здѣсь трагическій конецъ за свое усердіе, а послѣдніе два замѣчательны тѣмъ, что доставили среднимъ вѣкамъ богатый матеріалъ для обученія.

Ishak ben Amran (также *Omran*, ум. послѣ 903 г.), изъ Багдада, принадлежитъ собственно главнымъ образомъ IX вѣку, но долженъ быть разсмотрѣнъ здѣсь въ связи съ двумя другими врачами, продолжавшими его дѣло въ Магребѣ. Онъ былъ первый, пересадившій науку на сѣверъ Африки, гдѣ погибъ жертвой грубой жестокости безумнаго принца „по имени *Zyadet Allah ben Aglab*.

Этотъ принцъ проложилъ себѣ путь къ престолу въ 903 г. черезъ трупъ отца, умерщвленнаго, по его наущенію, внуками, которыхъ онъ въ свою очередь велѣлъ распять и затѣмъ той же участи подвергъ 30 своихъ родственниковъ. Такому-то принцу довѣрился *Ishak ben Amran*, принявъ приглашеніе къ его двору въ Кайруанъ (о. Кирена) и положившись на его обѣщаніе отпустить его во всякое время на родину. *Ishak*, понятно, не могъ ужиться съ такимъ принцемъ, а когда онъ пожелалъ вернуться на родину, послѣдній, вмѣсто исполненія даннаго обѣщанія, приказалъ, не смотря на его вѣрную службу, выпустить ему всю кровь изъ венъ, а послѣ смерти распять и трупъ оставить на съѣденіе птицамъ. „Таковъ, говорятъ Леклеркъ, былъ конецъ апостола медицины въ Магребѣ“. Это имѣло мѣсто, вѣроятно, между 903—906 г. по Р. X. (*Haeser*).

Ishak ben Amran оставилъ слѣдующія, до насъ впрочемъ не дошедшія сочиненія, большею частью, вѣроятно, написанныя до прибытія его въ Магребъ:

О простыяхъ медикаментахъ. Письмо къ *Said ben Nufel'*ю о *медикаментахъ, слышущихъ цѣлебными.* Собраніе мѣстъ изъ Гипократа и Галена, гдѣ говорится о винѣ. *Начало и развитіе медицины.* О кровопусканіи. О меланхолин (арабскій текстъ находится въ Мюнхенской библиотекѣ). О водянкѣ. О бѣломъ цвѣтѣ гноя. О мочевыхъ осадкахъ и сѣмени. О пульсѣ. О причинахъ и леченіи колики. О духовномъ наслажденіи. Его разъ 150 цитируетъ *Ebn el Beithar*, между прочимъ, по поводу *schoepanthe* и многихъ индійскихъ лекарственныхъ веществъ¹⁾. Вообще *Ishak ben Amran* слыветъ также однимъ изъ лучшихъ ботаниковъ между арабами (см. выше стр. 176).

Ishac Iudaeus s. *Abu Jakub Ishak ben Soleiman el-Isra'ili* (830—932 или 941)²⁾, родомъ изъ Египта, окулистъ, принявшій приглашеніе къ принцу *Zyadet Allah*, по прибытіи въ Кайруанъ засталъ тамъ *Ishak ben Amran'a*, котораго тотчасъ призналъ своимъ учителемъ. Впослѣдствіи онъ жилъ въ Мавританіи и затѣмъ опять въ Кайруанѣ, при фатимидѣ *Abu Muhammed el Mohdi*.

¹⁾ Ср. *Leclerc* I, 407—409. ²⁾ По *Leclerc'y* (I, 411) онъ былъ еще живъ въ 953 г.

Въ *Morched Темими* (см. выше) сохранился рассказ о томъ, какъ Ishak на вопросъ Mohdi, что такое Djuzdjundum, разсмѣялся, услышавъ отъ послѣдняго опредѣленіе врача Zeyad'a, что это индійское снадобье, и объяснилъ, что это земля изъ Барка. Къ этому Темими прибавляетъ: „земля Барка есть земля Андалузіи, изъ которой испанцы въ теченіе одного дня приготавливаютъ вино, которымъ напиваются до пьяна. Ishak говоритъ объ этой землѣ въ своей кн. *De diaetis* въ статьѣ о винѣ“. Leclerc однако полагаетъ, что Djuzdjundum есть родъ лишая (*Lecanora*)¹⁾.

Ishak прожилъ свою долгую жизнь холостякомъ и на вопросъ, почему онъ не желаетъ имѣть потомства, отвѣтилъ: „я оставляю мой трактатъ о лихорадкѣ“. Leclerc приводитъ по Осейбіи слѣдующія сочиненія Ishak'a:

1) *Трактатъ о лихорадкахъ*. О немъ Осейбія отзывается такъ: „Трактатъ о лихорадкахъ—сочиненіе, не уступающее ни одному изъ написанныхъ объ этомъ предметѣ сочиненій. Я собственными глазами видѣлъ [читалъ] слѣдующее удостовѣреніе, написанное собственноручно Ali ben Rhoduan'омъ: „я, Ali ben Rhoduan, объявляю, что это весьма полезная книга и сочиненіе человѣка съ рѣдкими заслугами. Я испыталъ въ практикѣ большую часть предписаній, находящихся въ этой книгѣ, и ничего не нашелъ нужнымъ къ нимъ прибавлять“.

2) *Трактатъ о простыхъ медикаментахъ и пищѣ*. 3) *Трактатъ о мочѣ*. 4) *Трактатъ объ элементахъ*. 5) *Трактатъ объ опредѣленіяхъ и формулахъ*. 6) *Садъ философіи*, гдѣ обсуждаются также вопросы теологін. 7) *Введеніе въ логику*. 8) *О пульсѣ*. 9) *О теріакѣ*. 10) *О философіи*.

На арабскомъ языкѣ до насъ дошло мало текстовъ: такъ книга *О мочѣ* находится въ Оксфордѣ, *О лихорадкахъ*—въ Лейденѣ, *О пищѣ*—въ Мюнхенѣ, каковыя три сочиненія вмѣстѣ съ трактатомъ объ элементахъ и пропущеннымъ Осейбіей трактатомъ *О водянкѣ* находятся въ Парижѣ въ еврейскомъ переводѣ, не говоря о многихъ другихъ еврейскихъ рукописяхъ, находящихся въ разныхъ коллекціяхъ²⁾.

Въ латинскомъ переводѣ сочиненія Исаака Иудея появились въ объединенномъ изданіи подъ заглавіемъ:

Omnia opera Ysaac Ysraelitae Solvmanis, Arabiae regis filii adoptiv; Liber de definitionibus. Liber de elementis. Liber *diaetarum universalium et patricularium*. De urinis. De febris. Pantechni libri decem theorices et decem practices. Viaticum Isaac quod Constantinus monachus montis Cassimensis sibi attribuit [vindica vit, Leclerc].

Изданіи: Isaaci Judaei *Opera*. Lugd. 1515, 1525.

De diaetis particularibus. Pad. 1487, Basil. 1570—единственное, появившееся въ печати сочиненіе изъ арабской литературы о діететикѣ; по евр. „Sepher ha-messaadim“.

De febris было переведено уже Константиномъ Африканскимъ; позднѣйшій переводъ напечатанъ въ *Collectio de febris*, Venet. 1576 г.³⁾

Что касается *Pantechni* Исаак'a, то еще не рѣшено, есть ли это извлеченіе изъ *El-Maleki* Али Абба'а, или наоборотъ—*Pantechni* легло въ основаніе послѣдняго⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, I, 410.

²⁾ Ср. Leclerc, I, 411, 412.

³⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, 347—349.

⁴⁾ Thierfelder, Beweis, dass das Almaleki des Ali ben Abbas und das Pantechnum des Ishak ben Soleiman identisch und letzterer der wahre Verfasser der Werke sei. Ср. *Ianus Henschel'a*, Breslau, 1846, I, 685.

Изъ упомянутыхъ сочиненій самое выдающееся—*De diaetis*, гдѣ по элементарнымъ качествамъ Ishak опредѣляетъ не только различные сорта мяса, но также—отдѣльныхъ членовъ и внутренностей. Интересно, что с в и н и у онъ хвалитъ какъ здоровую пищу, а рыбу Тирренскаго моря считаетъ нездоровой, вслѣдствіе нечистоты его воды. Наконецъ онъ первый преподаетъ правила для печенія хлѣба на основаніи физическихъ законовъ¹⁾.

Въ новѣйшее время Soave изъ Ceneda открылъ и издалъ въ италіанскомъ переводѣ еврейскую рукопись, приписываемую Исааку-Иудею, подъ заглавіемъ *Путеводитель врачей* (*Viaticum?*), содержащій правила медицинской этики, откуда приводимъ здѣсь (по Haeser'у) нѣсколько обращеній:

„Подобно приступающему къ сверленію жемчуга, врачъ долженъ браться за дѣло съ величайшею осторожностію, дабы излишней поспѣшностію не разрушить вѣреннаго ему сокровища“. „Самая главная задача врача—предупреждать болѣзни“. „Если болѣзнь можетъ быть излечена одинаково и пищевыми и лекарственными средствами, то всегда выбирай первый“. „Старайся примѣнять заразъ одно только лекарство“. „Не пренебрегай до сихъ поръ неизвѣстными тебѣ лекарствами“. „Врачъ долженъ во всѣхъ отношеніяхъ быть образцомъ умѣренности“. „Никогда не отзывайся дурно о другихъ врачахъ“. „Пусть говорятъ за тебя твои дѣла, но не твой языкъ“. „Первое посѣщеніе больного должно всегда имѣть мѣсто во время ожесточенія болѣзни. Въ то же время условливайся о гонорарѣ: когда больной выздоровѣетъ, онъ все забудетъ“. „Гонорара потребуй какъ можно больше; за даровныя услуги тебѣ никто не будетъ благодаренъ“²⁾.

Ebn Eddschezzar (т. е. сынъ мясника) Abu Dschafar Ahmed ben Ibrahim ben Ali ben Abi Khaled (иначе Algizar, Algezirah) род. въ Кайруанѣ въ началѣ X в., ум. около 1009 г., ученикъ Ishak ben Soleiman'a el Israili. По независимости характера онъ не пожелалъ служить при дворѣ подобно своимъ предшественникамъ, а предался всецѣло изученію медицины и вольной практикѣ. Онъ оставилъ цѣлую коллекцію медицинскихъ сочиненій („вѣсомъ въ 25 центнеровъ“). Самое знаменитое изъ нихъ—приведенное выше (стр. 149):

Zad el Mossafir („запасъ въ дорогу“), переведенное монахомъ Константиномъ Африканскимъ, подъ заглавіемъ *Viaticum*, которое онъ выдавалъ за собственное сочиненіе; позднѣе оно было переведено на греческій языкъ подъ заглавіемъ *Ephodes*. Изъ другихъ его сочиненій Lesclerc по Casiri приводитъ слѣдующія:

¹⁾ Ср. Sprengel, II, 424, 425.

²⁾ Soave изъ Ceneda въ Giornale Veneto di scienze mediche 1861, гдѣ цитируетъ еврейскую библиографію Sabteo, Amsterd., 1680. Въ настоящее время еврейская рукопись составляетъ собственность Steinschneider'a въ Берлинѣ. Ср. Haeser, I, 574

Itimad—о простыхъ медикаментахъ, *Bugia*—о сложныхъ медикаментахъ, далѣе О средствахъ къ продленію жизни, историческое сочиненіе подъ заглавіемъ: „*Искусство провѣрять даты*“. О душѣ, по воззрѣніямъ различныхъ древнихъ писателей. О желудкѣ, его болѣзняхъ и ихъ леченіи. О медицинѣ бѣдныхъ. О замѣняющихъ средствахъ (*Succedanea*). О болѣзняхъ, происходящихъ отъ одинаковыхъ причинъ и обнаруживающихся различными припадками. Объ опасности кровопусканій безъ надобности. О насморкѣ и его леченіи. О снѣ и бодрствованіи. Наблюденія или опыты въ области медицины (имѣется въ Константинополѣ). О туберкулезной проказѣ, ея причинахъ и леченіи. Книга о качествахъ. Книга о новостяхъ (въ медицинѣ?). О причинахъ чумы въ Египтѣ, предохраненіи отъ нея и леченіи. Письма къ нѣкоторымъ братьямъ о презрѣннй смерти. О болѣзняхъ прямой кишки. О воспитаніи или правилахъ поведенія. О лихорадкахъ. О сохраненіи здоровья. Наконецъ *Исторія династій*, гдѣ *Ebn Eddaschezzag* рассказываетъ о появленіи *Mohdi* въ Магрибѣ¹⁾.

Dunasch ben Temim, извѣстенъ также подъ именемъ *Abu Sahel Adonim*, еврей въ Кайруанѣ изъ семьи, вышедшей изъ Багдада, род. въ Нагган'ѣ въ X в., былъ ученикомъ и другомъ *Ishak ben Soleiman'a*, съ которымъ его смѣшивали, такъ какъ оба писали комментаріи на книгу *Iezirah*. Онъ (одинъ изъ первыхъ) занимался еврейской грамматикой, а также математикой, философіей и медициной, между прочимъ, согласно *Ebn el Beithar'u*, писалъ о *простыхъ медикаментахъ*, въ томъ числѣ о генціанѣ, имбирѣ и розѣ²⁾.

Въ Испанію, не подлежитъ сомнѣнію, медицина была занесена съ Востока, отчасти еще въ IX в., въ особенности же въ X в. при Абдеррахманѣ III *Ebnassr'ѣ*, который былъ друженъ со многими христіанскими государями, въ томъ числѣ съ германскимъ императоромъ, Оттономъ Великимъ, и византійскимъ, Романомъ, приславшимъ, какъ сказано выше, калифу по экземпляру *Орозія* и *Діоскорида* (съ прекрасными исполненными рисунками), равно какъ и монаха *Николая* для переводовъ (прибылъ въ Испанію въ 951 г.). О дружбѣ и сотрудничествѣ съ послѣднимъ въ переводахъ еврея *Chasdaiben Scharput* также уже сказано выше, но, кромѣ того, въ Кордовѣ въ то время были еще врачи, между прочимъ *Abu Dschezzag*, *Abu Abdallah Sakali* (говорившій по гречески) и другіе, содѣйствовавшіе разъясненію значенія названій поименованныхъ у *Діоскорида* средствъ. Наконецъ отмѣтимъ здѣсь сооруженіе Абдеррахманомъ своей резиденціи *Ezzahga*, названной такъ въ честь его возлюбленной *Zahga*, откуда и знаменитый *Abulcasis* получилъ названіе *Alzaharavi*. Преемникъ Абдеррахмана *eI Hakem* былъ достойнымъ продолжателемъ дѣла своего отца. Онъ повсюду разсылалъ эмиссаровъ собирать книги, содержалъ копистовъ и переписчиковъ и основалъ въ Испаніи библиотеки, не имѣвшія себѣ равныхъ ни до, ни послѣ него. Изъ врачей въ это время самыми знаменитыми были *Abulcasis* и *Эбнъ Джолджоль*. Изъ другихъ ученыхъ обращаетъ на себя вниманіе *Moslema* въ Мадридѣ при калифѣ *eI Hakem'ѣ*, способствовавшій развитію математики, астрономіи и алхиміи и образовавшій множество знаменитыхъ учениковъ, въ томъ числѣ *Герберга*. То былъ вѣкъ процвѣтанія *матема-*

¹⁾ Ср. *Leclerc I*, 415.

²⁾ Ср. *Munk* въ *Journal Asiatique* 1850 г. и *Leclerc I*, 416.

тики (el Batany, Abul Wefa, Abderrahman Essufi, Ebn Junis), астрономии (Beni Amadschur), географии (ebn Naukal, Istakary, Abu Zeid) и помпграфии (Massudy, Mohammed ben Ishak, авторъ *Fihrist'a*)¹⁾.

Изъ множества врачей, приводимыхъ здѣсь Leclerc'омъ, заслуживаютъ вниманія:

Ebn Dscholdschol, Abu Daud Soleiman ben Hassan, лейбъ-медикъ калифа Hischam'a II [Mowajjidbillah, 976—1013]. Благодаря сношеніямъ его съ вышеупомянутымъ монахомъ Николаемъ, онъ обнаружилъ въ 982 г. въ Кордовѣ сочиненіе: „Объясненіе названій простыхъ лекарственныхъ веществъ, приводимыхъ Diosкоридомъ“, каковое сочиненіе прежде ошибочно считалось переводомъ Diosкорида. Вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ другое сочиненіе „О лекарственныхъ веществахъ, неизвѣстныхъ Diosкориду“, воспроизведенное Dietz'емъ въ его работѣ объ Ebn Beithar'ѣ. Далѣе онъ оставилъ трактатъ „О теріакѣ“, „Объ ошибкахъ нѣкоторыхъ врачей“ и наконецъ „Исторію нѣкоторыхъ врачей и философовъ, жившихъ въ царствованіе Mowajjidbillah“. Изъ сказаннаго видно, что Эбнъ Джолджоль былъ одинъ изъ первыхъ и старѣйшихъ фармакологовъ въ Испаніи²⁾.

Arib ben Saïd El Kateb (по Casiri—Abul Hassan G a r i b) въ царствованіе Мостансера, изъ Кордовы, оставилъ единственный объ этомъ предметѣ въ арабской литературѣ *Tractatus de foetus generatione ac puerperarum infantiumque regimine*, въ 15 главахъ (не напечатанъ).

Это полный трактатъ объ акушерствѣ, гинекологіи и дѣтскихъ болѣзняхъ, составленный по Гипократу, Галену, Аристотелю и Архигену. Въ первыхъ пяти главахъ разсматриваются сѣмя, половые органы и происхожденіе половъ; въ гл. VI—беременность и ея продолжительность, причемъ приведено баснословное мнѣніе нѣкоторыхъ арабовъ о 2—и даже 4-лѣтней продолжительности беременности! Въ гл. VII разсматривается діететика беременныхъ; въ гл. VIII—акушерство; въ гл. IX—кормленіе; въ гл. X—прорѣзываніе зубовъ, въ остальныхъ—дѣтская гигиѣна, смотря по возрасту, вплоть до 15 лѣтъ. Между прочимъ онъ разсматриваетъ здѣсь причины дистокіи (по Павлу Эгинскому, котораго однако не называетъ), неправильныя положенія и т. д. По поводу выбора кормилицы онъ приводитъ преданіе Магомета о фактѣ безвреднаго кормленія беременными женщинами у грековъ и персовъ. Въ отдѣлѣ о дѣтскихъ болѣзняхъ онъ, между прочимъ, говоритъ и объ оспѣ, а по поводу воспитанія дѣтей—о рѣчи, хожденіи, о брѣзаніи (отъ 8—10 л.), причемъ самымъ лучшимъ способомъ считаетъ перерѣзываніе крайней плоти бритвой, послѣ предварительнаго наложенія лигатуры. Въ послѣдней главѣ приводятся примѣры 10-лѣтней матери и 12-лѣтняго отца.

Кромѣ того Арибъ оставилъ трактатъ объ *интратрихѣ* и *Кордовскій календарь* подъ названіемъ *Kitab-el-Ania*, посвященный Мастансеру³⁾.

Самой крупной фигурой въ X в. въ Испаніи является безспорно

¹⁾ Ср. Leclerc, I, 335.

²⁾ Ср. Haeser, I, 576 и Leclerc, I, 431. ³⁾ Тамъ же, 432--436.

Abulcasis s. **Albucasis**, также **Abul Cassem Chalaf ben Abbas el Zahrevius** s. **Alzaharavius**, род. въ **Zahra** близъ Кордовы, отсюда и его названіе. Годъ рожденія его неизвѣстенъ; ум. около 1013 г., 101 г. отъ роду (**Leo Africanus**)¹⁾. Въ исторіи медицины **Abulcasis** извѣстенъ какъ наивысшій и единственный представитель *хирургіи* у арабовъ и какъ авторъ сочиненія, обнимающаго всю медицину, подъ заглавіемъ:

Ettesarif или *Altasrif limen'adja'an ettalif* (*Concessio ei data, qui componere haud valet*, по **Wüstenfeld'y** и **Fluegel'ю**).

Вообще на счетъ значенія этого заглавія существуютъ разногласія, въ особенности по поводу слова **Tesarif**, такъ оди (**Pétis de la Croix**, **Samoly**) передаютъ его словомъ *praxis*, другіе, напр. **Schem Tob**—еврейскимъ словомъ „*Shimusch*“, соответствующимъ латинскому *servitor*, согласно чему смыслъ заглавія слѣдующій: *Книга манипуляцій для тѣхъ, кто не умѣетъ составлять лекарствъ или рецептовъ*.

Channing, издавшій хирургическій отдѣлъ и переписывавшійся по поводу **Abulcasis'a** съ **Casiri**, передаетъ заглавіе такъ: „*Collectio in illius usum, cui desunt aliae compositioes*“. **Leclerc**, наконецъ, принимая въ соображеніе, что **Tesarif** есть не только рецептурная книга, но вообще настоящая медицинская энциклопедія, передаетъ заглавіе такъ: „*La Pratique (ou bien Présent), à qui ne peut recueillir (une collection médicale complète*“²⁾.

Полное собраніе книгъ *Tesarifa* **Abulcasis'a** было несомнѣнно весьма рано, неизвѣстно кѣмъ, переведено на латинскій языкъ подъ именемъ **Alzaharavius** или **Açaravius**, и раздѣлено на 30 книгъ или 2 части, изъ коихъ каждая состояла изъ 15 книгъ. Только этотъ переводъ, какъ и оригиналъ, не дошли до насъ въ цѣльномъ видѣ, а подобно послѣднему былъ, такъ сказать, расчлененъ на отдѣльныя составныя части, которыя и до сихъ поръ остаются разрозненными. Такъ, раньше всего, отъ цѣльнаго сочиненія были отдѣлены и особо переписаны книги, относящіяся къ *хирургіи* (въ переводѣ **Gerardus'a** изъ **Кремона** въ XII в.), потомъ тоже самое случилось съ книгами, посвященными *терапевтикѣ*, по поводу которой средневѣковые авторы отсылаютъ не къ полному сочиненію **Alzaharavius'a**, а къ его *Antidotarius*. Слѣдствіемъ этого расчлененія, которое вѣроятно послѣдовало въ XIV в., было то, что историческая критика до настоящаго времени ограничивалась только изслѣдованіемъ во-

¹⁾ Ср. **Leclerc**, I, 439. Другіе авторы, какъ **Casiri**, опредѣляютъ годъ его смерти въ 1122 г., слѣдовательно слишкомъ на столѣтіе поздне. **Freind** (II, 60) говоритъ, что согласно общепринятому мнѣнію **Abulcasis** жилъ еще въ 1085 г. Излишне прибавить, что мнѣніе **Leclerc'a**, какъ основанное на болѣе достоверныхъ историческихъ изысканіяхъ, ближе къ истинѣ.

²⁾ **Leclerc**, I, 441.

проса объ идентичности автора черезъ сравненіе его „*Хирургіи*“ съ его „*Теоріей и Практикой*“, не восходя однако къ полному собранію книгъ Abulcasis'a, котораго онѣ составляютъ лишь отдѣльные отрывки.

Такъ Gu y de Chauliac, жившій въ томъ же XIV вѣкѣ, уже возбуждалъ вопросъ о тождественности Abulcasis'a и Aсaravius'a и отсылалъ къ Antidotarius'у, изъ котораго приводитъ XXI и XXIII книги. Въ XV вѣкѣ итальянскій врачъ Ferrarі, онъ же Mathiae de Gradibus, отсылаетъ къ XXVI кн.¹⁾, а другой также итальянскій врачъ, Santes de Ardoynis de Pesago, въ своемъ трактатѣ о ядахъ²⁾ то и дѣло цитируетъ Abulcasis'a, повидимому придавая слову Aazaravius значение скорѣе заглавія, чѣмъ названія автора, такъ онъ пишетъ: „*Abulcasis in secunda particula Azaravii... Abulcasis in septima particula Azaravii*“ и т. д. Изъ этихъ цитатъ Leclerc приходитъ къ заключенію, что у Santes'a имѣлся подъ рукой весь *Tesrif*, въ полномъ составѣ. Далѣе *Tesrif* часто цитируется подъ названіемъ „*Antidotarius*“. Такъ напр. въ 1609 г. Schenck въ своей *Biblia iatrica* говоритъ: „Ejusdem Alzaharavii *Antidotarius*... et sectionibus 23 exstat“. Эти 23 книги, повидимому, относятся къ сложнымъ медикаментамъ, которые разсматриваются въ книгахъ III--XXV, т. е. какъ разъ въ 23 книгахъ. Кромѣ того Leclerc нашелъ въ парижской національной библиотекѣ разные отрывки *Tesrif*'а въ переводѣ на еврейскій языкъ (конечно въ рукописи), а именно: книги I и II, а также кн. XVIII—XXX, слѣдовательно не достаетъ книгъ III—XVII включительно: Счастливіе въ этомъ отношеніи *Bodleiana*, въ которой имѣется въ еврейскомъ переводѣ *весь Tesrif* подъ №№ 414 и 415³⁾.

По Haeser'у, хирургическое сочиненіе Abulcasis'a существуетъ во множествѣ арабскихъ и еврейскихъ рукописей, а именно: въ оксфордскомъ университетѣ есть двѣ арабскія рукописи съ интересными рисунками хирургическихъ инструментовъ; въ Берлинѣ—одна арабская рукопись; въ Парижѣ, въ Ринелъевской библиотекѣ—одна изъ прекраснѣйшихъ арабскихъ рукописей, которой пользовался и Leclerc при своемъ переводѣ (см. ниже). Затѣмъ въ *Bodleiana* имѣются три еврейскія рукописи, въ Мюнхенѣ—рукописный еврейскій переводъ Schemtob ben Ishaс'a (въ XIII в.) изъ Марсели, наконецъ въ медицинскомъ факультетѣ въ Montpellier имѣется романскій переводъ XIV ст.⁴⁾ Изъ сказаннаго видно, что полного собранія *Tesrif*'а не имѣется, за исключеніемъ еврейской рукописи въ *Bodleian*'а (№№ 414 и 415).

Изданія: Изъ отдѣльныхъ частей *Tesrif*'а изданы:

1) *Liber Theoricae nec non practicae Alzaharavii, quae vulgo Aazaravius dicitur*. Aug. Vind., 1490 (по Haller'у) и 1579. Переводъ неизвѣстно чей, во всякомъ случаѣ плохой. Многія техническія выраженія просто списаны съ арабскаго и не переданы по-латыни.

2) *Liber servitoris, Liber XXVIII Bulchasi Benaberaçerin, translatus a Simoejanuèse, interprete Abraa judeo tortuosiesi*, Venet, 1471 и 1520

1) „Azaravius in particula XXVI, Abulcasis in XXVI particula Azaravii“ (Ferrari, *Consilia secundum vias Avicennae*, Lugd. 1535).

2) Santes, *Liber de venenis*, Venet, 1492.

3) Ср. Leclerc, I, 442—446.

4) Ср. Haeser, I, 579.

(также въ *Mesue Opera*) и Strassburg, 1532. Этотъ переводъ сдѣланъ въ XIII столѣтїи евреемъ Абрагамомъ и ученимъ Simon'омъ изъ Генуи.

Liber XXX в. *Chirurgia*. Латинскіе переводы:

Gerardus'a изъ Кремоны (въ XII в.) подъ заглавіемъ: *Liber Açaragui de Chirurgia Tractatus III* (Toledo?) 1187.

Guy de Chauliac, *Cyurgia*, Venet. 1497.

Abulcasis manualis medicina (какъ прибавленіе къ *Octavianus Horatianus* Neuenahr'a). Argent. Schott. 1532. Впереди заглавія имѣются два рисунка, вырѣзанные на деревѣ: 1) фигура мужчины, унизаннаго стрѣлами, дротиками и т. д., для нагляднаго изображенія различныхъ раненій; 2) изображеніе способовъ примѣненія раскаленнаго желѣза на бедра.

Abulcasis Methodus medendi, cum instrumentis ad omnes fere morbos depictis. (Напечатано вмѣстѣ съ *Chyurgia* Roland'a изъ Пармы, Roger'a, Constantinus afer и Gazius'a) Basil. 1541.

Argentorati, 1544, по переводу Gerardus'a изъ Кремоны. Самое лучшее:

Арабско-латинское — *Abulcasis de Chirurgia, arabice et latine, cura Johannes Channing, Oxonii, 1778*, по оксфордскимъ рукописямъ.

Французскій переводъ: *Abulcasis, Chirurgia; trad. par Lucien Leclerc, précédée d'une introduction, avec planches. Paris. 1861*, по арабскимъ рукописямъ въ Парижѣ и по изданію Channing'a, съ многочисленными исправленіями арабскаго текста. Самъ Leclerc, въ своей *Histoire de la médecine arabe* (1, 457), принимая во вниманіе сдѣланныя имъ послѣ того изысканія, признаетъ эту работу, выполненную имъ въ Алжирѣ, несовершенной.

Нѣкологическіе отрывки напечатаны въ Casp. W o l p h, Collect. Gynaecior. Basil. 1566, и Argent. 1597¹⁾. Остальныя книги до сихъ поръ сохранились только въ рукописяхъ.

На основаніи разбросанныхъ тамъ и сямъ у Леклерка замѣчаній по поводу отдѣльныхъ книгъ *Тесрифа*, мы съ своей стороны нашли возможнымъ составить и привести по порядку связный перечень ихъ съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія, которое представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Книги I и II или *Liber Theoricae nec non Practicae* (также *Divisio morborum*). Изъ нихъ кн. I содержитъ общіе вопросы медицины и составляетъ нѣчто въ родѣ *введенія въ медицину*, а кн. II разсматриваетъ отдѣльныя болѣзни а capite ad calcem. Входитъ здѣсь въ подробности не представляется надобности, такъ какъ въ основаніе своего изложенія *Abulcasis* положилъ *Continens* Разеса. Здѣсь прибавимъ только, что въ этой книгѣ II, излагающей *частную патологию и терапію* по порядку, начиная съ головы и до ногъ, *Абулеазисъ* въ послѣднихъ главахъ (26—32) отстунаетъ отъ этого правила и излагаетъ *диэте-*

¹⁾ Cp. Choulant Bücherkunde, 372—375, Haeser, I, 579 и Leclerc, I, 448—454.

тику дѣтскаго и старческаго возрастовъ, подагру, ревматизмъ, нарывы, раненія, яды, наружныя болѣзни (болѣзни кожи) и лихорадку. Кромѣ того въ 21 гл. „Практики“ имѣется указаніе, относящееся къ хирургіи, а именно къ раздробленію камней въ мочевомъ пузырьѣ (литотрипсія)¹⁾, о чемъ рѣчь впереди.

Книга III—XXV занимаются сложными медикаментами, чѣмъ объясняется то обстоятельство, что *Tesrif* часто цитируется подъ именемъ „*Antidotarius*“ или „*Antidotarius magnus*“, а также замѣчаніе Hadschi Kalfa, что „большую часть *Tesrif*'а занимаютъ сложные медикаменты“²⁾.

Книга XXVI рассматриваетъ *игіену и діететику* въ здоровомъ состояніи и въ различныхъ болѣзняхъ.

Книга XXVII излагаетъ простые медикаменты и пищевыя вещества въ алфавитномъ порядкѣ³⁾.

Книга XXVIII s. *Liber servitoris* излагаетъ *способы приготовленія простыхъ* лекарственныхъ веществъ, которыя авторъ раздѣляетъ на три класса, смотря по ихъ происхожденію изъ минеральнаго, растительнаго или животнаго царствъ.

Вообще — это самая оригинальная книга Abulcasis'а, изобилующая множествомъ любопытныхъ данныхъ, относящихся не только къ исторіи *Materiae medicae*, но и къ исторіи *химіи* и нѣкоторыхъ искусствъ. Между прочимъ, авторъ посвящаетъ тутъ много мѣста способу приготовленія кирпичнаго масла, а также говоритъ о „*modus faciendi sigillum quo sigillantur trochisci*“, т. е. о „печати окулистовъ“ (?)⁴⁾. Въ одной парижской рукописи XXVIII книги Leclerc, въ рубрицѣ *formae colandi potiones et decoctiones*, нашелъ изображенія фильтръ, которыхъ не встрѣчалъ въ печатныхъ изданіяхъ.

Къ сказанному необходимо прибавить, что Abulcasis не ограничивается описаніемъ способовъ приготовленія простыхъ лекарственныхъ веществъ, но излагаетъ также способы, какъ ихъ сохранять, причемъ указываетъ на воспринимающія вещества, пригодныя для каждаго изъ нихъ порошкѣ. Интересно начало этой книги, изъ котораго видно, почему она получила названіе *Liber servitoris*:

„Dixit aggregator hujus operis. Postquam ego collegi librum hunc magnum in medicinis compositis, qui est Liber magni jувamenti, quem nominavi Librum servitoris, et complevi libros suas omnes secundum voluntatem meam, inveni in multis medicinis compositis libri hujus medicinas multas simplices quae indigent preparatione... Previdi igitur aggregare omne, quod est necessarium in hoc“ etc.

Отсюда видно назначеніе этой книги — *служить руководствомъ для приготовленія простыхъ лекарствъ*, что одинъ еврейскій переводчикъ, Schemtob, передалъ словомъ „*Schimusch*“, соответствующимъ латинскому *Servitor*, тогда какъ другой еврейскій переводчикъ, Meschulam, оставилъ названіе *Tesrif*⁵⁾.

¹⁾ Ср. Leclerc, I, 448, 449. ²⁾ Тамъ же, 444. ³⁾ Тамъ же, 446, 447.

⁴⁾ У Лекерка: (I, 452): „*sachets des oculistes*“.

⁵⁾ Ср. Leclerc, I, 450—453.

Книга XXIX занимается синонимами лекарственныхъ веществъ, суррогатами (succedanea) и медицинскими вѣсомъ и мѣрой¹⁾.

Книга XXX или *Chirurgia*, изъ всѣхъ сочиненій Abulcasis'a—самая знаменитая и наиболѣе способствовавшая его популярности и вмѣстѣ имѣвшая наиболѣе важное значеніе въ исторіи медицины. Переводы этой книги, латинскій—Герарда Кремонскаго въ Толедо въ XII в. и еврейскій—Schemto b'a изъ Марсели въ XIII в., весьма много содѣйствовали прогрессу хирургіи въ средніе вѣка. Каково было положеніе хирургіи во Франціи, видно изъ приведеннаго Leclerc'омъ отзыва о французскихъ хирургахъ Lanfranc'a, прибывшаго во Францію въ 1290 г.:

„Французскіе хирурги почти всѣ были идиоты и едва знали родной языкъ, всѣ—непосвященные въ медицину, настоящіе ремесленники и до того невѣжественны, что едва ли находились между ними хоть одинъ рациональный хирургъ“²⁾.

Но это плачевное положеніе хирургіи сразу измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ италіанскій врачъ салернской школы, Roger изъ Пармы, привезъ съ собою въ Парижъ это сочиненіе Abulcasis'a, которое и разсмотримъ теперь подробнѣе.

Хирургія Абулнзиса раздѣляется на три части: первая занимается прижиганіями; вторая—оперативной хирургіей съ помощью рѣжущихъ инструментовъ, третья—вывыхами и переломами. Особенно оригинальную черту этой книги составляетъ введеніе неупотреблявшихся до сихъ поръ *изображеній инструментовъ* съ боку текста. Число этихъ фигуръ простирается отъ 150 до 200.

Хирургія Abulcasis'a составлена отчасти по кн. VI Павла Эгинскаго, причемъ онъ, по привычкѣ арабовъ, даже не упоминаетъ имени послѣдняго, отчасти же на основаніи собственныхъ наблюденій, отличающихъ полное знакомство автора съ предметомъ. Здѣсь на каждомъ шагу слышывается выдающійся практикъ: весьма часто рядомъ съ какимъ нибудь правиломъ Abulcasis сообщаетъ подходящее наблюденіе изъ своей практики, что болѣе всего замѣтно во главѣ объ извлеченіи стрѣлъ. Въ особенности заслуживаетъ вниманія предъявленное въ началѣ книги къ каждому хирургу требованіе основательнаго знакомства съ *анатоміей*, безъ чего онъ не совѣтуетъ браться за какія бы то ни было, а тѣмъ менѣе отважиться на трудныя операціи. Въ подтвержденіе этихъ совѣтовъ онъ приводитъ случаи, гдѣ отъ незнанія анатоміи въ практикѣ непривычныхъ хирурговъ встрѣчались смертельныя кровотеченія, вырваніе цѣлыхъ кусковъ мочеваго пузыря и т. д.

¹⁾ Тамъ же, 448.

²⁾ „Les chirurgiens français étaient presque tous idiots, sachant à peine leur langue, tous laïques, vrais manoeuvres et si ignorants, qu'à peine trouvait-on parmi eux un chirurgien rationnel“. Ср. Leclerc I, 454.

Въ первой книгѣ (*О прижиганіяхъ*) Abulcasis вполне самостоятеленъ. Нѣтъ почти ни одного мѣстнаго пораженія, даже самаго незначительнаго, противъ котораго онъ не примѣнялъ бы раскаленнаго желѣза.

Freind¹⁾ вычислилъ, что онъ съ успѣхомъ примѣнялъ это средство въ 50 болѣзняхъ. Абулказисъ, понятно, и здѣсь требуетъ точнаго знанія анатоміи, въ особенности топографіи нервовъ, сухожилій, венъ и артерій²⁾. Такъ онъ сообщаетъ исторію больного сѣдалищною невралгіей (ischias), погибшаго оттого, что ему выжгли сухожилія „шейки“ стопы³⁾. Прижиганія употреблялись Абулказисомъ при tic douloureux, слезотеченіи, въ вывихахъ отъ внутреннихъ причинъ, проказѣ, при которой онъ отмѣчаетъ притупленіе чувствительности („ob stuporem aegroti“); далѣе при нарывахъ печени, емпруета, грыжахъ, скиррѣ (въ окружности), также при кашлѣ, слабости голоса, зловоніи изъ носа. При этомъ онъ для каждаго страданія рекомендуетъ особой формы инструменты изъ желѣза (а не изъ золота или серебра), часто весьма малой величины, на подобіе нынѣшнихъ глазныхъ инструментовъ. Самое блестящее мѣсто въ этомъ отдѣлѣ составляетъ глава о примѣненіи раскаленнаго желѣза при сох агтросасе и spondylarthrosасе, причѣмъ инструментъ, примѣняемый имъ для прижиганія въ области тазобедреннаго сустава, онъ самъ называетъ „ужаснымъ“⁴⁾. Наконецъ прижиганія служили у него могущественнымъ средствомъ при артеріальномъ кровотеченіи, которое впрочемъ останавливалось 4 способами, каковы: 1) раскаленное желѣзо, 2) вяжущія средства и холодъ, 3) полное перерѣзываніе поврежденной артеріи и 4) перевязка артеріи (продольный разрѣзъ кожи надъ артеріей, вскрытіе ея влагалища и затѣмъ перевязка приподнятой крючкомъ артеріи двойной лигатурой)⁵⁾.

Во второй книгѣ Abulcasis подробно излагаетъ кровавыя операціи, коихъ Freind насчиталъ до 97. Введеніе къ этой части начинается напоминаніемъ о томъ, что кровавыя операціи всегда слѣдуетъ предпринимать только ради спасенія больнаго, но не изъ личныхъ расчетовъ на вознагражденіе. Далѣе онъ говоритъ, что эта отрасль хирургіи требуетъ гораздо большей осторожности, чѣмъ прижиганія, по причинѣ угрожающаго здѣсь кровотеченія, ибо „кровь—сама жизнь“⁶⁾.

Онъ начинаетъ съ прокола при головной водянкѣ у дѣтей, отъ каковой операціи онъ впрочемъ никогда не видѣлъ успѣха.

Самый способъ операціи онъ излагаетъ согласно съ Павломъ Эгинскимъ, причѣмъ прибавляетъ, что „малѣйшій уколъ твердой мозговой оболочки часто влечетъ за собою воспаленіе, лихорадку, бредъ и наконецъ смерть“, почему, по его мнѣнію, ни одинъ человѣкъ „со здравымъ смысломъ“ не станетъ предпринимать подобной операціи, въ особенности, когда жидкость заключается не только между твердой и мягкой мозговыми оболочками, но и въ самомъ существѣ мозга⁷⁾. По той же причинѣ онъ совѣтуетъ величайшую осторожность при трепанациі⁸⁾, по поводу коей уже Freind замѣчаетъ, что со

¹⁾ Freind, l. c. II, 70.

²⁾ Abulcasis, *Chirurgia*, ed. Channing, l. I, s. 49.

³⁾ Вѣроятно Ахиллово. Тамъ же, s. 42. ⁴⁾ Тамъ же, s. 40, 41.

⁵⁾ Тамъ же, s. 56. (Ср. Sprengel, II, 432 и Haeser, I, 580.

⁶⁾ Freind, II, 71.

⁷⁾ Abulcasis, *Chirurgia*, l. II, s. 1. ⁸⁾ Тамъ же, s. 32.

время *Aquarendente*, усовершенствовавшего этотъ инструментъ (треназь) не разъ наблюдалось выздоровленіе даже въ случаяхъ раненія и отдѣленія цѣлыхъ кусковъ твердой мозговой оболочки и даже при омертвѣніи и выпаденіи кусковъ самаго вещества мозга, и что на этомъ основаніи хирурги (*Wartunianus, G. Ferrage, Glandorp* и *Marchetti*) не затруднялись вскрывать эту оболочку при накопленіи жидкости или другой матеріи между нею и мягкой мозговой оболочкой¹⁾.

Другія операціи *Abulcasis* силошь излагаетъ по Павлу Эгинскому. Сюда относятся вырѣзываніе кистъ на головѣ²⁾, гипетрофированныхъ *миндалевидныхъ* и шейныхъ *лимфатическихъ* железъ³⁾; между прочимъ онъ описываетъ произведенное имъ извлеченіе у одной женщины доброкачественной, безболѣзненной опухоли во рту, пускавшей корни въ носовыя полости (въ-роятно полнпъ въ глоткѣ)⁴⁾, а также удаленіе удлиненнаго языка ка либо разрѣзомъ, либо чѣмъ-то въ родѣ жидкой известковой пасты, которую онъ примѣнялъ сквозь трубочку⁵⁾. При этомъ онъ предостерегаетъ не удалять весь язычекъ, дабы не повредить голоса (язычекъ, какъ извѣстно считался въ средніе вѣка органомъ, необходимымъ для произведенія звуковъ—*plectrum vocis*).

Трахеотомию онъ считаетъ бесполезной при распространеніи „*Sy-napche*“ на бронхи и показанной только при опуханіи глотки и гортани. Разрѣзъ онъ совѣтуетъ дѣлать поперечный въ *промежуткѣ* между хрящами, послѣднихъ же не трогать, причемъ, какъ доказательство безвредности этой операціи, приводитъ случай „дѣвушки, перерѣзавшей себѣ горло и вполнѣ выздоровѣвшей“⁶⁾.

Далѣе онъ распространяется объ операціи *bronchocoele* (въроятно зоба)⁷⁾, при коей онъ, кромя разрѣза, прибѣгалъ также къ массажу или давленію, совѣтуя и здѣсь осторожность, дабы не повреждать шейныхъ сосудовъ и возвратнаго нерва, причемъ сообщаетъ случай смертельнаго поврежденія шейной артеріи однимъ невѣстивеннымъ хирургомъ.

Стебельчатныя фунгозныя опухоли на животѣ⁸⁾ онъ удалялъ либо разрѣзомъ, либо перевязываніемъ свицовой ниткой. Раковыя опухоли, даже свѣжаго происхожденія, если онѣ очень велики, согласно *Abulcasis*'у, не должны быть оперируемы⁹⁾.

Въ гл. 57 имъ описывается *circumcisio* при фимозѣ, причемъ онъ говоритъ, что до него никто изъ древнихъ не упоминаетъ объ этой операціи и что онъ первый изобрѣлъ и производилъ ее (хотя при описаніи

¹⁾ Freund, l. c. II, 72.

²⁾ *Abulcasis, Chirurgia*, l. II, s. 42.

³⁾ Тамъ же, l. II, s. 36.

⁴⁾ Тамъ же, ⁵⁾ Тамъ же, s. 37. ⁶⁾ Тамъ же, s. 43. ⁷⁾ Тамъ же, s. 44.

⁸⁾ Тамъ же, s. 51. ⁹⁾ Тамъ же, s. 53.

этой операциі онъ почти буквально повторяетъ сказанное объ этомъ предметѣ Павломъ Эгинскимъ и Цельсомъ).

Довольно подробно онъ распространяется о вылущеніи увеличенныхъ грудныхъ железъ у мужчинъ¹⁾. Что касается аневризмъ, эмпиемы, водянки, болѣзней половыхъ органовъ, грыжъ, заднепроходныхъ свищей и т. д., то въ описаніи относящихся сюда операций нѣтъ ничего новаго, за исключеніемъ болѣе обширнаго примѣненія Abulcasis'омъ раскаленнаго желѣза.

Въ главѣ 93 онъ описываетъ загадочный случай у одной худощавой женщины, у которой онъ наблюдалъ маленькую подвижную опухоль на венѣ верхней конечности, которая „перемѣгала съ одного мѣста на другое на подобіе червя или живаго серебра“, причемъ въ теченіе одного часа онъ видѣлъ перемѣщеніе этой опухоли черезъ все тѣло, пока она не перешла на другую руку²⁾.

Весьма богатъ запасъ его наблюденій надъ *стрѣльными ранами*, между прочимъ онъ рассказываетъ о случаѣ извлеченія застрявшей въ хрящѣ носа головки стрѣлы послѣ долгаго ея пребыванія въ этомъ мѣстѣ, причемъ рана зажила только черезъ 4 мѣсяца. По этому поводу онъ указываетъ на несомнѣтельность мнѣнія, будто переломы носовыхъ хрящей не заживаютъ³⁾.

Конецъ кн. II (гл. 95), посвященъ описанію способовъ *кровопусканія*, которое производится черезъ проколъ ирротовиднымъ или оливообразнымъ инструментомъ, который онъ называетъ *alnessil, phlebotomus cultellaris* (нѣчто въ родѣ ланцета). Для кровопусканія на лбу онъ предлагаетъ инструментъ подъ названіемъ *fossorium* (родъ шнипера), похожій на зубило кузнецовъ, причемъ для пропиканія имъ въ ткань сосуда онъ совѣтуетъ ударять (*percussio*) по спинкѣ этого инструмента⁴⁾.

Камнестыченіе, со всѣмъ его *apparatus minor*, описано имъ чуть ли не подробнѣе, чѣмъ Цельсомъ и Павломъ Эгинскимъ. У женщинъ, хотя и въ присутствіи и подъ руководствомъ врачей, операциа эта производилась женщинами же или даже простыми повивальными бабками⁵⁾.

Само собою разумѣется, что Abulcasis прежде всего прибѣгалъ къ употребленію обычныхъ внутреннихъ и наружныхъ камнерастворяющихъ средствъ и только при неэффективности послѣднихъ приступалъ къ *sectio lateralis*. Кроме того у Abulcasis'a есть два мѣста, указывающія на знакомство арабовъ съ литоприсіей, а именно: одно касается ущемленныя въ мочеиспускательномъ каналѣ камней, которые удалялись либо черезъ разрѣзъ натянутой, для болѣе удобнаго закрытія раны, кожи члена, по предварительномъ наложеніи двойной лигатуры выше и ниже камня, или же введеннымъ въ каналъ тонкимъ 3-граннымъ рѣжущимъ инструментомъ, острымъ концемъ котораго стараются вращательными движеніями пробуровать камень:

„Hoc etiam aliquanto expertus sum, nimirum ut sumatur perforatorium ex chalybe praestanti damasceno... Triangulare sit, ad extremitatem acutum, ligno in-

¹⁾ а также объ обрѣзаніи. Тамъ же, с. 47.

²⁾ Ср. Freund, II, 91.

³⁾ Abulcasis, *Chirurgia*, II, s. 94.

⁴⁾ Ср. Freund, II, 92.

⁵⁾ Abulcasis, *Chirurgia*, II, s. 61.

fixum. Dein sumas filum et cum illo ligato virgam subter calculum, ne forte in vesicam calculus revertat. Deinde intromittas ferrum perforans cum lenitate in penis foramen, donec ferrum perforans ad ipsum calculum pervenerit. Et terebram cum manu tua revolve in ipsum calculum paulatim et tu conator perforationem ejus, donec illum calculum penetraveris per alterum latus¹⁾.

Затѣмъ въ *Liber Theoricae* имѣется описаніе примѣненія подобнаго же способа при камняхъ въ самомъ мочевомъ пузырьѣ, причемъ сначала въ пузырь вприскиваютъ камнерастворяющія вещества и только тогда, когда послѣднія не помогаютъ, прибѣгаютъ къ нижеслѣдующему способу:

„Et si cum hoc regimine non exierit [lapis], studeat [medicus] implere ipsam [vesicam] cum instrumento, quod dicitur alnui, apud viam transitus, vel accipiatur instrumentum subtile, quod nominatur mashabarebilis, et suaviter intromittatur in virgam, et volve lapidem in medio vesicae. Et si fuerit mollis, frangetur et exhibit. Si vero non exierit cum his quae diximus, oportet incidi, ut in cirurgia determinatur²⁾).

Далѣе, Abulcasis съ успѣхомъ производилъ *laparatomію* („gastrorrhaphia“), между прочимъ при раненіи кишекъ³⁾, а также *резекціи* при костѣдѣ и некрозѣ большеберцовой кости, причемъ старался тщательно отдѣлять омертвѣвшія части отъ здоровой кости⁴⁾, наконецъ *ампутацію* конечностей при гангренозномъ разрушеніи мягкихъ частей, если оно не перешло за границы локтеваго или колѣннаго состава, причемъ самая ампутація производилась имъ въ локтевомъ суставѣ и ниже колѣна. Въ случаяхъ же, въ которыхъ гангрена распространилась на плечо и бедро и которые онъ считалъ безнадежными, онъ отказывался отъ операціи, такъ какъ не находилъ въ тому достаточныхъ показаній⁵⁾. При этомъ онъ сообщаетъ случай, гдѣ послѣ подобнаго отказа больной самъ съ успѣхомъ ампутировалъ себѣ конечность! Самый *способъ* ампутаціи описанъ также, какъ и у Павла Эгинскаго. Кровотеченіе во время операціи Abulcasis останавливалъ раскаленнымъ желѣзомъ и вязжущими, о перевязкѣ же артерій не упоминаетъ:

„Способъ отрѣзыванія или отпиливанія члена состоитъ въ томъ, что сначала ты крѣпко стянешь одинъ бинтъ (fissum) ниже, а другой повыше мѣста, которое намѣреваешься

1) Тамъ же, s. 60.

2) Abulcasis, *Liber theoricae* etc. Aug. Vindel. 1519, l. XXI, c. 11, fol. 94.

3) Abulcasis, *Chirurgia*, l. II, s. 85. 4) Тамъ же, s. 86.

5) Тамъ же, s. 87. Ср. Sprengel, II, 434. Haeser (I, 583) счелъ нужнымъ исправить найденное имъ здѣсь у Sprengel'я заявленіе, что Abulcasis употреблялъ раскаленные ампутаціонные ножи, каковая ошибка, по словамъ Haeser'а, произошла отъ того, что Sprengel смѣшивалъ относящееся сюда мѣсто Abulcasis'а съ другимъ, въ которомъ рѣчь идетъ о леченіи гангрены раскаленнымъ желѣзомъ. Мы съ своей стороны, въ отвѣсющемся сюда мѣстѣ въ изданіи Halle, 1800, означеннаго заявленія Sprengel'я не нашли.

отрѣзать. Помощникъ натягиваетъ сверху верхній бинтъ (*fissum*), ты же перерѣзываешь мясо между обоими бинтами широкимъ ножомъ, пока не' будетъ отдѣлено все мясо, тогда ты опять рѣжешь или пилишь¹⁾.

Глазныя операции также изложены по Павлу Эгинскому. При катарактѣ Abulcasis примѣнялъ издавленіе, а при слишкомъ плотной склеротикѣ—предварительный уколъ съ помощью катарактной иглы, наконецъ Abulcasis упоминаетъ о практиковавшемся въ Иранѣ (въ Персіи) способѣ извлеченія катаракты посредствомъ *высасыванія*²⁾ съ помощью желобоватой катарактной иглы, которая была извѣстна подъ названіемъ хорасанской, о чемъ упоминаютъ также Isa ben Ali и Rhazes³⁾. Въ отдѣлѣ о глазныхъ болѣзняхъ Abulcasis говоритъ также о вылушеніи кистъ на вѣкахъ и операции слезныхъ свищей съ помощью своеобразнаго инструмента, снабженнаго на концѣ миниатюрнымъ колесцомъ⁴⁾.

Зубоврачебное искусство находилось въ рукахъ невѣжественныхъ бавшиковъ; число зубныхъ инструментовъ чрезвычайно велико. Торчащія зубы отшлифовывались, сросшіеся раздѣлялись топорикообразнымъ инструментомъ, шатающіеся зубы укрѣплялись посредствомъ золотой проволоки, а выпавшіе замѣнялись искусственными изъ бычачьихъ костей⁵⁾.

Гинекологическіе отрывки, хотя и составленные по Павлу Эгинскому, указываютъ однако на печальное состояніе этой отрасли медицины у арабовъ, находившейся исключительно въ рукахъ повивальныхъ бабокъ. При неправильныхъ положеніяхъ Abulcasis считаетъ необходимымъ поворотъ на ножки, а если послѣдній не удастся, то прибѣгать къ *раздробленію* младенца⁶⁾. Интересенъ сообщаемый Abulcasis'омъ случай *внѣматочнаго зачатія*, въ которомъ плодъ отдѣлился въ видѣ кусковъ изъ нарыва на животѣ⁷⁾.

Леченіе переломовъ и вывиховъ у Abulcasis'a производилось, по заведенному обычаю, съ помощью крѣпкихъ машинъ, которыми старались достигать сильнаго вытягиванія съ цѣлью вправленія концовъ перелома⁸⁾.

¹⁾ По словесному переводу съ арабскаго текста профессора Sticker'a въ Лейп. Ср. Haeser, I, 588.

²⁾ Abulcasis, *Chirurgia*, II, s. 28. Ср. Sprengel, II, 433.

³⁾ Rhazes, *Continens*, l. II, tr. VI, c. 2. Ср. Haeser, I, 581.

⁴⁾ Abulcasis, *Chirurgia*, l. II, ss. 10 и 19.

⁵⁾ Тамъ же, s. 33. Ср. Sprengel, II, 433.

⁶⁾ Тамъ же, s. 75.

⁷⁾ Тамъ же, s. 76. Ср. Sprengel, II, 434.

⁸⁾ Abulcasis, *Chirurgia*, l. III, s. 1.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь по В о u c h u t перечень хирургическихъ операций, изложенныхъ въ сочиненіи Abulcasis'a.

Первая группа: Прижиганія. На *чоловъ* Abulcasis дѣлалъ прижиганія, иногда до самой кости, при упорной головной боли, при сильномъ приливѣ крови къ глазной области, при ударѣ и параличахъ (послѣ безуспѣшнаго употребленія внутреннихъ средствъ).

Далѣе прижиганія дѣлались вокругъ *уха*—при ушныхъ боляхъ, на *вискахъ*—при *tic douloureux*, по *серединѣ* головы, на *затылкѣ* и *лобныхъ возвышеніяхъ*—при падучей болѣзни, меланхолич, катарактѣ, слезотеченіи, зловонномъ насморкѣ; *повыше бровей*—при опаденіи вѣкъ; въ области *слезнаго мѣшка*—при слезныхъ свищахъ. Точно также онъ рекомендуетъ прижиганія при трещинахъ губъ, свищевыхъ ходахъ во рту, при зубной боли и золотухѣ, далѣе—при осиплости, одышкѣ, при болѣзняхъ легкихъ, причеиъ прижиганія дѣлались въ надгрудной ямкѣ, у шейныхъ позвонковъ и между женскими грудями. Точно также прижиганія дѣлались при болѣзняхъ желудка, печени и въ особенности для вскрытія печеночныхъ арывовъ, но только „опытныхъ хирурговъ“.

При плевритѣ онъ прижигалъ стѣнки грудной кѣтки, а въ случаѣ присутствія гноя—стѣнлетообразнымъ каутеріемъ, причеиъ совѣтуетъ проникать между ребрами въ центръ опухоли. Эту операцію онъ считалъ опасной, могущей причинить мгновенную смерть и въ лучшемъ случаѣ неизлечимую фистулу. Такія же прижиганія производились въ лѣвомъ подреберьи, при болѣзняхъ селезенки, въ области пупка—при брюшной водянкѣ и поносахъ, на стопѣ и голени—при *apasarik'a*; далѣе въ области спинныхъ позвонковъ и вокругъ пупка при геморрой;—послѣ вырѣзыванія бородавокъ; при заднепроходныхъ свищахъ, когда больной отказывается отъ рѣзущихъ инструментовъ; при недержаніи мочи—въ подчревной области;—на лажкахъ при произвольномъ вывихѣ бедра и при *ischias*;—вдоль позвонковъ при начинающейся горбатости;—на суставахъ при подагрѣ;—на грыжевомъ мѣшкѣ, послѣ вправленія кишки и салъника, для достиженія радикальнаго излеченія грыжъ;—при ракѣ—въ окрестностяхъ его;—при артеріальныхъ кровотеченияхъ, если сосудъ не очень крупный и можно обойтись безъ лигатуры.

Вторая группа: операціи съ помощью рѣзущихъ инструментовъ: при кефалогематомѣ, которую можно оперировать, при *hydrocephalus* (всегда оканчивается смертью, почему здѣсь онъ лично воздерживался отъ операціи). Далѣе сюда относятся ушная и височная артеріотомія при хроническихъ мигреняхъ и при приливахъ острыхъ влагъ къ глазамъ, головѣ и груди;

излеченіе инородныхъ тѣлъ изъ уха тупымъ крючкомъ, аспирацію черезъ осмоленную мѣдную трубочку и посредствомъ разрѣза у основанія уха;

вырѣзываніе бородавокъ, кистъ и *chalazion* на вѣкахъ;

вырѣзываніе горизонтальнаго мирто-образнаго лоскута на вѣкахъ и наложеніе шва съ цѣлью достигнуть поднятія вѣкъ;

всѣ операціи *entropion*, *ectropion*, сращенія вѣкъ съ соединительной оболочкой глазъ, *pterygium*, *epcanthis*, *rapnus*, слезныхъ свищей, наконецъ операціи катаракти посредствомъ *низдавленія* или *высасыванія* (причеиъ А. замѣчаетъ, что молодой хирургъ прежде чѣмъ взяться за операцію катаракты, долженъ предварительно видѣть нѣсколько разъ производство этой операціи другими).

Слизистые и раковые носовые полипы удалялись посредствомъ *airigne*¹⁾ и бистури съ послѣдовательнымъ выскабливаніемъ,—или же съ помощью нитки съ петлею, введенной

¹⁾ См. слѣд. стр.

въ носъ и выходящей изъ зѣва, которою наростъ перепиливается. Далѣ сюда относятся вырѣзываніе бородавокъ на носу, наложеніе швовъ при нарушеніяхъ цѣлости носа, губъ и наружнаго уха;

вырѣзываніе *epulis*, соскабливаніе виннаго камня съ зубовъ;

извлеченіе ихъ съ помощью крѣпкихъ зубчатыхъ пинцетовъ или курьихъ ножей (для корней); спиливаніе ихъ, если они торчатъ; укрѣпленіе шатающихся съ помощью золотой нитки;

перерѣзываніе подъязычной уздечки и вылущеніе *capulae*;

удаленіе миндалевидныхъ железъ посредствомъ *airigne* (*erigne, elevatorium*) и особенныхъ ножницъ (приведенъ рисунокъ);

извлеченіе рыбныхъ косточекъ и инородныхъ тѣлъ изъ пищевода съ помощью нитки съ привязаннымъ на концѣ кусочкомъ губки, которую заставляютъ больного проглотить,—или же съ помощью крючка;

извлеченіе пьавокъ, застрявшихъ въ горлѣ;

вырѣзываніе и вылущиваніе различныхъ опухолей на волосистой части головы и шеѣ; *tracheotomia* *поперекъ* третьяго кольца трахеи, какъ это дѣлали древніе при страданіяхъ горла, ведущихъ къ задушенію; о канюлѣ здѣсь не упоминается; отличіе отъ современнаго способа съ продолженіемъ разрѣзомъ (со время *Сагон*'а) и послѣдательнымъ введеніемъ трубочки¹⁾;

вскрытіе нарывовъ и кистъ съ жирнымъ содержимымъ;

вылущеніе гипертрофированной грудной железы у мужчинъ;

разрѣзъ артеріальныхъ аневризмъ послѣ наложенія лигатуры выше и ниже, за исключеніемъ аневризмъ въ областяхъ паховыхъ, подкрыльцовыхъ ямъ и на шеѣ, гдѣ *Abulcasin*, повидимому, опасался прибѣгать къ рѣжущимъ инструментамъ;

перевязка и вырѣзываніе *варикозныхъ* опухолей на конечностяхъ;

экстирпація опухолей и кистъ на сухожиліяхъ ладони;

операции опухолей въ пупочной области въ томъ числѣ и пупочной грыжи;

экстирпація небольшихъ раковыхъ опухолей послѣ безуспѣшнаго употребленія внутреннихъ лекарствъ („часто бесполезная операція“);

проколъ при брюшной водянкѣ съ помощью бистури и введеніе затѣмъ трубочки;

обрѣзаніе крайней плоти крѣпкими ножницами между двумя предварительно наложенными лигатурами;

леченіе зараженій (атрезій) отверстія головки и могущихъ здѣсь образоваться язвъ;

леченіе задержанія мочи съ помощью *прямаго* катетера, заткнутаго на пузырьномъ концѣ полотнянымъ тампончикомъ на ниткѣ, съ помощью которой онъ затѣмъ извлекался;

вирискиванія въ мочевоу пузырь съ помощью сиринцовки или же катетера, снабженнаго на наружномъ концѣ наполненнымъ водоу пузыремъ, который сжимаютъ;

извлеченіе моченыхъ камней *боковымъ съченіемъ* слѣва, руководствуясь введеннымъ въ прямую кишку пальцемъ, который фиксируетъ камень у шейки мочеваго пузыря, по вскрытіи коаго камень или камни извлекаются щипцами;

леченіе *hydrocele vaginalis* разрѣзомъ или до красна раскаленнымъ желѣзомъ.

¹⁾ *Сагон*, Sur la trachéotomie, 1812. Ср. *Bouchut*, Hist. de la médecine, Paris, 873, II, 496.

разрѣзы и вырѣзываніе мясистой грыжи, или *zagcosele* и *varicosele*;
лечение *varicosele* разрѣзомъ кожи и вырѣзываніемъ варикозно расширенныхъ венъ между двумя выше и ниже наложенными лигатурами, иногда же, если поврежденіе значительно, кастраціей.

Лечение грыжъ, коихъ *Abulcasis* различалъ два вида: *enterocese*, при которомъ кишка спускается къ яичку вслѣдствіе *разрыва* и *растяженія* брюшины, и *bubopocese*, при которомъ кишка не спускается въ мошонку, а только выпячиваетъ брюшину; эти грыжи содержатъ либо одну кишку, либо вмѣстѣ съ нею и сальникъ. Оперировались онѣ по способу Цельса и Павла Эгинскаго, причемъ *Abulcasis* совѣтуетъ по возможности поздерживаться отъ этой опасной, по его мнѣнію, операціи.

Затѣмъ рѣчь идетъ о кастраціи, по его словамъ, запрещенной арабскими законами, что однако не мѣшаетъ ему указать на два способа этой операціи: вырѣзываніемъ или размозженіемъ (массажемъ), при которомъ больного предварительно сажаютъ въ ванну.

Послѣ того слѣдуетъ лечение мужскаго гермафродитизма вырѣзываніемъ выступающихъ частей (женскій же гермафродитизмъ, по его мнѣнію, бесполезно трогать);—иссѣченіе клитора и хвостатыхъ разраженій матки, спускающихся въ полость вагины;—разрѣзы врожденныхъ или случайныхъ зараженій вагины, причемъ при послѣднихъ совѣтуетъ ежедневный *coitus* для предупрежденія новыхъ сраженій;—вырѣзываніе разраженій матки при помощи влагалищнаго расширителя, за исключеніемъ раковыхъ наростовъ;—вскрытіе маточныхъ нарывовъ и т. д.

Далѣе излагается катетеризмъ заднепроходныхъ свищей для удостовѣренія, проникаютъ ли они или нѣтъ, въ полость кишки, и лечение ихъ до красна раскаленнымъ стилетомъ и разрѣзомъ;

вырѣзываніе и отщепленіе геморройныхъ шишекъ двойной ниткой, если больной боится ножа;

лечение раненій въ различныхъ областяхъ, въ томъ числѣ наложеніе кишечнаго шва при раненіяхъ живота;

лечение простыхъ и костныхъ свищей *ампутаціей* на продолженіи членовъ (см. выше); прижиганіе и вырѣзываніе *опухис*, если лекарства не помогаютъ, и ампутація суставовъ (*phalanges*) при измѣненіи кости;

вырѣзываніе варикозностей, извлеченіе *filariae medinensis* s. *taon*; разрѣзы припухшей кожи при *morbus fugax* (*angio-leucitis*?);

извлеченіе стрѣлъ по Галену, Цельсу и Павлу Эгинскому;

наконецъ кровопусканіе изъ тридцати различныхъ сосудовъ, примѣненіе кровососныхъ банокъ и пиявокъ.

Третья книга, самая слабая изъ всѣхъ, посвящена вывихамъ и переломамъ, причемъ сначала излагается симптомы переломовъ и ихъ лечение, начиная съ переломовъ черепа. Слабѣ всего изложены переломы бедра и вывихи плеча.

Изъ изложеннаго видно, что *Abulcasis* не былъ простымъ компиляторомъ, и только кабинетные историки могутъ утверждать противное. Изложеніе его хирургіи обличаетъ большую опытность, вполне оправдывающую репутацію, которою онъ пользовался ¹⁾.

¹⁾ Ср. *Bouchut*, I. с. 494—499.

Достойно примѣчанія, что у современниковъ, по общепринятому мнѣнію (Haeser, Freund¹⁾), сочиненіе Abulcasis'a, особенно на востокъ, не пользовалось уваженіемъ вслѣдствіе существованія подобныхъ же работъ, въ родѣ сочиненій Разеса, Ali ben Abbas'a и въ особенности вскорѣ появившагося *Канона* Авиценны. Въ противоположность какъ этому, такъ и мнѣнію Freund'a, утверждающаго, что Abulcasis не цитируется ни однимъ арабскимъ авторомъ, Lesclerc нашель, что на него ссылается множество врачей какъ на востокъ, такъ и на западѣ, причѣмъ однако приходитъ къ заключенію, что вначалѣ на востокъ онъ пользовался гораздо болѣею извѣстностью, чѣмъ на западѣ, гдѣ особенно въ Испаніи хирургическая практика не была въ почетѣ, о чемъ рассказываетъ самъ Abulcasis²⁾. Только въ XII в. западные врачи оцѣнили его по достоинству, а его хирургическое сочиненіе, переведенное уже въ 1187 г. на латинскій языкъ Герардомъ Кремонскимъ, ясностью, полнотой и систематичностью изложенія стяжало ему громкую извѣстность и привлекло вниманіе запада на арабскую медицинскую литературу вообще³⁾.

Наконецъ къ врачамъ X в. въ Испаніи, по Леклерку, относится упомянутый выше (стр. 172)

Abu Iusuf Chasdaï ben Schaprut, по Carmoly—Chasdaï ben Ishak ben Ezra ben Sprot, по арабски: Hasdaï ben Baschrut (ум. въ 990). Онъ былъ въ одно и тоже время извѣстный врачъ и министръ при кордовскомъ калифѣ Абдеррахманѣ III и его преемникѣ El-Hakem'ѣ и принималъ, какъ мы видѣли, самое дѣятельное участіе въ пересмотрѣ сочиненій Діоскориды, совмѣстно съ монахомъ Николаемъ. Согласно арабскимъ писателямъ, онъ оставилъ значительное число медицинскихъ сочиненій, между прочимъ объ *арабскомъ теріакѣ*, которыя, къ сожалѣнію, погибли⁴⁾.

Еbn Abi Oseibia посвятилъ ему слѣдующую замѣтку:

„Hasdaï ben Ishak, имѣвшій основательныя свѣдѣнія въ медицинскомъ искусствѣ, находился на службѣ у El-Hakim'a, сына Абдеррахмана... Онъ первый открылъ еврейскому населенію Андалузій доступъ къ познаніямъ въ области религіозной юриспруденціи, хронологіи“⁵⁾ и т. д.

Philoxène Luzato, въ своей работѣ о Chasdaï (см. выше стр. 172), сообщаетъ подробности объ участіи его въ возстановленіи короля Sancho I, о томъ, что

1) Ср. Haeser, I, 584, Freund, II, 66.

2) Ср. Lesclerc, I, 439.

3) Ср. Haeser l. c.

4) Carmoly, Revue orientale, I, 178 и 355.

5) Ср. Lesclerc, I, 458.

по порученію Абдеррахмана III онъ принималъ посланника Оттона Великаго, Johannes de Gorze, наконецъ о его перепискѣ съ царемъ хазаровъ, Юсуфомъ, принявшимъ иудействъ ¹⁾.

Одиннадцатый вѣкъ.

Въ XI в. арабскія медицинскія произведенія продолжаютъ принимать все болѣе и болѣе самостоятельный характеръ и отмѣчены уже печатью значительной оригинальности. Изъ покровителей наукъ въ XI в. выдаются Nidham El-Mulk, министр сельджука Alp Arslan'a, взявшаго Багдадъ въ 1055 г., и его преемника Малекъ-шаха. Онъ основалъ школы въ Гератѣ, Испагани, Басрѣ и Багдадѣ, въ послѣднемъ *medressat Ennizamia*—самую знаменитую изъ всѣхъ школъ. Изъ врачей въ этомъ вѣкѣ выдаются въ особенности Авиценна и El-Biruni въ Персіи, Константинъ въ Африкѣ, Ebn Bothlan, Ebn Dschezla и Abulfaradsch ben Thalebъ въ Багдадѣ и первый изъ семьи Avenzoar въ Испаніи. Вообще въ этомъ вѣкѣ, по мѣрѣ удаленія отъ древнихъ, число христіанскихъ врачей, за исключеніемъ Ирака, уменьшается, и на сцену выступаютъ болѣе арабы и отчасти евреи ²⁾.

Авиценна (El Hossein Abu Ali ben Abdallah Ebn Sina или Ibn Sina, 978—1136) представляетъ собою замѣчательный феноменъ какъ по преждевременному развитію, такъ и по громадной эрудиціи и близкому знакомству со всѣми областями науки, изъ коихъ особенно въ области медицины онъ обнаружилъ рѣдкій организаторскій талантъ. Его подвижная жизнь отличается оригинальностью: перекочевывая постоянно съ мѣста на мѣсто (изъ Туркестана въ персидскій Иранъ и пр.), онъ только временно останавливался тамъ и сямъ, чтобы начать или окончить какое нибудь объемистое сочиненіе. Онъ, правда, имѣлъ учителей, но своимъ развитіемъ онъ обязанъ самому себѣ. Немалый интересъ представляетъ еще фактъ развитія этого таланта на самомъ крайнемъ, отдаленномъ отъ научныхъ центровъ, пунктѣ востока, почти на границѣ съ Китаемъ, что доказываетъ, какъ могущественно было научное вліяніе Багдада, отразившееся на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ.

Авиценна оставилъ намъ о первой половинѣ своей жизни *автобіографію*, которую считаемъ не лишнимъ воспроизвести здѣсь (по переводу Леклерка, дополнивъ его кое-гдѣ по другимъ авторамъ).

¹⁾ Тамъ же; ср. также Сагмолу (*Revue Orientale*, I, 355), откуда видно, что впервые Chasdaï узналъ о существованіи еврейскаго царства въ Хазаріи отъ нѣкоторыхъ депутатовъ Хорасана, а впоследствии отъ посланниковъ греческаго императора Романа III, которые сообщили ему, что изъ еврейскаго хазарскаго царства въ Грецію прибываютъ корабли, нагруженные рыбой и другими товарами. Упомянутая переписка также воспроизведена въ *Revue orientale* (I, pp. 19 и 53).

²⁾ Ср. Leclerc, I, 461—464.

„Мой отецъ былъ изъ Балха (Balkh) и во времена Nuh ben Mansur'a переселился въ Бухару. Онъ женился въ сосѣдней деревнѣ, по имени Афшана, и тутъ-то родился я и братъ мой. По возвращеніи въ Бухару, ко мнѣ приставили учителя, преподававшего мнѣ Коранъ и humanioga. Мнѣ еще не было 10 лѣтъ, какъ я уже зналъ первый и значительную часть послѣднихъ. Для изученія ариметики, отецъ отдалъ меня къ торговцу травами, знавшему индійскій счетъ“.

„Тогда прибылъ въ Бухару философъ, по имени Abu Abdallah Ennatelli (Annatolli). Мой отецъ взялъ его къ намъ въ домъ, чтобы сдѣлать его моимъ наставникомъ. Онъ меня научилъ *логику*, которую я усвоилъ механически, не понимая хорошенько ея смысла ¹⁾. Тогда я сталъ учиться самъ при пособіи комментаріевъ. Тоже было съ книгой Епклида: я выучилъ подъ руководствомъ моего учителя пять или шесть положеній, затѣмъ все сочиненіе я прошелъ уже самъ. За *Альмагестъ* я принялся тогда, когда Ennatelli насъ оставилъ. Въ эту-то пору я занялся изученіемъ медицины, пополняя чтеніе наблюденіями больныхъ, изъ коихъ я узналъ множество терапевтическихъ фактовъ, которыхъ нельзя узнать въ книгахъ. Мнѣ тогда было 16 лѣтъ“.

„Тогда я посвятилъ себя чтенію въ продолженіе 1½ года. Если я не понималъ какого либо сужденія, я отправлялся въ мечеть и молилъ Создателя вывести меня изъ затрудненія. Ночью у себя на квартирѣ, при свѣтѣ лампы, я читалъ и писалъ, и когда меня начинало клонить ко сну и я чувствовалъ, что силы слабѣютъ, я выпивалъ для подкрѣпленія стаканъ вина и опять брался за чтеніе. Даже во снѣ мой умъ бредилъ изучаемымъ предметомъ и иногда при пробужденіи темные вопросы стали для меня ясны. Такимъ образомъ я продолжалъ до тѣхъ поръ, пока я не усвоилъ себѣ въ совершенствѣ діалектику, физику и математику. Я тогда обратился къ *Theodisea* и сочиненію о *метафизикѣ* [Аристотеля], однако не могъ усвоить себѣ ихъ смысла, хотя сорокъ разъ прочелъ книгу, такъ что зналъ ее наизусть, и я уже отчаявался когда либо понять ее. Однажды, когда я зашелъ къ книгопродавцу, онъ предложилъ мнѣ купить у него книгу. Я ее оттолкнулъ, говоря, что эта наука ни къ чему не пригодна. „Купи ее, возразилъ онъ, ея хозяинъ нуждается въ деньгахъ, а она тебѣ обойдется не болѣе какъ въ три драхмы“. Это было сочиненіе El Fagabi: *О задачахъ метафизики*. Возвратившись домой, я прочелъ эту книгу и съ ея помощью я понялъ ту, которую я зналъ наизусть. Я былъ въ восторгѣ, благодарилъ Бога и щедро раздавалъ милостыню“.

„Когда принцъ Nuh ben Mansur заболѣлъ, я былъ приглашенъ на консультацію и такимъ образомъ получилъ доступъ въ его богатую библіотеку“.

„18 лѣтъ отъ роду я окончилъ изученіе всѣхъ наукъ, которыя тогда были свѣжѣ у меня въ памяти, нежели теперь, когда онѣ хотя и болѣе созрѣли [въ моемъ умѣ], но все же остались тѣже, такъ что я съ тѣхъ поръ ничего не могъ прибавить къ тому, что я уже зналъ“.

„Когда одинъ изъ моихъ сосѣдей, Abul Hassan el Arudhy, попросилъ составить для него книгу, вмѣщающую въ себѣ всѣ науки, я написалъ для него такую, подъ заглавіемъ „Madschna“.

„Когда юрисконсультъ Abu Bekr el Baryu попросилъ меня составить для него комментарій на эту книгу, тогда я написалъ 20 томовъ такихъ комментаріевъ. Мнѣ тогда было 21 годъ“.

„Послѣ смерти моего отца я получилъ должность и долженъ былъ оставить Бухару. Я направился въ Джорджанъ, отыскивая эмира Sabus'a, который далъ себя взять

¹⁾ По *Kitab el hokama* это была книга *Isagoge*.

и умеръ въ тюрьмѣ. Тогда я отправился въ Дагестанъ, гдѣ заболѣлъ, затѣмъ въ Джорджану, гдѣ меня принялъ Abu Obeid Eddschordschanу¹⁾.

Здѣсь прерывается автобіографія Авиценны, какъ видно, не лишенная извѣстной примѣси хвастливости. Остальная часть его жизни описана упомянутымъ Джорджани, отъ котораго узнаемъ, что

„гуземець Abu Mohammed Eschschigazy, любитель наукъ, приобрѣлъ для него домъ, въ который онъ каждый день ходилъ изучать *Альмагестъ*. Здѣсь онъ написалъ многія изъ своихъ сочиненій о *логикѣ*, *астрономіи*, начало *Канона*, сокращеніе *Альмагеста* и другія. Затѣмъ онъ отправился въ Джебаль, все не переставая писать, послѣ того—въ Реу, гдѣ поступилъ на службу къ эмиру Маджедъ эд-Даулѣ, котораго излечилъ отъ меланхоліи. Здѣсь онъ оставался до прибытія его покровителя Schems ed-Daula. Тутъ-же онъ составилъ свою книгу *О твореніи и воскресеніи*. Послѣ того онъ удалился въ Казвинъ, затѣмъ въ Намданъ. Тѣмъ временемъ Schems ed Daula заболѣлъ коликой и пригласилъ его къ себѣ; Авиценна его вылечилъ и, сопровождая въ одномъ походѣ, сдѣлался его визиремъ. Но когда недовольные имъ солдаты осадили его домъ и потребовали его смерти, то Schems ed Daula, чтобы успокоить ихъ, уступилъ и осудилъ его на изгнаніе. Тогда Авиценна вынужденъ былъ въ теченіе 40 дней скрываться въ домѣ Abu Said ben Dahdul'я. По вторичномъ заболѣваніи Schems ed-Daula и излеченіи вновь приглашеннымъ Авиценной, послѣдній вернулъ себѣ прежнее расположеніе эмира и, бмъ возстановленъ въ званіи визира, принялся опять сочинять, работая ночью, такъ какъ днемъ былъ занятъ службой. Когда же эмиръ, воюя съ Боха ed-Daula, получилъ возвратъ болѣзни, отъ которой умеръ вслѣдствіе того, что не слушался совѣтовъ Авиценны, то сынъ его также предложилъ Авиценнѣ должность визира, но тотъ отказался изъ опасенія новаго покушенія на свою свободу и отыскалъ себѣ убѣжище у аптекаря Abu R'aleb'a. Здѣсь онъ принялся за разработку книги, извѣстной подъ названіемъ *Eschsehefa*. Между тѣмъ Таджелъ-Мулукъ перехватилъ переписку Авиценны съ Ala-Eddin'омъ, у котораго онъ намѣревался искать убѣжища, и заключилъ его въ крѣпость Бердаванъ. Здѣсь онъ жилъ 4 мѣсяца, по истеченіи коихъ ему удалось, при содѣйствіи Джорджани, переодѣвшись монахомъ (sufi), бѣжать въ Испанію, гдѣ онъ съ почетомъ былъ принятъ ко двору калифа Ala-Eddaula [по H a e s e r'у — Ibn Kakujañ], въ которомъ прожилъ 14 лѣтъ, собирая у себя ученыхъ по пятницамъ. Здѣсь онъ окончилъ книгу *Schefa*, свои сочиненія о *логикѣ* и *Альмагестъ* и составилъ компендіи изъ Евклида, писалъ объ ариѳметикѣ, музыкѣ и окончилъ разныя другія сочиненія. Отсюда онъ сопровождалъ эмира въ Намданъ, гдѣ на него намѣревались возложить астрономическія работы“.

„Авиценна былъ крѣпкаго тѣлосложенія, но отъ эксцессовъ in venere et bascho впоследствии истощилъ силы, а потому, когда онъ заболѣлъ сильной коликой и велѣлъ себѣ поставить 8 клистировъ изъ *pipez longum* и вслѣдствіе этого причинилъ себѣ изъязвленіе толстой кишки, къ которому присоединился приступъ падучей болѣзни, то онъ не выдержалъ и умеръ вскорѣ послѣ прибытія въ Намданъ въ 1036 г., 58 лѣтъ отъ роду“. Смерть его, по словамъ Sprengel'я, была ускорена еще приемомъ *митридата*, въ который слуга его примѣшалъ слишкомъ много опія. Могила его, хотя значительно пострадавшая отъ времени, существуетъ тамъ еще и нынѣ (Schlimmer)²⁾.

¹⁾ Ср. Leclerc, I. 466—468.

²⁾ Тамъ же, 469. Dschordschani, переводъ Fardellae, Venet. 1595. Ср. Sprengel, II, 405. Другой переводъ: Avicennae vita ex Sorsano Arabo a Nicolao Massa latine scripta въ изд. Alpagus, et Rinius, Venet. 1582.

Абулфараджъ и Осейбія прибавляютъ, что наставникомъ его въ медицинѣ былъ христіанскій врачъ, несторіанецъ Abu Sahel el Messihy, авторъ *El Mia*, или книги въ 100 гл., а Левъ Африканскій утверждаетъ, что онъ учился также въ Багдадѣ, но, какъ видно изъ его автобіографіи, онъ ни разу не былъ въ бассейнѣ Тигра.

Что бы ни говорили о его безпутной жизни и излишествахъ, но послѣднія вполне выкупаются его, такъ сказать, „интеллектуальными эксцессами“ и его не знавшей усталости литературной дѣятельностью. Несмотря ни на какія жизненныя невзгоды, онъ каждый этапный пунктъ въ своей бурной кочующей жизни ознаменовывалъ однимъ или нѣсколькими новыми сочиненіями, составленіе которыхъ, повидимому, ему ничего не стоило. И въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствительно заслуживаетъ титула „Scheich—Eggeus или „князя врачей¹⁾“. Онъ, правда, не былъ гениемъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ обладалъ огромнымъ, всеобъемлющимъ талантомъ, которому не трудно было изъ готоваго, накопленнаго до него громаднаго матеріала создать свой обширный, обнимающій всѣ отрасли медицины трудъ, извѣстный подъ именемъ *Канона*. Въ этомъ смыслѣ онъ имѣетъ отдаленное сходство съ Галеномъ, съ которымъ, конечно, отнюдь не можетъ сравниться въ научномъ отношеніи. Успѣхомъ этой книги, доставившей автору въ теченіе 5 столѣтій самодержавную власть во всѣхъ медицинскихъ школахъ среднихъ вѣковъ, онъ обязанъ именно господствовавшему въ эти вѣка отвращенію къ новшествамъ и инертности тогдашней человѣческой мысли. Всѣ науки въ то время заключались въ знаніи того, что было извѣстно древнимъ, а *Канонъ* Авиценны содержитъ именно въ себѣ все, что было сказано до него греческими и арабскими врачами, и потому дѣлалъ излишнимъ всякое самостоятельное изслѣдованіе. Къ тому же систематичность этого сочиненія какъ разъ гармонировала со схоластическимъ духомъ средневѣковья²⁾.

Канонъ Авиценны, *Continens* Разеса, и *Maleki* Ali ben el Abbas'a составляютъ самыя главныя медицинскія сочиненія арабовъ. Изъ нихъ *Continens* обнимаетъ только практическую медицину и при томъ, какъ мы видѣли, въ довольно хаотическомъ безпорядкѣ; тогда какъ послѣднія обнимаютъ всю совокупность медицины, какъ теоретической, такъ и практической, и при томъ въ стройной, строго-методической системѣ. *Maleki* отличается отъ *Канона* большею точностью, въ немъ Ali слилъ въ одно цѣлое всѣ сдѣланныя до него приобрѣтенія науки. *Канонъ* же полнѣе и, не смотря на свой болѣе обширный объемъ, вытѣснилъ *Maleki*, хотя послѣднее отличается великими достоинствами и болѣе доступностью по своимъ размѣрамъ³⁾.

¹⁾ Ср. Leclerc, I, 470.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 407.

³⁾ Ср. Leclerc, I, 471.

Авиценна написалъ около ста сочиненій (по Wüstenfeld'у—105, которыя всѣ перечислены у Morwitz'a) по предметамъ философіи, математики, юриспруденціи, астрономіи и медицины, къ коей относятся:

1) *Канон*.

Изданія. Арабскія: Полное: *El-Kanun fil-Tib*, Canon medicinae, Romae, ex typographia Medicea, 1593. Изданіе неисправное.

Нѣкоторые отдѣлы порознь: Welsch, Aug. Vindel. 1647. Kirsten, Breslau, 1699¹⁾. Въ Дрезденѣ и парижской библиотекѣ сохранилось въ рукописяхъ стихотворное извлеченіе изъ *Канона*, составленное будто бы самимъ Авиценной, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ *Canticum*. Въ Bodleyana также находятся 2 поэмы Авиценны.

Еврейскія: Neapoli, 1491, три тома: I содержитъ первыя двѣ книги, II—третью книгу, III—последнія двѣ книги *Канона*; переводъ Nathana'а Namati (Amathi?) въ 1279. Ватиканская рукопись. Въ концѣ второй книги (томъ I) имѣется на еврейскомъ языкѣ слѣдующая, приведенная Choulant'омъ по латини приписка: „Laudem tribuam possessori meo qui in viam veritatis deduxit me huc Neapolim in domum domini mei R. Azariel filii R. Josephi, cujus requies sit in horto voluptatis et usque nunc adjuvit me ut perficerem librum II, sapientis medici Aben Sinae, per manum mei minimi Ascer filii sapientis R. Peretz Mintza compositoris litterarum seu tyrothetae hodie die VI mensis chislew anno CCLII minoris supputationis (1491)²⁾).

Латинскіе переводы: Gerardus Cremonensis, Argentor. ap. I. Mentelin (годъ неизвестенъ) подъ названіемъ: *Liber Canonis primus, quem princeps abohali ablusceni de medicina* etc. Полуготическая печать. Затѣмъ слѣдуетъ другое, исправленное, готическое изданіе, подъ заглавіемъ:

Liber Canonis Avicenne revisus et ab omni errore mendaque purgatus etc. Вначалѣ на л. I: Vita Avicennae quam quidam illius arabe discipulus scriptam reliquit.

Далѣе еще изданіе, пересмотрѣнное различными учеными, между прочимъ Mathei de Gradibus (по мнѣнію Choulant'a быть можетъ изд. Venet. 1491?).

Mediolani, 1473, переводъ Герарда Кремонскаго, напечатанный римскимъ шрифтомъ.—Вообще Choulant приводитъ здѣсь 29 латинскихъ изданій. Изъ нихъ самыя лучшія Juntinae въ Венеціи, просмотрѣнныя и исправленныя Alragus'омъ (1527, 1544, 1555, 1562, 1582, 1595³⁾, 1608). Наконецъ изъ латинскихъ изданій весьма цѣнное:

Plempius, Lovanii, 1658, ap. Nembraeum. Отличное, къ сожалѣнію, не оконченное изданіе, такъ какъ содержитъ только кн. I и II и часть кн. IV о лихорадкахъ подъ заглавіемъ: Clarissimi et praecellentissimi doctoris medici Abuali ibn-Tsina, qui perperam dictus est Avicenna, canon medicinae, interprete et scholiaste Vopisco Fortunato Plempio etc.⁴⁾.

Эти-то переводы и изданія Герарда Кремонскаго, Alragus'a и Plempius'a и доставили *Канону* Авиценны вышеупомянутое исключительное господство въ теченіе 5 столѣтій въ преподаваніи и практикѣ медицины во всей Европѣ.

¹⁾ Ср. Choulant, Bücherkuude, 366. ²⁾ Тамъ же, 362.

³⁾ Avicenna e, Arabum medicorum principis, *Canon Medicinae*, quo universa mendi sciencia pulcherrima et brevi methodo planissime explicatur. E jusdem: *De viribus cordis*, De removendis nocumentis in regimine sanitatis, De syrupo acetoso. Canticum. Venet. 1595.

⁴⁾ Ср. Choulant, Bücherkunde, 362—366.

Нѣмецкіе переводы: Sontheimer, Die zusammengesetzten Heilmittel der Araber. Nach dem fünften Buch des *Canons* von Ebn Sina übersetzt, Freiburg, in Breisgau, 1844, переводъ неудовлетворительный.

Kurt Sprengel, Ein Stück aus dem ersten Buche въ его же Beiträge zur Geschichte der Medicin, Halle, 1794—96: арабскій текстъ, съ нѣмецкимъ переводомъ и примѣчаніями Sprengel'я. Въ этомъ отрывкѣ рѣчь идетъ о нервахъ вообще и примитивныхъ въ особенности.

Nasse, *Probe deutscher Uebersetzung des Canon* въ Baldingers Medic. Journal, Bd. IV, st. 14, s. 82¹⁾.

Изъ сокращеній *Канона* самое знаменитое—Ebn Ebn efis'a, подъ заглавіемъ *Mudjir*, Calcutta, 1828.

2) *Canticum de medicina*, *Ardjouza* (Leclerc), *Aturdchuse* (Haeser). Рукописи въ Дрезденѣ, Геттингенѣ, Мадридѣ. Это—поэма (или компендіи медицины въ стихахъ, перев. Arnegand'омъ и Alragu'омъ), имѣвшая множество комментариевъ, изъ коихъ самыя главные—Averrhoë's'a (см. ниже), и другой Mohammed ben Ismail'a, написанный въ 1386 году (въ рукописи въ парижской библиотекѣ), гораздо болѣе обширный, часто цитирующий изреченія пророка („hadits“), не встрѣчающіяся въ отдѣльныхъ сборникахъ. Въ этомъ послѣднемъ комментарий говорится, что Avenzoar (какъ извѣстно, не особенно почитавшій *Канонъ*) питалъ большое уваженіе къ *Ardchuzza* и находилъ, что она „содержитъ всѣ начала науки и стоитъ больше, чѣмъ цѣлая коллекція книгъ“²⁾.

Изданія. Латинскія—Venet, 1484, подъ заглавіемъ: Incipit translatio *canticorum* Avicennae cum commento Averrois: facta ab arabico in latinum a mag. Arnegando blasii de Montepesulano.

Groningae, 1649, новыи переводъ, ed. Anton. Deusing.

Арабское: Calcutta, 1829, ed. Moulvee Abdool Mujeed.

3) *Tractatus de anima*.

Изданіе: Pariae, s. a. f., impr. per Anton de Carchano подъ заглавіемъ: Incipit opus egregium *de anima*, qui (liber) sextus naturalium Avicennae dicitur (рукописи въ Оксфордѣ и Лейденѣ).

4) *Liber de animalibus* (по Аристотелю).

Изданія. Venet. 1494. Существуетъ также въ переводѣ Michel Scot'a.

Вопон. 1482, содержитъ fen 3 de apostematibus et pustulis, fen 4 de solutione continuitatis, fen 5 de restauratione. Въ концѣ: Expleta est cyrurgia Avicenne emendata per eximium artis et medic. doctorem Petr. Andream Morsianum de Ymola in almo studio Bononie cyrurgiam legentem. Готическій шрифтъ.

5) *Liber sanationis*, 18 томовъ (рукописи въ Лейденѣ и Оксфордѣ).

6) *Compendium medicinae* (рукопись въ Ватиканѣ).

7) *De venenis et eorum curatione* (рукопись во Флоренціи).

8) *Liber liberationis* въ трехъ отдѣлахъ. Извлечение изъ № 5. Напечатанъ вмѣстѣ съ арабскимъ *Канонъ*, а на латинскомъ нѣсколько разъ, подъ заглавіемъ *De removendis nocimentis*³⁾.

Leclerc приводитъ еще слѣдующія сочиненія: Трактатъ *de medicamentis cordialibus* (переведенъ на латинскій языкъ и часто печатался какъ прибавленіе къ *Канону*).

¹⁾ Ср. Choulant Bücherkunde, 367. ²⁾ Leclerc, I, 473.

³⁾ Ср. Choulant, 367 и Haeser, I, 585.

Трактатъ объ *Oxytel*, (De synguro acetoso?).

Изъ непереуведенныхъ на латинскій языкъ: О цикоріи. *Compendium medicinae* (переведенъ на еврейскій языкъ, рукопись въ Оксфордѣ), О пульсѣ (на персидскомъ языкѣ). О природннхъ качествахъ. Начала терапевтики. *Двадцать вопросовъ* по медицинѣ. Замѣчанія на *Questiones* Ноеіп'а. О коликѣ.

По алхиміи: *De conglutinatione lapidum*. Здѣсь во второй главѣ онъ трактуеть о происхожденіи горъ, которыя, по его мнѣнію, образуются отъ эссенціальныхъ и случайныхъ причинъ (землетрясенія). Между прочимъ, онъ говоритъ здѣсь объ упавшихъ въ Персіи мѣдныхъ аэролитахъ, которыхъ не удалось расплавить, а также объ упавшемъ кускѣ желѣза, вѣсомъ въ 100 марокъ, изъ котораго по приказанію туземнаго царя были сдѣланы мечи; причеиъ Авиценна замѣчаетъ, что по мнѣнію арабовъ лучшіе мечи Алеманновъ сдѣланы изъ такого желѣза¹⁾.

Пояснительныя сочиненія:

Minadous, Oratio pro Avicenna. Patav. 1598.

Ratin, Oratio de Avicenna. Patav. 1678.

Welsch, Exercitatio de vena Medinensi ad mentem Ebn Sinae, sive de dracunculis veterum. Aug. Vind. 1674.

Metzger, Progr. cont. anecdota in Avic. Regiomont. 1788.

Schaul, Sphygmologiae Avicennae conspectus, diss. inaug. Vratislav. 1828²⁾.

Klein, Dissertatio historico-medica de Avicenna, Vratisl., 1846.

Кромѣ медицины, какъ сказано выше, Авиценна написалъ множество сочиненій по философіи, метафизикѣ, логикѣ, физикѣ, математикѣ, астрономіи, музыкѣ, религіи и т. д. Объ его философскихъ сочиненіяхъ Мункъ говоритъ:

„Философія Авиценны—въ сущности перипатетическая. Здѣсь замѣчается вообще строгій методъ. Онъ старается сгруппировывать различныя отрасли философскихъ наукъ въ строго-послѣдовательномъ порядкѣ и доказывать ихъ неизбежную взаимную связь. Въ *Alschefa* (напечатанъ въ концѣ *Канона*) онъ раздѣляетъ науки на три части: высшую (метафизика), низшую (физика) и среднюю (математика)“.

„Онъ допускаетъ, вмѣстѣ съ философами, вѣчность міра и приписываетъ Богу знаніе универсальныхъ вещей, а душамъ сферъ—знаніе частныхъ вещей. Въ ученіи о душѣ онъ постоянно твердитъ объ индивидуальности человѣческой души“³⁾.

Вліяніе его на средніе вѣка Наугеау охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ концѣ XII в. Герардъ Кремонскій перевелъ на латинскій языкъ его *Канонъ* D. Gundisalvi—его *коментаріи на книги о душѣ, о небѣ и вселенной, а также на физику и метафизику*, а еврей Avendeth—его анализъ *Органона*. Такимъ образомъ съ самаго же начала XIII вѣка уже были въ обращеніи всѣ философскія сочиненія Авиценны, хотя напечатаны они въ Венеціи только къ концу XV вѣка. Они имѣли громадный успѣхъ во всѣхъ школахъ среднихъ вѣковъ, такъ что Brücke могъ безъ преувеличенія сказать: „Usque ad renata s litteras non inter Arabes modo, verum etiam inter christianos, dominatus est Avicenna tantum non solus“⁴⁾.

¹⁾ Leclerc, I, 473, 474. ²⁾ Ср. Morwitz, Geschichte d. Medicin, II, 82.

³⁾ Munk, въ Mélanges de philosophie juive et arabe. Ср. Leclerc, I, 475.

⁴⁾ Naugéau, De la philosophie scholastique. Ср. Leclerc I, 476.

Изъ предшественниковъ его можно сравнивать только съ El-Kendi, котораго однако онъ превосходить глубиною ума, и съ Разесомъ, котораго онъ стоитъ ниже какъ практикъ, но превосходить какъ философъ. Изъ слѣдовавшихъ за нимъ арабовъ его можно сравнить съ Avenzoar'омъ, который былъ только врачомъ и въ этомъ отношеніи выше его, и съ Averroës'омъ, которому онъ равенъ въ области философіи, но котораго превосходить какъ врачъ; Averroës, какъ извѣстно, комментировалъ его подобно тому, какъ онъ комментировалъ Аристотеля. Въ концѣ-концовъ можно вмѣстѣ съ Lesclerc'омъ, принять, что Авиценна—самый высшій представитель арабской школы въ двойственной области медицины и философіи. Въ особенности въ немъ поражаетъ не только его страстная любовь къ наукѣ, но и постоянное его стремленіе вносить въ нее порядокъ и методъ¹⁾. Для арабской медицины онъ имѣетъ такое же значеніе, какое имѣлъ Галенъ для греческой. Ему, правда, недостаетъ весьма важнаго качества, а именно самостоятельности, такъ какъ онъ пользовался готовыми образцами, въ особенности Галеномъ, Разесомъ и Ali ben Abbas'омъ, такъ что его сочиненія являются скорѣе какъ бы плодомъ литературной начитанности, нежели—собственныхъ изслѣдованій и наблюдений. Зато въ отношеніи полноты и систематичности онъ превосходить не только Разеса, но и самого Галена²⁾. Вотъ почему вліяніе Авиценны, въ первое столѣтіе послѣ его смерти ограничивавшееся только Востокомъ, было тѣмъ могущественнѣе въ позднѣйшихъ арабскихъ и другихъ школахъ Запада, гдѣ, благодаря Авиценнѣ, сочиненія Гипократа и Галена въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ почти пришли въ забвеніе.

Приступаемъ къ подробному разсмотрѣнію *медицины* Авиценны.

Канонъ раздѣляется на пять книгъ: I. Общіе вопросы науки, II. Materia medica, III. Частная патологія и терапія, IV. Болѣзни, общія различнымъ органамъ и областямъ, V. Фармакопея. Каждая изъ этихъ книгъ имѣетъ подраздѣленія: *funun, fen, tractatus, summa, caput*.

Первая книга, представляющая вѣчто въ родѣ теоретической или общей медицины, часто комментировалась подъ заглавіемъ: *Kullyyat el Kanun*—Общіе вопросы медицины. Въ первомъ отдѣлѣ кн. I рѣчь идетъ объ опредѣленіи понятія медицины³⁾, о ея задачахъ и отношеніяхъ къ

¹⁾ Тамъ же. ²⁾ Ср. Haeser, I, 586.

³⁾ „Медицина есть наука, которая знакомитъ со способностью человѣческаго тѣла къ исправленію или измѣненію, въ видахъ сохраненія или возстановленія здоровья“... „Медицина подобно философіи, есть въ тоже время и практическое и теоретическое искусство и т. д.“

философіи, объ основныхъ элементахъ, влагахъ, темпераментахъ, органахъ и ихъ отправленіяхъ. Во второмъ отдѣлѣ кн. I рѣчь идетъ о болѣзняхъ вообще, этиологіи, симптоматологіи. Въ третьемъ отдѣлѣ излагается діететика и профилактика; въ четвертомъ отдѣлѣ—общая терапия со включеніемъ хирургической терапіи.

Вторая книга разсматриваетъ простыя лекарственныя вещества и притомъ лишь съ практической точки зрѣнія, такъ какъ Авиценна, по собственному его признанію, имѣлъ лишь слабыя свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ. Эта книга содержитъ около 800 параграфовъ о простыхъ медикаментахъ по Dioscorido и Galeno, съ прибавленіемъ множества новыхъ медикаментовъ.

Въ *третьей* книгѣ, излагающей мѣстныя болѣзни, Авиценна, хотя уже подробно говорилъ объ анатоміи въ кн. I, опять возвращается къ ней, предпосылая анатомическія и физиологическія замѣчанія описанію отдѣльныхъ болѣзней каждаго органа или каждой системы органовъ.

Въ *четвертой* книгѣ рѣчь идетъ о лихорадкахъ¹⁾, семіотикѣ, прогностикѣ, ученіи о кризисахъ, а въ четвертомъ отдѣлѣ кн. IV—о хирургическихъ болѣзняхъ, отравленіяхъ и косметикѣ.

Пятая книга занимается составленіемъ медикаментовъ²⁾.

Анатомія, изложенная Авиценной весьма подробно, цѣликомъ основана на данныхъ Аристотеля и Galena.

Самъ Авиценна, повидимому, обладалъ весьма скудными свѣдѣніями въ этой области, что видно изъ того, что въ описаніи сердца онъ идетъ по стопамъ Аристотеля, коего гипотеза о трехъ полостяхъ сердца давно уже была опровергнута Galenomъ³⁾.

Физиологія Авиценны также заимствована у Аристотеля и Galena, причемъ онъ удержалъ во всей неприкосновенности энтелехи и перваго и телеологію послѣдняго.

Такъ онъ ввелъ въ медицину четыре причины сущности вещей по перипатетической школѣ: *материальную, дѣйствующую, формальную и конечную*. Материальныя причины кроются во внутренностяхъ, въ рпеиша и влагахъ; дѣйствующія представляютъ собою такъ называемыя случайныя причины; формальныя—силы и темпераменты (complexiones), конечныя же составляютъ собственно самыя отправленія органовъ. Число способностей или силъ, дѣйствующихъ въ организмѣ, Авиценна умножилъ еще болѣе, нежели его предшественники. Между прочимъ, онъ дѣлитъ естественныя силы на „служебныя“ и „услуживаемыя“ (dienende и bediente, по Sprengelю). Къ послѣднимъ относятся силы, завѣдующія питаніемъ, ростомъ, а также произраждающая и образовательная силы⁴⁾. Служебныя же силы, необходимыя для питанія, суть:

¹⁾ Въ томъ числѣ o f. pestilens, variola, „morbilli“.

²⁾ Ср. Haeser, I, 587, 589 и Leclerc, I, 471.

³⁾ Ср. Sprengel, II, 412. ⁴⁾ Тамъ же, 409.

притягательная, удерживающая, изменяющая и изгоняющая, каковыя силы зависят от 4 элементарныхъ качествъ, почему онъ ихъ и называетъ служебными, такъ какъ онѣ не предполагаютъ другихъ силъ, а сводятся къ первичнымъ качествамъ¹⁾. Въ силѣ, завѣдующей питаніемъ, Авиценна различаетъ три момента: въ первый кровь превращается во влагу, доставляющую новый матеріалъ (*sambium, vis secretoria*); во второй эта измененная влага соединяется съ питательными частицами и тамъ отлагается (*vis adhaerentia*); въ третій моментъ это отлагаемое вещество становится совершенно похожимъ на тѣ плотныя ткани, для питанія которыхъ оно назначено (уподобленіе, *assimilatio*²⁾. Въ ученіи о влагахъ тѣла Авиценна вполне слѣдуетъ Галену, съ той только разницей, что онъ принимаетъ другое дѣленіе питательныхъ влагъ тѣла. Первый видъ этихъ влагъ, не назначенный для выдѣленія, заключенъ въ мельчайшихъ развѣтвленіяхъ артерій, идущихъ къ простымъ однороднымъ тканямъ. Второй видъ пропитываетъ въ видѣ росы простыя ткани и доставляетъ питательный матеріалъ. Третій видъ—нѣсколько концентрированнѣе и приобретаетъ составъ, но не всѣ качества простыхъ тканей. Четвертый видъ питательныхъ соковъ предсуществуетъ уже въ простыхъ тканяхъ и происходитъ отъ сѣмен. Этихъ схоластически-тонкихъ различій придерживалось большинство средневѣковыхъ врачей. Органы тѣла Авиценна дѣлитъ на воспринимашіе (страдательные) и дѣйствующіе. Къ первымъ относятся органы чувствъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ сердце³⁾. Не смотря на всѣ эти схоластическія бредни, необходимо однако признать, что Авиценна, благодаря развитію *физики* у арабовъ, весьма часто и съ большою проницательностью старается сводить *фізіологическія* отправления къ *фізическимъ* процессамъ (Naserv).

Патологія Авиценны изобилуетъ такими же схоластическими тонкостями, какъ и его *фізіологія*.

Такъ въ области *этіологіи* онъ принимаетъ 3 болѣзнетворныя причины: *предшествующую* (расположеніе), *первоначальную* (случайную) и „*связанную*“ (ближайшую)⁴⁾.

Вся его *патологія* основана на теоріи объ элементарныхъ качествахъ. Такъ, напр., согласно Авиценнѣ, холодъ и влажность способствуютъ ослабленію и угнетенію отправления мозга, теплота и сухость — извращенію ихъ. Далѣе онъ, опираясь на Архигена, принимаетъ 15 видовъ болѣй, причемъ полагаетъ, что влажный температуръ не можетъ породить головныхъ и вообще никакихъ болѣй, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда влаги нарушаютъ естественную теплоту тѣла или причиняютъ нарушение дѣлости („постояннаго“). Закупоренія, по его мнѣнію, происходятъ не только отъ вязкаго свойства влагъ, но и отъ ненормальнаго ихъ количества. Весьма тонкія различія приведены имъ по поводу воспаленія мозга и *phrenitis*. Манію, гипохондрію (*morbus mirachialis*) и меланхолію онъ объясняетъ помраченіемъ рпеума⁵⁾.

Головокруженіе онъ различаетъ двухъ видовъ, изъ коихъ въ первомъ становится темно въ глазахъ и больной падаетъ, а второй связанъ съ представленіемъ о круженіи. Въ отличіе отъ Галена, утверждавшаго, что ударъ весьма рѣдко бываетъ при настоящемъ полнокровіи, Авиценна совершенно справедливо указываетъ на то, что это наоборотъ имѣетъ мѣсто весьма часто⁶⁾. При этомъ онъ указываетъ также на возможность

¹⁾ Avicenna, Canon, I, I, fen 2, doct. 2, c. 3. Cp. Sprengel, II, 410. ²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же 411. Однако мѣстопробываніе зрѣнія онъ ищетъ въ зрительномъ нервѣ, а не въ хрусталикѣ, какъ это дѣлали арабы до него. Тамъ же, 412.

⁴⁾ Avicenna, Canon, I, I, fen 2, doct. 2, c. 1. Cp. Sprengel, II, 409.

⁵⁾ Тамъ же, 412—414.

⁶⁾ Canon, I, III, tr. 5, ss. 1 и 12. Cp. Sprengel II, 414.

излеченія даже при наличности нѣкоторыхъ признаковъ смерти, въ чемъ онъ неоднократно имѣлъ случай убѣдиться на опытѣ, почему совѣтуетъ въ подобныхъ случаяхъ откладывать погребеніе на 72 часа.

Pleurgesia дѣлится имъ на 1) собственно воспаленіе легочной плевы, 2) воспаленіе межреберныхъ мышцъ (*pleurodynia*) и 3) воспаленіе загрудинной вѣтчатки (*mediastinitis*), при которомъ лихорадка не достигаетъ высокой степени ¹⁾. Изъ различныхъ формъ лихорадокъ онъ наблюдалъ между прочимъ постоянную, вслѣдствіе жара крови (*synocha plethorica*), а также осложненную обморокомъ отъ порчи влаги, наконецъ 6—и 7—дневная лихорадка, считавшіяся Галеномъ чрезвычайно рѣдкими. Далѣе имъ описывается *tubeola* ²⁾, по его мнѣнію, составляющая нѣчто среднее между оспой и корью, которая онъ почти дословно излагаетъ по Разесу.

И Авиценна происхожденіе оспы ставитъ въ зависимость отъ „шипѣнія“ крови, на подобіе растительныхъ соковъ (вина), вслѣдствіе разложенія остатковъ менструальной крови, находившихся въ маткѣ во время зачатія или отложившихся въ ней позднѣе. Что касается кори, то Авиценна находитъ, что это—родъ желчной оспы и что нѣтъ почти разницы между той и другой болѣзью, за исключеніемъ лишь того, что корь, происходящая отъ желчи и меньшаго количества болѣзненнаго вещества, не образуетъ возвышеній надъ поверхностью кожи, тогда какъ оспа производитъ пустулы. Симптомы въ началѣ заболѣванія, согласно Авиценнѣ, почти одинаковы, причемъ однако предсердечная тоска, затрудненное дыханіе и общее лихорадочное состояніе въ кори сильнѣе, чѣмъ въ оспѣ, и нѣтъ характеристическихъ болей въ спинѣ, которыя бывають при оспѣ и завязать отъ переполненія и растяженія венъ позвоночнаго столба кровью. Очевидно, здѣсь Авиценна строитъ гипотезу на гипотезѣ, оставляя въ сторонѣ путь трезваго наблюденія ³⁾.

Далѣе имъ описываются *miliaria*, *spina ventosa*, проказа, виды и симптомы которой имъ представлены въ строго систематическомъ порядкѣ; наконецъ *tic convulsif*, при которомъ боль, согласно Авиценнѣ, сосредоточивается преимущественно въ кости ⁴⁾. Теорія объ элементарныхъ качествахъ Галена въ особенности ярко выразилась въ ученіи Авиценны о заболѣваніяхъ желудка, печени, селезенки, почекъ и въ семиотикѣ мочи ⁵⁾. Близкое знакомство съ предметомъ обнаружено Авиценной въ описаніи отравленій и болѣзней мужскихъ половыхъ органовъ. Между прочимъ онъ приводитъ случаи содоміи, а также—появленія испражнений при *coitus* ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же и 415.

²⁾ I. с., 416. Bouchut (I, 256) по этому поводу опровергаетъ мнѣніе Sprengel'я о томъ, что Авиценнѣ была извѣстна скарлатина, но Sprengel вовсе не говоритъ здѣсь о скарлатинѣ, а только о „Rötheln“. ³⁾ Ср. Bouchut, I, 255.

⁴⁾ Ср. Sprengel II, 416. *Предсказаніе* при *tic convulsif* уже Разесъ считалъ неблагоприятнымъ, если въ теченіе мѣсяца не послѣдуетъ полного излеченія или по крайней мѣрѣ облегченія,—что и понынѣ справедливо для большей части случаевъ. Ср. R. Köhler, *Specielle Therapie*, Leipzig, 1868, II, 670.

⁵⁾ Ср. Haeser, I, 589. ⁶⁾ Ср. Sprengel, II, 415.

Гигієна и дієтика Авиценны (отдѣлъ III кн. I) начинается фило-софскимъ введеніемъ о причинахъ здоровья и болѣзней и о необходимости смерти. Затѣмъ слѣдуетъ отлично изложенная дієтика дѣтскаго возраста, скудное описаніе дѣтскихъ болѣзней, ученіе о тѣлесныхъ упражненіяхъ, дієтика старческаго возраста, а также людей, имѣющихъ болѣзненную комплекцію, изображеніе вліянія климатовъ, путешествій и т. д. Вліяніе созвѣздій на человѣка отрицается Авиценной, который въ особомъ трактатѣ вооружается противъ астрологіи ¹⁾).

Фармакологія. Materia medica Авиценны, по словамъ Sprengel'я, весьма трудно поддается изслѣдованію и приведенію въ ясность, вслѣдствіе запутанности и недостаточно разъясненной арабской номенклатуры.

У *Serapion* и *fudenedsch* имѣеть совершенно другое значеніе, чѣмъ у Авиценны, у котораго оно означаетъ *origanum majana*; точно также *bogig-marjam* у перваго означаетъ вѣроятно *suclamen eugoraem*, но имѣеть ли оно тоже значеніе у Авиценны, неизвѣстно. Далѣе у *Razes* вовсе нѣтъ названія *terendschebin*, которое у Авиценны означаетъ растаявшую манну. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что Авиценна, подобно другимъ арабскимъ и персидскимъ врачамъ, не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній въ естественной исторіи и потому часто смѣшивалъ названія лекарственныхъ веществъ, какъ напримѣръ *Lebleb* (*Dolichos lablab*) съ *Convolvulus scammonia* и *Khakhenedsch* (*Solanum lycopersicum*) съ *Alkekendsch* (*Physalis alkekengi*) ²⁾. Вообще изъ *растительнаго* царства онъ часто примѣнялъ ароматическія, пряныя и смолистыя вещества, между прочимъ *янтарь*, который по его словамъ есть камедь янтарнаго дерева, а также *камфору*, которой онъ приводитъ различные виды, каковы *kausuri*, *gaidischi* (продажная), а также *голубая*, смѣшанная съ деревомъ, причѣмъ отмѣчаетъ рыхлое строеніе, ломкость, легковѣсность и бѣлизну камфорнаго дерева ³⁾. *Супашот* и онъ причисляетъ къ вызывающимъ потуги, но не къ кровоостанавливающимъ средствамъ. Къ *слабительнымъ* средствамъ онъ относитъ *колоквинты*, *скаммоній*, *сабуръ*, *ревень* же онъ считаетъ только *stomachicum*. *Опій* (сокъ *ravaveris nigri*) онъ употреблялъ при поносахъ и глазныхъ болѣзняхъ. Вообще онъ ему приписывалъ холодное свойство въ четвертой степени, а смерть отъ него—пониженію естественной теплоты. *Нуосуамус* („*niger, ruber et albus*“) былъ извѣстенъ только какъ ядъ, *cicuta* и *aconitum* („*bisj*“) употреблялись снаружи при *сыпныхъ* болѣзняхъ, при коихъ также примѣнялась *менструальная кровь* и *человѣческое сѣмя*. Изъ *индійскихъ* средствъ Авиценна упоминаетъ объ *индійскомъ хмѣлѣ*. — Изъ *животнаго* царства упоминаются *moschus* и *castoreum*, которые уже тогда часто поддѣлывались ⁴⁾. Вообще средствамъ, укрѣпляющимъ сердце, онъ посвятилъ особый трактатъ (*De medicinis cordialibus*, ed. *Alpagi*,

¹⁾ Ср. Haeser, I, 587.

²⁾ Ср. Sprengel II, 417, 418.

³⁾ Canon I. II, fen 2, сс. 371 и 133. Ср. Sprengel, II, 418, 419.

⁴⁾ Тамъ же и Haeser, I, 588.

Venet, 1544), гдѣ дѣйствіе ихъ сводитъ къ оживленію и проясненію жизненнаго рпеиша. Не обошлось у него и безъ примѣненія отвратительныхъ средствъ, какъ напр. клоповъ противъ 4-дневной лихорадки и истерии, помета и мочи многихъ животныхъ и т. д. Изъ *минеральнаго* царства металлы употреблялись имъ только снаружн, такъ какъ считались ядовитыми. Сюда относятся *se gussa*, подъ каковымъ названіемъ слнли какъ углекислый, такъ и уксунокислый свинецъ, сюръма въ сыромъ видѣ, закиси желѣза и мѣди и соединеніе на шатыря съ мѣдью, къ которому, для ослабленія его дѣйствія, прибавлялся свинцовый сахаръ. Изъ сортовъ желѣза Авиценна приводитъ три 1) *sa burg an* (желѣзный колчеданъ), *ba g ma he n* (желѣзный шпатель) и *ful ad* (сталь). Далѣе мышьякъ въ видѣ сандарака и аврингмента при на кожныхъ болѣзняхъ. Наконецъ разныя виды глинъ, каковы: армянская, самосская, лесбійская и т. д., о чудесномъ дѣйствіи которыхъ Авиценна распространяется весьма много. Мелко-растолченное стекло употреблялось при глазныхъ болѣзняхъ, а внутрь при почечныхъ и мочевыхъ камняхъ и какъ вяжущее. Золото и серебро онъ считалъ отличными средствами и примѣнял ихъ также внутрь, какъ кровоочистительныя. Отсюда беретъ начало обычай готовить позолоченныя или посеребренныя пилюли. Что касается ртути, то Авиценна, подобно Павлу Эгипскому, употреблялъ ее внутрь только при заворотѣ кишекъ, причемъ упоминаетъ о дурномъ запахѣ изо рта и дрожаніи, какъ послѣдствій ея употребленія. Самымъ сильнымъ ядомъ считалась сулема, добывавшаяся смѣшеніемъ ртути съ поваренной солью, и, конечно, употреблявшаяся только снаружн¹⁾.

Терапія Авиценны вообще мало отличается отъ таковой же Разеса и *Ali ben Abbas'a*, коихъ сочиненія въ практическомъ отношеніи стоятъ гораздо выше *Канона*. Лично ему принадлежит совѣтъ—не назначать лекарствъ въ знойное лѣто и суровую зиму (отголосокъ гипократическихъ началъ); кромѣ того, при выборѣ медикаментовъ—обращать вниманіе на климатическія условія: такъ, по его мнѣнію, *греческія* слабительныхъ не слѣдуетъ употреблять въ Персіи, ибо многія средства въ однѣхъ странахъ теряютъ дѣйствіе, обнаруживаемое ими въ другихъ. Такъ *scammonium* въ Бухарѣ оказывается совершенно недѣйствительнымъ. При *phrenesia* Авиценна, въ противоположность Разесу, пускалъ кровь ранѣ примѣненія другихъ средствъ; при воспаленіяхъ же выжидалъ съ нимъ до окончанія періода „сырости“, такъ какъ считалъ его лишь опорожняющимъ, но не способствующимъ сваренію средствомъ. При выборѣ вены для кровопусканія онъ руководствовался періодомъ болѣзни и дѣлалъ его въ началѣ болѣзни изъ отдаленныхъ венъ (*revulsio*), въ дальнѣйшемъ же теченіи—изъ ближайшихъ (*derivatio*). При меланхолии онъ рекомендовалъ машину, похожую на качель. Въ отличіе отъ Галена, считавшаго судороги, происходящія отъ сухости, неизлечимыми, онъ съ успѣхомъ назначалъ при нихъ увлажжающія средства; при наду-

¹⁾ Тамъ же и Sprengel II, 419, 420.

чей болѣзни—ѣсть за обѣдомъ вдвое больше, чѣмъ за ужиномъ. При столбнякѣ имъ примѣнялись теплыя масла, *castoreum* и *assa foetida*; при чахоткѣ—сахаръ и молоко; при кровавомъ поносѣ—миробаланы, ревенъ, трагакантъ, свѣжія яйца¹⁾, а позднѣе промывательныя изъ аврипигмента. При перемежающихся лихорадкахъ онъ совѣтуетъ избѣгать острыхъ раздѣшающихъ средствъ, рекомендуемыхъ Разесомъ, а примѣнять болѣе нѣжныя²⁾.

Хирургія Авиценны вообще весьма скудна и изложена въ отдѣлѣ IV кн. IV *Канона*. Здѣсь онъ разсматриваетъ раны, смѣщенія, вывихи и переломы. Въ хирургіи методъ непосредственнаго вправленія вывиха плеча, съ помощью простаго давленія, извѣстенъ подъ названіемъ „способа Авиценны“, который первый его рекомендовалъ (*Канонъ*, IV, fen 4)³⁾. Грыжи, даже ущемленныя, онъ не оперировалъ.—Къ курьезамъ слѣдуетъ отнести стараніе прискивать средства для возвращенія чернаго цвѣта глазамъ, получившимъ голубой цвѣтъ отъ болѣзни (проказы?)⁴⁾.

Въ области *офтальміатріи* онъ принималъ, что катаракта происходитъ отъ стока влагъ изъ мозга въ глазъ (*descensus aquae*), отъ каковой формы отличалъ „засореніе зрачка“ (родъ сѣрой катаракты). Для удаленія катаракты онъ совѣтуетъ низдавленіе, причемъ замѣчаетъ, что нѣкоторые хирурги были на столько смѣлы, что удаляли сѣрую катаракту посредствомъ извлеченія, каковую операцію онъ, подобно другимъ арабамъ, считалъ опасной⁵⁾.

Въ области *акушерства* онъ ограничивается только замѣтками объ удаленіи мертваго плода. Тамъ, гдѣ напитки и окуриванія не помогаютъ, повитуха, „по совѣту древнихъ“, должна, по предварительномъ расширеніи маточнаго устья, приступить къ удаленію мертваго, а въ случаѣ надобности, и живаго младенца, съ помощью крючковъ, которые постепенно вводятся все выше и выше по мѣрѣ того, какъ роды подвигаются впередъ. Когда же и это не помогаетъ, слѣдуетъ приступать къ выниманію мозга, внутренностей и раздробленію⁶⁾.—Изъ другихъ врачей въ Персіи въ XI в. выдаются:

Al-Biruni (изъ индійскаго города Бируна), также **el Ustad** [учитель], **Aburrihan Muhammed ben Ahmed**.

¹⁾ Интересно, что *свѣжія яйца при дизентеріи* настойчиво рекомендуются именно въ послѣднее время. Ср. *Русскую Медицину*, № 20 и *Новости терапіи*, № 24, за 1892.

²⁾ Sprengel, 420—422. ³⁾ Ср. Haeser I, 589.

⁴⁾ Canon, l. III, fen 3, tr. 2, c. 34. Ср. Sprengel II, 422. ⁵⁾ Тамъ же, 423, гдѣ въ прим. 82 Sprengel высказываетъ также предположеніе, что Авиценна первый примѣнял *эластическіе* катетеры. ⁶⁾ Ср. Haeser I, 589.

Онъ былъ другомъ Авиценны, съ которымъ поддерживалъ дѣятельную переписку, спеціально изучилъ науки яндусовъ, между которыми онъ жилъ долгое время, а также и греческія науки, имѣлъ обширныя свѣдѣнія и оставилъ сочиненія по физикѣ, математикѣ, астрономіи, исторіи и даже еврейской письменности, почему ему приписывали еврейское происхожденіе. Вниманія врачей онъ въ особенности заслуживаетъ по своему *Медицинскому естественно-историческому трактату*, въ которомъ онъ занимается характеристикой отличительныхъ свойствъ медикаментовъ, ихъ синонимами, мнѣніями древнихъ и т. д. Это сочиненіе до насъ не дошло. Въ другомъ, до насъ дошедшемъ трактатѣ *О драгоценныхъ камняхъ* онъ цитируетъ какъ большинство древнихъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, такъ и арабскихъ, напр. Geber'a и Abu Hanifa Edinpurî. Здѣсь по поводу магнита онъ говоритъ, что Geber видѣлъ таковой, поддерживавшій кусокъ желѣза вѣсомъ въ 100 драхмъ, а по поводу мѣди приводитъ цитату изъ пророка-Самуила (описание оружія палестинца Куліада) съ замѣчаніемъ, что всѣ они состояли изъ мѣди и ни одно—изъ желѣза. Далѣе изъ этого сочиненія видно, что уже во времена El-Biruni были любители дорогихъ фарфоровыхъ коллекцій. Наконецъ здѣсь жерѣчь идетъ о химической процедурѣ размягченія желѣза съ помощью мышьяковастаго соединенія¹⁾.

Въ Иранѣ въ XI в., благодаря просвѣщенной дѣятельности покровителя наукъ, визиря Nidham el Mulk'a, который самъ былъ ученымъ и основателемъ общепользныхъ школъ и госпиталей, воскресли традиціи Adhad ed-Daula. Въ это время самыми выдающимися врачами были здѣсь христіане, куда относятся:

Abul Faradsch ben Thaleb (ум. въ 1043 г.), несторианскій священникъ, оставилъ:

Комментаріи на *Афоризмы* и *Епидем.* Гипократа, на XVI книгу Галена и вмѣстѣ на сокращеніе послѣднихъ, а также въ Аристотелю и Порфирію, и трактаты *О философскихъ сектахъ* и *Объ атомахъ*; изъ оригинальныхъ медицинскіхъ сочиненій: *О природныхъ качествахъ*, *О винѣ*, *О глазахъ*, *Отчего для всѣхъ влагъ существуютъ опорожняющія, за исключеніемъ крови? наконецъ трактатъ О растеніяхъ, мужскихъ и женскихъ*, о различныхъ частяхъ растений, словомъ родъ общей ботаники.

Авиценна цѣнилъ его высоко какъ врача, но мало какъ философа²⁾. Его ученикъ,

Ebn Bothlan (у лат. переводчиковъ—Eluchasem Elimithar), изъ Багдада, предпринималъ путешествія въ Сирію, Египетъ и Константинополь въ 1054 г. (гдѣ тогда свирѣпствовала чума, о которой онъ оставилъ описаніе), а въ 1063 г., по словамъ Осейбіи, состоялъ еще врачомъ при больницѣ въ Антиохіи, по Абулфараджу, однако, онъ еще 11 лѣтъ тому назадъ умеръ тамъ въ монастырѣ. Интересно, что, будучи самъ безобразнымъ и чернымъ, онъ проповѣдывалъ, что врачу не зачѣмъ быть красивымъ. Онъ оставилъ множество сочиненій, между прочимъ:

¹⁾ Ср. Leclerc I, 480—482. ²⁾ Тамъ же, 486—488. ³⁾ автору *Династій*.

Трактатъ о назначеніи слабительныхъ. О введеніи пищи въ тѣло, ея свареніи, выдѣленіи и остаткахъ. Письмо къ Alī ben Rodhuan'у, написанное по поводу ихъ разногласій при свиданіи въ Египтѣ, въ какомъ письмѣ онъ упренаетъ послѣдняго въ незнакомствѣ съ наукой древнихъ и оспариваетъ его мнѣніе „о ненужности учителей для ознакомленія съ науками, которыя можно изучать и по книгамъ“). Далѣе сочиненія: Почему искусные врачи оставили обычай древнихъ извѣстныхъ болѣзни, какъ параличи, tic facialis, лечитъ согрѣвающими (горячительными) медикаментами, а ими употребляютъ охлаждающее леченіе (написано въ Антиохіи). Введеніе въ медицину. О столкновеніяхъ между врачами—трактаты о защитѣ врачей, священниковъ и о покупкѣ рабовъ. Самое же главное:

Takwim es-sahha (по Choul. *al-sihha*), *Tabula sanitatis* (*тарелка* или *состояніе здоровья*). Это сочиненіе замѣчательно не столько по содержанію, сколько по новой формѣ, а именно по формѣ *синоптическихъ таблицъ*, которую повидимому онъ первый изобрѣлъ.

Сочиненіе это содержитъ 280 параграфовъ о различнаго рода пищѣ, напиткахъ, музыкѣ, снѣ, гимнастикѣ, купаньѣ, а также о частной терапіи, на двухъ страницахъ, раздѣленныхъ графами на 15 вертикальныхъ столбцовъ, въ которыхъ выведены по порядку отдѣльныя рубрики: номеръ, имя предмета, свойство его по отношенію къ 4 основнымъ элементамъ, степень, выборъ средствъ, вспомогательныя средства, неудобства, исправляющія средства; произведенныя влаги, подходящіе темпераменты, время года, возрастъ, мѣстность, авторитеты, замѣчанія о нѣкоторыхъ подробностяхъ. Шестнадцатый отдѣлъ (на верху и внизу страницъ) содержитъ общій взглядъ на содержаніе сочиненія (*capones universales*). Первые 200 параграфовъ относятся къ произведеніямъ различныхъ царствъ [природы?] какъ въ простомъ видѣ, такъ и въ состояніи комбинацій. Между прочимъ здѣсь есть нѣсколько любопытныхъ главъ объ издѣліяхъ кулинарнаго искусства, приправахъ и домашней фармаціи, затѣмъ рѣчь идетъ о слабительныхъ, coitus, гимнастикѣ, водѣ, окуриваніяхъ, одеждѣ, жилищахъ, временахъ года и т. д.

Изданія. Латинское: *Takwim* былъ переведенъ, неизвѣстно кѣмъ, весьма плохимъ латинскимъ языкомъ и напечатанъ подъ заглавіемъ: *Tacuinum sanitatis Elluchasem Elimithar medici de Baldath*, также еще прибавляютъ: *Filii hahadum filii Du cellani. Argentorati, 1531*. Нѣмецкое: тамъ же, 1533; перев. Mich. *Hero* (Michael Herr).

Неуспѣхъ этого сочиненія слѣдуетъ приписать крайне недостаточному переводу, въ которомъ техническія названія, даже самыя обыкновенныя, просто списаны съ арабскаго ¹⁾.

Съ легкой руки Ebn Bothlan'a, изобрѣтенная имъ форма *синоптическихъ таблицъ* нашла вскорѣ подражателей, куда относятся:

Said ben Hibat Allah, во второй половинѣ XI в. при калифахъ Mostadi и Mosthader'ѣ, врачъ при багдадскомъ госпиталѣ Adhedi, оставилъ слѣдующія сочиненія:

Morn'у или сама себѣ довлѣющая книга, подраздѣленная на слѣдующія рубрики: болѣзни, причины, симптомы, леченіе. Это резюме превосходно въ отвѣденныхъ ему рамкахъ. Далѣе: О приготовленіи медикаментовъ, указанныхъ въ *Morn'у*. О конституціи чловѣка (въ Bodleyana). О желтухѣ, объ опредѣленіяхъ и различіяхъ. Книга подъ заглавіемъ *Telchis ennidhami*, посвященная Nidham el Mulk'у, который, какъ сказано,

¹⁾ Тамъ же, 489—491 и Choulant, l. c., 368.

для XI в. былъ такимъ же меценатомъ, какъ Adhad ed Daula для X в. Содержаніе ея неизвѣстно. Наконецъ, Отвѣты на вопросы медицины¹⁾.

Изъ учениковъ его извѣстны: Amin ed-Daula, Abul Barakat (обращенный еврей) и

Ebn Dschezla Ali lahja ben Issa el Kateb el Bagdadi (также Buhahulyha, сынъ палача), род. въ Багдадѣ, вѣроятно въ началѣ XI в., ум. въ 1100 г. (*Гаджи Камфа*). Онъ сначала изучалъ медицину у своихъ единовѣрцевъ, багдадскихъ христіанъ, а также у упомянутаго Saïd ben Hibat Allah, затѣмъ посѣщалъ школу Abu Ali ben el Walid'a, который обучалъ его логикѣ и впоследствии обратилъ въ исламъ, что доставило ему мѣсто секретаря при кади Abu Abdallah, канцлерѣ калифа Моктади. Подобно многимъ новообращеннымъ евреямъ и христіанамъ, Эбнъ Д жезла за свое вступленіе въ исламъ заплатилъ памфлетами противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Впрочемъ онъ былъ добрый человѣкъ и безвозмездно пользовалъ больныхъ, которыхъ снабжалъ бесплатными же медикаментами. Онъ оставилъ слѣдующія сочиненія:

Книгу советовъ или квинтэссенцію опредѣлений, трактатъ о *преимуществахъ медицины* и ея отношеніяхъ къ юриспруденціи, болѣе же всего извѣстны его сочиненія:

1) *Menhadsch el bayân fima istamel el insân*, т. е. *Методическое изложеніе предметовъ, употребляемыхъ человекомъ*. Посвящено калифу Моктади. Это трактатъ о простыхъ медикаментахъ и пишѣ въ алфавитномъ порядкѣ, который Lesclerc ставитъ выше кн. II *Канона* Авиценны.

2) *Takwim el abdan fi tedbir el insân*, т. е. *Состояніе тѣла по отношенію къ режиму человека*. Это трактатъ, излагающій вкратцѣ патологію въ видѣ 44 синоптическихъ таблицъ, изъ коихъ каждая содержитъ на 2 страницахъ исторію 8, а слѣдовательно всѣ—352 болѣзней. Первая страница содержитъ названіе болѣзни, темпераментъ, возрастъ, время года, мѣстность, степень, причины, симптомы и показанія для опорожняющихъ, наконецъ „царственное“ и „легкое“ леченіе. Первое (tedbir maleki) объясняется дороговизной средствъ, недоступныхъ для каждаго кармана. Вторая страница описываетъ обменное леченіе²⁾.

Изданіе. Латинское, вѣроятно въ переводѣ еврея Ferragius'a (1280), подъ заглавіемъ: *Takwim el abdan: Tacuini aegritudinum et morborum fere omnium corporis humani cum curis eorundem* (или *Directio corporis de regimine hominis*) Buhahulyha byn Gezla autore. Argentorati, 1532.

Нѣмецкое: *Schachtafeln der Gesundheit*, Strassburg, 1533, перев. Mich. Hero³⁾.

Очевидно, нѣмецкій переводчикъ не понялъ значенія слова *Takuim*, которое по арабски означаетъ не *таблицы* (dschedul), а *состояніе*. Сочиненіе это было посвящено неаполитанскому королю Карду. Начинается оно изложеніемъ лихорадокъ, затѣмъ слѣдуютъ болѣзни кожи, раненія, яды, далѣе болѣзни различныхъ органовъ, начи-

¹⁾ Ср. Lesclerc, I, 492.

²⁾ Тамъ же, 493—495.

³⁾ Choulant, Bücherkunde, 369.

ная съ головы до ногъ. Въ концѣ помѣщены общіе вопросы и прогностика. Въ особенности много авторъ распространяется о женскихъ болѣзняхъ, причемъ рѣчь идетъ также о средствахъ къ предупрежденію зачатія¹⁾.

Ali ben Issa или Issa ben Ali для однихъ составляютъ одно и тоже лицо, а для Leclerc'a—два различныхъ, причемъ онъ опирается на Осейбію, который (въ гл. 8) говоритъ объ одномъ, жившемъ при первыхъ Аббасидахъ, какъ авторѣ двухъ сочиненій (*О выодахъ, которыя можно получить отъ органовъ животныхъ; о ядахъ*), а въ гл. 10—о другомъ, какъ о знаменитомъ окулистѣ, оставившемъ *Tedkirat el Kahhalin*, или *Памятную книгу, необходимую для каждого окулиста*, въ которой „практическая часть лучше, чѣмъ теоретическая“. Онъ ум. въ 1010 г., полтора вѣка спустя послѣ Нопейна, слѣдовательно не могъ быть его ученикомъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ. Такого же мнѣнія о дуализмѣ лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ Ali ben Issa, придерживается Reiske, который отзываясь о немъ такъ:

„Alius filius Isa'i Kahhali, cujus opus de morbis oculorum, quod autor noster summo pere laudat et valde commendat chirurgicis tanquam eo sagere nequeant, eleganter scriptum possideo“²⁾.

Отсюда видно, что Ali ben Issa носитъ также названіе Kahhal, т. е. окулистъ, отъ *Kahal* или *Kohol*, которымъ арабы обозначали мельчайшій порошокъ антимонія, употреблявшійся глазами врачами, а позднѣе словомъ „al-Kohol“ стали обозначать всякое доведенное до тончайшаго состоянія лекарственное вещество, отсюда также—*Alkohol vini*³⁾.

Tedkirat распадается на три части. Первая посвящена анатомическому описанію глаза, вторая—видимымъ, а третья—„невидимымъ“ болѣзнямъ глаза, какъ міопія, гемералопія и т. д. Во введеніи авторъ объявляетъ, что онъ преимущественно опирается на Галена, мнѣніе коего о мѣстѣ образованія катаракты⁴⁾ онъ однако оспариваетъ. По мѣстамъ встрѣчаются также имена Павла Эгинскаго и Критона.

Изданія. De cognitione infirmitatum oculorum et curatione eorum въ *Collectio chirurgica Veneta*, выходящей съ 1497. Переводъ, неизвѣстно чей (быть можетъ Gerardus'a изъ Кремонны), часто печатался вмѣстѣ съ переводомъ Abulcasis'a и Guy de Chauliac'a, который называетъ его *Iesu Hali*.

Отрывокъ изъ *Tedkirat* обнаружилъ Hille, по дрезденской рукописи, подъ заглавіемъ: *Alii ben Issa Monitorium oculariorum, sive compendii ophthalmiatrici specimen*. Dresden, 1845. Содержитъ переводъ кн. I (вступленіе и анатомію) и списокъ главъ второй и третьей книгъ, причемъ во введеніи Hille представилъ историческій очеркъ офтальмологіи, гдѣ арабскую излагаетъ по Wüstenfeld'u, утверждая, что арабская многимъ обязана римской. Съ этимъ несогласенъ Leclerc, который находитъ, что ара-

¹⁾ Ср. Leclerc, I, 496. ²⁾ Тамъ же, 498—500. ³⁾ Ср. Haeser I, 592.

⁴⁾ „отчасти въ humor aqueus“. См. Исторію древней медицины, вып. III, стр. 967.

бы вполне самостоятельны въ этой области, обработанной ими болѣе, чѣмъ всякая другая область медицины. Не говоря уже о многихъ пропускахъ у Hille какъ при изчисленіи именъ арабскихъ окулистовъ, такъ и въ самомъ изложеніи фактовъ, онъ даже не упоминаетъ объ отмѣченномъ *Abulcasis*'омъ способѣ операціи катаракты желобоватой иглой съ помощью *высасыванія*, а также посредствомъ *извлеченія* ¹⁾.

Послѣ сказаннаго отзывъ *Naeser*'а (l. c.) объ историческомъ введеніи Hille, какъ о „дѣльномъ“ (*tüchtigen*) долженъ показаться по меньшей мѣрѣ страннымъ.

Месуѣ-младшій, по словамъ Льва Африканскаго, который называетъ его *Mesuach Christianus*, ум. въ 1015 г., 90 лѣтъ отъ роду. Согласно позднѣйшимъ писателямъ, онъ былъ якобитъ изъ Мардина на Евфратѣ, учился въ Багдадѣ и впослѣдствіи отправился въ Египетъ, гдѣ сдѣлался приближеннымъ калифа фатимида *el Nakem'a* въ Каирѣ. По Льву Африканскому, Месуѣ-младшій писалъ о приготовленіи сложныхъ медикаментовъ. *Choulant* (*Bücherkunde*, 352), а за нимъ

Naeser (I, 577), подвергаютъ сомнѣнію вообще существованіе Месуѣ младшаго, такъ какъ арабскихъ рукописей его сочиненій не имѣется и къ тому же никто изъ современныхъ ему арабскихъ писателей о немъ не упоминаетъ ²⁾. Они полагаютъ поэтому, что этимъ именемъ воспользовался какой нибудь латинскій писатель XI или XII в., чтобы обезпечить успѣхъ своихъ сочиненій. Какъ бы то ни было, содержаніе сочиненій, носящихъ его имя, фармакологическое.

Сочиненія Месуѣ-младшаго дошли до насъ только въ латинскомъ переводѣ, быть можетъ съ еврейскаго, подъ именемъ: *Ioannes filius Mesuae filii Hamech, filii Heli, filii Abdela regis Damasci* (въ оригиналѣ *вѣроятво schein*) ³⁾. Сочиненія эти раздѣляются на 4 книги: Первая разсматриваетъ средства, исправляющія медикаменты (*de consolatione medicinarum*, i. e. *correctione operationum earundem*). Вторая трактуетъ о простыхъ слабительныхъ (*De medicinis laxativis, solutivis, purgatoriis*, также *De simplicibus*) и распадается на два отдѣла: на медикаменты, представляющіе неудобства и—не представляющіе таковыхъ (всего 54 параграфа). Обѣ названныя книги *Choulant* считаетъ за одно сочиненіе. Третья книга (*Antidotarium, Grabadin medicamentorum compositorum*) заключаетъ формулы сложныхъ медикаментовъ. Четвертая „*de egritudinibus*“ (*Leclerc*), также: *Practica medicinarum particularium s. liber de appropriatis* (*Choulant*), занимается медикаментами, свойственными каждой болѣзни порознь. Эта книга осталась неоконченной. Изложеніе болѣзней начинается съ головы и останавливается на сердцѣ. Въ четвертой книгѣ нѣтъ никакихъ патологическихъ данныхъ, которыми бы обосновывались показанія для различныхъ медикаментовъ. Вообще это посредственное сочиненіе. Хотя о томъ же предметѣ оставилъ сочиненіе и Месуѣ-древншій, но между ними есть разница: такъ у младшаго встрѣчаются имена *ed-Dschezza'ra* и *Авицени* (*Ali Senis*). Трактатъ Месуѣ-древняго переведенъ на еврейскій

¹⁾ Ср. *Leclerc*, I, 501—503.

²⁾ Уже *Alragus*, въ *Adnotationes* къ *Канону*, говорятъ: *et ego vidi librum arabicum filii Mesue antiquioris, sed librum filii Mesue posterioris nullibi in arabico reperire potui*. Ср. *Leclerc*, I, 506.

³⁾ По толкованію *Wüstenfeld*'а (*Arab. Aerztc*, 63): *Jahiah ben Maseweih ben Ahmed ben Ali ben Abdallah*.

азикъ (существуетъ въ Парижской библиотекѣ). Интересно, что Месуе-младшій никогда не упоминаетъ о древнемъ.

Изданія. Сочиненія Месуе были напечатаны весьма рано и имѣли до 34 полныхъ и частныхъ изданій. Изъ нихъ самыя старинныя: Venet, 1471, 1540, 1549 (Juntina) и 1561 (самое лучшее). Отдѣльное: Liber de consolatione medicinarum simplicium solutivarum; de medicinis particularium aegritudinum liber. Petri Apponii additio, Mediolani, 1473; Pariae, 1478. На итальянскомъ: Modena, 1475, Venet. 1487, Firenze, 1490¹⁾.

Въ Египтѣ въ XI в. покровителемъ наукъ былъ Bedred-Dschemaly, визирь Мостансера. Интересно въ это время варварское истребленіе богатой библиотекы, устроенной фатимидами въ Каирѣ и наполнявшей собою 18 комнатъ (однихъ экземпляровъ *Корана* тамъ насчитывалось до 2400!). И ее-то разграбили какой-то визирь (навьючившій книгами 25 верблюдовъ) и берберійцы, оставившіе себѣ только переплеты и побросавшіе листы, которые, покрывшись пескомъ, образовали цѣлый холмъ²⁾. Но все таки въ Египтѣ осталось еще много богатыхъ библиотекъ, какъ визиря Afdal'я (50000 томовъ), ученаго эмира Mobascher'a, оставившаго также *трактатъ о медицинѣ*, и еврея Афранима³⁾. Изъ ученыхъ въ это время въ Египтѣ выдаются:

Ebn el Heitsam (*Alahzen*, 965—1038), послѣ Авиценны замѣчательнѣйшій ученый XI в. Онъ род. въ Бассрѣ въ 965 г., а въ послѣдствіи, въ царствованіе ел Накем'а, поселился въ Египтѣ въ 996 г., въ мечети El Azhar. Вся его жизнь была посвящена изученію наукъ и составленію книгъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова энциклопедическій геній, у котораго медицина составляла самую слабую сторону. Онъ былъ философъ, физикъ, по преимуществу же—математикъ. Число составленныхъ имъ книгъ и статей доходитъ до 200. Въ особенности же между ними выдается трактатъ *Объ оптикѣ*, доставившій ему всемірную славу. Изъ медицинскихъ его сочиненій Leclerc приводитъ:

Состояніе медицины по сочиненіямъ Галена, 30 томовъ. О демонстраціи. О пользѣ органовъ. О мянѣяхъ Гипократа и Платона. О сѣмени. О голосѣ. Свойства простыхъ медикаментовъ. О сложныхъ медикаментахъ. О хорошемъ и дурномъ сокѣ (chymus). Что качества души слѣдуютъ темпераменту. О дурномъ темпераментѣ. О плеторѣ. О примѣненіи кровопусканія. О маразмѣ. О лучшей конституціи. О пищѣ по Гипократу и Галену.

Что касается его *математическихъ, астрономическихъ, философскихъ* и другихъ сочиненій, то списокъ ихъ такъ великъ (у Leclerc'a онъ занимаетъ 6 страницъ), что не находимъ возможности привести здѣсь хоть краткій перечень ихъ. Здѣсь замѣтимъ только, что его трактатъ *Объ оптикѣ* былъ извѣстенъ Роджеру Бекону, Герарду изъ Кремоны и польскому писателю Vitello, который широко пользовался имъ при составленіи своей книги *О перспективѣ*⁴⁾.

¹⁾ Leclerc I, 504—507, Choulant, Bûcherkunde, 354—358; и Haeser, I, 578.

²⁾ Ср. Leclerc, I, 511. ³⁾ Тамъ же, 512. ⁴⁾ Тамъ же, 512—521.

Ali ben Rodhwân (Haly Rodoam), одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ врачей въ исторіи арабской медицины, родился въ Ghizeh около 980 г. и жилъ еще въ 1061 г. (Осейбія). Онъ составилъ свою автобіографію, когда ему было 59 л. отъ роду; изъ нея видно,

что его отецъ былъ булочникъ или истопникъ. Десяти лѣтъ отроду онъ отправился въ Каиръ, а пятнадцать уже изучалъ медицину. Поддерживая свое существованіе астрологіей и преподаваніемъ, онъ учился до 32 лѣтъ. Вообще онъ предпочиталъ учиться по книгамъ и считалъ чтеніе полезнѣе устнаго преподаванія. Служилъ онъ при калифѣ el Nakeshъ, который возвелъ его въ санъ начальника египетскихъ врачей. Вообще онъ былъ человѣкъ высокой нравственности, дѣлился своими благами съ ближними и проповѣдывалъ врачебную этику, напоминающую въ общемъ *Присягу Гипократа*.

Здоровымъ онъ признавалъ тѣло, въ которомъ каждый органъ выполняетъ свою функцію. При изслѣдованіи больныхъ онъ совѣтовалъ пользоваться всѣми органами чувствъ для опредѣленія состоянія органовъ каждой области, обращать вниманіе на состояніе языка и рѣчи; заставляя поднимать тяжести и сдавливать руки, ходить впередъ и назадъ; укладывать больного на землю, ощупывать пульсъ, предлагать вопросы для опредѣленія психическихъ способностей, характера и т. д.

Онъ оставилъ около 70 сочиненій, имѣющихъ вообще второстепенное значеніе, между прочимъ,

Начало медицины. Рандестае медицины. Объ отмѣнности медицины. О способѣ изученія медицины. Алфавитный трактатъ о простыхъ медикаментахъ. О книгѣ Тем и и и: „*Пища и медикаменты*“. О воздухѣ въ Каирѣ. О средствахъ противъ вредныхъ для тѣла внѣшнихъ дѣятелей въ Каирѣ. Что каждый органъ питается свойственной ему влагой. *Объ узловатой проказѣ. О слововой проказѣ у дѣтей. Случай мьвой гемиплетии. Объ опухоляхъ.* О хроническомъ теченіи болѣзней и многія другія. Кромѣ того Ali ben Rodhwân написалъ значительное число сочиненій по философіи, астрологіи, политикѣ и, какъ сказано, автобіографію¹⁾.

Afranin ben Asefan, еврей, ученикъ Ali ben Rodhwân'a, большой библіофилъ, не только покупалъ книги, но самъ ихъ переписывалъ или нанималъ для этой цѣли писцовъ. Изъ этихъ книгъ онъ при жизни уступилъ 10000 el Fadh l'y ben el emir Nabus, а послѣ смерти оставилъ еще болѣе чѣмъ 20000 томовъ.

Ему Lesclerc'омъ приписываются: *Замѣтки и наблюденія въ медицинѣ*—въ формѣ компендія. *Памятная книга гигиѣны*, посвященная Nassr ed Daula (въ 1068 г.). Что желчь преобладаетъ лѣтомъ, а другія влаги зимою²⁾.

Salama ben Rahmân, ученикъ предыдущаго, занимался преимущественно изученіемъ и объясненіемъ сочиненій Галена, а также сочиненій по физикѣ, метафизикѣ и философіи. Онъ оставилъ нѣсколько сочиненій, каковы: *О послѣдовательномъ рядѣ существъ.* О метафизикѣ. Почему дождь рѣдко бѣсуетъ въ Каирѣ. *Почему каирскія женщины жирнѣютъ*, когда начинаютъ старѣться³⁾.

¹⁾ Тамъ же, 525—530. Кромѣ того онъ оставилъ комментарія къ De arte medendi ad Glauconem, De sectis и *Ars parva* Галена, изъ коихъ послѣдній напечатанъ (Venet. 1496). Ср. Choulant, l. c. 370.

²⁾ Ср. Lesclerc, I, 532. ³⁾ Тамъ же, 533.

Abul Cassem Omar ben Ali el Musli (изъ Моссула), **Sanamusali** средних вѣковъ. Объ немъ Осейбія отзывается такъ:

„Онъ былъ знаменитый окулистъ и извѣстный практикъ, прославившійся леченіемъ глазныхъ болѣзней и употребленіемъ рѣжущихъ инструментовъ. Онъ отправился въ Египеть, гдѣ и остался на жительство. Написалъ краткое сочиненіе о *болѣзняхъ глазъ* и леченіи ихъ медикаментами и инструментами, которое онъ посвятилъ калифу el Hakem'у“.

Wüstenfeld (и за нимъ Reiske) ошибочно называетъ его *Ammar (Amman) ben Ali el Mausili*. Сочиненіе Омар'а, по арабски *Muntcheb*, или извлеченіе, *Summarium* (это заглавіе дано ему также Casiri, съ прибавкой *liber selectus de oculorum morbis*), было извѣстно арабскимъ окулистамъ Egrafequy (въ XII в.) и Salah Eddin'у (въ XIII в.), автору офтальмологическаго сочиненія *Nur el ujun* (Свѣтъ глазъ), изъ коихъ послѣдній сдѣлалъ у Омара значительныя заимствованія.

Омар ben Ali оперировалъ катаракту *высасываніемъ* и изобрѣтеніе этого способа приписываетъ себѣ, хотя самъ же приводитъ цитату Tsabet'a ben Согга, изъ которой видно, что способъ этотъ практиковался и раньше его.

Приготовленія къ этому способу тѣже, что и при обыкновенной операціи катаракты, только, такъ какъ инструментъ нѣсколько толще, то для облегченія его введенія дѣлается предварительно соотвѣтственно достаточный разрѣзъ роговой оболочки. Затѣмъ одну изъ трехъ фасетокъ иглы, снабженную отверстиемъ, направляютъ на катаракту и заставляютъ помощника высасывать. Аспирація должна быть умѣренная и непрерывная, какъ для того, чтобы не высасывать слишкомъ много, такъ и для того, чтобы помѣшать высосанному веществу возвратиться назадъ¹⁾.

По словамъ Омар'а, способъ его имѣетъ передъ обыкновеннымъ то преимущество, что не требуетъ положенія на спину, а только завязыванія глазъ. Эту операцію Омаръ нѣсколько разъ съ успѣхомъ продѣлывалъ въ Египтѣ. Другіе окулисты не были столь счастливы: такъ Манзиг²⁾ говоритъ, что, примѣняя этотъ способъ, операторы вмѣстѣ съ катарактой высасывали студенистую влагу. Какъ мы видѣли выше, этотъ способъ былъ извѣстенъ уже Abulcasis'у, а по Leclerc'у, также Ebn Ghefith'у, причѣмъ онъ прибавляетъ, что въ одной рукописи (*Kafu*) онъ видѣлъ двѣ таблицы съ изащными рисунками окулистическихъ инструментовъ, между коими фигурировала также полая игла для *высасыванія* катаракты³⁾.

Вопросъ объ идентичности Омар'а ben Ali el Musli и Sanamusali средних вѣковъ (автора коротенькаго трактата окулистки, печатавшагося обыкновенно вмѣстѣ съ *Monitorium* Issa ben Ali) Leclercъ считаетъ не подлежащимъ почти никакому сомнѣнію. Принимая во вниманіе неоднократныя подобныя же искаженія именъ при переводахъ съ арабскаго на латинскій языкъ, Леклеркъ, правда, сознается, что въ только

¹⁾ Ср. Leclerc, I, 533—535.

²⁾ цитируемый въ *Kafu* Ebn Abil Mahassen'a. ³⁾ Тамъ же и 536.

что названномъ сочиненіи Сапатисали о способѣ высасыванія вовсе нѣтъ рѣчи и что онъ не имѣлъ случая, путемъ сличенія, убѣдиться въ полномъ соответствіи латинскаго перевода послѣдняго съ просмотрѣннымъ имъ въ Эскуріалѣ манускриптомъ, но объясняетъ это тѣмъ, что по краткости времени онъ не имѣлъ возможности дѣлать много выписокъ; но изъ того, что имъ извлечено, онъ находитъ известное общее сходство между тѣмъ и другимъ. Не входя въ дальнѣйшія подробности аргументаціи Leclerc'a, здѣсь приведемъ только еще слѣдующую его замѣтку: „Сапатисали въ началѣ своихъ главъ, въ формѣ пролога, утверждаетъ, что онъ подобно пчелѣ собиралъ и занималъ у халдеевъ, евреевъ и индусовъ“¹⁾.

Въ Магребѣ, въ XI в., фигурируетъ лишь жившій около 1050 г. до Р. Х.

Константинъ Африканскій († 1087), представляющей собой, по выраженію Леклерка, своего рода „амфибію“. Мы уже привели²⁾, со словъ его біографа Pierre Diacon'a³⁾, нѣкоторыя подробности изъ первой половины его жизни. Согласно упомянутому біографу,

онъ родился будто бы въ Карфагенѣ (вѣроятно Тунисѣ) и для изученія наукъ халдеевъ, арабовъ, персовъ и сарациновъ будто отправился въ Вавилонъ (вѣроятно Багдадъ) или въ Каиръ и даже побывалъ въ Индіи и затѣмъ, возвратившись черезъ Египцію въ Египетъ, будто усвоилъ себѣ также всѣ науки послѣдняго. Посвятивъ такимъ образомъ будто бы 39 лѣтъ изученію наукъ, онъ наконецъ вернулся на родину, гдѣ своими познаніями возбудилъ зависть туземныхъ ученыхъ. Узнавъ о готовившемся будто бы послѣднимъ покушеніи на его жизнь, онъ сѣлъ на корабль, на которомъ отплылъ въ Салерну. Здѣсь онъ нѣкоторое время сохранялъ инкогнито, но, узнанный находившимся въ то время тамъ же, братомъ вавилонскаго (!) султана, былъ торжественно принятъ герцогомъ Robert'омъ Guisac'омъ. Нѣкоторое время спустя, онъ будто бы удалился въ Монте-Кассино, гдѣ аббатъ Desiderius (Didier, ок. 1056—1060) принялъ его въ число монаховъ. Тутъ-то онъ перевелъ и составилъ многочисленныя свои сочиненія⁴⁾. Къ этому его издатель прибавляетъ, что онъ процвѣталъ около 1072 г. и въ совершенствѣ изучилъ еврейскій, сирійскій, халдейскій, греческій, латинскій, итальянскій, персидскій, египетскій, эфиопскій и индійскій языки.

Этотъ романическій рассказъ Leclerc на добрую половину считаетъ вымышленнымъ, тѣмъ болѣе, что никто изъ арабовъ о Константинѣ не упоминаетъ, что представляется невозможнымъ по отношенію къ чловѣку съ дѣйствительными заслугами. Тѣмъ не менѣе Константинъ Африканскій принадлежитъ вполне арабской школѣ. Его различныя сочиненія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, обнаруживаютъ недюжинныя познанія, и его имя занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ между его бывшими единовѣрцами, не смотря на умалчиваніе имъ именъ переведенныхъ арабскихъ авторовъ, произведенія которыхъ онъ выдавалъ за свои собственныя.

¹⁾ Ср. Leclerc, I, 537, 538.

²⁾ См. выше стр. 149.

³⁾ Petrus Diaconus, *Chronica monasterii Cassinensis*, I. III, с. 35 и слѣд.; Ego же, *De viris illustribus Cassinensibus*, ed. G. B. Mari, Rom. 1655. Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 253.

⁴⁾ Тамъ же, 254.

Ему, по словам Leclerc'a, принадлежит заслуга первых переводовъ съ арабскаго на латинскій языкъ, чѣмъ положено начало возрожденію медицинской науки въ Европѣ¹⁾. Ниже, при разсмотрѣніи *салернской* школы на основаніи изслѣдованій Dagemberg'a, мы увидимъ, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ, какъ это старается выставить Леклеркъ, и что послѣдній нѣсколько преувеличиваетъ значеніе Константина Африканскаго въ исторіи возрожденія медицины.

Сочиненія его распадаются на переводы съ арабскаго и другихъ языковъ на латинскій, и болѣе или менѣе оригинальныя. Согласно Pierre Diacre'u, къ переводамъ его относятся:

Pantegni, въ XII книгахъ, гдѣ излагается „все, что необходимо знать врачу“.

Practica, тоже въ XII книгахъ, гдѣ онъ трактуетъ о сохраненіи здоровья и леченіи болѣзней. Оба названныя сочиненія по мнѣнію Leclerc'a, составляютъ одно цѣлое. Далѣе *Книга о XII степеняхъ. Діететика*. Книга о *лихорадкахъ* (единственное сочиненіе, обозначенное какъ переводъ съ арабскаго). *Книга о мочѣ. О внутреннихъ органахъ. О соитіи. Viaticum* въ 7 частяхъ.

Афоризмы (собственно комментарий къ нимъ Галена).

Tegni, Megatechni и *Microtechni. Antidotarium*.

О мнѣніяхъ Гипократа и Платона. О простыхъ медикаментахъ. О глѣзѣ и органахъ женщины. О пульсѣ. О прогностикѣ. Наблюденія. Замѣтки о *растеніяхъ. Хирургія*. Трактатъ объ окулистикѣ. (Ср. Choulant, Bücherkunde, 254, 255).

Кромѣ этихъ сочиненій въ изданіи Basil. 1539 находятся еще слѣдующія сочиненія Константина Африканскаго (Ср. тамъ же, 256):

Liber aureus, de remedium aegritudinum cognitione. De victus ratione variorum morborum. De melancholia. De animae et spiritus discrimine, et de incantationibus (по мнѣнію Леклерка переводъ изъ Costa ben Luca). *De gradibus simplicium*.

Въ изданіи Venet. 1541:

De humana natura vel de membris corporis humani. De elephantia. De remedium ex animalibus materia.

Хотя въ приведенномъ списокѣ Pierre Diacre'a только одно сочиненіе обозначено какъ переводъ съ арабскаго, тѣмъ неменѣе это большею частью переводы, источникъ которыхъ, по мнѣнію Leclerc'a, не указанъ потому, что Константинъ, какъ видно изъ его предисловія, занятъ только одной мыслию—пополнить тотъ или другой пробѣлъ¹⁾.

Большая часть этихъ переводовъ сдѣлана съ арабскаго. Всѣ они были собраны его ученикомъ Иоанномъ и остались въ Неаполѣ послѣ смерти послѣдняго. Впервые вниманіе на эти факты было обращено тогда,

¹⁾ Ср. Leclerc I, 539—541.

²⁾ Тамъ же, II, 356—358 и 365. Въ особенности сильно на Константина, какъ на плагиатора, нападаютъ Dagemberg въ *Notices et extraits des manuscrits grecs, français et latins etc*, Paris, 1853, p. 63 и слѣд. ср. Его же, *L'école de Salerne*, въ *La médecine, histoire et doctrines*, Paris, 1865, p. 146, и Steinschneider (*Constatimus Africanus und seine arabischen Quellen*, въ *Virchow's Archiv*, Bd. 35, pp. 351—410.

когда стало возможнымъ сравнить *Pantegni* съ *Maleki Ali ben Abbas'a* въ переводѣ Стефана Антиохійскаго, и *Viaticum* съ таковымъ же сочиненіемъ арабскаго писателя *Ebn ed-Dschezzar'a*, причемъ оказалось, что они совершенно идентичны, хотя Константинъ умалчиваетъ объ именахъ названныхъ авторовъ и находитъ еще смѣлость предпринимать предосторожности противъ фальсификаторовъ, которые бы вздумали совершить у него плагиатъ!

Нужно однако прибавить, что *Lesclerc'u* въ парижской національной библиотекѣ удалось видѣть рукоиси какъ *Pantegni*, такъ и *Viatici*, на которыхъ я вѣстственно значилось, что это переводы съ арабскаго: („*translatum*“, „*translulit*“, такъ напр.: „*Liber Viatici, quem Constantinus ex aragasceno in latinum transtulit*“¹⁾).

Далѣе, при ближайшемъ разсмотрѣніи работъ Константина Африканскаго оказалось, что трактатъ *О мочѣ* переведенъ имъ съ трактата того же наименованія *Исаака-Иудея*. Въ предисловіи къ этому трактату онъ прямо говоритъ:

„Не нашедши между латинскими книгами ни одного автора, который давалъ бы точныя и достовѣрныя данныя о мочѣ, я обратился къ арабской письменности, гдѣ нашелъ замѣчательныя данныя, которыя я перевелъ на латинскій языкъ. Это сочиненіе написано *Исаакомъ*, сыномъ *Саломона*, который раздѣлилъ его на 10 отдѣловъ“²⁾.

Тоже относится къ трактату *О мисорадкахъ*, принадлежащемъ *Исааку-Иудею*, о которомъ онъ явственно говоритъ, что перевелъ это сочиненіе съ арабскаго, а также къ *Комментарію Галена на Афоризмы*, въ предисловіи къ которому онъ, обращаясь къ своему ученику *Аттону*, говоритъ:

„Ты меня часто просилъ перевести съ арабскаго на латинскій языкъ какое-нибудь сочиненіе Галена, ты настаивалъ, говоря, что страдаешь отъ того, что не видишь на латинскомъ языкѣ этого великаго человѣка. Я уступилъ и принялся за переводъ одного изъ его сочиненій объ *Афоризмахъ* достославнаго Гиппократа“³⁾.

Наконецъ *Lesclerc* указываетъ еще на нѣкоторыя сочиненія Константина Африканскаго, составляющія простые переводы или передѣлки.

Сюда относятся: Книга *О желудкѣ* (посвящена архіепископу Салернскому *Alphanus'u*), *Объ elephantiasis* и *О меланхолии*, заглавія которыхъ находятся у *Эбнъ-эд-Джеззара* и *Исаака бенъ Амрана*. Что касается книги *О глазахъ*, то Константинъ составилъ ее для своего ученика *Иоаннесъ'a Afflaciус'a* (?), также „не находя ничего объ этомъ предметѣ на латинскомъ языкѣ“⁴⁾.

Относительно побудительныхъ причинъ, заставлявшихъ Константина умалчивать объ арабскомъ происхожденіи своихъ переводовъ, *Lesclerc* приводитъ гипотезу *Dagshberg'a*, что онъ, живя въ монастырѣ, находилъ болѣе выгоднымъ для успѣха своихъ книгъ скрывать это происхожденіе, причемъ *Lesclerc* высказываетъ и свое предположеніе, что Константинъ поступалъ такимъ образомъ, быть можетъ, по приказанію аббата *Дезидерія*, чтобы не профанировать монастырскихъ стѣнъ арабской

¹⁾ Ср. *Lesclerc*, II, 358—361. ²⁾ Тамъ же, 363. ³⁾ Тамъ же, 364. ⁴⁾ Тамъ же, 365.

наукой и арабскими именами, хотя всѣми своими познаніями въ медицину онъ былъ обязанъ своему мусульманскому прошлому¹⁾.

Такимъ образомъ Leclerc старается реабилитировать доброе имя Константина Африканскаго, за которымъ даже Dagobert, не мало содѣйствовавшій къ тому, чтобы умалить его значеніе, признаетъ однако ту великую заслугу, что онъ первый открылъ латинянамъ глаза на сокровища Востока, а слѣдовательно и Греціи, такъ что онъ вполне заслуживаетъ названія „реставратора медицинской литературы на Западѣ“²⁾.

Испанія. Не смотря на междоусобія, раздравшія мусульманскую Испанію въ XI в., во время которыхъ въ Кордовѣ погибли выдающіеся ученые, въ томъ числѣ, быть можетъ, и Abulcasis (въ 1012 г.)—тѣмъ не менѣе въ это время научное движеніе въ Испаніи не прекращалось, число ученыхъ было довольно значительно и между ними въ особенности выдаются Aben Guefith, дѣдъ Avenzoar'a и Bekri. Къ этому же вѣку относится любопытный трактатъ клинической медицины, открытый Leclerc'омъ въ Эскуріалѣ. Какъ интересную черту этой эпохи, онъ отмѣчаетъ еще значительный приростъ еврейскихъ ученыхъ, изъ коихъ одинъ принялъ мусульманство и достигъ визирата³⁾.

Изъ врачей въ этомъ вѣкѣ въ Испаніи, кромѣ El-Kermani изъ Кордовы или Малаги (ум. въ Сарагоссѣ въ 1066 г. 90лѣтъ отъ роду), привезшаго изъ своего путешествія въ Хаггап *Книгу братьевъ чистоты*⁴⁾, выдаются:

Aben Guefith (Ebn Wafed el Lachmi, 998—1074) изъ Толедо⁵⁾: Онъ принадлежалъ къ лучшимъ испанскимъ семействамъ, изучалъ преимущественно Галена и Аристотеля и въ особенности простые медикаменты, въ знаніи которыхъ превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ. Оставленная имъ объ этомъ предметѣ книга обнимаетъ все, что было написано о materia medica Галеномъ и Dioscorидомъ. По словамъ Джемаледдина, онъ умѣлъ самыя серьезныя болѣзни лечить простыми и легкими средствами. На первомъ планѣ у него была пища, затѣмъ простые медикаменты а изъ сложныхъ—наименѣе сложные. Изъ его сочиненій извѣстны:

De medicamentis simplicibus (вмѣстѣ съ *Opera Mesuës*, Venet, 1549)—отрибокъ его главнаго сочиненія того же наименованія, каковая книга содержала 500 листовъ, матеріалы для которыхъ имъ собирались въ теченіе 20 лѣтъ. Медицинскія наблюденія. Трактатъ *О болѣзняхъ глазъ*. „Медицинская подушка“ (*Usad*)—руководство къ терапевтикѣ, гдѣ авторъ даетъ рецепты для различныхъ болѣзней, начиная съ головы: для полосканій,

¹⁾ Тамъ же, 360. ²⁾ Ср. тамъ же, 365. ³⁾ Ср. Leclerc, I, 542. ⁴⁾ Тамъ же, 544.

⁵⁾ У Wüstenfeld'a: Abul Motarrif Abd-er-Rahman ben Muhammed ben Abd el Kerim ben Jahja Ibn Wafid el Lachmi.

confectiones, микстуры, окуриваній, припарокъ, глазныхъ примочекъ, сироповъ, лепешекъ, пилюль и пр. Между рецептами есть два курьезныхъ, изъ нихъ одинъ—для леченія поноса у царей, и другой—рекомендуемый „франкскими“ врачами противъ болѣзни желудка и печени (изъ всевозможныхъ приностей съ прибавленіемъ ревеня и aloës въ формѣ пилюль). Наконецъ, *De balneis sermo* въ *De balneis quae extant apud Graecos, Latinos et Arabes*. Venet, 1553¹⁾.

Muhammed el-Temimi. Съ этимъ именемъ тѣсно связанъ вышеупомянутый трактатъ клинической медицины, который дошелъ до насъ въ отрывочномъ, искаженномъ видѣ, безъ начала и безъ конца. Casiri ошибся какъ по отношенію къ имени автора, такъ и къ самому содержанію трактата, который, повидимому, онъ прочелъ безъ вниманія и считалъ руководствомъ для кандидатовъ, желающихъ подвергнуться медицинскому испытанію. Lesclerc же не сомнѣвается въ томъ, что авторъ этого трактата — **Muhammed el-Temimi**, такъ какъ имя его приводится здѣсь нѣсколько разъ именно въ такомъ смыслѣ, что его слѣдуетъ считать авторомъ этой книги. Занимаетъ она всего какихъ нибудь 30 страницъ, тѣмъ неменѣе, по мнѣнію Леклерка, она заслуживаетъ полнаго вниманія, ибо она представляетъ ничто иное, какъ протоколы наблюденій, собранныхъ однимъ врачомъ во время консультацій, для употребленія его ученика.

Трактатъ этотъ раздѣляется на сеансы или консультаціи, число коихъ доходитъ до 50. Протоколы при этомъ обыкновенно составлялись по слѣдующей схемѣ: является больной, врачъ его осматриваетъ, расспрашиваетъ и ученика своего заставляетъ его изслѣдовать, что подаетъ поводъ къ обмѣву между ними вопросовъ и отвѣтовъ. Затѣмъ наставникъ назначаетъ леченіе, причемъ задаетъ ученику вопросъ, что извѣстно послѣднему о данной болѣзни. Если ученикъ мало съ ней знакомъ, то учитель излагаетъ ее ex-professo на подобіе того, какъ это дѣлается въ совѣщаніяхъ послѣ изслѣдованія больного. Если ученика поражаетъ что нибудь въ діагнозѣ, прогнозѣ или леченіи болѣзни, то онъ обращается за разъясненіемъ къ учителю.

Изъ *казустики* означеннаго трактата Lesclerc приводитъ случаи пораженія щеки малинообразной опухолью у больного, пользовавшаго уже прежде нѣкоторыми врачами въ Talavera и затѣмъ въ Toledo, далѣе случай носоваго полипа у одной женщины, явившейся въ 62 г. Сопоставляя эту дату съ только что приведеннымъ упоминаніемъ о Toledo, завоеванномъ въ концѣ XI в., Lesclerc считаетъ себя вправе отнести приведенный клинической трактатъ къ XI в., причемъ принимаетъ, что сокращенное 62 слѣдуетъ считать за 462 г. геджры, т. е. 1069 г. по Р. X. Нѣкоторыя наблюденія относятся къ одной и той же болѣзни, но при различныхъ условіяхъ. Чтобы дать понятіе объ этомъ трактатѣ и манерѣ его изложенія, Lesclerc приводитъ слѣдующія наблюденія:

Сеансъ I. Явился больной, жалуясь на сильную головную боль. Мой учитель ему говоритъ: „гдѣ болитъ, спереди или сзади, и какъ ощущаешь ты бѣненіе въ вискахъ“? Отвѣтъ: „какъ будто кто нибудь бьетъ молотомъ по головѣ спереди“. Назначено: „возьми ромашку, розовые листья и маковыя головки, перемѣшай все это въ котелкѣ, налей сверху воды и поставь, чтобы закипѣло, затѣмъ наклоняй голову надъ пара-

¹⁾ Lesclerc, I, 545, 546, Choulant, Bücherkunde, 370 и Haeser, I, 591.

ми, которые будутъ подниматься изъ сосуда. Такъ дѣлай 3 дня сряду утромъ и вечеромъ и ты выздоровѣешь. Пища: что-нибудь мясное и послабляющее. Онъ выздоровѣлъ⁴.

Въ этомъ же родѣ разсказывается о случаѣ новообразованія на верхнемъ вѣкѣ, которое оказалось градиной (сеансъ XII), причѣмъ учитель излагаетъ исторію образованія градины и 3 ея видовъ; далѣе здѣсь имѣется обстоятельное анатомическое описаніе глаза по поводу другой болѣзни этого органа (сеансъ XI). Въ сеансѣ XIV рѣчь идетъ о *hemeralopia*, противъ которой учитель назначилъ жареную козлиную почку и никакихъ другихъ лекарствъ; въ другомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о слезной опухолѣ, противъ коей назначена смѣсь изъ ярь-мѣдianки, сабура, мирры и аврипигмента, причѣмъ учитель распространяется также о примѣненіи здѣсь прижиганій раскаленнымъ желѣзомъ. Далѣе длинный сеансъ посвященъ одержимому *чахоткой*, причѣмъ учитель обращаетъ вниманіе ученика въ особенности на форму ногтей и излагаетъ исторію чахотки, малярии и изнурительной лихорадки. Интересно также наблюденіе, относящееся къ грыжѣ. Учитель заставляетъ ученика сдѣлать вправленіе и затѣмъ налагаетъ повязъ; въ другомъ случаѣ употребляетъ раскаленное желѣзо. Наконецъ *Leclerc* приводитъ изъ упомянутого клиническаго трактата случай скрытыхъ сухихъ геморройныхъ шишекъ, пользованныхъ лигатурой¹).

El Bekri (Abu Obeid Abdallah, ум. въ 1094 г.), изъ семьи испанскихъ принцевъ въ Мурсії, также **El Corthobi**, такъ какъ онъ долго жилъ въ Кордовѣ, оставилъ книгу *О главныхъ растеніяхъ и деревьяхъ Андалузій*, а также описаніе **Магрэба** въ сочиненіи *Messalek wa Metalek (Дороги и государства)*. Онъ былъ большой знатокъ простыхъ лекарственныхъ веществъ. **Ebn Beithar** цитируетъ его описаніе зонтичнаго растенія, производящаго *assam foetidam*, а также папоротника (*khalendsch* по берберійски и *erike* по гречески)²).

Rabbi Juna³) (по-арабски **Abul Walid Merwan Ebn Dschanah**), еврейскій ученый и врачъ, оставилъ книгу *Telkhis*, гдѣ разсматриваетъ простыя лекарственныя вещества и ихъ приемы, жилъ въ Кордовѣ и Сарагоссѣ. **Мункъ** относитъ его къ первой половинѣ XI в.⁴).

Abul Fadhl Chasdaï, внукъ упомянутого **Chasdaï ben Schaprut**, род. въ Сарагоссѣ и, по словамъ **Осейби**, въ 1066 г. былъ еще молодъ и прошелъ серьезный курсъ наукъ, въ томъ числѣ медицины. Принявъ исламъ, онъ сдѣлался визиремъ и секретаремъ сарагосскаго короля **Abu Dschafar Ahmed ben Houd'a**⁵).

Двѣнадцатый вѣкъ.

Какъ извѣстно, этотъ вѣкъ открывается крестовыми походами, въ сущности вызванными не мусульманскимъ фанатизмомъ, въ пользу чего,

¹) *Leclerc*, I, 549—552. ²) Тамъ же, 553.

³) Согласно **Сармолу** (I. c., I, 360) его еврейское имя—*Jona ben Ganasch*, ум. въ 1045 г.; оставилъ также философскія сочиненія, между прочимъ *Противъ вѣчности матеріи*, и *Еврейскую грамматику* на арабскомъ языкѣ, переведенную на еврейскій языкъ **Jehuda Ebn Tibbon'**омъ.

⁴) **Мункъ** въ *Journal asiatique*, 1850. Ср. *Leclerc*, I, 554. ⁵) Тамъ же, 555.

по мнѣнію Леклерка, говорятъ преобладаніе христіанскихъ и еврейскихъ врачей при дворѣ Саладина ($\frac{2}{3}$ изъ 15), а также назначеніе христіанина начальникомъ медицинской части въ Багдадѣ.

Нѣкоторые, сами по себѣ незначительные, факты, какъ напр. дѣйствія сумасшедшаго калифа еі Накеш'а въ Египтѣ или временныхъ повелителей Палестины, турокъ, были лишь случайными причинами взрыва европейскаго фанатизма, жертвой котораго пали 70000 евреевъ и мусульманъ, истребленныхъ отрядами Годфруа Бульонскаго, причѣмъ, по рассказамъ дѣтописца, лошади буквально плавали въ крови. Тѣмъ не менѣе, когда 80 лѣтъ спустя Саладинъ опять взялъ Іерусалимъ, онъ возвратилъ свободу побѣжденнымъ. Мало того, въ то время, когда невѣжественные и варварскіе франки опустошали Востокъ, арабы наводнили Западъ сокровищами своихъ наукъ. „То былъ крестовый походъ иного рода, а именно походъ европейскихъ епископовъ и ученыхъ за испански-мусульманской наукой, которой не было у христіанъ“. Сюда относятся: архіепископъ толедскій Раймундъ (рожденный французъ Аделяръ изъ Bath'a), Михель-Скотъ, наконецъ Герардъ Кремонскій, который провель въ Толедо 50 лѣтъ, употребленныхъ имъ на болѣе чѣмъ 70 переводовъ философскихъ, математическихъ и медицинскихъ сочиненій, въ томъ числѣ и *Канона* Авиценны¹⁾.

Вообще XII вѣкъ можно назвать вѣкомъ самаго высокаго расцвѣта наукъ въ мусульманской Испаніи. Въ то время, какъ на Востокѣ, а именно въ Персіи, въ теченіе XII в. былъ только одинъ выдающійся философъ, врачъ и преподаватель, Fakhr eddin Errazi (1143—1209) изъ Rey²⁾, рядомъ съ которымъ подвизались врачъ Джорджани и математикъ Самуиль бенъ Јаһја (Iehuda),—Испанія произвела цѣлую фалангу талантливыхъ ученыхъ. Мусульманская Испанія въ XII в., не смотря на политическія смуты, развернула такія сокровища въ области мысли, что послѣ своего политическаго упадка она еще долгое время владычествовала надъ умами въ Европѣ. Не смотря на нетерпимость альморавидовъ и смѣнившихъ ихъ альмогадовъ, преслѣдовавшихъ какъ великаго Аверроэса, такъ и евреевъ, вынужденныхъ эмигрировать частью въ Лангедокъ, частью въ Египетъ (вмѣстѣ съ Маймонидомъ),—арабская мысль никогда не обнаруживала такого смѣлаго и свободного полета, какъ въ этотъ именно вѣкъ. Въ эту эпоху процвѣтали мыслители и врачи какъ Еbn Торһail, авторъ сочиненія *Hay ben Jakdan* (переведено Рососке'омъ подъ заглавіемъ *Philosophus autodidactus*), Abu Bekr Ebn Baga или Badscha (*Avetrace*), оставившій сочиненіе *О режимѣ отшельника*, и въ особенности Averroës—величайшій философъ Испаніи, своими сочиненіями и коммента-

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 1—5.

²⁾ О немъ рассказываютъ, что его по улицамъ сопровождала толпа слушателей въ 800 человекъ, что онъ перекочевывалъ, подобно Авиценнѣ, въ Бухару и Гератъ, гдѣ съ почетомъ былъ принятъ Кварезмъ-шахомъ. Онъ оставилъ, по Wüstenfeld'у, 76 сочиненій по философіи, математикѣ физикѣ и въ томъ числѣ большой, но неоконченный *трактатъ о медицинѣ* подъ назв. *El Maleky*. Ср. Leclerc, II, 20—22.

рiями къ Аристотелю имѣвшій самое могущественное вліяніе на умственное движеніе среднихъ вѣковъ и, въ глазахъ схоластической теологіи, олицетворявшій собою свободную мысль ¹⁾).

Въ области *медицины* выдаются представители знаменитой семьи *Avenzoar*, поставлявшей врачей и ученыхъ въ теченіе почти 3 вѣковъ. Самый главный представитель этой семьи—*Abu Merwan ben Abdel Malek Ebn Zohr*, авторъ сочиненія *Teissir*, въ которомъ связитъ богатая опытность и независимость отъ древнихъ и отъ преданій. Нѣкоторые историки считаютъ его величайшимъ практикомъ, какихъ когда либо произвели арабы. Въ области *медицинско-естественной исторiи* здѣсь выдаются испавцы: ботаникъ *Ergrafequy* и *Ebn el Awam*, авторъ знаменитаго сочиненія *Объ арикультурѣ* (франц. переводъ *Clement Mullet*). Къ этому нужно прибавить, что въ XII в. Испанія занимаетъ почетное мѣсто вообще въ исторiи наукъ, благодаря сдѣланнымъ въ это время переводамъ съ арабскихъ сочиненій, разширившимъ кругозоръ научныхъ познаній христіанъ, причемъ въ особенности сильный толчекъ къ развитію получили *географія* (*Edrissy*, авторъ ошибочно такъ называемой „*Нубійской*“ географіи, *Zamachschary* въ Бухарѣ, оставившій географическій словарь и др.), а также *математика* и *астрономія* (испанскій еврей *Samuel ben Jehuda*, умершій на Востокѣ въ городѣ *Meraga*, извѣстномъ своими обширными обсерваторіями, а также *Hibat Allah*, усовершенствовавшій астрономическіе инструменты до того, что „съ ними не могли сравниться никакіе позднѣйшіе“ ²⁾).

Въ *Персіи* въ XII в. изъ врачей выдается въ особенности

Abul Fedhail Dschordschani, оставившій, между прочимъ, 1) *Dechira Khwarezmchahy*, т. е. Кладъ Кварезма, въ 10 частяхъ, посвященный *Ala Eddin Takasch'y* (1186—1197), 2) *El arr'ad etthobbyat* (Вопросы медицины) въ 2 частяхъ, сокращеніе предыдущаго, и 3) *Moktasser alaiy* въ 2 ч., изъ коихъ первая содержитъ общіе вопросы медицины, а вторая—практику, въ томъ числѣ хирургию, косметику и токсикологию ³⁾).

Нѣкоторое вниманіе обращаетъ на себя еще личность, недостаточно изученная новѣйшими писателями ⁴⁾ и получившая извѣстность только въ послѣднее время, благодаря изслѣдованіямъ *Leclerc'a*, а именно:

¹⁾ Ср. *Leclerc*, II, 6—9.

²⁾ Тамъ же, 9—11.

³⁾ Тамъ же, II, 18, 19.

⁴⁾ Объ этой личности, правда, говоритъ также *Самолу* (I, 406), но только какъ объ авторѣ сочиненій по астрономіи и геометріи, написанныхъ въ 1165 и 1174 г.

Samuel ben Jahya (Jehuda)¹⁾.

По словамъ Мунк'а, отецъ его, Jehuda ben Abuna, былъ родомъ изъ Феца и у арабовъ называется Abulbaka ben Abbas el Magreby. Сынъ его Самуилъ родился, повидимому, въ началѣ XII вѣка и вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій, вѣроятно, вмѣстѣ съ отцомъ эмигрировалъ на Востокъ, жилъ сначала въ Багдадѣ, затѣмъ въ Діарбекирѣ и Адербайджанѣ (гдѣ пользовался благосклонностью тамошнихъ князей) и наконецъ окончательно поселился въ Мерагѣ. Хотя онъ усвоилъ себѣ совокупность всѣхъ тогдашнихъ человѣческихъ знаній, въ томъ числѣ и медицины, но по преимуществу прослылъ математикомъ, геометромъ и астрономомъ. Вслѣдствіи онъ принялъ исламъ (по Мунку въ 1163 г.) и по обыкновенію по этому поводу поводу противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, обвиняя ихъ въ искаженіи Св. Писанія (въ Парижѣ находится отрывокъ этого памфлета, который былъ въ рукахъ Мунк'а). Извѣстіе объ этомъ до того огорчило его отца, жившаго въ Алеппѣ, что, отираившись тотчасъ къ своему сыну, находившемуся тогда въ окрестностяхъ Моссула, онъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ. Что касается Самуила, то *Гаджи Камфа* опредѣляетъ годъ его смерти въ 1180 г., въ которомъ, по Осейбіи, онъ окончилъ сочиненія по геометріи²⁾. По *Kitab el hokama*, онъ писалъ о прямоугольномъ треугольникѣ и объ измѣреніи сложныхъ тѣлъ, по Осейбіи—объ ошибкахъ астрономовъ и другія сочиненія по *алгебрѣ* и *астрономіи*³⁾.

Его отношенія къ медицинѣ опредѣляются двумя сочиненіями: 1) *Kitab el Mufid* (по Осейбіи, написанъ въ Багдадѣ въ 1178 г.) и 2) *Noghat el ashab fi maschurat el ahbab*, или *Рекреація товарищей и бесѣды друзей* (*Гаджи Камфа*)⁴⁾. Casiri пропустилъ это сочиненіе, вѣроятно, по причинѣ его содержанія. Это ни что иное, какъ кодексъ сладострастія, повидимому, назначенный для людей хорошаго тона и съ изысканными вкусами. Въ рукописи, находящейся въ Эскуріалѣ и въ которой начала недостаетъ, Leclerc видѣлъ слѣдующую замѣтку, которая по его мнѣнію, принадлежитъ, быть можетъ, самому Casiri:

„Tractatus anonymus, mutilus, sine principio, medico-anatomicus de mulieribus, ubi scelestissimus ac impudentissimus autor agit de mulierum conversatione, de earum venustate, de mediis illas lucrandi eisque placendi, de requisitis illarum, quae sunt appetendae reprobandaeve, de earum ornatu, vestitu, de modo componendi fucos, de medicamentis, cibo, potu ad venerem sciendam, de modo impediendi conceptionem procurandive abortum, atque de aliis impudentissimis rebus ad coitum pertinentibus, quas ego ob verescundiam praetermitto“⁵⁾. Въ парижской бібліотекѣ есть два полныхъ экземпляра. Wüstenfeld⁶⁾ приводитъ это сочиненіе между incertae sedis, подъ названіемъ: *Musa ben Jahya ben Ali el Magrebi tractatus medicophysicus*, но Leclerc вмѣсто *Musa* явственно прочелъ *Schamul*.

¹⁾ Мункъ въ статьѣ *Vie de Joseph ben Jehouda* говоритъ, что еврейское Jehuda соответствуетъ арабскому Jahya. Впрочемъ, въ *Kitab el hokama* Leclerc прямо читалъ Schamul ben Jehuda.

²⁾ Ср. Leclerc, II, 12—14.

³⁾ Тамъ же, 17.

⁴⁾ Тамъ же, 14.

⁵⁾ Тамъ же, 15.

⁶⁾ Ср. Wüstenfeld, l. c., p. 161.

Сочиненіе это посвящено эмиру Abulfateh Muhammed ben Sara Arslan'у и раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ каждая распадается опять на 12 главъ (summae).

Часть первая. Въ гл. I рѣчь идетъ о выгодахъ и невыгодахъ coitus, въ 8—о причинахъ плотскихъ вожделѣній; въ 4—о причинахъ безсилія. Гл. 5 занимается вопросомъ, почему нѣкоторые интеллигентные люди предпочитаютъ мальчиковъ, и каковы выгоды и невыгоды той и другой привычки. Первую авторъ считаетъ женѣ истощающей. Согласно Р а з е с у, этими вопросами задавался уже Rufus. Въ этой же гл. рѣчь идетъ о лесбійской любви. Гл. 6 разбираетъ вопросъ, почему многіе удаляются отъ естественнаго способа. Гл. 7 подробно излагаетъ правила гигиѣны интимныхъ отношеній.

Гл. 9 есть нѣкоторымъ образомъ codex сношеній между полами. Здѣсь въ началѣ рѣчь идетъ о приличіяхъ, которыя слѣдуетъ соблюдать въ разговорѣ, напиткахъ и пищѣ.

Гл. 10 излагаетъ физическія и нравственныя отличительныя черты женщинъ различныхъ странъ. Слѣдующія главы занимаются выборомъ любимаго предмета и бракомъ.

Часть вторая—исключительно медицинская. Первые 6 главъ занимаются различными состояніями мужской слабости и различными aphrodisiaca.

Гл. 7 трактуетъ о зачатіи, безплодіи и выкидышѣ. Средства, предупреждающія зачатіе, а также abortивныя могутъ быть употреблены въ случаяхъ, когда размѣры половыхъ частей заставляютъ опасаться за женщину или за плодъ.

Гл. 8 рассматриваетъ случаи расслабленія sphincteris ani во время coitus—не дугъ, о которомъ часто говорятъ арабы, въ особенности А в и ц е н н а.

Гл. 9 трактуетъ о различныхъ состояніяхъ матки, регулахъ, истеченіяхъ, изъязвленіяхъ, трещинахъ и т. д., Гл. 10—о причинахъ безсилія, зависящаго отъ женщины, а 11 и 12—о простыхъ и сложныхъ охлаждающихъ средствахъ¹⁾.

Въ Иранѣ изъ врачей въ XII в. выдаются:

Amin ed-Daula ebn Ettalimid el Bagdadi (1073—1164), христіанскій священникъ, оставившій:

Tractatus de venaesctione, Antidotarium, далѣе комментарий къ *Questiones Honein'a*, сокращеніе *Continens* Р а з е с а, извлеченія изъ комментариевъ Г а л е н а на *Афоризмы* и *Прогностику* Г и п п о к р а т а, комментарий къ „hadits“ Магомета о медицинѣ, къ *Канону* Авиценны, къ *Maia* Messihy и др., наконецъ *Собраніе писемъ*.

Онъ служилъ при дворѣ калифовъ Муктафы и Мостанджеба и былъ возведенъ въ санъ начальника багдадскихъ врачей, коимъ онъ обязанъ былъ даже производить испытанія. Неудивительно поэтому, что его не могъ вытѣснить, не смотря на все противъ него интриги, его соперникъ, Abul Barakat (см. ниже). Аминъ эд-Даула извѣстенъ удачнымъ случаемъ излеченія кроваваго пота („вслѣдствіе растворенія крови и расширенія поръ“) ячменнымъ хлѣбомъ и solanum ovigerum. Кромѣ поименованныхъ выше сочиненій онъ оставилъ еще двѣ *рецептурныя книги* для госпиталей въ (13 и 20 главахъ) и трактатъ *Объ оффициальныхъ ме-*

¹⁾ Ср. Leclerc II, 16, 17.

дикаментахъ (Amīnu), вытѣснившій принятую до тѣхъ поръ фармакопею Sahel ben Sabur'a¹⁾.

Abul Barakat („Отецъ благословеній“) **Hibat Allah ben Ali ben Malka** (въ еврействѣ **Nathaniel**), прозванный *Avhad Ezgeman* (по Wüst. Wachid el Zeman—*единственный* въ свое время), изъ Баллада²⁾, впоследствии поселился въ Багдадѣ; род. во второй половинѣ XI в. Упомянутыя его наименованія указываютъ на то, какой онъ пользовался славой. О немъ рассказываютъ, что въ качествѣ еврея онъ не былъ допущенъ на лекціи Saïd hen Hibat Allah и, чтобы попасть туда, долженъ былъ подкупить сторожа. Онъ, правда, основательно изучилъ философію и медицину, но пользовался репутаціею гордаго, безпокойнаго человѣка, принявшаго исламъ въ пожиломъ возрастѣ изъ-за честолюбія (причемъ онъ испросилъ у излеченнаго имъ калифа изъ сельджуковъ разрѣшеніе завѣщать свои богатства оставшимся въ еврействѣ тремъ его дочерямъ)³⁾. Но это отступничество, однако, не принесло ему счастья. На старости лѣтъ онъ ослѣпъ, оглохъ и заболѣлъ проказой, отъ которой и умеръ 80 лѣтъ отъ роду. Онъ оставилъ слѣдующія сочиненія:

Mutabar—о діалектикѣ, метафизикѣ и физикѣ, комментарий къ книгѣ *Коелетъ* или Экклезиасту, составленный еще до перехода его въ исламъ, далѣе, рецептурную книгу, два трактата объ изобрѣтенныхъ имъ медикаментахъ, сокращеніе *анатоміи* Галена, *Отчего звѣзды появляются ночью и исчезаютъ днемъ?* О разумѣ и его природѣ⁴⁾.

Въ Сиріи, въ XII в. изъ множества врачей, подвизавшихся въ Дамаскѣ, выдаются:

Abul Medsched, врачъ при Нуреддинѣ, читавшій 3-часовыя лекціи на дворѣ построенной этимъ султаномъ больницы Еппигі⁵⁾.

Ebn el Mathran, при дворѣ Саладина, христіанинъ, род. въ Дамаскѣ, учился въ Багдадѣ, откуда опять возвратился въ Дамаскъ, гдѣ и принялъ исламъ, хотя при благородномъ и щедромъ Саладинѣ, извѣстномъ своей вѣротерпимостію, въ этомъ не было никакой надобности, такъ какъ султанъ и безъ того осыпалъ его своими милостями и сдѣлалъ своимъ приближеннымъ. Вообще Ebn el Mathran'a выставляютъ какъ человѣка прилеж-

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 24—27.

²⁾ Carmoly, l. c. (I, 405), опираясь на Осейбію с. X, № 62, говоритъ, что онъ род. въ Бассрѣ, но мы придерживаемся здѣсь Леклерка (II, 29).

³⁾ Münz, Die jüdischen Aerzte im Mittelalter, Berlin, 1887, p. 12.

⁴⁾ Leclerc II, 29—31. Ср. еще Wüstenfeld, l. c. 99 и Carmoly, l. c. (I, 406), гдѣ вмѣсто *Mutabar* онъ пишетъ: *Almat'eber* или компендіи діалектики, который „прилежно изучалъ одинъ изъ сельджукскихъ принцевъ“.

⁵⁾ Ср. Leclerc, II, 39, 40.

наго, интеллигентнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ высокоумнаго и жаднаго къ султанскимъ подаркамъ. Онъ имѣлъ страсть собирать книги, содержалъ трехъ писцовъ и самъ списывалъ книги. Ум. въ 1191 г. въ Дамаскѣ.

Онъ оставилъ *Партеръ медицины*, откуда Осейбія заимствовалъ свои замѣтки о началѣ медицины¹⁾, далѣе *трактаты о шизнѣ, о простыяхъ медикаментахъ, Собраніе периодовъ халдеевъ*, по Ebn Wa is chya, и нѣкоторыя неоконченныя сочиненія²⁾.

Abderrahmann ben Nasr Eschschirazi (около 1170), жилъ во времена Саладина и оставилъ *Kitab el Idhah fi asrar ennikah—Expositio secretorum conjugii; Expositio secretorum mulierum*—нѣчто въ родѣ гигіены брака въ двухъ частяхъ, одной для мужчинъ и другой для женщинъ.

Въ первой рѣчь идетъ объ arphrodisiaca, какъ изъ пищи, такъ изъ медикаментовъ, и апарphrodisiaca, во второй—о томъ, что нравится въ женщинахъ, что обнаруживаетъ ихъ темпераментъ, и о подробностяхъ ихъ туалета. Кромѣ того онъ оставилъ *Толкователь сновъ*, переведенный на французскій языкъ подъ заглавіемъ: *L'Onirocrite musulman ou Doctrine de l'interprétation des songes, par Gabdorrachaman fils de Nasr, trad. par Vattier, Paris, 1664*³⁾.

Въ Египтѣ, въ XII в., Malek el Enpasser⁴⁾ основалъ въ Каирѣ госпиталь *Enmasseri*, сдѣлавшійся разсадникомъ врачей. „Въ это время въ Египтѣ, говоритъ Leclerc, двѣ третьихъ изъ врачей, имена которыхъ дошли до насъ, были евреи“. Сюда относятся:

Abu Dschafar Jusuf ben Ahmed ben Chasdaï, изъ Испаніи, поселившійся въ Египтѣ во времена калифа el Amr Biahkam Allah и изучавшій Гиппократа и Галена, къ которымъ онъ составилъ комментарий⁵⁾.

Scheich Sedid (начальникъ врачей) ум. въ 1195 г. въ Каирѣ, собственно назывался Scherf-Eddin, а имя Sedid наследовалъ отъ отца, который также былъ врачомъ и состоялъ при калифѣ Amr Biahkam Allah, равно какъ и сынъ его, занимавшійся всѣми отраслями медицины, въ томъ числѣ и хирургіей и внослѣдствіи пользовавшійся довѣріемъ Саладина⁶⁾.

Ebn el Dschami (Джами) Hibat Allah, прозванный также Schems Ertiasat—солнце шейховъ, еврей, род. въ Фостатѣ, также пользовался довѣріемъ и милостями Саладина и кромѣ своей профессіи много занимался арабской литературой. Изъ его практики приводятъ случай оживленія мнимоумершаго. Онъ оставилъ *Liber directionis ad commodam animorum et corporum* (для блага души и тѣла) въ четырехъ отдѣлахъ: 1) Введеніе въ медицину, общіе вопросы, анатомія и физиологія. 2) Медикаменты и пища. 3) Лечение болѣзней. 4) Рецептура. Сочиненіе это находится во многихъ экземплярахъ въ Парижѣ и Оксфордѣ. Далѣе: комментарий на 5 книгу *Канона* Авиценны. Что дѣлать, когда итъъ врача. Трактатъ о *мимотъ*, помѣщенъ въ трактатѣ *О простыяхъ медикаментахъ* Ebn Veithar'a, подъ именемъ коего ошибочно изданъ отдѣльно въ латинскомъ переводѣ. Трактатъ о *ревизитъ* (помѣщенъ тамъ же, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о происхожденіи ревения и, по словамъ Leclerc'a, составляетъ самое объемистое позаимствованіе el Veithar'a у своихъ предшественниковъ и гораздо больше предмудраго

¹⁾ См. выше стр. 180. ²⁾ Leclerc, II, 43—45.

³⁾ Тамъ же, 49. ⁴⁾ Имя Саладина. ⁵⁾ Тамъ же, 51. ⁶⁾ Тамъ же, 52, 53.

трактата заслуживаетъ обнародованія). Кромѣ того: *О юрбатости*. *О колики*. *О лекарствахъ для царей*. *Медикотопографическое описаніе Александріи*, ея воздуха, воды, жителей и т. д.¹⁾.

Здѣсь же Leclerc приводитъ еще множество другихъ врачей-евреевъ при дворѣ Саладина, каковы: Abul Beyan († 1184) въ Каирѣ, оставилъ *Наблюденія* въ области медицины и *Рецептуру*; окулистъ Abul Fadhail ben Naqued († 1188), сынъ послѣдняго Abul Faradsch, также окулистъ, принявъ исламъ; El Muaffek ben Schawa, хирургъ и окулистъ (ум. въ 1183 г.); Abul Barakat ben Schascha (по Wüstenfeld'у—ben Schala), карантъ, ум. въ Каирѣ 86 лѣтъ, и сынъ послѣдняго Said ed-Daula, оба опытные врачи; Asad el Mahalli, по имени роднаго города Mahalla въ Египтѣ, былъ выдающійся философъ и врачъ, жилъ въ Каирѣ, а въ 1201 г. отправился въ Дамаскъ, гдѣ диспутировалъ съ тамошними важнѣйшими врачами; оставилъ *Бесѣды о началахъ медицины* въ 6 главахъ, *Трактатъ о медицине* въ 3 главахъ и другіе; Abul Barakat el Kathaai, окулистъ († 1201); Abul Meali—служилъ при Саладинѣ и Malek Adel'ѣ, оставилъ *Замѣтки* и *Наблюденія* изъ области медицины²⁾. Но самымъ знаменитымъ между всѣми этими врачами въ Египтѣ былъ безспорно Maïmonides, о которомъ рѣчь впереди.

Въ Магребѣ въ XII вѣкѣ выдается потомокъ Магомета,

Scherif el Edrissy *Essakali* (т. е. изъ Сициліи, гдѣ онъ находился при дворѣ короля Рожера). Онъ оставилъ обширную географію (*Nazhat al Moschtae*, описана въ 1154 г.) и трактатъ о простыхъ лекарственныхъ веществахъ³⁾.

Въ Испаніи въ XII вѣкѣ выдѣляются:

Ebn Badscha (*Avetrace*) *Ebn es-Sair*, род. въ Сарагоссѣ въ концѣ XI в., 20 лѣтъ состоялъ визиремъ при Jahua ben Taschfin'ѣ, ум. въ Фецѣ еще молодымъ въ 1178 г. Онъ оставилъ множество философскихъ сочиненій, между коими, согласно Мунку, первое мѣсто занимаетъ *Режимъ Отшельника* (въ которомъ онъ старается показать, что чело-вѣкъ, при помощи лишь одного только послѣдовательнаго развитія своихъ способностей, можетъ отождествиться съ дѣятельнымъ разумомъ), и медицинскихъ, каковы: Разборъ трактата Галена *О простыяхъ медикаментахъ*, книга *О наблюденіяхъ двухъ*, въ сотрудничествѣ съ Abul Hassan Sofian'омъ изъ Андалузій, часто цитируемая El Beithar'омъ, *О темпераментахъ съ медицинской точки зрѣнія*, *О физической любви*, наконецъ, множество комментарий къ сочиненіямъ Аристотеля⁴⁾.

Errafequy (Muhammed ben Cassum), по Wüstenfeld'у—отецъ ботаника Eggafequcy († 1164)⁵⁾, что, по мнѣнію Leclerc'a, невѣрно. Онъ оставилъ трактатъ *объ окулистикѣ* на 300 листахъ, подъ заглавіемъ: *Morched* (Director), въ 6 частяхъ, гдѣ въ особенности распространяется объ операціяхъ катаракты, конхъ принимаетъ 11 разновидностей, и ввелъ въ текстъ фигуры какъ инструментовъ, такъ и черепныхъ швовъ, Chiasma, продольнаго и поперечнаго направленія волоконъ въ двухъ артеріальныхъ оболочкахъ и т. д.⁶⁾

Особенной же славой въ XII в. въ Испаніи пользуются:

¹⁾ Тамъ же, 53—55. ²⁾ Тамъ же, 55—57. ³⁾ Тамъ же 65 и слѣд. ⁴⁾ Тамъ же, 75—78.

⁵⁾ Его книга *De simplicibus* часто цитируется Ebn Beithar'омъ и совмѣщаетъ все, написанное объ этомъ предметѣ Dioscorидомъ и Галеномъ, а также послѣдующія и его собственныя открытія. Осейбія считаетъ его наилучшимъ знаткомъ этого дѣла въ свое время. Ср. Leclerc, II, 79.

⁶⁾ Тамъ же, 81, 82.

Avenzoar (s. Abu Merwan Abd el Malek ben Abul Ola ben Abd el Malek Ebn Zohr (1070?—1162), родомъ изъ Севильи въ Андалузіи. Настоящимъ образомъ годъ его рожденія неизвѣстенъ. Аверроэсъ, въ своемъ *Colliget*, говоритъ, что онъ жилъ 135 лѣтъ и что онъ началъ изученіе медицины 40 лѣтъ отроду, но это едва ли вѣроятно¹⁾.

Изъ всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ врачей никто не обладалъ такимъ оригинальнымъ талантомъ и не былъ такимъ независимымъ наблюдателемъ, какъ Abu Merwan Abd el Malek Avenzoar. Въ особенности онъ замѣчательнъ тѣмъ, что отважно выступилъ противъ Аристотеля и Авиценны, на что до него не осмѣлился ни одинъ арабскій врачъ. Вообще оригинальность и духъ свободнаго изслѣдованія ни у кого изъ арабскихъ ученыхъ не проявились въ такой мѣрѣ, какъ у Avenzoar'a и его ученика Аверроэса.

Авензоаръ, собственно родомъ изъ Honsnal-Zahr или Pentaflog при Севильѣ, былъ членомъ славной семьи, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій поставлявшей знаменитыхъ ученыхъ.

Первый изъ нихъ, Abu Bekr Muhammed ben Merwan Ebn Zohr (ум. въ Talabiga въ 1031 г.) былъ въ одно и тоже время извѣстный юристъ и врачъ. Сынъ его,

Abu Merwan Abd el Malek (въ XI в.), практиковавшій сначала въ Багдадѣ, Каирѣ и Кайруанѣ, впоследствии возвратился на родину, гдѣ приобрѣлъ громкую славу²⁾. Изъ сыновей послѣдняго въ особенности выдѣляется отецъ нашего Авензоара,

Abul Ola Ebn Zohr (ум. въ 1131 г.), авторъ многихъ сочиненій, изъ коихъ болѣе другихъ выдаются трактатъ *О свойствахъ медикаментовъ*, цитируемый *Ebn Veithar'*омъ, *Возраженіе Авиценны* (Ebn Sina) и *Собраніе наблюдений и опытовъ*—посмертное сочиненіе, элементы котораго были собраны по приказанію Ali ben Jusuf ben Taschif'a, изъ Марокко³⁾. Чтобы не возвращаться къ этой семьѣ, замѣтимъ здѣсь еще, что

сынъ разсматриваемаго нами Авензоара, El Hafidh Abu Bekr (род. въ 1113 г. въ Севильѣ), пользовался довѣріемъ альмогадовъ El-Muham'a и Мансура, но былъ отравленъ визиремъ Abu Zeid'омъ въ 1199 г. вмѣстѣ съ сестрой его, также посвященной въ медицину, какъ и дочь ея. (На ея эти даты ошибочно относить къ самому Авензоару).

Внукъ его, Abu Muhammed Abd Allah (р. 1181), также погибшій отъ отравленія въ 1205 г. въ Ribath Sala, оставилъ трактатъ *О болезняхъ мазъ*, а сыновья послѣдняго, также отличные врачи, жили еще во времена Осейбіи (въ XIII в.)⁴⁾.

Что касается занимающаго насъ Авензоара, то Carmoly говоритъ, что отецъ его⁵⁾ весьма рано сталъ обучать его медицинѣ, чуть ли не съ 10 лѣтняго возраста, и затѣмъ, когда онъ кончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Севильѣ, взялъ съ него клятву никогда не употреблять ядовъ. Находясь потомъ на службѣ у севильскаго калифа Ali ben Temin'a, у котораго излечилъ брата, отравленнаго своими родственниками,

¹⁾ Leclerc, II, 87. ²⁾ Oseibia, с. XIII, №№ 61; ср. Carmoly, I, с. I, 861.

³⁾ Ср. Leclerc, II, 83—86; Carmoly, I, с. ⁴⁾ Leclerc, 93—95.

⁵⁾ Котораго онъ ошибочно называетъ *Abd-el-Malek'*омъ.

Авензоарь, за эту непрошенную услугу, был заключенъ послѣдними въ тюрьму и получилъ свободу только при Jusuf'ъ ben Taschfin'ъ, принцѣ изъ Марокко, прогнавшемъ Алі и другихъ мелкихъ тирановъ сарацинской Испаніи¹⁾. Leclerc говоритъ, что Авензоарь пользовался особеннымъ расположеніемъ Abd-el-Mushen'a изъ династіи альмогадовъ, вытѣснившаго изъ Испаніи династію альморавидовъ (мурабитовъ), и что послѣдній отличался организаторскимъ талантомъ и поощрялъ науки и искусства. Для него-то Авензоарь изобрѣлъ особенный теріакъ, притомъ историки рассказываютъ также, что онъ напалъ на оригинальную мысль поливать виноградную лозу слабительнымъ растворомъ и созрѣвшій затѣмъ плодъ назначалъ калифу какъ слабительное²⁾.

Достигнувъ медицинской кафедры, Авензоарь долгое время способствовалъ насажденію у арабовъ истинной медицины, образовавъ множество учениковъ, изъ коихъ въ особенности выдается Averrhoës, который о немъ отзывался такъ:

„Если кто хочетъ достигнуть глубокихъ позваній въ медицинѣ, пусть читаетъ сочиненія Авензоара, составляющія настоящій кладъ для послѣдней. Онъ зналъ все, что только доступно знать человѣку въ этой области, и его семейству медицина обязана истиннымъ научнымъ направленіемъ“³⁾.

Изъ сочиненій Авензоара на первомъ планѣ стоитъ

1) *Al Teissir fil modawat wel tedbir (Facilitatio s. adjumentum, scilicet regiminis et medelae).*

Оно было составлено для принца Iusufa ben Taschfin'a и переведено на еврейскій языкъ врачомъ Iakub'омъ въ 1280 г., а съ послѣдняго на латинскій—венеціанскимъ врачомъ Paravicinus'омъ въ 1281 г. Ср. Sprengel, II, 437.

Изданіе: Латинское съ еврейскаго перевода Якова, Venet. 1490 и многія другія; послѣднее—Venet. 1574.

2) *De febris, or Collectio veneta de febris*, также переведено на еврейскій яз. и съ послѣдняго на латинскій, Venet. 1570.

¹⁾ Ср. Carmoly, *Médecins juifs* въ *Revue Orientale*, I, 365. Не знаемъ, откуда Carmoly взялъ, что Авензоарь былъ евреемъ и что подало ему поводъ помѣстить его между своими „Médecins juifs“, тогда какъ никто изъ историковъ объ этомъ ничего не говоритъ, а изъ многихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Авензоара видно, напротивъ, что онъ былъ мусульманинъ. Choulant, напр. (*Bücherkunde*, 375), говоритъ, что онъ происходилъ отъ древняго арабскаго рода, коего предокъ ben Nezar Ijad переселился въ Испанію въ 912 г. Такого же мнѣнія и Steinschneider, который по этому поводу говоритъ: „Die unbegründete Vermuthung des Par. Catalogs, dass Ibn Zohr ein Jude sei (die villeicht auf den Schreiber des Codex zu übertragen ist?) wurde von Casiri zur Thatsache erhoben, und galt lange genug in secundären Quellen“. Ср. M. Steinschneider въ *Anhang* объ *Ibn Zohr'ъ* къ нѣмецкому переводу сочиненія Маймонида: *Gifte und ihre Heilung etc.*, въ *Virchow's Archiv*, B. 57, Berlin, 1873, p. 115.

²⁾ Leclerc, II, 87. ³⁾ Ср. Carmoly, l. c., I, 366.

3) *Antidotarium*, какъ прибавленіе къ лат. изд. *Al-Teissir'a* (вмѣстѣ съ *Colliget*¹⁾ Аверроэса).

4) *Experta de balneis* въ *De Balneis quae exstant apud Graecos, Latinos et Arabes*. Venet., 1553.

5) *Tractatus de morbis renum*, изданіе латинское въ Alguazir Albulleizor *Liber de curatione lapidis*, Venet. 1497.

6) *Liber medicamentorum et ciborum*, составлено для калифа Abd-el-Mumen'a, рукопись въ Парижѣ; содержитъ 40 страницъ.

Изданіе: подъ заглавіемъ: *De regimine sanitatis*, Basil. 1631.

7) *Ichtisad*, рукопись изъ 140 листовъ, по словамъ Леклерка, неупоминаемая историками и находящаяся въ парижской библіотекѣ.

Изъ несуществующихъ болѣе сочиненій Авензоара у Осейбін приведены: Трактатъ о косметикѣ, два раза фигурирующий у Wüstenfeld'a подъ заглавіемъ: *Liber ornamenti* и *Liber de decoratione*, далѣе трактатъ *O проказы* и *impeligo*, Мемуаръ по адресу его сына о томъ, что прежде всего слѣдуетъ предпринимать при леченіи болѣзней, и другой—о примѣненіи слабительныхъ. Гаджи Кальфа приводитъ еще книгу *Афоризмовъ* и *Дополненіе къ Teissir'u* подъ названіемъ *Dschami*²⁾.

Кромѣ того Авензоаръ считается первымъ врачомъ, описавшимъ чесоточнаго клеща, и изобрѣтателемъ рациональнаго способа леченія чесотки. Ср. Ravaill, *Mémoire sur l'histoire naturelle de l'insecte de la gale* въ Bulletin de thérapent. t. VII; Renucci, *Découverte de l'insecte qui produit la gale*. Thèse. Par. 1825; M. F. H. Fürstenberg, *Die Krätzmilben der Menschen und Thiere*. Leipz. 1861³⁾.

Изъ упомянутыхъ сочиненій *Ichtisad* есть трактатъ о медицинѣ, написанный Авензоаромъ въ молодости, по предложенію эмира Ibrahim ben Jusuf ben Taschfin'a. Въ концѣ его находится выраженіе: Монархія *Морабитовъ*, правленіе *Лемтунювъ*.

Здѣсь авторъ говоритъ, что есть два вида медицины: тѣла и души. Что касается души, то она бываетъ трехъ видовъ, изъ коихъ разумная душа, пребывающая въ мозгу, отличаетъ человѣка отъ животнаго. Истолкователемъ этой души служить языкъ, а потому Авензоаръ начинаетъ изложеніе болѣзней съ этого органа, затѣмъ переходитъ къ болѣзнямъ глаза, какъ высшаго изъ органовъ чувствъ, потомъ къ болѣзнямъ уха, головы и т. д. По поводу женскихъ грудей онъ замѣчаетъ, что есть народы, любящіе ихъ большими у женщинъ, какъ арабы и альморавиды. Далѣе здѣсь есть замѣчаніе о томъ, что язвы встрѣчаются на мужскомъ членѣ точно также, какъ на всякой другой части тѣла. Говоря о беременности, онъ смѣло предлагаетъ рецепты для предупрежденія зачатія по той причинѣ, что „оно не для всякой прилично“. По поводу переломовъ онъ говоритъ, что *анатомію костей* легко изучить, для этого стоитъ только поставить каждую кость на свое мѣсто и тогда уже ихъ изслѣдовать, изъ чего видно, что арабскіе

¹⁾ Haeser (I, 593) пишетъ здѣсь *Colligens*, которое онъ выдаетъ за сочиненіе Авензоара, но это, очевидно, ошибка, такъ Choulant (*Bücherkunde*, 376) приводитъ во всѣхъ изданіяхъ *Al-Teissir'a*, какъ прибавленіе къ нему: *Antidotarium* Авензоара и *Colliget* Аверроэса.

²⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 375, 376, Haeser, l. c. и Leclerc, II, 89 и 92.

³⁾ Ср. Haeser, I, 593. Но все таки остается невясненнымъ, какъ Авензоаръ могъ узнать о чесоточномъ клещѣ безъ микроскопа.

врачи имѣли въ своемъ распоряженіи скелетъ. Въ концѣ книги находятся рецепты, составленные специально для царей ¹⁾).

Въ *Liber medicamentorum et ciborum* изложеніе начинается съ различныхъ видовъ пищи, которымъ посвящена большая часть рукописи; приче́мъ Авензоаръ больше занимается ихъ свойствами, нежели описаніемъ.

Здѣсь прежде всего онъ рассматриваетъ ихъ по отношенію къ временамъ года. Пищевареніе, говоритъ онъ, совершается скорѣе зимою, чѣмъ лѣтомъ, а потому зимою надо ѣсть побольше, притомъ горячую и сухую пищу. Затѣмъ онъ рассматриваетъ различные сорта хлѣба по отношенію къ ихъ приготовленію и составу (изъ *sorgho*, бобовъ, гороха, риса, и т. д.). Переходя къ мясу различныхъ животныхъ, онъ рассказываетъ о томъ, что при недостаткѣ мяса (*disette*) однажды съ пользою употребляли мясо змѣй. Далѣе рѣчь идетъ о молочномъ дѣлѣ, фруктахъ, сахарѣ, издѣліяхъ изъ сахара и меда, напиткахъ, вареніяхъ, наконецъ о медикаментахъ, изложенныхъ въ сжатомъ видѣ. Въ концѣ книги рассматриваются различные отдѣлы *гигіены*.

Вообще это сочиненіе не лишено интереса и не теряетъ значенія рядомъ со множествомъ подобныхъ же сочиненій другихъ авторовъ ²⁾.

Самое главное сочиненіе Авензоара, свискавшее ему вполне заслуженную репутацію выдающагося врача, есть безспорно

Al-Teissir. Здѣсь Авензоаръ указываетъ на лекарства и діету, приличныя для большей части болѣзней. Сочиненіе это отчасти составлено на основаніи неизвѣстныхъ источниковъ, отчасти же на основаніи наблюдений Авензоара и его отца, имѣющихъ извѣстное значеніе также и для *хирургіи*. Въ этомъ сочиненіи Авензоаръ является рѣзкимъ и рѣшительнымъ противникомъ діалектическаго метода при разработкѣ различныхъ областей медицины, въ особенности же онъ вооружается противъ односторонностей гуморальной и динамической теорій. Споръ о томъ, какой органъ важнѣе: мозгъ, печень или сердце, онъ считаетъ бесполезнымъ и самое большое значеніе придаетъ прочной постановкѣ фактовъ (*Naeser*). Словомъ, сочиненіе это носитъ печать зрѣлости и вполне достойно Аверроэса, которому оно посвящено (*Leclerc*). Самая характеристическая черта, благодаря которой *Teissir* занимаетъ своеобразное мѣсто между всѣми произведеніями арабской медицины, это—совершенно независимое отношеніе къ преданію. „Онъ не раздѣляетъ уваженія Равезеса къ работамъ предшественниковъ, говоритъ *Leclerc*, и не задается, подобно Али бенъ Аббасу и Авиценнѣ, составленіемъ строго-методическаго сочиненія. Авензоаръ говоритъ съ увѣренностью учителя, со знающаго, что вполне обладаетъ медицинской наукой и, когда рѣчь заходитъ о древнихъ, онъ ихъ третируетъ какъ равный и въ подходящихъ

¹⁾ Ср. *Leclerc*, II, 89.

²⁾ Тамъ же, 90.

случаяхъ подвергаетъ взгляды Галена строгой проверкѣ, чтобъ убѣдиться въ томъ, согласны ли они съ фактами, какіе даетъ наблюденіе. Никто изъ арабовъ, въ подтвержденіе устанавливаемыхъ имъ правилъ, не приводитъ такъ часто результатовъ своей опытности. Что касается расположенія матеріала въ его книгѣ, то оно вполне эмпирическое и рассматриваетъ болѣзни отъ головы до ногъ¹⁾.

Хотя Авензоаръ вездѣ выставляетъ себя поклонникомъ Галена и ссылается на него, быть можетъ, чаще чѣмъ всѣ остальные арабскіе врачи, тѣмъ не менѣе въ практическихъ вопросахъ онъ съ нимъ нерѣдко расходится, опираясь на свой собственный опытъ.

Добросовѣстность его по отношенію къ больнымъ доказываетъ встрѣтившійся ему случай больного, у котораго онъ затруднялся опредѣлить болѣзнь и по этому поводу совѣщался съ другими врачами, изъ коихъ, однако, никто его не могъ удовлетворить. Тогда онъ рѣшился отправиться къ своему, жившему въ другомъ городѣ, отцу. Добрый старикъ, вмѣсто прямого отвѣта, открывъ сочиненія Галена, далъ ему прочесть тамъ одно мѣсто, замѣтивъ, что если онъ въ этомъ мѣстѣ не съумѣетъ найти нужное ему разъясненіе, то онъ никогда не будетъ имѣть успѣха въ медицинѣ; если же найдетъ его, то можетъ на все рассчитывать въ будущемъ. И дѣйствительно, онъ нашелъ здѣсь то, что ему нужно было, и больной выздоровѣлъ къ общему удовольствію старика и сына²⁾.

Между прочимъ Авензоаръ описываетъ нѣкоторыя болѣзни, которыми самъ былъ одержимъ, какъ напр., *ischias* и дизентерія, отъ которой излечился пошеніемъ *smarada* на животѣ (способъ, рекомендованный ранѣе его Аэціемъ), вслѣдствіе чего онъ впоследствии совѣтовалъ давать при упомянутой болѣзни и внутрь по 6 гранъ порошка этого минерала³⁾. Далѣе онъ распространяется о постигшемъ его самомъ въ дорогѣ воспаленіи за грудиной клѣтчатки (*mediastinitis*) съ исходомъ въ нагноеніе⁴⁾,

причемъ въ этомъ мѣстѣ ощущалась боль, появился кашель, пульсъ былъ твердый, сильный жаръ. На четвертый день онъ выпустилъ себѣ фунтъ крови безъ особеннаго успѣха и почувствовалъ облегченіе только послѣ вторичнаго кровотеченія, случившагося ночью во время сна, вслѣдствіе ослабленія повязки. На другой день онъ началъ отхаркивать гнойную мокроту, появился бредъ и т. д. Тѣмъ не менѣе онъ поправился, причемъ выздоровленіе свое онъ приписывалъ именно вторичному кровотеченію, а не назначенной имъ самому себѣ ячменной птизанѣ, которой поили его во время болѣзни⁵⁾.

Этотъ случай мы считали не лишнимъ привести подробнѣе не потому, что, какъ говоритъ Freind, „это первое въ исторіи медицины

¹⁾ Тамъ же и 91.

²⁾ Ср. Freind, l. c., II, 43.

³⁾ Тамъ же и 44.

⁴⁾ Avenzoar, *Teisstir* ed. Venet. 1496, l. I, tr. XVI, c. 6, f. 24, a. Ср. Sprengel, II, 438.

⁵⁾ Ср. Freind, l. c., II, 44.

описание означенной болѣзни“,—ибо выше мы видѣли, что гораздо раньше Авензоара ее описалъ уже Авиценна,—а потому, что Авензоаръ даетъ здѣсь болѣе точную симптоматологію, причемъ подчеркиваетъ слѣдующія явленія: постоянный кашель, болѣзненное напряженіе вдоль грудины, затрудненное, учащенное и короткое дыханіе, сильный жаръ, твердый, неравномѣрный пульсъ и глубокій упадокъ силъ. При этомъ онъ настойчиво совѣтуетъ испытанное имъ на себѣ кровоусканіе изъ *v. basilica*, все равно на какой сторонѣ, въ отличіе отъ *плеврита*, при которомъ кровоусканіе должно быть сдѣлано на противоположной сторонѣ ¹⁾).

Кромѣ того онъ, повидимому, едва ли не первый описываетъ гнойный перикардитъ ²⁾, а также водянку оболочечной сумки и фибринозные конкременты какъ въ легочной артеріи, такъ и въ лѣвомъ желудочкѣ, которые называетъ полипами сердца. Далѣе онъ описываетъ исторію нарыва почки, въ которомъ было до 7 пайнть (3½ литра) гноя, причемъ почечная сумка, заключавшая въ себѣ этотъ нарывъ, оказалась цѣлой ³⁾. По поводу „атрофіи“ (вѣроятно *tabes* или чахотка) онъ замѣчаетъ, что Галенъ рекомендуетъ здѣсь ослиное молоко, но такъ какъ сарацинамъ запрещены какъ молоко, такъ и мясо этого животнаго, то Авензоаръ замѣняетъ его козьимъ ⁴⁾).

При затрудненномъ глотаніи вслѣдствіе паралича мышцъ глотки и пищевода (*dysphagia*) послѣ дифтерита, о чемъ не упоминаютъ ни греческіе, ни арабскіе писатели, онъ предлагаетъ три способа леченія:

1) Кормленіе молокомъ или другой жидкой пищей черезъ трубку изъ бѣлаго желѣза или серебра, введенную въ глотку; 2) молочныя ванны съ цѣлью питать больнаго черезъ поры,—способъ, который впрочемъ самъ признаетъ „смѣшнымъ и бесполезнымъ“, и 3) **питательные клистиры** черезъ длинную трубку, причемъ, конечно, онъ не могъ еще знать о пищевареніи и всасываніи пищевыхъ веществъ въ толстой кишкѣ. Онъ, правда, отвергаетъ попаданіе означенныхъ веществъ этимъ путемъ непосредственно въ желудокъ, но допускаетъ въ послѣднемъ притягательную способность, въ силу которой онъ въ состояніи привлекать мало-по-малу пищевыя вещества, находящіяся по тракту кишечнаго канала ⁵⁾.

Такимъ образомъ Авензоара можно было бы считать первымъ изобрѣтателемъ кормленія больныхъ питательными клистирами, если бы о томъ же предметѣ не имѣлась небольшая глава у Орибазія ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же и 45.

²⁾ Ср. Avenzoar, *Theissir*, I, I, tr. XII, c. 7, f. 19, b. Ср. Sprengel, II, 439.

³⁾ Freind, I, c. II, 45—49.

⁴⁾ Avenzoar, I, III, tr. I, c. 12, f. 37, c. Ср. Sprengel, II, 40 и Freind, II, 50.

⁵⁾ Avenzoar, *Theissir*, I, I, tr. X, c. 18, f. 16 b. Ср. Sprengel, II, 439 и Freind, I, c. II, 51, 52. ⁶⁾ *Oribasii Collectio*, I, VIII, c. 34.

Рациональность этого способа горячо отстаивалъ уже Freind, доказывавшій возможность всасыванія пищи какъ лимфатическими сосудами и Пейеровыми бляшками, такъ и кровеносными сосудами, причемъ приводитъ свидѣтельство Fabricius Hildanus'a, который описалъ удачный случай кормленія питательными клистирами больной, лихорадившей 6 недѣль и не бывшей въ состояннн ничего проглотить¹⁾.

Подобно другимъ арабскимъ врачамъ, Авензоаръ предпочитаетъ легкія слабительныя и отвергаетъ драстическія средства. Что онъ во многихъ отношеніяхъ расходится съ Галеномъ, доказываетъ его взглядъ на этиологию паралича, который, по его мнѣнію, можетъ наступать не только при холодѣ, но и при обыкновенной температурѣ. Amaugosis онъ брался лечить, тогда какъ Галенъ признавалъ эту болѣзнь неизлечимой²⁾. Далѣе онъ, вопреки Галену, приписываетъ костямъ и зубамъ чувствительность, хотя и не въ такой степени, какой обладаютъ остальные части тѣла. Весьма важное значеніе имѣютъ его воззрѣнія на причины сохраненія жизни и хорошаго смѣшенія влагъ, не смотря на наклонность послѣднихъ къ разложенію,—въ чемъ онъ повидимому проложилъ путь знаменитому Stahl'ю³⁾. Какъ уже сказано выше, онъ горячо оспариваетъ преимущество одной внутренности передъ другой: ни сердце, ни мозгъ, ни печень не могутъ считаться первенствующими органами тѣла; все въ организмѣ тѣсно между собою связано, въ томъ числѣ и съ названными органами⁴⁾. По поводу чахотки онъ приводитъ случай удачнаго излеченія таковой его дѣдомъ съ помощью одного только розоваго сахара⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ описываетъ, какъ новую болѣзнь, чахотку, происходящую отъ „нагноенія желудка“⁶⁾. Не лишены также интереса исторія болѣзни, происшедшей отъ разраженія (экскресценціи) въ желудкѣ⁷⁾ а также его замѣчанія о потерѣ рѣчи вслѣдствіе известковыхъ затвердѣній языка⁸⁾, равно какъ и о безопасности совершенной потери матки вслѣдствіе нагноенія⁹⁾, наконецъ о вредномъ вліянн болотнаго воздуха на здоровье¹⁰⁾. Вообще говоря, при воспаленіяхъ онъ

¹⁾ Cp. Freind, l. c. II, 53.

²⁾ Avenzoar, *Teissir*, l. I, tr. IV, c. 18, tr. X, c. 2 и tr. VIII, c. 22, ed. Surian. Venet. 1496. (Cp. Sprengel, II, 437).

³⁾ Avenzoar, l. c, l. I, tr. IX, c. 19 ⁴⁾ Тамъ же, l. c. tr. XI, c. 2, f. 17 b.

⁵⁾ Тамъ же, f. 17, d. (cp. Sprengel, II, 438).

⁶⁾ Тамъ же, tr. XV, c. I, f. 21, a. Такіе случаи еще и нынѣ составляютъ большую рѣдкость. Такъ „рѣдкіе“ случаи *булгорчатки желудка* недавно описали O. Garbassi въ „*Lo Sperimentale*“ 1892, № 13 и Cecil F. Beadles (London) въ *The British Medical Journal* 1 oct. 1892. Cp. *Врачъ*, 1892, № 41, стр. 1042.

⁷⁾ Avenzoar, l. c., c. 3, f. 21, c. Cp. Sprengel, II, 438.

⁸⁾ Avenzoar, *Teissir*, l. II, tr. II, c. 2, f. 25, d. ⁹⁾ Тамъ же, tr. V, c. 4, f. 30, b.

¹⁰⁾ Тамъ же, l. III, tr. III, c. 2, f. 39, a. Cp. Sprengel, II, 439.

во всякое время пускалъ кровь на противоположной сторонѣ, причѣмъ историки, какъ курьезъ, приводятъ удачный случай кровопусканія, произведеннаго имъ у собственнаго 3-лѣтняго сына ¹⁾.

Въ области *фармаціи* Авензоаръ самъ занимался составленіемъ сироповъ, кашекъ и изслѣдованіемъ ядовитыхъ растений и противоядій.

Между прочимъ онъ распространяется о дѣйстви ячннаго масла, „натуральнаго бальзама“, объ *alquise mi*, т. е. финиковомъ маслѣ, которое было привезено его отцомъ изъ Египта и считалось имъ отличнымъ камнерастворяющимъ (*Freind*) ²⁾. Далѣе онъ описываетъ цвѣты *penifag* или *pumphaeae*, которые его отецъ употреблялъ какъ *colligetis* противъ остроты *hellebori nigri*, подобно тому какъ мастика служитъ исправляющимъ средствомъ для скамонія и сладкіе миндали для колоквиновъ. Что касается *helleborus niger*, то онъ употреблялъ его внутрь при роговидномъ разращеніи на кости, которое его отецъ наблюдалъ у одного больнаго на спиѣ, и другомъ подобномъ случаѣ, осложненномъ сильными болями, который видѣлъ самъ Авензоаръ. По его наблюденіямъ подобныя новообразованія уменьшаются или даже совсѣмъ отпадаютъ (въ случаѣ его отца) при примѣненіи опорожняющихъ, разрѣшающихъ и иссушающихъ средствъ, въ томъ числѣ *hellebori nigri*, который однако признается имъ опаснымъ средствомъ ³⁾.

Наконецъ сюда относится впервые имъ упоминаемое средство: *bezoar* (три грана *pro dosi*), которымъ онъ вылечилъ коннетабля севильскаго калифа отъ желтухи вслѣдствіе отравленія ⁴⁾. Вотъ что онъ говоритъ по поводу этого камня:

„Самый лучший *bezoar*—тотъ, который образуется на Востокѣ вокругъ глазъ оленей. Большіе олени въ этихъ странахъ ѣдятъ змѣй, чтобы становиться сильнѣе, и передъ тѣмъ, какъ почувствовать себя дурно, спѣшатъ бросаться въ холодную воду, въ которую погружаются съ головой. Эта привычка у нихъ инстинктивная. Они такъ остаются подолгу, не глотая воды, ибо они оттого бы умерли на мѣстѣ. Когда начинается течъ изъ глазъ, то эта влага, накопляясь подъ вѣками, сгущается, застываетъ и плотнѣетъ; тоже происходитъ съ вновь притекающей, пока не образуется опухоль величиной въ каштанъ или орѣхъ. Почувствовать, что дѣйствіе яда совсѣмъ прошло, олени выходятъ изъ воды и возвращаются въ свои пастбища. Это вещество мало по малу становится твердымъ какъ камень и при помощи тренія оленей о дерево или о другой предметъ отпадаетъ. Этотъ-то безоаръ и есть наилучшій и самый полезный въ медицинѣ“ ⁵⁾.

Другіе арабскіе авторы, какъ напр. *Серапіонъ*, полагаютъ, что безоаръ добывается изъ копей, а нѣкоторые „новѣйшіе“ принимаютъ, что

¹⁾ *Averroës, Colliget, l. VII, c. 3 (ed Surian. Venet. 1496). Cp. Sprengel, II, 439.*

²⁾ По *Леклерку*—бальзамовое масло (*duhn baschami*), привезенное его отцомъ и рекомендуемое *Avenzoar*’омъ противъ *паралича*. *Cp. Leclerc, II, 92.*

³⁾ *Cp. Freind, II, 54—56.*

⁴⁾ *Avenzoar, Teissir, l. I, tr. XIII, c. 6, f. 20, c. Cp. Sprengel, II, 438.*

⁵⁾ По переводу *Freind’a, l. c., II, 57.*

это желудочный камень, а именно изъ trebuха дикой козы (*servi cargae*), но Freind съ этимъ не согласенъ ¹⁾.

Хирургія, правда, трактуется Авензоаромъ свысока, тѣмъ не менѣе при случаѣ въ немъ сказывается отличный хирургъ и въ молодости повидимому хирургія была его любимымъ занятіемъ:

„Въ молодые годы, говоритъ онъ, я много трудился надъ изученіемъ истиннаго положенія костей и существующей между ними взаимной связи. Я желалъ не только познакомиться съ разными оперативными приемами, но и тщательно продѣлать ихъ собственными руками, такъ какъ я чувствовалъ такую же склонность къ такого рода вещамъ, какую имѣютъ къ своей профессіи ремесленники и охотники. Я чувствовалъ тѣмъ большее влеченіе къ подобнаго рода занятіямъ, что былъ убѣжденъ въ томъ, что раньше или позже я смогу извлечь изъ нихъ пользу, какъ для себя и друзей, такъ и для бѣдныхъ“ ²⁾.

Freind полагаетъ, что онъ зналъ *анатомію* и даже производилъ вскрытія. Изъ области *хирургіи* Авензоаръ описываетъ вывихи и переломы, въ томъ числѣ переломъ бедра, далѣе раненіе живота, причемъ изъ отверстія раны выдѣлялся каль, разрывъ брюшины съ выпаденіемъ кишекъ, излеченный однимъ покоемъ, раненія венъ, артерій и т. д., а также случай гангрены, въ которомъ онъ не соглашался съ другими хирургами, предлагавшими внутреннія средства, и съ своей стороны совѣтовалъ разрѣзъ. Кромѣ того онъ приводитъ случай операціи эмпіемы, произведенной его отцомъ ³⁾. Далѣе сюда относятся леченіе слезныхъ свищей давленіемъ и вяжущими, низдавленіе катаракты (извлеченіе онъ считалъ невозможнымъ), которая, по его мнѣнію, есть застывшая влага, образующаяся изъ испареній, поднимающихся отъ желудка ⁴⁾; наконецъ удачный опытъ *трахеотоміи* у козы, причемъ онъ предостерегаетъ не приступать къ этой операціи безъ основательнаго знакомства съ анатоміей ⁵⁾. Кромѣ того онъ жалуется, что нѣтъ ни одного хирурга, знакомаго какъ слѣдуетъ съ трепанаціей, и порицаетъ врачей, старающихся лечить всѣ виды умопомѣшательства раскаленнымъ желѣзомъ ⁶⁾.

Изъ сказаннаго видно, что онъ былъ близко знакомъ съ хирургическими операціями. Только камнедробленія онъ не производилъ лично, считая эту операцію унижительной для врача ⁷⁾, причемъ изъ внутреннихъ

¹⁾ Тамъ же, 58.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, 59.

⁴⁾ Avenzoar, *Teissir*, l. I, tr. IV, c. 10 и сс. 18, 19.

⁵⁾ Avenzoar, *Teissir*, l. I, tr. X, c. 10, f. 14, b; c. 14, f. 15, d. Cp. Sprengel, II, 441. ⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Avenzoar, *Teissir*, l. II, tr. VI, c. 1, f. 30, d. (Cp. Sprengel l. c.).

камперастворяющихъ средствъ предпочиталъ *ol. alquiscemi* (см. выше¹⁾).

Freind говоритъ, что въ это время вообще высокопоставленные врачи (*medici honorati et nobiles*) считали ниже своего достоинства не только камнесъченіе, но также кровопусканіе, операцию катаракты, прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ и т. д., равно какъ и приготовленіе лекарствъ, и что все это они предоставляли медицинской прислугѣ (*servitores et ministri*). Кроме того Freind отмѣчаетъ другую любопытную черту въ Авензоарѣ, а именно абсолютное игнорированіе имъ древнихъ арабскихъ врачей, коихъ онъ никогда не называетъ и не цитируетъ, что Freind склоненъ приписать существовавшему антагонизму между Аббасидами и Оммадами²⁾.

Изъ сказаннаго видно, что вообще Авензоаръ былъ самымъ оригинальнымъ изъ арабскихъ врачей и отъявленнымъ врагомъ софистической діалектики въ медицинѣ. Единственнымъ критеріемъ для оцѣнки фактовъ онъ, по примѣру отца, считалъ опытъ. Это не помѣшало ему, однако, въ сомнительныхъ случаяхъ прикрываться знаменемъ Галена, отъ котораго онъ перенялъ также болтливость и расплывчатость, что, по мнѣнію Sprengel'я, наводитъ на мысль, что Авензоаръ написалъ свой *Teissir* въ весьма преклонномъ возрастѣ³⁾.

Averroës (Abul Walid Muhammed ben Ahmed ben Muhammed Ebn Roschd el Maliki, по Leclerc'у 1126—1198, по Sprengel'ю 1149—1217)⁴⁾ занимаетъ почетное мѣсто болѣе въ исторіи философіи, чѣмъ въ исторіи медицины.

Онъ род. въ Кордовѣ, гдѣ его отецъ и дѣдъ (также Abul Walid) были верховными судьями (кади). Нѣкоторые историки утверждаютъ, что семья Averroës была еврейскаго происхожденія, но, какъ замѣтилъ уже Ренанъ, если семья Averroës и обратилась изъ іудейства въ исламъ, то это могло случиться лишь въ очень отдаленную отъ нашего автора эпоху⁵⁾. Между учителями Аверроэса называютъ въ области медицины: Абу Джафара Гаруна, изъ Truxillo, и въ особенности Авензоара, а въ области философіи—Эбнъ Баджа (Averrasc) и Эбнъ Тофила, который рекомендовалъ его повелителю Марокко и Андалузін, альмогаду Iusuf ben Abd el Muhamen'у, жаловавшемуся на темноту переводовъ съ Аристотеля. Аверроэсъ, поэтому, написалъ для калифа свой знаменитый *Комментарій къ Аристотелю*, которому онъ обязанъ тѣмъ, что раздѣлили съ послѣднимъ вліяніе на средніе вѣка. Iusuf назначилъ его преемни-

¹⁾ Avenzoar, тамъ же, I, II, tr. III, c. 7, f. 27, b. Ср. Sprengel, II, 442.

²⁾ Ср. Freind, II, 60.

³⁾ Ср. Sprengel, II, 440.

⁴⁾ Тамъ же, 443.

⁵⁾ Renan, *Averroës et L'Averroïsme* Paris, 1866. Ср. Leclerc, II, 98.

комъ Ebn Tofail'a въ качествѣ перваго врача своего и въ 1195 г. поручилъ ему даже намѣстничество въ Андалузіи, а Jakub el Mansur впоследствии назначилъ его верховнымъ судьей Севильи и Кордовы. Неудивительно, что такой счастливой карьерой онъ нажилъ себѣ завистниковъ и враговъ, обвинявшихъ его, съ одной стороны, въ богохульствѣ, а съ другой, въ недостаткѣ уваженія къ своему монарху. Благодаря этимъ интригамъ, онъ былъ отлученъ отъ общины правовѣрныхъ и сосланъ, по Леклерку—въ Лусепана, а по Haeser'у въ Annisaba, мѣстечко близъ Кордовы, гдѣ жили только евреи и гдѣ онъ нашелъ опору въ своемъ ученикѣ и другѣ, Маймонидѣ¹⁾. По Льву Африканскому, онъ жилъ и въ Фецѣ, гдѣ его подвергали унижительнымъ наказаніямъ, напр. ставили у дверей мечети и позволяли всѣмъ проходящимъ плевать ему въ лицо. Впоследствии однако онъ былъ помилованъ Jakub el Mansur'омъ и даже приглашенъ ко двору сына его, Muhammed'a, въ Марокко, гдѣ скоро умеръ, по общепринятому мнѣнію, въ 1198 г.²⁾

Сочиненія Averroës'a. А. Философскія. По Ренану, Аверроэсъ написалъ 28 философскихъ трактатовъ, которые занимаютъ 8 изъ 11 частей полного изданія его сочиненій (*Averroës Opera omnia*). Изъ нихъ самыя главныя—*Комментаріи къ Аристотелю* и *Destructio destructio* написанное въ опроверженіе *Destructio philosophorum* послѣдователя Аристотеля, Al-Gazzali.

Они были весьма рано, еще въ XIII в., переведены на латинскій языкъ—Michel Scot'омъ, а немного спустя—Негманп'омъ Германскимъ, а также на еврейскій³⁾. Аверроэса, какъ великаго философа, цитируютъ уже Вильгельмъ Овернскій († 1248), затѣмъ Альбертъ Великій, Беконъ, Фома Аквинскій и Раймундъ Люльскій, который, впрочемъ, выступилъ его противникомъ. Вообще онъ скоро приобрѣлъ репутацію святотатственнаго хулителя всякой религіи, своего рода антихриста, воспроизведеннаго даже въ изящной литературѣ. Между тѣмъ въ Падуѣ была учреждена школа, гдѣ доктрины Аверроэса составили основу преподаванія, что продолжалось вплоть до половины XVII в. Послѣднимъ ученикомъ и издателемъ Аверроэса былъ Niphus, а послѣднимъ противникомъ—наставникъ Карла V, Vives⁴⁾.

¹⁾ Ср. Haeser, I, 594 и Leclerc, II, 99.

²⁾ Ренанъ говоритъ, что Ebn Beithar и Ebn Zohr умерли почти въ томъ же, т. е. въ 1198 г. Очевидно, Ренанъ былъ введенъ въ заблужденіе Львомъ Африканскимъ. Скорѣе можно принять, что Ebn Beithar род. въ 1198 г. такъ какъ съ достоверностью извѣстно, что онъ ум. въ 1248 г. Ср. Leclerc, II, 100.

³⁾ Wustenfeld приводитъ цѣлый рядъ этихъ переводовъ на еврейскій языкъ, сдѣланныхъ съ комментаріевъ Аверроэса испанскими или провансальскими еврейскими учеными, какъ Jakob Antoli (*De interpretatione, De syllogismo, De demonstratione*), Kalonimos ben Meir (*Topica, De sophisticis Elenchis*), R. Todros въ 1337 г. (*De retorica*), R. Mose ben Josua Narbonensis (*Ethica*, оконченъ въ 1176 г.; тоже въ переводѣ R. Joseph ben Caspi), Kalonimos ben Kalonimos (*Physica, Metaphysica*), Salomon ben Iob (*De coelo et mundo*), R. Kalonimos и R. Mose ben Tibbon (*De generatione et corruptione*), тотъ же R. Mose ben Tibbon (*De meteoris, De partibus animalium, De anima*), R. Schem Tob ben Isak (*De anima*), Kalonimos ben David (*Destructio destructio*); латинск. переводъ: Venet., 1497 и 1529) и т. д. Почти всѣ эти книги находятся въ Cod. Urbin. Ср. Morwitz, l. c. II, 90. ⁴⁾ Ср. Leclerc, II, 101.

Съ наступленіемъ XVI в. начинается новая серія переводовъ Аверроэса съ еврейскаго, но это оказалось уже слишкомъ поздно, такъ какъ Возрожденіе наукъ было уже въ полномъ разгарѣ и знакомство съ греческимъ языкомъ заставило забыть и философію и медицину арабовъ. Freind, а по его примѣру также и Ренанъ, настаиваютъ на фактѣ, что Аверроэсъ, надѣлавшій столько шуму на Западѣ, весьма мало былъ извѣстенъ на Востокѣ. Это, по мнѣнію Леклерка, было совершенно естественно, такъ какъ въ XIII в. на Востокѣ между крестовными походами и монгольскими вторженіемъ оставалось весьма мало мѣста для философіи, тогда какъ на Западѣ во всей силѣ еще господствовала схоластика. На Востокѣ, правда еще процвѣтала медицина, а именно, въ Дамаскѣ и Каирѣ, но значеніе Аверроэса, какъ врача, было слишкомъ слабо, чтобы произвести замѣтное впечатлѣніе. Нельзя однако сказать, что Аверроэсъ остался вовсе незамѣченнымъ въ медицинѣ, такъ его цитируютъ Ibn el Beithar въ своихъ *Mufridat* и *Mor'ny*, а также Muhammad ben Ismail въ *Ardschuza* Авиценны, гдѣ какъ годъ смерти Аверроэса обозначается 599 геджры. Къ этому нужно прибавить, что отъ вниманія Ренана ускользнуло названіе *Kullyat*, упоминаемое въ *Гаджи Кальфи* ¹⁾. Далѣе Leclerc старается опровергнуть слѣдующее утвержденіе Ренана:

„Его (Аверроэса) сочиненія представляютъ ничто иное, какъ латинскій переводъ съ еврейскаго перевода комментарія, составленнаго на арабскій переводъ съ сирійскаго же перевода греческаго текста“ ²⁾.

Изъ пяти терминовъ Leclerc исключаетъ сирійскій и въ особенности еврейскій, такъ какъ комментаріи Аверроэса весьма рано были переведены на латинскій языкъ, прямо съ арабскаго, упомянутымъ Michel Scot'омъ въ Толедѣ и Германномъ Германскимъ, къ тому же самъ Ренанъ говоритъ, что пересмотръ латинскихъ переводовъ Аверроэса по еврейскимъ имѣлъ мѣсто только въ XVI в., слѣдовательно средніе вѣка знали только непосредственные переводы съ арабскаго ³⁾.

Кромѣ философскихъ, Ренанъ цитируетъ еще 5 сочиненій по теологіи, 8 юридическихъ, 4 астрономическихъ и 2 грамматическихъ сочиненія Аверроэса.

В. Медицинскія: 1) *Kullyat Fitthobb, Colliget*, Общие вопросы медицины (Leclerc), *Kitâb el Kollijât, Liber universalis de medicina* (Choulant).

Изданія: Латинскія: Venet. 1482, затѣмъ во многихъ изданіяхъ вмѣстѣ съ сочиненіями Авензоара, Разеса и Серапиона-младшаго, напр. Argenterati 1531. Латинскій переводъ, согласно Ренану, сдѣланъ въ средніи XII в., а по Леклерку, судя по вставкѣ буквы g, въ Испаніи Агменганд'омъ и пересмотрѣнъ Alragus'омъ, Champrier же обнаруговалъ въ латинскомъ переводѣ книги II, VI, VII подъ заглавіемъ: *Tres Collectaneorum Averrhois de re medica sectiones* а Bruyerino Campregio latinitate donatae, Lugd. 1537 ⁴⁾.

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 102.

²⁾ Renan, *Averroës et l'Averroïsme*, 1866, p. 52.

³⁾ Ср. Leclerc, II, 102, 103.

⁴⁾ Тамъ же, 107 и Choulant, *Bücherkunde*, 377.

2) *Комментарій къ Canticum Авиценны.*

Изданія: а) вмѣстѣ съ *Canticum*: Venet. 1484; б) съ его комментаріями къ Аристотелю и Галену въ изданіи: Lugd. 1537, и с) въ изданіи Авензоара и Аверроэса: Venet. 1553.

3) *Tractatus de theriaca.*

Изданія: въ *Aristotelis Opera omnia cum commentario Averrois*, Venet. 1560. Еврейскій переводъ въ *Cod. Hebr. Scaliger'a*.

4) *Tractatus de febribus* въ *Collectio Venet. de febribus*, Venet. 1594.

5) Нѣсколько мелкихъ сочиненій: *De venenis*, *De theriaca*, *De concordantia inter Aristotelem et Galenum*, *De generatione sanguinis*, *Secreta Vpocratis s. l. e. a.*; *De venenis* также въ *Magnini Regimen sanitatis*, Argent. 1503, Lugd. 1517.

6) *Комментаріи къ Галену*: къ *De febribus*, *De facultatibus naturalibus*, *De symptomatibus*, *De locis affectis*, *De elementis*, *De temperamentis*, *De medicamentis simplicibus*, *De methodo medendi*. Кромѣ того Деклеркъ приводитъ еще:

7) *De temperamento*, 8) *De temperamento ponderatu*.

9) *Правила для назначенія слабительныхъ лекарствъ*, переведенныя сначала на еврейскій, затѣмъ на латинскій въ Тулузѣ въ 1804, подъ заглавіемъ: *Canones Averrois quae debent observari in dandis medicinis laxativis*¹⁾.

Изъ приведенныхъ медицинскихъ сочиненій Аверроэса самое главное, безспорно—*Colliget*. Ренанъ въ этомъ сочиненіи усматриваетъ общіе вопросы о человѣческомъ тѣлѣ²⁾, Flügel и Wüstenfeld—полный или *общій трактатъ медицины*, Ноефер—*книгу обо всемъ* и т. д. Leclerc удивляется, что слово *Kullyat* было такъ мало понято даже ориенталистами, тогда какъ стоило лишь прочесть предисловіе, чтобы понять смыслъ заглавія:

„Incoepi in eo ordinem doctrinae a rebus universalibus, consideravi comprehendere universales regulas hujus scientiae, et postea intendi ire ab illis ad membra sua et ad partes suas a eis alio libro quem componam, si placuerit Deus: ideo vocavi ipsum *Colliget*“³⁾.

Очевидно, что слово *Kullyat* превращено въ *Colliget* посредствомъ вставки буквы g. Изъ приведеннаго предисловія видно, что Аверроэсъ задался цѣлью разсматривать въ *Colliget* общіе вопросы медицины, предоставивъ себѣ разсмотрѣть въ другой книгѣ частности медицины или иначе исторію каждой болѣзни порознь. Такимъ образомъ выходитъ, что *Colliget* соотвѣтствуетъ вервой книгѣ *Канона* Авиценны, бывшей

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 367 и 377, Morwitz, II, 90 (по Wüstenfeld'у) и Leclerc, II, 107—109.

²⁾ Ренан, I. с. р. 14.

³⁾ Ср. Leclerc, II, 104.

предметомъ многихъ комментаріевъ на „*Общіе вопросы Канона Авиценны*“ („*Kullyat el Kanun Ebn Sina*“). Впослѣдствіи, однако, Аверроэсъ, къ счастью, измѣнилъ свой первоначальный планъ, какъ даетъ объ этомъ знать въ концѣ своего сочиненія:

„Послѣ этихъ общихъ вопросовъ, говоритъ онъ, остается представить исторію каждой болѣзни, относящейся къ каждому органу порознь, какъ это дѣлаютъ компендіи медицины; но есть одинъ такой компендіи, самый выдающийся изъ всѣхъ, составленіе котораго я самъ испросилъ и вызвалъ, это—*Teissir Abu Merwan Ebn Zohr'a*“.

Итакъ, инициативѣ Аверроэса обязанъ своимъ происхожденіемъ *Teissir*, это лучшее произведеніе арабской практической медицины, свободное отъ всякихъ предвзятыхъ теоретическихъ взглядовъ и отмѣченное печатью оригинальности и наблюдательнаго таланта. Что касается Аверроэса, то во всякомъ случаѣ онъ гораздо менѣе Авензоара способенъ былъ составить сочиненіе, подобное *el Teissir'y* ¹⁾.

Какъ бы то ни было, *Colliget*—самое главное медицинское сочиненіе Аверроэса, въ которомъ съ перваго же шагу видѣнъ ученикъ Аристотеля. Чтобы понять его книгу, говоритъ Аверроэсъ, необходимо знаніе логики и естественныхъ наукъ. Это—отлично расположенная система медицины, которая, согласно *Meuser'y* ²⁾, по остроумному распредѣленію и диалектическимъ опредѣленіямъ по меньшей мѣрѣ равносильна *Канону* Авиценны, зато гораздо ниже его по отношенію къ умѣнью наблюдать природу.

Colliget состоитъ изъ семи книгъ: I. Объ анатоміи. II. О здоровьи (физиологія). III. О болѣзняхъ. IV. О признакахъ. V. О медикаментахъ и пищѣ. VI. О сохраненіи здоровья. VII. О леченіи болѣзней. Считаемо нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя подробности.

Въ кн. I Аверроэсъ говоритъ, что ему часто придется излагать то, что считаетъ истиной, въ опроверженіе мнѣній древнихъ. Здѣсь онъ поставилъ себѣ цѣлью дать желающимъ изучать медицину—введеніе, а всѣмъ вообще—*repetitorium*. Практика искусства, говоритъ онъ, заключается въ знаніи трехъ вещей: предмета, цѣли и средствъ.

Кн. II—ничто иное, какъ *физиологія*. То, что онъ говоритъ здѣсь о мозгѣ, относится одинаково къ психологіи и физиологіи. Онъ приписываетъ ему четыре качества: воображеніе (въ передней части мозга), рефлексію или мысль (въ среднемъ желудочкѣ), память (въ задней части мозга) и „сохраненіе въ умѣ“, которое отличается отъ памяти тѣмъ, что оно дѣйствуетъ постоянно, тогда какъ дѣятельность памяти—перемежающаяся. По поводу *произражденія* онъ говоритъ, что, прочитавъ сочиненія Аристотеля, онъ неоднократно наводилъ справки у женщинъ и что одна изъ нихъ ему „покаялась“, что она зачала только вслѣдствіе того, что купалась въ ваннѣ, въ которой мужчина передъ тѣмъ имѣлъ изверженіе сѣмени. И онъ воплиъ этому повѣрилъ!

¹⁾ Ср. *Leclerc*, II, 104. ²⁾ У *Haeser'a*, II, 594.

Вообще онъ придерживается теоріи Аристотеля о томъ, что образовательный матеріалъ зародыша заключается въ менструальной крови, а форму ему даетъ мужское сѣмя и особенно заключенное въ немъ ршеша ¹⁾. По его мнѣнію, мѣстопробываніе зрительной способности—въ хрусталикѣ ²⁾. Мало чести дѣлаетъ Аверроэсу и его стараніе возстановитъ давно опровергнутый взглядъ Аристотеля на сердце какъ на центральный органъ не только кровососныхъ сосудовъ, но и чувства ³⁾.

Кн. III заключаетъ въ себѣ *патологію*, а кн. IV—*симптоматологію* Аверроэса, которыя немногимъ отличаются отъ таковыхъ же Авиценны: такъ лихорадку онъ опредѣляетъ, какъ жаръ, слагающійся изъ естественной теплоты тѣла и внѣшней теплоты, вслѣдствіе гніенія органическихъ веществъ, каковой жаръ распространяется отъ сердца во всѣ части тѣла и нарушаетъ всѣ отправленія ⁴⁾. Симптомы различныхъ болѣзней онъ объясняетъ пораженіемъ различныхъ силъ или способностей отдѣльныхъ внутренностей. Вообще въ кн. IV сначала рѣчь идетъ объ общихъ симптомахъ, какъ напр. о признакахъ плевоты, о симптомахъ, выводимыхъ изъ состоянія пульса, мочи и критическихъ дней, о благопріятныхъ и неблагопріятныхъ признакахъ, наконецъ о симптомахъ, выводимыхъ изъ состоянія каждаго органа въ отдѣльности. Въ фатальность критическихъ дней онъ не вѣритъ, а Гиппократу и Галену противопоставляетъ Разеса и Авензоара.

Въ книгѣ V (издана также отдѣльно, какъ прибавленіе къ Серапіону-младшему) въ гл. 2 онъ говоритъ о своемъ другѣ „Avensuff“ (Averrasc), въ гл. 31 онъ провозглашаетъ Авензоара величайшимъ врачомъ послѣ Галена, въ гл. 38 онъ говоритъ, что рѣчная вода въ Кордовѣ лучше чѣмъ въ Севильѣ, въ гл. 42 рѣчь идетъ о простыхъ медикаментахъ, названія коихъ искажены (напр. *veffaf*—желѣзо) ⁵⁾; въ гл. 58 онъ порицаетъ мнѣніе El-Kendi о степеняхъ медикаментовъ и ихъ соединеній, совершенно справедливо и наивно замѣчая, почему при степеняхъ лекарственныхъ веществъ слѣдуетъ принимать именно геометрическія прогрессіи и отчего бы не допускать здѣсь просто ариѳметическія порціи? ⁶⁾.

¹⁾ Averroës, *Colliget*, l. II, c. 10, f. 53, b. Cp. Sprengel, II, 445.

²⁾ Тамъ же, l. II, c. 15, f. 54 b. Cp. Sprengel, II, 446.

³⁾ Въ Averroës, *De concordia* inter Aristotelem и Galenum, ed. Surian.

⁴⁾ Averroës, *Colliget*, l. III, c. 3, f. 57, d.

⁵⁾ Cp. Leclerc, II, 106.

⁶⁾ Averroës, *Colliget*, l. V, c. 58, f. 92 a. Cp. Sprengel, II, 446.

Кн. VI посвящена *пиву*. Здѣсь рѣчь идетъ между прочимъ о пивѣ (*cerevisia*), которое пили только по истеченіи шести мѣсяцевъ и послѣ того, какъ оно приняло цвѣтъ вина ¹⁾.

Кн. VII есть трактатъ *общей терапевтики*, въ которомъ Аверроэсъ проводитъ мысль, что наибольшее значеніе при леченіи болѣзней имѣютъ личный опытъ и способность врача къ надлежащей расцѣнкѣ каждаго даннаго случая, причѣмъ слѣдуетъ обращать вниманіе также на климатъ, образъ жизни, конституцію больнаго и т. д. Кровопусканіе онъ, въ отличіе отъ Авензоара, считаетъ не только опорожняющимъ по наступленіи періода сваренія, но также средствомъ, способствующимъ самому сваренію уже вначалѣ болѣзни ²⁾. По поводу гнилыхъ лихорадокъ онъ совѣтуетъ перемѣщать больныхъ въ другія мѣста „подобно тому, какъ пнеймониковъ посылаютъ въ Эфіюшю и Аравію“ ³⁾. При *suppore* онъ рекомендуетъ вино, при холерѣ—вяжущія, перевязку конечностей и ванны ⁴⁾.

Изъ многочисленныхъ комментаріевъ Аверроэса интересенъ его *Комментарій къ Canticum (Ardschuga, иначе Mendhuma—поэма) Авиценны*, къ которому прибавлено *Дополненіе (ettehmim u etteknil) о лихорадкахъ и объ опухоляхъ*, въ томъ же стихотворномъ разиѣрѣ, какъ и *Ardschuga*, составленное евреемъ Scheich Harun ben Isha'комъ и просмотрѣнное Muhammed ben Abdessalem'омъ ⁵⁾. Этотъ комментарий Аверроэса къ поэмѣ Авиценны былъ переведенъ въ 1284 г. на латинскій языкъ упомянутымъ Arngengand'омъ, врачомъ изъ Монпелье, а также пересмотрѣнъ Alragus'омъ (изд. Venet, 1484 и 1582). Леклеркъ приводитъ изъ этого комментарія слѣдующее мѣсто по поводу утвержденія Авиценны, что воздухъ при западномъ вѣтрѣ болѣе сгущенъ, а при восточномъ болѣе разрѣженъ:

„Въ нѣкоторыхъ странахъ дѣло обстоитъ иначе. Такъ въ западной части нашего андалузскаго полуострова при западномъ вѣтрѣ погода бываетъ дождливая, а при восточномъ ясная, въ восточной же половинѣ наоборотъ“ ⁶⁾.

Вообще говоря, медицина Аверроэса представляетъ *анатомію* Галена, нѣсколько видоизмѣненную, *физиологію* Аристотеля, котораго онъ былъ горячимъ приверженцемъ, и *патологію* Разеса и Авиценны, въ соединенія съ *полифармаціей*, сохранившейся въ медицинѣ вплоть до XVIII в. Тѣмъ не менѣе онъ пользовался послѣ смерти большой славой, судя по многочисленнымъ изданіямъ его компендія медицины (*Colliget*).

¹⁾ Тамъ же, 106.

²⁾ Averroës, *Colliget*, l. VII, c. I, f. 96, c. Sp. Sprengel, II, 447.

³⁾ Sp. Leclerc, II, l. c. ⁴⁾ Тамъ же, 107.

⁵⁾ Тамъ же. ⁶⁾ Тамъ же, 108.

Ebn Tofail, Abu Bekr Muhammed ben Abd El Malek El Kissi (род. въ Кадиксѣ въ началѣ XII вѣка, ум. въ Марокко въ 1185 г.), министр и врачъ при эмирѣ Abu Jacub Jusuf'ѣ, принадлежитъ болѣе исторіи философіи, чѣмъ медицинѣ, хотя, по словамъ Casiri (II, 76), онъ практиковалъ въ Гренадѣ и обнародовалъ двѣ книги по медицинѣ, а также составилъ поэму о простыхъ медикаментахъ. Другое доказательство его принадлежности къ медицинѣ Leclerc нашелъ въ сохранившемся въ сочиненіяхъ Аверроэса „*Диспутъ*“ между нимъ и Ebn Tofail'омъ объ одномъ отдѣлѣ медикаментовъ. Наибольшую славу онъ приобрѣлъ своимъ сочиненіемъ *Hay ben Jakdan* или „*Живой, сынъ бодрствующаго*“.

Издание: Россіе, Охот. 1700, на арабскомъ и латинскомъ, подъ названіемъ *Philosophus autodidactus*, очевидно передающимъ болѣе духъ, чѣмъ букву арабскаго заглавія; Моусе изъ Нарбонны перевелъ его на еврейскій языкъ и въ Парижской библіотекѣ есть нѣсколько экземпляровъ этого перевода. Кромѣ того оно было переведено еще на нѣсколько другихъ языковъ.

Это родъ философскаго романа, въ которомъ онъ выводитъ передъ нами послѣдовательныя эволюціи въ развитіи человѣка, изолированнаго со дня своего рожденія и при помощи наблюденія и разсужденія приходящаго къ высочайшимъ философскимъ и религіознымъ истинамъ. Выдержки изъ этого сочиненія, касающіяся *физиологій*, нами уже приведены выше въ общемъ обзорѣ арабской медицины¹⁾.

Левъ Африканскій²⁾ утверждаетъ, что Маймонидъ былъ ученикомъ Ebn Tofail'a и что послѣдній родился и умеръ въ Севильѣ, что, какъ видно изъ предыдущаго, невѣрно (Leclerc)³⁾.

Maimonides, Abu Amran *Musa ben Mimon* ben el Obeid Allah или Rabbi Moses ben Maimon, изъ инициаловъ коего составлено еще его названіе Рамбамъ (1135—1204), родомъ изъ Кордовы, откуда также его названіе el-Cortobi, представляетъ собою одно изъ величайшихъ именъ іудейства, въ средѣ котораго онъ слыветъ даже вторымъ Моисеемъ. Хотя онъ также принадлежитъ болѣе исторіи философіи, чѣмъ медицинѣ, тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ извѣстное значеніе и въ послѣдней, почему считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь о немъ нѣсколько подробнѣе.

Кромѣ отца, бывшаго судьей въ Кордовѣ, каковая должность была почти наследственная въ его семействѣ, въ числѣ его наставниковъ называютъ одного изъ учениковъ Эбнъ Баджа, (Avempace) и, какъ полагаютъ нѣкоторые историки, самаго Эбнъ-Баджу и Аверроэса, что, однако, Leclerc отвергаетъ. Когда Abd el-Mumen потребовалъ отъ евреевъ и христіанъ выбирать между смертью, изгнаніемъ и обращеніемъ въ исламъ, Маймониду было 13 лѣтъ отъ роду. Фактъ принатія Маймонидомъ (покрайней мѣрѣ на-

¹⁾ Смъ выше 177²⁾. Leo Africa nus, въ De medicis et philosophis Arabic. et Hebraeis.

³⁾ Ср. Leclerc, II, 113, 114.

ружно) ислама, который онъ исповѣдывалъ до 30-лѣтняго возраста, вопреки вѣсѣмъ стараніямъ его опровергнуть, твердо устанавливая. То былъ самый плодотворный періодъ его жизни по отношенію къ изученію не только еврейскихъ наукъ, но также философіи и медицины. Уже въ самой ранней юности онъ написалъ нѣсколько *комментаріевъ* къ вавилонскому и іерусалимскому талмуду, сочиненіе о *календарь* и апологію тѣхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которые въ 1160 г. вынуждены были принять исламъ (*Iggeret ha-Schemad*). Въ этомъ же году его семейство рѣшило оставить Испанію и отправилось въ Фецъ, а 5 лѣтъ спустя высадилось въ St.-Jean d'Acres (Акко), откуда черезъ полгода Маймонидъ направился въ Египетъ и поселился въ Fostath'ѣ (Старомъ Каирѣ¹⁾). Здѣсь онъ сначала, для обезпеченія своего существованія, помогалъ брату Давиду (погибшему впоследствии въ Индійскомъ океанѣ) въ торговлѣ драгоцѣнными камнями²⁾, не переставая однако заниматься наукой, чтеніемъ лекцій и понемногу медицинской практикой.

Но вскорѣ визирь Саладина, El-Fadhli Beissani, узнавъ о немъ, заставилъ его бросить торговлю, привлечь ко двору Саладина и даже вступился за него по случаю доноса магометанскаго богослова и поэта Абуль-Араба Ибнъ Моини, снасшаго ему прежде своимъ заступничествомъ жизнь, а теперь взведшаго на него обвиненіе въ отпаденіи отъ ислама и возвратѣ въ іудейство, причемъ El-Fadhli доказывалъ, что насильственное обращеніе не можетъ считаться серьезнымъ³⁾.

Въ 1177 г. Маймонидъ былъ признанъ религіознымъ главою каирской еврейской общины⁴⁾, а въ 1179 назначенъ лейбъ-медикомъ при дворѣ Саладина⁵⁾, каковое званіе онъ сохранилъ и при сынѣ его Melik al Afidhal'ѣ, пользуясь полнымъ ихъ довѣріемъ. Слава его была такъ велика, что Ричардъ Левиное-Сердце хотѣлъ его назначить своимъ лейбъ-медикомъ, но онъ отклонилъ это предложеніе⁶⁾.

Должность при дворѣ султана отнимала у него весьма много времени, какъ доказываетъ его письмо къ Самуилу Ибнъ Тиббону⁷⁾, изъ котораго видно, что онъ каждый день съ ранняго утра отправлялся изъ Fostath'a въ Каиръ къ султану (Афдалу), у котораго пользовался дѣтей и женъ, и возвращаясь оттуда днемъ или вечеромъ, заставалъ свой домъ полнымъ больными, которымъ оординировалъ до поздней ночи, пока не падалъ и не засыпалъ отъ изнеможенія. „Только въ субботу, заканчиваятъ онъ, остается мнѣ время заняться общиною и ученіемъ. Въ этотъ день я на цѣлую недѣлю распоряжаюсь общинными дѣлами и устраиваю публичную бесѣду. Такъ проходятъ мои дни“⁸⁾.

Хотя Джемаль Эддинъ отрицаетъ въ немъ практическаго врача, но Lesclerc больше полагается на свидѣтельство какъ Осейбіи, отецъ коего былъ его ученикомъ и который считаетъ его великимъ практикомъ, такъ и сочиненій Маймонида, обличающихъ не только глубоко-теоретиче-

¹⁾ Тамъ же, II, 58 и Carmoly, *Revue Orientale*, I, 398.

²⁾ „Gemmarum aliarumque hujusmodi rerum mercatura victum quaeritans“. Алкифти у Casiri, *Biblioth. arabico-hispana*, I, стр. 293 а. Ср. Гретцъ, *Исторія евреевъ*, Москва, 1884, III, стр. 11 (перев. Гретмана).

³⁾ Ср. Lesclerc, I. с. и Гретцъ, I. с., 39.

⁴⁾ Тамъ же, 22.

⁵⁾ Самъ Саладинъ не пользовался его услугами, какъ это утверждаетъ Осейбія, ибо, ведя постоянныя войны, отсутствовалъ долгое время. Ср. Гретцъ I. с., 37.

⁶⁾ Тамъ же, 39.

⁷⁾ *Iggeret* (письмо) *ha-Rambam* къ Самуилу Ибнъ Тиббону (1199), ed. Prag. 1726, p. 15.

⁸⁾ Ср. тамъ же и Гретцъ, I. с., 61.

скія, но и практическія познанія въ медицинѣ. Ближе всего къ истинѣ, однако, будетъ допустить, что Ма й м о н и д ъ, болѣе ученый, чѣмъ практикъ, преодалвалъ медицину, объясняя великихъ учителей древности, и что эти, какъ и занятія по должности, не оставляли ему достаточно времени, для того, чтобы сдѣлаться замѣтно выдѣляющимся практикомъ и наблюдателемъ¹⁾. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, Leclerc ссылается на недостатокъ оригинальности важнѣйшихъ его сочиненій, а также на отзывъ Abdellatifa, ѣздившаго нарочно въ Каиръ, чтобы повидаться тамъ съ тремя знаменитостями, въ томъ числѣ съ Маймонидомъ:

„Я узналъ въ немъ человека съ выдающимися заслугами, но одержимаго желаніемъ занимать первое мѣсто и завскаивать у лицъ, власть имущихъ“²⁾.

Вообще онъ создалъ медицинскій кодексъ по образцу религіознаго. Онъ систематизировалъ наслѣдованный отъ древнихъ матеріалъ, вывелъ принципы, объяснялъ темныя мѣста, не вводя ничего новаго и строго слѣдуя авторитетамъ. Словомъ, онъ былъ скорѣе теоретикъ, чѣмъ практикъ, что видно и изъ письма его къ ученику своему И б н ъ-А к н и н у³⁾.

Сочиненія Маймониды, вообще довольно многочисленныя, и писаны всѣ на арабскомъ языкѣ. Изъ *медицинскихъ* напечатаны:

1) *Aphorismi medici*, въ 25 главахъ (по греч. и араб. образцамъ).

Изданія. Въ еврейскомъ переводѣ Nathan'a Namathi, подъ заглавіемъ: *Pirke Moscheh*, Lemberg, 1834. Переводъ „крайне плохой“ (Steinschneider).

Латинскій переводъ—Bonon. 1489; Venet. 1497 и 1500. Въмѣстѣ съ *Almansor* Разеса: Basil., 1570, 1589.

2) *Tractatus de regimine sanitatis* или *Письма о діететикѣ*, адресованныя султану El Melik al Afdhal'y, сыну Саладина.

Изданія: еврейскій переводъ Moseh Ibn Tibbon'a, подъ заглавіемъ *Hanhogot haberiot*, Venet. 1519.

Латинскій: Florent. в. а. (раньше 1470); Venet. 1514, 1521; Augsburg. Vind. 1518; Lugd. 1535⁴⁾.

3) *Tractatus de cura eorum, qui a venenatis animalibus puncti sunt*.

Этотъ трактатъ написанъ Маймондомъ въ 1198 году, по приказанію его покровителя, визиря Abdur-Rahim ben Ali el Beissani, по прованію Al-Fadhli, и имѣется во многихъ арабскихъ рукописяхъ и рукописныхъ же переводахъ на языки латинскій и еврейскій (также Моисея Ибнъ Тиббона). Напечатаны переводы:

Французскій: *Traité de poisons de Maimonide au XII siècle*; avec une table

¹⁾ Хотя это было не трудно при столь многочисленной практикѣ. Ср. тамъ же, 38 и Leclerc, l. c.

²⁾ Sylvestre de Sacy, *Relation d'Égypte*, 466. Ср. еще прим. 6 на слѣд. стр.

³⁾ (По переводу Мунка) „Car tu sais combien cet art est long et difficile pour celui, qui a de la religion et de l'exacititude et qui ne veut rien dire qu'il ne puisse appuyer d'un argument et sans savoir où cela a été dit et de quelle manière on peut le démontrer“. Ср. Munk, *Notice sur Joseph ben Ichuda Ibn Akinin*, p. 31 и Гретцъ, l. c. 38.

⁴⁾ Ср. Morwitz, II, 92 и Carmoly, l. c. 401.

alphabétique des noms pharmaceutiques, arabes et hébreus, d'après le Traité des Synonymes de M. Clement-Mullet. Traduit par J. M. R a b b i n o w i c z, Paris (Delahaye) 1867.

Нѣмецкій (неполный): *Gifte und ihre Heilung. Zum ersten Male deutsch von Mor. Steinschneider, nebst einem Anhang über die Familie Ibn Sohr.* Hierzu als Einleitung: Die toxikologischen Schriften der Araber bis zu Ende des 12-ten Jahrhunderts. Aus Virchow's Archiv, Bd. 57, pp. 62 и слѣд., Berlin, pp. 1873.

4) *De cibis vetitis*—о запрещенныхъ родахъ пищи. Это ничто иное, какъ извлечение изъ сочиненія Маймонида—*Iad ha-Chasaka*, каковое въ латинскомъ переводѣ напечатано въ началѣ послѣдняго столѣтія ¹⁾.

5) *Sefer ha-Nimza* или *Liber inventi*.

Напечатанъ въ видѣ прибавленія къ *Amarot thehorot* Abraham Chajun'a (у Morwitz'a Haijum) et Samuel de Vidas'a. Thessalonic. 1596 ²⁾.

Не напечатаны:

6) *Commentarius in Hippocratis Aphorismos*, на арабскомъ языкѣ, еврейскими литерами, рукопись въ Парижѣ; переведенъ на еврейскій языкъ врачомъ Моисеемъ Ибнъ-Тиббономъ, а съ этого перевода на латинскій.

7) *Tractatus de haemorrhoidibus*, въ арабскихъ и еврейскихъ рукописяхъ въ Парижѣ. На еврейскій переведенъ Самуиломъ Ибнъ Тиббономъ. Какъ прибавленіе къ этому трактату и въ переводѣ того же на еврейскій языкъ:

8) *Консультація о хрипѣ въ носу и мягкомъ небѣ*, вслѣдствіе обильнаго количества влаги и слизи, нистекающихъ изъ мозга.

9) *Трактатъ о ядахъ* и о предохраняющихъ средствахъ противъ лекарствъ, могущихъ причинить смерть. Еврейскій переводъ того же Ибнъ-Тиббона, рукопись въ Парижѣ ³⁾. Впрочемъ составная часть № 3.

10) *De causis et indicis morborum*, по Haeser'у—чуть ли не главнѣйшее медицинское сочиненіе Маймонида, къ сожалѣнію нежданное (рукопись въ Bodleyana). По Wüstenfeld'у написано будто на еврейскомъ языкѣ и переведено на арабскій Soleiman Ben Hobeisch'емъ el-Mokaddesi ⁴⁾. Leclerc только вскользь упоминаетъ объ этомъ сочиненіи, которое по его мнѣнію есть лишь составная часть сочиненія *Regimen sanitatis*.

11) *Compendium* или сокращеніе XVI книгъ, Галена (цитировано Осеибіей ⁵⁾), къ которымъ Маймонидъ прибавилъ еще сокращеніе другихъ V книгъ и въ комъ старался воспроизвести текстъ самого Галена ⁶⁾.

12) *Succincta expositio artis medendi Galeni*.

13) *Canones de medicina practica*. 14) *De morbo regis Egypti*.

15) *De asthmate*, переведено на еврейскій языкъ Samuel Benbenaste'мъ.

16) *De coitu*, въ которомъ разсматриваются пища и медикаменты, вызывающіе похоть.

17) *De cibo et alimento*, переведено на еврейскій языкъ Sacharia ben Ishak'омъ изъ Барселоны. 18) *Epistolae duae de rebus medicis* ⁷⁾.

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 63.

²⁾ Carmoly, I. c. p. 403.

³⁾ Тамъ же. 400.

⁴⁾ Ср. Morwitz, I. c. 92.

⁵⁾ Oseibia, *Fontes relationum*, c. 14, № 36.

⁶⁾ *Kitab el hokama*. Ср. Leclerc, II, 60. Нѣсколько иначе говоритъ Abdellatif въ переводѣ De Sa cy, I. c., 466: „il a composé un traité de médecine, dans lequel il a recueilli un choix de seize livres de Galien, et decinqautres livres. Il s'est imposé la loi de ne rien changer aux expressions même des écrits où il puisait, si ce n'est peut-être une conjonction ou une particule“.

⁷⁾ Ср. Morwitz, I. c.

19) *Epistola de diaeta*, по арабски *Rissalat el Afdhalya*, носитъ также названіе *Consultatio*, вѣроятно тождественно съ № 2, т. е. *Tractatus de regimine sanitatis*; Leclercg полагаетъ, что №№ 10, 14, 17, а также *De causis accidentium* суть составныя части упомянутого трактата *Regimen sanitatis*, который написанъ Маймонидомъ по требованію египетскаго султана Malek el Afdhal'я, сына Саладина, страдавшаго запорами и меланхолей, вслѣдствіе расстройства пищеварительныхъ отравленій: отсюда форма, различныя, данныя ему, наименованія и происшедшая вслѣдствіе того вообще путаница относительно этого сочиненія ¹⁾.

20) *Commentarius seu potius versio Ibn Sinae hebraica* (въ доминиканской библиотекѣ Болоньи и въ Эскуриалѣ), т. е. еврейскій переводъ *Канона Авиценны*, сдѣланный будто Маймонидомъ въ Египтѣ въ 1186 г. Steinschneider полагаетъ, что этотъ переводъ ошибочно приписанъ Маймониду, такъ какъ онъ вообще писалъ на арабскомъ языкѣ, на которомъ написано и его главнѣйшее сочиненіе, *More Nebuchim*, назначенное специально для евреевъ ²⁾.

Carmoly и Leclercg называютъ еще нѣсколько *медицинскихъ* сочиненій, каковы:

21) *Pharmacopoea arabica* („Exposition des drogues“ ³⁾.

22) *Sefer Refuoth* или *Книга лекарствъ*, которую онъ цитируетъ въ своемъ большомъ сочиненіи *Mischne-Thorah* ⁴⁾. По увѣренію Sabtai, эта рукопись находится въ императорской вѣнской библиотекѣ ⁵⁾, а по Conforti, она тождественна съ *Pirke Mosche* ⁶⁾.

Помимо этого, въ многочисленныхъ сочиненіяхъ Маймонида разсѣяны важныя замѣчанія по медицинѣ; такъ между прочимъ гл. 15 трактата *Mischne-Thorah* цѣлкомъ посвящена медицинѣ.

Изъ *не медицинскихъ* сочиненій Маймонида заслуживаютъ вниманія:

1) Трактатъ о *лосикѣ*.

2) Передѣлка *Трактата астрономіи* Джабера бенъ Афа, привезеннаго изъ Испаніи его ученикомъ и другомъ Юсифомъ бенъ Йегудой Акининомъ, которому онъ посвятилъ свой *Море Небухимъ* (см. № 6).

3) *Передѣлка Трактата о математикѣ* Еви Пауд'а съ объясненіями.

Далѣе специально для евреевъ: 4) *Iad ha-Chasaka s. Mischne Thorah*.

¹⁾ И въ самомъ дѣлѣ, Wüstenfeld цитируетъ его подъ 4 номерами: 1) De regimine sanitatis, 10) De morbo regis Egypti; 14) Epistolae duae de rebus medicis и 15) Epistolae de diaeta; подобныя же повторенія воспроизведены Carmoly и I. M. Rabinowicz'емъ, изъ коихъ первый подъ № 13 приводитъ *Consultation de médecine* (фрнцѣ: *sur la constipation*), которая собственно тоже, что *Regimen sanitatis*, а у Рабиновича этотъ трактатъ фигурируетъ 6 разъ, весь или частями, подъ различными заглавіями. Главная ошибка всѣхъ заблуждавшихся авторовъ заключается въ томъ, что арабское *Habs Etthabia* они переводили: *De conservanda natura seu valetudine*, въ то время какъ оно означаетъ „о запорѣ“. Ср. Leclercg, II, 60, 61.

²⁾ Тамъ же, 63.

³⁾ Цитируется Осейбіей (I. c.). Ср. Leclercg, I. c. и Carmoly I. c. 402.

⁴⁾ Maimonides, *Mischne Thorah* I. I, tr. II, c. 5, § 21.

⁵⁾ Sabtai, *Schifte Jeschenim* p. 71, № 45.

⁶⁾ Conforti, *Kore ha-Dorot*, p. 12. Ср. Carmoly, I. c. 403.

5) *Dellalat el Hairin*, по еврейски: *More Nebuchim*, т. е. *Руководитель колеблющихся*, въ латинскомъ переводѣ: *Doctor perplexorum*; французскій—Мунка. (Ср. Leclerc, II, 63). Наконецъ 6) *Собрание писемъ и посланій*.

Пояснительныя сочиненія:

Metzgeri Progr. nonnulla de Rabby Moyses ben Maimon. Regiom. 1791.

Peter Beer, Leben und Wirken des Rabbi Moses ben Maimon. Prag. 1834.

Kirschbaum. Maimonidis medici, qui seculo florebat XII, *Specimen diaeteticum* Berol. 1822.

Winternitz, Maimonides, Diätetisches Sendschreiben an den Sultan Saladin, nach einer hebräischen Uebersetzung, Wien, 1843.

Magazin Encyclop. Jan. 1815 и Mercure Etranger, Fevr. 1816.

Jolowicz, Ueber das Leben und die Schriften Musa ben Maimuns (Maimonides) Königsberg, 1857.

M. Eisler, Vorlesungen über d. jüdischen Philosophen d. Mittelalters, Wien, 1870¹⁾.

Вообще о цѣнности медицинскихъ сочиненій Маймонида трудно судить, тѣмъ болѣе, что главное изъ нихъ, *De causis et indicis morborum*, не напечатано. Въ *Афоризмахъ* Маймонида, написанныхъ въ духѣ, а иногда и подлиннымъ текстомъ Гиппократа и Галена, онъ прежде всего излагаетъ начала медицинской науки, а затѣмъ переходитъ къ подробностямъ. Въ предисловіи онъ говоритъ, что онъ предпринялъ этотъ трудъ потому, что форма афоризмовъ позволяетъ легче удержать въ памяти начала науки. Въ послѣдней гл. (с. 25) онъ говоритъ о сомнительныхъ мѣстахъ Галена, а также о другихъ предметахъ, между прочимъ о языкахъ:

„Подобно организму, языкъ носитъ печать климата. Въ умѣренныхъ климатахъ встрѣчаются самыя лучшія конституціи и самыя совершенныя языки. То, что Галенъ говоритъ о греческомъ, можно въ одинаковой степени примѣнить къ арабскому, еврейскому, сирійскому и персидскому языкамъ. Знакомый съ арабскимъ и еврейскимъ языками знаетъ, что оба эти языка въ сущности составляютъ одинъ и что сирійскій находится съ ними въ тѣсной и близкой связи. Сирійскій отличается отъ греческаго тремя или четырьмя буквами; персидскій уже болѣе отдаленъ отъ послѣдняго, но нельзя судить объ этихъ языкахъ на основаніи того, что видимъ въ наши дни. Наступившія вторженія видоизмѣнили языки; на еврейскомъ же языкѣ говорятъ какъ въ сѣверныхъ климатахъ, такъ и на югѣ²⁾).

Ishmael Aboab свидѣтельствуетъ, что онъ слышалъ отъ современныхъ ему опытныхъ врачей и въ особенности отъ Mercurialis'a, что *Афоризмы* Маймонида не ниже Гиппократовскихъ, и это, по замѣчанію De Boissi,—самая лучшая похвала, которую можно сказать въ ихъ пользу³⁾. René Chartier (Charterius), въ своемъ изданіи сочиненій Галена, помѣстилъ въ извлеченіи на латинскомъ языкѣ нѣсколько отрывковъ изъ *Афоризмовъ* Маймонида⁴⁾.

¹⁾ Ср. Morwitz, II, 93 и Haeser, I, 595.

²⁾ Ср. Leclerc, II, 59, 60. ³⁾ Ср. Carmoly l. c. 400.

⁴⁾ *Opera Galeni*, ed. Chart. IX (p. 2), 395, 405.

Regimen sanitatis раздѣляется на четыре главы: 1) Обь образѣ жизни въ состояніи здоровья. 2) Обь образѣ жизни въ болѣзненномъ состояніи. 3) Обь образѣ жизни, рекомендованномъ спеціально султану, которому адресовано это сочиненіе въ видѣ писемъ. 4) Общіе гигиеническіе совѣты. Къ латинскому переводу прибавлены еще 5 главъ (въ оригиналѣ безъ номера), составляющія, повидимому, отвѣтъ на новые вопросы царственного больного. Очевидно, это сочиненіе обнимаетъ гигиѣну въ болѣе тѣсныхъ размѣрахъ и написано со спеціальною цѣлью. Дошедши до рубрики о винѣ, авторъ, изложивъ его свойства, прибавляетъ: „но такъ какъ оно закономъ запрещено, то бесполезно говорить о немъ подробнѣе“. Въ одномъ мѣстѣ Маймонидъ, желая дать понятіе о пользѣ правильнаго режима, напоминаетъ о томъ, что эта правильность составляетъ основу режима, налагаемаго человѣкомъ на домашнихъ животныхъ¹⁾. Интересны также данныя о *phthisis* и другихъ легочныхъ болѣзняхъ, съ патологической анатоміей которыхъ арабскіе врачи, повидимому, были знакомы по изслѣдованіямъ на животныхъ, такъ какъ послѣднія при означенныхъ болѣзняхъ признавались „нечистыми“, при другихъ, напротивъ того, „чистыми“²⁾. Вообще въ

Regimen sanitatis онъ проводитъ мысль о взаимодействіи между душой и тѣломъ, а именно о томъ, что для сохраненія здоровья и достиженія глубокой старости нравственная чистота и умственная дѣятельность составляютъ главныя условія и что, наоборотъ, легкомысленный образъ жизни рано доводитъ до могилы. Человѣкъ долженъ вслѣдствіе стремиться къ тому, чтобы обуздать свои страсти и вожделѣнія и добиться полной свободы и самообладанія. Разслабленнаго душевно и тѣлесно калифа Маймонидъ смѣло предостерегаетъ отъ излишествъ во время пировъ, равно какъ отъ слишкомъ большаго напряженія и траты силъ, причемъ приводитъ изреченіе Гипократа: „мы сохраняемъ ваше здоровье, избѣгая пресыщенія и всякаго чрезмѣрнаго напряженія“³⁾.

Трактатъ *De venenis* составленъ Маймонидомъ по настоянію его покровителя, кади el Fadhla, иначе el Afdhal (откуда его названіе *Makalat el Afdhalya*), замѣтившаго, что обыкновенныя антидоты, *miriakъ* и *mitridatъ*, не всѣмъ доступны и требуютъ долгаго приготовленія. Этотъ трактатъ представляетъ популярное наставленіе, какъ оказывать помощь при отравленіяхъ въ отсутствіи врача.

Въ I отдѣлѣ рѣчь идетъ объ укушеніяхъ ядовитыми животными и леченіи таковыхъ, во II—о профилактикѣ по отношенію къ внутреннимъ ядамъ, о явленіяхъ при минимыхъ и дѣйствительныхъ отравленіяхъ и о противоядіяхъ. При отравленныхъ ранахъ рекомендуются стягиваніе укушеннаго мѣста, высасываніе яда съ помощью губъ, смазанныхъ масломъ или виномъ съ масломъ, или же посредствомъ кровососныхъ банокъ, рану же держать открытой. Внутрь—рвотныя и митридатъ. Кромѣ того на рану кладутъ поваренную соль, лукъ, *assam foetidam*, пометъ разныхъ животныхъ и т. п. Самыми дѣйстви-

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 61. ²⁾ Ср. Haeser, I, 596. ³⁾ Ср. Münz, I, с., р. 9.

тельными противоядіями считаются мандрагора, драгоценные камни, безоаръ и различные ароматическія средства, въ особенности же разные виды теріака. Къ ядовитымъ животнымъ Маймонидъ относитъ: скорпіоновъ, пауковъ, пчелъ, осъ, змѣй, бѣшеныхъ собакъ; самымъ опаснымъ онъ признаетъ укушеніе людей на тощакъ. Далѣе, имъ разсматриваются ядовитая и отравленная пища, hyoscyamus, hermodactylus, mandragora, кантариды, грибы, solanum nigrum и т. д. ¹⁾.

Изъ религиозныхъ сочиненій Маймонида *Jad-ha-Chasaka* или *Mischne-Thorah* по настоящее время пользуется большимъ авторитетомъ въ области еврейскаго духовнаго законовѣдѣнія. Здѣсь какъ по отношенію къ еврейскому культу, такъ и въ медицинскомъ отношеніи ему между прочимъ приписывается заслуга введенія лучшаго способа обрѣзанія.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о вышеприведенномъ *More-Nevuchim*. Этотъ „*Руководитель колеблющихся*“ имѣетъ цѣлю примиреніе Св. Писанія и разума или философіи и вѣры, и притомъ не путемъ поглощенія одной другою, какъ то имѣло мѣсто въ энциклопедіи „братевъ чистоты“, а относясь съ полнымъ уваженіемъ къ требованіямъ той и другой. Сочиненіе это написано по адресу избранныхъ умовъ, но колеблющихся (perplexes) между слѣпою вѣрою и неразумнымъ невѣріемъ. Маймонидъ не отрицаетъ разума, который разсматривается имъ какъ существенная основа человѣческой индивидуальности, какъ ея жизненное, перманентное начало, причемъ догматъ воскресенія тѣла изъ мертвыхъ, повидимому, теряетъ свой *raison d'être*, — смѣлое утвержденіе, поднявшее цѣлую бурю въ лагерѣ вѣрующихъ, которыхъ впоследствии онъ вынужденъ былъ успокоить трактатомъ „*О воскресеніи мертвыхъ*“.

Разумъ, по мнѣнію Маймонида, слѣдуетъ упражнять не попустому, какъ это дѣлается аскетами, но такъ, чтобы при его помощи усовершенствовать совокупность нашихъ способностей. Съ другой стороны онъ вѣруетъ, что въ религіи нѣтъ ничего, что не находило бы естественнаго объясненія въ физическомъ или нравственномъ мірѣ, въ области исторіи или метафизики, и о чемъ нельзя было бы составить себѣ яснаго понятія.

„*Руководитель колеблющихся*“ вызвалъ взрывъ негодованія какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, продолжавшійся долгое время послѣ смерти Маймонида, котораго приверженцы и противники то и дѣло обвинялись анаеемами. Эта книга, говоритъ Munk, дала толчекъ къ появленію въ іудаизмѣ свободно мыслящихъ умовъ, начиная отъ Спинозы вплоть до Мендельсона ²⁾.

Въ концѣ концовъ можно сказать, что Маймонидъ былъ мыслителемъ высшаго порядка, но второстепеннымъ врачомъ, скорѣе ученый, нежели практикъ, оказавшій услуги медицинѣ болѣе своимъ преподаваніемъ и сочиненіями, опирающимся на Гипократа и Галена.

¹⁾ Ср. J. M. Rabbinoicz, M. Steinschneider, II. сс. и Haeser, I, 596, 597. ²⁾ Ср. Leclerc, II, 64 и Гретцъ I. с. гл. IV, стр. 91 и слѣд. Здѣсь кстати намъ нужно оговориться, что московское изданіе „*Исторія евреевъ*“ Гретца

Кромѣ приведенныхъ до сихъ поръ врачей, въ XII в. остается лишь весьма мало такихъ, которые болѣе или менѣе могли бы претендовать на оригинальность. Сюда относятся: упомянутый уже

Fachr ed-Din-er-Razi (1143—1209) изъ Рау (Негата?), одинъ изъ знаменитѣйшихъ учителей философіи и медицины, котораго ученики ставили выше Авиценны. Онъ оставилъ 76 сочиненій (Wüstenfeld), изъ нихъ медицинскія: *Commentarius in Ibn Sinae Canonis Universalia*, *Corpus magnum regium de medicina* (неокончено), *Liber de pulsu*, *Commentarius in Ibn Sinae librum de Anatomia* (неоконченъ), *Liber potionum* и *Quaestiones medicae* ¹⁾.

Muhammed el-Gafiki († ок. 1164) оставилъ сочиненіе подъ названіемъ *Dissector* (рукопись въ Эскуріалѣ), *единственное руководство по анатоміи у арабовъ* ²⁾.

Abu Daschafer el Gafiki (около того же времени) оставилъ: *Liber medicamentorum simplicium*, полный компендіи всего сказаннаго объ этомъ предметѣ Галеномъ, Диоскоридомъ, а также арабскими врачами (часто цитируется Ebn Beithar'омъ); далѣе, *Dissertatio de febribus et tumoribus* и *Liber de ratione, qua noxii humores ex corpore humano expelluntur* ³⁾.

Ibn Hobal Muhaddib ed-Din († 1213 г.) оставилъ *Electus de arte medica, de membris, eorum morbis, horumque causis et medicamentis*.

Nedschib ed-Din es-Samarcandi (ум. въ 1222 г., при взятіи Герата татарами) оставилъ: *De causis et indicіis morborum*—превосходное сочиненіе, пользовавшееся на Востоку особымъ уваженіемъ, въ особенности послѣ того, какъ къ нему написалъ комментарій **Nefis ben Audh**; *De medicamentis cordialibus*, *Victus aegrotorum*, *Ars perfecta*, *De anatomia oculi* и др. ⁴⁾.

Тринадцатый вѣкъ.

XIII вѣкъ Леклеркъ разсматриваетъ какъ эпоху расцвѣта (первая половина) и затѣмъ упадка арабской медицины (конецъ вѣка). Въ это столѣтіе учрежденные задолго до того госпитали и школы въ Каирѣ и Дамаскѣ были переполнены учениками, многочисленныя профессора преподавали здѣсь медицину и ученые вездѣ встрѣчали покровительство и почетъ. Правда, эта эпоха не произвела такихъ выдающихся ученыхъ, какъ XII в., но зато выдвинула впередъ цѣлую фалангу замѣчательныхъ людей въ различныхъ областяхъ человѣческихъ знаній: общій уровень науки значительно повысился и вліяніе послѣдней было до того могущественно, что его не могло подорвать даже вторженіе въ мусульманскій міръ варваровъ-монголовъ, которые сами подчинились этому вліянію и въ Персіи управленіе школами и государствомъ ввѣрили двумъ выдающимся дѣятелямъ эпохи, **Nassir eddin Etthussi** (1201—1274) и **Raschid eddin ben Imad ed-Daula** (1240—1318).

1884 г. неправильно названо т. III, такъ какъ содержащійся въ немъ матеріалъ изложенъ въ т. VI (310—387) и VII (1—324) нѣмецкаго изд., Leipzig, 1861 и 1863.

¹⁾ Morwitz, II, 93. ²⁾ См. выше, стр. 177. ³⁾ Morwitz, II, 88. ⁴⁾ Тамъ же, 95.

Nassir eddin Etthussi, бѣжавшій отъ калифа Мостасема къ монголу Гулагу, содѣйствовалъ постройкѣ обсерваторіи близъ Мераги, для которой изобрѣлъ новыя инструменты, и составилъ *Ильханскія таблицы*, по имени Ильхана Гулагу, а также 23 сочиненія по математикѣ, астрономіи и проч., изъ которыхъ выдаются въ особенности *Комментарій къ элементамъ* Евклида (изд. въ Римѣ въ 1594), одно сочиненіе по естественной исторіи и только одно о медицинѣ¹⁾.

Raschid eddin ben Imad ed-Daula провелъ полѣтка при дворѣ монголовъ, гдѣ, благодаря его учености и знанію языковъ (персидскаго, арабскаго, монгольскаго, турецкаго, еврейскаго и китайскаго) приобрѣлъ званіе визиря и несмѣтныя богатства, употребленныя имъ на изычную отдѣлку своихъ сочиненій (до 900000 франковъ)²⁾, а также на сооруженіе въ Таугісѣ великолѣпнаго замка, но кончилъ печально, а именно, былъ казненъ въ 1318 г. вмѣстѣ съ сыномъ Ibrahim'омъ по обвиненію въ смерти султана Олджайтю, одержимаго желудочно-кишечнымъ катарромъ, противъ котораго имъ было назначено слабительное.

Съ другой стороны, вызванному вторженіемъ монголовъ движенію, а также миссіямъ и путешествіямъ на Востокъ, Европа была обязана ближайшимъ ознакомленіемъ съ крайнимъ Востокомъ.

Отличительная черта XIII в.—самостоятельная разработка, съ одной стороны, *окуистики*, какъ въ многочисленныхъ трактатахъ, появившихся по этому предмету, какъ напр. *Nur el ujun* Salah eddin ben Jusef'a († ок. 1300)³⁾, такъ и въ специальныхъ отдѣленіяхъ, отведенныхъ для глазныхъ больныхъ въ госпиталяхъ; съ другой—*ботаники*, въ области которой выдаются предпринявшій далекія ботаническія экскурсіи Abul Abbas Ennabati (1165—1239)⁴⁾ изъ Севильи, Raschid eddin Ebn Es-suri (1177—1243) изъ г. Сура и въ особенности Ebn el Beithar, превзошедшій ихъ своей эрудиціей.

Интересно, что монголы сами впоследствии приняли исламъ подъ влияніемъ врача Cothob eddin Eschschirazi (1236—1311), ученика Fachr eddin Errazi.

Онъ оставилъ *комментарій* къ общимъ вопросамъ *Канона* Авиценны, для чего собралъ богатую коллекцію таковыхъ же комментариевъ своихъ предшественниковъ; кроме того—трактатъ о болѣзняхъ *глазъ* и *комментарій* къ *Canticum* или *Ardschuz* Авиценны⁵⁾.

Интересно также, что монголы свое вторженіе въ Иранъ ознаменовали сожженіемъ цвѣтущихъ учебныхъ учреждений и бібліотеки Багдада, въ которой количество хранившихся книгъ было до того велико, что изъ

¹⁾ Ср. Leclerc, II. 137—139.

²⁾ *Dschami et-Tuarich* (Сборникъ лѣтописей), *Книга о живыхъ и монуменгахъ* и трактатъ *Объ агрикультурѣ*. Ср. Leclerc, II, 133, 134.

³⁾ Такъ какъ въ 1296 г. былъ еще живъ. Ср. тамъ же, 205.

⁴⁾ По другимъ: 1171—1239. Ср. тамъ же, 244.

⁵⁾ Тамъ же, 129, 130.

уцѣлѣвшихъ отъ пламени монголы построили мостъ черезъ Тигръ, причемъ „вода его превратилась въ чернила“¹⁾).

Что касается Сиріи, на аренѣ которой сошлись крестовые походы, египтяне и монголы и которая въ этотъ вѣкъ испытала такія сильныя потрясенія, то въ ней наука еще никогда не процвѣтала въ такой степени, какъ именно въ это время. Между учеными, правда, преобладаютъ арабскія имена, но рядомъ съ ними подвизаются христіане и евреи, которые всѣ одинаково пользовались довѣріемъ и почетомъ со стороны властителей Востока. Въ теченіе всего этого вѣка научнымъ центромъ былъ Дамаскъ. Здѣсь начали изучать медицину Gregorius Abul Faragius (Abul Faradseh Dschorschis), авторъ *Historiae dynastiurum*, Ebn Abi Oseibia, авторъ *Исторіи врачей*; здѣсь же жилъ Abd-el-Le-tif. Отсюда предпринимали свои экскурсіи знаменитый Ebn el Beithar и самый оригинальный изъ арабскихъ ботаниковъ, Ebn Essuri (1177—1243).

Онъ былъ не только страстнымъ любителемъ ботаники, но и новаторомъ въ ней, такъ какъ онъ не только описывалъ, но и рисовалъ растенія, не только воспроизводилъ краски, всѣ ихъ органы, листья, вѣтви, корни, но и въ различныхъ фазахъ ихъ развитія, въ состояніи зрѣлости, въ моментъ оплодотворенія и наконецъ въ высушенномъ видѣ, когда они становятся годными для медицинскаго употребленія (Осейбіа). Словомъ, Essuri составилъ первое иллюстрированное арабское сочиненіе, посвященное Malek el-Muaddhem'у (Осейбіа), къ сожалѣнію до насъ не дошедшее²⁾.

Изъ врачей выдаются Radhi eddin Errahabi (1139—1233), Jakub ben Saklan (1170—1228 или 1229), христіанинъ изъ Іерусалима, и Othman el Israili (1165—1239), еврей, оба послѣдніе—врачи при дамасскомъ госпиталѣ и наставники Осейбіи.

Въ Египтѣ къ концу вѣка появилось *Nasseri*—трактатъ *минералогіи* и *миниматрики*, а въ 1248 г.—*Книга о 25 драгоценныхъ камняхъ Tifaschi*³⁾.

Въ Испаніи выдается врачъ, натуралистъ и ботаникъ, упомянутый выше Abul Abbas Ennabati (1165—1239), изъ Севильи, учитель Эбнъ-эль-Бейтара, собиравшій травы въ Магрибѣ и на Востокѣ и оставившій не дошедшее до насъ, но цитируемое эль-Бейтаромъ сочиненіе *Rihla* или *Путешествіе на Востокъ для изученія растеній*. Къ этому же времени относится составленіе упомянутыхъ выше *Альфонсистскихъ таблицъ*, а также разработка *географіи* (христіанинъ Jakub, драгоценныя словари котораго дошли до насъ; испанецъ Ebn Said, работами коего пользовался Abulfeda) и *астрономіи* (Abul Hassan изъ Марокко, Nassir eddin Etthussi, дѣлавшій свои наблюденія въ Мераской обсерваторіи),

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 121. ²⁾ Тамъ же, 171—173. ³⁾ Тамъ же, 122.

наконецъ въ эту эпоху Казвини († 1283), прозванный „Плиніемъ Востока“, написалъ свои *Чудеса природы*, обнимающія естественную исторію, космографію и географію, а Abd-el-Letif (1161—1231)—свое *Описаніе Египта*, не говоря уже объ *историко-медицинскихъ* трудахъ Осейбіи, Джемальэддина и Ebn Challican'a (Ср. выше *Библиографію*)¹⁾.

Самымъ выдающимся въ XIII в. ученымъ и естествоиспытателемъ былъ, безспорно,

Ebn el Beithar [„сынъ ветеринара“], Dhya ed-Din Abu Muhammed Abdallah ben Ahmed *Ennabati* [ботаникъ] *el Malaki* [„изъ Малаги“], величайшій ботаникъ Востока.

Онъ род. въ послѣдніе годы XII вѣка, быть можетъ, въ 1197 г., и имѣлъ нѣсколькихъ учителей, изъ коихъ самый главный—Abul Abbas Ennabati изъ Севильи, откуда вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ онъ предпринималъ свои первыя ботаническія экскурсіи въ Испанію. Въ 1219 или 1220 г. Ebn el Beithar отправился на Востокъ тѣмъ же путемъ, что и Abul Abbas, нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1217). Въ Магребѣ онъ повидимому оставался долгое время, изслѣдуя его фауну, между прочимъ побывалъ въ 1220 г. въ Марокко и Бужі (Bougie), маленькомъ очагѣ просвѣщенія, какъ видно изъ его сочиненія *Mor'ni* по поводу ломоноса (*clematis*) и изъ его длиннаго описанія растенія *athrilal* (*ptychotis verticillata*), которымъ одно окрестное племя торговало какъ специфическимъ средствомъ противъ *проказы*. Далѣе онъ останавливался въ Константинобѣ (гдѣ первый открылъ *pyrethrum*), а также въ Тунисѣ, Триполи и Вагса. Leclerc полагаетъ, что отсюда онъ отплылъ на кораблѣ въ Малую Азію, побывалъ въ Антиохіи и Адаліи, откуда завезъ *teucrium* въ Александрію. Въ Египетъ онъ прибылъ въ царствованіе Малекъ-Аделя, назначившаго его „инспекторомъ врачей и ботаниковъ“ Каира. Въ 1237 г. онъ жилъ въ Дамаскѣ, куда сопровождалъ эмира Malek el Kamel'a, умершаго тамъ въ томъ же году, но потомъ опять возвратился въ Египетъ, гдѣ принялся за составленіе своихъ сочиненій, изъ коихъ *Mufridat* или *Corpus simplicia medicamentorum et ciborum continens* и *Mor'ni* написаны, согласно Леклерку, по приказанію втораго сына упомянутого эмира, Nedschem eddin Malek Essaleh (по Haeser'у — Aszszalali Nag'madin Ajjub, ум. около 1249), которому они и посвящены.

Кромѣ Египта и окрестностей Дамаска, онъ предпринималъ экскурсіи и въ другія мѣста, причемъ въ Геджазѣ собиралъ *zolanum cordatum*, въ Газѣ *passerina*, въ Іерусалимѣ *coix lacryma job*, изъ котораго дѣлали шляпы: въ Бейрутѣ—*lapis judaicus*, на Ливанѣ—*Daphnoides* Диоскорида, въ Антиохіи—*hipporhaë*, въ Эдессѣ—*alkekengi*, въ Моссулѣ—*matricaria*, въ Діарбекирѣ—*centaurea calcitrapa* и т. д. Во время своихъ путешествій онъ входилъ въ сношенія со всѣми мѣстными учеными, которые могли сообщить ему свѣдѣнія о растеніяхъ (*Nefis eddin*, *Tadsch eddin el Bulgari*, *Saad eddin*, *Scherfeddin* и *Abd-el-Letif*)²⁾. Согласно Осей-

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 123, 124.

²⁾ Ср. Leclerc, II, 225—228.

бін, его ученику и биографу, онъ умеръ въ Дамаскъ въ 1248 г., чѣмъ опровергается утверждение Лъва Африканскаго (которому непонятнымъ образомъ слѣдуетъ и Ренанъ въ своемъ *Averroës*), что Еbn el Beithar прибылъ въ Египетъ во времена Саладина и вернулся умирать въ Испанію.

Въ *Tohfat el Arîb* (подарокъ разумному человѣку), приписываемомъ el Beithar'у и состоящемъ изъ 80 листовъ (рукопись въ парижской библіотекѣ), сказано въ началѣ, что онъ оставилъ 50 сочиненій и что онъ умеръ 114 или 130 лѣтъ отъ роду. Принимая во вниманіе это замѣчаніе и незначительный объемъ упомянутого сочиненія, къ тому же трактующаго о *сложныхъ* медикаментахъ, Leclerc совершенно справедливо подвергаетъ сомнѣнію принадлежность его el Beithar'у¹⁾. Осейбія²⁾, между прочимъ, о немъ отзывается такъ:

„Въ первый разъ я видѣлъ его въ Дамаскъ, гдѣ имѣлъ случай оцѣнить его качества и глубокое знаніе растений. вмѣстѣ съ нимъ я изслѣдовалъ окрестности Дамаска, гдѣ узналъ множество новыхъ растений. Мы имѣли съ собою сочиненія Діоскориды, Галена, Ерггаfeки и другія сочиненія въ томъ же родѣ. Сначала онъ мнѣ цитировалъ греческія названія, встрѣчающіяся у Діоскориды, затѣмъ то, что говорится у послѣдняго о растеніяхъ, ихъ наружныхъ признакахъ и свойствахъ. Также онъ поступалъ по отношенію къ Галену и позднѣйшимъ писателямъ, отмѣчая каждый разъ ихъ противорѣчія и ошибки. Такимъ образомъ я могъ констатировать его изумительно глубокое знаніе растеній и полное пониманіе смысла сочиненій Діоскориды и Галена“³⁾.

Сочиненія Эбнъ Бейтара:

1) *Dschami el Mufridat, Corpus simplicia medicamentorum et ciborum continens*, Собраніе простыхъ лекарственныхъ и пищевыхъ веществъ, въ алфавитномъ порядкѣ.

Рукописи находятся въ Оксфордѣ (самыя лучшія), Мадридѣ, Лейденѣ, Падуѣ, Парижѣ, Гамбургѣ; турецкій переводъ— въ Дрезденѣ.

Изданія. Латинскія: Ebn Beithar, *De malis limonis*, Paris, 1602, Cremona, 1758; Dietz, *Elenchus materiae medicae Ebn Beitharis Malacensis. Regiom. Pruss.* 1833; продолженіе въ его же, *Analecta medica* (только первая двѣ буквы).

Испанскій переводъ: Don Juan Amon, Madrid, въ началѣ XIX в. (только первая половина).

Нѣмецкій: Sontheimer, *Grosse Zusammenstellung über die Kräfte der bekannten einfachen Heil-und Nahrungsmittel von Ebn Beithar. Aus dem Arab.* Stuttgart, 1840—1842. 2 Bde, переводъ, по отзывамъ Haeser'a и Steinschneider'a— крайне неудовлетворительный.

Французскій: L. Leclerc, *Études historiques et philosophiques sur el Beithar* въ *Journal asiatique*, 1862, № 53, продолженіе въ томъ же журналѣ за 1876 г. Печатаніе обѣщаннаго тамъ перевода (*Traduction de Simples d'Ebn el Beithar*,

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 237.

²⁾ Упомянутая біографія Ebn el Beithar'a, составленная Осейбіей, помѣщена на арабскомъ и латинскомъ въ Dietz, *Analecta*, p. 16 и слѣд. и на арабскомъ и нѣмецкомъ языкахъ впереди перевода фармакологіи el-Beithar'a, сдѣланнаго Sontheimer'омъ. Ср. Haeser, I, 597.

³⁾ Oseibia, l. c. у Леклерка, II, 228, 229.

par L. Leclerc, въ *Notices et extraits*, Paris, 1876) было начато „sous les auspices de l'Académie des inscriptions“¹⁾ и кончено въ 1877 г. Къ нему Leclerc готовился весьма долго, изучивъ предварительно переводы сочиненій Daud el Antaki и Авиценны, не считая переводовъ менѣе пространныхъ сочиненій о томъ же предметѣ, а также всего, что объ этомъ было написано комментаторами, ботаниками и путешественниками Востока. Пребываніемъ же своимъ въ Алжирѣ онъ воспользовался для ознакомленія съ встрѣчающимися у эль Бейтара берберійскими выраженіями²⁾.

2) *Mor'ni, Sufficiens de medicina*. О простыхъ средствахъ при болѣзняхъ различныхъ частей человѣческаго тѣла, въ 20 отдѣлахъ, слѣдовательно здѣсь рѣчь идетъ объ упомянутыхъ средствахъ не съ естественно-исторической, а съ терапевтической точки зрѣнія. Существуетъ во многихъ рукописяхъ въ Парижѣ.

Изъ другихъ сочиненій эль Бейтара извѣстны:

3) *Praxis officinarum* (рукопись въ Парижѣ № 1027), хотя и приписывается Ebn Beithar'у, но, по словамъ Леклерка³⁾, это ничто иное, какъ *Menhadsch Eddokkan Cohen el Atthar'a* (см. ниже).

4) *De pondribus et mensuris ad medicinae usum* (рукописи въ Лейденѣ и Мадридѣ).

5) *Declaratio et inforuatio de vitiis et erroribus ab ibn Dschezla in Via regia commisis* или *Изложеніе ошибокъ, заключающихся въ Menhadsch Ebn эд-Джезлы*.

6) *Tedkirat* или *Liber memorialis* о терапевтикѣ (*Гаджи Кальфа*).

7) *Commentarius in librum Dioscoridis de simplicibus*.

8) *De viribus singularibus et miris proprietatibus* или книга о рѣдкихъ и экстраординарныхъ свойствахъ.

9) *Mualdschat*, Способы леченія (приведено у Flügel'я въ его изданіи *Гаджи Кальфы*). Наконецъ ветеринарное сочиненіе:

10) *El Beithars treatise on the Horse*, въ Manuscripts, collected by James Bruce⁴⁾.

Ebn el Beithar занимаетъ почетное мѣсто какъ въ исторіи арабской медицины, а именно, въ области *фармакологіи* и *ботаники*, такъ и въ области географіи и языковѣденія, ибо въ его сочиненіяхъ встрѣчаются не только арабскія, персидскія и берберійскія, но также староиспанскія и старо-итальянскія слова и названія растений. Самое важнѣйшее сочиненіе Ebn el Beithar'a, какъ сказано, есть

¹⁾ Ср. Leclerc, II 235. Изысканія Леклерка по поводу этого перевода и навели его на мысль расширить свою работу и написать полную „*Исторію арабской медицины*“. Ср. Leclerc, I, Avantpropos, вначалѣ.

²⁾ Ср. Leclerc, II, 235. Здѣсь кстати отмѣтимъ, что Леклеркъ исправляетъ ошибку Dietz'a, принявшаго отзывъ Осейбина о *Mufridat* эль Бейтара „*Kitab Adschel*“, т. е. „сочиненіе, не уступающее другимъ“, за особое сочиненіе: *Liber causarum*. Точно также Dietz ошибочно переводитъ *Mor'ni*: „*De usu medicamentorum simplicium*“. Ср. тамъ же, 236, 237.

³⁾ Ср. Leclerc l. c. 237.

⁴⁾ Тамъ же и Morwitz, II, 97.

Dschami el Mufridat. Здѣсь онъ разсматриваетъ, въ алфавитномъ порядкѣ, пищу и простыя лекарственныя вещества изъ трехъ царствъ природы. Это самая полная и самая обширная арабская *Materia medica*. Правда, значительная часть его, съ одной стороны, представляетъ только методически-критическую компиляцію, свидѣтельствующую о его громадной начитанности, и составлена по прежнимъ сочиненіямъ, какъ Dioscorida, Galena и многихъ арабскихъ авторовъ, въ особенности же по несуществующему болѣе сочиненію его учителя Abul Abbas Ibn Artu-mijja Ennabati (см. выше), каковое сочиненіе носило названіе *Rihla* (Леклеркъ), также *Kitab arrih'lat* (Haeser), т. е. *Книга путешествія*, или *Собраніе ботаническихъ наблюденій*. Но, съ другой стороны, сочиненіе el Beithar'a содержитъ многочисленныя, основанныя на собственныхъ изысканіяхъ, описанія египетскихъ и сирійскихъ растений, грекамъ неизвѣстныхъ.

По вычисленіямъ Meyer'a, число приведенныхъ эль-Бейтаромъ лекарственныхъ средствъ изъ трехъ царствъ природы—свыше 2600, въ томъ числѣ около 1400 растений, изъ нихъ въ особенности велико число косметическихъ средствъ, aphrodisiaca и т. д. ¹⁾ Но Leclerc, переведяшій это сочиненіе и слѣдовательно ближе знакомый съ дѣломъ, находитъ, что число упомянутыхъ медикаментовъ, въ особенности новыхъ, сильно преувеличено, такъ какъ въ это число входятъ не только лекарственныя, но и пищевыя вещества, и что утвержденія Hottinger'a о томъ, что въ этомъ сочиненіи имѣется болѣе 2000 неизвѣстныхъ Dioscoridu средствъ—не болѣе какъ гипербола. И вотъ на какомъ основаніи: изъ 2330 параграфовъ болѣе одной трети посвящено синонимамъ, а изъ оставшихся затѣмъ около 1400 номеровъ число новыхъ средствъ составляетъ приблизительно всего четвертую часть послѣдней цифры, ибо, за вычетомъ болѣе 1000 заимствованныхъ у грековъ пищевыхъ и лекарственныхъ веществъ, останется только около 300 новыхъ лекарственныхъ веществъ, приведенныхъ Ibn el Beithar'омъ, и если затѣмъ выдѣлить отсюда пищевыя и лекарственныя вещества двухъ другихъ царствъ природы, то останется всего 200 новыхъ растений ²⁾. Очевидно, эти цифры, выведенныя Леклеркомъ путемъ болѣе точныхъ вычисленій, основанныхъ на ближайшемъ знакомствѣ съ предметомъ, весьма далеки отъ приведенныхъ выше баснословныхъ цифръ.

Затѣмъ Leclerc объясняетъ принятый эль Бейтаромъ порядокъ изложенія: сначала послѣдній цитируетъ описанія, потомъ излагаетъ свойства и примѣненіе средствъ и притомъ прежде всего по греческимъ источникамъ и во главѣ ихъ по Dioscoridu, а затѣмъ по восточнымъ авторамъ. Какъ обращикъ критическаго отношенія el Beithar'a къ своему предмету Леклеркъ приводитъ длинное разсужденіе его о растеніяхъ, носящихъ названіе *лотоса*, равно какъ и опроверженіе имъ ошибочныхъ мнѣній, какъ напр. мнѣнія о тождественности янтаря и *lacrimae populi*.

¹⁾ Meyer, *Geschichte der Botanik*, III, 227 и слѣд. Ср. Haeser, I, 598.

²⁾ Ср. Leclerc, II, 229, 230.

Изъ принадлежащихъ собственно Ebn el Beithar'у параграфовъ Деклеркъ приводитъ *athrilal* (ptychotis verticillata), *amliles* (rhamnus alaternus), *aakutsar* (bunium bulbocastanum), *bull* (oegle marmelos) etc.

Изъ старо-испанскихъ названій, которыя онъ именуетъ варварскими (adschemia) или латинскими, нѣкоторыя сохранились и понинѣ, какъ напр. *salvia*, *chebusca* (*sambucus*), *mather chelba* (*carpifolium*), *jazgu* (*sambucus ebulus*). Далѣе здѣсь встрѣчается множество берберійскихъ и персидскихъ названій. Число приведенныхъ имъ авторовъ простирается до 150, изъ коихъ греческихъ 20, остальные же—арабскіе, персидскіе, сирійскіе и халдейскіе врачи. Одна изъ заслугъ этого сочиненія та, что въ немъ сохранились многочисленныя отрывки погившихъ сочиненій. Другая заслуга—разборъ синонимовъ и въ особенности техническихъ названій. Изъ исчисленныхъ эль-Бейтаромъ новыхъ средствъ, Деклеркомъ приводятся между прочимъ: сѣрая амбра, берберисъ, бетель, сапфорога, саввіа, convolvulus, croton, cirsium, emblica, galanga, гвоздика, жасминъ, лимонъ, манна, мускатъ, мускусъ, пух vomica, ревенъ, salvadora persica, санталъ, sanguis draconis, senna, vescale cognitum, сахаръ, тамаринды, tabachir, zingiber¹⁾.

Въ слѣдующемъ, т. е. въ XIV в., 100 лѣтъ спустя, Jusuf ben Ismail el Cotbi или el Dschwini составилъ *Сокращеніе De simplicibus* эль Бейтара, подъ названіемъ *Ma la iesa etthabib dschaluhi* (*То, что не позволительно не знать врачу*), которое однако никогда не могло вытѣснить оригинала²⁾. Вообще трактатъ Эбнъ-Бейтара, какъ сказано, самый полный изъ всѣхъ подобнаго рода сочиненій и отличается отъ послѣднихъ какъ эрудиціей, такъ и универсальностью. Другое важное сочиненіе el Beithar'a:

Mor'ni, въ 20 главахъ, изъ коихъ въ первыхъ трехъ рѣчь идетъ о *простыхъ* средствахъ, употребительныхъ при болѣзняхъ головы, ушей и глазъ, а въ послѣднихъ четырехъ—о косметическихъ средствахъ, употребляемыхъ противъ лихорадокъ и какъ противоядія и о наиболѣе употребительныхъ въ медицинѣ лекарственныхъ веществахъ. Какъ уже сказано выше, *Mor'ni*—ничто иное, какъ памятная книга *терапевтики* (въ которой часто встрѣчаются ссылки на Abulcasis'a), а также—сводъ наблюденій эль-Бейтара надъ дѣйствіемъ медикаментовъ. Сюда относятся напр. его наблюденія надъ оспой:

„Какъ только у дитяти появляется сыпь, ему слѣдуетъ дѣлать втиранія лаузоніи въ подошвы, тогда можно быть увѣреннымъ, что она не появится въ глазахъ, какъ это было мною нѣсколько разъ констатировано“³⁾.

Чтобы дать болѣе полное понятіе о фармакологіи Эбнъ-эль-Бейтара, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь по Haeser'у перечень главнѣйшихъ, нынѣ еще употребительныхъ средствъ изъ числа упоминаемыхъ эль-Бейтаромъ:

Опій—въ фармакогностическомъ отношеніи подробно изложенъ по Ebn el Kotbi⁴⁾.

¹⁾ Ср. тамъ же, 230—233. ²⁾ Ср. тамъ же, 232 и 261. ³⁾ Тамъ же, 235, 236

⁴⁾ Ср. Haeser, II, 599. Неизвѣстно, о какомъ el Kotbi здѣсь идетъ рѣчь; во всякомъ случаѣ это не можетъ быть выше упомянутый авторъ *Ma la iesa*, жившій 100 л. спустя послѣ Ebn Beithar'a.

Киноваръ получается посредствомъ возгонки (*sublimatio*) изъ сѣры и ртути.

Мышьякъ, въ особенности аврингментъ, добывался въ горахъ Хорасана и при-
мѣнялся только снаружи.

Золото—тоже только снаружи; по поводу его *el Veithag* хотя сообщаетъ много
суевѣрнаго, но зато безъ всякаго намека на алхімію.

Castogeum, по примѣру Галена, рекомендуется какъ исправляющее вкусъ и
противодіе противъ опіи.

Свинецъ, въ особенности уксуснокислый, а также сурикъ—снаружи и въ видѣ
промывательныхъ, въ особенности при кровавомъ поносѣ.

Кротонное масло—часто какъ слабительное.

Коловинты, внутрь и снаружи, весьма щедро; также упоминается *pasta colo-
cynthidum*.

Пережениа дрожжи (виннокамениокислое кали) часто употреблялось
какъ острое очищающее средство.

Желѣзо, исключая желѣзную воду (гашенное въ водѣ раскаленное желѣзо)—
только снаружи.

Aa foetida, по примѣру Разеса, восхваляется эль Бейтаромъ какъ отлич-
ное средство при нервныхъ болѣзняхъ и перемежающейся лихорадкѣ; кромѣ того, какъ
arhgodisiacum внутрь и снаружи, далѣе какъ противуглистное и наконецъ противъ за-
твердѣній (снаружи).

Ртуть по Разесу вообще безвредна; при втираніи производитъ изъязвленія; упо-
треблялась противъ вшей въ сожженномъ (окисленномъ) видѣ, противъ колики и заво-
рота кишекъ.

Нуовсуашиз, по Диоскориду—противъ судорожныхъ и грудныхъ болѣзней; при
этомъ отмѣчено превосходно описанное Разесомъ наркотическое его дѣйствіе, въ томъ
числѣ въ видѣ дыма и клистировъ.

Кантариды настойчиво рекомендуются противъ водобоязни.

Бѣлокъ уже Авиценна хвалилъ при кровавомъ поносѣ.

Пережениа яичная скорлупа—противъ носовыхъ кровотеченій.

Ревень, получавшійся изъ Китая, описанъ *el Veithag*’омъ весьма подробно, въ
особенности въ фармакогностическомъ отношеніи, причѣмъ упоминаются особое объ этомъ
предметѣ сочиненіе *Ebn Dschami*, равно какъ и свѣдѣнія, полученныя отъ стараго
китайца *Мазагабіна*.

Масла, по большей части не *olea aetherea*, играютъ весьма важную роль въ
арабской фармакологіи.

Вина и ихъ лечебныя свойства изложены весьма обстоятельно.

Щелочи, добываемыя изъ многихъ видовъ щавеля, употреблялись только
снаружи при проказѣ, изъязвленной чесоткѣ, обильныхъ грануляціяхъ и т. д.

Aloué весьма точно изложена въ фармакогностическомъ отношеніи; самая луч-
шая—изъ *Socotro*. Внутри какъ не сильно дѣйствующее слабительное; обладаетъ специфич-
ескимъ дѣйствіемъ на глаза. Снаружи весьма часто при сыпныхъ болѣзняхъ, конди-
ломахъ, язвахъ и т. д.

Амбра (изложена только по арабскимъ врачамъ)—*pervinum*, не столь разгоря-
чающее какъ *moschus*.

Серебряныя опилки Авиценна рекомендуетъ противъ сердцѣбіенія.

Асфальтъ весьма подробно изложенъ въ естественно-историческомъ отношеніи;

внутри при грудныхъ болѣзняхъ, затвердѣвшихъ железъ, въ особенности при затвердѣвшихъ матки.

Galbanum, снаружи и внутри, противъ геморроя, почечныхъ камней и какъ способствующее выхожденію плода и дѣтскаго мѣста (также въ видѣ окуриваній).

Известъ—только снаружи, какъ ѣдкое и сушащее средство.

Зола рѣчныхъ раковъ, по столовой ложкѣ, 40 дней сряду.—какъ вѣрное средство противъ водобоязни.

Senna, самый лучший сортъ изъ Мекки.

Гвоздика—преимущественно какъ aphrodisiacum и способствующее зачатію (1 драхма послѣ каждой менструаціи; ежедневное употребленіе однако мѣшаетъ зачатію).

Colchicum, хотя Галеномъ отвергается, но корень полезенъ въ особенности противъ подагры и ревматизма.

Conium maculatum—снаружи какъ разрѣшающее; при мѣстномъ примѣненіи причиняетъ атрофію яичекъ и женскихъ грудныхъ железъ.

Корица—какъ pellens, вызывающее потуги.

Камфора весьма подробно изложена въ естественно-историческомъ и фармакогностическомъ отношеніяхъ; внутри и снаружи—какъ уничтожающее половое влеченіе (?), далѣе внутри противъ носоваго кровотечения (!) и какъ pervinum. О столь восхваляемомъ Разесомъ дѣйствиіи камфоры при оспѣ не упоминается.

Moschus—только по арабскимъ источникамъ, съ интересными естественно-историческими и фармакогностическими данными, до сихъ поръ еще многимъ неизвѣстными.

Мирра—снаружи и внутри.

Нашатырь только снаружи.

Морской лукъ—внутри и снаружи противъ самыхъ различныхъ, въ особенности же противъ грудныхъ страданій.

Янтарь, неизвѣстный будто бы ни Dioscoridu, ни Галену, привозился отчасти изъ странъ „римлянъ“, отчасти съ Востока. Чаще всего встрѣчается на западномъ берегу Андалузіи, носитъ названіе *kaḥrabā*, т. е. „грабитель или похититель соломъ“, такъ какъ, натертый, притягиваетъ къ себѣ соломинки¹⁾. Въ медицинѣ янтарь употреблялся преимущественно какъ кровоостанавливающее средство²⁾.

Abd-el-Letif (Muwaffik eddin Abu Muhammed ben Jusuf ben Muhammed ben Ali ben Abi Said, 1161—1231) род. въ Багдадѣ и съ ранняго дѣтства обнаружилъ рвеніе къ наукамъ. Одно время онъ пристрастился къ Авиценнѣ, Geber'у и алхиміи, какъ видно изъ его *автобіографіи*, согласно коей онъ жилъ попеременно то въ Дамаскѣ, гдѣ преподавалъ медицину, то въ Іерусалимѣ, гдѣ находился вмѣстѣ съ Саладиномъ во время осады этого города, то въ Каирѣ, гдѣ встрѣтился съ Маймонидомъ (коего „Руководитель колеблющихся“ онъ признавалъ плохой книгой), то въ Алепѣ, откуда переписывался съ Осейбіей, наконецъ нѣкоторое время и въ Малой Азіи³⁾.

¹⁾ Очевидно, эль-Бейтару было извѣстно электричество отъ тренія.

²⁾ Ср. Haeser, I, 599, 600.

³⁾ Ср. Leclerc, II, 182, 183.

Онъ оставилъ, по Осейбіи, 166 сочиненій, отчасти въ видѣ сокращеній древнихъ и новѣйшихъ авторовъ, отчасти въ видѣ комментариевъ, изъ коихъ многія имѣютъ отношеніе къ *Materia medica*. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) De principiis medicamentorum simplicium. 2) Compendium libri plantarum auctore Abu Hanifa el Dineweri. 3) Tractatus de rhabarbaro, de scinco, de tritico, de vino et vite. 4) Liber de Theriaca. 5) Epitome librorum Ibn Wafid et Ibn Samhum et liber magnus de medicamentis simplicibus. 6) Tractatus de mensura medicamentorum compositorum quoad quantitatem, ejusque supplementum. 7) Tractatus de relatione mutua inter medicamenta et morbos quoad qualitatem. 8) Selecta e libro Dioscoridis de plantarum descriptione; selecta alia de earundem utilitatibus¹⁾. 9) Instrumenta respirationis. 10) Explicatio traditionum quadraginta ad medicinam pertinentium, ex traditionum collectione Ibn Madsche excerptarum. 11) Expositio Aphorismorum Hippocratis. 12) Compendium expositionis Galeni in librum Hippocratis de morbis calentibus. 13) Compendium libri Galeni de usu partium. 14) Compendium libri de dogmatis Hippocratis et Platonis. 15) Compendium librorum de foetu, de voce, de spermate genitali, de organis respirationis, de musculis. 16) Tractatus de variis februm generibus et unde originem ducant. 17) Liber selectus, de liberatione a morbis calentibus. 18) Compendium librorum el-Israilli de febris, de urina et de pulsatione. 19) Tractatus de contrariis contrario curandis. 20) De diabete et de medicaminibus, quae ei sublevandae sunt. 21) Tractatus brevis de morborum crise. 22) Compendium de febris. 23) Tractatus de temperamento corporis. 24) Liber sufficientiae, de anatomia. 25) Refutatio expositionis Ibn el-Chatib (Fachr ed Din el Razi) in partem Universalium Canonis Ibn Sinae. 26) Supplementum ad marginalia Ibn Dschemi in Canonem Ibn Sinae. 27) Refutatio Ali ben Rodhwan de discrepantibus Galeni et Aristotelis sententiis. 28) Tractatus de sensibus. 29) Epitome libri Galeni de sanitate conservanda. 30) Tractatus de fine medicinae. 31) Liber monitionum in usum medicorum et philosophorum. 32) Tractatus de phrenesi. 33) Tractatus de morbis manifestis. 34) Concinnatio quaestionum quarundam Aristotelis. 35) Compendium libri Aristotelis *De animalibus*. 36) Compendium libri *De animalibus*, auctore el-Dschahid. 37) Epitome librorum Ibn Abul Asch'ath de animalibus et de colica. 38) Tractatus de Palmis²⁾.

По Леклерку еще: О тѣлѣ алхиміи, О начаткахъ медицины, О водѣ и жадѣ, философскіе трактаты (между прочимъ о Gazzali, О происхожденіи языковъ, О вредныхъ наукахъ и т. д.), а также религіозныя (Отвѣтъ евреямъ и христіанамъ)³⁾.

Но самое главное его сочиненіе, въ которомъ проглядываетъ умѣніе наблюдать и понимать древнихъ—это его

Compendium memorabilium Aegypti.

¹⁾ Мы здѣсь измѣнили нѣсколько порядокъ, принятый у Morwitz'a, сопоставивъ въ одномъ рядѣ (1—8) всѣ фармакологическія сочиненія, вообще же привели in extenso медицинскія сочиненія Abd-el-Letifa, чтобы еще разъ представить обращенія многосторонности арабскихъ писателей.

²⁾ Ср. Morwitz, II, 95, 96. Wüstenfeld, *Arabische Aerzte*, p. 126.

³⁾ Ср. Leclerc, II, 186, 187.

Изданіе: арабское: Ios. White, arab., praefatus est. H. E. G. Paulus. Tübingae, 1789; arabice et latine ed. Ios White, Oxon. 1800. Нѣмецкое: Aus dem Arabischen übersetzt von S. F. Günther Wahl, Halle, 1790. Французское: Relation de l'Égypte, trad. par S. de Sacy, Paris, 1810¹⁾.

Вторая книга этого сочиненія распространяется о растительныхъ продуктахъ Египта, между прочимъ о *lebach* (*persea* древнихъ), о сикоморѣ, о бальзамовомъ деревѣ, банановомъ деревѣ и *collocasia*, которую Abd-el-Letif отождествлялъ съ египетскими бобами Діоскорида, какъ это доказалъ de Sacy, написавшій къ книгѣ II *Описанія Египта* Abd-el-Letif'a длинный комментарий, обнаруживающій большую эрудицію.

Въ послѣднихъ главахъ рѣчь идетъ о египетскихъ блюдахъ, а также о свирѣпствовавшихъ въ Египтѣ въ началѣ XIII в. эпидеміяхъ чумы и голода, слѣдствіями коихъ были страшное людоедство и громадная смертность²⁾. По этому поводу Abd-el-Letif говоритъ, что въ одной грудѣ скелетовъ, на которыхъ онъ дѣлалъ *анатомическія* наблюденія, ихъ было до 20000.

„Узнавъ, что въ Макс'ѣ находится холмъ, на которомъ въ громадномъ количествѣ были нагромождены *человѣческія кости*, мы отправились туда и увидѣли большую груду человѣческихъ остатковъ, коихъ было больше, чѣмъ земли, и на глазомѣръ можно было принять, что здѣсь было до двадцати тысячъ (?) труповъ въ различныхъ видахъ, смотря по большей или меньшей давности. Разсмотрѣвъ въ нихъ очертанія костей, ихъ сочлененія, формы ихъ соединеній, ихъ взаимныя отношенія и положенія, мы получили обо всемъ этомъ гораздо болѣе ясныя понятія, чѣмъ какія можно черпать изъ книгъ, отчасти по недомолвкамъ, отчасти по неточности выраженій, отчасти потому, что сообщаемыя объ нихъ понятія совершенно противоположны тому, что можно было узнать личнымъ осмотромъ, ибо свидѣтельства органовъ чувствъ не въ примѣръ выше доказательствъ, основанныхъ на авторитетѣ. И въ самомъ дѣлѣ, хотя Галенъ внесъ самую щепетильную точность и самую внимательную заботливость во все, что онъ сдѣлалъ и рассказалъ, все таки свидѣтельство нашихъ собственныхъ органовъ чувствъ заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ его свидѣтельство“.

„Одно изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній имѣетъ предметомъ нижечелюстную кость. Всѣ анатомы единогласно говорятъ, что эта челюсть состоитъ изъ двухъ костей, плотно соединенныхъ въ подбородкѣ. Если говорю: всѣ анатомы, то это все равно, какъ если бы я сказалъ: Галенъ, такъ какъ онъ одинъ только лично производилъ анатомическія операціи³⁾, сдѣлалъ ихъ предметомъ спеціальнаго изученія и составилъ объ этомъ предметѣ многія сочиненія, изъ коихъ въ нашемъ распоряженіи имѣются самыя главныя, остальные же не были переведены на арабскій языкъ“.

„Но осмотръ этой части труповъ убѣдилъ насъ въ томъ, что нижняя челюсть — цѣльная и что въ ней нѣтъ ни соединенія, ни шва. Это наблюденіе мы повторили безчисленное множество разъ, на болѣе чѣмъ 200 черепахъ; я употребилъ всѣ возможныя средства, чтобы убѣдиться въ истинѣ, но всегда находилъ только одну цѣльную кость. Я

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 381, 382.

²⁾ Ср. Leclerc, II, 183, 184.

³⁾ Очевидно, Abd-el-Letif'у были неизвѣстны заслуги Marinus'a и другихъ анатомовъ до Галена.

приглашалъ въ помощь разныхъ лицъ, повторившихъ этотъ осмотръ каждый отдѣльно, какъ въ моемъ отсутствіи, такъ и на моихъ глазахъ, и они, подобно мнѣ, всегда видѣли только одну кость. Подобныя же наблюденія мы дѣлали надъ различными другими статьями, и если Провидѣніе будетъ благопріятствовать моему плану, я составлю объ этомъ предметѣ трактатъ, въ которомъ опишу все, что мы видѣли, сравнивая съ тѣмъ, что мы узнали изъ книгъ Галена. Эту же кость я изслѣдовалъ и въ старыхъ гробницахъ Busi'га и я всегда убѣждался, что нѣтъ ни соединенія, ни шва. Извѣстно, что по истеченіи большаго періода времени, самыя незамѣтные швы и самыя плотныя соединенія становятся отчетливыми и раздѣльными; но что касается нижней челюсти, о которой идетъ рѣчь, то во всѣхъ случаяхъ она представляется состоящею изъ одной цѣльной кости¹.

„Согласно Галену, крестцовая и копчиковая кости состоятъ изъ соединенныхъ между собою 6 костей. Что касается меня, то я нашелъ, что все это составляетъ только одну кость и по всестороннему изслѣдованіи этого предмета я всегда получалъ тотъ же результатъ. Предпринявъ однако затѣмъ подобное же изслѣдованіе еще на одномъ трупѣ, я (къ удивленію моему) узналъ, что эта костная масса состояла здѣсь изъ 6 костей, какъ сказалъ Галенъ; тоже явленіе замѣчено мною и на другихъ трупахъ, которые мнѣ пришлось наблюдать потомъ, за исключеніемъ лишь двухъ, гдѣ эти части образовали только одну кость; здѣсь, какъ и во всѣхъ остальныхъ, я находилъ эти кости весьма плотно соединенными“.

„Впрочемъ въ этомъ я не такъ увѣренъ, какъ въ томъ, что я утверждалъ относительно нижней челюсти, говоря, что она состоитъ только изъ одной кости“¹).

Ebn Abi Oseibia, Abul Abbas Ahmed ben el Cassem ben Chalifa Muwaffik eddin el Chazradschi, 1203—1273 [Haeser], 1204—1269 [Leclerc], извѣстенъ болѣе подъ упомянутымъ именемъ, которое принадлежало его дѣду, прибывшему въ 1200 г. съ своимъ семействомъ въ Дамаскъ, гдѣ родился нашъ историкъ. Наклонность къ медицинѣ онъ вынесъ не только изъ своей семьи, такъ какъ его отецъ былъ глазнымъ врачомъ, а дяди директоромъ глазной больницы въ Дамаскѣ, но и изъ сношеній того и другаго съ самыми выдающимися современными врачами, каковы: Abd-el-Latif, другъ его семейства, и Ebn el Beithar, котораго, какъ мы видѣли выше, онъ сопровождалъ въ его ботаническихъ экскурсіяхъ въ окрестностяхъ Дамаска.

Свое медицинское образованіе онъ началъ подъ руководствомъ Jacub ben Saklan'a въ Дамаскѣ, за которымъ послѣдовалъ въ армию Muaddhem'a и въ рѣдкомъ знаніи и обширномъ знакомствѣ котораго съ книгами Галена онъ неоднократно имѣлъ случай потомъ убѣдиться. Позднѣе онъ поселился въ Дамаскѣ, гдѣ пользовался уроками другаго выдающагося врача, Ebn Eddachwar'a, а также Omra'n'a el Israili (по Steiuschneider'у Imra'n, онъ же Mose ben Zadaka)²), равно какъ и стараго Етга-

¹) По переводу de Sacy, *Abdellatif*, 418. Ср. Leclerc, II, 184—186.

²) Steinschneider въ *Zeitschrift der deutschen morgenländ. Gesellschaft*, Bd. 25, p. 502. Ср. Haeser, I, 600.

h a b i, изъ коихъ оба послѣдніе были врачами при большомъ дамасскомъ госпиталѣ и своими познаніями приносили не малую пользу какъ больнымъ, такъ и ученикамъ. Впослѣдствіи онъ самъ сдѣлался учителемъ и поступилъ на службу въ тотъ же госпиталь, гдѣ сошелся съ своимъ собратомъ и другомъ Sedid ed-Din ben Refika. Оттуда онъ, неизвѣстно когда, отправился въ Каиръ, гдѣ сдѣлался врачомъ глазнаго отдѣленія госпиталя En passeri, потомъ переселился въ Sarched въ Сириі, гдѣ сдѣлался врачомъ эмира Azz ed-Din Eidemir ben Abd Allah¹⁾.

Изъ сказаннаго видно, что Осейбія былъ не только историкомъ, но и практическимъ врачомъ, однако извѣстность онъ, безспорно, приобрѣлъ своимъ историческимъ трудомъ:

Ujun el anba fi thabacat el atthiba или *Fontes relationum de classibus medicorum*, въ 15 главахъ, гдѣ приведены біографическія свѣдѣнія о врачахъ, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ и у всѣхъ народовъ, въ особенности объ индійскихъ, греческихъ, христіанскихъ и арабскихъ врачахъ вплоть до современной ему эпохи. Сочиненіе Осейбіи *Fontes relationum* только отчасти напечатано и при томъ частью на латинскомъ, а нѣкоторые отдѣлы и на арабскомъ языкѣ, полностью же въ печати не имѣется.

Изданія. Арабскія (нѣкоторые отрывки): 1) Sylvestre de Sacy, *Abdellatif*, Paris, 1810, съ французскимъ переводомъ, 2) *Жизнь Эбнъ Джелиджола* (тамъ же). 3) Извлечение изъ біографіи Маймонида (тамъ же). 4) *Жизнь Ebn-Beithar'a*, въ Dietz, *Analecta medica*, Leipzig, 1833, p. 16, съ латинскимъ переводомъ; въ Sontheimer, *Ebn Beithar*, Stuttgart, 1840 — нѣмецкій переводъ (съ латинскаго). 5) Глава объ индійскихъ врачахъ, въ Dietz, *Analecta medica*, 117—125, съ лат. переводомъ, и нѣкоторые другіе²⁾.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Sanguinetti обнаружилъ переводъ первыхъ главъ сочиненія Осейбіи: *О начаткахъ медицины, О современникахъ Магомета, О первыхъ врачахъ изъ семи Bachtischua*³⁾.

Изъ рукописей соч. *Fontes relationum* имѣются по двѣ различныхъ въ Лейденѣ, Оксфордѣ, Готѣ и Парижѣ, гдѣ, кромѣ того, имѣются еще двѣ другія, дополняющія одна другую, рукописи (Haeser). По Leclerc'у, въ Парижѣ находятся четыре экземпляра, изъ коихъ одинъ полный, одинъ сокращенный, еще одинъ, доходящій только до александрійской эпохи, и четвертый, обнимающій лишь арабскихъ врачей послѣднихъ временъ, но это не арабскій текстъ, а нѣсколько сокращенный французскій переводъ, сдѣланный въ Египтѣ лицомъ, мало знакомымъ съ медициной.

До послѣдняго времени сочиненіе Осейбіи почти было неизвѣстно. De Sacy, повидимому, первый помѣстилъ въ своемъ *Abdellatif'* нѣсколько біографій, заимствованныхъ у Осейбіи, затѣмъ въ Копенгагенѣ находится рукописный латинскій переводъ, сдѣланный Reiske, который въ своихъ *Opusc. med. ex monumentis Arab. et Hebr.* представилъ также списокъ восточныхъ врачей. Пользуясь каталогами послѣдняго, а также

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 188.

²⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 387.

³⁾ Leclerc, II, 192.

NicolP'a, обнаруживающего в каталогѣ Bodleyанае списокъ врачей, составленный Gagnier'омъ, Wüstenfeld составилъ реестръ именъ арабскихъ врачей, о которыхъ говоритъ Осейбiя¹⁾.

Выше въ библиографическихъ замѣткахъ было приведено уже вкратцѣ содержаніе 15 главъ „*Исторіи врачей*“ Осейбiи, которое считаемъ излишнимъ воспроизвести здѣсь нѣсколько подробнѣе:

1) О началѣ медицины. 2) О врачахъ, оказавшихся изобрѣтателями въ медицинскомъ искусствѣ. 3) Объ асклепиадахъ. 4) О Гиппократѣ и его ученикахъ, объ Эмпедоклѣ, Пинагорѣ, Сократѣ, Платонѣ, Аристотелѣ, Теофрастѣ, Александрѣ изъ Aphrodisias. 5) О современникахъ Галена и слѣдовавшихъ за нимъ врачахъ. 6) Объ александрійскихъ и современныхъ имъ христіанскихъ врачахъ. 7) О врачахъ, жившихъ во времена Магомета въ Меккѣ и Мединѣ и при Оммаидахъ въ Дамаскѣ. 8) О врачахъ при Аббасидахъ. 9) О врачахъ, переведившихъ на арабскій языкъ сочиненія Гиппократа, Галена, Аристотеля, Порфирия, Темистія и Александра изъ Aphrodisias и о тѣхъ, по заказу которыхъ эти переводы были сдѣланы. 10) О врачахъ въ Иракѣ, Месопотаміи и Діарбекирѣ, въ особенности же о врачахъ при Буитахъ, Гамданидахъ и позднѣйшихъ калифахъ въ Багдадѣ. 11) О врачахъ въ Adscherbidschan'ѣ, Хорасанѣ, Фарсѣ, Мавага при Nahram'ѣ и т. д. 12) Объ индійскихъ врачахъ. 13) О врачахъ при Аглабитахъ, Оммаидахъ, Молтаминахъ, Моваххединахъ или о врачахъ въ Мапританіи и Испаніи. 14) О египетскихъ врачахъ при Толундахъ и Фатимидахъ-Алитахъ. 15) О врачахъ, жившихъ при дворѣ Эюбидовъ и Мамелюковъ въ Дамаскѣ и Haleb'ѣ или о позднѣйшихъ сирійскихъ врачахъ²⁾.

Не смотря на нѣкоторые недостатки, находящіеся въ связи съ библиографической формой, а также на нѣсколько сухое и недостаточно критическое изложеніе, сочиненіе Осейбiи, тѣмъ не менѣе, представляетъ драгоценный и единственный въ своемъ родѣ литературный памятникъ, въ которомъ, кромѣ данныхъ его предшественниковъ, приведено множество личныхъ свѣдѣній о современныхъ и непосредственно ему предшествовавшихъ врачахъ. Изъ предшественниковъ Осейбiи почерпалъ матеріалъ для своей „*Исторіи*“ въ сочиненіяхъ Іоанна Грамматика, Обейдъ Алла бенъ Джабриела, Эбнъ Ботлана, Эбнъ Джолджола, въ особенности же изъ *Fihrist'a* Muhammed ben Ishak en-Nedim'a и *Kitab el hokama* Джемалъ-дина³⁾, изъ коихъ до насъ дошли только послѣднія два сочиненія. До-

¹⁾ Wüstenfeld, Geschichte der arabischen Aerzte und Naturforscher, Göttingen, 1840, p. 133 и слѣд.

²⁾ Choulant, *Bücherkunde*, 385, 386.

³⁾ Dschemal eddin el Kofti (1172--1248), родомъ изъ египетскаго города Koptos, былъ не врачъ, а только замѣчательный библиофилъ, жившій въ Каирѣ и Алепѣ, впоследствии визирь при Малекъ-эль-Азирѣ. Онъ оставилъ библиотеку, оцѣненную въ 500000 динаровъ (отъ 600 до 700 т. фр.), сочиненія по исторіи и *Kitab Tarich el hokama* или *Книгу объ исторіи ученыхъ*, на которую впервые обратилъ вниманіе Casiri, издавшій ее подъ названіемъ *Bibliotheca philosophorum*, причемъ однако автора ея, по мнѣнію Леклера, не зналъ. Эта книга есть настоящій родникъ для исторіи какъ наукъ вообще, такъ и медицины въ частности. Ср. L e s l e r s, II, 193—198.

полнивъ ихъ своими личными изысканіями, Осейбія оставилъ намъ самую полную *Исторію медицины Востока*, проливающую совершенно новый свѣтъ на эпоху изъ исторіи наукъ, которую стали изучать только въ послѣднее время, въ томъ числѣ въ особенности Wüstenfeld. Если о греческой медицинѣ Осейбія не сообщаетъ ничего новаго, то зато сообщаетъ все, что извѣстно было арабамъ о грекахъ, а также богатую номенклатуру сдѣланныхъ ими съ греческаго переводовъ, въ томъ числѣ перѣдко и такихъ сочиненій, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній ни въ какихъ другихъ источникахъ. Главная же заслуга его состоитъ въ богатствѣ и громадномъ количествѣ данныхъ о врачахъ арабскаго происхожденія или писавшихъ на арабскомъ языкѣ. Кромѣ чисто-біографическихъ свѣдѣній, въ этомъ сочиненіи весьма поражаетъ громадное количество *библиографическихъ* данныхъ, указывающихъ, если не на глубину и оригинальность, то на обширность познаній арабовъ въ различныхъ отрасляхъ науки и господствовавшую на Востокѣ неутомимую интеллектуальную дѣятельность, тогда какъ на Западѣ царствовали еще глубокой мракъ и варварство. Сверхъ того здѣсь разсѣяны тамъ и сямъ драгоценныя данныя о медицинскомъ преподаваніи и научныхъ учрежденіяхъ, о медицинской практикѣ и госпиталяхъ, о высокомъ положеніи врачей, въ особенности объ энциклопедическомъ характерѣ образованія послѣднихъ, каковы напр. El Kendi, Авиценна, Al Farabi, Errazi, El Heitam, Averroës и т. д. Одного взгляда на библиографическіе листы, посвященные этимъ авторамъ, достаточно для того, чтобы убѣдиться въ необходимости ознакомленія съ сочиненіемъ Осейбіи для всѣхъ, изучающихъ исторію наукъ, въ особенности философскихъ и математическихъ¹⁾. А потому, говоритъ Леклеркъ, по меньшей мѣрѣ странно утвержденіе Freind'a, что трудъ Осейбіи интересенъ развѣ только тѣмъ, что сообщаетъ свѣдѣнія о богатствахъ, которыми награждали врачей владыки Востока²⁾.

Первый серьезный трудъ объ *арабской медицинѣ*, раскрывшій богатство матеріала, заключеннаго въ сочиненіи Осейбіи, принадлежитъ Wüstenfeld'у, котораго Leclerc, однако, упрекаетъ въ томъ, что можно думать, что онъ свою работу дѣлалъ по временамъ какъ бы во снѣ („on dirait que Wüstenfeld a sommeillé parfois“), такъ какъ оставилъ въ тѣни нѣкоторыхъ врачей, заслуживающихъ быть выведенными изъ мрака неизвѣстности, и не всегда отводилъ каждому въ частности мѣсто,

¹⁾ Leclerc, II, 189—191.

²⁾ Freind, l. c., II, 115.

соответствующее его значенію, не говоря уже о многихъ повтореніяхъ, пропускахъ и смѣшеніяхъ¹⁾. Мы уже выше указали²⁾ на то, что подобный упрекъ въ свою очередь весьма страненъ въ устахъ Leclerc'a, который, какъ доказалъ Steinschneider, самъ подчасъ оказывается несвободнымъ отъ тѣхъ же погрѣшностей. Кромѣ своей *Исторіи врачей*,

Осейбія составилъ еще сочиненіе подъ заглавіемъ: *Полезные опыты и наблюденія*, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей замѣткѣ объ Othman el Isgaili. Наконецъ въ предисловіи къ *Исторіи врачей* онъ говоритъ, что предпринялъ другой трудъ подъ заглавіемъ: *Памятники народовъ и исторія ученыхъ*, въ которомъ онъ намѣревался дать біографіи ученыхъ, занимавшихся другими науками, кромѣ медицины, но этотъ трудъ не былъ оконченъ³⁾.

Далѣе, въ XIII вѣку относятся:

Serapion junior (Ebn Serabi), названный такъ въ отличіе отъ старшаго, жившаго въ IX в.; онъ представляетъ собою таинственную личность, такъ какъ никто изъ арабскихъ писателей на него не ссылается и по настоящее время даже не отыскана еще арабская рукопись его сочиненія, а существуетъ только *латинскій* переводъ, въ которомъ, какъ собственные имена, какъ и техническія выраженія до того искажены, что изъ нихъ нельзя вывести никакого заключенія и даже приблизительно опредѣлить эпоху, въ которую онъ жилъ.

Choulant⁴⁾ полагаетъ, что онъ жилъ въ концѣ XI в., такъ какъ упоминаетъ объ Aven-Guefit'ѣ. Meier считаетъ его христіаниномъ, жившимъ на Западѣ между 1100—1300 г.⁵⁾ Судя однако по одной цитатѣ о *безоарѣ*, въ которой упоминается „Nahamed eben girifus“, у аль Бейтара въ статьѣ о безоарѣ—Ahmed ben Jusef, по Леклерку тождественный съ натуралистомъ Tifaschi, писавшимъ въ средній XIII в., можно полагать, что Серапионъ - младшій относится къ XIII вѣку⁶⁾.

Сочиненіе Серапиона, составленное, по мнѣнію Steinschneider'a, въ Испаніи или Мавританіи до эпохи Платеарія I салернскаго, есть весьма полная компиляція всего написаннаго греческими и арабскими врачами о *простыхъ* медикаментахъ.

Изданія. *Serapion junior, Liber de medicamentis simplicibus s. de temperamentis simplicium. Mediol. 1473. Venet. 1497, 1552. Лучшее изданіе: Argentor. 1531, cura Othone Brunfels; въ началѣ этого изданія находится списокъ авторовъ, коими пользовался Серапионъ. Кромѣ того—вмѣстѣ съ сочиненіями Серапиона-старшаго. Упомянутый латинскій переводъ сдѣланъ въ 1288 г. евреемъ Abraham'омъ и врачомъ*

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 191.

²⁾ См. выше стр. 210.

³⁾ Ср. Leclerc, II, 198.

⁴⁾ Choulant, *Bücherkunde*, 371.

⁵⁾ Ср. Haeser, II, 590.

⁶⁾ Ср. Leclerc, II, 153.

папы Николая IV, по имени Simon Corto, изъ Генуи; неудивительно, что переводъ этотъ оказался по истинѣ варварскимъ, особенно если принять во вниманіе способъ его фабрикаціи вдвоемъ, обычный въ эту эпоху въ Испаніи: еврей или мусульманинъ переводилъ на народный языкъ, а литераторы воспроизводили по латини.

Въ Парижѣ существуетъ еврейскій переводъ этого сочиненія, обозначенный въ каталогѣ подъ названіемъ *Traité des drogues*, только безъ начала и безъ конца (отъ номера 60—353). Leclerc внимательно сравнилъ этотъ переводъ съ латинскимъ и нашелъ ихъ совершенно сходными, какъ по отношенію къ порядку расположенія матеріала, такъ и въ деталяхъ. На основаніи находженія однихъ и тѣхъ же народныхъ синонимовъ (*ass*) въ латинскомъ и еврейскомъ переводахъ, Leclerc приходитъ къ заключенію, что латинскій переводъ, повидимому, сдѣланъ не съ арабскаго, а по еврейскому переводу.

При составленіи своего сочиненія Серапионъ-младшій преимущественно пользовался Діоскоридомъ — для описанія простыхъ лекарственныхъ веществъ и Галеномъ — при изложеніи ихъ свойствъ, гораздо менѣе — другими греческими писателями, какъ Павелъ Эгинскій, Орибазій, Rufus, и еще менѣе — арабскими, персидскими и индійскими. Оно раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ первая — нѣчто въ родѣ общей терапевтики, въ которой рѣчь идетъ объ основныхъ, вторичныхъ и третичныхъ свойствахъ медикаментовъ, во второй же медикаменты разсматриваются въ частности по тремъ царствамъ природы. Всего приведено 462 медикамента. Вообще Leclerc это сочиненіе ставитъ гораздо ниже сочиненія el Beitha'ra¹⁾.

Salah ed-Din ben Jusuf el Kahhal (былъ еще въ живыхъ около 1296 г.), изъ Нама, оставилъ трактатъ окулистики, *Nur el Ujun* или *Светъ глазъ* (парижская рукопись). Это одинъ изъ самыхъ полныхъ арабскихъ трактатовъ *офтальмологіи*, который раздѣленъ на 10 книгъ:

- 1) Описаніе глаза. 2) О зрѣніи. 3) О болѣзняхъ, ихъ причинахъ и симптомахъ.
- 4) Гигіена глаза и болѣзни вѣкъ. 5) Болѣзни угловъ вѣкъ. 6) Болѣзни соединительной оболочки глазъ. 7) Болѣзни роговицы. 8) Болѣзни врачка. 9) Болѣзни, недоступныя органамъ чувствъ. 10) Рецептура.

Послѣ предисловія, въ которомъ онъ исчисляетъ качества, которыми долженъ обладать врачъ (скромность, любовь къ добру, прилежаніе, отреченіе отъ земныхъ благъ и чувственныхъ наслажденій, исканіе общества ученыхъ и больныхъ), слѣдуетъ подробное изложеніе анатоміи глаза (въ 22 главахъ кн. I), причемъ представленъ рисунокъ глаза, напоминающій таковой же у Ibn el Heitam'a.

Въ кн. II онъ излагаетъ теоріи зрѣнія различныхъ авторовъ, начиная съ Демокрита и кончая Галеномъ и Евклидомъ; причемъ приведены геометрическія фигуры.

Въ кн. III изложены общіе вопросы медицины. Въ слѣдующихъ (IV—VI), рядомъ съ именами предшественниковъ, фигурируютъ его учитель Нотанъ и его отецъ (по поводу состава глазныхъ примочекъ). При этомъ здѣсь приведено множество изображеній инструментовъ, напоминающихъ таковыя же Abulcasis'a, который часто цитируется, иногда дословно.

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 154—156.

Въ кн. VII онъ приводитъ два случая рава, изъ коихъ одинъ, у эмира Azz ed-Din'a, онъ въ 1296 г. (696 геджры) усиѣнно наложилъ съ помощью нагнавающего средства.

Въ кн. VIII подробно описываются операціи *exophthalmis* и *катаракты*, причежъ рѣчь идетъ также о полой и глѣ, иногда стеклянной, служившей для высасыванія, а также о томъ, что эта операція, восхваляемая Омаромъ, отвергается Tsabet'омъ ben Согга и что Antyllus производилъ *извлеченіе* катаракты.

Въ синоптической таблицѣ онъ объясняетъ зрѣніе вблизи и вдали и различіе (перцепцію) крупныхъ и мелкихъ предметовъ — болѣе или менѣе утонченнымъ и болѣе или менѣе обильнымъ зрительнымъ рпеша.

Въ концѣ трактата представленъ списокъ простыхъ медикаментовъ Ebn el Beithar'a. Изъ арабскихъ окулистовъ здѣсь приведены Ebn el Ajan (*Проба окулистовъ*), Нонеин, Tsabet ben Согга (*Basir* или *Видящій*), Omar ben Ali el Musli, авторъ компендія *Muntecheb*, Zaharagawi или Abulcasis (*Tesrif*), Ali ben Isa (*Tedkira*), наконецъ el Kissy (*Netidscha*)¹.

Ebn en-Nefis el Korchi или el Misri, одинъ изъ ученѣйшихъ врачей своего времени (ум. въ 1288 или 1296 г., 80 лѣтъ отъ роду), оставилъ большое количество сочиненій, изъ нихъ одно, *Schamel (Universalis)*, согласно *Гаджи Кальфъ*, должно было состоять изъ 300 томовъ, изъ коихъ авторъ окончилъ только 80 (отрывки въ Bodleyana).

Кромѣ того онъ оставилъ *Трактатъ объ окулистикѣ*, Комментаріи къ *Афоризмамъ* Гипократа (въ Парижѣ, Bodleyana и Эскуриалѣ), къ *Прогностикѣ*, *Анатоміи* и *Общимъ вопросамъ Канона*, а также *Disputationes Canonicae* (въ Эскуриалѣ и Оксфордѣ), равно какъ и комментаріи къ *Вопросамъ* Нонеин'a и извлеченіе изъ *Continens Razes* (въ Лейденѣ).

Но самое популярное его сочиненіе есть сокращеніе *Канона* подъ заглавіемъ: *Mudschiis el Camin*, въ 4 отдѣлахъ:

a) de medicinae theoreticae et practicae principiis generalibus; b) de medicamentorum alimentorumque simplicium et compositorum vi et facultate; c) de membrorum singularium morbis et remediis; d) de morbis qui totum afflictant corpus eorumque curatione.

Изданіе: *Moojis ool Qanoon*, a medical work by Alee bin Abee il *Huzm* the Kashite, commonly known by the name of Ibn ool Nufees, edited by Moulavee Moomhammad Solyman of Herat and Rooh ool Ameen of Boolee, Calcutta, 1828. Publ. und (? вѣроятно он) the auth. of the comm. of publ. instr.

Это сочиненіе, согласно *Гаджи Кальфъ*, было предметомъ множества комментаріевъ и передѣлокъ и находится почти во всѣхъ восточныхъ коллекціяхъ (въ Парижѣ, Оксфордѣ, Флоренціи, Мюнхенѣ, Эскуриалѣ).

Въ Bodleyana существуетъ комментарий къ этой книгѣ—*Hall el Moodjis* („*Ключъ къ Муджизу*“), принадлежащій el Аксхагаи въ XII в. Самый лучший комментарий, согласно *Гаджи Кальфъ*—составленный въ Самаркандѣ въ 1438 г. Nefis ben Audh'омъ (въ Оксфордѣ, Эскуриалѣ и бібліотекахъ Востока), не говоря уже о множествѣ другихъ комментаріевъ²).

¹) Тамъ же, II, 205, 206.

²) Тамъ же, II, 207—209 и Morwitz, II, 99.

Abulfaragius Gregorius (Abulfaradsch Dschordschis), сынъ врача А h r u n 'a, обыкновенно называемый Ва г - Н е б r a e u s (1226 — 1286), котораго не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это сдѣлалъ Рососке, съ Абуль Фараджемъ збнъ Таебомъ,

род. въ Malatîa или Мелитенѣ, учился въ Дамаскѣ, гдѣ потомъ служилъ при госпиталѣ E n n i g i; но кромѣ медицины занимался изученіемъ языковъ: сирійскаго, греческаго и арабскаго, въ особенности же исторіи, а также теологій, философіи и грамматики. Послѣ татарскаго вторженія, онъ съ семействомъ поселился въ Антиохіи, былъ потомъ возведенъ въ санъ епископа Алепа, а въ 1264 г.—въ санъ митрополита (mafrîan) якобитовъ. Ум. въ Мерагѣ. Своими познаніями и характеромъ онъ приобрѣлъ уваженіе даже мусульманъ. Въ концѣ одной изъ рукописей Рососке прочелъ о немъ слѣдующую, приписываемую имъ современнику его E b n C h a l l i c a n 'у замѣтку:

„Авторъ этой книги, A b u l F a r a d s c h, былъ человекъ много читавшій, успѣшно занимавшійся изученіемъ различныхъ наукъ и приобрѣвшій въ медицинѣ такое рѣдкое умѣніе и искусство, что къ нему стекались за совѣтомъ изъ западныхъ странъ; хотя онъ былъ христіаниномъ, между его учениками, однако, было много выдающихся мусульманъ“. Къ этому добавляется, что къ концу жизни онъ будто бы сдѣлался мусульманиномъ, что, по справедливому замѣчанію L e s l e r 'a, въ устахъ мусульманскаго писателя означаетъ, что для полного совершенства ему неоставало только принятія ислама ¹⁾.

A b u l f a r a g i u s извѣстенъ преимущественно какъ историкъ, но также и какъ врачъ. Изъ его сочиненій самыя главныя:

1) Liber magnus, in quo fuse collegit omnes medicorum opiniones. 2) Expositio quaestionum Honeini (на сирійскомъ). 3) Compendium quaestionum Honeini (на сирійскомъ). 4) Versio Canonis Ibn Sinae Syriaca (не окончена). 5) Libri Indicationum et Prognosticorum Ibn Sinae, versio Syriaca. 6) Commentarius in Galeni tractatum De elementis et temperamento. 7) Commentarius in Hippocratis Aphorismos. 8) Compendium libri Dioscoridis. 9) Compendium libri Gafikii. 10) Liber sapientiae sapientiarum или Butyrum sapientiae, сирійская передѣлка философскихъ сочиненій Аристотеля. 12) *Compendium historiae Dynastiarum*. Historia orientalis aut. Gregorio Abul Pharajio, ed. Ed. Rososke, Oxon. 1672. Нѣмецкій переводъ: Bauer, Leipzig, 1783—85 ²⁾.

Что касается его главнаго сочиненія, *Historia dynastiarum*, переведенной и обнародованной слишкомъ два столѣтія тому назадъ Рососке'омъ, то она доведена до конца XIII в. и излагаетъ факты довольно безпристрастно, такъ что удовлетворяла въ одинаковой степени евреевъ и мусульманъ. Изъ этого сочиненія, какъ изъ обильнаго источника, до послѣдняго времени историки медицины почерпали свои свѣдѣнія объ арабскихъ врачахъ, ибо онъ одинъ изъ первыхъ понялъ, что исторія, кромѣ грубыхъ политическихъ и военныхъ фактовъ, должна считаться еще съ историческими факторами высшаго порядка, въ сферѣ нравственныхъ и умственныхъ интересовъ. Онъ, поэтому, отъ времени до времени останавливается, чтобы обозрѣвать представителей философіи и медицины, принадлежащихъ къ только что пройденному данному періоду.

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 147, 148. ²⁾ Morwitz, II, 98.

Интересно, что Wüstenfeld, точно также как и Casiri, не догадался, что большая часть замѣток Abulfaragius'a о врачахъ заимствована изъ *Kitab el hokama* Dschemaleddin'a или *Bibliotheca philosophorum*, какъ въ этомъ сознается самъ Abulfaragius, который цитируетъ вообще какъ автора, такъ и заглавіе упомянутого сочиненія, но, по принятому въ его время обычаю, не счелъ нужнымъ указывать каждый разъ дѣлаемыя имъ позаимствованія. Между прочимъ это относится и къ факту сожженія александрійской библиотеки арабами, о которомъ какъ Abulfaragius, такъ и *Kitab el hokama* говорятъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Любопытно, что даже Гумбольдтъ въ своемъ *Космосъ*, въ которомъ онъ высказалъ столь вѣрные сужденія объ арабской цивилизаціи, считалъ этотъ фактъ мифомъ ¹⁾.

Cohen el Atthar („жрецъ аптекарей“), Abul Mena ben Abi Nasr ben Hafad el Israïli el Haguni, жилъ въ XIII вѣкѣ въ Каирѣ и составилъ въ 1269 г. трактатъ *фармаціи* подъ заглавіемъ:

Menhadsch Eddokkan или *Руководство для аптеки*—одно изъ лучшихъ сочиненій въ этомъ родѣ. По его словамъ, фармація, *sanaat essidla*, или искусство снабженій и напитковъ—самая благородная изъ наукъ послѣ медицины, и фармацевтъ долженъ поэтому быть мастеромъ своего дѣла.

Сочиненіе его состоитъ изъ 25 главъ, каковы: 1) Обязанности фармацевта. 2) Напитки. 3) Roob или сиропы. 4) Конфекты. 5) Опіаты (*madschin*). 6) Кашки. 7) Порошки. 8) Лепешки. 9) Loosh. 10) Пилули. 11) Разныя Ниегае. 12) Глазныя примочки. 13) Сухія collugia (*aschia*) или trochisci. 14) Мазн. 15) Масла. 16) Лянименты. 17) Лекарства для рта. 18) Мѣшечы и свѣчки. 19) Припарки. 20) Замѣняющія средства. 21) Синонимы. 22) О вѣсахъ и мѣрахъ. 23) Совѣты аптекарямъ. 24) Собираніе и сохраненіе простыхъ медикаментовъ (травъ). 25) Испытаніе простыхъ и сложныхъ медикаментовъ.

Въ 1 главѣ онъ говоритъ о томъ, что фармацевтъ долженъ быть праведнымъ и религіознымъ человѣкомъ и бояться Бога и людей. Вообще онъ часто ссылается на предшественниковъ, между прочимъ на Ebn el Baïan'a (см. ниже), Cadhy Fateh eddin'a, el Beithar'a и Auegtoës'a. Изъ статьи о *zerneb* видно, что въ его время это вещество было предметомъ контроверсій, равно какъ и *tashakunyu*, относительно которой онъ собственными глазами убѣдился, что она есть шлакъ (пѣна), получаемый при фабрикаціи стекла. Интересна глава о сиропѣ, гдѣ между прочимъ рѣчь идетъ о знаменитомъ сиропѣ sadhi (randanus), этомъ специфическомъ индійскомъ средствѣ противъ оспы, о которомъ говоритъ Разесъ и который, по автору, носить также названіе кадарскаго сиропа (roob Sadar). Весьма подробно онъ распространяется о собираніи травъ и способахъ ихъ сохраненія, а также о способахъ узнавать фальсификаціи и о моментахъ, когда онѣ теряютъ свои свойства, наконецъ объ исправляющихъ средствахъ. По поводу шафрана онъ говоритъ о франкскомъ или генуэзскомъ сортѣ, изъ коихъ одинъ видъ получается изъ масла или меду (?). Есть также длинная глава о кардамошѣ. Въ гл. 13 онъ говоритъ, что фармацевтъ долженъ взвѣшивать каждое свое слово, въ особенности то, что пишетъ, ибо „написанное есть мысль, отмѣченная печатью автора“. Кромѣ этическихъ совѣтовъ онъ даетъ также профессиональные относительно способовъ и манипуляцій при составленіи сложныхъ медикаментовъ ²⁾.

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 149—151.

²⁾ Ср. Leclerc, II, 215—217.

Sedid Eddin ben Abil Baian (род. въ 566 г. Геджры), караимъ, современникъ Осейби, служившій при Малекъ-Аделъ, былъ однимъ изъ выдающихся врачей своего времени и оставилъ *Рецептуру* въ 12 книгахъ и *Сборникъ наблюдений* (рукопись въ Bodleyana) ¹⁾.

Периодъ упадка арабской медицины.

Этотъ періодъ начинается съ XIV в., когда съ вторженіемъ Чингисхана и Тамерлана въ мусульманскія владѣнія были уничтожены библиотеки и учебныя учрежденія. Съ тѣхъ поръ Багдадъ, потерявъ свой прежній блескъ и старинныя памятники науки и искусства, превратился только въ главный городъ провинціи и на Востокъ лишь въ Египтъ и Сирію, а также въ Самаркандъ, нѣкоторое время находили убѣжище наука и литература. Интересно, что 1256 годъ былъ одинаково фаталенъ какъ для восточнаго калифата, разрушеннаго до тла монголами, подъ предводительствомъ Hulagu,—такъ и для мавританской Испаніи, гдѣ въ томъ же году Кордова была взята Фердинандомъ III Кастильскимъ, такъ что маврамъ осталась только одна Гренада, гдѣ еще довольно долго держался культъ науки, пока наконецъ Фердинандъ Католическій въ концѣ XV в. не вытѣснилъ ихъ и отсюда. Необходимо прибавить, что за это время не было произведено ничего оригинальнаго и довольствовались только компиляціями, извлеченіями и комментаріями. Къ литературнымъ памятникамъ этой эпохи относятся:

Анонимный трактатъ О ревматизмѣ (составленъ около 1387 г. въ Сиріи и содержитъ случаи, наблюденные въ Сидонѣ, Іерусалимѣ и Триполи). Состоитъ онъ изъ 25 главъ, изъ коихъ первыхъ 4 недостаетъ. Подъ названіемъ ревматизма анонимный авторъ подразумѣваетъ не только пораженія составовъ вообще, но и подагру, сѣдалищную боль, коксальгію и геморрой ²⁾.

Ma-l-a-i-e s a (Quod nefas est medico ignorare) Эбнъ эль Котби эль Джвини (Jusuf ben Ismail ben Elias, ок. 1311 г.)—не совсѣмъ удачное сокращеніе *De simplicibus* эль Бейтара, которое пригодно лишь для учащихся и практиковъ и въ которомъ между прочимъ упоминаются болгаре и русскіе (по поводу произрастанія у нихъ тополей ³⁾).

Schefa el Askam (здоровье больныхъ) Chider ben Ali Ebn el Chatib'a (жилъ еще послѣ 1397)—медицинская энциклопедія въ родѣ *Канона* Авиценны, гдѣ много мѣста отведено особенно пищѣ, различнымъ сортамъ мяса и приправамъ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 218. ²⁾ Ср. L e c l e r c, II, 268, 269. ³⁾ Тамъ же, 261—263. ⁴⁾ Тамъ же, 276.

Далѣ въ XIV в. литературные памятники оставили:

Muhammed ben Ismail, извѣстный по своему *Комментарію къ Ardschiza* Авиценны.

Здѣсь онъ нерѣдко ссылается на изреченія Магомета, напр. о существованіи сѣмени у женщины и объ опредѣленіи пола преобладаніемъ мужскаго или женскаго сѣмени, или о вступленіи духа (рпеиша) въ тѣло черезъ 40 дней послѣ зачатія. Интересны еще здѣсь *подробная біографія* Авиценны и, воспроизведенный также Осейбіеи, разсказъ о томъ, что Галенъ, узнавъ о чудесахъ Иисуса, отправился въ Палестину¹⁾.

Muhammed ben Abi Thaleb el Ansari Essufi Eddimaschki (ум. въ 1337 г.) оставилъ

Трактатъ о *физиономикѣ*, въ которомъ ссылается на Аристотеля, Филемона, Равеса, Schafey, Ebn Arabi и т. д. и разсматриваетъ физическіе и нравственныя признаки расъ (15 азіатскихъ, въ томъ числѣ китайской). При этомъ обращено вниманіе на общіе признаки: цвѣтъ кожи, волосы, естественныя отправления, процессъ роста, состояніе пульса, температуры и отношенія къ нимъ органовъ; между прочимъ, здѣсь имѣется подробное описаніе женщины, въ восьми типахъ, съ точки зрѣнія ихъ покупателей. Затѣмъ онъ переходитъ собственно къ физиономикѣ, различнымъ признакамъ различныхъ частей тѣла въ связи съ характеромъ, причѣмъ обращено особенное вниманіе на голову, лице и преимущественно на глаза. Послѣ анализа слѣдуетъ *синтетическое* изложеніе совокупностей чертъ, свойственныхъ каждому характеру въ отдѣльности. Сюда относятся описанія умнаго человѣка, философа, вѣроломнаго или измѣнника, религіознаго, храбраго и т. д.²⁾

Damiri (1341—1405), изъ Каира, оставилъ *Жизнь животныхъ* (Halet el Haïwan)—родъ зоологическаго словаря.

Онъ былъ величайшимъ зоологомъ между арабами и хотя его сочиненіе страдаетъ отсутствіемъ метода, такъ какъ въ немъ принятъ алфавитный порядокъ, исключая группировку и общіе взгляды, а также множествомъ басенъ, какъ напр. объ ослѣ Иисуса, о кобылѣ Вогок, унесшей пророка на небо, о феяхъ, духахъ и другихъ фантастическихъ созданіяхъ,—въ этомъ сочиненіи, однако, все таки есть масса интересныхъ фактовъ изъ исторіи животныхъ и у него немало заимствовали Bochart для своего *Hierogolicon* и Reggop для *Nasseri*³⁾. Извлеченія также—въ Hammer'a Morgenländische Handschriften № 153, гдѣ приведено 931 названіе описанныхъ Sojuti животныхъ. На французскомъ языкѣ напечатано: De Sacy, *Extrait de la grande Histoire des Animaux d'Eldemiri* въ *La chasse d'Oppien*, traduit en Français par Belin de Ballu, Strassb. 1787; переводъ Petis de la Croix не напечатанъ. Наконецъ въ парижской Bibl. de l'Arsenal есть еще персидскій переводъ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 272. Muhammed ben Ismail очевидно упустилъ изъ виду, что Галенъ род. въ 131 г. по Р. X.

²⁾ Тамъ же, 274, 275.

³⁾ Тамъ же. 278, 279.

⁴⁾ Ср. Morwitz, II, 100, 101.

Джелдени (Azz eddin Eidemir) въ періодъ упадка медицины былъ самымъ виднымъ представителемъ герметической науки. Нѣкоторыя его сочиненія составлены въ Каирѣ и Дамаскѣ между 1339 и 1342 гг.

Сюда относятся сочиненія о философскомъ камнѣ: *Желаніе искуснаго и Сіяющее солнце*, а также комментаріи къ алхимическимъ сочиненіямъ Ali ben Mussi изъ Андалузіи и Abul Cassetha изъ Ирака (Вѣна, 1495), равно какъ *Введеніе въ тайны алхиміи* (Tasrib fi Asrar el Kimia) и *Факель знаній или ключъ* (Mizbah fi ilm el Miftah), въ предисловіи къ которому Джелдеки увѣряетъ, что Geber составилъ 3000 томовъ, изъ коихъ онъ, Джелдеки, въ *Mizbah* собралъ матеріалъ изъ 5 томовъ. Джелдеки не остался безызвѣстнымъ химикомъ среднихъ вѣковъ¹⁾.

Lessan eddin Ebn el Chatib (1313--1374) въ Гренадѣ, куда его семейство переселилось изъ Сиріи, пользовался довѣріемъ многихъ гренадскихъ властителей, но кончилъ смертной казнью по обвиненію въ измѣнѣ принцемъ Ebn el Ahmar'омъ. Онъ былъ замѣчательный энциклопедистъ и оставилъ около 40 сочиненій по исторіи Гренады и Испаніи, по философіи, изящной литературѣ и медицинѣ. Къ послѣдней относятся:

О чумѣ. Вопросы медицины. О приготовленіи теріака. Трактатъ медицины, именуемый *El Jusafi*. О зернахъ. О ветеринарной медицинѣ и отличныхъ качествахъ лошадей. О произражденіи зародыша. О средствахъ сохранять здоровье въ различныя времена года и двѣ поэмы о медицинѣ и пищѣ. Въ Парижѣ находится приписываемая ему рукопись подъ заглавіемъ: *Трактатъ о медицинѣ для любителей* (Atmel ethhobb limen Ahabb), составленный въ 1359 г. и состоящій изъ двухъ частей. Въ первой рѣчь идетъ объ общей и частной патологіи, гдѣ при каждой болѣзни приведены ея опредѣленіе, дифференціальная діагностика, причины, симптомы и леченіе, какъ лекарственное, такъ и діететическое. Вторая часть содержитъ лихорадки, хирургію, косметику, aphrodisiaca и все, что относится къ половымъ отравленіямъ и къ дѣтскому возрасту. По поводу вина онъ извиняется, что рѣшается о немъ говорить, такъ какъ у мусульманъ могутъ быть слуги изъ евреевъ и христіанъ. Абортивные средства, по его мнѣнію, дозволены въ случаяхъ узкаго строенія дѣтородныхъ частей, могущаго причинить смерть. Весьма богата у него номенклатура глазныхъ болѣзней²⁾.

Ebn Doreihim (ум. въ 1361 г. въ Багдадѣ), подобно Damiri оставилъ *Исторію животныхъ* (собственно „*О выгодахъ, извлекаемыхъ изъ животныхъ*“), гдѣ описываются четвероногія, птицы, рыбы и насѣкомыя.

Сюда же относится *Kitab el Akwal* одного іеменскаго князя, описавшаго здѣсь эпизоотію (сапъ), свирѣпствовавшую въ Іеменѣ въ 1327 г., а также другія болѣзни лошадей и нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ³⁾.

¹⁾ De Sa cy, Notices et Extraits, v. IV. Sp. Leclerc, II, 280—282.

²⁾ Тамъ же, 285—288. Подробности о жизни Lessan'a можно читать въ *Histoire des Berbères* Ebn Chaldun'a, пер de Stane'a, IV, 390 и у Makkarî. Sp. Leclerc, II, 287.

³⁾ Тамъ же, 276, 277.

Къ XIV же вѣку относятся *Всемирная исторія и географія* Абулфедн, потомка брата Саладина и властелина въ Нама въ 1312 г., равно какъ и *Путешествія* Останвера въ Китай и Ebn Batutah (род. въ Тангерѣ въ 1304 г.)—отъ Нигера къ Волгѣ, наконецъ *Prolegomena Ebn el Chaldun'a*, представляющія ничто иное, какъ *сравнительную исторію цивилизаціи*, своего рода философію исторіи, въ которой говорится по-немногу обо всемъ, какъ о цивилизаціи вообще, такъ и о наукахъ и искусствахъ и даже о медицинѣ. Удачнымъ учрежденіемъ этой эпохи слѣдуетъ признать переустройство *Moristan'a*, начатое Кагауномъ (въ концѣ XIII в.) и оконченное его сыномъ¹⁾.

Пятнадцатый вѣкъ произвелъ только одного извѣстнаго астронорма, Oug-Beg'a, и 12 врачей, изъ коихъ болѣе другихъ извѣстенъ бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ полиграфомъ и, какъ таковой, занимавшійся также медициной, а именно:

Sojuti (Abul Fadhl Abderrahman ben Abi Bekr ben Muhammed Dschelal ed-Din es-Sojuti, 1445—1505), родомъ изъ Syuth'a, самый плодовитый изъ послѣднихъ арабскихъ писателей, интересный для мусульманъ какъ богословъ и комментаторъ корана, для насъ же по слѣдующимъ медицинскимъ сочиненіямъ:

1) *Codex animalium* (Divan el Halwan), извлеченіе изъ *Historia animalium Damiri*, съ указаніемъ выгодъ, получаемыхъ отъ животныхъ, и прибавленіемъ, напечатаннымъ полатыни подъ заглавіемъ: *De proprietatibus et virtutibus medicis animalium*, auctore Haddarrahmano asiutensi Egyptio, ed. Abraham. Eschelensis, Paris, 1647; съ примѣчаніями: Jean Eliot, London, 1649 и Leyden, 1699.

2) *Inscriptio Codicis de nominibus animalium*, продолженіе предыдущаго.

3) *Tractatus de febre eiusque speciebus*.

4) *Revelatio nubes de praestantia febris*.

5) *Hortus mundus de puritate a menstruis*.

6) *Via plana et locus adaequationis irreguus, de dictis, factisque Muhammedis ad medicinam specantibus*²⁾.

Кромѣ того ему приписываютъ *Трактатъ о чумѣ*, опустошившей Каиръ въ 909 г. геджри, трактатъ *О кофѣ* и 2 трактата *О наукахъ* (по замѣткѣ Audiffret'a о *Biographie Michaud*, гдѣ приведено около 60 сочиненій Sojuti). Сочиненіе *Объ именахъ животныхъ* (по биографіи Sojuti, составленной Flügel'емъ) по Леклерку—тоже, что *Codex animalium*. Далѣе трактатъ изъ 7 статей о pistacia, орѣхахъ и тому подобнымъ плодахъ; трактатъ *О драгоценныхъ камняхъ* въ 5 книгахъ; трактатъ *Fuaid en Nikah* (О выгодахъ брака), наконецъ *Kitab errahma fitthob-u-el Hikma*—Книга милосердія о медицинѣ и мудрости (переводъ его появился въ „Gazette médicale de l'Algérie“³⁾).

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 257—259. Назначенное первоначально для умалишенныхъ заведеніе *Moristan* (отъ персидскаго *Bimaristan*, госпиталь) существуетъ въ Каирѣ и понынѣ. При немъ была и медицинская школа. Тамъ же, I, 568—570.

²⁾ Ср. Morwitz, II, 101.

³⁾ Ср. Leclerc, II, 298—301. Въ новѣйшее время подобное этому сочиненіе появилось подъ заглавіемъ: *Sidi-Siouti, Livre de miséricorde dans l'art de guérir les malades et de conserver la santé*. Trad. par Pharaon, publ. par. A. Berthérand. Alger, Paris, I. V. Baillière. 1856.

Въ *De proprietatibus et virtutibus*, въ 45 главахъ и 444 параграфахъ, приведены имена животныхъ и во главѣ ихъ *человѣка*, а также изложены ихъ врачевныя свойства, съ большой примѣсью суевѣрныхъ данныхъ.

По поводу гіены (*dahaba*) онъ замѣчаетъ, что это животное весьма чувствительно къ музыкѣ, къ которой охотники прибѣгаютъ для ихъ улова, что, по его мнѣнію, породило басню объ Орфеѣ. Весьма много мѣста отведено *человѣку*, причѣмъ, по словамъ *Lesclerc's*, „чтеніе нѣкоторыхъ относящихся сюда параграфовъ вызываетъ такое же отвращеніе, какое Галенъ чувствовалъ при чтеніи Ксенократа и *Atheuristi*. Достаточно сказать, что рекомендуются даже человѣческія испраженія.

Въ трактатѣ *О драгоценныхъ камняхъ* *Sojuti* высказываетъ мнѣніе, что кораллы не происходятъ отъ растений.

Въ трактатѣ *Kitab Errakma*, мимоходомъ сказать, и понинѣ весьма популярномъ въ Алжирѣ, матеріалъ расположенъ также, какъ и въ *Канонѣ* Авиценны, съ прибавленіемъ въ концѣ нѣсколькихъ главъ о приготовленіи фармацевтическихъ и промышленныхъ продуктовъ и многихъ суевѣрныхъ манипуляціяхъ. Такъ, почти на каждой страницѣ, рядомъ съ естественными терапевтическими средствами, рекомендуются амулеты; такъ, въ гл. 127 сначала излагаются сверхъестественныя, а потомъ уже лекарственныя средства для опорожненія кишекъ. Далѣе рѣчь идетъ объ *aphrodisiaca*, о средствахъ для увеличенія объема однихъ и сжуженія другихъ органовъ¹⁾.

Шестнадцатый вѣкъ представляетъ только одно выдающееся имя:

Daud ben Omar el Antaki (ум. въ 1597 или 1599), родомъ изъ Антіохіи, носитъ также названіе *Eddharir* (слѣпой) или же *Basir* („зрячій“ въ ироническомъ смыслѣ). Онъ жилъ въ Каирѣ и умеръ въ Меккѣ. *Lesclerc* считаетъ его послѣднимъ представителемъ арабской медицины, достойно завершившимъ ея исторію, такъ какъ цѣлыхъ три вѣка она не произвела ни одного врача, который бы могъ съ нимъ сравниться. Онъ оставилъ многія сочиненія, изъ коихъ самое важное:

Tedkirat Awli el albab, *Liber memorialis cordatorum et maxime mirandum complectens*, по *Леклерку*—Памятная книга о разумномъ чловѣкѣ, обнимающая большую часть теоретической и практической медицины (существуетъ въ рукописяхъ почти во всѣхъ восточныхъ коллекціяхъ). Къ ней впоследствии было сдѣлано прибавленіе: *Dil* (хвостъ) *ettedkira* — т. е. продолженіе или дополненіе къ *Tedkirat*; послѣдняя состоитъ изъ введенія, 4 книгъ и эпилога.

Кн. I занимается общими вопросами медицины, кн. II—приготовленіемъ и составленіемъ [медикаментовъ?], кн. III есть ничто иное, какъ словарь простыхъ медикаментовъ, кн. IV трактуетъ въ алфавитномъ порядкѣ о болѣзняхъ и наукахъ, имѣющихъ отношеніе къ медицинѣ. Въ эпилогѣ рѣчь идетъ о медицинскихъ курьезахъ. Въ началѣ кн. II находится историческій очеркъ *Materiae medicae*, гдѣ вкратцѣ разсказана исторія передачи науки греками христіанамъ, а затѣмъ арабамъ, изъ коихъ послѣднимъ названъ *Ebn Essuri*. Самая важная—кн. III, состоящая не болѣе ни менѣе какъ изъ 1712 статей о медикаментахъ, тогда какъ напр. *Канонъ* Авиценны содержитъ таковыхъ только 800.

¹⁾ Ср. *Lesclerc*, l. c.

Вообще послѣ сочиненія Ebn el Beitha g'a, кн. III *Tedkirat* есть самое полное и хорошо составленное резюме того же предмета. Здѣсь въ первый разъ упоминается кофе, „б и н“, какъ говоритъ авторъ, „нынѣ известное подъ именемъ *Kahwa*“.

По поводу ртути здѣсь же заходитъ рѣчь о *франкской болѣзни*.

Въ кн. IV рассматриваются ветеринарная медицина, соколиная охота, математика, астрономія, гороскопія и географія съ медицинской точки зрѣнія; затѣмъ жилища, температура воды, жѣсткости, горы и т. д., послѣ чего представленъ обзоръ 7 климатовъ.

Другое сочиненіе Daud el Antaki—*трактатъ О баняхъ* (Tohfat el Besrua или подарокъ Muhammed'у Bekri, его учителю, которому онъ посвященъ). Этотъ трактатъ состоитъ изъ введенія, содержащаго историческій очеркъ бань, и семи книгъ, въ конхъ подробно рассматривается устройство ихъ съ медицинской и гигиенической точки зрѣнія.

Кромѣ того онъ оставилъ еще *Accurata inquisitio de causis et curationibus morborum et infirmitatum, Desiderium egentis, de medicina* (*Bur'iatih el Muhtadsch*—*Желаніе того, кто нуждается*) и наконецъ комментарий къ *Mudschiz el Canon Ebn en Nefis'a*, вѣроятно, тождественный съ приведеннымъ Wüstenfeld'омъ *Объясненіемъ* части Канона Авиценны въ стихахъ¹⁾.

Къ XVI же вѣку относится

Левъ Африканскій, или иначе El Hassan ben Muhammed el Wazzan el Fassu.

Онъ род. въ концѣ XV вѣка въ Гренадѣ, откуда его родители были вынуждены переселиться въ Фець (отсюда и его названіе el Fassu). 16 лѣтъ отъ роду онъ совершилъ вмѣстѣ со своимъ дядей путешествіе въ Томбукту. Позднѣе онъ отправился на Востокъ, гдѣ проникъ въ татарскія владѣнія. По возвращеніи оттуда въ 1517 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ татарами, отведенъ въ Римъ и переданъ папѣ Льву X, который окрестилъ его подъ именемъ Johannes Leo и предложилъ ему обнародовать исторію его странствованій. Однако по возвращеніи въ Тунисъ, какъ говорятъ, онъ опять сдѣлался мусульманиномъ²⁾.

Левъ Африканскій имѣетъ значеніе не только для *географіи*, въ области которой ему принадлежатъ первыя подробныя данныя о Суданѣ и о побережьяхъ Средиземнаго моря, но также для естественной исторіи и даже медицины, въ особенности своимъ сочиненіемъ:

1) *De Illustrorum medicorum et philosophorum arabum vitis* (числомъ XXV), которое, впрочемъ, потеряло свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ объ этомъ же предметѣ появились болѣе богатые и достовѣрные документы. Самое главное его сочиненіе:

2) *Описаніе Африки*. Полагаютъ, что Левъ Африканскій самъ перевелъ его съ арабскаго на итальянскій языкъ въ 1526 г. и что Florius, ректоръ въ Анверѣ, обнародовалъ латинскій переводъ въ 1556 г. Lesclerc, изъ имѣвшагося у него латинскаго изданія, приводитъ слѣдующее его окончаніе:

¹⁾ Op. Morwitz l. c. 102 и Lesclerc II, 303—306.

²⁾ Тамъ же, 310.

„Haec sunt quae memoranda et cognitione digna, ego Ioannes Leo in inversa Africa tum vidi, tum observavi, quam penitus omni ex parte circumdedi et quidquid in ea memoratu dignum obtigit, ut vidi, ita diligenter continuo in scripta retuli: et quae non vidi, a viris fide dignissimis, qui ea conspexerunt, mihi ad plenum declaranda procuravi; ac deinde occasionem nactus, has meas vigilias in unum volumen redegi. Romae, Anno restitutae salutis M. D. XXVI. V. Idus Mart“. Это же мѣсто приведено въ концѣ изданія 1632 г. (Elzevir'овъ)¹⁾.

У Льва Африканскаго есть множество данныхъ о естественныхъ произведеніяхъ Африки и ея научныхъ учрежденіяхъ, а также о сифилисѣ:

„Si quis apud Barbaros eo morbo inficiatur, qui gallicus vulgo dici solet, raro aut nunquam pristinae redditur sanitati, solet autem hic morbus quodam dolore ac timore primum prorepere, ac tandem in ulcera verti. Paucis ad modum toto Atlante, tota Numidia, totaque Lybia hoc notum est contagium. Quod si quisquam fuerit qui se eo infectum sentiat, mox in Numidiam aut in Nigritarum regionem proficiscitur, cujus tanta est aeris temperies, ut optima e sanitati restitutus inde in patriam redeat: quod quidem multis accidisse ipse meis vidi oculis, qui nullo adhibito neque pharmaco neque medico, praeter saluberrimum jam dictum aerem, revaluerant. Hujus mali ne nomen quidem ipsis Africanis antea ea tempora notum fuit, quam Hispaniarum rex Ferdinandus judaeos omnes ex Hispania profligasset, qui ubi jam in patriam rediissent, coeperunt miseri quidam Aethiopes cum illorum mulieribus habere commercium, ac sic tandem velut per manus pestis haec per totam se sparsit regionem: ita ut sit vix familia, quae ab hoc malo remansit libera. Id autem sibi firmissime atque indubitate persuaserunt, ex Hispania ad illos transmigrasse, quam ob rem et illi morbo ab Hispania malum hispanicum indiderunt. Tuneti vero, quem ad modum et per totam Italiam, morbus Gallicus dicitur. Idem nomen illi in Aegypto atque Syria ascribitur“ (folio 33).

Въ Эскуриалѣ имѣется *арабско-еврейско-испанскій словарь*, носящій имя Льва Африканскаго. Кромѣ того, онъ оставилъ еще нѣсколько сочиненій, которыя онъ цитируетъ въ своемъ *Описаніи Африки*²⁾.

Къ семнадцатому вѣку относится *Биографическій словарь Гаджи Кальфы* (см. выше *Библиографію*).

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ (въ первой половинѣ) обращаетъ на себя вниманіе арабскій врачъ,

Abd Errezzak Eddschezzaïri (т. е. изъ Алжира). Онъ нѣсколько разъ побывалъ въ Меккѣ и оставилъ: 1) *Открытие тайнъ и изложеніе снадобій и растений* (до 1000)—нѣчто въ родѣ естественно-историческаго и медицинскаго трактата, въ алфавитной формѣ, о лекарственныхъ веществахъ,

¹⁾ Тамъ же, 311.

²⁾ Тамъ же и 312. Мы подчеркиваемъ здѣсь его совершенно вѣрное замѣчаніе о томъ, что у сифилитиковъ *редко или никогда* не восстанавливается прежнее здоровье, хотя тутъ же черезъ нѣсколько строкъ прибавляетъ, что собственными глазами видѣлъ, какъ инне вполнѣ выздоравливали отъ одного лишь чистаго воздуха.

гдѣ между прочимъ онъ говорить о новыхъ медикаментахъ, каковы *guajacum*, *sassafras*, *sarsaparilla*, *cortex chinae*, а также о *франкской* болѣзни. По поводу безоара онъ говорить, что въ Египтѣ, во время паломничества въ Мекку, въ 1718 г., онъ нашелъ формулу для искусственнаго его приготовленія. 2) Другое сочиненіе, написанное имъ въ Розеттѣ въ 1748 г.: *Исправленіе темперамента по правиламъ терапіи*, трактатъ о половыхъ отправленияхъ. *Abd Ergezak* можетъ быть разсматриваемъ какъ послѣдній представитель арабской медицины ¹⁾).

Затѣмъ медицинское преданіе арабовъ сохранилось по настоящее время въ Алжирѣ, Египтѣ, Персіи и Индіи, причеиъ нѣкотораго вниманія заслуживаетъ только

Арабская медицина въ Персіи и Индіи.

Паденіе калифата въ Багдадѣ повлекло за собою не только разрушеніе его научныхъ учреждений, но и уменьшеніе преобладанія арабскаго языка, послѣ чего оставленное имъ наслѣдіе перешло отчасти къ Самарканду: Персія, такимъ образомъ, продолжала дѣло арабской медицины на своемъ собственномъ языкѣ, чѣмъ способствовала прониканію послѣдней далеко въ самую глубь Востока, въ Индію, гдѣ и въ настоящее время она въ большемъ почетѣ и существуетъ отчасти въ своей первоначальной формѣ, отчасти въ персидской передѣлкѣ. Англичане немало содѣйствовали обнародованію относящихся сюда памятниковъ.

Изъ принадлежащихъ сюда сочиненій обращаютъ на себя вниманіе:

Ichtiarat Bediai, *Выборка (собраніе) замѣчательныхъ вещей*—трактатъ о медикаментахъ *Zein el Atthar'a* (въ XIV в.), имѣющійся въ европейскихъ бібліотекахъ въ рукописяхъ. (въ Копенгагнѣ, Парижѣ, Лейденѣ и т. д.).

Thobb Dschemali (тоже въ XIV в.) неизвѣстнаго автора—трактатъ о медицинѣ въ трехъ частяхъ: I. Органическія болѣзни отъ головы до ногъ, II. Наружныя болѣзни, III. Лихорадки.

3) Трактатъ анатоміи, съ фигурами, *Mansur ben Muhammed ben Ahmed'a*, посвященный внуку Тамерлана, *Mirza Pir Muhammed'u* († въ 1406 г.). Этотъ трактатъ состоитъ изъ предисловія, 5 главъ и эпилога. Гл. I трактуетъ о костяхъ и снабжена изображеніемъ скелета, гл. 2—о нервахъ, описанныхъ въ порядкѣ черепно-и спинномозговыхъ паръ, причеиъ также имѣется фигура, изображающая всю нервную систему, гл. 3—о мускулахъ, перечисленныхъ по областямъ тѣла и также нарисованныхъ, гл. 4—о венахъ, гл. 5—объ артеріяхъ, тоже съ фигурами. Въ эпилогѣ рѣчь идетъ о сложныхъ органахъ и аппаратахъ, въ порядкѣ связанныхъ съ ними отпривленій. При этомъ здѣсь имѣется 1 рисунокъ всего тѣла, съ обозначеніемъ.

¹⁾ Тамъ же, 308—310.

венъ и артерій, для кровопусканія, и болѣзней, въ которыхъ оно показано. На оборотной сторонѣ этой таблицы представлена 1 фигура съ обозначеніемъ мѣстъ для кровососныхъ банокъ въ каждой болѣзни и одна фигура беременной женщины съ изображеніемъ зрѣлаго плода въ ея маткѣ. Всѣ эти фигуры, помянуто, плохо исполнены. Какъ характерную черту персовъ, не отличающихъ къ человѣческимъ изображеніямъ такого отвращенія, какъ строгіе сунниты, Leclerc приводитъ еще нѣкоторое въ Парижской библиотекѣ (Reserve, № 936) сочиненіе, которое можно назвать: *De modis coeundi*, съ 30 фигурами ¹⁾.

4) *Коллекссенція наблюденій (Chulassat ettedschurib) Beha Eddaulat Eггази* (ум. 1507), родъ медицинской энциклопедіи, въ которой рѣчь идетъ сначала объ общихъ вопросахъ науки, затѣмъ объ анатоміи, гігіенѣ, патологіи, наконецъ объ отравленіяхъ и составленіи медикаментовъ ²⁾.

5) *Персидская рукопись Muhammed'a el Namawi*, въ которой рѣчь идетъ о кофе, чаѣ, bezoarѣ и хинной коркѣ (dschubchini), изъ коихъ послѣдняя къ началу 1494 г. была распространена въ Персіи и впервые примѣнена его учителемъ, Imad Eddin Muhammed Schirazi (въ началѣ XVI в.), противъ сифилиса (atechek ³⁾). Другой ученикъ того же Imad Eddin'a, Modhafer ben Muhammed Hoseini Schafai, оставилъ трактатъ:

6) *Acrabadin Schefai*—оригиналъ персидской фармакопеи, переведенной на латинскій языкъ Joseph'омъ Labrosse'омъ, изъ Тулузы, извѣстнымъ подъ именемъ кармелита Ange de St. Joseph (1636—1697), подъ заглавіемъ *Pharmacopoea persica* (Paris, 1680) ⁴⁾.

7) *Tohfah el Mutenin* (подарокъ мусульманамъ), по имени автора, Thabit Mutenin, трактуетъ о простыхъ и сложныхъ медикаментахъ (напечатано въ Delhi въ 1849). Этотъ трактатъ и повнѣ служить справочной книгой въ Персіи (Schlimmer) ⁵⁾.

8) *Alfadh el adwija*—трактатъ Materiae medicae Nur eddin Muhammed'a Schirazi (Калькутта, 1793), въ переводѣ Гладвина подъ заглавіемъ: *Alfaz ool Udwyjah or materia medica, in the Arabic, Persian and Hindustanee languages, compiled by Nooreddin Moohummud Ubdoolah Hiragee, Phisician to the empereur Shahjuhan* [въ XVII в.]. With an English translation by Francis Gladwin ⁶⁾.

9) *Thobb Darah Scheku*, полный трактатъ медицины, носящій имя сына шаха Dschihan'a, Darah Scheku († 1659), которому онъ былъ посвященъ, и принадлежащій Nur eddin Abdallah Schirazi; онъ состоитъ изъ 3422 страницъ in folio, въ трехъ частяхъ. Въ первой части въ предисловіи цитируются 40 авторовъ, начиная отъ Гипократа и Галена до новѣйшихъ врачей. Затѣмъ слѣдуютъ общіе вопросы медицины; въ средній, почти на 300 страницахъ, изложена самымъ подробнѣйшимъ образомъ анатомія, послѣ того естественные дѣятели, климаты, жилища, далѣе, признаки болѣзней, пульсъ, моча, выдѣленія. Вторая часть (изъ 617 стр.) начинается гимнастикой

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 323—327.

²⁾ Тамъ же, 327.

³⁾ Тамъ же, 329.

⁴⁾ Тамъ же, 330 и 481.

⁵⁾ Тамъ же, 380.

⁶⁾ Тамъ же, 381.

кой и діететикой, причемъ при изложеніи животныхъ на поляхъ представлены многочисленныя фигуры, затѣмъ слѣдуютъ приготовленіе разнаго рода пищи, наконецъ простыя и сложныя медикаменты. Третья часть (1600 стр.) трактуетъ о ваннахъ, кровопусканіи и кровососныхъ банкахъ съ обозначеніемъ мѣстъ для нихъ, какъ и для прижиганій, на большихъ фигурахъ, изображающихъ направленіе сосудовъ. Далѣе слѣдуютъ патологія болѣзней, начиная съ головы до ногъ, и многочисленные рецепты для каждой изъ нихъ. Катаракта лечится только внутренними средствами, и вообще хирургіи весьма мало отведено здѣсь мѣста. Встрѣчаются однако и собственныя наблюденія автора. Послѣ болѣзней органовъ и областей тѣла слѣдуютъ болѣзни составовъ, лихорадки, оспа, phlegmone, карбункулъ, ракъ, болѣзни кожи, сифилисъ (*nar franki, abla-frank, alechek*), которому посвящено 20 страницъ и противъ котораго, между прочимъ, рекомендуются хинная корка и мышьякъ, при этомъ *Imad eddin* опять названъ первымъ врачомъ, указавшимъ на эту неизвѣстную древнимъ болѣзнь. Далѣе рѣчь идетъ о вывихахъ, переломахъ, затѣмъ о ядахъ и весьма подробно объ оспѣ, затѣмъ слѣдуетъ нѣчто въ родѣ монографіи о *дытскихъ больницахъ и о произражденіи*, наконецъ—правила для приготовленія простыхъ медикаментовъ, дистилляціи и другихъ фармацевтическихъ операцій¹⁾.

10) *Dscheta eddschwami*—родъ медицинской энциклопедіи, весьма цѣннѣйшей и принадлежащей *Alawi-Chan'u* (*Mirsa Muhammed Hakim, 1670—1749*), поступившему на службу къ шаху *Aurengzeb'u*, которую онъ продолжалъ и при *Nadir Schach'u*.

11) *Медицинскій словарь*—*Muhammed'a ben Jusef el Harawi*, родомъ изъ Герата. Этотъ словарь составленъ по *Канону, Continens, Mudschiz, Dschami* (Эбнъ-Бейтара) и т. д.; содержитъ также біографіи врачей и ученыхъ и оканчивается на словѣ *Chafakan* (*palpitatio*).

12) *Compendium medicinae*—*Abu Said el Hosein'a el Jahudi*.

13) *Kefajat Ettლობ* (*quod sufficit in medicina*)—компендіи медицины въ формѣ синонтическихъ таблицъ неизвѣстнаго автора²⁾.

14) *Иллюстрированныя чудеса природы*, написанныя для бібліотеки султана *Ahmed Chan'a* въ Багдадѣ (1388).

Это сочиненіе переполнено иллюстраціями, встрѣчающимися почти на каждой страницѣ. Оно раздѣлено на 10 классовъ и обнимаетъ чудеса небесъ (ангелы, солнце, созвѣдія—Зодіакъ и Стрѣлецъ), далѣе описанія земли, человѣка, растительнаго и животнаго міра, между прочимъ изображенія морей, въ томъ числѣ „константинопольскаго“, крѣпостей или замковъ, напр. „парижскаго въ Европѣ“, далѣе—сцена Давида съ пращей и опрокинутаго Голиафа, карты Сиріи, Палестины, фигуры Соломона (на эстрадѣ, поддерживаемой двумя львами) и саввской царицы *Valkis*, не сомой къ нему духомъ („геніемъ“). Въ отдѣлѣ о *растеніяхъ* есть изображеніе жатвы мака и деревьевъ съ плодами, нарисованными въ видѣ человеческихъ и животныхъ головъ. Далѣе слѣдуетъ изображеніе разныхъ сценъ изъ жизни людей и животныхъ (четвероногихъ, рыбъ, приключеніе Іоны). Между человеческими фигурами въ особенности преобладаютъ персидскіе и монгольскіе типы, интересныя для этнографовъ. Въ концѣ представлена въ картинахъ исторія животныхъ *Damiri*.

15) *Чудеса природы Казвині* (см. выше), также иллюстрированныя³⁾.

¹⁾ Тамъ же, 332—334.

²⁾ Тамъ же, 334—336.

³⁾ Тамъ же, 337—339.

Въ послѣднее время въ области арабской медицины имѣло мѣсто нѣчто въ родѣ Возрожденія, какъ въ Египтѣ, путемъ переводовъ, такъ и въ Персіи и Индіи. Вообще Персія немало способствовала возрожденію медицины въ Индіи, куда монгольская династія занесла персидскій языкъ. Съ конца прошлаго вѣка до нашихъ временъ, въ Индіи напечатано значительное число персидскихъ и арабскихъ сочиненій (въ Калькуттѣ). Въ 1871 г. Garcin de Tassy обнаружилъ *Канонъ* Авиценны въ переводѣ на индустанскій языкъ, анонимный *трактатъ патологій* и *Кладъ Chuagizm Schach'a*, который есть ничто иное, какъ *Dachira* Джорджани, персидскаго врача XII в., посвященная принцу Chuagizm'u¹⁾.

Что касается собственно Персіи, то хотя она не можетъ похвалиться переводами съ европейскихъ языковъ²⁾, но имѣетъ уже изрядное количество оригинальныхъ сочиненій на персидскомъ языкѣ, составленныхъ европейскими, служащими въ Персіи, врачами, каковы Polak (трактаты по *анатоміи, хирургіи, окулистикѣ* и руководство къ военной медицинѣ), Tholozan (трактаты о *хининѣ* и о *выслушиваніи*) и Schlimmer (трактаты по химіи и болѣзнямъ кожи и трактатъ о персидско-французской терминологіи, изъ коихъ въ послѣднемъ сочиненіи имѣются любопытныя данныя о естественной исторіи, гигиѣнѣ, патологіи и медицинѣ въ Персіи)³⁾.

Въ настоящее время медицина на Востоке вездѣ находится на той точкѣ, на которой арабская медицина остановилась въ средніе вѣка. Главными ея источниками служатъ Авиценна и нѣкоторые новѣйшіе арабскіе врачи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, гдѣ поселились европейскіе врачи, она въ странахъ ислама сосредоточивается исключительно въ рукахъ такъ называемыхъ *тубибовъ*, до того невѣжественныхъ, что даже знаменитѣйшіе арабскіе врачи имъ вовсе неизвѣстны или едва извѣстны по имени. Лучше обставлена у нихъ *ветеринарная медицина*, въ особенности гиппіатрика. *Хирургія* находится въ рукахъ невѣжественныхъ цирюльниковъ и въ ней по настоящее время самую важную роль играетъ раскаленное желѣзо, въ видѣ тонкаго стальнаго лезвья. *Камнелѣченіе, операція катаракты* и т. п. производятся также эмпириками⁴⁾.

¹⁾ Ср. Leclerc, II, 260.

²⁾ Только *Joseph Labrosse* (Ange de St. Joseph, 1636—1697), изъ Тулузы, кармелитъ, перевелъ на персидскій языкъ *Афоризмы* Гиппократова, а на латинскій *Персидскую фармакопеею* (*Acrabadin Schefai*), гдѣ противъ сифилиса, который онъ называетъ *персидской* или *турецкой* болѣзнію, рекомендуются ртуть и гуаіасум, а о cortex chinae говорится: „virilem potentiam fovet“. Кромѣ того онъ обнаружилъ итальяно-латинско-французско-персидскій словарь, подъ названіемъ *Gazophylacium*, Amsterdam, 1684. Ср. Leclerc, II, 481—484. ³⁾ Тамъ же, 339, 340.

⁴⁾ Наме Магомед Мирза (врачъ въ Калькуттѣ), *Объ арабской медицинѣ въ Индіи*. Gaz. hebdom. 1861. № 18. Ср. Навер, I, 608.

Заключение. Изъ представленнаго очерка видно, что арабская медицина, какъ и вся мусульманская цивилизація, возникла изъ античнаго образованія, приче́мъ учителями магометанъ были несторіане и евреи, „безъ посредства воихъ“, по выраженію одного изъ выдающихся русскихъ ученыхъ, „быть можетъ не могло бы образоваться мусульманское и вмѣстѣ европейское просвѣщеніе“. Разсматриваемое историческое явленіе очерчено упомянутымъ ученымъ такъ мѣтко, что считаемъ нелишнимъ воспроизвести здѣсь *in extenso* относящееся сюда мѣсто, которое къ тому же можетъ служить подтвержденіемъ и какъ бы резюме сказаннаго нами до сихъ поръ объ этомъ предметѣ.

„Несторіане, говоритъ онъ, какъ извѣстно, внушили Магомету основы его ученія: единобожіе, презрѣніе къ идолопоклонству. Вліяніе же евреевъ на магометанскую, а также и европейскую культуру было самое существенное. Неудивительно поэтому, что магометане приняли подъ свое покровительство несторіанъ и евреевъ, съ которыми они имѣли много общаго, въ томъ числѣ общую симпатію къ практическимъ наукамъ, какъ напр. къ медицинѣ“.

„Эта симпатія къ медицинѣ, такъ сильно преслѣдовавшейся со временъ Константина и на Западѣ, и на Востокѣ, была, быть можетъ, одна изъ причинъ ненависти правительства къ несторіанамъ и евреямъ, изъ коихъ первые основали халдейскую школу въ Эдессѣ, въ которой несторіане изучали практическія науки. Сверхъ того несторіане и евреи устраивали и *медицинскія* школы, гдѣ впервые была принята система академическаго обученія, вошедшая впоследствии во всеобщее употребленіе“¹⁾.

„Весьма важное вліяніе на мусульманскую культуру имѣло повелѣніе Гарунъ-аръ-Рашида, чтобы при каждой мечети была открыта школа, въ особенности же то обстоятельство, что всѣ школы онъ отдалъ подъ надзоръ несторіанъ. Подъ ихъ руководствомъ переводились греческія и латинскія книги на арабскій языкъ и устраивались въ азіатскихъ городахъ бібліотеки“.

„Съ своей стороны средневѣковне евреи содѣйствовали успѣху медицинн и по преимуществу—точныхъ знаній. Извѣстно, что въ древне-еврейскомъ мірѣ левиты были всегда противъ врачей; но, освободившись отъ ихъ узкаго вліянія, интеллигентные евреи являютя сторонниками точныхъ знаній. Въ Александріи возрождается центр ихъ умственной дѣятельности. Евреи были также въ милости у арабскихъ халифовъ: многіе изъ нихъ выдвигались, какъ государственные люди. Въ Багдадѣ подъ еврейскимъ вліяніемъ и покровительствомъ халифовъ основанъ былъ университетъ“.

„Но и помимо еврейскаго и несторіанскаго вліянія у самихъ арабовъ было много задатковъ къ развитію у нихъ культуры, на что указываютъ существовавшія у нихъ поговорки, какъ напр.—„чернила ученаго столь же достойны уваженія, какъ и кровь мученика“.—„Рай столько же существуетъ для того, кто хорошо дѣйствуетъ перомъ, какъ для того, кто палъ отъ меча“.—„Міръ держится четырьмя вещами: знаніемъ мудраго, оружіемъ сильнаго, молитвою добраго и мученичествомъ храбраго“.

¹⁾ Осокинъ, *Исторія среднихъ вѣковъ*, Казань, 1888, I, 490, 491.

„Не только каждый калифъ, но и всякій эмиръ (тоже, что европейскій герцогъ) строилъ училище или даже академію, чтобы приобрести независимость“¹⁾.

При такихъ благоприятныхъ условіяхъ, понятно, наука у арабовъ могла спокойно развиваться и достигнуть того уровня, какой только былъ возможенъ при такомъ ничтожномъ количествѣ фактовъ. Правда, первоначально наука арабовъ исходила не изъ одного точнаго изслѣдованія, такъ какъ арабскіе ученые руководствовались указапіями алхиміи, но „алхимія всегда была строго научной концепціей, задаваясь рационалистическимъ объясненіемъ превращенія матеріи, и за алхимиками должно признать великія заслуги, а за ихъ работами и идеями—строго научный характеръ“²⁾.

„Изъ алхиміи (науки вѣса, науки горѣнія) впоследствии вышла химія, какъ изъ астрологіи астрономія. Работая надъ алхиміей, арабы добились экспериментальныхъ способовъ. Исходя изъ предположенія, что земля творитъ золото и серебро изъ болѣе низкихъ веществъ, и замѣчая, что огонь очищаетъ предметы, пришли къ заключенію, что можно искусственнымъ путемъ изъ низшихъ предметовъ произвести высшіе. Отсюда — мысль добыть золото изъ низшихъ веществъ и *ученіе о философскомъ камнѣ*, перешедшее изъ античнаго міра, чрезъ несторианъ и евреевъ, къ христіанамъ. Въ арабской медицинѣ философскому камню соотвѣтствовалъ жизненный эликсиръ, который предполагалось составить изъ золота, обращеннаго въ жидкость посредствомъ раствора въ водѣ. Добывая жизненный эликсиръ, арабы наткнулись на азотную или сѣрную кислоту, фосфоръ и различные другія вещества“³⁾.

„Тогда же появляются арабскіе ученые, изъ которыхъ достаточно указать на Авиценну, который, изучивъ Аристотеля и пользуясь имъ, составилъ трактаты о логикѣ и метафизикѣ; онъ же приобрѣлъ громкую извѣстность, какъ медикъ, какъ математикъ, какъ государственный человѣкъ. Его труды по части медицины пользовались огромной популярностью даже въ концѣ XV вѣка. Кроме того онъ извѣстенъ и по части другихъ знаній: физики, астрономіи и арабскаго языка; словомъ, это замѣчательнѣйшій энциклопедистъ всѣхъ временъ и народовъ. Первый ученый хирургъ между арабами, устроившій нѣкоторые хирургическіе инструменты, кордовскій врачъ Абулказисъ былъ послѣдователемъ принциповъ Авиценны. Всесторонній гелій Аверроэса (по арабски Ибнъ-Рошдъ) развился, благодаря школъ Авиценны. Ибнъ-Рошдъ работалъ въ половинѣ XII в. Сознавая недостатокъ метода въ научныхъ изслѣдованіяхъ своихъ единовѣрцевъ, онъ перевелъ на арабскій языкъ кодексъ греческой мудрости, т. е. всѣ сочиненія Аристотеля. Это былъ фактъ великой важности въ исторіи мусульманской образованности непосредственно, а косвенно и въ исторіи образованности христіанской, потому что дальнѣйшіе успѣхи точнаго знанія, особенно медицины и математики, въ Европѣ направлялись нѣкоторое время изслѣдованіями арабскихъ ученыхъ. Аверроэсъ, жившій духовно въ античномъ мірѣ и усвоившій философскія воззрѣнія древнихъ, написалъ комментаріи на творенія Аристотеля, а также на Авиценну. Для средневѣковой образованности въ высшей степени важно также то обстоятельство, что въ христіанскихъ школахъ Испаніи, а потомъ долгое время на всемъ Западѣ, за незнаніемъ греческаго, упорно презираемаго языка, изучали Аристотеля по латинскимъ отрывкамъ, переведеннымъ съ араб-

¹⁾ Тамъ же, 492.

²⁾ Канонниковъ, *Алхимія и современная наука*, Рѣчь на актѣ казанскаго университета 5 ноября 1886 г., pp. 10, 11; у Осокина, I. с. 493.

³⁾ Тамъ же, 494. Жизненнаго эликсира въ доступной намъ литературѣ объ арабахъ намъ нигдѣ не удалось встрѣтить.

скаго текста Аверроэса¹⁾. Благодаря главнымъ образомъ алхиміи и ея дѣятелямъ арабская наука быстро растетъ. Принимая матеріальное направленіе, она отрѣшается отъ всего спиритуальнаго. Въ этотъ именно моментъ перемѣны въ направленіи арабской науки, арабы сталкиваются съ христіанами и начинаютъ передавать имъ свою культуру. Обѣ стороны стояли на разныхъ точкахъ: христіане оставили античную традицію, арабы слѣдовали, но представляли эту античную традицію въ такомъ видѣ, что христіане никакъ не могли ее одобрить. Вліяніе арабовъ на тогдашнюю спиритуальную Европу, взиравшую на нихъ, какъ на учениковъ дьявола, съ которыми ничего не должно быть общаго, начинается проявляться въ медицинѣ именно въ самое время, когда Европой овладѣлъ религіозный экстазъ²⁾.

Если въ приведенной выдержкѣ кое что, быть можетъ, и преувеличено, напр. относительно сооруженія „университетовъ“ уже на зарѣ арабской цивилизаціи, но въ общемъ черты характера этой послѣдней и послѣдовательный ходъ ея развитія переданы вѣрно и согласно съ историческими фактами. Этотъ очеркъ вполне согласуется съ высказаннымъ выше взглядомъ, что арабы и евреи не только сохранили въ цѣлости и въ извѣстной степени умножили унаслѣдованное ими отъ древности умственное достояніе, являясь здѣсь на аренѣ исторіи въ роли носителей преемственной, непрерываемой связи между древней и новой цивилизаціей, но много поработали также и въ области точныхъ знаній, вкусъ къ которымъ отъ нихъ впервые привился и получилъ широкое распространеніе въ западной Европѣ.

Что касается собственно *медицины* арабовъ, то и относительно ея необходимо признать, что хотя она цѣликомъ была построена на перешедшей къ нимъ медицинѣ греческой, но во многихъ отношеніяхъ они придали ей своеобразный колоритъ. Другой строй жизни, другая конституція, другой климатъ и новыя болѣзни, въ особенности кожныя, а также роскошь и восточная суевѣрія, естественно, должны были вызвать нѣкоторыя видоизмѣненія и новыя воззрѣнія. И если въ области *анатоміи* и *физиологіи* арабы не ушли дальше грековъ и перипатетической школы, за то *діететика* и *гигіена* получили у нихъ тѣмъ болѣе широкое развитіе, что извѣстный уходъ за тѣломъ предписывался религіей, а забота о красотѣ кожи и волосъ съ помощью натираній бальзамами и ароматами востока была возведена Магометомъ въ законъ, что въ свою очередь подало поводъ къ изобрѣтенію *косметики*.

Практическая медицина арабовъ была вообще гуморально-патологической, но въ *терапіи* у нихъ преобладали болѣе легкіе, чѣмъ энергичскіе способы леченія, причемъ даже лучшіе врачи нерѣдко прибѣгали къ астрологіи, уроскопіи и другимъ суевѣрнымъ средствамъ.

1) Ниже увидимъ, что весьма часто эти переводы дѣлались съ таковыхъ же еврейскихъ.

2) Тамъ же, 495, 496.

Хирургія, какъ мы видѣли, была болѣе или менѣе удовлетвори-тельно разработана Абулказисомъ; что же касается *акушерства* и *женскихъ болѣзней*, то ихъ разработкѣ мѣшали религіозныя ограниченія и предрасудки. Особеннаго развитія достигла у нихъ

Фармакологія, которую арабы несомнѣнно обогатили многими новыми средствами, каковы: та м а р и н д ы, слабительная (сладкая) к а с с і я, миробаланы, манна, александрийскій листь, а также ревень, считавшійся у нихъ тоническимъ средствомъ. Арабами введены въ медицину сахаръ вмѣсто меда, ровно какъ и мускусъ, корица, мушкатный орѣхъ, гвоздика, далѣе ртуть, серебро, золото, драгоценныя камни, кораллы, перлы и безоаръ, наконецъ sarsaparilla, sassafras, guajacum, cortex chinae.

Фармація какъ бы вновь создана арабами, причемъ особенныя услуги оказывала излюбленная ими химія. Еще въ VIII в. Geber съ помощью дистиляціи и возгонки изобрѣлъ новыя фармацевтическія средства. Алкоголь, нафта, јuler, сиропы, looch и другія сахаристыя средства—арабскаго происхожденія. Наконецъ, арабамъ, повидимому, принадлежитъ введеніе аптекъ и фармакопей для приготовленія простыхъ и сложныхъ медикаментовъ, каковыя аптеки были подчинены правительственному контролю.

На основаніи сказаннаго заслуги арабовъ въ области совокупной медицины, въ концѣ концовъ, могутъ быть сведены къ слѣдующему:

- 1) Арабы ввели въ носологію нѣкоторыя новыя немаловажныя болѣзни;
- 2) они основательно изучили греческую медицину и сдѣлали ее доступной Западу, хотя въ измѣненномъ видѣ;
- 3) они ввели въ медицину множество новыхъ дѣйствительныхъ средствъ изъ области растений и химіи, которую они же изобрѣли, и завели аптеки, весьма много способствовавшія распространенію практической медицины;
- 4) они содѣйствовали реформѣ практической медицины именно тѣмъ, что получали лекарственныя вещества химическимъ путемъ и такимъ образомъ положили основаніе болѣе дѣйствительнымъ и упрощеннымъ формамъ лекарствъ;
- 5) они первые ввели клиническій методъ преподаванія, хотя сами воспользовались имъ крайне мало; наконецъ,
- 6) они завели свѣтскую медицину въ такое время, когда на всемъ почти Западѣ господствовала медицина теургическая и мистическая, бывшая въ рукахъ монаховъ и прочаго западнаго духовенства.

Прибавленія къ арабской медицинѣ.

А. Къ медицинскимъ учрежденіямъ арабовъ. Къ нимъ относятся: больницы, школы, бібліотеки, медицинская полиція, институтъ врачебныхъ инспекторовъ и другія медицинскія должности.

Больницы. О персидско-несторіанскомъ госпиталѣ въ Джондисапорѣ, этой колыбели арабской медицины, и завѣдывавшихъ имъ врачахъ (Dschorhschis ben Dschabril, Mesuë, Saheli и т. д.) было уже говорено выше¹⁾. Собственно у арабовъ первая со времени возникновенія ислама больница была основана въ Каирѣ шестымъ омайядскимъ калифомъ, el Welid ben Abd-el-Melik'омъ (705—715 по Р. Х.), онъ же учредилъ тамъ особый госпиталь для чужеземныхъ (въ 88 г. геджры или 707 по Р. Х.), назначилъ туда врачей и принялъ на свое попеченіе слѣпыхъ и одержимыхъ проказой, которымъ отвелъ закрытыя помѣщенія, запретивъ показываться на улицахъ²⁾. Вообще больницы содержались на средства особъ изъ царствующаго дома или визирей.

Въ Багдадѣ одна больница была основана на собственныя средства матерью калифа эль Мутаваккиля, по имени Sadschab (въ IX в.); другая, въ 306 г. геджры (918 г.)—Sinan'омъ ben Thabet ben Corra подъ названіемъ *Esseida*, на средства одной аббасидской принцессы, издерживавшей на ея содержаніе 600 динаровъ въ мѣсяць. Въ томъ же году, по предложенію того же Sinan'a, калифъ Moktader открылъ госпиталь съ содержаніемъ въ 200 динаровъ въ мѣсяць. Главное управленіе госпиталей было возложено на визиря Ali ben Isa, въ 914 году также основавшаго на свои средства госпиталь въ Багдадѣ и поручившаго завѣдываніе имъ Abu Said Otsman'u изъ Дамаска, возложивъ на него въ то же время наблюденіе за другими багдадскими больницами, равно какъ и за госпиталями Медины и Мекки. Позднѣе этими же больницами завѣдывалъ упомянутый Sinan, сынъ знаменитаго Thabet'a ben Corra³⁾. Особеннаго вниманія заслуживаетъ учрежденный въ Багдадѣ въ 977 г. (по Haeser'u — въ 981 г.)

Госпиталь el Adhedi, по имени основателя его эмира *Adhad ed-Daula*⁴⁾. Здѣсь, какъ уже сказано выше, были спеціальныя отдѣленія для лихорадочныхъ, раненыхъ, глазныхъ больныхъ и т. д. и имѣлись даже особые костоправы; врачей же съ самаго начала приглашено 24, изъ коихъ болѣе другихъ выдавались:

въ X в.—Nedhif, греческій священникъ, Dschabril ben Obeid Allah, изъ семейства Бахтишуа, Abul Nassan Thabet ben Sinan, Abu Mansur Said ben Bascher, введшіи здѣсь примѣненіе охлаждающихъ средствъ, вмѣсто тоническихъ, при нервныхъ болѣзняхъ; въ XI в.—Said ben Hibat Allah, лейбъ-медикъ при калифахъ Моктади и Мостандерѣ, авторъ сочиненія *Morni*, и Abu Nasr Hagun ben Sad, сабиецъ; въ XII в.—Amin ed-Daula ebn Ettalimid. Послѣдній представитель этого госпиталя, Ahmed ben Ahmed, не врачъ, а только эконокъ, умеръ въ 1215 г.

Въ багдадскихъ госпиталяхъ имѣлись записи наблюдений, какъ видно изъ *Собранія госпитальныхъ наблюдений*, часто цитируемаго въ *Continens* Разеса⁵⁾.

¹⁾ См. выше стр. 193.

²⁾ Ср. Janus Henschel'я (ст. Macrisi's *Beschreibung der Hospitäler in el-Cahira*, arabischer Text, übersetzt von Wüstenfeld), Breslau, 1846, I, 29.

³⁾ Ср. Leclerc, I, 559.

⁴⁾ Въ XII в. Ebl el Magestanyа составилъ исторію этого госпиталя.

⁵⁾ Ср. Leclerc, I, 561, 562.

Далѣ больницы имѣлись: въ Иракѣ—въ Меиафарикинѣ; въ Персіи—въ Меру, Реу, Испагани, Schiraz'ѣ; въ Туркестанѣ—въ Мервѣ; въ Сиріи—въ Іерусалимѣ, Антиохіи и

въ Дамаскѣ. Здѣсь Нурэддинъ основалъ одинъ большой, *Ennuri*, и нѣсколько меньшихъ госпиталей. Въ большомъ госпиталѣ съ почетомъ занимали мѣста выдающіеся врачи, какъ

Абуль Меджидъ бен Накамъ, по окончаніи визитаціи читавшій на дворѣ трехъ часовня лекціи, далѣ лейбъ-медикъ Нурэддина Muhaddeb eddin Еппаккасх († 1178), который также былъ окруженъ множествомъ учениковъ, Еbn Mathran, лейбъ-медикъ Саладина ¹⁾, Omran el Israili, Sedid eddin ben Refika, оперировавшій катаракту изогнутой иглой, далѣ—Muhaddeb eddin ebn Dachwar (ум. въ 1280), отдавшій свой домъ подъ медицинскую школу съ тѣмъ, чтобы туда былъ назначенъ профессоромъ Scherf-eddin. Къ послѣднимъ врачамъ этого госпиталя принадлежатъ Осейбія и дядя его Рашидъ-эддинъ бенъ Халифа, завѣдывавшій глазнымъ отдѣленіемъ, наконецъ Абулфараджъ, авторъ *Династій*.

Вообще дамасскій госпиталь *Ennuri*, этотъ „Bimarestan, не имѣвшій себѣ подобныхъ“, пользовался большою славой по отличному содержанію въ немъ больныхъ и какъ разсадникъ врачей, затмившій собой Каиръ и Багдадъ ²⁾. Наконецъ въ Дамаскѣ былъ еще одинъ госпиталь, основанный въ 1261 г., гдѣ завѣдывающимъ врачомъ состоялъ Gamal Addin ben Aglothi ³⁾.

Въ Египтѣ, какъ сказано, въ первый разъ упоминается о госпиталѣ, построенномъ въ 707 г. el Welid'омъ въ Каирѣ (см. выше). Были въ Каирѣ еще и другія больницы, какъ напр. госпиталь, основанный эмиромъ Ahmed ben Tulun'омъ въ 854 г., издержавшимъ на его постройку и управленіе 6200 динаровъ и обезпечившимъ его существованіе доходами съ горы т. н. „Фараоновой печи“.

Каждую пятницу онъ самъ прѣвѣжалъ ревизовать врачей, смотрѣть кладовныя и больныхъ и пересталъ ѣздить туда только тогда, когда одинъ умалишенный бросилъ въ него яблокомъ, имъ же подареннымъ послѣднему по его просьбѣ.

Далѣ имѣлись еще госпитали *эль Магафер*, построенный эмиромъ el Muttewekil'емъ „alallahi“, и госпиталь *Kafur'a el Misri*, основанный *Kafur'*омъ въ Мисрѣ въ 957 по Р. Х. ⁴⁾. Въ Х же вѣкѣ Muhammed'у ben Abdun'у, изъ Андалузіи, было поручено завѣдываніе госпиталемъ въ Фостатѣ. Болѣе значительную роль въ исторіи арабской медицины игралъ

Госпиталь Nasseri въ Каирѣ, основанный вѣроятно Саладиномъ въ честь калифа Ennasser'a или названный такъ потому, что и самъ Саладинъ носилъ имя Malek Ennasser. Въ началѣ XIII вѣка въ этомъ госпиталѣ служилъ еврей Abulfahdhl Daud ben Abil Beu'аn, котораго Осейбія, бывшій врачомъ въ томъ же госпиталѣ, высоко цѣнилъ какъ вѣрнаго діагноста и отличнаго практика и который, какъ мы видѣли, оставилъ *Рецептуру*, бывшую въ ходу въ Египтѣ, Сиріи и Иракѣ. Въ этомъ же госпиталѣ Ne fis eddin ben Zobeir, глава египетскихъ врачей, завѣдывалъ глазнымъ отдѣленіемъ, въ которомъ преемникомъ ему былъ дядя Осейбіи. Въ другомъ каирскомъ госпиталѣ служили врачами сынъ Маймонида, Ibrahim ben Reis Moussa, еще въ другомъ—Абуль Геджаджъ Юсефъ (также еврей) въ качествѣ окулиста, считавшій въ числѣ своихъ слушателей отца Осейбіи и впоследствии назначенный инспекторомъ окулистовъ. Это обиліе окулистовъ доказываетъ, что офтальміи всегда господствовали въ Египтѣ эндемически ⁵⁾.

¹⁾ О немъ разсказываютъ, что, замѣтивъ при парацентезѣ у одного больного, слѣдланномъ Ben Hamdan'омъ Eddschezaïri, упадокъ силъ и маленькій пульсъ, тотчасъ остановилъ истеченіе жидкости, наложилъ бандажъ и приказавъ не снимать его раньше какъ черезъ два дня, что однако исполнено не было, и больной отъ обильнаго истеченія жидкости умеръ.

²⁾ De Sacy, *Abdelatif*, Relation de l'Égypte, p. 441 Cp. Leclerc, I, 563—568.

³⁾ Cp. Haeser, I, 564.

⁴⁾ Macrisi, l. c

⁵⁾ Cp. Leclerc, I, 569

Самымъ значительнымъ изъ описываемыхъ учреждений былъ безспорно великолѣпный и громадный

Госпиталь Мансура, основанный въ 1283 г. султаномъ el-Melik el Mansur Gilavûnomъ

въ такъ наз. „домѣ Cotbî“, расположенномъ между обими дворцами Каира (принадлежавшемъ когда-то Sitt el-Mulk, дочери пятого фатимидскаго калифа, Aziz ben Moïzz Lidin Allah) и взаимнѣ котораго дочь потомка Cotb'a, Melik el Adil'я, получила смарагдовый замокъ. Домъ этотъ состоялъ изъ 4 большихъ залъ, въ каждой изъ коихъ былъ фонтанъ; эти залы были назначены для лихорадящихъ и тому подобныхъ больныхъ; далѣе были особые дворы для глазныхъ, раненыхъ, одержимыхъ поносами, и особый для женщинъ, затѣмъ помѣщенія для выздоравливающихъ съ отдѣлениями для мужчинъ и женщинъ, наконецъ помѣщенія для кухни, аптеки и аудиторіа, въ которой главный врачъ читалъ лекціи. Число больныхъ, какъ и время ихъ пребыванія, не было ограничено, и даже пользовавшіеся на дому снабжались изъ больницы всѣмъ необходимымъ (ничто въ родѣ поликлиники). Словомъ, этотъ госпиталь былъ устроенъ вполне наподобіе современныхъ больницъ. Содержаніе этого грандіознаго заведенія было обезпечено бенефиціями съ недвижимыхъ имуществъ, приносившихъ 1 миллионъ dirhem'овъ въ годъ дохода¹⁾.

Что касается такъ наз. *Moristan'a*, о которомъ рѣчь была выше, то Деклеркъ, ссылаясь на Macrisi (котораго онъ впрочемъ подъ рукою не имѣлъ, а пользовался только большимъ трудомъ египетской комиссіи объ этомъ предметѣ), говоритъ, что онъ былъ основанъ въ концѣ X в. дочерью Moëz Lidin Allah. Но въ статьѣ Макризи (l. c.), въ самомъ началѣ, читаемъ только о томъ, что слово: „el Maristan“ означаетъ госпиталь, особаго же учрежденія подъ этимъ именемъ у него не приведено. Затѣмъ о *енучкѣ* (а не о дочери) Moëz Lidin Allah говорится только какъ о прежней владѣлицѣ дома, купленнаго впоследствии у дочери одного изъ потомковъ Cotb'a султаномъ el-Mansur Gilavûnomъ для устройства въ немъ мансуровскаго госпиталя, что имѣло мѣсто не въ X в., какъ утверждаетъ Деклеркъ, а въ концѣ XIII в., а именно въ 1283 г. Согласно этому, все сказанное Деклеркомъ объ имѣвшихся въ *Moristan'ѣ* особыхъ отдѣленіяхъ, врачехъ-специалистахъ, значительныхъ доходахъ, комфортабельномъ содержаніи, отдѣльныхъ залахъ съ музикою и рассказывателями сказокъ для одержимыхъ бессонницей и другихъ развлеченіяхъ для выздоравливающихъ, наконецъ о выдачѣ выздорѣвшимъ по 5 золотыхъ, на которые они могли прожить первое время, не бравшись сейчасъ же за тяжелый трудъ,—все это должно быть отнесено къ большому мансуровскому госпиталю. Точно также утвержденіе Деклерка о реставраціи этой больницы султаномъ Калауномъ въ концѣ XIII в. и присоединеніи къ ней медицинскій школы должно быть отнесено къ Мансуру, основавшему этотъ госпиталь въ 1283 г., а къ послѣднему — рассказъ Деклерка о томъ, что въ XV в. французы, на своемъ походѣ въ Египетъ, застали еще въ „*Мористанѣ*“ 50 больныхъ, не считая умалишенныхъ.

Кромѣ большихъ госпиталей въ Египтѣ были еще и меньшія заведенія подъ названіемъ *Tekie*²⁾.

Наконецъ госпитали имѣли еще Мекка, Медина, Марокко и вѣроятно также и Испанія, хотя о послѣдней имѣются въ этомъ отношеніи только отрывочныя свѣдѣнія³⁾.

II. Школы. Мы уже неоднократно имѣли случай указать, что школьное дѣло у арабовъ достигло весьма значительной степени развитія.

Такъ мы видѣли, что почти при каждой мечети существовала школа и что помимо народныхъ школъ калифы учреждали высшія учебныя заведенія (*Medressat*), на подобіе еврейскихъ и христіанскихъ, вѣроятно сходныя съ нашими гимназіями, а не съ „академіями“, какъ принято ихъ называть. Основною преподаванія служилъ здѣсь коранъ, въ первое время исключительно, а позднѣе—совмѣстно съ наукой права, математикой и медициной.

Преподаваніе медицины имѣло мѣсто какъ въ стѣнахъ госпиталей—служившими тамъ врачами, такъ и внѣ ихъ, въ правительственныхъ и частныхъ школахъ.

¹⁾ Ср. Macrisi, l. c. I, 32—38.

²⁾ Ср. Leclerc, I, 570 и Macrisi l. c.

³⁾ Ср. выше стр. 343 и Leclerc, I, 571.

Изъ *испиталей*, кромѣ указанныхъ уже выше, сюда относится еще—основанный въ IX в. въ Мервѣ (въ Туркестанѣ), въ которомъ производилъ наблюденія надъ больными Iva ben Massa h. Первая специальная самостоятельная медицинская школа была учреждена въ Багдадѣ въ 830 г., причѣмъ на назначеніе преподавателей имѣлъ вліяніе Sabar-Jesu или Sabur. Обращеніемъ частныхъ школъ можетъ служить устроенная упомянутымъ выше Muhaddeb eddin ebn Dashwar'омъ въ Дамаскѣ. Нерѣдко медицина преподавалась вмѣстѣ съ другими науками и въ коллегіяхъ при мечетяхъ. Въ числѣ преподавателей были часто знаменитые врачи, какъ Hibat-Allah, Fachr eddin e l-Razi и Разеъ. Лекціи выдающихся преподавателей посѣщались даже однимъ калифомъ (Мостансеромъ) и престарѣлыми врачами (такъ Dschabril ben Bachtischua находилъ для себя полезнымъ слушать лекціи молодого Honein'a). Весьма часто отцы преподавали медицину сыновьямъ, такъ что въ нѣкоторыхъ семьяхъ она становилась какъ-бы наслѣдственной (семейства Bachtischua, Tzabet или Thabet, Honein, Avenzoar). Весьма часто преподаватели читали и комментировали сочиненія извѣстныхъ авторовъ въ присутствіи учениковъ. Въ противоположность этому способу Ali ben Rodhwan доказывалъ пользу изученія медицины *прямо изъ книгъ*, безъ помощи учителей. Существовало у арабовъ даже нѣчто въ родѣ диплома (idschaza) и, одно время, даже испытанія, а именно, когда, какъ упомянуто выше, калифъ Моктадеръ, по случаю смерти одного больного вслѣдствіе ошибки врача, въ 913 году особымъ эдиктомъ запретилъ практику всѣмъ, кто не пожелалъ бы подвергнуться испытанію у его лейбъ-медика Abu Said Sinan'a († 942), причѣмъ въ экзамену явилось 860 кандидатовъ ¹⁾. Позднѣе, въ XI вѣкѣ, кордовскій эмиръ Джедуръ бенъ Магометъ учредилъ формальную врачебную *испытательную комиссію* ²⁾.

Вообще традиція преподаванія долго не прерывалась на Востоке. Кордова, Кайруанъ, Фецъ и даже такой уголокъ, какъ Бужи (въ сѣв. Афр.), служили расадниками просвѣщенія. „Багдадъ, Басра, Куфа могли превратиться въ развалины, но ихъ замѣнили другіе, не менѣе знаменитые города, откуда наука распространилась въ персидскій Иракъ, а отсюда въ Хорасанъ, Трансоксиану, Каиръ и сосѣднія мѣста“ ³⁾.

Въ Каирѣ къ концу среднихъ вѣковъ правительство учредило множество школъ, на содержаніе коихъ ассигновали доходы съ значительныхъ недвижимыхъ имуществъ.

Въ новѣйшее время для преподаванія медицины въ Каирѣ устроена Kasr-el-Ain'омъ школа по европейскому образцу; въ Константинополѣ же сохранившаяся послѣ среднихъ вѣковъ школа при мечети Azher, насчитывающая и понынѣ тысячи учениковъ, служитъ почти исключительно лишь для преподаванія теологіи и юриспруденціи по корану ⁴⁾.

Что касается *учебныхъ пособій* при преподаваніи медицины у арабовъ, то кромѣ библиотекъ, госпиталей и ботаническихъ экскурсій, данныхъ о другихъ пособіяхъ не имѣется. Въ литературѣ сохранился только единственный фактъ устройства ботаническаго сада, при дворѣ одного кадикскаго принца, его врачомъ эль Шефрой (El Schehra Muhammed ben Ali Farak) ⁵⁾, но врядъ ли онъ служилъ для учебныхъ цѣлей.

III. Медицинская полиція и общественное положеніе врачей. Для цѣлей *медицинской полиціи* имѣлись особые чиновники или полицейскіе инспектора (*mohasseb*), имѣвшіе наблюденіе надъ врачебнымъ дѣломъ вообще, въ томъ числѣ и надъ фармацевтами и дрогистами, парфюмерами, ставщиками банокъ и т. д. Такіе mohasseбы встрѣчались и въ Испаніи и слово это даже удержалось въ испанскомъ языкѣ. Что касается врачей, то въ Багдадѣ они уже въ IX в. занимали высокое положеніе.

Первый, получившій отъ Мутаваккія титулъ *начальника врачей*, былъ Honein. Въ кругъ обязанностей начальника врачей повидимому входили и испытанія на званіе врача (Sinan въ X в. и Amin ed-Daula въ XII в.). Въ Дамаскѣ начальниками

¹⁾ Leclerc, I, 572—574.

²⁾ Romey, *Histoire d'Espagne*, Par. 1838—1851, VI, 146. Berthérand, *Médecine et hygiène des Arabes*. Paris, 1885, p. 41, ср. Haeser I, 565.

³⁾ Ebn Chaldun (въ концѣ XIV в.) у Leclerc'a, I, 575.

⁴⁾ Тамъ же и Haeser, I, 565.

⁵⁾ Ср. Leclerc, I, 576.

врачей были Muhaddeb eddin Ebn Dachwar и Sedid eddin ben Refika; въ Египтѣ—въ XII в. Ibrahim ben Nestas (христианинъ), Ali ben Rodhwan, Sedid eddin „Reisel Athibba“ („глава врачей“); въ XIII в.—Nefis eddin ben Zobeir и Джемалъ эддинъ бенъ Отманъ, Ebn Beithag—инспекторомъ дрогистовъ и собирателей травъ, а отецъ Осейбинъ—инспекторомъ окулистовъ.

Многие изъ врачей возводились въ санъ визирей, какъ напр. Авцеппа, Рашидъ эддинъ при Олджайту, историкъ монголовъ; въ Сирии—еврей Muhaddeb eddin Essamiri, равно какъ и его племянникъ Fachr eddin ben Essaati; въ Иракѣ—Абулфараджъ бенъ Тума, христианинъ; въ Испаніи—Jahija, Chasdaï, Aben-Guefith, Тофайлъ и Авензоаръ. Арабскіе калифы щедро награждали своихъ врачей, особенно въ случаяхъ удачнаго излеченія особъ изъ ихъ семействъ. Для примѣра достаточно указать на Гавриила бенъ Вахтишуа, получившаго отъ калифовъ Мансура, Гаруна и Мамуна, въ общей сложности, баснословную сумму въ 90 милліоновъ драхмъ. Не смотря на эти щедроты и терпимость калифовъ къ иновѣрцамъ, можно насчитать около 20 врачей или ихъ смнovej, перешедшихъ въ исламъ, причежъ $\frac{2}{3}$ изъ нихъ были евреи, конхъ положеніе, при всей мусульманской терпимости, все таки было хуже нежели положеніе христианъ. Любопытно, что большая часть упомянутыхъ отщепенцевъ, не только евреевъ, но и христианъ, свое обращеніе въ магометанство ознаменовывали трактатами, въ которыхъ опровергали догматы только что оставленной ими вѣры, какъ между прочимъ это сдѣлалъ христианинъ Эбинъ Джезла, авторъ сочиненія *Takwin el Abdan* („Tasuin aegritudinum“¹⁾).

IV. Библиотеки. Пристрастіе арабовъ къ книгамъ обнаружилось уже съ VII вѣкѣ по Р. X. (см. выше стр. 23 о принцѣ Chaled ben Yesid'ѣ).

Въ каталогѣ *Fihrist'a* приведено болѣе 200 сочиненій Geber'a, въ коихъ рѣчь идетъ не только о „великомъ искусствѣ“ (алхимія), но и объ естественной исторіи, медицинѣ, философіи и т. д. Такая масса сочиненій заставляетъ предполагать пользованіе обширной библиотекой. На предыдущихъ страницахъ разсѣяно множество фактовъ, доказывающихъ богатство восточныхъ библиотекъ. Сюда относятся:

Библиотека изъ 80000 томовъ при школѣ, устроенной Мостансеромъ во второй половинѣ IX в.; въ Каирѣ—учрежденная фатимидами и состоявшая изъ 18 комнатъ, наполненныхъ книгами; тамъ же дворцовая, содержавшая 2 милліона томовъ; библиотека въ Триполи, сожженная франками и заключавшая не менѣе 3 милліоновъ томовъ; библиотека, устроенная въ XIII в. въ Тунисѣ, изъ 36000 томовъ. Марокко и Фецъ тоже когда-то изобиловали книгами (Левъ Африканскій). Въ Испаніи библиотеками были снабжены 66 городовъ; въ одной Кордовѣ считалось 600 тысячъ томовъ, одинъ каталогъ коихъ составилъ 40 томовъ (Casiri).

Изъ частныхъ лицъ Эбинъ Джеззаръ, авторъ сочиненія *Viaticum*, оставилъ въ Кайруанѣ библиотеку въсомъ въ 25 центнеровъ; точно также цѣнную по вѣсу библиотеку оставилъ Аминъ-эд-Даула. Въ странѣ папируса, Египтѣ, особенную любовь къ книгамъ проявилъ эмиръ Мобашеръ бенъ Фатекъ (въ IX в.), послѣ смерти котораго его вдова, „не могшая забыть, сколько времени эти книги отнимали его у неа“, выбросила ихъ въ большой бассейнъ. Въ это же время еврейскій врачъ Afratsim владѣлъ библиотекой въ 30000 томовъ. Другой еврей, Omran ben Israili, собралъ библиотеку, которая слыха чудомъ своего времени. Точно также Ebn Mathgan, Abul Modhaffer ben Muarref и Raschid eddin (историкъ монголовъ) имѣли богатѣйшія библиотеки. Изъ нихъ послѣдній, какъ мы видѣли, издержалъ на одну переписку, виньетки и карты, приложенныя къ его сочиненіямъ, до 60000 динаровъ (900000 франковъ). Истиннымъ библиоманомъ былъ Джемалъ эддинъ, авторъ *Kitab el hokama*, оставившій библиотеку, цѣнившуюся въ 50,000 динаровъ (600,000 франковъ). Доказательствомъ обилія книгъ у арабовъ могутъ служить громадныя количества вывезенныхъ изъ восточныхъ странъ въ Европу книгъ, не смотря на опустошенія библиотекъ, причиненныя войнами и фанатизмомъ. Послѣ побѣдъ испанцевъ надъ арабами было сожжено около милліона книгъ, и только благодаря взятію въ плѣнъ нагруженныхъ книгами каравелъ удалось образовать въ Эскуріалѣ богатую коллекцію, каталогъ которой составилъ Casiri²⁾.

¹⁾ Ср. L e s l e r c, I, 576—582.

²⁾ Ср. L e s l e r c, 583—587.

В. Къ переводамъ. Первый толчекъ къ переводамъ съ арабскаго на латинскій языкъ былъ данъ, вѣроятно, еще въ X в. Гербертомъ (позднѣе папа Сильвестръ II), побывавшимъ въ Барселонѣ и усвоившимъ обрывки арабской науки настолько, сколько потребовалось для того, чтобы прослыть колдуномъ, сѣвшимъ на престолъ св. Петра съ помощью чаръ, которыя продолжалъ и на папскомъ тронѣ.

Въ XI в. Константинъ Африканскій, повидимому, первый подарилъ христіанскій міръ переводами нѣкоторыхъ важныхъ медицинскіхъ сочиненій какъ арабовъ, такъ и грековъ, о чемъ рѣчь была уже выше¹⁾.

Въ XII в., по инициативѣ архіепископа толедскаго Raymond'a (родомъ француза), появился переводъ трактата Авиценны *О душе*.

Онъ былъ сдѣланъ крещенымъ евреемъ Іоанномъ изъ Севильи (въ еврействѣ Avendaut или Aven-Daud, т. е. сынъ Давида, около 1135 г.) и архидіакономъ Gundisalvi, изъ коихъ одинъ владѣлъ арабскимъ, а другой латинскимъ языкомъ. Затѣмъ ихъ дороги разошлись: Avendaut, послѣ Герарда Кремонскаго самый плодовитый переводчикъ, хотя носитъ названіе „philosophus“, больше перелагалъ сочиненія по части *астрологій*, тогда какъ его сотрудникъ Gundisalvi переводилъ *философскія* сочиненія Авиценны, Al-Gazzali и Al-Farabi, между прочимъ Avendaut, однако, перевелъ для одной испанской королевы ту часть приписываемаго Аристотелю, апокрифическаго сочиненія *Secretum secretorum*, гдѣ рѣчь идетъ о медицинѣ²⁾. Въ 1116 году появился переводъ, сдѣланный Платономъ изъ Тивубра или Тиволи, но не съ арабскаго, а съ еврейскаго геометрическаго сочиненія Abraham'a Savanogda (въ XII в.), подъ заглавіемъ *Liber embadum*³⁾. Всѣ эти переводы возбудили вниманіе европейскіхъ ученыхъ, которые съ тѣхъ поръ стали искать образованія въ мусульманской Испаніи въ то самое время, когда другой конецъ магометанскаго міра былъ потрясенъ крестовыми походами.

Важнѣйшимъ пунктомъ, откуда арабская медицина распространилась на Западъ, сдѣлался главный городъ готтовъ, а затѣмъ королевства Кастиліи—Тоledo. Сюда со всѣхъ сторонъ стекались жаждавшіе знанія, чтобы съ помощью христіанскіхъ и еврейскіхъ ученыхъ, жившихъ прежде между арабами, усвоить себѣ арабскую науку.

Здѣсь искали просвѣщенія графъ Hermannus Contractus (Hermann von Velringen, 1013—1054), изъ Швабіи, игуменъ сень-Галленскаго монастыря, знаменитѣйшій философъ и математикъ своего времени, авторъ сочиненія объ *астрологій* и считаемаго нѣкоторыми даже ея изобрѣтателемъ, — Давидъ (Даніель?) Морлей (ок. 1190), Кампано изъ Наварры, позднѣе—Петро изъ Абано и Арнольдъ Вилланова († 1309 или 1313). Здѣсь же еще раньше подвизались Adelhard изъ Bath'a и его ученикъ O'Creath, Германнъ Далматскій и Робертъ изъ Ретинны (R. Kettenensis v. Retenensis † 1143), переводчикъ корана. Наконецъ здѣсь прожилъ 50 лѣтъ знаменитый переводчикъ Герардъ Кремонскій. Въ слѣдующемъ (XIII) в. здѣсь встрѣчаемъ Германа Германскаго (Alemannus, около половины XIII в.), переводчика сочиненій Аристотеля, состоявшаго при Манфредѣ, который самъ перевелъ съ еврейскаго приписываемый Аристотелю трактатъ *De potu*⁴⁾. Далѣе сюда относятся Michel Scot (1190—1290) и другіе, переведшіе преимущественно Аристотеля и отчасти Авиценну. Особенно важную роль играла учрежденная архіепископомъ Раймундомъ (1190—1150) въ Toledo *коллегія для переводовъ* съ арабскіхъ писателей, въ которой преимущественное участіе принимали евреи. Такими же посредническими пунктами между арабской и западной литературами сдѣлались впоследствии Валенсія, Кордова и Севилья. Въ Toledo Альфонсъ X Кастильскій (1252—1284) для этой цѣли собралъ цѣлый арсеналъ ученыхъ и составилъ такъ называемыя *Альфонсовы таблицы*, въ чемъ ему дѣятельно помогали еврейскіе ученые, въ особенности донъ Цагъ (Исаакъ) Ибнъ

¹⁾ См. выше стр. 270. ²⁾ Ср. Leclerc, II, 370—376. ³⁾ Тамъ же, 387—393.

⁴⁾ „Nos, Manfredus, divi Augusti imperatoris Frederici filius, ... nobis occurrit liber Aristotelis qui de Pomo dicitur, ab eo editus in exitu vitae suae. ... Quem librum, cum non inveniretur inter christianos, in hebrayco legimus translatum de arabico in hebreum, de hebraea lingua transtulimus in latinum“. Названіе *de Pomo* книга носитъ потому, что, по сказанію, Аристотель, бесѣдуя съ учениками въ послѣдніе часы жизни, держалъ въ рукахъ яблоко. Самъ Манфредъ, отлученный отъ церкви, погибъ въ сраженіи съ своимъ противникомъ (Карломъ Анжуйскимъ), въ которомъ его сопровождалъ 10-тысячный корпусъ саррациновъ (въ 1266 г.). Ср. Leclerc, II, 462, 463.

Сандъ (Сидъ), почему эти таблицы справедливо было бы называть *Царскими* или *Сандовыми*. Въ другомъ пунктѣ южной Европы эти научныя занятія также поощрялись монархами: такъ, въ Сицилиі король Рожеръ II покровительствовалъ арабскимъ ученымъ и художникамъ. Его примѣру слѣдовали императоры Фридрихъ Барбаросса (1152—1190) и въ особенности Фридрихъ II (1212—1250), воспитанный въ Сицилиі и говорившій и писавшій на шести языкахъ. Онъ былъ знакомъ съ сочиненіями Аристотеля и даже самъ составилъ естественно-историческія сочиненія, вѣроятно подъ вліяніемъ сношеній съ образованными магометанами послѣ крестоваго похода въ Палестину (1228—1229), гдѣ у него завязалась тѣсная дружба съ Саладиномъ. Вѣроятно подъ этимъ же вліяніемъ онъ поручилъ еврейскимъ ученымъ переводы арабскихъ писателей на латинскій языкъ¹⁾. Наконецъ распространенію арабизма благоприятствовали его преемники Манфредъ (1250—1266) и противникъ послѣдняго Карлъ Анжуйскій (1266—1284)¹⁾.

На Востокѣ сошлись только два переводчика: Стефанъ изъ Антиохіи (1127), переведшій на латинскій языкъ *Maleki Aliben el Abbasa's*, и Филиппъ изъ Триполи (въ концѣ XII или началѣ XIII в.), воспроизведшій на латинскомъ языкѣ приписываемое Аристотелю сочиненіе *Secretum secretorum*²⁾. Изъ евреевъ въ числѣ переводчиковъ извѣстны: при Альфонсѣ X—Иуда сынъ Моисея Когенъ, изъ Кордовы, рабби Заг, Самуилъ Леви изъ Толедо; при папѣ Николаѣ IV (1288)—Абрахамъ изъ Тортозы, переведшій вмѣстѣ съ панскимъ врачомъ Simon'омъ Jacuense *De simplicibus* Серапіона-младшаго и 28 кн. *Tescripha* Абулказиса, подъ заглавіемъ *Liber Servitoris*; дадѣ Ferrarius (s. Ferrarius) Judeus, въ эпоху Карла Анжуйскаго, переложившій на лат. языкъ не значащійся въ спискѣ сочиненій Іоанна сына Мезуе трактатъ о *chirurgia* (*Cirurgia Johannis Mesue*)³⁾; Profatius, родомъ изъ Англій, вмѣстѣ съ Іоанномъ изъ Вреші (Brescia) переведшій въ 1263 г. сочиненіе Azarchel'я *Объ астролябіи* и оставившій самостоятельный трактатъ объ открытомъ имъ движеніи „VIII сферы“ (въ 1293 г.)⁴⁾. Этотъ же Profatius одно время былъ избранъ деканомъ медицинскаго факультета въ Монпелье⁵⁾. Нерѣдко евреи переводили съ арабскаго на народный языкъ, а христіане съ послѣдняго на латинскій. Нѣкоторые латинскіе переводы сдѣланы не прямо съ арабскаго, а прошли черезъ еврейскіе и испанскіе переводы.

Послѣ XIII в. встрѣчаемъ лишь немного переводчиковъ, какъ Arnoldus Vilanova, Armgand (Ermengard), Alragus и Plempius.

Въ началѣ описываемой эры упомянутые переводы страдали многими неточностями, варварскимъ латинскимъ языкомъ, въ особенности же искаженіемъ собственныхъ именъ и техническихъ выраженій, что на языкѣ переводчиковъ носило названіе *inopia latinitatis*. Что вообще въ этихъ переводахъ чувствовалась настоятельная потребность, доказывается употребленіемъ, которое тотчасъ изъ нихъ сдѣлали Рожеръ Беконъ, Альбертъ Великій и Vincent de Beauvais. Мы естественно обойдемъ здѣсь молчаніемъ переводы по части другихъ наукъ и коснемся только главнѣйшихъ переводовъ по части медицины. Послѣ Константина Африканскаго рядъ переводчиковъ арабскихъ медицинскихъ сочиненій начинается собою

Gerardus изъ Кремоны (1114—1187), проведшій полвѣка въ Толедо и переложившій на латинскій языкъ слишкомъ 70 сочиненій. Эти переводы составляютъ настоящую энциклопедію человѣческихъ знаній. Изъ медицинскихъ сочиненій онъ, по приказанію императора Фридриха Барбароссы, перевелъ сочиненія Исаака Иудея, Разеса, Серапіона, Абулказиса, Абенъ-Гефита и Авиценны.

О немъ писали P. Marchand—въ своемъ *Dictionnaire historique*, Муратори—въ *Chronique de Pipini* дадѣ Fabricius и Buoncompagni (*M. B. Buoncompagni, Della vita e della opere di Gherardo Cremonese, traduttore del secolo XII, e di Gherardo da Sabionetta, astronomo del secolo XIII, Roma. 1851 p. 109*). Очевидно, кромѣ Gerardus'а изъ Кремоны былъ еще другой, изъ Sabionetta (близъ Кремоны); третьему, Г. изъ Bergu, приписываются *Summa medendi* и комментарий къ *Viaticum*, наконецъ четвертому, Герарду

¹⁾ Haeser, I, 686. ²⁾ Cp. Leclerc, II, 445—448. ³⁾ Тамъ же, 442—444 и 470—472.

⁴⁾ Tractatus de novo quadrante M. Profacii judei Marsiliensis sapientia Aaroni in monte pessullano dedicatus, anno 1293. Тамъ же, 472.

⁵⁾ Carnoly, Revue Orient., I, 450. Упомянутое же открытіе онъ относитъ къ 1303 г.

изъ Solo—*Introductorius* (Littre, *Histoire littéraire*, XXI)¹⁾. Бонкомпанни въ 1851 г. открылъ въ Римѣ и опубликовалъ каталогъ переводовъ Герарда Кремонскаго, а въ 1874 г. Леклеркъ открылъ такой же каталогъ въ Парижѣ²⁾. Въ этомъ каталогѣ, въ рубрицѣ *De Physica*, значатся слѣдующіе переводы Герарда Кремонскаго, которые приводимъ здѣсь съ сохраненіемъ первоначальной орфографіи:

1) Liber Galieni de elementis, tractatus I. 2) Expositiones Galieni super librum Ypocratis de regimine acutarum egritudinum, tractatus III. 3) Liber de secretis Galieni, tractatus I. 4) Liber Galieni de complexionibus, tract. III. 5) Liber Galieni de malitia complexionis, tractatus I. 6) Liber Galieni de simplici medicina, tractatus V. 7) Liber Galieni de creticis di bus, tractatus III. 8) Liber Galieni de crisi, tractatus III. 9) Liber Galieni de expositione libri Ypocratis in pronosticatione, tractatus III. 10) Liber veritatis Ypocratis, tractatus III (Сочиненія Гипократа подъ такимъ названіемъ, какъ извѣстно, не существуютъ). 11) Liber Isaac de elementis, tractatus III. 12) Liber Isaac de descriptione rerum et diffinitionibus eorum et de differentia inter descriptionem et diffinitionem, tractatus I. 13) Liber Abubecri Rasis qui dicitur Almansorius, tractatus I. 14) Liber Divisionum (Almansoris R.) continens CLIII capitula cum quibusdam confectionibus ejusdem. 15) Liber Abubecri Rasis introductorius in medicina parvus. 16) Pars libri Albengnesim (Albenguefiti R.) medicinarum simplicium et ciborum. 17) Breviarius Johannis Serapionis, tractatus VII. 18) Liber Azaragui (Azanigni R.) de cirurgia, tractatus III. 10) Liber Jacobi Alchindi de gradibus, tractatus I. 20) Canon Aviceni, tractatus V. 21) *Tegni* Galieni cum expositione Haly ab Rodoan. Этотъ же комментарий приведенъ въ началѣ упомянутого каталога, гдѣ названы другіе переводы, подъ заглавіемъ: 12) *Liber in quo haly filius Rodoan exponit librum Galeni qui dicitur ars parva*. Непосредственно за этимъ комментариемъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Ватиканѣ, слѣдуетъ замѣтка („notice“), посвященная Герарду и состоящая изъ биографической части, номенклатуры его переводовъ и нѣсколькихъ стиховъ въ честь Герарда.

De Alchimia: 1) Liber divinitatis de LXX, первая книга знаменитаго сочиненія Geber'a подъ названіемъ *Septuaginta libri*. 2) Liber de aluminibus (luminibus R.) et salibus. 3) Liber luminis luminum—оба Разеса.

Кромѣ того сюда относятся переводы сочиненій Аристотеля: *De generatione et corruptione, de naturali auditu* и другіе³⁾.

Каковы бы ни были недостатки переводовъ Герарда, не слѣдуетъ забывать, что движимый „желаніемъ обладать *Альмагестомъ* Птолемея, приведшимъ его въ Толедо“ (какъ указываетъ упомянутая библиографическая замѣтка), онъ долженъ былъ предварительно изучить не только арабскій языкъ, но и всю энциклопедію тогдашнихъ наукъ, а приступая къ переводамъ, не имѣлъ предъ собою даже сколько нибудь провѣренныхъ текстовъ. Поэтому удивляться слѣдуетъ не погрѣшностямъ въ передачахъ арабской технологии и варварскому языку его переводовъ, а тому, что одинъ человѣкъ могъ справиться съ такой массой труда, какого требовалось для слишкомъ 70 переводовъ по большей части многотомныхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ знанія.

Нѣкоторые, напр. Haeser, выше переводовъ Герарда Кремонскаго, не нашедшихъ вообще, по крайней мѣрѣ въ Италіи, широкаго распространенія, ставятъ переводы, которые сдѣлалъ сто лѣтъ спустя, по порученію Карла I Анжуйскаго въ Неаполѣ и Сициліи, еврейскій врачъ

Ferraguth (Ferragius, Farradsch ben Salem изъ Агригента, около 1280 года), получившій образованіе въ Салерно.

Этихъ переводовъ всего три: 1) *Continens Razes'a* (оконченъ въ 1279 г.), каковое сочиненіе король черезъ особое посольство испросилъ у тогдашняго владѣтеля Туниса. 2) *Tacvīm el Abdan* Эбнъ Джелли и, по мнѣнію Леклерка, 3) *Tacvīm es-Sahha* Эбнъ Ботлана. Но и эти переводы страдаютъ множествомъ неточностей, что въ особенности относится къ самому важному для исторіи медицины переводу сочиненія Разеса (*Conti-*

¹⁾ Leclerc, II, 399 и 431. По Haeser'у (I, 688): *Introductorium juvenum s. de regimine corporis humani in morbis*, одно изъ наиболѣе употреблявшихся руководствъ. Этотъ же G. изъ Solo (проф. въ Монпелье въ 1320 г.) оставилъ еще: *Libellus de febribus* и *Tractatus de gradibus medicinae*.

²⁾ Leclerc, II, 400. ³⁾ Тамъ же, 401, 405, 406, 418—425.

nens), гдѣ „собственныя имена искажены до того, что иногда одно и тоже имя 10 разъ повторяется въ различныхъ видахъ“ (Leclerc) ¹⁾. Далѣе къ числу переводчиковъ важныхъ арабскихъ медицинскихъ сочиненій относятся:

Armen gaud (Armen gaudus), врачъ изъ Монпелье, при Филиппѣ Прекрасномъ, въ концѣ XIII в., изучившій арабскій языкъ у евреевъ того же города и при ихъ же помощи переведшій: 1) *Colliget* Аверроэса, 2) *Ardschuzga* или *Canticum* Авиценны, 3) комментарий къ послѣднему Аверроэса и 4) *De sanitate* Маймонида.

Arnoldus изъ Виллапова, въ среднѣй XIII в. перевелъ: 1) *De rigore, jecticatione et spasmo* Галена, 2) *De viribus cordis* Авиценны и *De ligaturis phisicis* Косты бенъ Луки ²⁾.

Ratavinus изъ Падуи, въ 1280 г., перевелъ, при помощи врача Якова, съ еврейскаго, *Teissir* Авензоара ³⁾.

За невозможностью изложить здѣсь, какъ это дѣлаетъ Леклеркъ, полную исторію разсматриваемыхъ переводовъ, къ тому же большею частью вовсе не относящихся къ медицинѣ, ограничимся еще разъ краткимъ указаніемъ, что послѣ Альфонса X центръ для изученія арабской письменности былъ перенесенъ изъ фанатической Испаніи въ южную Европу и прежде всего въ южную Францію, усѣянную множествомъ еврейскихъ колоній. Для евреевъ арабскій языкъ долгое время былъ языкомъ науки. Очутившись между христіанами, они вновь обратились къ родному языку, на который переложили лучшія произведенія арабской науки, въ особенности изъ области медицины и философіи. Этими-то древне-еврейскими переводами и воспользовались средніе вѣка, втеченіе которыхъ значительное ихъ число было переложено на латинскій языкъ, причемъ примѣнялся прежній способъ ихъ фабрикаціи—сотрудничество, такъ какъ подъ рукою всегда легко было найти для этой цѣли еврея. Такимъ образомъ, за эрой переводовъ съ арабскаго наступила эра переводовъ съ еврейскаго, что составило еще одинъ изъ путей распространенія арабизма на Западъ. Итакъ, медицина обогатилась переводами съ еврейскаго, а множество еврейскихъ переводовъ Аверроэса повело къ ближайшему знакомству съ Аристотелемъ. Одни евреи переводили на латинскій, нѣкоторые, наоборотъ, съ латинскаго на еврейскій языкъ. Въ Германіи и Испаніи эти переводы были поощряемы, какъ мы видѣли, Фридрихомъ II, сыномъ его Манфредомъ и Карломъ I Анжуйскимъ. Затѣмъ переводы становятся все рѣже и рѣже (Вильгельмъ Постель, Alragus, Plernpius), такъ какъ съ открытіемъ другихъ источниковъ науки въ первыхъ уже не чувствовалось такой потребности, какъ прежде ⁴⁾.

Первые слѣды проникновенія арабизма въ *салернскую* школу обнаружались уже въ XII в., окончательнаго же господства онъ достигъ тамъ въ XIV в. Съ другой стороны уже въ XII в. онъ встрѣтилъ сильный odporъ въ лицѣ салернскихъ ученыхъ Герарда (1190) и Pietro de Eboli, а въ XIII в. рѣзкій протестъ со стороны Джіовани di Procida, лейбъ медика Фридриха II и Манфреда (Ср. Haeser, I, 689).

Какъ бы то ни было переводы, какъ въ багдадскій, такъ и въ толедскій періоды, черезъ распространеніе науки на Западъ, послужили могучимъ орудіемъ европейскаго прогресса, въ развитіи котораго, такимъ образомъ, арабамъ и евреямъ пришлось принять свою долю участія.

Вообще объ обработкѣ сочиненій арабскихъ писателей евреями см. Jourdain, *Recherches critiques*, Paris, 1831; Renan, *Averroës et l'Averroïsme*, Paris, 1866 и Steinschneider (въ *Mémoires de l'Académie de St. Petersburg*, 1869 и *Virchow's Archiv* во многихъ томахъ). Послѣдній уже съ четверть вѣка трудится надъ большою работою объ арабскихъ писателяхъ и еврейскихъ переводчикахъ, каковая работа безъ сомнѣнія внесетъ много свѣта въ эту все еще темную область.

¹⁾ Тамъ же, 466. ²⁾ Тамъ же, 467—469 ³⁾ Тамъ же, 473. ⁴⁾ Тамъ же, 449—451.

В. Къ литературѣ объ арабской медицинѣ.

Norberg, Dissert. de medicina Arabum et de Lepra Arabum. Lond. Scanorum (Lund), 1791.

Pierre Jos. Amoreux, Essai historique et littéraire sur la médecine des Arabes. Montpellier, 1815.

Simon Aronstein, Quid Arabibus in arte medica et conservanda et excolenda debeatur. Diss. inaug. Berol. 1824.

Aloys Sprenger, Diss. inaug. de originibus medicinae arabicae sub Khalifatu. Lugd. Bat. 1840.

Kühn, Additamenta ad indicem medicorum arabicorum, a Jo. Alb. Fabricio in *Bibl. graeca* vol. XIII exhibitum, progr. IX. Leips. 1830—1832.

Al. Russell, Nachricht von dem Zustande der Gelehrsamkeit, vorzüglich der Arzneigelahrtheit zu Aleppo. 2. Ausgabe, erläutert von P. Russel. Übersetzt mit Anmerkungen von J. Fr. Gmelin. Göttingen, 1798.

Oppenheim, Ueber den Zustand der Heilkunde und über die Volkskrankheiten in der europäischen und asiatischen Türkei. Ein Beitrag zur Cultur und Sittengeschichte. Hamburg, 1833.

Jac. von Röser, Ueber einige Krankheiten des Orients. Beobachtungen, gesammelt auf einer Reise nach Griechenland, in die Türkei, nach Aegypten und Syrien. Mit vier Tafeln Abbildungen. Augsburg, 1837.

J. N. v. Meyer, Ueber Sanitätsanstalten im Orient und über die Stellung der dortigen Aerzte. Vorgetragen in der 18. Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte. Erlangen, 1840.

Jo. Dav. Michaëlis, Fragen an eine Gesellschaft gelehrter Männer, die auf Befehl des Königs von Dänemark nach Arabien reisen. Frankf. a. M. 1762, Gallice ib. 1763.

Romeo Seligmann, Ueber drei höchst seltene persische Handschriften. Ein Beitrag zur Literatur der orientalischen Arzneimittellehre. Wien, 1833.

A. J. A. Desberger, Archaeologia medica Alcorani, medicinae historiae symbola. Gothae et Erfurd. 1831.

Takieddin Almakrizi, de legalibus Arabum ponderibus et mensuris, Ed. Ol. Gerh. Tychsen. Rostock, 1800.

Medicina practica in lingua Armena cum figg. Voll. II, Venezia (tipogr. Armen.), 1823 ¹⁾.

Soliman al Harairi, Traité de médecine (на арабскомъ языкѣ), Paris, 1858.

Perron, Médecine du prophète, Alger, 1856. (Собственно авторъ этого сочиненія—Abu Abdallah Muhammed ben Ahmed ben Othmar ed-Dschebi). Наконецъ улемъ

Châni-Zadeh Mehemmed Ata Ullah составилъ первое сочиненіе по анатоміи на турецкомъ языкѣ (Константинополь, 1820)—отчасти по французскимъ авторамъ. Пояснительное къ нему сочиненіе:

T. X. Bianchi, Notice sur le premier ouvrage d'anatomie et de médecine imprimé en turc, à Constantinople, en 1820, intitulé Miroir des corps dans l'anatomie de l'homme etc. Paris, 1821. Съ пробой турецкаго текста и анатомическими рисунками и спискомъ арабскихъ и персидскихъ сочиненій, напечатанныхъ въ Константинополѣ со времени введенія здѣсь книгопечатанія (1726—1800) ²⁾.

¹⁾ Ср. Morwitz, II, 102, 103.

²⁾ Ср. Haeser, I, 603.

Предисловіе.

Послѣ долгаго перерыва вслѣдствіе неизмѣнно продолжавшихся тормозящихъ обстоятельствъ автору удалось наконецъ снова взяться за начатое уже давно изданіе, посвященное предмету, на который все еще нѣтъ и вѣроятно долго еще не будетъ запроса на толкучемъ рынкѣ практической медицины, гдѣ на первомъ планѣ—непосредственная польза. Находя лишнимъ распространяться о причинахъ, побудившихъ автора взяться опять за этотъ крайне неблагодарный трудъ, ограничимся лишь указаніемъ, что имѣющіеся въ русской литературѣ переводы иностранныхъ сочиненій по этому предмету представляютъ собою либо только „основы“ (переводъ краткаго компендія *Н а e s e t a*), либо общіе обзоры, имѣющіе въ виду болѣе философію исторіи медицины (переводъ сочиненія *Guardia*), оставляя въ сторонѣ детали. Пополненіе этого-то пробѣла авторъ сдѣлалъ задачей своей жизни, осуществленію которой, въ сожалѣнію, мѣшали прежде и продолжаютъ мѣшать и теперь какъ неблагоприятныя внѣшнія обстоятельства, такъ и полное равнодушіе со стороны болѣе обезпеченныхъ и занятыхъ товарищей, въ сутолокѣ обыденной практически-медицинской жизни не имѣющихъ досуга или просто полагающихъ излишнимъ считаться съ историко-медицинскими фактами.

При составленіи „*Исторіи средневѣковой медицины*“ мы попрежнему руководствовались существующими объ этомъ предметѣ старинными и новыми сочиненіями—для второстепенныхъ и болѣе мелкихъ медицинскихъ писателей, и подлиннымъ текстомъ и поданіи для болѣе крупныхъ фигуръ изъ среды средневѣковыхъ врачей, воковы: Орибазій, Аэцій, Александръ Траллѣвій, Пав

вель Эгинскій, Актуарій. Что касается *арабской медицины*, то по незнакомству съ арабскимъ языкомъ намъ поневолю пришлось ограничиться матеріаломъ, собраннымъ въ лучшихъ относящихся сюда руководствахъ и монографіяхъ. Вообще же, мы постоянно стремились къ сочетанію возможной полноты со сжатостью изложенія. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только Александръ Траллійскій, рассмотрѣнный подробнѣе, какъ завершившій и резюмировавшій въ своей *частной патологій и терапіи* внутреннихъ болѣзней цѣль знаній древнихъ въ области патологій и терапіи, подобно тому какъ это сдѣлала для *хирургіи* Павелъ Эгинскій, которому, поэтому, равно какъ и выдающимся арабскимъ врачамъ (Honein, Rhazes, Abulcasis, Avicenna, Avenzoar), также отведено подобающее мѣсто.

Обиліе опечатокъ, коихъ однако въ подлежащемъ выпускѣ значительно меньше, чѣмъ въ „*Исторіи древней медицины*“, объясняется теперь, какъ и прежде, отчасти моимъ отсутствіемъ во время печатанія, отчасти трудностями самой работы, многія изъ которыхъ наборщику А. С. Рябченко все таки удалось преодолѣть, за что считаю долгомъ выразить ему здѣсь мою искреннюю благодарность.

С. К.

Кіевъ, въ іюнь 1893 г.

Замѣченныя опечатки и погрѣшности.

СТРАНИЦА	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО	ДОЛЖНО БЫТЬ
5	22 снизу	доказавъ,	доказаваль,
9	2 сн.	Тамъ же	Sprengel
13	14 сверху	въ Римѣ	въ Римъ
17	1 --	<i>De serpentis</i>	<i>De serpentis</i>
—	18 сн.	противъ	по отношенію ко
32	16 и 17 сн.	о леченіяхъ“,	„о способѣхъ леченія“,
41	2 снизу	ислѣдователю	со стороны ислѣдователя
43	7 —	соломенна	соломинка
46	88 —	τύρος	τύρος
56	5 —	atiam	etiam
57	17 —	congestio	congestio
61	11 сверху	бросить	отбросить
62	14 —	Peragomenus	Peragomenes
63	1 —	Andergnasus'a	Andergnasus'a;
66	13 снизу	нѣющее, дающее	нѣющемъ, дающемъ
—	14 —	возобновляемое	возобновляемомъ
71	20 —	воздухъ	pneuma
75	12 сверху	факты	фрукты
—	19 —	longus	longum
76	15 снизу	шея	шея
91	13 сверху	встрѣчающаяся	встрѣчающуся
94	10 снизу	напряженія	напряженія
100	1 и 26 сн.	брыжеечныхъ	брыжеечныхъ
103	6 сверху	Александръ	Филагрій
—	19 —	признаки	признаки:
104	18 —	такъ какъ	точно также
111	20 —	призывавшій	взввавшій
122	14 —	но	по
131	2 снизу	домъ	зондомъ
134	3 сверху	prodideunt	prodiderunt
136	1 снизу	524	624
138	12 сверху	ἀναγχαζόμεθα	ἀναγχαζόμεθα
148	7 снизу	interprete	interprete
153	5 сверху	салерницу	салерницу
157	14 снизу	разныя	разнымъ
163	13 —	Прокопію	Прокопію
165	14 —	Abu Osseibiah	Abi Oseibia
166	8 сверху	Khallican'a	Challican'a
167	6 снизу	латынскій	латынскій
168	18 —	Атлантическаго	Атлантическаго
169	4 сверху	Массе	Mosse
173	17 —	Abad	Adhad
179	16 —	Hebad	Hibat
179	17 —	Tamid	Talmid
187	8 сверху	Khaled	Chaled

СТРАНИЦА	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО	ДОЛЖНО БЫТЬ
196	3 снизу	Sprengel	Sprenger
204	5 —	compositorum	compositarum
205	11 и 13 св.	Senap	Sinap
206	7 снизу	дарованія	дара
209	4 сверху	80	24
223	10 снизу	Bacher	Bascher
224	4 сверху	Его сочиненія—первыя и т. д.	Его сочиненіе—первое и т. д.
226	9 снизу	отдѣльныхъ	отдѣльныхъ
227	17 —	XIX	XIV.
233	4 —	Мастансеръ	Мостансеръ
242	21 —	суставъ	составъ
246	6 —	излагается	излагаются
249	2 —	Джорджанъ	Джорджану
250	16 —	Альмагестъ	Альмагестъ
256	3 сверху	излагается	излагаются
260	9 снизу	съ нимъ	съ кровопусканіемъ
276	8 сверху	лѣтописца	лѣтописца
280	19 снизу	исчезаютъ	исчезаютъ
282	11 —	Morsched	Morsched
288	6 сверху	неравнобѣрный	неравнобѣрный
294	9 —	правда	правда,
295	16 —	ponderatu	ponderato
299	6 снизу	Эбнъ Баджа,	Эбнъ Баджи
300	21 сверху	ихъ дозвѣремъ	его дозвѣремъ
301	3 снизу	dé	de
302	1 сверху	hébreus, d'après	hébreux d'après
—	3 —	Anhange	Anhange
303	3 —	полагаетъ	полагаетъ
305	5 и 6 св.	прибавлены 5 главъ, составляющія	прибавлена 5 глава, составляющая
310	8 снизу	soix lacrima job	soix (lacrima job)
314	16 сверху	tabachir	tabaschir
317	28 —	Supplementum	Supplementum
318	18 —	остатковъ	останковъ
325	5 снизу	Akscharai	Aksarai
330	6 сверху	Cassema	Cassem'a
346	19 —	913	931

Кромѣ того на стр. 340 въ концѣ примѣч. 3) пропущено: „за исключеніемъ Гаджи Кальфы, который говоритъ, что Chaled первый далъ составъ *эликсира*. Ср. выше стр. 187“.

Западная (ново-латинская) медицина.

Величайшая заслуга Гипократа, какъ извѣстно, заключается въ совершенномъ выдѣленіи медицины изъ области религіи. Съ наступленіемъ новой эры, а именно, начиная съ 3 вѣка по Р. Х., на западѣ исконное сочетаніе этихъ областей было надолго вновь вызвано къ жизни, благодаря догмату дѣятельной любви къ ближнимъ, перешедшему изъ ветхаго въ новый завѣтъ и выдвинувшему на первый планъ гуманность по отношенію къ угнетеннымъ и бѣднымъ, къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Этому религіозно-нравственному духу человѣчности и обязаны своимъ возникновеніемъ первыя христіанскія благотворительныя учрежденія, какъ пріюты для нищихъ и больныхъ.

Персоналъ для правильнаго ухода за тѣми и другими составляли первоначально служители первыхъ христіанскихъ общинъ: діаконы, помощники діаконъ и діакониссы, а поздиѣ и вдовы. Впослѣдствіи, съ основаніемъ собственно больницъ, возникъ особый классъ больничныхъ служителей, парабалановъ¹⁾, обязанность коихъ состояла не только въ уходѣ, но и въ розыскиваніи и доставкѣ больныхъ въ госпитали. Какъ тотъ, такъ и другой видъ госпитальной службы вскорѣ однако пришли въ упадокъ вслѣдствіе деморализаціи однихъ и превращенія другихъ (парабалановъ) въ родъ тѣлохранителей епископовъ, которые пользовались ими для революціонныхъ цѣлей. Зато настоящій кладъ для ухода за больными, помимо наемной прислуги, составляли благочестивыя души, добровольно бравшія на себя этотъ тяжелый трудъ и изъ подвижничества цѣловавшія даже грязныя ноги больныхъ. Само собою разумѣется, что въ уходѣ за больными принимали дѣятельное участіе монахи и монахини, къ которымъ перешли также и обязанности собственно врачей, такъ какъ послѣдніе не допускались въ большую часть первоначальныхъ христіанскихъ учрежденій. Съ этой цѣлью духовенству, какъ это и нынѣ практикуется въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, преподавались обрывки медицинскихъ свѣдѣній, причемъ однако нѣкоторымъ лицамъ духовнаго званія, не пренебрегавшимъ изученіемъ древнихъ, какими напр. были бенедиктинцы, все-таки удавалось усвоить приемы, болѣе или менѣе напоминавшіе настоящую врачебную дѣятельность.

Во времена крестовыхъ походовъ образовались спеціальныя ордены для ухода за больными, каковы ордены братьевъ св. Антонія, ордены Алексіанцевъ, черныхъ сестеръ, госпиталитовъ, елизаветиновъ, іоганнитовъ, нѣмецкій орденъ, поздиѣ орденъ сестеръ и братьевъ милосердія и т. д.

¹⁾ Отъ παραβάλλειν - приводитъ, сопровождать. Ср. Heusinger, Die Parabalanen oder Parapremonten der alten Xenodochien въ *Janus Henschel'*'я, II, 500 и слѣд.

Что касается больныхъ, то сначала они помѣщались въ частныхъ квартирахъ и только впоследствии были заведены особыя пристанища (*xenodochia*), куда вмѣстѣ съ бѣдными, сиротами, случайными странниками и т. д. принимались и больные. Эти пріюты обыкновенно состояли при церквахъ, епископскихъ резиденціяхъ и монастыряхъ, изъ коихъ въ этомъ отношеніи болѣе другихъ выдаются бенедиктинскіе монастыри.

Сюда относятся и понинѣ еще существующіе *hosprices*, какъ въ Mont Senis (основанъ въ 825 г.), Сенъ-Бернаръ (980 г.), на востокѣ—заведенія, учрежденныя Константиномъ II (387—361) въ Константинополѣ, св. Василиемъ (370) въ Цезарѣ, и *Orphanotrophaion*, воздвигнутый Юстиніаномъ и Алексіемъ I (1081—1118)¹⁾. Кромѣ всѣхъ этихъ заведеній, существовали исключительно для приѣма и леченія больныхъ назначенныя *iospitalia* (*nosocomia*). Сюда, между прочимъ, относится госпиталь іоаннитовъ въ Иерусалимѣ, въ которомъ по уставу 1181 г. должны были имѣться постоянно четыре врача на жалованьи для уроскопій, а больные должны были получать три раза въ недѣлю свѣжую свинину, баранину или куриное мясо. Всѣ эти больницы носили названіе *iospitaliai* *Св. Духа* и размножились особенно со времени крестовыхъ походовъ. Сюда относятся и такъ называемыя „*лепрозеріи*“ или пріюты для прокаженныхъ. Всѣ эти заведенія находились въ вѣдѣніи церкви, а больничный персоналъ состоялъ изъ лицъ духовнаго званія и только въ немногихъ имѣлись врачи. Такимъ образомъ, медицина, начиная съ VI вѣка, мало-по-малу переходила въ руки служителей церкви, въ особенности монаховъ и монахинь, у коихъ главными лечебными средствами служили: молитва, рукоположеніе, снѣга, мощи, заклинанія, крестное знаменіе, освященныя травы и соль и т. п.²⁾

Между этими „*medici*“ или „*medicaster*“ были, однако, и такіе, которые не пренебрегали изученіемъ свойствъ лекарственныхъ веществъ. Сюда принадлежать:

Theodor, архіепископъ кентрбюрійскій, запрещавшій пускать кровь во время прибыванія луны; Cuthbert (оттуда же); Tobias, епископъ въ Розѣ; Ursus, врачъ папы Николая I; Sigoald, епископъ въ Spoleto; Hugo, настоятель St. Denys; Campro, монахъ изъ монастыря Farfa въ Италіи; Dido, аббатъ въ Sens, Іоаннъ изъ Равенны, епископъ въ Диксонѣ; Milo, епископъ въ Benevento; Benedictus Crispus († 725), архіепископъ въ Миланѣ; Dominico, настоятель въ Pescara; Wigbert, епископъ въ Гильдесгеймѣ. Изъ позднѣйшихъ: Notker въ St. Gallen'ѣ, извѣстный своими знаменитыми чудесными исцѣленіями и уроскопией, и Thieddeg († 1017) въ Прагѣ, врачъ богемскаго короля Болеслава³⁾.

Болѣе научный характеръ получила медицина въ рукахъ ордена бенедиктинцевъ. Основатель этого ордена, Бенедиктъ изъ Нурсіи

¹⁾ т. е. Алексіемъ Комненомъ. Ср. выше стр. 147.

²⁾ Ср. Vaas, Grundriss d. Geschichte d. Medicin. Stuttgart. 1876, pp. 203 и слѣд.

³⁾ Ср. Sprengel, *Pragmat. Geschichte der Arzneikunde* (изд. Halle, 1800), II, 452, 454, 460, 461.

(480 — 544), ученикъ классически образованнаго св. Василія, установилъ занятія науками, какъ одно изъ главнѣйшихъ правилъ ордена:

„Jubebantur ut literarum studiis operam darent, et in omnibus praeclaris disciplinis ad statum monasticum pertinentibus, amplissima mercede conductis ad hoc doctissimis et praestantissimis quibusque viris, suos omnes erudire et nobilitare studerent; sed neque idcirco concionarentur, neque publice legerent, neque disputationibus incumberent¹⁾).

Согласно этому и Кассіодоръ (470—560), секретарь Теодориха Великаго, вступивъ въ бенедиктинскій орденъ, рекомендовалъ чтеніе Гипократа, Галена, Діоскорида въ латинскихъ переводахъ, появившихся во множествѣ съ прекращеніемъ въ VI в. господства греческаго языка, и, какъ лучшее руководство, сочиненіе Целіа Авреліана, что не мало способствовало тому, что древніе не совсѣмъ были преданы забвенію въ средніе вѣка. Изъ этого же ордена вышелъ Alcuin, знаменитый ученый Британіи, гдѣ уже въ VII вѣкѣ привилась греческая образованность и гдѣ во времена Беды (672—735) многіе англичане говорили по гречески и по-латыни, какъ на родномъ языкѣ. И хотя св. Августинъ и въ особенности послы бенедиктинцевъ отодвинули греческое образованіе на второй планъ, но зато они способствовали учрежденію школъ въ Оксфордѣ, Кэмбриджѣ, Абингдонѣ, Винчестерѣ и Петерборо, изъ коихъ нѣкоторыя развились въ университеты, существующіе еще и нынѣ.

Относительно медицины извѣстно, что въ VII в. она преподавалась лицами духовнаго званія, Θεодоромъ, грекомъ изъ Тарса въ Киликіи, архіепископомъ кентерберійскимъ († 690), и Тобіасомъ, епископомъ Розы²⁾.

Что касается упомянутаго Алкуина, наставника Карла Великаго (742—814), котораго онъ обучалъ философіи, діалектикѣ, астрономіи и ариметикѣ и при которомъ лейбъ-медикомъ былъ Wintarus, то онъ вмѣстѣ съ орлеанскимъ епископомъ Теодульфомъ много способствовалъ учрежденію такъ называемыхъ *каедральныхъ* школъ, въ которыхъ преподавалась и медицина.

Такия школы существовали въ Парижѣ, Фульдѣ, Падеборнѣ, Вюрцбургѣ, Kirschau, Reichenaу, Мецѣ, Оснабрюкѣ, Ліонѣ, Кремонѣ, Павіи, Флоренціи и т. д.³⁾ Въ особенности выдавались школы въ Пуатье, въ Фонтенелѣ, Luxeuil'ѣ и Суассонѣ. (Haeser, I, 635).

При дворѣ императора учреждено было ученое общество (*schola palatii*), состоявшее почти исключительно изъ бриттовъ, занимавшихся повидимому и медициной, какъ видно изъ слѣдующаго:

¹⁾ Maunoldi Ziegelbauer, Historia rei literariae ordinis S-ti Benedicti, Vindob. et Herbipol. 1754, II. 299. Ср. Haeser, I, 611.

²⁾ Sprengel, II, 454.

³⁾ Тамъ же, 455, 456 и Vaas, I. c. 206.

Accurrunt medici mox Hippocratica tecta;
 Hic venas fundit, herbas hic miscit in olla.
 Ille coquit pultes, alter sed pocula praefert ¹⁾.

Въ упомянутыхъ школахъ преподавались латинская грамматика, ариѳметика и музыка (trivium), діалектика, реторика, геометрія и астрономія (quadrivium), къ которымъ, по приказу 805 г. въ Тюнвилѣ, была присоединена медицина, преподававшаяся съ тѣхъ поръ подъ названіемъ „физики“ во всѣхъ монастырскихъ училищахъ ²⁾. Въ медицинскихъ садахъ разводились медицинскія травы, напр. въ St. Gallen'ѣ: lilium, rosa, salvia, sisymbrium, ruta, cumino, gladiola, lubesticum, pulegium т. д. При этомъ же монастырѣ имѣлись помѣщенія съ кроватями для трудно-больныхъ, для аптеки, залъ для врачей и квартира собственно для монастырскаго врача ³⁾.

Въ „Письмахъ“ Герберта есть указанія на то, что духовенство, по крайней мѣрѣ теоретически, изучало медицину, и что монахи читали даже Цельса. Но это относится только къ немногимъ, которые, подобно Герберту, получали образованіе въ арабскихъ школахъ. Большинство же ограничивалось компиляціями Секста Плацита, Марцелла и Апулея ⁴⁾. А такъ какъ въ то время, вообще говоря, лица духовнаго званія, функционировавшія въ должности врачей, были предметомъ презрѣнія ⁵⁾, оскорбительнаго для церкви, то въ XII и XIII вѣкахъ соборы запретили высшему духовенству, подъ угрозой отлученія отъ церкви, занятіе медициной, предоставивъ занятіе ею, какъ вообще свѣтской наукой, одному лишь низшему духовенству, какъ діаконамъ, поддіаконамъ и обыкновеннымъ монахамъ, которымъ однако совершенно ясно запрещалась всякая хирургическая операція съ помощью прижиганій или ножа. Сюда относятся постановленія соборовъ реймскаго (1131), латеранскаго (1139), собо-

¹⁾ Alcuini *Carmina*, 228. Ср. Sprengel, II, 455.

²⁾ Тамъ же, 456.

³⁾ Vaas, I. с. 206.

⁴⁾ Sprengel, II, 457.

⁵⁾ До чего доходило это презрѣніе, явствуетъ изъ вестготскихъ законовъ, обнародованныхъ королемъ Теодорихомъ и дѣйствовавшихъ еще въ XI в. Этими законами запрещалось „бросать кровь благородной женщины или дѣвicy, если не присутствовали родные или прислуга“; нарушение этого закона наказывалось пеней въ 10 solidi, „quid difficile non est, ut sub tali occasione ludibrium interdum adhaerescat“. За вредъ отъ кровопусканія, причиненный дворянину, полагалась пеня въ 100 solidi, въ случаѣ же смерти его, врачъ выдавался головой его роднымъ, которые слѣдовательно имѣли право дѣлать съ нимъ что угодно. Въ случаѣ же смерти раба, отъ врача требовалось только замѣнить его другимъ! Lindenberg. *codd: legg. antiqu. Wesigoth.* tit. I. Ср. Sprengel, II, 458.

ровъ въ Монпелье и Турѣ (1162 и 1163), въ Парижѣ и Латеранѣ (1212 и 1215), каковыя запрещенія неоднократно повторялись (въ 1220, 1247, 1298), вѣроятно, по причинѣ ихъ частаго нарушенія¹⁾. Тѣмъ не менѣе заботливость о сохраненіи жизни видна изъ постановленій соборовъ о возстановленіи *legis regiae* Нумы Помпилія²⁾.

Весьма значительное вліяніе на развитіе ново-латинской медицины на западѣ въ средніе вѣка имѣли школы, основанныя въ Monte Cassino (въ Кампаніи) и въ Салерно (въ Неаполитанскомъ королевствѣ).

Школа въ Monte Cassino (нынѣ Terra di Lavoro, у подножія Аппениннѣ) находилась при монастырѣ, основанномъ здѣсь св. Бенедиктомъ на мѣстѣ бывшаго храма Аполлона. Здѣсь, не смотря на явное запрещеніе публичнаго обученія и диспутовъ, весьма рано имѣли мѣсто отступленія отъ этого предписанія. Такъ, настоятель Bertharius († 883) преподавалъ медицину устно и письменно. Онъ оставилъ двѣ книги о медицинѣ: *De innumeris remediorum utilitatibus* и *De innumeris morbis*, гдѣ приведено множество лекарствъ противъ разныхъ болѣзней. Съ тѣхъ поръ монахи со всѣхъ сторонъ начали стекаться въ Monte Cassino для изученія медицины. Впрочемъ, Мейеръ отвергаетъ существованіе здѣсь медицинской школы³⁾. Въ началѣ XI в. слава этого учрежденія была уже такъ велика, что императоръ Генрихъ II Баварскій (972—1024) отправился туда искать исцѣленія отъ мочеваго камня, причемъ однако дѣло не обошлось безъ чудеснаго излеченія, а именно, согласно сказанію, послѣ продолжительной инкубаціи, къ нему явился во снѣ самъ св. Бенедиктъ, чтобы сдѣлать операцію, и вручивъ ему камень, тутъ же заживилъ рану! Во второй половинѣ XI в. прославился здѣсь въ музыкѣ и медицинѣ настоятель Дезидерій, впоследствии папа Викторъ III. Онъ составилъ 4 книги о чудесныхъ исцѣленіяхъ св. Бенедикта. Въ особенности же своею славою какъ медицинскій центръ Monte - Cassino обязанъ Константину Африканскому „orientis et occidentis doctor“, быть можетъ, бывшему одно время въ салернской школѣ, о которомъ рѣчь была выше⁴⁾. Его ученикъ Netto или Atto, капелланъ императрицы Агнесы, извѣстенъ какъ переводчикъ сочиненій Константина на простое романское нарѣчіе въ стихахъ⁵⁾. Мало-по-малу, однако, слава Monte Cassino, къ тому же исключи-

¹⁾ Тамъ же, 459.

²⁾ „Mortuae mulieres in partu scindantur, si infans vivere credatur: tamen si bene constitit de morte ipsarum“. Ср. тамъ же, 463.

³⁾ Meyer, *Geschichte der Botanik*, III, 435 и Haeser, I, 615. ⁴⁾ См. выше, 270.

⁵⁾ Ср. Peter Diaconus, „*De viris illustr. Casin*“ въ Graev. et Burmann. thesaur. rer. Ital. v. IX, P. I, 361.

тельно монашескаго центра, стала меркнуть, чтобы уступить мѣсто другой, болѣе знаменитой, свѣтской, школѣ—*салернской*.

Но прежде чѣмъ перейти къ послѣдней, необходимо указать, что въ разсматриваемый нами періодъ, какъ и въ древности, рядомъ съ теургической, монашеской медициной, благодаря сохранившимся отрывкамъ древней медицины, на западѣ не переставала существовать и мірская, болѣе или менѣе научная медицина, которой салернская школа и обязана своимъ происхожденіемъ. Мы поэтому должны здѣсь рассмотретьъ вкратцѣ относящуюся сюда литературу. Выше мы уже указали на нѣкоторыхъ западныхъ авторовъ принадлежащихъ къ этой области сочиненій, состоящихъ болѣею частью изъ набора бессмысленныхъ рецептурныхъ формулъ и суетвѣрныхъ способовъ леченія (Quintus Serenus Samonicus, Gargilius Martialis, Sextus Placitus Papyrensus, Vindicianus) ¹⁾.

Гораздо болѣе значенія имѣютъ, конечно, ранніе латинскіе переводы и извлечения изъ медицинскихъ естественно-историческихъ сочиненій Гиппократъ (*De aëre, aquis et locis, De victus ratione in acutis, Prognosticon, De hebdomadibus*), Платона (уже въ IV и V вв.); Аристотеля (въ переводѣ Боэція въ VI в.). Диоскорида (главнаго источника для изученія ботаники вплоть до XVI в.), Галена (*De locis affectis* [подъ названіемъ „*Passionarius*“], *Ars parva, Microtechnè* и, согласно Daremberg'у, комментарий къ послѣдней и къ *De seetis*), наконецъ Орибазія (какъ *Synagogue*, такъ и *Synopsis* и извлечение изъ послѣдняго о простыхъ лекарственныхъ веществахъ—*Apla, ἀπλά*).

Изъ древнихъ латинскихъ писателей были въ ходу *Historia naturalis* Плинія и извлечение, сдѣланное изъ него еще въ 3 в. Solippus'омъ, въ особенности же книга Целія Авреліана, какъ единственное полное изложеніе методической школы, а также извлечение изъ его *De passionibus acutis*, сдѣланное Aurelius'омъ и открытое и обнародованное въ „*Janus*“ Ненсчел'я Даремберг'омъ ²⁾,—наконецъ составленное однимъ христіанскимъ врачомъ по догматическимъ и методическимъ источникамъ сочиненіе: „*Esculapius*“, разсматривающее *хроническія* болѣзни и служащее такимъ образомъ дополненіемъ къ извлеченію Аврелія ³⁾:

Изданія: *Aesculapius, De morborum passionumque corporis humani causis, descriptionibus et cura liber unus, Argentorati, 1583.*

¹⁾ Смори выше стр. 15—21.

²⁾ „*Janus*“ Ненсчел'я, II, 468. Отдѣльные оттиски: Vratial. et Paris, 1857. Кто былъ этотъ Аврелій и когда онъ жилъ, съ достовѣрностью неизвѣстно.

³⁾ Haeser, I, 619, 620.

Сюда же относятся „*Quaestiones medicinales* и *Peri sfigmon*“ (о пульсѣ), приписываемыя Сорану и находящіяся въ тѣсной связи съ *Liber interrogatorium et responsionum* Цедія Авреліана ¹⁾.

Изъ нихъ въ первыхъ сначала рѣчь идетъ о качествахъ, которыми долженъ обладать врачъ ²⁾. Затѣмъ слѣдуютъ перечисленіе частей тѣла, вѣчто о физиологіи, лихорадкѣ, пульсѣ, семіотикѣ, патологіи, ранахъ головы, общая хирургія, соединеніе ранъ, переломы, головная водянка, выдущеніе лицомъ и meliceris. Въ *Peri sfigmon* преподаются правила поведенія у постели больного и изслѣдованія пульса.

Наконецъ еще въ IV в. на западѣ существовала даже

Introductio anatomica апонумі, заимствованная у Аристотеля.

Изданія: греко-латинское—Hamburgi, 1616, ed. Lauremberg; Lugd. Batav., 1618 и 1744 ³⁾.

Самый старинный изъ авторовъ послѣдующихъ латинскихъ работъ на западѣ въ описываемый періодъ, хотя большею частью основанныхъ на сочиненіяхъ Птолемея, Плинія и Diosкорида, есть безспорно:

Anthimus, жившій въ Византіи при императорѣ Зенонѣ (474—491) и оставившій *Діететику*, сочиненную между 511—543 г., подъ заглавіемъ:

Epistolae Anthimi, viri illustris, comitis et legatarii ad gloriosissimum Theudericum regem Francorum De observatione ciborum—„сочиненіе греческаго врача на латинскомъ языкѣ, адресованное нѣмецкому государю“⁴⁾

Изданія: Valentin Rose, *Anecdota graeca et graeco-latina*. Berol. 1870, Антимъ жилъ во второй половинѣ V и первой VI вѣка и былъ посланъ съ порученіемъ къ Теодориху, которому посвящалъ свое сочиненіе, напоминающее *Ars culinaria* Апиція и содержащее также позднѣйшія вставки, сдѣланныя переписчиками ⁴⁾.

Вообще здѣсь очень подробно изложены питательныя и отчасти цѣлебныя свойства всевозможныхъ пищевыхъ веществъ и напитковъ старинныхъ франковъ.

Исидоръ Испанскій (Isidor Hispalensis), родомъ изъ Cartagena, епископъ въ Севильи (съ 595 по 636), оставилъ *Origines s. Etymologiae*, въ 20 книгахъ, родъ энциклопедіи всего тогдашняго знанія.

Изданія: Opera, Rom. 1797. *Origines* у Otto in Lindemann, *Corpus grammaticorum latinorum veterum*, I—III, Lipsiae, 1833. *De natura rerum*, ed. Gustav. Becker,

¹⁾ См. Историю древней медицины, стр. 750.

²⁾ „Sit ergo moribus clemens, modestus, cum debita honestate, nec desit ei sanctitas, ne sit superbus, sed pauperes et divites, servos et liberos pariter curet. Una enim est apud eos medicina. Mercedem autem siquidem dentur accipiuntur et non recusentur. Si autem non dentur, non exigantur (всѣ ли соблюдаютъ эти правила въ наши дни?): quantum quisque dederit, non potest exaequari merces beneficiis medicinae!“. Valentin Rose, *Anecdota graeca et graeco-latina*, II, 245. Ср. Haeser, I, 621.

³⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 122. ⁴⁾ Haeser, I, 633.

Berol. 1857. Пояснительное сочинение: L. Spengler, *Isidorus Hispalensis* in seiner Bedeutung für Naturwissenschaften u. Medicin, въ *Janus*, III (Breslau, 1848).

Въ четвертой книгѣ рѣчь идетъ о медицинѣ, причѣмъ въ основаніе его изложенія несомнѣнно легли *Responsiones* Целія Авреліана. Здѣсь Исидоръ говоритъ о трехъ медицинскихъ сектахъ („методической—основанной Аполлономъ, эмпирической—Эскулапомъ, и рациональной—Гиппократомъ“), о 4 влагахъ, острыхъ, хроническихъ и кожныхъ болѣзняхъ, о лекарствахъ, медицинскихъ книгахъ и инструментахъ, мазяхъ, благоволияхъ и о началѣ медицины. Болѣзни изложены почти исключительно по Целію Авреліану, а лекарственные вещества по ихъ общему дѣйствию и различной формѣ примѣненія¹⁾. Только столѣтіе спустя,

Benedictus Crispus († 725 или 735) изъ Amiternum, нынѣ Aquila или St. Vittorino), архіепископъ миланскій, оставилъ *Commentarium medicinale*, гдѣ описываются цѣлебныя свойства различныхъ травъ противъ 26 болѣзней. Онъ состоитъ изъ предисловія въ прозѣ и и 241 плохихъ гекзаметровъ (въ Mai, *Auctores classici*, Rom. 1833 и Kizingae, 1835²⁾).

Въ Англіи въ это время выдается:

Beda Venerabilis (672-735), пресвитеръ монастыря Wearmouth, оставившій *Elementa philosophiae* и *De natura rerum*, гдѣ о медицинѣ идетъ только рѣчь во главѣ *De minutione sanguinis*.

Онъ совѣтуетъ въ іюніи пить по утрамъ натошакъ бокалъ холодной воды, въ іюлѣ—тоже, въ октябрѣ—козье или овечьѣ молоко для сообщенія крови большей сладости, для изгнанія камней и леченія легочныхъ болѣзней, притомъ мыться не слишкомъ часто, въ февралѣ грѣть члены, въ августѣ не освящать себя холодными купаньями, въ январѣ же погружать тѣло въ теплую воду.

Изданія: Beda Vener. *Opera*, Par. 1521, Lond. 1843³⁾.

Изъ эпохи Карла Великаго выдаются:

Hrabanus Magnentius Maurus (774—856), ученикъ Алкуина, архіепископъ майнцскій. Онъ оставилъ *Liber Etymologiarum* или *Physica, s. d. Universo*, въ 22 книгахъ, изъ коихъ шестая носитъ названіе: *De homine et partibus ejus*, а въ 18 кн. есть глава *De medicina et morbis*. Ни та, ни другая не обличаютъ въ немъ ни естественно-историческихъ, ни медицинскихъ свѣдѣній.

Изданія: Hraban. Mauri *Opera*, ed. Colvenerius, Col. Agr. 1626⁴⁾.

Walafridus Strabus изъ Швабіи, настоятель въ Рейхенау († 849, 42 лѣтъ отъ роду), оставилъ *Hortulus* (Viennae, 1510 и многія др. изд.), въ 25 главахъ и 444 гекзаметрахъ, гдѣ лекарственныя травы, произраставшія въ его монастырскомъ саду, описаны имъ какъ по древнимъ образцамъ, такъ и на основаніи собственныхъ наблюденій⁵⁾.

¹⁾ Spengler, l. c., въ *Janus*, III, 54—90. ²⁾ Choulant, l. c., 226.

³⁾ Vaas, l. c. 205 и Haeser, I, 632 ⁴⁾ Тамъ же, 636. ⁵⁾ Choulant, l. c., 228—231.

Къ X вѣку относится стариннѣйшее въ Италіи и вмѣстѣ въ еврейской литературѣ оригинальное медицинское сочиненіе врача

Шабатай бенъ-Абрагамъ, по прозванію **Donnolo** (сокращеніе отъ *Donnulus* или *Dominulus*, род. около 913 въ Отіа при Отранто). *Фармакологическіе отрывки*, гдѣ описаны 120 лекарственныхъ веществъ, преимущественно изъ растительнаго царства, и способы ихъ приготовленія для внутренняго и наружнаго употребленія, въ видѣ мазей и пластырей. Эти лекарственные вещества, почти исключительно римскаго и греческаго, рѣдко библейскаго и талмудическаго, и только одно („*Kelkh*“, *Gummi ammoniacum* или *Galbanum*)—несомнѣнно арабскаго происхожденія.

Подробности о его жизни находятся въ его комментаріи къ *Sepher Jezirah* (носитъ заглавіе *Sepher Tachketoni*). Первоначально онъ обучался у одного изъ умерщвленныхъ въ 925 г. законоучителей, р. Уриеля; по вятіи же его роднаго города маврами и отведеніи родителей и родныхъ его въ плѣнъ, онъ 12 лѣтъ отъ роду бѣжалъ учиться въ Тарентъ, а также „вѣроятно учился и въ салерской школѣ“ [*Carmony*]. Затѣмъ, не найдши во всей Италіи учителей астрономіи, обращался къ ученымъ грекамъ и арабамъ и наконецъ въ Багдадѣ отыскалъ ученаго Баграта, который и научилъ его астрономіи¹⁾.

Къ XI вѣку относится

Marbodus, изъ Анжу, епископъ въ Rennes въ Бретани († 1123), оставившій: *Lapidarius* (*De lapidibus pretiosis*), въ 743 плохихъ гексаметрахъ, гдѣ описываются мнимыя цѣлебныя и магическія свойства 60 драгоценныхъ камней. По собственному заявленію автора—это извлеченіе изъ сочиненія какого-то таинственнаго арабскаго короля *Eva x'a*, предвѣщаннаго для Нерона или Тиберія²⁾.

По мнѣнію *Meuser'a*, книга *Eva x'a* есть произведеніе толедскаго еврея, нѣчто въ родѣ магической книги, какихъ много читалось въ средніе вѣка въ монастыряхъ, не смотря на запрещеніе папъ (новѣйшее изданіе: *Marbodi Liber lapidum seu de gemmis*, ed Beckmann. Gottingae, 1799). Сочиненіе это переведено на французскій, итальянскій, датскій и еврейскій языки³⁾.

Odo Magdunensis, изъ *Meudon'a* или *Meune* на Луарѣ († 1161), мірянинъ, оставилъ въ началѣ XII в. сочиненіе:

Macer Floridus или *De viribus s. de naturis herbarum*, основанное на сочиненіяхъ Плинія, Гаргилія Марціалиса, Diosкорида, Палладія, *Apia* Орибазія и *Этимологіяхъ* Исидора (*Val. Rose*). Оно состоитъ изъ 77 главъ въ 2269 гексаметрахъ, трактующихъ о цѣлебныхъ свойствахъ 65 туземныхъ растений и 12 пряныхъ и туземныхъ лекарственныхъ веществъ.

¹⁾ Ср. *Carmony. Les médecins Juifs*, въ *Revue Orientale*, I, 352 и *Steinschneider, Donnolo* въ *Virchow's Archiv*. Bd. 38, 1867.

²⁾ *Choulant*, I, c., 244.

³⁾ Тамъ же, 252; *Haeser* I, 638 и *Steinschneider* въ *Virchow's Archiv*, B. 42.

Около 100 стиховъ перешло въ *Regimen Salernitanum*. Парацельсъ составилъ комментарий къ 37 главамъ.

Изданія. Ихъ было 22, самое старинное: Neapol. 1477; новѣйшее: Lips. 1832. Кромѣ того во множествѣ рукописей въ нѣмецкомъ и датскомъ переводахъ въ Вѣнѣ, Бреславлѣ и Копенгагенѣ. Изъ комментариевъ самый извѣстный Guergoult'a или Guergoult'a (Guillermus, Gueroaldus, въ XV в.), проф. медицины въ Сасо Французскій переводъ: Rouen, 1588, par Luc. Tremblay.

Это сочиненіе имѣло значительное вліяніе какъ на средневѣковую медицину въ Германіи вообще, такъ и на народную нѣмецкую фармакологию¹⁾.

Гильдегарда (Hildegardis de Pinguia, 1098—1180), настоятельница монастыря въ Ruppertsberg, близъ Бингена, оставила сочиненныя ею между 1151—59 гг. „*Physica*“ (вѣрнѣе *Фармакологія*), въ которыхъ описываются цѣлебныя свойства болѣе другихъ извѣстныхъ животныхъ, растений и минераловъ и рекомендуются: селедка—противъ чесотки, папоротникъ—противъ козней бѣса, зола комаровъ—противъ сыпей, водяная мята (*mentha aquatica*) противъ удушья, дикое просо (*rappicum crus*) противъ лихорадки, *viscia* (журавлиный горохъ; бобовина) противъ бородавокъ.

Изданія: *Physica sanctae Hildegardis. Elementorum, fluminum aliquot Germaniae* etc. Argentorati (Strassburg), 1533, 1544. *Liber beatae Hildegardis subtilitatum diversarum naturarum, creaturarum* etc. et sic de aliis quam multis bonis libri IX e cod. Parisiensi accurante Daremberg. Paris, 1856.

Комментаріи: Dahl, *Die heilige Hildegard*, eine histor. Abhandlung, Mainz, 1832.

Reuss, *de libris physicis S. Hildegardis commentatio historico-medica*, Würzburg, 1835.

Wolfenbüttel'ская рукопись, открытая Jessen'омъ, намѣревающимся издать ее, гораздо лучше и вѣрнѣе передаетъ взгляды XII в. въ области естественныхъ наукъ, медицины, исторіи нравовъ, сельскаго хозяйства и нѣмецкаго языка. Приписываемыя же Гильдегардѣ *Liber compositae medicinae* (открыто Jessen'омъ въ Копенгагенѣ) и *Epistolae* подѣльны, такъ какъ здѣсь почти не встрѣчается нѣмецкихъ выраженій и названій, конми столь изобилуютъ ея *Physica* ²⁾.

Alexander Neckam (род. 1157) или, какъ онъ самъ себя именуешь, „*Nequam*“, профессоръ парижскаго теологическаго факультета, оставилъ превосходно написанное латинское сочиненіе: *De rerum naturis*, въ которомъ первыя 2 книги представляютъ родъ 'компендія естественной исторіи, а 3 послѣднія книги—комментарій къ *Экклезиасту*.

Изданіе Alexander Neckam, *Naturis rerum* libr. II, with the poem of the same author: *de laudibus divinae sapientiae*, ed. by Thom. Wright, London, 1863

Въ *de naturis rerum*, кромѣ богословскихъ и естественно-историческихъ вопросовъ, рѣчь идетъ также о духовномъ развитіи, схоластикѣ и ея непригодности, а также объ университетахъ:

„*Quid de Salerno et Montepessulano [Montpellier] loquar, in quibus diligens medicorum solertia, utilitati publicae deserviens, toti mundo remedium, contra corporum in-*

¹⁾ Choulant, *Bücherkunde*, 233—243. ²⁾ Тамъ же, 302—309 и Haeser I, 641.

commoditates contulit? Civilis juris peritiam vindicat sibi Italia, sed coelestis scriptura et liberales artes civitatem Parisiensem ceteris praeferendam esse convincunt¹⁾.

Сюда относятся еще сочинения XII вѣка:

Philipp de Thau, *Livres des créatures* и *The bestiary* въ *Th. Wright Popular treatises on science written in the middle-age*, London, 1841²⁾.

Всѣ эти многочисленныя сочинения и въ особенности приведенныя выше латинскіе переводы съ греческихъ авторовъ говорятъ намъ о томъ, что медицинское преданіе, даже въ самый варварскій періодъ средневѣковой исторіи, сохранилось на всемъ западѣ, несмотря на паденіе римской имперіи, несмотря на разрывъ прежней связи между метрополіей и провинціями. Но самымъ главнымъ центромъ, откуда распространилась цивилизація и вмѣстѣ съ тѣмъ медицина, кромѣ арабской Испаніи, всетаки оставалась Италія, съ ея учрежденіями и духовной культурой, съ ея школами и книгами, хотя бы заимствованными изъ чужихъ источниковъ. Первое мѣсто въ Италіи между этими школами безспорно занимаетъ салернская, къ разсмотрѣнію которой и переходимъ.

Салернская школа.

Къ литературѣ о салернской школѣ.

1) M a z z a, *Urbis salernitanae historia et antiquitates*, Napoli, 1681.

2) A s k e r m a n n, *Regimen sanitatis Salerni, sive scholae salernitanae de conservanda bona valetudine praescripta. Praemissa est studii medici Salernitani historia*. Stendal, 1790. Здѣсь собраны и болѣе старинныя источники.

3) *Compendium Salernitanum*, открытое въ 1846 г. въ бреславльской библиотекѣ Henschel'емъ и состоящее изъ 35 сочиненій салернской школы, соединенныхъ въ одинъ пергаментный сборникъ, относящійся, вѣроятно, къ послѣдней трети 12^в. Эти сочиненія, однако, не оригинальныя, а болѣею частью составляютъ извлеченія и передѣлки другихъ сочиненій, открытыхъ впоследствии въ Италіи и Франціи.

4) H e n s c h e l, *Die Salernitanische Handschrift* въ его же *Janus*, I, 40 и 300.

5) H e n s c h e l, *Catalogus codicum medii aevi medicorum ac physicorum, qui manuscripti in Bibliothecis Vratislaviensibus asservantur*, Vratisl., 1847.

6) S a l v a t o r e d e R e n z i, *Collectio Salernitana, ossia documenti inediti et trattati appartenenti alla scuola medica Salernitana*. Napoli, 1852, 5 томовъ. Въ этотъ сборникъ вошли многія изъ сочиненій, открытыхъ Henschel'емъ, каковое открытіе собственно и подало поводъ къ поискамъ салернскихъ сочиненій въ итальянскихъ и французскихъ библиотекахъ, результатомъ коихъ и явился этотъ сборникъ, изданный de Renzi при содѣйствіи Henschel'я, Dargenberg'a и Baudry de Balsac'a.

7) D e R e n z i, *Storia documentata della schola medica di Salerno*, ed. 2, Napoli, 1857.

8) D a r g e n b e r g, *L'école de Salerne*, въ его же *La médecine, histoire et doctrines*, Paris, 1865.

9) H a e s e r, *Lehrbuch der Geschichte der Medicin*, Jena, 1875, I, 645 и слѣд.

10) S p r e n g e l, *Pragmatische Gesch. der Arzneykunde*, Halle, 1800, II, 463 и слѣд.

¹⁾ Тамъ же и 642.

²⁾ Тамъ же, 682.

Городъ Салерно былъ основанъ римлянами уже около 200 лѣтъ до Р. Х. на берегу одного изъ заливовъ Тирренскаго моря, въ области пиезенскихъ горъ, въ одной изъ очаровательнѣйшихъ мѣстностей южной Италіи, расположенной въ 28 миляхъ къ югу отъ Неаполя и 18 миляхъ къ сѣверу отъ Пестума. Первоначально онъ представлялъ собою римскую колонію, возникшую на мѣстѣ бывшей здѣсь раньше старинной греческой колоніи и восхвалявшуюся уже Гораціемъ, какъ превосходная климатическая лечебная станція ¹⁾. Весьма возможно поэтому, что тамъ уже рано имѣлись врачи. Съ введеніемъ христіанства Салерно сдѣлался также паломническимъ мѣстомъ, куда богомольцы со всѣхъ сторонъ стекались на поклоненіе хранившимся въ его кафедральномъ соборѣ святынямъ. Въ исторіи городъ этотъ впервые сталъ извѣстенъ въ 568 г. по Р. Х., по случаю взятія его въ томъ же году лонгобардомъ Албоиномъ. Въ 635 г. владѣльцами его сдѣлались князья Беневента; въ X в. онъ былъ обращенъ въ центръ отдѣльнаго княжества подъ владычествомъ лонгобардскихъ вождей, изъ коихъ многіе способствовали его украшенію и укрѣпленію и заботились о сохраненіи его древней культуры. Въ 1075 г. городъ съ окружающею его областью подпалъ подъ власть норманновъ, подъ предводительствомъ Robert'a Guiscard'a, а въ 1130 г. онъ былъ присоединенъ къ Неаполитанско-сицилійскому королевству. Владычество норманновъ, благодаря ихъ покровительству наукамъ въ южно-итальянскихъ школахъ, имѣло весьма важное культурно-историческое значеніе для всей позднѣйшей европейской образованности. Кромѣ Салерно были еще знаменитыя школы и въ сосѣднихъ городахъ, какъ въ Беневентѣ, славившемся своими философами, въ Амальфи, гдѣ во времена Рожера процвѣтала школа для греко-итальянскаго права, и въ Неаполѣ, гдѣ преподавалось нормандское государственное право, пользовавшееся полною независимостью отъ вліянія духовенства. Въ Салернѣ же, правда, духовенство играло весьма видную роль, такъ какъ съ 500 г. здѣсь уже были учреждены епископство и съ 974 г. архіепископство, а въ концѣ VII в. бенедиктинскій монастырь, не говоря уже о святыхъ мощахъ, привлекавшихъ массу паломниковъ; но зато здѣсь имѣлась кафедральная школа, основанная въ 802 г. при Карлѣ Великомъ, а также больницы, находившіяся въ вѣдѣніи іоаннитовъ, целестинцевъ, братьевъ креста и т. д., высшее же духовенство выдавалось ученостью и даже познаніями въ медицинѣ ²⁾. Очень можетъ быть, что благодаря именно обонимъ вышеуказаннымъ качествамъ Салерно, какъ

¹⁾ Horatius, Epistolae, I, 15.

²⁾ Ср. Haeser I, 646 и Sprengel, II, 466 и слѣд.;

климатическаго и какъ святаго мѣста, въ немъ и пробудился весьма рано и долго поддерживался живой интересъ къ медицинѣ, усиленный еще вліяніемъ сосѣднихъ сицилійскихъ грековъ, а впоследствии и арабовъ. Неудивительно поэтому, что здѣсь скоро возникла для изученія древнихъ гипократовская коллегія („collegium Hippocraticum“), приобрѣвшая современемъ такую славу, что и Салерно сталъ носить названіе „города Гипократа“ („civitas Hippocratica“). Членами этой коллегіи могли сдѣлаться и обыкновенные горожане. Какъ наставники и ученики, такъ и другіе члены были освобождены отъ податей.

Какъ ни темно происхожденіе этой существовавшей уже въ срединѣ IX в. школы, объ основаніи которой въ самомъ Салерно ничего не знали уже даже въ X вѣкѣ, несомнѣнно однако, что она уже съ самаго начала имѣла свѣтскій характеръ и устройство, такъ какъ учителями выступили люди женатые и даже женщины. Первоначально преподаваніе ограничивалось только одной медициной; впоследствии, по примѣру врачей, въ ней стали поучать также правовѣды и философы, и такимъ образомъ здѣсь постепенно дифференцировались и обозначились почти всѣ факультеты нынѣшнихъ университетовъ, за исключеніемъ богословскаго. Такъ какъ салернская школа можетъ быть рассматриваема какъ прообразъ позднѣйшихъ университетовъ, то мы сначала рассмотримъ нѣсколько подробнѣе его исторію, затѣмъ сочиненія салернской школы и наконецъ ея медицину.

Исторія салернской школы¹⁾, до послѣдняго времени почти неизвѣстная, получила совершенно новое освѣщеніе, благодаря проф. Геншелю, который, составляя каталогъ средневѣковыхъ медицинскихъ рукописей бреславльской бібліотеки, открылъ весьма любопытную рукопись, озаглавленную *Herbarius* и относящуюся къ XII вѣку. Эта рукопись содержитъ 35 статей салернскаго происхожденія, относящихся ко всѣмъ отдѣламъ медицины, за исключеніемъ хирургіи, по большей части, нигдѣ не напечатанныхъ.

¹⁾ Статья: „Исторія салернской школы“ составлена нами совместно съ глубоководуважаемой ж.-вр. Еваториной Исаевной Бродской, причѣмъ послѣдняя слѣдовала изложенію Дагембергъ, *L'école de Salerne* (см. литературу № 8), которое нами дополнено по другимъ сочиненіямъ. Согласно этому, всѣ мѣста съ ссылками на Дагембергъ принадлежать г-жѣ Бродской, остальныя нашему изложенію. Здѣсь кстати прибавимъ, что упомянутая статья Дагембергъ есть перепечатка, съ весьма незначительными измѣненіями, съ его же „Introduction“, къ изд. „*L'école de Salerne*“ (*Schola Salernitana* или *Flos medicinae*), traduction en vers français par Ch. Meaux Saint-Mars, avec le texte latin. Paris, 1869. Новѣйшее: Paris, 1880.

Второй изъ этихъ трактатовъ, носящій название *De aegritudinum curatione*, состоитъ изъ 173 главъ, содержаніе которыхъ заимствовано у главныхъ учителей салернской школы, частью извѣстныхъ, какъ Платеарій, Кофонъ, Тротула, частью появляющихся впервые въ исторіи (Вареломей, Петроній, Феррарій, Иоаннъ Аффлаций).

Эта находка была подробно описана Геншелемъ въ его же журналѣ „Janus“¹⁾, а самыя важныя отдѣлы *Codex Salernitanus* были напечатаны де Ренци изъ Неаполя. Послѣдній, на основаніи этихъ и другихъ открытыхъ имъ рукописей, составилъ новую исторію салернской школы и совмѣстно съ Дагембергъ издалъ „*Collectio Salernitana*“. Для біографій и исторіи литературы собрано де Ренци не мало данныхъ въ итальянскихъ и особенно въ неаполитанскихъ архивахъ. О богатствѣ этой школы можно было судить уже а priori, на основаніи многочисленныхъ заимствованій изъ нея, разсѣянныхъ въ произведеніяхъ авторовъ второй половины среднихъ вѣковъ²⁾.

Благодаря этимъ даннымъ, собраннымъ менѣе, чѣмъ въ 10 лѣтъ, возможно въ настоящее время возстановить довольно подробно исторію салернской школы въ продолженіе трехъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе, самое происхожденіе этой древнѣйшей изъ медицинскихъ школъ, основанныхъ послѣ паденія римской имперіи, остается невыясненнымъ.

Объ этомъ ничего не говорится у древнѣйшихъ хроникеровъ, въ остальномъ очень подробно описывающихъ Салерно. Легенда, приписывающая основаніе медицинской школы сарацинамъ, не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ до Константина Африканскаго, т. е. до конца XI в., въ салернскихъ сочиненіяхъ не видно никакихъ признаковъ арабской медицины. Только тремя вѣками позже началось мирное завоеваніе запада наукою арабовъ, о которой Константинъ далъ впервые понятіе своими многочисленными переводами. Нельзя игнорировать также латинскія школы, смѣнившія греческія, латинскіе переводы, быстро послѣдовавшіе за греческими оригиналами, а также глубокое вліяніе монастырей на распространеніе просвѣщенія въ средніе вѣка. За два вѣка до нашествія сарацинъ шла дѣятельная работа мірянъ и духовныхъ, которая провела науку среди невообразимыхъ бѣдствій отъ классической древности до возрожденія XIII вѣка³⁾.

Другая легенда, приписывающая основаніе салернской школы четыремъ почти мифическимъ лицамъ: арабу Adala (Abdallah?), еврею рабѣ Elinus'у, греку Pontus'у и

¹⁾ Первая и главная начальная буква (C) въ салернской рукописи, открытой Геншелемъ, представляетъ изображеніе преподающаго наставника въ сидячемъ положеніи, съ поднятыми вверхъ руками, въ синемъ со сборками таларѣ, съ красными отворотами рукавовъ, и бѣловатой четырехугольной шапочкѣ на головѣ; передъ нимъ трое учениковъ въ монашеской одеждѣ съ обнаженными головами и руками, благоговѣнно скрещенными на груди. Въ другомъ мѣстѣ инициалъ (F) изображаетъ только сидящаго учителя въ такомъ же таларѣ и надѣтой поверхъ его бѣлой туникѣ безъ рукавовъ, причѣмъ одна, демонстрирующая рука поднята, а другая держитъ развернутый пергаментный свитокъ. Въ другихъ трактатахъ встрѣчаются другія фигуры, напр. магистра, демонстрирующаго поднятый бокалъ съ мочей, или дракона, или же другія украшенія и арабески. Ср. Henschel, *Die Salernitanische Handschrift*, въ „Janus“, I, p. 41.

²⁾ Ср. Dagembert, *L'école de Salerne*, I. c., p. 125 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, 128, 129.

латинцу *Magister Salernus*, какъ бы олицетворяетъ этимъ четыре элемента, предполагавшіеся въ салернскихъ ученияхъ. И дѣйствительно, эти четыре народа были представителями просвѣщенія въ средніе вѣка и внесли, вѣроятно, каждый свою долю въ созданіе школы ¹⁾, причемъ преподаваніе велось каждымъ на родномъ языкѣ (*Mazza*).

Древнѣе легенда объ основаніи школы 7 врачами: „*Guglielmus de Bononia, Michael Stortus de civitate Salerni, Guglielmus de Raveyna, Enricus de Padua, Tetulus Graecus, Solonus Ebraeus* и *Adala Saracenus*“ ²⁾. Но хотя эти легенды не подтверждаются ни однимъ достовѣрнымъ извѣстіемъ объ участіи нехристіанъ въ качествѣ преподавателей салернской школы, а извѣстный еврейскій путешественникъ Беньяминъ Тудела, побывавшій въ Салерно послѣ 1160 г., весьма ясно говоритъ о тамошней семинаріи, какъ объ „эдомитско й“ („*optimum inter filios Edomi medicinae seminarium*“ ³⁾), причемъ прибавляетъ, что между всѣми 600 жившими въ Салернѣ евреями онъ не встрѣтилъ ни одного врача-еврея, а во всей Италиі только одного, а именно *Напапеел'я* въ Амальфи, тѣмъ не менѣе, какъ *de Renzi* и *Meuer* (*Gesch der Botanik*, III, 458), такъ и *Haeser* (I, 647) основательно полагаютъ, что нельзя безусловно отвергнуть участіе евреевъ въ основаніи салернской школы, какъ это доказано историческими фактами и для медицинской школы въ Монпелье. Не говоря уже о томъ, что и во времена Б. Туделы въ Салернѣ не было недостатка во врачахъ-евреяхъ, въ хроникахъ 1005 и 1015 гг. положительно встрѣчаются имена осѣдлыхъ въ Салернѣ врачей евреевъ „*Judas'a* и *Josep'a*“ ⁴⁾.

Не выдерживаетъ критики также и предположеніе *Аккермана*, что истиннымъ основателемъ школы былъ *Константинъ Африканскій*, славившійся около 1075 г., и что до него салернскіе врачи не пользовались извѣстностью и не составляли сословія преподавателей. Многочисленные историческіе факты, сохранившіеся въ литературѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что Салерно задолго до *Константина* славился многочисленными врачами, изъ которыхъ нѣкоторые носили даже названія *учителей* („*magister*“), и что туда отправлялись для излеченія многія извѣстныя лица. Неизвѣстно даже достовѣрно, жилъ ли вообще когда либо *Константинъ* въ Салерно.

De Renzi безъ труда доказалъ, что основаніе салернской школы нельзя приписать также ни *ломбардскимъ* принцамъ изъ *Беневента* (около половины VII в.), ни *бенедиктинцамъ* (въ 700 или 900 годахъ).

Наконецъ *Darembertg* отрицаетъ духовное происхожденіе школы, которое *Meuer* и *Ruscipotti* одно время отстаивали на основаніи древнѣйшихъ салернскихъ писаній, гдѣ имена мірянъ перемѣшаны съ именами духовныхъ лицъ. Эти рукописи вообще не носятъ слѣдовъ священныхъ доктринъ, что не мѣшаетъ однако *Darembertg'u* признавать за монахами и вообще духовными лицами дѣятельное участіе въ преподаваніи и медицинской практикѣ въ Салерно, какъ и во всей духовной жизни среднихъ вѣковъ ⁵⁾. Свѣтскій характеръ школы вытекаетъ еще, какъ сказано выше, изъ несомнѣннаго факта, что нѣкоторые начальники ея, „*rigiores*“, т. е. деканы, а также и профессора были женаты, въ особенности же изъ того, что между преподавателями медицины фигурируютъ женщины, дочери и супруги профессоровъ. Помимо свойственнаго вообще

¹⁾ Ср. *Darembertg*, I. c., 130.

²⁾ *De Renzi, Collectio Salernitana*, I, 106 и слѣд.

³⁾ Ср. *Haeser*, I, 647. Въ имѣющемся у насъ экземплярѣ съ лат. переводомъ, *Benjamin Tudela, Itinera*, p. 16, сказано просто: „*scholam medicorum Edomaeorum*“.

⁴⁾ *De Renzi, Collectio Salernitana*, III, 325, 326.

⁵⁾ *Darembertg*, I. c., 130—133.

женщинамъ обращенія съ домашними средствами, имѣвшаго мѣсто безъ сомнѣнїя и у салернитанокъ, многія изъ нихъ уже тогда избрали изученіе медицины какъ средство къ существованію, причемъ дѣятельность ихъ не ограничивалась однѣми женскими болѣзнями, но обнимала всю практическую медицину, не исключая болѣзней мужскихъ половыхъ органовъ. Сюда относятся въ XI вѣкѣ—Abella, оставившая сочиненія *De atra bile* и *De natura seminis humani*, и въ особенности знаменитая Trotula, о которой ниже скажемъ подробно, въ XIV вѣкѣ—Constanza (Constanzella) Calenda, дѣчь медицины, дочь пріора неаполитанскаго медицинскаго факультета, выдававшаяся одинаково какъ своей красотой, такъ и ученостью, въ XV в.—Mercuriadis, занимавшаяся много хирургіей, и Ребесса Guarна, изъ знаменитаго рода Guarна, связаннаго родственными узами съ нормандскими королями; она оставила послѣ себя сочиненія: *О лихорадкахъ*, *О мочѣ* и *О зрѣдильницѣ*.

Наконецъ свѣтскій характеръ салернской школы подтверждается несомнѣннымъ фактомъ находенія въ числѣ слушателей евреевъ, которые, по словамъ Мазза, въ концѣ XI вѣка представляли преобладающій контингентъ слушателей: „nil mirum, si illustriores viri studiosi undique Salernum affluebant ex gente praesertim hebraica“¹⁾.

Несомнѣнно то, что въ неаполитанскихъ архивахъ de Renzi нашель имена салернскихъ врачей съ 848 г. и что въ рукописяхъ XI и XII вв. салернская школа представляется уже очень старой. Раньше всѣхъ упоминается въ 848 и 856 гг. вышеназванный „Josep medicus“ и въ 855 г. „Josap [Josua?] medicus“; затѣмъ въ концѣ IX в. Ragenfrid и Alphanus I, епископъ салернскій, а при дворѣ Людовика-Простого до 924 года жилъ врачъ, получившій образованіе въ Салерно, хотя въ диспутѣ съ епископомъ Deroldus'омъ оказался „nulla literarum scientia imbutus“. Въ X вѣкѣ слава салернской школы установилась уже такъ прочно, что къ ней обращались за помощью какъ высокопоставленные міряне, такъ и князья церкви, какъ напр. Adalbero, епископъ вердэнскій (въ 984 г., безъ успѣха), Дезидерій, настоятель Monte Cassino, впоследствии папа Викторъ III, Вильгельмъ-Завоеватель, король англійскій²⁾. Въ 1166 г. Romualdus Guarна, архіепископъ салернскій, впоследствии лейбъ-медикъ при папѣ, былъ приглашенъ въ сына короля Вильгельма, умершему отъ кроваваго поноса. Въ началѣ XIII в. салернскій врачъ Bernardus Guindacius былъ приглашенъ лейбъ-медикомъ въ Константинополь³⁾. Салернская школа воспѣвалась даже въ поэмахъ, напр. въ *Carmen Archipoetae de itinere salernitano*, сочиненномъ между 1162—1164 г. однимъ изъ приближенныхъ кельнскаго епископа Рейнельда⁴⁾, которое въ началѣ гласить:

1) Ср. Dagemberg, I, с. 165 (въ примѣчаніи) и Haeser, I, 651.

2) Тамъ же, 648 и Sprengel, II, 466.

3) De Renzi, *Collectio salernitana*, I, 297.

4) Ср. Haeser, I, 649.

„Laudibus eternum nullus negat esse Salernum.
 Illuc pro morbis totus circumfluit orbis.
 Nec habet sperni, fateor, doctrina Salerni,
 Quamvis exosa michi [michi] sit gens illa dolosa“¹⁾.

Самая организація школы указываетъ на усвоеніе ею впоследствии строя арабскихъ академій, а именно:

7-лѣтній курсъ ученія, 21-лѣтній возрастъ, выдержаніе испытанія въ знакомствѣ съ сочиненіями Гипократа, Галена и арабовъ, законное происхожденіе, общаніе учить правильно и согласно преподааннымъ наставленіямъ, не давать ядовъ, лечить бѣдныхъ бесплатно,—вотъ условія и требованія, по выполненіи которыхъ кандидатъ получалъ кольцо, лавровый вѣнокъ, поцѣлуй, благословеніе и титулъ „magister“ или „doctor“, впервые появившіяся въ хирургіи Roger'a въ XIII вѣкѣ и предоставлявшій право преподавать и практиковать гдѣ вздумается. Слово „doctor“, какъ полагаютъ, есть переводъ еврейскаго „рабби“ или „раббанъ“, т. е. „учитель“ или „ученный“ и, очевидно, перешло въ Салерно отъ арабовъ или евреевъ²⁾. Впрочемъ юристы не удостоивались степени доктора: „et in medicina possunt doctorari; non autem doctorari possunt in iure civili et canonico“³⁾. Врачи назывались также „dominus“ или „ser“.

Окончательную организацію съ переименованіемъ въ университетъ салернская школа получила въ 1213 г., когда императоръ Фридрихъ призналъ всѣ 3 отдѣленія, медицинское, юридическое и философское, государственнымъ учрежденіемъ, причемъ однако медицинское всегда стояло на первомъ планѣ.

Весьма вѣроятно, что благодаря здоровому климату, о которомъ упоминаетъ уже Гораций, въ Салерно сформировалась постепенно медицинская школа во времена, довольно близкія къ паденію римской имперіи. Такое древнее происхожденіе школы не должно считаться единичнымъ фактомъ: въ ломбардскомъ кодексѣ, изданномъ Троя, упоминается о многихъ врачахъ изъ разныхъ городовъ Италіи, да и въ законахъ, изданныхъ варварами въ это время, врачамъ и врачебной наукѣ придается большое значеніе. Такое процвѣтаніе медицинской школы въ началѣ XI в. заставляеть предполагать, что и до того времени наука не была въ такомъ упадкѣ, какъ то любятъ утверждать историки; надо скорѣе думать, что существуетъ естественная преемственная связь между этой школой и тѣми греческими школами, которыя при первыхъ императорахъ были такъ распространены по Италіи и отчасти Галліи.

Мы уже выше говорили о многочисленныхъ латинскихъ переводахъ и сочиненіяхъ, получившихъ широкое распространеніе на западѣ. Кромѣ того открытъ Dagemberg'омъ *Медицинскій Сборникъ* (*Somme*

¹⁾ Ср. тамъ же и Dagemberg, l. c. 168.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 475 и Ваас, l. c., 208.

³⁾ De Nigris, у Askermann'a (№ 2) p. 83.

médicale), проникнутый методической доктриной, пользовался повидимому большой популярностью въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ. Этотъ сборникъ состоитъ изъ извлеченій изъ различныхъ авторовъ, относящихся къ разнымъ отдѣламъ медицины. Одинъ салернскій врачъ, по имени *Gariopontus* или *Garimprotus*, которому приписываютъ много компиляцій, улучшилъ языкъ этого сборника и привелъ въ порядокъ его содержаніе. Дѣятельность его, какъ доказалъ *de Renzi*, относится приблизительно къ 1040 г. Эти многочисленные латинскіе переводы съ греческихъ авторовъ, этотъ сборникъ, принятый въ Салерно и оттуда распространившійся въ исправленномъ видѣ по всему западу, говорятъ намъ о томъ, что Италия оставалась просвѣтительницей западнаго міра, не смотря на разрывъ прежней связи между метрополіей и провинціями. Италия распространяла цивилизацію своими учрежденіями и духовную культуру своими школами и книгами, хотя бы заимствованными изъ чужого источника ¹⁾.

Что касается роли салернской школы въ дѣлѣ распространенія *медицинскихъ* званій, то она продолжалась около 3 столѣтій, благодаря преимущественно тому обстоятельству, что она въ теченіе этого періода была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было приобрести высшее медицинское образованіе. Но мало по малу слава ея затмилась другими подобными учрежденіями. Правда, въ срединѣ XIII в. еще выдѣляется среди множества именъ имя хирурга *Roger's*, послѣдняго изъ салернскихъ учителей ²⁾. Къ этому же времени появляются военные врачи, патентованные спеціалисты по глазнымъ болѣзнямъ, по леченію ранъ и грыжъ; встрѣчаются упоминанія объ особенныхъ дипломахъ женщинъ. Число придворныхъ врачей въ это время многочисленно и званіе это сопряжено съ многими преимуществами; установлена норма гонорара для профессоровъ (для нѣкоторыхъ двѣнадцать унцій въ годъ). Встрѣчаются врачи-священники, присяжныя акушерки, въ особенности для дамъ изъ аристократіи Салерно и Неаполя. Въ срединѣ XIII же вѣка *Gegardus* изъ Кремоны популяризируетъ своими переводами арабскія книги. Послѣднія сильно распространяются, и салернская школа теряетъ свою независимость, хотя продолжаетъ еще славиться, благодаря своей организаціи, которую ввелъ Фридрихъ II въ дѣло изученія и практики врачебнаго искусства въ Салерно ³⁾.

До поступленія въ медицинскую школу онъ сдѣлалъ обязательнымъ изученіе философскихъ и словесныхъ наукъ въ продолженіе 3 лѣтъ. Теоретическое изученіе медицины должно было продолжаться по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ, послѣ чего требовалось еще заниматься въ продолженіе года при опытномъ врачѣ, что, повидимому, указываетъ на отсут-

¹⁾ *Dagembert*, l. c. pp. 133—136. Нѣсколько дальше (р. 138) *Dagembert* противорѣчитъ себѣ, называя уже *Petrocellus's* „l'auteur de la *Somme médicale*“.

²⁾ т. е. вѣрныхъ греко-латинскому преданію. ³⁾ Тамъ же, 164—166.

ствіе клиникъ при больницахъ. Врачи, желавшіе посвятить себя хирургіи, обязаны были, помимо общемедицинскаго курса, пройти подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ-хирурговъ еще спеціальнй курсъ анатоміи чловѣка и практической оперативной хирургіи въ продолженіе года. Право медицинской практики давалось членами салернской коллегии и подтверждалось одобреніемъ императора или его представителя. Всякій врачъ, нарушившій эти правила, подвергался суровому наказанію, даже тюремному заключенію. Преподаватели должны были опираться въ своихъ лекціяхъ на подлинныя книги Гипократа и Галена¹⁾. Врачебный гонораръ былъ опредѣленъ какъ для города, такъ и для окрестностей²⁾. Врачамъ вѣдѣлся въ обязанность надзоръ надъ дрогистами (*stationarii*) и аптекарями (*confessionarii*), но строго воспрещались всякія сдѣлки съ ними, участіе въ ихъ предпріятіяхъ или содержаніе собственной аптеки. Аптечное дѣло подвергалось строгой регламентаціи: число аптекъ было ограничено, цѣны на лекарства таксированы; торговцы лекарствами давали присягу повиноваться законамъ. Кромѣ врачей Салерно, для инспекціи надъ аптеками назначались еще два правительственныхъ чиновника, которые слѣдили за аккуратнымъ приготовленіемъ лекарствъ. Кромѣ того были изданы распоряженія, касающіяся общественной гигіены и медицинской полиціи, въ особенности въ отношеніи заразныхъ болѣзней, продажи ядовъ, любовныхъ напитковъ и иныхъ симпатическихъ средствъ³⁾.

Эта строгая организація, въ связи съ прежней славой, привлекала въ Салерно еще много врачей и любителей. Французскія поэмы XIII в. восхваляютъ Салерно и его врачей; влюбленные ищутъ въ немъ чудесныхъ напитковъ; въ своихъ обширныхъ и цѣнныхъ энциклопедіяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „*Zerkaal*“ и написанныхъ въ это же время, Vincent de Beauvais часто пользуется произведеніями салернскихъ врачей⁴⁾. Но съ учрежденіемъ медицинскихъ школъ въ Болоньѣ, Падуйѣ и Монпелье, имѣвшихъ болѣе удобное географическое положеніе и представлявшихъ болѣе благопріятную почву для международныхъ сношеній, салернская школа мало по малу была отодвинута своими болѣе счастливыми соперницами на второй планъ. Особенно чувствительный ударъ значенію салернской школы нанесъ тотъ же Фридрихъ II основаніемъ университета въ 1224 г. въ Неаполѣ съ одновременнымъ закрытіемъ всѣхъ другихъ университетовъ имперіи, причемъ дѣлу не помогло даже сдѣланное въ этомъ отношеніи въ пользу салернской школы исключеніе. Эта привилегія и введенная Фридрихомъ новая регламентація салернскаго института послужили только къ искусственному продленію существованія отживающаго учрежденія, которое неудержимо, хотя и медленно, стало близиться къ своему упадку.

¹⁾ Тамъ же, 166.

²⁾ „Въ городѣ врачъ получаетъ $\frac{1}{2}$ *tarenus*'a (золотая монета вѣсомъ въ 20 гранъ), 2 *tareni* при выѣздѣ за городъ на иживеніи больного и 4 *tareni* на собственныхъ расходахъ; по требованію больного обязательны 2 визита за день и одинъ ночью; леченіе бѣдныхъ бесплатно“.

³⁾ Dagemberg, l. c., 167.

⁴⁾ Тамъ же, 168.

Правда, при Ангевинахъ (1266—1435) болѣе 120 врачей еще жило въ Салерно и множество въ окрестностяхъ¹⁾ De Renzi удалось отыскать много до того неизвѣстныхъ именъ, но въ этомъ періодѣ салернская медицина носитъ всецѣло арабскій характеръ; только хирургія, подъ вліяніемъ Roger'a, сохранила традиціи греко-латинскія; ученныя работы не такъ часты и не такъ знамениты; Неаполь пользуется вниманіемъ правителей, сильно соперничаетъ съ Салерно; усиленная регламентація, раздоры, все способствуетъ паденію прежней ученой славы. При Арагонскихъ правителяхъ (съ 1436 г. до начала XVI в.) упадокъ прогрессируетъ. На время, при испанскихъ прицахъ, и Салерно какъ бы возрождается, увлеченный всеобщимъ оживленіемъ; но болѣе молодые соперники убиваютъ старое учрежденіе. Когда въ 1748 г. парижскій медицинскій факультетъ совѣтуется съ врачебною коллегіей Салерно по поводу спора между французскими терапевтами и хирургами, это учрежденіе существовало уже только по имени²⁾. И хотя въ 1789 г. число получавшихъ здѣсь степень доктора было весьма велико, но декретомъ 29 ноября 1811 г., окончательно упраздняется салернская школа, образецъ и мать всѣхъ средневѣковыхъ университетовъ. Принципъ наполеоновской централизаціи подчиняетъ себѣ все, и Салерно получаетъ какъ бы изъ милости подготовительный медицинскій институтъ, медицинскій лицей, нѣчто въ родѣ вспомогательной врачебной школы. Университетъ, правда, былъ здѣсь восстановленъ Бурбонами, но ничто уже не въ силахъ было поднять отжившее учрежденіе.

„Въ настоящее время“, заключаетъ Dagembert свой этюдъ о салернской школѣ, „въ Салерно нѣтъ и слѣда прежняго величія; тщетно мы будемъ искать тамъ память Petronius'a, Sorbon'a, Platearius'a, Bartholomaeus'a, Musandinus'a, Maurus'a. Никто не знаетъ ни прекрасной Trotula, ни ловкаго Константина“.

Единственный человѣкъ, помнящій старинную славу свою городка, котораго въ 1849 г. нашель въ Салерно Dagembert, былъ д-ръ Santorelli, но и у него не нашлось порядочнаго изданія *Regimen salernitanum*. Ни въ одной библіотекѣ не было и слѣда старинныхъ рукописей. „На мѣстѣ прежняго величія и оживленія все въ маленькомъ итальянскомъ городкѣ говорило о забвеніи и запустѣніи“³⁾.

Въ заключеніе прибавимъ, что число преподавателей медицины за все тысячелѣтіе существованія салернской школы (800—1811) дошло до 340.

Краткій обзоръ медицинскихъ сочиненій салернской школы. Согласно вышесказанному, въ медицинѣ салернской школы можно различать три періода: *греческій*, *греко-арабскій* и *арабскій*, начинающійся только полтора вѣка спустя послѣ Константина Африканскаго. Не смотря на многочисленные переводы, вліяніе арабской медицины на западѣ вначалѣ еще слабо. Только въ концѣ XII в., она начинаетъ вытѣснять медицину греко-латинскую, перемѣна, по выраженію Dagembert'a, болѣе внѣшняя, такъ какъ за исключеніемъ *фармакологіи*, обогатившейся новыми средствами, основныя доктрины самихъ арабовъ были заимствованы у древнихъ.

¹⁾ Dagembert, l. c. 168.

²⁾ Тамъ же, 169.

³⁾ Тамъ же, 170, 171.

А. Греческій періодъ салернской школы¹⁾. Изъ трехъ доктринъ греческой медицины: догматизма (Гиппократъ и Галенъ), основаннаго на гуморальной патологiи, а именно на теорiи 4 влагъ, ихъ элементарныхъ качествахъ и естественныхъ силахъ, методизма, полагавшаго причину болѣзней въ сжатiи и расслабленiи поръ (*constrictio, relaxatio*), и эмпиризма, опиравшагося исключительно на наблюденiя, въ салернской школѣ сначала преобладаютъ первыя двѣ доктрины. И дѣйствительно, самыя старыя рукописи представляютъ любопытную смѣсь ортодоксальнаго галенизма и еретическаго методизма. Древнѣйшимъ писателемъ этого періода считается жившій въ первой половинѣ XI в. лонгобардъ

Gariopontus († до 1056; назывался иногда также *Garimproptus, Warimbotus, Raimbotus, Warbodus*). Приписываемыя ему сочиненiя основаны на передѣлкахъ Гиппократа, Галена, Целiя Аврелиана, Александра Траллiйскаго, Павла Эгинскаго и т. п.²⁾ Любопытно, что онъ считалъ себя истиннымъ послѣдователемъ строгаго догматизма, хотя, не отдавая себѣ яснаго отчета, принялъ въ свои сочиненiя множество положенiй методической доктрины³⁾. Къ несомнѣнно ему принадлежащимъ сочиненiямъ относятся:

1) *Passionarius*, въ 5 (или 8) книгахъ.

Рукописи въ Римѣ, Флоренціи и въ Базелѣ, въ послѣднемъ подъ заглавiемъ: *Passionarium, seu Practica morborum Galeni, Theodori Prisciani, Alexandri et Pauli, quem Gariopontus quidam Salernitanus ejusque socii una cum Albicio emendavit, ab erroribus vindicavit et in hunc ordinem rededit* Любопытно сопоставленiе именъ Галена, Александра изъ Tralles'a и Павла Эгинскаго съ именемъ Присциана!

Изданiя: „*Galenus Pergamensis*“ *Passionarius* etc. Lugd. 1516, 1526; Basil., 1531 и 1536. Это изданiе содержитъ: *Garioponti vetusti admodum medici* etc. *πραξιων libri V* и

2) *De febris libri II*. Также въ *Collect. De febris*, Venet. 1576⁴⁾.

Кромѣ того ему приписываютъ: „*Methodicon*“ [*Methodicon?*], *Liber mathematicorum, L. physicorum, De remediis expertis* и *De chirurgia*, о которой упоминаетъ Roger изъ Пармы⁵⁾.

Въ первой книгѣ *Passionarii* разсматриваются болѣзни головы и шеи, во второй—груди, желудка, печени, въ третьей—остальныхъ внутренностей, въ четвертой болѣзни конечностей съ прибавленiемъ о пицѣ и винахъ, въ пятой—нѣкоторыя общія и наружныя болѣзни. Вездѣ сначала излагаются симптомы, а потомъ леченiе. Симптоматика вообще удовлетворительна⁶⁾.

¹⁾ Сочиненiя этого періода были весьма распространены, какъ доказываютъ находящiяся во всѣхъ странахъ Европы многочисленныя рукописи и переводы на мѣстные и даже на еврейскiй языки (Ср. Steinschneider, *Virchow's Archiv*, B. 42, стр. 57).

²⁾ Choulant, *Bücherkunde*, 257. ³⁾ Ср. Dagemberg, l. c., 138.

⁴⁾ Choulant, *Bücherkunde*, 260.

⁵⁾ Ср. Haeser, l. c., 660.

⁶⁾ Choulant, l. c. 259.

Четвертая книга *Passionarii* почти цѣликомъ состоитъ изъ приведеннаго выше „*Escularius*“ (сс. 1—3), извлечения изъ сочиненія Александра Траллійскаго (сс. 4—18); остальное заимствовано изъ *Ad Glauconet* Галена и книги Павла Эгинскаго.

Въ *De febribus* различаются три рода лихорадокъ: „unum in spiritibus, alterum in humoribus, tertium in solidis etc.“¹⁾ Современникомъ *Gariontus'a* былъ, вѣроятно,

Petroncellus (Petronius, Petricellus), оставившій:

1) *Practica* въ *de Renzi Collectio Salernitana*, IV, 185—291 и 2) *Curae Petroncelli* (тамъ же, 292—315), отрывки значительно позднѣйшаго происхожденія переведенные и на еврейскій языкъ²⁾.

Alphanus I, около половины XI в., извѣстный какъ врачъ и пѣвецъ, впоследствии архіепископъ въ Салерно, оставилъ:

1) *De quatuor elementis corporis humani*.

2) *De unione corporis et animae*.

3) Латинскій переводъ *De natura hominis* Немезія подъ названіемъ: „*Premnon fisicon*“ и коротенькій трактатъ: *De quatuor humoribus, ex quibus constat humanum corpus* (въ *de Renzi, Collectio Salernitana* II, 411, 412)³⁾.

Далѣе къ XI в. принадлежатъ:

Sorhon-старшій, о которомъ упоминаетъ *Trotula* въ своемъ трактатѣ *О женскихъ болѣзняхъ*; онъ оставилъ—*Anatome porci*, интересную еще потому, что авторъ его, какъ полагаютъ нѣкоторые (Henschel), былъ еврей⁴⁾. Другой, носящій тоже имя и писавшій около 1090 г. (Haeser)⁵⁾,

Sorhon-младшій, оставилъ *Ars medendi*, гдѣ часто цитируетъ Кофона I.

Издація: *Anatome porci*, Hagenoae, 1532; также въ *de Renzi*, l. c., II, 388—391 и въ *Jac. Bernhold, Initia doctrinae de ossibus et ligamentis corporis humani*, Norimberg. et Altdorf, 1794.

Ars medendi—въ *Collectio Caesaraci*, Argentorati 1534; вмѣстѣ съ *Opp. Mesue*, Venet., 1582⁶⁾ и въ *de Renzi, Collect. Salernitana*, IV, 415—504.

Anatome Porci Кофона-старшаго занимаетъ всего 2¹/₂ страницы (въ изд. *de Renzi*) и ограничивается только перечисленіемъ частей тѣла и нѣсколькими скудными замѣтками по физиологій и патологій.

Ars medendi Кофона-младшаго начинается введеніемъ, которое заключаетъ подробную патологій и терапій, основанную на началахъ

¹⁾ Тамъ же, 259.

²⁾ Ср. Steinschneider, Donnolo, 107 (Отд. оттискъ Berlin, 1868).

³⁾ Ср. Haeser, I, 661.

⁴⁾ Henschel, De prax. med. Salernit. p. 12. Steinschneider (*Virch. Archiv*, 1867, p. 86) отрицаетъ еврейское происхожденіе Кофона-старшаго.

⁵⁾ Согласно *Dagembergy* l. c., 152, Кофонъ-младшій писалъ между 1100—1120 г.

⁶⁾ Choulant, *Bücherkunde*, 263.

Галена и методической школы, затѣмъ слѣдуетъ ученіе о лихорадкахъ въ особенности перемежающейся, и о болѣзняхъ отдѣльныхъ органовъ, причѣмъ рядомъ съ необыкновенно чистой для того времени латынью здѣсь поражаютъ тщательное установленіе показаній, замѣчательная простота способовъ леченія и близкое, основательное знакомство съ *Афоризмами* Гипократа.

Johannes Platearius I (также а Platea), родоначальникъ цѣлаго поколѣнія врачей¹⁾, оставилъ:

1) *Practica brevis*—частная патологія и терапія внутреннихъ болѣзней, гдѣ вкратцѣ изложены причины, симптомы и леченіе отдѣльныхъ болѣзней.

Издавія: Ferrar. 1488, Venet. 1499 и 1530, Lugd. 1525²⁾. Согласно Puccinotti существуетъ множество рукописныхъ итальянскихъ и французскихъ переводовъ.

2) *Regulae urinarum*, открыты Dagemberg'омъ въ Вѣнѣ и напечатаны у de Renzi (I. c., IV, 409—412)³⁾.

Вполнѣ ортодоксально-догматическимъ духомъ проникнуты произведенія, которыя оставила знаменитая

Trotula (Trota, Truta, по нѣкоторымъ Eros), урожденная de Ruggiero, потомки каковой семьи еще и понынѣ живутъ въ Салерно. De Renzi удалось освѣтить эту интересную, почти легендарную личность. Въ настоящее время извѣстно, что она занималась не только женскими болѣзнями, но и другими отраслями медицины. Ей приписываютъ сочиненія:

- 1) *De mulierum passionibus ante, in et post partum* и
- 2) *De compositione medicamentorum*.

Издавія: Trotula, de *passionibus mulierum* въ *Experimētarius medicinae*, Arg. 1544, въ *Collect. Aldina*. Venet, 1547 и въ *Gynaecia* C. Wolp'а, Basil., 1506, 1586 и Argenterati, 1597. Здѣсь авторомъ названъ болѣе старинный римскій врачъ, Eros,—мнѣніе, которое еще въ прошломъ столѣтіи опровергалъ Gruneg въ недостаточно обоснованномъ сочиненіи: „*Neque Eros, neque Trotula, sed salernitanus quidam medicus, isque Christianus, auctor libelli est, qui de morbis mulierum inscribitur*“. Progr. Jena, 1773. Въ вѣнской и бреславльской бібліотекахъ есть еще рукописныя извлеченія подъ заглавіемъ *Trotula major et minor*, въ бреславльской—рукопись: „*Practica Trotulae, mulieris salernitanae, de curis mulierum*“ (главнымъ образомъ косметика); во Флоренціи—рукопись: *Trotula, in utilitatem mulierum et pro decoratione earum scilicet de facie et vulva earum*⁴⁾.

Что Trotula жила въ Салерно, доказываютъ отрывки изъ *Compendium Salernitanum* и *De passionibus mulierum*. Ея дѣятельность относится приблизительно въ 1059 г., такъ какъ къ ней, повидимому, относится разсказъ

1) Вотъ ихъ генеалогія: Johannes Platearius I; сыновья его: Johannes Platearius II, Matthaеus Platearius; внуки: Matthaеus Platearius II, Johannes Platearius III.

2) Choulant, I. c., 295 и 302.

3) Haеver, I, 662. 4) Тамъ же, 663.

Odericus Vitalis'a о томъ, что Rodolphus, по прозванію Mala-Corona, прибывъ въ 1059 г. въ Салерно, не нашелъ никого, кто бы могъ съ нимъ поспорить въ знаніяхъ, кромѣ „nobilis matrona“, весьма ученой женщины („quandam sapientem matronam“) ¹⁾. Вообще имя ея часто встрѣчается въ произведеніяхъ XI и XII вѣвовъ. Возможно, что она была женой Платеарія I. Ниже мы скажемъ подробнѣе о главномъ ея сочиненіи.

О роли и вліяніи жившаго во второй половинѣ XI в. Константина Африканскаго какъ на средневѣковую медицину вообще, такъ въ частности, быть можетъ, и на медицину салернской школы, рѣчь была уже въ другомъ мѣстѣ ²⁾. Какъ сказано выше, съ точностью еще не установлено, жилъ ли самъ Константинъ въ Салерно. Зато несомнѣнно, что два его ученика, Afflaciус и Bartholomaeus, принадлежали къ числу самыхъ замѣчательныхъ салернцевъ второй половины XI в., изъ нихъ

Johannes Afflaciус (род. около 1040), называемый иногда „Saracenus“, оставилъ два сочиненія:

De febribus (въ Coll. salern., II, 737—768), гдѣ изложены какъ взгляды Платеарія и Вареоломаея (см. ниже), такъ и его собственныя, которме, по выраженію Henschel'я, оказались дѣйствительно ему лично принадлежащими, а не Константину, какъ полагали прежде, такъ какъ т. н. „*Liber aureus*“, въ составъ коего входятъ отрывки изъ *De aegritudinum curatione* и *Curae de febribus Afflaci* и который прежде приписывался Константину, въ дѣйствительности, какъ доказалъ Геншель, принадлежитъ самому Afflaciусу ³⁾.

2) *Curae Afflaci de febribus* (въ Coll. Salern. II, 143), какъ упомянуто выше, составная часть его же „*Liber aureus*“. Здѣсь весьма подробно изложено извѣстное въ это время ученіе о различныхъ формахъ и способахъ леченія лихорадокъ, какъ по наблюденіямъ самого Аффлаціа, такъ и по наблюденіямъ Вареоломаея и Петронія ⁴⁾. Другой ученикъ Константина,

Bartholomaeus Salernitanus, оставилъ сочиненіе:

Introductiones et experimenta in practicam Hippocratis, Galeni, Constantini, graecorum medicorum, которое напечатано подъ заглавіемъ: *Bartholomaei Salernitani Practica*, въ первый разъ въ Coll. Salern. IV, 321—408.

Это сочиненіе уже въ XIII в. было переведено на нѣмецкій, нидерландскій и датскій языки. Изъ множества рукописныхъ переводовъ Haeser въ особенности хвалитъ бреславльскій, въ 4 книгахъ, обнимающій весь объемъ медицинскаго знанія XIII в. и основанный на сочиненіяхъ какъ Вареоломаея, такъ въ особенности арабскихъ врачей, а

¹⁾ Dargenberg, l. c., 140, 141.

²⁾ См. выше, стр. 270.

³⁾ Ср. Henschel „Die Salernitanische Handschrift“ въ его же „Janus“ I, 322 и 355.

⁴⁾ Тамъ же, 320, гдѣ приведено подробное изчисленіе главъ *De febribus Afflaci*.

также Платеарія I и Nicolaus Praepositus'a (вся 4 книга). Особенно важное значеніе эта рукопись имѣетъ по отношенію къ исторіи нѣмецкаго языка ¹⁾.

Къ XII в. относятся:

Archimatthaeus или Matteo Vescovo [de Renzi], около 1100 г., оставившій два очень важныхъ въ исторіи медицины сочиненія:

1) *De adventu medici ad aegrotum s. De instructione medici*. О поведеніи врача у постели больного или наставленіе врачу, нѣчто въ родѣ „введенія въ медицинскую практику“, гдѣ изложены основныя начала діагностики и терапіи. Въ существенныхъ чертахъ оно составляетъ позаимствованіе изъ 4 комментарія Галена къ *Epid. VI* Гиппократа.

2) *Practica*—весьма интересное собраніе клиническихъ лекцій о 22 случаямъ болѣзней, въ которыхъ авторъ часто обращается къ слушателямъ и гдѣ преимущественное вниманіе обращено на діететическіе способы леченія. Вообще это не систематическое сочиненіе, а скорѣе клиническое руководство, сводъ собственныхъ наблюденій, первое произведеніе въ этомъ родѣ послѣ *Эпидемій* Гиппократа, на доктринахъ коего, а также Галена, оно и основано. Въ этомъ же сочиненіи стоитъ еще отиѣтить различіе, которое авторъ дѣлаетъ между истинными врачами и лекарями-дрогистами, невѣждами и шарлатанами.

Изданія: *De adventu medici ad aegrotum* въ *Coll. Salernitana*, II, 74—81 и помяте: тамъ же, V, 333—349, подъ заглавіемъ: *De instructione medici*. Кроме того оно напечатано въ соч. Ненсчел'я „*De praxi medica Salernitana commentatio, cui praemissus est Anonymi Salernitani [т. е. Archimatthaeus'a] De adventu medici ad aegrotum libellus*“ (Vratisl. 1850), гдѣ Н. ошибочно выставляетъ эту книгу, какъ оригинальную ²⁾.

Другой извѣстный салернскій врачъ XII в.

Petrus Musandinus (изъ Musanda), учитель Эгидія Корбэйльскаго (см. ниже), оставилъ коротенькій трактатъ (Summula), имѣющійся въ многочисленныхъ рукописяхъ, подъ заглавіемъ *De cibis et potibus febricitantium* (напечатанъ въ *Coll. Salern. IV*, 407—410)—подражаніе *De diaeta morborum acutorum* Гиппократа. О діетѣ больного Musandinus, судя по краткости его сочиненія, очевидно, распространяется не такъ специально, какъ его современникъ Archimatthaeus ³⁾. Кроме приведенныхъ сочиненій къ XII в. относятся еще такъ называемыя

¹⁾ Ср. Haeser, I, 664.

²⁾ Daremberg, l. c. 148—151 и Haeser, I, 665.

³⁾ Ср. Daremberg, l. c. 150. У Daremberg'a трактатъ Musandinus'a носитъ названіе: *De modo praeparandi cibos et potus infirmorum*. Тамъ же, 154.

Анонимныя сочиненія салернской школы:

1) *Demonstratio anatomica* (напечатана въ *Coll. Salern.*, II, 391—401), маленькій трактатъ, принадлежащій вѣроятно современнику или ученику Кофона II и представляющій самый характеристическій образецъ слиянiя гиппократовскихъ и методическихъ началъ. Очевидно, этого трактата не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутымъ трактатомъ *Introductio anatomica* (стр. 359), составленнымъ по Аристотелю.

2) *De modo medendi s. De curationis generibus* (въ *Coll. Salern.* II, 727—736).

3) *De signis bonitatis medicamentorum*, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ кратко и мѣтко изложена фармакогнозія 118 важнѣйшихъ лекарственныхъ средствъ (въ *Coll. Salernitana*, II, 402—406).

4) *De aegritudinum curatione* (въ *Collectio Salernitana*, II, 81—386)—объемистое сочиненіе, представляющее одну изъ самыхъ важныхъ составныхъ частей салернской литературы второй половины XII в. Здѣсь уже замѣтно начинающееся вліяніе арабской медицины, такъ какъ упоминаются „*libri Saracenorum*“ и Janus Damascenus. Тѣмъ не менѣе оно представляетъ весьма „практическое медицинское сочиненіе, составленное по лучшимъ врачамъ того времени“ (Israels). Въ первой части, принадлежащей отдѣльному автору, разсматривается ученіе о *мхораджакъ* и притомъ совершенно иначе, чѣмъ въ остальныхъ подобнаго рода статьяхъ салернской школы. Вторая часть посвящена *мстнымъ* болѣзнямъ и составлена по ученіямъ семи важнѣйшихъ представителей этой школы, причемъ въ основаніе изложенія положена *Practica* I. Платеарія I, послѣ которой слѣдуютъ взгляды Кофона II, Петронія, Вареоломея, Afflaciuss'a, Trotulae и только два раза Ferrarius'a (въ главѣ о глазныхъ болѣзняхъ) ¹⁾. Но самое знаменитое изъ относящихся сюда произведеній салернской школы есть безспорно:

5) *Schola salernitana, Regimen sanitatis Salernitana* или *Regimen virile*, также *Flos s. Librum medicinae* или *Herbarius*. Это самая распространенная дидактическая поэма.

Извѣстно свыше 150 *рукописей*, содержащихъ эту поэму. Она переведена почти на всѣ европейскіе языки, выдержала массу изданій, но до сихъ поръ неизвѣстны ни имя автора, ни въ точности время возникновенія ея. Рукопись въ Wolfenbüttel'ѣ называетъ какъ автора Johannes de Novo-Foro, позднѣйшія—Johannes Mediolanus (изъ Милана ²⁾). Можно думать, что она создавалась постепенно участіемъ многихъ расцодовъ, какъ великія поэмы древности. Ея живой языкъ, счастливые мѣткіе обороты, наивная простота—все придаетъ

¹⁾ Ср. Haeser, I, 669—671.

²⁾ Choulant, l. c. 264.

ей характеръ народнаго произведенія. Самая древняя редакція принадлежитъ Арнольду Виллановѣ (Arnaldus de Villanova, 1300—1363). Онъ не выдаетъ себя за автора, но повидимому ему знакомъ былъ если не подлинникъ, то первоначальная редакція поэмы. До него встрѣчаются выдержки изъ этой поэмы въ произведеніяхъ салернскихъ авторовъ, древнѣйшая — въ *Женскихъ болѣзняхъ* Trotulae, позднѣйшая у Bernard'a - Провинціала и въ *Комментаріяхъ „четырехъ учителей“*¹⁾ на *Хирургію* Roger'a. Нигдѣ не упоминаются ни имя автора, ни заглавіе произведенія, откуда взята цитата. Въ изданіяхъ, послѣдовавшихъ за изданіемъ Арнольда Виллановы встрѣчается много стиховъ, очевидно не входившихъ въ первоначальную редакцію. Это замѣтно какъ по построению стиха, такъ и по несоответствію содержанія, болѣе спеціальнаго, съ духомъ всего произведенія и планомъ автора или перваго собирателя. Многіе изъ этихъ стиховъ взяты изъ *Macer Floridus*, Gilles de Corbeil'a и другихъ. Вся поэма, очевидно, проникнута вліаніемъ Гиппократъ и Галена, а также Діоскорида и Плинія²⁾.

Изданія. Число изданій „*Scholae Salernitanae*“ по истинѣ невѣроятное: въ 1841 г. ихъ оказалось съ достовѣрностью констатированныхъ — 141 (Choulant), въ 1846—240 (Baudry de Balsac), не говоря уже о нѣкоторыхъ позднѣйшихъ. Первыя 11 изданій, безъ обозначенія года, а иногда и мѣста (s. l. e. a), напечатаны по редакціи и съ комментаріемъ Виллановы, который начинается такъ: „Iste libellus editus a doctoribus salerniensibus, in quo inscribuntur multa et diversa pro conservatione sanitatis humanae et editus est iste liber ad usum regis anglorum“. Самое старинное, съ обозначеніемъ года и мѣста:

Pisis, 1484; изъ позднѣйшихъ:

Salerni, 1789, ed. Matthei Politi.

Stendal, 1798, ed. Ackermann (по редакціи Виллановы).

Köln, 1798, ed. Düntzer (латинскій текстъ и превосходный нѣмецкій переводъ).

Versailles, 1842, ed. Baudry de Balsac.

Neapoli, в de Renzi, *Collect. Salernit.* I, 417 и отдѣльно: Neapoli 1859 (2 изд.).

Переводы. Французскіе—во множествѣ съ 1561 по 1825 г.; послѣдній, какъ

1) прибавленіе къ Paugens, *L'art de conserver la santé*, Paris, 1825. Изъ старинныхъ:

2) Michelle Long, *Le régime de santé de l'école de Salerne*, Paris, 1633. Новѣйшіе:

3) Remilly, *Flos medicinae scholae Salerni ou la médecine à Salerne au XII siècle*: Versailles, ed I. Montalant, 1861.

4) Ch. Meaux de St. Marc: *L'école de Salerne*, Paris, 1861 (новѣйшее изд. 1880) съ лат. текстомъ и весьма важнымъ введеніемъ Dagemberg'a³⁾.

5) Van Biervliet, *Les préceptes de l'école de Salerne*, traduits et commentés, Louvain, 1863.

Нѣмецкіе: 1) Самый старинный, въ римахъ, по бреславльскому тексту, сдѣланъ между 1443—1459 (рукопись). Сообщилъ Розенталь.

2) Flaminius Gasto, Frankfurt, 1665.

1) Позднѣ увидимъ, кто были эти „четыре учителя“.

2) Ср. Dagemberg, l. c. 161 и слѣд.

3) Это введеніе и есть собственно съ небольшими измѣненіями статья Dagemberg'a въ *La médecine, histoire et doctrines*, которой мы съ ж.-вр. Е. И. Бродскою пользовались для исторіи салернской школы (См. выше стр. 365, примѣчаніе 1.

3) G. Schuster, Frankfurt u. Leipzig, 1750.

4) Padeborn, 1806.

5) Въ приведенномъ изданіи Düntzer, Köln (новѣйшее 1841), гдѣ мѣстами переводъ превосходитъ оригиналъ.

6) J. Bücheler, *Regimen sanitatis Salernitanum*, Die kurzgefasste, dem Munde des Volkes angepasste Diätetik in Versen. Düsseldorf [Büdich], 1862.

Итальянскіе: старинные: Venet. съ 1540 г. приведенн Choulant'омъ (р. 281) и de Renzi въ его *Storia de la scuola di Salerno*.

Новѣйшій: T. Vulpes, *La scuola Salernitana*, tradotta in versi italiani col testo latino a fronte, Napoli, 1844.

Англійскіе: 1) въ изд. Lond. 1649, Oxford, 1830, затѣмъ.

2) Raynel (Paganellus), Lond. 1530—41—83.

3) Harington, Lond. 1607 и 1624.

4) Анонимный (можетъ быть P. Holland), Lond. 1634.

Кромѣ того на многіе другіе языки, въ томъ числѣ на еврейскій и персидскій¹⁾.

Нужно еще прибавить, что число стиховъ не одинаково во всѣхъ изданіяхъ. Первоначально (въ редакціи Вилланови) ихъ было 364, которые приняты во многіхъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и Ackermann'омъ; но ихъ было гораздо больше (Choulant), во всякомъ случаѣ однако не 3526, т. е. въ 10 разъ больше, какъ сосчиталъ изъ сопоставленія всѣхъ рукописей de Renzi—очевидно, отъ позднѣйшихъ многочисленныхъ вставокъ переписчиковъ.

Во многіхъ изданіяхъ поэма начинается обращеніемъ къ сыну Вильгельма-Завоевателя, Роберту, побывавшему въ Салерно въ 1101 г. для излеченія отъ раны, затѣмъ всѣ изданія безъ исключенія—изложеніемъ общаго понятія о совокупности всей діететики:

Anglorum regi scripsit tota schola Salerni:
 Si vis incolumen, si vis te reddere sanum,—
 Curas pelle graves, irasci crede profanum,
 Parce mero, coenato parum, non sit tibi vanum
 Surgere post epulas; somnum fuge meridianum,
 Non mictum retine; nec fortiter comprime anum.
 Haec bene si serves, tu longo tempore vives:
 Si tibi deficient medici, medici tibi fiant
 Haec tria: mens hilaris, requies, moderata diaeta“.

Затѣмъ слѣдуютъ наставленія о пищѣ; послѣ того (со 150 стиха) рѣчь идетъ о простыхъ лекарственныхъ веществахъ, какъ foeniculum, anisum, srodum, sal,—salva, mentha, salvia, ruta, сера „zinguis“ и т. д., также chelidonia, salix, crocus, portus, piper. Съ 230 стиха слѣдуетъ перечисленіе *отдѣльныхъ болѣзней* и способовъ ихъ леченія, подчасъ весьма энергическихъ; съ 255 стиха—замѣтки по анатоміи, о температурахъ и о кровопусканіи (весьма подробно, начиная съ 236 стиха²⁾). Конечъ:

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 264—282; Baudry de Balsae въ *Collectio Salernitana* V, 1—172 и Haeser, I, 673.

²⁾ Тамъ же, 672 и Choulant, l. c. 265.

Aestas more calet, siccatur, noscatur in illa
 Tunc quoque praecipue cholerae rubeam dominari:
 Humida, frigida fercula dentur, sit Venus extra:
 Balnea non prosunt, sint raras phlebotomiae:
 Utilis est requies, sit cum moderamine potus¹⁾.

Эта пьеса, по словам Choulant'a, не смотря на всея недостатки, не лишена исторического и практического значенія,—исторического потому, что она даетъ понятіе о дѣятельности салернской школы и уже въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ достигла такой извѣстности, что школы въ Парижѣ и Монпелье стали подражать этой поэмѣ, служившей имъ образцомъ для всякаго рода дидактическихъ стихотвореній; практического потому, что она содержитъ правила діететики и указанія на дѣйствіе пищевыхъ веществъ, почерпнутыя непосредственно изъ опыта и почти забытыя новѣйшими медицинскими школами. Вообще на всю эту пьесу слѣдуетъ смотрѣть только какъ на популярно-діететическое сочиненіе для неврачей, и было бы напрасно искать здѣсь изложенія совокупности научныхъ приобрѣтеній или системы салернской школы, представленной въ поэмѣ только съ экзотической стороны²⁾.

Б. Греко-арабскій періодъ салернской медицины беретъ начало въ XII в., причемъ въ первое время Салерно остается еще вѣрнымъ своему наименованію „civitas hippocratica“, строго придерживаясь преданій греческой медицины. Сочиненія Вареоламея и Кофона-младшаго интересны именно какъ протестъ противъ натиска арабскаго вліянія, восторжествовавшаго только въ XIII в. Это арабское вліяніе прежде всего связывается тѣмъ, что *полифарманія* мало по малу становится преобладающей и наконецъ совершенно вытѣсняетъ *діететическій* методъ леченія. Первымъ виднымъ представителемъ этого направленія былъ

Nicolaus Praepositus (т. е. начальникъ школы), жившій около 1140 г. Ему обыкновенно приписываютъ:

1) *Antidotarium magnum*—для аптекарей, который, однако, согласно Choulant'у, есть ничто иное какъ книга для аптекарей, составленная въ XV в. изъ *Antidotarium parvum* N. Praepositus'a, *Crabadin'a* Mesue и комментариевъ къ этимъ послѣднимъ *Saladinus Ascolanus'a* и

¹⁾ Choulant, l. c. 266 (по тексту, комментированному Арн. Вилановой). Въ имѣющемся у насъ въ рукахъ изд. St. Meux (Paris, 1880) конецъ совсѣмъ другой, а именно: „Explicit tractatus qui *Flos medicinae* vocatur. Auctor erat gratus, per quem fuit abbreviatus; Sublimis status coelo sit ei praeparatus, Christi per latus stet cum Sanctis elevatus“. (Изд. St. Meux, p. 271).

²⁾ Choulant, l. c. 266.

Christophorus de Honestis'a, и содержащая въ первой части общія правила и *Simplicia*, во второй—сложные медикаменты и въ третьей номенклатуру. Собственно же Николаю Препозиту принадлежит только

2) *Antidotarium parvum*—для врачей, содержащій въ алфавитномъ порядкѣ около 140—150 очень сложныхъ формулъ съ указаніемъ ихъ дѣйствія и примѣненія въ медицинѣ. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ оно начинается такъ:

Aurea quando datur, caput a languore levatur, Aurea dicta est ab aura, Alexandria ab Alexandre и т. д.

Главный же интересъ заключается въ эпилогѣ, гдѣ подробно приведены медицинско-фармацевтическіе *овсы* и *мыра* (отъ одного грана до hexagium s. solidum= $1\frac{1}{2}$ dr. и sextarius= $2\frac{1}{2}$ lib.=30 unc.=180 hex.=270 dr.=810 scr.=16200 gr.), продержавшіеся до послѣдняго времени.

Рукописи имѣются въ довольно многочисленныхъ вариантахъ. Изъ изданій самая старинная: Venet. 1471, Romae, 1476, Neapoli, 1478 и в. л. е. а. (можетъ быть Argentorati). Во всѣхъ этихъ изданіяхъ имѣются въ видѣ прибавленій трактаты *Synonyma* и отрывокъ *Qui pro quo*, изъ коихъ въ первомъ встрѣчаются и арабскіе синонимы (начало: artemisia i. e. matricaria, конецъ: ziganaria, i. e. prassium gaminum); во второмъ же рѣчь идетъ о замѣняющихъ лекарствахъ, начиная съ „Arisolochiae rotundae loco“ до „pro zingibero pyrethrum“¹⁾.

Изъ переводовъ о еврейскомъ упоминаетъ Steinschneider въ своемъ „*Donolo*“ (р. 103). Кроме того есть еще итальянскій и даже арабскій переводы.

Пояснительныя сочиненія: 1) *De confectione medicamentorum*—анонимная непечатанная еще статья изъ *Compendium Salernitanum*. 2) Matthaeus Platearius I, *Glossae in Antidotarium Nicolai*. 3) St. Amand („prévôt des chanoines въ Mons, около 1261, въ Tournay во Фландріи), *Expositio super Antidotarium Nicolai* (въ изд. послѣдняго)—родъ общей терапіи на основаніи дѣйствія лекарствъ. Этотъ же Amand оставилъ между прочимъ *Areolae* в. *Tractatus de virtutibus et operationibus medicinarum simplicium et compositarum* (рукописи въ Берлинѣ)²⁾.

Matthaeus Platearius I, сынъ Іоанна Платеарія I, оставилъ вышеупомянутый комментарий къ фармакологическому сочиненію Николая Препозита:

1) *Glossae in Antidotarium Nicolai Praepositi*, носящія также названіе *Expositiones*. Напечатаны вмѣстѣ

съ *Antidotarium N. Praepositi* и въ венеціанскихъ изданіяхъ Mesue. Aegidius Corbeliensis переложилъ ихъ въ стихи. Во вступленіи къ этимъ Glossae рѣчь идетъ объ изобрѣтателяхъ разныхъ лекарствъ, именемъ коихъ они названы (напр. medicina picra Constantini, picra Galeni, Aurea Alexandri, Esdra magna, i. e. medicina Esdrae prophetae, trochisci Andromachi), причѣмъ однако М. Платеарій задался только разсмотрѣніемъ самыхъ употребительныхъ („nos autem non omnes, sed usuales medici-

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 283—291.

²⁾ Ср. Haeser, I, 667.

nas prorosimus assignare“. Затѣмъ слѣдуютъ *Glossae* Платеарія, а именно, послѣ каждой формулы „*Antidotarium*“ Николая Препозита, начиная отъ *Augea Alexandrina* и кончая *zingiber* и *Yera Constantini et Rufini*¹⁾. Въ этихъ же „*Глоссахъ*“ есть ссылка на его второе, очевидно ранѣе составленное, также фармакологическое сочинение:

3) *Liber de simplicibus medicina s. Circa instans* (названное такъ потому, что этими словами начинается книга)—сочинение о простыхъ лекарственныхъ веществахъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, какое сочинение вмѣстѣ съ *Antidotarium* Николая Препозита представляетъ полный обзоръ салернской фармакологіи, въ которой замѣтно уже значительное вліяніе арабовъ.

Въ своей книгѣ М. Платеарій I рассматриваетъ 273 лекарственныхъ вещества, начиная съ *Aloë* и кончая „*zeduar*“ (*circuta arom.*, *цѣтварный к.*), о которомъ прибавляетъ: „*salvamentum ex eo factum et rore marino et aceto et pane asso, simul mixtis, appetitum irritat et digestionem confortat*“. Излишне прибавить, что рѣчь здѣсь идетъ и о многихъ арабскихъ средствахъ какъ „*geubarbagum*“, „*sene*“ и т. д. Къ цитируемымъ Платеаріемъ авторамъ и сочиненіямъ принадлежатъ: Аристотель, Dioscoridъ, Галенъ, Константинъ, *Passionarius Gariopontus'a*, *Antidotarium* Николая Препозита, *Compendium Salernitanum*, а также отецъ автора Платеарій I, его мать (*Trotula?*) и вообще салернскія женщины („*mulieres salernitanae*“)²⁾.

Изъ сказаннаго видно, что сочиненія М. Платеарія I имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи фармакологіи и практической медицины — тѣмъ болѣе, что въ отношеніи ботаническихъ данныхъ оно превосходитъ всѣ появившіяся со временъ Плинія и Dioscorida подобнаго рода сочиненія, за исключеніемъ, разумѣется, сочиненія эль Бейтара.

Изданія: вмѣстѣ съ *Practica* Платеарія I (см. выше) и съ сочиненіемъ Николая Препозита, *Lugd.* 1512 и 1536, *Paris*, 1582. Между прочимъ имѣется переводъ еврейскій (въ рукописи) и старій французскій, перепечатанный 6 разъ³⁾.

Къ приведеннымъ авторамъ примыкаетъ непосредственно:

Magister Salernus (между 1130 и 1160. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ салернцемъ того же имени, посаженнымъ въ 1167 г. въ тюрьму по обвиненію въ отравленіи). Онъ авторъ двухъ трактатовъ:

1) *Tabula Salernitana*, которая содержитъ обзоръ лекарственныхъ веществъ и ихъ дѣйствія въ болѣзняхъ (въ *de Renzi, Coll. Salern.* III, 53—65 и V, 201—233); тамъ же (269—328) напечатанъ подробный и интересный комментарий Бернарда-Провинціала (между 1150 и 1160), гдѣ весьма замѣтно стремленіе къ введенію большей простоты въ фармакологію.

2) *Compendium*, гдѣ фигурируютъ также введенные арабами сиропы, о которыхъ, впрочемъ, рѣчь заходитъ уже и у его предшественниковъ, Николая Препозита и М. Платеарія I⁴⁾.

¹⁾ Choulant I. c. 300. ²⁾ Тамъ же, 297—299. ³⁾ Тамъ же, 302. ⁴⁾ *Ср. Haeser, I, 668.*

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ врачей этого періода считается

Maurus, оставившій: 1) „*Secundum Maurum*“—комментарій къ *Афоризмамъ* Гиппократа (въ *Coll. Salern.* IV, 513—577).

2) *Phlebotomia Mauri* (рукопись въ Дрезденѣ),

3) *Regulae urinarum*—родъ частной патологіи и терапіи, въ которой главное вниманіе обращено на мочу по Теофилу и Исааку-Иудею (въ *Coll. Salernitana*, III, 2—50).

Онъ различаетъ въ помутившихъ мочи „*circulus superficialis*“, „*substantia*“ и „*fundus*“, соответствующіе мозгу, груднымъ и брюшнымъ органамъ, 19 оттенковъ въ цвѣтѣ мочи, соответствующіе элементарнымъ качествамъ, и „*phlegma acetosum, dulce, salsum* и *vitreum*“¹⁾. Къ концу XII или началу XIII в. относится еще

Otho Cremonensis, извѣстный только по своей дидактической поэмѣ—

De electione meliorum simplicium ac specierum medicinalium rythmi (изд. вмѣстѣ съ *Regimen Salernitanum* (Francofurti, 1551—57, Paris, 1555 и вмѣстѣ съ *Macer floridus*, Lips. 1832). Здѣсь онъ разсматриваетъ въ 138 гекзаметрахъ качества употребительныхъ въ его время простыхъ и въ 241 гекзаметрѣ—дѣйствіе сложныхъ медикаментовъ. Первые начинаются съ *lignum aloë* и оканчиваются *татариндами* и *Thus*; вторые опять съ *Aurea Alexandrina*, причѣмъ не забыты *pil. aureae, pil. sine quibus esse nolo*, затѣмъ *hiera*, въ томъ числѣ аббата de Cugia, и оканчивая *мазлами*. Стихотворную форму своего сочиненія Otho объясняетъ „*quoniam firmiter memoriae commendantur, quae metricè scripta sunt et hoc duplici de causa etc.—stilo contexta*“²⁾.

В. Арабскій періодъ. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе

Aegidius Corboliensis (Gilles de Corbeil), изъ семьи графа de Corbeil близъ Парижа, на лѣвомъ берегу Сены, род. во второй половинѣ XII в.

Свои познанія въ медицинѣ онъ приобрѣлъ въ Салерно, гдѣ нѣкоторое время былъ преподавателемъ, затѣмъ былъ каноникомъ и лейбъ-медикомъ при королѣ Филиппѣ-Августѣ (1180—1223), быть можетъ также представителемъ парижскаго медицинскаго факультета (Naudé въ своемъ панегирикѣ называетъ его „*primum Facultatis genium et tutelarem Deum*“; „*archiatrorum principem, scholae (Parisiensis) laudem, decus et ornamentum*“.

Сообразно съ господствовавшимъ въ его время обычаемъ и онъ оставилъ медицинскія и другія сочиненія въ стихотворной формѣ, каковы:

1) *De urinis*—семіотическая поэма, изъ предисловія въ прозѣ и 352 гекзаметровъ и пентаметровъ—о признакахъ, извлекаемыхъ изъ мочи. Начинается поэма такъ:

„*Dicitur urina quoniam fit renibus una,
Aut ab uribz graeco quod demonstratio fertur,
Aut quia quod tangit, mordet, dessicat et urit.
Ut de lacte seri se limpidus eliquat humor,
Sic liquor urinae de massa sanguinis exit,
Sanguinis est urina serum, subtile liquamen*“ etc.³⁾.

2) *De pulsibus*—такая же семіотическая поэма изъ предисловія въ прозѣ и 380 гекзаметровъ, отдѣленная болѣе тщательно, чѣмъ предыдущая и предназначенная авторомъ

¹⁾ Тамъ же, 669. ²⁾ Choulant, l. c., 316—318. ³⁾ Тамъ же, 318—320.

для замѣны употребительнаго до тѣхъ поръ трактата *De pulsibus* Филарета. Раздѣляется поэма на 3 части, изъ коихъ въ первой разсматриваются 10 родовъ пульса, во второй—виды каждаго изъ этихъ родовъ и причины и обстоятельства, вслѣдствіе коихъ они получаютъ свое названіе, въ третьей—признаки, извлекаемые изъ состоянія пульса.

3) *De laudibus et virtutibus compositorum medicaminum*—фармаколого-терапевтическая поэма, изъ предисловія въ прозѣ и 4668 гекзаметровъ, въ 4 книгахъ, гдѣ разсматривается 80 употребительныхъ въ то время сложныхъ составовъ. Вся эта пьеса въ сущности есть ни что иное, какъ поэтическая передѣлка и истолкованіе „*Glossarum*“ Матѣя Платеарія къ *Antidotarium Nicolai* Праеросити.

Надписія. №№ 1) и 2) вѣстѣ: Padua, 1488—84, Venet. 1494, Lugd. 1505, 1515, 1526, Basil. 1529. Всѣ 3 вѣстѣ: Lips. 1826, ed. L. Choulant; изъ нихъ первыя два—не 17 стариннѣйшихъ рукописяхъ, а *De laudibus* по Leuzeri historia poetarum et poematum medii aevi, Halle, 1721, съ критическими замѣчаніями и исправленіями текста.

4) *De signis morborum*—патологическая поэма, еще не напечатанная, и неизвѣстно даже, куда дѣлась единственная рукопись, которую имѣлъ въ рукахъ и описалъ в. Мугг (Journal d. Kunstgeschichte, Nürnberg, 1777, IV, 104) и о которой самъ Aegidius упоминаетъ, какъ о неоконченной (*Compos. med.* I, 241 и слѣд.)¹⁾.

Въ новѣйшее время, однако, найдены и отпечатаны два отдѣла этой рукописи: 1. *Signa et causae februm Egidii*, открыты Дагешберг'омъ въ Оксфордѣ и напечатаны въ *Notices et extraits des manuscrits médicaux*, Paris, 1858, p. 174. 2. *Metra de physiometris* [aegrotorum], отдѣлъ, обнимающій всю 4 книгу, открытъ Валентиномъ Розе и напечатанъ въ его же *Anecdota*, I, 171—201.

Наконецъ недавно открыта сатирическая поэма Эгидія, сочиненная между 1219 и 1223 (годомъ его смерти), подъ заглавіемъ:

5) *Iera pigra* (pigræ) *ad purgandos praelatos*, изъ 9 книгъ и 5929 стиховъ²⁾.

Къ XIII в. относится также извѣстный салернскій хирургъ Roger, но такъ какъ онъ отнюдь не былъ приверженцемъ арабскаго направленія, то о немъ скажемъ подробнѣе при разсмотрѣніи *хирургіи*.

О сочиненіяхъ салернскихъ женщинъ рѣчь была уже выше³⁾. Изъ текстовъ салернскихъ авторовъ видно, что ими многія женскія имена упоминаются съ уваженіемъ и часто цитируются какъ почтенные авторитеты.

Объ участіи евреевъ въ салернской литературѣ извѣстно очень мало. Только у Steinschneider'a находимъ объ этомъ нѣсколько скудныхъ свѣдѣній. Сюда относятся:

1) Salomo Parhon (s. Parhon, около 1160), сдѣлавшій для салернцевъ „еврейскіе переводы арабскихъ сочиненій испанскихъ евреевъ“.

2) Joab изъ Салерно (на границѣ XII и XIII в.), составившій вѣстѣ съ врачомъ Шешетомъ Наси изъ Барселони рецептъ отъ головной боли, „противъ которой врачи напрасно искали средства“.

3) Mose ben Salomo di Salerno (въ первой половинѣ XIII в.) приведенъ

¹⁾ Ср. Choulant, l. c. 318—326.

²⁾ Ср. Leclerc, въ Histoire lit. de la France, v. 21, 333—362 и Haeser, I, 675.

³⁾ См. выше стр. 368 и 375.

Steinschneider'омъ только какъ имѣвшій дѣятельныя сношенія съ христіанскими ученими. Что касается врача, извѣстнаго подъ именемъ

Abul Hakim Tunemensis, оставившаго рукопись на арабскомъ языкѣ: *De tuscida valetudine*, и о которомъ Сагмолю говорятъ какъ о знаменитомъ арабскомъ писателѣ салернской школы въ XIII вѣкѣ, „изъ Туринна“, то Steinschneider доказалъ, что пребываніе послѣдняго въ Салернѣ сочинено Сагмолю, не говоря уже о томъ, что онъ нигдѣ не встрѣчалъ арабскаго еврея съ этимъ именемъ. Точно также врачъ

Hillel ben Samuel ben Eleazar, изъ Вероны, еврейскій переводчикъ хирургіи калабрійца Bruno de Lungoburgo (1252), котораго Сагмолю причисляетъ къ салернскимъ врачамъ, никогда не былъ въ Салерно. Новѣйшія изслѣдованія показали, что до 1265 г. Hillel жилъ въ Барселонѣ, затѣмъ въ качествѣ врача въ Капуѣ, Римѣ, Forlì (ок. 1291), Болоньѣ и Феррарѣ, но нигдѣ рѣчь не заходитъ о пребываніи его въ Салерно¹⁾.—Интересно, что St. сомнѣвается даже въ еврействѣ одного изъ „четырёхъ магистровъ“, Elinus'a или Helinus'a, который, судя по одной надписи, хотя и былъ первымъ учителемъ въ Салерно, но не былъ евреемъ, а только имѣлъ товарища еврея, по имени Sarsch, который собственно и читалъ на еврейскомъ языкѣ²⁾. Зато онъ допускаетъ, что magister Solonius другой хроникѣ (см. выше стр. 367) дѣйствительно былъ еврей, и отождествляетъ его съ врачомъ Salomon'омъ, о которомъ рѣчь идетъ у Эгидія Корбейльскаго и въ эпilogѣ *Scholae Salernitanae*:

„Auctores cui phisici Archigenis alumni
Maurus, Matthaeus, Salomon, Petrus, Urso moderni
Sunt medici per quos regnat medicina Salerni“³⁾.

Очевидно, медицинскіе писатели изъ еврейской среды въ салернской школѣ, можно сказать, совершенно отсутствуютъ. Единственное исключеніе составляетъ латинскій переводчикъ арабскихъ писателей Ferraguth или Ferrarius (Faradsch ben Salem, ок. 1280, см. выше стр. 350)⁴⁾.

Нужно однако отмѣтить интересный, установленный Steinschneider'омъ историческій фактъ, что евреи весьма рано усвоили салернскую литературу и перенесли ее туда, гдѣ арабская еще не имѣла подъ собой твердой почвы. По крайней мѣрѣ важнѣйшіе салернскіе авторы существуютъ въ европейскихъ библиотекахъ въ многочисленныхъ еврейскихъ переводахъ, сдѣланныхъ гораздо ранѣе таковыхъ же съ арабскаго. У послѣдняго изъ относящихся сюда переводчиковъ, Anonimus изъ Avanches (1197—1199) еще нѣтъ и намека на арабскій элементъ⁵⁾.

¹⁾ Ср. Steinschneider, *Donnolo*, въ *Virchows Arch.*, 1867, В. 38, 74—79.

²⁾ Тамъ же, 85. ³⁾ Тамъ же, 84 и *Schola Salernitana*, ed. St. Meaux, 1880, 269.

⁴⁾ Вотъ болѣе полный перечень его переводовъ: 1) *Ibn Dschezla*, Tacuini aegritudinum et morborum etc. (Strassburg. 1532). 2) *Rhazes, el Hawi s. Continens* (Brixiae, 1486), къ которому F. прибавилъ свой *Словарь медикаментовъ*: „*De expositionibus vocabulorum seu synonymorum simplicium medicinae*“, содержащій краткія описанія, а также замѣтки и цитаты, конхъ нѣтъ у Разеса (Steinschneider, l. c., В. 39, 297—301). 3) *Liber Galeni de medicinis expertis*, quem transtulit Johannitius [Honein] de Graeco in Arab. et magister „Farachius“ de Arabico in Latinum, въ *Opp. Galeni*, ed. Charterii, X, 561—570 (Тамъ же, 317). 4) Месуѣ, *Chirurgia*, quam Ferrarius, Judaeus Chirurgus ex Arabico vertit libris V, рукопись въ Царевѣ (Тамъ же, 323).

⁵⁾ Steinschneider, въ *Virchows Archiv*, 1868, В. 42, pp. 56, 57.

Медицина салернской школы въ общиѣ чертахъ и въ частности.

Самымъ слабымъ мѣстомъ здѣсь, какъ вездѣ въ средніе вѣка, была *Анатомія*. Руководствами въ этой области служили сочиненія Rufus'a и Теофила и даже заслуги и открытія Галена не были оцѣнены въ Салерно по достоинству, что, быть можетъ, произошло отъ увлеченія методизмомъ, довольствовавшимся только перечисленіемъ частей тѣла, какъ это дѣлаетъ и салернское сочиненіе *Anatome porci*. Далекое лучше салернскій трактатъ *Demonstratio anatomica*, имѣющій форму лекціи („oratio“).

Здѣсь сначала дается наставленіе, какъ приступить къ анатомическимъ изслѣдованіямъ: животное (обыкновенно свинья) должно быть убито не уколомъ въ сердце, а перерѣзкой шейныхъ сосудовъ, послѣ чего его слѣдуетъ повѣсить за заднія ноги, чтобы дать истекать крови, и тотчасъ приступить къ изслѣдованію артерій, венъ и нервовъ, прежде чѣмъ они успѣютъ сократиться и одѣлаться незаметными. Въ остальномъ описанія не разнятся отъ принятыхъ до тѣхъ поръ¹⁾.

Въ трактатѣ Кофона-младшаго *Ars medendi* находимъ интересное указаніе на лимфатическіе сосуды:

„Et ibi sit *vena chylis*, in qua insiguntur capillares venae, quae prae nimia parvitate videri non possunt, per quas urina cum quatuor humoribus mittitur ad renes“²⁾.

Физиологія также весьма скудно изложена въ упомянутыхъ трактатахъ и повторяетъ всю телеологию древнихъ, хотя напр. въ *Anatome porci* есть намеки и на изслѣдованія, конечно, въ довольно грубой формѣ („quod pulmo sit cavernosus potestis probare si cum calamo intromisso infletur“). Также скудна и

Патологическая анатомія, хотя и здѣсь есть кое-какія указанія на наблюденія, напр. на перикардитъ и плевритъ, какъ видно изъ той же *Anatome porci*.

„In capsula cordis colligitur materia, quae facit syncopen. In capsula pulmonis colligitur materia, quae facit peripneumoniam“³⁾.

Гораздо полнѣе и тщательнѣе въ салернской школѣ обработана

Практическая медицина. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе

Этическія правила, изложенныя въ сочиненіяхъ Archimathaeus'a. Его „*Наставленіе врачу*“ напоминаетъ сочиненія Гиппократы: *Nomos*, *De medico*, *Praecepta*, *De habitu decenti* и нѣкоторыя мѣста у Галена, какъ доказалъ Henschel⁴⁾. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ видна забота

¹⁾ *Demonstratio anatomica* въ началѣ.

²⁾ Sorphon II, *Ars medendi*, p. 86, Ср. Sprengel, II, 470. Choulant, однако (l. c. p. 263), полагаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о кровеносныхъ сосудахъ, ибо *vena-chylis* даже у Mondini означаетъ *полую вену*.

³⁾ De Renzi, *Coll. Salernitana*, II, 388—391. ⁴⁾ Тамъ же, II, 74—80.

о сохраненіи дѣстности врача (никогда доходящая до мелочности), объ охраненіи врача отъ нравственныхъ искушеній и опасностей его профессіи, забота о больномъ, о его физическомъ благосостояніи и духовномъ спасеніи. Вообще эти наставленія проникнуты христіанскимъ чувствомъ, но не лишены извѣстной доли шарлатанства.

Врачъ, по словамъ Archimathaeus'a, долженъ, идя къ больному, поручить себя покровительству Бога и ангела, сопровождавшаго Товію. По дорогѣ онъ долженъ разспросить лицо, позвавшее его, о состояніи больного, чтобы получить заранѣе нѣкоторое понятіе о болѣзни и дать понятъ больному своими разспросами, что его страданія угаданы. До прихода врача больному полезно исповѣдаться, ибо если ему предложить причастіе послѣ визита врача, то онъ сочтетъ себя безнадѣжнымъ, „да ему и полезно примириться съ Богомъ“. Прийдя къ больному, врачъ долженъ держать себя серьезно, но скромно, сказать окружающимъ націента нѣсколько пріятныхъ словъ насчетъ красоты мѣстоположенія, порядка въ домѣ и т. д.

Ислѣдованія пульса и мочи описаны очень подробно. Уходя, врачъ долженъ обнадѣжить больного, окружающимъ же представить болѣзнь серьезной; тѣмъ болѣе чести врачу, если больной поправится; если-же онъ умретъ, то врачъ предвидѣлъ его смерть. На жену, дочь, служанку ему не слѣдуетъ заглядываться.

Если, какъ принято, врача приглашаютъ обѣдать, онъ не долженъ выказать ни жадности къ хорошему столу, ни брезгливости къ плохой пищѣ; не занимать перваго мѣста, хотя его и предоставляютъ священнику и врачу. Во время обѣда надобно отъ времени до времени освѣдомляться о состояніи больного, что доставитъ послѣднему удовольствіе. О его питаніи слѣдуетъ особенно позаботиться.

Когда больной поправляется, врачъ его ободряетъ своимъ видомъ и мѣткими шутками, потомъ „вѣжливо спрашиваетъ свой гонораръ и удаляется, любезно простившись съ націентомъ и давши ему ласково наставленія“.

Practica начинается почти такъ-же и такъ-же проникнута духомъ благочестія¹⁾.

Діагностика въ салернской школѣ основывалась преимущественно на ислѣдованіяхъ пульса о мочи, причѣмъ главными источниками служили сочиненія Теофила, Исаака-Иудея, *Regulae urinarum* Maugusa и поэма Эгидія Корбэйльскаго²⁾.

Общая терапія изложена въ трактатахъ *De adventu medici ad aegrotum*, *Liber de corporibus purgandis* и въ особенности въ *De modo medendi*, гдѣ вначалѣ указаны главные способы леченія болѣзней.

„Est enim triplex medendi modus: Aut enim in corpore superflua evacuamus, quod solutivis vel dissolutivis fit medicinis, aut dissoluta, sive membra sive humores constringimus, ut fit opiatis medicinis, aut perdita in corpore restauramus quod fit cibis et potibus convenientibus et medicinis congeneris et membra debilitata confortantibus³⁾“.

¹⁾ Ср. Daresberg, l. e. 148—151.

²⁾ См. выше стр. 384.

³⁾ Ср. Henschel, l. c. 310.

Общая терапия салернцевъ вытекаетъ изъ унаслѣдованной ими отъ Гиппократъ и Галена теоріи объ аномаліяхъ основныхъ влагъ, почему они ставили себѣ главной задачей—приводить ихъ въ движеніе съ помощью т. н. „digestiva“, въ особенности же посредствомъ гигиеническихъ и діететическихъ средствъ, прибѣгая гдѣ нужно и къ слабительнымъ и кровопусканіямъ.

Такъ для охлажденія воздуха въ комнатѣ больного Аффлаціи рекомендовали приборъ, устроенный такъ, чтобы изъ него вода безостановочно падала каплями и испарялась, „такъ какъ подобное охлажденіе воздуха гораздо полезнѣе для больного, чѣмъ принятыя внутрь лекарства“¹⁾.

Кровопусканіе, смотря по болѣзни, дѣлалось изъ венъ на различныхъ мѣстахъ тѣла, причѣмъ принимались въ воображеніе времена года, силы организма, возрастъ (не меньше 15 лѣтъ), преобладаніе одной изъ основныхъ влагъ; маленькія кровопусканія (изъ v. salvatella)—для возбужденія аппетита.

Въ *Schola Salernitana*, рядомъ со строго научными предписаніями встрѣчаются въ большомъ количествѣ и правила домашней гигиѣны, продиктованныя народной мудростью—соблюдать умеренность во всемъ, дышать чистымъ воздухомъ, мыть лицо и руки, чистить зубы, не ѣсть больше, чѣмъ требуется, не измѣнять крупно образа жизни. Есть параграфъ о вліяніи времени года на 4 влаги по Гиппократу; о темпераментахъ, по Галену. Выборъ пищи и питья и объясненіе цѣлебнаго дѣйствія простыхъ лѣкарственныхъ веществъ (травъ) основаны на теоріи элементарныхъ свойствъ холода и тепла, сухости и влаги²⁾.

Вообще по мнѣнію Дагембергъ, все, что въ *Schola Salernitana* не относится къ гигиенѣ и діететикѣ—позднѣйшаго происхожденія.

Любопытныя указанія на *діететику* встрѣчаются у Musandinus'a (писавшаго нѣсколько позже Sophron'a) въ его сочиненіи: *De modo praeparandi cibos et potus infirmorum*.

При острыхъ лихорадкахъ много искусства прилагается къ тому, чтобы травы въ эмульсіяхъ и микстурахъ возбуждали аппетитъ и поддерживали силы больного. Больнымъ даются кости птицъ, такъ-какъ они любятъ ихъ грызть. Изъ курицы и бѣлаго хлѣба готовится очень сложный препаратъ для укрѣпленія больного; при поносѣ курицу варятъ въ розовой водѣ; у бѣдныхъ прибавляется только немного розовой воды къ простой. Если больной требуетъ того, что ему вредно, Musandinusъ совѣтуетъ обмануть его; очень важно въ его глазахъ, чтобы лекарство и пища подавались въ красивомъ сосудѣ. Если больного не удастся обмануть, надо дать ему требуемое въ возможности менѣе вредномъ видѣ; такъ напр. бѣлый медъ вмѣсто темнаго, свѣжій сыръ вмѣсто соленнаго. Въ періодъ выздоровленія отъ лихорадочныхъ болѣзней Mus. любитъ возбуждать аппетитъ ни болѣе ни менѣе какъ повторными кровопусканіями. Выздоровляющихся слѣдуетъ всячески забавлять и веселить, что придаетъ имъ аппетиту. Надо давать только главныя указанія, а подробности предоставить собственному усмотрѣнію окружающихъ³⁾.

¹⁾ Afflacijs, *De febris et urinis* (Collectio Salernitana, II, 741).

²⁾ *Schola Salernitana*, ed. St. Meaux, pp. 57 и слѣд. Dagemberg, l. c., 163, 164.

³⁾ Тамъ же, 154—156.

Частная патологія и терапія полнѣе всего изложена въ анонимномъ трактатѣ *De aegritudinum curatione* (см. выше стр. 378). Рамкою для него, правда, послужила *Practica* Платеарія I, но она до неузнаваемости была измѣнена и дополнена прибавленіями изъ сочиненій Сороп'а, Trotulae, Johannes Afflaciuss'a, Petroniuss'a, Bartholomaeuss'a и впервые здѣсь упоминаемаго Ferrarius'a¹⁾. Другое достоинство этого трактата заключается въ томъ, что онъ составляетъ цѣльный кодексъ салернской патологіи, позволяющій гораздо полнѣе и глубже заглянуть въ интимный кругъ прежней салернской медицины, чѣмъ напр. отрывочныя данныя поэмы *Regimen Salernitanum*, которой съ этой цѣлью до сихъ поръ пользовались историки²⁾.

Разсматриваемый трактатъ распадается на два различныхъ отдѣла, мотивируемыхъ въ краткомъ введеніи такъ:

„Quatuor sunt elementa, ex quibus quatuor creantur humores. Ex quatuor vero humoribus humanum constituitur corpus et secundum eorum alterationes immutantur. Siquidem corpus in moderantia et sanitate consistit, quamdiu humores in eo contenti secundum modum se habent et non excedunt naturalem cursum. Si vero in qualitate et quantitate habundantur, in id quod praeter naturam est convertentes alterantur, necesse est quod a sua alteretur temperantia, et sic egritudines tam universales, quam particulares incurrant quam plures“.

Согласно этому, трактатъ дѣлится на меньшій отдѣлъ, разсматривающій общія болѣзни (*morbi universales*), куда относятся преимущественно *лихорадки*, и въ 20 разъ большій (*de morbis particularibus*) или о мѣстныхъ болѣзняхъ—*a capite ad calcem*³⁾. Первый отдѣлъ весь составленъ однимъ и тѣмъ же авторомъ, второй есть конгломератъ сочиненій различныхъ авторовъ.

Итакъ въ первой части мы снова наталкиваемся на ученіе древнихъ о *лихорадкахъ*, съ примѣсю взглядовъ и салерпцевъ, причемъ однако авторъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отступаетъ отъ общепринятыхъ въ его время воззрѣній, а именно, производя, подобно всѣмъ другимъ салерницамъ, различные виды лихорадокъ отъ извѣстныхъ болѣзнетворныхъ веществъ, онъ далеко рѣзче другихъ отстаиваетъ важное значеніе мѣстопробыванія болѣзнетворнаго вещества и временъ года, какъ этиологическихъ моментовъ. Вообще дѣленіе лихорадокъ отличается у него гораздо большей простотой, такъ онъ не различаетъ, подобно Платеарію и Вареоломею, отдѣльныхъ видовъ лихорадокъ вслѣдствіе *phlegma salsum, acetosum, vitreum, dulce* и т. д.

Вотъ схема принимаемыхъ имъ формъ лихорадокъ, причемъ мы сохранили и орографію автора:

¹⁾ Въ XII в. Онъ оставилъ *De febris*. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Ferraguth'омъ.

²⁾ Ср. Henschel, *Die Salernitanische Handschrift* въ его же *Janus*, I, 329.

³⁾ Ср. тамъ же, 330.

I. De putridis.

A. De interpolatis.

- a) De interpolatis simplicibus.
- 1) De cotidiana.

De cotidiana ex materia stomachi facta:
„de cognitione ejus per urinam“.

De Cotidiana in estate et in juvenibus et senibus.

De Cotidiana in autumpno facta.

De Cotidiana in hieme.

De cotidiana ex materia intercutanea.

De eadem in autumpno et hieme.

De cotidiana ex materia spiritualium facta.

De cura ejusdem.

De cura ejusdem in hieme.
 - 2) De quartana.

„De quartana ex melancholia in stomacho facta.

De quartana cujus materia est in splene.
 - 3) De terciana ex materia stomachi facta.

De terciana in autumpno.

„ in hieme.

„ in estate.
- b) De interpolatis compositis.

B. De continuis.

- 1) De cotidiana continua (ex flegmate).

De eadem in autumno.

De minori Emitriteo.

De curatione ejusdem.
 - 2) De continua febre ex Colera (putrefacta in stomacho et venis (h)epatis).

Curatio si frenetici fuerint.

De Casson si medietate autumpni fuerit.

De majori (ha) emitriteo et cura ejusdem.
 - 3) De continuis febribus ex materia sanguinea. (Synocha putrida s. Synochus).

Cura ejusdem si fuerit in autumpno.

De sinocha ex sanguine facta in venis spiritualium.
- C. De planetis febribus.

II. De effi(c)mera.

III. De ethica (hectica) febre.

Въ концѣ этой главы авторъ говоритъ:
„Haec itaque de febribus qu(a) e univ-
ersales morbi dicuntur dicta suffi-
cient. Sequitur ut de particulari-
bus morbis dicamus“¹⁾.

Леченіе лихорадокъ заключалось въ назначеніи вначалѣ рвотныхъ изъ artiplex, брѳіоніи, syr. Psyllie какъ temperans, рвотнаго и слабительнаго, syr. acetosus какъ digestivum²⁾, а послѣ 4—5 пристуна—опія.

Вторая часть, какъ сказано, разсматриваетъ „*morbi particulares*“ или *частную патологию и терапію* въ тѣсномъ смыслѣ, по сочиненіямъ 7 авторовъ и притомъ по поводу каждой данной болѣзни сначала приводятся положенія I. или M. Платерія, затѣмъ неизмѣнно слѣдуетъ изложеніе Кофона-младшаго, послѣ того по порядку: Петронія, Аффлація, Вареоломея, Феррарія (только 2 раза) и Тротулы, и такъ изложеніе ведется при всѣхъ болѣзняхъ. Число послѣднихъ, изложенныхъ въ описанномъ порядкѣ такъ велико, что одно перечисленіе ихъ занимаетъ у Henschel'я 6 страницъ³⁾. Всего приведено 173 болѣзни, начинающая отъ „Frenesia (n° 1) и кончая „de frangendis calculis (n° 172) и „pro salute totius corporis (n° 173).

Phrenesia разсматривается какъ отломеніе, „apostema“, въ переднемъ мозго-
вомъ желудочкѣ („cellula phantastica“). Lethargus („litargia“), къ которому безспорно

¹⁾ Ср. Henschel, l. c. 331, 332. ²⁾ Тамъ же, 334. ³⁾ Тамъ же, 336—342.

относятся и случаи тифозной спячки, считается только симптомомъ, а его мѣстомъ пребывания—задній мозговой желудочекъ. Терапія терается въ безчисленномъ множествѣ наружныхъ и внутреннихъ лекарствъ.

Далѣе разсматриваются катарръ, насморкъ, апоплексія, эпилепсія (противъ которой М. Platearius рекомендуетъ средство своего отца: человѣческую кровь съ вороньими яйцами!), параличъ, послѣ чего слѣдуютъ дѣльныя замѣчанія Платеарія о маіні, меланхоліи (между прочимъ вслѣдствіе „amissio resupinae“) и тигіа. Изложеніе различныхъ формъ и леченія сумасшествія обнаруживаетъ сильное вліяніе методической школы. Далѣе рѣчь идетъ о болѣзняхъ волосъ и tinea, противъ коей рекомендуются сѣру содержащія средства, сажа, бритье головы, въ особенности же животныя лекарства (изъ кротовъ и лещерщъ), а также шелко; затѣмъ о разныхъ видахъ головной боли, а также „de inflatione cerebri“, о глазныхъ, ушныхъ и носовыхъ болѣзняхъ, послѣ чего слѣдуетъ обстоятельное изложеніе болѣзней полости рта, десенъ и зубовъ. Противъ боли послѣднихъ рекомендуются rugethrum, перецъ, молочай съ виномъ, горячій укусъ, наркотическія зубныя палочки, извлеченіе же отвергается, какъ и у методиковъ. Есть также главы о сыпяхъ на лицѣ, о косметикѣ лица (de albificanda facie, ad colorandas facies), о язвахъ въ трахеѣ, водобоязни, ангиахъ (въ томъ числѣ и заглочочныхъ нарывахъ), силлості, кашлѣ, различныхъ видахъ удущья, при леченіи коего между прочимъ рекомендуются вдыханія аврипигмента. Весьма тщательно обработаны главы о воспаленіи легкихъ и плевры (по Joh. Platearius II), при леченіи коихъ главную роль играютъ діететическія и гигиеническія условія (теплый воздухъ), а также искусственное вызваніе носоваго кровотеченія раздраженіемъ слизистой оболочки носа, кровопусканіе же только у крѣпкихъ, наконецъ тщательный уходъ при переломѣ болѣзни. Столь же подробно разобраны эмпізма и haemoptosis, леченіе коей главнымъ образомъ заключается въ питательной пищѣ (въ томъ числѣ „vermicelli“). Бугорчатка развивается отъ изъязвленія легкаго либо вслѣдствіе разѣденія истекающей изъ мозга слизи, или рыхлости легочной ткани, либо отъ выстушенія крови, превращающейся въ гной; въ діагностическомъ отношеніи придаетъ особенное значеніе запаху выдыхаемаго воздуха; поносы предвѣщаютъ скорый конецъ. Источникомъ многихъ болѣзней служитъ „закупориваніе полыхъ венъ“.

Изъ болѣзней сердца разсматриваются только супеоре и „passio cardiaca“, которая можетъ исходить также изъ желудка или печени, преимущественно однако изъ сердца, и притомъ въ острой или хронической формѣ, и можетъ протекать съ лихорадкой и безъ нея; главнымъ симптомомъ служатъ обильныя поты¹⁾. Мѣтко описана cardialgia (по Платеарію). Противъ истерики, превоеходно описанной Вареолюмеемъ, рекомендуются moschus, золото, амбра, въ особенности же лекарства изъ перловъ, „Diamargariton“.

Многो мѣста отведено болѣзнямъ желудка и кишечнаго канала (76—102); противъ глисть рекомендуется уже santonicum („centonice“). Выѣсъ съ болѣзнями кишечнаго канала разсматриваются и болѣзни яичка (de apostemate in testibus) и задняго прохода (de condilomatibus, de „ficus“ [вѣроятно герморонидальныя шишки], de exitu ani). Затѣмъ рѣчь идетъ о болѣзняхъ печени (n° 107—112), селезенки (114), противъ придухлости, коей рекомендуются желѣзныя опилки. Hydrops ascites, дающій при постукиваніи („percussus“) тонъ на половину наполненнаго мѣха, и тимпанитъ, дающій

¹⁾ Этимъ опровергается приведенное выше (стр. 96) мнѣніе Putschapn'a, что послѣ Александра изъ Tralles'a въ средніе вѣка ни у кого болѣе не заходитъ рѣчь о morbus cardiacus.

барабанный звук перкуссии, вообще трудно поддаются лечению, причем даже парацетез рѣдко ведетъ къ пѣли. Далѣе излагаются сахарное мочеизнуреніе, кровавая моча, lumbago, болѣзни почекъ (камни) и мочевого пузыря (опухоли, раки, затрудненное мочеиспусканіе отъ запоровъ и паралича вслѣдствіе задерживанія мочи у придворныхъ). Затѣмъ есть главы „de diampne“, значенія коей мы не могли добиться, „de gonorrhoea“ (собственно полиппи и сѣмятеченіе), de watyriasi, „argaximeron“ (impotentia virilis), объ опухоляхъ яичекъ.

Женскія болѣзни вообще изложены весьма подробно, менѣе подробно а кушерство. Между женскими болѣзнями мы находимъ главы „de pustulis in virga“ и „de sacaigo in virga“ (132), т. е. о шапкѣ, о которомъ сказано: „nihil aliud est quam sacaigo cum inflatione“, и противъ котораго рекомендуются аврингментъ, ярь-иѣданка и т. п.

Далѣе излагаются ischias (de scia), артритъ (ревматизмъ), подагра, de gadanculo, de dolore ex sceratura, de extortione pedis vel alius membri, послѣ чего слѣдуютъ болѣзни кожъ [elephantiasis, lepra (156), считаемая неизлечимой, morphea (157), impetigo, scabies, de scrophulis, бородавки], затѣмъ раны, нарвы, фистулы, ракъ, укушенія ядовитыми животными, ожогъ, „ignis vaser“ или infernalis (карбункулъ?), наконецъ главы о раздробленіи камней и pro salute totius corporis¹⁾.

Въ дополненіе къ сказанному нелишне будетъ прибавить еще нѣсколько данныхъ изъ другихъ салернскихъ авторовъ. Такъ у Вареолема и Кофона-младшаго находимъ данныя о болѣзняхъ, до того не описанныхъ, какъ напр. объ изъязвленіяхъ нѣба и трахеи, о помпакъ, о золотушныхъ опухоляхъ шеи, о кондиломахъ и т. д. Встрѣчаются оригинальныя воззрѣнія на происхожденіе и классификацію лихорадокъ. Какъ у всѣхъ врачей того времени, у нихъ дѣлается различіе между леченіемъ богатыхъ и бѣдныхъ. Для послѣднихъ предлагаются болѣе дешевыя средства и прилагается меньше стараній въ тому, чтобы леченіе и лѣварства сдѣлать пріятными.

Такъ, тонко измельченный порошокъ ревеня Кофонъ даетъ только богатымъ, бѣднымъ же, какъ слабительное, просто настой migobalani съ сахаромъ и безъ него. Съ своей стороны Четыре Учителя, комментаторы хирургин Roger'a и Roland'a, предписываютъ подслащивать микстуры сахаромъ для богатыхъ и медомъ для бѣдныхъ; на переломѣ у бѣдныхъ кладется пометъ свиньи, овцы или быка, вареный въ винѣ или водѣ, или же мазь изъ свиного мяса и варенаго порея; у богатыхъ—армянская жирная глина, перетертая съ бобовой мукой и хорошимъ уксуомъ. Для созрѣванія нарвовъ у богатыхъ рекомендуются сало и луковицы лилій; при зубѣ Rogerъ совѣтуетъ втираніе бальзама лицамъ царской крови и вообще высокопоставленнымъ; для прочихъ смертныхъ онъ даетъ болѣе дешевыя мази. При фистулахъ у богатыхъ примѣняется очень сложная микстура, у бѣдныхъ сокъ крапивы, который надо пить въ продолженіи года; для поддержанія переломанной руки у богатыхъ примѣняется особый аппаратъ.

Bernard-Провинціалъ совѣтуетъ давать архіепископамъ вино; рвотное онъ велитъ давать имъ послѣ ѣды, тогда оно легче переносится ихъ изнѣженными желудками.

Sophon также много старается о томъ, чтобы придать лекарству пріятный вкусъ²⁾.

¹⁾ Ср. Henschel, l. c., Janus, I, 336—342 и Haeser, I, 678—680. О „Malum mortuum“ (lupus) о которомъ говоритъ Haeser, у Henschel'я нѣтъ рѣчи.

²⁾ Dagemberg, l. c., 152—154.

Въ исторіи терапіи такъ-же важно сочиненіе Bernard'a-Провинціала, какъ трактатъ Musandinus'a для исторіи діететики.

Bernard, какъ и Salernus¹⁾, Таблицы котораго онъ комментарируетъ, старается очистить медицину отъ массы ненужныхъ средствъ, въ родѣ сушеныхъ травъ, потерявшихъ свою дѣйствительность. Много сложныхъ и дорогихъ лекарствъ даютъ только возможность дрогистамъ и аптекарямъ обманывать публику фальсификаціей. Bernard поэтому указываетъ много домашнихъ средствъ, замѣняющихъ дорогія лекарства. Такъ, слабительныя сливы или виноградъ онъ совѣтуетъ приготовить такимъ образомъ: весной ввести подъ кору растенія какой-нибудь слабительный препаратъ и плоды будутъ имѣть слабительное дѣйствіе! Его учитель Salernus предлагалъ кормить больныхъ мясомъ животныхъ, которымъ давались при жизни соответственныя лекарства въ пищу, что нѣсколько напоминаетъ нынѣ употребительный способъ леченія дѣтей при помощи назначенія лекарственныхъ веществъ (напр. препаратовъ іода) ихъ кормилицамъ.

Bernard даетъ много указаній, какъ замѣнять сложное средство простымъ или одно простое другимъ; средства, которыя мы называемъ *замѣняющими*, онъ называетъ *викарными* или *сопровождающими*.—Изъ его описаній тогдашнихъ напитковъ видно, что употреблялось вино виноградное и поддѣлки изъ сахара и меда, сидръ изъ яблокъ, пиво изъ пшеницы, ячменя и овса. Любопытны и такіе факты, на которые мы наталкиваемся въ его сочиненіи: хозяева гостинницъ, чтобы ограбить посѣтителей, усниляли ихъ виномъ, въ которомъ вымачивался бѣлокопытникъ (*tussilago*).

Врачъ, который желалъ отомстить неблагодарному больному, давалъ ему квасцы вмѣсто соли, что вызывало сны по тѣлу.

Чтобы заглушить запрещенную любовь, молодой человекъ или дѣвушка должны связать руки сзади и, наклонившись надъ сосудомъ, выпить воду, въ которую было погружено раскаленное желѣзо. Чтобы излечиться отъ худобы, надо откормить курицу старини, жирными лягушками, изрѣзанными на кусочки и сваренными съ сыромъ; отъ этой курицы надо съѣсть органъ, соответствующій тому, которой мы хотимъ утучнить; если съѣсть всю курицу, можно принять огромные размѣры! Абортъ предотвращается магнитомъ или, за неимѣніемъ такового, пористой костью изъ головы осла, которую надо носить на шеѣ. По поводу магнита Bernard приводитъ стихи:

Ut ferrum magnes, juvenem sic attrahit Agnes.

Противъ коготья въ ухахъ хорошо дѣйствуетъ отваръ земляныхъ червей въ оливковомъ маслѣ; орѣхи къ ужину способствуютъ хорошему сну; человека, укушеннаго тарантуломъ, надо подвѣсить съ кроватью въ общественномъ мѣстѣ, каждый прохожій раскачиваетъ кровать и при сотомъ толчкѣ больной спасенъ отъ могущихъ быть послѣдствій укушенія. Salernus излѣчилъ своего конюха (*arniger*) отъ паденія тѣмъ, что закопалъ его въ навозъ до рта. Bernard прибавляетъ, что результатъ былъ бы тотъ же, если бы положить его въ брюхо только-что убитаго вола или лошади²⁾.

Что салернскіе врачи не останавливались передъ энергическими средствами, видно изъ *Practica* Archimatthaeus'a, примѣнявшаго *мышьяковую окуриванія* при хроническихъ катаррахъ³⁾, а также изъ *Practica* Плате-

¹⁾ О немъ рукописная т. н. *Хроника Helinus'a*, авторитетъ коей признаетъ Clifton'омъ, говоритъ: „magister Salernus, qui invenit omnes literas graecas, atinas et hebraicas“. Ср. Steinschneider въ *Virch. Archiv*, B. 38, p. 74.

²⁾ Daremberg, l. c., 156—160. ³⁾ Тамъ же, 151.

арія I, отецъ коего вводилъ деревянный клинъ въ ротъ при болѣзняхъ глотки (дифтеритѣ согласно Sprengel'ю и простомъ нарывѣ согласно Choulant'ю). Вотъ относящееся сюда мѣсто:

„Praeterea jam imminente suffocatione lignum vel aliquod instrumentum bene politum ore aperte interius est figendum et rumpatur pellicula a postematis. Cum summa cautela est faciendum. Ego nunquam feci. Sed pater meus beatae memoriae fecit. Dum enim cum quodam Salernitano luderet ad aleas Salernitanus ille squinantia subito occupatus est, et cum jam inciperet suffocari et locum dolentem digito ostenderet utpote loqui nequies, pater meus curam cooperiens cuneo dentibus interposito clavum interius impulit et rapta est apostematis pellicula et sic sanguine in multa quantitate fluente liberatus est ille“.

Очевидно здѣсь рѣчь идетъ только о введеніи кусочка дерева между зубовъ и вскрытіи нарыва ногтемъ. Sprengel'я же вѣроятно ввело въ заблужденіе слово „squinantia“¹⁾.

Фармакологія салернской школы весьма рано приняла въ свой составъ арабскія средства, появившіяся въ Салерно вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ Амальфи и другими приморскими городами. Вообще число простыхъ и сложныхъ медикаментовъ возрасло до того, что понадобился особый классъ аптекарей для ихъ добыванія и приготовленія.

Изъ приведенныхъ выше важныхъ для исторіи фармакологіи сочиненій Николая Препозита и его комментаторовъ видно, что хотя салернская школа обогатила средневѣковую фармакологию множествомъ суетвѣрныхъ средствъ, какъ „*requies Nicolai*“, *sal sacerdotale* („quo utebantur sacerdotes tempore Heliae prophetae“)²⁾, средство пророка Ездры и т. д., но зато она умножила число сложныхъ составовъ, какъ напр. *electuarium frigidum Cophonis*, „*nefrocatarticum*“, *pil. arabicae*, *pil. foetidae* и т. п., и между прочимъ изобрѣла такіе, которые вошли въ позднѣйшія и даже современные намъ фармакопеи, напр. *ung. dialtea* (т. е. *altheae*), *ung. citrinum*, *ung. populeum*, *emplastrum oxycroscum* и т. д.³⁾. Не говоря уже объ урегулированіи медицинскихъ вѣса и мѣры Николаемъ Препозитомъ и усовершенствованіи способовъ приготовленія сложныхъ средствъ, съ объясненіемъ ихъ дѣйствія и примѣненія, о чемъ подробно распространяются комментаторы послѣдняго, Матвѣй Платеарій I и St. Amand⁴⁾.

Хирургія въ первые 2½ вѣка существованія салернской школы оставалась здѣсь въ полномъ пренебреженіи и почти всецѣло находилась въ рукахъ невѣжественныхъ эмпириковъ, такъ какъ въ это время представителями болѣе или менѣе научной медицины были весьма часто лица

¹⁾ Ср. Sprengel, II, 500 (3-е изд.) и Choulant, *Bücherkunde*, 296, 297.

²⁾ N. Praepositus, *Antidotarium* (ed. Venet. 1562), f. 390, d.

³⁾ Choulant, *Bücherkunde*, 288 и слѣд. ⁴⁾ См. выше, стр. 382.

духовнаго званія, по самому своему положенію державшія себя въ сторонѣ отъ хирургіи, а переписчики изъ монаховъ даже опускали обыкновенно хирургическія и гинекологическія сочиненія. Поэтому вначалѣ салернцы ограничивались только ученіемъ о ранахъ, переломахъ и вывихахъ. Въ сочиненіи *De aegritudinum curatione* находимъ замѣтки о нарывахъ, ражѣ, отравленныхъ ранахъ, ожогахъ, „*ignis sacer et infernalis*“, мочевыхъ камняхъ, и притомъ лишь формулы для мазей, отваровъ, примочекъ и т. п.¹⁾ Только въ XIII в. появляется первый хирургъ салернской школы и вмѣстѣ первый самостоятельный хирургическій писатель на западѣ:

Roger (Ruggiero, „*filius Frugardi*“) изъ Палермо или Пармы, также: **Roger Salernitanus**—по мѣсту его жительства и преподавательской дѣятельности. Согласно Sprengel'ю, онъ впоследствии былъ канцлеромъ въ университетѣ Монпелье. Онъ составилъ въ 1180 г. руководство:

Practica chirurgiae, которая была обнародована только 80 лѣтъ спустя въ обработкѣ Rolando Capelluti (ок. 1264) изъ Пармы, сохранившаго вполне смыслъ и буквальный текстъ Roger'a, прибавивъ къ нему только нѣсколько выдержекъ изъ Гиппократа, Галена и Авиценны: „*Ego Rolandus in opere praesenti juxta meum posse in omnibus sensum et literaturam Rogerii sum secutus: nec mirum, si imperitia hoc egerit mea, cum pene omnes sapientes hoc egiisse noscantur*“²⁾.

Изданія: 1) въ *Collect. chirurgica Venet.* 1546 и 2) въ De Renzi, *Coll. Salernit.* II, 426—496). Старинная и единственная первоначальная *рукопись*, изготовленная Guido Ageriensium, открыта Руссिनотти во Флоренціи. Кроме того существуетъ старинный итальянскій переводъ Bartolomeo. Въ 1230 г. появились Glossae одного анонима, въ 1264 г.—обработка Роланда, а впоследствии Glossae „четырехъ учителей“, носящія названіе: *Glossulae quatuor magistrorum super chirurgiam Rogerii et Rolandi* (изд. Dagemberg, въ *Collect. Salernit.* II, 497—724 и Napoli, 1854). Что это не могли быть значащіяся въ хирургической *Poeta medicum* „Archimatthaeus, Petroncellus, Platearius и Ferrarius“, доказываютъ хронологическія данныя о первыхъ трехъ, жившихъ гораздо раньше и Roger'a и Феррарія. Впрочемъ всего дѣйствительно имѣло мѣсто сообщество 4 ученыхъ врачей въ Салерно или въ Парижѣ, гдѣ, какъ рассказываютъ, они жили совместно въ одномъ домѣ, устроенномъ ими для приѣма больныхъ (нѣчто въ родѣ поликлиники). Но имена ихъ такъ и остались неизвѣстными. Имя Roger'a носить еще:

Summa Rogerii или *Practica medicinae*, она же *Practica parva* (напечатана вмѣстѣ съ *Chirurgia Rogerii*). Но Lajard (*Hist. litér. de la France*, XXI, 519 и слѣд.) приписываетъ ее другому, а именно Roger'у de Varone или de Varone (въ Бельгій)³⁾.

Сочиненіе Roger'a представляетъ собою собственно руководство къ хирургическимъ болѣзнямъ (*Summa major*) и примѣняемымъ здѣсь фармацевтическимъ средствамъ, изложеннымъ во второй части (*Summa minor*),

¹⁾ См. выше стр. 393.

²⁾ *Rolandii Chirurgia*, I, IV, с. 24, f 200, d. (Venet. 1546). Ср. Sprengel II, 543 (2-е изд.).

³⁾ Ср. Henschel, въ *Haeser's Archiv*, 1841 и Haeser, I с., I, 754—757.

причемъ авторъ опирается какъ на собственные наблюденія, такъ и на современныя ему хирургическія преданія, а изъ авторовъ—отчасти на Александра Траллійскаго и Gargiropontus'a, преимущественно же на *Viaticum* Константина Африканскаго и *Chirurgia Albucasis'a*.

На первомъ планѣ у него излагается ученіе о *ранахъ*, при коихъ имъ примѣняются ароматическія и винныя нагнаивающія средства; стрѣлы извлекаются и затѣмъ въ ранѣ вызывается нагноеніе съ помощью смазанныхъ жиромъ корпійныхъ турундъ. При *кровотеченіяхъ*—важущія, кровавыя швы и перевязка сосудовъ. Зобъ удаляется волосной заволокой, введенной съ помощью накаленныхъ иглъ. Оперативная же хирургія въ тѣсномъ смыслѣ, за исключеніемъ *трепанаци*, разсматриваемой имъ подробно, играетъ у Рожера второстепенную роль. *Кожныя болѣзни* изложены довольно тщательно. *Tinea* распадается на залечимую и незалечимую формы, причемъ предсказаніе зависитъ отъ свойствъ корней волосъ, извлеченныхъ съ помощью *pilotta*. Ртутныя мази примѣнялись энергически какъ противъ вшей, такъ и вообще при упорныхъ болѣзняхъ кожи¹⁾.

Отіатрія ограничивалась только замѣтками объ инородныхъ тѣлахъ въ наружномъ слуховомъ проходѣ и о происхожденіи глухоты отъ заболѣваній желудка и печени.

Офтальміатрія салернцевъ также представляетъ лишь скудныя замѣтки о болѣзняхъ наружныхъ частей глаза и нѣсколько болѣе подробныя о катарактѣ, которая оперировалась посредствомъ *scleroticonyxis*. Въ такомъ же упадкѣ находились

Акушерство и гинекологія, какъ доказываютъ сочиненія Тротулы и *De aegritudinum curatione*, изъ коихъ въ послѣдней приведены только рецепты и суевѣрныя средства. Въ этой области однако обращаетъ на себя вниманіе упоминаемая въ *Regimen Salernitanum* симфизиотомія²⁾. Съ особеннымъ пристрастіемъ салернская школа останавливалась на средствахъ *ad provocandum coitum, pro pene stimulando et stringendo, „ad menstruum provocandum (вѣрнѣе pro abortu artificiale), а также на impeditis impraegnationis, impotentia coitus, satyriasis, de impraegnatione et conceptione* и вообще *de coitu*. (Ср. Haeser, I, 681).

Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько подробнѣе о сочиненіяхъ Тротулы.

Выше уже было указано, что она занималась не исключительно только женскими болѣзнями. Въ *Compendium Salernitanum* есть ея работы о болѣзняхъ глазъ, ушей, десенъ, о рвотѣ, о кишечныхъ боляхъ; о томъ какъ способствовать разслабленію или сжатію живота (*relaxatio, constrictio*), наконецъ о каменной болѣзни. Въ ея работѣ *О женскихъ болѣзняхъ* (дошедшей до насъ только въ сокращенномъ видѣ и составляющей только часть болѣе обширнаго и до насъ не дошедшаго сочиненія о всей медицинѣ) интересенъ совѣтъ женщинамъ: брать ванны изъ морскаго песку на солнечномъ припекѣ, чтобы похудѣть путемъ усиленнаго потѣнія; есть глава о выборѣ кормилицы, которая должна быть свѣжа и беззаботна; глава, посвященная уходу за новорожденнымъ,

¹⁾ Тамъ же, 755. Въ хирургіи, однако, Roger не употреблялъ ни мазей ни присыпокъ, а только раздражающія *fomentationes*. Ср. Henschel, *Janus*, II, 188.

²⁾ *Schola Salernitana*, ed. St. Meaux, 260: „*Symphuseos pubis dissectio rite peracta*“.

въ которой рекомендуется туго пеленать его и придавать форму его головкѣ, носу и прочимъ членамъ посредствомъ ручныхъ приемовъ. Много вниманія обращается и на прорѣзываніе зубовъ, и на первую рѣчь дитяти; далѣе рекомендуются погрешки, покрытыя медомъ и сахаромъ для размягченія десенъ, картинки для развлеченія глазъ, нѣжныя слова и ласки для того, чтобы придать его голосу мягкость и забавлять его¹⁾.

Есть много указаній у салернскихъ авторовъ на то, что Trotula не была исключеніемъ.

Оба Платеарія, въ *Circa instans* и въ *Practica*, говорятъ о какой-то особенной мази отъ солнечнаго удара, изобрѣтенной врачомъ-женщиной; о пиявкахъ противъ дизуріи и разныхъ косметическихъ рецептахъ врачей-женщинъ, о пудрахъ для смягченія кожи лица, роженія волосъ и др. Вообще у нихъ встрѣчается много косметическихъ рецептовъ, напр. параличная трава (*bugonia*) для подкрашиванія лица; но есть и припарки (*epithemata*) противъ желудочно-кишечныхъ страданій, мази отъ геморроя. Въ *Комментаріяхъ* Бернарда Провинціала на *Таблицы Салернуса*, написанныхъ въ срединѣ XII в. (1150—1160), мы встрѣчаемъ тѣ-же рецепты, а также много новыхъ, напр. *амль антеловъ*, *просфора похвалы*, главной составной частью которой былъ сокъ молочая; это были средства противъ болѣзней, порожденныхъ слизью, далѣе составъ изъ порошка молочая и яицъ противъ ознобленій; *galbanum* противъ удушья, мази отъ параличей, окуриваніе парами сурьмы противъ кашля и листьями оливковаго дерева для параличныхъ дѣтей. Противъ опухли лица, особенно происходящей отъ вѣтровъ, рекомендуется втираніе алоѣ, вымоченнаго въ розовой водѣ. Нѣкоторые изъ рецептовъ довольно противны и доказываютъ суевѣріе прописывавшихъ и употреблявшихъ ихъ. Напр. при безплодіи съѣсть самой или накормить мужа ослинымъ пометомъ, жареннымъ въ печи. Чтобы забыть умершихъ друзей, надо съѣсть фаршированное свиное сердце; противъ меланхоли и другихъ „холодныхъ болѣзней“ рекомендовалась мазь изъ травъ, главнымъ образомъ буквицы, которая требовалось сорвать въ Вознесеніе, около 3 часовъ, читая Отче нашъ и т. п.)²⁾.

Заключеніе. Изъ изложеннаго очерка салернской школы видно, что за ней слѣдуетъ признать ту заслугу, что въ вѣка варварства она долгое время оставалась вѣрной греческому преданію, всачески заботясь о сохраненіи и отчасти умноженіи его и стараясь въ то же время сдѣлать его общедоступнымъ какъ при помощи преподаванія, такъ и распространеніемъ ученыхъ и популярныхъ сочиненій. Но главнымъ образомъ значеніе ея для медицинской культуры опредѣляется не столько обогащеніемъ медицины какими-либо новыми научными фактами, сколько болѣе или менѣе самостоятельной разработкой началъ древней медицины въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ своего существованія и упроченіемъ за медициной, по примѣру арабовъ, свѣтскаго характера въ такое время, когда ей угрожало снова сдѣлаться теургической. Салернская школа служила въ средніе вѣка надежнымъ убъ-

¹⁾ Dargemberg, l. c. 140. ²⁾ Тамъ же, 141—143. Здѣсь оканчивается сотрудничество Е. И. Бродской (въ Нижнемъ Новгородѣ) по *D.*, за которое приносимъ ей здѣсь нашу искреннюю благодарность. Какъ жаль, что, зная въ совершенствѣ медицину и языкъ, эта талантливая ж.-вр. и хирургъ не посвящаетъ больше времени литературной дѣятельности.

жищемъ для свободнаго изслѣдованія и тѣмъ приобрѣла весьма важное международное значеніе, такъ какъ въ ея стѣнахъ учили и учились наравнѣ христіане, арабы и евреи, что въ свою очередь вело къ широкому общенію мыслей между столь различными по происхожденію народностями. Далѣе чрезъ посредство салернской школы не только состоялся переходъ арабской фармаціи и терапіи въ западную медицину, но, весьма вѣроятно, перенесены въ европейскіе университеты и основныя черты устройства арабскихъ школъ, а потому салернская школа по праву можетъ считаться прообразомъ первыхъ университетовъ, каковы школы или позднѣйшіе университеты въ Монпелье, Парижѣ, Падуѣ, Болоньѣ и Неаполѣ, а также въ Англіи, Германіи и Испаніи. Наибольшее сходство съ салернской школой имѣеть безспорно

Школа въ Монпелье („Mons pessulanus“), какъ по своему положенію въ прелестной мѣстности близъ тирренскаго моря и морскихъ купаній, такъ и по уваженію, которое ея представители питали сперва по отношенію къ началамъ Гиппократата и Галена, а позднѣе и арабовъ. Основаніе Монпелье относится къ 738 г. Населеніе его состояло сначала изъ бѣлыхъ испанцевъ, а позднѣе также евреевъ и арабовъ. Неудивительно поэтому, что, несмотря на назначеніе въ наставники преимущественно безбрачныхъ духовнаго званія, выпедшіе изъ школы Монпелье врачи не безусловно подчинялись церкви, такъ какъ и тутъ одинаково обучали и обучались христіане и евреи, изъ коихъ послѣдніе состояли въ вѣдѣніи свѣтскихъ властей.

Первыми основателями и поддерживателями этой школы Prunelle и Carmony считаютъ врачей-евреевъ, и прежде всего анонимаго врача, одного изъ учениковъ р. Авоп'а изъ Нарбонны, гдѣ послѣдній содержалъ около 1000 г. по Р. Х. еврейскую религиозно-медицинскую школу. Этотъ-то анонимный врачъ около 1025 г. появился въ Монпелье, гдѣ собралъ многочисленныхъ учениковъ и занимался медицинской практикой. Онъ оставилъ книгу о медицинѣ, которую цитируютъ нѣкоторые еврейскіе ученые¹⁾.

Въ 1153 г. медицинская школа въ Монпелье достигла уже такой извѣстности, что „желашіе изучить основательнѣе одну только философію, становились ея учениками“. Позднѣе (въ XIII в.) здѣсь выступаетъ нѣкто Jehuda, завѣдывавшій медицинской школой вмѣстѣ съ деканомъ Николаемъ, оставившимъ „Фармакопею университета Монпелье“²⁾. Основателемъ собственно университета считаютъ обыкновенно графа Монпелье, Вильгельма IV (1180). Изъ этой же школы вышли Самуиль Ибнъ-Тиббонъ и Яковъ бенъ Махиръ, извѣстный подъ именемъ Profatius'a и избранный въ 1300 г. деканомъ медицинскаго факультета³⁾.

¹⁾ Ср. Prunelle, Discours sur l'influence de la médecine, p. 50, и Carmony, *Revue orientale*, I, 359 (Bruxelles, 1841).

²⁾ Astruc, *Mémoire pour servir à l'histoire de la faculté à Montpellier* (Paris, 1767). Ср. Carmony, l. c. I, p. 437. ³⁾ Тамъ же, 438 и 450.

Согласно Steinschneider'у, однако, евреи въ Монпелье никогда не были ни собственно основателями школы, ни ординарными преподавателями, положеніе ихъ въ Монпелье всегда было шаткое, особенно послѣ эдикта Вильгельма (1180), совершенно ясно исключавшаго евреевъ изъ преподаванія. Такъ, въ концѣ XIV в. „magister“ („rab“) Abraham Abigdor (р. въ 1351) уже въ зрѣломъ возрастѣ отправился въ Монпелье слушать лекціи христіанскихъ преподавателей и медицины и перевелъ на еврейскій языкъ нѣсколько руководствъ, въ томъ числѣ руководство одного университетскаго канцлера. Почти въ то же время Leon Josef (ок. 1394—1402) жалуется, что въ теченіе 10 лѣтъ онъ не могъ приобрести ни въ Монпелье, ни въ Авиньонѣ, знаменитыя сочиненія Gerard'a изъ Solo и Johann'a изъ Tognaniga, стоявшаго тогда во главѣ ученыхъ Монпелье, такъ какъ послѣдніе, не смотря на благосклонное къ нимъ отношеніе того же Johann'a, „предавали анаемѣ всякаго, кто продавалъ таковыя сочиненія невѣрнымъ“¹⁾.

Въ 1220 г. кардиналъ Congrad даровалъ медицинскою школъ въ Монпелье такія же права, какими пользовалась парижская школа (см. ниже), установивъ при этомъ особенное испытаніе для лицъ, искавшихъ званія преподавателей, и подчинивъ ихъ, какъ „clerici“, власти магелонскаго епископа²⁾. Преподаваніе велось, какъ и въ салернской школъ, сначала на арабскомъ, еврейскомъ, впоследствии на провансальскомъ и латинскомъ языкахъ. Во главѣ университета стоялъ канцлеръ. Въ 1242 году къ медицинскому факультету въ Монпелье былъ присоединенъ философскій, а въ 1298 г. и юридическій, но лучшимъ украшеніемъ университета вѣсело здѣсь былъ всегда медицинскій. Съ переходомъ города Монпелье подъ власть французскихъ королей (въ 1349 г.) римское вліяніе здѣсь прекратилось. Съ тѣхъ поръ Монпелье получаетъ весьма важное значеніе для умственной культуры среднихъ вѣковъ, по свободному направленію и свѣжимъ вѣніямъ, которыми онъ былъ обязанъ главнымъ образомъ независимости отъ Рима и, отчасти по крайней мѣрѣ, немалому числу учившихся здѣсь еврейскихъ ученыхъ, изъ коихъ многіе вышли изъ испанскихъ школъ, поклонявшихся свободномыслящему аверроизму.

Что касается медицины, то, по свидѣтельству Арнольда Виллановы (въ XIII в.), въ отличіе отъ парижской и итальянской школъ, готовившихъ схоластиковъ, учителя Монпелье обращали преимущественное вниманіе на образованіе хорошихъ практиковъ, не упуская однако изъ виду общихъ научныхъ основъ³⁾. Мнѣніе же Эгидія Корбейльскаго (въ началѣ XIII в.), ставящаго врачей Монпелье ниже салернскихъ, опровергается фактами, такъ какъ изъ школы Монпелье въ XIII и XIV вв. вышли ученые, какъ Раймондъ Люльскій, анатомъ и хирургъ Генрихъ изъ Montdeville, Arnald Villanova, шотландецъ Бернаръ Гордонъ, англичанинъ Gilbert и знаменитый хирургъ Guy de Chauliac.

¹⁾ Cp. Steinschneider, *Donnolo* въ *Virchow's Archiv*. 1868, B. 42, pp. 51, 52.

²⁾ Astruc, l. c. p. 37.

³⁾ „...Parisenses et ultramontani medici plurimum student, ut habeant scientiam de universali, non curantes habere particulares cognitiones et experimenta... At medici Montis Pessulani... student satis habere scientiam de universali, non praetermittentes scientiam particularem“ etc. Arnald Villanova, *Breviarium*, IV, 10. Cp. Haeser, I, 656.

Раймундъ Люлльскій (1235—1315), изъ Маллогса, послѣ бурной молодости, 30 л. отроду, поступилъ въ орденъ миноритовъ, изучилъ арабскій языкъ и дважды отправлялся въ сѣверную Африку проповѣдывать христіанство сарацинамъ, отъ которыхъ въ 1315 г. погнѣнъ ужасною смертію, забросанный камнями. Онъ написалъ, между прочимъ, сочиненія: *Ars magna*, *О мочѣ и видахъ пульса*, *О теоретической и практической медицинѣ*, *О маслахъ и водахъ*, и вообще извѣстенъ какъ алхимикъ и искатель философскаго камня¹⁾.

Bernhard Gordon, шотландецъ, получилъ образованіе въ Салерно и съ 1285 по 1307—профессоръ въ Монпелье. Въ 1305 г. онъ составилъ *Lilium medicinae s. Practica*—сочиненіе, вполне самостоятельное и богатое интересными наблюденіями.

Изданія: Bernard de Gordonio, *Practica, dicta Lilium medicinae*, Lugd. 1474, Francof. 1617. Переводы на французскій и еврейскій языки хранятся въ рукописяхъ (въ Парижѣ). Кромѣ того остались рукописи: *De conservazione vitae humanae* (въ Бреславлѣ), сочин. въ 1307 г. и *De urinis*.

Гордонъ, правда, писалъ подъ немалымъ вліяніемъ арабовъ и схоластиковъ („оспа и корь происходятъ отъ зачатія во время мѣсячныхъ“; „желчь опускается въ 3 часа, черная въ 9 ч., слизь—поздно вечеромъ“ и т. п.; извѣстное пристрастіе къ арабскимъ средствамъ), но зато онъ вполне сознаетъ значеніе хирургіи, а объ его статьѣ о *проказѣ* уже Guy de Chauliac отзывается съ похвалой. Одержимымъ кашлемъ („tussiculis“) онъ совѣтуетъ задерживать дыханіе или же ежедневно раздувать огонь: „sine pietate quotidie sufflet ignem et curabitur“. Наконецъ уже онъ сознавалъ пользу и вредъ отъ *химіатріи*:

„Modus chemicus in multis est utilis in medicina; in aliis vero est ita tristabilis, quod in ejus via infinitissimi perierunt“²⁾.

Гораздо болѣе значенія для исторіи медицины имѣетъ

Gilbertus Anglicus (ок. 1290), оставившій сочиненіе:

Laurea anglica или *Compendium medicinae, tum morborum universalium quam particularium pondum medicis, sed et chirurgicis utilissimum*, Lugd. 1510.

Интересно заявленіе Джильберта, что онъ охотно бы послѣдовалъ за Гиппократомъ, „еслибъ не опасеніе прослыть чудакомъ“. Должно быть поэтому-то онъ и предпочелъ придерживаться возрѣвнѣй арабовъ и схоластиковъ. Есть у него и дѣльныя наблюденія надъ *проказой* и *болѣзнями половыхъ органовъ*, хорошо изложены также добываніе ртутныхъ средствъ и уксуснокислаго амміака, равно какъ и дѣйствіе сѣрнистыхъ водъ. Но въ то же время встрѣчаемъ у него безсмысленные взгляды и способы леченія, какъ напр. происхожденіе вшей отъ крови, слизи и желчи, привязываніе большой свиньи къ кровати одержимаго летаргическимъ сномъ и т. п.³⁾.

¹⁾ Ср. Vaas, I. c., 215 и Sprengel, II, 569.

²⁾ *Lilium medicinae*, Francof. 1617, P. I, c. 23, p. 131. Ср. Sprengel, II, 582—585 и Haeser, I, 711, 712. ³⁾ Тамъ же и Sprengel, II, 525 и слѣд.

Подражаніе „*Lilii*“ Гордона оставилъ также

John Gaddesden, магистръ медицины въ Оксфордѣ и первый лейбъ-медикъ при англійскомъ дворѣ, подъ названіемъ:

Rosa anglica (сочинена между 1305 и 1317). Изд. Pariae, 1492, Jena, 1499, Venet. 1502, Neapol, 1508 и Aug. Vindel. 1595 (ed. Schöpfung).

Не имѣя никакихъ достоинствъ предыдущихъ сочиненій, *Rosa anglica* отличается всѣми ихъ недостатками и такъ же рекомендуетъ отвратительные способы леченія или суевѣрные средства, какъ рукоположеніе короля Англій—отъ золотухи (тѣмъ же дѣйствіемъ обладала рука французскаго короля) и т. д. Гонораръ врачъ долженъ выговорить себѣ впередъ (слѣдуетъ перечень всѣхъ болѣзней, мало прибыльныхъ для врача). Тѣмъ не менѣе сочиненіе это пользовалось широкимъ распространеніемъ¹⁾.

Школѣ Монпелье принадлежатъ также Gerardus a Solo, профессоръ въ Монпелье, Guilelmus a Brixiae (Brescia), лейбъ-медикъ Климентія V, Raymond Chalin de Vinario (писалъ о бубонной чумѣ ок. 1360), Johannes a Tornamira (ок. 1400) и, какъ сказано, Agnaldus Villanova и Heinrich изъ Mondeville, учитель Guy de Chauliac'a, о которыхъ подробнѣе рѣчь впереди.

Парижская школа или академія вѣроятно беретъ начало въ учрежденной Карломъ Великимъ въ 802 г. кафедральной школѣ при Nôtre-Dame de Paris. Названіе школы (collegium) она носила вплоть до начала XII в., такъ какъ собственно университетскіе анализы начинаются уже съ 1107 г. Сначала предметами преподаванія были только богословіе и „artes liberales“. Во главѣ школы стояли cancellarius и magister scholarum, называвшійся также decanus и раздававшій „licentiam legendi“. Этотъ обычай, перешедшій отъ евреевъ и несторіанъ къ арабамъ и отъ нихъ въ салернскую школу, былъ заимствованъ изъ послѣдней и парижской школой (Петромъ Ломбардскимъ)²⁾. Благодаря учености преподавателей (Anselm изъ Aosta, Guillaume изъ Champeaux и Abélard) и громадному стеченію учащихся, численно превосходившихъ городское населеніе до того, что Филиппъ Августъ былъ вынужденъ расширить городъ, парижская школа вскорѣ сдѣлалась центромъ умственной жизни Европы³⁾. И хотя она долгое время находилась подъ надзоромъ духовенства и профессорами должны были быть безбрачные clerici, но такъ какъ большая часть папъ въ XIII в. учились въ этой школѣ, то они утвердили за ней особыя приви-

¹⁾ Тамъ же, 585 и слѣд. и Ваав, I. с. 216.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 513.

³⁾ Michaud, Guillaume de Champeaux et les écoles de Paris au XII siècle, Paris, 1867. Ср. Sprengel, II, 514 и Haeser, I, 656.

легіи. Такъ Иннокентій IX, обязанный папскимъ престоломъ Филиппу Августу, издалъ въ 1206 г. буллу, въ силу которой всѣ члены школы не подлежали отлученію отъ церкви. Медицину повидимому здѣсь стали преподавать только около 1180 г.; въ университетъ же съ обозначившимися 4 факультетами школа преобразована только въ 1209 г., и хотя о профессорахъ медицины упоминается уже, начиная съ 1213 г., но списки имъ стали вести только съ 1311 г.¹⁾

Въ большей части папскихъ буллъ профессора медицины носятъ названіе *artistae* или учителей свободныхъ искусствъ, причемъ для полученія права преподаванія отъ нихъ требовался 6-лѣтній курсъ ученія, 21-лѣтній возрастъ и выдержаніе строгаго испытанія. Программа лекцій ограничивалась только *Афоризмами* Гипократа, его же *Примостикой* и *De victu in acutis*, книгой Теофила о строеніи человеческого тѣла, *Введеніемъ* Нонеин'а и фармакологіей Эгидія. Собственно говоря, право преподавать пригготовительные предметы они имѣли уже по окончаніи 3-лѣтняго курса, достигнувъ степени бакалавра, но для преподаванія медицины они должны были изучать ее еще 3 года и получить званіе *magister in physica* и вмѣстѣ съ тѣмъ право практики. Saresbury дѣлитъ парижскихъ врачей на три класса: *physicos*, *theoricos* и *practicos*, причемъ о послѣднихъ отзывается очень не лестно:

„Hippocratem ostentant aut Galenum: verba proferunt inaudita, ad omnia suos loquuntur aphorismos, et mentes humanas, velut afflatas tonnitribus, sic percellunt nominibus inauditis. Creduntur omnia posse, quia omnia jactitant, omnia pollicentur“²⁾. „Quia isti hesterni pueri, magistri hodierni, heri vapulantes in ferula, hodie stolidi docentes in cathedra, ex ignorantia aliorum, arguunt grammaticam commendari.“³⁾

Вообще профессора назначались только на 1 или 2 года. Самая старинная медицинская школа („*École de physique*“) въ Парижѣ, основателемъ коей считается Roger de Provins, духовникъ Людовика Святаго (1235—1270), находилась въ аббатствѣ St. Victor и присоединилась къ университету вскорѣ послѣ его основанія (1209). Въ 1477 г. факультетъ находился въ rue de la Boucherie. До какой степени скудно былъ обставленъ медицинскій факультетъ въ теченіе первыхъ 3 вѣковъ существованія университета, видно изъ того, что въ 1450 г. вся библютека этого факультета въ Парижѣ состояла только изъ *Continens Rhazes'a*⁴⁾.

Кромѣ Монпелье и Парижа во Франціи основанъ еще университетъ въ Тулузѣ (1229).

Въ Италіи, благодаря содѣйствію просвѣщенныхъ папъ, въ особенности Гонорія IV, также возникло множество университетовъ и медицинскихъ школъ.

¹⁾ Тамъ же и Sprengel, II, 515.

²⁾ Joh. Saresbury, *Metalog.*, I, I, с. 25. ³⁾ Bulaesis, *Hist. univers. Paris.* vol. II, p. 575. Цитир. у Sprengel'я, II, 516, 517.

⁴⁾ Ср. Haeser, I, 657.

Въ Болоньѣ сначала (ок. 1110) имѣлись 2 „университета“—для юристовъ и „*artistaе*“ (къ которымъ принадлежали и врачи), съ отдѣльнымъ выборнымъ независимымъ ректоромъ для cadaго. Собственно медицинскій факультетъ основанъ здѣсь около 1156, а вначалѣ XIII в., уже было множество преподавателей медицины („*magistri*“).

Въ Падую университетъ открытъ Фридрихомъ II въ 1222 г., о медицинской же школѣ упоминается годомъ раньше; въ Мессинѣ и Неаполѣ—въ 1224 г., въ Павіи—въ 1250 г.¹⁾

Въ Англіи школа въ Оксфордѣ, основанная во времена Альфреда Великаго (849—901), преобразована въ университетъ въ XI в. (ок. 1140); медицина и физика здѣсь преподавались уже до 1200 г., а съ 1229 г. университетъ стали посѣщать многочисленныя парижскіе студенты. Въ Кембриджѣ университетъ основанъ задолго до перемѣщенія сюда студентовъ изъ Оксфорда въ 1209 г.²⁾ Особенно много въ дѣлѣ развитія опытныхъ наукъ въ Англіи потрудились Роджеръ Беконъ (въ XIII в.), которому нѣкоторые, быть можетъ и несправедливо, приписываютъ изобрѣтеніе пороха, очковъ и телескоповъ³⁾. Главная его заслуга заключается въ правильномъ взглядѣ на вещи, которымъ онъ былъ обязанъ многочисленнымъ своимъ физическимъ опытамъ, въ ожесточенной войнѣ съ предразсудками и во введеніи въ преподаваніе математики, какъ средства наиболѣе способствующаго усвоенію всякой науки. Отдавая должное древнимъ въ отношеніи образованія вкуса, онъ совѣтуетъ однако не преклоняться передъ ними безусловно и безъ критики:

„*Non oportet nos adhaerere omnibus quae audimus et legimus, sed examinare debemus districtissime sententias majorum, quae eis defuerunt, et corrigamus, quae errata sunt*“⁴⁾.

Въ Испаніи, родинѣ арабскихъ университетовъ, высшая школа въ Валенсіи основана въ 1199 г. Альфонсомъ VIII, а университетъ въ Саламанкѣ—въ 1243 г. его преемникомъ, Альфонсомъ IX, каковой университетъ, вмѣстѣ съ болонскимъ, неаполитанскимъ и парижскимъ, признанъ въ 1254 г. покровителемъ наукъ, папой Александромъ IV, однимъ изъ „*quatuor studia generalia orbis christiani*“. Кромѣ того основаны еще университеты въ Lerida (въ 1300 г.), въ Вальядолидѣ (въ 1346 г.) и Huesca (въ 1354 г.).

¹⁾ Тамъ же, 653.

²⁾ Тамъ же, 658.

³⁾ Первые стекла для оптическихъ цѣлей (для очковъ и простыхъ увеличительныхъ стеколъ) были отшлифованы около 1286 г. *Salvino degli Armati* († 1317). Ср. Ваас, I. с. 228.

⁴⁾ R. Васон, *op. maj.*, p. 10. Ср. *Sprengel*, II, 519.

Въ Португаліи университеты открыты въ Лиссабонѣ въ 1287 г. и въ Коимбрѣ въ 1290 г. ¹⁾).

Наконецъ въ Германіи громкой славой пользовался университетъ въ Прагѣ, основанный въ 1348 г. богемскимъ королемъ Карломъ IV и служившій долгое время центромъ научной жизни въ Германіи и восточной Европѣ. Въ 1350 г. здѣсь было уже свыше 200 магистровъ и докторовъ, около 500 бакалавровъ и около 30,000 студентовъ! Первымъ профессоромъ медицины былъ здѣсь Nicolaus de Gevisca, а съ 1348—1367 гг. славилась также магистръ Вальтеръ, лейбъ-медикъ короля Іоанна, и преемникъ Вальтера, магистръ Gallus. Плодами вышедшаго отсюда просвѣщенія особенно воспользовалась сосѣдняя Силезія; по крайней мѣрѣ часть богатыхъ рукописныхъ сокровищъ бреславльскихъ библіотекъ, вѣроятно, попала въ нихъ изъ богемскаго университета ²⁾).

Остальные вѣмедкіе университеты не играли такой роли. Такъ въ Вѣнѣ (1365) было сначала только три медицинскія кафедръ, въ Гейдельбергѣ (около 1386 г.), Лейпцигѣ (около 1409) и Тюбингнѣ (1477) только по двѣ, а въ Грейфсвальдѣ (1456)—только одна кафедра. Въ Вѣнѣ дѣло преподаванія медицины поставлено было на надлежащую высоту только съ начала XV в., что совпало съ приглашеніемъ сюда въ 1401 г. Galeazzo de Santa sofia, преподававшаго прежде въ Болонѣ и Падуѣ ³⁾. Кромѣ упомянутыхъ университетовъ, въ средніе вѣка одинъ за другимъ основаны еще слѣдующіе: въ Краковѣ (1347), Fünfkirchenѣ (1382), Кюльмѣ (1387), Кельнѣ (1388), Эрфуртѣ (1392), Вюрцбургѣ (1403), Ростокѣ (1419), Löwenѣ (1426), Фрейбургѣ (1457), въ Базелѣ (1460), въ Ингольштадтѣ (1471), въ Трирѣ (1472) и въ Майнцѣ (1477). Нѣкоторые изъ нихъ, какъ извѣстно, нынѣ закрыты, а всѣ они вообще мало вліяли въ смыслѣ производительной умственной дѣятельности на средніе вѣка ⁴⁾).

Вліяніе крестовыхъ походовъ на медицину. Это вліяніе отразилось 1. на расширеніи круга дѣятельности врачей, изъ коихъ многіе, въ томъ числѣ и врачи-евреи, слѣдовали за войсками, 2. сказалось въ учрежденіи множества больницъ, завѣдываніе коими стали поручать преимущественно врачамъ-мірянамъ. Къ тому же практической дѣятельности послѣднихъ и пытливому духу изслѣдованія доставлена новая пища нѣкоторыми новыми болѣзнями (появившимися во времена и вслѣдъ за крестовыми походами) и знакомствомъ съ арабской образованностью и медици-

¹⁾ Ср. Haeser, I, 657.

²⁾ Ср. Henschel, Schlesiens wissenschaftliche Zustände im 14 Jahrhundert, Breslau, 1850.

³⁾ Ср. Haeser, I, 658.

⁴⁾ Ср. Ваас, I, с. р. 224. Болѣе подробную литературу о первыхъ итальянскихъ, французскихъ и германскихъ университетахъ см. въ *Прибавленіяхъ*.

ной, съ ея лекарствами и способами леченія, отличными отъ бывшихъ въ ходу на западѣ. Между названными болѣзнями первое мѣсто занимаетъ столь распространенная на востокѣ

Проказа. Правда, есть указанія на то, что эта болѣзнь не была чужда Европѣ (во Франціи и Италіи задолго до крестовыхъ походовъ). Такъ мѣры противъ прокаженныхъ извѣстны еще со временъ лонгобардскаго короля Rotharis'a¹⁾. Но благодаря крестовымъ походамъ болѣзнь эта сдѣлалась „болѣзнью вѣка“, вслѣдствіе скрещиванія восточной проказы съ западной. И хотя предвѣстники проказы какъ на востокѣ, такъ и на западѣ были одинаковы, но никто изъ восточныхъ врачей не наблюдалъ и не описалъ проявленія этой болѣзни и всѣхъ ея разновидностей такъ тщательно, какъ врачи западные.

Такъ французскіе и англійскіе врачи гораздо лучше арабовъ описали начальную лихорадку, сопровождающую взрывъ болѣзни. Изъ видовъ вполне развитой проказы бѣлый *baras* арабовъ (вѣроятно *baheret* евреевъ) встрѣчался на западѣ гораздо чаще, чѣмъ на востокѣ. Такъ называемая *lepra tyria* арабовъ, производимая ими отъ слезы, Gilbert'омъ Англійскимъ описана гораздо яснѣе, чѣмъ арабами. Т. н. *lepra alorescia* (красная проказа) повидимому свойственна только западу и мало-по-малу измѣнилась въ *mal de rosa* астурийцевъ и ломбардскую *pellagra*. Лечение было направлено преимущественно на элементарныя влаги и качества, мѣстныя же средства не примѣнялись. Вообще на эту болѣзнь смотрѣли какъ на испытаніе, ниспосланное свыше, для спасенія души, какъ на средство сдѣлаться любимцемъ Бога и святыхъ. Дошло до того, что кающіеся, въ томъ числѣ и короли, какъ Людовикъ-Святой во Франціи, Генрихъ III въ Англии и Робертъ I, сынъ Гуго Капета, стали ухаживать за подобными больными и не гнушались даже цѣловать и лизать ихъ язвы, чтобы этимъ способомъ вымолить себѣ прощеніе грѣховъ и достигнуть святости. Рассказываютъ, что уже въ 366 г. орденъ св. Лазаря посвятилъ себя уходу за прокаженными; съ достовѣрностью извѣстно, что Людовикъ-Святой привезъ изъ Леванта 12 рыцарей этого ордена, чтобы поручить имъ уходъ за больными во французскихъ госпиталяхъ и *лепрозеріяхъ*²⁾.

Зараженію проказой въ средніе вѣка, кромѣ приведенныхъ причинъ, способствовали еще излюбленные тогда шерстяныя платья, къ которымъ зараза пристаеетъ гораздо легче, чѣмъ къ льнянымъ тканямъ, далѣе общія бани и т. п. Все это довело зараженіе проказой до такихъ громадныхъ размѣровъ, что въ одной Франціи открыто до 2000 *лепрозерій*, а во всей Европѣ въ XIII в. ихъ было до 19000! Санитарно-полицейскія мѣры противъ распространенія заразы были подражаніемъ Моисееву закону: изолированіе, доступъ въ города лишь въ извѣстные дни, предписанія дотрогиваться къ покупаемымъ предметамъ концомъ палки, отступать въ сторону при встрѣчахъ съ кѣмъ либо, носить колокольчикъ и двѣ искусственныя руки изъ бѣлой шерсти, чтобы быть замѣтными издали. Гдѣ не было *лепрозерій*, ихъ помѣщали въ особыхъ избахъ (*cucurbitae, stellae*) и торжественно исключали изъ общества, совершая надъ ними погребальныя обряды³⁾.

¹⁾ Lindenbrogg. cod. legg. antiqu. p. 609. Ср. Sprengel, II, 486.

²⁾ Ср. Sprengel. II, 485—489.

³⁾ Тамъ же, 490—492.

Изъ другихъ заразительныхъ болѣзней со временъ крестовыхъ походовъ получили широкое распространіе

Венерическія болѣзни. Полагаютъ, что этому способствовало въ особенности уменьшеніе численности мужскаго населенія, такъ что „семь женъ приходились на одного мужа“, слѣдствіемъ чего было открытіе множества женскихъ монастырей и орденовъ, изъ коихъ орденъ, учрежденный въ Пуатье проповѣдникомъ Робертомъ изъ Арбриссея, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи 20 монастырей; въ одинъ изъ нихъ въ 1150 г. поступила даже королева Бертрада, одновременно супруга графа Фулько Анжуйскаго и Филиппа I¹⁾. Такой же монастырь основалъ въ С. Антуанскомъ предмѣстьѣ въ Парижѣ Петръ де Росси.

Что объѣтъ цѣломудрія не всегда строго соблюдался въ этихъ монастыряхъ, видно изъ того, что при раскопкахъ на мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ одинъ женскій монастырь, найдена цѣлая коллекція глиняныхъ сосудовъ съ младенческими скелетами. Сюда же относится орденъ кающихся Магдалинъ (*albae dominae*) въ Марсели (въ XIII в.), утвержденный папой Николаемъ III и Людовикомъ-Святымъ, подъ названіемъ *filiae Dei*, гдѣ онѣ получали возможность продолжать прежнее „съ большей разборчивостью и вкусомъ“. Далѣе, въ XII в. возникъ орденъ странницъ, посѣщавшихъ ярмарки, рейхстаги, синодальные соборы и т. д. и служившихъ черному духовенству въ качествѣ стряпухъ (*focariae*). Наконецъ со временъ крестовыхъ же походовъ въ каждомъ средней руки городѣ появились дома терпимости, находившіеся подъ надзоромъ то магистрата, то домпробста, то судьи, и избиравшіе изъ своей среды „королеву“ или аббатиссу (*abadesso*). Въ Авиньонѣ они каждую субботу подвергались осмотру хирурга²⁾. Въ Англіи дома эти состояли въ вѣдѣніи *stewholder*овъ, обязанныхъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы ни одна изъ обитательницъ этихъ заведеній не заразилась перелоемъ (*the perilous infirmity of brepping*); одинъ изъ нихъ, за недосмотръ, слѣдствіемъ котораго было зараженіе гостя, заплатилъ штрафомъ въ 100 шиллинговъ. Въ одномъ лондонскомъ предмѣстьи *Southwark*, въ XII в., было 18 публичныхъ домовъ, состоявшихъ подъ надзоромъ епископа Винчестера. Тѣмъ не менѣе всѣ названныя заведенія служили рассадниками перелоя, шанкра, бубоновъ, воспаленій яичекъ, такъ часто и подробно описываемыхъ западными врачами XII в.³⁾.

Вліяніе схоластической философіи на медицину. *Схоластика* получила свое названіе отъ *scholae*, учрежденныхъ Карломъ Великимъ для занятій философіей. Въ средневѣковой философіи различаются три главные момента:

¹⁾ Объ учредителѣ ордена, Робертѣ, сохранилось даже извѣстіе, что „*dicitur cum speciosissima quaque sacrarum virginum, cum nuda nudus in eodem lecto cubuisse* (Raynaud въ „*Nouvelles de la république de lettres*, A. 1686, Avril, p. 891. Ср. Sprengel, II, 493). Поистинѣ оригинальное подвижничество („*novum martyrium*“, по выраженію Raynaud)!

²⁾ Регламентация подобнаго дома въ Авиньонѣ отъ 1347 г. воспроизведена въ сочиненіи Astruc'a, *De morbis venereis*, l. I, c. 7, p. 87 (Paris, 1738).

³⁾ Ср. Sprengel, II, 492—496.

споры объ *общностях* или *идеях* (*universalia*); 2) воздѣйствіе арабской школы, состоявшее въ распространеніи сочиненій Аристотеля; 3) оппозиція противъ авторитетовъ во имя независимости разума¹⁾.

Въ вопросѣ объ общностяхъ главную роль играла *диалектика*, выставленная какъ наука о надлежащемъ употребленіи разума Аристотелемъ и знаменитымъ Абельаромъ (1079—1142). Учитель послѣдняго, Гильомъ де Шампню (Guillaume de Champeaux, въ началѣ XII вѣка) былъ главою т. н. „реалистовъ“, которые учили, что *общности* или *идеи* существуютъ *раньше вещей* (*universalia ante res* или „идеи“ Платона) и потому онѣ только и есть „*realia*“, т. е. въ дѣйствительности существуютъ только „идеи“ или „*понятія*“, а задача философіи заключается въ изслѣдованіи послѣднихъ, средствами же для этого служатъ *логика*, или наука о законахъ дѣятельности разсудка, и *диалектика* или наука о различеніи понятій. Въ противоположность этому ученію Іоаннъ-Сюфистъ, монахъ Росцелинъ изъ Компьени и позднѣе Оккамъ изобрѣли т. н. *номинализмъ* или ученіе о томъ, что *общности* суть только *представленія* вещей („*universalia post res*“) и потому въ дѣйствительности не существуютъ, а составляютъ только „*voces* и *nomina*“. Главная же задача философіи, по этому ученію, состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдованіемъ вещей съ помощью чувственного познанія восходить къ „*понятіямъ*“. Среднее мѣсто между этими ученіями занимаетъ ученіе Аристотеля, утверждавшаго, что „*universalia in re* (его *интелексии*)“²⁾. Согласно Кузену, вся схоластическая философія порождена одной фразой Порфирія, разсуждавшаго о пяти вещахъ или *словахъ* (*de quinque rebus vel vocibus*): *de genere, specie, differentia, proprio et accidenti*. Выраженіе „*rebus vel vocibus*“ и подало поводъ къ возникновенію *номинализма*, утверждавшаго, что родъ или видъ не нѣчто реальное, а слова и только слова, обозначающія совокупность индивидуумовъ (Росцелинъ)³⁾.

Что касается Аристотеля, то хотя западъ былъ уже съ нимъ ознакомленъ по переводамъ Боэція (въ VI вѣкѣ), а именно, его *логическихъ* и *метафизическихъ* сочиненій, но главная роль въ развитіи схоластической философіи принадлежитъ распространенію на западѣ, вплоть до XII в., *физическихъ* сочиненій Аристотеля въ „латинскихъ переложеніяхъ арабскихъ переводовъ съ таковыхъ же еврейскихъ, сдѣланныхъ съ сирійскаго“. Такимъ образомъ то, что выдавалось за философію Аристотеля, западъ получилъ изъ рукъ еврейскихъ и магометанскихъ комментаторовъ, вышедшихъ изъ школы Аверроэса (въ особенности Маймонида) и все это представляло пеструю смѣсь ученій Аристотеля, alexандрійскихъ платониковъ и еврейскихъ и магометанскихъ теософовъ⁴⁾. Настоящимъ же „диктаторомъ“ въ средневѣковой философіи Аристотель сдѣлался не ранѣе, какъ послѣ Абельара, и лишь благодаря вліянію арабской школы (Альгацалли, Аверроэсъ, Маймонидъ)⁵⁾.

Введеніе въ философію искусства *диалектики*, процвѣтавшаго уже задолго передъ тѣмъ въ еврейскихъ и магометанскихъ школахъ, повело къ тому, что вскорѣ мѣсто трезваго мышленія заняла пустая игра въ *понятія*, для которыхъ встать и не встать находились слова; это направленіе отра-

¹⁾ Ср. Льюисъ, *Исторія философіи*, II, стр. 2 (изд. Вольфсона, Сиб., 1885).

²⁾ Ср. Sprengel, II, 502.

³⁾ Льюисъ, I, с. 12 и слѣд. ⁴⁾ Ср. Haeser, II, 691.

⁵⁾ Remusat, *Abelard*, I, 316. Ср. Льюисъ I, с. р. 3.

зилось и въ области медицины. Нельзя однако отвергнуть вовсе въ известной степени полезное вліяніе схоластической философіи на развитіе медицины, ибо въ ея задачу входило изслѣдованіе природы. Передававшаяся изъ поколѣнія въ поколѣніе діалектическая гимнастика схоластовъ исподоволь подготовила критическое направленіе, слѣдствіями котораго была реформація и возрожденіе наукъ¹⁾. Альбертъ Великій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ членовъ ордена доминиканцевъ, столпъ схоластической философіи и партіи „реализма“, извѣстенъ также, какъ выдающійся представитель естествознанія. Вообще онъ служитъ типическимъ представителемъ средневѣковой науки, поэтому о немъ слѣдуетъ здѣсь поговорить подробнѣе.

Albertus Magnus или **Albert v. Bollstädt** (1193 или 1205—1280) изъ Lauingen на Дунаѣ, въ Швабін, родомъ изъ графской семьи Bollstädt, считается „средневѣковымъ Аристотелемъ“ и во всякомъ случаѣ самымъ виднымъ естествоиспытателемъ XIII вѣка.

Онъ сначала посѣщалъ падуанскій университетъ, а въ 1221 году вступилъ въ орденъ доминиканцевъ. Согласно сказанію, приводимому Pouchet, онъ вначалѣ не обнаруживалъ особенно блестящихъ способностей, а только когда ему будто явилась во снѣ Св. Дѣва, предоставившая ему на выборъ философію или теологію, онъ, избравъ философію, былъ надѣленъ ею гениальными способностями, сдѣлавшими его однимъ изъ свѣтилъ средневѣковой науки, но въ наказаніе за этотъ выборъ ему было предсказано свыше, что передъ смертію онъ впадетъ въ прежнее тупоуміе. И дѣйствительно, три года передъ смертію, взошедши на кафедру, окруженный многочисленными учениками, онъ вдругъ потерялъ способность рѣчи, и умъ его погасъ. Это весьма удобообъяснимое происшествіе подало поводъ къ возникновенію басни о томъ, что Альбертъ сначала „изъ осла превратился въ философа и затѣмъ изъ философа въ осла“²⁾. Какъ бы то ни было, Альбертъ, вѣрный обычаю своего вѣка, посѣщалъ попеременно германскія, французскія и итальянскія школы и побывалъ въ Кельнѣ, Гильдесгеймѣ, Фрейбургѣ, Регенсбургѣ, Страсбургѣ и т. д. Учителемъ онъ выступилъ сначала въ Парижѣ и потомъ въ Кельнѣ, гдѣ взялъ себѣ въ помощники своего ученика, знаменитаго **Тому Аквинскаго** (1224—1274), самъ же отправился на время въ Парижъ, гдѣ приобрѣлъ степень доктора богословія. Въ Collège St. Jacques или на place Maubert (такъ какъ монастырскія кельи не могли вмѣстить всѣхъ слушателей) его рѣчамъ съ жадностію внимали знаменитѣйшіе современники, какъ **Томас Аквинскій**, **Roger Bacon**, **Thomas de Cantimpré**, Альбертъ Саксонскій, **Vincent de Beauvais**, **Arnaldus Villanova**, **Michel** и **Duns Scot**, **Bonaventura**, **Guillaume de St. Amour**, **Стефанъ**, епископъ Парижскій, и многіе другіе. Онъ оставилъ Парижъ въ 1248 году, въ третій разъ вернулся въ Кельнъ, гдѣ съ блестящимъ успѣхомъ подвизался какъ учитель и писатель, а въ 1254 г. былъ избранъ въ Вормсѣ „провинціаломъ“ для нѣмецкой провинціи, обнимавшей Австрію, Швабію, Баварію, Эльзась, Саксонію, рейнскую и мозель-

¹⁾ Ср. Haeser, I, 692, 693.

²⁾ Pouchet, *Histoire des sciences naturelles au moyen age, ou Albert le Grand et son époque etc.* Paris, 1853, p. 216.

скую долины, Брабантъ, Голландію, сѣверные острова и Любекъ. Эту обширную провинцію онъ обходилъ пѣшкомъ какъ нищенствующій монахъ и вездѣ оставлялъ свои сочиненія въ монастыряхъ, въ которыхъ онъ писалъ. Затѣмъ онъ былъ посланъ въ Польшу для искорененія нѣкоторыхъ языческихъ обычаевъ; послѣ того призванъ въ Римъ папой Александромъ IV въ качествѣ „magister sacri palatii“, а въ 1260 г. назначенъ епископомъ въ Регенбургѣ, но черезъ годъ подалъ въ отставку и въ четвертый разъ отправился въ Кельнъ. Затѣмъ на него возложено было проповѣдываніе въ Германіи и Богеміи крестоваго похода противъ турокъ, а папой Григоріемъ X въ 1274 году былъ командированъ въ ліонскій соборъ, чтобы выступить въ защиту императора Рудольфа. Наконецъ, когда по возвращеніи въ Кельнъ ему на одной лекціи память и языкъ измѣнили, онъ счелъ это за указаніе свыше и съ тѣхъ поръ готовился къ смерти, которая послѣдовала черезъ 3 года, 15 ноября 1289 года¹⁾.

Онъ оставилъ многочисленныя сочиненія, большею частью философскаго и богословскаго, отчасти же естественно-историческаго содержанія. Всѣ они писаны по аристотелевскому покрою и даже придерживаясь текста самаго Аристотеля, причеиъ собственные взгляды прибавлены Альбертомъ въ видѣ комментариевъ и отступленій. Изъ *естественно-историческихъ* его сочиненій первое мѣсто занимаетъ:

1) *Physicorum libri VIII*—восемь книгъ о естественныхъ наукахъ. Эти книги примыкаютъ къ „*Physica*“ Аристотеля и подробно и систематически излагаютъ основныя естествовѣденія, ученіе о силахъ и о движеніи. 2) *De coelo et mundo* l. IV. 3) *De generatione et corruptione* l. II. Двѣ книги о возникновеніи и тлѣніи, по образцу Аристотеля, заключаютъ основныя законы превращенія тѣлъ. 4) *Meteororum* l. IV. 5) *De mineralibus* l. V, одно изъ важнѣйшихъ сочиненій по естественной исторіи среднихъ вѣковъ. Здѣсь, между прочимъ, разсматриваются соль, купоросъ, бѣлый, желтый и красный мышьякъ, квасцы, марказитъ (вѣроятно колчеданъ), nitrum, tutia и electrum (не янтарь). 6) *De animalibus* l. III, совершенно въ духѣ Аристотеля. 7) *De sensu et sensato*—ученіе объ органахъ чувствъ. 8) *De memoria et reminiscencia*. 9) *De somno et vigilia* l. III. 10) *De motibus animalium* l. II—о произвольныхъ и произвольныхъ движеніяхъ. 11) *De juventute et senectute*. 12) *De spiritu et respiratione* l. II. 13) *De vita et morte*. 14) *De nutrimento; et nutritibili*. 15) *De natura et origine animae*. 16) *De unitate intellectus contra Averrhoen*. 17) *De intellectu et intelligibili* l. II. 18) *De natura locorum*, о различіи климатовъ, съ многочисленными этнологическими и физиологическими замѣтками и краткой космографіей. 19) *De causis proprietatum elementorum*. 20) *De passionibus aëris sive de vaporum impressionibus*. 21) *De vegetabilibus et plantis* l. VII—одно изъ самыхъ поучительнѣйшихъ сочиненій Альберта. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ ошибочно приписаннымъ Альберту сочиненіемъ *De virtutibus herbarum*. 22) *De motibus progressivis*, о произвольныхъ движеніяхъ животныхъ. 23) *De causis et processu universitatis a causa prima* l. II. 24) *Speculum astronomiae*, быть можетъ поддѣльное, но не лишнее значенія сочиненіе, такъ какъ приводитъ астрономическія и астрологическія сочиненія. 25) *De animalibus libri XXVI*—весьма важное сочиненіе, которое въ первыхъ 21 книгѣ содержитъ въ общихъ чертахъ анатомію и физиологію, въ томъ числѣ и человѣка, въ послѣднихъ же пяти—ош-

¹⁾ Ср. Ludwig Choulant, *Albertus Magnus*, въ *Janus*, I, 127—129 и Dagem berg, *Albert le Grand*, въ *La médecine, histoire et doctrines*, Paris. 1865, pp. 180—183.

савія отдѣльныхъ животныхъ. 26) *Summa de creaturis*, больше богословскаго содержанія. 27) *Philosophia pauperum* или *naturalis*, также *Summa naturalium*, извлеченіе изъ совокупной философіи Альберта о предметахъ природы по сочиненіямъ Аристотеля, одновременнымъ съ приведенными Альберта подъ №№ 1, 2, 3, 4, 6. 28) *De alchimia* и другіе, алхимическіе трактаты. 29) *Liber aggregationis seu liber secretorum Alberti magni de virtutibus herbarum, lapidum et animalium quorundam*, о тайныхъ силахъ нѣкоторыхъ травъ, камней и животныхъ. 30) *Mirabilia mundi*, такое же магическое и поддѣльное, какъ и предшдущее. 31) *De secretis mulierum*, также поддѣльное сочиненіе, принадлежащее ученику Альберта, Генриху Саксонскому, или Томасу Брабантскому, трактуетъ о произражденіи, мѣсячныхъ, образованіи зародка, родахъ, уродствахъ, съ значительной примѣсью астрологическихъ данныхъ.

Изданія: полное: Lugd. 1651, studio et labore Pt. Jammy. Изъ отдѣльныхъ сочиненій: *Physicorum libri*, Venet., 1498, 1494. *De mineralibus*, Paris. 1491, Venet., 1495, Patav. s. Ruen, 1476 (per Petrum Mauser). *De animalibus* l. XXVI, Rom. 1478, Mantuae, 1479. Venet. 1495, 1498, 1519. *De vegetabilibus et plantis* l. VII. Новѣйшее изданіе: *Alberti Magni de vegetabilibus* l. VII. *Historiae naturalis pars XVIII*. Editionem criticam ab E. Meusero coeptam absolvit C. Jessen. Berlin, 1867. *Summa philosophiae naturalis*, *Summa naturalium*, Brixiae 1490, Lips. 1496.

Liber aggregationis etc. (n° 29), *Mirabilia mundi* (n° 30) и *De secretis mulierum* (n° 31), съ первыми и отдѣльно, имѣли, вмѣстѣ взятыя, 54 изданія, большею частью в. л. е. а. или съ указаніемъ мѣста и года, напр. вѣстгб: Argentor. 1510, Lugd. 1591, отдѣльно: Romae, 1499, Antwerpen, 1500 и т. д.

Переводы—нѣмецкіе: 1) Walter Ryff, *Thierbuch Alberti Magni*. Frankfurt am Main, 1545 (последніе 5 книгъ). Hochdeutsch. 2) *De virt. herbarum, lapidum et animalium*, *De secretis mulierum* et *Mirabilia*, Nürnberg, 1708. Итальянскіе: 1) Bazaliero di Bazalieri. *Libro de la virtu de herbe* etc. Bologna, 1494. 2) Francesco de Silva, Turino, 1508. Польскій: Amstelodami, 1695, содержитъ: *De virt. herbarum, lapidum et animalium*, *Aggregationes* и *Mirabilia*. Французскій: Lyon, 1729¹⁾.

Пояснительныя сочиненія:

1) Jourdain, *Recherches critiques sur l'âge et l'origine des traductions d'Aristote et sur des commentaires grecs ou arabes, employés par les docteurs scholastiques* Paris, 1819. Нѣмецкій переводъ съ прибавленіями: Adolf Stahr, Halle, 1831.

2) Ernst Meyer въ *Linnaea Schlechtendal'*, Bd. X и XI (по ботаникѣ).

3) Buhle, *De fontibus unde Albertus Magnus libris suis de de animalibus materiam hauserit*, въ *Comment. soc. Gotting. v. XII*.

4) Pouchet, *Albertus Magnus* etc. Paris, 1853. (см. выше, стр. 409).

5) Sighart, *Albertus Magnus*, sein Leben und seine Wissenschaft, Regensburg, 1857.

6) Meyer, *Gesch. der Botanik*, IV, 2 и слѣд. Что касается слишкомъ уже несправедливыхъ отзывовъ Haller'a (*Biblioth. med. pract.*, II, 433; *Biblioth. botan.* I, 222) и Sprengel'a (*Geschichte der Botanik* I, 234), то они не могутъ имѣть значенія, такъ какъ они основаны на поддѣльныхъ сочиненіяхъ Альберта

Такъ какъ Альбертъ Великій считается самымъ виднымъ представителемъ средневѣковой науки, то прежде опредѣленія дѣйствительной цѣн-

¹⁾ Choulant, *Albertus Magnus in seiner Bedeutung f. die Naturwissenschaften*, въ *Janus*, I, 129—160.

ности его заслугъ необходимо сказать нѣсколько словъ

О средневѣковой наукѣ вообще. Средне вѣка, по выраженію Dagemberg'a, въ особенности во второй половинѣ, въ сущности—та же древность, только въ арабскомъ отраженіи. Медицина, естественная исторія, антропология, биология, астрономія и другія науки представляютъ только отголоски древности. На развалинахъ греческой и римской литературъ возникаетъ литература ново-латинская, а за послѣдней быстро слѣдуетъ арабская, которая сама по себѣ представляетъ только отраженіе греческой литературы при посредствѣ сирійскихъ переводовъ. Что касается медицины и естественной исторіи, то первая была дѣлкомъ подчинена Галену, а послѣдняя—Аристотелю и притомъ чрезъ посредство все тѣхъ же арабовъ. Вообще въ средніе вѣка преобладаетъ энциклопедическій духъ, отсюда обиліе *Сборниковъ* (Sommes), наука же существуетъ не столько для себя, сколько, главнымъ образомъ, для теологическихъ цѣлей. Относительно ново-латинскаго періода D a g e m b e r g замѣчаетъ, что „въ немъ слѣдуетъ различать два элемента: в а р в а р с к і й, такъ какъ начальники новыхъ народовъ поддерживали или основывали школы, и р и м с к і й, такъ какъ романскіе народы въ Галліи, Испаніи и Италіи предоставили къ ихъ услугамъ римское нарѣчіе и римское знаніе, приспособивъ ихъ къ потребностямъ мало культивированнаго ума варваровъ. Такимъ образомъ нить преданія въ теченіе среднихъ вѣковъ никогда не прерывалась. Достаточно вспомнить, что между Карломъ Великимъ и Фридрихомъ II, на поприщѣ знаній выступали В а л а ф р и д ъ С т р а б о н ъ, Э м и л і й М а ц е р ъ, К о н с т а в т и н ъ А ф р и к а н с к і й и почти всѣ салернскіе учителя, Оттонъ изъ К р е м о н и и многіе другіе. Слѣдовательно Альбертъ Великій нашелъ уже готовую почву, и все его твореніе есть не болѣе, какъ *комментарій къ Аристотелю*, уже безконечно расширенному и дополненному трудами Аверроэса и Авиценны“¹⁾.

И дѣйствительно, это, между прочимъ, видно уже изъ однихъ названій естественно-историческихъ сочиненій Альберта, которыя у него тѣ же, что и у Аристотеля. *Сборникъ* Альберта представляетъ обширное систематическое цѣлое, гдѣ отдѣльныя части повидимому болѣе или менѣе тѣсно между собою связаны и гдѣ все клонится къ одной цѣли—къ прославленію Бога въ его твореніяхъ. Отсюда понятенъ антагонизмъ, съ которымъ Альбертъ выступаетъ противъ школы Аверроэса, изъ невѣрія коего императоръ Фридрихъ II, подъ предлогомъ любви къ наукамъ, создалъ себѣ орудіе противъ римскаго двора и знамя нѣсколько преувеличеннаго раціонализма²⁾. Вообще сочиненія Альберта раздѣляются на *естественно-историческія*, обнимающія зоологію, ботанику и минералогію, и *Parva naturalia* или трактаты, въ которыхъ разсматриваются свойства, общія тѣлу и душѣ. Въ сущности весьма трудно опредѣлить, чтó въ сочиненіяхъ Альберта принадлежитъ ему самому и чтó Аристотелю и арабамъ. За исключеніемъ описаній сѣверныхъ рыбъ и животныхъ, и то, быть можетъ, составленныхъ по сообщеніямъ другихъ авторовъ или по наслышкѣ (чтó, впрочемъ, какъ мы видѣли раньше³⁾, не было чуждо и Аристотелю), все у Альберта заимство-

¹⁾ Ср. D a g e m b e r g, l. c., pp. 174—179 и 185.

²⁾ Тамъ же, 186.

³⁾ Ср. *Исторію древней медицины*, стр. 631.

вано или у Аристотеля, или у другихъ авторовъ. Даже приписываемая ему идея о послѣдовательномъ рядѣ животныхъ или вообще о восходящей или нисходящей лѣстницѣ существъ органическаго міра, даже эта идея, какъ мы видѣли — чисто аристотелевская ¹⁾. Точно также идея *классификаціи* животныхъ на основаніи постоянныхъ и неизмѣнныхъ признаковъ высказана совершенно ясно и въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ Аристотелемъ ²⁾. Выдѣленіе насѣкомыхъ въ особый классъ животныхъ ³⁾, отдѣленіе китообразныхъ отъ рыбъ, летучихъ мышей отъ птицъ и т. п. — все это сдѣлано Аристотелемъ, а не Альбертомъ, который ихъ смѣшиваетъ. Единственная область, гдѣ Альбертъ повидимому ушелъ нѣсколько дальше Аристотеля, это — ботаника (Meуег). Но и тутъ въ новѣйшее время доказано, что Альбертъ заимствовалъ много ботаническихъ данныхъ у Николая Дамасскаго, Теофраста и Авиценны ⁴⁾. Такимъ образомъ вездѣ у Альберта встрѣчаются либо аристотелевскія начала, либо позаимствованія у другихъ, искусно сгруппированныя, но ничего оригинальнаго, словомъ, у него замѣчается болѣе начитанности и эрудиціи, чѣмъ изобрѣтательности; больше терпѣнія, чѣмъ науки въ тѣсномъ смыслѣ слова ⁵⁾.

Кромѣ Альберта, въ XIII в. естественно-историческія сочиненія оставили:

Thomas Cantimpré (de Cantiprato), s. Th. Brabantinus (1201—1270, по Choulant'у 1186 — 1263), ученикъ Альберта и профессоръ въ Löwen'ѣ. Онъ составилъ обширное сочиненіе: *De naturis rerum*, въ 20 книгахъ, изъ коихъ только въ первой рѣчь идетъ о медицинѣ, а именно: *de anatomia humani corporis et de singulis ejus partibus* (рукописи въ Бреславлѣ, Краковѣ и Готѣ). Въ этой книгѣ между прочимъ есть указаніе на акушерскій *поворотъ*, доказывающее, что знаніе акушерства не совсѣмъ заглохло въ средніе вѣка ⁶⁾.

Bartholomaeus Anglicus, миноритъ, составилъ около 1260 г. весьма пространенную въ средніе вѣка энциклопедію подъ названіемъ: *De proprietatibus rerum*, въ 19 книгахъ, изъ коихъ въ пятой рѣчь идетъ „de hominis corpore et singulis ejus partibus, de quibus sacra scriptura facit mentionem“.

¹⁾ Ср. Arist., *Historia animalium*, l. VIII, c. 1. См. *Ист. древней медицины*, стр. 627.

²⁾ Arist., *De partibus animalium*, l. I, cc. 3, 4.

³⁾ *Hist. animalium*, l. I, cc. 5, 6.

⁴⁾ Таблицу этихъ позаимствованій составилъ Jessen, *Gesch. d. Botanik etc.*, Leipzig. 1864, p. 155.

⁵⁾ Ср. Daremberg, *Albert le Grand*, въ *La médecine, histoire et doctrines*, pp. 189—195.

⁶⁾ Ср. Choulant, *Graphische Incunabeln für Naturgeschichte u. Medicin*, Leipzig, 1858, и Haeser, I, 696.

Изданія: Lugd., 1480, Colon. 1481, Francofurti, 1619; существуетъ 12 переводовъ на новѣйшіе языки ¹⁾).

Самымъ знаменитымъ изъ этихъ энциклопедистовъ, имѣющимъ особенное значеніе для медицины, былъ безспорно

Vincent de Beauvais († 1264), лекторъ Людовика-Святого и наставникъ его дѣтей, послѣдній названіе „Плинія среднихъ вѣковъ“. Кромя богословскихъ сочиненій онъ оставилъ обширную энциклопедію наукъ, обнимавшую всю совокупность средневѣковаго знанія, подъ заглавіемъ: *Speculum majus*, въ трехъ частяхъ: *Speculum naturale*, *historiale* и *doctrinale*, изъ коихъ только *Speculum naturale* (книги 12—15) трактуетъ о *медицине* по Abbas Ali, Разесу, Авиценнѣ и Константину Африканскому, остальные же отдѣлы, какъ *ботаника* и проч., обработаны по Аристотелю, Плинію, Сенеке, Діоскориду и Авиценнѣ.

Изданія: Argentinae, 1473—78. Norimbergi, 1480.

Вообще *Speculum naturale* составляетъ неисчерпаемый родникъ и каждая страница его есть документъ для исторіи наукъ въ средніе вѣка. Энциклопедія Vincent'a, правда, не болѣе какъ компиляція, содержащая многочисленныя извлеченія, но онъ не забывалъ, подобно Альберту, выставить вездѣ имена авторовъ ²⁾. Интересно, что уже у него есть намекъ на склоненіе магнитной стрѣлки къ полюсу.

Главные представители схоластической медицины. Выше мы видѣли, что какъ салернская школа, такъ и школа Монпелье отличались преимущественно практическимъ направленіемъ. Но съ рожденіемъ схоластики въ XIII в. искусство діалектики проникло и въ медицину, причемъ одни, какъ напр. представители консервативнаго болонскаго университета, занялись толкованіями греческихъ авторовъ, а другіе, представители прогрессивнаго падуанскаго университета, истолковывали арабовъ (такъ называемые *graecismus* и *arabismus*).

Первымъ врачомъ на этомъ новомъ пути былъ

Thaddaeus Florentinus s. Taddeo Alderotti, р: около 1223 (Haeser) или 1215 г. (Henschel). Имъ фактически начинается новое „диспутирующее“ направленіе въ медицинѣ, которое продолжали его ученики, какъ Вильгельмъ изъ Brescia, Bartholomaeo Varignana, Dino di Garbo вплоть до Torrigiano и Gentilis de Foligno и которую впоследствии Peter изъ Abano и Arnaldus Villanova дополнили еще мистическими и фантастическими элементами схоластики.

¹⁾ Тамъ же, 695.

²⁾ Тамъ же, 697 и Dagemberg, l. c., 193.

До 30-лѣтняго возраста онъ занимался продажей свѣчей передъ церковью St. Michaelis, въ 1245 г. поступилъ въ болонскій университетъ, гдѣ съ 1260 былъ самымъ выдающимся профессоромъ, занимаясь въ тоже время обширной практикой, которой составилъ себѣ огромное состояніе, такъ какъ его приглашали на вѣздъ высокопоставленныя лица за огромную плату (такъ папа Гонорій IV платилъ ему 100 золотыхъ [„aurei“] въ сутки, что по окончаніи леченія составило 10000 aurei). Сверхъ того онъ и его ученики были освобождены отъ городскихъ налоговъ. По примѣру нидѣрландскихъ корифеевъ онъ имѣлъ нѣсколько ассистентовъ, замѣнявшихъ его въ случаѣ надобности въ школѣ и въ практикѣ. Женился онъ только на 60-мъ году на сестрѣ проф. каноническаго права Ottaganti—Аделѣ, отъ которой имѣлъ дочь. По его собственнымъ словамъ онъ былъ лунатикъ.

Умеръ внезапно въ 1295, 80 лѣтъ отъ роду. Не смотря на богатство, въ оставшейся послѣ него библиотекѣ оказались только: Авиценна, 4 ч., Галенъ, 4 ч., *Metaфизика* Авиценны, *Этика* Аристотеля, *Sex tus*, *De naturalibus* Авиценнае, *Almansor* Равеса, *Serapion* и его собственныя *Glossae*¹⁾.

Онъ оставилъ слѣдующія сочиненія:

1) *Expositio in arduum Hippocratis vol* (содержитъ: а) *Glossae* къ *Афоризмамъ* Гиппократова и комментарий на нихъ Галена. б) *Expositio in divinum Hippocratis Prognosticon*. в) *Expositio in praesclarum regiminis morborum acutorum Hipp.*, причѣмъ онъ имѣлъ передъ собой и арабскую и греческую версіи, и д) *Expositio in subtilissimum Isagogarum Joannitii libellum*. Venet. 1527.

2) *Commentaria in artem parvam Galeni* (Neap. 1522).

3) *Libellus sanitatis conservandae etc.*, Bonon. 1577 (первоначально на итальянскомъ языкѣ: Taddeo di Firenze, *Libello per conservare la sanita del corpo*, Imola, 1852).

4) *Aristotelica*, въ итальянскомъ переводѣ, слогъ котораго, какъ и предм. сочиненія, сильно порицалъ Данте, его политическій противникъ. Кромѣ того, послѣ него осталось еще 7 сочиненій въ рукописяхъ, изъ коихъ *Consilia* содержатъ 156 интересныхъ судебныхъ случаевъ и, какъ прибавленіе, трактатъ *De virtute aquae vitae sive ardentis*²⁾.

Изъ многочисленныхъ учениковъ Thaddeus'a выдаются четыре члена семьи Varignana (близъ Болоньи): Bartolomeo, проф. въ Болонѣ († 1318), сынъ его Guilielmo († 1330) и двое сыновей послѣдняго, Pietro и Mattheo—всѣ профессора медицины въ Болонѣ. Изъ нихъ Bartolomeo Varignana оставилъ *commentarium* и *Recollectiones* къ Галену и Авиценнѣ и *Consilia* (рукописи въ Ватиканѣ), изъ сочиненій же Guilielmo Varignana напечатаны:

Ad omnium interiorum et exteriorum partium morbos remediorum praesidia et ratio utendi eis pro circumstantiorum varietate, Basil. 1531.

Secreta sublimia medicinae ad varios curandos morbos, Pap. 1519. Lugd. 1526. Venet. 1540 и Basil. 1597.

Opera medica de curandis morbis universalibus et particularibus, febribus, venenis, faciei et totius corporis mundificationibus. Basil. 1545—95, Lugd. 1560³⁾.

¹⁾ Ср. Henschel, *Berühmte Aerzte des XIII и XIV Jahrhunderts* въ *Janus*, II, 375—378 ²⁾ Тамъ же и 379.

³⁾ Ср. Haeser, I, 701 и Sprengel, II, 538.

Затѣмъ изъ учениковъ Thaddeus'a обращаютъ на себя вниманіе члены семьи di Garbo. Пзъ нихъ отецъ,

2) **Dino di Garbo** († 1327), племянникъ Thaddeus'a, любимецъ короля сицилійскаго Роберта, проф. въ Болоньѣ, Падуѣ и Флоренціи, извѣстенъ преимущественно какъ истолкователь Авиценны; онъ оставилъ:

1) *Dilucidatorium Avicennae*, Ferrara, 1489. 2) *Expositiones super canones generales de virtutibus simplicium medicamentorum Avicennae*, Venet. 1514. 3) *Chirurgia, cum tractatu de ponderibus et mensuris, nec non de emplastris et unguentis*, Ferrara, 1485, Florent. 1544. 4) *Recollectiones in Hipp. librum de natura foetus*, Venet. 1502—18. 5) *Enarrationes in Guidonem de Cavalcantibus de natura venerei amoris*, Venet. 1498. 6) *De coena et prandio* и мн. др. Сынъ Dino,

Tommaso di Garbo († 1370), другъ Петрарки, какъ извѣстно, вообще враждебно относившагося къ медицинѣ, оставилъ *Комментаріи* къ *De differ. febr.* Галена (Lugd. 1514) и къ Авиценнѣ, а также *Summa medicinalis* (Venet. 1506—21—29), гдѣ Tommaso сначала постоянно приводитъ мнѣніе отца, „всегда придерживавшагося Галена какъ Евангелія“, затѣмъ излагаетъ собственные, болѣе самостоятельныя воззрѣнія. Наконецъ къ послѣдователямъ греческой медицины относятся:

Torrignano de Torrighiani (Trusianus). Съ 1306 по 1311 онъ жилъ въ Парижѣ, затѣмъ возвратился въ Болонью, гдѣ сдѣлался монахомъ. Онъ оставилъ *Комментарій* къ *Ars parva* Галена (Воноп. 1489, Venet. 1504 и т. д.), содержащій гораздо болѣе, чѣмъ обѣщано заглавіемъ, отсюда его названіе: „Plusquam Commentator“¹⁾.

Изъ сказаннаго видно, что нельзя провести рѣзкой границы между т. н. арабистами и приверженцами греческой медицины.

Во главѣ прогрессивныхъ арабистовъ въ Падуѣ стоялъ

Petrus Aponensis или **Pietro** изъ Авапо близъ Падуи (1250—1315). Онъ былъ ревностный поклонникъ Аверроэса, жилъ долгое время въ Константинополѣ, гдѣ вполне усвоилъ греческую литературу и ученость, затѣмъ съ 1292 по 1303 г. былъ профессоромъ въ Парижѣ, гдѣ доминиканцы преслѣдовали его за еретическую приверженность къ аверроизму и магии, вслѣдствіе чего онъ вернулся въ Падую, гдѣ для него создали новую медицинскую кафедру. Когда же его и здѣсь стали преслѣдовать, то онъ перешелъ въ 1314 г. во вновь открытый университетъ въ Trevisi, гдѣ умеръ черезъ годъ. У современныхъ врачей онъ пользовался большимъ уваженіемъ, но духовенство продолжало его преслѣдовать и послѣ смерти и не задумалось присудить къ сожженію его останки. Только

¹⁾ Ср. Hanschel, *Janus*, Neue Folge, 394 и слѣд. Haeser, I, 702, 703. См. также Sprengel, I, 579—581.

сто лѣтъ спустя, ему былъ воздвигнутъ памятникъ за его заслуги ¹⁾. Онъ оставилъ слѣдующія сочиненія:

1) *Conciliator differentiarum philosophorum et praecipue medicorum*. (Venet. 1471, 1496, 1526; Mantuae, 1472). 2) *De venenis eorumque remediis liber*, по арабскимъ источникамъ (Mantuae, 1472, Francofurti, 1679). 3) *Hippocratis libellus de medicorum astrologia, finitus* a Petro de Abano, in latinum traductus (Venet. 1485). 4) *Expositio problematum Aristotelis* (Mantuae, 1475, Paris, 1520). 5) *Quaestiones de febribus* (въ *Collectio de febribus*. Venet. 1576). 6) *Textus Mesuae emendatus* (Venet. 1505), также какъ „*Supplementum in secundum librum Compendii Secretorum Mesuae*“). 7) *Eptameron* или *Elementa magica* (в. л. 1565). Кромѣ того въ рукописяхъ: *Комментарій* въ *Antidotarium Mesuae* (въ Бреславлѣ) и *Physionomia*, сочиненная между 1292 и 1299 г. (въ Падуѣ) ²⁾.

Пояснительныя сочиненія: Villanobos, *Congressiones*, 1514; Georg Horst, *Conciliator emendatus*, Giess. 1615—21 ³⁾.

Conciliator состоитъ изъ двухъ частей, теоретической и практической. Первая содержитъ „*quaesita*“ о медицинѣ вообще, объ элементахъ, темпераментахъ, влагахъ, членахъ, природныхъ качествахъ, гигиенѣ, о болѣзни вообще, о лихорадкахъ, о болѣзняхъ въ частности, о кризисахъ. Практическая часть содержитъ множество специальныхъ вопросовъ по части патологии, терапии, гигиены и физиологии. Въ этомъ главномъ своемъ сочиненіи (*Conciliator*) Pietro Abano поставилъ себѣ задачей разрѣшить спорные вопросы, занимавшіе умы въ XIII и началѣ XIV вѣка, и примирить враждующія стороны, но это ему не удалось, такъ какъ его противники разбивали его на каждомъ шагѣ его же оружіемъ (т. е. схоластической діалектикой), которымъ они владѣли не хуже его.

Приемъ Abano употреблялъ обыкновенно схоластическій: сначала поставитъ вопросъ, затѣмъ приведетъ отвѣтъ противниковъ и ихъ мотивы и только подъ конецъ уже выставляетъ свои возраженія. Самая постановка вопросовъ отличалась обычной манерой средневѣковаго мудрствованія, какъ напр. вопросы о томъ,

холоденъ ли воздухъ отъ природы, или нѣтъ; тепелъ ли огонь, или нѣтъ; что теплѣе, затылокъ или мозгъ; есть ли въ тѣлѣ главный членъ; составляютъ ли элементы только простыя смѣшенія составныхъ частей, или также сущности и формы; есть ли темпераментъ субстанція или нѣтъ (каковой вопросъ онъ рѣшаетъ какъ истый номиналистъ, считая темпераментъ только случайнымъ свойствомъ, *accidens*). Далѣе, вопросъ о томъ, происходятъ ли нервы отъ сердца или отъ мозга; есть ли боль болѣзни или случайность; есть ли лихорадка—жаръ; составляютъ ли теплота и рпеума одно и то же, или нѣтъ (и на этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ какъ настоящій схоластикъ, говоря, что въ сущности они одно и то же, но „*realiter*“ они различны: рпеума есть субстанція, теплота же только—качество). Какими пустыми вопросами задавался Pietro, доказываютъ хоть вопросы о томъ, какой при-

¹⁾ Ср. Sprengel, 2, 530, 531.

²⁾ Morvitz. II, 112.

³⁾ Haeser, I, 704.

жигатель лучше, золотой или серебряный, какал голова лучше, большая или малая, что Абапо рѣшаетъ такъ: малый размѣръ головы вслѣдствіе служенія черепа вреденъ, вслѣдствіе же недостатка въ толстыхъ покровахъ полезенъ! До какихъ нецѣлостей Петръ Абапо дошелъ въ искусствѣ діалектическихъ хитросплетеній, доказываетъ его утверженіе, что „ртуть имѣетъ холодное и влажное свойство, такъ какъ причиняетъ параличи, и въ тоже время теплое и сухое, такъ какъ разъѣдаетъ плотныя ткани“! Критическіе дни онъ производитъ отъ вліянія луны (20 день благопріятнѣе 18!) и въ особенности отъ совокупнаго воздѣйствія луны и планетъ; кровопусканіе лучше всего дѣлать во второй четверти луны и т. д.¹⁾

Но за Абапо есть безспорно и заслуги. Такъ, онъ превосходитъ всѣхъ своихъ современниковъ въ знаніи физики и химіи; ему извѣстно, что воздухъ вещество вѣсомое, что экваторъ населенъ. Продолжительность года онъ вычислилъ въ 365 дней и 4 минуты. Мѣстомъ происхожденія нервовъ онъ считаетъ мозгъ, а сосудовъ—сердце (которое, впрочемъ, вмѣстѣ съ Аристотелемъ, признаетъ важнѣйшимъ въ физиологическомъ отношеніи органомъ и притомъ органомъ, не подверженнымъ воспаленіямъ, а только измѣненіямъ вслѣдствіе дурнаго смѣшенія или темперамента)²⁾. Кромѣ того у него есть указанія на парацетезъ, бронхотомію, прижиганія раскаленными желѣзными каутеріями предпочтительно передъ золотыми, въ чемъ, впрочемъ, опять проглядываетъ астролого-схоластическое понятіе о вліяніи Марса на хирургию³⁾.

Изъ учениковъ Петра Абапо наиболѣе извѣстны члены, вѣроятно еврейскаго происхожденія, семьи de Dondis, изгнанной въ 1251 г. изъ Кремоны и поселившейся въ Падуѣ. Изъ этой семьи, прославившейся особенно сочиненіями по *materia medica*,

Giacomo (Іаковъ) de Dondis (1298—1359), сынъ Исаака, въ 1318 г. отправился въ Chioggia, гдѣ дѣлалъ наблюденія надъ приливомъ и отливомъ, въ 1334 г. получилъ отъ дожа Дандоло право венеціанскаго гражданства, впоследствии жилъ въ Падуѣ, вѣроятно, въ качествѣ профессора. Онъ оставилъ сочиненіе по фармакологіи и общей и частной терапіи, въ шести книгахъ, подъ заглавіемъ:

1) *Aggregator de medicinae simplicibus* (Aggregator Paduanus) s. *Promptuarium medicinae* (Venet. 1481—99; 1581), въ послѣднемъ изд. — съ рисунками, вырѣзанными на деревѣ (Sprengel). Въ этомъ сочиненіи, бывшемъ въ большемъ ходу въ средніе вѣка, перечислены по порядку греческія и арабскія лекарственныя вещества, смотря по ихъ свойствамъ и дѣйствію въ болѣзняхъ. Кромѣ того, Giacomo de Dondis былъ однимъ изъ первыхъ бальнеологовъ, извѣстныхъ изслѣдованіями содержанія солей въ минеральныхъ источникахъ при Абапо, какъ видно изъ его книги: 2) *De accessione et recessione maris* (рукопись въ Падуѣ). Вообще онъ принадлежалъ къ школѣ Аверроэса. Сынъ его,

¹⁾ Ср. Dageberg, *Histoire des sciences médicales*, I, 293 и Sprengel, II, 532—534.

²⁾ Тамъ же, 533 и Haeser, l. c. ³⁾ Ср. Sprengel, II, 535.

Giovanni (Johann) de Dondis (1318—1389), другъ Петрарки, родился въ Chioggio, съ 1350 г. профессоръ астрономіи и медицины, съ 1367 г. проф. логики въ Падуѣ, около 1384 г. въ Павіи, извѣстенъ какъ астрономъ, механикъ, ораторъ и врачъ. Онъ оставилъ:

1) *Herbolario volgare* (Venet. 1536, составленъ въ 1386 г.), въ которомъ онъ хотя и слѣдуетъ описаніямъ своихъ предшественниковъ, но многія туземныя растенія описываетъ лучше другихъ арабистовъ.

2) *De fontibus calidis agri Patavini* (сочинено въ 1388 г. и напечатано въ *Collectio de balneis*, Venet. 1553). Кроме того, онъ 16 лѣтъ работалъ надъ устройствомъ большихъ, весьма сложныхъ часовъ, показывавшихъ теченіе небесныхъ тѣлъ („astrarium“), подаренныхъ имъ своему покровителю Висконти въ Павіи и повѣшенныхъ въ 1344 году на падуанской башнѣ, а затѣмъ нѣсколько столѣтій сряду хранившихся въ библиотекѣ Висконти. Благодаря этому изобрѣтенію, онъ и все семейство приняли фамилію „dell'orologio“¹⁾.

Но самыми знаменитыми учениками Pietro Abano были четыре члена семьи Santa Sofia, изъ нихъ отъ старѣйшаго,

Nicolo di Santa Sofia († 1350), не сохранилось никакихъ сочиненій. Изъ сыновей его:

Giovanni di Santa Sofia († 1389), проф. въ Падуѣ и Болоньѣ, оставилъ комментаріи къ Авиценнѣ.

Marsilio di S. Sofia († 1405), около 1367 профессоръ въ Падуѣ, затѣмъ въ Павіи, а съ 1402 въ Болоньѣ, оставилъ:

1) *Luculenta — expositio in divi Hippocratis particulam tertiam* (s. l. e. a.) и 2) *Quaestiones* въ *Афоризмахъ* Гиппократова и Галена (Pap. 1485, Venet. 1490). 3) *De febribus* (Lugd. 1507 и Venet, 1514). 4) *Praelectiones de medicinis et morbis in studio Papiensi institutae* (рукопись въ Бреславлѣ).

Galeazzo S. Sofia, жившій долго въ Вѣнѣ, а съ 1388 г. проф. въ Болоньѣ, оставилъ:

Opus medicinae practicae in nonum tractatum libri Rhazis—de curationum morborum particularium, Hagenviae, 1533²⁾.

Далѣе изъ арабистовъ въ Падуѣ

Jacobus Foroliviensis или Giacomo della Torre изъ Forli († 1413), проф. въ Болоньѣ и съ 1407 въ Падуѣ, учитель Савонаролы, оставилъ:

1) *Expositio in Aphorismos Hippocratis* (Pap. 1485, Venet. 1490). 2) *Expositio super I, II et III. Tegni Galeni* (Pap. 1475, Venet. 1491). 3) *Expositio in primum librum Canonis Avicennae* (Mediol. v. a., Venet. 1479. Всѣ три вмѣстѣ: Venet. 1547). 4) *Expositio super Aureum Avicennae, v. de generatione embryonis*. (Venet. 1518).

Схоластическое направленіе della Torre видно изъ его сужденій въ послѣднемъ комментарий о сходствѣ дѣтей съ родителями, о причинахъ отсутствія мѣсячныхъ; о неспо-

¹⁾ Тамъ же, 568 и Haeser, I, 705, 706. Steinschneider упоминаетъ еще о Gherardus de Dondis, сочиненія коего о медицинѣ въ 1197—99 г. было переведено на еврейскій языкъ. (Ср. *Lettere di M. Steinschneider a D. V. Boncompagni* Roma, 1871, p. 14). ²⁾ Ср. Haeser, I, 705.

способности къ жизни 8-мѣсячнаго плода: „въ первомъ и девятомъ мѣсяцахъ беременности плодъ находится подъ покровительствомъ Юпитера („quasi jovans pater“), въ 7—подъ покровительствомъ луны, поэтому плодъ жизнеспособенъ, въ 8 же мѣсяцѣ—подъ владычествомъ Сатурна, пожирающаго дѣтей“¹⁾).

Кромѣ Падуи было еще множество арабистовъ и въ другихъ городахъ; изъ нихъ самыя извѣстныя:

Francesco di Piedimonte (въ Terra di Lavoro), быть можетъ, ученикъ салернской школы, лейбъ-медикъ короля Роберта Анжуйскаго и проф. въ Неаполѣ († 1319); онъ оставилъ:

Complementum Mesuae (Venet. 1512, 1581), т. е. дополненіе къ *Practica particularium* Мезуа-младшаго, на самомъ же дѣлѣ—обширное сочиненіе по *частной патологіи и терапіи* съ интересными замѣтками по акушерству. Здѣсь Sprengel обращаетъ вниманіе на главу о половыхъ органахъ и наблюденія надъ кишечными камнями и superfoetatio; при *lepra tyria* Франческо рекомендуетъ употреблять внутрь, какъ вѣрное средство, мясо извѣстныхъ змѣй, а при трудныхъ родахъ—чтеніе псалмовъ Давида!²⁾

Jacques des Parts (de Partibus), изъ Tournay, проф. въ Парижѣ и представитель арабизма во Франціи (ок. 1414—1418), навлекъ на себя гнѣвъ содержателей банъ вслѣдствіе его нападокъ на послѣднія и вынужденъ былъ бѣжать на родину, гдѣ умеръ каноникомъ. Онъ оставилъ:

1) Большой комментарий къ Авиценнѣ, въ 5 частяхъ (Venet. 1491, Lugd. 1498):

2) *De triplici medicina, cujus partes sunt philosophia naturalis, medicina, theologia, moralis philosophia, integrantes quadrivium* (Lugd. 1508).

3) *Комментарій къ Александру изъ Tralles'a* (Lugd. 1504, Venet. 1522) и

4) *Summula per ordinem alphabeti singulorum remediumum singulis morbis confitentium* (Venet. 1581, вмѣстѣ съ *Complementum Mesuae*)³⁾.

Daremberg обращаетъ особенное вниманіе на *Комментарій къ Авиценнѣ* (гдѣ помѣщены также комментаріи de Gentilis и др.), „о которомъ всѣ говорятъ, но котораго никто не читалъ, ни Quesnay, ни Sprengel“. Между тѣмъ, по мнѣнію Darernberg'a, это—

„весьма ученая и поучительная книга, цитирующая множество авторовъ и содержащая множество интересныхъ свѣдѣній о медицинской практикѣ того времени, о современныхъ или предшествовавшихъ эпидеміяхъ (напр. о *черной смерти*), о господствовавшихъ тогда воззрѣніяхъ, которыя de Partibus критикуетъ“. Какъ на любопытный фактъ небрежнаго отношенія къ этому автору, Darernberg указываетъ на то, что по вопросу о петехіяхъ при сплномъ тифѣ Mercurialis (въ *Pisanae Praelectiones*, p. 19) не вѣрно приводитъ относящееся сюда мѣсто въ de Partibus, *Comm. ad Avicen. prima quarti tract. 4, c. secundo*, затѣмъ и Riolan въ *Curieuses recherches sur les escholes en médecine* (1651, p. 218), и Назон въ *Natice des hommes les plus célèbres en la Faculté de médecine* (1718), и Borsieri въ *Institutiones medicinae practicae* (t. II, p. 294, ed. Hecker) повторяютъ тоже, либо вовсе не упоминая объ источникѣ, либо, какъ Borsieri, ссылаясь

¹⁾ Тамъ же, 706 и Sprengel, II, 612.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 582.

³⁾ Ср. Haeser, I, 707.

на Mercurialis'a, не считая нужным его проверить. Что касается Sprengel'a, то онъ заявляетъ, что о петехиальномъ тифѣ вовсе нѣтъ рѣчи въ *Commentarii de Partibus'a*; тоже подтверждаетъ въ письмѣ къ Dagerberg'u и Haeser („quia veras *petechias exentematicas* a Jacobo [de Partibus] vel Avicenna *descriptas esse nego*“). Между тѣмъ, при внимательномъ чтеніи, Dagerberg нашелъ это мѣсто въ Canon IV, tractatus IV, fen I, c. 1 („*quaedam cutis maculae nigrae aut virides aut violaceae vel subrubrae similes illis quae cuti contingunt ex morsibus *pubicum*... et sunt de signis malis et mortalibus, praecipue nigrae vel violaceae vel coloris viridis etc.*“)¹⁾.

Какъ на одинъ изъ многихъ примѣровъ подобныхъ прискорбныхъ ошибокъ у авторовъ, эрудиція которыхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, Dagerberg указываетъ еще на Мальгенья, по словамъ коего²⁾ изобрѣтателемъ *клизтирной трубки* долженъ считаться итальянскій врачъ Gataparzia, прикрывавшій будто свое изобрѣтеніе именемъ Авиценны, причѣмъ Мальгень прибавляетъ: „*qu'il n'y a rien de semblable dans Avicenne*“.

Между тѣмъ, сопоставленіемъ текстовъ Dagerberg доказалъ, 1) что то мѣсто *Канона* Авиценны (I. III, fen 16, tract. 4), которое приводитъ Мальгень, имѣлъ въ виду въ своей *Practica* и Gataparzia, и 2) что ни у Авиценны, ни у Gataparzia рѣчи вовсе не идетъ о нинѣ употребительной клизтирной трубкѣ, а о двойной канулѣ (сиппа), придрланной къ пузырью такъ, что она могла служить одновременно для введенія жидкости и выхода газовъ при „холодной“ коликѣ (*colica ventosa*)³⁾.

Объ этихъ, повидимому, мелочныхъ фактахъ Dagerberg счелъ нужнымъ распространяться для того, чтобы показать, что для историка чтеніе, перечитываніе и сравненіе текстовъ столь же важны, какъ повторные, проверочные и сравнительные опыты для ученаго, и что для исторіи среднихъ вѣковъ въ особенности необходимо читать, перечитывать и знать почти наизусть двухъ авторовъ: Галена и Авиценну⁴⁾.

Мы съ своей стороны позволили себѣ это отступленіе въ виду высказываемаго иными взгляда, что факты и вообще частности въ исторіи медицины—второстепенное дѣло, а гораздо важнѣе общіе обзоры (*aperçus*). Но при этомъ забываютъ, что безъ фактовъ, безъ выдержекъ изъ текстовъ, этихъ фактовъ исторіи медицины, и даже безъ мелочей, въ родѣ приведенныхъ, невозможны ни общіе взгляды, ни освѣщеніе фактовъ.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ отраслей медицины въ послѣднія столѣтія средневѣковья въ западной Европѣ и принимая во вниманіе то обстоятельство, что врачи въ это время занимались пережевываніемъ стараго и новыхъ вопросовъ *общей патологии* разрѣшать не представляло, считаемъ нелишнимъ остановиться нѣсколько подробнѣе на сочиненіяхъ и объемистыхъ сборникахъ, въ которыхъ отражается средневѣковая

¹⁾ Ср. Dagerberg, *Histoire des sciences médicales* I, 345—348.

²⁾ Malgaigne, *Introduction aux Oeuvres d'Ambroise Paré*, p. XCIX.

³⁾ Dagerberg, l. c. 341—343.

⁴⁾ Dagerberg, l. c. 341, 344.

Частная патологія и терапія. Компендіи, словари, *consilia* и сборники.

Въ этихъ сочиненіяхъ (которыя, по мѣткому выраженію Dageberg'a, „врядъ ли когда-либо много читались съ тѣхъ поръ, какъ они были написаны, если только дочитывались до конца“) имѣется множество интересныхъ подробностей, приче́мъ по нимъ можно приблизительно составить какъ-бы статистику наиболѣе обычныхъ въ то время болѣзней.

а) Компендіи.

О нѣкоторыхъ относящихся сюда сочиненіяхъ англичанъ, вышедшихъ изъ школъ Монпелье, салернской и парижской, мы говорили уже выше (Bernhard Gordon, Gilbertus Anglicus, Gaddesden)¹⁾. Подобный же компендіи оставилъ

Guglielmo Corvi (Guilielmus Brixiensis, 1250—1326), изъ Canneto при Brescia, ученикъ Петра Абано, подъ заглавіемъ:

Practica v. Aggregator Brixianis (въ отличіе отъ вышеупомянутаго Aggregator Paduanus). Изд. Patav. 1505, 1515.

Медицину онъ изучилъ сначала въ Болонѣ подъ руководствомъ Thaddaeus'a, а затѣмъ у Петра Абано. Въ 1288 г. поступилъ въ лейбъ-медики при Бонифаціи VIII, каковую должность онъ продолжалъ занимать при его преемникахъ, Климентіи V, котораго сопровождалъ въ Авиньонъ, гдѣ въ основанномъ въ 1280 г. графомъ прованскимъ, Карломъ II, университетѣ преподавалъ философію и медицину, затѣмъ онъ былъ лейбъ-медикомъ при папѣ Іоаннѣ XXII, послѣдніе же годы жизни провелъ въ Парижѣ, гдѣ щедро поддерживалъ своихъ соотечественниковъ, въ томъ числѣ хирурга Lanfranchi, изгнаннаго изъ Милана²⁾.

Изъ позднѣйшихъ авторовъ подобнаго рода сочиненій (во второй половинѣ XIV и первой XV в.) обращаютъ на себя вниманіе два преподавателя въ Монпелье, опиравшіеся болѣе на факты и выдвинувшіе снова на первый планъ практическое направленіе своей школы:

Johannes a Tornamira, изъ древняго французскаго рода, лейбъ-медикъ Григорія XI въ Авиньонѣ (съ 1372 по 1376), канцлеръ въ Монпелье (съ 1379 г.) и затѣмъ опять лейбъ-медикъ Климентія VII. Онъ оставилъ:

Introductorium v. Clarificatorium juvenum (изд. см. ниже). Это ничто иное, какъ комментарий къ IX кн. *ad Almansorem* Разеса.

Valescus de Taranta, португалець, съ 1382 г. жившій въ Монпелье, только въ 1418 г. окончилъ плодъ своей 38-лѣтней практической дѣятельности, подъ заглавіемъ:

1) *Philonium pharmaceuticum et chirurgicum*, пользовавшееся уваженіемъ и популярностью вплоть до XVII в. и имѣвшее множество изданій (Lugd. 1490, 1500 и т. д. Venet. 1490, 1589), изъ коихъ многія вмѣстѣ съ *Introductivium* Торнамира.

2) *Tractatus de epidemia et peste* (в. l. 1474), Hagenv. 1497; переводъ на каталонскій языкъ: Villagr, Barcelona, 1475)³⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 401, 402.

²⁾ Ср. Henschel, *Janus*, Neue Folge II, 387. Antonio Schivardi, *Biografie dei medici illustri Bresciani*, Brescia, 1839 и Haeser, I, 710, 711. ³⁾ Тамъ же, 712.

Въ предисловіи къ *Philonium* Valensia говоритъ: „гдѣ отищутъ теперь книги Гермеса, Rufusa, Андромаха, Павла [Эгинскаго], Орибазія?“ Недостатокъ книгъ и побудилъ его написать одну книгу, свободную отъ всаческихъ замысловъ и лжи, повидному не считая таковыми различныя суевѣрныя бредни, которыми такъ и кишитъ его *Philonium*. Сочиненіе это оны дѣлитъ на 7 книгъ, по числу смертныхъ грѣховъ, просьба въ *Отче нашъ*, планеты, дней недѣли и т. д.! Впрочемъ, здѣсь есть и *наблюденія*, которыя собралъ и обнародовалъ въ отдѣльной книгѣ Rembertus Dodonaeus¹⁾.

Nicola Faluccii s. Falcutius s. de Falconiis, изъ Флоренціи († 1412), оставилъ:

1) *Sermones medicinales*, Venet. 1484—91, 1507—88. 2) *De febribus* въ *Collectio de febribus*, Venet. 1576 (в. цѣнный трактатъ). 3) Комментарій къ *Афоризмамъ* Гиппократа. Его *Sermones* представляютъ обширный сборникъ и heretorium всего добытаго до него во всѣхъ областяхъ медицины, въ особенности арабской²⁾.

Весьма выдающійся компендіи составилъ товарищъ Моптаньяни и дѣдъ знаменитаго богослова, Геронима Савонаролы,

Michael Savonarola (съ 1434 г. проф. въ Падуѣ и Феррарѣ), подъ заглавіемъ:

1) *Practica de aegritudinibus a capite ad calcem* (Collae, 1479; Venet. 1486—91 и пр., до 1560; Вопоп. 1487). Кроме того оны оставилъ: 2) *Practica canonica de febribus* (Venet. 1487—96). 3) *De pulsibus, urinis et egestionibus* (Venet. 1497, 1552). 4) *De omnibus mundi balneis* (Вопоп. 1493—послѣднія три сочиненія вмѣстѣ: Venet. 1531)³⁾.

При составленіи *Practica de aegritudinibus* М. Савонарола имѣлъ въ виду составить по образцу *Канона* Авиценны, на основаніи всего имъ прочитаннаго и собственныхъ наблюденій, одну цѣльную книгу, обнимающую всѣ взгляды, доктрины и теоріи, господствовавшіе въ срединѣ XV в. и которая, по его словамъ „сбережетъ врачамъ трудъ и время и принесетъ имъ гораздо больше пользы, чѣмъ діалектическія пререканія, которыми пробавляются врачи въ углахъ улицъ и на площадяхъ“⁴⁾.

Хотя и у него встрѣчается множество суевѣрныхъ взглядовъ, напр. вѣра въ дѣйствительность драгоценныхъ камней, въ колдовство, въ возможность рожденія на свѣтъ животнаго вмѣстѣ съ человѣческимъ плодомъ, но съ другой стороны нельзя пройти молчаніемъ многихъ его наблюденій и заявленій, свидѣтельствующихъ о болѣе свободномъ направленіи Савонаролы. Сюда относится смѣлость, съ которой оны высказывается о бесплодности практическихъ началъ Аверроэса и теоріи элементарныхъ качествъ, „не имѣющей, по его словамъ, никакого значенія для практики“, между тѣмъ какъ климатическимъ условіямъ оны приписываетъ огромное вліяніе на болѣзни и ихъ леченіе. Далѣе оны, въ разрѣзъ съ господствовавшимъ до него мнѣніемъ, не считаетъ зеленой желчи причиной бо-

¹⁾ Ср. D a g e m b e r g, l. c., I, 317.

²⁾ D a v i d s o n, *Zur geburtshülfflichen Bibliographie*, въ *Monatschrift f. Geburt skunde* 1864, Bd. 23, 338—343. Ср. H a e s e r, I, 713.

³⁾ Тамъ же.—Изд. 1560 г. имѣется въ библиотекѣ университета св. Владиміра. См. выше стр. 42.

⁴⁾ D a g e m b e r g, l. c. 349.

лѣзней, такъ какъ она большею частью извергается рвотой. Хорошо изложены у него правила для примѣненія опія при кровавомъ поносѣ, а также терапия подагры. Шанкръ онъ лечитъ вяжущими и сушащими средствами. Между его наблюденіями можно найти немало курьезовъ, какъ напр. примѣненіе въ Forlì женскаго молока, какъ „обыкновеннаго и вѣрнаго домашняго средства“ противъ глистной болѣзни, рожденіе сына у 100-лѣтняго старика, по имени Nicolaus Pallavicini, уменьшеніе въ населеніи числа зубовъ (до 22—24) послѣ чумы 1348 года, появленіе новыхъ зубовъ у женщины во время беременности; выдѣленіе 24 фунтовъ мочи въ теченіе 12 часовъ у одержимаго сахарнымъ мочензвуреніемъ; случай раздвоенія язычка безъ измѣненія голоса (въ его время, повидимому, существовалъ отличный отъ нынѣшнихъ взглядовъ на это счетъ) и т. д.

Въ его *Practica canonica de febris* заслуживаютъ вниманія рекомендуемыя имъ средства противъ чумы и вышеприведенный взглядъ на обусловливаемыя различіемъ климатовъ видоизмѣненія въ леченіи болѣзней. Арабъ, говоритъ онъ, отъ природы слабѣе, а потому труднѣе переноситъ кровопусканіе, нежели грекъ. Къ извѣстнымъ уже видамъ лихорадки (ігурия, ериала и т. д.) онъ прибавляетъ еще *isura*—отъ стекловидной слизи; типъ 5—6-дневной лихорадки онъ считаетъ обыкновеннымъ явленіемъ; особенное вниманіе онъ обращаетъ на изслѣдованіе пульса ¹⁾.

Наконецъ сюда относятся:

Antonius Guainerius (Antonio Guaineri, † 1440), проф. въ Павіи и Падуѣ; онъ оставилъ:

Practica s. Opus praeclarum ad praxin (Pap. 1481 etc. Venet. 1497 etc., Lugd. 1517 etc.

Здѣсь D a r e m b e r g отмѣчаетъ описаніе двухъ случаевъ *афазіи* (1 у старика бывшаго въ состояніи произнести только три слова, и 1 у больнаго, который, не имѣя возможности назвать какой либо предметъ или существо, повторялъ только: „то“ „человекъ“ и т. д.), случай *головной боли* отъ употребленія хлѣба съ примѣсью куколья, дальѣ кровопусканіе при *folia нарижанами* (задолго до Ботала и Gui Patin'a) до *трехъ фунтовъ* крови заразъ; варварскіе и смѣшные способы леченія при апоплексіи, параличѣ, спазмахъ, укушеніи ядовитыми животными (прикладывать очищенный отъ перьевъ аписъ живой курицы, прижимая въ тоже время клювъ, съ цѣлью высасыванія яда!). Интересна также исторія болѣзни конюха герцога савойскаго, одержимаго тяжкимъ плевритомъ, за жизнь котораго пользовавшіе его врачи-евреи, только на основаніи хорошаго вида мочи, ручались головой, между тѣмъ какъ приглашенный для консультаціи Guainerius доказывалъ, что больной въ большой опасности, такъ какъ моча *не представляетъ никакихъ отрывыхъ признаковъ при плевритѣ*. Больной умеръ тутъ же на глазахъ врачей и тѣмъ не менѣе, даже долгое время спустя послѣ смерти, врачи-евреи все еще утверждали, что онъ спитъ глубокимъ сномъ! ²⁾.

Matthaeus Ferrarius de Gradibus (Matteo Ferrario, † 1480 [Haeser] или 1472 [Daremberg], изъ семьи графа Феррары, родомъ изъ Gradi, близъ Милана, проф. въ Павіи и лейбъ-медикъ герцогини Біанки-Маріи di Sforza, оставилъ:

¹⁾ Ср. Sprengel, II, 623—626.

²⁾ Ср. D a r e m b e r g *Histoire des sciences médicales*, I, 344, 345.

1) *Practica vel commentarius textualis cum ampliationibus et additionibus materiarum in nonum Rhazis ad Almansorem*. Pars I et II (Par. 1471, Lugd. 1527, Venet. 1560). Pars III (Mediol. 1471).

2) *Consilia medica secundum vias Avicennae*. (Par. 1501, Venet. 1514, Lugd. 1535). Подробности о них рѣчь впереди.

Joh. Argulanus (Giov. d'Arcoli (ок. 1450), изъ Вероны, проф. въ Болоньѣ о Падуѣ, оставилъ:

Expositio in nonum librum Almansoris (Basil. 1540). Наконецъ

Petrus Bayrus (Pietro Bayro, 1486—1518), изъ Турина, оставилъ:

De medendis corporis humani malis, также *Veni tecum* (Basil. 1552) ¹⁾.

б) Словари.

Simon Januensis (Geniates, 1270—1303), изъ Генуи, лейбъ-медикъ папы Николая IV (1288—1292) и „subdiaconus и капланъ“ Бонифація VIII (1293—1304), составилъ словарь, подъ заглавіемъ:

Synonyma medicinae или *Clavis sanationis* (Parma, 1473, Patav. 1474, Venet. 1486 etc. Lugd. 1534). Кромя того, какъ мы уже указали выше, Simon Januensis обнарудовалъ, при содѣйствіи еврея Abraham Tortuosiensis, латинскіе переводы *De simplicibus medicinis* Серапиона-младшаго и *Liber Servitoris* Албуказиса ²⁾.

Synonyma Симона Генуэзскаго, по своей формѣ, ничто иное какъ фармакологическій словарь, потребовавшій 30-лѣтняго упорнаго труда и составленный на основаніи какъ описаній предшественниковъ, такъ и самостоятельныхъ наблюденій, собранныхъ имъ во время своихъ многочисленныхъ ботаническихъ экскурсій по разнымъ странамъ. Въ этомъ словарѣ онъ старался сопоставить названія лекарственныхъ, особенно растительныхъ веществъ, встрѣчающихся у греческихъ, латинскихъ и арабскихъ авторовъ.

Къ источникамъ, приведеннымъ имъ во введеніи, относятся: Галенъ, Dioscorидъ, *Practica Демокрита*, „учителя Гипократа“, крайне рѣдкое сочиненіе: *Liber ophthalmicus* Демосеена („ad oculorum sanitatem, custodiam et aegritudinum curas etc. Nunc liber antiquissimus mihi occurrit“ etc.), извлеченія изъ котораго есть у Авція,—далѣе, Плиній, Цельсусъ, Cassius Felix, *Synopsis* Орибазія, Moschion, Павелъ Эгнинскій, важнѣйшіе арабы, *Passionarius* Gariopontus'a ³⁾.

Подобный же, но гораздо болѣе (въ 5—6 разъ) пространный словарь, посвященный сицилійскому королю Роберту, составилъ около 1330 г. патрицій

Matthaeus Sylvaticus († 1342), изъ Мантуи, подъ заглавіемъ:

Liber pandectarum medicinae. Изданія: Argentinae, 1474. Neap. 1474 (имѣетъ заглавіе: *l. cibalis et medicinalis pandectarum*). Vicent. 1475, Venet. 1480, 1498 и проч. Последнее, какъ и слѣдующія, вмѣстѣ съ *Clavis Sanationis* Симона Генуэзскаго. Lugd. 1524 и 34—41; Taurini, 1526.

¹⁾ Ср. Haeser, I, 714. ²⁾ См. выше стр. 235.

³⁾ Ср. Daremberg, l. c., I, 292 и Haeser, I, 703.

И *M. Sylvaticus*, подобно Симону Генуэзскому, предпринималъ ботаническія путешествія и побывалъ, между прочимъ, въ Тунисѣ, но затѣмъ поселился въ качествѣ „*miles et physicus regius*“ въ Салерно, гдѣ жила его семья и гдѣ содержалъ собственный ботаническій садъ.

Его словарь составленъ по арабскому Диоскориду, Авиценнѣ, Массерджвею и Серапіону (которыхъ онъ вездѣ называетъ), причемъ авторъ нерѣдко сообщаетъ и собственные критическія замѣтки и наблюденія. Тѣмъ не менѣе, въ отношеніи пониманія природы и критическаго дарованія онъ далеко уступаетъ Симону Генуэзскому. Въ своемъ первоначальномъ видѣ *Pandectae* состояли изъ 2 отдѣловъ: а) *glossaria*, содержащаго цѣлыя тысячи техническихъ медицинскихъ выраженій, заимствованныхъ изъ чужестранныхъ языковъ, безъ нумераціи отдѣльныхъ статей, и б) изъ 724 занумерованныхъ главъ, образующихъ полную и вполне законченную для своего времени *фармакологию*, составленную какъ по приведеннымъ источникамъ, такъ и по собственнымъ наблюденіямъ ¹⁾.

Vitalis de Furno (du Four) изъ Basas'a (возведенный въ 1312 г. Климентіемъ V въ санъ епископа въ Альбано и кардинала) оставилъ словарь, составленный имъ вѣроятно въ молодости, судя по тому, что онъ говоритъ о венгерскомъ королѣ Белѣ IV (†.1275), какъ о современникѣ: Этотъ словарь носитъ заглавіе:

Pro conservanda sanitate etc., Liber utilissimus etc. (Mogunt. 1531). Здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ изложены вопросы физики и *materiae medicae*, большею частью по арабскимъ источникамъ и сочиненіямъ арабистовъ. Sprengel отмѣчаетъ здѣсь мнѣніе de F u r n o о зависимости чернаго цвѣта негровъ отъ климата, а D a r e m b e r g—статью о приготовленіи алкоголя и о пользѣ его какъ для сохраненія и перевариванія мяса, такъ для леченія нѣкоторыхъ болѣзней, напр. при захватываніи дыханія ²⁾.

с) *Consilia*.

Gentilis da Fuligno, коего отецъ (1230—1310), тоже врачъ, жилъ и практиковалъ въ Болоннѣ,

учился подъ руководствомъ Thaddaeus'a въ болонскомъ университетѣ, гдѣ впоследствии былъ профессоромъ, затѣмъ перешелъ въ Перуджію и наконецъ (1337—1845) ³⁾ въ Падую, куда былъ приглашенъ, въ качествѣ профессора и лейбъ-медика, владѣльцемъ города, графомъ Ubertino de Sagga, котораго уговорилъ отправить 12 молодыхъ людей для изученія медицины въ Парижъ. Послѣ того онъ опять перешелъ въ Перуджію, гдѣ въ 1349 г. умеръ отъ чумы.

Не смотря на то, что онъ былъ ученикомъ Thaddaeus'a, онъ питалъ большое уваженіе къ Петру Абано. Онъ оставилъ знаменитыя

¹⁾ Тамъ же, 709 и Sprengel, II, 567.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 578 и Daremberg, l. c. I, 296.

³⁾ По Sprengel'ю (II, 589)—въ 1340 г.

1) *Consilia* (Papiae, 1492 Venet. 1573). 2) *Expositiones in Canonem Avicennae* (Papiae, 1477, Venet. 1520) s. „*Anima Avicennae*“, въ которой представлена вѣрная картина современной медицины. 4) *Commentarii къ De urinis et pulsibus* Эгидія Корбейльскаго. 5) *Introductorium practicae de febris; Quaestiones subtilissimae in artem parvam Galeni* (Venet., 1576). 5) *De dosibus et proportionibus medicinarum* (Venet. 1562).

Пояснительное сочинение: Giuseppe Girolamo, *Supra Gentilis da Foligno, medico illustre del secolo XIV, Napoli, 1844*¹⁾.

Его *Consilia* содержат многочисленныя замысловатыя разсужденія о болѣзняхъ, удовлетворительную діететику и эмпирическую терапію. При чахоткѣ (у молодой женщины) онъ совѣтовалъ „беречься сквознаго вѣтра, въ пищу—дичь, куриное мясо, изрѣдка баранину и вареную рыбу и сиропъ изъ укропа, лакрицы, петрушки, аниса и трагаканта“²⁾. Dageberg отмѣчаетъ у него еще 2 случая прогрессивной атрофіи, случай помѣшательства отъ радости, примѣненіе мушекъ, описаніе эпидеміи 1348—1349 г. въ Перуджии и Генуѣ и рядомъ съ этимъ—забавныя рецепты противъ грижи³⁾.

Antonio Cermisone (Cermisonius, † 1441), профессоръ въ Павии и съ 1413 въ родной Падуѣ, составилъ

Consilia medica contra omnes fere aegritudines a capite ad pedes. Venet. 1514.

Ему навѣстны по преданію и собственному опыту способы извлеченія острыхъ тѣлъ, застрявшихъ въ глоткѣ и пищеводѣ, вообще же онъ былъ уже слишкомъ несмѣливымъ хирургомъ, откладывавшимъ камнеисъченіе до послѣдней возможности и не знавшимъ рациональныхъ методовъ при неправильныхъ положеніяхъ младенца.

Онъ примѣнялъ кожные и ручныя ванны какъ отвлекающее и возбуждающее средство, стягиваніе шеи снуркомъ или мушки за ушами для предупрежденія катарровъ отъ нистекающей изъ мозга слизи. Онъ же возобновилъ и расширилъ кругъ примѣненія [содержащей іодъ] морской губки для примочекъ, окуриванія полости рта и внутрь въ видѣ отвара. Противъ триппера („ardor urinae“) онъ употреблялъ мази съ камфорой, влажущія и успокаивающія вирскиванія, при разстройствѣхъ менструаціи—раздражающіе пессаріи. При слезотеченіи—прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ и огнемъ,—каковой варварскій способъ критиковалъ уже Vindicianus въ письмѣ къ Валентіану I. При полагрѣ онъ не совѣтовалъ прибѣгать къ кровопусканіямъ, отъ примѣненія коихъ „болѣзнетворныя вещества возвращаются въ тѣло“ (Авиценна). При ісхіа—терпентинъ мѣстно и въ пилюляхъ, мушки, купанья въ St. Helena при Падуѣ и, отъ времени до времени, рвотныя съ гигиенической цѣлью, почти вышедшія изъ употребленія со временъ грековъ. Вообще онъ любилъ подробно разспрашивать больныхъ (какъ напр. даму изъ Urbino, одержимую болѣзнію матки) и терпѣливо выслушивалъ ихъ разсказы (*Consilium contra debilitatem digestivae facultatis stomachi et consequenter hepatis caliditatem*), относился съ уваженіемъ къ товарищамъ, но къ больнымъ съ такой властной и мучительной для нихъ предупредительностью, что нужно удивляться, какъ у нихъ хватало духа для выполненія его предписаній, не дававшихъ имъ ни минуты покоя и то и дѣло заставлявшихъ этихъ мучениковъ безропотно пить до дна горькую чашу, подчасъ вѣроятно поплачиваясь и жизнью отъ дурно веденнаго леченія⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же и Haeser I, 750.

²⁾ Sprengel, l. c.

³⁾ Dageberg, *Histoire des sciences médicales*, I, 296.

⁴⁾ Тамъ же, 335 и слѣд.

Hugo Bencius (Ugone Bencio), изъ Сиены, профессоръ въ Падуѣ въ царствованіе папы Евгенія (1431—1447), оставилъ:

Perutilia consilia ad diversas „egritudines“ a capite usque ad calcem (Bonon. 1482) и комментарий къ Гиппократу, Галену и Авиценнѣ (въ его же *Opera*, Voll. II, Venet. 1518).

У Бенціо описаны случаи періодическаго помѣшательства, *vertige gastrique*, полнпъ въ носу, эпилепсія вслѣдствіе быстро излеченной опухоли на голени, сѣматеченіе и нѣкоторыя наблюденія, вѣроятно относящіяся къ конституціональному сифилису. Сюда относятся повидимому случай 20-лѣтняго молодого человѣка, одержимаго „сильными головными болями, зловонными потами и жестокими болями въ членахъ по ночамъ; на спинѣ, головѣ и лицѣ—пустулы; сначала на голѣни, затѣмъ на стопѣ и, мало-по-малу, на всемъ тѣлѣ—нарывы; красноватая пятна на спинѣ и ногахъ“. У другого больнаго были слѣдующіе симптомы: болѣзненная припухлость составовъ, атрофія мышцъ, тяжѣя измѣненія носа и рта. Интересенъ еще случай молодой дѣвушки, родившей въ 16 лѣтъ, выкинувшей въ 17 лѣтъ, впавшей затѣмъ въ хлорозъ и съ тѣхъ поръ, не смотря на всѣ средства, оставшейся безплодной¹⁾.

Bartholomeo Montagnana († 1470), по имени его роднаго города близъ Падуи, гдѣ былъ профессоромъ, оставилъ знаменитыя

Consilia medica, Rothomag. 1476, Venet. 1497 etc., Lugd. 1524 etc., Francofurti, 1604, Norimb. 1652). У Монтаньяни описаны, хотя подъ ложными ярлыками, случаи *anemii* (отъ потери крови), сѣматеченія, болѣзней сердца, острыхъ и хроническихъ суженій мочевого канала, триппера и блѣдной немочи, которые онъ (слѣдуя теоріи Платона) производитъ отъ страданій печени. Далѣе онъ приводитъ случаи длительныхъ *бубоновъ* и подробно описываетъ *грыжи*, но не былъ первымъ, описавшимъ *hernia ventralis*, о которой рѣчь заходитъ уже у Авиценны (III, 22, 1, 2); лечилъ онъ грыжи жѣсткими вяжущими и лекарственными пелотами, которые укрѣплялись бинтомъ черезъ плечи, плотные же биндажи онъ отвергаетъ: „Ego autem dimitto hanc fantasiam lumbarium vel cingulum, quae fiunt *circulis ferreis cum appenditio super inguinem*. Similiter... fantasiam Gentilis qui credit has dispositiones (hernias) curari per *limaturam calybis interius et magnetis exterius* apponito“. Интересно его описаніе *проказы*, причѣмъ бугристая форма вовсе не упоминается, изъ чего Sprengel заключаетъ объ ослабленіи въ то время лепрозной конституціи вообще. Свищевые ходы слезныхъ протоковъ онъ оперировалъ. Но самое замѣчательное у него, это произведенныя имъ 14 *вскрытій человѣческихъ труновъ*, изъ коихъ однако онъ мало извлекъ пользы какъ для практики, такъ и для теоріи²⁾.

Baverius de Baveriis, изъ Imola, лейбъ-медикъ Николая V (1446—1455), фигурирующій еще въ 1480 г. какъ профессоръ въ Болоньѣ, также оставилъ

Consilia (Bonon. 1489), гдѣ Dageberg указываетъ на весьма интересные случаи, напр. хлороза, излеченнаго желѣзомъ, востойки скалпсой кости, эпилепсін, каталепсін, строго отличаемой отъ истеріки, случаи перемежчиваго паралича верхнихъ конечностей съ разстройствомъ рѣчи и памяти, вслѣдствіе остраго „катарральнаго“ страданія глотки (безъ сомнѣнія дифтерита), случай пареза у беременной женщины съ неправильнымъ строеніемъ позвоночнаго хребта и т. д.³⁾.

¹⁾ Тамъ же, 339.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 621—623 и Dageberg, l. c. 337, 338.

³⁾ Тамъ же, 338, 339.

Наконецъ въ *Consilia Mat. Ferrarius'a de Gradibus* ¹⁾

Dagemberg обращаетъ вниманіе на интересныя подробности о жить-бытьѣ тогдашнихъ студентовъ, на случай паралича (вѣрнѣе *писчий спазмъ*) двухъ пальцевъ правой руки у „много занимавшагося перепиской“ молодого человѣка, который Ferrarius de Gradibus (подобно Галену въ подобномъ же случаѣ) производитъ отъ пораженія шейной части спинного мозга, дагѣ на случай принца Gaston'a изъ Наварры, страдавшаго періодическими припадками ревматизма (вѣрнѣе: *подагры*) въ связи съ каменной болѣзью (*calculi*) и гематуріей; случай паралича личнаго нерва, со сведеніемъ одной части лица и зрительными галлюцинаціями; случай упорнаго слюнотеченія; случаи кровохарканія при разстройствѣ менструацій (по мнѣнію de Gradibus, не имѣющемъ никакого значенія), наконецъ на случаи сильного зуда вульвы при приближеніи родовъ и безплодія вслѣдствіе смѣщенной матки. Интересно еще, что въ числѣ больныхъ de Gradibus'a находились высокопоставленныя особы, какъ напр. Людовикъ XI, страдавшій геморроемъ, герцогъ миланскій, герцогиня Бланка-Марія де Сфорца (*asthma*) ²⁾.

d) Сборники.

Они распадаются на *сборники для врачей и популярныя*.

Къ *медицинскимъ* сборникамъ относятся:

1) *Fasciculus medicinae*, изданный жившимъ ок. 1490 въ Венеціи нѣмецкимъ врачомъ Johannes de Ketham и содержащій совокупность медико-хирургическихъ наукъ въ различныхъ сочиненіяхъ бывшихъ тогда въ ходу авторовъ, въ томъ числѣ Гипократа, Галена, Авиценны, Разеса и т. д.

Изданія: Venet 1491, 1495, 1500, 1522; итальянскій переводъ: Venet. 1498. Въ изд. 1500 г. есть одинъ анатомическій рисунокъ женщины со вскрытой брюшной полостью, въ которой видна небеременная матка, и раздвинутымъ влагалищемъ, сквозь которое видны маточная шейка и устье ея,—и другой, изображающій мѣста для кровопусканій; кромѣ того изображенія мѣстопребыванія важнѣйшихъ болѣзней, рисунки уроскопій, картина анатомической лекціи и т. д. Интересно, что вошедшая въ этотъ сборникъ *Anatomia Mondini* нигдѣ не появлялась съ такой полнотой, какъ въ изд. Ketham'a. Dagemberg открылъ, что два испанскіе сочиненія: *Epilogo en medicina y en cirurgia conveniente ala salud* (1495) и *Libro de medicina llamado Compendio de la salud humana* (1515), не что иное какъ переводы изъ *Fasciculus medicinae* ³⁾.

2) *Articella* (μικροτέχνη). Она имѣетъ такой же характеръ, какъ и *Fasciculus*; кромѣ *Ars parva* Галена и комментарія на эту книгу Нонеи'a, откуда ея названіе, содержитъ еще:

¹⁾ См. выше стр. 425.

²⁾ Ср. Dagemberg, I, с., 340. При этомъ D. высказываетъ удивленіе, что Sprengel, по поводу *Consilia* Вавегіус'a и de Gradibus заявляетъ, что эти сборники не содержатъ ничего интереснаго. Какъ, восклицаетъ D., на столькихъ страницахъ (тысячахъ страницъ in-folio, въ 2 столбца готическаго текста) ни одной „consultation“, ни одной строчки, ни одного слова, на которыя можно было бы обратить вниманіе слушателей и читателей? Развѣ не интересно сказать, что *Consilia* Матвѣя Феррарія представляютъ комментарія соответственныхъ главъ Авиценны, что первый „consilium“ знакомитъ насъ съ образомъ жизни и родомъ занятій тогдашнихъ студентовъ?“ и т. д. Ср. тамъ же.

³⁾ Ср. Dagemberg, I, 315 и Choulant, *Bücherkunde*, 402 и слѣд.

Isagoge Honein'a (въ самомъ началѣ), *De pulsibus* Филарета, *De urinis* Теофила, *Афоризмы* Гипократа съ комментариемъ Галена и нѣкоторыя другія ихъ сочиненія, а также *Gentilis de Fuligno—De divisione librorum Galeni* и т. д.

Изданія Venet. 1483 (per *Franciscum Argillagnes* изъ Валенсіи), 1491 (per *Gregorium Vulpre* изъ Виченцы) и множество другихъ ¹⁾.

Къ популярнымъ сборникамъ принадлежатъ:

Summa experientorum sive Thesaurum pauperum—собраніе рецептовъ для бѣдныхъ, которое около 1270 г. составилъ португалецъ *Petrus Hispanus* (внослѣдствіи папа Іоаннъ XXI) или быть можетъ его отецъ Юліанъ, также врачъ.

Изданія: Venet; 1476; на итальянскомъ: Venecia, 1494, на испанскомъ: Alcala, 1589. Кроме того ему приписываютъ трактатъ о *глазныхъ болѣзняхъ* (итальянскій переводъ: Bologna, 1873, ed. Francesco Zambrini ²⁾).

Далѣе, популярныя діететическія сочиненія:

1) *Flori di medicina di maestro Gregorio medico-fisico del sec. XIV*, Bologna, 1865. Диететика по арабскимъ образцамъ, въ 12 главахъ.

2) *Aldobrandino da Siena, Le quattro stagione etc.* (О томъ, какъ оберегать тѣло въ различныя времена года). *Trattato volgarizzato da Zucheri Benevini del secolo XIV*, Livorno, 1871.

3) *Mich. Savonarola, Libretto de tutte la cose etc. et le regule per conservare a sanita etc.* Venecia, 1508.

4) *Manfredus, Liber de homine et de conservatione sanitatis.* Bonon. 1474. Въ итальянскихъ переводахъ носятъ названіе *Il Perché* (Venet. 1523, 1607).

5) *Vitae vivendae ratio in gratiam Caroli IV a magistro Gallo medico et math. conscripta.* Ed. Fr. Müller, Prag. 1819 ³⁾.

Особенно широкое распространеніе выпало на долю знаменитаго гуманиста.

Marsilio Ficino (1433—1499), изъ Флоренціи, гдѣ былъ профессоромъ, врачомъ и проповѣдникомъ. Онъ оставилъ:

6) *De vita studiosorum* в. *De studiosorum valetudine tuenda*, (Basil. 1569, Mogunt. 1647). Нѣмецкій переводъ: *Adelphi, Das Buch des Lebens*, в. 1. 1505. Кроме того онъ оставилъ описаніе чумы 1477—78 гг. ⁴⁾.

Въ Германіи въ разное время появились:

1) *Ordnung der Gesundheit* (Augsburg, 1472), предназначенное для графа Рудольфа изъ *Hohenberg'a*.

2) *Ortolff von Baierland* (ок. 1400, врачъ въ Вюрцбургѣ), *Arzneibuch etc.* Nürnberg 1477 и др.

3) *Kunrath Megenberg* (1807—1874), *Buch der Natur* (Augsburg. 1475, новѣйшее: Fr. Pfeiffer, Stuttgart, 1861)—самостоятельная обработка латинскаго сочиненія, въ свою очередь составляющаго передѣлку *De naturis rerum* *Thomas de Cantimpré*.

¹⁾ Choulant, *Bücherkunde*, 398.

²⁾ Ср. Haeser, I, 816, 817.

³⁾ Тамъ же и 818. ⁴⁾ Тамъ же, 820.

4) *Herbarius Moguntinus* (майнцкїй травникъ) или *Aggregator* [Patavinus] *practicus de simplicibus* анонимнаго автора, домашній лечебникъ для бѣдныхъ, съ 150 рисунками травъ, животныхъ и минераловъ. Изд. Mogunt. 1484, Pataviae (Passau) 1485. Есть переводы на итальянскїй и голландскїй языки¹⁾.

5) (H) *Ortus sanitatis* и нѣмецкая передѣлка: *Gart der Gesuntheit*. Choulant различаетъ а) *меньшїй*, первоначально нѣмецкїй, принадлежащїй Joh. Wonnecke von Gaub („Cube“)²⁾ на Рейнѣ (изд. Mainz, 1485, Augsburg, 1494), и б) *большїй*, первоначально-латинскїй (Mainz, 1491, нѣмецкїй переводъ: Strassburg, 1507, 1535). Последнїй безголовно составленъ по авторамъ XIII и начала XIV вв., какъ Симонъ Генуэзскїй, Mat. Sylvaticus, Vincent de Beauvais, Thomas de Cantimpré, Bartholomaeus Anglicus, Albertus Magnus (по части животныхъ и минераловъ), Исаасъ Judaeus, Эгидїй Корбейльскїй (ученіе о мотѣ). Авторъ неизвѣстенъ³⁾.

Первыя попытки освобожденїя отъ схоластики.

Первый, хотя мало чувствительный ударъ традиціи и авторитетамъ нанесли тѣ самые врачи, которые повидимому выказывали себя наиболѣе яркими ихъ защитниками, а именно, такъ называемые примирители (*conciliatores*), въ особенности Петръ Абано. И дѣйствительно, по мѣрѣ освобожденїя духа изъ подъ вѣковыхъ оковъ, въ глазахъ самыхъ завзятыхъ поклонниковъ греческой или арабской медицины, изъ препирательствъ этихъ примирителей вышло, что отъ истины одинаково далеки—какъ Разесъ и Авиценна, такъ и Гиппократъ и Галенъ, и хотя последнему отдавали предпочтенїе передъ арабами, однако въ концѣ концовъ успѣли разглядѣть его слабыя стороны и критика, подъ какой бы то нибыло формой, разъ она вышла на сцену, должна была кончить тѣмъ, что разрушила отъ основанїя до вершины все зданїе средневѣковой медицины. Правда, первыя попытки протеста противъ схоластики были слабы и повидимому не увѣнчались успѣхомъ. Но за примирителями слѣдовали другїе, болѣе смѣлые ученые, не побоявшїеся вступить въ открытыя схватки не только съ комментаторами Аристотеля, но и съ самимъ Аристотелемъ. Изъ нихъ въ особенности выдаются:

Roger Bacon (1215—1294), о которомъ мы упомянули уже выше (стр. 404).

Онъ родился въ графствѣ Сомерсетѣ, въ мѣстечкѣ Ильчестерѣ, въ богатой аристократической семьѣ, что не помѣшало ему впоследствии сдѣлаться демократомъ; учился въ Оксфордѣ. Между его учителями называютъ его дядю, Роберта Бэкона, епископа линкольнскаго, автора трактата *De venenis*,—далѣе Ричарда Фитсагра (*Fitsacre*), Адама де Марисо и свободно мыслящаго Эдмунда Рича (*Rich*), впоследствии епископа кентрбери-скаго. Въ 1248 г. онъ отправился въ Парижъ, гдѣ впервые почувствовалъ отвращенїе къ схоластикѣ. Возвратившись въ 1250 году въ Оксфордъ, онъ задумалъ реформу наукъ

¹⁾ Тамъ же, 818.

²⁾ Былъ съ 1485—1503 городовымъ врачомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Ср. *W. Stricker*, *Johann von Cube*, въ *Janus* I, 779 и слѣд.

³⁾ Ср. *Haeser*, 1, 819.

и съ этой цѣлью учредилъ школу (гдѣ преподавалъ математику, физику, астрономію), а также лабораторію и обсерваторію. Но на свою бѣду онъ около этого же времени или нѣсколько позже вступилъ въ орденъ францисканцевъ, генералъ коего, Бонавентура, свергъ его за свободомысліе въ темницу, гдѣ онъ томился 10 лѣтъ и откуда былъ освобожденъ только папой Климентіемъ IV (въ 1267 г.), послѣ чего возвратился въ Оксфордъ. Но при наслѣдникѣ его, Григоріѣ X (креатурѣ Бонавентуры) Р. Бэконъ, въ 1277 г., снова былъ присужденъ, на этотъ разъ уже парижскимъ трибуналомъ, къ заключенію въ тюрьму, откуда только 14 л. спустя его освободилъ болѣе гуманнѣй генералъ ордена, Raimund Gaufrédi.

Онъ оставилъ слѣдующія, болѣею частью написанныя въ заточеніи и долгое время запрещенныя сочиненія:

1) *Opus majus de utilitate scientiarum* (London, 1733), обвиняющее естествознаніе, географію, хронологію, языковеденіе и т. д. 2) *Opus minus*. 3) *Opus tertium*. 4) *Compendium philosophiae* (противъ папы Григорія X) и 5) *De nullitate magiae* (написанное Р. Бэкономъ въ свою защиту, изд. Hamburg. 1618). Новѣйшее изданіе; F. G. Rogeri Bacon, *Opera quaedam haecenus inedita*, Vol. I, containing *Opus tertium*, *Opus minus*, *Compendium philosophiae*, London, 1859, ed. Brewer.

Пояснительное сочиненіе: Jourdain, *Recherches sur l'age et l'origine de traductions latines d'Aristote*. Paris, 1819. Нѣм. переводъ: Stahr. Leipzig. 1831.

Главная заслуга Р. Бэкона заключается въ ожесточенной войнѣ, объявленной имъ схоластикамъ. Реформа наукъ, по его мнѣнію, возможна только путемъ обращенія къ первоисточникамъ: въ языковеденіи—къ грекамъ и восточнымъ нарѣчіямъ (онъ зналъ арабскій, еврейскій, греческій и латинскій языки), въ богословіи—къ Священному Писанію, въ естествовѣдѣніи—къ наблюденію, математикѣ и эксперименту. И хотя его заслуги въ естественныхъ наукахъ невелики, но онъ обладалъ поразительными познаніями въ области физики и химіи. Такъ онъ говоритъ о плоскихъ, выпуклыхъ и вогнутыхъ зеркалахъ, объ измѣримости скорости распространенія свѣта, самаго obscura, объ очкахъ, телескопахъ (изобрѣтеніе коихъ конечно принадлежитъ не ему, а арабу al Hazen'у), далѣе о водолазномъ колоколѣ, о воздухоплаваніи, двигательной силѣ водяного пара. Ему также были извѣстны свойства селитры, послужившія впоследствии къ изобрѣтенію пороха и т. д. Правда, въ области медицины онъ не ушелъ дальше суевѣрныхъ взглядовъ своего вѣка, признавая вліяніе созвѣздіи на терапевтическое дѣйствіе кровопусканія и слабительныхъ или занимаясь отысканіемъ панацей и т. д. Важны его принципы, его экспериментальный методъ и постоянное имѣніе въ виду однѣхъ только практическихъ цѣлей, а потому ему по справедливости должно быть отведено одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи развитія естественныхъ наукъ, въ томъ числѣ и медицины ¹⁾. Гораздо выше въ борьбѣ со схоластикой въ области медицины стоитъ безспорно знаменитый

¹⁾ Тамъ же, I, 714—718.

Arnoldus Villanova (1235—1312).

Вопросъ о мѣстѣ рожденія Арнольда Виллановы—говорить Henschel¹⁾, котораго преимущественно будемъ здѣсь придерживаться, и понинѣ остается въ томъ же положеніи, въ какомъ его оставилъ Conrad Gesner въ XVI вѣкѣ, т. е. не можетъ быть разрѣшенъ съ надлежащей достовѣрностью. Двѣ страны оспариваютъ одна у другой честь считать его своимъ уроженцемъ: Франція и Испанія, въ особенности Каталонія. Но и въ послѣдней эту честь могутъ оспаривать другъ у друга 14 городовъ того же имени (мнѣніе Symphorian'a Champrier, что онъ родился въ Villanova, расположенной въ 4 миляхъ отъ Гироны, еще требуетъ подтвержденія). Съ другой стороны и въ южной Франціи есть нѣсколько городовъ, носящихъ имя Villeneuve, и врядъ ли правъ Astruc, считающій мѣстомъ рожденія Арнольда Villeneuve въ 2 льѣ отъ Монпелье, ибо члены тамошняго факультета, редактировавшие въ 1480 г. editio princeps его сочиненій, оставили на заголовкѣ названіе Catalanus. Съ своей стороны Henschel находитъ, что все указываетъ на то, что Арнольдъ родился въ Испаніи, но воспитывался во Франціи, а именно, сначала въ Э(Аix) провансальскомъ²⁾, а съ 20-лѣтняго возраста—въ Парижѣ, гдѣ учился 10 лѣтъ, и затѣмъ (послѣ 1265 г.)—въ Монпелье. Изъ Франціи онъ отправился въ Испанію, гдѣ продолжалъ ученіе подъ руководствомъ испанца Іоанна Казамиды (котораго онъ самъ называетъ своимъ учителемъ) и, вѣроятно, и арабовъ, на что указываютъ его знаніе арабскаго языка и несомнѣнное пользованіе Разесомъ и Авиценной, сочиненіе коего *De viribus cordis*, равно какъ и *De ligaturis* Костыбен-Луса, онъ перевелъ съ арабскаго на латинскій языкъ. Практиковать онъ повидимому началъ также въ Испаніи, а именно сначала въ Барселонѣ, откуда въ 1276 г. былъ приглашенъ къ папѣ Иннокентію V, пользовавшему имъ отъ чумы, а затѣмъ въ 1285 г. въ Таррагону, къ арагонскому королю донъ Педро III, получившему во время путешествія раненіе, отъ котораго вскоре и скончался. Послѣ смерти донъ-Педро III Арнольдъ (съ 1291 г.) снискалъ благосклонность и уваженіе его наслѣдника Якова II Справедливаго, которому посвятилъ свое главное дѣтетическое сочиненіе (см. ниже). По словамъ Grässe, еще до того Арнольдъ предпринялъ путешествіе въ Италію, гдѣ произвелъ фуроръ своими алхимическими опытами, а затѣмъ, по возвращеніи въ Испанію, отправился въ качествѣ посла Якова II къ неаполитанскому королю Роберту-Доброму, послѣ чего поселился въ Парижѣ. Henschel, на основаніи хронологическихъ данныхъ, оспариваетъ приведенный порядокъ путешествій Арнольда, такъ какъ положительно извѣстно, что въ Римѣ онъ былъ при дворѣ Бонифація VIII, предложившаго ему нѣсколько химическихъ вопросовъ, слѣдовательно не ранѣе 1295 г., въ Неаполѣ же онъ не могъ быть ранѣе 1309 г., въ которомъ только и воцарился король Робертъ. Между тѣмъ дознано, что Арнольдъ задолго до того поселился въ Парижѣ, гдѣ достигъ апогея своей академической дѣятельности какъ профессоръ медицины, практическій врачъ и богословъ и посвятилъ Филиппу IV Красивому свое превосходное сочиненіе *Medicationis Parabolaе*. За тѣмъ остается неизвѣстнымъ, къ какому времени относится его жалоба въ введеніи къ *De vinis* на завистливую судьбу, преслѣдовавшую его до того, что „commovit super me Aquilonem et ducit me in Africam ad miseriam ipsam“ (*Opp.* p. 582). Во всякомъ случаѣ это изгнаніе въ Африку могло имѣть мѣсто только послѣ смерти донъ-Педро III. Но и въ Парижѣ онъ навлекъ на себя нена-

1) Henschel, *Berühmte Aerzte des XIII u. XIV Jahrhunderts*, въ *Janus*, II, 526 и слѣд. (Breslau, 1847).

2) Grässe, *Lehrbuch der allgemeinen Litterärgeschichte*. Bd. II, Abth. II, p. 534.

висть духовенства, въ особенности т. н. нищенствующихъ монаховъ (*mendicantes*), за нѣсколько вольныхъ сужденій о причастіи, монашествѣ, декреталіяхъ и схоластикѣ, служившей связующимъ звеномъ между теологіей и философіей Аристотеля. Но онъ нашелъ тогда защитника въ Климентіи V, котораго сопровождалъ въ путешествіи его въ Лионъ. Въ особенности сильный взрывъ подобной ненависти имѣлъ мѣсто въ 1310 г., когда, возвратившись въ Парижъ по выполненіи возложенной на него Яковомъ II миссіи къ Климентію V, Арнольдъ обнародовалъ сочиненіе *De iudicii die*, въ которомъ, на основаніи астрологическихъ примѣтъ, предсказывалъ къ 1376 г. пришествіе антихриста и наступленіе страшнаго суда и всеобщаго церковнаго разгрома. Чтобы не попасть въ руки доминиканской инквизиціи, Арнольдъ бѣжалъ въ Неаполь къ королю Роберту Доброму, затѣмъ нашелъ убѣжище у сардинійскаго короля Фридриха II или III. Въ 1312 г. на пути въ Авиньонъ къ Климентію V, къ которому отправлялся въ качествѣ посла короля Фридриха (по другимъ—по приглашенію самого папы для пользованія его совѣтомъ отъ богѣзніи), Арнольдъ внезапно скончался на морѣ, въ виду Генуи, гдѣ и похороненъ. Послѣ его смерти Климентій V циркулярнымъ предписаніемъ потребовалъ отъ всѣхъ епископовъ, подъ угрозой отлученія, розыскать и доставить ему оставшее послѣ Арнольда сочиненіе: „*De variis experimentis curandorum morborum acutorum*“. Тѣмъ не менѣе духовенство преслѣдовало его и послѣ смерти и добрая часть его сочиненій была сожжена въ 1317 г.

Кромѣ богословскихъ, философскихъ и другихъ сочиненій, Арнольдъ Вилланова оставилъ множество медицинскихъ, изъ коихъ самыя главныя:

- 1) *Speculum introductionum medicinalium*, нѣчто въ родѣ основъ общей патологіи и терапіи.
- 2) *Aphorismi de morbis membrorum quorundam particularium*—частная патологія и терапія а capite ad calcem.
- 3) *De simplicibus*—фармакологія по Галену.
- 4) *Antidotarium*—фармація.
- 5) *Liber aphorismorum de graduationibus medicamentorum*.
- 6) *De vinis*. Нѣмецкій переводъ Renwart'a появился уже въ 1470 г. (изд. Augsburg, 1483, Ulm, 1499, Wien, 1542).
- 7) *De aquis medicinalibus*.
- 8) *De regimine sanitatis* (итальянскій переводъ, Venezia, 1549).
- 9) *Regimen sanitatis ad inclitum regem Aragonum*.
- 10) *De regimine castra sequentium*.
- 11) *De conservanda juventute et retardanda senectute, ad regem Robertum*
- 12) *De considerationibus operis medicinae* (ad Grosseinum Coloniensem). Въ введеніи авторъ говоритъ объ испытанныхъ имъ преслѣдованіяхъ.
- 13) *Parabola medicationis secundam instinctum veritatis aeternae, quae dicuntur a medicis regulae generales curationis morborum*.
- 14) *Tubulae quae medicum informant specialiter, cum ignoratur aegritudo*.
- 15) *Breviarium medicinae*, имѣло множество изданій, напр. Mediol. 1488, Venet. 1494, Lugd. 1504 и т. д.
- 16) *Practica summaria*, повидному прибавленіе по *Breviarium*.
- 17) *De cautelis medicorum*.
- 18) *De modo praeparandi cibos et potus infirmorum in aegritudine acuta*, съ извлеченіемъ подъ заглавіемъ: *Compendium regimentis acutorum*.
- 19) *De diversis intentionibus medicorum*—этіологія, діететика (exercitium, frictio, balnea, coitus), пища и напитки (пиво изъ ячменя и пшеницы), діететика для оухопутныхъ и морскихъ путешествій и т. д.
- 20) *De regulis generalibus februm*.
- 21) *De sterilitate*.
- 22) *De signis leprosum*
- 23) *De amore heroico*.
- 24) *De venenis*.
- 25) *De epilepsia*.
- 26) *De esu carniū pro sustentatione ordinis Cartusiensis contra Jacobitas*—въ защиту вегетаріанизма.
- 27) *De ornatu mulierum*.
- 28) *Regimen Salernitanum* (См. выше стр. 379). Кромѣ того Morwitz приводитъ еще: 29) *Descriptiones morborum in corpore humano secundum ordinem alphabetieum cum tractatu de virtutibus benedictae quercus* etc. Meningen, 1496. Что касается сочиненія: „*Practica de variis experimentis curandorum morborum acutorum*“, котораго добивался отъ епископовъ Климен-

тій V, то оно въ изданіи сочиненій Виллановы не вошло. Henschel высказываетъ предположеніе, не есть ли это тоже, что *Practica summaria* (№ 16).

Полныя изданія: Lugd. 1504, Venet. 1505. Paris 1509, Basil. 1514, 1585.

Біографіи: 1) Grasse, l. c. 2) Campregius, *Vita Arn. Villanovae* въ изд. *Opera*, Lugd. 1532). 3) Est. de Villa въ Libro de las Vitas de doze principes de la medicina. Burgos, 1647. 4) Joseph de Haitze. La vie d'Arnaud de Villeneuve, Aix, 1719. (Ср. Haeser, I, 720, 721 и Morwitz, II, 114.

Одного взгляда на названія сочиненій А. Виллановы достаточно для того, чтобы убѣдиться въ правѣ его занять самое видное мѣсто въ исторіи развитія медицины. Достойно примѣчанія, что при жизни къ нему были гораздо справедливѣе, чѣмъ пѣлыхъ пять вѣковъ послѣ его смерти, и что его заслуги мало были оцѣнены даже такимъ маститымъ историкомъ, какъ С. Sprengel. Причиной тому безъ сомнѣнія — примѣсь свойственныхъ его вѣку заблужденій изъ области астрологіи и алхиміи. Но изъ-за нихъ проглядѣли все хорошее и дѣльное въ его сочиненіяхъ и до Henschel'a никто не далъ себѣ труда вникнуть ближе въ самую суть его стремленій и дѣятельности въ области медицины и такимъ образомъ вѣрнѣ схватить и опредѣлить фізіономію его историческаго характера ¹⁾.

Въ своихъ медицинскихъ сочиненіяхъ Арнольдъ Вилланова является рѣшительнымъ противникомъ схоластики, конечно, только духа схоластики, а не формы ея, такъ какъ онъ въ свое время не нашелъ другаго способа выраженія, кромѣ діалектическаго, а потому нерѣдко и онъ, особенно въ комментаріяхъ, невольно облекалъ свою мысль въ форму *dubitationes* и *solutiones*. Но, въ общемъ, онъ былъ свободенъ отъ фантастическихъ бредней схоластики и проявилъ вполне научную самостоятельность и опытность въ области медицины.

Арнольдъ Вилланова задался мыслию вдохнуть новую жизнь въ совокупность салернской медицины; пришедшей въ XIII в. въ застой и жившей только пассивнымъ преданіемъ. Онъ мрачными красками рисуетъ печальную картину недомыслія тогдашнихъ врачей, съ рабскимъ благоговѣніемъ слѣдовавшихъ преданію, безъ всякой попытки къ самостоятельному изслѣдованію и даже свой *галенизмъ* черпавшихъ не у самого Галена, а

„potius in chartapellis et Summis, quae potissime magni voluminis sunt, sicut in historiis Gilaberti, fabulis Pontii et Galteri“ ²⁾.

И даже съ каедръ читались только эти старинныя салерскія рукописи, безъ малѣйшаго признака собственной работы мысли, такъ что со стороны можно было думать, что медицина лишена всякаго разумнаго основанія, ибо означенныя рукописи ограничивались чисто-эмпирическимъ

¹⁾ Ср. Henschel, II, 533.

²⁾ A. Villanova, *De considerationibus* op. medicinae вначалѣ (Ср. Henschel, II, 534).

знаніемъ, почти не касаясь теоріи. И вотъ противъ этого-то печальнаго положенія медицины и вооружается Вилланова, энергически протестуя противъ тѣхъ, которые отказываютъ медицинѣ въ рациональности, и доказывая всячески, что вся медицина, во всѣхъ своихъ отрасляхъ, имѣетъ свои разумныя основанія, свои правила, свои общія положенія, отъ которыхъ она отправляется, и частныя, къ которымъ приходитъ. Эти научныя соображенія, „*considerationes*“, онъ старается развить въ сочиненіи, носящемъ тоже названіе (№ 12), и наглядно доказываетъ на примѣненіи кровопусканія. Еще на большую высоту, по мнѣнію Henschel'я, онъ поднимается въ сочиненіи *Medicationis Parabolae*, этомъ „вѣщцѣ его твореній“, гдѣ систематически излагаетъ общія начала практической медицины, какъ результатъ вложеннаго Богомъ въ душу человѣка стремленія къ вѣчной истинѣ, „*secundum instinctum veritatis aeternae*“. Это сочиненіе состоитъ изъ афоризмовъ или общихъ положеній, съ надлежащими объясненіями, подчерпнутыхъ не изъ теоріи, а изъ практики, и составляющихъ полную, связанную *общую патологію и терапію*. Henschel во всей средневѣковой литературѣ не находитъ сочиненія, равнаго этому по глубинѣ, обдуманности и практической вѣрности, хотя и на почвѣ галенизма. „Избранная здѣсь научная точка зрѣнія есть точка зрѣнія истинныхъ врачей всѣхъ временъ, а именно—проникновеніе теоріи практикой и практики теоріей“¹⁾.

Въ другомъ сочиненіи (*De diversis intentionibus medicorum*) онъ жалуется въ введеніи на отсутствіе и игнорированіе современниками истиннаго наблюденія и опыта и рѣзко порицаетъ злоупотребленіе философій въ практикѣ, намекая очевидно на введенный Thaddeu'sомъ диалектическій способъ изложенія медицины Галена и Гипократа, причѣмъ Арнольдъ совершенно ясно говоритъ, что у философіи позаимствованы только „скорлупу, но не ядро“. Онъ поэтому съ ожесточеніемъ выступаетъ противъ „парижанъ“ и итальянской школы, обвиняя ихъ въ пренебреженіи частностями ради общностей:

„Et propter hoc Parisienses et ultramontani medici plurimum student ut habeant scientiam de Universali, non curantes habere *particulares* cognitiones et experimenta. Memini enim vidisse quendam maximum in artibus naturalem logicum et theoreticum optimum in medicina, *tamen unum clystere seu aliquam particularem curationem* non novit ordinare et *vix ephemeram* sciebat curare“. Затѣмъ рѣчь идетъ о болѣе практическомъ направленіи Монпелье, коей онъ всю жизнь остался вѣрнымъ агентомъ:

„At medici Montis Pessulani, sicut magister meus, et alii probi viri, qui student satis habere scientiam de universali, non praetermittentes scientiam particularem“ etc.²⁾.

¹⁾ Ср. Henschel, I. с. 535, 536.

²⁾ *Breviarium*, IV, с. 10, р. 1393 (Н. 536, 537). Означенную выдержку, приведенную уже выше (ср. 400), мы позволили себѣ для большей ясности изложенія привести здѣсь еще разъ.

Онъ старался придать медицинѣ характеръ универсально-научный и эмпирически-раціональный, объединившій всѣ наличныя данныя и всѣ современныя ему направленія въ медицинѣ: греческое (graecismus), арабское (арабизмъ), діалектику, эмпиризмъ и даже „фантастическое“ направленіе, однако, безъ односторонняго пристрастія къ какому-либо изъ этихъ элементовъ и даже полемизируя тамъ и сямъ съ каждымъ изъ нихъ. Правда, основой этой эклектической системы всегда остается *галенизмъ* (какъ мы видѣли, имѣющій тотъ же эклектическій характеръ), но Арнольдъ относится къ Галену, не рабски преклоняясь передъ нимъ, а вполне критически, во многомъ даже съ нимъ не соглашаясь. Точно также онъ относится къ *арабизму*, широко пользуясь его матеріаломъ и вполне его усвоивая, въ особенности Разесомъ, о которомъ говоритъ съ большимъ уваженіемъ („vir in speculatione clarus, in opere promptus, in iudicio providus, in experientia approbatus“), но выступая неоднократно противъ Авиценны, противъ котораго беретъ сторону Галена, „имъ (т. е. Авиценой) не понято“¹⁾, и называя его писателемъ, одурачившимъ большую часть латинскихъ врачей („qui in medicina majorem partem medicorum latinorum infatuat“)¹⁾. Что касается *діалектическаго* элемента въ системѣ Арнольда, то, какъ сказано выше, онъ, за неимѣніемъ въ то время другихъ способовъ выраженія, усвоилъ только форму, но не духъ схоластики, изрѣдка только прибѣгая къ современному ему методу діалектики, напр. при обсужденіи принципиальныхъ вопросовъ физиологій и конечныхъ причинъ („humidum radicale“) или общей фармакологій (*De graduationibus medicamentorum*—гадательныя сужденія о силахъ, скрывающихся въ лекарственныхъ веществахъ) и т. д.²⁾

Многое, непонятное въ его сочиненіяхъ должно быть отнесено отчасти на долю своеобразности и искусственности выраженій, еще довольно варварской латинской рѣчи, неразборчиваго почерка и скорости, съ какой онъ набрасывалъ свои сочиненія, ни разу не перечитывая написаннаго, отчасти же—на долю небрежности изданій. Единственное, въ чемъ его нельзя оправдать, это—его склонность къ мечтательной теософій, къ астрологій и магіи. Но и все это объясняется искренней вѣрой въ безконечное взаимодействие между надземнымъ и подлуннымъ міромъ, въ чудесное вліяніе созвѣздіи на теченіе земныхъ дѣлъ. Но это было въ то время всеобщей психологической потребностью, органически вытекавшей изъ душевнаго строя, унаслѣдованнаго европейскимъ населеніемъ среднихъ вѣковъ, черезъ посредство арабовъ, отъ философій второй александрійской школы (неоплатонизма). Эта случайная примѣсь *фантастическаго* никогда, однако, не выступаетъ у него такъ ярко, какъ у другихъ мечтателей его вѣка, въ сравненіи съ коими онъ является трезвымъ, разумнымъ и спокойнымъ ученымъ, но отнюдь не фантазеромъ³⁾. Къ тому же ему приписывается множество сочиненій, вовсе ему не принадлежащихъ, напр. *De physicis ligaturis*

¹⁾ De considerationibus operis medicinae, II, c. 1, p. 890. (Ср. Henschel, II, 539).

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Ср. Henschel, I, c. 540—542.

Costae ben-Luca, *De judiciis astrorum, De cautelis medicorum*), не говоря уже о приписываемых ему *Rosarius philosophorum, Novum lumen, Flos florum*, написанных совершенно другимъ слогомъ и попавшихъ подь его именемъ въ собраніе его сочиненій въ концѣ XV вѣка.—Какъ доказательство поддѣльности *De cautelis medicorum* можетъ служить слѣдующее. Известно, что Арнольдъ насмѣхается надъ глупостями уроскопій, между тѣмъ въ этомъ сочиненіи, составленномъ изъ самыхъ разнородныхъ кусковъ, въ самомъ началѣ предлагаются 12 правилъ для систематическаго обмана при помощи уроскопій (*De cautelis medicorum*, 1453—55). Одно изъ нихъ даетъ невѣжественнымъ врачамъ совѣтъ— всегда, на что бы ни жаловался больной, ставить діагнозъ завала печени или желудка:

„Septima cautela est, et est forte multum generalis. Tu forte nihil scies (de iudicio ex urina ferendo. Dic, quod habet obstructionem in hepate. Dicit: Non, Domine, imo dolet in capite, vel in tibiis, vel in aliis membris. Tu debes dicere, quod hoc venit ab hepate vel a stomacho. Et specialiter utere hoc nomine: *obstructio*, quid non intelligunt, quod significat, et multum expedit, ut non intelligatur locutio ab illis“ (l. c. 1453) ¹⁾.

Рѣзкій контрастъ съ этими правилами составляетъ слѣдующій за ними отрывокъ, который, если и не принадлежитъ Арнольду, то вполне „въ его духѣ“:

„Nota quod medicus debet esse in cognoscendo studiosus, in praecipiendo cautus et ordinatus, in respondendo circumspectus et providus, in prognosticando ambiguus, in promittendo justus: et non promittat sanitatem, quia nunc extirparet divinum officium et facit Deo injuriam, sed promittet fidelitatem et diligentiam. Sit in visitando discretus et diligens, in sermone modestus, in affectione benevolus patienti“. Послѣ того слѣдуетъ парафраза салернскаго трактата *De adventu medici ad aegrotum* и наконецъ въкоторыя незначительныя замѣтки составителя ²⁾.

Относительно занятій Арнольда Вилланови алхиміей съ цѣлью творить чудеса на глазахъ зрителей Henschel замѣчаетъ, что онъ дѣйствительно одно время увлекся ею, вѣря въ разрѣшимость той или другой алхимической задачи, но въ трактатѣ *De vinis* онъ является вполне свободнымъ отъ этого заблужденія. Онъ, правда, все еще считаетъ золото самымъ совершеннымъ и ни съ чѣмъ въ природѣ несравнимымъ веществомъ, находящимся подъ влияніемъ созвѣздій, благодаря коему оно отличается неизмѣняемостью и нерастворимостью и обладаетъ чудеснымъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ. Но эти качества свойственны только чистому золоту и потому онъ предостерегаетъ отъ примѣненія въ медицинѣ „искусственнаго“ золота, въ которомъ всегда есть примѣсь постороннихъ и острыхъ веществъ: „ideo falluntur in hoc alchimistae, nam etsi *substantiam* et *colorem* auri faciunt, non tamen virtutes praedictas in illud infundunt. *Advertendum* est igitur ut accipiatur de *auro Dei*, non de eo quod factum manus hominum, nam illud propter res *aculas* et *extraneas* a natura humana, quae *sophisticatione* illud ingrediuntur, nocet cordi plurimum et vitae. Deus benedictus creavit illud ad salutem humanam“ etc. ³⁾.

Такимъ образомъ, благодаря занятіямъ алхиміей, Арнольдъ сдѣлался выдающимся *химикомъ*, изготовившимъ множество цѣлебныхъ составовъ, какъ напр. *Aqua auri* (гашеніемъ раскаленной золотой пластинки въ винѣ), примѣнявшаяся имъ противъ проказы, ртутная мазь, ароматическія воды, и введеніемъ во всеобщее употребленіе искусство *перезонки* (*destillatio*), напр. эфирныхъ маселъ (терпентиннаго) и спирта (изъ вина) ⁴⁾.

¹⁾ Henschel, II, 543 и Sprengel, II, 577. ²⁾ Henschel, II, 543.

³⁾ *De vinis*, p. 591. ⁴⁾ Корр, *Gesch. der Chemie*, I, 66, 67 Ср. Henschel, II, 545.

Въ *терапии* онъ придерживался неуклонно гиппократическихъ началъ; главной задачей врача онъ считалъ, кромѣ всесторонняго изслѣдованія мѣстныхъ явленій, индивидуализированіе каждаго даннаго случая, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на общее состояніе. Пока болѣзнь не опредѣлена съ точностью, должно употреблять только легкія и индифферентныя средства. Далѣе, слѣдуетъ избѣгать слишкомъ сложныхъ и новыхъ, еще не испытанныхъ средствъ. При длительныхъ болѣзняхъ Арнольдъ совѣтуетъ пережѣву мѣста, путешествія и леченіе минеральными источниками. Въ одномъ мѣстѣ есть даже намекъ на леченіе *внушениемъ*: „часто врачъ можетъ околдовать больного, безъ его вѣдома и воли, если обладаетъ этой тайной силой“¹⁾. Носамое важное—диѣтетика, особенно въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ.

Въ сочиненіи *De vinis* рѣчь идетъ объ употребленіи вина съ диѣтетической и терапевтической цѣлью. Старикамъ онъ совѣтуетъ вино греческое или *vinum de Vepasia*, варенное съ сахаромъ, лѣтомъ *vinum rosatum*, вермутъ. Онъ даетъ также наставленіе для настоя травъ на винѣ, напр. *rad. buglossae*, меллссн и т. д. Чтобы придать вину цѣлебное свойство, онъ, подобно арабамъ, совѣтуетъ вводить въ надрѣзы лвы скаммоній, *helleborus* и т. д. Онъ не вѣрять, чтобы отъ храненія въ золотыхъ сосудахъ вино получало особенныя цѣлебныя свойства. Въ его *Афоризмахъ* есть наставленія для примѣненія вина у ляхорадащихъ. (Ср. *Naeser*, I, 725).

Арнольдъ повидимому не чуждался и *хирургіи*. Въ *Parabolaе* послѣдній отдѣлъ содержитъ нѣчто въ родѣ общей хирургіи, ученіе объ измѣненіяхъ формы костей; атрезіи выводящихъ каналовъ, ненормальныя образованія и ихъ устраненіе, преимущественно раскаленнымъ желѣзомъ; далѣе разсматриваются раздѣленіе сращеній, потери вещества, раненія, кровавый шовъ, внутреннія лекарства въ видѣ питья для ступченія или разжиженія крови, кровоостанавливающія. По вопросу о заживленіи ранъ непосредственнымъ соединеніемъ краевъ раны или черезъ нагноеніе, Арнольдъ высказывается въ пользу перваго способа. Опухоли онъ совѣтуетъ удалить лучше раскаленнымъ желѣзомъ, чѣмъ кровавой операціей (изъ опасенія повредить „*venae pulsatiles*“), точно также онъ примѣнялъ прижиганія затылка раскаленнымъ желѣзомъ для предупрежденія травматическаго столбняка при ранахъ „*sub humeris*“. О переломахъ и вывихахъ вообще, за исключеніемъ рациональныхъ показаній къ трепанациі при поврежденіяхъ черепа, у Арнольда вовсе не заходитъ рѣчь. Нарывы должно вскрывать во время²⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ обращаетъ вниманіе на опасность отъ неосторожнаго парацентеза и хвалитъ купанья въ сѣрныхъ водахъ близъ Неаполя при каменной болѣзни³⁾.

¹⁾ *De parte operat.* p. 274. Ср. *Sprengel*, II, 576.

²⁾ *Parabolaе Medicationis*, въ концѣ. (Ср. *Naeser*, I, 725, 726).

³⁾ *Breviarium*, II, pp. 1255 и 1261 и IV, p. 1428 (Ср. *Sprengel*, II, 577).

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о самомъ обширнѣйшемъ и знаменитѣйшемъ изъ приписываемыхъ Арнольду сочиненій, о *Breviarium*.

По мнѣнію Astruc'a¹⁾ и de Renzi²⁾, которое раздѣляетъ и Dagemberg³⁾, *Breviarium*, быть можетъ, принадлежитъ не Арнольду Виллановѣ, а его современнику, Арнольду изъ Неаполя, у котораго былъ учитель Casamiciola, имя, весьма близкое къ „Casamida“. Далѣе, авторъ говоритъ о томъ, что онъ написалъ это сочиненіе уже въ глубокой старости, а о времени своего пребыванія въ Неаполѣ—какъ о давно прошедшемъ, между тѣмъ какъ Вилланова, на сколько извѣстно, только послѣдніе три года жизни провелъ въ Неаполѣ. Къ тому же въ нѣкоторыхъ изданіяхъ (напр. Basil. 1585, на стр. 1392) сбоку на поляхъ имѣется приписка: „alii Neapolitani“, а въ одной камбриджской рукописи Арнольдъ носитъ фамилію „Bachuone“, которое дѣйствительно напоминаетъ болѣе итальянское, чѣмъ каталонское нарѣчіе, и уже тогда по этому поводу говаривали, что онъ неаполитанецъ. Наконецъ, и это самый главный доводъ, авторъ, старикъ, говоритъ, что онъ положилъ совокупность практической медицины по сообщеніямъ своего учителя, что не согласуется съ самостоятельностью, которое проявляетъ Арнольдъ въ другихъ сочиненіяхъ. Наковсдъ de Renzi находитъ въ *Breviarium* множество „неаполитанизмовъ“ и описаніе мѣстныхъ обычаевъ. Есть, однако, нѣкоторыя обстоятельства, говорящія противъ мнѣнія de Renzi. Такъ и Вилланова за три года могъ усвоить себѣ особенности неаполитанскаго ідиома, тѣмъ болѣе, что онъ и прежде не разъ, и вѣроятно подолгу, бывалъ въ Италіи. Кромѣ того, въ одномъ мѣстѣ (ed. Basil. 1585 p. 1225) авторъ приводитъ „*prilulae magistri Joannis Casamizulae*“, а не „*magistri mei*“. Къ тому же даже Руссипотти, вообще примкнувшій къ мнѣнію de Renzi, сознается, что изученія имъ рукописи XV в. не представляють достаточныхъ основаній для безошибочнаго рѣшенія этого спорнаго вопроса⁴⁾.

Какъ бы то ни было, авторъ *Breviarium*'а имѣетъ право на одно изъ первыхъ мѣстъ между врачами конца XIII вѣка, ибо его трудъ, болѣе чѣмъ всякое другое подобнаго рода сочиненіе, можетъ дать вѣрное понятіе о состояніи практической медицины въ упомянутый періодъ. Оно состоитъ изъ 4 книгъ; первая двѣ трактуютъ о мѣстныхъ болѣзняхъ, третья—о болѣзняхъ *женщинъ* и о *ядовитыхъ животныхъ* („*quia mulieres ut plurimum sunt animalia venenosa*“), а четвертая о лихорадкахъ. Вообще авторъ собралъ въ этомъ сочиненіи какъ „свои собственныя, такъ и наблюденія своего учителя и все, что онъ успѣлъ узнать отъ другихъ „магистровъ“ и даже отъ женщинъ и эмпириковъ“. Онъ поэтому убѣжденъ, что это сочиненіе доставить всякому, кто захочетъ имъ воспользоваться, „многочисленныхъ друзей, работниковъ и славу“⁵⁾.

Послѣдователями Виллановы (*Арнольдистами*) были: Раймундъ Люльскій (см. 401) и Sigmund Albicus (р. 1347), архіепископъ въ Прагѣ (оставилъ: *Medicinale, Vetularius* (діететика) и *Regimen tempore pestilentiae* (Lips. 1483—87). Онъ уважалъ химию, несложныя средства, движенія и трудъ, и въ разрѣзъ съ Виллановой и своимъ саномъ училъ: „*non est potus nisi vinum, non est cibus nisi caro, non est gaudium nisi mulier*“⁶⁾.

¹⁾ Astruc, *Mémoire pour servir à l'histoire de la faculté de médecine à Montpellier*.

²⁾ De Renzi, *Collectio Salernitana*, I, 346.

³⁾ Dagemberg, *Hist. des sciences médicales*, I, 295.

⁴⁾ Ср. Haeser, I, 722, 723. ⁵⁾ Тамъ же, 726. ⁶⁾ Тамъ же, 727.

Окончательное освобождение от схоластики. Начало возрождения.

Хотя схоластика была значительно распатана усилиями Роджера Бэкона и Арнольда Виллановы, но, какъ мы видѣли, и они не могли окончательно освободиться отъ нея и разорвать узы, которыми она опутала всѣ области умственной жизни. Она поэтому продержалась еще двѣсти лѣтъ, „опираясь на авторитетъ церкви и силу привычки и благодаря своей внѣшней округленности, мѣшавшей видѣть ея внутреннюю пустоту и безсодержательность“ (H a e s e r). Рѣшительный ударъ ей былъ нанесенъ только *гуманизмомъ*, имѣвшимъ громаднѣйшее вліяніе на возрожденіе наукъ (Renaissance), въ томъ числѣ и медицины. Гуманизмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ пробудившемуся въ XIV и еще болѣе въ XV в. стремленію къ изученію классической древности по ея первоисточникамъ, въ особенности по сочиненіямъ Платона.

Это движеніе, имѣвшее уже разъ мѣсто въ древности, обнаружилось также въ XIV в., когда изъ страха передъ турками многіе ученые бѣжали изъ Византіи, все еще обладавшей изумительно-громаднымъ запасомъ знаній, къ тому же обогатившимся еще, вслѣдствіе близости востока, умственными приобрѣтеніями арабовъ. Бѣглецы селились преимущественно въ Южной Италіи, и особенно въ Апуліи (въ 1466), гдѣ и понынѣ еще во многихъ деревняхъ народный языкъ — греческій. Виѣсть съ наплывомъ греческихъ элементовъ, безъ сомнѣнія, занесено въ Италію и греческое знаніе, что, естественно, исподоволь подготовило возвращеніе къ языческимъ классикамъ, и съ теченіемъ времени изученіе классиковъ перестало служить только средствомъ къ достиженію чисто-теологическихъ цѣлей, а разсматривалось какъ самостоятельная основ. общечеловѣческаго образованія. Отсюда — названіе *гуманизмъ*, сущность коего не въ рабскомъ подражаніи античнымъ образцамъ, а въ разобщеніи образованнаго человѣчества съ средневѣковьемъ, въ освобожденіи его отъ средневѣковаго духа, въ признаніи за личностью права на полное развитіе всѣхъ сторонъ ея человѣческой природы, на удовлетвореніе всѣхъ ея потребностей, какъ физическихъ, такъ и духовныхъ. Исходя изъ глубокаго убѣжденія въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы, гуманисты требовали полной свободы во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности человѣка и по ихъ воззрѣнію право на высокое положеніе въ обществѣ должно зависѣть исключительно отъ личныхъ достоинствъ и индивидуальнаго развитія, а не отъ происхожденія или состоянія. Главнымъ же источникомъ умственнаго развитія для того времени считалась греческая классическая литература.

Изъ ученыхъ грековъ, пересадившихъ въ Италію преданія своей науки, извѣстны: въ XIV в. — Леонтій Пилать, учитель Бокаччіо, и монахъ Варлаамъ, учитель Петрарки; въ XV в. — Эммануиль Хризолорасъ (†1415), основавшій въ 1397 г. школу греческаго языка во Флоренціи, Феодоръ Газа († 1474), Георгій Трапезунтскій († 1484), Георгій Гемистъ Плетонъ, первый проповѣдникъ философіи Платона; послѣ взятія Константинополя турками — Калиникъ, Халкоидинъ, Ласкарисъ и др.

Мѣсто Византіи въ греческой культурѣ заняла Флоренція временъ Медичи, откуда потокъ греческой образованности разлился по всей Европѣ.

Въ этомъ движеніи эллинизма приняла участіе цѣлая плеяда гуманистовъ, въ особенности послѣ того, какъ Aldus Manutius въ 1488 г. основалъ типографію въ Венеціи, гдѣ имъ впервые напечатано 28 греческихъ классиковъ¹⁾. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основателемъ гуманизма былъ

Франческо Петрарка (1304—1374), имѣвшій неоспоримое вліяніе на освобожденіе наукъ, въ томъ числѣ и медицины, отъ оковъ схоластики.

Онъ основатель гуманизма и первый гуманистъ не въ томъ смыслѣ, что онъ зналъ древнихъ лучше, нежели его предшественники и современники, но въ томъ, что оказался способнымъ усвоить въ значительной степени міросозерцаніе древнихъ, что въ изученіи ихъ онъ самъ видѣлъ единственный источникъ высшаго образованія и эстетическаго вкуса и съумѣлъ заставить и другихъ смотрѣть на древнихъ его глазами²⁾.

Своимъ образованіемъ онъ былъ нѣсколько обязанъ греческому монаху Варлааму, послу короля Роберта при папскомъ дворѣ въ Авиньонѣ, гдѣ Петрарка выхлопоталъ ему египетскую катедру и за это пользовался отъ него уроками греческаго языка. Собственно говоря, онъ научился у него только азбукѣ, запомнилъ сотню словъ, а Гомера, какъ онъ самъ говоритъ, онъ могъ только *созерцать*, но не читать. Аверроэсты поэтому называли его нечужественнымъ человѣкомъ; многихъ отдѣловъ знаній онъ вовсе не усвоилъ, а изъ классиковъ зналъ только римскихъ. Но дѣло не въ суммѣ его знаній, а въ его отношеніи къ міросозерцанію древнихъ, которое онъ понималъ лучше и на которое смотрѣлъ иначе, нежели самые умные средневѣковые люди³⁾.

Простой священникъ по профессіи, образецъ высоко-нравственной чистоты, искренній христіанинъ, воспитанный въ духѣ классической древности и близко знакомый съ современной умственной жизнью, ученый и поэтъ, онъ во всеоружіи эрудиціи и таланта съ ожесточеніемъ выступилъ противъ схоластики.

Петрарка всячески старался оживить критику и первый указалъ на поддѣльность многихъ сочиненій Аристотеля. Въ особенности отъ него достается арабамъ какъ въ области поэзіи („*nihil blandius, nihil mollius, nihil enervatius, nihil denique turpius*“), такъ и въ области медицины, и здѣсь больше всего Аверроэсу, котораго онъ, какъ вѣрующій христіанинъ, къ тому же ненавидѣлъ за скептическое свободомысліе, послужившее къ усиленію атеизма между христіанами⁴⁾.

Къ сочиненіямъ, въ которыхъ Петрарка особенно бичуетъ врачей, относятся: *De vera sapientia; Epistolae de rebus senilibus; Epistolae sine titulo; De sui ipsius et aliorum ignorantia; Invectivae contra medicum quendam.*

Медицина и ея слуги, современные ему врачи, вызывали со стороны Петрарки еще болѣе ожесточенныя и рѣзкія нападки, чѣмъ какія дѣлалъ въ свое время Плиній на римскихъ врачей. Онъ отводитъ меди-

¹⁾ Ср. Hellwald, *Kulturgeschichte*, II, 409. (Augsburg, 1884).

²⁾ Ср. К и р п и ч и к о в ъ, *Возрожденіе въ Италиі* (Всеобщая исторія литературы Корша, СПб. 1895, стр. 245). ³⁾ Тамъ же, 241.

⁴⁾ *De rebus senilibus*, Ep. XII, p. 913 (въ *Opera Petrarc.* ed. Basil. 1581).

цинѣ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ наукъ. По его мнѣнію, она даже не наука и ей только присвоено названіе науки („scientiaque cognomine“) ¹⁾. Въ изученіи Аверроэса кроется причина союза діалектики съ медицинской, а страсть къ діалектическимъ словопреніямъ нигдѣ не бываетъ такъ забавна, какъ у врачей. Эти люди, говоритъ онъ, преклоняясь передъ арабами, считаютъ себя *секретарями природы* (secretarii naturae)²⁾, но что хорошаго можно ожидать отъ арабовъ ³⁾.

Въ подкрѣпленіе своего взгляда на медицину, Петрарка приводитъ мнѣнія о ней знакомыхъ ему знаменитыхъ врачей.

Такъ одинъ изъ нихъ, говоритъ Петрарка, будто бы сказалъ ему: „Мой несравненный учитель говорилъ мнѣ, что медицинское искусство, какъ и всякое другое, поступающее по знаніямъ и правиламъ, есть утѣшительное явленіе, поступать же согласно этому искусству зависитъ отъ случая“. Итакъ, полагайся на случай! прибавляетъ Петрарка ⁴⁾. Другой не скрывалъ отъ Петрарки, что онъ и совсѣмъ сомнѣвается въ дѣйствительности и необходимости медицины. Если, говорилъ этотъ врачъ, „сотня или тысяча людей одного возраста, одинаковой конституціи и одинаковаго образа жизни заболѣютъ одной и той же болѣзнію и если одна половина изъ нихъ будетъ пользоваться услугами врачей, а другая вовсе обойдется безъ врачебнаго совѣта и будетъ вести себя только согласно природному истинету и собственному усмотрѣнію, то, нѣтъ сомнѣнія, что вторая половина счастливо отдѣлается“ ⁵⁾.

Петрарка то и дѣло бросаетъ медицинѣ въ лицо упрекъ, что она здоровыхъ ввергаетъ въ болѣзнь, а больныхъ въ смерть (sanos in morbum, aegros in mortem agere). Вотъ нѣсколько изъ многихъ обращиковъ его краснорѣчія, которымъ онъ бичуетъ врачей:

„Multos ante diem in tartara praemisisti“. „Vos perorantes et altercantes et conclamantes occiditis“. „Syllogizantibus vobis pereunt, qui sine vobis vivere potuissent“ ⁶⁾ и т. д. „Nisi illud forsan inter miraculosa enumeras, quod vos saepius quam caeteri homines, imo vero continuo aegrotatis“? По поводу смерти Tommaso di Garbo: „nunc cum juvenes passim medicos ac robustos aegrotare et mori videam, quid sperare alios jubes?“ ⁷⁾. „De mille medicinis una non proficit, saepe officiant et saepe conficiunt“ ⁸⁾.

Вообще на медицинскую практику онъ смотритъ какъ на самое низкое и *безниказанное* ремесло („medicina artium tutissima est“ говорилъ еще Сократъ), основанное только на жадѣ къ наживѣ, обманѣ и ложныхъ обѣщаніяхъ, такъ что вошло даже въ пословицу: „mentiris, ut medicus!“ ⁹⁾.

¹⁾ R. S. V, Ep. 4, ad Boccacio, p. 797. ²⁾ Тамъ же, 798.

³⁾ ad Dondi, 913. Ср. Henschel, *Petrarcus Urtheil über die Medicin und die Aerzte seiner Zeit*, въ *Janus*, I, 206, 192 и 199, каковой статьи придерживаемся при настоящемъ изложеніи и по какой цитируемъ эти и слѣдующія выдержки.

⁴⁾ „tu nunc et casui fidem habes!“ *Rer. senil.* V, Ep. 5 ad Donat. p. 801. (H. 209, 210).

⁵⁾ R. S. V, 798. Ср. Henschel. l. c., 210

⁶⁾ См. Henschel, l. c., 212, гдѣ приведены относящіяся сюда ссылки на Петрарку.

⁷⁾ Тамъ же, 208. ⁸⁾ Тамъ же, 211. ⁹⁾ Тамъ же, 213.

„Врачи пользуются привилегіей за плату вѣдать жизнь и смерть (*impune pretio habito occidentes*), которой не пользуются даже „*nulli imperatori aut regi*“¹⁾. Опираясь на глупость легковѣрной толпы, врачи стараются ослѣплять ее своей роскошной обстановкой и когда они появляются въ публикѣ въ своей щегольской одеждѣ, съ золотыми цѣпочками и на украшенныхъ пурпуромъ рысакахъ, то можно подумать, что это древніе триумфаторы, съ которыми у нихъ много общаго и по ремеслу, ибо если не каждый изъ нихъ убивалъ 50000 людей, какъ это требовалось для триумфа, то недостатокъ въ количествѣ они замѣняютъ качествомъ, убивая, вмѣсто враговъ, своихъ согражданъ и, подобно тѣмъ побѣдителямъ въ доспѣхахъ, унося добычу въ своей тогѣ (*Письмо къ Боккаччо*, р. 797). И что даетъ имъ право на такой почетъ? Быть можетъ ихъ философскій умъ? Но образъ жизни врачей весьма далекъ отъ характера истиннаго философа, скрывающаго подъ невзрачной оболочкой богатый умъ, презирающій всякую поверхностность и выставку на показъ и почитающій только науку, знаніе и добродѣтель. Еслибы врачи были философами, они не были бы наемниками за плату, рабами денегъ („*si tu eam [philosophiam] haberes, non tu illam ideo venalem faceres, seu illa te venalem esse non sineret... philosophus sapientiae amator, tu pecunia e servus es!*“)²⁾. Медицинская практика есть и остается ремесломъ, рассчитаннымъ только на прибыль и обманъ (*vel fallere, vel lucrari*), и притомъ самой грязной профессіей („*vestrae professionis... quae est urinas et quae nominare pudor prohibet, contemplari*“)³⁾.

Петрарка постоянно возвращается къ своей основной мысли, что медицина, заботящаяся только о благополучіи тѣла, но не о высшихъ духовныхъ интересахъ, должна быть поставлена на ряду или даже ниже другихъ занятій, имѣющихъ въ виду ту же цѣль.

„Дурной врачъ, говоритъ онъ, не можетъ даже идти въ сравненіе съ хорошимъ ткачемъ или земледѣльцемъ, работа котораго служить для поддержанія жизни, тогда какъ неопытный врачъ даже вредитъ („*humanam ille vitam adjuvet, quam tu oppugnas: ille humano generi laborando prosit, tu noceras quiescendo; ille nudus in campis fame sua publicam pariat saturitatem, tu phaleratus in thalamis voce tua publicam destruas sanitatem*“)⁴⁾.

Шаткость своего искусства врачи стараются скрывать діалектикой, прячась за спину древнихъ, которые, если-бы встали изъ гробовъ, несомнѣнно отнеслись бы къ этимъ изаѣженнымъ врачамъ съ презрѣніемъ и ненавистью. „Изъ-за теоретическихъ споровъ врачъ упускаетъ изъ виду благо больного и, вмѣсто обещаннаго исцѣленія, его ухо начинаютъ силлогизмами! Въ томъ-то и несчастіе моего времени, что прежде лечили, не мудрствуя лукаво („*olim quidem sine syllogismo curabantur*), нынѣ выводятъ замысловатая умозаключенія, а больной остается неизлеченнымъ. Сколько тысячъ погибало, пока врачи спорили и рязали между собою! Нынѣ врачи не могутъ говорить, не диспутируя и т. д., совершенно противно первоначальному назначенію медицины, которая, какъ говорилъ еще Виргилій, не безъ основанія названа „молчаливымъ искусствомъ“ (*muta ars*), ибо дѣйствительно древніе лечили молча, тогда какъ нынѣ нѣмое искусство сдѣлалось не только болтливимъ, но базарно-крикливымъ (*non solum loquax, sed clamosa est*), и врачи, ссорясь и горячась, убиваютъ больныхъ“ (*Ep. ad Dondi*, 906. Ср. *Henschel*. I. c. 194, 195). Только немногіе изъ современныхъ врачей, продолжаетъ Петрарка, сознаютъ ненадежность своего искусства, ибо они вполнѣ искренно изучили природу и честно отказались

1) *Ep. ad Vocassio*, 797 и С. М., 1089. Ср. *Henschel*, I. c. 214.

2) Тамъ же и 215, 216. 3) Тамъ же, 216. 4) Тамъ же, 217.

отъ практики, чтобы не быть обманщиками передъ судомъ собственной совѣсти¹⁾. И хотя врачи то и дѣло выхвалять къ Гиппократу и Галену, забывая, что и они не непогрѣшимы, но въ современной медицинѣ нельзя найти ничего изъ безсмертныхъ ученій этихъ мужей. Вообще же лучше слушаться природы, а не Гиппократа, и слѣдовать ей не потому, что такъ предписываетъ Галенъ, а потому, что такъ великъ внутренней голосъ²⁾. То, что называють философией медицины, не что иное какъ извращенное ученіе Аристотеля³⁾. Уровень медицины, по его словамъ, особенно понизился со времени порабощенія ея арабами и преимущественно Аверроэсомъ, отчего преобладающее значеніе получили уроскопія, копроскопія, магія и алхимія, ничтожество конкъ ясно для каждаго понимающаго дѣло⁴⁾. Только глушость и легковѣріе поддерживають уваженіе къ врачамъ, нагло приписывающимъ счастливыя исходы своему искусству, а неблагопріятныя—всѣмъ возможнымъ причинамъ, только не единственной и настоящей—своему невѣжеству⁵⁾. Столь же рѣзко онъ отрицаетъ произвольность и противорѣчія въ ихъ діететическихкихъ предписаніяхъ, которыхъ сами не исполняютъ („*aliter docentes, aliter prandentes*“), безсиліе ихъ терапіи, облекаемой ими въ обманчивый покровъ или поддѣлку науки. При этомъ онъ приводитъ примѣръ своего друга, Tommasi di Garbo, который фрукты, запрещаемые врачами, ѣлъ какъ сѣно⁶⁾. Исключеніе онъ дѣлаетъ только для *хирурговъ*, конкъ отдаеть полную справедливость („*заere illos vidi gravia vulnera seu foeda ulcera fomentis adhibitis aut curare velociter, aut lenire. Nempe quid agant vident, mutant*“)⁷⁾, а также для нѣкоторыхъ знакомыхъ ему врачей, къ которымъ питалъ полное довѣріе и уваженіе за ихъ умъ, ученость и высоко нравственный характеръ.

Петрарка, правда, оговаривается, что, осуждая медицину, онъ имѣеть въ виду собственно не медицину, какъ таковую, но большинство современныхъ ему врачей, исковеркавшихъ медицину и погрязшихъ въ сухихъ и бесплодныхъ формулахъ схоластики.

„Я не сомнѣваюсь, говорить онъ, въ существованіи медицины и въ томъ, что она нѣчто великое. Я знаю, что еслибы на землѣ не осталось ни одного смертнаго, она, какъ и всякое другое искусство, все таки существовала бы сама въ себѣ, конечно, *in abstracto* или въ тайникахъ божественнаго духа“⁸⁾. Далѣе онъ говоритъ, что вѣрить въ медицину, какъ искусство, когда-то изобрѣтенное, но не понятное, когда-то полезное, но нынѣ ставшее бесполезнымъ и непримѣнимымъ къ различнымъ натурамъ по безконечному разнообразію послѣднихъ⁹⁾. Онъ ни на волосъ не умаляетъ славы „князей медицины“ (*principes medicorum*).. если только она на чемъ нибудь основана¹⁰⁾. Возражаетъ же онъ лишь противъ *современной ему, испорченной* медицины. Онъ отрицаетъ не искусство, а его представителей, и то не всѣхъ, а только безстыдныхъ, ложныхъ и жаждущихъ спора врачей. Онъ даже любитъ медицину, въ которой, по старости лѣтъ, самъ нуждается, но онъ ненавидитъ ложь врачей или тѣхъ, которые несправедливо носятъ названіе врачей¹¹⁾. За то, однако, что онъ обнаружилъ негодность современныхъ врачей, обезславившихъ древнее искусство, сама медицина, еслибъ только могла говорить, выразила бы ему благодарность (*gratias actura sit*)¹²⁾. Исключенія, конечно, есть, но онъ до сихъ поръ

¹⁾ R. S. V, Ep. 4 ad Bossac. p. 798: „*mibi nullum fallere aut necare propositum est, nullius malo ditior fieri velim*“, говорилъ одинъ изъ нихъ Петраркѣ. Ср. Henschel, l. c., 211, ²⁾ Тамъ же, 196—198. ³⁾ Тамъ же, 192. ⁴⁾ Тамъ же, 200, 201.

⁵⁾ Тамъ же, 213. ⁶⁾ *ad. Dondi*, pp. 901, 899 (H. 204).

⁷⁾ R. S. Ep. XII, 907, *ad Dondi* (Ср. Henschel, l. c. 212).

⁸⁾ Тамъ же, 906 (H. 217). ⁹⁾ Тамъ же и 907 (H. 218).

¹⁰⁾ Тамъ же, R. S. XV, Ep. 3, 952 (H. 218). ¹¹⁾ Тамъ же, 951 (H. 219).

¹²⁾ С. М., 1093 (H. 220).

ищетъ этихъ исключеній. Онъ находитъ многосторонне образованныхъ, ученыхъ, красно-рѣчивыхъ, знающихъ все, кромѣ одного—умѣнія лѣчить¹⁾. Онъ сознается, что знаетъ и любитъ нѣкоторыхъ истинныхъ врачей („praeter aliquot viros quos dilexi quoniam veri mihi medici videntur“²⁾), но понимающіе дѣло всегда и во всякое время были рѣдки. „У многихъ, говоритъ онъ, укоренилось убѣжденіе, что я—явный врагъ врачей, особенно по причинѣ известнаго спора, который я когда-то имѣлъ съ ними во Франціи, мнѣніе, нелѣзное уже потому, что я со многими изъ врачей вожу дружбу“³⁾. „Я только ненавижу пустомелей („pugatores“), которые, будучи не столько вооружены, сколько нагружены и онутаны (impliciti) жалкой діалектикой, умѣютъ только трещать (obstrepunt), но не лечатъ, отчего они просто невыносимы для здоровыхъ и смертоносны для больныхъ: только этихъ, соню конхъ нѣсть числа, только ихъ я ненавижу, тѣхъ же, напротивъ, которые дѣйствительно рѣдки, я люблю (hos odi fateor, quae innumerabilis turba est, illos diligo, qui perrari sunt)“⁴⁾.

Всѣ эти оговорки, однако, нисколько не смягчаютъ его рѣзкаго приговора надъ медициной, какъ низшимъ ремесломъ, служащимъ только для поддержанія брэннаго тѣла, лишеннымъ всякаго научнаго значенія и основаннымъ только на расчетѣ. Не смотря на дружбу съ хорошими, истинными врачами, онъ все таки предпочитаетъ быть обязаннымъ своимъ здоровьемъ скорѣе природѣ, чѣмъ врачамъ. Достоинно удивленія, что такой свѣтлый умъ не замѣчалъ ни происходившаго вокругъ него броженія и работы пробудившейся мысли и въ области медицины, ни предвѣстниковъ ея возрожденія вмѣстѣ съ прочими науками. И все таки, хоть онъ и унижилъ медицину, нельзя отрицать известной заслуги Петрарки по отношенію и къ нашей, ему совершенно чуждой наукѣ. Кто знаетъ, безъ его рѣзкой научной критики, безъ его громоваго голоса, раздававшагося во всей Европѣ и будившаго умы, усыпленные застывшей въ своихъ хитросплетеніяхъ схоластикой, многимъ только что возникавшимъ зародышамъ новой жизни пришлось бы, быть можетъ, совсѣмъ заглохнуть

Непосредственнымъ результатомъ воздѣйствія гуманизма на медицину былъ пересмотръ старыхъ и изготовленіе новыхъ латинскихъ переводовъ съ греческихъ текстовъ. Начало этому положили Burgundio изъ Пизы, составившій глоссы къ *Афоризмамъ* Гипократа, и Николай Реджіо (Reggio, Rheginus), изготовившій въ 1317—1345 гг. такія же глоссы къ Николаю Миресу (*Dynameron*) и большей части сочиненій Галена⁴⁾.

Къ внутреннимъ причинамъ, подготовившимъ возвратъ къ древнимъ и непосредственному наблюденію, относятся успѣхи въ области *анатоміи*, *хирургіи* и *фармакологіи*.

¹⁾ Reb. sen. Ep. 5 ad. Donat. p. 801. ²⁾ R. S., XII, 1, p. 897 (H. 221).

³⁾ R. S. XV, Ep. 7, p. 552. ⁴⁾ R. S., V, Ep. ad. Bossac, p. 799. (H. 222, 223).

⁵⁾ Ср. Haeser, I, 738 и Guy de Chauliac, *Collectarium*, Proemium, Venet. 1498.

Анатомія.

Самое важное вліяніе на дальнѣйшую разработку и преобразование медицинскихъ знаній имѣло, безъ сомнѣнія, *возстановленіе анатоміи*.

По мѣрѣ нарастанія свободы мысли и народженія новыхъ вѣяній, предрасудокъ о неприкосновенности человѣческихъ труповъ мало по малу уступаетъ мѣсто болѣе трезвымъ воззрѣніямъ.

До XIII в. преподаваніе анатоміи ограничивалось перечисленіемъ частей человѣческаго тѣла, почти дословнымъ описаніемъ ихъ по Галену и, самое большее, вскрытіями собакъ и свиней. Въ началѣ XIII в. королевскимъ указомъ разрѣшается для анатомическихъ демонстрацій въ Салернѣ, вмѣсто свиней, вскрывать разъ въ годъ одно человѣческое тѣло. 7 марта 1308 г. издано другое повелѣніе, входившее по этому предмету въ большіе детали и позволявшее вскрытіе большаго числа труповъ. Еще задолго до Mondini, а именно съ 1302 г., Guilielmo Varignana, ассистируемый врачами и хирургами, производилъ въ Болоннѣ судебно-медицинскія вскрытія съ цѣлью открытія ядовъ въ подозрительныхъ случаяхъ, причѣмъ объяснялъ состояніе и измѣненія внутренностей¹⁾. Тамъ же (а не въ Миланѣ, какъ полагали прежде) Guilielmo Saliceto, еще до Вариньяны, вскрывалъ трупы и обращалъ вниманіе на переполненіе легкихъ кровью. Около половины XIII в. Thaddaeus намекаетъ на произведенныя имъ вскрытія и еще позднѣ Bertrucci уже говорятъ о нихъ совершенно ясно. Слѣдовательно, въ Италіи въ пользу человѣческой анатоміи въ теченіе всего XIII в. были въ ходу болѣе научныя понятія, мало по малу восторжествовавшія и вызвавшія уступки со стороны духовныхъ и гражданскихъ властей²⁾. Во Франціи первый триумфъ анатоміи одержала только въ 1376 г., въ Монпелье³⁾. Испанія же дождалась его только въ срединѣ XVI в.

Обыкновенно для вскрытій пользовались, вѣроятно, трупами казненныхъ преступниковъ, рѣже—умершихъ въ госпиталяхъ, еще рѣже ихъ крали изъ кладбищъ, наконецъ съ этой цѣлью употреблялись даже трупы умершихъ отъ эпидемическихъ болѣзней, напр. отъ черной смерти, какъ это имѣло мѣсто въ 1348 г. въ Перуджии⁴⁾.

Для демонстрированія мышцъ, сосудовъ, нервовъ („partes similes“) трупы клались въ проточную воду до тѣхъ поръ, пока не отдѣлялись кожа и жирная клѣтчатка, для другихъ цѣлей ихъ втѣченіе 3 лѣтъ подвергали дѣйствию солнечныхъ лучей или оставляли гнить въ землѣ, наконецъ для демонстраціи костнаго скелета прибѣгали къ варенію труповъ, каковой способъ употреблялся также для перенесенія останковъ лицъ, умершихъ на чужбинѣ, въ томъ числѣ даже высокопоставленныхъ особъ, какъ напр. Фридриха Барбароссы (утонушаго въ р. Salephъ подъ Іерусалимомъ и кости коего погребены въ Тирѣ), а также и сопровождавшихъ его епископовъ, умершихъ отъ чумы въ 1167 г.,—далѣе Людовика IX, Филиппа Смѣлаго и его супруги и т. д.

Сочиненія по *анатоміи* до Mondini оставили:

¹⁾ Medici, Compendio storico della scuola anatomica di Bologna. Vol. 1857, p. 11.

²⁾ Ср. Daremberg, I, 303.

³⁾ Astruc, *Morbi mulierum*, l. IV, p. 173.

⁴⁾ Corradi, Dello studio e dell'insegnamento dell'anatomia in Italia nel medio-evo etc, Milano, 1873, p. 7. Ср. Haeser, I, 734.

Генрихъ изъ Mondeville (извѣстный хирургъ въ началѣ XIV в.), проф. въ Монпелье, затѣмъ лейбъ-медикъ Филиппа Прекраснаго (1285—1314). Рукописи въ Парижѣ, вмѣстѣ съ его *Хирургіей*, и въ Берлинѣ, съ фантастическими рисунками; вообще напоминаетъ салерскую *Demonstratio anatomica*.

Magister Richardus, тоже изъ Монпелье (рукопись, вмѣстѣ съ берлинскимъ кодексомъ *Хирургіи Lanfranchi*). Къ человѣческимъ трупамъ онъ питалъ отвращеніе, быть можетъ, вслѣдствіе встрѣтившихся ему случаевъ оживанія повѣшенныхъ при первыхъ разрѣзахъ; онъ поэтому предпочиталъ демонстрацію анатоміи на животныхъ: внутренностей—на свиньяхъ, наружныхъ частей—на медвѣдахъ и обезьянахъ, „наиболѣе человѣкоподобныхъ“¹⁾.

Итакъ вскрытія человѣческихъ труповъ въ Италіи имѣли мѣсто задолго до Mondini, къ которому и переходимъ.

Mondini de'Lucci (de'Luzzi, de Leutiis, 1275—1326), котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Mondini da Forlì, сынъ болонскаго аптекаря Nerino Franzoli de'Luzzi, удостоился степени д-ра медицины въ 1290 г., въ Болоньѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ профессоромъ. Онъ былъ такъ знаменитъ, что пять городовъ Италіи, какъ въ древней Греціи изъ-за Гомера, спорили между собой изъ-за права считать его своимъ уроженцемъ. Изъ предыдущаго, однако, видно, что его несправедливо считаютъ возстановителемъ анатоміи. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать и его заслугъ въ этой области. Въ 1315 году онъ публично произвелъ вскрытіе двухъ женскихъ труповъ, а въ 1316 г. сочинилъ *Руководство къ анатоміи*, только отнюдь не на основаніи однихъ этихъ вскрытій, о которыхъ упоминаетъ лишь вскользь, а пользуясь работами Галена и арабовъ, въ особенности Авиценны, къ которымъ, правда, прибавилъ и свои собственныя изслѣдованія. Сочиненіе это носитъ названіе:

Anatome omnium humani corporis interiorum membrorum; она имѣла 25 изданій, изъ коихъ самыя первыя: Вононае, 1473; Ticini, 1478; в. l. e. a. (Lipsiae): *Anatomia Mundini emendata per doctorem Melegstat* (на заголовкѣ имѣется рисунокъ, изображающій вскрытіе, производимое прозекторомъ, и профессора на кафедрѣ съ книгой); послѣднее изданіе: Venet. 1580, съ плохими рисунками. Самое полное, какъ сказано выше, въ *Fasciculus Ketham'a*. Кромѣ того Мондини оставилъ: *Lectura super primo, secundo, tertio et quarto de jumentis* [Galeni], *Consilia medicinalia ad varios morbos*, *Tractatus de pulsibus* и *De arboribus communibus et aromaticis*²⁾.

Руководство Мондини приобрѣло такую популярность и славу, что еще въ концѣ XVI в. въ Падуѣ обученіе анатоміи производилось не иначе, какъ по книгѣ Мондини³⁾. Но этимъ успѣхомъ его книга отнюдь не обязана ей внутреннимъ достоинствамъ, такъ какъ она не заключаетъ ничего такого, чѣмъ Мондини выдавался бы надъ современниками, и даже не вы-

¹⁾ Тамъ же, 785—787. ²⁾ Тамъ же, 738, 739.

³⁾ Portal, *Histoire de l'anatomie*, I, 209. Ср. Sprengel, II, 564.

ясняетъ значеніе анатоміи, какъ краеугольнаго камня всёхъ медицинскихъ наукъ. Мондини просто считаетъ ее частью медицины, и только, а пользу ея видитъ лишь въ томъ, что она знакомитъ врача съ „мѣстами расположенія [органовъ], „*loci dispositionis*“ (топографіей?), какъ видно изъ вступленія. Вообще въ этомъ сочиненіи онъ слишкомъ явственно преклоняется передъ искони установившимися взглядами и теоріями и цѣлкомъ еще стоитъ на перешедшей въ арабамъ телеологической точкѣ зрѣнія древнихъ. Послѣ общаго обзора областей тѣла, имъ ранѣе всего разсматривается

Брюшная полость. Здѣсь онъ прежде всего отмѣчаетъ отсутствіе въ брюшныхъ стѣнкахъ костей и цѣлесообразное мягкое, мясистое ихъ устройство, рассчитанное на то, чтобы онѣ могли растягиваться при вздутіи газами, водянкѣ или беременности:

„*Et causa, quare fuit hic venter carnosus et pelliculosus et non ossosus, est, quia hic venter habet continere membra, quae propter assumptionem cibi, ut stomachus, vel propter retentionem et repletionem ex faecibus, vel ex aquositate et in ydropici vel ventositatibus, vel propter impraegnationem, ut matrix, debent quoadcunq̄e intumescere.*“

Таковыми же телеологическими разсужденіями сопровождается описаніе желудка, его положенія, отверстій кишечнаго канала, сальника и проч. Впрочемъ, самыя описанія довольно точны, причемъ бросается въ глаза своеобразная номенклатура.

Отъ сокращенія брюшныхъ мышцъ („*rugasch*“) одновременно съ діафрагмой происходятъ брюшной прессъ, сжимающій содержимое живота „*quasi inter duas manus*“. Сальникъ („*zigbus*“) разсматривается какъ наполненная жиромъ и сосудами дупликатура брюшины („*surhach*“).

Описаніе *кишечнаго канала* начинается со слѣпой кишки и т. д., доходя до желудка, состоящаго, согласно Мондини, изъ *tunica pergoza* и *carnea*, изъ коихъ послѣдняя содержитъ поперечныя и продольныя мышечныя волокна. *Pylorus* носитъ названіе „*portanarius* или *pillereon*“.

Вообще при описаніяхъ постоянно даются наставленія относительно техники для демонстраціи органовъ. Такъ для освобожденія *селезенки* Мондини совѣтуетъ удалить нѣсколько ложныхъ реберъ на лѣвой сторонѣ. *Печень* на трупѣ расположена выше, чѣмъ при жизни, такъ какъ занимаетъ пустое пространство, образующееся при спаденіи „*membra spiritalia*“. Человѣческая печень больше, чѣмъ у животныхъ, причемъ Мондини повторяетъ старую басню о составѣ ея изъ 5 долекъ, какъ у нѣкоторыхъ животныхъ: „*intrinsecae integrales [partes epatis] sunt quinque penulae ejus, licet in homine non sint veragatae semper ad invicem*“. При описаніи нижней полой вены (*v. chilis*) и почечныхъ (*vv. emulgentes*) Мондини замѣчаетъ, что первая служитъ для передвиженія хила въ печень, а послѣднія—для выдѣленія мочи! Мочеточники описаны довольно точно, съ тою только разницей, что Мондини принимаетъ открываніе ихъ въ стѣнкѣ пузыря нѣсколькими отверстиями¹⁾.

Изъ *мужскихъ половыхъ органовъ* описываются: мошонка („*osceum*“, *ἄσχεον*), сѣмянной канатикъ („*dindimus*“, *δίνδιμος*), мочевого пузыря и *penis*, причемъ даются практическія наставленія для кастраціи и грыжъ

¹⁾ Ср. Sprengel, II, 565, Haeser, I, 739, 740.

(*hernia ventosa, aquosa, intestinalis* и *sarcoma*, т. е. *sarcocoele*). Крайне сбивчиво описание женскихъ половыхъ органовъ: дѣвственная плева, по словамъ Мондини, находится близъ матки: полость послѣдней состоитъ изъ семи клѣтокъ, по три съ каждой стороны и одной въ срединѣ. Матка увеличивается въ объемъ не только при беременности, но и во время мѣсячныхъ, въ чемъ онъ убѣдился изъ вышеупомянутыхъ вскрытій двухъ женщинъ, изъ коихъ одна умерла во время мѣсячныхъ:

„Et propter istas quatuor causas mulier, quam *anatomizavi* anno praeterito, scilicet anno Chr. MCCCXV in mense Januarii, *maiores in duplo habuit matricem*, quam illa, quam *anatomizavi* anno eodem de mense Martii“.

Страствованіе матки онъ отрицаетъ. Мѣсячныя крове, служація у человѣка для створенія и сѣшенія съ мужскимъ сѣменемъ въ упомянутыхъ клѣткахъ матки, у животныхъ идутъ на образованіе роговыхъ тканей кожи: перьевъ, клювовъ, роговъ и т. д.¹⁾ Яичники, которые онъ все еще называетъ женскими яичками, имѣютъ желѣзистое строеніе и состоятъ изъ множества маленькихъ полостей (*concauitates*), исполненныхъ маленькими желѣзками“ (*minutis carnibus glandulosis*), выделяющими „сливообразную жидкость, возбуждающую сладострастіе“. Между маткой и грудными железами существуетъ тѣсная связь, а именно, посредствомъ *vv. epigastricae et mammae*, какъ это можно ясно видѣть на беременныхъ свиньяхъ²⁾.

Грудная полость („*medius venter*“). Здѣсь Мондини прежде всего разсматриваетъ грудныя железы, грудныя мышцы, кости и мышцы грудной клѣтки. Затѣмъ слѣдуютъ плевра, средостѣніе (служащее, между прочимъ, также для того, чтобы препятствовать переходу эмпіемы съ одной на противоположную половину груди) и діафрагма.

Сердце (*partes cordis intrinsecae*) описывается весьма подробно. По словамъ Мондини, оно состоитъ изъ трехъ желудочковъ: праваго, лѣваго и средняго. Здѣсь, какъ и повсюду, онъ даетъ наставленія для препаровки:

„*Scinde igitur cor primum in dextra parte, et incipe a cuspido ejus, sic quod alium parietem non tangas, sed a latere ventriculi medii divides, et tunc occurret tibi statim ventriculus dexter, et videbis in eo duo orificia, quorum unum est versus epas, et est orificium, per quod ingreditur vena chilis, et est orificium maximum, quia per hoc orificium cor trahit sanguinem ab epate et ipsum expellit ad omnia alia membra. Et quia per istud orificium plus habet trahere quam expellere, ordinavit natura, ut claudatur hora constrictionis, quum debet expellere, et aperitur, quum cor dilatatur. Et habet tria ostiola quae aperiuntur ab extra ad intra, quia per idem orificium fit etiam expulsio sanguinis perfecte decocti“ (1).*

Слѣдуютъ обычные телеологическія сужденія, какія мы видѣли и у Гадена, и отмѣчается отхожденіе отъ полой вены *v. cavae superioris*, „*v. circumscissa*“, развѣтвляющейся въ существѣ сердечной мышцы и кровь коей служитъ для питанія сердца! Далѣе описывается другое отверстіе (*orificium*), обращенное въ сторону легкихъ, въ „*vena arterialis*“, которая имѣетъ двѣ оболочки и несетъ кровь изъ сердца въ легкія, „въ вознагражденіе за услугу, которую легкія оказываютъ сердцу“³⁾. Описаніе лѣваго желудка почти согласно съ истинной, но большую толщину его стѣнокъ М. объясняетъ назначеніемъ его—вырабатывать и со-

¹⁾ Тамъ же и 741. ²⁾ Ср. Sprengel, II, 564. ³⁾ т. е. за то, что охлаждають его!

держат рвеша („spiritus“), вещество болѣ легкое и улетучивающееся, чѣмъ висотѣ стѣнь устанавливается равновѣсіе съ правымъ желудочкомъ, содержащимъ болѣ тяжелую кровь и потому имѣющимъ болѣ тонкія стѣнки. При этомъ Мондини не упускаетъ случая блеснуть своими познаниями въ любимой срединами вѣками этимологіи:

„In concavitate autem ejus circa radicem sunt duo orificia. Unum est orificium arteriae aortae [aortae], quae dicitur aortae, quia immediate a corde orta, vel quia est principium originis omnium arteriarum, quae sunt in corpore. Aliud est orificium arteriae venalis“ etc.

Что касается средняго желудка, то трудно понять, что Мондини подразумеваетъ подъ этимъ чудомъ природы („mirabile opus“); это какой-то фантастическій желудочекъ, состоящій не изъ одной, а изъ нѣсколькихъ маленькихъ полостей, служащій какъ бы лабораторіей для „субтиляціи“ и выработыванія рвеша изъ крови, непосредственно поступающей изъ правого въ лѣвый желудочекъ, причемъ М. прибавляетъ:

„Et natura transmittendo aliquid per membra vel viam aliquam nunquam transmittit illud otiose, sed praeparando illud ad formam, quam debet suscipere“.

Легкія состоятъ изъ развѣтвленій arteriae venalis (содержащей кровь), arteriae tracheae (воздухъ) и venae arterialis, описываемой Мондини по Галену.

Органы шеи также изложены по Галену, хотя здѣсь уже ясно замѣтны собственныя изслѣдованія Мондини.

Тоже можно сказать о полости рта, пищеводе („perit“), дыхательномъ горлѣ, блуждающихъ и возвратныхъ нервахъ, органахъ чувствъ, изслѣдованіе и описаніе коихъ ограничивалось наружными частями.

Черепная полость повидимому не вскрывалась, такъ какъ для этого нужно было бы вываривать черепъ, что считалось грѣхомъ и имъ не производилось („propter peccatum dimittere consuevi“), а потому и описаніе мозга и внутри-черепныхъ костей, напр. скалистой, изложено опять таки по Галену. Мозгъ раздѣленъ на двѣ половины для того, чтобы одна часть въ случаѣ надобности могла замѣнять другую и чтобы испаренія имѣли свободный выходъ. Подобно Галену, Мондини доказываетъ, что необходимы двѣ мозговья оболочки, но что больше двухъ существовать не можетъ.

Позвоночный столбъ изслѣдовался только спереди, причемъ, понятно, выходженіе спинно-мозговыхъ нервовъ оставалось незамѣченнымъ.

Въ описаніи конечностей обращаетъ на себя вниманіе только своеобразная номенклатура.

Такъ онъ пишетъ „brathula“ вмѣсто scapula, плечевая кость (humerus) называется у него „os adjutorium“; ulna—„os focile inferius“, radius—„focile superius“, carpus—„gavseta“, metacarpus—„pecten“, сгибательная поверхность—„pars domestica“, разгибательная—„pars silvestris“; подвздошныя кости—„ossa femoris“, а femur—„canna soxae“, tibia et fibula—„duo focilia“, calcaneus—„caub“ и т. д. ¹⁾

Интересную черту Анатоміи Мондини составляютъ физиологическія и патолого-хирургическія замѣтки, которыя онъ попутно дѣлаетъ по поводу

¹⁾ Ср. Haeser, I, 741—743.

каждой полости или описываемаго органа. Такъ, каждому мускулу онъ приписываетъ особенную, ему одному свойственную силу; симпатію между различными органами онъ объясняетъ общностью кровеносныхъ сосудовъ; въ мозгу онъ принимаетъ существованіе маленькихъ полостей, изъ каждой каждая представляетъ мѣстопробываніе какой-нибудь отдѣльной способности души и т. д. ¹⁾.

По поводу брюшины онъ описываетъ способъ операціи *парацентеза*: разръзъ брюшинныхъ стѣнокъ дѣлается ножницами или бритвой, послѣ предварительнаго отодвиганія кожи въ сторону, но не по срединѣ бѣлой линіи живота, гдѣ легче повредить волокна и вызвать судороги, а сбоку, послѣ чего вставляется трубочка ²⁾. *Проникающія раны* живота съ выпаденіемъ салъника и кишокъ вообще мало опасны; въ крайнемъ случаѣ, съ цѣлью облегчить вправленіе выпавшихъ частей, можно расширить рану. Весьма точно Мондини опасиваетъ старый способъ соединенія кишечныхъ ранъ большими муравьями, головки которыхъ, по соединеніи ими краевъ раны, отрываются. Съ такою же тщательностью онъ излагаетъ послѣдовательное соединеніе краевъ раны живота, удающееся, согласно М. только при старательномъ сшиваніи краевъ брюшины съ мясистыми частями, почему кровавые швы должны попеременно захватывать на одной сторонѣ всю брюшную стѣнку, а на другой только кожу и мускулы. При описаніи толстой кишки (*colon*, отъ *collis* или *cellis*) М. даетъ дифференціальную діагностику между настоящей и почечной коликой; на лѣвой сторонѣ, вслѣдствіе большей легкости опороженія прямой кишки, кишечная колика не такъ опасна, какъ на правой (намекъ на тифлитъ и перитифлитъ). При описаніи грудныхъ органовъ подробно описываются пневмонія и „*pleuritis vera et non vera*“. При изложеніи глаза прибавлено краткое описаніе *катаракты*, которую слѣдуетъ оперировать раздавленіемъ, а не „опасной“ экстракціей ³⁾.

Изъ сказаннаго видно, что *Анатомія* Мондини, хотя и составляетъ крупный фактъ въ исторіи развитія медицины, такъ какъ онъ несомѣнно вскрывалъ человѣческіе трупы и со временъ александрійцевъ не появилось подобнаго сочиненія, но значеніе его, какъ „предтечи великихъ анатомовъ“, выступившихъ двѣсти лѣтъ спустя, много преувеличено. Онъ не только не сдѣлалъ никакихъ открытій въ области анатоміи, но даже мало извлекъ пользы изъ своихъ вскрытій, какъ доказываютъ его описанія не только женскихъ половыхъ органовъ, изучить которые онъ имѣлъ полную возможность при упомянутыхъ выше вскрытіяхъ, но и другихъ частей тѣла, какъ напр. печени, сердца, мозга или легкихъ. „Предразсудки массы, мѣтко замѣчаетъ по этому поводу *Da gemberg*, еще не настолько закоренѣлы, насколько живуча рутинна ученыхъ. Такъ *Mondinus* придерживается еще дѣлений *салернитанца Кофона*, вскрывавшаго свиней; онъ не пользуется указаніями природы, а слишкомъ часто оставляетъ ее, чтобы слѣдовать за *Галеномъ* или арабами... Женскіе органы, несмотря на анатомі-

¹⁾ Ср. *Sprengel*, II, 565.

²⁾ Тамъ же и *Naeser*, I, 739 и слѣд.

³⁾ Тамъ же и 741, 743.

рованіе двухъ женщинъ въ 1815 г., онъ описываетъ по животнымъ, по образцу пергамскаго врача¹⁾.

Вообще анатомія въ XIV в. еще строго-арабская и галеновская и даже хирурги въ родѣ Guy de Chauliac'a не составляютъ исключенія. И пройдетъ еще два столѣтія, пока появятся великіе анатомы, которые осмѣлятся сбросить иго Галена и толкнуть медицину на путь свободнаго изслѣдованія.

Со временъ Мондини постановлено было: во всѣхъ университетахъ производить ежегодно одно или два публичныхъ вскрытія человѣческихъ тѣлъ, на которыя, естественно, имѣлъ свободный доступъ и ректоръ, дававшій разрѣшеніе (licentia) на эти вскрытія и имѣвшій право разъ въ годъ приглашать какого-либо гостя.

Самое вскрытіе производилось крайне грубымъ, первобытнымъ способомъ, а именно, какимъ нибудь цирюльничьимъ подмастерьемъ при помощи ножицъ или бритвы, причемъ профессоръ читалъ объясненія предлагаемыхъ вскрываемыхъ частей по Мондини или другому подобному компендію²⁾. За право присутствовать при вскрытіяхъ студенты должны были брать на свой счетъ торжественныя похороны (не больше 16 болонскихъ фунтовъ при вскрытіи мужскаго и 20 ф. при вскрытіи женскаго трупа), причемъ въ печальной процессіи должны были участвовать и наставникъ, и слушатели. Профессоръ, демонстрировавшій на трупѣ анатомію, получалъ 100 solidi. Доставка труповъ лежала на обязанности судовъ, коимъ въ Болоньѣ, постановленіемъ 1442 г., предписывалось ежегодно выдавать для секцій 1 мужскій и 1 женскій, а за неимѣніемъ послѣдняго, два мужскихъ трупа³⁾.

Изъ учениковъ Мондини извѣстны:

Nicolaus Bertrucci s. Bertutius (уменьшительное отъ Alberti, ум. въ 1342 или 1347 г. отъ черной смерти), изъ Ломбардіи, учитель Guy de Chauliac'a и профессоръ въ Болоньѣ. Онъ составилъ компендіи подъ заглавіемъ:

1) *Collectorium artis medicae tam practicae quam speculativae* (Lugd. 1509 и т. д., Colon. 1537). По его собственному признанію, онъ не прибавилъ ничего своего: „*nihil proprii ponens, sed quod expertum est et ab expertis traditum pro posse lucidius exarabo*“. Онъ слѣдуетъ порядку, принятому Авиценной: при болѣзняхъ каждаго органа сначала приводитъ *анатомическія данныя*, затѣмъ раціональный и эмпирическій методы, послѣ того *symptomes*, наконецъ прогностику. Изъ его анатомическихъ замѣтокъ видно, что онъ дѣлалъ самостоятельныя изслѣдованія и наблюденія. Сверхъ того онъ оставилъ:

2) *De regimine diaetae* (Argentor. 1534); кромѣ популярной медицины не содержитъ ничего существеннаго⁴⁾.

Онъ объяснялъ всю анатомію въ 4 лекціи: въ первую—„*membra nutritiva*“ (кишечный каналъ), во вторую—„*spiritualia*“ (мозгъ и нервы), въ третью—„*animalia*“ (печень, сердце, сосуды), въ четвертую—мускулы и кости.

¹⁾ Ср. D a r e m b e r g, l. c., I, 303.

²⁾ Guy de Chauliac, l. c. f. 1, b. Ср. Sprengel, II, 565, 566.

³⁾ C o r r a d i l. c. въ прибавленіи. Ср. H a e s e r, I, 745. Такія же постановленія имѣлись и для Падуи, Феррары и Пизы. Весьма вѣроятно, что порой вскрывались и не судебныя трупы.

⁴⁾ Тамъ же, 734 и Sprengel, II, 536.

Pietro di Argelata (della Cerlata, † 1428), значительный хирургъ начала XV в., извѣстенъ въ анатоміи только тѣмъ, что набальзамировалъ тѣло Александра V (ср. его *Chirurg.* V, fr. 12, с. 3).

Alexander Achilini (1463—1525), проф. въ Болоньѣ, оставилъ *Анатомическія замѣтки* къ Мондини и извѣстенъ описаніемъ лабиринта, патетического (п. trochlearis) и обонятельныхъ нервовъ, а также 7 плюсневыхъ костей.

Gabriel de Zerbi (1468—1505), проф. въ Падуѣ и Римѣ, вслѣдствіе кражи (трупа?) долженъ былъ бѣжать и, попавъ въ какому-то пашѣ, умеръ ужасной смертью, а именно, былъ живъемъ распиленъ рабомъ послѣдняго! ¹⁾

Zerbi, извѣстный одинаково какъ философъ и какъ врачъ, не болѣе Мондини можетъ похвалиться, что производилъ настоящія анатомическія секціи.

Обыкновенно ограничивались вскрытіемъ полостей, прослѣживали, ни слишкомъ далеко, ни слишкомъ точно, нѣсколько сосудовъ и нервовъ; все описывалось согласно Авенценнѣ, не разбирая, что текстъ не всегда соответствовалъ дѣйствительной природѣ вещей. То были не секціи въ полномъ смыслѣ слова, какъ у Галена или Вессала (въ XVI в.), а какое-то постоянное и ничѣмъ неискоренимое смѣшеніе человѣческой и животной анатоміи. Вотъ образецъ манеры разсужденій анатомовъ XV в.: предсердія (partes pelliculares), какъ для Мондини, такъ и для Zerbi, представляютъ запасные отводы для крови, если она переполняетъ правый желудочекъ, и для рпеума, если его черезчуръ много въ лѣвомъ желудочкѣ. Но почему въ такомъ случаѣ сердце не устроено болѣе широкихъ раздѣловъ? Потому, что разсѣяніе рпеума ослабило бы послѣднее, и вотъ доказательство: животныя, имѣющія большіе сердечные желудочки, трусливы! Къ тому же переполненіе сердца кровью или рпеума бываетъ только случайно и не всегда, такъ что сердце чаще всего напрасно было бы увеличено! И это говорилось въ эпоху, когда, по словамъ Zerbi, анатомія считалась *альфой и омегой медицины*. Эти и подобныя телеологическія разсужденія и грубыя ошибки нѣсколько выкупаются историческими деталями, въ которые входитъ Zerbi, о способахъ препаровки труповъ, различіемъ связокъ, сухожилій и нервовъ, нѣсколькими довольно опередившими свой вѣкъ взглядами на анатомію тканей и исторію развитія отдѣльныхъ частей организма, на пользу мышечныхъ влагалищъ и на важное значеніе изученія анатоміи для медицины и хирургіи и т. д.

Изъ книги Zerbi, какъ и изъ нѣмецкихъ рисунковъ XVI в., тоже видно, что передъ трупомъ, который цирюльникъ вскрывалъ чудовищной бритвой на скамьѣ, профессоръ на кафедрѣ читалъ подходящія мѣста изъ учебника (Мондини) и тутъ же объяснялъ самый текстъ ²⁾.

Немало способствовалъ успѣхамъ анатоміи

Marc Antonio de la Torre (1473—1506), но не сочиненіями по анатоміи, конхъ онъ не оставилъ, а импульсомъ, сообщеннымъ имъ этой наукѣ какъ постройкой анатомическаго театра въ Павіи, такъ и приготовленіемъ анатомическихъ препаратовъ и рисунковъ для живописца Leonardo da Vinci (1452—1515) ³⁾. Сюда же относится

¹⁾ Ср. Вааъ, l. с., 238.

²⁾ Ср. Daremberg, I, 320 и Choulant, *Geschichte der anatomischen Abbildungen*, Leipzig, 1852, 21, 31.

³⁾ Ср. Daremberg, l. с., и Marx, *Ueber M. A. de la Torre*, Göttingen, 1849.

Alexander Benedetti († 1525), оставивший:

Anatomia s. historia corporis humani, Paris, 1514.

Во Франціи, какъ сказано, анатомическія секціи начались только съ 1376 г., когда намѣстникъ короля Карла V, герцогъ Анжуйскій, разрѣшилъ медицинскому факультету въ Монпелье вскрывать трупы казненныхъ. Въ Парижѣ, однако только хирурги занимались вскрытіями, вызывавшими немало упрековъ со стороны врачей¹⁾.

Въ Германіи человѣческія трупы впервые были вскрыты повидному въ Прагѣ, тогдѣшнѣмъ открытіемъ университета въ 1348 г. Въ Вѣнѣ первый сталъ объяснять анатомію на трупахъ упомянутый выше Galeazzo de Santa Sofia (въ 1404 г.), но въ преподаваніе ее ввелъ только въ 1433 г. I. Riegel. Интересно, что съ 1404 по 1498 г., слѣдовательно почти за цѣлое столѣтіе, произведено только 9 вскрытій!

Въ Тибургенѣ право вскрывать трупы было даровано только въ 1482 г. (папою Сикстомъ IV), въ Грейфсвальдѣ—только 200 лѣтъ спустя послѣ основанія университета²⁾.

Изъ нѣмецкихъ анатомовъ конца XV в. извѣстны: Johannes Pœylik, въ Лейпцигѣ; Magnus Hundt изъ Магдебурга, проф. въ Лейпцигѣ, оставившій „*Anthropologium*“ съ рисунками на деревѣ, и Laurentius Phryesen (Friesen), врачъ въ Кольмарѣ и Менѣ, который, по предложенію страсбургскаго врача Wendelin Hack'a, помѣстилъ снятыя съ натурн рисунки на деревѣ въ своей книгѣ „*Spiegel der Artzney*“³⁾.

Наконецъ анатомію разрабатывали многіе изъ хирурговъ, о коихъ рѣчь впереди.

Хирургія.

Отдѣленіе хирургіи отъ медицины, начавшееся со временъ alexandрийцевъ, стало еще рѣзче въ римскій періодъ и въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ. Стыдно сказать, люди занимавшіеся этой столь важною отраслью медицины, въ теченіе многихъ столѣтій выходили не изъ университетскихъ аудиторій, а изъ скромныхъ мастерскихъ невѣжественнаго, но зато опытнаго низшаго персонала хирурговъ-цирюльниковъ (*chirurgi vulgares, chirurgiens de la courte robe*), ничего общаго съ наукой не имѣющихъ. Дѣло дошло до того, что не только врачи брезгали лично пускать кровь, но бакалавры медицины должны были даже присягать, что не будутъ дѣлать хирургическихъ операцій. Причину этого печальнаго явленія Guy de Chauliac видитъ въ лѣности, изнѣженности и обремененія врачей слишкомъ большою практикой:

„*Lascivia seu mollities seu occupatio medicorum apud aegrotos nimia*“.

Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ ли крестовыхъ походовъ и сопряженныхъ съ ними тяжелыхъ раненій, впервые леченныхъ въ Салерно, отъ

¹⁾ Astruc, *Histoire de la faculté de Montpellier*, p. XIV и Burggraeve, *Études sur Vésale*, Gand, 1841, p. 19. Ср. Haeser, I, 745.

²⁾ Тамъ же, 746.

³⁾ Ср. Vaas, l. c., 238, 239.

возстановленія ли анатоміи, или отъ наступившей частоты огнестрѣльныхъ ранъ, считавшихся отравленными, а можетъ быть, благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, вмѣстѣ взятымъ, какъ бы то ни было, но въ періодъ схоластики и совершенно независимо отъ нея и вопреки ей, опираясь тольکو на трезвыя наблюденія, хирургія значительно подвинулась впередъ, хотя отчасти находилась еще и въ рукахъ духовенства и необразованнаго класса низшаго хирургическаго персонала. Операциі стали снова дѣлать по правиламъ искусства, почти пришедшимъ въ забвеніе со временъ александрійской школы. Спорили только о томъ, какія средства лучше для веденія леченія: *размягчающія* ткани, по Гиппократу, въ видѣ припарокъ (Салерно), *вызывающія сухость*, по Галену, въ видѣ спиртныхъ настоекъ (Болонья), или же *мази* (Saliceto, Lanfranchi). Широко примѣнялось и раскаленное желѣзо. Подобно анатоміи, первые успѣхи хирургія сдѣлала въ Италіи, затѣмъ уже во Франціи, гдѣ съ упадкомъ итальянской хирургіи (въ XIV в.), она получаетъ перевѣсъ. Въ то же время появляются хирурги въ Бельгіи и Англии и только сто лѣтъ спустя—въ Германіи.

Италія. О хирургіи въ Салерно, въ лицѣ ея представителей, Roger'a и Roland'a изъ Пармы, рѣчь была уже выше ¹⁾. Трактатъ Roger'a долгое время служилъ закономъ для всей Италіи; ему приписываютъ первое примѣненіе морской губки (содержащей іодъ) при золотухѣ. Его ученикъ и комментаторъ Роландъ совѣтовалъ *вырѣзываніе шанкра*, вошедшее вновь въ употребленіе только въ послѣдніа десятилѣтія, а также, *вылущеніе* золотушныхъ опухолей и зоба предпочтительно передъ внутренними средствами ²⁾. Нѣкоторые проблески хирургіи замѣтны даже у схоластикова, какъ напр. у Петра Абано, у котораго, какъ мы видѣли, есть замѣтки и о примѣненіи *раскаленнаго желѣза* (предпочтительно передъ золотымъ каутеріемъ), *паранциптеза* и *горлостеченія* ³⁾.

Къ хирургамъ болонской школы относится:

Hugo Borgognone a Lussa (практиковалъ около 1214—1252 г.).

Онъ считается основателемъ хирургической школы въ Болоньѣ, куда былъ приглашенъ въ 1214 г. не въ качествѣ преподавателя, а для подаванія медицинской и хирургической помощи, и притомъ не на жалованьи, а за единовременное пособіе въ 600 ляръ, съ обязательствомъ 6 или 8 мѣсяцевъ въ году жить въ Болоньѣ, а во время войны сопровождать войско безвозмездно въ качествѣ хирурга, что онъ и исполнилъ во время крестоваго похода 1218 г., а также участвовалъ въ осадѣ Даміетты (1220 г.). Въ 1249 г. онъ еще жилъ въ качествѣ судебного врача въ Болоньѣ, гдѣ обязанъ былъ подъ присягой подавать согласное съ истиной мнѣніе на предлагаемые подестой вопросы—одинъ изъ стариннѣйшихъ фактовъ, судебной медицины въ средніе вѣка.

¹⁾ См. выше, 396.

²⁾ Ср. Bouchut, *Histoire de la médecine*, II, 501.

³⁾ См. выше, 418.

Освободивъ его отъ ношенія оружія, его однако обязывали имѣть всегда съ собой инструменты „et id quod per civitatem secum ferre pro infirmis solent“. Кромѣ хирургіи, Hugo занимался также химіей и былъ первымъ, изобрѣвшій способъ возгонки мышьяка. Онъ умеръ между 1252—1258, ста лѣтъ отъ роду (такой долгій вѣкъ была наследственный въ его семействѣ), оставивъ пять сыновей, изъ коихъ трое были врачами; изъ нихъ старшій,

Teodorico Borgognone (1205—1298),

учился въ Болоньѣ, въ 1280 г. поступилъ въ орденъ проповѣдниковъ и въ слѣдствіи произведенъ въ епископа въ Bitonti и Cervia, но больше жилъ въ Лусса и Болоньѣ и занимался практикой. Ему отецъ только передъ смертью открылъ одно изъ употребительныхъ имъ специфическихъ асана, состоявшее изъ rad. et fol. pilosellae, pimpinella, saurophyllata, gentiana et valeriana („pulvis mirabilis Hugonis“).

Самъ Hugo повидимому сочиненій не оставилъ, но сынъ его Теодорихъ составилъ оконченное имъ въ 1266 г. сочиненіе:

Chirurgia (Venet. 1498 и въ *Collectio chirurgica Veneta*), гдѣ говорятъ объ отцѣ:

„Praedictus tamen vir mirabilis, magister Hugo, omnia fere vulnera cum solo vino, et sturpa et ligatura decenti, quam optime facere noverat, sanabat, consolidabat et pulcherrime cicatrices sine unguento aliquo inducebat“¹⁾. Кромѣ того отъ него сохранились рукописи: *De sublimatione arsenici* (вѣроятно по наставленію отца), *Tractatus de aluminibus et salibus*, *Mulomedicina* (по прежнимъ сочиненіямъ) и *De cura accipitrum*²⁾.

Вообще Теодорихъ большой поклонникъ первичнаго соединенія ранъ и леченія ихъ высушивающими средствами и считается первымъ, описавшимъ слякотеченіе вслѣдствіе втираній ртутной мази при кожныхъ болѣзняхъ. При переломахъ и вывихахъ, вмѣсто употребительныхъ машинъ, онъ примѣнялъ обыкновенные платки. Интересно, что Теодорихъ вступается за честь отца по поводу слѣдующаго случая, описываемаго Роландомъ:

„Послѣдній былъ приглашенъ къ одному знатному болонскому господину на 5 или 6 день по полученіи имъ поврежденія, причежь нашель, что въ ранѣ торчатъ кусокъ легкаго. Искуснѣйшіе хирурги Болоньи, позваніе къ больному, оставили больного, какъ почти осужденнаго на смерть. По желанію родственниковъ и съ разрѣшенія епископа и друзей больного, онъ, въ присутствіи почти 30 окружающихъ, отрѣзалъ торчавшій кусокъ гегкаго и часть самой раны, величиной въ ноготь мизинца, а рану затѣмъ пользовалъ стущающимъ краснымъ порошкомъ (pulvis rubens consolidans). Рана зажила и больной долгое время спустя ѣздилъ на богомолье въ Іерусалимъ.

Но Теодорихъ оспариваетъ справедливость этого сообщенія, утверждая, что операція сдѣлана его отцомъ, „магистромъ“ Hugo, Роландъ же только присутствовалъ при этомъ, и потому „только рядится въ чужія перья“, выдавая эту операцію за свою³⁾. Гораздо выше предыдущихъ стоитъ

Bruno или Longoburgo въ Калабріи (ок. 1252 г.), изъ жизни котораго извѣстно только то, что онъ учился въ Салерно и въ слѣдствіи практиковалъ въ Падуѣ и Веронѣ. Онъ оставилъ:

¹⁾ Theodorich, *Chirurgia*, l. I, c. 2, l. IV, c. 8. Ср. Henschel, *Wundärzte in XIII u. XIV Jahrhundert*, въ *Janus*, II, 134—136.

²⁾ Sarti, *De clar. Archigymnasii Bononiensis professoribus*. Bonon. 1769, T. II, P. II, 450—457. Ср. Henschel, l. c., 139—142. ³⁾ Тамъ же, 137. 14

1) *Chirurgia magna*, появилась въ 1252 г. и посвящена Andreas'у изъ Вишони, жившему въ Падуѣ. Изд. Venet. 1519 (вмѣстѣ съ Gay de Chauliac'омъ) и въ *Collectio chirurgica Veneta*, 1546. Рукописи въ Мюнхенѣ и Лейпцигѣ. Есть и переводы на еврейскій языкъ. 2) *Chirurgia parva* (всего 6 страницъ, въ *Collectio chirurgica Veneta* 1499 и вмѣстѣ съ *Chirurgia magna*). Посвящена Lazarus'у изъ Падуи и налагаетъ хирургию для послѣдняго въ болѣе сжатомъ видѣ.

Его *Chirurgia magna*, по его собственному признанію, представляетъ антологию греческихъ (Гиппократъ, Галенъ) и арабскихъ писателей (Равезъ, Абулказисъ), но здѣсь есть и множество наблюденій изъ собственнаго многолѣтняго опыта. Интересно, что воспроизводя, весьма часто буквально, текстъ Абулказиса, Бруно говоритъ объ операціяхъ послѣдняго, какъ о своихъ собственныхъ („operatio mea“), точь въ точь какъ Абулказисъ это дѣлаетъ по отношенію къ Павлу Эгинскому. Dagesberg находитъ, что во главѣ о *мазняхъ болѣзняхъ* нѣтъ почти ни одной строчки, принадлежащей Бруно и что главы объ общихъ вопросахъ хирургіи онъ заимствовалъ у Авиценны, Ali Abbas'a и Галена по латинскимъ переводамъ, а спеціальныя главы — цѣликомъ у Абулказиса¹⁾.

Въ своей *Хирургіи* Бруно еще разъ указываетъ на предоставленіе врачами его времени насѣчекъ и кровопусканій цирюльникамъ, что еще болѣе увеличивало пропасть между медициной и хирургіей: „irragum operationem noluerunt medici propter imdecensiam exercere, sed illas barbarorum in manus reliquerunt“. Интересно еще его предостереженіе—не браться изъ жалости за вещи, которыхъ не знаешь: „non cupiditas inducat te ad illud apud quod est ignorantia tua“. Отсюда и его совѣтъ: „dimitte aegritudines terribiles, in quibus non est fiducia sanitatis“²⁾.

Самымъ оригинальнымъ и важнѣйшимъ хирургомъ XIII в. былъ

Guilielmus de Saliceto, Magister Placentinus, или Guilielmo Salicetti, родомъ изъ Пiacенцы (около 1269—1280), ученикъ Buono di Garbo³⁾ и учитель Ланфранка. Съ достовѣрностью неизвѣстно, былъ ли онъ духовнаго званія, какъ можно бы заключить изъ его предостереженія врачей отъ слишкомъ близкихъ сношеній съ мірянами. Послѣднее десятилѣтіе своей жизни онъ практиковалъ отчасти въ Болоньѣ (по Sarti съ 1269 по 1274 г.), гдѣ свирѣпствовала какая-то эпидемическая болѣзнь,—отчасти въ Веронѣ, куда переселился въ 1275 г. въ качествѣ врача общины на жалованьи. Здѣсь въ 1276 г., онъ окончилъ свою, начатую еще 4 года назадъ, *Хирургію*, написанную имъ для своего сына Bernardinus'a и по настоянію аббата Rufino въ St. Ambrosio въ Пiacенцѣ⁴⁾. Еще ранѣе онъ составилъ сочиненіе о медицинѣ вообще, подъ заглавіемъ:

¹⁾ Тамъ же, 138, 139 и Dagesberg, I, 284.

²⁾ Henschel, l. c., 139.

³⁾ Отца Dino di Garbo.

⁴⁾ Тамъ же, 142, 143.

1) *Liber in scientia medicinali et specialiter perfectis qui Summa conservationis et curationis appellatur*, Placentiae (Placenza), 1476, Venet. 1499 (вмѣстѣ съ *Cyurgia*), Leipzig. 1495. 2) *Cyurgia*, отдѣльно: Placentiae, 1476, Venet. 1502; французскій переводъ: Lyon, 1492, 1566. Извлеченіе: Grambilla, *Geschichte von der den berühmtesten Männern Italiens gemachten Entdeckungen etc.*, aus dem Italienischen, Wien, 1788.

Изъ пояснительныхъ статей одна, очень рѣзкая, въ Dezeimeris, *Dictionnaire historique de la médecine*, 1835, Т. II, р. 657 и другая, болѣе справедливая, въ Bergstein, *Geschichte der Chirurgie*, 1822, I, 107.

Guyl de Chauliac называетъ Вильгельма Салицето „*valens homo*“ и говоритъ, что послѣ грековъ (Гиппократъ, Галена, Павла Эгинскаго) и арабовъ (Равеса и Авиценны) никто до появленія его „*Summa conservationis et curationis*“ не написалъ ничего, достойнаго похвалы въ медицинѣ. И дѣйствительно, Салицето былъ высокообразованный и ученый врачъ, близко знакомый со всѣми отраслями медицинской науки и медицинскаго опыта.

Summa состоитъ изъ введенія, трактующаго о „врачебной политикѣ“ (этикѣ?), 5 книгъ, разсматривающихъ мѣстныя болѣзни, лихорадки, косметику, яды и лекарственныя вещества и содержащихъ множество исторій болѣзней. Въ особенности интересны главы о меланхоли и „*durities testis*“ (Брайтова болѣзнь), которую Saliceto разсматриваетъ какъ причину водянки¹⁾. Между прочимъ имъ впервые описана *crusta lactea*, которую онъ, вопреки мнѣнію его современниковъ, признавалъ безопасной болѣзнію; точно также онъ одинъ изъ первыхъ упоминаетъ о *заразномъ происхожденіи сифилиса и bubona* (*apostema inguinis*) вслѣдствіе половыхъ сношеній („*coitus cum foetida muliere aut cum meretrice*“)²⁾.

Еще большаго вниманія заслуживаетъ его *Хирургія*, которая состоитъ изъ 5 книгъ и въ которой онъ задался цѣлью возстановить сліяніе хирургіи съ медициной, причемъ признаетъ, что хирургіи нельзя научиться изъ книгъ и что для этого необходимы долгое упражненіе и опытъ. Guyl de Chauliac указываетъ на него и Ланфранка, какъ на основателей *третьей* школы хирурговъ, „*qui procurabant omnia vulnera cum unguentis et emplastris dulcibus*“ (изъ другихъ двухъ школъ, какъ мы видѣли, одна пользовала раны смягчительными, т. е. припарками, другая сушащими средствами)³⁾.

Въ то же время его, подобно Теодориху и Бруно, слѣдуетъ считать однимъ изъ первыхъ итальянскихъ хирурговъ, которые вмѣсто раскаленнаго желѣза арабовъ стали смѣлѣе браться за ножъ, напр. при стрѣльныхъ ранахъ на головѣ, при эмпиемѣ.

Вообще у него замѣтно много самостоятельности въ пониманіи и способахъ леченія хирургическихъ болѣзней, напр. при лиотоміи, операціи *sarcosele* и т. д., въ оцѣнкѣ опасности раненій различныхъ областей тѣла, напр. шея, въ изслѣдованіи причинъ, замед-

¹⁾ Ср Н. Haeser, *Ueber die Spuren einer Kenntniss der Brightischen Krankheit bei den Aerzten des Mittelalters*, въ *Janus*, III, 371 и слѣд.

²⁾ Littre, *Bemerkungen über die Syphilis des XIII Jahrhunderts* (nach dem französischen Originalmanuscripte), въ *Janus*, I. 588, 589.

³⁾ См. выше стр. 456.

ляющихъ заживленіе ранъ, въ діагностикѣ наривовъ плечеваго и тазобедреннаго составовъ. Во второй книгѣ есть интересныя замѣчанія о проникающихъ ранахъ груди и кишечника (с. 12—15). Третья книга рассматриваетъ переломы, четвертая—анатомію, пятая—прижигатели¹⁾.

Изъ итальянскихъ хирурговъ XIV в. извѣстны: упомянутый выше, въ отдѣлѣ *Анатоміи*,

Petrus ab Argelata (Pietro de la Cerlata), ученикъ Guy de Chauliac'a, жившій еще въ 1410 г., профессоръ въ Болоньѣ, много предоставившій силамъ природы и придерживавшійся высушивающаго метода. Онъ оставилъ: *Chirurgiae libri VI* (Venet. 1480 и т. д.).

При застарѣлыхъ язвахъ голени онъ прижигалъ давящія повязки, при ангиомахъ—прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ; избѣгалъ нервнаго шва и вырванія зубовъ, выпаденія кожныхъ старался достигать прикладываніемъ масляныхъ дрожжей и аврипигмента, много занимался косметикой (выравниваніемъ кудрявыхъ волосъ, украшеніемъ ногтей), но зато смѣло производилъ вылуценіе затвердѣлыхъ ячечекъ и оперировалъ заднепроходныя свищи. Онъ упоминаетъ о смертельномъ вхожденіи воздуха въ v. jugularis и былъ одинъ изъ первыхъ хирурговъ, послѣ древнихъ, рѣшившійся снова прибѣгать къ акушерскимъ операціямъ (прободеніе головки и извлеченіе), однако поврежденія головы онъ лечилъ порошкомъ для ранъ и—чтеніемъ *Отче нашъ*²⁾. С и ф и л и с ѣ, повидимому, былъ извѣстенъ и ему. Ученикъ Pietro d'Argelata,

Marcello Cusano, изъ Венеціи, пріобрѣвшій богатый хирургическій опытъ въ походѣ въ Морею, обнародовалъ:

Vadetesim. Рукопись открыта только въ 1650 г. во Франціи Bumler'омъ, появилась въ печати въ Welsch, *Sylloge curationum et observationum medicinalium*, Aug. Vind. 1668. По мнѣнію de Renzi³⁾, это первое сочиненіе, трактующее объ *оместрельныхъ* ранахъ, которыя Cusanus не считалъ отравленными, какъ полагали прежде, и перевязывалъ только теплымъ масломъ, для облегченія болей. Кромѣ того у него есть интересныя данныя о с и ф и л и с ѣ.

Сюда относятся также приведенные выше:

Antonio Guaineri, упоминающій о бужн для мочеваго канала⁴⁾.

Nicolaus Bertrucci, рекомендовавшій прободеніе оболочекъ яйца и описывающій полный зондъ, снабженный внутри желѣзнымъ мандреномъ либо толстой виткой⁵⁾.

Bartolomeo Montagnana, оперировавшій слезныя свищи и извлекавшій больныя зубы;

Giovanni d'Arcoli (Joh. Arculanus, Herculanus, см. выше стр. 425), сторонникъ арабовъ и слѣдовательно раскаленнаго желѣза. Онъ пломбировавъ зубы золотомъ и пытался извлекать желѣзные осколки изъ глаза съ помощью притягательной силы натертаго янтара. Онъ извѣстенъ также описаніемъ *строенія мозга и 30 паръ спинно-мозговыхъ нервовъ*⁶⁾.

¹⁾ Ср. Henschel, I. с. 142—144 и Haeser, I, 762, 763.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 592—595.

³⁾ De Renzi, Storia della medicina in Italia, III, 655. Ср. Haeser, I, 786.

⁴⁾ Въ сочиненіи *De calculosa passione*, 1516.

⁵⁾ Ср. Dargemberg, I, 295. ⁶⁾ Ваас, I. с. 241, 242.

Далѣ, изъ итальянскихъ хирурговъ XV в. извѣстны:

Leonardo Bertapaglia († 1460), профъ въ Падуѣ. Онъ оставилъ:

Chirurgia v. Recollectae super quartum Avicennae (Venet. 1498),—сочиненіе, основанное повидному на лекціяхъ и обнаруживающее вездѣ богатый опытъ, какъ доказываетъ описаніе перевязки кровоточащихъ сосудовъ, причеиъ рѣчь заходитъ также о проколѣ ихъ (въ главѣ *De vulneribus*, с. 20). Онъ также вскрывалъ человѣческіе трупы¹⁾.

Durante Scacchi, изъ семейства греко-итальянскихъ хирурговъ; издревле поселившихся въ Калабрин, въ городѣ Norgia, на берегу морскаго залива Santa Eufemia и въ окрестностяхъ, особенно въ замкѣ delle Preci (откуда ихъ названіе—nurgiani s. preciani), оставилъ:

Subsidium medicinae, in quo quantum docta manus praestet ad immanes morbos evellendos mirum in modum elucescit, auctore Domine Durante Scacchio, *Prec. cive, Fabrianensi chirurgo atque physico expertissimo*, Urbini, 1596.

Въ упомянутомъ городѣ Norgia, „въ области древняго Кротона, говоритъ Haeser, гдѣ и понинѣ въ домашнемъ обиходѣ—греческій языкъ и греческіе нравы, съ незапамятныхъ временъ живетъ 27 семействъ, занимающихся преимущественно радикальными операціями грижесѣченія, камнесѣченія, снятія катаракты и разширенія суженій мочеиспускательнаго канала“. По мнѣнію Haeser'а, эти хирурги—прямые потомки древнихъ выходцевъ изъ Эмира. Между ними не мало невѣжественныхъ искателей приключеній, но изъ ихъ среды вышли также и образованные врачи и хирурги, изъ коихъ многіе слыли официальными литотомами и окулистами въ Италіи, Грацѣ и Инсбрукѣ. Нѣкоторые изъ нихъ служили врачами при дворахъ правителей, такъ напр. въ XIV в.—одинъ изъ членовъ семьи Scacchi былъ лейбъ-медикомъ при французскомъ дворѣ, въ XV в.—Benedetto Reguardato, изъ Norgia, былъ профессоромъ въ Перуджии и затѣиъ лейбъ-медикомъ при папѣ Сикстѣ IV и при герцогѣ миланскомъ, Франческо Сфорца. Онъ оставилъ: *De pestilentia* (Mediolani, 1470) и *De conservacione sanitatis* (Romae, 1475)²⁾. Но самая главная заслуга этихъ калабрійцевъ заключается въ томъ, что они сохранили, хотя и какъ семейную тайну, и значительно усовершенствовали

Пластическія операціи. Какъ извѣстно, объ этихъ операціяхъ рѣчь идетъ въ памятникахъ индійской медицины, у Цельса и отчасти у византійцевъ. Въ Италію онѣ проникли вѣроятно отъ арабовъ вмѣстѣ съ отрываніемъ, въ видѣ наказанія, носовъ и ушей. Впервые онѣ были испытаны здѣсь, въ довольно грубой формѣ, специалистами-хирургами, извѣстіе о коихъ сохранилось у неаполитанскаго историографа Bart. Facio († 1457)³⁾. Онъ именно рассказываетъ, что

Vranca-отецъ, изъ Катанеи въ Сициліи, изобрѣлъ („inventor fuit“) операцію для возмѣщенія дефектовъ носа пересадкой лоскута здоровой кожи со лба и щеки. Сынъ его,

Antonio Vranca, во избѣжаніе обезображенія лица, бралъ лоскутъ съ кожи плеча (secto lacerto), оставляя мостики изъ мягкихъ частей и сосудовъ, причеиъ рука привязан-

¹⁾ Ср. Sprengel, II, 632 и Haeser, I, 786.

²⁾ Тамъ же и 787.

³⁾ Bart. Facius, *De viris illustribus liber*. Florent 1745.

валась къ лицу и удерживалась въ этомъ положеніи до наступленія сращенія (около 15—20 дней), послѣ чего мостыкъ перерывался и изъ освѣженнаго лоскута выкраивались носдри. Эту операцію онъ примѣнялъ какъ для ринопластики, такъ и для возмѣщенія губы и ушей¹⁾. Впоследствии это „изобрѣтеніе“ отъ учениковъ Антоніо Бранки перешло въ семью

Vicenzo Viano (Vojanus, ок. 1500 г.), изъ Тропезъ, въ Калабріи (отсюда названіе этой операціи: „*magia Tropaensium*“); отъ него обладаніе тайной перешло къ племяннику его, Bernardino, и къ сыну послѣдняго, Pietro²⁾.

Въ описываемую эпоху обращаютъ на себя вниманіе еще два итальянскихъ хирурга, которые подъ влияніемъ полученнаго ими греческаго образованія и болѣе утонченнаго вкуса записывали свои наблюденія въ болѣе изящной формѣ, чѣмъ то дѣлалось со временъ Авензоара. Изъ нихъ

Antonio Beniveni († 1503), врачъ изъ Флоренціи, оставилъ:

De abditis novellis et mirandis morborum et sanationum causis. Изд. послѣ его смерти братомъ его Геронимомъ (Florentiae, 1506, Basil. 1529, Lugd. 1585 и вмѣстѣ съ другими изданіями, напр. Цельсия, Paris, 1529).

Онъ рекомендовалъ парацентезъ пупка при водянкѣ (на основаніи видѣннаго имъ подобнаго случая самопроизвольнаго излеченія), удалялъ мочевые камни у женщинъ послѣ предварительнаго расширенія мочевого канала, дѣлалъ бронхотомію, оперировалъ катаракту и одинъ изъ первыхъ сталъ снова дѣлать поворотъ на ножки, писалъ о патологической анатоміи („о скрытыхъ причинахъ болѣзней“) и собралъ богатую казуистику.

Alexander Benedetti (Benedictus изъ Legnano, въ Ломбардіи, † 1525), съ 1490 г. практиковалъ на о. Кандіи и въ Моретѣ, съ 1493 г. профессоръ въ Падувѣ, затѣмъ въ 1495 г.—полевой врачъ въ венеціанской арміи, разбитой на-голову Карломъ VIII въ сраженіи при Фогнова. Благодаря богатому опыту и познаніямъ въ анатоміи, онъ сдѣлался самостоятельнымъ хирургомъ. Кромѣ упомянутой выше (стр. 455)

1) *Anatomia s. historia corporis humani* (Paris 1514), онъ оставилъ еще: 2) *Collections medicinae*, s. l. e. a. 3) *De re medica opus insigne etc.* (Basil. 1541). 4) *De observatione in pestilentia*, Venet. 1498. №№ 1, 2 и 4 также вмѣстѣ съ 5) *Singulis corporum morbis a capite ad pedes, generatim membratimque remedia caus. eorum signa XXXI libr. complexa etc.* Venet. 1538³⁾.

Benedetti оперировалъ грижи по собственному способу и упоминаетъ также объ искусственномъ образованіи носа, каковая операція, впрочемъ, все еще хранилась какъ семейная тайна у учениковъ Бранки и Віанео. Только въ XVI в. она была разоблачена и самая операція усовершенствована Тальякочей (Tagliacozza)⁴⁾.

¹⁾ Самыми частыми причинами носовыхъ дефектовъ служили въ то время отрѣзваніе носа (по приказанію палъ) въ наказаніе за воровство, а также, вѣроятно, и сифилисъ.

²⁾ Vagrinus, *De antiquitate et situ Calabriae libri V*, Romae, 1571, Dom. de Luca, *I Vianeo di Calabria ed il metodo autoplastico italiano*, Napoli, 1858—59. Ср. Haeser, I, 797. ³⁾ Sprengel, II, 633, 634 и Morvitz, II, 125.

⁴⁾ Zeis, *Zur Literatur u. Geschichte der plastischen Operationen*, Leipzig, 1864 и Шимановскій, *Дерматопластика*, Кіевъ, 1865.

Съ недавняго времени въ немедицинской литературѣ итальянской хирургіи XV в. стали приписывать и другое „изобрѣтеніе“, а именно:

Переливаніе крови, приписанное будто бы въ 1490 г. съ успѣхомъ у папы Иннокентія VIII врачомъ-евреемъ Исаакомъ Джеммомъ¹⁾. Но эти розсказы основаны только на преданіи и лишены всякой исторической подкладки; къ тому же до открытія кровообращенія Гарвеу'емъ (1628) о трансфузіи не было и не могло быть рѣчи. Первые же относящіяся сюда опыты на животныхъ сдѣланы въ Англіи и относятся къ 1635—1638 г.

Франція. Здѣсь, во вторую половину среднихъ вѣковъ, хирургія совершенно отдѣлилась отъ внутренней медицины и, въ качествѣ „неровни“ послѣдней, находилась въ рукахъ свѣтскихъ врачей и отчасти духовенства. Изъ всѣхъ отраслей медицины хирургія должна быть признана національною специальностью французовъ, что сказалось уже довольно рано въ образованіи особаго замкнутаго сословія хирурговъ съ цеховымъ подраздѣленіемъ на низшихъ и высшихъ, изъ коихъ первые были подчинены вторымъ, а тѣ и другіе—медицинскому факультету. Отсюда—безконечныя распри и пререканія, продолжавшіяся до настоящаго столѣтія. Особенно единенію хирурговъ способствовала рано (около 1260 г.) возникшая

„*Коллегія св. Козьми*“ (Collège St. Côme), основателемъ и деканомъ коей былъ

Jean Pitard (1228—1315), лейбъ-медикъ Людовика Святаго, котораго онъ сопровождалъ въ Іерусалимъ. Члены этой коллегіи принадлежали къ классу высшихъ хирурговъ и, какъ міряне, имѣли право жениться. Для допущенія въ коллегію они должны были знать латинскій языкъ, прослушать въ университетѣ курсъ философіи и медицины, 2 года заниматься хирургіей и получить степень магистра философіи. Они имѣли право носить длинную одежду, какъ и магистры in physica, отчего назывались „chirurgiens à robe longue“, въ отличіе отъ низшаго класса „chirurgiens à la courte robe“, что также немало подавало поводовъ къ пререканіямъ между тѣми и другими²⁾. Несмотря, однако, на довольно солидное образованіе представителей этой высшей „цеховой“ хирургіи, послѣдняя не пользовалась уваженіемъ какъ наука. Вполнѣ научный характеръ ей придали только, по счастливой случайности,

¹⁾ Ср. „*Восходъ*“, 1888, кн. 3—6 и 1894, ян. 8, стр. 61, гдѣ, правда, есть ссылки на Дрепера, *Исторія умственнаго развитія Европы*, Раке, *Исторія наукъ* и т. д., но при самой тщательной провѣркѣ у этихъ авторовъ ничего подобнаго не оказалось. Встрѣчающееся же въ царствованіе Иннокентія VIII имя Джемъ принадлежитъ брату Баязета II, а не врачу (Ср. Веберъ, *Всеобщая Исторія*, ст. Иннокентій VIII).

²⁾ Ср. Sprengel, II, 546.

Lanfranchi изъ Милана (ок. 1295 г.), ученикъ Вильгельма Салицето, изъ нѣмецкой семьи, съ давнихъ временъ поселившейся въ Пизѣ.

Онъ сначала практиковалъ въ качествѣ врача („*qualis qualis medicus*“, какъ онъ себя называлъ) и хирурга въ Миланѣ. Но вслѣдствіе междоусобицъ между гвельфами и гибеллинами, онъ, какъ приверженецъ de la Togge, былъ изгнанъ изъ Милана ихъ противникомъ Matteo Visconti и бѣжалъ во Францію, гдѣ сначала поселился въ Лионѣ, для воспитанія двухъ своихъ сыновей. Здѣсь онъ написалъ свою *Малую хирургию*. Затѣмъ послѣ долгихъ скитаній онъ наконецъ очутился въ Парижѣ, гдѣ тотчасъ былъ окруженъ многочисленными учениками, подобно Фесалу изъ Tralles'a, котораго сотни учениковъ сопровождали при посѣщеніи имъ больныхъ. Здѣсь, въ честь своихъ слушателей и по настоянію многихъ парижскихъ „мастеровъ хирургіи“, въ особенности же Jean Ravva-va p't'a, въ то время профессора и декана медицинскаго факультета, онъ сочинилъ въ 1276 г. свою „*Chirurgia magna*“, которую посвятилъ королю Филиппу Прекрасному¹⁾. Ловкость и непринужденность, съ какими онъ публично выполнялъ свои операціи, объясняя ихъ въ тоже время теоретически, какъ клиницистъ, были невиданнымъ до того зрѣлищемъ во Франціи. Неудивительно, поэтому, что появленіе его во Франціи, куда онъ пересадилъ итальянскую хирургию, знаменуетъ собою новую эру французской хирургіи, которая въ то время находилась въ плачевномъ состояніи. Тогдашнихъ хирурговъ онъ называетъ идіотами, профанами, ремесленниками и невѣждами, не понимающими собственнаго языка, не умѣющими отличать *cauterium actuale* отъ *s. potentiale*. Ланфранка, слѣдовательно, слѣдуетъ считать настоящимъ основателемъ и творцомъ французской хирургіи. Выполнить же эту задачу было ему тѣмъ легче, что онъ примкнулъ къ „братству хирурговъ св. Козьми“ (*Confrérie de chirurgiens de St. Côme*), основанному нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Jean Pitard'омъ, и читалъ его членамъ теоретическія и практическія лекціи. Весьма вѣроятно, что это братство сначала было только религиозной конгрегаціей для свѣтскихъ хирурговъ, въ которой могли принимать участіе и другія лица, не принадлежавшія къ духовенству; въ настоящую же блестящую коллегію оно превратилось только со вступленіемъ въ него Lanfranchi (1295 г.), и только этимъ обстоятельствомъ объясняется почетное положеніе, которое она заняла въ концѣ XIII в. и въ теченіе всего XIV в., и лишь благодаря Lanfranchi члены этой коллегіи получили упомянутыя выше права магистровъ *in physica*²⁾. Здѣсь учились Генрихъ изъ Mondeville, англичанинъ Gilbert (1300), Gaddesden (1320), John d'Arderne (1349), а также Guy de Chauliac (1300—1363?) (Ср. Bouchut, l. c., II, 502).

Какъ бы то ни было, Lanfranchi былъ основателемъ не только практической, но и теоретической хирургіи во Франціи, что мѣтко выражено имъ въ слѣдующемъ силлогизмѣ:

„*Omnis practicus est theoreticus, atqui omnis chirurgus est practicus: ergo omnis chirurgus est theoreticus*“ (Lanfranchi, *Practica* tr. III, d. 3, c. 8, fol. 208, c.).

Вообще сочиненія Ланфранка отличаются болѣе чистымъ латинскимъ языкомъ, чѣмъ у его современниковъ, и удобопонятіемъ, чѣмъ у Guy de Chauliac'a; рѣчь его ясная, обдуманная и испещрена многими дѣльными

¹⁾ Tiraboschi, Storia della Lettr. ital. T. IV, pp. 222—224.

²⁾ Ср. Henschel, l. c. въ *Janus*, II, 144—148 и Sprengel, II, 547.

замѣчаніями. Онъ, правда, многое позаимствовалъ у своего учителя Saliceto, но въ сравненіи напр. съ Roger'омъ его хирургія составляетъ рѣшительный шагъ впередъ ¹⁾).

Издавія: 1) *Lanfranci Practica, quae dicitur Ars completa totius chirurgiae*, Venet. 1490; въ *Collectio chirurgica Veneta*, 1519, 1546; Lugd. 1553. Переводы—*французскіе*: рукописный въ Парижѣ отъ 1377 г. и печатный: Guillaume Yvoire, Lyon, 1490; *нѣмецкій*: Otto Brunfeld, *Ein nutzliches Wundartzney-Büchlein des hochberühmten Lanfranci, aus furbit des wolerfarnen Meister Gregorii Fleugaus, Chyrurgen u. Wundarzt in Strassburg*, Erfurd, 1529, Frankf. 1566; *испанскій*: Sevilla, 1495; *англійскій*: London, 1565. Кромѣ того рукописные *еврейскіе* переводы, подъ заглавіемъ: „*Melecheth ha-iaad*“. 2) *Chirurgia minor*, Venet. 1545. 3) *Compendium super Albucasin* ²⁾).

Хотя въ своей *Practica* Ланфранкъ большею частью придерживается своего учителя или, что тоже, Гипократа, Цельса, Галена, Авиценны, Албуказиса, Константина Африканскаго, Roger'a, Роланда, тѣмъ не менѣе у него вездѣ проглядываютъ собственный богатый опытъ и практическая осторожность, которую Guy de Chauliac несправедливо назвалъ трусостью. Ланфранкъ, правда, отвергаетъ операцію катаракты, камнесѣченіе, трепанацію, грыжесѣченіе, даже парацентезъ, но онъ это дѣлаетъ не безъ причины (Henschel, l. c. 149). Такъ трепанацію онъ допускаетъ только при явленіяхъ вдавленія черепныхъ костей и при переломахъ съ раздробленіемъ и раненіемъ мозговой ткани проникающими въ нее осколками (интересенъ діагностическій приемъ его для опредѣленія существованія перелома черепныхъ костей: перкуссія палочкой!) ³⁾. Камнесѣченіе посредствомъ *sectio lateralis* онъ отвергаетъ потому, что оно влечетъ за собою мужское безсиліе и т. д. За то онъ превосходно описываетъ припадки каменной болѣзни. Изъ аневризмъ („*orhorigisma*“!) онъ описываетъ только травматическую, которую лечилъ наружными средствами. При артеріальныхъ и венозныхъ кровотеченіяхъ, которыя онъ тщательно разграничиваетъ, онъ примѣнялъ давленіе, вяжущія и въ трудныхъ случаяхъ—перевязку сосудовъ ⁴⁾).

Въ ученіи о *язвахъ* все еще проглядываетъ теорія элементарныхъ качествъ и кардинальныхъ влагъ ⁵⁾. Съ особенной тщательностью онъ излагаетъ ученіе о *ранахъ*. Отравленные раны онъ лечилъ кровососными банками и затѣмъ прижигающими средствами. Вообще онъ сильно порицаетъ леченіе ранъ мазями, хотя и ему случалось дѣлать въ этомъ отношеніи уступки общепринятому предразсудку ⁶⁾. Мышечныя пораненія онъ старается всегда заживлять *первымъ сращеніемъ*. Выполненію этого пока-

¹⁾ Benedict, *Operations lehre*, Breslau. 1842, p. 6. Ср. Henschel, l. c. 149.

²⁾ Morvitz, II, 123 и Haeser, I, 768.

³⁾ Lanfranci *Practica*. tr. II, c. 1. ⁴⁾ Ср. Haeser, I, 767.

⁵⁾ *Chirurgia parva*, l. I, c. 10. ⁶⁾ *Practica*. l. c. l. III, c. 1. Ср. Sprengel, II, 547—549.

занія мѣшаютъ слѣдующія обстоятельства: 1) колотая рана, 2) рана, проникающая до кости, 3) если рана сопровождается язвой, 4) если раненый худосоченъ, 4) если рана проникающая въ одну изъ главныхъ полостей, 6) если рана произошла отъ ушиба, 7) если рана причинена укушеніемъ ядовитаго животнаго¹⁾. Какъ приверженецъ леченія ранъ размягчающими и увлажжающими средствами, онъ всячески старается избѣгать консолидаціи ранъ. Такъ онъ приводитъ случай, гдѣ слишкомъ раннее заживленіе раны на головѣ заставило его разорвать образовавшійся рубецъ²⁾. При чумныхъ карбункулахъ онъ съ успѣхомъ примѣнялъ теріакъ, даже въ безнадежныхъ случаяхъ³⁾. Раненія нервовъ онъ лечилъ валоженіемъ швовъ и маслами, щедро примѣнявшимися имъ вообще при пользованіи ранъ.

15-лѣтнему мальчику другой нанесъ колотую рану въ руку, причемъ получило поврежденіе вены и нерва. Что было тутъ дѣлать, придерживаясь теоріи Галена? Кровотеченіе требовало холода, раненіе нерва—согрѣвающихъ средствъ. Онъ нашелъ однако выходъ, наложивъ на вену лигатуру, а на нервъ теплое масло⁴⁾.

Наковецъ Lanfranchi, подобно многимъ другимъ средневѣковымъ врачамъ, описываетъ шанкръ и другія послѣдствія нечистоплотнаго полового сообщенія, причемъ какъ предохранительное средство совѣтуетъ обмыванія уксусомъ⁵⁾.

Къ стариннѣйшимъ французскимъ хирургамъ относится также ученикъ I. Pitard'a:

Henri de Mondeville (Hermondaville, ок. 1285—1315), лейбъ-медикъ Филиппа Прекраснаго, тотъ самый, который преподавалъ анатомію по атласу изъ 13 анатомическихъ таблицъ и о которомъ мы упомянули выше.

Онъ былъ профессоромъ въ Монпелье, гдѣ преподавалъ медицину, затѣмъ занимался хирургической практикой въ Парижѣ, переживъ и Pitard'a, и Lanfranchi. Въ 1306 г. онъ началъ свою *Хирургію*, которую предполагалъ изложить въ 5 книгахъ, изъ коихъ только первая двѣ книги имъ окончены въ 1312 г., остальные же не были написаны, такъ какъ онъ долженъ былъ сопровождать короля въ различныхъ путешествіяхъ. Это неоконченное сочиненіе до сихъ поръ не напечатано; рукописи имѣются въ Парижѣ и Берлинѣ. Его ученикъ, Guy de Chauliac, считаетъ его выше Lanfranchi, часто цитируетъ и ставитъ на ряду съ величайшими хирургами⁶⁾. Въ берлинской рукописи (174 листа) начала (анатомія) недостаетъ, хирургическая же часть содержитъ ученіе о повязкахъ и о раненіяхъ всѣхъ областей тѣла, въ томъ числѣ дыхательнаго горла и мозга, причемъ Мондевилъ приводитъ случай поврежденія затылка съ потерей „одной трети“ мозга, не оставившею, однако, психическаго расстройства,—дальше рѣчь идетъ о лекарствахъ при леченіи ранъ и столбнякѣ. Изъ предполагавшихся къ разсмотрѣнію хирургическихъ бо-

¹⁾ *Chirurgia parva*, l. I, c. 1, f. 201, b. ²⁾ *Practica*, tr. I, d. 3, c. 15, f. 216, d.

³⁾ *Chirurgia parva*, l. I, c. 11. ⁴⁾ *Practica*, tr. I, d. 3, c. 9. ⁵⁾ Cp. Sprengel, l. c.

⁶⁾ Henschel, l. c., въ *Janus* II, 149—151.

лѣзней отдѣльных частей тѣла имѣется только ученіе о язвахъ, отравленныхъ ранахъ, кровоизвлеченіяхъ,—о бальзамированіи, кожныхъ болѣзняхъ (съ косметикой), проказѣ, нарывахъ (arostemata) и карбункулахъ (anthrax) ¹⁾.

Величайшимъ хирургическимъ писателемъ XIV в. во Франціи и во всей Европѣ и самымъ виднымъ представителемъ только что возродившагося научнаго оперативнаго искусства былъ, согласно общепринятому мнѣнію,

Guy de Chauliac (Guido Cauliaco, род. около 1300 г.), изъ одноименной деревни на границѣ Оверни (Auvergne), въ приходѣ Mende, въ кафедральной школѣ коего онъ получилъ первоначальное образованіе, затѣмъ онъ учился въ Тулузѣ и Монпелье, гдѣ первымъ наставникомъ его былъ Raymond de Molieres, въ 1338 г. канцлеръ университета, послѣ того—въ Болоньѣ, гдѣ слушалъ анатомію у Bertrucci, а хирургию у Альберта, ученика Мондани. По нѣкоторымъ, онъ побывалъ также въ Прагѣ, но степень доктора онъ затѣмъ получалъ несомнѣнно въ Монпелье, послѣ чего поселился въ Лионѣ, гдѣ практиковалъ долгое время и въ 1363 г. написалъ свои знаменитые „*Семь хирургическихъ трактатовъ*“. Одно время онъ былъ также лейб-медикомъ папъ Климентія VI, Иннокентія VI и Урбана V въ Авиньонѣ, у котораго, по вступленіи въ духовное званіе, онъ былъ и капелланомъ (онъ и называетъ себя его „capellanus commensalis“). Годъ его смерти неизвѣстенъ. Вообще Guy de Chauliac много путешествовалъ, былъ высокообразованъ и отличался необыкновеннымъ благородствомъ характера, нужно поэтому удивляться, что не сохранилось извѣстій, былъ ли онъ гдѣ либо преподавателемъ, и что жившій въ то же время въ Авиньонѣ Петрарка относился къ нему враждебно. Главное его сочиненіе носитъ названіе:

1) *Inventorium* v. *Collectorium artis Chirurgicæ medicinalis* v. *Chirurgia magna*. Ово сначала было написано на провансальскомъ нарѣчій; но потомъ, въ 1363 г., Guy de Chauliac воспроизвелъ его на латинскомъ языкѣ (въ Ватиканѣ есть „романская“ рукопись, въ Монпелье—лангедокская, а также французскій переводъ 1363 г. Guillaume de Cavillac'a, въ Парижѣ—латинскій codex).

Издавія: *Guidonis de Cauliaco, Chirurgiæ tractatus septem cum Antidotario*, Venet. 1470, 1490—98—99 и т. д. до 1546 (Junt), Bergoni, 1498; Lugd. 1518 до 1585. Переводы—французскіе: 1) Nikol. Paris, 1478, извлеченіе отсюда: Paris, 1485, 2) Савнарре, „*Guidon*“, Lyon, 1538; 3) L. Joubert, Lyon, 1584, послѣднее 1692. По поводу этого перевода Laurent Joubert, оказывавшій покровительство старательнымъ цирюльникамъ, подвергался вмѣстѣ съ сыномъ Исаакомъ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны врачей-хирурговъ. 4) Simon Mingelousaux, Paris, 1683. Голландскій, Amsterdam, 1646. Англійскій: London, 1541. Извлеченія: кромѣ вышеупомянутаго—Verduc, Paris, 1691 и т. д. (для воспитанниковъ Collège de St. Côme). Комментаріи: Tagault, Champier, Faucon, Verduc, Raoul, Ronchin, Akakia etc Изъ новѣйшихъ: Collarier, *Introduction à l'étude de Guy de Chauliac*, Montpellier, 1856; Follin, *Guy de Chauliac*, въ *Conférences historiques*, Paris, 1865 ²⁾.

Кромѣ того Chauliac оставилъ: 2) *Formulae* v. *Chirurgia parva* (въ *Collectio chirurgica Veneta*, 1546)—содержитъ только рецепты для мазей, пластырей и проч. при ра-

¹⁾ Ср. Haeser, I, 768, 769.

²⁾ Ср. Morvitz, II, 125 и Haeser, I, 773.

нахъ и язвахъ. Всѣ другія его сочиненія погибли, сюда относятся: *Lapidarius*, *Consilia*, сочиненіе объ *астрологіи*, трактатъ о *прыжахъ*, *De conjunctione animalium ad se invicem*, *De conjunctione plantarum ad se invicem* и трактатъ о *катарактѣ*, написанный имъ для богемскаго короля Іоанна (отца императора Карла IV), ослѣпшаго на одинъ глазъ и пріѣхавшаго въ Монпелье для леченія у Chauillac'a, во время коего ослѣпъ и на другой, что не помѣшало ему однако участвовать, привязанный къ лошади, въ сраженіи при Креси, въ которомъ погибъ ¹⁾).

Главное сочиненіе Guy de Chauillac'a обнаруживаетъ историческое вниманіе своей спеціальности, отсутствіе замысловатыхъ схоластическихъ приѣмовъ, здравое сужденіе о сдѣланномъ до него, правдивость въ сообщаемыхъ имъ собственныхъ наблюденіяхъ, разумную постановку показаній и основательное знаніе анатоміи, безъ которой хирургія немислима („*sine ipsa [anatomia] faciendum est nihil in chirurgia*“ ²⁾). Рядомъ со всѣмъ этимъ онъ, однако, не прочь блеснуть свойственными его вѣку этимологическими объясненіями и не свободенъ отъ предрасудковъ. Но зато онъ во всеоружіи своихъ знаній и глубокой эрудиціи энергически ополчается противъ господствовавшаго въ его время духа партій и безконечныхъ споровъ между поклонниками леченія высушивающими средствами и приверженцами увлажжающаго метода. Подобно Ланфранку, и Guy de Chauillac поставилъ себѣ задачей—содѣйствовать воссоединенію хирургіи съ остальными отраслями медицины, отъ которыхъ она такъ долго была отдѣлена, и съ этой цѣлью, подобно Цельсу (котораго однако не зналъ), предпослалъ своему труду сжатый историческій обзоръ хирургіи. Изложивъ судьбы хирургіи до ближайшаго къ нему времени, причемъ обращаетъ вниманіе на многія хирургическія сочиненія Галена, въ особенности на его книги объ опухоляхъ, на 6 его книгъ о ранахъ и язвахъ, 2 книги о нарывахъ и проч., и мѣтко охарактеризовавъ отношеніе Галена къ Гиппократу („*quae Hippocrates seminavit, tanquam bonus agricola excoluit et augmentavit*“), Guy de Chauillac въ томъ же родѣ излагаетъ вкратцѣ заслуги Павла Эгинскаго, Разеса, „*Albucasis'a et Alzaharavius'a*“ ³⁾, Али Аббаса и Авиценны. Затѣмъ продолжаетъ:

„*Sed post, vel propter lassiviam vel occupationem curarum nimiam, separata fuit chirurgia, et dimissa in manibus mechanicorum. Quorum primus fuit Rogerius, Rolandus atque quatuor magistri, qui libros speciales de Chirurgia ediderunt, et multa empirica in iis miscuerunt. Deinde invenitur Jamerius, qui quandam chirurgiam brutalem edidit, in qua multa fatua nominavit. In multis tamen Rogerium secutus fuit. Subsequenter autem invenitur Brunus, qui satis discrete doctrinam Galeni et Avicennae et operationum Albucasis assummavit. Translationem tamen librorum Galeni totam non habuit, et anatomiam penitus dimisit. Post ipsum immediate venit Theodoricus, qui, rapendo omnia, quae dixit Bru-*

¹⁾ Тамъ же, I, 774. ²⁾ Guy de Chauillac, *Collectorium*, Prooemium.

³⁾ Chauillac, очевидно, не зналъ, что это одно и то же лице. (см. выше стр. 234).

nus, cum quibusdam fabulis Hugonis de Lucca, magistri sui, librum edidit. Guilielmus de Saliceto valens homo fuit, et in physica et in chirurgia duas Summas composuit. Et iudicio meo quantum ad illa, quae tractavit, satis bene dixit. Lanfrancus etiam librum scripsit, in quo non multa posuit, nisi quae a Guilielmo recepit, in alio tamen ordine mutavit. In hoc tempore magister Arnaldus de Villanova in utraque facultate floruit, et multa pulchra opera fecit. Henricus de Hermondavilla Parisius tractatum pernotabilem incepit. In quo nitebatur de Theodorico et Lanfranco facere matrimonium. Ipsum tamen tractatum morte praeventus non complevit. In hoc tempore in Calabria magister Nicolaus de Regio, in lingua graeca perfectissimus, libros Galeni translatavit, et eos nobis in curia transmisit, qui altioris et perfectioris styli videntur, quam translati de arabica lingua. Ultimo insurrexit una fatua *Rosa anglicana*, quae mihi mandata fuit et visa. Credidi in ea invenire odorem suavitatis, et inveni fabulas Hispani, Gilberti et Theodorici. Tempore autem meo fuerunt chirurgici operantes Tolosae magister Nicolaus Catalanus, in Montepessulo magister Bonetus, filius Lanfranchi, Bononiae magister Peregrinus et Mercandantus, Parisiis magister Petrus de Argenteria. In Lugduni, ubi practicavi longo tempore, Petrus de Bonanco, in Avinione magister Petrus de Arelata, et socius meus magister Ioannes de Pasina. Et ego, Guido de Cauliaco, chirurgicus de confinibus Alumniae dioceseos Munacensis, medicus et capellanus commensalis domini nostri papae, vidi multas operationes et multa scripta praedictorum praecipue. Galeni quotquot reperiebantur libri in utraque translatione habui. Et eos cum diligentia quantum potui studui; et per multa tempora operatus fui in multis partibus, et nunc eram in Avinione anno domini 1363, pontificatus domini Urbani V. anno primo. In quo ex dictis praenominatorum et meis experienciis cum auxilio sociorum meorum hoc opus compilavi jussu Dei. Sectae quaedam currebant tempore meo inter operadores hujus artis praeter duas generales, quae adhuc vigent, logicorum scilicet et empiricorum, reprobratas a Galeno in *de sectis* ¹⁾.

Итакъ, согласно Guy de Chauliac'у, Бруно скопировалъ Абулказиса, Авиценну и немного Галена; Теодорихъ „обобралъ“ („gariendo“) Бруно въ своихъ книгахъ и отца своего Нуго въ практикѣ, Вильгельмъ Салицето болѣе оригиналеиъ (valens homo), а Ланфранкъ много заимствовалъ у Салицето. Между тѣмъ, строго говоря, сочиненіе самого Guy de Chauliac'a—неболѣе какъ компиляція въ лучшемъ смыслѣ этого слова и далеко уступаетъ сочиненіямъ Салицето и Ланфранка, основаннымъ на болѣе обширномъ и богатомъ опытѣ и болѣе многочисленныхъ собственныхъ наблюденіяхъ.

Всю современную ему хирургию Guy de Chauliac дѣлитъ, по отношенію къ терапевтическому методу, на 5 группъ (sectae):

1. Roger, Роландъ и четыре учителя, примѣнявшіе увлажжающія и размячющія средства, согласно афоризму Гиппократа: „*laxa bona, cruda vero mala*“ (Aphorismi, кн. V).

2. Hugo, Brunus и Theodorich высушивали раны посредствомъ вина, согласно изреченію Галена: „*siccum vero sano est propinquius, humidum vero non sano*“. (De methodo medendi IV).

¹⁾ Guy de Chauliac, *Collectorium artis chirurgicis medicinae*, Venet. 1498, Prooemium, приведено у Haeser'a (I, 775 seq.), откуда заимствуемъ и слѣдующія ссылки, такъ какъ этой книги мы не могли достать.

3. Салицето и Lanfranc занимають среднее мѣсто между предыдущими двумя группами, примѣняя высушивающіе, но нѣжно дѣйствующіе *пластыри* и *мази*, опираясь опять таки на Галена (Тамъ же).

4. Тевтонскіе и другіе воинствующие рыцари („Quarta secta fere omnium Theotonicorum et sequentium bella“) употребляли при всѣхъ раненіяхъ заклинанія, настои, масла, полотно, листья капусты, такъ какъ „Богъ вложилъ свою силу въ слова, травы и камни (quod Deus posuit virtutem suam in verbis, herbis et lapidibus).“

5. Женщины „и многіе идіоты“, обращающіеся въ болѣзняхъ къ святымъ, согласно изреченію: „Богъ далъ, Богъ возьметъ“ (Dominus mihi dedit, sicut placuit, Dominus a me auferet, quando sibi placebit¹⁾).

За этимъ краткимъ обзоромъ историческаго развитія хирургіи слѣдуетъ *Краткая анатомія*, знанію которой, какъ сказано, Guy de Chauliac придаетъ весьма важное значеніе.

Описаніе черепа и мозга обличаютъ самостоятельныя наблюденія, причемъ почти нѣтъ намёка на телеологию его предшественниковъ, напр. Mondini, за исключеніемъ развѣ только черепныхъ швовъ, по поводу которыхъ Guy de Chauliac повторяетъ старое воззрѣніе на ихъ назначеніе—служить для пропуска испареній изъ мозга. Спорный, повидимому много обсуждавшійся въ его время вопросъ о двигательныхъ и чувствительныхъ нервахъ, т. е. можетъ ли одинъ и тотъ же нервъ служить и для движенія, и для чувства, или каждое изъ этихъ отправленій связано съ особымъ нервомъ, Guy de Chauliac оставляетъ нерѣшеннымъ²⁾. Галенъ, какъ извѣстно, допускалъ оба случая³⁾.

Дальнѣйшіе отдѣлы книги Chauliac'a составляютъ „Семь трактатовъ“, въ которыхъ разсматриваются по порядку: нарывы (apostemata), кожныя болѣзни, раны, язвы, переломы, вывихи, мѣстныя болѣзни и подъ конецъ приложено *Antidotarium*.

Въ *первой* книгѣ (de apostematibus, exituris et pustulis), почти цѣликомъ опирающейся на Галена, рѣчь, между прочимъ, заходитъ и объ игло-всальваніи (akiurgia).

Нарывы слѣдуетъ заблаговременно вскрывать ножомъ или смѣсью изъ извести и мыла и затѣмъ перевязывать смѣсью изъ яичныхъ желтка и бѣлка съ квасцами. При гангренѣ (herpes esthiomenes) онъ прибѣгаетъ къ раскаленному желѣзу, а при угрожающемъ ея распространеніи (на конечностяхъ)—къ ампутаціи⁴⁾. При зобѣ и опухоляхъ шейныхъ железъ онъ, отвергая эмпирическія средства предшественниковъ, въ то же время однако допускаетъ („concedo tamen“), какъ и Gilbertus Anglicus, цѣлебное дѣйствіе рукоположенія французскаго короля⁵⁾. Далѣе, подобно Павлу Эгнскому, онъ предостерегаетъ отъ вылушенія большихъ опухолей на шеѣ, изъ опасенія сильныхъ кровотеченій и потери голоса вслѣдствіе раненія блуждающаго нерва⁶⁾. Тѣмъ не менѣе, онъ по временамъ обна-

¹⁾ Guy de Chauliac, l. c. въ концѣ Prooemium'a.

²⁾ Guy de Chauliac, *Collectorium artis chirurgicis medicinae*, p. 6.

³⁾ Ср. *Исторію древней медицины*, вып. III, стр. 894—897.

⁴⁾ Guy de Chauliac, l. c., 13 a. ⁵⁾ Тамъ же, 15 b. ⁶⁾ Тамъ же, 19 a. (Н. 778).

руживаешь известную независимость. Такъ, по поводу нарывовъ женскихъ грудей онъ, вмѣстѣ съ Галеномъ и въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Ланфранка, находитъ, что афоризмъ Гипократа: „приливъ крови къ женской груди предвѣщаетъ манію“, не всегда оправдывается на дѣлѣ⁴⁾.

Раны онъ дѣлитъ на абсолютно-смертельныя, большею частью смертельныя, рѣдко смертельныя и излечимыя. При леченіи ранъ (большею частью чрезъ непосредственное соединеніе краевъ раны, а гдѣ этого нельзя было достигнуть—чрезъ нагноеніе), Guy de Chauliac удалялъ инородныя тѣла и всячески старался щадить излившуюся кровь, которая, *организуясь*, способствуетъ восстановленію и возмѣщенію потери вещества. Въ ученіи о кровавомъ швѣ видны какъ близкое знакомство съ предписаніями Галена, такъ и собственный опытъ⁵⁾. Изъ мазей для перевязки ранъ онъ употреблялъ *ung. basilicum* для „maturatio“, *ung. apostolicum* для очищенія ранъ, *ung. album* (свинцовую мазь?) для сгущенія тканей (*consolidatio*), *ung. aureum*—для роста грануляцій и *dialthaea* для размягченія⁶⁾. Что касается примѣненія внутреннихъ средствъ и настоевъ, то Chauliac находитъ безсмысленнымъ обычай основывать прогностику на ихъ дѣйствіи, смотря потому, извергаются ли они рвотой или нѣтъ. При леченіи ранъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на строго-противовоспалительную діету и порицаетъ Теодориха и Мондевиля, примѣнявшихъ здѣсь горячительные напитки⁴⁾. Какъ кровоостанавливающія средства служатъ наложеніе шва, вяжущія, перерѣзка надколотаго сосуда, перевязка сосудовъ, *cauterium actuale* и *potentiale*⁵⁾. Рядомъ съ изложенными здѣсь взглядами встрѣчаемся у Chauliac'a и съ совѣтомъ—при извлеченіи стрѣлы причитывать *Отче нашъ* или: „Никодимъ извлекалъ гвозди изъ рукъ и ногъ Распятаго“ (ср. Haeser I, 779).

Изъ ранъ и поврежденій въ *отдѣльныхъ* областяхъ тѣла разсматриваются сначала:

Раненія головы, въ томъ числѣ рапы мозга, опасность конкъ заключается преимущественно въ причиняемыхъ ими разстройствѣхъ дыханія, хотя Guy de Chauliac имѣлъ случай наблюдать и благоприятный исходъ тяжелаго раненія затылочной области съ потерей вещества мозга⁶⁾.

Превосходно изложено ученіе о *переломахъ черепа*, которые Guy de Chauliac распознавалъ по боли, ощущаемой раненымъ въ мѣстѣ перелома при постукиваніи металлической палочкой, удерживаемой послѣднимъ между зубами, а также по вросачиванію cerebro-спинальной жидкости⁷⁾. Что касается *трепанаци*, то греки, арабы и хирурги салернской и болонской школы дѣлали ее безусловно при всѣхъ переломахъ черепа, чтобы открыть свободный выходъ излившимся массамъ; падуанскіе хирурги, а также французы

⁴⁾ Hippocrates, *Aphorismi*, sect. V, aph. 40. Ланфранкъ разсказываетъ исторію дамы, у которой образовался горячій нарывъ грудной желѣзы и гдѣ его предсказаніе о наступленіи маніи сбылось. Ср. Dargenberg, l. c., I, 298.

⁵⁾ Guy de Chauliac, l. c. 25. Ср. Haeser, I, 778. ³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Chauliac, l. c. 26 a. (Н. 779). ⁵⁾ Тамъ же, 29 a. (Н. 781).

⁶⁾ Тамъ же, 22 a. ⁷⁾ Тамъ же, 31 a. (Н. 779).

и англичане всячески избѣгали долота и трепана, ограничиваясь очищающими и грануляціямъ способствующими мазями, пластырями и настоями внутрь, съ цѣлью воспрепятствовать образованію жидкаго гноя. Нѣкоторые сторонники золотой середины (Теодорихъ, Ланфранкъ и Генрихъ Мондевилъ) начинали пластырями и если прибѣгали къ трепанаци, то не раньше какъ по истеченіи 4—5 дней. Ланфранкъ трепанировалъ только въ двухъ случаяхъ: при вдавленіи отломковъ и выдреніи острыхъ осколковъ. Guy de Chauliac въ молодости не зналъ, какъ быть при столь противорѣчивыхъ мнѣніяхъ; поздѣе же прибѣгалъ къ трепанаци только при обширныхъ ушибахъ и переломахъ, когда требовалось удалить осколки и изліянія изъ подъ твердой мозговой оболочки. Къ операци онъ приступалъ только тогда, когда въ теченіе 4 или 5 дней выжидательное леченіе не вело къ цѣли. Описаніе самой операци „cum incisoriis, lenticulari, malleo, elevatorio et parvis tenaculis“ почти ничего не оставляетъ желать ¹⁾.

Раненія груди, которыми, по словамъ Chauliac'a, и Галенъ, и Ali Abbas и всѣ позднѣйшіе мало занимались, изложены имъ съ особенной тщательностью. Между тѣмъ какъ древніе хирурги придерживались открытаго леченія этихъ ранъ, чтобы не давать гною проникать къ сердцу и другимъ важнымъ для жизни органамъ, а Теодорихъ и Мондевилъ, наоборотъ, старались ихъ закрывать, чтобы препятствовать выдѣленію теплоты и рпеиша.—Guy de Chauliac примѣняетъ послѣдній методъ только тогда, когда въ грудной полости положительно нѣтъ никакого выпота. Сердечныя раны абсолютно смертельны вследствие потери крови, обморока и изліянія крови въ околосердечную сумку. Эмпиему Chauliac оперировалъ ножомъ, примѣнявшіеся же для этой цѣли арабами фдія средства или раскаленный стигель рѣшительно отвергалъ ²⁾. *Кишечныя раны* Chauliac соединялъ скорняжнымъ швомъ, безусловно отвергая соединеніе краевъ раны муравьями по Абулказису, равно какъ и вкладываніе куска животной кишки. Въ особенности онъ настаиваетъ на немедленномъ вправленіи выпавшихъ кишекъ ³⁾.

При *язвахъ* онъ примѣнялъ вату вмѣсто набухающихъ турундъ ⁴⁾. онъ примѣнялъ между прочимъ свинцовую пластинку, покрытую слоемъ ртути; при застарѣлыхъ язвахъ—давящую повязку, тоже при *свищахъ* ⁵⁾, которые онъ, впрочемъ, смѣло оперировалъ или расширялъ корнемъ горечавки. Глубокіе и длинные свищевые ходы онъ вскрывалъ на деревянномъ зондѣ во всю длину или дѣлалъ при нихъ противоотверстіе съ помощью заволоки ⁶⁾. При слезныхъ свищахъ онъ отвергаетъ продиравленіе слезной косточки, такъ какъ отверстіе вновь зарастаетъ ⁷⁾. Ракъ онъ считаетъ неизлечимымъ, хотя и рекомендуетъ тщательное вылущеніе съ послѣдовательнымъ прижиганіемъ раскаленнымъ желѣзомъ и мѣстнымъ примѣненіемъ мышьяка, который считаетъ весьма дѣйствительнымъ при ракѣ ⁸⁾. *Lupus* называется такъ потому, что больной ежедневно пожираетъ курицу, подобно волку! Носовые полипы онъ вырѣзываетъ или перевязываетъ, а при глубоко сидящихъ не останавливается даже передъ *распчненіемъ носа* для ихъ удаленія ⁹⁾, методъ, рекомендованный до него *четырьмя учителями*, которыхъ онъ часто цитируетъ.

¹⁾ Тамъ же, 32 b. (Н. 780). Ср. также Dageberg I, 298. ²⁾ Ср. Haeser. I, 780.

³⁾ Chauliac, l. c. 34 b. (Н. 780). ⁴⁾ Тамъ же, 32 b. ⁵⁾ Тамъ же, 46 a. (Spr. 591).

⁶⁾ Тамъ же, 28 a. ⁷⁾ Тамъ же, 41 a. ⁸⁾ l. c., 39 b. ⁹⁾ l. c., 41 b. (Н. 780, 781).

Изъ *переломовъ*, ученіе о коихъ точно установилось уже со временъ Гиппократата, Guy de Chauliac различаетъ, между прочимъ, и продолжныя.

Леченіе ихъ состоитъ во вправленіи, наложеніи повязки и пользованіи осложненийъ. По отношенію къ вопросу о времени наложенія повязки, на 6—10 день (Галенъ, арабы) или тотчасъ послѣ поврежденія (итальянцы XIII и XIV вв.), Guy de Chauliac, какъ и въ другихъ случаяхъ, придерживается середины: въ первые дни онъ накладывалъ удерживающую повязку и только позднѣе—давящую на эту послѣднюю, причѣмъ для большей крѣпости и неподвижности повязки она смазывалась яичнымъ бѣлкомъ. Образованію костной мозоли слѣдуетъ способствовать подходящей діетой. Отъ леченія застарѣлыхъ и плохо зажившихъ переломовъ слѣдуетъ отказаться.

Изъ переломовъ отдѣльныхъ костей тѣла онъ останавливается подробнѣе на переломѣ бедра и былъ единственнымъ изъ средневѣковыхъ хирурговъ, понимавшимъ важное значеніе *постояннаго вытяженія* съ помощью *ири*, *повышенной на блокъ*.

Вывихи онъ раздѣляетъ на вывихи вверхъ, внизъ, напередъ и назад¹⁾.

Шестая книга рассматриваетъ всѣ *мѣстныя* хирургическія болѣзни, не принадлежащія ни къ опухолямъ, ни къ язвамъ, ни къ страданіямъ костей. Сюда относятся: *подагра* (съ ревматизмомъ), которую Chauliac производитъ отъ прилива острыхъ влагъ къ составамъ²⁾; *проказа*, противъ которой рекомендуетъ мясо гадюки (*vipera*), сваренное *въ водѣ*, дистиллированной на пряностяхъ, каковое средство слѣдуетъ оставить, какъ только наступаетъ расстройство органовъ чувствъ, и дѣйствіе коего обнаруживается отпаденіемъ чешуй и исчезновеніемъ припухлости кожи³⁾. Изъ другихъ болѣзней *кожи* онъ рассматриваетъ *herpes*, *impetigo*, зудящія сыпи, далѣе рѣчь идетъ объ *ушибахъ*, *ожогахъ*, *бородавкахъ* и *роговыхъ образованияхъ*, о лишнихъ и *омертвѣвшихъ* членахъ, гдѣ показана *ампутація*.

При этомъ Guy de Chauliac хотя излагаетъ способы Авиценны и Абулказиса, къ которымъ прибавляетъ еще примѣненіе раскаленнаго желѣза или обливанія штумифа кипящимъ масломъ, но самъ онъ въ сущности противъ ампутаціи при гангрени конечностей. Для предупрежденія дальнѣйшаго распространенія гангрены съ совѣтуетъ примѣненіе настѣчекъ, мышьяка и армянской глины, послѣ чего членъ плотно забинтовывается спарадрапомъ, какъ при набальзамированіи мертвыхъ тѣлъ, и въ этомъ видѣ оставляется до тѣхъ поръ, пока гангрена не дойдетъ до слѣдующаго состава и членъ не отпадетъ самъ собою, ибо „врачу дѣлаетъ больше чести способствовать отпаденію члена, чѣмъ отрѣзать его“. Къ тому же, если отрѣзать членъ, у больного всегда останутся непріязненное чувство и мысль, что членъ могъ быть сохраненъ:

„Ego autem in tali membri mortificatione, intercepta ambulatione corruptionis cum scarificatione et arsenico et ponendo *defensivum* super partem sanam de bolo armeno et aliis opportunis, involvo totum membrum mortificatum cum *spara dra po* infrascripto multipliciter, et praeparo suo modo, ut dicetur de corporibus mortuorum servandis. Et sic

¹⁾ Тамъ же, 41 и слѣд. (Н. 781, 782).

²⁾ Тамъ же, 48 а. ³⁾ Тамъ же, 49 б. (Н. 782). Подробнѣе о *проказѣ* по Chauliac'у будетъ сказано ниже въ статьѣ объ *эпидемическихъ болѣзняхъ*.

eum retineo quousque junctura sit equilibrata et membrum per se cadat. *Quia honestius est medico, quod cadat per se, quam si incidatur.* Semper enim, quando inciditur, remanet rancor et cogitatio in patiente, quod posset remanere“¹⁾.

Самое интересное мѣсто этой главы то, гдѣ рѣчь идетъ о примѣненіи при болѣзненныхъ операціяхъ наркотическихъ вдыханій, которыя Chauliac предпочитаетъ внутреннему употребленію опія.

„Nonnulli vero, ut Theodoricus, medicinas obdormitativas, ut non sentiant incisionem, dictant. Velut est opium, succus morellae, jusquimi, mandragorae, hederæ arboreae, cicutiae, lactucae. Et imbibunt in eis spongiam novam, et permittunt eam in sole exsiccari. Et quando erit necesse, mittunt illam spongiam in aqua calida, et dant eam ad odorandum, tantum usque quo capiat somnum. Et ipso obdormitato faciunt operationem. Et postea cum alia spongia in aceto infusa naribus applicata expergefiunt etc.“²⁾

Послѣ того Chauliac говоритъ о паршѣ, чесоткѣ (противъ которой употреблялъ мази изъ терпентина, сѣры и ртути), о болѣзняхъ волосъ, выпаденіи волосъ, лысинѣ, epilatoria; о косметическихъ средствахъ противъ веснушекъ, экхимозовъ, оспы, мѣднаго цвѣта сыпи³⁾. Затѣмъ излагаются *глазныя болѣзни*, причѣмъ Chauliac связываетъ въ одно понятіе амаврозъ и катаракту⁴⁾, мѣстопребываніе которой онъ принимаетъ впереди и позади зрачка и въ самомъ зрачкѣ. Оперировалась катаракта посредствомъ низдавленія.

До операціи хирургъ долженъ съѣсть немного укропу или чесноку и затѣмъ подуть на глазъ; больной сидитъ верхомъ на скамѣ, а операторъ противъ него. Хрусталикъ удерживается низдавленнымъ втеченіе времени, потребнаго на трехкратное чтеніе „Отче нашъ“ или на одно чтеніе Miserere⁵⁾.

Затѣмъ слѣдуютъ *ушныя* и *носовыя* болѣзни (отрубленный носъ не приживается), болѣзни *полости рта и зубовъ*: извлеченіе послѣднихъ предоставляется цирюльникамъ и „dentatorii“. Носоглоточные полипы удаляются разрѣзомъ, удлиненный язычекъ—разрѣзомъ и cauterio actuali et potenciali⁶⁾. Воспаленіе зѣва („squinantia“) различается 4 видовъ: на наружныхъ частяхъ, глотки, дыхательнаго горла и пищевода (заглочочные нарывы), при коихъ Roger заставлялъ проглатывать кусокъ мяса, а Chauliac—кусокъ губки на ниткѣ, за каковую она затѣмъ извлекалась обратно. Далѣе рѣчь идетъ о болѣзняхъ *шеи, спины, груди, стѣнокъ живота и реберъ*. Болѣе подробно Chauliac останавливается на ученіи о *грыжахъ* (rupturae), простыхъ и ущемленныхъ.

Названія hernia aquosa, ventosa, humoralis, carnososa и varicosa Chauliac считаетъ неправильными, такъ какъ подъ словомъ „грыжи“ слѣдуетъ разумѣть только такія, которыя содержатъ кишки или салники. Радикальную операцію пупочной грыжи посредствомъ

¹⁾ Тамъ же, 54 а. Ср. Haeser, I, 782.

²⁾ Guy de Chauliac, *Chirurgia*, Tractatus I, doctr. I, с. 8, (Н. 801).

³⁾ Тамъ же, 54 и сл. ⁴⁾ I. с., 59 b и сл. ⁵⁾ I. с., 60 b. ⁶⁾ Тамъ же, 64 а. (Н. 783).

перевязки грыжевого мѣшка Chauliac называетъ „taediosa operatio“; онъ ее и не дѣлалъ ¹⁾). Изъ видовъ hydrocele Chauliac первый описываетъ свободную отъ давленія, легко входящую обратно въ полость живота. Varico--и varicoscele не подлежатъ операціи, причемъ однако онъ приводитъ употребительные способы (кастрацію и двойную лигатуру). Умѣренные грыжи онъ вправлялъ и затѣмъ примѣнялъ мышьякъ на грыжевое отверстіе.

Затѣмъ онъ переходитъ къ болѣзнямъ почекъ и мочевого пузыря. Камне-сѣченія онъ не дѣлалъ, хотя видѣлъ какъ другіе дѣлали. Эту „опасную“ операцію онъ совѣтовалъ предоставлять литотомамъ, однако, тутъ же описываетъ методъ операціи Цельса ²⁾). Въ концѣ шестой книги разсматриваются болѣзни половых органовъ: пріапизмъ, безсиліе (пробное соитіе), болѣзни отъ соитія съ нечистой женщиной, phymosis (и при ней обрѣзаніе) и т. д. Здѣсь же имѣются указанія и на нѣкоторыя акушерскія операціи, какъ видно изъ главъ: *de extractione foetus* и *de extractione secundinae*.

Правильнымъ онъ считаетъ только головное положеніе; о томъ, какъ исправлять неправильныя положенія; онъ не говоритъ. Рожденію мертваго плода повивальная бабка должна способствовать чихательными и abortивными средствами, расширеніемъ устья матки съ помощью винтообразнаго инструмента, и только при безуспѣшности эгихъ попытокъ приступать къ извлеченію плода. Кесарское сѣченіе на мертвыхъ женщинахъ производилось на лѣвой сторонѣ живота съ помощію бритвы. Все остальное предоставлялось женщинамъ: „et quia istud negotium exercetur per mulieres, non oportet in ipso multum immorari“ ³⁾).

Седьмая книга содержитъ *антидотарій* или рецептурныя формулы для хирургическихъ болѣзней, а также практическія наставленія для кровозвлеченія посредствомъ кровопусканій, банокъ и пъявокъ, наконецъ рѣчь идетъ о раскаленномъ желѣзѣ, примѣненіе коего у него было весьма ограниченное.

Резюмируя сказанное до сихъ поръ, можно сказать, что сочиненіе Guy de Chauliac'a есть превосходная компиляція изъ Гиппократы, Галена, Орибазія, Павла Эгинскаго, Разеса, Абулказиса, Roger'a, Роланда, сдѣланная осторожнымъ и опытнымъ наблюдателемъ и эклектикомъ, вѣрно оцѣнивающимъ способы и мнѣнія предшественниковъ и современниковъ. Вотъ какъ характеризуетъ его D a g e m b e r g:

„Разсматриваемый какъ стоящій одиноко въ XIV в., Guy de Chauliac оказывается внѣ всякихъ пропорцій, но среди современниковъ и въ особенно-

¹⁾ Тамъ же 65 а и сл. (Н. 783). Приводимъ здѣсь относящееся сюда мѣсто французскаго изданія, которое вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить образцомъ тогдашней французской рѣчи и правописанія: „On iuge que qui est rompu ne vit pas sans danger, car s'il aduenoit que les boyaux cheussent (т. е. кишки упали бы) dans la bourse avec fiente endurcie, jamais ils ne s'en retournetoient (!) et ainsi le patient mourroit comme i'ay veu (т. е. j'ai vu) et Albucasis le temoigne“ (Ср. Bouchut, Hist. de la médecine, II, 505 (Paris, 1873).

²⁾ Chauliac, l. c. 68 а. Ср. Haeser, I, 784. ³⁾ Тамъ же, 804.

сти предшественниковъ онъ является въ надлежащемъ освѣщеніи (*dans la vraie perspective*). Guy кажется намъ отличающимся въ особенности большой эрудиціей, но въ тоже время опытнымъ хирургомъ, хотя изъ не особенно смѣлыхъ. Его наборъ состоялъ изъ ножницъ, пинцетовъ, зондовъ, бритвъ, ланцетовъ, иголокъ и пяти мазей (см. выше стр. 471). Все, что онъ изобрѣлъ новаго, сводится къ хорошему методу изложенія, къ избранію золотой середины между крайностями, т. е. между трусостью и излишней отвагой, къ выборкѣ наилучшаго вездѣ и во всемъ: это почти тотъ же портретъ, что Амбруаза Паре въ XVI в., но только менѣе оригинальный. Онъ не болѣе, но и не менѣе суевѣренъ, чѣмъ его собратья: представляя собой вообще отголосокъ итальянской хирургіи, онъ, если оставляетъ Вильгельма Салицето, то только для того, чтобы пристать къ Ланфранку, а если оставляетъ Ланфранка, то для того, чтобы снова очутиться вмѣстѣ съ Салицето. Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, въ XIV в. вся Европа платила дань Франціи въ области литературы, то, съ другой стороны, Франція, въ области наукъ и въ особенности медицины, оказывается данницею Италіи и даже арабской Испаніи, которая (прибавляетъ Daremberg въ примѣчаніи) въ XIV в. „была залита потокомъ арабской и еврейской медицины, послѣ отлива коего остался благодатный и плодотворный иль для будущаго“¹⁾.

Что касается Бельгіи, Англіи и Германіи, то хотя сохранилось мало свѣдѣній о состояніи въ нихъ медицины и хирургіи въ описываемую эпоху, но, повидимому, онѣ не совсѣмъ заглохли въ этихъ странахъ, которыя вдругъ создаютъ весьма значительныя сочиненія; только въ XIV в. работа мысли такъ мало оригинальна и такъ мало замѣтна, что всякіе осязательные историческіе слѣды теряются. Какъ бы то ни было, въ области хирургіи и въ этихъ странахъ замѣчается извѣстное движеніе впередъ, къ разсмотрѣнію коего и переходимъ.

Къ Франціи въ области хирургіи XIII—XV вв. непосредственно примыкаетъ

Бельгія, хотя только въ лицѣ единственнаго представителя ея, по имени **Jehan Yperman**, изъ Ypern'a (въ XIII в.).

Онъ родился въ послѣдней четверти XIII в., учился въ Парижѣ, вѣроятно подъ конецъ жизни Lanfranchi, около 1303—1304 практиковалъ въ окрестностяхъ своего родного города и затѣмъ въ 1318 г. поселился въ Ипернѣ. Въ 1325 г. онъ поступилъ хирургомъ въ маленькую армію своего города и участвовалъ въ походѣ ея противъ графа Фландріи, Louis de Crécy. Онъ оставилъ на фламандскомъ языкѣ изданную лишь въ 1863 г.:

¹⁾ Ср. Daremberg, l. c., I, 297.

1) *La Chirurgie de Maître Jehan Yperman, Chirurgien belge, publiée par M. C. Broeckx, Anvers, 1868* ¹⁾. Первоначально она была составлена Иперманом на латинскомъ языкѣ для своего сына а *carite ad calcem*; во многихъ мѣстахъ есть изображенія хирургическихъ инструментовъ. Конца (о бользняхъ конечностей) недостаеъ.

2) *Traité de médecine pratique de Maître Jehan Yperman, publié par M. C. Broeckx, Anvers, 1867*.

Это—компендій для начинающихъ. Здѣсь прежде всего разсматриваются лихорадки; интересно, что уже Иперманъ совѣтовалъ *отстой на днь желъзныхъ ведеръ* противъ *водянки* вслѣдствіе перемежающейся лихорадки. При *бользненномъ* мочеиспусканіи онъ примѣнялъ вырскиванія изъ молока и наркотическихъ веществъ. И рядомъ съ этимъ всгрѣчаемся съ совѣтомъ—при мочевыхъ камняхъ давать внутрь 4 шпанскихъ мухи безъ головокъ и крыльевъ, въ видѣ порошка съ молокомъ, средство, примѣнявшееся впрочемъ уже гиппократиками.

Что касается *Хирургіи* Ипермана, то она начинается *анатоміей головы*, послѣ чего излагаются

Певрежденія головы, въ особенности твердой мозговой оболочки, а также *cephalalgia, hemigrania* и т. т. Раны онъ зашивалъ навощенными нитками, начиная со средины. Кровотеченіе онъ различаетъ артеріальное и венозное; при кровотеченіи изъ большихъ сосудовъ онъ примѣнялъ давленіе, вяжуція, каутеріи, обкалываніе и наложеніе лигатуры.

Далѣе рѣчь идетъ опять о *раненіяхъ головы и трепанациі, о приживленіи на положину отрубленныхъ ушей* наложеніемъ шва (приживленія совершенно отдѣленныхъ носовъ и ушей Иперманъ не допускаеъ). Насѣкомыя, попавшія въ наружный слуховой проходъ, удалялись сокомъ персиковыхъ листьевъ, высасываніемъ или каплей терпентиннаго масла.

Интересенъ приведенный Иперманомъ случай *Lanfranchi*, вскрышаго глубокой нарывъ на шеѣ и кормившаго больного посредствомъ глоточнаго зонда. Подобный же нарывъ пришлось вскрыть и самому Иперману.

Далѣе слѣдуютъ проникающія и колотыя *раны груди и живота*.

Бользни кожи изложены по Галену и Гиппократу („*Yrosgas*“). При описаніи острыхъ сыпей Иперманъ, подобно арабамъ, считаеъ „*morbilli*“ (корь, скарлатину, петехіи) недоразвитой формой оспы и болѣе опасными, чѣмъ сама *оспа*. Далѣе описывается *проказа*, признаки коей суть:

анестезія кожи, проба съ кровью (три зернышка соли, положенія на выпущенную изъ вены кровь, у одержимыхъ проказой таеъ, у здоровыхъ вѣтъ) и не прилипавіе воды къ маслянистой кожѣ у крокаженныхъ. Происходитъ проказа, по мнѣнію Ипермана, путемъ зараженія отъ сношеній съ проказенными женщинами.

При выпаденіи печени чрезъ рану живота послѣднюю слѣдуетъ расширить и затѣмъ уже вправить печень. Грыжи Иперманъ излечивалъ безъ операціи, однимъ только покойнымъ положеніемъ на спинѣ въ теченіе 6 недѣль, діетой, настоями и пластырями. Пупочныя грыжи радикально излечивались имъ обкалываніемъ ¹⁾.

¹⁾ Ср. Haeser, I, 769—771.

Изъ болѣзней половыхъ органовъ онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, наружныя и внутреннія, а также гангренозныя язвы *ствола*; при трипперѣ онъ между прочимъ запрещаетъ кофе. Интересенъ также приведенный имъ случай опаснаго кровотеченія изъ язвы на тыльной поверхности ствола (изъ *a. dorsalis penis*).

Въ особенности же книга Ипермана представляетъ *историческій* интересъ, такъ какъ онъ называетъ многихъ современныхъ хирурговъ, начиная отъ „четырехъ учителей“, Гуго и Теодориха изъ Лукки и кончая Вильгельмомъ von Medicke, ртутную мазь коего онъ съ успѣхомъ употреблялъ при „лепроподобныхъ“ болѣзняхъ. Другія, также ртутныя, мази онъ заимствовалъ изъ „Золотой Книги“.

Вообще Иперманъ отличается простотой, благочестіемъ („Богъ—самый верховный хирургъ“) и рядомъ съ этимъ—необычнымъ для его времени свободомысліемъ.

Такъ онъ совершенно непринужденно высказываетъ свои сомнѣнія относительно дѣйствительности рукоположенія королей Франціи при зобѣ и золотухѣ. Память о немъ и понынѣ сохранилась на его родинѣ, гдѣ и теперь еще о хорошемъ врачѣ говорятъ: „онъ другой Иперманъ“¹⁾.

Англія. Единственнымъ хирургомъ XIV в. является здѣсь

John Ardern (ок. 1349). Свѣдѣнія о его жизни чрезвычайно скудны.

Свое образованіе онъ, вѣроятно, получилъ въ Монпелье или въ Collège de St. Côme; одно время онъ практиковалъ во Франціи, куда прослѣдовалъ, вѣроятно какъ полевой врачъ, вмѣстѣ съ англійскими войсками. Въ 1349 г. (т. е. въ годъ черной смерти) онъ занимался хирургіей въ Newmark'ѣ, а съ 1370 г.—въ Лондонѣ: Его сочиненіе переоплачено французскими терминами и синонимами; кромѣ того онъ приводитъ многія французскія и итальянскія сочиненія. Онъ оставилъ хирургическое сочиненіе, подъ названіемъ:

Practica, до сихъ поръ хранящаяся въ рукописяхъ въ Лондонѣ и St. John-College, гдѣ Daresberg первый отыскалъ и скопировалъ ихъ. По его словамъ, это—„сочиненіе безъ порядка и метода, но зато изобилующее личными наблюденіями и представляющее собой, въ сущности, лишь рядъ отдѣльныхъ монографій о различныхъ предметахъ хирургіи, съ массой любопытныхъ изображеній инструментовъ и операций, каковыя рисунки также были скопированы Daresberg'омъ. И рядомъ съ этимъ не забыты Ардерномъ и формулы суевѣрныхъ рецептовъ и описаніе простыхъ и сложныхъ медикаментовъ²⁾. Изъ этого сочиненія напечатаны только одинъ отдѣлъ, а именно:

О заднепроходныхъ свищахъ (London, 1588), на англійскомъ языкѣ. Есть, быть можетъ, и французскій переводъ³⁾. Кромѣ того Ардернъ оставилъ трактатъ о *переломѣ*, извлеченіе изъ коего сдѣлано Vesket'омъ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же и 772.

²⁾ Ср. Daresberg, l. c. I, 300.

³⁾ Ср. Malgaigne, *Oeuvres d'Ambroise Paré*, I, 53.

⁴⁾ Vesket, въ *Philosophical Transactions*, 1717, p. 357

Сочиненіе Ардерна начинается съ *tortura oris*, которую слѣдуетъ пользоваться, „дѣйствуя на начало нервовъ“. При разъядающихъ язвахъ онъ примѣнялъ съ успѣхомъ мази, куда входили мышьяковистыя соли, въ особенности реалгаръ; онъ не скрываетъ, что имѣлъ нѣкоторые прискорбные результаты, безъ сомнѣнія отъ всасыванія мышьяка. При *параличѣ* онъ совѣтовалъ топить печь, набросавъ туда навозу и стараго бѣлья, и класть на нее больного. Онъ приводитъ случай женщины, совершенно потерявшей употребленіе рукъ и излеченной этимъ способомъ. Онъ много хвастается усовершенствованіями, сдѣланными имъ въ клистирной трубкѣ и состоящими въ продиравленіи отверстія на концѣ, а не съ боковъ трубки, какъ это дѣлалось въ его время, а также въ томъ, чтобы сдѣлать, пузыри крѣпче и тверже посредствомъ дубленія въ морской соли. Эти усовершенствованія, говоритъ онъ, оказывали удивительныя услуги какъ больнымъ, такъ и ему—„доставленіемъ хорошаго гонорара за пользованіе одержимыхъ ишиасомъ (*passio iliaca*) и почечными камнями“. Кромѣ того онъ изобрѣлъ спеціальныя спринцовки для мочеваго пузыря и перелоя (*chauderisse*, какъ самъ называетъ послѣдній). Послѣ того слѣдуетъ длинный перечень діеты для одержимыхъ камнемъ мочеваго пузыря. Для отодвиганія ущемленнаго камня назадъ онъ пользовался серебряннымъ или латуннымъ зондомъ, „который во всѣхъ городахъ легко найти у золотыхъ дѣлъ мастеровъ или фабрикантовъ головныхъ шпилекъ для женщинъ“. Если же камень ущемленъ такъ, что не можетъ пройти ни впередъ, ни назадъ, то дѣлаютъ *наружную уретротомию* „ланцетомъ“ и нечего пугаться, если послѣ наложенія шва моча сначала будетъ просачиваться изъ раны, такъ какъ подобная рана очень скоро заживаетъ. Излишне прибавить, что этотъ способъ не новъ. При *болѣзняхъ глазъ* онъ горячо хвалитъ цѣлебное свойство женскаго молока.

Что касается главной его спеціальности—*свицей задняго прохода* и прямой кишки, въ леченіи коихъ онъ приобрѣлъ наибольшіе навыки и опытность, то по поводу ихъ онъ приводитъ имена какъ самыхъ знаменитыхъ и высокопоставленныхъ въ то время лицъ, такъ и людей другихъ сословій, причемъ опять не упускаетъ случая замѣтить, что онъ предвзрительно выговаривалъ себѣ хорошую плату (100 марокъ и ренту въ 100 *solidi* и во всякомъ случаѣ не меньше 100 *су* золотомъ), такъ какъ „не слѣдуетъ рассчитывать на благодарность больныхъ, а только на полученный гонораръ“. При этомъ онъ прибавляетъ, что другіе врачи, оставляя довѣрившихся ему больныхъ, присовокупляли, что Богъ часто открываетъ простымъ смертнымъ то, въ чемъ онъ отказываетъ ученымъ. Если вѣрить его словамъ, то нѣкто въ Англій не умѣлъ лѣчить этой болѣзни, въ томъ числѣ даже „монахъ изъ страны *Galles*“, несправедливо хваставшійся

тѣмъ, что осиливалъ ее. Онъ же, Ардернъ, рѣшается открыть (въ 1370 г.) эту тайну въ виду своей старости и *большимъ выгодъ, которая онъ отъ нея получалъ*. При этомъ, однако, нужно отдать ему справедливость, онъ много и краснорѣчиво распространяется объ обязанностяхъ врачей и доказываетъ, что наблюдение и опытъ должны стоять выше самаго искуснаго умствованія.

Инструменты, которыми онъ пользовался при операци *заднепроходныхъ свищей* суть: *sequere te* (желобоватый зондъ или стилеть?), *acus rostrata* — родъ серпообразнаго бистури съ серебрянной рукояткой, *tendiculum*, служившій для постепеннаго стягиванія лигатуры, носившей названіе *fraenum Caesaris*. Слѣдовательно, Ардернъ изобрѣлъ не новый способъ, а только новый инструментъ, *tendiculum*, къ которому прибѣгалъ, какъ примѣняя одну лишь постепенно стягиваемую лигатуру, такъ и комбинируя ее съ разрѣзомъ ¹⁾.

Германія. Здѣсь, какъ и вообще въ сѣверныхъ странахъ, хирургія долгое время находилась въ самомъ печальномъ состояніи и даже университеты ничего не сдѣлали для того, чтобы вывести ее изъ этого жалкаго положенія. До какой степени жалка была эта хирургія въ XII в., видно изъ крайне грубыхъ приемовъ доморощенныхъ хирурговъ, примѣнявшихъ разрѣзъ живота для избавленія отъ тучности (случай съ маркграфомъ Дедономъ II изъ Рохница въ 1190 г., окончившійся смертью послѣдняго) или ампутировавшихъ съ помощію *топора и молотка* (случай съ герцогомъ австрійскимъ Леопольдомъ V въ Грацѣ, которому слуга въ 1194 г. произвелъ этимъ способомъ ампутацію голени)²⁾. Врядъ ли также могутъ быть причислены къ корпораціи первыхъ нѣмецкихъ хирурговъ: „*Rusticus*“ *Elpidius*, лейбъ-хирургъ короля Теодориха, лейбъ-цирюльникъ *Peter Münch* (1458), лейбъ-хирургъ *Oswald Tremlinger* (ок. 1458), окулистъ *Hermann* (ок. 1490 г.), извѣстные только по имени ³⁾. Первымъ нѣмецкимъ хирургическимъ писателемъ долженъ быть признанъ

Heinrich von Pfolzspeundt (s. „*Phlatzpingen*“), составившій въ 1460 г. первое хирургическое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ:

Buch der Bündth-Ertzney, Berlin., 1868, herausgegeben von H. Haeser u. V. Middendorpf (по рукописи, изготовленной капелланомъ Henze въ 1517 г.). Въ Штутгартѣ имѣется рукописное извлеченіе подъ названіемъ „*Wundertzney*“, гдѣ авторъ названъ *Heinrich von Phlatzpingen*.

Н. v. Pfolzspeundt изучилъ хирургию подъ руководствомъ вѣроятно итальянскихъ и безъ сомнѣнія нѣмецкихъ учителей, какъ *Christoph* изъ Мюнхена, *Hans* изъ Ваггеuth, *Linhardt* въ Базелѣ, изъ Гейдельберга, и *Hans* изъ Парижа, родомъ изъ Лотарингіи (Мецъ), также оставившій хирургическое сочиненіе подъ названіемъ „*Искусство*“. Pfolzspeundt много путешествовалъ, а также участвовалъ въ польскихъ походахъ нѣмецкаго ордена (въ которомъ состоялъ братомъ) и при осадѣ Мариенбурга (1457). На этихъ похо-

¹⁾ Ср. *Dagemberg*, I. с., и 301.

²⁾ Ср. *Haeser*, I, 788. ³⁾ *Vaas* I. с., 245.

дакъ повидимому онъ и приобрѣлъ богатый хирургическій опытъ, изложенный имъ въ своей книгѣ, которая въ сущности и есть только руководство къ *перевязкамъ* („Bündth-Argzney“) въ обширномъ значеніи этого слова, такъ какъ преимущественно занимается только поврежденіями и ранами и даже не упоминаетъ о кровопусканіи, а изъ кровавыхъ операцій говоритъ только о *пластическихъ*. Въ видѣ прибавленія здѣсь приложены рецепты для внутреннихъ болѣзней, предписанія для эпидемическихъ болѣзней и т. д. Какъ мало онъ имѣлъ научнаго образованія, видно изъ того, что онъ не зналъ латинскаго языка и кромѣ своихъ учителей не приводитъ ни одного изъ древнихъ или современныхъ ему врачей. Точно также онъ не имѣлъ и понятія объ анатоміи, даже въ главной отрасли его дѣятельности—переломахъ и вывихахъ. Словомъ, онъ былъ только хирургъ-ремесленникъ, но зато вполне увѣренный въ себѣ, рассудительный и добросовѣстный ¹⁾).

Раны онъ различаетъ свѣжія и „гнилыя“ (хроническія?). Свѣжія раны онъ старается заживлять чрезъ нагноеніе, обливая ихъ обильно терпентиннымъ масломъ (при ушибахъ и поврежденіяхъ костей оно только втиралось); при дальнѣйшихъ перевязкахъ онъ примѣнялъ болѣе нѣжныя средства, какъ „розовое масло, приготовленное изъ льняного“, а также пластырь изъ меда, муки, коровьяго масла и въ особенности взбитаго яичнаго бѣлка. Турунды и заволоки совершенно отвергаются, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ хотятъ привести въ нагноеніе опухоль сосѣдней железы („Beule“). Къ кровавому шву Pfolpreundt рѣдко прибѣгалъ, но даетъ превосходныя правила для его наложенія.

Кровотеченія онъ останавливалъ тампонами изъ грубой матеріи, пропитанными вяжущими средствами, въ соединеніи съ холодными примочками; о перевязкѣ же сосудовъ даже не упоминаетъ. При большихъ ранахъ живота, въ предупрежденіе свертыванія излившейся въ брюшную полость крови, которое считалъ болѣе опаснымъ, чѣмъ самую потерю крови, Pfolpreundt клалъ раненаго навзничъ и оставлялъ въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока кровь не переставала лить какъ изъ помпы, причемъ не обращалъ вниманія даже на наступающій обморокъ, но зато вслѣдствіи заботился о тщательномъ удаленіи свернувшейся крови изъ полости живота. Изъ другихъ осложненій ранъ Pf. обращалъ особенное вниманіе на воспаленіе („дикий огонь“) и „сочленовую воду“ („Gliedwasser“), подъ которой сначала нѣмецкіе хирурги подразумевали вѣроятно истеченіе синовіи при раненіи напр. колѣннаго сустава, а позднѣе этимъ именемъ стали обозначать и серозное выдѣленіе или отечную припухлость вокругъ открытыхъ ранъ, образованію коихъ вѣроятно не мало способствовало леченіе ихъ терпентиномъ. Главное правило при пользованіи этого осложненія состояло въ томъ, чтобы какъ можно дольше поддерживать свободное истеченіе этой жидкости и только позднѣе прибѣгать къ вяжущимъ для уменьшенія этого отдѣленія. вмѣстѣ съ наружными средствами примѣнялись и внутреннія, напр. настои изъ *rad. artemisiae vulgaris*, которымъ приписывали свойства, способствующія заживленію ранъ ²⁾).

При „вѣлыхъ“ ранахъ, а также при *при кожныхъ болѣзняхъ* примѣнялись преимущественно вяжущія и ѣдкія средства, какъ напр. мѣдный

¹⁾ Тамъ же, 789, 790.

²⁾ Тамъ же и 791.

кунорось, бѣлая известь, мышьякъ и т. п. Этими средствами лечились также болѣзни *половыхъ* органовъ и сифилисѣ.

Въ ученіи объ *инородныхъ тѣлахъ* обращаетъ на себя вниманіе основанная на богатомъ опытѣ глава объ извлеченіи стрѣлъ, которыя Pfolspreundt совѣтуетъ вынимать не слишкомъ рано.

Изъ *вывиховъ* подробно разсматривается только вывихъ плеча. При *сложныхъ переломахъ* или съ раздробленіемъ мѣсто перелома оставлялось открытымъ. Много мѣста посвящается „*искусству размячь кость*“ при дурно зажившихъ переломахъ, съ каковой цѣлью примѣнялись мягчительные пластыри, мази и масла, а въ упорныхъ случаяхъ—теплая ванна втеченіе 3 сутокъ.

При *грыжахъ* („отъ разрыва брюшины“) примѣнялись продолжительное покойное положеніе на спинѣ, а мѣстно—масло, приготовленное съ Euphorbia Lathyris ¹⁾.

Изъ *кровоныхъ операций* Pfolspreundt упоминаетъ только о *разширеніи ранъ* (напр. раны живота, для вправленія выпавшихъ внутренностей), операции *заячьей губы* и *ринопластики* ²⁾. Излишне сказать, что *пластическія* операции составляютъ самый интересный отдѣлъ Хирургіи Pfolspreundt'a, ибо отдѣлъ этотъ доказываетъ, что ринопластика по методу Бранки-младшаго еще до 1460 г. была занесена въ Германію итальянскими врачами. Pfolspreundt ясно говоритъ, что этой тайной онъ обязанъ итальянцу („*einem Waleu*“) и что онъ въ свою очередь открылъ ее двумъ собратамъ по ордену (имена коихъ, какъ видно изъ упомянутого штуттгартскаго *Извлеченія*—Hans von Tiffen и Heinrich von Baldenstetten, изъ нихъ послѣдній и былъ составителемъ этого *Извлеченія*).

Вотъ описаніе *ринопластики* по Pfolspreundt'у.

Прежде всего вырѣзывается модель образуемаго носа изъ пергамента или кожи, величиной съ потерю вещества. Эта модель кладется на то мѣсто плеча, которое послѣ многихъ пробъ (поднятіемъ и приближеніемъ руки къ лицу) окажется наиболѣе подходящимъ, и чернилами или другою краской намѣчаютъ на кожѣ контуры. Очерченная такимъ образомъ кожа отдѣляется ножомъ или бритвой сверху внизъ такъ, что для образованія мостика въ нижней части ведутъ разрѣзы на два поперечныхъ пальца дальше намѣченной нижней границы. Нижняя, обращенная къ предплечію, часть лоскута остается не отдѣленной. Затѣмъ рука кладется на голову, кожный лоскутъ соединяется съ остатками носа посредствомъ *кровоныхъ швовъ*, а рука привязывается неподвижно къ головѣ съ помощью платковъ и бинтовъ. На 8—10 день, когда послѣдовало сращеніе, мостикъ отдѣляется такъ, что остается достаточный кусокъ лоскута для соединенія съ верхней губой и образованія ноздрей. Для этой цѣли кожу на соответственномъ мѣстѣ верхней губы освѣжаютъ и, приладивъ и соединивъ съ мостикомъ, вставляютъ два пера, обмотанныя льномъ, въ

¹⁾ Тамъ же, 791. ²⁾ Тамъ же, 792.

новья поздри. Наконецъ для приданія носу надлежащей формы, на него (съ боковъ) накладываютъ мѣшечки. По возможности слѣдуетъ стараться облегчить положеніе больного при укрѣпленіи руки, что въ особенности достигается выкраиваніемъ достаточно длиннаго лоскута, а также болѣе раннимъ (на 8—10 день) отдѣленіемъ мостика, въ отличіе отъ способа Бранки-младшаго, отдѣлившаго мостикъ только на 15—20 день ¹⁾).

Изъ другихъ германскихъ хирурговъ XV в. извѣстны:

Hieronymus Brunschwig, изъ Страсбурга, изъ рода Saulegn (ок. 1450—1533), малообразованный, хотя и учившійся въ Болоньѣ, Падуѣ и Парижѣ. Онъ оставилъ недурную для перваго опыта въ этомъ родѣ *Хирургію*, подѣ заглавіемъ:

„*Dis ist das Buch der Chirurgia. Hantwirkung der Wundartzney* (Strassburg, 1497).

Эта книга обнимаетъ только раны вообще и въ отдѣльныхъ областяхъ тѣла, поврежденія отъ побоевъ и ушибовъ, кровотеченія, переломы и вывихи, трепанацію, ампутацію, а также хирургическіе рецепты. Въ своей книгѣ Бруншви́гъ упоминаетъ о другомъ нѣмецкомъ хирургѣ, по имени **Hans von Dockenburg**, удалившемъ у венгерскаго короля **Матвѣя** остріе стрѣлы, съ которымъ онъ долго носился. Особенный интересъ представляютъ замѣчанія Бруншви́га объ *оместрельныхъ ранахъ*—первое обстоятельное изложеніе этого предмета, такъ какъ сочиненіе **Giovani de Vigo**, трактующее о томъ же предметѣ, появилось только вначалѣ XVI в. (de Vigo, *Practica*, Rom. 1514).

Двадцать лѣтъ спустя послѣ обнародованія *Хирургіи* Бруншви́га появилось сочиненіе другого, болѣе образованнаго, страсбургскаго хирурга,

Hans von Gersdorf („*Schyl-Hans*, ок. 1517), въ небольшомъ объемѣ содержащее всю хирургію (такъ такъ все теоретическое исключено), подѣ заглавіемъ:

Feldbuch der Wundartzney, Strassburg, 1517 ²⁾).

Фармакологія и бальнеологія.

Число авторовъ, писавшихъ во второй половинѣ среднихъ вѣковъ о *materia medica* и *фармаціи*, гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать, что объясняется, съ одной стороны, господствовавшимъ тогда мнѣніемъ, что главное достоинство врача заключается въ знаніи медикаментовъ и тайныхъ средствъ, съ другой—значительнымъ развитіемъ ученія о дѣйствиіи лекарствъ, благодаря трудамъ византійцевъ и арабовъ, а также возникновенію на западѣ множества аптекъ. Многіе изъ писавшихъ о фармакологіи въ то же время разрабатывали также вопросы общей и частной патологіи и терапіи. Нѣкоторые изъ нихъ приведены уже выше, какъ

¹⁾ Тамъ же, 797—800. ²⁾ Morvitz, II, 180 и Haeser, *Grundriss der Geschichte der Medicin*, Jena, 1884, pp. 181, 182.

семья de Dondis (*Aggregator*), Mat. Sylvaticus, Симонъ Генуэзскій (*Словари*), Arnaldus Villanova (*De venenis*). Но особенной извѣстностью въ этой области пользуется упомянутый выше ¹⁾

Jean de St. Amand (ок. 1200), изъ Неппегау, каноникъ въ Tournay, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ одноименнымъ лейбъ-медикомъ папы Іоанна XXII. Онъ, какъ указано уже выше, оставилъ комментарий къ Николаю Препозиту, подъ названіемъ:

Expositio supra Antidotarium Nicolai (Venet. 1562). Это не только фармакологія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и недурная общая терапия, такъ какъ, кромѣ объясненія дѣйствія лекарствъ, сочиненіе это содержитъ показанія къ примѣненію различныхъ средствъ, а также различные методы леченія, какъ опорожняющій, симптоматическій и т. д.

Согласно St. Amand'у, симптоматическій методъ долженъ всегда играть меньшую и болѣе подчиненную роль, чѣмъ причинный методъ, но вполне примѣнимъ при жестокихъ боляхъ, слишкомъ большой опасности, при сильномъ истощеніи, чрезмѣрномъ жарѣ и т. п. Вообще врачъ не долженъ тотчасъ бросать начатое по извѣстному способу леченіе изъ-за скоропроходящихъ случайностей, равнымъ образомъ не долженъ постоянно оставаться при одномъ и томъ же средствѣ. Но объясненіе дѣйствія лекарствъ у St. Amand'a чисто-схоластическое. Такъ свойства лекарственныхъ веществъ онъ дѣлитъ на существенныя, случайныя и дѣйствительныя. Горячительныя средства, по его мнѣнію, дѣйствуютъ, „разжижая застоившіяся влаги, очищая, возбуждая и раскрывая ткани, не проникая въ ихъ существо, размягчая и притягивая соки; дѣйствуютъ же они такимъ образомъ въ силу своего состава, надѣдая плотныя ткани, вызывая красноту и зудъ, отчасти же изъязвляя ихъ и вызывая въ нихъ разложеніе“. Примѣненіе опіатовъ, особенно въ лихорадкахъ, онъ отвергаетъ, если не прибавлять къ нимъ розоваго масла или розовой воды ²⁾.

Petrus de Tussignana (ок. 1336), профессоръ въ Болоньѣ, оставилъ:

Recepta super nono Almansoris, Venet. 1490. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ врачомъ того же имени, учителемъ Салицето (ок. 1270), оставившимъ *Regimen sanitatis*, Paris, 1539, Lugd. 1535, и съ третьимъ, жившимъ въ концѣ XIV в., извѣстнымъ профессоромъ въ Болоньѣ, Павини и Феррарѣ ³⁾.

Christophorus de Honestis, изъ Болоньи, проф. во Флоренціи (ок. 1300), оставилъ:

Expositio super Antidotarium cum Tractatu de aqua hordei et modo faciendi pisanam, Bonon. 1488, Ferrar. 1488, Venet., 1562 ⁴⁾.

¹⁾ См. выше стр. 382.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 539—541.

³⁾ Ср. Sprengel, II, 613 и Morvitz, II, 116. ⁴⁾ Тамъ же, 119.

Этотъ комментарий есть въ полномъ смыслѣ слова—исторія *materiae medicae* и фармакологіи (Daremburg).

Saladinus Asculanus (ок. 1320) составилъ:

Compendium aromatariorum s. Lumen apothecariorum, Bonon. 1468, Ferrar. 1488, Venet. 1490 и слѣд.; испанскій переводъ: Rodriguez de Tudela, Pinc. 1515; итальянскій: P. Lauro, Venez. 1559.

Это сочиненіе содержитъ множество этическихъ правилъ, довольно пространную библиографію, интересное описаніе собиранія травъ и инвентарь предметовъ, которые должны всегда имѣться въ аптекахъ.

Интересныя данныя изъ исторіи фармакологіи представили также:

Jacobus de Manliis de Boscho (*Luminare majus super descriptiones Antidotarii et Practicae divi Mesue*, Venet. 1490, ed. Mutonus), Quiricus de Augustis (*Lumen apothecariorum*, Taurini, 1492), Tertbona (*Lumen apothecariorum*, Venet. 1497), Paulus Suardus, аптекаръ въ Миланѣ (*Thesaurus aromatariorum*, Mediol. 1507) и *Ricettario Fiorentino* (1489) ¹⁾.

Значительнаго развитія въ средніе вѣка достигла также

Токсикологія. Кромѣ упомянутаго уже трактата *De venenis* Арнольда Виллановы, въ этой области заслуживаетъ вниманія

Santes Ardoyno (Arduinus), изъ Pesaro, съ 1430 г. практиковавшій въ Венеціи и окончившій въ 1426 г. сочиненіе:

De venenis (Venet. 1492, Basil. 1562) ²⁾. Это весьма поучительная для исторіи токсикологіи книга: здѣсь приведено множество авторовъ и масса интересныхъ свѣдѣній по части медицинскихъ или народныхъ средствъ при отравленіяхъ. Изъ рекомендуемыхъ мѣръ предосторожности видно, какъ часто случались въ то время отравленія и какъ легко было уклоненіе отъ суда. Кромѣ того, здѣсь имѣются хорошія описанія симптомовъ отравленія растительными ядами ³⁾.

Еще большаго развитія въ средніе вѣка достигла

Бальнеологія, разработанная многочисленными авторами, сочиненія коихъ появились то отдѣльно, то въ сборникѣ подъ названіемъ:

De balneis omnia, quae exstunt apud Graecos, Latinos et Arabes etc. Venet. 1553. Сюда относятся:

Alcadinus, изъ Girgenti при Сиракузахъ (врачъ Генриха VI и Фридриха II, въ концѣ XII в.). Онъ оставилъ:

Carmen de balneis Puteolanis. Эта стариннѣйшая небольшая поэма о термахъ Puzzioli въ первыхъ изданіяхъ приписывалась вѣжкому Eustatius de Matera, на самомъ же дѣлѣ принадлежитъ Pietro d'Eboli, историографу швабскихъ импе-

¹⁾ Тамъ же, 120, 121, Daremburg, I, 349, De Renzi, l. c. II, 321 и Haeser, I, 849. ²⁾ Morvitz, II 121. ³⁾ Ср. Daremburg, I, 349.

раторовъ, и въ первомъ изданіи носитъ названіе: *Libellus de mirabilibus civitatis Puteolanae, Neapoli, 1475 [de Renzi], 1505, Venet. 1587 [Eustatius], Neapoli, 1596 [Alcadinus]* ¹⁾.

Petrus de Tussignana, *Tractatus de balneis Burmi apud Volturenos liber вѣ Collectio de balneis.*

Poggiius изъ Флоренціи, *Epist. de balneis Helvetiae* (тамъ же).

Gentilis de Fuligno, *De utilitatibus aquae balnei de Porrecta* (s. l. c. a.).

Michael Savonarola, *De balneis Italiae*, Venet. 1592.

Jakob (Giacomo) de Dondis, *De causis caliditatis aquarum Aponensium и De fontibus medicatis agri Patavini* (въ *Collectio de balneis*).

Johannes (Giovani) de Dondis, *De fontibus calidis agri Patavini* (въ *Coll. de balneis*)—важнѣйшее бальнеологическое сочиненіе XIV в.

Antonius Guainerius, *De balneis civitatis Aquensis in Monteferrato* (тамъ же).

Franz. Casini (въ концѣ XIV в.), *De balneis Petrioli* (тамъ же).

Joh. Ant. Pantheus (въ концѣ XV в.), *Confabulationes de thermis Calderianis in agro Veronensi, ubi de ferri, nitri, sulphuris natura vi ac medicina agitur s. l. c. a.*

Aleardus de Pedemontio (въ началѣ XV в.), *De virtute balneorum Calderianorum, de modo bibendi aquam, de diaeta et abstinentia sumentium balnea* (въ *Collect. de balneis*).

Ugolinus de Monte catino (въ началѣ XV в.), *Tract. de balneorum Italiae proprietatibus et viribus* (Тамъ же).

Hans Folz (царльничъ, ок. 1400), *Ein buchlein von allen paten die von Natur heisz sein. s. l. c. a. и Stuttgart, 1853* (въ *Bibl. d. Stuttg. liter. Vereins, B. 30*).

Clemens von Gracz (въ срединѣ XV в.), „Von allen paden dye von natur heyss sint“, въ стихахъ, Brün, 1495.

Ioh. Elysius (въ началѣ XVI в.), *Compendium de balneis tetius Campaniae et Aenariae insulae ejusque mirabili incendio* (въ *Coll. de balneis*).

Matth. Bendinelli (въ началѣ XVI в.), *Tract. de balneis Luccensibus Villae et Corsennae* (Тамъ же и Piscie 1489).

Traité des eaunes artificielles et les vertus et propriétés d'icelles prouffitants aux corps humains. Vienne, s. a. Авторъ неизвѣстенъ ²⁾.

Вообще пользованіе минеральными источниками унаслѣдовано средними вѣками отъ древности. Въ Италіи, кромѣ древнихъ Важае, чаще всего посѣщались термы Puzzuoli, Авано и Вогміо, изъ коихъ о послѣднихъ упоминаетъ Кассіодоръ ³⁾ и есть намекъ у Плинія ⁴⁾. Въ Германіи съ давнихъ временъ уже были извѣстны римлянамъ и рано вошли въ употребленіе источники Аазенъ, Баденъ-Баденъ, Бертрихъ, Баденъ въ Ааргау, Висбаденъ, а также Пирмонтъ, Швальбахъ, Hirschberg; со второй половины XIV в.—„дикія воды“ (Карлсбадъ, Wildbad въ Шварцвальдѣ), равно какъ и Гаштейнъ и множество другихъ.

Сезонъ минеральныхъ водъ обыкновенно назначался весной, позднѣе (по сю сторону Альповъ) и лѣтомъ, продолжался онъ только 9 дней, при-

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 313 и слѣд De Renzi, l. c. I, 284 и слѣд.

²⁾ Ср. Morvitz, II, 122, 123.

³⁾ Cassiodorus, *Varia*, X, 29. ⁴⁾ Plinius, *Histor. natur.*, II, c. 103.

чемъ купающіеся почти не выходили изъ воды. Внутри минеральныя воды начали употреблять гораздо позднѣе, причемъ выпивались огромныя количества съ цѣлью послабленія ¹⁾, Посѣтители по цѣлымъ днямъ проводили въ водѣ, безъ раздѣленія половъ, и тутъ же ѣли, пили и всячески развлекались, очевидно, еще не стѣсненные строгими діететическими предписаніями ²⁾.

Далеко слабѣе обработаны въ средніе вѣка другія отрасли медицины.

Офтальміатрія во второй половинѣ среднихъ вѣковъ мало подвинулась впередъ. Какъ и прежде, оперативная часть (операція катаракты) находилась въ рукахъ эмпириковъ, врачи же пользовали глазныя болѣзни преимущественно фармацевтическими средствами, которыми поэтому изобилуетъ любое средневѣковое руководство. Особенной извѣстностью пользовались глазные врачи изъ евреевъ (напр. окулистъ Abraham изъ Арагоніи, къ помощи котораго прибѣгалъ братъ Людовика IX, графъ Пуату и Тулузы ³⁾), Альфонсъ и вообще изъ уроженцевъ востока. Такъ Alessandro Benedetti († 1525) говоритъ:

„Haec chirurgices medicinae pars ad mercenarios, fabros rusticosque sese transtulit“... „In Asia medici ocularii hac aetate inveniuntur; apud alias nationes, vel in Italia, per quam paucissimi sunt, quoniam literas non didicere. Itaque ea medicinae pars Orientis dumtaxat nationibus exposita est“ ⁴⁾.

Такъ, извѣстнѣйшее въ послѣдній періодъ среднихъ вѣковъ сочиненіе по офтальміатрії составлено іерусалимскимъ уроженцемъ, повидимому евреемъ, практиковавшимъ также въ Салерно и Монпелье, по имени

Beneventus Graphaeus [Haeser] s. **Grassus Hierosolimitanus** [Daremborg]:

De oculorum affectionibus, 1474 (s. l.) и Venet. 1497.

Рукописи этого сочиненія находятся въ Бреславлѣ (*Ars probatissima oculorum*), Парижѣ и Ватиканѣ. Несмотря на довольно хвастливый тонъ (авторъ говоритъ, что онъ подарилъ міру „книгу, осѣщающую все тѣло“, что онъ занимается предметомъ, котораго „никогда до него не обработалъ практически и научно“), а также на позаимствованія у Iesu Alі и Абулказиса, — Daremborg, однако, нашелъ здѣсь и нѣкоторыя особенности, напр. указаніе на одинъ видъ катаракты, который явственно соотвѣтствуетъ глаукомѣ: цвѣтъ глазъ, внезапность заболѣванія, неизлечимость и другіе признаки не оставляютъ сомнѣнія относительно діагноза ⁵⁾.

¹⁾ Ср. Freitag, *Bilder aus deutscher Vergangenheit*, Leipzig, 1863 и Straeter, *De quelle manière prenait on les bains du temps de Charles Quint à Aix la Chappelle*. Aix la Chappelle, 1858. Ср. Haeser, I, 749. ²⁾ Тамъ же, 748.

³⁾ *Vaisette*, Histoire de Languedoc, IV, 499. Ср. Münz, l. c. p. 35.

⁴⁾ Ср. Haeser, l. c. 802. ⁵⁾ Daremborg, I, 302.

Еще въ большемъ упадкѣ находились:

Акушерство и гинекологія. Низкій уровень ихъ видѣнъ изъ приписываемыхъ Альберту Великому *Secreta mulierum*. За исключеніемъ Салерно, эта отрасль медицинскаго искусства была почти всецѣло захвачена невѣжественными женщинами; къ врачамъ же прибѣгали только для извлеченія мертваго плода или послѣда. Какъ это ни странно, но если акушерство не совсѣмъ пришло въ забвеніе, то этимъ оно болѣе всего обязано духовенству, заинтересованному въ сохраненіи жизни приходящихъ и не только грозившему вѣчнымъ наказаніемъ за изгнаніе плода, но предпринимавшему по временамъ даже кесарское сѣченіе и извлеченіе мертваго плода. Такъ, епископъ и врачъ,

Paulus изъ Merida (между 530—560)¹⁾, родомъ грекъ, поселившійся въ Emerita, произвелъ чревосѣченіе у живой первороженицы изъ высшаго класса, у которой „ipse infantulus in ventre collisus est“, уступивъ убѣдительнымъ просьбамъ ея мужа и монаховъ и предварительно проведши въ молитвѣ одинъ день и одну ночь:

„Manus in nomine Domini super infirmam imposuit, in spe Dei mira subtilitate incisionem subtilem subtili cum ferramento fecit, atque ipsum infantulum jam putridum membratim comradiatim (по кускамъ) astraxit“. Этотъ случай описанъ діакономъ Paulus изъ Merida (ок. 650) въ сочиненіи *De vita et miraculis patrum Emeritensium* (Мадридъ, 1651) и впервые воспроизведенъ Heusinger'омъ, по мнѣнію коего здѣсь рѣчь идетъ о *гипматочной беременности* и давно умершемъ плодѣ²⁾.

Далѣе изъ приписываемаго Арнольду Виллановѣ *Breviarium* видно, что автору были извѣстны смѣщенія и выпаденіе матки, истерика, поворотъ на головку и на ножки, удаленіе послѣда [рукой, а если это не удавалось, то съ помощью чихательныхъ средствъ (!), суевѣрныя же средства отвергаются какъ „безбожныя“], наконецъ извлеченіе мертваго плода, которому посвящена особая глава (*De extractione foetus mortui*). Интересно здѣсь еще описаніе процедуръ, къ которымъ прибѣгали неаполитанки, чтобы сдѣлать незамѣтнымъ лишеніе невинности³⁾.

Объ акушерскихъ операціяхъ Guy de Chauliac'a мы говорили уже выше⁴⁾. Подробный обзоръ средневѣковой гинекологіи имѣется въ приведенныхъ выше⁵⁾ сочиненіяхъ Francesco di Piedimonte (*Complementum Mesuae*, по Гиппократу, Галену, Аристотелю и Серрапіону) и Nicolo

¹⁾ Ср. Heusinger, *Ueber Paulus*, Arzt u. Bischof in Emerita, въ Janus, I, 764—770 и II, 618. ²⁾ Тамъ же, въ Janus, I, 769.

³⁾ *Breviarium*, ed. Basil. 1585, p. 1332 и слѣд. Ср. Haeser, I, 804.

⁴⁾ См. выше стр. 475. ⁵⁾ См. выше стр. 420 и 423.

Falsucci (*Sermones*), изъ коихъ sermo VI трактуетъ *de membris generationis, de dispositionibus matricis et annexis ei* и т. д., причемъ приведенъ также случай мнимаго кесарскаго сѣченія. Petrus Baugus одной роженицѣ, не бывшей въ состояннн разрѣшиться, назначилъ сидячую ванну изъ rulegium, внутрь питье изъ dictamnus, поручивъ въ тоже время „хирургамъ“ шептать ей на ухо: „*su, ca, midur*“, очевидно съ цѣлью воздѣйствовать на воображеніе, „*et statim reperit filium sanum*“¹⁾.

Дѣтскія болѣзни въ средніе вѣка также были запущены и вѣдались большею частью повивальными бабками. Изъ стариннѣйшихъ сочиненій по этой отрасли медицины извѣстны:

Paolo Baggelardo изъ Фіуме (Paulus Baggelardus a Flumine), *Libellus de infantium aegritudinibus ac remediis*, Patav. 1472, 1487.

Bartholomaeus Metlinger, *Reglament der jungen Kinder*, Augsburg, 1473.

Анонимнаго автора: *De aegritudinibus puerorum secundum Barbatum*, въ 60 главахъ (рукопись въ Бреславлѣ), вѣроятно по арабскимъ источникамъ—обнимаетъ почти всѣ болѣзни дѣтскаго возраста, но ограничивается преимущественно терапией. По поводу „*variolae*“ и „*morbilli*“ авторъ много распространяется о леченіи осложненій со стороны глазъ, носа и полости рта и предупрежденіи обезображивающихъ рубцовъ²⁾. Въ еще худшемъ состояннн въ средніе вѣка находилась

Психіатрія. Сохранившіяся сообщенія о душевныхъ разстройствахъ (ликантропнн, странтвующихъ самобичевателяхъ, эпидемической пляскѣ и пр.) не имѣютъ научнаго характера. Одержимые душевными болѣзнями либо лечились заклинаніями (для изгнанія демоновъ), либо помѣщались въ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ ихъ обыкновенно связывали, вообще же съ ними обращались довольно гуманно.

О первомъ подобнаго рода заведеннн для умалишенныхъ въ XII в. въ Багдадѣ упоминаетъ приведенный выше путешественникъ, Беньяминъ Тудела:

„*Ibidem* [въ Багдадѣ] *magnum est aedificium, cui nomen Dar Almeraphtan, id est habitaculum clementiae: quo omnes furiosos aestate inventos concludunt, singulos compedibus ferreis vinctos, donec ad mentem redeant, ibi eos relinquunt; tum singuli domum suam redeunt. Singulis enim mensibus regii praefecti in eos inquirunt, et si mens restituta sit dimittuntur, ut ad suos redeant. Haec omnia facit [rex], ut misericordiam exerseat in omnes, qui Bagdadum ingresi vel aegroti vel furiosi deprehenduntur*“³⁾.

Въ Испаннн, вѣроятно подѣ влияніемъ арабовъ, подобный прнютъ прежде всего былъ устроенъ въ Валенсіи (въ 1409 г.), затѣмъ таковыя же появились въ XV в. въ Сарагоссѣ, Севильѣ и Толедо; въ Германнн же еще раньше, а именно въ Гамбургѣ уже съ 1375 г., въ Брауншвейгѣ 100 лѣтъ спустя⁴⁾. Значительно лучше были обставлены въ средніе вѣка

Медицинская полиція и судебная медицина, зачатки коихъ встрѣчаются уже со временъ императора Фридриха II. Сюда относятся его распоряженія противъ зараженія воздуха гннющими веществами, отбросами, трупами

¹⁾ Ср. Haeser, I, 805. ²⁾ Тамъ же 805. ³⁾ Benjamin Tudela, *Itinera*, pp. 69, 70.

⁴⁾ Ср. Haeser, I, 806.

животныхъ и человѣческими, а также противъ фальсификаціи пищевыхъ веществъ и напитковъ, противъ продажи ядовъ, любовныхъ эликсировъ и т. п. ¹⁾ Точно также во многихъ городскихъ архивахъ Итали (Venevento, Gaëta, Aquila, Siena, Urbino, Неаполь и т. д.) сохранились многочисленныя распоряженія насчетъ чистоты улицъ, водопроводовъ, пищевыхъ веществъ, мельницъ, публичныхъ домовъ и т. д., а также относительно погребенія мнимоумершихъ и хорошаго содержанія плѣнныхъ, съ какой цѣлью, напр. во Флоренціи, назначались особые чиновники, врачи и священники. Во Франціи уже Людовикъ IX (1236—1270) запрещалъ обременять женщинъ тяжелой работой. Самые раннія распоряженія относительно чистоты улицъ, пищевыхъ веществъ, постройки зданій и т. п. сдѣланы въ Германіи, а именно въ Аугсбургѣ (въ 1104 г.) и Ульмѣ ²⁾.

Начало *судебной медицины* было положено римскимъ правомъ, установившимъ денежныя наказанія за причиненіе поврежденій, причемъ экспертами назначались находившіеся на государственной службѣ и другіе врачи. Но научное значеніе судебная медицина приобрѣла только въ XVI в. съ учрежденіемъ уголовного судопроизводства при императорѣ Карлѣ V.

Однимъ изъ самыхъ раннихъ судебно-медицинскихъ вопросовъ служила мужская способность къ произведенію потомства, съ каковой цѣлью устраивался, напр. во Франціи, т. н. пробный coitus, имѣвшій мѣсто въ присутствіи пожилой женщины ³⁾ и отмѣненный только въ XVII в.

Ретроспективный взглядъ на западную (неолатинскую) медицину.

Общая характеристика отдѣльныхъ вѣковъ.

Несмотря на широкое распространеніе и процвѣтаніе въ средніе вѣка популярной медицины на западѣ Европы, ей все таки никогда не удавалось подавить или вытѣснить медицину *научную*. Правда, популярная медицина нашла дорогу въ монастыри, дворцы вельможъ, въ бани и лавки цирюльниковъ, изъ коихъ въ послѣднихъ положено начало малой хирургіи (имѣвшей своихъ представителей и у римлянъ). Многочисленные слѣды суевѣрной медицины встрѣчаются даже въ научной медицинѣ салернской школы, но зато въ свою очередь популярная медицина не мало заимствовала у научной. И если съ IV по X в. на западѣ Европы преобладаетъ, съ одной стороны, народная медицина (Плиній, Plinius Valerianus, Arulejus, Marcellus и т. д.), то съ другой, рядомъ съ популярной мы видимъ въ VI в. претвореніе греко-латинской медицины въ научную новолатинскую, которая съ X вѣка смѣняется постепенно салернской меди-

¹⁾ Choulant, *Historisch-literarisches Jahrbuch*, Leipzig, 1838, II, 14; и слѣд. Ср. Haeser, I, 810.

²⁾ Тамъ же и 811.

³⁾ Тамъ же и Guy de Chauliac, *Collectorium*, Tract VI, 2, с. 7.

циной, служащей путеводной звѣздой для всей грамотной Европы и представляющей наслѣдіе старыхъ преданій Гипократа, Галена и другихъ авторовъ. Интересно, что и та и другая имѣютъ свою стихотворную и прозаическую литературы и что вслѣдъ за популярно-медицинскими поэмами (Maurus, Marbodns и др.) возникаютъ дидактическія поэмы салернской школы и Эгидія Корбейльскаго, а Kyranides и Hildegard уступаютъ мѣсто цѣлому ряду новолатинскихъ научно-медицинскихъ сочиненій какъ салернской, такъ и другихъ школъ. Что касается ученыхъ и врачей изъ духовенства и монашества (Альбертъ Великій, Тома Аквинскій, Vincent de Beauvais, Исидоръ, Беда, Hrabanus), то многіе изъ нихъ изучали *анатомію*, *физиологію* и даже *патологію*, всѣ же они были энциклопедистами и работали если не научную, то ученую медицину, не говоря уже о томъ, что своими энциклопедіями и резюме они оказали услугу исторіи, отмѣчая собою извѣстныя ея эпохи и служа нерѣдко отголосками утраченныхъ и недошедшихъ до насъ книгъ или доктринъ¹⁾.

Первой представительницей научнаго медицинскаго преданія была безспорно *салернская школа*, въ литературѣ которой можно различать два періода. Первый, представителемъ коего преимущественно служитъ Galienus, исходитъ изъ ново-латинскихъ переводовъ, особенно съ авторовъ, отличающихся *методическимъ* направленіемъ. Во второмъ періодѣ (XI в. и первыя двѣ трети XII в.) преобладающимъ направленіемъ становится *нумеральная патологія*, а представителями этого періода служатъ Тротула, Кофонъ, оба Платеарія, Вареоломей, Феррарій, Archimatthaeus. Всѣ эти авторы еще не знакомы съ арабами и говорятъ либо отъ своего имени, либо опираясь на Галена, Гипократа (*Aphorismi*, *Prognosticon*, *Epidemii*), Александра Траллеса, Павла Эгинскаго.

Съ этихъ же авторовъ начинается преподаваніе въ парижской школѣ и школѣ Монпелье (1137)²⁾.

Въ концѣ XII в. всей цивилизованной Европой завладѣваютъ арабы, чему начало положили переводы Герарда изъ Кремоны (1160), окончательное же завоеваніе европейской мысли арабами имѣло мѣсто только въ XIII в. Собственно говоря, въ преподаваніи сначала заняли мѣсто не арабы, а переводы Гипократа и Галена, сдѣланные съ арабскаго. Въ то же время, однако, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Монпелье, рядомъ съ сочиненіями арабовъ въ преподаваніи долго еще играли значительную роль салернскія сочиненія, а St-Amand, Gilbertus Anglicus, Bernhard Gordon, Петръ Испанскій (папа Іоаннъ XXII) были продолжателями салернцевъ.

¹⁾ Ср. D a r e m b e r g, *Hist. des sciences médicales*, I, 287—289.

²⁾ Тамъ же, 262.

Связующимъ звеномъ между старыми и новыми школами, быть можетъ служить Эгидій Корбейльскій, лейбъ-медикъ Филиппа Августа (1180—1223). Онъ былъ хорошо знакомъ съ школами какъ Салерно, такъ и Монпелье и подвергалъ ихъ довольно ѣдкой критикѣ¹⁾. Итакъ, вообще,

Двѣнадцатый вѣкъ принадлежитъ пополамъ салернцамъ и арабамъ²⁾.

Тринадцатый вѣкъ (первыя двѣ трети его) еще не представляетъ исключительнаго господства арабовъ, такъ какъ салернскіе авторы еще въ большомъ почетѣ. Во Франціи St.-Amand въ это время комментировалъ или сокращалъ множество книгъ Гиппократа и Галена (*Abbreviationes et Concordantiae*). Въ его сочиненіяхъ о materia medica греки и салернцы занимаютъ больше мѣста, чѣмъ арабы. Въ книгахъ обоихъ Richard'овъ³⁾, французскаго и англійскаго, въ *Lawrea* Gilbert'a, практиковавшаго во Франціи, замѣчается уже равновѣсіе между греками, салернцами и арабами. Gautier (Gualterius) въ своемъ *Сборникѣ*, составленномъ въ духѣ Эгидія Корбейльскаго (на основаніи признаковъ, представляемыхъ мочою), кромѣ Эгидія, называетъ только арабовъ и Константина Африканскаго. Въ то время какъ въ Италиі существовали два лагеря ученыхъ—консервативныхъ галенистовъ (въ Болонѣ) и прогрессивныхъ авероистовъ (въ Падуѣ), во Франціи между врачами господствовало полное согласіе и они брали какъ у грековъ, такъ и у арабовъ все, что имъ казалось хорошимъ. Характеристическую черту, общую всѣмъ средневѣковымъ писателямъ какъ во Франціи, такъ и въ Италиі, составляетъ вѣра въ астрологию и алхимию, хотя нѣкоторые, напр. Bernhard Gordon, совѣтывали не слишкомъ довѣрять алхиміи⁴⁾. Въ общемъ XIII в. былъ для всей цивилизованной Европы первымъ ренессансомъ въ области литературы и искусства; но для науки этотъ вѣкъ, какъ и XIV столѣтіе, былъ переходной эпохой, довольно бѣдной памятниками и нерѣшительной въ своихъ приѣмахъ, ибо медицина въ эту эпоху сначала живетъ насчетъ салернцевъ, затѣмъ переводами съ греческихъ авторовъ, наконецъ подчиняется игу арабской медицины. При этомъ въ ея развитіи замѣчается тройкій путь, по которому она слѣдовала, а именно: медицина теоретическая и практическая;—медицина популярная и суевѣрная и—медицина любителей и энциклопедистовъ. Захваты эмпиризма, всемогущество святыхъ, вмѣшательство теологіи и философіи въ медицинскія теоріи, слишкомъ строгая регламентація со стороны свѣтскихъ и духов-

¹⁾ Ср. Dagemberg, l. c. I, 282. ²⁾ Тамъ же, 313.

³⁾ Вообще врачей по имени „Richardus“ было нѣсколько: французъ, упоминаемый Эгидіемъ Корбейльскимъ (ок. 1220), англичанинъ, жившій въ Парижѣ († 1252), одинъ салернитанецъ и Richard de Fornival. Кто изъ нихъ авторъ *Анатоміи* (см. выше 448) и сочиненій *Practica* и *Signa*, нельзя рѣшить. Ср. Litttré, *Hist. lit. de la France*, vol. 21, p. 383 и Haeser, I, 737.

⁴⁾ Ср. Dagemberg, l. c. I, 286, 287.

ныхъ властей, вмѣстѣ съ авторитетомъ арабовъ, были таки взрядно тяжелыми оковами, отъ которыхъ не легко было освободиться даже выдающимся умамъ. Нельзя, однако, утверждать, чтобы въ XIII в. всеуже не было никакого прогресса: правительственная регламентація общественной гигиены (напр. въ Сиенѣ въ 1240 г.), установившійся обычай консультацій между врачами, открытіе госпиталей для больныхъ, учрежденіе институтовъ врачей для общинъ и армій, наконецъ появленіе выдающихся практиковъ, какъ Thaddaeus изъ Флоренціи,—все это несомнѣнный шагъ впередъ ¹⁾.

Четырнадцатый вѣкъ. Въ этомъ вѣкѣ, правда, медицина сначала не выходитъ изъ прежнихъ предѣловъ, а хирургія въ Италіи, какъ и во Франціи, сохранивъ принятый ею въ Салерно клинической характеръ, не дѣлаетъ еще замѣтныхъ успѣховъ, особенно по части операцій. Но зато *анатомія* выбивается на новую и лучшую дорогу и въ ней, какъ и въ *хирургіи*, въ концѣ концовъ также обнаруживающей задатки къ развитію, медицина находитъ опоры, чтобы пройти черезъ эти тяжелыя времена и добраться до середины XIV в., „когда, благодаря начинающимъ въ ней обращаться новымъ и болѣе здоровымъ сокамъ, возникаютъ зародыши, которымъ съ теченіемъ времени предназначено развиться въ пышный цвѣтъ новейшей медицины“ ²⁾. „XIV в., продолжаетъ D a g e m b e r g, есть *результатъ*, потому что онъ держалъ въ рукахъ всю греко-арабскую медицину, и вмѣстѣ —*вступленіе на новый путь* (achèvement), такъ какъ съ первыхъ же лѣтъ этого вѣка, по предложенію короля Роберта, Николай Реджіо вводитъ въ употребленіе новыя книги Галена, переведенныя имъ прямо съ греческаго и лучшимъ слогомъ, чѣмъ слогъ переводовъ, сдѣланныхъ арабами. XIV в. открылъ новые пути, потому что въ области анатоміи начинаютъ вскрывать человѣческія трупы, въ области практической медицины появляются *консультаціи*, а въ хирургіи болѣе разумныя методы леченія и хорошо сдѣланныя наблюденія, наконецъ потому, что во всѣхъ этихъ трехъ направленіяхъ тамъ и сямъ прорывается стремленіе къ самостоятельности по отношенію къ арабамъ, а иногда даже къ самому Галену,—что, однако, не мѣшаетъ и непосвященнымъ и ученымъ держаться на одномъ уровнѣ по отношенію къ суевѣріямъ и предрасудкамъ. Въ XIII в. Thaddaeus и его школа критикуютъ Галена и арабовъ, а аверроисты нападаютъ на ортодоксовъ. Въ XIV в. Петръ Абано старается примирить враждующія стороны; до него этихъ противорѣчій даже не замѣчали“.

Въ концѣ концовъ, однако, нужно признать, что въ XIV в. арабы занимаютъ всѣ позиціи, греки же извѣстны только по арабскимъ переводамъ и ученый міръ дѣлаетъ между собой передѣланный до неузнаваемости Галенъ и извращенный Аристотель ³⁾.

¹⁾ Ср. D a g e m b e r g, I, 290.

²⁾ Тамъ же и 302.

³⁾ Тамъ же, 304 и 313.

Пятнадцатый вѣкъ, повидимому, весьма дѣятеленъ, но въ то же время бесплоденъ. Онъ активенъ для медицины и другихъ отраслей чело-вѣческаго знанія, такъ какъ производитъ множество книгъ. Но онъ бесплоденъ, такъ какъ нельзя указать въ немъ почти никакого истинно-научнаго прогресса. Кипучая дѣятельность XV в. выражается въ копированіи древнихъ сочиненій и открытіи почти во всѣхъ большихъ городахъ типографій, способствовавшихъ умноженію числа экземпляровъ.

Что касается сочиненій авторовъ XV в. (Guainerius, Tornamira, Guilielmus de Brescia, Hugo Bencius, Savonarola, Montagnana, Mat. de Ferraris, Baverius de Baveriis, Arculanus и проч.), какія бы они не носили названія (*Комментаріи, Practica, Сборники, Consilia, Clarificatoria, Regimen sanitatis, Antidotarium* и т. д.), то они не что иное, какъ разширенія, дополненія, сокращенія, подражанія или передѣлки арабскихъ сочиненій и содержатъ тѣ же доктрины общей патологіи, ту же носологію, довольно варварскую хирургию, несмотря на нѣкоторыя хорошія правила, преподаанныя Guy de Chauliac'омъ,—далѣе тѣ же бесплодныя разсужденія въ области физиологіи и недостаточныя свѣдѣнія въ анатоміи, несмотря на нѣсколько „Опытовъ чело-вѣческой анатоміи“, наконецъ такое же пристрастіе къ астрологіи, какое имѣлъ и XIV в.

Вообще XV в., болѣе догматическій и болѣе рѣшительный, чѣмъ XIV в., изображаетъ собой какъ бы перечень (*sommaire*) и предисловіе: *перечень* потому, что этотъ вѣкъ, подъ различными формами, даетъ намъ сущность арабской медицины, которая сама по себѣ не болѣе какъ осколокъ съ греческой медицины, въ особенности Галена, а *Большой комментарий* къ Авиценнѣ сгруппировалъ вокругъ его текста все, что было придумано теоріей и наблюдено практикой; *предисловіе* же XV в. изображаетъ потому, что сквозь толкованія текста онъ даетъ провидѣть, особенно въ послѣдніе годы, пробивающееся стремленіе къ *наблюденію и изученію природы* (*Consilia*, вскрытія). XV в., слѣдовательно—послѣдній изъ консервативныхъ вѣковъ, начинающихся съ V в. Во весь этотъ длинный, тысячелѣтній періодъ „матеріалъ медицины оставался неизмѣннымъ, едва-едва обогащаясь нѣкоторыми приобрѣтеніями, и то благодаря болѣе случаю, нежели духу изобрѣтенія. Старыя ученія догматизма заполонили собой сначала греческія энциклопедіи, затѣмъ новолатинскія школы, салернскую школу и наконецъ арабовъ. Въ этой церкви не было спасенія, никто впрочемъ и не думалъ ни уходить, ни образовать ересь: автократія добросовѣстно передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе, безъ потрясеній, безъ революцій“¹⁾. И пройдетъ еще цѣлый XVI в. въ медленномъ подго-

¹⁾ Тамъ же, I, 307 и 319—321

товленіи открытій по анатоміи и физиологіи, которыя, увѣнчавшись открытїемъ кровообращенія, разрушатъ въ конецъ старыя вѣрованія и поведутъ къ радикальному перевороту во всей медицинѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить, что въ теченіе почти двадцати вѣковъ всячески старались доказывать, что сердце не сдѣлано для кровообращенія, что задача легкихъ—охлаждать сердце, что желудокъ устроенъ для того, чтобы механически *растирать* или въ буквальномъ смыслѣ *варить* пищевыя вещества; что нервы большею частью созданы для того, чтобы *тянуть* [за мыщцы], такъ же, какъ и для чувства; что артеріи должны получать немного крови и много воздуха, а вены, наоборотъ, должны содержать много пластической крови и немного воздуха; что селезенка вырабатываетъ черную желчь, что хиль совершенствуется въ печени, въ которой берутъ начало вены; что зародышь есть продуктъ двойкаго сѣмени, что въ маткѣ имѣются особыя полости для мальчиковъ и особыя для дѣвочекъ; что страданія грудныхъ и брюшныхъ органовъ и даже коксальгія происходятъ отъ нистекающей изъ головы катарральной слизи; далѣе, если вспомнить, что втеченіе почти столькихъ же вѣковъ спорили о выборѣ мѣста для кровопусканія, о специфическомъ дѣйствіи слабительныхъ по отношенію къ различнымъ влагамъ,—то сколько понадобилось сначала наблюденій, затѣмъ усиленной работы мысли, наконецъ, какую нужно было выдержать упорную борьбу, чтобы сокрушить такія грубыя и многочисленныя заблужденія. И потомъ, сколько труда, сколько усилій мысли стоило, чтобы заставить признать кровообращеніе и множество другихъ истинъ? Да и самое кровообращеніе, открытіе коего подготовлялось издавна и которое въ свою очередь повело къ другимъ открытіямъ, принадлежитъ только XVII столѣтію. Чтобы дойти до этого открытія, мало было однихъ благоприятныхъ условій для наблюденія, для экспериментальнаго метода и научной критики, необходимо было еще, чтобы анатомъ искусной рукой и упорнымъ трудомъ установилъ дѣйствительныя анатомическія отношенія частей и приготовилъ всѣ факты (до заслонокъ въ венахъ, описанныхъ Фабриціемъ изъ Аквапенденте), для того, чтобы функція могла выполняться легко и безъ препятствій. Нужно было закрыть воображаемыя отверстія, исправить старыя и намѣтить новыя пути, переимѣстить начало сосудовъ, изгнать воздухъ изъ артерій, точно установить анастомозы обоого рода сосудовъ въ существѣ самыхъ тканей и перегородить на извѣстныхъ разстояніяхъ крупныя вены заслонками, устроенными такъ, что преграждаютъ обратный путь движущейся впередъ крови. И такъ какъ одно открытіе потребовало столькихъ подготовительныхъ работъ и условій, то неудивительно, что простое оставленіе арабовъ для возврата къ грекамъ не принесло существенной пользы медицинѣ, ибо это значило оставить заблужденія, облеченныя въ

замысловатыя восточныя формы, для тѣхъ же заблужденій, выраженныхъ въ болѣе блестящей и простой формѣ. Возрожденіе медицины, поэтому, не могло съ точностью совпасть съ возрожденіемъ наукъ. XVI вѣкъ представляетъ только рядъ приготовленій къ этому возрожденію, это—великій вѣкъ описательной анатоміи, XV же вѣку принадлежитъ лишь та заслуга, что онъ „родилъ“ XVI в. Только XVII вѣкъ сталъ великимъ вѣкомъ анатоміи тканей и экспериментальной фізіологіи, а въ XVIII вѣкѣ медицина, теоретическая и практическая, опираясь на анатомію, фізіологію и химію, могла уже спокойно начать свою реформу съ помощью клиническаго наблюденія ¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, 322—325.

Эпидемическія и новыя болѣзни во второй половинѣ среднихъ вѣковъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ болѣзней, каковы проказа, венерическія болѣзни, а также этиологическихъ моментовъ, способствовавшихъ ихъ развитію и распространенію, мы уже коснулись выше. Здѣсь мы рассмотримъ ихъ нѣсколько подробнѣе.

Въ числѣ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію новыхъ и ожесточенію извѣстныхъ уже эпидемическихъ болѣзней первое мѣсто занимаютъ безпрестанныя массовыя передвиженія и перекочевыванія отдѣльныхъ личностей, въ особенности же крестовые походы. Этотъ недостатокъ прочной осѣдлости въ свою очередь породилъ непрочность собственности, лѣность, отвращеніе къ работѣ, плохое воздѣлываніе земли и, какъ неизбѣжныя слѣдствія всего этого, плохое проморожаніе кормовыхъ растений, дороговизну, голодовки, пролетаріатъ и недостаточное, плохое питаніе населенія. Если къ этому прибавить упомянутыя уже выше нечистоплотность, цѣлованіе прокаженныхъ, считавшееся душеспасительнымъ средствомъ даже коронованными особами, превращеніе бань и монастырей въ притоны разврата, тѣсноту и плохую вентиляцію жилищъ въ обнесенныхъ стѣнами городахъ и даже деревняхъ, наконецъ непрерывныя войны и противогигиеническое погребеніе мертвыхъ при церквахъ посреди городовъ и селъ, то станеть понятнымъ, что все это въ сильной степени должно было благоприятствовать возникновенію прилипчивыхъ болѣзней и массовыхъ заболѣваній, равно какъ и видоизмѣненію и эпидемическому проявленію такихъ болѣзней, которыя прежде отличались не столь злокачественнымъ характеромъ. Самая древнѣйшая изъ этихъ болѣзней есть, безспорно,

Проксаза (*Lepra Arabum* s. *Elephantiasis Graecorum*, *Zaraath* Моисея).

Въ древности этимъ собирательнымъ именемъ обозначались самыя различныя незаразительныя и прилипчивыя кожныя болѣзни, въ томъ числѣ и собственно проказа. Древніе, правда, не могли знать бактериальнаго происхожденія проказы, установленнаго нынѣ открытіями Hansen'a и Neisser'a (*bacillus leprae*), но имъ хорошо была извѣстна большая или меньшая заразительность этой болѣзни во всѣхъ фазахъ ея развитія, хотя, съ другой стороны, они придерживались и оставленнаго нынѣ стараго воззрѣнія о наследственности проказы или приобрѣтенія ея путемъ употребленія въ пищу рыбъ. Изъ двухъ основныхъ формъ проказы: „*lepra in cute*“ и „*lepra in carne*“,—одни, какъ Моисей, описывали только болѣе легкія и то лишь начальныя формы „*seeth*, *saracath* или *bahereth*“, т. е. *morphea* (у Моисея даже объ анестезіи нѣтъ рѣчи), другіе, какъ Аретей—болѣе тяжелыя формы или бугристую проказу съ мутиляціей членовъ и проч. Была ли древнимъ извѣстна смѣшанная проказа (*l. mixta*), въ которой признаки обѣихъ формъ встрѣчались у одного и того же лица, съ достовѣрностью нельзя рѣшить. Кромѣ того, въ настоящее время еще спорятъ о томъ, соответствуетъ ли вообще библейская *zaraath* нашимъ понятіямъ о проказѣ. Хотя новѣйшія ученныя изслѣдованія проф.

*Микса*¹⁾ и выскания въ этой области д-ра *Р. Кулишера*²⁾ пролили много свѣта на эту загадочную главу ветхаго завета (Левиты, XIII), тѣмъ не менѣе еще не выяснено окончательно, дѣйствительно ли библейская „загаath“ только песь (vitiligo), какъ остроумно доказываетъ проф. *Мнихъ* на основаніи сдѣланныхъ имъ въ Туркестанѣ наблюденій надъ подобными больными, изолируемыми въ этомъ край даже въ случаяхъ простой vitiligo, которая также, какъ и morpha, рассматривается населеніемъ какъ наказаніе свыше. Къ этому же мнѣнію, повидному, склоняется и д-ръ *Кулишеръ*, приводящій въ подтвержденіе этого взгляда тотъ фактъ, что въ древности при внезапномъ появленіи на всемъ тѣлѣ пятенъ vitiliginis, жрецъ объявлялъ больного чистымъ, такъ какъ это означало, что наказаніе окончено и грѣхъ искупленъ. Весьма мало вѣроятія имѣеть гипотеза д-ра *Каценельсона* (высказанная впрочемъ уже ранѣе его д-ромъ *Кулишеромъ*, относительно упоминаемыхъ въ Библии подозрительныхъ пятенъ на стѣнахъ домовъ и платьѣ) о тождествѣ библейской „загаath“ и herpes tonsurans, которую, по его словамъ, законодатель „преимущественно“ имѣлъ въ виду, когда писалъ XIII главу Левитовъ³⁾. Эта гипотеза мало вѣжется какъ съ точкой зрѣнія приличности, отнюдь не настолько сильной въ стригущемъ лишайѣ на туловищѣ, чтобы требовать удаленія изъ общества, такъ и съ взглядомъ на „загаath“ какъ на наказаніе Божіе, которое въ этомъ случаѣ оказывается вовсе не столь тяжкимъ, какое только и могъ имѣть въ виду законодатель. Первый усомнившійся въ тождествѣ „загаath“ и проказы, былъ *Небга*, а за нимъ *Каросі*, согласно которому это какая-то „мокачественная, трудно или вовсе неизлечимая, быть можетъ и прилипчивая болѣзнь кожи, примѣнная и къ проказѣ, но также къ чесоткѣ и къ простымъ язвамъ отъ ожога“⁴⁾. Правдоподобіе всего, быть можетъ, предположеніе, что „загаath“ Моисея все такъ тождественна и съ легра *Агавимъ* и въ его время проявлялась именно въ такой формѣ, въ какой она изображена въ гл. XIII Левитовъ, но что впоследствии она подъ вліяніемъ различныхъ причинъ видоизмѣнилась и осложнилась принадлежками, составляющими картину болѣе тяжелой формы проказы.

Родина проказы несомнѣнно — востокъ. Въ древности главными очагами ея были Египетъ и Іудея, около 1500 г. до Р. X. (кн. III Моисей, гл. 13), а также Индія (*Susgutas, Arehigenes* у *Аэція*⁵⁾).

Въ Европу (въ Италію и Испанію) она впервые была занесена возвратившейся съ востока римской арміей *Помпея*. Въ первые вѣка христіанской эры объ ней упоминають *Цельсусъ*, совѣтовавшій лечить ее потогоннымъ способомъ (паровыми ваннами), и *Аретей*, прибѣгавшій къ helleborus, сѣрнымъ ваннамъ и кормленію мясомъ гадюки, каковой способъ принятъ также *Музой* и *Архигеномъ*. Въ Галліи проказа появилась уже во второмъ вѣкѣ послѣ Р. X. *Соранъ* Эфесскій пользовалъ многочисленныхъ прокаженныхъ въ Аквитаніи. Первая „лепрозерія“ во Франціи основана въ среднѣмъ VIII в. аббатомъ монастыря *Corbie*, *Николаемъ*, въ Германіи — въ томъ же вѣкѣ аббатомъ *Отмаромъ*. Чаше же всего проказа стала встрѣчаться послѣ крестовыхъ походовъ, начиная съ XI и вплоть до XV столѣтія. Въ Скандинавіи первыя лепозеріи основаны только въ XII—XIII в.⁶⁾

¹⁾ Проф. *И. Мнихъ*, *Проказа и песь*, Кіевъ, 1890.

²⁾ Д-ръ *Р. Кулишеръ*, *Что такое „загаath“?* въ евр. сборникѣ „*Gan Perachim*“. Варшава, 1892. ³⁾ Д-ръ *Каценельсонъ*, „*Имена кожныхъ болѣзней въ Священномъ Писаніи*“, въ *Наждѣ*, годичномъ приложеніи къ газетѣ „*Гамелицъ*“ за 1894 г.

⁴⁾ *Каросі*, *Hautkrankheiten*, Wien, 1887; p. 3.

⁵⁾ *Aëtius*, *Tetrabiblon* IV, sermo I, c. 122 (ed. Basıl. 1535, II, 414).

⁶⁾ Ср. *E. Dupouy*, *Le moyen âge médical*, Paris, 1888, p. 90 и *A. Hirseh*, *Handbuch der historisch-geographischen Pathologie*, Berlin, 1860.

Въ Россіи (Кіевѣ) леченіе проказы производилось уже въ концѣ XI в. иноземными врачами, а также волхвами и въ монастырскихъ стѣнахъ, какъ и на западѣ¹⁾.

Арабы различали 4 вида проказы (*dschudlam*), соответствующіе 4 кардинальнымъ влагамъ Галена: *lepra elephantina* (отъ черной желчи), *l. leopina* (отъ желтой желчи), *l. alopecia* (отъ крови) и *l. tygia* (отъ слезъ). Кромѣ того они относили еще сюда *al-barras* (*alba et nigra*) и *morphea* (вѣроятно тоже, что *vitiligo*, *leuke* и *melas Цельса*). Наконецъ они различали еще *dal-fil* или неизвѣстную грекамъ пахидермию *elephantiasis Arabum* (*Rhazes, Serapion, Ebn Zohar, Haly-Abbas*).

На западѣ, гдѣ втеченіи XII и XIII вв. проказа развилась въ настоящую эпидемію, эта болѣзнь естественно привлекала вниманіе всѣхъ выдающихся средневѣковыхъ врачей XI вплоть до XVI вѣка, каковы: Константинъ Африканскій, Roger, Roland, Vitalis de Furno, Гордонъ, Gilbert, Gaddesden, Glanville, Виллакова, Theodorico, Саллицето, Монтаньяна, Ланфранкъ, Guy de Chauliac, нѣмецъ Hans Gersdorf и др. Но въ своихъ воззрѣніяхъ на характеръ болѣзни и способахъ борьбы съ нею они не ушли дальше ученія арабовъ и салерской школы и полагія ихъ о *morphea*, въ составъ которой входили также *baltae*, *alphas*, *leuke* и *vitiligo*. Это понятіе о *morphea* господствовало во весь средневѣковой періодъ медицины и потому средневѣковые врачи, почти безъ исключеній, ограничивались, подобно Моисею, описаніемъ лишь „начатковъ“ и низшихъ степеней, т. е. переныхъ, болѣе легкихъ признаковъ болѣзни. Главная задача состояла лишь въ распознаваніи этихъ признаковъ, чтобы издавать болѣзнь въ самомъ зародившійся ея, а такъ какъ это почти никогда не удавалось, то, по крайней мѣрѣ, изолировать больныхъ. Описаніе же бугристой (узловой) проказы, съ язвами, разрушеніемъ и обезображеніемъ концовъ конечностей и проч., почти не встрѣчается у средневѣковыхъ врачей, даже у тивичнѣйшаго и лучшаго между ними — Guy de Chauliac'a. По его мнѣнію, проказа всегда происходитъ отъ расстройства внутреннихъ органовъ вслѣдствіе дурного свойства воздуха и пищи, зараженія или наслѣдственности. Вотъ общая картина проказы по *Chauliac*'у:

„Вѣки и брови опухши, выпаденіе рѣсницъ и бровей, на мѣстѣ концы вырастаютъ тоненькія волосинки. Изъявленіе перегородки носа; зловоніе изъ носа, зловонный языкъ дурной запахъ выдыхаемаго воздуха, тяжелое дыханіе, утолщеніе, затвердѣлость, трещины и блеклый цвѣтъ губъ, неровности и изъявленія на деснахъ, голосъ глухой. Чешуйчатая перхоть въ волосахъ, землистый цвѣтъ лица, неподвижный взглядъ, отвратительный видъ, губы, гладкіе какъ рога, пупы на лицѣ; вены на груди утолщены, соски твердые. Источеніе мышцъ руки, въ особенности большаго и указательнаго пальцевъ; землистый цвѣтъ и расстрескиваніе ногтей. Охлажденіе конечностей, на которыхъ видны серпигинозные виски; нечувствительность кожи голени, раскоженіе сочлененій и бугристость кругомъ. Подъ вліяніемъ холода на кожѣ появляются возвышенія какъ на кожѣ обшлепенаго гуся (гусиная кожа). Ощущеніе пощипываній, изъявленія кожи. Тяжелый сонъ, слабый пульсъ, дурной запахъ пота и крови, которая представляется вязкой, маркой и песчаной на ощупь послѣ ея сжиганія, чернаго или фіолетоваго цвѣта“²⁾.

Очевидно, хотя *Chauliac* и говоритъ о бугристости кругомъ составовъ и раскоженіи ихъ, но у него нѣтъ и намекъ на мутималію и отпаденіе членовъ.

Вообще признави болѣзни онъ раздѣляетъ на а) „*symptomata dispositivis*“—дурной цвѣтъ лица, *morphea*, „*scabies*“ и зловонныя отдѣленія (*superfluitates foetentes: vomitii potus* и т. д.) и б) „*symptomata actus*“—явленія самой болѣзни,

¹⁾ Патерикъ Петерскій (примѣч. Редакціи).

²⁾ Приведено у E. Dupouy, *Le moyen âge médical*, p. 98 (Paris, 1886).

распадающихся въ свою очередь на существенныя или несущественныя только проказы („signa univosa“) и несущественныя („signa aequivosa“), встречающимися и при другияхъ болѣзняхъ. Существенныхъ признаковъ онъ насчитываетъ шесть: 1) „osculorum et aurium rotunditas“, 2) распуханіе вѣкъ и глазъ и выпаденіе рѣсницъ, 3) распуханіе и искривленіе („tortura“) носа, суженіе ноздрей и продираленіе перегородки носа. 4) „labiorum foeditas“ (дурной цвѣтъ и обезображиваніе губъ), 5) хрипный и гнусавый голосъ. 6) тупой, дикій, неподвижный, сатиричодобный взглядъ. Къ второстепеннымъ принадлежатъ (ихъ 14) относятся: сначала плотность и вздутіе и затѣмъ атрофія миндаль, нечистый цвѣтъ кожи („color morpheatus“), выпаденіе волосъ, мечуэствительность, „scabies“ и сипы, зерновидныя новообразованія подъ языкомъ, чувствъ жженія и колотья въ кожѣ, шероховатость кожи (гусиная кожа), обильное отдѣленіе изъ салынныхъ железокъ, отсутствіе лихорадки, особенныя свойства крови (пемельно-сѣрый, чернѣй цвѣтъ, при обработкѣ водою получается „саго агелоза, глапшюза et гамбоза“; быстро растворяетъ соль и т. д.) и почки (бѣлый или сѣрый осадокъ), наконецъ слабость пульса, хитрость и безпокойные сны. Далѣе Chaulliacъ упоминаетъ на матовой цвѣтъ склеротики („alba osculorum tenebrosa“), на язвы въ носу, на губахъ и языкѣ, на коровное и злоеонное дыханіе, на ошѣпчаніе холодъ и нечувствительность кожи, напр. пизинцевъ рукъ и ногъ („digiti medici“ чемырель учителей) и въ особенности области Ахиллова сухожилія („retrotalponem et tibiam“) къ уколамъ булавию, а также на то, что вода къ кожѣ проваженныхъ не приотаетъ (отъ обильнаго отдѣленія салынныхъ железъ), соль же остается, наконецъ на отсутствіе гусиной кожи при лихорадкѣ. Что касается образованія бугровъ на кожѣ, ихъ чашеоси, разрушенія и отпаденія фалангъ, то они у Chaulliac'a описаны также мало, какъ и у другихъ средневѣковыхъ врачей, такъ какъ съ момента объявленія болыного отлученія („sacraatus“) и постуаленія въ „малантерію“ онъ болыше не поддежалъ наблюденію врача.

Леченіе состояло въ соблюденіи діеты, прирѣшенія слабительныхъ (кроволукамія набѣгалась) и настоа мяса задокъ¹⁾.

Относительно причинъ широкаго распространенія проказы въ Европѣ въ средніе вѣки, начиная съ 1000 г. до Р. X., необходимо признать, что время нечужеземныхъ вліаній (маларійныя мѣстности, побережья Средиземнаго моря) и гигіеническихъ условий (бѣдность, неопрятность, безразличность, исключительное употребленіе грубаго ржанаго хлѣба, соленаго мяса, соеной рыбы и т. д.) главная роль здѣсь принадлежитъ причинному зараженію сначала между безчисленными толпами бродягъ, нищихъ и публичныхъ женщинъ, а потомъ, когда вслѣдствіе крестовыхъ походовъ народъ и дворянство смѣшались между собою и плотныя, воздвигнутыя раздѣленіемъ сословій, бѣли уничтожены, ничто уже не могло помѣшать проникновенію заразителнаго яда, черезъ колтиска или гриппозъ и крестоносцевъ, во всѣ слои общества²⁾.

Съ другой стороны, однако, нельзя отрицать, что усиленіе проказы въ средніе вѣка въ значительной степени было отчасти камуцееся, такъ какъ о тонкомъ различіи между распознаваніемъ въ то время мало заботились и множество одержимыхъ самими разнообразными хроническими сынями безъ разбора принимались въ асарозеріи съ діагнозомъ проказы. Въ особенности же это относится къ огромному числу сифилиитиковъ съ вторичными и третичными явленіями, значеніе коихъ тогда еще оставалось неизвѣстнымъ,

¹⁾ Guy de Chaulliac, *Chirurgia magna*, VI, dect. 1, сс. 2, 3. Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ Chaulliacъ описываетъ нечувствительность кожи подъ названіемъ „morphea alba et nigra“. Ср. Гезертъ, *Исторія новоявленныхъ болѣзней*, перев. В. Манасосина, I, стр. 66—70 (СПб. 1866). ²⁾ Тамъ же, 74.

вследствие чего их причисляли къ проказѣ и одержимыхъ этими привидѣнiami безъ дальнѣйшихъ разсужденій отпращали въ крѣпости для промазанныхъ. Это обстоятельство, при заразительности сифлиса, легко объясняетъ предполагаемое вліаніе крестовыхъ походовъ на усиленіе проказы. Тѣмъ не менѣе, втеченіе XII—XV вѣковъ проказа была несомнѣнно одной изъ наиболѣе распространенныхъ хроническихъ конституціональных болѣзней, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя современныя руководства по медицине¹⁾. XVI же вѣкъ представляетъ поворотный пунктъ въ исторіи проказы, но крайней мѣрѣ въ Европѣ. Исчезновеніе проказы къ концу XV в. началось въ разныхъ странахъ въ порядкѣ улучшенія въ нихъ культуры и распространенія высшего образованія, а именно прежде всего въ опереждающей другія страны своею культурою Италиі (Beniveni²⁾), Амаціи Lusitanus³⁾), Marcellus Donatus⁴⁾), вѣроятно позже оно имѣло мѣсто въ Испаніи и Франціи, изъ коихъ въ послѣдней проказа продержалась до начала XVII в., еще подлѣе—въ Голландіи и сѣверной Германіи. Долѣе всего она продержалась въ Швейцаріи. Въ Россіи, по словамъ Гезеръ, о проказѣ говорилось въ первый разъ лишь въ 1462 г.⁵⁾ Но это неутѣрно, потому что въ Россіи, какъ сказано, ее лечили уже въ XI в. Прибавимъ къ этому что въ лѣтописи (подъ 1468 г.) упоминается о „коростѣ“ (по Рихтеру „Lepga“), отъ которой, по словамъ лѣтописца, „отъ сентября до Филиппова саргоуѣна (нездѣшны ноябрь) люди многіе мари“⁶⁾.

Не менѣе, если не болѣе уяснимъ по послѣдствіямъ, чѣмъ проказа, была въ средніе вѣка

Спащенныи или Антемовъ огонь (ignis sacer, ignis persicus или mal des ardents, pestilentialis ignis, ignis plaga, ignis occultus, mortifer ardor, „Nar Parsi“ арабовъ), каковыми назывались со времени Цезаря обозначались самыя разнообразныя пораженія

¹⁾ Аверроар (*Almeissir*, lib. II. tr. VII cap. 3—5. 11. Venet. 1490 fol. 30 b.). Аверроес (*Kolliget*, IV, cap. 37). Theodoricus (*Chirurgia*, III. cap. 50 сл. въ Art. Chir. script. coll. Venet. 1546, 175) и Arnaldus Villanova (*Breviar.* II cap. 52 и *De signis depressor.* libellus въ Opp. Basil. 1585. p. 1313. 1521). Constantinus Africanus (*De morbis cogn. et curand.* lib. VII cap. 17—19 и de remediis cap. 46. 47. Opp. Basil. 1536, p. 160, 186); даже De Elephantia liber у Albucasis'a (*Math. med.* Basil. 1541, p. 322), Platearius (*Pract. brev.*, liber de aegritud. cutis cap. 1. 2 in *Pract. Serapionis* Lugd. 1525. fol. 221. 222), Guilielmus de Saliceto (*Chirurgia*, lib. I cap. 18. 64 въ *Collect. chirurg.*) и Vitalis de Furmo (*Remed. et curat.* liber cap. 202 Mogunt. 1531). Gordon (*Lilium med.* I. cap. 22, 23. Lugd. 1574 p. 49) Lanfrancus (*Chir. Doctr.* I tract. III, cap. 2, 6, 7 въ *Collect. chirurg.* 207). Guido de Cauliaco (*Chirurg. magn.* VI. D. I, cap. 2. 3. Lugd. 1572. p. 307) и Valescus de Taranta (*Philonium*, lib. VIII, cap. 18—21. Lugd. 1490. fol. 242). Gilbertus (*Compend. med.* Lugd. 1510. fol. 336), Gaddesden (*Rosa Anglica.* lib. IV cap. 18. 19. III tract. V, cap. 8); Actuarius (*Method. med.* II. cap. 11. IV cap. 15. V cap. 6, VI cap. 8. въ *Collect. Steph.* 187. 242. 258. 319) и Nicolaus Myrepsus (*Antidotarium*, Sect. I, cap. 355. 460. 465. III cap. 88. VIII cap. 79 и т. д.). Cp. Hirsch, l. c., 307, 308.

²⁾ Beniveni, *De abdit. morb. caus.* c. 28 въ Dodonaei *Medic. observ. exempla*, Lugd. Bat. 1585, p. 241.

³⁾ Amatus Lusitanus, *Curat. med. cent.* II, cur 34, schol. Venet, 1557, 266.

⁴⁾ M. Donatus, *De medicina hist. mirabili*, l. I, c. 4. Mantuae, 1586, 13. b. Cp. Hirsch, l. c.

⁵⁾ Cp. Гезеръ, l. c. 75. Richter, *Gesch. d. Medicin in Russland*, I, 247.

⁶⁾ Каражннъ, VI, примѣч. 11, по Архив. лѣтописи (прим. *Редакціи*).

наружныхъ частей, какъ простая и гангренозная рожа, herpes zoster, anthrax и т. д., преимущественно же пораженія, оканчивающіеся омертвѣніемъ конечностей.

Объ этой болѣзни упоминается въ лѣтописяхъ, начиная съ IX по XIII в., но со средины XIV в. (съ 1347 г.) священный огонь уже исчезаетъ изъ сказаній лѣтописцевъ а упоминаются только gangraena, phagedenus и т. п.

Намеки на эту болѣзнь встрѣчаются быть можетъ уже въ древности, какъ у Цезаря въ описаніи осады Марсала около 40 г. до Р. X. („Marsilienses gravi pestilentia conflicti ex... mutatione victus, panico enim vetere atque hordeo corrupto omnes alebantur“¹⁾), такъ и у Галена въ главѣ о вліяніи нѣкоторыхъ пищевыхъ веществъ на происхожденіе лихорадочныхъ болѣзней („frumenta, hordea atque omnes aliae fruges, quae ad usum cibi assumuntur.... quaedam vero et in primo ortu rubigine depravantur“²⁾).

Согласно Hirsch'у, наибольшее число эпидемій этой болѣзни приходится на долю Франціи, гдѣ она появилась уже въ 591 г. по Р. X. (въ Лиможѣ) и въ XI и началѣ XII вв. (1128) свирѣствовала въ Лотарингіи (Дофинѣ), Limousin'ѣ, Иль-де-Франсѣ, Фландріи; почти въ тоже время подобныя эпидеміи, хотя рѣже, господствовали въ Германіи, преимущественно въ сѣверныхъ и западныхъ провинціяхъ, а также въ Англіи, Голландіи, Испаніи, Португаліи и въ Россіи, гдѣ была особенно распространенная эпидемія въ 1408 году³⁾. Въ Италіи же въ средніе вѣка ничего неизвѣстно объ этой эпидеміи. Обыкновенно она появлялась послѣ суровыхъ зимъ и дождливаго лѣта вслѣдъ за жатвой, въ августѣ и сентябрѣ и слѣдующей весной прекращалась; весьма часто одновременно господствовали неурожай, дороговизна и голодъ. Все это привело Фука въ заключенію, что средне-вѣковой священный огонь ничто иное, какъ *омертвѣніе отъ стирымъ*⁴⁾. И дѣйствительно явленія болѣзни какъ нельзя болѣе напоминаютъ эрготизмъ, но не конвульсивную, а гангренозную его форму. Начиналась она чувствомъ холода, особенно въ конечностяхъ, и вмѣстѣ мучительнаго внутренняго, невидимаго огня, пожирившаго мышцы и отдѣляющаго ихъ отъ костей, причемъ больные громко кричали и скрежетали зубами. Кожа на пораженныхъ членахъ, а иногда и на лицѣ, грудяхъ и половыхъ частяхъ становилась багровою и омертвѣвала, до того рѣдко покрывалась пузырьки, и весь членъ чернѣлъ какъ уголь или покрывался злоухонными язвами. Наконецъ пораженные члены, особенно кисти рукъ и стопы, часто отпадали („manibus et pedibus truncati“) и оставались только туловище и голова (эпидемія 1089 г. въ Дофинѣ). У многихъ эти разрушенія совершались втеченіе одной ночи. Смерть наступала тогда, когда болѣзнь, уничтоживъ руки и ноги, поражала внутренніе важныя для жизни органы, при чемъ больнымъ казалось, будто внутренній огонь пожиралъ ихъ внутренности. Иногда внутренніе органы поражались въ самомъ началѣ и тогда больные умирали безъ наружныхъ признаковъ омертвѣнія. Если же по отпадении членовъ случалось, что больные выздоравливали, въ долготѣ хо-

¹⁾ Caesar, *De bello civili*, l. II, § 22 ²⁾ Galenus, *De different. febr.* l. I, c. 3

³⁾ Ср. Hirsch, l. c. I, 463—464 и предыдущія, гдѣ имѣется подробная таблица всѣхъ когда либо существовавшихъ эпидемій эрготизма, причемъ эпидемія въ Россіи въ 1408 отмѣчена по Карамзину, показаніе котораго Hirsch неосновательно считаетъ немалодѣльнымъ (С. К.), ибо въ Троицкой лѣтописи, которую приводитъ Карамзинъ, дѣйствительно описывается эрготизмъ, только не съ омертвѣніемъ, а конвульсивный или злая корча, отъ которой люди въ Великороссіи умирали въ 1—1½—2 дня. Карамзинъ, V, примѣч. 222 (*пр. Редакціи*).

⁴⁾ Fuchs, *Das heilige Feuer im Mittelalter*, Berlin, 1884. Ср. *Исторію новальнаго болѣзней* Гезера, стр. 78.

лодных частяхъ появлялся сильный жаръ, требовавшій особаго леченія, въ тому же худалое лице, рубцы и отсутствие членовъ придавали имъ ужасно изуродованный видъ. Иллминне сказалъ, что выздоровленію преимущественно способствовала здоровая пища и безвредный хлѣбъ, которые они получали въ монастыряхъ или церквахъ. Такъ въ эпидемію 945 г. Гуго Канетъ ежедневно кормилъ въ Notre-Dame до 600 больныхъ, изъ коихъ большинство выздоровѣло¹⁾. Интересно, что почувствовавшіе облегченіе, отправившись домой, снова заболѣвали и окончательно поправлялись только тогда, когда возвращались надолго въ названную церковь²⁾. Дюруу, на основаніи *Хроникъ*, старается доказывать, что священниій огонь не имѣетъ ничего общаго съ эрготизмомъ³⁾. Но изъ *Хроникъ*, на которыя ссылается Дюруу⁴⁾, видно, напротивъ, что этотъ ignis не могъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ омертвѣніемъ отъ спорыньи.

Съ 1347 г., т. е. за годъ до появленія черной смерти, о священномъ огнѣ лѣтописи болѣе не упоминаютъ. Но въслѣдствіи на мѣстѣ ея является новая болѣзнь:

Цинга (Scharbock, scorbut). Въ первый разъ болѣзнь появилась во время крестоваго похода Людовика Святаго (1250), причемъ поражались ноги, которыя висншали и покрывались черными и землистаго цвѣта язвами, десна разрыхлились и мѣшали жеванію и больные погибали отъ носовыхъ кровотеченій⁵⁾. Но рѣзче и въ большихъ размѣрахъ цинга обшаруживалась въ XV столѣтіи, съ учащеніемъ продолжительныхъ морскихъ плаваній. Такъ въ 1486 г. она появилась въ округѣ города Мейсена:

„Grassatus est hoc anno novus et inauditus in his terris morbus, quem nautae Saxoniae vocant den Scharbock, qui est inflammatio in membris partium carnosarum, cui quo celerius adhibetur medicina, eo citius malum restinguitur. Sin mora accedit paulo tardior, sequitur membri affecti mortificatio, quam siderationem nostri, graeci σφάχελον dicant, ultimam gangraenae malum. Nam caro ab ossibus defluit et continua quoque a lue corrumpuntur. Fuit idem morbus contagiosus (!), multorum mortalium gravi periculo“⁶⁾.

Очевидно, цинга изображается здѣсь какъ воспаленіе мясистыхъ частей, которое вело даже къ омертвѣнію, если не подавалась быстрая помощь, и кромѣ того считалась даже прилипчивой!—Далѣе извѣстно, что во время морского плаванія Vasco de Gama въ Калькутту въ 1498 г., на стоянкѣ между Мозамбикомъ и Софалой, отъ цинги погибло 55 человекъ⁷⁾. Сюда же относится взрывъ цинги на флотиліи Cartier въ 1535 г., во время ея пребыванія у Hochelaga (нынѣ Montreal) въ Канадѣ, причемъ выступали кроваво-пурпурныя пятна на ногахъ, рукахъ и шеѣ. Sprengel приводитъ даже результатъ одного вскрытія по этому поводу⁸⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ причиной цинги являлись недостатокъ въ свѣжихъ припасахъ и питаніе коченнымъ или соленымъ мясомъ и испорченными сухарями.

¹⁾ Ср. Тамъ же, 77 и 78. ²⁾ *Chronique de Frodoard*, Ср. Дюруу, I. с. 68.

³⁾ Дюруу, I. с. 70.

⁴⁾ Сюда относятся *Хроники Frodoard'a* за 945 г. (переводъ Sauval'я), Roul Glauber'a (эпидемія 993 и 1039), *Chronique de France* (отъ основанія монархіи до 1029, объ эпидеміи въ Limousin'ѣ), *Histoire de Paris* бенедиктинца Michel Felibien'a (эпидемія 1129 г.). Ср. Дюруу, I. с. 68, 69.

⁵⁾ Joinville, *Histoire, de St Lovys*. Ср. Sprengel, II, 642.

⁶⁾ Gregorius Fabricius, *Annales urbis Mesnicae*, 1486. Приведено у Гезера, I. с., 79.

⁷⁾ Barros, *decada primeira da Asia*, Lisboa, 1628.

⁸⁾ По Lescaobot, *Hist. de la nouvelle France*, ср. Sprengel, II, 644 и 645.

Но самымъ ужаснымъ бичемъ человѣческаго рода въ средніе вѣка несомнѣнно была

Черная смерть („*mors nigra*“, „*pestilentia*“ и т. д.), впервые посѣтившая Европу въ 1346 г., продержавшаяся до 1350 г. и въ одной Европѣ похитившая около трети народонаселенія.

Чумныя эпидеміи, болѣе или менѣе опустошительныя, повсѣли въ Европѣ гораздо раньше, начиная уже съ VII в. и вплоть до XIII столѣтія. Въ Россіи: бубонная чума появлялась въ 1090 (въ Кіевѣ), въ 1128 (въ Новгородѣ), въ 1187, 1215, 1229 и 1280 (большая смертность во всей Россіи, за исключеніемъ Кіева), въ 1287, 1271 и 1278 г.¹⁾

Относительно господствовавшихъ теорій происхожденія чумы различаютъ 4 періода: 1) греческій, признававшій чисто эндемическое происхожденіе, 2) арабско-христіанскій (съ XI по XIV ст.), признававшій вліяніе божьяго гнѣва и созвѣдій, 3) періодъ теорій приличности, 4) періодъ скептицизма и критическаго анализа, причѣмъ одни признаютъ, а другіе отвергаютъ приличность чумы²⁾.

Однако, всѣ бывшія до того эпидеміи, какъ бы ни были онѣ губительны для рода человѣческаго, блѣднѣютъ передъ грозной пандеміей, носящей названіе черной смерти.

Источниками служатъ какъ описанія врачей: Габріеля де Мюссис³⁾, наблюдавшаго черную смерть въ 1344—1346 г. въ Крыму, императора Кантакузена⁴⁾, Бокаччіо⁵⁾, Петрарки⁶⁾ и проч., такъ и сочиненія врачей, въ особенности Симона Ковино изъ Лоттыка⁷⁾ и Guy de Chauliac⁸⁾.

Изъ новѣйшихъ авторовъ о черной смерти писали:

Sprengel, *Beiträge zur Geschichte der Medicin*, Halle, 1794.

Hecker, *Der schwarze Tod im 14 Jahrhundert*, nach den Quellen etc. bearbeitet. Berlin, 1882. Здѣсь приведены важнѣйшіе изъ историковъ, упоминавшихъ о черной смерти, число конхъ вообще весьма велико. Новое изданіе Гирша, подъ заглавіемъ:

A. Hirsch, *Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters*. Historisch-pathologische Untersuchungen von J. F. C. Hecker, Berlin, 1865.

H. Haeser, *Historisch-pathologische Untersuchungen*, 1841, T. I.

Genner, *De morte nigra pandemia seculi XIV*. Diss. Lugd. Batav, 1846.

Philippe, *Histoire de la peste noire* (1846—1850), d'après des documents inédits etc Paris, 1858 (съ прибавленіями по Hecker'у).

¹⁾ Рихтеръ, *Исторія медицины въ Россіи* (на нѣм. языкѣ), Москва, 1813, I, 140 и слѣд. Гезеръ, *Исторія повальныхъ болѣзней*, I, 80.

²⁾ Gabriel de Mussis, *De Morbo v. mortilitate qui fuit anno Domini MCCCXLVIII*, d. Henschel, 1842 (въ *Archiv f. d. gesammte Medicin Haeser's*, 1842).

³⁾ Joanni Cantacuzenis *Histor.* I, IV, c. 8 ed. Paris, p. 730; Niebuhr, Bonn, 1832.

⁴⁾ Bocaccio, предисловіе къ *Декамерону*.

⁵⁾ Petrarca, *Epistolae de reb. familiaribus* lib. VIII.

⁶⁾ Simon de Covino, *De judicio Solis in convivio Saturni* въ *Bibliothèque de l'école de Chartes*, I, II, Paris, 1849 (сообщено Литтрѣ). Поэма изъ 1132 стиховъ, въ которой поэтъ сначала собираетъ боговъ Олимпа въ чертогѣ Сатурна и заставляетъ Юпитера соединиться съ послѣднимъ для истребленія всего рода человѣческаго, за грѣховность міра. Описанію самой эпидеміи посвящены стихи 744—1226.

⁷⁾ Guy de Chauliac, *Chirurgia*, tr. II, c. 5.

Изъ арабовъ: 1) Ибнъ Катъбъ (изъ Гренады): *Quaestio stta de morbo horribili perutilia*. 2) Абу-Джафаръ Ахмедъ-бенъ-Могамедъ-бенъ-Али-бенъ-Khatumah *Morbi in posterum vitandi descriptio et remedia*. 3) Абу Абдаллахъ Могамедъ бенъ-Али Махми Альшагури, наименѣе важный изъ всѣхъ¹⁾.

Исходнымъ пунктомъ болѣзни преданіе называетъ самныя отдаленныя восточныя сграны Азіи, „Катай“, гдѣ въ первый разъ она появилась въ царствованіе китайскаго императора Хунъ-Ти (Chun-Ti) и свѣршившаяся со всѣми ужасами природы: „смертоносный дождь изъ ядовитыхъ змѣй и жабъ, землетрясенія, разрушившія дома, съ неба спустилось пламя, сжегшее до тла нхъ развалины, текли потоки крови и надали камни“. Достоверно извѣстно, что въ Китаѣ въ 1338 г. былъ сильный голодъ вслѣдствіе засухи, потомъ наводненія, обрушеніе горъ и образованіе трещинъ въ землѣ; въ 1334 г. появилась повальная болѣзнь отъ засухи, похитившая 5 милліоновъ людей, затѣмъ землетрясенія, причемъ на мѣстѣ провалившихся горъ выступили озера; тоже въ 1337 г., причемъ отъ голода умерло 4 милліона людей. Затѣмъ наводненія, землетрясенія и голодъ смѣнялись вплоть до 1347 г. Изъ Китая эпидемія, черезъ страну татаръ, распространилась по направлению къ Черному Мѣрю, перешла въ Кничакъ (Крымъ), Константинополь и т. д., пока не захватила почти всю южную Европу (Понтъ, Францію, Македонію, Грецію, Италию и острова Средиземнаго моря (1346—1347). Другой путь—черезъ Индію, Герать, Арменію въ Малую Азію. Третій путь—отъ береговъ Евфрата, по Аравіи и Египту, въ сѣверную Африку.

Интересно, что и въ остальныхъ частяхъ Азіи и въ Африкѣ и Европѣ черную смерть возбѣщали или сопутствовали въ большей или меньшей степени такія же событія природы, какъ и въ Китаѣ. Сюда относятся въ особенности землетрясенія 1348 г., нанесшія много вреда Греціи, Итали, гдѣ погибло 50 городовъ, и въ особенности Карштинъ; гдѣ горы сдвинулись съ мѣста, была разрушена церковь въ Вилларъ и въ 80 мѣстахъ подъ развалинами домовъ погибла большая часть жителей.

Сильный ужасъ въ особенности наводило появленіе въ то время кометы. Къ предвѣстникамъ черной смерти относятъ также необыкновенную сырость воздуха, развившуюся въ Азіи (Китаѣ) и Европѣ отъ наводненій, въ особенности на берегахъ океана и рѣкъ, и продолжавшуюся нѣсколько лѣтъ, затѣмъ *алоговыми* *испареніями*, распространившіася съ востока, всеопустошавшія *тучи сарацин*, которыя въ Азіи и Европѣ были причиною не только неурожая, но и порчи воздуха, наконецъ болѣзни растений и животныхъ²⁾.

Возвращаясь къ вопросу о географическомъ распространеніи черной смерти и за невозможностью вдаваться здѣсь въ большія подробности, отмѣтимъ только, что въ 1346 г. она достигла Сициліи (гдѣ погибло около полумилліона жителей), въ 1347 г.—Книра, Греціи, верхней Итали, Франціи (Марсель, Монпелье); гдѣ она годъ наваздъ вдругъ появилась послѣ взятія Эдуардомъ III города Кале и почти совершенно уничтожила какъ побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ³⁾. Въ 1348 году черная смерть распространилась по средней Итали, гдѣ особенно пострадали Флоренція и Римъ, по всей Испаніи, Франціи (гдѣ отъ нея умерли двѣ королевы: Іоанна Наваррская и Іоанна, жена Филиппа Валуа во время нхъ самоотверженнаго ухаживанія за больными), по Нидерландамъ и Англии; наконецъ перешла въ Норвегію, Шлезвигъ-Гольштейнъ, Ютландію и Далмацію, а въ 1349 году она свѣршившаяся уже во всей Германіи и въ Польшѣ, въ 1351 и 1352—въ Россіи: въ Псковѣ, Новгородѣ, Киевѣ, Черниговѣ, Глуховѣ и Вѣлозерѣ (гдѣ никого не осталось въ живыхъ), Суздаль, Смоленскѣ, гдѣ въ 1389 г. осталось только 10 жителей, и Москвѣ, гдѣ въ 1353 г. отъ нея умерли великій князь Симеонъ Ивановичъ, нѣсколько дѣтей его и братъ Андрей⁴⁾.

1) Casiri, Bibl. Escur. II, 334. Ср. Гезеръ, I, с. I, 84—89 и II, Прибав. XV.

2) Тамъ же, I, 91—98. 3) Тамъ же, 90, и 99 и слѣд. 4) Тамъ же 100—106.

*) Тамъ же, 100—106 и 109; *Рисбергъ*, I, с., 104 и сл. (по Никон. и псков. лѣтоп.)

Смертность. Такихъ опустошеній, какъ черная смерть, еще не производила ни одна болѣзнь. Если даже считать преувеличенными дошедшія съ востока извѣстія, по которымъ въ одномъ Китаѣ погибло до 13 миллионозъ, въ Капрѣ ежедневно умирало 12—15,000 человекъ, а всего на востокъ (по донесенію Климентію VI) погибло будто 23,840,000 человекъ,—то весьма достоверны вычисления европейскихъ наблюдателей, по которымъ Константинополь потерялъ $\frac{2}{3}$ народонаселенія, Капръ тоже, въ Италіи погибла половина населенія (въ одной Падуѣ вымерло $\frac{2}{3}$ жителей и тоже нѣло мѣсто въ Сардиніи и Корсикѣ). Во Флоренціи погибло 96,000 ч., въ Венеціи 100,000, въ Неаполѣ 60,000, въ Сициліи 53,000, въ Генуѣ 40,000. Такимъ же опустошеніямъ подверглись Испанія, гдѣ отъ этой болѣзни умеръ Альфонсъ XI Кастильскій, и Франція. Парижъ втеченіе $1\frac{1}{2}$ года имѣлъ 50 тысячъ жертвъ, St Denis—16 тысячъ (*La Chronique de Saint Denis*); въ Авиньонѣ въ 7 мѣсяцевъ погибло 150,000, въ томъ числѣ и воспитан Петrarкой Лаура (*Laure de Noves* въ 1348 г., 41 г. отроду); здѣсь покойниковъ, съ благословенія Климентія VI, бросали въ Рону. Въ Марсели умерло болѣе половины жителей, втеченіе одного мѣсяца было 56000 жертвъ. Въ Монпелье погибло $\frac{3}{4}$ населенія, въ томъ числѣ всѣ врачи. Въ Нарбоннѣ было 30000 жертвъ втеченіе одного года, въ Страсбургѣ—18000. Въ Англіи и Швейцаріи смертность была велика въ низменныхъ мѣстностяхъ и слабѣе въ гористыхъ. Въ одномъ Лондонѣ погибло 100,000 человекъ. Сравнительно менѣе пострадала Германія. Зато на сѣверѣ смертность была также ужасна, какъ и на югѣ (въ Гольштейнѣ умерли $\frac{2}{3}$, въ Шлезвигѣ $\frac{4}{5}$ населенія). Всего же въ Европѣ жертвой черной смерти стала четвертая часть тогдашняго и $\frac{1}{3}$ нынѣ живущаго народонаселенія, т. е. 25 миллионозъ (Геккеръ¹⁾). По Дюму всего на земномъ шарѣ отъ черной смерти погибло 75 миллионозъ, т. е. почти половина всего земнаго населенія²⁾.

Явленія болѣзни. По Ковино прежде всего бросалась въ глаза необыкновенная блѣдность, имѣвшая злобщій характеръ, такъ какъ она почти всегда предвѣщала смерть. Одновременно съ блѣдностью появлялся горькій запахъ выдыхаемаго воздуха. Во многихъ случаяхъ смерть наступала внезапно (отъ ужаса или удара), многіе умирали отъ легочныхъ и носовыхъ кровотеченій, обыкновенно же появлялись боль въ паху, оухоль, лихорадка и затѣмъ непосредственно смерть.—Guy de Chauliac различаетъ въ ходѣ эпидеміи въ Авиньонѣ 2 періода: 1) въ первомъ два мѣсяца эпидеміи, кромѣ „febris continua“, самымъ поразительнымъ признакомъ было кровохарканіе, смерть наступала черезъ три дня; 2) во второмъ періодѣ къ постоянному жару присоединялись признаки бубонной чумы, и больные умирали по прошествіи 5 дней. Первая форма была заразительнѣе. Вотъ классическое описаніе Chauliac'a.

„Et hoc manifeste vidimus in illa ingenti et inaudita mortalitate quae apparuit nobis in Avenione anno Dom. 1348 pontificatus domini Clementis sexti anno sexto. In servitio cuius sui gratia licet indignus tunc existebam. Et non displiceat; quia propter ipsius mirabilitatem et praevidentiam, si iterum accideret, narrabo eam“.

Incepit autem dicta mortalitas nobis in mense Januarii et duravit per septem menses. Et habuit duos modos. Primus fuit per duos menses cum febre continua et sputo sanguinis. Et isti moriebantur intra tres dies Secundus fuit per residuum temporis cum febre etiam continua et apostematibus et anthracibus in exterioribus, potissime in subaellis et inguinibus. Et moriebantur infra quinque dies Et fuit tantae contagiositatis, specialiter quae fuit cum sputo sanguinis, quod non solum morando, sed etiam inspiciendo unus recipiat ab alio, in tantum quod gentes moriebantur sine servitoribus et sepellebantur sine sacerdotibus. Pater non visitabat filium nec filius patrem; charitas erat mortua, spes prostrata. Et nomine eam ingentem, quia totum mundum vel quasi occupavit.

¹⁾ Dupouy, l. c. 56, 57 и Гезеръ, 100—103 и 110, 111.

²⁾ Dupouy, 56.

Incepit autem in Oriente et ita sagittando mundum pertransiit per nos versus Occidentem. Et fuit ita magna, quod vix quarta pars hominum dimisit; et inaudita, quia legimus illam de civitate Thraciae et Palaestinae in libro epidemiorum factas tempore Hippocratis. Et illam quae accidit in subjectam gentem Romanorum in libro de epidemia tempore Galeni, et illam in civitate Romana tempore Gregorii. Et nulla fuit talis. Quia illae non occupaverunt nisi unam regionem, ista totum mundum. Illae erant remediabiles in aliquo, ista in nullo. Fuit enim inutilis pro medicis et verecundosa, quia non erant ausi visitare propter timorem inficiendi. Et quando visitabant parum faciebant et nihil lucrabantur. Omnes enim qui infirmabantur moriebantur; exceptis paucis circa finem, qui cum bubonibus maturatis evaserunt“.

„De causa istius ingentis mortalitatis multi haesitaverunt. In aliquibus crediderunt partibus quod Judaei venenassent mundum. Et ita interfecerunt eos. In aliquibus pauperes truncati et effugiebant eos. In aliis nobiles. Et ita dubitabant ire per mundum. Finaliter ad tantum devenit, quod tenebant custodes in civitatibus et villis et nullum permiserunt intrare, nisi bene notum. Et si alicui invenissent pulveres aut unguenta, timentes quod essent potiones, faciebant eos transglutire. Quidquid tamen populus diceret, veritas fuit quod hujus mortalitatis causa fuit duplex. Una, agens, universalis, alia, particularis, patiens. Universalis agens fuit dispositio cujusdam conjunctionis majoris trium superiorum, Saturni, Jovis et Martis, quae praecesserat anno Domini 1345 vigesimo quarto die mensis Martii in decimo quarto gradu Aquarii. Majores enim conjunctiones, ut dixi in libello quem feci de astrologia, significant res admirantes, fortes et terribiles, ut mutationes regnorum, adventus prophetarum atque mortalitates magnas. Et illae disponuntur secundum naturam signorum et aspectum eorum, in quibus sunt. Non ergo fuit mirum, si significavit mortalitatem admirandam et terribilem illa magna conjunctio, quia non solum fuit de majoribus, imo etiam de maximis. Et quia fuit in signo humano [— Aquarii —] et quia signum erat fixum longam durationem significavit. Incepit enim in Oriente paulo post conjunctionem et duravit adhuc in anno quinquagesimo in Occidente. Impressit enim talem formam in aëre et in aliis elementis, quod, sicut adamas movet ferrum, ita ipsos movebat humores grossos, adustos, et venenosos, et congregabat eos ad intrinseca. Et faciebat apostemata, ex quibus sequebantur febres continuas et sputum sanguinis in principio, dum sanies fuit valida et confundebat naturam. Et post, dum remissa fuit natura non tantum confundebat. Et expellebat, prout poterat, ad exteriora, maxime ad subasellas et inguina. Et causabat bubones et alia apostemata, ita quod illa apostemata extrinseca erant effectus apostematum intrinsecorum“.

„Causa particularis patiens fuit dispositio corporum, ut cacochimia et debilitatio et opilatio. Et propter hoc moriebantur populares et male viventes“.

„De cura fuit laboratum in praeservatione ante casum, et in cura in casu. In praeservatione non erat melius, quam ante infectionem fugere regionem, et purgare se cum pilulis aloëticis et minuere sanguinem cum phlebotomia, rectificare aërem cum igne, et confortare, cor cum tiriacis et pomis et rebus odoriferis; consolari humores cum bolo armeniaco, et resistere putrefactioni cum acetosis“.

„In cura fiebant phlebotomiae et evacuationes et electuaria et syrups cordiales. Et apostemata extrinseca materabantur cum ficis et cepis coctis et pistatis et mixtis cum fermento et patyro. Post aperiabantur et curatione ulcerum curabantur. Anthraces ventosabantur, scarificabantur atque cauterisabantur. Et ego, propter diffugere infamiam, non fui ausus recedere. Sed cum continuis timoribus praeservavi me cum praedictis, quantum potui. Nihilominus versus finem mortalitatis incurri febrem continuam cum apostemate inguinali, et aegrotavi quasi per sex septimanas, et fui in tanto periculo, quod omnes socii mei mortuorum me crediderunt. Et maturato apostemate et curato, ut dixi, evasi jussu Dei“.

„Post vero anno 1360, pontificatus domini Innocentii sexti anno octavo, retrogrado de partibus Aemaniae et partibus septentrionalibus revenit ad nos mortalitas. Et incepit versus festum S. Michaelis cum botis, febribus, carbunculis, anthracibus paulatim augmentando et aliquoties interpolando usque ad medium anni sexagesimi primi. Et postea ita furiose usque ad tres sequentes menses duravit et non dimisit in multis locis medietatem gentium. Differabat tamen ab alia praeterita. Quia in prima plures decesserunt populares; in ista vero plures divites et nobiles et pueri infiniti et mulieres paucae“ (1).

Весьма возможно, что сосредоточению болѣзни на слизистой оболочкѣ дыхательныхъ органовъ способствовало появленіе болѣзни въ Авиньонѣ во время зимы. Съ этимъ согласуется фактъ преобладанія кровохарканія въ сѣверныхъ странахъ, гдѣ эпидемія также

1) *Guy de Chauliac*, l. c. Приведено у Гезера, II, Прибавленіе XIII.

преимущественно распространилась зима. Сюда относятся Англія, Норвегія и Россія, изъ коихъ въ послѣдней главнѣйшими явленіями болѣзни были легочныя кровотеченія и черная пятна на кожѣ, а въ 1360 г. еще опухоли железъ на шеѣ подъ мышками и въ пахахъ¹⁾.

Діонисій Колле называетъ черную смерть „тумомъ (Pestilenz) съ кровохарканьемъ“ и обращаетъ вниманіе на черный и сухой языкъ, бредъ, кашель, черный дѣвъ выдѣленій (мокротъ, мочи, испраженій) и осложненія петехіями, огненниками и бубонами. Въ описаніи Ибнъ-уль-Катиба интересны отмѣчаемая имъ невосприимчивость многихъ къ заразѣ, а также умѣренный характеръ болѣзни въ мѣстностяхъ, уже давно пораженныхъ тумомъ. Почти всѣ писатели въ одинъ голосъ говорятъ, что прежде всего заболѣваютъ дѣти, потомъ женщины и наконецъ мужчины, и что всего убійственнѣе заболѣваніе у женщинъ и дѣтей.

Изъ описанія де-Мюсси видно, что и въ Крыму черная смерть сопровождалась признаками бубонной чумы, къ которымъ присоединялись глубокая спячка и невыносимый зловонный запахъ отъ больного. Бубоны, оставшіяся твердыми, были вѣрными признаками смерти (де Мюсси), если же бубоны сокрѣвали, то больные выздоравливали (Катиба Кузеля). Наконецъ къ явленіямъ черной смерти относятся также поносы, язвы, разъѣденіе носа, смертвѣніе ногъ (Колле)²⁾.

Терапія, понятно, была бессильна въ этой страшной болѣзни, отъ которой врачи гибли наравнѣ съ другими („vix eva sit unus ex illis“. Simon de Covino, *Prologus*). Поэтому врачи старались только умѣрять горячее состояніе, останавливать кровотеченія и, главнѣйшимъ образомъ, способствовать сокрѣванію бубонныхъ, къ кровопусканіямъ же прибѣгали крайне рѣдко, такъ какъ при нихъ болѣзнь всегда оканчивалась смертью, какъ доказали наблюденія Колле, который хвалитъ внутреннее употребленіе листовичной губки (Boletus laricis). Профилактическія мѣры состояли въ практиковавшемся издревле зажиганіи костровъ, окуриваніяхъ и обмываніяхъ смолистыми и пахучими веществами, вдыханіяхъ паровъ селитры или пороха (Колле) и наконецъ въ устройствѣ карантинныхъ (впервые въ Венеціи въ 1348), въ пользѣ которыхъ, впрочемъ, и тогда уже многіе сомнѣвались³⁾.

Не трудно понять, къ какимъ нравственнымъ и общественнымъ послѣдствіямъ должны были привести безсиліе врачебнаго искусства и правительственныхъ мѣръ противъ страшнаго мора:

„Всѣми оставленный больной лежалъ одинъ съ своими муками. Родные боялись приблизиться къ нему, врачъ страшился вступить въ его жилище и даже священникъ лишь со страхомъ причащалъ его. Со стонами, разрывавшими сердце, призывали дѣти—родителей, отцы и матери—сыновей и дочерей, одинъ супругъ—другаго. Но тщетно!“ (де-Мюсси)⁴⁾. Постановленія озачумленныхъ были поистинѣ варварскія и безчеловѣчны: „Здоровые и больные всей семьей, говоритъ Власк, безъ различія запирались въ домѣ, причемъ на воротахъ начертывали красный крестъ съ надписью: „Боже сжался надъ нами!“ Никто не долженъ былъ ни выходить, ни входить, за исключеніемъ врачей и сидѣльцевъ или правительственныхъ чиновниковъ. У воротъ этого домашняго острога находилась постоянная сгража до тѣхъ поръ, пока заключенные не умирали или не выздоравливали“⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, I, 108 и 113.

²⁾ Тамъ же, 114—116.

³⁾ Гезеръ, I, с., 118. ⁴⁾ Тамъ же, 119.

⁵⁾ Власк, *Исторія медицины и хирургіи*. Приведено у Дюнуа, р. 62

Врачи, отирались къ чумнымъ больнымъ, надѣвали маску изъ левантскаго сафьяна съ глазами изъ хрустала и длиннымъ, наполненнымъ благовоніями носомъ въ формѣ клюва, снабженнымъ двумя отверстіями для ноздрей. Подъ шинелью они носили панталоны изъ гладкой кожи, надѣтые на сапоги изъ левантскаго сафьяна, и таковую же рубашку, вдѣтую въ панталоны. Шляпа и перчатки были также изъ гладкой кожи (Mauget, въ его трактатѣ о чумѣ¹⁾).

Такія мѣры предосторожности они принимали потому, что были убѣждены не только въ заразительности болѣзни черезъ прикосновеніе, но и въ способности ея къ передачѣ взглядомъ и даже рѣчью больныхъ. Послѣдніе, поэтому, при приближеніи врача, священника или друга, должны были смыкать глаза и закрываться простыней черезъ голову („cum igitur medicus vel sacerdos vel amicus aliquem infirmum visitare voluerit, moneat et introducat aegrum oculos suos claudere et linteamine operire“²⁾).

Иные умирали отъ страха. Съ отчаянія и малодушія многіе предались покаянію на дѣлѣ; купцы отдавали въ церкви и монастыри все свое золото, которое нерѣдко бросали черезъ ограды, когда духовенство изъ боязни зараженія, стало запираеть ворота³⁾. Во многихъ мѣстахъ съ отчаянія предавались наслажденіямъ, танцамъ, устраивали свадьбы и проч. Послѣ эпидеміи людьми овладѣло корыстолюбіе, смѣло подняли свою голову преступленіе, воровство и грабежъ, въ ограбленіяхъ мертвымъ принимало участіе и духовенство. Къ важнѣйшимъ послѣдствіямъ относятся также недостатокъ въ рабочихъ, затрудненіе сообщеній, прекращеніе торговли и запущеніе земледѣлія. „Половина земли была заброшена, цѣлыя деревни покинуты и сожжены, на нѣкоторыхъ большихъ пространствахъ попадалось болѣе дикихъ звѣрей, чѣмъ людей“. Къ этому присоединялись озлобленіе и возстаніе крестьянъ противъ дворянъ и евреевъ⁴⁾. Объ Испаніи Mogejon пишетъ, что страна опустѣла, церкви превратились въ развалины, потому что никому было заботиться о поддержаніи ихъ; обширныя пространства земли оставались безъ владѣльцевъ и ими завладѣвалъ первый пришедшій⁵⁾. Какъ сильно было потрясеніе умовъ, яснѣе всего доказываютъ возобновленіе странствій самоубивателей и преслѣдованія евреевъ.

Странствія самоубивателей. Первое ихъ шествіе было въ 1250 г. въ Италіи, во время войнъ между папой и императоромъ, подъ предводительствомъ пустынника Райнера изъ Перуджіи. Въ одной рубашкѣ и шляпѣ, съ крестомъ кающагося, съ закрытымъ лицомъ входили самоубиватели въ города и деревни, гдѣ начинали бичевать себя среди пѣнія и молитвъ объ устраниеніи чумы. Затѣмъ эти странствія повторились въ 1290, 1333 и 1334 гг. Въ началѣ 1349 г. они возобновились и притомъ прежде всего въ Каринтіи, затѣмъ въ Германіи, Нидерландахъ, Швейцаріи и Франціи, гораздо менѣе въ Даніи и Англии. Мужья могли присоединиться къ шествію не иначе, какъ съ позволенія женъ, имъ запрещалось даже говорить съ женщинами. Послѣднія и даже дѣти составляли новыя шествія. Бичеванія женщинъ совершались по вечерамъ въ закрытыхъ пространствахъ. Главнѣйшею причиною была чума. Послѣ молитвъ и бичеваній слѣдовалъ отчетъ о ходѣ чумы и даже давались наставленія, какъ лечить ее. Иногда задумывали дѣлать чудеса и брались за леченіе больныхъ. Но когда въ Авиньонѣ модельщики вздумали производить бичеванія въ глазахъ папы, шествія ихъ были запрещены какъ ересь, и уже осенью 1349 г. движеніе это ослабѣло и въ началѣ 1350 г. прекратилось совершенно⁶⁾.

¹⁾ Дюпуй, I. с. 68. ²⁾ Тамъ же, 61.

³⁾ Necker, Der Schwarze Tod, p. 32. ⁴⁾ Гезеръ, I. с. 119—121. ⁵⁾ Тамъ же, 111 и Mogejon, Historia bibliographica de la medicina espagnola, Madrid, 1842, p. 359.

⁶⁾ Гезеръ, 122—124 и Kunrad Meigenberg, Buch der Natur, Stuttgart 1861, p. 109.

Однимъ изъ самыхъ ужасныхъ послѣдствій черной смерти были

Преслѣдованія евреевъ. Гоненія на нихъ были воздвигнуты въ большей части Европы, особенно въ южной Германіи, на Рейнѣ и въ Швейцаріи. Уже въ XII в. нѣрѣдки были кровавыя расправы съ евреями въ крестовыхъ походахъ. Въ 1298 г. въ Нюрнбергѣ и Вюрцбургѣ убито до 100,100 человекъ. Ихъ обвиняли въ оскверненіи святынь, употребленіи христіанской крови и отравленіи колодезь. Во время черной смерти это подозрѣніе было повсюду снова возбуждено, особенно съ тѣхъ поръ, какъ они по совѣту врачей ихъ среды стали употреблять лишь рѣчную воду, вмѣсто колодезной, и они стали меньше умирать. Этого было достаточно для того, чтобы распространить по всей Европѣ молву, будто евреи были подстрекаемы въ названному преступленію письмами изъ Толедо въ Испанію. Сцены ужаса начались въ Шиньонѣ въ 1348 г. Обвиненные были судимы по всѣмъ формамъ и доведены до сознанія пытками, послѣ чего ихъ во многихъ мѣстахъ сжигали на кострахъ вмѣстѣ съ ихъ единовѣрцами. Это зрѣлище повторилось затѣмъ въ Бернѣ, Фрейбургѣ (въ Брейсгау), Шпейерѣ, Галлѣ, Гейльбронѣ, причеиъ евреевъ либо загоняли въ деревянное зданіе, которое зажигали (въ Базелѣ), либо сами евреи запирались въ синагогѣ съ женами и дѣтьми и поджигали ее. Въ Страсбургѣ, несмотря на защиту Петра Шварбера, сожжено 900 человекъ, въ Вормсѣ императоръ Карлъ IV долженъ былъ отдать евреевъ на жертву горожанамъ и все еврейское населеніе перебито, а имущество продано магистратомъ „по закону и справедливости“. Въ Майнцѣ въ 1349 г. 12000 евреевъ добровольно сожгли себя въ своихъ жилищахъ. Столько же было сожжено въ Аугсбургѣ, Ульмѣ, Коцстацѣ, Мюнхенѣ и т. д. Въ Парижѣ они были перебиты въ такомъ количествѣ, что ихъ непохороненныя трупы вѣскольکو мѣсяцевъ кряду служили пищею волкамъ. Только въ Шафгаузенѣ и Регенбургѣ магистратамъ удалось удержать возбужденную толпу. Кромѣ того въ защиту евреевъ издалъ двѣ буллы папа Климентій VI и выступилъ (хотя безуспѣшно) императоръ Карлъ IV, наконецъ Казиміръ Великій (1333—1370) далъ преслѣдуемымъ убѣжище въ Польшѣ. Въ особенности же прекращенію неистовствъ способствовало то обстоятельство, что во многихъ мѣстахъ евреи гибли отъ черной смерти столько же или даже больше, чѣмъ христіане (Госларъ, Вѣна) и что опустошенію подверглись и такіе города, гдѣ не было ни одного еврея¹⁾.

Къ повальнымъ душевнымъ болѣзнямъ, находившимся въ связи съ шестивыми самоубицателями, несомнѣнно относятся прежде всего

Пляска св. Витта или неистовая пляска среднихъ вѣковъ. Первый примѣръ неистовой пляски относится къ 1021 г. (появленіе 12 пляшущихъ крестьянъ во время богослуженія въ ночь на Рождество, совершавшагося священникомъ Рупрехтомъ въ монастырѣ въ Дессау), второй — къ 1278 г. въ Утрехтѣ, гдѣ на мозельскомъ мосту плясали до тѣхъ поръ, пока не обрушился мостъ, третій къ лѣту 1374 г., когда изъ Ахена по Рейну и Мозелю распространилась секта изъ мужчинъ и женщинъ, которые „съ вѣнками на головахъ и сѣбившись руками“ плясали въ домахъ и церквахъ до тѣхъ поръ, пока не падали въ изнеможеніи съ криками и воплями, причеиъ во время припадка имъ ме-

¹⁾ Hecker, Der schwarze Tod, p. 52 и Meyer-Merian, Das grosse Sterben mit seinen Judenverfolgungen und Geisslern in Basel im 14 Jahrhundert, Basel, 1856, p. 169 и слѣд.—Kunrad Megenberg, l. c. 217 и слѣд., писавшій въ Регенбургѣ, прибавляетъ, что онъ сомнѣвается въ справедливости обвиненій противъ евреевъ, такъ какъ въ Вѣнѣ, напр., между ними замѣчена большая смертность. Ср. Гезеръ, l. c., 125—127.

решалось, будто они стояли въ потоки крови и тонули въ безднѣ грѣховъ, отчего они и прыгали такъ высоко. Очевидно, у нихъ замѣтную роль играло начало помалнѣя, какъ у самобичевателей, нѣдобно конимъ они выражали отвращеніе къ башмакамъ съ заостренными концами и не выносили краснаго цвѣта (цвѣта роскоши или крови, который вызывалъ у нихъ приступы). Такихъ больныхъ насчитывалось 500 въ Кельнѣ и болѣе 1100 въ Мецѣ. Лечили ихъ отчасти заклинаніями, отчасти перевязываніемъ живота полотенцами, топтали его ногами или колотили кулаками.

Новый взрывъ болѣзни относится къ 1418 г., когда нѣсколько сотъ мужчинъ и женщинъ въ Страсбургѣ начали плясать на площадяхъ, заразившись этой болѣзнію отъ одной женщины. Ихъ отправили въ часовню св. Витта въ Цабернѣ (отсюда и названіе болѣзни) для излеченія молитвами и другими священными обрядами. Послѣ того болѣзни мало по малу становилась рѣже и слабѣе и выражалась только снѣхомъ и бѣгомъ¹⁾.

Интересно, что даже въ 1842 г. появилось сообщеніе изъ Echternach'a, близъ Триера; о томъ, что тамъ ежегодно, въ память эпидеміи 1374 г., имѣетъ мѣсто препрессія, въ которой принимается участіе многотысячная танцующая толпа (въ 1842 до 13000), причѣмъ танцующіе, по 3—4 въ рядъ, держась другъ за друга при помощи платковъ, подвигаются такимъ образомъ подъ звуки музыки, черезъ мостъ на прусской границѣ, къ находящейся на противоположномъ берегу церкви²⁾.

Большое сходство съ неустойкой пляской представляетъ распространившійся въ XV в. въ Алуліи и другихъ областяхъ Италіи

Тарантисмъ, причиною коего служило будто бы укушеніе тарантула и излеченіе отъ коего будто возможно только посредствомъ мелодической музыки (тарантеллы), и танцевъ,—върваніе, долгое время державшее Италію въ возбужденномъ состояніи³⁾.

Другою душевною болѣзнію, развившеюся на почвѣ религіозной страсти, „обогатившей патологію самыми разнообразными нервными болѣзнями“ (Necker), являются

Дѣтскіе крестовые походы. Первый примѣръ дѣтскаго крестоваго похода относится къ XIII в. (1212 или 1213 г.), когда во Франціи и Германіи одновременно явились пророки изъ мальчиковъ, сумѣвшіе поднять огромное число послѣднихъ на защиту противъ невѣрныхъ.

Во Франціи наибольшую извѣстность приобрѣлъ пастухъ Etienne (Стефанъ) изъ с. Клоа у рѣки Лоары возлѣ Вандома. Послѣ того, какъ къ нему въ іюнѣ 1212 г. будто явился Богъ въ области пилигрима, онъ сталъ ходить по странѣ, распѣвая: „*Gospodi Iucuse Xriste! Возврати намъ истинный крестъ!*“ Около него собрались пастухи, а затѣмъ еще 30000 другихъ мальчиковъ разнаго званія. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились и дѣвочки и даже нѣкоторые взрослые и ничто не могло уже остановить дѣтей: ни увѣщанія родителей, ни строгія приказанія, ни даже повелѣніе короля возвратиться на родину. Неудержимымъ потокомъ устремились эти огромныя волчица дѣтей, „съ крестами и восковыми свѣчами въ рукахъ, съ развѣвающимися хоругвями и наддлами“, за своимъ пророкомъ, восседавшимъ на украшенной колесницѣ, окруженный вооруженными всадниками-тѣлохранителями, и открывавшимъ имъ дорогу къ Средиземному морю. Прибывъ въ Марсель, юные крестоносцы коварнымъ образомъ были посажены двумя купцами (по имени

1) Тамъ же, 138—141, и главнымъ образомъ Wicke, *Monographie des grossen Veitstanzes etc, nebst Bemerkungen über den Taranteltanz u. Beriberi*, Leipzig, 1844, pp. 7 и слѣд., гдѣ приведена вся относящаяся сюда литература.

2) Тамъ же, предисловіе, XVIII.

3) Wicke, l. c. 226 и слѣд.

Гуо Ферреусъ и *Вильгельмъ Поркусъ*) на семь кораблей, которые имѣли ихъ отвезти въ Сирію, но уже черезъ два дня изъ нихъ погибли отъ бури вблизи острова св. Петра воадъ Сардиніи, остальные же дѣти были увезены въ Египетъ, гдѣ проданы въ рабство.

Столь же плачевный исходъ имѣло другое полчище дѣтей, одновременно поднявшихся толпами изъ селъ и городовъ въ Германіи, сначала безъ главы или вожаго, но потомъ возбужденныхъ къ походу кельскимъ мальчишкою *Николаемъ* (Никласомъ), не достигшимъ еще десятилѣтняго возраста, и направившихся отъ Кельна (по Саксоніи) черезъ Альпы къ Адриатическому морю. Народъ видѣлъ въ этихъ дѣтяхъ вдохновенное орудіе Бога и оказывалъ имъ всевозможную помощь. И въ Германіи, еще болѣе чѣмъ во Франціи, къ нимъ присоединились взрослые мужчины, женщины и дѣвушки. Но многие погибли уже во время перехода отъ лишеній, жаровъ и утомленія, другія партіи достигли Италіи, гдѣ въ Тревизи папа Иннокентій выслалъ имъ на встрѣчу для увѣщаній кардиналовъ; часть, шедшая подъ предводительствомъ *Николая* (7000) достигла Генуи, гдѣ сенатъ позволилъ имъ остаться только 6—7 дней. Другія достигли моря, а оттуда—своей родины, еще другія дошли до Рима, многія же дѣти вернулись на родину разсѣянными кучками и въ самомъ жалкомъ видѣ, босня, голодныя, осмѣяныя и поруганныя.

Вообще полагаютъ, что психическое и религиозное возбужденіе дѣтей было произведено умышленно, либо живыми разсказами клериковъ о небесныхъ явленіяхъ (*Vincent Beauvais*), либо агентами татаръ и сарацинъ, по инициативѣ властителей востока, придумавшихъ это средство для того, чтобы похищеніемъ тысячъ дѣтей парализовать западное рыцарство и дать новый источникъ жизни востока (*Roger Vasco*). Последнее тѣмъ болѣе правдоподобно, что греки и венеціанцы открыто производили торговлю дѣтьми. Но въ то же время дѣтскіе крестовые походы въ XIII в. несомнѣнно— историко-патологическое явленіе, видъ помѣшательства, вызванный къ жизни религиознымъ воздѣйствіемъ на дѣтское воображеніе, хотя для дѣтей, вовсе не религиозныхъ¹⁾.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одной душевной болѣзни, унаследованной средними вѣками отъ древности, это—

Ликантропія или негѣлая вѣра въ возможность превращенія другихъ людей и себя самихъ въ того или другаго звѣря, преимущественно въ волка. Древнѣйшій примѣръ встрѣчаемъ у аркадцевъ, у которыхъ былъ обычай приносить человѣческія жертвы Зевесу, и люди, приносившіе эти жертвы, за свое злодѣйство превращались на девять лѣтъ въ волковъ и скрывались все это время въ дремучихъ лѣсахъ. Это вѣрованіе восмулось также въ древности береговъ Ганга и Нила, въ средніе вѣка—вѣжной Франціи, Курляндіи и Литвы, гдѣ воображеніе жителей было напугано волками. Способность превращать другихъ и себя въ другихъ животныхъ приписывали себѣ и колдуны въ Африкѣ, гдѣ въ этомъ отношеніи играли роль левъ и гіена, а также въ Польшѣ, Венгріи и Румыніи, гдѣ на сцену выступаетъ вампиръ (летучая мышь). Въ средніе вѣка поучительныя наблюденія *Фореста*, согласно которымъ нѣкоторые люди считали себя обладающими способностью превращаться въ волковъ, натершись волшебной мазью, послѣ чего похищали и пожирали дѣтей, совокуплялись съ волчицами и т. д. Этихъ „оборотней“ сжигали какъ на Литвѣ, такъ и во Франціи, гдѣ въ 1513 г. была формально разрѣшена охота за ними, а въ 1598 году болѣзнь эта на Юрѣ приняла почти эпидемическій характеръ. *Павель Эгинскій*, *Аэцій* и арабы считали ее за видъ меланхоліи и только сначала XV в. (1603) подобныя оборотней стали освобождать, какъ идіотовъ (Гренъе во Франціи), а съ усиліями просвѣщенія это заблужденіе стало все рѣже и рѣже и наконецъ совершенно исчезло²⁾.

¹⁾ Hecker, *Kinderfahrten*. Eine historisch pathologische Skizze, Berlin, 1845, p. 32; Wilkens, *Geschichte der Kreuzzüge*, Leipzig, 1830. 71—83. Ср. Гезеръ, *Исторія новальныхъ болѣзней*, I. с. стр. 142—146.

²⁾ Тамъ же, 186, 187 и Heusinger, Ein Beitrag zur Gesch. der Lycantropie въ Janus, II, 364, III, 362; также Leubuscher, *Ueber die Wehrwölfe und Thierverwandlungen im Mittelalter*, Berlin, 1850. Calmeil. *Lafolie* etc. Paris, 1845

Сифилисъ въ древности и въ средніе вѣка.

Библиографическія замѣтки¹⁾. При изложеніи разсѣянныхъ тамъ и сямъ данныхъ о болѣзняхъ половыхъ органовъ въ древности и средніе вѣка относящіяся сюда авторамъ будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же ограничиваемся только замѣтками объ авторахъ, писавшихъ специально о сифилисѣ въ концѣ XV и въ XVI в. или болѣе или менѣе пространно о сифилисѣ вообще въ своихъ руководствахъ.

При этомъ прежде всего приведемъ изданія, въ коихъ собрано большинство этихъ авторовъ, а затѣмъ этихъ послѣднихъ въ отдѣльности.

Сборники и библиографическія сочиненія.

Aloysius Luisinus, *Aphrodisiacus*, sive de lue venerea, in duca tomos bipartitus, continens omnia quaecunquae hactenus de hac re sunt, ab omnibus medicis conscripta etc. Tomi duo. Lugduni Batavorum, 1728 (I т. содержитъ сочиненія 37 авторовъ; II т.—сочиненія 23 авторовъ. Предисловіе составилъ Hermann Boerhaave).

Первое изданіе вышло подъ заглавіемъ: De morbo gallico omnia, quae exstant apud omnes medicos cujuscunque nationis, 2 тома, Venetiae, apud Jordanum Zilletam, 1566—67 съ этого сдѣлана перепечатка подъ новымъ заглавіемъ: *Aphrodisiacus* sive de lue venerea in duo volumina etc. ab excellentē Aloysio Luysino... Venet. apud Baretium et socios, 1599.

Gesner (1516 — 1565). *Bibliotheca universalis sive Catalogus omnium scriptorum locupletissimus*, in tribus linguis, Latina, Graeca et Hebraica. 3-e изд. 1583, Tiguri.

Gruner, *Morborum antiquitates*. Jenae, 1774.

— *Aphrodisiacus* sive de lue venerea in duas partes divisus, Jenae, 1789.

— *De morbo gallico scriptores medici et historici*. Jenae, 1793.

— *Specilegium scriptorum de morbo gallico*. Jenae, 1799—1802.

Girtanner (1760—1800), *Abhandlung über die venerische Krankheit*. Göttingen, 1808. Во 2 и 3 тт.—хронологическій списокъ всѣхъ сочиненій о сифилисѣ съ 1495—1789 г.

Hensler, *Geschichte der Lustseuche zu Ende des 15ten Jahrhunderts*. Altona, 1789. Съ прибавленіемъ „Excerpta“.

Fuchs. *Die ältesten Schriftsteller über die Lustseuche in Deutschland von 1495—1510*. Göttingen, 1843.

¹⁾ При составленіи этихъ замѣтокъ пособиями служили:

Friedberg, *Die Lehre von den venerischen Krankheiten im Alterthume und Mittelalter*, Berlin, 1865.

Гезеръ, *Исторія новальныхъ болѣзней*, переводъ Вячеслава Манассеина, СПб., 1866.

Friedrich Wilhelm Müller, *Die venerischen Krankheiten im Alterthum*, Erlangen, 1873, главнымъ же образомъ:

J. K. Prokisch, *Die Litteratur über die venerischen Krankheiten*, I Band. Bonn, 1889.

J. K. Prokisch, *Die Geschichte der venerischen Krankheiten*, Bonn, 1895, II Bände, откуда заимствованы хронологическія и краткія біографическія данныя. Само собой разумеется, что за недостаткомъ мѣста этими замѣтками не могла быть исчерпана вся богатая литература о венерическихъ болѣзняхъ.

Писатели 1490—1500 годовъ.

Самымъ стариннымъ и первымъ изъ этихъ писателей долженъ быть признанъ

Marcellus Cumanus, изъ города Como или Cumaе близъ Неаполя, военный врачъ въ венеціанскомъ войскѣ, выставленномъ противъ Карла VIII въ началѣ эпидеміи сифилиса, (1495). Замѣтки о сифилисѣ написаны имъ на поляхъ *Хирургіи* Петра Аргелати и впервые помѣщены въ *Curationes et observationes medicae Welsch'a*, centur. VI, Ulm. 1667. О лues въ извлеченіи у Hensler'a (11—14).

Theodoricus Ulsonius Phrisius (изъ Фрисландіи, род. въ 1450, ум. въ началѣ XVI вѣка), *Vaticinium in epidemicam scabiem, quae passim toto orbe grassatur, nebst cinigen anderen Nachträgen zur Sammlung der ältesten Schriftsteller über die Lustseuche in Deutschland*, ed. Fuchs, Göttingen, 1850.

Sebast. Brant, Joh. Reuchlin (alias *Carpion*), *Depestilentiali scorra sive impetigine anni XCVI eulogium*, перепечатано въ Seb. Brant, *Carmina Argentinae*, 1496, крайнѣ рѣдка (у Генслера, Эксерпта, 15 и у Фукса стр. 4).

Joseph Grünpeck (также Grünbeck) do Burkhausen (р. 1470, ум. послѣ 1531 г.), секретарь Максимилиана I, *Tractatus de pestilentiali scorra sive mala de Francos originem remediaque quaedam continens*, у Seb. Brant'a l. c. и Augsburg, 1496.

— Ein hübsches Tractat von dem Ursprung des bösen Francos, das man nennt die wilde Wärtzen. Augsburg, 1496.

— De Mentulagra, alias morbo gallico. Всѣ 3 стихотворенія перепечатаны у Фукса (49—70). Французскій переводъ: *De la mentulagre ou mal français*, par Corlieu (Collection des syphillidographes), Paris, 1884. Самъ болѣлъ 3 года сифилисомъ и лечился *Emplastr. hydrarg. c. alum.* и проч.

Conrad Schellig, профессоръ въ Гейдельбергѣ, *In postulas malas, morbum, quem malum de Francia vulgus appellat, quae sunt e genere formicarum, Heidelbergi*, 1494—1497 (у Fuchs'a 71—94). Создается, что его соч. „ex variis medicinae auctoribus collectum“.

Johannes Widmann (Salicetus, Möchinger, Meichinger, 1440—1524), профессоръ въ Тюбингенѣ, *Tractatus de pestilentia perutilis*, Tübingen, 1501. *Tractatus de pustulis quae vulgato nomine dicentur mal de Francos*, s. l. 1497 (у Фукса, 95—112).

Niccole Leoniceo (1428—1524), проф. въ Падуѣ, Болоньѣ и Феррарѣ, *Libellus de epidemia quam vulgo morbum gallicum vocant. Venet. 1497. Basil. 1536*. Противникъ арабовъ и Галена и первый изъ современныхъ врачей высказался за древность сифилиса

Martin Mellerstadt, *Defensio Leoniceniana*, Magdeburg, 1499 (у Фукса 155—288).

Gaspar Torella, въ концѣ 15 и началѣ 16 в., изъ Валенсіи, епископъ изъ Santa-Justina въ Сардиніи, лейбъ-медикъ папъ Александра VI и Юлія II, *Tractatus cum consiliis contra pudendagram seu morbum gallicum. Rom. 1497*.

— *Dialogus de dolore cum tractatu de ulceribus in pudendagra evenire solitis*, Rom. 1500. Подробности о Torella см. у Morejon, *Historia bibliographica de la medicina espanyola. Madrid, 1842*. Признавалъ зараженіе кормилицами и размноженіе яда въ крови изъ начальнаго аффекта.

Conradinus Gilinus, *Opusculum de morbo gallico* (Luisinus, 341—346).

Natalo Montesauro, изъ Вероны, *De dispositionibus, quae vulgares Mal Francos appellant*, s. l. 1497 (Luisinus, 113—124). Замѣтки въ Анненни.

Sebastiano изъ Aquila (Aquilanus, † 1513), проф. въ Феррарѣ, *Ad Lud. de Gonzaga, Mantuae episcopum, interpretatio morbi gallici et cura. Lugd. 1506* и множество другихъ изданій (Luisinus 1—16).

Marinus Brocardus, венеціанскій врачъ (ок. 1500), *Tractatus de morbo gallico* (только у Luis. 965—970).

Johannes Manardus, Opus ad Martinum Mellerstadt de erroribus Symonis pistoris, a. l. 1500 (Luis. 599—664), также въ *Epistol. med. libri XX*, Basil. 1540.

Bartholomae Steber (р. 1506 г.), проф. въ Вѣнѣ, A mala Francos, morbo Gallorum, praeservatio et cura, Viennae, 1496—98 (Fuchs, I, 113—126). Протравникъ ртути.

Antonio Beniveni (1440—1502). De additis morborum causis, Florentinae, 1507, Lugd Bat. 1585 (Luisinus 399). Статья о луге написана ок. 1498—1502.

Simon Pistor. Confutatio conflatorum circa positionem quandam extraneam et puerilem Martini Mellerstadt de malo Franco. Lips. 1521 (у Фукса, стр. 219—240).

Francesco Lopez de Villalobos (1473 — 1560), estudiante en Salamanca, Sumario de la medicina en romance travado, con un tratado sobre las pestiferas bubas. Salamanca, MCCCXC. Вислѣдствіи оиъ былъ лейбъ-медикомъ императора Карла и Филиппа II. Рядный защитникъ новаго происхожденія сифлиса.

Pedro Pistor (а. Pincitor, 1423—1508), какъ и Torella, изъ Испаніи и врачъ Александра VI и семьи Борджіа, которые всѣ страдали сифлисомъ и которыхъ оиъ всѣхъ называетъ полными именами. Оиъ оставилъ: De morbo foedo et occulto his temporibus affligente (Rom.?), 1500. Впервые упоминаетъ о ней Sanchez, затѣмъ Hensler (42—59) и Gruner (III, 85—115). Изъ неврачей:

Baptista Fulgosi (Fulgosus), дожъ въ Генуѣ (1478—83), De dictorum factorum que memorabilibus libri IX, Mediolano, 1509, Paris, 1585. Стоитъ за эфлюэное происхожденіе сифлиса.

Bartholomaeus Senarega, генуэзскій посолъ. De rebus Genuensibus commentaria ab 1488—1514, въ Muratori, Rerum Italicarum scriptores, Mediolani, 1738.

Писатели 1500—1520 годовъ.

Otto Raut (1460—1508), городской врачъ въ Ульмѣ, Pronosticum ad annos domini 1502—1508. De causa et cura morbi nunc temporis grassantis, qui Malum Franciae sive Scora nominatur. Hagenaui, 1501 (у Фукса 289—302). Сочиненіе это почти дословно списано съ Leonicensus'a и историки напрасно считаютъ его авторитетомъ.

Joh. Almenar, изъ богатой дворянской семьи въ Валенсіи, Libellus ad evitandum et expellendum morbum gallicum noviter inventus ac impressus. Venet. 1502 (у Luisinus'a во всѣхъ 3 изданіяхъ). Отвергалъ кровопусканія, первый старался придать ртутнымъ втираніямъ научное обоснованіе, избѣгалъ саливаціи и назначая діету не слишкомъ „subtilis“.

Wendelin Hook (1502), изъ Бркеннау (Вюртембергъ), *Mentagra* в. tractatus de causis etc. morbi Gallici, Venet. 1502. По Astruc'у и Hensler'у — плагиаторъ у Schellig'a, Pincitor'a, Torella и Almenar'a и повторяетъ даже молитву Pincitor'a за папу!

Giacomo Cataneo (Cataneus) de Lucamarino, Genuensis (ок. 1505), De morbo (Gallico tractatus, сочиненный въ 1504 или 1516 г. и впервые появившійся въ 1560 только у Luisinus, I, 139—168). Придерживался Ung. sagaseni до саливаціи и леченія, мисомъ гадюки и вскользь упоминаетъ объ окуриваніяхъ кинноварью.

Marcoville, D'une pugnition divinement envoyée aux hommes et aux femmes, pour leur paillardise et Incontenances desordonnées (en 1493) etc. A Naples et en France, edit. Baliger (псевдонимъ), 1836.

Joh. Vochs, De pestilentia anni praesentis et ejus cura. Magdeburg, 1507. Tractatus de omni pestilentia et de diuturna peste morbi Gallici, Coloniae, 1537 (Gruner, III, 120 Hensler, 77). Сочиненіе это оиъ написалъ послѣ 40-лѣтней практики въ Кельвѣ и Магдебургѣ. Леченіе ртутью оиъ называлъ „cura tormentaria“, а примѣнявшихъ ее: „homicidae“, „carnifices“.

Jno. Wimpfelingus, проф. исторіи въ Гейдельбергѣ, написалъ предисловіе къ Conrad Schellig'у (Hensler, Excerpta, p. 10).

Alexander Seitz (Sytz, изъ Марбаха въ Вюртембергъ, р. 1476). Ein nützlich regi-
ment wider die bösen frantzosen mit etlichen klugen Fragstücken, Pforzheim 1509, Анти-
меруриальность. Подробности о немъ: Alb. Moll, Dr. A. Seitz aus Marbach und seine
Schriften über die Lustseuche vom Jahre 1509, Stuttg. 1882.

Alessandro Benedetti (Benedictus, 1450—1525), главный врачъ въ Венецианской
арміи, выставленной противъ Караа VIII, De observatione in pestilentia, Venet. 1498.
Optimum morborum signa, causae etc. Venet. 1538 (Gruner, III, 39). Сифилисъ рѣчь
идеть въ XXIV—XXVII гл. Стоять за новое его происхождение; наблюдалъ будто отпадение
рукъ и ногъ! Зато последователемъ описываетъ первичныя, вторичныя и третичныя явленія.

Giovanni (Johannes) de Vigo (ок. 1460—1520), лекарь-медикъ Юлиа II, De morbo
gallico, въ его же Practica in arte chirurgica соріега, Lugd. 1516. 1-е изд.: Rom:
1514 (Luisinus, I, 449, Gruner, III, 125). Французскіе переводы: 1) Le mal frangais, 1614,
2) par Fournier, Paris, 1872. Онъ первый призналъ сифилисъ неизлечимой болѣзью и
различаетъ г. gallicus non confirmatus — первичныя и начальныя вторичныя явленія и confirma-
tus — позднѣйшія припадки (черезъ 16—18 мѣсяцевъ), которые считалъ незаразительными.

Girolamo Fracastoro (Hieronymus Fracastorius, 1483—1553), изъ Вероны: 1) Syphilis
s. morbus gallicus. Veronae, 1530; ed. Choulant: Lips. 1890; у Luisinus 199, подъ за-
главьемъ: De syphilitide seu morbo gallico lucubratio. Французскій переводъ: Fournier,
Paris 1869, вмѣстѣ съ поэмой Fracastoro. Это высокохудожественная поэма великаго вра-
ча, астронома и поэта, которая весьма важна для исторіи сифилиса. 2) De contagione et
contagiosis morbis eorumque curatione. Venet. 1546. Французскій переводъ: Méunier, Paris
1893. Здѣсь Fracastoro дополняетъ сказанное имъ прежде, описываетъ проявления сифи-
лиса въ первое время взрыва его и увѣряетъ, что называясь съ середины 20-хъ годовъ 16 в.
онъ совершенно ослабѣлъ.

Giorgio Vella, врачъ въ Brescia (около 1505—1515), Consilium medicum pro Mor-
tano qui morbo Gallico laborat. Mantuae, 1515 и подъ заглавьемъ: De morbo gallico opu-
sculum (у Luisinus 205—218).

Leonhard Schmaus, профессоръ въ Зальдбургѣ (ок. 1518). Lucubratiuncula de
morbo Gallico, Auguste Vindelicorum, 1518 (Luis. 383—390) и Treatment of the french
disease, 1578 въ Aphrodisia, I. p. 383. Первый высказалъ мнѣніе объ американо-
происхожденіи эпидеміи сифилиса, причемъ, однако, отчасти признавалъ и влияние мѣ-
стныхъ условий въ Европѣ, какъ напр. бывшихъ въ 1491 г. наводненій.

Laurentius Phrisius, голландецъ, практиковавшій въ 16 в. въ Кольмарѣ и Метцѣ:
1) Spiegel der Artzney, Strassburg, 1518. 2) Epitome opusculi de curandis „pusculis“, ulce-
ribus et doloribus morbi Gallici, mal frantzoss appellati, Basil. 1532 (Luis. 345). Вообще
обнаруживаетъ большое невѣжество. Изъ сочиненій неврачей:

Erasmi Roterdami (Сочиненія отъ 1518—1530) Opera omnia. Lugd. Batav, 1704,
V, ed. Leclerc (Gruner, III, 130—132, Fuchs, 352—358).

Ulrich von Hutten (1488—1523), eques germanus. Opera, Berolini, 1823. Т. III.
Отдѣльно: De Guajaci Medicina et morbo gallico liber unus. Moguntiae, 1519. Переводы—
нѣмецкій: Leipzig, 1778 (въ Baldinger, Magazin f. Aezzte), Timmeus, Bremen,
1737 (въ Venus-Seuche Voerhaave'a); французскіе: par Cheradame, Lyon, 1530,
par Potton, Lyon, 1865; англійскій: by Daniel Turner, London, 1730 и by Thom.
Paynell, London, 1541 и 1546. Известный поэтъ и борецъ за свободу. Какъ и отецъ его,
страдалъ сифилисомъ. Его сочиненіе, написанное около 1519 г., имѣло огромное вліяніе на
введеніе ligni guajaci въ терапію сифилиса.

Писатели 1520—1560 г.

Rodrigo-Ruiz Diaz d'Isla (1462—1542), испанецъ, Contre las Bubas 1521—1557.
Tratado etc. contra el mal serpen tino venido della Isla Espanola etc. Sevilla, 1542. Десять

лѣтъ занимался въ госпиталѣ de Todos los Santos въ Лиссабонѣ и вообще игралъ двойную роль: шута, увѣрявшаго, будто бы на своемъ вѣку видѣлъ 20,000 больныхъ сифилисомъ, наблюдалъ его даже на животныхъ (что, впрочемъ, увѣрять и Нуттен) и въ видѣ пугулы, на растеніяхъ, орошавшихся водой, въ которой мылось бѣлье сифилитиковъ и т. п.; въ тоже время, вмѣстѣ съ Oviedo у Santo, играетъ роль главнаго свидѣтеля въ пользу заноса сифилиса изъ Америкъ.

Johannes Benedictus (1483—1563), по фамилии Solfa, немецъ изъ Мауница, лейбъ-медикъ королей Сигизмунда и Августа. *Libellus de morbo gallico* (Luisinus, 167—162). Учился въ Краковѣ и Италіи, гдѣ пробылъ 1515—1519 гг. По Hensler'у, первый ввелъ внутреннее употребленіе ртути, но de Vigo раньше давалъ ее шунуръ при оспѣ и чумѣ.

Jacques Béhencourt, *Nova poenitentialis Quadragesima, nec non Purgatorium in morbum Gallicum, sive Venereum, opus fructiferum. Parisiis, 1527.* Вообще первый во Франціи врачъ, разработавшій сифилисъ научно и давшій ему названіе „*morbus venereus*“ (O lues venerea до него упоминаетъ Rabelais въ своемъ *Pantagruel*).

Petrus Maunardus (около 1506—1518), проф. въ Падуѣ. „*De quiditate morbi galici, causis etc. s. l. 1527* (Luisinus 389). Первый описалъ сифисрозъ на шейкѣ матки (склерозъ на penis раньше его описали de Vigo и Celsus).

Magnus Hundt (около 1529), врачъ въ Магдебургѣ, *Regiment wider die weitläufige und unsaubre Krankheit Franzos etc. Leipzig, 1529, Frankf. a. M. 1549* (Gruener, III, 137). Нов. изданіе: P r o k s c h, Wien, 1880.

Theophrastus Paracelsus (1493—1541); 1) *Chirurg. Bücher und Schriften, I Theil. Basel, 1591. Das dritte Buch der grossen Wundarznei, vom Ursprung und Herkommen, Heyung und Erkenntniss der Schlier, Blattern, Frantzosen, mit sämt ihren offenen Schäden, Löchern und Wesen. Das achte Capitel. Wie diese „Tinctur“ ihr krafft behält und wie sie weiter Tingirt auff drey weg, contagiosum, actum venereum und Haereditarium.* 2) *Zehen Büchern von französischen Blattern, Lähme, Beulen, Löchern und Zittracten. s. l. 1528.* 3) *Drei Bücher, 1552 in Franck. a. M. 1562.* 4) *Sechs Bücher, Strassburg, 1577.* 5) *De morbo gallico, Wahrhafte Cur der Frantzosen, Strassb. 1578.*

Nicolo Massa (+ 1569), Veneti, philosophi et medici praeclearissimi de morbo Galico liber, Venet. 1532, 1536, 1559, 1563 (Luisinus, pp. 39—113). Анатомъ (открылъ prostata), главное же сифилидологъ, котораго Luisinus однако незаслуженно называетъ: „*medicorum Hippocrates et saeculi splendor*“.

Johannes Paschalis (Pascalis, ок. 1534), изъ Суэса при Капуѣ, *Liber de morbo etc. quod Gallicus appellatur, Neapoli, 1534* (Luis. 219—242).

Petrus Andreas Matthiolus, изъ Сиены, лейбъ-медикъ имп. Максимилиана II, *De morbo gallico liber unus, Venet. 1535* (Luis. 246).

Alfonso Ferro (Ferrus, Ferrinus, р. 1500—ум. послѣ 1552 г.), изъ Неаполя, лейбъ-медикъ Павла III, 1) *De morbo Gallico. Paris 1537*, гдѣ восквалаетъ *lignum sanctum*. 2) „*De sarunculo*“, Lugd. 1553—о стриктурахъ, противъ которыхъ, по словамъ H a e s e r'a, употреблялъ, подобно Alexander Tralles'у, бужу изъ растительныхъ стеблей, смазанныхъ ар-мѣдянкой и praecipitato hydrarg. Но у Tralles'a о бужу при стриктурахъ ничего нѣтъ¹⁾.

Thomas Rangonus (Jonathus, Philologus, ок. 1470—1560), изъ Равенны, проф. въ Падуѣ, 1) *Mali galeci sanandi, vini ligni, et aquae: unctionis, ceroti, suffumigii, praecipitati ac galiquorum modi omnes. Venetiis, 1537 и 1545. Malum gallicum Depilativam, unquitivam, nodos, ulcera vitia quaeque etc. Venet. 1575.* Haller говоритъ о немъ: „*Literati hujusmodi, non quidem clinici, mirificum opusculum. Morbi initia ad a. 1494 refert, neque tamen novum morbum esse vult, nam a. 1455 Hugonem Benzi um similibus mali meminisse*“²⁾.

¹⁾ Ср. P r o k s c h. Geschichte etc., II, 108.

²⁾ Ср. тамъ же, II, 109 и Исторію средневѣковой медицины, вып. I. стр. 428, откуда, однако видно, что Венсiо жилъ нѣсколько раньше.

Johannes Antonius Reverellus De morbo quodam patura affectu tractatus a. 1. 1587. По Gruner'у (260)—сплошной плагиат у Альменара.

Remaolus Fuchs (1510—1587), каноникъ въ Ахттихъ, Morbi hispanici quem alii gallicum, alli neapolitanum appellant, curandi per ligni indici (guajacum) dococostum etc. Paris, 1541 (Gruner, p. 400). Сочинение это изобилуетъ цитатами древнихъ авторовъ.

Luigi Lobera de'Avila (ок. 1544), лейбъ-медикъ Карла V, Libro de las cuatro enfermedades corteseanas (въ томъ числѣ mal bua), Toledo, 1544. Итальянскій переводъ: Libro quatro infermita cortegiane (въ томъ числѣ Mal Francese), tradotto de spanolo per Pietro Lauro, Venet. 1548. Хорошо описываетъ начальный аффектъ.

J. Rodericus Amatus Lusitanus (p. 1511), изъ Castel Branco въ Португаліи, которую оставилъ по изгнаніи оттуда евреевъ, впоследствии проф. въ Феррарѣ, умеръ въ Салоникахъ (когда неизвѣстно, послѣднее его сочинение относится къ 1561), Curationum medicinalium centuriae septem, Florentiae, 1551, Venet. 1552, Burdigalae, 1620. Написано это сочинение ок. 1545 г., содержитъ весьма интересную исторію бубыни, имѣющую значеніе для ученія о зараженіи и не потерявшую интереса еще и теперь (P r o k s c h).

Giovanni Baptista de Monto (Johannes Montanus, 1498—1551), проф. въ Феррарѣ и Падуѣ, Opuscula varia, Basil 1558. Tractatus de morbo gallico, 1555 (Luisinus, 554) составленъ его учениками. Знаменитый врачъ, введшій клиническое преподаваніе, примѣнялъ lignum indicum, hellebopus и зеленыхъ ящерицъ; ртуть отвергалъ.

Benedetto Vettori (Benedictus Victorius Traventinus, 1481—1581), проф. въ Падуѣ и Бозоньѣ, De morbo gallico liber, Florent. 1551 (Luisinus p. 615). Ученый врачъ, безъ практики.

Thierry de Héruy (1510—1599), французскій хирургъ 16 в., La Méthode curatoire de la maladie vénérienne vulgairement appelée grosse vérolle, Paris, 1552 и 1674. Зналъ незначительные бубоны.

Antonio Musa Bracciovola (1510—1555), лейбъ-медикъ Франциска I, Карла V, Генриха VIII и 4 палъ, начиная съ Льва X, Examen omnium iocch, sulfuf, i. e. pulverum, aquarum etc. Accedit de morbo gallico tractatus. Venet. 1553 и т. д. (Luisin 657). Признавала *contagium fixum*, зараженіе отъ педерастіи и принимала 234 признака сифилиса!

Auger Ferrier (Ferrerius, 1513—1583), врачъ Екатерины Медичи, De pudendagra, gravi lue Hispanica, libri duo, Tolosae, 1553, Antverpiae, 1554 (у Luisinus'a, 905—930). Признавала наследственность, не доверяла втираніямъ.

Franz Renner, никѣмъ изъ историковъ до P r o k s c h'a не былъ открытъ, городской хирургъ въ Нюрнбергѣ (въ сред. 16 в.). Ein köstlich und bewartes Arzney-Büchlein etc. wider die abschewliche Kranckheit der Frantzosen und Lähmung. Auch vor alle andre Seuchten etc. Nürnberg, 1554 и пр., Amberg, 1609; Wundartzneybuch etc. Francf. am M. 1578. Первый нѣмецкій хирургъ, писавшій о сифилисѣ. Имѣлъ 7 изданій и вообще отличается большой опытностью и дальними хирургическими наблюденіями.

Peter Haschaert (Hascart, Haschardus, по Haeser'у Braschardus), медико-хирургъ въ Armentières при Лиллѣ, Morbi gallici compendiosa curatio, Lovanii, 1554 (у Luisinus'a II, 929—934).

Nicolaus Macchellus, врачъ въ Моденѣ, Tractatus de morbo Gallico, Venet. 1555. Tractatus methodicus de lue venerea etc. Francofurti, 1608 (Luis. 729—756). Стоитъ за древнее происхождение сифилиса и противникъ ртути.

Alexander Trajanus Petronius (+ 1585), лейбъ-медикъ Григорія XIII, De morbo gallico libri septem, написано въ 1565 г. (Luis. 1167—1366). Высказалъ мысль объ ослабленіи сифилиса невольной сифилидизаціей человѣческаго рода.

Gabriel Fallopi, De morbo gallico tractatus. Batav. 1564, въ Petro Angelo Agatho Materate, De morbo Gallico и въ Opera Fallopii, Francofurti, 1584 (у Luis. 770).

Bino, Capitolo in lode del mal francese. Firenze, 1555, въ Berni. Opere burlesche, II.

Анонимно. *La Franceide, ouvera del mal francese, poeta giocoso*, Venet. 1629 (Baliger, p. 31).

Jean Fernel (Fernelius), *De abditis rerum causis libri duo*. Parisiis, 1548. У **Luisinus**, p. 609, подъ заглавіемъ: *De lue venerea dialogus; De partium morbis ac symptomatis*. Paris, 1554 (Luisinus 609—612). *De luis venerea curatione perfectissima*, Antverpae, 1579. Франц. переводы: **Le Long**, Paris, 1633, **Le Pileur**, Paris, 1879.

Въ исторіи литературы о сифилисѣ конца 15 и начала 16 вв. обращаетъ на себя вниманіе поразительный фактъ: во Франціи около 30 лѣтъ сряду, за все время существованія эпидеміи, не было обнаружено ни одного научнаго трактата о сифилисѣ, ибо первое подобное сочиненіе **Jacques de Béthencourt** появилось только въ 1527 г., напечатанное же въ 1501 г. анонимное сочиненіе выдаетъ себя головой, обнаруживая свое полное невѣжество уже однимъ своимъ заглавіемъ: „*Remède très utile pour ceulx, qui ont la maladie appelée en Hébreu (!) la Grosse Vérole*“.

Еще позже, чѣмъ во Франціи, заговорили о сифилисѣ въ другой высококультурной странѣ, а именно въ Англіи, гдѣ за все время критическаго періода сифилиса не вышло ни одного сочиненія объ этой болѣзни и только въ послѣдней трети 16 в. появилось первое научное сочиненіе объ этомъ предметѣ, а именно:

William Clowes, *French Pockes*, London, 1575¹⁾.

Главнѣйшіе изъ позднѣйшихъ и новыхъ писателей.

Jean Astruc, изъ *Sauve* въ Лангедокѣ (1684—1766), проф. въ Montpellier, *De morbis venereis*, 2 тома. Paris, 1740. Содержитъ цѣнныя историческія данныя.

Auspitz, *Die Lehren vom syphilitischen Contagium*. Wien, 1866.

Asnias-Turenne, *Esquisse historique et critique sur l'origine de la syphilis en Europe* въ *Union médicale*, troisième série, T. VIII, Paris, 1869, № 107, p. 370—371.

Beckett (+ 1738), *An attempt to prove the Antiquity of the venereal Disease* въ *Philosophical Transactions*, London, 1720, vol XXX, № 357.

— *A Letter concerning the Antiquity of the Venereal Disease*. Тамъ же, London, 1723, vol. XXXI, № 365.

— *A Letter to Dr. Halley in answer to some Objections made to the History of the Venereal Disease*. Тамъ же, № 366.

Behrend, *Syphilidologie*, Leipzig, 1840. 2 Bände.

Binz, *Die Einschleppung der Syphilis in Europa*, Leipzig, 1893.

C. Fr. Clossius, *Über die Lustseuche*, Tübingen, 1797.

Cooper Asthley (1768—1841), *Theoretisch - praktische Vorlesungen über Chirurgie oder Erlebnisse einer 50-jährigen Erfahrung am Krankenbett*. Aus dem Englischen übersetzt von Dr. Burchard. Erlangen, 1845.

Dupouy, *Le moyen âge médical*, Paris, 1888.—Его же. *Médecine et moeurs ae l'ancienne Rome d'après les poètes latins*. Paris, 1891.

Finckenstein, *Zur Geschichte der Syphilis. Die ältesten spanischen Nachrichten*. Breslau, 1870.

Freind (1675—1728), *Historia medicinae*. London, 1725—1726.

Friedberg, *Die Lehre von den venerischen Krankheiten in dem Alterthume und im Mittelalter*. Berlin, 1865.

Geigel, *Geschichte, Pathologie und Therapie der Syphilis*. Würzburg, 1867.

Gauthier, *Recherches nouvelles sur l'histoire de la syphilis*, Paris et Lyon, 1842.

¹⁾ Cp. **Proksch**, *Geschichte der vener. Krankheiten*, I, 415, 416.

Gütz, Beiträge zur Geschichte der Medicin. Ueber Alter und Ursprung der Syphilis, Leipzig, 1868.

Hacker, Litteratur der syphilitischen Krankheiten vom Jahre 1794 bis mit 1829, als Fortsetzung der Girtannerschen Litteratur. Leipzig, 1830.

— Neueste Litteratur der syphilitischen Krankheiten (1830--1839), Leipzig, 1839.

Häser, Historisch-pathologische Untersuchungen. Als Beiträge zur Geschichte der Volkskrankheiten, Leipzig, 1839, 1841.

— Geschichte der epidemischen Krankheiten, Jena, 1859, 2 Auflage; 1865, 3 Auflage.

Hensler, Ueber den westindischen Ursprung der Lustseuche. Altona, 1789.

— Vom abendländischen Aussatze im Mittelalter. Hamburg 1790.

— Programma de herpete sive Formica veterum luis venereae non prorsus experta Kiliae, 1801.

A. Hirsch, Handbuch der historisch-geographischen Pathologie, Erlangen, 1860.

V. A. Huber, Bemerkungen über die Geschichte und Behandlung der venerischen Krankheiten, Stuttgart u. Tübingen, 1825.

Jurgew, Luis venereae apud veteres vestigia. Dorpati Livonorum. 1826.

Kaposi, Pathologie und Therapie Syphilis, der Stattgart, 1881.

Kaposi, Verhandl. des Congresses für innere Medicin. Wiesbaden, 1886.

Kirchhoffer, Ueber die venerischen Krankheiten bei den Alten. Ein Beitrag zur Geschichte der Syphilis im Allgemeinen und insbesondere zur Frage über das muthmassliche Alter derselben. Zürich, 1868.

Lindwurm, в Canstatts Jahresbericht, Würzburg, 1855, II, 353 и 1858, II, 342.

Lorinser, Geschichtliche Rückblicke auf den morbus gallicus und die Syphilis, в Wiener Medicinische Wochenschrift, 1877, № 87—93.

Melsheimer, Die Syphilis und ihre Heilmittel, vom Jahre 1492 bis zur Mitte des 16 Jahrhunderts, Diss., Bonn, 1892.

Michaelis, Compendium der Lehre von der Syphilis. Wien, 1859.

Müller, Friedrich Wilhelm, Die venerischen Krankheiten im Alterthum, Erlangen, 1873.

Perenotti di Cigliano (Pietri Antonio, сардинскій врачъ), Storia generale etc. del infezione venerea, di sua sede e de principali suoi fenomeni, in Torino, 1788. Нѣмецкій переводъ: Leipz. 1791 (см. Sprengel).

J. K. Proksch, Die venerischen Krankheiten bei den alten Aegyptern. Arch. für Dermatologie und Syphilis, Wien, 1891.

J. K. Proksch, Die Litteratur über die vener. Krankheiten, 3 B., Bonn, 1889—1891.

J. K. Proksch, Geschichte der venerischen Krankheiten, I, II. Bonn, 1895.

C. Quist, Die neueren urkundlichen Nachrichten über das erste Auftreten der Syphilis im 15 Jahrhundert, в Virchows Archiv, Berlin, 1875.

J. Rosenbaum, Geschichte der Lustseuche im Alterthume, Halle, 1839, 1845, 1882

Nunez Antonio Ribeiro Sanchez (1699—1783), португальскій еврей, бывшій членъ Россійской академiи наукъ¹⁾. Dissertation sur l'origine de la maladie vénérienne, pour prouver que ce mal n'est pas venu d'Amérique, mais qu'il a commencé en Europe par une épidémie. Suivie de l'examen historique sur l'apparition de la maladie vénérienne en Europe et sur la nature de cette épidémie, Leide, 1777 (первое издание: Lisbonne, 1774).

Schnurrer, Die Krankheiten des Menschengeschlechts. Chronik der Seuchen, historisch und geographisch bearbeitet. Tübingen, 1823—1825.

F. A. Simon, Versuch einer kritischen Geschichte der verschiedenartigen unreinen Behaftungen der Geschlechtstheile u. ihrer Umgegend od. der örtlichen Lüstübel, Hamb. 1831.

¹⁾ Званіе это было отнято у него за еврейское происхождение при Елисаветѣ Петровнѣ в 1748 г. и возвращено ему при Екатеринѣ II в 1762 г.

— Kritische Geschichte des Ursprunges der Pathologie und Behandlung der Syphilis, Tochter und wiederum Mutter des Aussatzes. Hamburg, 1857.

— Der Kampf mit einem Lindwurm oder unerwiesene Existenz der constitutionellen Syphilis vor dem J. 1495. Hamburg, 1859.

— Declaratio defensiva cujusdam positionis de mala Franzos nuper per professorem leporinum oppugnatae, Hamburg, 1860.

K. Sprengel, De ulceribus virgae tentamen historicochirurgicum, Halae, 1790.

— Perenotti di Cigliano. Von der Lustseuche. Aus dem Italienischen mit Zusätzen von Kurt Sprengel. Leipzig, 1791.

— Beiträge zur Geschichte der Medicin. Halle, 1791—1796.

F. X. Swediaur, Von der Lustseuche, Berlin, 1803. Zusätze und Verbesserungen zu Swediaur's Werk von der Lustseuche. Nach der 4. Ausg. bearb. von K l e f f e l, Berlin, 1803.

Thiene, Sulla storia de'mali venerei. Venezia, 1823.

Thierfelder, Additamenta ad H. Haeseri Biblioth. epidemiographicam. Misenaе, 1843.

Trusen, Darstellung der biblischen Krankheiten und der auf die Medicin bezüglichen Stellen der h. Schrift. Posen, 1843.

Vesalius, De radice Chynae epistola. Basil. 1546.

William Wallace, Darstellung des Verlaufs und der Behandlung der primären und der constitutionellen venerischen Krankheit. Aus dem Englischen, Deutsch unter Red. von B e h r e n d, Leipzig, 1842. На стр. 391 авторъ сообщаетъ, что у ирландцевъ уже за нѣсколько столѣтій до эпидеміи 1495 года господствовала болѣзнь подъ названіемъ: „Bolgach francach“, которое означаетъ „появленіе французскихъ пустулъ“ и которое и въ настоящее время служитъ у нихъ для обозначенія сифилиса ¹⁾.

Кромѣ приведенныхъ здѣсь авторовъ есть еще множество другихъ, писавшихъ въ 16—18 вв. о сифилисѣ 1495—1560 гг., какъ Langius, Dodonaeus, Alkazarus, Alkazarag и т. д., о сочиненіяхъ коихъ подробно сообщаютъ Fr. Wilhelm Müller (pp. 129—180) и P r o k s c h, Litteratur über die venerische Krankheiten, 3 тома.

Здѣсь, оставляя въ сторонѣ остальные венерическія болѣзни, мы будемъ говорить только о конституціональномъ сифилисѣ. Какъ одна общая, конституціональная болѣзнь сифилисѣ сталъ извѣстенъ только въ концѣ XV в. и названіе свое получилъ отъ Syphilus (отъ σφῖλος), героя аллегорической поэмы Girolamo Fracastoro (1483—1553), сочиненной имъ еще въ 1521 г. и обнародованной въ 1530 г. ²⁾.

¹⁾ Ср. P r o k s c h, Geschichte der venerischen Krankheiten, I, 350.]

²⁾ Fracastoro, Syphilis, sive morbi gallici liber tertium въ Aloysio Luisino, l. c. p. 197 Фабула поэмы заключается въ томъ, что эту болѣзнь испослалъ Аполлонъ на пастуха короля Алциноя, Syphilus'a, въ наказаніе за то, что послѣдній убѣждалъ народъ строить алтари не ему, Аполлону, не дававшему защиты отъ палящаго луча Сиріуса, но Алциноу: Fracastoro поетъ:

. . . . „Syphilus ostendit turpes per corpus a choreas
Insomnes primus noctes convulsaque membra
Sensit et a primo traxit cognomina morbus
„Syphilidem que ab eo labem dixere coloni“ (l. III, V, 327).

При лѣченія главное дѣйствіе приписывается ртути:

„Argento melius persolvunt omnia vivo
Pars major, miranda etenim vis insita in illo est“ (l. III, V. 335).

Первоначально, у различныхъ народовъ сифились имѣлъ различныя названія; такъ въ Испаніи онъ назывался „los bubas“ и „postillas“, а также „ratura“ (отъ *passio turpis saturnina*—Альмена рѣ); въ Савойѣ—„la clauela“ (узловатая сыпь; во Франціи—„grosse vérole“, „la vairolle“ или „la gorge“ (старо-французскій „*cochon*“), также „*scor*“ (отсюда „*scotta*“ у *Grünpeck*’а). Въ Пикардіи и Фламандіи употреблялось названіе *dougues*; въ Англіи „*Grandgor*“ и „*morbus Burbigalensis*“; въ Германіи—*wylde Wartzen*, „*mal Franzos*“, *böse Blattern*, *b. Pocken*, *böse Krätze*, *Brosseln* (*brossulae*). Характерно, что каждая нація открещивалась отъ первенства въ этой болѣзни, уступая его другой, поэтому во Франціи сифились называли „*mal de Naples*“, а въ Италіи „*morbus gallicus*“, каковое названіе Гезеръ производитъ отъ *galle*—чесотка; названіе „*Aregalle*“ онъ производитъ отъ „*are*“—обезьяна и „*galle*“—безобразный рубецъ. Но *Friedberg* справедливо отвергаетъ толкованіе *Naeser*’а¹⁾. Кромѣ того сифились у наблюдавшихъ эпидемію его врачей часто носятъ названіе *Pudendagra*, *Mentagra*, *Lichenes*, у нѣкоторыхъ врачей *Caroli* (шанкръ, *Argelata*), *lues venerea* (*Fernel*, *M. Cumanus*), у арабовъ: *zarhati*, *aluhamata*, *bottor*, *formica*, *tusius*.

Согласно единодушнымъ показаніямъ историковъ, въ 1494 или 1495 г. въ войскѣ Карла VIII былъ взрывъ невиданной дотогѣ эпидемической болѣзни, сдѣлавшей въ этомъ войскѣ сильныя опустошенія, распространившейся затѣмъ по всей Италіи, Германіи, Франціи и Испаніи и не щадившей ни пола, ни возраста, ни состоянія, ни даже духовенства.

Изъ появившихся въ то время во множествѣ сочиненій объ этой эпидеміи видно, что одни авторы считали ее болѣзнью давно извѣстной, вспыхнувшей въ концѣ XV в. съ особенной силой, благодаря вліянію созвѣздіи и дурныхъ, военныхъ и климатическихъ, условій, другіе считали ее продуктомъ однихъ только послѣднихъ условій, еще другіе видѣли въ ней разновидность или метаморфозу проказы („*morbum dictum vulgo gallicum, esse elephantiasim*“²⁾); кромѣ того ее смѣшивали съ оспой (*la grande vérole*). Разсмотримъ каждое изъ этихъ мнѣній подробнѣе. На взрывъ эпидеміи сифилиса въ концѣ XV вѣка и на перемѣну, происшедшую въ формахъ его проявленія и способахъ распространенія послѣ того, какъ эпидемія продержалась 30—40 лѣтъ, существуютъ, какъ извѣстно, различныя взгляды, которые сводятся къ слѣдующимъ категоріямъ:

1) Сифились—совершенно новая, къ концу XV вѣка самостоятельно возникшая и дотога неизвѣстная болѣзнь.

Это самый старинный взглядъ, котораго придерживались первые наблюдатели, какъ *grünpeck*, *Widmann*, *Torella*, *Beniveni*, *Cataneus*, затѣмъ *Joh. Veneripictus*, *de Vigo*, *Hutten*, позднѣе *Falloppia*, *Fernel*, въ 18 вѣкѣ—*Sanchez*, въ

¹⁾ Ср. Гезеръ, I. c. I, 175, 176; *Hacker*, *Benennungen womit man die Syphilis bezeichnet hat* (*Schmidts Jahrbücher*, 1850, p. 372). *Friedberg*, *Die Lehre der venereischen Krankheiten im Alter und Mittelalter*, Berlin, 1865, p. 100 и слѣд. доказываетъ, что *galle* или *gealla*—англосакское слово, означающее язву отъ тренія.

²⁾ *Sebast. Aquilanus*, *De morbo gallico*, у *Luisinus* p. 5.

новѣйшее время le Conte ¹⁾. Причинами появленія болѣзни считались прежде всего, согласно господствовавшимъ въ то время взглядамъ, вліянія созвѣздія (сидерическія) и состоянія погоды (дожди и наводненія), порча воздуха, голодовки вслѣдствіе неурожая, расплывъ нравовъ и т. п. Caesalpinus ²⁾ приписывалъ эпидемію сифилиса тому, что испанцы, осажденные въ городѣ Soma, тайно оставивъ городъ, отравили все наличное вино кровью больного, лежавшаго въ госпиталѣ. Fiogavanti ³⁾ появленіе эпидеміи во французскомъ войскѣ приводитъ въ связь съ употребленіемъ человѣческаго мяса, которое маркитанты будто принимали къ пищѣ, взявъ для этого мясо павшихъ въ сраженіи испанскихъ солдатъ, — мѣшкіе, которое, трудно повѣрить, раздѣлялъ даже Бэконъ Веруламскій ⁴⁾.

Нѣтъ надобности опровергать эту и тому подобныя гипотезы. Какъ курьезъ отмѣтимъ здѣсь еще ничѣмъ еще не доказанное заявленіе Вицмана о самопроизвольномъ зароженіи сифилиса въ придунайскихъ княжествахъ и Болгаріи ⁵⁾.

2) Сифилисъ возникъ къ концу XV в. въ Европѣ какъ своеобразное видоизмѣненіе другой формы болѣзни, а именно,

либо проказы, какъ полагали Maunardus, Aquilanus, Manardus, Paracelsus ⁶⁾, который считаетъ сифилисъ продуктомъ проказы и особенной формы болѣзни, называемой имъ то Schlier, то Cambuca, изъ новѣйшихъ врачей—Vogel, Mansa, Chevalier, Lagneau, Autenrieth, Choulant, Neumann, Weatherhead, Dieterich, Simon, — либо оспа (van-Helmont и Ricord) ⁷⁾. Въ пользу перваго изъ этихъ взглядовъ приводили одинаковій будто бы способъ передачи проказы и сифилиса (соитіа, наслѣдственность), сходство между проказой и вторичными и третичными явленіями сифилиса и, наконецъ, замѣченный будто бы нерѣдко переходъ сифилиса въ проказу. Ложность этого взгляда сознавали уже наблюдатели 16 вѣка: Leoniscus, Catapeus, Fgасastого, не говоря уже о томъ, что не констатировано ни одного случая перехода сифилиса въ проказу ⁸⁾. Тѣмъ болѣе странно, что въ новѣйшее время Дюпюи говорить еще о „превращеніи діатеза проказы, ослабленнаго временемъ и износившагося отъ наслѣдственной передачи втеченіе почти десяти вѣковъ у одного и того же рода, — въ аналогическій (сифилитическій) діатезъ съ обновленными силами, чтобы поразить другія поколѣнія, но которому предназначено исчезнуть когда нибудь, съ тѣмъ вѣроятіемъ, чтобы претерпѣть новое еще неизвѣстное превращеніе“ ⁹⁾. Что касается закрѣпленій средневѣко-

1) Ср. Hirsch, Historisch-geographische Pathologie, Berlin, 1860, I, 344 и слѣд., каковаго сочиненія придерживаемся при дальнѣйшемъ изложеніи, (съ значительными дополненіями по новѣйшимъ сочиненіямъ) и откуда приведены и послѣдующія ссылки.

2) Caesalpinus, Speculum art. med. Hippocr., Francofurti, 1605, 235, 239.

3) Fiogavanti, Capricci medicin. Venez. 1568.

4) Vasso, Histor. natur., Cent. I. 26. Amstr. 1661, 15.

5) Протоколы съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, I, 226, приведено у Hirsch'a l. c. I, 345 (за какой годъ, не обозначено).

6) Paracelsus, Grosse Wundartzney, Basil., 1581, 96. „Also vom Schlier (бубонъ) und Aussatz (проказа) ist entsprungen die Krankheit der Blattern („оспа“, т. е. сифилисъ), wie auss einem Ross und Esel ein Maulthier“. Въ другомъ мѣстѣ „Lepra ist gewesen im Mann, Cambuca (Schanker) in den Frawen“. Итакъ, согласно Парадельсу, сифилисъ произошелъ отъ сочетанія проказы мужчины съ шанкромъ или бубономъ женщины.

7) Van-Helmont, Opuscula medica inaudita, Francofurti, 1682, 222; Ricord, Lettres sur la Syphilis, нѣм. переводъ, Berlin, 1851, 67. Ср. Hirsch, l. c., 347.

8) Ср. Hirsch, l. c. 345.

9) Dupouy, Le moyen âge médical, Paris, 1888, 102.

выхъ врачей о происхожденіи сифилиса „*ex coitu cum leprosa seu foeda muliere*“, то итъ сомнѣнія, что въ этихъ случаяхъ рѣчь шла о женщинахъ, зараженныхъ сифилисомъ.

3) Сифилисъ въ концѣ XV в. былъ занесенъ въ Европу какъ болѣзнь, дотолѣ совершенно неизвѣстная, изъ другихъ частей свѣта.

Сюда относится прежде всего пресловутое ученіе объ американскомъ происхожденіи сифилиса (Oviedo¹⁾, Astruc, Girtanner). Но Sanchez, Hensler, Walch, Thiene, Huber и др. неопровержимо доказали несостоятельность этого взгляда. Напротивъ того, изъ сочиненія Франсеско Delgado²⁾, который 23 года страдалъ сифилисомъ, видно, что болѣзнь эта господствовала въ 1488 г. въ Rapallo близъ Генуи и что она наоборотъ изъ Европы занесена экипажемъ Колумба въ Америку, гдѣ до 16 в. она совершенно была неизвѣстна.

Правда, въ самое новѣйшее время опять внирлетъ изъ забвенія мнѣніе объ американскомъ происхожденіи сифилиса. Такъ L. Wolff (Philadelphia), въ недавно обнародованной статьѣ, снова поднялъ вопросъ „о сифилисѣ среди первобытныхъ народовъ Америки“³⁾. Онъ указываетъ, во первыхъ, на то, что Leonhard Schmaus⁴⁾, современникъ Колумба, першій въ своихъ сочиненіяхъ въ 1518 г. высказалъ мнѣніе о существованіи сифилиса съ незапамятныхъ временъ среди индѣйцевъ, что видно также изъ его работъ о примѣнявшемся ими lignum guaјасі. Далѣе Wolff ссылается на авторитетъ Oviedo⁵⁾, принимающаго, что „mal français“ издревле существовалъ на вестиндскихъ островахъ, гдѣ противъ него примѣнялось гваяковое дерево, и что болѣзнь эта была перенесена возвращавшимся экипажемъ Колумба въ Европу и затѣмъ распространена войсками Гонзалеса де Кордоба, посланными королемъ Фердинандомъ въ Неаполь въ 1495 г. противъ Карла VIII⁶⁾. Тоже утверждаютъ будто бы Ласказясъ, равно какъ монахъ Романъ Гауе⁷⁾, который въ изданной имъ исторіи Колумба, написанной сыномъ послѣдняго, категорически утверждаетъ, что сифилисъ съ давнихъ поръ былъ извѣстенъ жителямъ англійскихъ острововъ и о. Гаити. Кромя того, испанскій врачъ, R. Diaz de Isla⁸⁾ въ апрѣлѣ 1493 г. лечилъ нѣсколькихъ больныхъ на кораблѣ Колумба въ Барселонѣ, прежде чѣмъ они высадились на берегъ, изъ чего онъ заключаетъ, что сифилисъ переданъ европейцамъ индѣйцами. На основаніи всего этого Wolff приходитъ къ выводу, что сифилисъ до открытія Колумба въ Европѣ не былъ извѣстенъ и къ тому времени

¹⁾ Oviedo, Historia natural y general de las Indias, Sevilla, 1535 г. Т. I.

²⁾ Francois Delgado (Delicado), il modo di adoperare il ligno di India occidentale salutare remedio a ogni piaga e mal incurabile, Venet. 1529. Ср. Friedberg, l. c. 113. Обнародовано Фукомъ въ Janus, Neue Folge, 1853, II, 193.

³⁾ L. Wolff, Die Syphilis unter der Urvölkern Amerikas mit besonderer Bezugnahme auf ihr Bestehen daselbst vor den Entdeckung Amerikas durch Kolumbus, въ „Dermatologische Zeitschrift“ Lassar'a, за 1894 г.

⁴⁾ Leonhard Schmaus, Aphrodisia I, p. 383. Treatment of the french disease (1578)

⁵⁾ Oviedo, Relacion sumaria de la historia general y natural etc., Toledo, 1525г

⁶⁾ Но мнѣніе Oviedo опровергивалъ уже сынъ Колумба, Фернандо (ср. Гезеръ l. c. I, 198).

⁷⁾ Roman Gauze, Historia del S. D. Fernando Colombo ne qualie scha particola e vera relaciones de la vita el de fatti del Ammiraglio S. D. Christofero Colombo, suo padre. Tranlateda into italian by Alfonso Ulloa. Venice, 1571.

⁸⁾ Diaz de Isla, Contre las Bubas 1521—1557.

появился въ Европѣ какъ новая болѣзнь, занесенная изъ Америки¹⁾. Далѣе, Wolff указываетъ на то, что, согласно Gustav Bruhl²⁾, мексиканскіе индѣйцы знали по крайней мѣрѣ 20 различныхъ средствъ для пользованія сифилисомъ и что при вступленіи Кортеза въ 1510 г. въ г. Мексикку среди жителей его (ацтековъ и др.), отличавшихся высокой степенью культуры, сифилисъ былъ очень распространенъ, будучи занесенъ сюда отъ китайцевъ и японцевъ, у коихъ онъ существовалъ тысячелѣтіями. Наконецъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, Wolff приводитъ патологическія данныя о сифилисѣ костей у древне-американскихъ народовъ. Сюда относятся исслѣдованія проф. Jones³⁾ относительно найденныхъ въ „Mounds“ долины Миссиссиппи костей, которыя во многихъ случаяхъ оказывались со сплошными измѣненіями, съ заросшими вслѣдствіе воспаления костными канальцами и изъязвленными поверхностями. Эти эрозии, указывающія на глубокія язвы и разрушеніе магкихъ частей еще при жизни, найдены не только на голеняхъ, но и на черепѣ, малоберцовой, локтевой, лучевой, клячичныхъ, грудной и яичевыхъ костяхъ, гдѣ онѣ представляли несомнѣнные признаки періостита, костофды, некроза и экзостозовъ. Въ этихъ костяхъ, особенно въ черепныхъ, замѣчались различныя кисты изъязвленія, которыя патологи считаютъ характеристическими для сифилиса: круглыя язвы, съ глянцами поверхностями, съ явнымъ уплотненіемъ (ebignatio) подлежащей костной ткани; далѣе бурчатая язва, обусловленная не только наростаніемъ надкостной плевы, но и хроническимъ воспаленіемъ компактной ткани, также сѣтчатая язва, въ которой послѣдовало сѣтеобразное отложеніе надкостной плевы, прободенной поодѣе образовавшимися круглыми язвами. А такъ какъ описанныя измѣненія найдены симметрически, напр. на обѣихъ больше- и малоберцовыхъ костяхъ, обѣихъ предплечьяхъ и обѣихъ ключицахъ, то отсюда Jones заключаетъ, что эти симметрическія измѣненія могли быть произведены только однимъ обращающимся въ крови ядомъ. Подобныя же измѣненія (хроническій разрывающій и формативный оститъ съ остеомиелитомъ и хронически-формативнымъ періоститомъ) описываетъ J. N. Hyde⁴⁾ на костяхъ, вырытыхъ изъ старинныхъ „Indian-mounds“ въ Колорадо. Но все это доказываетъ въ сущности лишь то, что въ Америкѣ сифилисъ, быть можетъ, существовалъ и до открытія ея, но это отнюдь не исключаетъ его древности въ Европѣ, не говоря уже о томъ, что нѣкоторые американскіе ученые (Prudden, Putnam, Leach), какъ заявляетъ самъ же Wolff, не признали найденныя Jones'омъ измѣненія въ костяхъ за сифилитическія, для которыхъ характерны только одни „tuberc. и gummata“⁵⁾.

Какъ противовѣсь мнѣнію Wolff'a можно бы, кромѣ того, противопоставить исслѣдованія о доисторическомъ сифилисѣ, которыя въ 1877 г. были предприняты по почину проф.

¹⁾ Всѣ эти доводы, какъ сказано, давно уже опровергли Walch, Thiene и преимущественно Hensler (въ особомъ сочиненіи: Über den westindischen Ursprung der Lustseuche, Hamburg, 1789). Къ тому же тотъ же Diaz de Isla, на котораго ссылается Wolff и который дѣйствительно могъ пользоваться сифилитиковъ на корабляхъ Колумба въ виду Барселоны въ 1493 г., объясняя въ своемъ сочиненіи происхожденіе испанскаго названія *bubas*, сообщаетъ, что въ Кастаміа уже 10 лѣтъ тому назадъ, слѣд. около 1483 г., женщины, обращаясь къ своимъ дѣтамъ или прислугѣ съ проклятіями, выражали пожеланія, ни больше ни меньше, какъ: „пусть malas bubas покроютъ все твое тѣло“, „выѣдятъ тебѣ глаза“ и т. п. Ср. Proksch, l. c., I, 384.

²⁾ G. Bruhl, Praecolumbian-Syphilis in the Western Hemisphere, Cincinnati Lancet-Clinic, vol. IV and new series vol. 24.

³⁾ Prof. Jones, Smithsonian contributions to Knowledge, Washington, 1876.

⁴⁾ J. N. Hyde, Americ. Journal of med. Sciences, vol. CII.

⁵⁾ Wolff, l. c. pp. 231, 232.

дѣтскихъ болѣзаней въ Парижѣ, Раггот¹⁾, нашедшая въ свѣжихъ (черепныхъ) костяхъ сифилитическихъ дѣтей измѣненія (скапютабес, остеофиты), совершенно сходныя съ оказавшимися на ископаемыхъ дѣтскихъ черепакахъ, откопанныхъ д-ромъ Ргупіега de Marvejols въ доисторическихъ гробахъ и пещерахъ (доменахъ) въ Вѣужавасъ и въ Лоэге, а также, согласно Вурет²⁾, аббатомъ Дургостъ въ 1872 г. въ Solutré въ департаментѣ Saône-et-Loire. Но Вирховъ настаиваетъ на томъ, что нѣтъ ни одного достовернаго случая, въ которомъ были бы доказаны съ положительностью слѣды сифилиса на доисторическихъ костяхъ³⁾.

Суденгамъ⁴⁾ и Спренгелъ⁵⁾ высказали мнѣніе, что сифилисъ занесенъ въ Европу съ западнаго берега Африки, но басню объ африканскомъ происхожденіи сифилиса гораздо раньше ихъ выдумалъ Лео Африканусъ, который утверждалъ, что сифилисъ господствовалъ эндемически среди изгнанныхъ изъ Испаніи евреевъ⁶⁾. Того же мнѣнія придерживался и Ггиперъ⁷⁾. Эта басня основана на нечѣмъ не доказанномъ предположеніи о безнравственности и сладострастіи, господствовавшихъ, по мнѣнію Бледна⁸⁾, среди марановъ. Это „маранское“ происхожденіе сифилиса также не требуетъ опроверженія, такъ какъ чистота нравовъ среди евреевъ общезвѣстна.

Наконецъ Шауфусъ⁹⁾ выставилъ положеніе о заносѣ сифилиса въ Европу цыганами, смѣшавшимися будто съ маранами, — мнѣніе, очевидно, лишнее всякой исторической подкладки.

4) Сифилисъ существовалъ въ Европѣ съ самыхъ древнихъ временъ, но къ концу 15 вѣка, подъ влияніемъ нѣкоторыхъ вышнихъ моментовъ, обнаружился съ особенной силой какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи и именно въ ту пору впервые распознанъ врачами во всѣхъ его особенностяхъ и присущихъ ему явленіяхъ, какъ специфическая форма болѣзни¹⁰⁾.

Этотъ взглядъ высказали уже Леонисепия, Фрасастого и нѣкоторые другіе изъ первыхъ наблюдателей сифилиса. Затѣмъ онъ имѣлъ мало приверженцевъ и только въ новѣйшее время Непслеръ, Россбаумъ, Литтрэ, Хаесеръ, Фриедбергъ, Хиршъ, Финскенштейнъ и др. установили, что сифилисъ существовалъ издревле и былъ извѣстенъ какъ древнимъ, такъ и средневѣковымъ врачамъ.

Итакъ, за немногими исключеніями, огромное большинство авторовъ согласно принимаетъ нынѣ, что сифилисъ былъ извѣстенъ въ сѣдой древности, хотя въ памятникахъ нѣкоторыхъ древнихъ народовъ явныхъ тому доказательствъ не сохранилось. Разсмотримъ, поэтому, что было извѣстно объ этомъ въ древности и въ средніе вѣка.

1) M. J. Parrot, Une maladie préhistorique въ Revue scientifique, Paris, 1882.

2) Buret, La Syphilis aujourd'hui et chez les anciens, Paris, 1890.

3) Ср. Prokisch, Geschichte der venerischen Krankheiten, I, 1—7.

4) Sydenham, Epistol. resp. II, Opp. Genev. 1786, I, 204.

5) Sprengel, Beiträge zur Geschichte der Medicin, Halle, 1796, III, 59.

6) Ср. Исторію средневѣковой медицины, выш. I, стр. 838.

7) Gruner, Morbi gallici origines Maranicae въ Script. de morbi gallico. Jen. 1793, I.

8) Bleda, Cronica de los Moros, lib. VIII, cap. 8, 880, 897.

9) Schaufuss, Neueste Entdeckungen über das Vaterland der Pocken und der Lustseuche, Leipzig, 1805.

10) Ср. Hirsch, l. c., 348—350.

А. Древность. Въ Египтѣ слѣды существованія сифилиса недавно старался найти Proksch¹⁾, усматривающій въ упоминаемой въ папирусь Эберса болѣзни „uchedu“ сифились, и именно на томъ основаніи, что въ этомъ папирусь часто заходитъ рѣчь объ „uchedu“ во рту, въ глазахъ и въ костяхъ. Но „uchedu“ на египетскомъ языкѣ означаетъ вообще всякую язву съ потерей вещества, можетъ быть и gummata; сифилитическая ангина называется не „uchedu“, а какъ всякая другая—„serit“, послѣ которой можетъ появиться „uchedu“, какъ сообщаетъ папирусь Brugsch'a. Другой видъ язвъ—египетское „ubennu“ или ассирійское „ubânu“ соответствуетъ быть можетъ латинскому bubones. Что касается различныхъ сыпей, то для каждой имѣлось особое названіе. Слѣдовательно, хотя сифились у египтянъ, какъ и у другихъ древнихъ народовъ, вѣроятно существовалъ, но изъ папирусовъ не видно, чтобы у нихъ имѣлось о немъ цѣльное представленіе какъ объ одной конституціональной болѣзни²⁾.

Древніе евреи. Многіе изслѣдователи, со временъ Sickler'a³⁾, изощрили свое остроуміе, чтобы отыскать слѣды сифилиса въ св. Писаніи. Такъ Sickler и въ новѣйшее время Rosenbaum⁴⁾, Fr. Wilh. Müller⁵⁾ и другіе находятъ тому доказательства уже у Моисея (кн. IV, гл. 25, 1—10 и 16—19 и гл. 31, 15, 16), а именно въ разсказѣ о постигшей евреевъ язвѣ Вааль-Пеора, отъ которой погибло 24 тысячи человѣкъ и и притомъ въ теченіе только одного дня—23000! (Письмо апостола Павла въ коринтянамъ (гл. 10, ст. 8). Но они не приняли въ соображеніе, что сифилису не свойственна такая смертность и что даже въ эпидемію конца 15 и начала 16 в. она не достигала такой цифры. Упомянутая смертность вѣроятно была слѣдствіемъ другого мора, которымъ Богъ могъ поразить свой народъ за его служеніе Ваалу. Точно также ничѣмъ не подтверждается предположеніе, что подъ „zagaath“ Моисея (кн. III, гл. 13) или болѣзнію Іова слѣдуетъ подразумѣвать именно сифились. Попытки нѣкоторыхъ врачей, хотя бы даже цѣною искаженія смысла и буквы текста, во что бы то ни стало подвести библейскую „zagaath“ подъ понятіе сифилиса едва ли

¹⁾ J. K. Proksch, Die venerischen Krankheiten bei den alten Aegyptern, Archiv für Dermatologie und Syphilis, Wien, 1891, p. 537. Geschichte etc., I, 63 и слѣд.

²⁾ По письменному сообщенію извѣстнаго египтолога, д-ра барона Felix v. Oefele, практикующаго въ Bad Neuenahr (см. *Прибавленіе*).

³⁾ Sickler, Dissertatio inaug. exhibens novum ad historiam luis venereae additamentum, Jenaе, 1797, p. 82.

⁴⁾ Julius Rosenbaum, Geschichte der Lustsenche im Alterthume, Halle, 1892, 76 и слѣд.

⁵⁾ Friedrich Wilhelm Müller, Die venerschen Krankheiten im Alterthum, Erlangen, 1878, p. 6 и слѣд.

даже заслуживает опроверженія. Finály¹⁾ именно, и за нимъ Proksch²⁾ з аставляють весь процессъ, описанный въ первыхъ 11 стихахъ XIII гл. Левитовъ, протекать не на кожѣ всего тѣла, а только на кожѣ дѣтороднаго члена, такъ[какъ „bassar“ въ библии иногда употребляется въ послѣднемъ смыслѣ. Но достаточно указать на отсутствіе здѣсь волосъ, побѣленіе которыхъ составляетъ непрѣмьное условіе библейской загаath (ст. 3), а также на сказанное въ первыхъ двухъ (12 и 13) изъ слѣдующихъ стиховъ, въ которыхъ эти авторы усматривають общіе признаки сифилиса, тогда какъ по буквальному смыслу текста выходитъ, что „если загаath покрыла все тѣло, то священникъ объявить язву чистою: все превратилось въ бѣлое, онъ чистъ“,—достаточно этихъ двухъ фактовъ, чтобы убѣдиться въ нелѣпости подобнаго толкованія. Точно также слѣдуетъ признать неудачными усилія Proksch'a свести къ сифилису болѣзнь Іова или загаath псалмопѣвца и женолюбца Давида на томъ основаніи, что какъ у послѣдняго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (псалмъ 38, ст. 6 и 11 пс. 31, ст. 11, и т. д.), такъ и у перваго (гл. 2, ст. 7, гл. 16, ст. 14, гл. 30, ст. 17) рѣчь идетъ о гноющихся язвахъ, страданіяхъ костей, шеи или о болѣзни глазъ (у Давида). Какъ другое доказательство своей гипотезы Proksch приводитъ извѣстное будто въ сифилидологіи (!) характеристическое проклятіе Самуила (вн. II, глава 3, ст. 29), гдѣ на Іоаву и его семью навлекаются „гнояная течь и загаath“. Мало того, въ послѣднемъ сопоставленіи Proksch находитъ даже сходство съ таковыми же заявленіями Béthencourt'a и Парацельса, (въ энциклопедію сифилиса вначалѣ 16 в.,) о мѣстонахожденіи начальнаго сифилитическаго пораженія въ мочевомъ каналѣ!³⁾ Излишне доказывать несостоятельность такихъ гипотезъ.

У вавилонянъ и ассирійянъ въ новѣйшее время найдены указанія на сифилисъ въ обнародованномъ недавно историческомъ документѣ, состоящемъ изъ табличекъ съ клинообразнымъ шрифтомъ, которыя археологъ Нормусъ Рассап открылъ въ 1854 г. въ развалинахъ древней Ниневіи и которыя представляютъ отрывокъ изъ ассирійско-вавилонской придворной бібліотеки царя Асурбанипала (Сарданапала).

Это собственно эпосъ, содержащій 2 исторіи болѣзни изъ мифологическаго періода, а именно, Izdubar'a (Nimrod'a), который за отказъ отъ предложенія дочери бога Ану, Істаг (Астарты), быть его женою и за умерщвленіе посланнаго на него ея отцомъ небеснаго быка, былъ наказанъ, равно какъ и помогавшій ему другъ Еабани (бросившій ей вырванные половые органы этого быка въ лицо)—болѣзнью, отъ коей Еавани умеръ спустя 12 дней, а Izdubar выздоровѣлъ только благодаря заступничеству отомеднаго къ

¹⁾ S. Finály, Ueber die wahre Bedeutung des Aussatzes in der Bibel въ Arch. f. Dermatologie u. Syphilidologie, Prag, 1870, II, 125—132.

²⁾ Proksch, l. c. I, p. 74 и слѣд.

³⁾ Proksch l. c., pp. 84—88.

богамъ предка его *Sit napistim* („жизненный ростокъ“). Болѣзнь эта состояла въ *первичномъ* пораженіи половыхъ частей и одновременно наступившей тяжелой формѣ *сыней и язвъ* 1).

Къ этому мнѣологическому эпосу примыкають мнѣя грековъ о пораженіяхъ половыхъ органовъ въ наказаніе за оскорбленіе боговъ, а именно аеніанъ—за недостатокъ благоговѣнія къ *phallus'u* бога Діонисія 2) и жителей о. Лампсака—къ сыну его Приану, котораго ему родила Афродита на обратномъ пути изъ Индіи, 3) а также сирійскій мнѣя, согласно которому *Dea Syria*, за развратное поведеніе въ ея храмѣ въ Аскалонѣ, наказала грѣхное челоѵчество болѣзнью, которую греки называютъ *ἄλκη Συριακή*—сирійскія язвы 4).

Въ Индіи сохранился такого же рода мнѣя о служеніи Лингаму, на основаніи преданій туземцевъ воспроизведенный *Sonnerat* 5) и который со времени *Schäufuss'a* 6) считается доводомъ въ пользу древности сифилиса и происхожденія его изъ Остъ-Индіи.

Суть этого мнѣя заключается въ казни Шивы за его сладострастное увлеченіе женщинами „кающихся“, по горячей молитвѣ конкъ половые органы его были уничтожены „небеснымъ огнемъ“, т. е. гангреною, которая, передаваясь отъ женщинъ мужчинамъ, начала такимъ образомъ распространяться по всему свѣту и прекратилась только вслѣдствіе молитвъ праведныхъ. Счастливы измеченныя части *ex voto* выѣшивались въ храмахъ 7).

Дальнѣйшимъ доказательствомъ древности сифилиса въ Индіи считаются данныя, находящіяся въ *Ayur-Veda* Сушруты. Здѣсь описываются гноящіяся пораженія какъ мужскихъ, такъ и женскихъ половыхъ органовъ, причѣмъ происхожденіе этихъ болѣзней приписывается сообщенію съ женщиной, одержимой болѣзнью влагалища. Далѣе здѣсь говорится о томъ, что „*humoges*“ этихъ мѣстныхъ пораженій, пришедши въ волненіе, поднимаются вверхъ и причиняють заболѣванія рта, шеи, кожи, глазъ, носа и ушей. Хотя переводъ, сдѣланный *Hessler'омъ*, сомнительнаго достоинства, но достовѣрность текста Сушруты не можетъ быть заподозрена, такъ какъ она подтверждена знатоками санскрита, каковы *Albrecht Weber*, къ которому обращался *Friedberg*, и *Stenzler*, къ которому обращался

1) *Alfred Jeremias, Izdubar-Nimrod, Eine altbabylonische Heldensage Nach den Keilschriften dargestellt, Leipzig, 1891, pp. VII, 73 и 4 таб. Cp. Proksch, Geschichte der venerischen Krankheiten, Bonn, 1895, стр. 11 и слѣд.*

2) *Natalis Comes, Mythologiae, sive explicationis tabularum libri X, Francof. 1488, p. 498. Perimander, De sacrificiorum ritibus apud varias gentes. Lib. II, p. 487.*

3) *Natalis Comes, l. c. p. 558.* Любопытно, что Каспаръ Шоппе (*Scioppius, 1576—1649*) въ своемъ изд. „*Priapeia*“, гдѣ онъ помѣстилъ мнѣя о Прианѣ въ Лампсакѣ, прибавляетъ: „*Fuit autem morbus ille, quem hodieque Gallicum vocamus*“.

4) *Plutarch, De superstitione p. 107. Cp. Proksch, l. c., 17—19.*

5) *Sonnerat, Voyage aux Indes orientales et à la Chine depuis 1774 jusqu'en 1781. Paris, 1781, III.*

6) *Schäufuss, Neueste Entdeckungen über das Vaterland der Lustseuche, Leipzig, 1805, p. 160.*

7) *Cp. Лансеро, Ученіе о сифилисѣ. СПб. 1876, 19 и Proksch l. c. p. 10.*

Haeser. Оказалось, что смысл текста почти тождественъ съ переводомъ Hessler'a, дѣйствительно изобилующимъ ошибками и потому справедливо заподозрѣннымъ историками. Даже существующія разногласія насчетъ времени написанія Аюрведы, которое одни приписываютъ началу нашего лѣтосчисления, а другіе относятъ за 1000 лѣтъ до Р. X., ничуть не умаляютъ значенія этого текста, ибо если даже принять, что онъ написанъ 1000 л. послѣ Р. X. (Stenzler), то все же имъ опровергается всякое возникновеніе сифилиса въ новое время¹⁾. Вотъ одно изъ относящихся сюда мѣстъ Аюрведы:

„Irritata humorum vitia penem aggressa carnem et sanguinem vitiaudo pruritus generant. Illic ob pruritus ulcus oritur. In hoc ulcere carunculae, a vitia carne ortae, purulento sanguine fluentes, oriuntur ad pubem, in sedis aut superna. Haec vero penem destruunt et occidunt“.

„(Vitia humorum) testes et vulvam aggressa, mollia, male olentia, purulento sanguine fluentia et fungosa excrescentia generant. Haec sursum profecta in auribus, oculis, naso, et ore haemorrhoides producunt“ etc... „in ore, gutture, labiis aut palatio ortis, morbosa locutio, gustus ignorantio et oris morbus fiunt“... „externae stabiles, flammarum instar, haemorrhoides producit. Haec haemorrhoides cutis flammam appellat medicus“²⁾.

Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло какъ съ мѣстными, такъ и съ общими явленіями (roseolae, papulae и т. д.) вслѣдствіе зараженія крови испорченными соками (vitia humorum) отъ нечистаго полового совокупленія. Въ терапіи сифилиса ртуть уже у индусовъ играла значительную роль.

Въ Китаѣ, согласно сообщеніямъ, полученнымъ Аструкомъ, при содѣйствіи миссіонера Petrus Fourneau, въ 1739 г. отъ одного ученаго врача въ Пекинѣ, сифилисъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ и общераспространенъ, и даже въ старинныхъ сочиненіяхъ о немъ говорится какъ о болѣзни, очень древней. Называется онъ въ Китаѣ, между прочимъ, kouang tong tchoang. т. е. ulcus Cantoni, по имени города, откуда онъ будто бы распространился изъ Португаліи, что, повидимому, не говоритъ въ пользу его древности. Зараженіе китайцы принимаютъ: чрезъ coitus, дыханіе, взгоряченіе, потѣніе и горячительные напитки и, кромѣ того, признають наследственность.

Вообще въ Китаѣ болѣзань протекаетъ слабѣе, чѣмъ въ Европѣ и только иногда наблюдаются болѣе тяжкія пораженія рта, носа, головы, лица, костей, нервовъ и alopecia, а также рецидивы. Лечение состоитъ въ назначеніи ртутныхъ пилюль, при рецидивахъ и застарѣлыхъ формахъ—вино, въ которомъ варилась лягушка, при всѣхъ же формахъ сифилиса—radix chinae, sassafras, liquoritium и корень, похожій на sassafrilla, мѣстно на язвы—пластыри, въ которые входитъ аврипигментъ и ртуть³⁾.

¹⁾ Ср. Тамъ же, I. с. 109—111.

²⁾ uçruta, *Ayurveda*, Nidanasthana, с. 2. Trad. Hessler. Erlangae, 1844, I, pp., 173—175.

³⁾ Astruc, *De morbis venereis libri nonum*. Paris, 1740, p. 537—567.

Согласно одной китайской книгѣ, которую приводитъ Frédérique Buret¹⁾, нѣсколько мѣсяцевъ спустя по заживленіи мѣстнаго венерическаго пораженія вдругъ у больного появляются лихорадочное состояніе, боль въ головѣ и костяхъ, мѣдн о-красныя пятнышки на лбу (tan-hong), боль въ горлѣ, затрудненіе рѣчи, затѣмъ пятнышки превращаются въ гнойнички, источающія зловонную жидкость. Такой же силой покрывается все тѣло; теченіе изъ носа, зловонное дыханіе, боли особенно по ночамъ. Кромѣ того, какъ о послѣдствіяхъ шанкра приводится keou-yau-tou, т. е. ядъ во рту и въ горлѣ возникающій припуханіе миндалевидныхъ железъ и бѣлыя язвы. „Порой около анусъ появляются красныя пятна, иногда величиной съ vorgho, увеличивающіяся въ объемѣ, изъязвляющіяся и распространяющіяся во множествѣ на мошонку, ягодицы, на внутреннія поверхности бедеръ, а на всемъ тѣлѣ—красныя „кустулы“, исчезающія подъ давленіемъ. Иногда 30—40 дней послѣ нечистаго coitus на нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла появляются бѣлыя или мѣдно-красныя пятна и бляшки и затѣмъ уже покрываютъ тѣло... Болѣзнь эта иногда передается новорожденнымъ“. Наконецъ рѣчь заходитъ также о костоедѣ и некрозѣ носа.²⁾

Вообще говоря, однако, трудно судить о времени, къ которому относятся китайскія книги. Упомянутый выше пекинскій врачъ сообщаетъ, что въ китайской медицинской литературѣ сифились не разсматривается вмѣстѣ съ другими болѣзнями, а трактуется въ совершенно отдѣльныхъ книгахъ. Съ другой стороны, Dabry относитъ переведенную имъ книгу *Nouei-King* за 2037 до Р. X. По этому поводу Prokisch увѣряетъ, будто Dabry самъ говоритъ, „что всѣ китайскія книги были сожжены за 200 лѣтъ до Р. X., послѣ чего одна женщина написала на память книгу *Nouei-King*; для того же, чтобы вѣрить безусловно въ феноменальную память этой женщины, необходима вѣра, твердая какъ скала“³⁾. Но Dabry ничего подобнаго не говоритъ, а утверждаетъ, напротивъ, что медицинскія книги были пощажены⁴⁾.

У Dabry описываются шанкръ, какъ разѣдающая язва съ твердыми обрѣзными краями, вызываемая особымъ ядомъ, дѣйствующимъ черезъ прикосновеніе, и встрѣчающаяся какъ на мужскихъ, такъ и на женскихъ половыхъ органахъ и въ мочепускательномъ каналѣ, далѣе послѣдовательныя язвы во рту, въ зѣвѣ, въ носу, слизистыя папулы въ заднемъ проходѣ, кожныя сыпи, словомъ всѣ вторичныя явленія, а также разрушеніе носа, *ulcus framboesoides* (третичныя явленія)⁵⁾. При леченіи сифилитическихъ болѣзней китайцы, между прочимъ, прибѣгали также къ ртути и сурь⁶⁾.

Точно также въ найденномъ недавно въ Японіи древнемъ медицинскомъ сочиненіи: *Di-do-rui-schin-ho*, изъ 100 главъ, въ гл. 94 и 95 (переводъ

1) Fréder. Buret, La syphilis aujourd'hui et chez les anciens. Paris, 1890, 75—77.

2) Ср. Prokisch, l. c. I. 35, 36.

3) Тамъ-же, 34, гдѣ Prokisch пишетъ: *Nusi-King* вмѣсто *Nouei-King* у *Dabry*.

4) „Quoiqu'il en soit, les livres de médecine furent exceptés de l'édit de proscription de Sin-che-houang, le bruleur de livres, on ne peut douter que la Chine ne possède les plus beaux secrets de l'antiquité“. Dabry, La médecine chez les Chinois, Paris, 1863, p. IX.

5) Dabry, l. c. pp. 240—255. 6) Тамъ-же, 246.

ученика Scheube, Кауама изъ Kioto) есть несомнѣнные указанія на мѣстныя (высыпь на penis) и общія явленія сифилиса, а именно, развивающіяся, вслѣдствіе распространенія яда изъ penis'a, сыпи на бедрѣ и ягодицахъ съ переходомъ въ нагноеніе, а затѣмъ на спинѣ и лицѣ, безъ болей и зуда, послѣ чего появляются припуханія костей (сочлененій), а также припухлость, изъязвленіе и гніеніе зѣва, лица и головы, съ прободеніемъ ушей, носа, конечностей и т. д. ¹⁾

У греческихъ врачей нѣтъ положительныхъ указаній на эту болѣзнь.

Правда, у Гипократа нѣкоторые авторы находятъ въ его *Эпидеміяхъ* описаніе одной повальной болѣзни, напоминающей будто бы бывшую въ концѣ XV вѣка:

„Многіе получили афты и язвы во рту, частіа „рѣбматъ“ на половыхъ частяхъ, язвы и пузыри снаружн и внутри мягкихъ частей, припухлости въ пахахъ“.... „на другихъ язвахъ и дѣтородныхъ частяхъ появлялись разраженія, которыя носятъ названіе ficus (сѣха). Лѣтомъ у многихъ открылись чирья и другія т. н. гниlostыя язвы, а также обширныя пустулезныя сыпи и большія эктими“ ²⁾

Тѣмъ не менѣе трудно усмотрѣть въ этомъ описаніи несомнѣнные признаки сифилиса. Тоже можно сказать объ упоминаемыхъ въ *Афоризмахъ* herpes esthiomenes (*Aphor. V, 22*), о гніющихъ язвахъ на половыхъ частяхъ и т. д. Съ нѣкоторой вѣроятностью можно заподозрить сифилисъ только въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Далѣе (заболѣлъ водяной) имѣвшій 6 лѣтъ кондиломы, бубоны, varices и вскрывшіяся язвы на бедрахъ“ ³⁾.

Еще меньше встрѣчаемъ указаній на сифилисъ въ сочиненіяхъ другихъ греческихъ авторовъ.

У Галена также есть разсѣянныя тамъ и сямъ описанія половыхъ болѣзней, въ томъ числѣ и женскихъ половыхъ органовъ, болѣзней носа, рта и кожи, причемъ преподаются правила для ихъ леченія (напр. „Pastillus Asclepiadis sanat ozaenas, phagedaenas, condylomata“ ⁴⁾), но далѣе кондиломовъ, язвъ и трещинъ („R h a g a s divisio est labra obtinens call o indurato“ ⁵⁾) онъ не идетъ и, главное, у него нигдѣ не установлена связь между мѣстными заболѣваніями половыхъ органовъ и страданіями зѣва и кожи, въ родѣ „ulcera oris et faucium“, „exanthemata sive pustulae in mento“, „ficosae menti papularum eruptiones“, „capitis et menti ficosi tumores atque etiam in

¹⁾ Scheube, Die Lehre von den venerischen Krankheiten im Alterthum и Mittelalter, 1865.

²⁾ Hippocrates, Epidem. III, sect. III § 7, ed. Littré, III, 84.

³⁾ Hippocrates, ed. Kühn, III, 706. Приведено у Proksch'a, I, 184.

⁴⁾ Galenus, De comp. medicam. per genera, l. V, c. 11, ed. Kühn. (XIII, 824).

⁵⁾ Galenus, Def. med., § 418, ed. Kühn, XIX, p. 446.

aliis partibus eminentia ulcuscula¹⁾ и т. д. Единственный намекъ на сифились въ сочиненіяхъ Галена представляютъ, быть можетъ, приводимыя имъ dolores ostecopi²⁾.

Многочисленныя указанія на заболѣванія половыхъ органовъ представили Педаній Dioscoridъ, Орибазій, Аэцій, Paulus Aegineta, Actuarius и другіе. Они всѣ приводятъ разнообразныя средства противъ перелоа, затрудненнаго мочеиспусканія, язвъ на половыхъ органахъ, бубоновъ, трещинъ и кондиломовъ около задняго прохода, язвъ носа и т. д., но о связи съ внутренней болѣзью вслѣдствіе зараженія ex usu Venereis у нихъ нѣтъ рѣчи.

Oribasius (326—403), кромѣ извѣстныхъ уже возрѣній прежнихъ греческихъ врачей, приводитъ наблюденія (по Атенею) надъ сыпями у маленькихъ дѣтей вслѣдствіе зараженія отъ дѣтородныхъ органовъ матери (luis congenita?).³⁾

Аэцій, какъ и Галенъ, описываетъ язвы маточнаго устья и опухоли влагалища, которыя распознавались при помощи маточнаго зеркала („per dioptrae usum“⁴⁾) и лечились примѣненіемъ мѣстныхъ средствъ съ помощью маточной спринцовки, упоминаемой уже Филуменомъ и Орибазіемъ (μλτρευχότης)⁴⁾. Но нигдѣ нѣтъ указаній, что за этими мѣстными формами слѣдовали общіе припадки. Thymi онъ описываетъ такъ:

„Thymi in corpore tuberculosaе sunt eminentiae, asperae, subrubrae, oblongae, praeter naturam auctae, sanguinem effundentes, dum auferuntur, amplius quam pro apparente magnitudine. Abundat autem haec affectio circa sedem et pudenda ac medio femore... et quidem saepe parvi sunt et vocantur thymi, aliqui vero magnitudine excedunt et appellantur ficus; et aliqui mansueti sunt, aliqui vero maligni. Mansueti igitur thymi carunculae sunt parvae quidem, verum inequales, obscuris eminentiis, exasperatae, albicantis coloris, aut subrubrae et doloris expertes. Maligni vero thymi, duriores sunt et asperiores ac majores, faeculentis ac lividi coloris, dolorosique ac punctorium dolorem inducentes“... Далѣе, по Филумену⁵⁾ „Thymus aut in alis pudendi (scil. mulieris) aut in ipso pudendo, aut in uteri osculo aut collo generatur. Et est aspera quaedam eminentia, thymi cacumini similis, in quibusdam mitis, in aliis maligna, rubra, cruenta praecipue post concubitum“...

Наконецъ Павелъ Эгвинскій подробно распространяется о бубонахъ и кондиломахъ, въ которыхъ онъ различаетъ thymi—безболѣзненныя возвышенія, какъ доброкачественныя, такъ и злокачественныя, и

1) Galenus, *Euporiston*, l. I, c. 8, l. II, c. 7 (t. XIV, 358—364 и 425, ed. Kühn) De comp. med. sec. loc. V, c. 3, t. XII, p. 824, 827—829, 846—848.

2) Galenus, de locis affectis, l. II, c. 8 (t. VIII, 104); De tumoribus praeternaturalibus, c. 14 (t. VII, 728).

3) *Oeuvres d'Oribase*, ed. Bussemaker et Daremberg, Paris, 1861, IV, 472—475.

4) Oribasius, *Med. collect*, ed. Daremb. IV, 636 и 656. Livres incertains; c. 144 и друг.

5) Aëtius, *Tetrab.* IV, sermo IV, cap. 105.

собственно *condylomata*, которыя онъ срѣзывалъ и прижигалъ¹⁾, а также о пустулезныхъ и узловатыхъ сыпяхъ²⁾. Изъ остальныхъ греческихъ врачей Alexander Tralles упоминаетъ только о пользѣ киновари при кондиломахъ и затвердѣлыхъ желѣзахъ, Nicolaus Migerus (въ 13 в.) — о втираніяхъ ртутной мази Theodorich'a изъ Servia при язвахъ на миндалинахъ и деснахъ, гниеніи, пома и „carbunculi“ на дѣтородныхъ частяхъ, а Actuarius — о verrucae, которыя по примѣру арабовъ приводитъ рядомъ съ formica, т. е. herpes герпесъ.

Изъ римскихъ писателей Цельсъ, какъ извѣстно, оставилъ весьма сжатое, но обстоятельное изложеніе болѣзней половыхъ органовъ:

„Ulcera vel in cutis ulteriore parte, vel in glande, ultrave cum in cole reperuntur: quae necesse est, aut pura siccaque sint, aut humida et purulenta. Si sicca sunt, primum aqua calida fovenda sunt... si tenuis iis humor inest, vino eluenda sunt, at si pus ex iis profluit, ante omnia elui mulso calido debent etc... Eadem autem compositio tonsillis, uvulae madenti, oris nariumque ulceribus accommodata est. Quod si pus et multum et cum malo odore coepit profluere, elui cremore lenticulae debet... Si vero ulcus latius, atque latius serpit, eodem modo elui debet... Interdum autem per ipsa ulcera coles sub cute exesus est sic, ut glans excidat. Tubercula etiam quae *φύματα* Graeci vocant, circa glandem oriuntur, quae vel medicamentis, vel ferro aduruntur... Haec citra cancrum sunt, qui cum in reliquis partibus, tum in his quoque vel praecipue ulcera infestat... Nonnunquam etiam id genus, quod *φαγέδαινα* a Graecis nominatur, oriri solet“...³⁾

„Osculescit etiam in cole interdum aliquid, idque omni rene sensu caret, quod ipsum quoque excidi debet. *Carbunculus* autem ibi natus“ etc.⁴⁾

Очевидно, Цельсъ различалъ мягкія, влажныя и твердыя, сухія, а также фагеденическія язвы и, по крайней мѣрѣ, послѣднее мѣсто (§ 5) сильно напоминаетъ твердый, небольшаящій шанкръ, который уже Цельсъ совѣтовалъ вырѣзывать. Кромѣ того у него рѣчь идетъ еще о трещинахъ и кондиломахъ. Нѣкоторые изслѣдователи (Kaposi, Müller) находятъ указанія на сифилисъ въ другомъ мѣстѣ:

„Ulcera autem oris si cum inflammatione sunt et *parum pura* ac rubianda, optime iis medicamentis curantur, quae supra posita ex malis puicis fiunt... Simul atque vero *pura* ulcera esse coeperunt, lenis humor, interdum etiam quam optima aqua ore continenda est“ etc.⁵⁾

Это мѣсто, по мнѣнію Кароси, тѣмъ болѣе можетъ быть истолковано какъ тракующее о сифилисѣ, что въ этой же главѣ Цельсъ обстоятельно и подробно описываетъ дифтеритическія язвы, которыя онъ строго отличаетъ отъ другихъ язвъ во рту. Но это весьма слабый доводъ. Ско-

1) Paulus Aegineta, *Totius rei medicae (s. Compendii medici) libri VII*, l. VI, сс. 58, 71 и 80.

2) Тамъ-же, l. III, с. 8 (De ficis).

3) Celsus, de medicina, l. VI с. 18, §§ 2, 3 и 4 (ed. Haller. 1772, p. 57—60).

4) Тамъ же, § 5, p. 61.

5) Celsus, *Medicina*, l. VI, с. 11. De oris ulceribus (p. 47)

рѣе въ пользу сифилитической язвы во рту говорить приведенное въ этомъ мѣстѣ выраженіе: „*parum pura*“, хотя и оно не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ. Точно также описываемыя Цельсомъ трещины на губахъ („*Labra autem saepe finduntur*“) ¹⁾ Кароси считаетъ сифилитическаго свойства, такъ какъ Цельсъ находитъ тутъ нужнымъ прижиганіе, что при поверхностныхъ трещинахъ излишне. То обстоятельство, что Цельсъ какъ бы считаетъ нужнымъ извиниться, заговоривъ о болѣзняхъ половыхъ органовъ, которыя больные неохотно показываютъ („*quae invitissimus quisque alteri ostendit*“) и для которыхъ трудно пріискать различныя названія на латинскомъ языкѣ, тогда какъ греческія уже получили право гражданства, ибо у врачей они всюду встрѣчаются и въ сочиненіяхъ и въ рѣчахъ („*quarum apud Graecos vocabula et tolerabilius se habent et accepta jam usu sunt; quum in omni fere medicorum volumine atque sermone jacentur, apud nos foediora verba ne consuetudine quidem aliqua verecundius loquentium commendata sunt*“) ²⁾,—это обстоятельство, по мнѣнію Кароси, даетъ право предполагать, что прибавленіемъ этой главы (с. 18) къ прежнимъ главамъ, занимающимся болѣзнями слизистой оболочки рта и носа, Цельсъ хотѣлъ указать на тѣсную связь между этими страданіями и заболѣваніями половыхъ органовъ, т. е. на сифились ³⁾. Болѣе всего, однако, это подтверждается тѣмъ мѣстомъ у Цельса, гдѣ подробно изложивъ леченіе язвъ *penis*, онъ вдругъ, *ex abrupto*, прерываетъ свое изложеніе слѣдующими словами:

„*Eadem autem compositio tonsillis, uvulae madenti, oris nariumque ulceribus accomodata est*“ ⁴⁾.

Изъ другихъ римскихъ врачей ни Scribonius Largus, сопроваждавшій въ 43 по Р. X. императора Клавдія въ Британію, ни Quintus Serenus Samonius (отецъ или сынъ, изъ коихъ первый въ 211 г. умерщвленъ по повелѣнію Каракаллы) ⁵⁾ не сказали, первый въ своей рецептурной книгѣ, а второй въ своей повѣи изъ 1150 стиховъ, ничего неизвѣстнаго до нихъ. Зато Sextus Placitus Papirensis ⁶⁾ въ своихъ „*De medicamentis ex animalibus*“ приводитъ средства „*ad callos, qui in veretro nascuntur*“, „*ad duritiam locorum*“, „*ad ficos qui in ano nascuntur*“, „*ad inguina*“ (противъ коихъ совѣтуетъ носить „*cervi pudenda*“!). Theodorus

1) Celsus *Medicina*, l. VII, c. 12, § 6.

2) Celsus *Medecina*, l. VI c. 18 въ началѣ.

3) Kohn-Karosi, Syph. der Schleimhaut d. Mund—, Rachen—, Nasen-und Kehlkopfhöhle, Erlangen, 1866, pp. 5—7, 9, 11.

4) Celsus, De medicina, l. VI, c. 18, § 2 (см. предыдущую стр.).

5) Ср. Исторію средневѣковой медицины, стр. 14.

6) Ср. Исторію средневѣковой медицины, стр. 16.

Priscianus¹⁾ только мимоходомъ упоминаетъ о язвахъ penis, rhagades и кондиломахъ. Любопытно, что у Целія Аврелиана нѣтъ никакихъ указаній на сифились.

Наконецъ упомянемъ еще о Marcellus Empiricus (ок. 408), который въ своихъ „*De medicamentis empiricis*“ etc. среди разнаго рецептурнаго хлама приводитъ „*Remedium Cosmi medici ad anginam et ad omnia vitia quae in ore nascuntur... atque ad veretra*“ (р. 301), что еще разъ доказываетъ, что врачи и неврачи соединяли въ одно болѣзни зѣва и рта и болѣзни половыхъ частей²⁾.

Гораздо больше, чѣмъ врачи, оставили указаній на передачу заболѣваній половыхъ органовъ:

Поэты, историки, свѣтскіе и духовные писатели. У поэтовъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе описанія венерическихъ разраженій. Сюда относятся эпиграммы Martialis'a (40—102 до X. P.):

„Ficosa est uxor, ficosus et ipse maritus,
Filia ficosa est et gener atque nepos,
Nec dispensator, ne vilicus ulcere turpi
Nec rigidus fossor, sed nec arator eget.
Cum sint ficosi pariter juvenesque senesque
Res mira est ficus non habet unus ager“³⁾.

Смыслъ этой эпиграммы тотъ, что вслѣдствіе всеобщаго зараженія кондиломами поля и деревья остаются невоздѣланными и не созрѣваютъ винныя ягоды, которыя также называются „ficus“.

Или:

„Cum dixi ficos, rides quasi barbara verba.
Et dici ficos, Caeciliane, jubes.
Dicemus ficus, quae scimus in arbore nasci.
Dicemus ficos, Caeciliane, tuos“⁴⁾.

или:

„De cathedra quotiens surgis—jam sae
notavi—
Praedicant miserae, Lesbia, te tunicae.
Emendare cupis vitium deforme? docebo:
Lesbia, nec surgas censeo, nec sedeas“⁵⁾.

Или слѣдующее мѣсто Ювенала (47—130):

„Sed podice laevi
Caeduntur tumidae, medico ridente,
marisca“⁶⁾.

или Горация (ок. 65—80 до P. X.):

„At illi foeda cicatrix
Setosam laevi frontem, turpaverat oris
Campanum in morbum in faciem permulta
jocatus
Pastores saltaret, uti Cyclopa, rogabat“⁷⁾.

Этотъ тотъ „morbus complanus“ Горация, послѣ котораго, по его описанію, у развратныхъ людей оставались глубокіе, безобразящіе рубцы на лицѣ.

1) Тамъ же стр. 17.

2) Ср. Proksch, l. c., I, 209.

3) Valerius Martialis, Leipzig, 1866, l. VII, Epigram. 71.

4) Тамъ же, l. I, Epigr. 65.

5) Тамъ же, l. XI, epigr. 99.

6) Juvenalis, Satirarum libr. V (Lips. 1865), l. I, 2, 12—13.

7) Horatii Sat. l. I, 5, 82. Ср. Plather, De morbo campano Horatii, Lipsiae, 1732.

Наконецъ изъ поэтовъ *Magnus Ausonius* (310—393 по Р. X.) въ *scabies* Полигитона (поэма „*Ad scabiosum Polygitonem*“) повидимому имѣлъ передъ собой случай сифилиса, тѣмъ болѣе, что и средневѣковые врачи говорятъ о венерической *scabies*¹⁾.

Для исторіи половыхъ болѣзней въ древности имѣеть еще важное значеніе принадлежащее неизвѣстному автору стихотвореніе въ *Priapeia* (собраніе сальныхъ: стихотвореній)²⁾:

Voti solutio.

Cur pictum memori sit in tabella
 Membrum, quaeritis, unde procreamur?
 Cum penis mihi forte laesus esset
 Chirurgique manum miser timerem:
 Diis me legitimis nimisque magnis,
 Ut Phoebo, puta, filioque Phoebi,
 Curatum dare mentulam verebar.

 Qua salva sine sectione facta etc.

Очевидно, что авторъ, одержимый язвами на членѣ, изъ боязни хирургическаго ножа и вмѣстѣ изъ чувства стыдливости передъ врачомъ, прибѣгаетъ къ молитвѣ и обѣту передъ изображеніемъ *Приапа*, послѣ чего онъ счастливо излечился безъ врачебной помощи! (Ср. *Rosenbaum*, I. с. 74—76).

Изъ историковъ сюда принадлежатъ *Valerius Maximus* (ок. 29—32 г. по Р. X.), у котораго сохранились данныя о смерти сына *Clodius Pulcher*:
 . . . „amore vulgatissimae meretricis infamis fuit . . . avide . . . abdomine devorato foedae ac sordidae intemperantiae spiritum reddidit“³⁾,

а также сообщенія *Светонія* (70—140) и *Юліана* (331—363) о кожной болѣзни *Октавіана* и *Тиберія*:

„Corpore traditur maculoso . . . sed et callis quibusdam etc. . . . facie (erat) honesta, in qua tamen crebri et subiti tumores“⁴⁾.

„Quo (Tiberio) ad cathedram converso sese oculis obtulerunt cicatrices a tergo infinitae, vitiligines . . . plagae graves et vibices ex intemperantia“⁵⁾.

Равнымъ образомъ можно сюда причислить сообщеніе *Іосифа Флавія* о смерти *Апіона*:

„Unde recte mihi videtur Apion propter patriae suae leges poenas dedisse blaphemiae. Etenim ob necessitatem circumcisisus est, ulcere ei circa naturam facto, sed male cessit circumcisio et ex putredine sub magnis doloribus mortuus est.“⁶⁾.

1) Ср. *Proksch*, I. с. I, 206. 2) *Priapeia*, Paris, 1664, 45 (ed Scioppii).

3) *Valerii Maximi Factorum et dictorum memorabilium libri IX*, Berolini, 1854, I. III, с. 5, § 3.

4) *Suetonius Tranquilius, Vita Octaviani Augusti*, с. 80. *Vita Tiberii*, с. 68 (Ср. *Müller*, I. с., 65).

5) *Juliani imperatoris opera, graece et latine*, Parisiis, 1690, II, p. 9.

6) *Flavii Iosephi opera omnia*, Lipsiae, 1855—56. VI, 245, *Contra Apionem*, I. II, § 13 (*Müller*. I. с. 66).

Далѣ упомянемъ здѣсь о разсказѣ хроникера XI в., Цедрена¹⁾, про красивую дѣвушку, которая во время гоненія христіанъ при Діоклетіанѣ (285—308) притворилась страдающей язвой („ѣλκος“), чтобы сохранить дѣвственность; изъ чего видно, что уже тогда было извѣстно зараженіе ex coitu.

Сюда же относятся сообщенія Евсевія (ок. 270)²⁾ о болѣзни Галерія Максимиана, и въ особенности Палладія (367—430) о болѣзни монаха или отшельника Него изъ Египта,

который сначала велъ благочестивую жизнь, но вдругъ, словно по дьявольскому навожденію, оставилъ свою келью и отправился въ Александрію, гдѣ посѣщаль театры и предался самому необузданному разврату, въ особенности съ одной театральной танцовщицей (μίραβι τινη), передавшей ему язву на glans (ἀνθραξ κατὰ τῆς βάλανοῦ), которая впоследствии перешла въ омертвѣніе и повлекла за собою потерю члена и наконецъ даже смерть несчастнаго³⁾,

Возможно ли, прибавляетъ Hirsch, думать тутъ о чемъ нибудь другомъ, кромѣ сифилиса, и именно, я сн о выраженнаго конституціональнаго сифилиса?⁴⁾—утвержденіе, черезчуръ смѣлое; по крайней мѣрѣ, я сн о выраженнаго сифилиса нельзя тутъ усмотрѣть.

Нѣкоторые авторы (Müller, v. Oefele) находятъ намекъ на сифилисъ въ извѣстномъ письмѣ Плинія-младшаго (62—114) къ Мацеру, гдѣ приведенъ разсказъ

о печальной участи супруговъ, бросившихся, связанные вмѣстѣ, въ Ларійское озеро послѣ того, какъ жена убѣдилась, что у мужа были неизлечимыя язвы (ex diutino morbo circa velanda sorgoris ulceribus putrescebat⁵⁾), которыя онъ долго скрывалъ отъ нея⁶⁾. Здѣсь, правда, имѣлись медленно развивавшіяся гнилостныя язвы, но были ли онѣ специфическія, на почвѣ сифилиса, трудно рѣшить, такъ какъ и другого рода язвы также могли привести къ такому отчаянному шагу.

Подведя итогъ всему сказанному, можно сказать, что уже при одномъ взглядѣ на изложенныя данныя невольно проникаешься убѣжденіемъ въ болѣе чѣмъ вѣроятномъ существованіи сифилиса въ древности. Если даже, справедливо замѣчаетъ Hirsch, оставить въ сторонѣ вопросъ о томъ, существовалъ ли сифилисъ во времена Моисея среди евреевъ, какъ подарокъ моавитянокъ, какъ это старался доказать еще Sickler⁶⁾, и представлялъ ли morbus femineus Геродота⁷⁾ и Гипократа⁸⁾ дѣйствительно

¹⁾ Кедрίνου σύνοψις ιστορίων (Compendium historiarum, Paris, 1647, I, 265.

²⁾ Eusebius, Histor. ecclesiast. VIII, 28 въ Script. hist. eccles., Colon. 1612, 215—253.

³⁾ Palladius, Historia lausica, Lugd. Batav, 1616, с. 32, р. 82 (ed. Meursio).

Ср. Hirsch, l. с. 352. ⁴⁾ Hirsch, l. с.

⁵⁾ C. Plinii Secundi Epistolae, Freyberg, 1843, II, l. V, ep. 24 Ср. Müller, l. с. 66 Oefele, Ein Luesfall in den Briefen des Plinius, 66; въ „Aerztl. Rundschau“, 1895, № 11

⁶⁾ Sickler, Diss. exhib. novum ad histor. Luis vener. additamentum Jena, 1797.

⁷⁾ Herodot, Hist. lib. I, с. 105.

⁸⁾ Hippocrates, De aere, aquis et locis. Edit. Foëssii, Frft, 1624, 293.

сифились, а *ulcera sygiaca* Аретей¹⁾ и Аэція²⁾—сифилитическія язвы зѣва, равно какъ и вопросъ, умеръ ли Иродъ отъ сифилиса³⁾, наконецъ, относятся ли къ сифилису болѣзни служителей Фаллуса, педерастовъ, *fellatores*, *cunnilingi*, *sinaedi*, какъ доказываетъ *Rosenbaum*, а также *morbis phoenicicus* Гиппократъ, *morbis sampanus* Горация, *fici* и *magiscae* Ювенала и Марціала, — если даже все это оставить въ сторонѣ (продолжаемъ по *Hirsch'y*), то здѣсь все же бросается въ глаза то обстоятельство, что всѣ врачи древности и среднихъ вѣковъ такъ часто, подробно и настойчиво описываютъ язвы и бородавчатые разраженія на половыхъ частяхъ и около задняго прохода, противъ коихъ, къ тому же, въ фармакологическихъ сочиненіяхъ приводится такое множество самыхъ разнообразныхъ средствъ и даются наставленія для ихъ примѣненія съ такими мельчайшими подробностями, что если не признавать означенныя болѣзни за сифились и если принять во вниманіе чрезвычайную рѣдкость въ новейшее время несифилитическихъ заболѣваній упомянутыхъ областей, — то, спрашивается, откуда, въ теченіе почти 2000-лѣтняго періода (отъ Гиппократъ до 15 вѣка), взялись у человѣческаго рода въ древности столь частые и столь выраженные заболѣванія половыхъ частей? ⁴⁾

Б. Средніе вѣка. Данныя о болѣзняхъ половыхъ органовъ у врачей первой половины среднихъ вѣковъ до Актуарія включительно мы привели выше, такъ какъ онѣ цѣликомъ перешли къ нимъ изъ древности. Здѣсь же рассмотримъ вкратцѣ свѣденія объ этомъ предметѣ у врачей второй половины среднихъ вѣковъ, у арабовъ, салернцевъ и арабистовъ.

У арабскихъ врачей весьма немного указаній на сифились. Правда, Исаакъ-Иудей, Серапионъ-старшій и др., подобно греческимъ врачамъ, занимались леченіемъ язвъ и *apostemata in virga*, но дальше этого они не шли. Гораздо доказательнѣе *Proksch* находитъ тѣ мѣста у Исаака и Разеса, гдѣ распространенная по всему тѣлу сыпь (*apostemata*, *pruritus*, *bothor*) совершенно ясно обозначены какъ послѣдовательныя явленія гнойной течи изъ мочевого канала съ затрудненнымъ мочеиспусканіемъ. Но врядъ ли даже и у „обрѣзаннаго“ народа позволительно принимать болѣе частую локализацию первичнаго аффекта въ мочеиспускательномъ каналѣ, какъ это дѣлаетъ *Proksch*⁵⁾, считающій эти указанія даже предвѣстни-

¹⁾ *Aretaeus*, *De causis acut. morb. lib. I*, cap. 9. Ed. Kühn.

²⁾ *Aëtius*, *Tetrabibl. II*, serm. IV, cap. 46, *Collect. Steph.* 897.

³⁾ *Josephus Flavius*, *De bello jadaico*, I, cap. 33.

⁴⁾ *Hirsch*, l. c. I, 350, 351. ⁵⁾ *Proksch*, l. c. I, 274, 275.

комъ ученія о тождествѣ триппера и сифилиса (Identitätslehre), которое, какъ извѣстно, беретъ начало только у Johannes Tornamira (1). Далѣе, трудно рѣшить, относится ли къ сифилису у Авиценны „de ulceribus testiculorum (scroti) et virgae in locis ani“, которыя онъ называетъ „mala ambulativa“ и разсматриваетъ вмѣстѣ съ заболѣваніями рта и внутренностей²⁾, равно какъ и глава „de formica et de miliarii Herpete“. Formica онъ опредѣляетъ какъ

„pustula aut pustulae, quae egrediuntur et faciunt accidere apostema parvum, et ambulans, et fortasse ulcerant et fortasse resolvunt“ etc.³⁾. Тоже можно сказать объ упоминаемыхъ имъ verrucae и morrui⁴⁾

Только bothor и sarhati, которые, согласно Авиценнѣ, могутъ встрѣчаться по всемъ тѣлѣ, въ глазахъ, во рту и даже на легкиихъ, (gummata?) допускаютъ нѣсколько вѣроятное толкованіе въ пользу сифилиса:

„Sahafati est de summa bothor ulcerosarum... Et quidem incipiens est bothor pruritus faciens.. deinde exulceratur ulceribus crustosis, et sunt ad rubedinem declives. Quandoque etiam emittit virus⁵⁾

Здѣсь, очевидно, Авиценна говоритъ о ядовитости, слѣдовательно и о заразительности подобныхъ язвъ.

Салернская школа также оставила мало указаній на сифилисѣ, хотя здѣсь уже во 2 в. Trotula (De inflatione virgae virili et testiculorum), современникъ ея Johannes Platearius старшій (въ главѣ „de pustulis in virga nascentibus“) и другіе несомнѣнно занимались леченіемъ болѣзней мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ. Здѣсь отмѣтимъ только, что у салернскаго хирурга Roger'a, также какъ и у Цельса и Виллановы, встрѣчается выраженіе cancer (позднѣ chancre), которое французами введено для обозначенія язвы на половомъ членѣ, а у Theodorich'a изъ Servia—первое указаніе на методическое леченіе ртутными втираніями, о чемъ подробнѣе рѣчь впереди.

Гораздо больше правдоподобныхъ данныхъ о сифилисѣ оставили другіе

Врачи послѣднихъ столѣтій средневѣковья, арабисты и такъ называемые медико-хирурги. Большинство этихъ врачей, начиная отъ Salicetto и кончая Consogregio, допускаетъ происхожденіе болѣзней половыхъ органовъ „ex coitu cum meretrice, cum muliere foeda, vel

1) „Plures pustulantur et ulcerantur in virga, si urina ardens... duraverit, quod non corrigatur per medicum“. Johannes Tornamira, Clarificatorum super IX ad Almansosem, Venet. 1507 p., 83.,

2) Avicenna, Canon, Basil. 1556, 702—703.

3) Тамъ же, 841 4) Тамъ же, 849.

4) Тамъ же, 956. Ср. Prokisch, I. 258.

*immunda, vel leprosa, vel canerosa*¹⁾). Для примѣра приведемъ только нѣкоторые изъ нихъ. Такъ Guilielmus Salicetto (ок. 1275) описываетъ бубоны отъ заболѣванія полового члена, а также острые и широкіе, горячіе и холодныя кондиломы вслѣдствіе нечистаго coitus, послѣ котораго Gaddesden²⁾ и Argelata совѣтуютъ тщательныя обмыванія. Особенно хорошо Argelata описываетъ первичныя язвы и широкіе кондиломы; пустулы, изъ которыхъ развиваются язвы, онъ называетъ „Caroli“ и лечилъ ихъ Aq. viridi (растворомъ sulph. sulfur.), на язвы же присыпалъ алоѣ. Между прочимъ, ему удалось вылечить у 80-лѣтняго старика большую язву, простиравшуюся отъ головки до recten rubis³⁾. Lanfrancus (ок. 1295—1308), сверхъ того, подробно распространяется объ „apostemata in inguine propter ulcera virgae“, описываемыхъ имъ то какъ пузыри или пустулы, то какъ опухоль железъ вслѣдствіе язвъ на членѣ или ногахъ⁴⁾. Кромѣ того, ему была извѣстна возможность зараженія отъ здоровой женщины, если ее только что („de novo“) посѣтилъ одержимый язвой.

Guy de Chauliac, въ своей оконченной въ 1363 г. *Chirurgia magna (Inventorium s. Collectorium)*, въ главѣ „de ulceribus virgae et vulvae“ говоритъ о поверхностныхъ (excoriationes et calefactiones) язвахъ, безъ флегмоны, и о заразительныхъ, гнилостныхъ, разъядающихъ и „канкерозныхъ“ язвахъ и трещинахъ, свищахъ, геморроѣ, мясистыхъ разраженіяхъ, фисус и кондиломахъ. Противъ первыхъ онъ совѣтуетъ обмыванія и высушивающія мази, противъ болѣе глубокихъ язвъ — вырѣзываніе и раскаленное желѣзо⁵⁾.

Наконецъ Valescus de Taranta (ок. 1380—1418) далъ замѣчательное описаніе язвъ penis и ихъ дальнѣйшаго теченія:

„Ulcera et pustulae fiunt in virga, quae aliquando ratione malae curae et durationis fiunt canerosae, in tantum, quod aliquando perditur virga vel pars ejus, aliquando

-
- 1) Roger, *Chirurg.* Tract. I, c. 56, 65 и I. III, c. 81 (въ Collect. chir. Venet). Theodoricus, *Chirurgia*, I. III, c. 38 (Тамъ же).
 Trotula, De curand. aegritud. mulier. Lips, 1778 с.с. 7, 8, 9.
 Arnaldus Villanova, *Breviarium*, II, 29. Opp. Lugd. 1532, f. 177 b.
 Guilielmus Salicetto († 1280), *Cyrurgia*, Venet., 153 c. 42, 45, 48—49.
 Lanfranci totius Chirurgiae *Practica*, Venet. 1519, tr. III, c. 11.
 Argelata, *Cyrurgia*, Venet., 1519, I. III, tr. XXX, c. 3.
 Guido de Cauliaco, *Cyrurgia* edita anno dom. 1363 in praeclaro studio Montepessulani (Coll. chirurg. Veneta), tr. VI, doct. II, c. 2.
 Bernard Gordon, *Lilium medicinae*, Lugd. Batav. 1574. Particula VII, c. 11.
 Johannes Gaddesden, *Rosa anglica*, I. II, c. 7.
 Valescus de Taranta, *Philonium pharmaceutium et chirurgicum*, Francofurti, 1599, I. VI, c. 6.
 Guilielmus Varignana, I. XVIII, c. 4.
 Galeatias de Santasofia, *Opus medicinae*, c. 80.
 J. Concorregio, *Pract. novae medicinae*, Tract. IV, c. 5 (Venet. 1515 f. 6, 40. Ср. Müller, I. c., 126.
 2) Gaddesden, *Rosa anglica*, lib. II, cap. 17 (Pap. 1497. fol. 107),
 3) Petrus Argelata, *Chirurg.* I. II, Tract. XXX, cap. 3 (изд. Venet., 1499).
 4) Lanfrancus, *Chirurg.*, Tract. III, doct. II, cap. 11 (Venet. 1519).
 5) Guy de Chauliac, *Chirurgia magna*, Tract. VI, doct. II, c. 7.,

fiunt extra in pelle, aliquando, ut plurimum, intra. Causae possunt esse primitivae, ut est coitus cum foetida, vel immunda, vel cancrosa muliere... Vidi aliquos mori, quia tarde ad bonum pervenerunt medicum. Virga enim erat circumdata toto ulcere cancroso cum duritie et erat rotunda, sicut unus narpus, et homo erat jam discoloratus et semimortuus¹⁾.

John Gaddesden (ок. 1305—1317), впервые предложившій родъ суспенсиорія для яичекъ (perlum v. banda—*Rosa anglica*, II, с. 17), описываетъ „malum mortuum“, какъ болѣзнь, происходящую,

между прочимъ, „a coitu cum menstruosa, vel leprosa, vel tineosa“, и какъ „species leprae particularis in membro... et quasi morphea et impetigo morbum praecedit“, при которой бываетъ красноватая, либо землистаго цвѣта сыпь („scabies grossa et lata“) на конечностяхъ, всегда сопровождающаяся припуханіемъ паховыхъ желѣзъ („semper in inguibus habet glandulas“); для лѣченія же этой болѣзни рекомендуетъ и ртуть („cura est digerere, evacuare, localia et argentum vivum“²⁾).

Это „malum mortuum“ среднихъ вѣковъ уже de Vigo признавалъ тождественнымъ съ morbus Gallicus³⁾. Что средневѣковые врачи сплошь и рядомъ смѣшивали сифилисъ съ проказой, достаточно видно изъ сочиненій Gordon'a, Yperman'a, Manardus'a и другихъ, а также изъ восторженныхъ ихъ отзывовъ объ успѣшномъ леченіи проказы ртутью (Theodorich называетъ ее при началѣ проказы даже „experimentum infallibile“), тогда какъ мы нынѣ знаемъ совершенную ея недѣйствительность при проказѣ.

Наконецъ, какъ мы видѣли выше⁴⁾, въ такъ называемыхъ средневѣковыхъ *Consilia*, которыя оставили напр. Ugone Bencio (ок. 1431—1447) и др., есть наблюденія, несомнѣнно относящіяся къ конституціональному сифилису.

Изъ поэтовъ въ средніе вѣка о болѣзняхъ половыхъ органовъ писали:

François Villon (ок. середины 15 в.), который говоритъ о „chancere“ и, какъ о послѣдствіяхъ развратной жизни, упоминаетъ между прочимъ о западеніи носа⁵⁾; въ особенности же—

Racificus Maximus, стихотворенія котораго напечатаны во Флоренціи въ 1489 г., изъ нихъ одно содержитъ молитву „ad Priarum“—объ отвращеніи отпаденія penis'a, разрушенія носа и неба и сопровождающаго ихъ зловоннаго запаха изо рта:

„Tuque meum si non properas sanare Priarum
Decidet heu! non hoc nobile robur erit.

¹⁾ Valescus de Taranta, *Philonium*, l. VI, с. 6. Venet. 1502, f. 156.

²⁾ Gaddesden y Hensler'a, Vom abendländischen Aussatze im Mittelalter. Excerpte, p. 58.

³⁾ De Vigo, *Chirurgia Copiosa*, l. V, с. 3.

⁴⁾ См. Исторію средневѣковой медицины, стр. 428.

⁵⁾ Simon, l. c. 1831, p. 78; ср. Müller, l. c. 120.

Ante meis oculis orbatus priver et ante
 Abscissus foedo nasus arbore cada t!
 Non me respiciet nec me volet ulla puella.
 In me etiam mittat tristia spata puer.
 Laetior heul toto me non erat alter in orbe!
 Si cadet hic, non me tristior alter erit.
 Me miserum! Sordes quas marcidus ore remittit.
 Ulcera quae foedo marcidus ore gerit!¹⁾

Во многихъ хроникахъ отмѣчены случаи, несомнѣнно доказывающіе, что зараженіе ex coitu было извѣстно задолго до эпидеміи 1495 г.

Въ *Acta sanctorum*, собранныхъ въ 1010 г. (слѣдовательно за 500 лѣтъ до эпидеміи 1495 г.) отмѣчены два случая венерической болѣзни, весьма вѣроятно, сифилитическаго свойства²⁾. Далѣе сюда относится упоминаемый въ письмѣ архіепископа Василія къ Амфилохію (въ 10 в.) случай съ однимъ діакономъ, отставленнымъ отъ должности вслѣдствіе болѣзни губъ („Diaconus qui pollutus est in labris et se eo usque pcesasse confessus esse a ministerio prohibetur“³⁾), а также случай изъ 14 в. съ познанскимъ епископомъ Николаемъ Курникомъ, получившимъ вслѣдствіе развратной жизни язвы на половыхъ частяхъ и при дальнѣйшемъ теченіи болѣзни—также язвы на языкѣ и въ зѣвѣ, мѣшавшія ему говорить и глотать, и умершимъ отъ этой болѣзни въ 1382 году⁴⁾.

Нѣкоторые хроникеры сообщаютъ еще другіе случаи смерти выдающихся людей отъ сифилиса. Таки

Thom. Gascoigne, канцлеръ въ Оксфордѣ въ 1 полов. 15 в., сообщаетъ:

„Novi enim diversos viros, qui mortui fuerunt ex putrefactione membrorum suorum genitalium et corporis sui, quae corruptio et putrefactio, ut ipsi dixerunt, causata fuit per exercitium copulare carnalis (e) cum mulieribus“⁵⁾,

и какъ примѣръ приводитъ Іоанна Гентскаго, герцога ланкастерскаго, умершаго отъ этой болѣзни. Тоже сообщаютъ другіе хроникеры о королѣ польскомъ, Владиславѣ (†1410)⁶⁾, о епископѣ города Шпейера, Іоаннѣ († 1103)⁷⁾, и богемскомъ королѣ Венцелѣ⁸⁾.

¹⁾ У Hensler'a, *Geschichte der Lustasenche etc.*, I, Altonae, 1783, p. 310. Ср. Friedberg, l. c. 94.

²⁾ *Acta sanctorum*. Т. III p. 90. Здѣсь рѣчь идетъ о тяжело больномъ венерической болѣзнию, отъ которой онъ излечился объѣтомъ святому Венно, а въ другомъ мѣстѣ (Т. V p. 351) о юношѣ, по имени Vincentius, такъ сильно пострадавшемъ отъ этой болѣзни, что онъ пришелъ въ отчаяніе и нашелъ излѣченіе только въ кельѣ Колумбы. Astley Cooper, *Vorlesungen über Chirurgie, aus dem Englischen*, Erlangen. 1845, p. 12. (Muller, 120).

³⁾ Vasilius, *Epist.* 70; Ziegler, *De diaconis etc.* p. 265.

⁴⁾ Friedberg, l. c. p. 91, по польской хроникѣ архидіакона Янко Чарниковскаго (Czarnkowsky).

⁵⁾ Aus einem in Lincoln Colledge (Oxford) befindlichen Manuscript, mitgetheilt von Beckett in *Philos. trans.* XXXI, 54.

⁶⁾ Raynaldi *Annal. Eccles. anni 1414*. Edit. Lucae, VIII, 377.

⁷⁾ *Chronica Auersperg'a*. ⁸⁾ Horneck, *Oestr. Reichschronik*. Ср. Hirsch. l. c. 353.

Наконецъ особый интересъ составляютъ историческія замѣтки, записанныя до взрыва эпидеміи сифилиса въ концѣ 15 вѣка, изъ коихъ одна относится къ 1472 г., а именно къ случаю съ хористомъ, просившимъ объ освобожденіи его отъ богослуженія, такъ какъ онъ былъ одержимъ „*mala Francoz*“¹⁾, а другая къ 5 апрѣля 1488 г., къ случаю съ *Agius Lusitanus*, одержимымъ болѣзнью, „именуемой въ Испаніи „*bubas*“, въ Италиі „*morbus Gallicus*“²⁾. Интересно, что въ томъ же году, по показаніямъ вышеупомянутаго *Delgado*³⁾, появился сифилисъ среди французскихъ солдатъ въ генуэзской области, гдѣ они ограбили одну лепрозерію.

Ретроспективный взглядъ на данныя о сифилисѣ въ древности и въ средніе вѣка. Изъ всего изложеннаго до сихъ поръ достаточно видно, что и въ древности и въ средніе вѣка одинаково встрѣчались какъ мѣстные, такъ и общія, конституціональныя проявленія сифилиса. Можно только допустить, что общее зараженіе, благодаря климатическимъ и другимъ условіямъ, появлялось рѣже, чѣмъ въ позднѣйшія времена, тѣмъ болѣе, что всѣ сообщенія о венерическихъ болѣзняхъ въ древности—южнаго происхожденія, а извѣстно, что въ жаркихъ странахъ сифилисъ протекаетъ въ болѣе легкихъ формахъ⁴⁾. Возможно также, что древніе, не зная связи между первичными и конституціональными припадками сифилиса, поневолѣ должны были тотъ или другой распространенный сифилидъ считать за самостоятельную кожную болѣзнь. Понятно, поэтому, почему проявленія золотухи и общаго сифилиса они могли причислять и причисляли къ „проказѣ“, каковымъ именемъ до 16 в. долгое время обозначали многія явленія, впоследствии оказавшіяся принадлежащими сифилису и другимъ болѣзнямъ⁵⁾. Что проказа, о которой такъ часто упоминаютъ древніе, была подчасъ не что иное, какъ сифилисъ, явствуетъ, во-первыхъ, изъ ихъ заявленій о передачѣ проказы черезъ совокупленіе, что вѣрно только для сифилиса, но отнюдь не для проказы, ибо новѣйшими наблюденіями установлено, что проказа никогда не передается чрезъ посредство совокупленія. Во-вторыхъ, изъ припадковъ, упоминаемыхъ древними и средневѣковыми врачами при

1) *Stiftsprotocoll von St. Victor zu Mainz aus 1472*, въ *Bodmann, Rhein-gauische Alterthümer*, Mainz, 1819. Ср. *Friedberg* l. c., 95.

2) *Petri Martyri Anglerii, Mediolonens. Eplst.* 68, „*Agius Lusitano, Graecas literas Salamanticae profitenti, valetudinario*“, помѣченное *Giennio* (Jaen въ Андалузіи) in nonis Aprilis 1488. Сообщено *Thiene*, l. c. 284. и у *Hensler'a*, *Excerpte*, 8. Ср. *Friedberg*, l. c. 97.

3) Сообщение *Fuchs'a* о маленькой статьѣ *Delgado* въ *Janus*, N. F. II 193.

4) Ср. *Auspitz*, *Die Lehren vom syphilitischen Contagium etc.* Wien, 1866.

5) Ср. *Hirsch*, l. c. I, 355.

описаніи проказы, многіе несомнѣнно относятся къ проявленіямъ сифилиса ¹⁾.

Такъ какъ понятіе о специфическихъ болѣзненныхъ процессахъ и вообще о плотныхъ заразныхъ веществахъ было чуждо древнимъ врачамъ, то неудивительно, что различныя хроническія сыпи и глубокія разрушенія мягкихъ частей и костей сводились ими къ проказѣ. Поэтому отсутствіе у нихъ данныхъ о вторичныхъ и третичныхъ явленіяхъ сифилиса произошло не оттого, что эти формы болѣзни не существовали въ древности, а оттого, что имъ не была извѣстна связь между этими и первичными явленіями. А такъ какъ проказа не передается черезъ совокупленіе, то всѣ мѣста у средневѣковыхъ авторовъ (Michael Scotus, Gaddesden, Gouzon, Gilbertus Anglicus, Fagno и др.), гдѣ рѣчь идетъ о происхожденіи проказы „ex coitu cum foeda muliere“, „cum leprosa, cum qua jacuit leprosus“ и т. д., должны безусловно быть отнесены къ сифилису. Между прочимъ, Ma n a r d u s (у L u i s i n u s, I, p. 606 A.), сообщая исторію происхожденія сифилиса въ Испаніи, говоритъ, что эта болѣзнь распространилась тамъ съ тѣхъ поръ, какъ молодежь стала часто посѣщать женщину, у которой переночевалъ прокаженный кавалеристъ (elephantiosus quidam ex equestri ordine miles), такъ что въ нѣсколько дней оказалось болѣе 400 зараженныхъ, причѣмъ нѣкоторые изъ нихъ послѣдовали въ Италію за Карломъ (VIII?) Въ этомъ же смыслѣ высказывается Mich. S a v o n a r o l a (*Practica, Venetiis*. 15, 19, tr. VI, c. 20).

Смѣшиваніе явленій проказы и сифилиса вытекаетъ еще изъ того факта, что врачи конца 15 и начала 16 вв. еще признавали сходство этихъ явленій и допускали превращеніе проказы въ сифились (morbus Gallicus ²⁾). Ярче всего предполагаемую тѣсную связь между проказой и сифилисомъ выразилъ Petrus Ma y n a r d u s (1518):

„...apparet manifeste, quod sit (morbus gallicus) species lepra e. Et se habet hic morbus gallicus ad lepram sicut posterius ad prius, ut homo vel asinus ad animal“... „Unde sicut dicimus, quod quicquid inest animali, inest homini sive asino, ita dicendum, quod quicquid inest leprae inest morbo gallico, sed non e converso, quia aliquid inest morbo, quod non inest leprae“ etc. ³⁾.

Очевидно, здѣсь Ma y n a r d u s принимаетъ, что сифились относится къ проказѣ, какъ видъ къ роду. Съ другой стороны многіе (Cataneo, Benedictus, Pinctorius, Joh. de Vigo) принимали, что morbus gallicus можетъ превращаться въ elephantiasis или проказу.

Что сифились и проказу перестали смѣшивать только въ 16 в., видно, между прочимъ, изъ поданной королю Генриху VIII въ 1530 г. Simon Fish'emъ петиціи (supplication of Beggars), въ которой онъ ясно говоритъ, что въ особенности католическіе священники Англіи портятъ все поколѣніе и распространяютъ болѣзнь, „обжегшись“ при совокупленіи съ прокаженными женщинами и перенося такимъ образомъ венерическую заразу, проказу и жжение въ каналѣ отъ одной женщины къ другой. Отсюда видно, прибавляетъ Friedberg, у коего беремъ это свидѣніе, что въ то время разграничивали трипперъ, проказу и сифились и знали ихъ происхожденіе отъ coitus ⁴⁾.

¹⁾ Friedberg, *Venerische Krankheiten im Alterthum u. Mittelalter*, Berlin, 1865, p. 27.

²⁾ Hirsch, l. c. I, 355.

³⁾ Petri Ma y n a r d i, *Veronensi, de morbo Gallico Tract. I. I*, c. 2, Luis. 390. Cp. Müller, l. c. 115.

⁴⁾ „These bet hey, that corrupt whole the generation of Mankind in your Realm, that catch the Pockes of one women and bear them to another; that be Burnt wit hone women and bare it to another; that catch the leproy of one woman and bare it to another“. Philos. Transact. XXX. 1720, IV, 845. Cp. Friedberg, l. c. 72.

Итакъ не подлежитъ никакому сомнѣнiю, какъ указано неоднократно выше, что добрая половина случаевъ проказы и пр., описанныхъ въ древности и среднiе вѣка, была не что иное, какъ сифилисъ. Тоже, быть можетъ, можно сказать о „herpes“ и „thymia“ грековъ, о *ficus, mariscus* римлянъ, *formica sarphati, bothor, tusius, aluhumata* арабовъ. Несомнѣнно также, что описанныя въ древности измѣненiя на половыхъ органахъ обязаны были своимъ происхожденiемъ большею частью нечистому совокупленiю, о которомъ, правда, не упоминается, вслѣдствiе известной застычивости и неохоты древнихъ, какъ напр. Цельса, распространяться подробно о щекотливыхъ измѣненiяхъ на половыхъ частяхъ, но которое всегда подразумѣвалось какъ общезвѣстная причина этихъ поражений (Наесер). Въ послѣднiя же столѣтiя среднихъ вѣковъ, какъ въ сочиненiяхъ врачей, такъ и другихъ писателей, а также и въ хроникахъ, сначала изрѣдка, а затѣмъ все чаще и чаще, нечистый *coitus* приводится какъ причина мѣстныхъ явленiй. И если связь между мѣстными и общими припадками просматривалась врачами, то въ исторiи медицины немало примѣровъ, гдѣ теченiе многихъ столѣтiй отъ вниманiя наблюдателей ускользали и ближайшiе факты, какъ напр. кровообращенiе. Изъ отсутствiя свѣдѣнiй о многихъ эпидемiяхъ древности у такихъ врачей, какъ Орибазiй, Аэцiй, Александръ Траллiйскiй, Павелъ Эгинскiй, или вѣками продолжавшагося отсутствiя патологическихъ данныхъ о нервныхъ болѣзняхъ, или незнанiя *ophthalmiae gonorrhoeicae* и сифилитическихъ заболѣваний глазъ такими врачами, какъ John Hunter и John Pearson¹⁾, отнюдь нельзя заключить, что этихъ болѣзней или эпидемiй вовсе не было. Другой примѣръ: почти до второй половины прошлаго вѣка продолжали, по примѣру арабовъ, смѣшивать корь и скарлатину и только въ концѣ этого вѣка ихъ стали строго разграничивать.

Оставляя поэтому въ сторонѣ праздный вопросъ о томъ, кто былъ первоначальнымъ источникомъ всякаго венерическаго зараженiя (въ томъ числѣ и сифилисомъ), мужчина или женщина, и заразился ли первый заболѣвшiй сифилисомъ мужчина только отъ женщины, передавшей ему будто такимъ образомъ свою какъ бы „женскую форму болѣзни“ („*morbus femineus*“), какъ это принимаютъ Naumann и за нимъ Fr. W. Müller²⁾, отмѣтимъ здѣсь, что причину умалчиванiя древнихъ о сифилисѣ врядъ ли слѣдуетъ искать, какъ это полагаютъ Rosenbaum и Haeser³⁾, въ

¹⁾ William Lawrence у Cooper'a, p. 18 - 19. Ср. Müller, l. c. p. 118.

²⁾ Naumann, Zur Pathogenie и Geschichte des Trippers въ Schmidt's Jahrbücher der gesammten Medicin, 1837, p. 89. Ср. Müller, l. c. 117.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что подъ „*morbus femineus*“ склеонъ у Геродота и Гипократа позднѣйшiе авторы и первый между ними, Филонъ Иудей Александриискiй (*Opera*, ed. Mangey, 20, de Abrahamo), подразумѣвали педерастию и именно пассивную ея роль—*effeminatio*, какъ порокъ содомитовъ, что подтверждаетъ и Rosenbaum, l. c. 194.

³⁾ Rosenbaum, l. c., 415 (изд. 1882 г.), Haeser, 1839, I, 202.

обширномъ примѣненіи ими прижиганій и вырѣзыванія при леченіи мѣстныхъ болѣзней половыхъ органовъ, предотвращавшихъ будто бы появленіе вторичныхъ припадковъ (что, какъ извѣстно, новѣйшими наблюденіями не подтвердилось). Какъ уже указано, причина эта заключается въ томъ, что, будучи знакомы съ отдѣльными проявленіями сифилиса, они не были въ состояніи связать различные продукты сифилитической заразы въ одно цѣлое, въ одну общую картину болѣзни, такъ какъ понятіе о специфическомъ заразномъ веществѣ имъ было чуждо вслѣдствіе господствовавшего ученія Галена о влагахъ, какъ причинахъ болѣзней, въ томъ числѣ и язвъ. Послѣднія, согласно этому ученію, происходятъ какъ отъ потери вещества, вслѣдствіе нарушенія цѣлости (*ἐκ παραφρέσεως*), такъ и отъ *anabrosis* (*ἐκ ἀναφρέσεως*). Эта *anabrosis*, по ученію Галена, есть „ростокъ“ дурныхъ соковъ, источникъ и сыладочное мѣсто коихъ составляетъ печень, откуда они кровеносными сосудами уносятся къ кожѣ и изъ образующейся здѣсь язвы выдѣляются наружу¹⁾. Это ученіе, какъ увидимъ ниже, удержалось вплоть до 16 в. и у первыхъ сифилидологовъ.

Существовала въ средніе вѣка и другая теорія зараженія организма, — „*ex humore venenoso*“: такъ Gérard de Berry (въ началѣ 13 в.) говоритъ:

„*Virga patitur a coitu cum muliebribus immundis de spermate corrupto vel ex humore venenoso in collo matricis recepto, nam virga inficitur et aliquando alterat totum corpus*“²⁾.

Но о томъ, какъ проявлялась эта „*alteratio corporis*“, дальнѣйшихъ объясненій не имѣется, такъ какъ въ то время еще не додумались до понятія о специфическихъ болѣзненныхъ процессахъ въ нынѣшнемъ смыслѣ. Литтре и за нимъ Haeser признали въ этомъ пассажѣ несомнѣнный фактъ появленія вторичныхъ припадковъ послѣ мѣстнаго первичнаго зараженія, но это лишь еще разъ доказываетъ, что и великіе ученые и историки могутъ ошибаться, какъ справедливо замѣчаетъ Proksch, который прибавляетъ, что ни одинъ сифилидологъ въ мірѣ не найдетъ въ приведенномъ мѣстѣ de Berry даже намекъ на сифилис³⁾.

Другой врачъ, Magninus, изъ Милана, въ концѣ 14 в., въ своемъ *Regimen sanitatis* указываетъ на общее и даже смертельное заболѣваніе организма вслѣдствіе пораженія половыхъ частей; въ главѣ de membris generationis онъ говоритъ:

„*Et interdum ex spermatis detenti corruptione non solum seminaria vasa, sed etiam totum corpus corrumpitur. Sperma enim corruptus in toto corpore se habet admodum veneni. Unde sicut parum veneni sufficit corrumpere totum cor-*

¹⁾ Galenus, Methodus medendi, l. IV, c. I. Cp. Rosenbaum, l. c. 409.

²⁾ Littré, Bemerkungen über die Syphilis im 13 Jahrhundert, nach dem franz. Originalmanuscripte въ Janus, I, 504. Сообщено Литтре изъ Glossulae s. *Viaticum cum Giraudino par Gérard de Berry*, l. VII, въ гл. de ulceribus et apotematibus.

³⁾ Cp. Proksch, l. c. I, 322.

pus, ita et spermatis corrupti aliquantulum sufficit corrumpere totum corpus¹⁾. А въ главѣ de coitu: „Unde periculum est, si per coitum non expellatur (sperma), quod putrefiat et ad aliquid simile veneno convertetur et causabit pessimas aegritudines et tandem mortem²⁾“.

Это понятіе о „sperma detentum et corruptum“ какъ о причинѣ заболѣваній половыхъ органовъ было общераспространено среди средневѣковыхъ врачей, которымъ оно нужно было для объясненія частоты сифилиса у высокопоставленнаго духовенства, и есть безъ сомнѣнія отголосокъ древняго представленія о „ѣдомъ и горячемъ сѣмени“ (mordax graecalidumque semen), противъ котораго Галенъ рекомендуетъ воздержаніе отъ горячей пищи и примѣненіе лекарственныхъ и пищевыхъ веществъ, способствующихъ уничтоженію сѣмени („sumeret enim non cibos modo, verum etiam medicamenta, quae id (semen) exstingeret³⁾“). Тотъ же упомянутый Magninus объясняетъ inflatio et ulceratio virgae противоестественными способами coitus („si ascendat mulier supra virum⁴⁾“).

Всѣ эти теоріи, подобно гуморальной патологіи Гипократа, у Галена дошедшей до явнаго пренебреженія этиологическими моментами, особенно въ ученіи о язвахъ, или подобно теоріи методической школы объ „общностяхъ“ (status strictus et status laxus), мѣшали и древнимъ и средневѣковымъ врачамъ усвоить себѣ правильный и ясный взглядъ на сущность половыхъ болѣзней.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что во всѣ времена встрѣчались самыя разнообразныя язвы на наружныхъ половыхъ органахъ вслѣдствіе нечистаго coitus и описывались подъ различными названіями, въ томъ числѣ и подъ именемъ „твердый шанкръ“, все равно назывался онъ cancer, ulcus cancrum cum duritie, nodus in virga (Theodorich, Langfrancus, Guy de Chauliac, Valescus de Taranta), или, какъ въ древности, cancer colis, carbunculus (Цельсъ); точно также испоконъ вѣка существовали всѣ формы и послѣдствія сифилитическаго зараженія, какъ одинъ и тотъ же специфическій процессъ, причемъ, понятно, прежде всего догадались, что въ связи съ нечистымъ coitus находятся мѣстныя явленія и только мало по малу сознали, что и общіе припадки происходятъ изъ того же источника.

Къ этому убѣжденію пришли не только старинные писатели 16—18 и первой половины 19 столѣтій⁵⁾, но и новѣйшіе изслѣдователи, какъ

¹⁾ Magninus, *Regimen sanitatis*, l. II, c. 6 (Lugd. 1517, f. 16 a).

²⁾ Тамъ же l. III, c. 5. Cp. Müller, l. c. 119.

³⁾ Galenus, vol. VI (ed. Kühn), p. 444. (De sanitate tuenda, l. VI, c. 18).

⁴⁾ Magninus, l. c. f. 26 b у Gruner'a, Aphrodisiacus, III, p. 30.

⁵⁾ Blondus (1497—1565), Langius, Dodonaeus, Alcazar, Pacius, Vallesius, Galenus, Zacutus Lusitanus (Judaeus-Lusitanus, 1575—1642), въ 17 в.—Guy Patin, Carolus Patinus, Velsch, Stephanus Blankaard, Musitanus, Nicolas de Blégnу (1652—1722); въ 18 в.—Leaulté, Gardane, Beckett, Plenk (1732—1808), Rehmann, Stoll (1742—1785), Perenotti, Clossius (ок. 1799), Hensler, въ первой половинѣ 19 в.—Walch (1811), Werner (1819), Hergt (1826), Jourdan (1826), Schrank (1834), Devergie (1834), Ozanam

Lindwurm, Haeser, Hirsch, Friedberg, Auspitz, Lorinser, Güntz, Finckenstein, Lang, Karosi, Rosenbaum, Lance-reaux, Daremberg, Fr. W. Müller, Proksch и множество другихъ. Прлагаемъ, что единодушное мнѣніе такого громаднаго числа изслѣдователей гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ основанное на шаткихъ доводахъ мнѣніе хотя бы такихъ писателей, какъ Massa (1513 г.), Leonhard Schmaus, Oviedo, de Isla, Fallopiа, изъ позднѣйшихъ—Astruc, Girtanner, Gruner, Gauthier, Ausias-Turgenne, Geigel, а изъ новѣйшихъ—Wolff, Melsheimer, Binz, ратующихъ за американское происхожденіе сифилиса, или, какъ Simon, старающихся доказать, что до эпидеміи 1495 г. сифились не существовалъ и во что бы ни стало отстаивающихъ новое его происхожденіе. И если послѣдніе авторы, какъ напр. Melsheimer¹⁾, приводятъ цитаты изъ сочиненій очевидцевъ эпидеміи 1495 г., весьма ясно говорящихъ объ этой болѣзни какъ о новой, то не говора уже о томъ, что и нынѣ инымъ кажется новымъ то, что во-все не ново, тѣмъ авторамъ можно противопоставить противоположныя за-явленія такихъ же очевидцевъ, какъ

Leoniscenus (1497), первый изъ этихъ врачей, признававшихъ древность сифилиса (Hensler, 31—32, Luis. 18, 88 C.), Jacob Wimpheling (ок. 1506): „non quidem novum, sed regressum nostro saeculo (morbum) immisit“ (Hansler, p. 10), Johannes Widmann (1497): „ab anno 1457 usque in praesentem annum 1500 grassatur (morbus)“ (Hensler, 13 и 21), также Natalis Montesauros (Luis. 114), I. Pascalis (Luis. 221), Potronius c. 2 (Luis. 1170) и т. д.—Marchetti²⁾ даже увѣренъ, что сифились былъ извѣстенъ Гиппократу и Галену (Luis. 793, Fuchs, 481). Andreas Alkazar³⁾, одинъ изъ лучшихъ хирурговъ Испаніи, считаетъ *m. gallicus* за ту же болѣзнь, о которой говорятъ Гиппократъ (*Aphorismi*, sect. III, 20) и Идидій и которая встрѣчалась въ древнемъ Римѣ во времена Тиберія и Клавдія. Въ Европѣ, по словамъ Alkazar'a, заривъ болѣзни обнаружилса съ особенной силой не послѣ морскаго путешествія Колумба, а уже въ 1487 г. во время войны Иоанна Анжуйскаго съ Альфонсомъ Неаполитанскимъ. Еще откровеннѣе высказывается Zactus Lusitanus изъ Лиссабона, который утверждаетъ, что тѣ, кто выдають эту болѣзнь за новую, мелятъ только водоръ: „mille monstra et mille pugas“ (Finckenstein, 27—54—56)⁴⁾

Подобнымъ же образомъ и Hensler, послѣ 20-лѣтняго изученія источниковъ, вынесъ убѣжденіе, что сифились съ незапамятныхъ временъ существовалъ на западѣ („a summa memoria per Occidentem semper

(1835), Deruëlles (1836), Mazarei (1837), Elbe (1838), Vidal (1850), Guérin (1868). Годы въ скобкахъ означаютъ здѣсь время выхода въ печати ихъ сочиненій, о которыхъ см. Müller, l. c. 129—131.

¹⁾ Melsheimer, l. c. pp. 39—42 (Bonn. 1892).

²⁾ Marchettis, Ex gonorrhoea venerea antiqua etc. въ *Observationes et Tractatus medicochirurgici recensii*, Patavii, 1664.

³⁾ Andreas Alkazar a. Alkazar, *Chirurgiae libri sex*, Salamanticae, 1575 (l. V, De morbo gallico).

⁴⁾ Cp. Müller, l. c., 140.

quidem regnavit“) ¹⁾ въ формѣ herpes грековъ или formica арабовъ и съ своей стороны также подчеркиваетъ то обстоятельство, что многіе изъ первыхъ врачей, писавшихъ о morbus gallicus 15—16 вв., ни одного слова не проронивъ о новизнѣ и неизвѣстности дотогѣ болѣзни, въ патолого-терапевтическомъ отношеніи говорятъ о ней такъ, какъ возможно говорить только послѣ долголѣтняго опыта и наблюденія и чего нельзя было ожидать въ эпидемію ²⁾. Тоже слѣдуетъ сказать о новѣйшихъ маститыхъ изслѣдователяхъ, какъ Haeser, Hirsch, Rosenbaum, Dargemberg, Lancereaux, Friedberg, Proksch. Всѣ они, послѣ долговременнаго и тщательнаго изученія вопроса, пришли къ тому же выводу, что и Hensler.

Итакъ, какъ на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ памятниковъ, хроникъ, произведеній поэтовъ и многочисленныхъ врачей, такъ и на основаніи простой логики, можно смѣло сказать, что сифилисъ, подобно многимъ другимъ болѣзнямъ, если и не такъ старъ, какъ человеческій родъ, т. е. быть можетъ, и не существовалъ въ до-историческое время, то все же весьма вѣроятно встрѣчался въ древности, хотя и не такъ часто и не въ такихъ тяжелыхъ формахъ, какъ впоследствии.

Послѣ этого, пожалуй, слишкомъ длиннаго, но, какъ намъ кажется, не бесполезнаго отступленія, переходимъ къ эпидеміи 1490—1530 г.

Причины этой загадочной эпидеміи обыкновенно принимаются тѣже, что и для другихъ свирѣпствовавшихъ въ то время эпидемій (чума въ различныхъ странахъ Европы, гварбанія въ Германіи, сыпной тифъ въ Испаніи, англійскій потъ), а именно: знойныя лѣта, опустошительныя наводненія, неурожай, голодовки и т. п., вызвавшія будто бы въ господствовавшемъ тогда genius epidemicus такое видоизмѣненіе, вслѣдствіе котораго болѣзненные процессы получали стремленіе пробиваться къ поверхности тѣла, на наружные покровы, т. е. такъ называемую „экзантематозную конституцію болѣзней“ Шенлейна ³⁾.

Съ этимъ, однако, трудно согласуется то обстоятельство, что и въ прежнія времена бывали тѣже причины и тѣмъ не менѣе не вызвали же онѣ тогда такой склонности къ локализациі болѣзней въ системѣ кожи. Къ тому же, къ сифилису нельзя собственно примѣнить и понятія объ эпидеміи въ тѣсномъ смыслѣ. Скорѣе слѣдуетъ тутъ признать, кромѣ совмѣстнаго содѣйствія темныхъ, въ настоящее время еще не выясненныхъ моментовъ,

¹⁾ Hensler, Programa de herpete sen Formica veterum huius venereae non propterea experta, Kiliae, 1801, p. 55.

²⁾ Müller, l. c. 142.

³⁾ Ср. Friedberg, l. c. 110 и Гезеръ, Исторія повальныхъ болѣзней, 231.

подчеркиваемый авторами другой факторъ, а именно, половую разнужданность, которой открыто предавались не только войска Карла VIII во время стоянокъ въ Италіи, этомъ дѣйствительномъ очагѣ описываемой эпидеміи, но и остальное населеніе, не исключая духовенства, которому, для освобожденія отъ *superfluitates*, то и дѣло совѣтовали „*coitus post tertiam digestionem*“. До чего доходило въ то время распущенность нравовъ, видно изъ того, что папа Павелъ III пригласилъ Fracastoro изъ Падуи въ Тридентъ главнымъ врачомъ для леченія сифилиса, распространеннаго среди членовъ тридентскаго собора¹⁾. Наконецъ, средневѣковая неряшливость и беззаботность о чистотѣ тѣла и полное пренебреженіе къ самымъ элементарнымъ требованіямъ гигиены,—все это должно было породить въ описываемую эпоху особенно сильную воспримчивость къ сифилитическому яду, который Alexander Benedetti окрестилъ: „*illud prostitutarum virus*“, и который, путемъ смѣшенія народностей, произвелъ такіа невиданныя дотолѣ измѣненія въ организмѣ зараженныхъ, что современникамъ болѣзнь дѣйствительно должна была показаться новой: „*morbus monstruosus, pulchris ante saeculis visus totoque in orbe terrarum incognitus*“ (Cataneus).

Различные авторы приводили описываемую эпидемію сифилиса въ причинную связь съ самыми различными моментами, какъ сожженіе созвѣздія Сатурна и Юпитера въ знакѣ скорпіона (въ 1484 г.), какового взгляда придерживался и Grünbeck, порча воздуха (Schellig, Steber, Poll) и пища (Vochs), употребленіе „сифилитической, пустулезной“ свиинины (Widmann, Seitz, изъ коихъ послѣдній говоритъ даже объ одержимыхъ *mal frañtzos* свиньяхъ, рыбахъ, кошахъ) или таковой же капусты (Diaz de Isla) Нѣкоторые считали причиной эпидеміи легучесть contagia (Maunardus, Almenar, Vetteri). Но и между первыми сифилитографами были свѣтлые умы, сумѣвшіе составить себѣ болѣе правильныя понятія о причинахъ эпидеміи, какъ Torella, Johannes Benedictus, Paracelsus, Matthiolus, Montanus и Grassavola, изъ коихъ особенно послѣдній всѣми доводами опровергнулъ легучесть contagia. Наконецъ de Vigo, какъ сказано, установилъ незаразительность позднихъ формъ, что впоследствии фактическими доказательствами подтвердилъ Amatus Lusitanus²⁾.

Въ новѣйшее время загадку всеобщаго распространенія сифилиса въ концѣ 15 в. нѣкоторые историки (Haeser, Prokisch) находятъ въ аналогическихъ фактахъ въ прошломъ и началѣ настоящаго столѣтія, а именно, въ появленіи такъ называемыхъ сифилитическихъ эндемій или т. н. „сифилитидовъ“, какъ канадская эпидемія (1776—1780), а въ началѣ XIX в.—френга въ Сербіи, Boala въ Семихолмѣ, Буковинѣ, Молдавіи и Валахіи, Skerlijevo или Mal de Fiume, Male di Breno, Falcadina въ Иллиріи, Далмаціи, Кroatii, Венгрии и Тироли, Radesyge въ Норвегіи³⁾.

Всѣ эти болѣзни представляли болѣе или менѣе сходную картину: общее недомоганіе, боли въ костяхъ, особенно по ночамъ, исчезавшія тотчасъ послѣ появленія язвъ во рту и зѣвъ и сыпи на кожѣ, выступавшей либо въ видѣ мѣдно-красныхъ „пустулъ“ на го-

¹⁾ Ср. Friedberg, I. c. 155.

²⁾ Ср. Prokisch, II, 156—159.

³⁾ Тамъ же, II, 146.

ловъ, конечностяхъ и половыхъ частяхъ, съ выдѣленіемъ ичора и образованіемъ струпе-евъ и подъ ними язвъ, либо въ видѣ широкихъ мѣднокрасныхъ пятенъ, переходившихъ по среднѣ въ нагноеніе. „Изъ язвъ поднималась кора, придававшая больнымъ отвратительный видъ, или развивались малиннообразные или похожіе на туювны ягоды наросты, которые распадались и производили глубокія, доходящія до костей разрушенія“. По словамъ Гезера, „болѣзнь тянулась года, иногда же жалчивалась самопроизвольно; заразительность была очевидна, но меньше всего—путемъ совокупленія“¹⁾. *Sigmund*, посѣтившій часть упомянутыхъ странъ, говорить, что болѣзнь тамъ принималась заносу сифилиса чужими, послѣ чего послѣдовало быстрое распространеніе болѣзненныхъ формъ, чаще всего въ видѣ сыпей и язвъ; но впоследствии популярными именами тѣхъ сифилитидовъ стали обозначать также всѣ формы золотухи, дингу, элизему, *ringigo*, чесотку, *favus*, ракъ и даже мѣшчатныя опухоли. *Prokseh*, поэтому, полагаетъ, что нѣчто подобное имѣло мѣсто и въ концѣ 15 вѣка, а именно, что мало или же вовсе не извѣстный до того времени сифилисъ, который и раньше уже смѣшивался съ самыми различными силами и конституціональными болѣзнями, впоследствии, когда его узнали ближе, стали находить вездѣ, и даже тамъ, гдѣ имѣли дѣло съ совершенно другими болѣзнями, представлявшими только кажущееся съ нимъ сходство²⁾.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь любознательную гипотезу о причинѣ эпидемическаго распространенія сифилиса въ концѣ 15 в., предлагаемую *v. Oefele* (въ вышеприведенномъ письменномъ сообщеніи)³⁾. Онъ именно полагаетъ, что сифилисъ также старъ, какъ человѣческій родъ, но въ концѣ 15 в. принялъ такіе небывалые размѣры вследствие скрещиванія американскаго и европейскаго яда, давашаго въ результатъ повышенную заразительность и ожесточеніе припадковъ. Эта нелишенная остроумія гипотеза, но смахивающая нѣсколько на теорію Парацельса о происхожденіи сифилиса отъ самбиса женщины и лерга мужчины (см. выше), идетъ, сверхъ того, въ разрѣзъ съ установленнымъ нынѣ въ наукѣ взглядомъ на иммунитетъ однажды уже зараженныхъ сифилисомъ.

Начало эпидеміи. Мнѣніе, что началомъ эпидеміи сифилиса слѣдуетъ считать 1495 годъ, совпадающій съ итальянскимъ походомъ арміи Карла VIII, т. е. съ возвращеніемъ входившихъ въ ея составъ испанцевъ, французовъ, швейцарцевъ, нѣмцевъ и пр. на родину, *Hirsch* справедливо считаетъ ошибочнымъ и полагаетъ, что начало эпидеміи слѣдуетъ отнести къ 1492 и 1493 гг., когда болѣзнь приняла эпидемическій характеръ на югѣ и, быть можетъ, и на сѣверѣ Европы. Такъ *Fulgosi*⁴⁾ сообщаетъ, что сифилисъ въ 1492 г. перенесенъ изъ Эѳіопіи въ Испанію и оттуда въ Италію, въ формѣ „*pestis*“, а *Torella*⁵⁾ говорить, что болѣзнь господствовала въ 1493 г. во Франціи (*Auvergne*) а оттуда перешла въ Испанію и на острова, затѣмъ въ Италію и наконецъ распространилась по всей Европѣ. Съ другой стороны, *Senaroga* сообщаетъ весьма важное свѣдѣніе

¹⁾ Гезеръ, Исторія повальныхъ болѣзней, I, 230.

²⁾ *Prokseh*, II, 147.

³⁾ Въ настоящее время, какъ видно изъ того же сообщенія, д-ръ *v. Oefele* готовитъ обстоятельную статью объ этомъ предметѣ для первыхъ №№ возобновляемаго *Janus'a*.

⁴⁾ *Fulgosi*, De dictis factisque memorabil. lib. I, cap. 4, Paris, 1578, 18.

⁵⁾ *Torella y Luisinus*, 493 C.

о появленіи новой болѣзни за 2 года до похода Карла VIII въ Италію („quod coeptum est vagari duobus annis priusquam Carolus in Italia veniret“), каковая болѣзнь сначала свирѣпствовала въ Испаніи и Португаліи и затѣмъ перешла въ Италію, причѣмъ на всемъ тѣлѣ обнаруживались язвы, похожія на проказу, съ болями, но безъ лихорадки¹⁾. Кромя того, изъ письма Scyllati²⁾ видно, что по прибытіи его въ началѣ 1494 г. въ Барселону сифилисъ тамъ былъ уже повсемѣстно распространенъ и отъ мѣстныхъ врачей онъ слышалъ, что болѣзнь занесена сюда изъ сосѣдней французской провинціи Нарбонны, а изъ приведеннаго Astruc'омъ³⁾ медицинскаго эдикта отъ 6 марта 1496 г. въ Парижѣ, явствуетъ, что въ 1494 году болѣзнь была уже въ полномъ разгарѣ, какъ въ Парижѣ, такъ и во всей Франціи. Въ Италіи дѣйствительно слѣдуетъ считать началомъ эпидеміи—походъ Карла VIII въ 1495 г. въ Неаполь, по взятіи котораго разноплеменные солдаты его арміи разнесли сѣмена сифилитической заразы по всей Европѣ (Leoniceus⁴⁾, Sanchez⁵⁾ и Cataneus⁶⁾). Что касается вопроса о томъ, была ли болѣзнь въ самомъ дѣлѣ занесена сюда изъ Испаніи или эпидемія здѣсь развилась подъ вліяніемъ условій военнаго времени, то этотъ вопросъ остается открытымъ.

Другіе авторы полагаютъ начало эпидеміи еще раньше. Такъ Widmann относитъ его къ 1457 г. а Alkassar—къ 1437 г., во время войны между Іоанномъ Анжуйскимъ и Альфонсомъ Неаполитанскимъ (см. выше. стр. 549).

Возвращаясь къ вопросу о распространеніи сифилиса изъ Неаполя по всей Европѣ, отмѣтимъ, что, согласно Hirsch'у, съ вышесказаннымъ вполне согласуются изслѣдованія Meyer-Ahrens'a⁷⁾, по которымъ сифилисъ сначала былъ перенесенъ въ 1495 г. въ Швейцарію и оттуда, по единодушнымъ отзывамъ современниковъ (Grünpeck, Schellig, Ulse-

¹⁾ Bartholomaei Senaregae, Genuensis, de rebus Genuensibus commentaria ab anno 1488 usque ad 1514, въ Muratori, Rerum Italicarum Scriptores, Mediolani, 1728, F. 24, p. 548 Cp. Friedberg, l. c. 115, 116.

²⁾ N. Scyllatius, Siculus, ex Opusculis, y Thiene, Sulla storia d'mali venerei lettere. Sulla opinione commune della origine americana della lue venerea. Venez. 1836, p. 45. Cp. Friedberg, l. c. 116. Это письмо къ Ambrosius Rosatus отъ 18 іюня 1494 г.

³⁾ Astruc, l. c., I, 709.

⁴⁾ Leoniceus y Luisin. 17 B.: „malum gallicum vocat quasi ejus contagio a Gallis in Italiam importato, aut eodem tempore et morbo ipso et Gallorum armis Italia infestata“.

⁵⁾ Sanchez, l. c., 3.

⁶⁾ Cataneus y Luis. 189: „Anno Virginei partus. 1494, invadente Carolo Octavo, Francorum rege, regnum „Parthenopaeum“... exortus est in Italia monstruosus morbus“.

⁷⁾ Meyer-Ahrens, Geschichtliche Notizen über das erste Auftreten der Lues-senche in der Schweiz, Zürich, 1841.

nus, Sebald Clamosus изъ Нюрнберга, хроникеры прирейнскихъ провинцій, Магдебурга и Франконіи, Naucleus изъ Вюртемберга), въ теченіе 1495—97 гг. распространился по всей Германіи ¹⁾. Однако, согласно Friedberg'у, Raunaldus ясно говоритъ, что въ то время какъ болѣзнь свирѣпствовала въ Италіи, она уже давно существовала въ Германіи вслѣдствіе разврата среди „scortatores“ и „blasphemi in ganeis et lupanaribus lascivientium“ ²⁾. Точно также въ Саксоніи ³⁾ сифилисъ часто встрѣчался уже въ 1493 г. и эпидемическій характеръ получилъ въ 1495—96 г., а въ Даніи—даже въ 1483 году („morbus gallicus s e v i t super christianos“) ⁴⁾.

Въ Англіи этой болѣзью (great-рox) заболѣлъ Генрихъ VII въ 1494 г ⁵⁾. Въ Шотландіи эпидемія сифилиса была въ 1497 г. Кроме того, сифилисъ уже въ 1496 г. сталъ извѣстенъ въ Богеміи, Польшѣ, Греціи и Нидермандахъ и въ концѣ 15 вѣка распространился по всей Европѣ и даже въ Африкѣ (Leo Africanus) ⁶⁾.

Въ Россію сифилисъ проникъ вѣроятно черезъ Польшу.

Въ Польшу, по словамъ Стрыйковскаго ⁷⁾, въ 1498 г. одна женщина привезла изъ Рима въ Краковъ болѣзнь „французскую“, которая постигла многихъ, въ томъ числѣ и кардинала Фридерика, „а затѣмъ (1495—96 гг.) занесли ее изъ Венгріи военные люди“. Слухъ объ этомъ дошелъ до Москвы и великій князь Иванъ III, послыавъ въ 1499 г. въ Литву боярскаго сына Ив. Мамонова, поручилъ ему: „будучи въ Вязьмѣ, развѣдать, не прибавлялъ ли кто изъ Смоленска съ болѣзью, въ которой тѣло покрывается бѣлыми чумами и которая называется французскою („а слыветъ французска, а будто въ вниѣ ее привезли“) ⁸⁾, да и въ Смоленскѣ о томъ писать и отписать великому князю; да и въ Вильнѣ о томъ писать, есть ли еще та болѣзнь или нѣтъ“ ⁹⁾. Затѣмъ о ней упоминаетъ уже лейбъ-медикъ царя Алексія Михайловича (написавшій сочиненіе о Россіи 1659—67), Коллинсъ, который, говоря, что вся Польша заражена ею, прибавляетъ, что русскіе, завоевавъ Вильну (1655) и многіе другіе города и области изъ Польши, „взяли въ плѣнъ и госпожу lues Venerea и вѣроятно провадѣють ея долѣе, нежели городами“. Прежде этой войны она здѣсь вовсе не была извѣстна (глава XIX). Рихтеръ же склоненъ думать, что здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать войну Ивана III, съ Литвою (I, 253—255). Во всякомъ случаѣ, если венерическая болѣзнь такъ укоренилась въ Польшѣ, то едва ли она не перешла бы въ Россію при частыхъ сношеніяхъ и войнахъ, какія имѣла Россія съ Литвой и Польшей, начиная отъ Ивана III, въ особенности, при Иванѣ Грозномъ и въ смутное время, когда поляки господствовали въ Москвѣ, даже при Михаилѣ

¹⁾ Ср. Hirsch, l. c. 343. ²⁾ Friedberg l. c. 107.

³⁾ Dreuhaupt, Beschreibung des Saalkreises, Halle, 1751, II, 768.

⁴⁾ Petrus Olaus, Annales Danicae, въ Scriptores rerum Danicarum Langebeck'a, Hafniae, 1772, I, 195. Ср. Friedberg, l. c. 96.

⁵⁾ Сообщенное Owen'омъ въ London Med. et phys. G. 1799 (Octobr) писмо французскаго врача Tiler съ наставленіемъ о леченіи болѣзни англійскаго короля.

⁶⁾ Leo Africanus, у Grunera, Aphrodisiacus, 125. Ср. Hirsch, l. c.

⁷⁾ Стрыйковскій, Польская и Литовская хроника, кн. XXI, гл. I.

⁸⁾ Что напоминаетъ вышеприведенную басню объ отравленіи вина неаискаго города Soma (см. выше, стр. 528).

⁹⁾ Карамзинъ, VI, прим. 617.

Федоровичъ и Алексѣй Михайловичъ¹⁾. Къ сказанному неслѣдуетъ прибавить, что Фракастаго²⁾, сообщая свѣдѣнія о распространеніи эпидеміи сифилиса съ 1494 по 1516 въ различныхъ странахъ, говоритъ, что болѣзнь, между прочимъ, появилась и въ Скандинавіи, подъ которой врядъ ли можно подразумѣвать какую нибудь другую страну, кромѣ Россіи³⁾.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что сифилисъ существовалъ во всей Европѣ до 1495 г., начиная же съ этого и въ слѣдующіе годы число заболѣваній приняло ужасающіе размѣры, не щадя ни пола, ни возраста:

„Non puer tutus teneris in annis
Quem suae lactat genetricis uber,
Non senex, sed nec viridis juvenis
Effugit illam“⁴⁾.

Одни поназываютъ (Sabellicus)⁴⁾, что сифилисомъ въ то время заболѣла $\frac{1}{10}$ часть человѣческаго рода, по другимъ же (Cataneus)⁵⁾— даже больше половины населенія („...plusquam dimidium mortalium hoc novum morbo correptos vexavit, laceravit, mundumque perterruit“), что, разумѣется, слѣдуетъ считать уже слишкомъ безперомоннымъ преувеличеніемъ.

По уменьшеніи эпидеміи въ третьемъ десятилѣтіи 16 в. симптомы болѣзни ослабли до того, что многіе перестали бояться зараженія и надѣялись даже на совершенное исчезновеніе сифилиса, какъ сообщаетъ Fernell, который, понятно, этого взгляда не раздѣлялъ, а полагалъ, что сифилисъ будетъ такъ же безсмертенъ и существовать столько же, какъ и человѣческій родъ („fore humano generi comitem et immortalem crediderim“⁶⁾).

Сущность и мѣстопробываніе болѣзненнаго процесса современники эпидеміи, опираясь на теорію Гадена объ anabrosis, главнымъ образомъ полагали въ пораженіи печени, вызванномъ воспринятою при венерическомъ зараженіи болѣзнетворной матеріей, которую называли: „qualitas mala, veneposa, occulta“⁷⁾ и которая черезъ мелкія и болѣе крупныя вены проникаетъ въ печень. Заболѣваніе послѣдней (putredo), согласно этой теоріи,

¹⁾ Сообщеніемъ этихъ данныхъ мы обязаны многоуважаемой Редакціи, за что считаемъ долгомъ принести ей здѣсь нашу искреннюю признательность.

²⁾ „...„Constat aut eodem tempore, aut fere eodem et in Hispania, et Gallia, et Italia, et Germania, et tota fere Scythia visam fuisse“. Hieronymi Fracastori De Contagionibus et contagiosis morbis eorumque curatione, l. III, p. 167, Paris, 1898.

³⁾ Conrad Reitter, Mortilogi. Cp. Friedberg, l. c. 118.

⁴⁾ Sabellicus y Gruner's, Aphrodisiacus, Jena, 1789, p. 116.

⁵⁾ Catanei de Lacumarcino, Genuensis, de morbo Gallico Tractatus, cap. 3, у Luis. p. 140.

⁶⁾ Fernelli *Universa medicina*, Francof, 1592. Luis Venereae origo, с. 2. Cp. Friedberg, l. c. и p. 119.

⁷⁾ Ротъ и наружныя половыя органы, вслѣдствіе своей естественной влажности и губчататаго строенія считались особенно воспримчивыми къ этой матеріи.

вызываетъ измѣненіе влагъ, каковыя изъ печени уносятся въ различныя части тѣла, но, не будучи ими усвоены, такъ какъ представляютъ болѣзненное питательное вещество, отлагаются въ тѣлѣ и вызываютъ въ различныхъ его частяхъ тѣ или другіе мѣстныя сифилитическія измѣненія, смотря по тому, какая изъ кардинальных влагъ измѣнена. Большинство приписывало болѣзнь портѣ желтой или черной желчи, другіе—гниенію слизи, еще другіе—портѣ крови (Seitz). Были также и электики, принимавшіе порчу всѣхъ кардинальных влагъ съ преобладающимъ измѣненіемъ одной изъ нихъ, чѣмъ и объяснялись различныя формы сыпей.

Этого взгляда придерживались между прочимъ Vella¹⁾, Montanus²⁾ и Steber³⁾. Cataneo полагалъ мѣстопребываніе болѣзни, кромѣ печени, еще въ мозгу, Ulsenius—въ селезенкѣ и т. д. Противъ теоріи происхожденія сифилиса отъ putredo печени возстали Torella и Парацельсъ, а по окончаніи эпидеміи—Leonardus Botallus⁴⁾ и Propper Borgarutius⁵⁾; причѣмъ оба они опираются на вскрытія. Противъ происхожденія сифилитическихъ пораженій отъ измѣненія различныхъ кардинальных влагъ выступилъ также Falloppia, признававшій единство болѣзненного процесса, лежащаго въ основѣ этого пораженія, хотя съ другой стороны, онъ все еще считалъ печень очагомъ болѣзни⁶⁾.

Болѣе правильныя и ясныя понятія о дѣйствіи сифилитическаго яда имѣлъ Fernel. Изъ его сочиненія „*Medendi ratio*“, кн. VI, гл. 20, видно, что онъ признавалъ заболѣваніе тканей вслѣдствіе поступленія яда въ кровь („et carne et partes omnes solidas pervagetur“), далѣе, что онъ признавалъ прививку или воспринятіе сифилитическаго яда мѣстомъ, обнаженнымъ отъ кожицы („in alterius corporis partem epidermide nudatam“)⁷⁾, а также наследственность („ex parentium contagione“), наконецъ и иммунитетъ, приобретаемый одержимымъ сифилисомъ противъ вторичнаго заболѣванія („a simili vero aut a minus impuro nunquam [inquinatus]“). Приведенныя здѣсь положенія Fernel'я какъ о прониканіи сифилитическаго яда черезъ обнаженное отъ кожицы мѣсто въ кровь и черезъ нее въ ткани, о передачѣ его

¹⁾ Georgii Vellae, Brixienensis physici, de Morbo Gallico opusculum, с. 8 (Luis. 209 B).

²⁾ I. Baptistae Montani, Veronensis, de morbo Gallico (Luis. 554—555).

³⁾ Steber, Viennens., A. Mala Frauzos, morbo Gallorum, praeservatio et cura, Fuchs'a, l. c. 99.

⁴⁾ Botalli, Astensis, medici regii, Luis Venereae curandae ratio (Luis II, 865).

⁵⁾ Borgarutii, medici et philosophi, de morbo Gallico Methodus, с. 5. (Luis, II, 1127).

⁶⁾ Gabrielis Falloppii de morbo Gallico tractatus, сс. 13 и 19 у Luis. II, 770 774. Ср. Friedberg, l. c. 130—134.

⁷⁾ Въ другомъ мѣстѣ, въ діалогѣ „de abditis rerum causis“ (l. II, с. 14), онъ выражается въ томъ же смыслѣ: „Illius tamen veneni, quia vis est hebetior, nonnisi in aper-tam nudamque partem invadit“.

кровью и выдѣленіями, о наслѣдственности и иммунитетѣ, всѣ эти моменты и понинѣ представляютъ характерныя особенности сифилиса, какъ дискразіи, въ отличіе отъ мѣстныхъ венерическихъ болѣзней, триппера и шанкра¹⁾.

Пути зараженія. Изъ всего предыдущаго изложенія вытекаетъ, не смотря на возраженія Simon'a и другихъ, что въ древности обыкновенный путь зараженія былъ извѣстенъ по крайней мѣрѣ неврачамъ, а въ средніе вѣка и врачамъ. Умалчиваніе объ этомъ болѣе старинныхъ сифилитологовъ, какъ и древнихъ врачей, произошло только отъ того, что они считали это общезвѣстнымъ. Schellig весьма ясно говоритъ о зараженіи черезъ непосредственное или посредственное прикосновеніе, другіе—о летучести яда. Незнаніе будто бы современниками эпидеміи обыкновеннаго пути зараженія опровергается уже за 3 года до 1500 предложенными Торелло и мѣрами для международнаго упорядоченія и наблюденія за проституціей, а также хорошо извѣстными Widmann'у, Cataneo и Vella (и раньше ихъ и средневѣковыми врачамъ) фактами зараженія отъ сообщенія съ здоровой женщиной, передъ тѣмъ имѣвшей половое сообщеніе съ заболѣвшимъ мужчиной. Изъ способовъ посредственнаго зараженія взаимное зараженіе кормилицъ и младенцевъ и чрезъ поцѣлуи было извѣстно Альменару, зараженіе черезъ задній проходъ у педерастовъ—Брассаволѣ; о наслѣдственной передачѣ сифилиса говорятъ Beniveni (1500), Emser (1511), Парацельсъ и Renner (1554). Послѣднимъ, какъ и раньше ихъ Seitz'у (1509), было извѣстно зараженіе черезъ хирургическіе инструменты, другимъ—черезъ платье, постель, посуду, бѣлье (Massa)²⁾.

Явленія болѣзни. При первомъ появленіи „эпидеміи“ сифилиса и во все время существованія этой эпидеміи (1495—1530) болѣзнь представляла нѣкоторыя особенности какъ въ формахъ своего проявленія, такъ и въ способахъ распространенія.

Болѣзнь начиналась либо мѣстными, либо общими явленіями. Къ общимъ явленіямъ относятся: общее недомоганіе, тяжесть и боли въ головѣ и членахъ, обильные поты³⁾, по однимъ съ лихорадочными движеніями (Scillaticus), по другимъ безъ лихорадки или съ весьма слабо выраженной лихорадкой⁴⁾. Сколько времени продолжался этотъ инкубационный

¹⁾ Ср. Friedberg, l. c. 141—144.

²⁾ Ср. Proksch, II, 159—161.

³⁾ Schellig у Fuchs'a, Die ältesten Schriftsteller über die Lustseuche in Deutschland etc. Göttingen, 1841. p. 74. Widmann у Fuchs'a, l. c. p. 99. Fracastoro у Luisinus, *Aphrodisiacus*, p. 199.

⁴⁾ „Morbus absque febre paene semper invadit“. Tanus, De Saphati у Gruner'a, *Scriptores*, 22. „In hoc morbo rara est febris et si sequatur, est propter aliam causam“. Pinctor у Gruner'a, *Aphrodisiacus*, p. 89.

періодъ, неизвѣстно. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ Hirsch, отнюдь не недѣли и мѣсяцы, какъ это утверждаетъ Fracastoro“¹⁾. На самомъ дѣлѣ, однако, необходимо признать весьма достовернымъ показаніе Fracastoro, какъ вполне справедливо замѣчаетъ Friedberg (l. c. 122).

во 1) потому, что болѣе продолжительный періодъ инкубаціи констатировали и другіе наблюдатели, напр. Cataneus („in aliquibus vero occultatur ad menses et tripos“), во 2) въ пользу скривнаго въ началѣ теченія сифлиса говорятъ и новѣйшія наблюденія. Правда, возможно, что подъ вліяніемъ господствующаго *genius epidemicus* изъязвленная наука и другіе смитомы полагались раньше обыкновеннаго и скорѣе вслѣдъ за зараженіемъ (подобно тому, какъ и нынѣ случается, что сифилисъ обнаруживается уже черезъ 2 недѣли послѣ зараженія), но это не исключаетъ возможности инкубационнаго періода въ нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ. Поэтому мы должны вполне вѣрить Fracastoro, когда онъ говоритъ: „Sed neque statim manifestabatur, verum certo tempore delitescibat, interdum quidem per mensem, interdum per duos, saepe et per quatuor menses“²⁾.

Особенный интересъ, вслѣдствіе точнаго указанія времени инкубаціи, представляетъ случай, сообщенный итальянскимъ историкомъ Alfonso Corradi:

Tommaso di Silvestro, canonicus di S. Maria di Orvieto, братъ врача, замѣтилъ 27 апрѣля 1498 г. жѣсткія явленія на penis; 8 июля того же года — струповидную сыпь, сначала на головѣ, послѣ чего наступили жестокія головныя боли и другія вторичныя явленія „mal francese“. Его пользовалъ монахъ кровопусканіями, слабительными и ртутными втираніями, вызвавшими слюнотечение и stomatitis, пролѣжавшіяся дольше, нежели самая болѣзнь³⁾.

Къ мѣстнымъ явленіямъ относится заболѣваніе половыхъ частей, состоявшее въ появленіи пустулы или пузырька, съ быстрымъ переходомъ въ изъязвленіе⁴⁾, и если нѣкоторые изъ первыхъ наблюдателей не упоминаютъ о нихъ, то лишь оттого, что они ускользали отъ ихъ вниманія, либо считались ими несущественными. Что касается формы этого заболѣванія половыхъ частей, то изъ различныхъ ихъ названій (*pustula, fornicata, caroli* и т. д.) видно, что первые наблюдатели смѣшивали первичныя и вторичныя явленія. Вѣроятно же всего, болѣзнь первоначально обнаруживалась въ формѣ такъ называемой „*vesicula crystallina*“⁵⁾ и затѣмъ въ видѣ широкаго кондилома. Теченіе перваго мѣстнаго страданія было обыкновенное: изъ гнойничка развивалась язва, которая часто, вѣроятно вслѣдствіе

¹⁾ Hirsch, l. c., I, 337.

²⁾ Alfonso Corradi, Nuovi documenti, Milano, 1884. Ср. Proksch, II, 154.

³⁾ Fracastoro. De contagionibus etc., y Luisinus 199; изд. Paris, 1893, p. 157.

⁴⁾ Marcellus Cumanus, y Hensler'a, Gesch. der Lustseuche in Deutschland, Göttingen 1843 p. 11. Leonicensus y Luisinusa 25, D. Hock, Luisinus, 312 E. „Ulcuscula quaedam circa pudenda oriebantur“. Fracastoro, Luisinus, 199 C. „Cum virga ulceratur, jam venenum ipse membro virili affixum est timendumque ne per totum diffundatur corpus“. Cataneus, y Luisin. 148 D.

⁵⁾ Marcellus Cumanus y Hensler'a, l. c. 11; de Vigo y Luisinus 449 B.

неумѣстнаго леченія, принимала фagedенитескій или серпигинозный характеръ. Болѣе скудны сообщенія о первичномъ появленіи кондиломовъ на половыхъ частяхъ и около задняго прохода („*crustae*“ „*rhagades ani*“—*Marcellus Cumanus* ¹⁾); „*nonnullos vidi habentes has pustulas induratas, ut sunt verrucae, clavi et porri*“—*Maunardus* ²⁾). Точно также мало сообщается о бубонахъ ³⁾.

Спустя нѣсколько дней или недѣль послѣ появленія первичныхъ явленій обнаруживались, за рѣдкими исключеніями, вторичныя и третичныя припадки, а именно, прежде всего распространенная по всему тѣлу сыпь, которая сначала выступала на лицѣ и головѣ, а отсюда распространялась на остальную часть тѣла. Иногда же сыпь ограничивалась только извѣстными мѣстами, но всегда при ея появленіи боли въ головѣ и членахъ усиливались и изрѣдка сопровождалась лихорадкой. Нѣсколько позднѣе наступали пораженія костей. Это необычайно быстрое слѣдованіе вторичныхъ и третичныхъ припадковъ за первичными явленіями и составляетъ, по мнѣнію *Hirsch'a*, характерную особенность эпидеміи сифилиса въ концѣ 15 и въ началѣ 16 вѣка. Что касается сыпи, то она появлялась въ видѣ *pustulae*, *verrucae*, *arostemata*, *squamae* и т. д., отличавшихся особенной склонностью къ изъязвленію и затѣмъ къ образованію чешуекъ, причежъ тамъ и сямъ встрѣчались также и кондиломатозныя формы.

„*Omne genus insuper scabiei, velut est malum mortuum et asaphati, imo quasi lepram vidimus cum huiusmodi morbo generari, phlegma salsum praeterea in manibus et pedibus tinea et albas, impetigo, serpigo, gutta rosacea etiam in isto morbo frequenter appaerunt*“ (*De Vigo*) ⁴⁾.

„*Deinde exulcerantur (pustulae) ulceribus crustosis et aliquando verrucosis*“, также „*pustulae, quae habent squamas siccas*“ ⁵⁾.

Grünpeck ⁶⁾ говоритъ о толстыхъ коркахъ, покрывавшихъ кожу.

Описываемыя большинствомъ старинныхъ авторовъ *pustulae* различались ими, смотря по преобладанію одной изъ кардинальныхъ влагъ, красныя, плотныя, съ обильнымъ нагноеніемъ и медленнымъ высыпаніемъ (при преобладаніи крови), или желто-красныя, сухія, болѣзненныя, быстро высыпавшія (отъ желтой желчи), черныя, шороховатныя, крупныя, болѣзненныя, съ склонностью къ увеличенію въ объемъ (отъ черной желчи), наконецъ блѣдныя или бѣлаго цвѣта, мелкія, безболѣзненныя, многочисленныя и мягкія (отъ слизи). Такъ почти единогласно описываютъ сыпь *Widmann*, *Steber* и *Grünpeck* ⁷⁾ Но самое лучшее описаніе *Beniveni*:

„*Incipiebant enim pustulae generis diversae in genitalibus membris, licet interdum, sed raro, in capite, et inde per totum corpus diffunderentur; aliis quidem planae minimaeque exstantes, sed scabrae tamen in superficie, et colore subalbidae, a quibus squamae resolvebantur et caro sub his corrosa apparebat. Aliis varis similes, figura rotundae et ab his item squa-*

¹⁾ у *Hensler'a* l. c. 14 ²⁾ у *Luisinus'a* 392. D.

³⁾ „*Ego infinitos bubones causatos ex pustulis virgae. curavi*“ *Marcellus Cumanus* у *Hensler'a* l. c. 12. Ср. *Hirsch*, l. c. 388.

⁴⁾ *De Vigo*, у *Luisinus*. 450 B. ⁵⁾ *Widmann*, у *Fuchs'a* l. c. 97.

⁶⁾ у *Fuchs'a* l. c. 55. ⁷⁾ Ср. *Proksch*, II, 164 и слѣд.

mis levioribus resolutis prominebat caro rubicundior, ex qua virulentia foetens et gravioris odoris profluēbat. Nonnulli vero latioribus corripiebantur pustulis, sed quae supra cutem non intumescerent, crassiores squamas habentes, ex quibus etiam virulentia copiosior emanabat et amotis squamis caro apparebat obscurior, ac sublivens, quae inulcerata roderetur. Quartum genus erat, quod subalbidis squamis amotis cicatrici simile remaneret, a quo profluens interdum sanguis difficultatem sanationis ostenderet et similitudine siccam scabiem representaret, caeteris omnino deterius, et licet minus eroderet, serpendo tamen variis et insensatis insidebat¹⁾.

Другіе врачи, кромѣ пустулъ, приводятъ еще vesiculae (Marcellus Cumanus), bullae, papellae, mentagra и lichen (Uisenius), verrucae (Grünbeck и Schellig), оспины, язвы и бородавки (Montesaurio), наконецъ nodi и gummata (Almenar). Интересно, что нѣкто изъ старинныхъ врачей не упоминаетъ о maculae или roseolae и впервые изъ врачей о нихъ говорятъ только Ferrerius (Ferrer) въ 1553 г. Papulae въ первый разъ приводитъ Eoban Wockendorf, профессоръ въ Эрфуртѣ (въ 1514 г.). Нѣкоторые описываютъ по арабскому образцу alhumata, formica, sarhati. Прежде всего сынъ, какъ сказано, выступала на головѣ (Beniveni) и большей частью распространялась на все тѣло. Какъ другіа жалобенныя мѣста сифилидовъ названы ладони и подошвы, на которыхъ появлялись callositates и scabrositas (Johannes Benedictus), squamae et fissurae albae et durae (Massa), calli et crustae (Lobera de Avilla въ 1544). Pintor (1500) видѣлъ „pustulae“ только на ладоняхъ²⁾.

Преобладающимъ явленіемъ была склонность къ изъязвленіямъ. Почти всѣ авторы говорятъ объ ужасающихъ размѣрахъ, которые принимали разрушенія кожи и мышцъ, проникавшіа до костей и производившіа обширныя раздѣленія окружающихъ частей и страшныя обезображенія лица, въ особенности лба и носа. Вообще можно принять, что въ концѣ 15 в. встрѣчались почти тѣже сифилиды, которые извѣстны и въ настоящее время, въ томъ числѣ злокачественныя язвы, которыя въ особенности яркими красками изображены неврачами.

О выпаденіи волосъ и заболѣваніи ногтей упоминаютъ только позднѣйшіе авторы, какъ Maza (1532), Rangonus (1537), Grassavola (1553) и Renner (1554).

Къ постояннымъ явленіямъ, какъ сказано, принадлежали сильныя боли, которыя врачи приводили въ связь съ появленіемъ и болѣе или менѣе быстрымъ исчезновеніемъ сыпей, причемъ одни авторы относятъ наступленіе болей ко времени непосредственно передъ высыпаніемъ (Schellig), другіе одновременно съ нимъ (Villalobos), еще другіе послѣ высыпанія (Beniveni). Боли эти обнаруживались въ головѣ, конечностяхъ, костяхъ и сочлененіяхъ, нерѣдко усиливаясь по ночамъ (Seitz³⁾).

Третьимъ очагомъ болѣзни являлась слизистая оболочка рта и зѣва, хотя объ этихъ заболѣваніяхъ говорится только мимоходомъ, какъ „excoriatio oris et pustulae superficiales, alcola (aphtha) maligna et tumor aposthemathosus“ (Widmann). Неясно описаны изъязвленія язычка у Montesaurio и смертельное кровотеченіе изъ зѣва у Benedetti.

¹⁾ Beniveni, у Luisinus'a, 899 С.

²⁾ Ср. Prokysch, I. с. II, 165 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, 167 и слѣд.

Иногда эти язвы причиняли обширныя разрушенія (Cataneus, Maupardus) и при дурномъ леченіи даже смерть:

„Exortae pustulae in gula et ore aegrotos male habebant, ex quo etiam nonnulli, ob incuriam medentis, mortem obibant, aut, quod proximum est, erosio faucibus difficillime sanabantur“¹⁾).

Pintor первый сталъ отличать сифилитическія пораженія рта и зѣва отъ ртутныхъ, но какъ „signa communia et propra“ сифилиса первый сталъ ихъ обозначать Cataneus. Обширныя разрушенія въ полости носа и зѣва въ особенности подробно описываетъ Reppner²⁾.

Пораженія глазъ хотя и упоминаются врачами, но не описаны подробно. Pintor говоритъ о разрушеніи, Benedetti о совершенной потерѣ глазъ. Нѣсколько подробнѣе говоритъ о заболѣваніи глазъ вслѣдствіе сифилиса de Vigo:

„Diversos etiam oculorum morbos ab isto morbo genitos multoties curavimus, praesertim ophthalmiam a materia frigida cum obscuritate visus“³⁾).

Любопытно описаніе художникомъ Benvenuto Cellini перенесенной имъ въ 1532—33 г. глазной болѣзни (въ автобіографіи, переведенной Гете на нѣмецкій языкъ):

„Я почти ничего не видѣлъ и долженъ былъ оставить валятія“.... „Собственно же своей глазной болѣзью я, должно быть, обязанъ красивой дѣвушкѣ [натурщицѣ], которую я имѣлъ у себя. Болѣе 4 мѣсяцевъ [основная] болѣзнь оставалась скрытною, но послѣ того она вдругъ вспыхнула съ особенной силой и притомъ не такъ, какъ обыкновенно, ибо я весь былъ покрытъ красными пузырьками величиной съ полущку. Врачи не хотѣли признать мою болѣзнь тѣмъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, хотя я имъ вскапывалъ причину и мое подозрѣніе“. Изъ дальнѣйшаго видно, что онъ не ошибся.

Fracaastoro говоритъ о разрушеніяхъ глазъ вслѣдствіе наружныхъ язвъ; въ особенности же часто, даже больше, чѣмъ у половины своихъ больныхъ, видѣлъ болѣзни глазъ Grassavola⁴⁾.

О разрушеніяхъ носа какъ о послѣдствіяхъ сифилиса говорятъ

Benedetti, Pintor и въ особенности de Vigo, Fracaastoro и Johannes Benedictus (совершенная потеря носа). Maupardus упоминаетъ о раздѣненіи носовыхъ хрящей. Подробнѣе же всѣхъ внутреннія и наружныя разрушенія носа описываетъ Reppner. Далѣе рѣчь заходитъ о слабости голоса (raucedo vocis), о надъденіи tracheae arteriae (Maupardus), о варивахъ и язвахъ въ легкихъ (онъ же и Pintor), о сифилитической чахоткѣ (von Hutten). Парацельсъ также говоритъ о чахоткѣ легкихъ, но только какъ о послѣдствіи окуриваній кивоварью⁵⁾.

Заболѣванія сердца хотя и допускаютъ Ulsenius, въ своей поэмѣ (1496), и Adolph Ossen von Brichen (1494—1572), городской врачъ въ Аугсбургѣ, причѣмъ первый говоритъ о поблѣдствіи сердца, а второй „о привлеченіи сифилитическаго яда ртутью къ сердцу и другимъ благороднымъ органамъ“, но только Парацельсъ первый замѣчаетъ, что сердце не поражается сифилисомъ⁶⁾.

¹⁾ Beniveni y Luisin. 399 C. Cp. Hirsch, I. c. 340.

²⁾ Cp. Proksch, II, 169—171.

³⁾ De Vigo, y Luisin. 450 C. ⁴⁾ Cp. Proksch, II, 171, 172.

⁵⁾ Тамъ же и 173. ⁶⁾ Тамъ же и 174.

Въ области нервной системы Ulrich v. Hutten обращаетъ вниманіе на „сокращенія“ (contractiones) нервовъ¹⁾, апоплексію и параличъ.

Къ заболѣваніямъ нервной системы слѣдуетъ также отнести упомянутыя выше боля, особенно головы, вѣроятно вслѣдствіе раздраженія мозговыхъ оболочекъ. Сюда же относятся: случай, описанный Massa, излеченный кровопусканиемъ и слабительными, другой—Amatus Lusitanus'a у солдата, излеченнаго слабительными, 40-дневнымъ примѣненіемъ гваяковаго дерева и трепанаціею, и наконецъ случай эпилепсiи, описанный Thierry de Néry¹⁾.

Изъ органовъ брюшной полости Benedetti нашель сумку, покрывающую печень, изъязвленной, а Montanus говоритъ о нарывахъ, изъязвленных, скirrosныхъ и гуматозныхъ пораженіяхъ печени, Ulseuius и Villalobos—о заболѣваніяхъ селезенки, Ulrich v. Hutten—о язвахъ мочевого пузыря, заболѣваніяхъ желудка и водянкѣ, Ragaselsus—о разныхъ страданіяхъ брюшныхъ и тазовыхъ органовъ. Но всѣ эти показанія вѣроятно основаны не на собственныхъ анатомическихъ наблюденіяхъ, а на теоретическихъ воззрѣніяхъ²⁾.

Сифилисъ костей. Во многихъ случаяхъ у больныхъ, уже вмѣстѣ съ сыпью или весьма скоро послѣ ея выступленія, наблюдались пораженія костей, выражавшіяся сначала сильными болями въ костяхъ верхнихъ и нижнихъ конечностей, а также черепа, въ особенности по ночамъ (dolores osteocopi), лишавшими больныхъ сна, часто въ теченіе цѣлыхъ недѣль; въ дальнѣйшемъ же теченіи болѣзни развивались опуханія костей въ видѣ gummata, nodi или tubera, которыя вели къ костоудѣ и къ болѣе или менѣе обширнымъ некротическимъ разрушеніямъ костей³⁾.

Такъ, Torella описываетъ костоуду tibiae, а Grünpreck—„tubera“ на собственной голени, превратившіяся въ язвы и зажившія только спустя 10 мѣсяцевъ, а также „tuberculi in scutum scalis“, превратившіяся въ костныя язвы и продолжавшіяся отъ 2—5 лѣтъ (у него же). Pistor говоритъ о nodositates и aposthemata dura et sicca, Almenar и Massa—о gummata костей и трудности ихъ излеченія, de Vigo—о большей части описанныхъ формъ и впервые—о „ventositas spinae“, Hutten—объ экзостозахъ на собственныхъ плечахъ, ребрахъ и лѣвой tibia. Подробнѣе всего о леченіи этихъ измѣненій распространяется Renner.

Сифилисъ сочлененій описывается въ видѣ болей, особенно по ночамъ, затрудненія движеній, припуханій локтеваго и колѣннаго составовъ (Grünpreck), подагры (Hutten). Aquilanus видѣлъ даже (около 1498) въ составахъ сифилитическихъ труповъ „phlegma“, которой онъ приписываетъ причину болей, тоже говоритъ Massa о гуммахъ, оказавшихся, при вскрытіи одного сифилитическаго трупа въ 1524 г., наполненными бѣловатой тягучей жидкостью.

Мыскулы часто описываются какъ мѣстопробиваніе сильныхъ болей. Hutten имѣлъ опухоль величиной съ яйцо въ „средней мышцѣ“ („in medio musculo“) на лопаткѣ. Maupardus видѣлъ aposthemata sclerotica (gummata) въ мышцахъ конечностей и говоритъ о пролитываніи грудныхъ мышцъ болѣзнетворной матеріей⁴⁾.

¹⁾ Proksch, II, l. c. 175.

²⁾ Тамъ же и слѣд.

³⁾ Ср. Hirsch, l. c. 340.

⁴⁾ Ср. Proksch, II, 176—178.

Теченіе болѣзни было положительно длительное, продолжаясь отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до многихъ мѣ., даже до 10 лѣтъ, каковому хроническому теченію немало содѣйствовали часто повторявшіеся возвраты. Смертность же, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшіе періоды эпидеміи, была сравнительно не велика.

Въ пользу хроническаго и во всякомъ случаѣ не слишкомъ остраго теченія болѣзни даже вначалѣ эпидеміи говорятъ найденныя Сорггати историческіе документы, а именно: 1) сообщеніе флорентинскаго хроникера Раренти о появившейся въ Италіи въ сентябрѣ 1494 г. эпидеміи гогна (scabies) franciosa, съ продолжительностью въ 8—10 мѣсяцевъ до года, и сопровождавшейся жестокими болями, пузырьчатой или оспенной сыпью на всемъ тѣлѣ, зловоніемъ изо рта и т. д. 2) Сообщеніе Chronica Viachina въ Болоньѣ о появившейся здѣсь въ 1496 г. болѣе жестокой эпидеміи сифилиса съ пораженіями зѣва, большенузырчатой сыпью на тѣлѣ и сильными болями въ конечностяхъ, причѣмъ замѣчались разѣденія носа и даже половныя лица, распространеніе черезъ coitus, рѣдкіе исходы въ выздоровленіе и часто—въ смерть¹⁾.

Что касается заразительности, то одни, повторяемъ, считали болѣзнь заразительной уже въ періодѣ первичныхъ ея припадковъ, нѣкоторые допускали летучесть яда, т. е. зараженіе на разстояніи, большинство же, какъ и нынѣ, признавало заразительность вторичныхъ формъ сифилиса и наслѣдственность болѣзни, а также возможность передачи болѣзни какъ per coitum, такъ и внѣполовымъ путемъ, какъ напр. отъ пользованія общими кроватями, платьями, посудой, хирургическими инструментами:

„Haec passio est contagiosa, transiens de homine iu hominem... ideo maxime inficit ejus contacta, quare, sicut vidimus per experientiam, non modo per coitum contrahitur, sed et per vestem infecti, si quis eam sui applicuerit corpori. Et hinc errabit ille bonus magister, dicens hunc morbum solummodo esse contagiosum iu principio, sed cum antiquatur, tunc non esse amplius contagiosum“²⁾.

Терапія сифилиса въ средніе вѣна. *Предохранительная мѣра.* Правильная оцѣнка эпидеміи сифилиса и заразительности его весьма выгодно повліяла на принятіе мѣръ предосторожности и большую заботливость объ общественномъ здоровьи, равно какъ и на улучшеніе нравственности. Эразмъ Роттердамскій проповѣдывалъ разводъ между супругами и даже сожженіе сифилитическихъ супруговъ („...sinerem quidem jungi, sed junctos exurgerem; a mortuis vero nihil est periculi“³⁾!)

¹⁾ Сообщено Puschmann'омъ въ Virchows Jahresbericht, 1884, I, 312. Ср. Prokisch, II, 155, 156.

²⁾ Johannes Benedictus у Luis. 178 A.

³⁾ Erasmi Roterodami Opera, Lugd. Batav. 1733, I, p. 829. (Ср. Friedberg, I. с. 119). Законнымъ поводомъ къ разводу онъ считалъ, если зараженный супругъ скрылъ отъ другого до брака свою болѣзнь; если же оба одержимы сифилисомъ, то могутъ сочетаться бракомъ, но все же лучше сжечь обонхъ, „такъ какъ только мертвые безвредны“. Какъ ни вѣрны въ сущности эти положенія, но какъ дико звучитъ въ наше время такая негуманная проповѣдь хотя бы въ интересахъ нравственности и общественнаго здоровья!

Къ медико-полицейскимъ мѣрамъ относятся постановленіе парижскаго парламента отъ 6 марта 1496 года противъ „grosse vérole“, законъ Нюренбергскій отъ того же года, запрещавшій баньщикамъ допускать сифилитиковъ въ бани и употреблять для другихъ лицъ ножицы и ножи, служившіе для сифилитиковъ, далѣе,—указъ въ Гаёнеза въ Церковной Области о клейменіи сифилитическихъ проституткозъ, приказъ Якова IV въ Англіи отъ 20 сент. 1497 объ удаленіи всѣхъ сифилитиковъ г. Эдинбурга на корабли, до выздоровленія ¹⁾). Наконецъ сюда относится устройство сифилитическихъ больницъ.

Переходя собственно къ леченію сифилиса въ средніе вѣка, необходимо замѣтить, что, вообще говоря, первые врачи, имѣя предъ собою незнакомую имъ болѣзнь, прибѣгали къ различнымъ способамъ, смотря потому, какое сходство они въ ней находили съ проказой, чумой, elephantiasis, чесоткой, золотухой, оспой и т. д.

1) Первое мѣсто между этими способами занимало леченіе ртутью и прежде всего втиранія ртутныхъ мазей, уже нѣсколько столѣтій примѣнявшіяся арабистами съ успѣхомъ противъ „moriones и lepra“, которыя поэтому несомнѣнно были ничто иное какъ сифились. Первоначальный методъ, заимствованный Теодорихомъ изъ *Алмагеста*, онъ описываетъ такъ:

„Et Almagesti contra malum mortuum hanc imponit curam. Purgato corpore, sicut opus; accipe pulverem baccarum lauri, sulphuris aa lib. j, sal. communis libr. β. Pulveriza simul omnia; hoc pulvere patientem in balneo diu frica, fricando solum brachia et tibia, nequaquam tamen ventrem, neque pectinem, neque alias partes corporis. Fac hoc quatuor diebus; quinto die purga ventrem cum competenti cathartico, quod semel aut bis jacet. Septimo die unge ad ignem loca patientia hoc unguento: Rp. Olei lauri, axung. porci vet. aa lib. β; lithargyri, plumbi usti aa unc. IV, tartari unc. β, argenti vivi unc. Vj, et confice sicut scis. Et unge loca semel in die quatuor diebus aut plus, si necesse fuerit. Et si vis ut omnes humores per os emittat, post unctionem mox bene cooperiatur pannis in lecto ut sudet; et humores varii coloris per os effluent; vel ambulet per vicos optime coopertus, ne laedatur a frigore, et fluet de subassellis humor quasi rivulus assidue. Et sic liberabitur, ut certo cognovimus experimento. Et caveat patiens longo tempore a venere et a cibis grossis et convertibilibus, nec lavet tibias in aqua frigida“... „Item ungu. sarracenicum, quod sanat scabiem, cancrum, malum mortuum et phlegma salsum educendo materiam per os; et dicitur etiam curare leprosos in principio; confert etiam arthriticae et podagrae: Rp Nitri salsi, pyretri, plumbi usti, euphorbii aa drjj, pumicis marinae, cameleont. aa dr j β; cerussae, argenti vivi aa unc. jj β; conficiantur cum axungia et oleo. Prius mortificetur argentum vivum cum axung. veteri et cum oleo antiquo, eo bene extincto adde pulverem supra dictum et bene incorpora. Postea fac duos ig-

¹⁾ См. Friedberg, l. c. 150, 151; гдѣ онъ приводитъ эпидемію сифилиса въ Брюннѣ въ 1577 г., описанную Thomas Jordaniusомъ (Luis novaе in Moraviae exortae descriptio. Francofurti, 1580), въ которой въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ было 180 случаевъ заболѣваній сифилисомъ, вслѣдствіе употребленія баньщикомъ однихъ и тѣхъ же инструментовъ для банокъ съ насѣчками.

nes et in medio pone tabulam, in qua locetur patiens, et ungatur a genibus inferius usque ad pedes et supra genua duobus digitis. Simile a cubitis usque ad manus et supra cubitos tribus digitis, et fiat ista unctio bis in die et caveat patiens multum a frigore“¹⁾).

Противъ слишкомъ частаго отплевыванія слюны и харканья, царапанья и боли въ горлѣ дается внутрь медь простой или розовой, а если десна и зубы начинаютъ болѣть, то втиранія прекращаютъ. При этомъ заботятся объ укрѣпленіи больного, о правильномъ опорожненіи кишечнаго канала; мыться можно только 40 дней спустя послѣ леченія и т. д. Какъ видно изъ формулъ, сначала въ составъ мазей входили только незначительныя количества ртути ($1/15$ — $1/30$ и еще меньше).

Мы привели методъ Theodorich'a изъ Servia in extenso, какъ древнѣйшій и какъ прототипъ всѣхъ послѣдующихъ методовъ втираній ртути, представляющихъ собою только различныя его видоизмѣненія. И хотя сначала этотъ методъ примѣнялся частью только хирургами, цирюльниками²⁾ и банщиками, но къ нему вскорѣ примкнули и образованные врачи, какъ Widmann, Gilinus, Aquilanus, Pintor, Almenar и др., изъ коихъ послѣдній внесъ нѣсколько поправокъ въ его примѣненіе, отвергнувъ строгое заточеніе, голоданіе и доведеніе больного до слюнотеченія. Grünpresk и Вросардусъ совѣтовали цѣлесообразныя полосканья. Но противъ этого вскорѣ возсталъ Catapeus, объявившій слюнотеченіе условіемъ рациональнаго леченія, необходимымъ для выдѣленія изъ организма „virus menstruale“. Но въ то время его теорія еще не встрѣтила сочувствія, такъ какъ современные ему врачи не только останавливали слюнотеченіе полосканьями, но даже старалась предупреждать его, назначая полосканья и жевательныя средства уже во время втираній. Защитниками этого метода выступили также Фракасторо, Massa, de Vigo и хирурги Thierry de Héru и Renner, а также Angelo Bolognini (въ 1514 г.). Противъ злоупотребленій непризванными врачевателями, особенно ярко описанныхъ Hutten'омъ, были приняты властями необходимыя мѣры.

Къ дальнѣйшимъ способамъ примѣненія ртути принадлежатъ методическія обмыванія смѣсей сулемовымъ растворомъ, о чемъ сообщаютъ Torella, Hieronymus Brunsehewig (1500)³⁾ и Matthiolus, смазыванія ихъ висточкой, смоченной тѣмъ же ра-

¹⁾ Theodoricus, *Chirurgia*, Venet. 1498, l. III, c. 49 у Hensler'a, *Vom abendländischen Aussatz* p. 88, *Excerpta*, p. 27. Ср. Proksch, l. c., I, 291 и слѣд.

²⁾ Фракасторо рассказываетъ, что у него былъ пріятель цирюльникъ (tonsor), имѣвшій старинную книгу, содержащую главу: „ad scabiem crassam, qua cum doloribus juncturagum accidit“. Полагая, что новая заразная болѣзнь тоже, что и scabies crassa, онъ въ самомъ началѣ эпидеміи вспомнилъ о томъ средствѣ и просилъ врачей разрѣшить ему примѣнять его на больныхъ, но врачи ему это запретили, такъ какъ оно состояло изъ ртути и сѣры, и онъ повиновался. Когда же средство было испытано и оказалось превосходнымъ, онъ былъ внѣ себя оттого, что сталъ примѣнять его слишкомъ поздно и черезъ то потерялъ доходъ, доставшійся другимъ. Отсюда видно, прибавляетъ Фракасторо, что эта болѣзнь наблюдалась уже и въ предыдущіе вѣка („alii etiam aetatibus visum eum morbum fuisse“). Фракасторо, *De contagionibus etc.* l. c. p. 168, 169.

³⁾ См. Исторію средневѣковой медицины, стр. 483.

створомъ (Renner, Togella), окуриванія киноварью (Cataneus, de Vigo), имѣвшимъ однако и противниковъ, обкладыванія ртутными пластырями (de Vigo, Bolognini) съ примѣсью разныхъ веществъ, напр. лягушекъ, дождевыхъ червей и т. п., остававшимися на тѣлѣ до наступленія слюнотеченія.

Внутрь ртуть давали Парацельсъ, Johannes Benedictus, какой препаратъ неизвѣстно. Tugrctum minerale впервые встрѣчается въ „Spital. Buch“ Парацельса.

Красную осадочную ртуть, также мало похожую на нынѣшнюю, какъ другіе тогдашніе ртутные препараты, Matthiolius давалъ внутрь въ пилюлахъ противъ сифилиса (противъ чумы и колики ее раньше назначалъ уже de Vigo), но въ то время она еще не часто примѣнялась. Pilulae Barbagossae (по имени морского разбойника и бея Алжира, Chairredin'a Barbagossa, въ молодости одержимаго сифилисомъ, лечившагося этими пилюлами, составъ которыхъ онъ узналъ отъ врача-еврея и рецептъ послалъ также своему союзнику Франциску I), впоследствии, подъ названіемъ pil. Bellostii, состояли изъ красной ртути, терпентина и ржаной муки. Препаратъ Antoine Lescocq'a (изъ сулемы и пшеничной муки, задѣланныхъ золотомъ, 5—9 пилюль въ день) вызвалъ протестъ со стороны Фаллопиа и Remacius Fuchs'a, такъ какъ онъ причинялъ поносъ, рвоту и слабость¹⁾.

Тотъ фактъ, что уже въ началѣ эпидеміи врачи распались на два лагеря, на меркуриалистовъ и антимеркуриалистовъ, въ свою очередь тоже указываетъ на существованіе сифилиса до появленія первыхъ о немъ сочиненій, такъ какъ первые противники ртути (Leoniseno, называвшій противниковъ „desertores“, Schellig и другіе) должны были признать, что сыпь и боли уступаютъ втираніямъ, слѣдовательно, долженъ былъ существовать долговременный и обширный опытъ у врачей въ этой области терапіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый недугъ. Поводомъ къ этому спору послужило злоупотребленіе ртутью, имѣвшее мѣсто среди врачей высокопоставленныхъ особъ.

Какъ замѣчаетъ Эразмъ Роттердамскій, сифилисъ среди дворянъ былъ такъ распространенъ, что одно время свободный отъ него не считался благороднымъ („ignobilis ac rusticanus habeatur“)²⁾. Vesalius и Fallorria сообщаютъ, что Карлъ V, вслѣдствіе сифилиса, употреблялъ radix chinae. Изъ другихъ коронованныхъ особъ, болѣвшихъ сифилисомъ, извѣстны короли французскіе Лотарь (въ 988), Генрихъ III и Францискъ I (Mezerгау). Изъ папъ сифилисомъ болѣли Александръ VI, у котораго лейбъ-медикъ его Pinctog констатировалъ вредныя послѣдствія отъ ртутныхъ втираній, и Юлій II, врачомъ котораго состоялъ de Vigo. Многіе врачи, очевидно, не безъ причины посвящали свои сочиненія высшему духовенству и папамъ³⁾.

До чего доходило злоупотребленіе ртутью, видно изъ автобіографическихъ замѣтокъ Ulrich von Hutten'a, продолжавшаго 11 курсовъ ртутныхъ втираній втеченіе 8 лѣтъ и сообщающаго, что дѣло доходило до смерти отъ задушенія, вслѣдствіе сильнаго распуханія полости рта и зѣва послѣ неосторожныхъ втираній ртути⁴⁾. О случаяхъ смерти

¹⁾ Ср. Proksch, II, 185—191.

²⁾ Erasmi Roterdami, Opera omnia, Lugd. Batav. 1704. Ср. Friedberg, I. c. 153.

³⁾ Тамъ же, 155—156.

⁴⁾ Ulrich von Hutten, De Guajaci medicina et morbo Gallico liber unus, p. 254.

вслѣдствіе втираній ртути говорить также *Torella*, а именно,—Альфонса Борджиа и его брата ¹⁾.

Нѣкоторые врачи, кромѣ надлежащихъ полосканій, заставляли больныхъ во все время леченія ртутными втираніями держать во рту золотыя трубочки, кольца, монеты и т. п. для удаленія какъ гнилыхъ испареній изъ рта, такъ и самой ртути съ помощью амальгамированія ²⁾. Что касается утвержденія *Naeser's*, что *Gilinus* для устраненія слюнотеченія примѣнялъ раскаленное желѣзо на вѣнечный шовъ, то *Friedberg* находитъ это заявленіе невѣрнымъ, такъ какъ *Gilinus* примѣнялъ раскаленное желѣзо какъ цѣлебное средство противъ самаго сифилиса, но не противъ слюнотеченія ³⁾.

Нерѣдко случались также злоупотребленія окуриваніями киноварью, отъ которыхъ *Joannes Benedictus* наблюдалъ апоплексію и даже смерть. Въ особенности они были вредны тѣмъ, что киноварь содержала нерѣдко весьма значительную примѣсь мышьяка, какъ видно изъ приводимаго *Фаллопией* описанія сулемоваго препарата подъ неправильнымъ названіемъ „*praecipitatum*“, примѣнявшагося врачами внутрь въ такихъ дозахъ, что вызывалъ кровавый поносъ, рвоту и разрывъ вены въ груди (*gumpritur in pectore vena*), другими словами кровохарканье, причѣмъ *Falloppia* прибавляетъ: „*medicina haec pro asinis et rusticis servetur, atque a thalamo viventium hominum excludatur*“. Вслѣдствіе этого еще во время эпидеміи нѣкоторые авторы, какъ *Falloppia*, хотя и допускали происхожденіе *gummata* отъ сифилиса, но вмѣстѣ допускали также происхожденіе ихъ, равно и косточды, отъ ртутныхъ втираній и прибѣгали къ нимъ только въ упорныхъ случаяхъ ⁴⁾.

Еще далѣе пошелъ *Leoni*, который заболѣзаніе внутренностей при сифилисѣ приписывалъ внутреннему или наружному употребленію ртути ⁵⁾.

Неудивительно, поэтому, что многіе отвергли совершенно ртутное леченіе, которое однако безпристрастные наблюдатели брали подъ свою защиту уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ наступленія эпидеміи. Такъ даже *Hutten*, восхваляющій леченіе гваяновымъ деревомъ и отнюдь не поклонникъ ртути, опровергаетъ мнѣніе, что кожныя страданія, водянка, язвы и узлы составляютъ будто бы слѣдствіе не сифилиса, а ртутныхъ втираній ⁶⁾. Точно также *Botallo* обращаетъ вниманіе на то, что воспаленіе и изъязвленія различныхъ частей тѣла, страданія костей, кахектической цвѣтъ лица и т. п. явленія встрѣчаются и у такихъ сифилитиковъ, у которыхъ ртуть никогда не примѣнялась ⁷⁾.

2) Другое средство, *lignum guajacis*, съ успѣхомъ примѣнявшееся американцами противъ кожныхъ болѣзней, особенно при *elephantiasis*, со-

¹⁾ *Torellae, episcopi S. Justae, Alexandri sexti pontificis olim medici, de Pudentagra tractatus etc. Luis. 528 A.*

²⁾ *Joannes de Vigo, l. V, c. 2. De morbo Gallico confirmato, p. 50 и Falloppia, l. c. c. 77, ad corrigenda symptomata supervenientia ex inunctione hydrargyri (Luis. p. 810).*

³⁾ *Gilini, artium et medicinae doctoris, de morbo Gallico opusculum (Luis. I, 346). Cp. Friedberg, l. c. 158.*

⁴⁾ *Gabrielis Falloppii, Mutinensis, de morbo Gallico Tractatus, c. 89, de praecipitato, quod exhibent per os, Luis. 808, c. 115, p. 826, c. 116, p. 827, c. 76, p. 809 Cp. Friedberg, l. c. 159, 160.*

⁵⁾ *Leoni, Lunensis, de Zuccano, de morbo Gallico caput. Ex methodo curandi. Febres Tumoresque praeter naturam excerptum, y Luis. 904 A.*

⁶⁾ *Ulrich v. Hutten, l. c. c. 31, p. 253 (Friedberg, 161).*

⁷⁾ *Botallo, l. c., c. 25, p. 395 (Friedberg, 162).*

гласно Delgado, испытанное его земляками на себѣ, впервые привезено было, по приказу Фердинанда и Изабеллы, въ Испанію въ 1508 (Proksch). По Melsheimer'у¹⁾, однако, впервые о lignum guaiaci упоминается въ отчетѣ натуралиста Gonsalvus Ferrand'a (отъ 1805 г.), посланнаго испанскимъ королемъ въ Америку съ цѣлью изученія этого средства.

Brassavola также говоритъ, что первый привезъ его въ Испанію Гонзалво. Въ Италиі оно стало извѣстнымъ только въ 1517 г. Въ Германіи императоръ Максимилианъ I снарядилъ особую комиссію, которую отправилъ въ Испанію и Португалію изучать дѣйствіе этого дерева, послѣ чего о немъ обнародовали трактаты какъ анонимные писатели, такъ и Nicolaus Poll (1517), проф. и лейбъ-медикъ Карла V, Leonhard Schmaus (1518) и Ulrich von Hutten (1519).

Вначалѣ средство это вызвало всеобщій восторгъ, доходившій до экстаза (отсюда и названія: lignum sanctum, arbor mirabilis, spes hominum, gloria nova mundi etc.). Но уже тогда находились скептики, увѣрявшіе, что такое же дѣйствіе обнаруживаютъ, при той же діетѣ и содержаніи, можжевельное, дубовое или сосновое деревья, а впоследствии открыто выступили противъ гваяковаго дерева Magnus Hundt (1529) и Парацельсъ.

Курсъ леченія гваяковымъ деревомъ продолжался 40 дней, причемъ сначала принимались кровопусканія (не всегда), слабительныя, ванны и во все время леченія—голоданіе и теплое содержаніе въ закрытомъ помѣщеніи. По утрамъ назначали большія количества крѣпкаго декокта въ постели до появленія пота, днемъ болѣе слабый декоктъ, въ постели или внѣ ея, передъ сномъ опять крѣпкій или слабый. Отвары приготовлялись либо въ простой, либо въ минеральной водѣ, либо въ винѣ (Alfonso Ferrgo); кромѣ того изрѣдка гваяковое дерево давалось въ сиропахъ, кашкахъ, порошкахъ, вытяжкахъ и пр.²⁾

3) Хинный корень (Radix Chinae, Smilax China) впервые завезенъ китайскими купцами въ 1535 г. въ Goa, а оттуда португальцами въ Европу, по другимъ его привезъ сюда въ 1529 Vincenz Gilius изъ Тристана.

О хинной коркѣ упоминають въ 1545 г. французскій врачъ Thibault Lesplegni и около того же времени Brassavola въ своемъ „Tractatus de radice Chinae usu“, Amatus Lusitanus, Hieronymus Cardanus и Augerius Ferrgerius.

По Vesal'ю (1546) больной пьетъ по утрамъ въ постели большой стаканъ возможно теплаго декокта и затѣмъ 2 часа потѣеть, послѣ чего, обсушивъ себя, встаетъ и одѣвается тепло. Курсъ продолжался 24 дня, но выходить позволялось и по истеченіи 8 дней, остерегаясь простуды; другія жидкости (даже супъ) запрещались; въ пищу—цыплята, кашлунъ безъ соли, медъ, сладкія блюда³⁾.

4) Sarsaparilla, по Scaliger'у (1540—1509) отъ исп. Sarsa—терпъ и Parilla—имя испанскаго врача, привезена нѣсколько позднѣе, также изъ Америки, гдѣ въ Перу, Мексикѣ, Бразиліи она произрастаетъ въ дикомъ видѣ. Изъ врачей первый упоминаетъ о ней Diaz de Isla (1537), тогда какъ Massa говоритъ о ней только въ 3 изданіи (1563).

¹⁾ Melsheimer, l. c., p. 46.

²⁾ Proksch, 194—197.

³⁾ Тамъ же, 197 и Andr. Vesalus, ad Joachimum Rölants de radice Chinae epistola (Luis 585).

Приготавлился и примѣнялся отваръ сарсапариллы, какъ и предыдущіе препараты, также и *D-tum Zittmanni*, въ составъ коего тогда еще не входила ртуть. Нѣкоторые меркуриалисты давали всѣ эти decoctum и при леченіи ртутью. Примѣненіе другихъ веществъ, какъ полинная трава (*M a s s a*), *tamarix gallica* (*M a t t h i o l u s*), *helleborus* (*M o n t a n u s*, *M a s c h e l l u s*) не нашло подражателей. *A m a t u s L u z i t a n u s* ставитъ буквое дерево и *amila*х не ниже заграничныхъ растительныхъ, тоже говоритъ *B r a s s a v o l a* о можжевеловомъ деревѣ.

5) Изъ животныхъ веществъ о винѣ изъ гадюки *A q u i l a n u s*'а *P i e r a n t o n i o P e r e n o t t i* (1788) сообщаетъ, что и въ его время еще неополитанцы его охотно употребляли. *M o n t a n u s* примѣнялъ зеленыхъ *ящерицъ*, которыя на короткое время были вызваны изъ забвенія въ 18 в., равно какъ и въ нашъ вѣкъ—леченіе мушками (*R e n n e r*)¹⁾.

6) Изъ другихъ способовъ леченія сифилиса о голоданіи упоминаетъ *V i l l a l o b o s* (1498), а *R e m a c l u s F u c h s* утверждаетъ, что у молодыхъ людей одного воздержанія отъ пищи, гимнастики, маленькихъ кровопусканій и легкихъ слабительныхъ достаточно для излеченія сифилиса. Потогонный способъ при *lig. guaiaaci* подалъ поводъ къ предложенію потогонныхъ ваннъ (*Joh. Benedictus*). *M a s s a* увѣряетъ, что повторныя кровопусканія, даже до обморока, могутъ повести къ излеченію. *F e r r i e r* придаетъ болѣе значенія самому процессу втиранія, такъ какъ онъ дѣйствителенъ даже при втираніяхъ маселъ, не содержащихъ ртути; подобно этому раньше его *S c h e l l i g* совѣтовалъ втиранія сложной летучей мази безъ ртути²⁾.

Дальше всѣхъ въ этомъ направленіи шелъ *Joh. P a s c h a l i s*, который видѣлъ излеченіе отъ втираній простыхъ жировъ: „*A d e r e a n a t i n u s*, *v i t l i n u s*, *l e o n i n u s*, *l e o p a r d i n u s*, *s a r g i n u s*, *h i r c i n u s*, *p h a s i a n i n u s*, *t a u r i n u s*, *a n s e r i n u s*, *u r s i n u s*, *g a l l i n a c e u s*, *d i a l t h a e a* et *e i s s i m i l i a*“³⁾. Одни усиленные движенія на вольномъ воздухѣ хвалятъ *V e l l a* и *F r a s a s t o g o*. Наконецъ *S e i t z* (1509) указываетъ на вѣру, а *Левъ Африканскій* (1526) на одну только перемѣну воздуха (слѣд. на дѣлительную силу природы), какъ на средства, достаточныя для излеченія сифилиса. Сюда же относятся чудесныя излеченія у св. *Венно*, которыя хвалятъ *H i e r o n. E m s e r* (1511), увѣряющій, что этимъ способомъ излечивались сифилитики, страдавшіе 4, 7 и 10 лѣтъ, „*sine ulla humana medicina*“, а также хожденіе къ чудодѣйственному источнику *Кремъ* въ Австріи въ 1494 г. Сочиненіе „*Missa de beato Iob contra morbum gallicum*“ появилось только въ 1509 году⁴⁾.

Изъ минеральныхъ источниковъ уже *P i n t o r* хвалитъ теплые вообще и сѣрные въ *Viterbo* въ особенности; *Johann M e c h i n g e r - W i l d m a n n - W i l d b a d* въ *Вюртембергѣ*⁵⁾.

V i c t o r i u s хвалитъ источники въ *Corsena* и *Pisa*, въ особенности же термы *Albano*, содержащія сѣру и поваренную соль, и грязевыя ванны въ *Ortone*. Въ Германіи и Франціи *R e n n e r* восхваляетъ, особенно въ застарѣлыхъ случаяхъ, *Гаштейнъ* и *Plombières*, а *Парацельсъ*, кромѣ этихъ, еще *Пфедферсъ*, *Баденъ*, „*Döplitz*“, *Аахенъ* etc.—противъ

¹⁾ Ср. *P r o k s c h*, II, 197—199.

²⁾ Тамъ же и 200.

³⁾ *P r o k s c h*, I, 99.

⁴⁾ Тамъ же, I, 154 и II, 200, 201.

⁵⁾ *J. M e c h i n g e r*, *Das Büchlin von dem Wildpad im fürstenthumb Wirttemberg, Tübingen*, 1513, гдѣ на f. 2 рѣчь идетъ о сифилисѣ.

отраменія ртутью. Другіе же врачи, какъ Massa, считаютъ всѣякіе источники недѣйствительными и даже способствующими болѣе частымъ возвратамъ ¹⁾

Объ искусственномъ меркуріализмѣ распространяется P i n t o r и v. H u t t e n, о промышленномъ—Парацельсъ. Мѣстное леченіе отдѣльныхъ сифилитическихъ заболѣваній тщательно изложилъ въ особенности R e p e r g ²⁾.

Къ сказанному прибавимъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній о леченіи сифилиса въ эпидемію 1490—1530 г.

Споръ меркуріалистовъ и антимеркуріалистовъ былъ полезенъ тѣмъ, что повелъ къ болѣе тщательному изслѣдованію способа примѣненія ртути и выдвинулъ эклектическій методъ леченія. Какъ тѣ, такъ и другіе часто злоупотребляли кровопусканіями, иногда до обморока, или же повторными, отъ 5—6 унцій крови, какъ это совѣтовалъ Massa (tutior via est media via³⁾). Этими кровопусканіями думали освободить организмъ отъ излишней больной крови (Beniveni⁴⁾, Botallo⁵⁾), въ особенности изъ печени. Лучшіе врачи начинали леченіе слабительными и потомъ уже примѣняли гваяковое дерево или ртуть; эклектики примѣняли и первое въ продолженіе значительнаго времени, и вторую. Антимеркуріалисты примѣняли гваяковое дерево или сарсапариллу, или то или другое вмѣстѣ. Последней однако современные врачи придавали лишь второстепенное значеніе, находя, что послѣ нея чаще наступали возвраты, чѣмъ послѣ гваяковаго дерева, которое они поэтому предпочитали, какъ напр. Massa⁶⁾ и Falloppia, изъ коихъ послѣдній находилъ, что сарсапарилла дѣйствуетъ во всѣ времена года, гваяковое же дерево въ болѣе теплое время. Тѣмъ не менѣе въ упорныхъ случаяхъ онъ употреблялъ смѣсь обоихъ веществъ ⁷⁾.

Далѣе, уже во время эпидеміи научились индивидуализировать каждый данный случай. Это видно изъ того, что еще въ 1497 г. Leonicensus предостерегалъ врачей отъ шаблоннаго леченія всѣхъ случаевъ болѣзни однимъ и тѣмъ же способомъ ⁸⁾, а Remaculus Fuchs (1531) при назначеніи гваяковаго дерева или ртути, при скудной или питательной діетѣ, руководствовался особенностями возраста, пола, мѣстности, времени года, привычекъ, конституціи воздуха, а также идіосинкразіями ⁹⁾. Благодаря этому индивидуализированію стали примѣнять для втираній мази съ большимъ или меньшимъ содержаніемъ ртути или даже ограничивать леченіе ртутью только

¹⁾ Proksch, II, 193. ²⁾ Тамъ же, 202.

³⁾ Massa, Venet philosophi et medici praeclarissimi, de morbo Gallico liber, ad Carolum Borromeum, cardinalem amplissimum, c. VII. (Luis. p. 56 D.).

⁴⁾ Beniveni, Ex libro De abditis morborum causis (Luis. I, 401 A.).

⁵⁾ Botallo, l. c. cap. 26, p. 897—898. ⁶⁾ Massa l. c. c. 10, (Luis p. 82).

⁷⁾ Falloppia, l. c. c. 63, 804 (Luis.), c. 64, 805. ⁸⁾ Leonicensus, l. c. 40.

⁹⁾ Remaculus Fuchs, Lymburgensis, Morbi Hispanici, quem alii Gallicum, alii Neopolitanum appellunt etc. Paris, 1541, у Gruner'a p. 400.

упорными случаями, гдѣ прежде безуспѣшно были испробованы другія средства, какъ это дѣлалъ Falloria, вообще недолюбливавшій ртути ¹⁾.

Что касается діеты, то она по большей части назначалась весьма цѣлесообразная, причемъ врачи, сознавая вредъ отъ чрезмѣрнаго голоданія, ввели способъ умѣренной діеты, отъ котораго нѣкоторые авторы констатировали излеченіе отъ сифилиса, соединяя] этотъ способъ съ примѣненіемъ легкихъ слабительныхъ и умѣренныхъ кровопусканій.

Очевидно, въ общемъ терапевтическіе взгляды 16 в. мало чѣмъ разнятся отъ взглядовъ новѣйшаго времени, развѣ лишь тѣмъ, что средневѣковые врачи руководствовались эмпиріей, въ то время какъ новѣйшіе полагаются только на экспериментъ. Въ особенности важно то, что уже въ то время мѣстныя венерическія болѣзни научились лечить мѣстными средствами и слабительными, а guajacum, sassaparilla и ртутныя втиранія примѣнялись только при конституціональномъ сифилисѣ ²⁾.

Прибавленіе.

Описаніе припадковъ сифилиса въ виденію 1490—1530 г. по Fracastoro.

....„Зараза за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, не пропускала ни одного очага и не распространялась на разстояніи, она не обнаруживалась тотчасъ же, а оставалась скрытной известное время, иногда въ теченіе мѣсяца, часто втеченіе 2 или 4 мѣсяцевъ. Въ это время замѣчались нѣкоторые признаки начавшейся болѣзни: грустное настроеніе больного, истомы во всемъ тѣлѣ, блѣдность лица. Наконецъ, что случалось чаще всего, на половыхъ частяхъ появлялись маленькія язвы (ulcuscula), весьма похожія на тѣ, которыя происходятъ отъ сильнаго „утомленія“ (fatigatio, вѣроятно отъ продолжительнаго coitus) и носятъ названіе caries, но различающіяся отъ послѣдней свойствомъ не поддаваться леченію, такъ что, заживъ въ одномъ мѣстѣ, онѣ появлялись въ другомъ и держались съ необыкновеннымъ упорствомъ. Затѣмъ на кожѣ высыпали пустулы, покрытыя корками, у однихъ сначала на волосистой кожѣ, у иныхъ на другихъ мѣстахъ; въ началѣ мелкія, эти пустулы постепенно увеличивались въ объемѣ и достигали величины скорлупы жолуда, на которую походили, имѣвъ впрочемъ также сходство съ асхогесъ у дѣтей. Онѣ представляли большія различія: у однихъ онѣ были мелкія и сухія, у другихъ крупныя и влажныя, у нѣкоторыхъ землястаго цвѣта, у другихъ бѣловатыя и слегка блѣднѣющія, или же твердыя и красноватыя. Но всѣ онѣ нѣсколько дней спустя вскрывались и изъ нихъ замѣчалось непрерывное, обильное истеченіе зловонной и грязной слизисто-камедистой жидкости. Затѣмъ эти изъязвленныя пустулы разѣдали кожу на подобіе фагеденическихъ язвъ и поражали не только мышцы, но и кости“.

„Тѣ, у которыхъ болѣзнь была особенно сильно выражена въ верхнихъ органахъ, страдали злокачественными катаррами (distillationes), разѣдавшими то нѣбо, то горло, то зѣвъ и миндалевидныя желѣзы. У нѣкоторыхъ разрушались губы, у другихъ носъ, у однихъ глаза, у другихъ половыя части“.

¹⁾ Falloria, l. c., с. 76 p. 809.

²⁾ Ср. Friedberg, l. c., 163—166.

„Ко всему этому во многих случаях присоединялось отложение гумматозных опухолей, величиной съ яйцо или булочку, на членахъ, которымъ онѣ придавали отвратительный видъ. Изъ вскрывавшихся гуммъ вытекала бѣлая слизисто-камедиская жидкость, Эта упорная затвердѣлость (callus) встрѣчалась преимущественно на рукахъ и ногахъ, то изъязвляясь, то оставаясь нетронутой до самой смерти. Кромѣ того, какъ будто всего этого мало, наступали сильныя боли въ членахъ, часто одновременно съ появленіемъ пустулъ, иногда раньше, рѣдко позже; боли эти были особенно сильны по ночамъ и имѣли мѣстопребываніе собственно не въ составѣхъ, а вокругъ всего члена и нервовъ. У нѣкоторыхъ пустулы поднимались безъ всякой боли или бывали боли безъ пустулъ, чаще-же всего одновременно бывали и пустулы и боли. Въ теченіе этого времени во всѣхъ членахъ чувствовалась истома, тѣло худѣло и замѣчались отсутствіе аппетита, бессонница, грустное настроеніе, потребность лежать, затѣмъ лицо и ноги опухали, иногда, хотя рѣдко, присоединялась легкая лихорадка, у нѣкоторыхъ бывали постоянныя головныя боли, не уступавшія никакому лекарству“.

„Говоримъ объ этомъ какъ о давно прошедшемъ, такъ какъ эта заразительная болѣзнь хотя и теперь еще свирѣпствуетъ среди насъ, но повидимому она уже не та, что въ былое время. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ показывается меньше пустулъ, но больше гуммъ, тогда какъ въ первые годы дѣло было наоборотъ. Пустулы, если появляются, болѣе сухи, боли острѣе. Наконецъ позднѣе, въ теченіе послѣднихъ 5 или 6 лѣтъ, въ этой болѣзни опять наступила большая перемена: пустулъ появляется меньше, боли почти ничтожныя или гораздо тише, но зато гуммы многочисленнѣе и, что удивительнѣе всего, волосы на головѣ и на тѣлѣ выпадаютъ, одни лишаются бороды, другіе бровей, еще у другихъ образуется плѣшь на головѣ, что придаетъ людямъ смѣшной видъ. Прежде это приписывали дѣйствию ртути, но болѣе точныя изслѣдованія показали, что это происходитъ отъ видоизмѣнившейся болѣзни, отъ которой начинаютъ шататься и выпадать и зубы“.

Fracastoro, De contagionibus etc. l. c. стр. 157—162.

Дѣленіе эпидеміи сифилиса 15 и 16 вв. на періоды, по Astruc'у, сообразно съ интенсивностью или появленіемъ новыхъ, раньше не замѣченныхъ przypadковъ—со времени Hensler'a оставлено, какъ произвольное и ничѣмъ не обоснованное, и удержано лишь нѣкоторыми неразборчивыми сифилографами. Какъ первая попытка, однако, оно не лишено нѣкотораго историческаго интереса. Этыхъ періодовъ Astruc принимаетъ шесть:

Prima ab anno 1494—1516, quae a Fracastoro describitur.

Altera ab anno-1516—1526, in qua duo nova accessere symptomata, exostosis cum carie ossium, et porri atque verrucae circa genitalia.

Tertia ab anno 1526—1540, in qua primum apparuere bubo inguinum et alopecia.

Quarta ab anno 1540—1550, quo temporis intervallo apparuit gonorrhoea virulenta.

Quinta ab anno 1550—1610, novo symptomate aucta, nempe tinnitu aurium.

Sexta ab anno 1610—quo apparuerunt vesiculae crystallinae.

Astruc, I, Index rerum, подробности 94—102. Ср. Proksch, II, 7.

Эти искусственно установленные періоды хотя, какъ сказано, и отвергнуты Hensler'омъ, но вѣра въ эпидемическій, острый характеръ сифилиса въ концѣ 15 и началѣ 16 вв. сохранялась и въ наши дни,—справедливо или нѣтъ, достаточно видно изъ предыдущаго изложенія (см. выше, стр. 563).

Намъ остается разсмотрѣть двѣ эпидемическія болѣзни въ средніе вѣка: англійскую потовую горячку и гриппъ.

Литература объ англійской потовой горячкѣ довольно богата и подробно приведена въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Gruener, *Scriptores de sudore anglico superstites*, Jena, 1847.

Hescker, *Der englische Schweiss. Ein aerztlicher Beitrag zur Geschichte des 15 Jahrhunderts*. Berlin, 1834. Вновь издана Hirsch'емъ

J. E. C. Hescker, *Die Volkskrankheiten des Mittelalters*, Berlin, 1865. Здѣсь приведена подробнѣе и литература, въ особенности англійская.

Haeser, *Historisch-pathologische Untersuchungen*, Leipzig, 1839, p. 321.

Duroou, *Le moyen âge médical*, Paris, 1888.

Англійская потовая горячка получила свое названіе оттого, что эпидемія ея, прежде чѣмъ распространиться по центральной Европѣ, явилась въ Англии гдѣ она впервые вспыхнула въ сентябрѣ 1486 г. въ арміи Генриха VII, расположенной въ Валлисѣ, нѣсколько дней спустя достигла Лондона (26 сентября) и затѣмъ распространилась на всю Британію. Взрывъ ея былъ внезапный, продолжалась она не больше мѣсяца или 5 недѣль и число ея жертвъ было громадное, выдоравливало едва 1%. Бывали и возвраты (въ одномъ случаѣ до 12 разъ). Эпидемія эта была такъ ужасна и скоротечна, что никто не запоминалъ ничего подобнаго¹⁾.

Затѣмъ эпидемія повторилась въ Англии въ 1507 г. (Hescker) или 1508 (Hirsch) или 1518 (Duroou), когда она была несравненно слабѣе, далѣе въ 1517 (Duroou), или 1518 (Hescker)²⁾ и въ 1529, когда она впервые съ особенной жестокостью распространилась на всю Европу. Последняя эпидемія была въ 1551 г. Почти всегда взрыву эпидеміи предшествовали необыкновенно сырая погода, туманы и сильныя вѣтры. Въ эпидеміи 1518 и 1529 гг. болѣзнь убивала нерѣдко въ теченіе 2—4 часовъ и въ некоторыхъ городахъ вымирала половина населенія. Эпидемія 1518 г. продолжалась полгода и ограничилась только Англійей. Особенно убійственна была эпидемія въ 1529 г., начавшаяся въ концѣ мая. Въ этомъ году заболѣлъ Генрихъ VIII, едва избѣгнувшій смерти, спасаясь изъ одного города въ другой, и погибла большая часть англійскаго дворянства. Французскій посланникъ въ Лондонѣ, Bellaу, пишетъ отъ 21 іюля 1529 г. „Въ этотъ день, когда я гостилъ у Кентерберя, отъ этой болѣзни въ теченіе четырехъ часовъ умерло 18 человекъ и только я одинъ еще держусь“. Точно также и во всей Европѣ потовая горячка произвела страшныя опустошенія. Вслѣдъ за Англійей она появилась въ Гамбургѣ (въ іюлѣ), затѣмъ въ Любекѣ, Бременѣ и во всей Германіи, а также въ Скандинавіи, Польшѣ и вѣроятно и въ Россіи, хотя Рихтеръ ничего объ этомъ не сообщаетъ. Въ то же время она распространилась въ южной Германіи, Баваріи, Австріи и Швейцаріи. Въ Аугсбургѣ въ теченіе 3 мѣсяцевъ было 18000 заболѣвшихъ и 1400 случаевъ смерти. Въ Вѣнѣ она появилась во время осады города султаномъ Сулейманомъ.

Интересно, что Парижа эпидемія не коснулась, а показала только на сѣверѣ Франціи и въ Бельгіи и Нидерландахъ (черезъ мѣсяцъ послѣ ея появленія въ Гамбургѣ). Fernel, лейбъ-медикъ Генриха II, практиковавшій въ Парижѣ, въ своихъ *Universa medica* говоритъ объ этой потовой лихорадкѣ:

1) „...scarce one amongst an hundred that sickened did escape with life“. Holinshed, *Chronicles of England, Scotland and Ireland*. London, 1808, vol. III, p. 482. Ср. Hescker, *Der englische Schweiss* p. 2.

2) Разница на одинъ годъ объясняется различіемъ тогдашнихъ англійскаго и римскаго календарей.

„Febres sudorificae, quae insolentes magno terrore in omnem inferiorem Germaniam, in Galliam, Belgiam et Britanniam ab anno Christi millesimo quingentesimo vigesimo quinto in annum millesimum quingentesimum trigesimum autumnum potissimum pervagatae sunt“ (1).

Что касается пятой и послѣдней эпидеміи (1551), то она появилась въ апрѣлѣ сначала въ Шпесбери и прекратилась только въ сентябрѣ, ограничившись одной Англіей, гдѣ и на этотъ разъ она свирѣпствовала съ безпримѣрной яростью. Больные умирали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и во всякомъ случаѣ болѣзнь протекала не болѣе сутокъ, хотя самое распространеніе ея шло медленно и казалось, будто она была равносиема ползущими другъ за другомъ облаками ядовитого и зловоннаго тумана.

Интересно, что какъ въ эту, такъ и въ предыдущія эпидеміи Ирландія и Шотландія были пощажены (отчего населеніе Англіи и бѣжало туда, спасаясь отъ этого новаго бича человѣческаго рода), точно также какъ нетронутыми остались Франція (за исключеніемъ Кале) иберійскій и аппенинскій полуострова и почти весь востокъ Европы. Другая особенность англійской потовой горчки заключалась въ томъ, что въ первые три эпидеміи въ Кале ея поражались только жившіе тамъ англичане, но не французы, а въ 1551 году она даже пощадила всѣхъ жившихъ въ Англіи иностранцевъ и слѣдовала за англичанами за границу, гдѣ многіе изъ нихъ погибли въ Нидерландахъ (2).

Болѣзнь обнаруживалась почти всегда лѣтомъ и осенью особенно въ сырую, туманную погоду. Любопытно, что слабые, бѣдные, дѣти и старики поражались рѣже, чѣмъ крѣпкіе и лица изъ достаточныхъ классовъ.

Явленія болѣзни. Обыкновенно предвѣстниковъ вовсе не было. Нѣкоторые (Forestas) однако приводятъ упадокъ духа и силъ, боли въ ногтяхъ и колючія боли въ конечностяхъ, параличи и подергиванія какъ предвѣстники болѣзни. Согласно John Кауе и Вассон'у припадки болѣзни могутъ быть сгруппированы въ три періода: 1) Періодъ холода, съ сильными болями и ощущеніемъ ползанія мурашекъ въ членахъ, крайнимъ упадкомъ силъ, затѣмъ дрожаніемъ и знобамъ; 2) Періодъ жара, которому предшествовалъ жгучій жаръ во всѣхъ тѣлѣ, съ неутолимой жаждой. Больные обнаруживали сильное волненіе и безпокойство, граничившее съ отчаяніемъ. Многіе жаловались на спазмы въ желудкѣ, послѣ которыхъ появлялись тошноты, рвота, удушье и боли въ поясницѣ. Постоянными симптомами были головная боль, боль въ области сердца и сердцебіеніе, которое продолжалось и по выздоровленіи (Fernel); 3) Третій періодъ обнаруживался бредомъ, то мрачнымъ, то говорливымъ, зловоннымъ проливнымъ потомъ какъ изъ ручья, послѣ чего опускало лицо, пульсъ становился частымъ и неровнымъ и затѣмъ наступала спячка, неизбежно кончавшаяся смертью.

Чаще всего болѣзнь продолжалась нѣсколько часовъ, рѣдко болѣе одного дня, все равно бывалъ ли исходъ смертельный или благопріятный, выздоровленіе наступало пре-

1) Ср. Диропу, l. c., 82. Слѣдовательно, и здѣсь замѣчаемъ разницу на 1 годъ и, кромѣ того, отнесеніе начала эпидеміи къ 1525 году, что противорѣчитъ всѣмъ другимъ указаніямъ.

2) Гезеръ, *Исторія повальныхъ болѣзней*, р. 239, гдѣ онъ обращаетъ вниманіе на слѣдующее мѣсто у Вгассавола объ англійскомъ потѣ въ Нидерландахъ: „Epidemici morbi, ut plurimum, ab humiditate generantur; dico ut plurimum, quia nonnunquam et a siccitate fiunt, ut anglicus sudor, superioribus annis in Britannia, qui hoc anno 1551, qui fuit siccissimus, adeo Flandros vexavit, ut multa hominum millia considerari fecerit nuncque, dum haec scribo, adhuc videt, decimo quinto scilicet Septembris die“.

иущественно при умѣренномъ потѣ, длилось 8 дней и часто осложнялось послѣдовательнымъ поносомъ, желтухой, водянкой и сердцѣбіеніемъ. Отъ миллиарнаго пота (просянки) болѣзнь отличалась по однимъ—отсутствіемъ всякой снни: „*pes corporisculo, pes bubone, pes exanthemate, pes esthymate, sed sudore solo prosumptum*“ (Fernel). Другіе наблюдатели, однако, упоминаютъ о *просовидной* снни и *пустулахъ* (Тіоні у Фореста), а также о мелушеніи кожи (Терціи Даміанъ), особенно при леченіи по нидерландскому способу (см. ниже). Вообще же эта болѣзнь по Дюпуи повидному представляла неправильную злокачественную лихорадку, въ которой преобладалъ періодъ пота¹⁾, а согласно Гезеру большинствомъ достовѣрныхъ наблюдателей отвергается заразительность болѣзни, на которую слѣдуетъ смотрѣть какъ на болѣзнь *sui generis*, ближайшее же средство по его мнѣнію она имѣетъ съ гриппомъ и просовидной сннью.

Леченіе англійской потовой горячки было престонародное и состояло изъ двухъ способовъ: англійскаго и нидерландскаго. Первый заключался въ умѣренномъ согрѣваніи больного, выжиданіи легкаго пота, во время котораго избѣгали открыванія больного, и величайшей осторожности въ періодѣ выздоравливанія. Нидерландскій же способъ (въ 1529 г.) былъ вмѣстѣ потогонный (больныхъ обшивали даже перинами), разгорячающій и „укрѣпляющій сердце“, но отъ него смертность достигла ужасающихъ размѣровъ, вслѣдствіе чего къ концу эпидеміи опять перешли къ выжидательному англійскому способу²⁾. Для примѣра приведемъ нѣжный „староанглійскій“ способъ леченія, который примѣнялъ John Kaye, считавшій, встати сказать, чрезмѣрное употребленіе пива чуть ли не главной причиною свирѣпствованія эпидеміи потовой горячки среди однихъ только англичанъ. Изъ лекарствъ онъ давалъ только „*malva Christi*“ (въ Германіи—„жемчужный сахаръ“) любимую въ средніе вѣка смѣсь изъ жемчужины и благовонныхъ веществъ, введенную въ употребленіе въ XV в. *Guaiacum* в'омъ,—а также *bolus* (Siegelde) уже тогда считающуюся противодіемъ противъ разныхъ болѣзней. Наступленію критическаго тока онъ старался способствовать умѣреннымъ употребленіемъ теплаго вина и вообще тонкимъ содержаніемъ больного. Водяночнымъ и ревматикамъ, заболѣвавшимъ потовой горячкой, онъ назначалъ *Guaiacum* и хининъ корень. При первомъ же появленіи пота онъ оставлялъ всякія лекарства, рѣшительно отвергая всѣ средства усиливающія потѣніе и ограничивался только частымъ поднесеніемъ крѣпкаго укуса къ носу больного и легкимъ встраиваніемъ его туловища, чтобы противодѣйствовать спячкѣ³⁾.

Гриппъ (Influenza) по своему огромному распространенію въ пространствѣ и времени принадлежитъ къ самымъ значительнымъ эпидемическимъ болѣзнямъ, почему Hirsch во второмъ изданіи своего сочиненія⁴⁾ отвелъ ему первое мѣсто. Исторія гриппа восходитъ къ отдаленной древности, оставившей, правда, только нѣкоторые намеки на эту болѣзнь (въ *эпидеміяхъ* Гиппократы) и къ среднимъ вѣкамъ, гдѣ можетъ быть прослѣжена уже съ большей достовѣрностью, на основаніи дошедшихъ до насъ отъ средневѣковья эпидемиологическихъ данныхъ.

¹⁾ Ср. Dupouy l. c., стр. 80—84.

²⁾ Гезеръ, l. c., 244.

³⁾ John Caye (Kaye), A Boke or Conseill against the Disease Commonly called the Sweate or Sweating Sickness. London, 1552. Лат. изд. Hecker'a: *Caii Johannis Britannici de Ephemera britannica liber*, Berolini, 1838. Ср. Hecker, *Der englische Schweiss*, Berlin, 1834, p. 188.

⁴⁾ August. Hirsch, *Handbuch der historisch-geografischen Pathologie 2 Auflage*, Stuttgart 1881, I, p. 5.

Эпидемическій гриппъ встрѣчался во всѣхъ поясахъ какъ подъ экваторомъ, такъ и на сѣверѣ и не связанъ ни съ мѣстомъ, ни съ временами года, ни съ почвой ни съ погодою, поражая внезапно даже при сухости атмосферы большія пространства въ городахъ, какъ и цѣлыя страны и во всѣхъ эпидеміяхъ оставляя упорную слабость. Точно также на появленіе гриппа не имѣютъ вліянія и расовыя различія. Замѣчено только, что даже въ самыя жестокия эпидеміи въ какой либо мѣстности заболѣвали одни туземцы и акклиматизированные иностранцы, изъ свѣжихъ же пришельцевъ никто.

Гриппъ въ различныхъ странахъ получалъ различныя и многочисленныя названія ¹⁾.

Литература эпидемическаго гриппа весьма богата, особенно начиная со второй половины 18 в.

Mosca, dell'aria e di morbi dell'aria dipendenti, Napoli, 1769.

Saillant, Tableau historique des épidémies catarrhales, Paris, 1780.

Wittwer Ueber den jüngsten epidemischen Katarrh, Nürnberg, 1782.

Grainger, Praktische Bemerkungen uber die Behandlung des kalten Fiebers, nebst einer Sammlung von Schriften uber die Influenza des Jahres 1782, Leipzig, 1785.

Cullen, Anfangsgründe der Arzneikunde, Leipzig, 1789.

Huggan de Catarrho epidemico vel influenza, prout in India occidentali sese ostendit, Edinburg, 1793.

Webster, History of epidemic and pestilential diseases, 1799.

Zeviani, il Memori di Mathem. et di Fisica della societa italiana della scienze, Modena, 1804.

J. Adams, Inquiry into the laws of different epidemic diseases. London, 1809.

Schnurrer, Geographische Nosologie, Stuttgart, 1818. Ero же Chronik der Seuchen.

Ozanam, Histoire médicale des maladies épidémiques, contagieuses et épizootiques Paris 1817, 1835.

Most, Influenza europaea, Hamburg, 1820.

Thompson, Annales of influenza or epidemic catarrhal fever in Great Britan, from 1510 to 1837. London, 1852.

Fodéré, Leçons sur les épidémies et l'hygiène publique, Paris, 1862.

J. M. Smith, Elements of the etiology and philosophy of epidemics, New York, 1829.

Schweich, Die Influenza (съ предисловіемъ Е Неккера), Berlin, 1836.

Gottlieb Gluge, Die Jnfluenza oder Gruppe, nach den Quellen historisch-pathologisch dargestellt, Minden, 1837. Послѣднія два сочиненія—самыя главныя, какъ основанныя на подробномъ изученіи источниковъ.

Хотя въ послѣднія столѣтія средневѣковья гриппъ обыкновенно распространялся съ востока на западъ, но въ 16 в. (въ 1510 и 1580) эпидемія гриппа по мнѣнію Gluge, въ первый разъ приняла обратное направленіе, въ 17 же вѣкѣ—опять прежнее направленіе съ востока на западъ. Но это вѣрне только отчасти, такъ какъ, согласно Нигсх'у гриппъ весьма часто поражаетъ разомъ нѣсколько странъ или изъ одного очага распространяется въ округности по направленію радіусовъ.

¹⁾ Въ Германіи: Spanischer Zier, Pips Flusskelen, Schafheesten (morbus vervecinus) Burzel, Ganser Fanlendur и т. д., также russische Krankheit, Blitzkatarrh, Laune suode—Hundes—, Bettlerkrankheit. Во Франціи: Tac, Ladenpo, Horion, Quinte, Coqueluche, Follette, Grippe Grenade petite Poste, Allure, chapeau carré. Въ Англіи: Influenza, epidemica catarrh. Въ Италіи—il cortesivo, coculuxo, coquelicot, mal del castrone, mal matello, masuchi, morbo russo. Въ Испаніи—Influenza russa, Pantomima, Radosa. Въ Бельгіи—Zingingsakoorts, въ Даниіи—Brustfieber, Sladfieber, въ Польшѣ—Grype.

Число бывшихъ эпидемій различными авторами опредѣляется различно Webster и Zeviani до 1782 г. насчитали до 39 эпидемій, изъ коихъ первая имѣла мѣсто въ 1174 г. (Webster) или въ 1289 г. (Zeviani). Hirsch считаетъ первой эпидемію, бывшую

XII в., а именно, въ 1178 г., въ декабрѣ, въ Италіи, Германіи и Англии 1) Sigberti, Chron. въ Pertz Annal VI p. 414; 2) Godefridi Annal. въ Greheri rer. german. scriptores I p. 341; Chron. Vetero-Cellanæ min. въ Menckenii Script. rer. german. II p. 438; Chron. Saxon. въ Leibnitzii Access. hist. I p. 310; 3) Radulfus de Dicetis въ Twysden Script. hist. angl. p. 517).

Затѣмъ Gluge и Hirsch на основаніи достовѣрныхъ историческихъ данныхъ приводятъ слѣдующія средневѣковыя эпидеміи гриппа:

(августъ) (мартъ) (январь)

XIV в., въ 1323, 1327 и 1387 гг.—въ Италіи (по свидѣтельству Buonisegni. Istoria Fiorentina, Firenze, 1581, pp. 167, 216 и 678), Франціи въ 1323 и 1387 г. de Mussis въ Muratori; XVI, 546; Valescus de Taranta, Pilonium, l. II, c. 60, Lugd. 1490, f. 80 b) и Германіи, только въ 1387 г. (въ мартѣ), по свидѣтельству Gassara's Annales Augusburg въ Menckenii Script. rer. Germanicarum, Lipsiae, 1728 I, 1526), который объ эпидеміи въ Аугсбургѣ говоритъ:

„Mira quaedam epidemia mortales per urbem hanc totam quae eo superiorem Germaniam corripiebat, qua aegri 4 vel 5 ad summum dies molestissimis destillationibus laborabant ac ratione privati instar phreneticorum furebant, atque inde iterum convalescebant, paucissimis ad orcum demissis“.

XV в. въ 1403 г. (Gluge) или 1404 г. (Hirsch)—въ Германіи, а именно въ Саксоніи и Тюрингенѣ (Mansfeld, Chron., Frct. 1572 f. 363 b) и Нидерландахъ, во Фландріи (Baliolani Annal. rer. Flandric., Antwerpen, 1559 f. 220 a);

въ 1411 г.—во Франціи и именно въ Парижѣ (Pasquier, Les recherches de la France, Paris, 1661, f. 375;

въ 1414 г.—въ Италіи, въ январѣ, а именно, въ Болоньѣ (De Griffon, Mémor. hist. rer. Bonon. XVIII, 222), Forli (Chron. Forol. въ Muratori XIX, 888), въ Венеціи (Lanuto vite de'duchi di Venezia XXII, 887) и Флоренціи (Cambi, Istoria di Firenze въ Deliz. degli erud. Tosc. XX, 138), а также во Франціи въ Парижѣ, въ февралѣ (Felibien et Lobineau, Hist. de la ville Paris, Jauval, Recherches des antiquités de la ville de Paris, 1724, f. 558). Какъ доброкачественна была эта эпидемія, видно изъ того, что изъ 100000 заболѣвшихъ не было ни одного умершаго;

въ 1427 г. (сентябрь)—во Франціи (Pasquier, l. c.). Затѣмъ наступилъ промежутокъ въ 83 года, такъ какъ вновь эпидемія гриппа появилась только

XVI в.—въ 1510 г. и въ первый разъ распространилась по всей Европѣ (Fernel, De abditis regum causis Francof, 1607, 214, Paraeus, Wundartzney, Francof. 1638, 697), побывавъ преимущественно въ Италіи (въ іюлѣ) а именно, въ Миланѣ (Muralti, Annalia, Mediol. 1861, 132; Vallario la, Loci medicinae communes, Venet. 1563), Франціи (въ августѣ, Bouchet, Les Annales d'Aquitaine, Poitiers, 1644, 332) и Англии (Schort, A general chronological history of the air, weather seasons, Lond. 1749).

О дальнѣйшихъ эпидеміяхъ гриппа въ XVI в., напр. въ 1557 (Amatus Lusitanus, Curat. med. Cent. VI, cur. 68 Valleriola, l. c. App. c. 2), 1580 (Chytraeus, Saxonia ab anno 1500

1) Ср. Hirsch, l. c., p. 30.

2) Ср. Hirsch l. c. и Fr. Wilh. Theile, Influenza, въ Allgemeine Encyclopaedie der Wissenschaften u. Künste Ersch und Gruber'a, herausgegeben v. Hoffmann, Leipzig, 1840.

etc., Lips, 1611, 691 и т. д.), 1591 и 1593 (Cagnati, de epidemia quae anno 1591 et de altera quae anno 1593 urbem Romam invasit, Rom. 1599) а также въ XVII—XIX вв., втеченіе конхъ онѣ неоднократно посѣтили Европу (въ томъ числѣ и Россію), Азію (Сибирь, Китай, Индія) и Америку (Мексика и проч.) см. подробности Hirsch, и Ersch und Gruber, II. сс. Интересно, что въ таблицѣ Hirsch'a въ Россіи первая эндемія гриппа показана въ 1729 г. при чемъ онъ ссылается на Büchner, *Miscellanea med.-phys.-mathem. Anno 1729 et 1730*), между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что она не осталась пощаженной и много ранѣе.

Врачебный бытъ въ средніе вѣна.

Обученіе медицинѣ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, въ періодѣ господства восточной римской имперіи, ни въ Италіи ни въ Греціи не было особыхъ организованныхъ школъ для преподаванія медицины, которая, какъ и въ древности, изучалась обыкновенно частнымъ образомъ у практическихъ врачей. Для дальнѣйшаго усовершенствованія служили путешествія, преимущественно въ такіе города, которые издревле славилась своими школами, какъ напр. Кирена и въ особенности Александрія, изъ коихъ послѣдняя, даже по закрытіи ея школы въ 529 г. императоромъ Юстиніаномъ I (527—565), долго еще была притягательнымъ центромъ для врачей, искавшихъ самоусовершенствованія. Такъ въ Александріи учились Аэцій, Павелъ Эгинскій, Стефанъ изъ Авинь.

Первое основаніе дѣлу правильно организованнаго обученія медицинѣ, какъ мы видѣли выше, было положено несторіанами, открывшимъ медицинскія школы въ Джондисапорѣ, Низибисѣ и Эдессѣ, изъ коихъ первое въ особенности процвѣтало при персидскомъ царѣ Chosru I (532—579), а въ послѣдней преподавалъ врачъ Stephanos, отецъ Александра Тралійскаго. Эти школы, какъ и многочисленныя еврейскія въ Сиріи, безъ сомнѣнія послужили впоследствии образцомъ для арабскихъ школъ, которыя посѣщали какъ западно-римскіе, такъ вѣроятно и восточно-римскіе врачи (Psellos, Simeon Seth и др.),

Въ арабскихъ школахъ („medresset“) имѣлись аудиторіи и помѣщенія для учителей и части учениковъ, а также залы для библіотекъ, а при болѣе крупныхъ, особенно позднѣе, больницы и аптеки. Нѣкоторыя „medresset“ посѣщались тысячами учениковъ, иногда послѣдніе переходили изъ одной въ другую, нерѣдко отдаленную. Учителями могли здѣсь быть также несторіане и евреи. Вообще медицина составляла только побочный предметъ преподаванія, главными же предметами здѣсь были богословіе, юриспруденція (по Корану), философія, грамматика, поэзія, математика, физика, астрономія и астрологія.

Такия „medresset“ (академія) были основаны на востокъ—при Оммаядахъ (661—750 въ Дамаскѣ, при Аббасидахъ 750—1258) въ Багдадѣ, на западѣ—при испанскихъ Оммаядахъ (755—1492) въ Кордовѣ, Севильѣ, Толедо, Армеріи, Мурсіи, Валенсіи, Гранадѣ, а въ Африкѣ—при египетскихъ фатимидахъ (909—1171) въ Александріи и Каирѣ и при Эдрисидахъ (800—986) въ Фецѣ и Марокко. Въ послѣднія столѣтія средневѣковья было введено нѣчто въ родѣ выпускныхъ экзаменовъ, съ которыми было связано и *venia legendi* („i-gaze“). Пользовавшаяся славой въ средніе вѣка и нынѣ еще существующая высшая школа въ Фецѣ (Dag-el-ilm—домъ мудрости) находилась въ завѣдываніи муфти и раздавала 3 степени: *taleb* (лиценціатъ), *fkih* (doctor) и *alem* (ученый). Здѣсь же часто велись учено-художественныя пренія (диспуты), какъ и въ другихъ арабскихъ академіяхъ и западныхъ средневѣковыхъ университетсахъ. Самое преподаваніе медицины заключалось въ объясненіи, по арабскимъ переводамъ, Галена, Гипократа, Dioscorida, Orbiāia, Азція, Павла Эгинскаго и т. д. ¹⁾, практическія же свѣдѣнія пріобрѣтались частнымъ образомъ подъ руководствомъ опытныхъ врачей или въ госпиталяхъ, гдѣ таковыя имѣлись и гдѣ, слѣдовательно, преподаваніе было клиническое или же поликлиническое, такъ какъ въ нихъ пользовали и приходившихъ больныхъ; причемъ главное вниманіе обращалось на тонкую симптоматологію, урскопію, прогностику и терапію, отчасти же на гигиену и нѣкоторыя спеціальности (глазныя болѣзни, проказа и т. д. для какихъ имѣлись особыя отдѣленія). Новыхъ результатовъ путемъ наблюденій, арабы, однако, не достигли, ибо главное у нихъ и на первомъ планѣ была книжная мудрость, пріобрѣтеніе обширныхъ свѣдѣній по сочиненіямъ греческихъ и арабскихъ классиковъ (припомнимъ приведенное выше ²⁾ изреченіе Разаеса согласно которому одна тысяча книгъ можетъ научить гораздо больше, чѣмъ видѣть больныхъ хотя бы втеченіе цѣлой тысячи лѣтъ. Зато какъ указано выше, мы видѣли, что у арабовъ имѣлись и военные врачи и военныя аптеки (первая публичная аптека учреждена Аль-Мансуромъ въ Багдадѣ въ 745 г.), а также первый пріютъ для умалишенныхъ ³⁾. Нельзя отрицать ихъ заслугъ къ фармакологіи и фармаціи на основаніи точнаго знакомства съ ботаникой и вновь созданной ими химіей, а также прибавимъ здѣсь, въ области кожныхъ и глазныхъ болѣзней. Вообще у арабовъ были только врачи-терапевты, хирургія же (извлеченіе зубовъ, камнеотчищеніе, глазныя операціи, прижиганія каленымъ желѣзомъ) находилась въ рукахъ эмпириковъ. Васаа полагаетъ, что именно арабамъ медицина обязана позднѣйшимъ ея распаденіемъ и отдѣленіемъ отъ нея хирургіи. Но мы видѣли, что это распаденіе восходитъ ко временамъ Александрійской школы и отмѣчено уже Цельсомъ ⁴⁾. Число врачей въ нѣкоторыхъ городахъ было громадное для того времени, напр. въ срединѣ X в. въ Багдадѣ—до 860. Служившіе при калифахъ получали громадное содержаніе, напр. лейбъ-медикъ Гарунъ-аль-Рашида—1,710000 марокъ въ годъ.

Въ селернской школѣ, этой праматери средневѣковыхъ университетовъ, преподаватели медицины сначала нанимались на 4 года отъ города, а епослѣдствіи отъ правительства, причемъ годичное жалованье простиралось отъ 12 до 20, въ единичныхъ случаяхъ даже до 60 унцій золота (3600 марокъ), а выслужившіе эмеритуру сохраняли полное содержа-

¹⁾ Ср. новѣйшее сочиненіе Васаа: „Die geschichtliche Entwickelung des aerztlichen Standes und der medicinischen Wissenschaften, Berlin, 1896, p. 119 и слѣд.

²⁾ Ср. выше, стр. 215.

³⁾ См. выше, стр. 439.

⁴⁾ См. Исторію древней медицины, стр. 695.

ніе. Представителями школы были т. н. „magistri regentes“, т. е. обычные профессора, въ большихъ университетахъ—4, въ меньшихъ (въ Германіи)—2, одинъ для „теоріи“ (физики, химіи, ботаники), другой для „практики“. Въ Парижѣ медицинскій факультетъ, посредствомъ 4 „избирателей“ (electores) отъ 4 народностей избиралъ экзаменаторовъ и декана (decanus operis), рядомъ съ которымъ еще назначался деканъ отъ государства decanus aetatis, senior¹⁾). Изъ предыдущаго видно, что первоначально персоналъ преподавателей принадлежалъ исключительно къ свѣтскому сословію. Точно также учащіеся были міряне, различавшіеся только по національностямъ, и имѣли общежитія („bursae“, „collegia“, „convictus“), въ которыхъ евреи не принимались только въ Парижѣ, но несомнѣнно имѣли свободный доступъ въ Салерно и Монпелье, изъ коихъ въ послѣднемъ они въ судебномъ отношеніи были подчинены свѣтской власти „сеньора“ („seigneur de Montpellier“), напр. въ 1281 г.—Якову II, королю Майорки²⁾).

Только впоследствии, съ усиленіемъ вліянія папъ, университеты теряютъ свой свѣтскій характеръ, преподавателями стали назначаться только христіане и какъ учителя, такъ и ученики причислялись къ свѣтскому духовенству (clerici³⁾), причемъ ректоръ безусловно долженъ былъ соблюдать безбрачіе, точно также и профессора, если хотѣли пользоваться причитающимися духовенству доходами. Въ Парижѣ лишь въ 1352 г. по распоряженію кардинала Estouteville († 1394) отмѣнено безбрачіе для профессоровъ медицинскаго факультета, которому почему-то было присвоено названіе: „ordo gratus“³⁾).

Курсъ медицинскихъ наукъ, согласно закону Фридриха II отъ 1224 г., сохранившему силу до конца среднихъ вѣковъ, продолжался 5 лѣтъ. Ему, какъ сказано, должно было предшествовать 3-лѣтній курсъ „логики“, т. е. *Libri phisicorum* и *Parva naturalia* Аристотеля и сочиненій Альберта Великаго, а также астрологія по сочиненію Johannes de Saxonia „*de judiciis astrorum*“.

Лекціи обыкновенно начинались очень рано, въ Парижѣ напр., профессора читали въ 6 часовъ, а бакалавры въ 5 часовъ утра. Студенты сидѣли обыкновенно на полу, лѣтомъ на снѣгѣ, зимою на соломѣ. Число лекцій въ день было не велико, 2—3 въ день, не было недостатка, какъ и нынѣ и въ свободныхъ дняхъ „dies illigibiles“ въ многочисленныя уже тогда церковныя праздники. „Mare hora septima in hieme, in aestate vero sexta legetur cursus medicinae theoricae triennioque finiatur; primo anno primus canon Avicennae cum enarratione Jacobi Soroliviensis, secundo anno liber microtechnici seu ars parva Galeni cum expositio ne Trusiani, tertio liber Aphorismorum Hippocratis cum commento Galeni et Jacobi dubus.—Hora prima pomeridiana cursus medicinae practicae enarra-

¹⁾ Ср. de Renzi. *Collectio Salernitana*, I, 866 и слѣд. Puccinotti, l. c. II, 163 и Haeser, I, 822.

²⁾ Тамъ же, 824.

³⁾ Тамъ же, 823.

bitur, pariterque triennio finiatur: anno primo liber IX Razis ad Almansorem de aegritudinibus cum declamatione Arculani, secundo in prima quarté [libri Canonis Avicennae] quae est de febribus cum anno tamentis generalibus, tertio anno super quarta primi, quae est de medicatione universali cum Dini (de Garbo) vel Ugone expositione. Hora tertia doctores in facultatem medicorum assumpti legere solent quorum unus hoc semestri leget prognosticon Hippocratis,—Analato, habebitur, sine qua nulla perfecta morborum et humanae constitutionis cognitio.—Disputationis exercitium non deerit¹⁾.

Приблизительно такова же была учебная программа и в других университетах, где преподавание всегда начиналось также объясненіемъ вступительныхъ и энциклопедическихъ сочиненій, а именно:

Первый годъ: *Ars parva* Галена, *Aphorismi*, *Prognosticon*, *De victu in acutis* Гиппократы; впоследствии—*Articella* (см. выше стр. 429) *Isagoge* Johannitius'a Aegidius Corboliensis въ особенности нѣкоторые отдѣлы *Канона* Авиценны и многочисленные его комментаторы.

Второй годъ: „*Practica*“ куда относились отчасти теоретическіе предметы (диететика, фармакологія), отчасти собственно практическіе (ученіе о пульсѣ и мочѣ по Теофилу).

Третий годъ. Ученіе о лихорадкѣ, morbi particulares и терапия въ тѣсномъ смыслѣ, причѣмъ пособіями служили: *introductio in medicinam practicam* Bertrutius'a, *practica de morbis particularibus* Mesnī, *Breviarium* Арнольда Виллаови, *Lilium medicinae* Гордона и многія другія сочиненія.

Четвертый годъ: болѣе подробное изученіе Гиппократы, Галена и ихъ комментаторовъ, анатомія и хирургія.

Пятый годъ. Практическія занятія подъ руководствомъ врача; упражненія въ диспутахъ (обычай заимствованный у арабовъ).

Ученіе о кровопусканіи преподавалось въ Вѣнѣ по *De signis criticis et de phlebotomia* Гордона. По части фармакологіи главными руководствами служили *Simplicia* Galeazzo di Santa Sofia комментарій St. Amand'a къ *Antidotarium* Николая Препозита, сочиненіе Gentilis de Suligno и др. зачатки клиническаго преподаванія.

Позже всего за исключеніемъ Салерно и арабовъ, встрѣчаются въ одномъ²⁾ кодексѣ Галена (дрезденскомъ отъ 15 в. f. 461) въ ст. *de taraxaco* имѣется изображеніе лежащаго на кровати исхудалаго больного, возлѣ котораго стоятъ врачъ, ученикъ (пишущій рецептъ по диктовкѣ), монахиня и сидѣлка; въ другомъ мѣстѣ (f. 565 b) изображена клиническая демонстрація 2 больныхъ, у коихъ бедра и голени покрыты язвами³⁾.

Изъ житея бытыя средневѣковыхъ студентовъ извѣстно, что только что прибывавшіе назывались „*recudes samri*“, а получавшіи матрикулъ („*intitulatio*“, торжественно совершавшаяся ректоромъ) назывался „*bezapus*“ или „*beapus*“, послѣдній поступалъ какъ бы въ служеніе къ „бурсаку“ (*bursarius*, отъ „*bursa*“—студентческаго общежитія), отъ котораго претерпѣвалъ немало униженій и освобождался только по истеченіи извѣстнаго срока, причѣмъ молодой „*schorist*“ долженъ былъ задавать пирушку и получать права носить рапиру и вызывать на дуэль и современемъ самъ становился бурсакомъ или патрономъ. Нерѣдко схватки происходили и съ городскими обывателями. Въ нѣкоторыхъ „бурсахъ“ книги лежали для всеобщаго употребленія въ одной комнатѣ („*studorium*“) откуда ихъ

¹⁾ Fr. Zarncke Die Statutenbücher der Universität Leipzig aus den ersten 150 Jahren ihres Bestehens. Leipzig [Hirzel] 1861, sp. Haeser I, 827.

²⁾ Тамъ же, 825.

³⁾ Тамъ же, 826.

никто не имѣлъ права брать, иногда онѣ даже были прикрѣплены цѣпями. Жизнь студенты вели шумную. Интересное явленіе въ средніе вѣка составляли „странствующіе“ ученики и студенты, перекочевывавшіе иногда тысячами изъ одной школы въ другую подъ предводительствомъ застрѣльщика“ (Schütze) и добывавшіе себѣ дорогой пропитаніе милостиней и даже кражами, для чего употреблялись обыкновенно младшіе. Вообще странствованія были въ духѣ времени. Иногда такимъ образомъ перекочевывали цѣлые университеты во всемъ своемъ составѣ, со всѣми студентами, профессорами, вслѣдствіе религіозныхъ (иѣмцы изъ Праги въ Лейпцигъ въ 1409 г.) или другихъ причинъ, напр. эпидемій (Гейдельбергскій университетъ—въ Шпейерѣ въ 1491 г.) Болонскій университетъ кочевалъ уже въ 1224, парижскій въ 1229 г. Число студентовъ („scholares“) достигало въ нѣкоторыхъ университетахъ сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, громадныхъ размѣровъ такъ въ Оксфордѣ въ 1340 г. было 14000, въ Парижѣ въ концѣ 13 в.—12000, въ Болоньѣ—16000, въ Прагѣ при Карлѣ IV—7000, въ Гейдельбергскомъ университетѣ тогдашъ по его открытію (въ 1386 г.) сразу—1579 студентовъ.

Определенный срокъ ученія и испытаніе при высшемъ учебномъ заведеніи (въ Салерно и Неаполѣ) были уже введены постановленіемъ короля Рожера въ 1140 г. и впоследствии точнѣе урегулированы Фридрихомъ II въ 1224 г. (см. выше) академическая же свобода съ подсудностью одному лишь университетскому начальству и мѣстному епископу дарована студентамъ уже Фридрихомъ I въ 1158 г.¹⁾

Ученыхъ степеней какъ и у арабовъ (въ Фецѣ) было три:

1) Степень Баккалавра (Baccalaureus philosophiae s. magister artium liberalium) первоначально имѣла цѣлью обезпечить будущему врачу общенаучное образованіе, какъ въ наше время аттестатъ зрѣлости, но впоследствии она составила первую медицинскую степень и присуждать ее своимъ ученикамъ было предоставлено медицинскому факультету. Въ Салерно отъ кандидата требовалось клятвенное удостовѣреніе въ томъ, что онъ два раза прослушалъ лекціи о важнѣйшихъ медицинскихъ писателяхъ и одинъ разъ о менѣ важныхъ²⁾ причемъ главный предметъ испытанія составляла діететика. Баккалавры состояли помощниками ординарныхъ профессоровъ, обязаны были упражняться въ диспутахъ и чтеніи лекцій ученикамъ (Scholares) по приготовительнымъ предметамъ, но права на самостоятельную практику не имѣли.

2) Степень лиценціата нѣчто въ родѣ магистра медицины давала уже право на практику хотя съ ограниченіями (въ Вѣнѣ напр. подъ надзоромъ старшаго врача). Въ Салерно отъ ищущаго этой степени (baccalaureus licentiaudus) законъ 1276 г. требовалъ прохожденія полного курса медицины втеченіе 40 и даже 50 мѣсяцевъ (если онъ не magister или licentiaudus artium), двухъ диспутовъ въ присутствіи magister regens и прочтенія курса по одной теоретической и одной практической книгѣ, послѣ чего онъ дер-

¹⁾ Ср. Ва а а, I. с. 137—139.

²⁾ Въ томъ числѣ о Теофілѣ (de urinis) и Исаакъ-Иудеѣ (4 книги: Viaticum, Diatae universales, De urinis и Liber februm). Распоряженіе Карла I отъ 1276 г. Ср. de Renzi, Collectio valeritana, I, 361.—Въ Вѣнѣ требовалось прослушаніе курса (debet audivisse) приблизительно по вышеприведенной программѣ.

жалъ экзаменъ у каждаго *magister regens* и протоколъ о результатѣ испытанія (опредѣлявшемся бѣлыми и черными бобами) препровождался къ канцлеру въ Неаполь, гдѣ предстояло еще испытаніе *per physikos regios*“ слѣд. своего рода государственный экзаменъ.

3) Степень доктора съ правомъ практиковать повсемѣстно введена въ Салерно только въ 12 в. и лишь въ 13 в. привилегія раздавать эту степень признана и за всѣми университетами. Давалась она послѣ повторныхъ чтеній и диспутовъ втеченіе 16 мѣсяцевъ по приобрѣтеніи степени лиценціату и присуждалась „пріоромъ“ при торжественной обстановкѣ, звонѣ колоколовъ и т. п. и при томъ въ первыя времена въ кафедральномъ соборѣ, впослѣдствіи же и въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ современемъ приобрѣтеніе этой высшей медицинской степени предоставлялось и нехристіанамъ, что, однако, врядъ ли имѣло мѣсто въ университетахъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи духовенства и иезуитовъ. Къ сказанному прибавимъ что въ средніе вѣка право раздавать ученые степени имѣлъ папа, который въ 1363 г. надѣлилъ этимъ правомъ нѣмецкихъ *comes palatinos* или пфальцграфовъ, а въ Англіи—архіепископъ кентерберійскій, которому это право передалъ Генрихъ VIII по отпаденіи Англіи отъ римской церкви.

Интересно, что въ Англіи недавно умеръ *William Sharp*, послѣдній обладатель подобнаго диплома. Такіе дипломы въ Англіи раздавались архіепископами еще до 1862 г.¹⁾

О требованіяхъ и условіяхъ, предъявлявшихся докторанту передъ допущеніемъ къ „промоціи“, равно какъ и о другихъ подробностяхъ при полученіи этой степени, рѣчь была уже выше²⁾. Еще торжественнѣе совершался этотъ обрядъ во Франціи, а именно въ Парижѣ и Монпелье, изъ коихъ въ послѣднемъ важную роль играла красная докторская мантия³⁾. Въ Гейдельбергѣ требовался 28 лѣтній и только при особенно выдающихся заслугахъ допускался 26 лѣтній возрастъ для полученія докторской степени. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ университетахъ обрядъ „промоціи“ еще въ 18 в. имѣлъ мѣсто также въ университетской церкви (напр. въ Лейпцигѣ еще въ 1867 г., въ Геттингенѣ—до 1790 г. Статуты университета въ *Löwen's* (*Louvain* въ Бельгіи) особенно много распространяются о пиршенствахъ, слѣдовавшихъ за промоціей причемъ не забыть даже педель, который долженъ быть *bene latinus et eloquens*“ и за то получалъ „*in quovis actu facultatis duo pocula vini rhenani in doctoratu duplum*“.

Гражданское положеніе врачебнаго сословія. Дѣленіе врачей на духовныхъ и свѣтскихъ въ средніе вѣка, особенно въ первыя столѣтія не было слишкомъ рѣзкое, такъ какъ многіе врачи-міряне охотно принимали посвященіе въ низкій духовный санъ, чтобы пользоваться его доходами.

¹⁾ *The Lancet* 25 April 1896, *Врачъ*, 1896, № 17 стр. 508.

²⁾ См. выше, стр. 369.

³⁾ *Автобиографія*, *Feix Platter* (въ 16 в.).

⁴⁾ Въ торжественной процессіи при полученіи степени доктора обыкновенно участвовали два педеля съ жезлами въ рукахъ.

⁵⁾ *Vogel*, *Prodrome de l'histoire de la faculté de médecine de Louvain, Anvers*, 1865, p. 18, ср. *Naeser*, I, 830, 831.

Врачи изъ духовнаго сословія. Самый старинный примѣръ полезной дѣятельности врача изъ высшаго духовенства представляетъ приведенный выше Paulus изъ Мериды въ 6 в. (530—560)¹⁾.

Далѣ относятся: въ 9 в. монахъ Notker въ St. Gallen's²⁾, носившій названіе „Pfefferkorn“ (за его пронизательный умъ) и имѣвшій титулъ доктора и „physicus“ въ 11 в.—пражскіе епископы Thieddag († 1017) и Izzo (1028—1030); въ 12 в. „scholasticus“ Werinher († 1197) заведшій ботаническій садъ въ бенедиктинскомъ монастырѣ Tegern asee (въ верхней Баваріи) откуда вообще вышло множество дѣльныхъ врачей; въ 13 в.—Jacobus, magister clericus et artemedicus“ во Франкфуртѣ -- на Майнѣ (1280), а во Франціи Rigordus, монахъ въ St. Denis, врачъ Филиппа Августа и Дидо, священникъ и лейбъ-медикъ Людовика Святого въ 14 в. Albicus, проф. медицины въ Прагѣ, впоследствии архіепископъ тамъ же и Raichspralt или Aichspralt, изъ Трифа, врачъ императора Генриха изъ Луксембурга и впоследствии архіепископъ майнцкій († 1320)³⁾. Тѣмъ не менѣе, какъ указано выше⁴⁾ уже весьма рано духовными лицамъ было запрещено заниматься медициной, какъ несогласной съ ихъ званіемъ, недопускающимъ прибѣгать къ другой помощи, кромѣ церкви: „leges et physican non studeant sacerdotes“, какъ гласитъ постановленіе собора въ Регенсбургѣ въ 877 г.

Другой соборъ 1131 г. въ Реймсѣ требовалъ даже отставки небрежно относящагося къ этому дѣлу высшаго духовенства Episcopiutes, abbates et priores tantae edormitati consentientes et non corrigentes, propriis honoribus spoliatur⁵⁾.

Упомянутыя запрещенія, послѣ безуспѣшныхъ постановленій многочисленныхъ соборовъ, были возобновлены подѣ страхомъ отлученія отъ церкви вюрцбургскими епископами еще въ 1446 и 1498 гг. и простирались даже на наставниковъ, обучавшихъ монаховъ медицинѣ. Запрещенія эти со стороны папъ и соборовъ относились какъ къ высшему такъ и къ низшему духовенству и только папа Целестинъ V въ 1294 г. сдѣлалъ исключеніе въ пользу послѣдняго, разрѣшивъ ему оказывать въ неопасныхъ болѣзняхъ помощь бѣднымъ, роднымъ и друзьямъ⁶⁾.

Врачи изъ мірянъ раздѣлились на ученыхъ получавшихъ научное образованіе въ университетахъ и эмпириковъ.

Ученые врачи носили названіе „magistri in physica“, въ Германіи— „medicus litteratus,—P u e s c h т. е. (Buch) arzt“, во Франціи— „mîège“ вѣроятно отъ medicus и „mîres“ отъ unguentarius.

Множество именъ подобныхъ врачей во Франціи приведено въ *Histoire littéraire de la France* (XXIV, 470), въ Германіи— у Н а е с е г'а (I, 835). Объ испытаніяхъ врачей въ

1) См. выше, стр. 480.

2) См. выше, стр. 354.

3) Ср. Н а е с е г, I, 832.

4) См. выше, стр. 356 и 357.

5) См. выше, стр. 356 и 357.

6) M a n s i, *Conciliarum collectio*, Florent, et venet. 1757—98.

Германіи до 14 в. нѣтъ данныхъ. Въмѣсто табличекъ нѣкоторые врачи привѣшивали бокалъ для мочи напр. во Франкфуртѣ, гдѣ врачи снискивали себѣ пропитаніе и подобными занятіями. Такъ въ 1494 г. одинъ научно-образованный врачъ продавалъ еще пиво! Вообще же нѣмецкіе доктора медицины считались дворянами, а лейбъ-медики и городовые врачи даже рыцарями (тамъ же, 886) изъ класса свѣтскихъ врачей весьма рано выдѣляются.

Городовые врачи. Они назначались обыкновенно на извѣстное время для безвозмезднаго пользованія городскихъ чиновниковъ и бѣдныхъ, а также для общественной—полицейскихъ и судебныхъ цѣлей и на случай эпидемій. Они же завѣдывали городскими больницами, а во время войны командировались на поле сраженія.

Такіе врачи прежде всего появились въ Италіи, напр. въ Венеціи (съ 1260 г.), гдѣ въ ихъ числѣ находились также евреи и магометане, изъ коихъ нѣкоторые за свои услуги удостоивались почестей и права гражданства (Johannes Saracenus).¹⁾ Здѣсь по 12 общинныхъ врачей и хирурговъ „medici del commune“ назначались ежегодно сенатомъ, кромѣ того тутъ были также военные и флотскіе врачи. Здѣсь же приобрѣлъ въ 1293 г. почетную извѣстность упомянутый выше Гаддео Alderotti, прибывшій съ двумя учениками для оказанія бесплатной помощи бѣднымъ. Сюда же приглашались врачи специалисты, какъ Joñ. de Lussa (подагра), Menico (переломы и выпаденія), Giberti de Fano (камнедробленіе), Pietro de Fermo (грыжи), Drago Slavo (глазные болѣзни). Во Флоренціи имѣлись даже особенные врачи для плѣнныхъ и заключенныхъ.

Въ Германіи и Нидерландахъ въ городовые врачи приглашались сначала хирурги и лишь впоследствии врачи съ университетскимъ образованіемъ. Такъ городовые врачи имѣлись въ Базелѣ (съ 1426 г.), въ Мюнхенѣ (съ 1325 г.), во Франкфуртѣ на Майнѣ—съ года черной смерти (1348) на различномъ жалованьи. Такъ за осмотръ мочи было 12 геллеровъ.

Придворные врачи, какъ мы видѣли, пользовались особымъ почетомъ во время восточной римской имперіи, гдѣ имъ присвоивались разные высокіе титулы, какъ напр. начальника свиты („comes obsequii“), смотрителя дворца, начальника гвардіи, actuarius и midii. Таковыя имѣлись также при дворахъ остготскихъ королей, напр. Antimos при королѣ Теодорихѣ²⁾. Въ Германіи были лейбъ-медики при маркграфяхъ въ Бранденбургѣ. Лейбъ-медики богемскимъ королямъ надѣлялись имѣніями. Точно также уже весьма рано имѣлись въ средніе вѣка.

Военные врачи какъ въ Италіи, такъ и во Франціи и Германіи, сначала только для предводителей, князей и дворянъ, а впоследствии и для армій.

Фургоны для больныхъ, военныя аптечки съ перевозочнымъ матеріаломъ и вообще военно-санитарные отряды были введены уже императоромъ Мавритіемъ I (582—602) подтверждены Львомъ VI Философомъ (886—911)³⁾. Точно также итальянскіе военные врачи и вѣнская городская ми-

¹⁾ Тамъ же, 845.

²⁾ Ср. Ваас, I. с. 112.

³⁾ Ваас, I. с. 113.

лиція весьма рано возили съ собою подобныя фургоны *saugocci*¹⁾). Въ Англіи военно-санитарная служба введена съ конца 13 в.

Англійскія арміи въ концѣ 13 в. имѣли „королевскаго *physicus*'а“ получавшаго 2 марки въ день „королевскаго хирурга“ и его помощниковъ и кромѣ того, обыкновенныхъ хирурговъ. Въ началѣ 15 в. въ Англіи вошло въ обычай заключать съ извѣстными и главными хирургами (*surgeons*) условія по которымъ они брали на себя подрядъ поставлять на время войны весь военно-медицинскій персоналъ за опредѣленную плату. Такъ *surgeon Thom Morestide* получалъ съ 1417 года 800 марокъ въ годъ (или походъ) для себя и по 400 марокъ за помощниковъ, кромѣ того суточныхъ кормовыхъ по 1 м. 20 пф. для себя и по 60 пф. на каждого помощника. Кромѣ того хирурги получали свою долю добычи. Тоже имѣло мѣсто и въ другихъ странахъ, вездѣ императоры, короли и другіе предводители войскъ имѣли въ своихъ походахъ, въ томъ числѣ и крестовыхъ врачей и остальной военно-медицинскій персоналъ. Тоже имѣло мѣсто въ городскихъ войскахъ напр. въ Болоньи и у предводителей-кондотьеровъ *Braccio* (1368—1424) и *Sforza* (1369—1424). Самое названіе „фельдшера“ (*Feldscheerer*) указываетъ на то, что въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ особенности въ 15 в. цеховое сословіе цирюльниковъ удовлетворяло потребности армій въ двойномъ искусствѣ стричь и брить, съ одной стороны и пользоваться ранн съ другой²⁾).

Согласно *Meyer*'у³⁾ первымъ военнымъ врачомъ на западѣ былъ еврей *Ledikias*, на котораго въ 877 г. пало подозрѣніе въ отравленіи Карла Лысаго каковое подозрѣніе въ новѣйшее время постарался опровергнуть даже Вольтеръ, какъ извѣстно не особенно жаловавшій евреевъ⁴⁾. Въ Италіи полевые врачи при Карлѣ Анжуйскомъ получали по двѣ лошади. Въ Германіи уже въ 1038 г. былъ военный врачъ, по имени *Wiro*, состоявшій при войскѣ императора Конрада II въ Баваріи. Изъ арабовъ у *Razes* есть наставленіе для отправляющихся на войну солдатъ, а *Arnaldus Villanova* написалъ даже особое сочиненіе о военной гигиенѣ: „*Regimen castra sequentium*“⁵⁾. Здѣсь пора сказать нѣсколько подробнѣе.

О врачахъ евреевъ въ средніе вѣка. Отзывы о нихъ историковъ крайне противорѣчивы. Въ то время какъ одни напр. *Вундерлихъ*, подобно многимъ изъ нынѣшнихъ врачей, ожесточенно на нихъ нападаютъ, другіе, какъ *Haeser*, *Baas*, *Leclerc* и проч. признаютъ ихъ заслуги въ дѣлѣ сохраненія греческаго наслѣдія и распространенія совмѣстно съ арабами, медицинскихъ знаній въ средніе вѣка.

1) *Der Militär-Arzt*, Vien, 1875, № 3, ср. *Haeser* l. 846.

2) *Meyer*, *Geschichte der Botanik*. III, 414, на основаніи *Hist. littéraire de la France* IV, 274.

3) Ср. *Baas*, l. c. 149, 150, гдѣ въ примѣчаніи онъ указываетъ какъ на черту грубости тогдашнихъ нравовъ что въ войскахъ имѣли еще особый персоналъ для соблюденія сопровождавшей ихъ многочисленной арміи женщинъ, послужившей источникомъ пандемическаго распространенія сифилиса въ послѣднее десятилѣтіе 15 в. Такъ что и у дворянства и у духовенства болѣзн сифилисомъ вошло въ моду, отчего однако ихъ репутація нисколько не страдала все равно, какъ напр. если нынѣ схватить инфлюэнцу.

4) *Voltaire*, *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations*. *Oeuvres complets*, Paris, 1817, IV, 229.

5) См. *Haeser*, l. c. и выше стр.

Имъ, говоритъ Tiedemann, мы обязаны большей частью существующихъ еще переводовъ съ арабскихъ авторовъ, имъ, слѣдующій за послѣдними, въкъ обязавъ схоластикой, а также знакомствомъ съ ученіями арабовъ и всѣми результатами возникшаго отсюда просвѣщенія⁴⁾.

Какъ бы то ни было нѣтъ сомнѣнія, что съ средніе вѣка врачи евреи были весьма популярны и одно время полагали, что для того, чтобы имѣть опытность въ медицинѣ необходимо еврейское происхождение. Такого мнѣнія придерживались испавецъ Nuarte съ помощью теорій Галена, старавшійся доказать, что евреи обладаютъ темпераментомъ, наиболее соответствующимъ медицинской профессіи (1)²⁾ и французъ Prunelle³⁾, а Cabanis по этому поводу говоритъ: „Они были знакомы съ восточными языками и въ то время, какъ Галенъ, Гиппократъ и другіе творцы медицинны были извѣстны на западѣ лишь благодаря арабскимъ и сирійскимъ переводамъ, евреи почти одни только умѣли пользоваться болѣзни по извѣстному методу, руководствуясь трудами древнихъ“⁴⁾.

Если въ приведенныхъ отзывахъ кое что и преувеличено, то Haeser неоспоримыми историческими фактами доказалъ, что евреи уже въ Александріи посвящали себя медицинѣ и многочисленныя врачи и ученые изъ ихъ среды еще до разрушенія Иерусалима поселились въ Римѣ, а послѣдствіи также въ Византіи и между арабами, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, принявъ дѣятельное участіе въ научномъ движеніи послѣднихъ. И подобно тому какъ ихъ вліяніе на образованность было велико въ Сиріи, Месопотаміи и Персіи, гдѣ существовало множество еврейскихъ школъ и академій, точно также въ арабскій и слѣдующій за нимъ періоды они изучали науки въ томъ числѣ медицину какъ въ арабскихъ, такъ и въ собственныхъ своихъ школахъ, гдѣ медицина занимала не послѣднее мѣсто и послѣдствіи, вмѣстѣ съ математикой и музыкой (или съ талмудомъ—въ школахъ ортодоксовъ), составляла одинъ изъ основныхъ предметовъ, которому обучались и тѣ, кто впослѣдствіи и не думалъ практиковать (напр., раввины). Есть впрочемъ указанія на то, что практиковали и раввины, напр. Simon Zepach, Дуган, раввинъ въ Алжирѣ, получившій не въ примѣръ прочимъ жалованье, такъ какъ по его словамъ медицинская практика среди берберійцевъ совершенно въ упадкѣ и не могла ему доставить средствъ къ жизни,—и поэты, какъ знаменитый поэтъ и философъ Иегуда Галеви (1086—1140) изъ Толедо, жалующійся на то, что онъ принужденъ проводить свои годы въ пользованіи высокопоставленныхъ особъ, вмѣсто того, чтобы всецѣло посвятить себя умственнымъ занятіямъ⁵⁾. Здѣсь для преподаванія пользовались *Діетитикой и Гигіеной Regimen Sanitates*) Маймонидъ, Ardashuza (*Canticum*) и *Канономъ Авиденни* и въ концѣ курса сочиненіями Галена⁶⁾. Кромѣ того въ средніи и концѣ среднихъ вѣковъ многіе евреи учились въ Монпелье и Салернской школѣ, а также и другихъ итальянскихъ школахъ, гдѣ получали только званіе „магистра“ или „master“.

Главная заслуга врачей—евреевъ по мнѣнію Haeser'a заключается въ ихъ посреднической роли. Между востокомъ и западомъ, благодаря предпріятымъ имъ многочислен-

1) Tiedemann, Geschichte der Speculationen Philosophie, 1795. IV, 161.

2) Ср. Münz, Die jüdischen Aerste im Mittelalter 1887. Объ особенной принадлежности еврейскаго темперамента къ медицинской профессіи писалъ также David de Romis, De medico hebraeo enarratio apologetica, Venet. 1588 и Jellinek der Jüdische-stamm p. 62.

3) Prunelle, Die l'influence de la medicine sur la renaissance des lettres, Montpellier § 38.

4) Cabanis, Revolution de la medecine, chap. 2.

5) Ср. Münz, i. c. p. 22. Ср. Divan des Jehuda Halevi.

6) Ср. Haeser, I, 686.

нимъ переводамъ арабскихъ сочиненій. Число этихъ переводовъ по медицинѣ и гиппіатрикѣ весьма значительно. Стариннѣйшіе изъ нихъ принадлежатъ провансальскимъ евреямъ, но большая ихъ часть сохранилась только въ рукописяхъ. Многіе изъ латинскихъ переводовъ арабскихъ авторовъ сдѣланы съ таковыхъ же еврейскихъ, не всегда, впрочемъ, исправныхъ ¹⁾).

Что касается практики въ христіанскихъ странахъ то они сначала имѣли право заниматься ею только среди своихъ единовѣрцевъ. Но въ послѣдствіи дѣльнее и достойнее изъ нихъ приобрѣтали довѣріе и среди христіанъ. Такъ въ Авиньонѣ 1406—1470 было 33 врача-еврея, и только четверо христіанъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1514 г. былъ только одинъ христіанскій врачъ, всѣ же остальные—евреи. И не смотря на неоднократныя запрещенія христіанамъ обращаться къ врачамъ-евреямъ, ибо врачи были обязаны побуждать опасныхъ больныхъ къ исповѣди ²⁾, имъ все-таки довѣрялись аббаты и высшіе свѣтскіе духовные владыки. Известно, что уже св. Василій († 370) не побоялся лечиться у еврея, а императоръ Юстинъ-младшій (565—588) имѣлъ лейбъ-медика еврея, по имени *Timotheus* (*Fabricius, Bibl. Graeca, XIII, 302, 348*). Изъ папъ лейбъ-медиковъ изъ евреевъ предпочли: Бенедиктъ XIII (1394), имѣвшій врача *Joana Nagloski* (впрочемъ поздѣе принявшаго христіанство подъ именемъ *Hieronymus de santafe*), а также Юлій II и III, Левъ X (врача Самуила *Sarfedi*), Климентій VII, Павелъ III и т. д. Папа Иннокентій VII (въ 1406) даровалъ даже право римскаго гражданства врачамъ-евреямъ: магистру *Elia di Sabatto, Mose de Lisbona, Mose de Tivoli* ³⁾, а Климентій VII удостоилъ весьма милостивымъ посланіемъ флорентійскаго хирурга *Abraham'a*, излечившаго у Иоанна Медичи опасную огнестрѣльную рану. Въ 1511 г. врачъ *Moses* изъ *Aschaffenburg'a* пользовался такимъ расположеніемъ князей и графовъ, что ему было дозволено жить во Франкфуртѣ—на-Майнѣ безъ обременительныхъ налоговъ, а въ 1528 г. сдѣлано распоряженіе о пропускѣ его черезъ ворота [*getto*] въ каждый часъ ночи. Поздѣе убѣжищемъ для врачей-евреевъ, особенно изъ Португаліи, сдѣлался Гамбургъ, гдѣ практиковали *Rodrigo-de Castro, Samuel de Silva, Pereira, Alfonso, Diaz de-Pimental, Mustaphia, Sonsera*. Сюда же относится врачъ *Lazarus*, пользовавшій дѣтей императора Фердинанда I (ср. *H. Wolf, Lazarus Heræer, Leibarzt der Kinder des Kaisers Ferdinand I* въ *Wiener med. Wochenschrift 1860, № 47*). О врачахъ еврейхъ въ Вѣнѣ см. *Meynert, die Aerzte in Wien in früheren Jahrhunderten, въ Wiener Abendpost, 1872, №№ 180, 181*. Наконецъ прибавимъ здѣсь, что немалымъ довѣріемъ пользовались и еврейскія женщины-врачи, особенно окулисты ⁴⁾ Тѣмъ не менѣе при преслѣдованіяхъ евреевъ чернь и духовенство не щадили ихъ врачей. Такъ въ Прагѣ, когда во время эпидеміи заразной болѣзни въ

¹⁾ Тамъ же, 657. См. также выше стр. 351.

²⁾ *Adversus Judaeorum et Saracenarum induratam malitiam, qui.. nocent populo christiano, dum eis medicamenta propinant, ex quibus nonnunquam pericula mortis incurunt, sanctorum patrum canones salubriter providerunt, ne Christiani eos in infirmitatibus suis visent aut ab iis recipiant medicinam*². Постановленіе одного изъ раннихъ соборовъ (Вѣна, 1217 г.), возобновленное папами Павломъ IV и Григоріемъ XIII. Но это запрещеніе было тотчасъ же снято доставленіемъ пользоваться услугами врача-еврея, если нѣтъ подъ рукой другого врача или „*Cum est exallens aliquis medicus in Judaeis*“. Ср. *Haeser I, 837*.

³⁾ Ср. *Vaas, I c., 144*.

⁴⁾ *Kriegk, Deutsches Bürgerthum in Mittelalter, Frankfurt a. M. 1868, p. 2*. Приводитъ дѣльный рядъ такихъ женщинъ-врачей, изъ коихъ первая практиковала въ 1393 г. Ср. *Haeser I c.*

1161 г. умерло нѣсколько врачей изъ христіанъ и практика перешла въ руки евреевъ, которымъ однако не удалось уменьшить смертность среди христіанъ, то разъяренная толпа сожгла 86 врачей-евреевъ (H a s n e r, Über die älteste Medicin in Böhmen, въ Prager Vierteljahresschrift, 1866, XC; 2) а въ 1657 г. когда „Hirsch Judae promotus, med. Dr. получилъ отъ городского совѣта въ Hall'ѣ въ Швабін дозволеніе ѣздить по странѣ безъ уплаты установленнаго налога, то духовенство объявило, что лучше умереть съ Христомъ, чѣмъ выздороветь отъ еврея (L a m m e r t. Volksmedicin in Bayern). Не обходилось дѣло, какъ и нынѣ безъ фанатическихъ выходовъ въ печати (напр. Martini, Apella medicasterbullaten oder Juden-Arzt etc, Hamburg. 1686. Trewmundt, Gewissenloser Juden-Doctor etc. abscheuliche Gestalt eines Juden-Doctors, wi: auch dessen Unfähigkeit zur Lehr- und Doctors-Würde etc. Freiburg, 1698,—Schudt. Von denen Medicis oder Juden-Aerzten, Franck. a. M. 1718¹⁾). Понятно, что въ семьѣ было не безъ урода и что въ особенности между низшимъ медицинскимъ персоналомъ изъ евреевъ были и недостойные; но достаточно вспомнить вышеизложенные историческіе факты, а также прочесть прекрасную по словамъ H a e s e r'a утреннюю молитву врача-еврея XII в. у Philippson'a, чтобы избѣгать ошибочныхъ обобщеній и не возводить исключеній въ правило.

Излишне прибавить, что о „еврейской медицинѣ“ въ средніе вѣка не можетъ быть рѣчи, подобно тому какъ не можетъ быть рѣчи о талмудической медицинѣ въ смыслѣ школы или системы. Врачи-евреи принадлежатъ всецѣло тѣмъ странамъ гдѣ они жили и тѣмъ языкамъ, на которыхъ писали. Даже оригинальныя или переводныя еврейскія сочиненія по медицинѣ носятъ неизгладимый отпечатокъ пріютившихъ ихъ странъ.

В. Эмпирики. Сюда относятся съ одной стороны баньщики и цирюльники, съ другой низшій разрядъ хирурговъ.

Баньщики или вѣрнѣе содержатели бань имѣли свои собственныя или арендовали городскія или частныя бани, заведенія крайне необходимыя въ средніе вѣка при тогдашней шерстяной одеждѣ и отсутствіи мыла. А такъ какъ эти заведенія имѣли гигиеническое назначеніе, то ихъ обладатели должны были имѣть опытность въ приставленіи кровососныхъ банокъ и кровопусканіи въ оздоровляющее дѣйствіе коихъ вѣрили какъ міряне, такъ и монахи, считавшіе ихъ отвлекающимъ средствомъ противъ послѣдствій предписанной имъ „retentio seminis“. Кроме того баньщики имѣли право пользоваться и внѣ своихъ заведеній „застарѣлыя“ болѣзни, а также вправлять вывихи и переломы. Выѣсками для бань служили сначала полотенца, а впоследствии мѣдныя тазы какъ и у цирюльниковъ. И хотя ремесло баньщиковъ считалось низкимъ или по старинному русскому выраженію „подлымъ“ (unehrlich), но одно время, а именно при императорѣ Венцелѣ (1406) было объявлено „честнымъ“, при чемъ имъ даже былъ предоставленъ гербъ въ видѣ завязаннаго узломъ бинта на золотомъ фонѣ и зеленомъ попугая. Вслѣдствіи однако и то и другое было отмѣнено²⁾. И неудивительно, такъ какъ эти заведенія, въ которыхъ имѣлись и баньщика и нерѣдко оба пола мылись вмѣстѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ превратились въ притоны разврата, къ тому же способствовавшіе распространенію сифилиса, вслѣдствіе

¹⁾ L. Philippson, Weltbewegende Fragen in Politik u. Religion, Leipzig, 1869, II, 159, Magazin für die Literatur des Auslands, p. 308 приведено у H a e s e r'a I, 837. Отрывокъ этой молитвы будетъ помѣщенъ въ Прибавленіяхъ.

²⁾ Тамъ же, 838 и M. Steinschneider, Schriften über Medicin in Bibel u Talmud und überjüdische Aerzte, въ Wiener Klinische Kundschau“ за 1896, №№ 25 и 26.

чего публичныя бани и совѣмъ были закрыты по распоряженію властей. Любопытное явленіе въ средніе вѣка представляли такъ называемыя „бани для душъ“ (Seelbäder) гдѣ работали соотвѣтственные сестры милосердія (Seelschwestern), каковыя бани строились по завѣщанію богатыхъ и благочестивыхъ людей для бѣдныхъ, чтобы избавить души ушедшихъ отъ огня преисподней. Но и эти бани въ послѣдствіи выродились въ притоны разврата. Интересно, что евреямъ запрещалось посѣщать бани, но на это запрещеніе, особенно въ терпимыхъ 13 и 14 вѣкахъ, мало обращалось вниманіе. Цирюльнички (barbieros, gasos), для дѣятельности которыхъ сначала обширное поприще представляли монастыри и духовенство (бритье, стрижка и діететическія кровопусканія) и которые въ особенности размножились въ 12 и 13 вв., когда бритье вошло въ моду и у мірянъ, въ отличіе отъ банщиковъ съ незапамятныхъ временъ имѣли право пользоваться открытія поврежденія и свѣжія раны, не говоря уже о исправленіи вывиховъ и переломовъ, словомъ располагали значительной долей и „малой хирургіей“¹⁾ имѣли право вывѣшивать сколько угодно тазовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они ставили у дверей въ качествѣ вывѣски тазъ, наполненный кровью. Но несмотря на строгое ограниченіе ихъ собственной сферы дѣятельности, т. е. безъ приглашенія врача (напр. они были вправѣ пользоваться укушенныя раны, но не раны отъ укушенія ядовитыхъ животныхъ и бѣшеныхъ собакъ) они все таки то и дѣло нарушали эти ограниченія, захватывая въ свои руки и остальную врачебную практику и въ сущности въ средніе вѣка одни только и были „врачами для народа“ особенно съ тѣхъ поръ какъ, соединившись съ банщиками образовали особый цехъ, причинившій не мало хлопотъ врачамъ и медицинскимъ факультетамъ—въ Парижѣ и Германіи, гдѣ до 13 в. они были единственными хирургами и гдѣ напр. въ Бреславлѣ они еще въ 18 в. не успокоились. На обязанности ихъ лежала приготовленіе мазей, пластырей и микстуръ для ранъ (Vundtränke), а также давать судебно-медицинскія заключенія о поврежденіяхъ, завѣдываніе приютами для прокаженныхъ и домами терпимости, въ особенности же леченіе чумныхъ и сифилитическихъ больныхъ. Въ университетахъ они исполняли обязанности прозекторовъ. У нѣкоторыхъ государей состояли даже въ качествѣ лейбъ-цирюльничковъ, причѣмъ имѣли и побочные доходы, напр. въ Англіи отъ всякаго вновь возведеннаго къ герцогу—200 марокъ, въ графы—100 и въ лорды—40 марокъ и вообще пользовались большимъ вліяніемъ напр. „dilectus fidelis chineo gasos“ при дворѣ короля Венцеля въ Прагѣ (1349) и Olivier le Dain у Людовика XI. Нѣкоторые изъ нихъ даже становились поэтами и пѣвцами, какъ Hans Folz изъ Вормса, цирюльничъ и мастерсенгеръ въ Нюрнбергѣ, авторъ первой нѣмецкой бальнеологіи (Das Büchlin von allen Paden (въ концѣ 14 в.).

Къ низшему „подлому“ хирургическому персоналу принадлежалъ и палачъ: еще въ 18 в. въ началѣ таковой состоялъ даже и придворнымъ врачомъ (Hofarzt) при прусскомъ дворцѣ! палачъ имѣлъ право вправлять вывихи, причиненные пыткой²⁾.

Хирурги первоначально мало отличались отъ банщиковъ и цирюльничковъ „втеченіе многихъ столѣтій даже лучшіе хирурги выходили только изъ мастерскихъ послѣднихъ. Учились они либо у „мастера“, либо въ отдѣльныхъ врачебныхъ школахъ напр. въ Салерно, либо въ специальныхъ школахъ хирургическихъ общинъ во Франціи и Италіи куда съ 15 в. стремились для усовершенствованія и нѣмецкіе хирурги. Неудивительно поэтому, что они весьма рано подраздѣлялись на хирурговъ высшаго и низшаго разряда.

¹⁾ Тамъ же, 840.

²⁾ Тамъ же и 841, и Ваас I. с. 148.

Хирурги высшаго разряда раньше всего встрѣчаются въ Италіи, гдѣ вначалѣ 13 в. имъ читались лекціи при университетахъ на латинскомъ языкѣ (низшимъ ихъ товарищамъ, *chirurgi phlebototomes*, на итальянскомъ) и давались дипломы на степень *magistri chirurgiae* или *chirurgi phisici*, но не доктора медицины. Нѣсколько поздне (въ 1260 г.) хирурги во Франціи собственной инициативой возвысили свое положеніе улучшеніемъ преподаванія въ *Collège de St. Cosme* и введеніемъ степени *magistri chirurgiae* или *chirurgiens de longue robe*, въ отличіе отъ новыхъ хирурговъ (*chirurgi vulgares*, *barbiers-chirurgiens*, или *chirurgiens de la courte robe*), съ которыми враждовали, пока и тѣ и другіе не соединились (хотя не надолго) и не добились въ 1416 г. присоединенія къ парижскому медицинскому факультету. О расприхъ хирурговъ съ факультетомъ особенно много распространяются французскіе писатели.

Точно также въ Англии, въ отличіе отъ *barber-surgeons*, давно уже составившихъ особый цехъ, утвержденный въ 1461 парламентомъ и учившихся только у „мастеровъ“, хирургамъ, получавшимъ лучшее первоначальное спеціальное образованіе въ высшихъ школахъ, присвоивался титулъ *chirurgion* или *surgeon* съ правомъ носить длинное платье и особую шляпу и употреблять для вывѣсокъ, кромѣ сине-бѣлаго шеста низшихъ хирурговъ, еще красный флагъ и бутылъ съ лекарствомъ. Впослѣдствіи для лучшихъ хирурговъ основана высшая школа, *college of surgeons*.

Къ хирургамъ преимущественно принадлежала также армія „странствующихъ врачей“, занимавшихся разными спеціальными операціями, какъ снятіемъ катарактъ, низдавленіемъ, камнеобтѣченіемъ, грыжеобтѣченіемъ (причемъ вырѣзывали за одно и лички) и лопаніемъ зубовъ“ (буквально *Zahnbrecher*). Главными волшебными средствами этихъ врачующихъ бродягъ были опій и *arganum* или элексиръ изъ человѣческой крови и головного и спинного мозга оленя (Вроескх). Обыкновеннымъ ихъ полемъ дѣятельности были ярмарки и освященіе церквей, причемъ появлялись на лошадяхъ или въ экипажахъ, увѣшанныхъ дипломами и, для приманки публики, въ сопровожденіи толпы помощниковъ, шутовъ, арлекиновъ, актеровъ, пѣвчихъ и фокусниковъ, съ барабаннымъ боемъ или при трубныхъ звукахъ, а также возили съ собой обезьянъ, попугаевъ, крокодиловъ и проч. Причемъ выкрикивали и восхваляли свой товаръ и тутъ на площади производили свои операціи, послѣ чего благоразумно спѣшили удалиться, предоставляя свои жертвы на попеченіе родныхъ.

Болѣе способные изъ хирурги, носившихъ также названіе „*Brechärzte*“ (врачи для переломовъ) дослуживались до высшаго званія „операторовъ“ (*Schneideärzte*) и составляли главный контингентъ городскихъ и полевыхъ врачей, а до основанія университетовъ въ мало образованныхъ странахъ Европы—большинство вообще врачей данной страны¹⁾.

Вслѣдствіе недостатка во врачахъ медицину изучали и коронованныя особы, напр. Генрихъ VIII, а Яковъ IV былъ до того хорошій хирургъ, что въ трудныхъ случаяхъ къ нему обращались для консультаціи²⁾.

Акушерики имѣлись вездѣ, напр. въ Вюрцбургѣ въ 14 в. ихъ было пять, самая низшая плата была 1/2 марки. При отлучкѣ на ночь изъ города, онѣ обязаны были увѣдомлять

¹⁾ Тамъ же, 146, 148 и *Naeser*, I, 842.

²⁾ Тамъ же, 843.

объ этомъ городскую управу, также приглашать другихъ, если сами не могли справиться. Какъ онѣ обучались, нѣтъ свѣдѣній, но въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. въ Лейпцигѣ еще въ 17 в., ихъ экзаменовала жена бургомистра. Интересно, что въ средніе вѣка помощь при родахъ кромѣ странствующихъ хирурговъ подавали также п а с т у х и ! Еще любопытно постановленіе кельнского собора о томъ, чтобы акушерка, въ случаѣ внезапной смерти роженицы, удерживала ротъ и влагалище умершей раскрытыми посредствомъ клиньевъ до совершенія кесарскаго сѣченія, дабы до того младенецъ не задохся.

Къ разряду акушеровъ вѣроятно слѣдуетъ отнести и женщинъ-врачей (medicae), изъ коихъ извѣстна одна въ Майнцѣ (1288) и одна во Франкфуртѣ (1391), а также еврейка Saгаh, получившая въ 1419 г. лиценціатъ отъ епископа вюрцбургскаго. Другая еврейка, по имени Zerline, окулистка, жила во Франкфуртѣ въ 1428 г. ¹⁾ Далѣе извѣстно, что въ Брюсселѣ въ 1360 г. были кровопускательницы, а во Франкфуртѣ еще въ 1746 г. были женщ.-врачи Held, „curandae luis venerbae expertissima“ ²⁾. Еще ранѣе у Людовика св. въ Палестинѣ была ж.-вр. по имени Hergend. Что въ средніе вѣка знахарство было широко распространено, доказывается тѣмъ, что уже тогда имѣли мѣсто судебныя разбирательства по поводу такого рода леченія, напр. въ Вѣнѣ и Парижѣ ³⁾.

Въ Парижѣ эти самозванцы-врачеватели слонялись въ пестрыхъ и вычурныхъ костюмахъ по улицамъ и церквямъ, чтобы поймать больныхъ, и никакими мѣрами нельзя было помѣшать этому безобразію. Эдиктъ отъ 1301 г. ихъ называетъ:

„Meurtriers, larrons, faux-monnayeurs, espions, voleurs, abuseurs, arquemistes et usuriers, qui se mêlent de pratiquer la chirurgie, mettant des bannières à leurs fenêtres, comme les vrais chirurgiens, pansant et visitant les blessés dans les églises et les lieux privilégiés“ ⁴⁾.

Аптекари. Вначалѣ среднихъ вѣковъ врачи сами приготовляли лекарства. Выше мы видѣли, что приготовленіемъ лекарствъ и медициной занимались даже императоры (отецъ и дочь Комнены). Но въ восточной римской имперіи были и настоящіе аптекари „*pharmaceutarii*“ не пользовавшіеся однако особымъ уваженіемъ. Еще менѣе довѣрія питали къ подозрительнымъ ризотомамъ и фармакополамъ. Домашнія аптеки имѣлись только въ больницахъ несторіанъ. Первая официальная аптека была учреждена, какъ мы видѣли выше въ Богдадѣ (745). Затѣмъ встрѣчаемся съ аптеками въ Салерно, гдѣ по распоряженію Фридриха II отъ 1224 г. надзоръ за ними возлагался на врачей. Въ 1241 г. тотъ же императоръ ввелъ испытаніе аптекарей и аптекарскую таксу. Торговлей аптекарскихъ товаровъ занимались дрогисты („*herbarii, speciarii, confectioarii*“) и собственно аптекаря (stationarii), преимущественно итальянцы.

Кромѣ арабскихъ аптекъ въ Испаніи и проч., таковыя раньше всего появились въ Италіи: въ Римѣ (1016), Монте-Касино (1022), Венеціи (1172). По образцу итальянскихъ аптекъ весьма рано появились аптеки и во Франціи, Бельгіи, Англии и Германіи напр. въ Парижѣ (1336), Лондонѣ (1345) и т. д. Во Франціи въ 14 в. аптекари получали право носить магистерскій таларъ и ставить клистиры. Въ Германіи аптеки существовали уже

¹⁾ Ваас, I. с. и 149.

²⁾ Janus, II, 196.

³⁾ Chéreau, Union médicale, 1866 № 27 и 93. Ср. Haeser, I, 844.

⁴⁾ Тамъ же.

въ 13 в., напр. въ Вецларъ (1233), въ Триръ (1241), въ Швейдницъ и Вормсѣ (1248), въ Вюрцбургѣ (1276), въ Аусбургѣ (1285), во Франкфуртѣ (1348). О существующей еще и понинѣ „Löwenapotheke“ въ Лейпцигѣ упоминается уже въ 1404 г. Особеной славой въ 15 в. пользовались нюрнбергскіе аптекари, бывшіе, между прочимъ, придворными аптекарями въ резиденціяхъ бранденбургскихъ маркграфовъ Ансбахъ и Cadolzburg'а. Въ Россіи первая аптека учреждена въ Москвѣ въ 1584 г.: управлялась она англичаниномъ James Trepkham'омъ, который съ нѣсколькими врачами былъ посланъ въ Россію королевой Елисаветой по просьбѣ царя Ивана Васильевича IV. — Въ Германіи о врачебномъ надзорѣ надъ аптекарями упоминается впервые въ 1426 г. въ Ульмѣ, затѣмъ въ 1461 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ ревизія аптекъ производилась городовымъ врачомъ и 2 членами магистрата.

Въ 1454 г. въ Констанцѣ впервые сдѣлано распоряженіе о запрещеніи врачамъ отпускать лекарства ¹⁾. Но писаніе рецептовъ, по дороговизнѣ бумаги, вошло въ употребленіе только съ 16 в., до того же времени врачъ обыкновенно самъ отправлялся въ аптеку и сообщалъ устно, изъ какихъ веществъ должно состоять назначенное имъ лекарство ²⁾ Излишне прибавить, что и тогда уже аптекари, какъ и нынѣ занимались леченіемъ больныхъ.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь для характеристики средневѣковыхъ врачебныхъ нравовъ распространившійся съ 13 вѣка *обычай консультацій*. На этотъ обычай, какъ мы видѣли, указалъ уже Dageberg; но онъ вѣроятно существовалъ и въ предшествующія цивилизаціи. Изъ древности до насъ, кромѣ нѣкоторыхъ намековъ у Гиппократовъ о немъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Зато у средневѣковыхъ авторовъ объ этомъ предметѣ часто заходитъ рѣчь, но болѣе всего данныхъ содержитъ въ этомъ отношеніи „хирургія“ Мондевила—лейбъ-медика Филиппа Красиваго въ первый разъ недавно изданная J. I. Pagel'емъ, привать-доцентомъ берлинскаго университета ³⁾.

Это изданіе, которое сооствено говоря есть отгискъ изъ *Langenbeck's Archiv f. klinische Chirurgie* (В. XL Heft. 2, —В. XLII, Heft. 4) съ дополненіями и поправками издателя по различнымъ вариантамъ и съ статьею о синонимахъ и глоссаріемъ проф. Steinschneider'a составляетъ драгоценный вкладъ въ исторію средневѣковой медицины и хирургіи и пополняетъ пробѣлъ, на который указывали еще Chéreau, біографъ Мондевила'я и Littré (въ Hist. littéraire de la France XXVIII 325—352. Трудъ д-ра Pagel'я отличающій глубокую эрудицію и всестороннее изученіе предмета, можно сравнить съ подобнымъ же классическимъ трудомъ Литтре—изданіемъ Гиппократа, съ тою только разницею, что въ первомъ переводѣ отсутствуетъ, такъ какъ латынь Mondeville'я читается легко. Этимъ изданіемъ, какъ и другимъ (Aeolae de Johannes de St. Amanda, Berlin

¹⁾ Ср. тамъ же 848 и Ваас, I. с. 151.

²⁾ Ваас, I. с. 145.

³⁾ *Die Chirurgie des Heinrich von Mondeville* (Hermondeville) nach Berliner Erfurter und Pariser Codices zum ersten Mal herausgegeben von Dr. Julius Leopold Pagel, Berlin, 1892 (Hirschwald). Только черезъ годъ появилось Французское изданіе „*Chirurgie du maître Henri de Mondeville* Chirurgien de Philippe le Bel, composée de 1306 à 1320, traduction française etc., par E. Nicaise, avec la collaboration du Dr. Saint Lager et de F. Chavannes, Paris, 1893 chez F. Alcan.

1893, которая онъ также выкопалъ изъ пыли библиотекъ и впервые обнаружилъ), Dr. Pagel содѣйствовалъ появленію въ Берлинѣ цѣлой серіи историко-медицинскихъ диссертаций, написанныхъ по его указаніямъ и подъ его руководствомъ, слѣдовательно, создалъ нѣчто въ родѣ историко-медицинской школы при берлинскомъ медицинскомъ факультетѣ, — явленіе въ наше время до крайности рѣдкое, если не единственное въ своемъ родѣ.

Вотъ какъ Mondeville описываетъ порядокъ консультацій (collationes):

„Сначала консультанты, одинъ за другимъ, изслѣдуютъ больного осматриваніемъ и осмотромъ, какъ это совѣтуетъ Haly. Затѣмъ, если того требуетъ случай, всѣ вмѣстѣ повторяютъ изслѣдованіе, указывая другъ другу на признаки болѣзни и на соображенія, вытекающія изъ болѣзни или больного. Послѣ того, самый выдающійся изъ нихъ (magis authenticus) особенно если онъ врачъ, говоритъ больному: „милостивый государь (Domine!) мы видимъ чѣмъ вы страдаете, это для насъ ясно, и вы должны имѣть полное довѣріе и радоваться (1), ибо насъ тутъ столько, что и для короля было бы довольно и самого младшаго изъ насъ достаточно, для того, чтобы назначить, продолжать и довести леченіе до желаннаго конца“ (1).

Послѣ того онъ задаетъ больному вопросы напр. при болѣзни сочлененій 14 вопросовъ: когда болѣзнь началась, отъ какой причины, чѣмъ ее лѣчили и т. д., наконецъ готовъ ли онъ подвергнуться прижиганіямъ или другимъ способамъ леченія, если понадобится (в. 13) и послѣдній (в. 14): „Намѣренъ ли онъ прилично вознаграждать пользующаго хирурга за лекарства, знанія и трудъ“ („si vellet curialiter satisfacere pro medicinis, pro scientia et pro labore“. Послѣдній вопросъ весьма характеренъ для исторіи правотъ той эпохи и видно сильно беспокоилъ тогдашнихъ хирурговъ хотя этотъ вопросъ послѣдній, но въ мысляхъ хирурга онъ былъ второй („quae est ultima, quae tamen fait secunda in intentione chirurgici“²⁾) прибавляетъ Mondeville, который то и дѣло возвращается къ этому вопросу и въ другомъ мѣстѣ восклицаетъ: „я никого не встрѣчалъ, какое бы положеніе онъ ни занималъ, будь онъ богатый, честный, вѣрующій или другой, кто охотно и безъ принудительныхъ мѣръ уплатилъ бы обѣщанное“ .. „immo non inveni aliquem ita divitem aut ita probum cujuscunque condicionis, sive religiosus fuerit, sive alter, qui velit solvere quod promisit nisi coactus fuerit et convictus“³⁾.

И это говорить придворный врачъ. Очевидно или тогда господствовало уже такое безденежье или ныне больные также мало церемонились съ врачами, какъ и нынѣ.

Возвратимся къ консультаціямъ. „Покончивъ съ вопросами, которыхъ требуетъ случай (продолжаетъ Mondeville), консультанты удаляются въ другую комнату, ибо при всякой консультаціи магистры ведутъ между собой пренія для раскрытія истины, причемъ употребляютъ иногда выраженія, могущія постороннимъ подать поводъ думать, что между врачами существуетъ разногласіе, что дѣйствительно и бываетъ“.

Затѣмъ самый старшій или самый выдающійся или самый знаменитый, если таковой имѣется, напр. лейбъ-медикъ короля или папы предложить остальнымъ говорить по очереди и если всѣ молчатъ, какъ оно и подобаетъ, онъ самъ заговоритъ и разспроситъ ихъ, одного за другимъ, начиная съ младшаго и наименѣе извѣстнаго и такъ далѣе переходя по порядку отъ низшаго къ высшему. И въ самомъ дѣлѣ, если заговарятъ первыми старшій или старшіе, то младшимъ и менѣе извѣстнымъ нечего будетъ прибавить, и консультація будетъ сведена къ нулю, тогда какъ, что бы ни сказали младшіе, старшимъ всегда останется что либо исправить, добавить, ограничить, отвергнуть или одобрить“.

„Итакъ, пусть онъ переспроситъ всѣхъ въ указанномъ порядкѣ: что за болѣзнь въ данномъ случаѣ, какъ она называется согласно наблюденіямъ людей опытныхъ какъ авторъ (еще характерная для той эпохи черта: непременно нужно было опираться на какой

1) Die chirurgie des H. v. Mondeville. Изд. Pagel'я p. 127.

2) Тамъ же, 112. 3) Тамъ же, 76 (Notandum 6).

нибудь авторитетъ, все равно, на Галена или арабовъ) и въ какихъ частяхъ своихъ сочиненій упоминають о ней. Получивъ отвѣтъ, пусть спроситъ, излечима ли болѣзнь и если излечима, то какими средствами“.

И для прижѣра Mondeville беретъ случай, гдѣ передъ нами опухоль (apostema) въ мясистомъ мѣстѣ, напр. на плечѣ или ягодицахъ. Врачъ въ такомъ случаѣ долженъ изслѣдовать изъ какой матеріи или влаги она образовалась и если изъ крови, то каковы были начало и дальнѣйшее развитіе болѣзни, не умѣстно ли кровопусканіе и изъ какого члена, изъ какой вены и когда „ибо прибавляетъ М. оно производится различно, смотря по времени года, привычкамъ больного и даже состоянію мѣсяца и небесныхъ тѣлъ соgratum supercoelestium“). Это, такъ сказать, нормальная консультація 1). Но дѣло не всегда обстоитъ такъ, какъ изложено. Случается что больной неудачно выбираетъ хирурга, другіе окружаютъ себя всѣми возможными хирургами и самыхъ различныхъ школъ, полагая, что чѣмъ ихъ больше, тѣмъ скорѣе они избавятъ его отъ болѣзни „подобно тому какъ напр. 10 каменщиковъ подвинутъ постройку дома въ одинъ день, сколько одинъ въ 10 дней“. Но Mondeville находитъ слишкомъ большое число консультантовъ во многихъ отпосеніяхъ невыгоднымъ для больного. Во первыхъ чѣмъ ихъ больше, тѣмъ менѣе каждый въ отдѣльности чувствуетъ себя отвѣтственнымъ и такимъ образомъ нерѣдко оказывается, что богатый пользуется хорошимъ леченіемъ въ меньшей степени нежели бѣдный. Затѣмъ чрезмѣрное обиліе консультантовъ часто приводитъ въ замѣшательство пользующаго хирурга, не давая ему примѣнять обычнаго его способа леченія. Опытный хирургъ, если лечитъ одинъ, примѣняетъ тотъ или другой испытанный имъ способъ, который онъ не охотно открываетъ другимъ или же послѣдніе могутъ отвергнуть, „стараясь однако про себя хорошенько его запомнить, чтобы при случаѣ имъ воспользоваться“. Или если и одобряютъ его средства, то каждый захочетъ чтонибудь прибавить: одинъ розн, другой меллотъ, третій ромашку, такъ что предложенное имъ средство потеряетъ свое дѣйствіе и они же его будутъ обвинять! Къ тому же одинъ опытный врачъ рѣдко ошибается, когда же врачей много, то рѣдко между ними существуетъ согласіе относительно причины, свойства, признаковъ и леченія болѣзни, а если и существуютъ то они разойдутся въ мелочахъ. Если напр. одинъ предложитъ мальву для припарокъ при нарывѣ, то другой предложитъ проскурняковнй корень, третій вѣтку ивае ursi и т. д., будь ихъ хоть тысяча, тогда все это смѣшиваютъ въ одно лекарство, между тѣмъ одна мальва была бы полезнѣе 2). По этому поводу Mondeville въ другомъ мѣстѣ рассказываетъ анекдотъ, что когда въ Парижѣ консультанты однако выразили удивленіе, что опоздавшій коллега въ назначенному ими сиропу прибавилъ одинъ бобъ, то онъ имъ замѣтилъ: „aves et boves, quid, admiroramini aspicientes? Cum qua conscientia deberem ego partem de salaro reportare, si non ponerem aliquid in syrupo?“ 3).

Само собой разумѣется, что когда не было изъ-за чего спорить, то спорили просто изъ зависти или ненависти и стоило кому либо сказать что нибудь дѣльное, чтобы всѣ въ одинъ голосъ утверждали противоположное.

Поэтому Mondeville совѣтуетъ больнымъ выбирать себѣ одного опытнаго и знающаго хирурга и только если лихорадка продолжается дальше четвертаго дня и грозитъ сдѣлаться гнойною—приглашать двухъ хирурговъ, по возможности одинаковыхъ взглядовъ, одной школы и дружныхъ между собой, а если таковыхъ найти нельзя, то и третьяго который послѣ преній и примиралъ бы первыхъ двухъ 4).

1) Тамъ же, 127, 128.

2) Die Chirurgie des H. Mondeville, et. Pagel, 123, 123.

3) Тамъ же, 112 (contigens 45).

4) Тамъ же 122. Ср. M. E. Micaise, Consultations entre medecins au XIV isècle въ *Revue Scientifique* за 1894 г.

ПРИБАВЛЕНИЕ

къ средневѣковой медицинѣ.

Къ сочиненіямъ Маймонида.

Въ виду путаницы, произшедшей у Carholу и отчасти у Lesclerc'a относительно сочиненій Маймонида считаемъ нелишнимъ привести здѣсь in extenso болѣе согласное съ истиной изложеніе проф. M. Steinscheider'a въ недавно обнародованномъ трудѣ, составляющемъ плодъ 25-лѣтнихъ изслѣдованій, можно сказать, имъ однимъ созданной отрасли средневѣковой библиографіи¹⁾.

Согласно Steinschneider'у всѣ прибавленныя въ текстъ 22 медицинскихъ сочиненія Маймонида сводятся къ слѣдующимъ восьми сочиненіямъ:

1) *fi-Albuasir*—о геморроѣ въ 7 главахъ (цитировано у Oseibia II, 117). Трактатъ этотъ написанъ для одного знатнаго юноши (Scheb). Рукописи въ Болоньѣ и Пармѣ (ср. Rabinovitch, Paris, 1886, № 43). Переведенъ на еврейскій языкъ анонимомъ, предположеніе же, что переводъ этотъ сдѣланъ Ибнъ-Тиббономъ неосновательно. Маймонидъ цитируетъ Разеса, Авиценну и Ibn-Wafida. Испанскій переводъ Sobre los Milavros въ рукописи въ эскуріалѣ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ имѣется рецептъ, приписываемый сыну Маймонида.

2) *fi Alguae*—о соитус. Маймонидъ написалъ объ этомъ предметѣ два трактата: а) большій—для al Malik al Mutsaffar—b) Аjjub султана Намат'а, племянника Саладина; рукопись въ Sacra-Monte, б) меньшій въ Гренадѣ, написанъ также для одного султана и трактуетъ о режимѣ и дѣтѣ. Переводовъ на еврейскій языкъ имѣется два:

а) *Serachja b. Isak b. Schealtiel* (около 1277 въ Римѣ?) рукописи въ Пармѣ, Мюнхенѣ и Парижѣ; б) анонимный, рукописи въ Берлинѣ и Парижѣ.

Существуютъ ли латинскіе переводы въ Вѣнѣ и въ Венеціи, Steinschneider не можетъ рѣшить. Здѣсь Маймонидъ цитируетъ Авиценну и Авензоара.

3) *O yдахъ*. Oseibia (II, 117), приводитъ заглавіе „*Alsatum etc.*“—о ядахъ и защитѣ отъ смертоносныхъ средствъ. Этотъ краткій, но полный трактатъ въ двухъ ча-

¹⁾ M. Steinschneider, Die hebräischen Uebersetzungen des Mittelalters und die Juden als Dolmetscher. Ein Beitrag zur Litteraturgeschichte des Mittelalters, meist nach handschriftlichen Quellen. Gekrönte Preisschrift der Academie française. Berlin, 1893, II, 662—774.

стихъ Маймонида сочинилъ по приказанію своего покровителя визира ad-Tadhil'a въ мѣсяцѣ рамаданѣ 595 г. (іюль 1198) въ предисловіи онъ намекаетъ на покровительство, встрѣченное имъ со стороны al-Tadhil'a—противъ обвиненія въ отступничествѣ отъ ислама. Арабскій оригиналъ находится въ рукописи въ Bodleiana, тамъ же и еврейская рукопись. Еврейскія переводовъ существуетъ два:

Моисей ибнъ-Тиббона (1244—74) подъ заглавіемъ „важный трактатъ“ или „трактатъ о теріакѣ“. Рукописи въ Болоньѣ и Пармѣ.

б) анонимный, предисловіе къ которому открыто Steinschneider'омъ, полагающимъ, что переводчикъ—вышеупомянутый Serachia.

Пять рукописей латинскаго перевода съ арабскаго находятся въ Оксфордѣ, Кембриджѣ, Пармѣ и Вѣнѣ, подъ заглавіемъ Armen g and, Blasii (изъ Монпельѣ, въ Барселонѣ) de-venenis или contra venena“.

Французскій переводъ д-ра Рабиновича въ Парижѣ, сдѣланный съ еврейскаго и арабскаго текстовъ, содержитъ биографическія и библиографическія данныя, заимствованныя изъ неудовлетворительныхъ источниковъ.

Нѣмецкій переводъ самого Steinschneider'a подъ заглавіемъ: а) „Gifte und ihre Heilung“ (Virchow's Archiv, B. 57, стр. 66—120; б) съ введеніемъ о токсикологическихъ сочиненіяхъ арабовъ до конца XII в., Berlin. 1863 Virchow's Archiv, B. 52)¹⁾. Переводъ вольный, посвященіе сокращено. Примѣчанія объясняютъ преимущественно терминологию. Этотъ трактатъ былъ извѣстенъ автору трактата объ алхиміи, подложно приписываемаго Маймониду.

Aphorismi Mosis („Picul mussi al-Cortabi)—самое знаменитое медицинское сочиненіе Маймонида, написанное около 1187—90, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ его же Комментаріемъ къ Афоризмамъ Гипократа (см. ниже № 6) и компендіями сочиненій Галена, въ предисловіи къ которымъ Маймонидъ ясно говоритъ, что онъ въ этихъ неизданныхъ компендіяхъ („Breviatium“) дословно извлекъ тексты Галена по его собственнымъ сочиненіямъ или вмѣстѣ съ текстами Гипократа.

„Настоящіе Афоризмы, я не скажу что сочинилъ, но выбралъ, скомпилировалъ слова Галена изъ всѣхъ его сочиненій и его комментаріевъ къ Гипократу“.

И въ самомъ дѣлѣ эти Афоризмы—частью заимствованы изъ Галена, частью его собственныя; или же матеріалъ принадлежитъ Галену, изложеніе же—Маймониду. Нужно поэтому удивляться, говоритъ Steinschneider, что Leclerc въ своей характеристикѣ Афоризмовъ говоритъ: „il en emprunt non seulement le fond, mais aussi la lettre à Hippocrate et à Galien“ (Leclerc, II, 59). Къ этому St. прибавляетъ, что Афоризмы, принадлежащіе дѣлкомъ одному только Маймониду начинаются словами: „такъ говоритъ Моисей“ или „такъ говоритъ авторъ“.

Арабскій оригиналъ находится въ Константинополѣ, Эскуриалѣ, Готтѣ, Геттенгенѣ и Лейденѣ; еврейскіе рукописи въ Bodleiana.

Еврейскіе переводы сдѣланы:

а) Serachia b. Isaac, b. Schealtiel оконченъ въ 1277 г. въ Римѣ, переводъ этотъ недавно открытъ и выдержки изъ него (о Галенѣ) St. помѣстилъ въ своемъ Al-Farabi:

б) Natan ha-Meati (въ Римѣ, около 1279—83), сдѣланъ вскорѣ послѣ, а по желанію друга Натана, напечатанъ въ Лембергѣ въ 1804 (вѣрнѣе 1834 г.) со множествомъ ошибокъ. Новое исправленное изданіе: Вильна 1888. Почти нигдѣ нѣтъ указаній на сочиненія Галена, изъ коихъ взяты Афоризмы, тогда какъ въ анонимномъ латинскомъ пере-

¹⁾ См. Исторію Средневѣковой медицины, стр. 301—302.

водѣ съ арабскаго (1489) таковыя указанія имѣются вездѣ. Этотъ послѣдній переводъ послужилъ источникомъ къ *Fragmenta Galeni ex Aphorismis Maimonidis opera Galeni* (Basil, 1579) и представляютъ только вольную передѣлку. Два отрывка другого латинскаго перевода „Rabbi Moïsis Part. XIX de Balneis, quam ipse e Galeno excerpit“ и Part. de Aqua находятся въ *Collectio de Balneis* (Venet. 1558).

5) *Asthma*. Рукопись въ Мадридѣ (еврейскими литерами) и содержатъ еще трактаты „о ядахъ“ „Гигіену“ и „Консультацію“ (№О 6, 7 и 8) извѣстны два перевода этого сочиненія въ 12 отдѣлахъ, хотя личность переводчиковъ точно еще не установлена.

а) Samuel b. Venenensis (испанскій врачъ 1320, переводчикъ Бозтія). Переводъ этотъ сдѣланъ вѣроятно съ латинскаго и находится въ рукописи въ Пармѣ и Веронѣ. Рукопись въ Bodleyana называлась „книгой о пищевыхъ средствахъ“, такъ какъ въ ней дается совѣтъ какой пищи избѣгать и какую принимать.

б) Другой переводъ несомнѣнно, съ арабскаго, въ которомъ заглавіе не переведено и лекарственныя средства переданы арабскими названіями: рукопись въ Мюнхенѣ.

Въ предисловіи Маймонида замѣчаетъ, что большую часть лекарственныхъ средствъ онъ приводитъ дословно по Галену и другимъ сочиненіямъ, приходившимъ ему на память во время составленія трактата. Собственнымъ замѣчаніямъ онъ всегда предпосылаетъ „такъ сказалъ авторъ“. Онъ приводитъ также Азензоара, Разеса, Аристотеля (*De sensu et sensatis*), Александра изъ Aphrodisias и астрологовъ. Помимо общихъ правилъ для сохранения и возобновленія здоровья, перешедшихъ сюда повидимому изъ 13 гл. его „Гигіены“, описываемый трактатъ содержитъ въ себѣ особенно въ этой главѣ нѣкоторыя данныя имѣющія значеніе, для исторіи культуры и литературы, а также для характеристики самого автора.

Комментарій къ *Афоризмамъ Гипократа*. Вставленный сюда текстъ Афоризмовъ переведенъ на еврейскій съ арабскаго перевода Нопеіп'а. Комментарій этотъ вообще извлеченъ изъ Галена, но не дословно, какъ въ компендіяхъ. Въ интересномъ введеніи онъ объясняетъ качества, какими долженъ обладать комментарий и въ концѣ прибавляетъ: „я полагаю, что Галенъ принадлежитъ къ многорѣчивымъ комментаторамъ; но когда я прочелъ въ началѣ его комментарія къ „Законамъ“ Платона, что одинъ ученый безъ всякаго повода и размысленія болѣе ста разъ комментировалъ одно мѣсто Гипократа, то я получилъ лучшее мнѣніе о его сочиненіяхъ и комментаріяхъ, такъ какъ я убѣдился, что въ сравненіи съ растянутыми сочиненіями его современниковъ, сочиненія Галена составлены весьма кратко (1). Съ этимъ мнѣніемъ Маймонида, конечно, нельзя согласиться, принимая во вниманіе, что расплывчатость и витиеватость Галена общеизвѣстны.

Арабскій оригиналъ находится въ двухъ экземплярахъ въ Bodleyana и Парижѣ: Еврейскихъ переводовъ имѣется два:

а) Моисея ибнъ-Тиббона (отъ 1257—1267) въ Bodleyana, Парижѣ, Туринѣ.

б) Анонимный, въ Bodleyana и рукописяхъ Reggio и Steinschneider'a съ переведеннымъ Нопеіп'омъ текстомъ, написаннымъ еврейскимъ шрифтомъ (въ настоящее время въ берлинской королевской библіотекѣ).

Трактатъ „Гигіена“ или „О запорѣ и меланхоліи“ послѣ *Афоризмовъ* самое извѣстное сочиненіе Маймонида. Различіе заглавій подало поводъ ко многимъ ошибкамъ. Lesclapart, посвятившій этому трактату двѣ страницы (60—62) не имѣлъ право сказать: „les listes bibliographiques de Maimonide données jusqu' à présent sont toutes infectées de confusions. По мнѣнію St., строго говоря смѣшивались не различныя сочиненія, но различныя заглавія одного и того же сочиненія принимались за отдѣльныя сочиненія, поэтому St. считаетъ нужнымъ сказать о немъ подробнѣе.

Этот трактатъ составляетъ „consultatio“ по адресу al Malik al-Afdh al'a сына Саладина, царствовавшего съ 1198 г. и пожелавшаго имѣть наставленіе какъ вести себя при означенныхъ въ заглавіи болѣзняхъ, конми онъ былъ одержимъ. Это наставленіе распадается на 4 трактата, изъ коихъ только третій специально трактуетъ о леченіи этихъ болѣзней. Маймонида просятъ извѣщенія за повтореніе вещей, о которыхъ онъ говорилъ въ другихъ мѣстахъ, ибо каждая статья должна быть составлена согласно специально занимающему автора вопросу; здѣсь же дѣло шло не о томъ, чтобы составить руководство по медицинѣ (послѣдняго замѣчанія въ печатанномъ латинскомъ переводѣ недостаетъ).

O y e i b i a (II, 117), называетъ этотъ трактатъ „Regimen sanitatis“ „Гигіена“ (filadbir al-zechah). Въ особенности здѣсь обращаетъ на себя вниманіе та часть, гдѣ на мѣсто врача выступаетъ философъ и говоритъ объ аффектахъ души.

Въ переводахъ же это заглавіе замѣнено названіемъ „Письмо къ султану“ (Саладину). M u n k называетъ этотъ трактатъ: „Du regime de la santé“ (Guide, I 356). Арабская рукопись въ Bodleyana не имѣетъ заглавія, но въ оглавленіи обозначается словами Nabs al-fabia—„О запорѣ“ (L e s l e r c, 61).

На еврейскомъ языкѣ существуетъ только единственный переводъ съ арабскаго оригинала, сдѣланный Моисеемъ ибнъ-Тиббономъ (1244 одинъ изъ первыхъ его переводовъ) и носящій названіе: „Письмо о гигиенѣ“. Недостатки перевода ибнъ-Тиббона оправдываются дурнымъ качествомъ манускрипта, на что въ манускриптѣ, принадлежащемъ Steinschneider'у одинъ шутникъ замѣчаетъ: „онъ говоритъ то, что говорятъ всѣ неспособные переводчики“. Этотъ трактатъ по рукописи Bodleyan'a изданъ въ еврейскомъ сборникѣ „Kerem Chemed“ (III, стр. 9—31), а отсюда въ Варшавѣ, 1886. Кромѣ того Jakob Saphir Levi издалъ свою рукопись въ Иерусалимѣ въ 1885 году подъ заглавіемъ „Разсказъ о гигиенѣ“. Другія рукописи въ Болоннѣ и Парижѣ. Въ этомъ переводѣ очень мало сохранено арабскихъ словъ, которыя замѣнены ивритскимъ нарѣчіемъ.

Нѣмецкій переводъ д-ра Winterhitz'a (Вѣна, 1843) полонъ грубыхъ ошибокъ, указанныхъ St. въ его статьѣ о медицинскихъ сочиненіяхъ Маймонида въ „Oesterreichische Blätter für Litteratur und Kunst“ herausgeg. von A. Ad. Schmidt (Wien, 1845, III, 89—455).

Латинскій переводъ носитъ заглавіе: „Tractatus Rabbi Moysi de regimine Sanitatis Soldanum regem“. За этимъ заглавіемъ слѣдуетъ надпись: „Tractatus R. Moysi quem domino: Soldano ad Babiloniae transmisit. Babylon, какъ извѣстно, означаетъ также Cairo (Steinschneider). Двойное заглавіе не есть двойной переводъ, какъ полагаетъ L e s l e r c (II, 501). Первое изданіе: Florent ок. 1476—1483, содержитъ еще пятый трактатъ (см. ниже № 8) St. не можетъ рѣшить, сдѣланъ ли этотъ переводъ съ еврейскаго или съ арабскаго. Рукопись C a i o G o n w i l l e (College въ Оксфордѣ) содержитъ переводъ прямо съ арабскаго Artstengaut Blasii изъ Монпелье, оконченный въ маѣ 1290. Въ разныхъ изданіяхъ трактатъ IV представляетъ различныя дѣленія на главы („schaar“).

Почти одновременно съ упомянутымъ переводомъ появился переводъ съ еврейскаго, сдѣланный крещенымъ евреемъ Johannes изъ Капуи подъ заглавіемъ: „Dieta или regimen sanitatis“. Въ концѣ сказано: „Tractatus de ebraico in latinum per mag. Johannem de Capua et fecit ipsum transtuli mag. G. de Brixia domini papae medicus“. Извѣстно, что Johannes жилъ около 1262—78. St. нашелъ сходство пролога съ прологомъ къ Tesir'у Авензоара. Переводъ Johannes'a озаглавленъ: „Tractatus rabi moysi abenmaulon qui domino et magnifico soldato transmittuntur“. Рукопись начинается слѣдующими словами: „inquit moyses filius servi dei israelitici de corduba, pervenit al me mandatum domini mei regis etc“. Напечатанный же начинается такъ: переводъ „Postquam ad manus minimi servitoris Moysi—praeseptum principis ac. honorati regis pervenit“.

8) *Consultatio* о причинахъ и случайностяхъ и т. д. По еврейской рукописи изд.: „De morborum causis et curatione“ по арабской рукописи въ Bodleyana: „De morbo regis Aegypti“. Въ 1851 г. Мункъ уже зналъ объ этой „консультаци“, исходящей отъ властителя Rikka.

Извлечение на еврейскомъ языкѣ въ рукописи St. подъ заглавіемъ: Весьма полезныя отвѣты Раббама на спеціальныя вопросы, съ которыми къ нему обратился одинъ государь, чтобы судить о различныхъ мнѣніяхъ врачей; „нѣкоторые изъ нихъ мы тутъ написали“. Анонимный переводчикъ все предисловіе пропустилъ. Въ концѣ имѣется рецептъ для пилуль противъ кашля. Собственно же говоря этотъ трактатъ не имѣетъ настоящаго заглавія. Одно мѣсто о винѣ цитируетъ отсюда J o s u a L o g k i, неизвѣстно по арабскому ли оригиналу или по латинскому переводу.

Латинскій переводъ начиная съ 1514 г., печатался позади „Трактата о гниеніи“ подъ заглавіемъ: *De causis accidentionis apparentium domino et magnifico soldano, et de temporibus apparitionis eorum*. Къ этому заглавію прибавили „Tractatus V“, полагая, что это часть „Гигиены“ того же Маймонида, хотя въ послѣдней ясно говорится только о четырехъ трактатахъ. Leclerc (II, 61), вѣроятно не видѣвшій арабскаго оригинала, полагаетъ, что это нѣчто въ родѣ *postscriptum* въ отвѣтъ на новые вопросы царственнаго больного, поэтому по его мнѣнію (р. 60) заглавія: *De morbo regis Egypti, De causis accidentium, De causis et indicis morborum, De cibo et alimento* составляютъ части „Гигиены“ выѣстъ взятыя и цѣлую „Гигиену“

Латинскій переводчикъ слово „al. Rikka“ послѣ *Regem* пропустилъ. Латинская рукопись содержитъ позади перевода *Гигиены*, сдѣланнаго J o h a n n e s'omъ изъ Капуи подъ заглавіемъ: *Consilium de praeservatione a melancholica-passione*, въ началѣ слова: *Perveperunt ad servum literae*, а конецъ гласитъ: „cuius vitam Deus extendat“. Если Johannes перевелъ описываемый трактатъ, то, вѣроятно, и весь трактатъ существовалъ на еврейскомъ языкѣ, такъ какъ переводилъ только съ еврейскаго.

Этотъ трактатъ безспорно составляетъ самостоятельную консультацию; больной не называетъ своей болѣзни, онъ выражаетъ желаніе, чтобы вопрошаемый объяснилъ ему причину и далъ совѣтъ относительно сообщаемыхъ предписаній врачей. Маймонидъ именемъ Бога увѣряетъ:

„Quod meliores nostri temporis deficiunt a cognitione necessaria in ordinatione illarum rerum et maxime quia eas non intelligunt, ut sciant eas ordinare. Et propterea provideat servus eius responsum ad regem (слово Rikka недостаетъ) sicut responsum medici ad medicum, non responsum ad illum, qui non est de arte, postquam divulgatum est apud regis medicos tractatus domini nostri in cognitione illorum accidentium et causarum eorum“ etc.

Тождественность султана R i k k a съ al-Afdhal'омъ повидному явствуетъ изъ одного мѣста трактата, которое можетъ быть было извѣстно Leclerc'у: „et jam quidem aggravit servus modum benificationis naturae cum ipso reubarbago in *capitulo tertio suorum tractatum* qui tractatus sunt in *solio domini nostri*“. Это указаніе относится къ „Гигиенѣ“ гдѣ Маймонидъ рассказываетъ, что Абензоаръ рекомендуетъ *ревенъ* съ *тамариндами* какъ *benificativum*, но что послѣ того, что онъ слышалъ о натурѣ больного слѣдуетъ предпочесть „limonie“. Въ концѣ трактата сказано: „Nos quidem determinavit servus in praecedenti tractatu quod hoc fiat cum *virupis praedictis*“. Противъ меланхолиі прописано лекарство.

„Хотя во всей этой консультациіи рѣчь идетъ о практическихъ вопросахъ, которые говорить St. не его дѣло и можетъ быть и не интересуютъ историка медицины (напрасно такъ думаетъ маститый библиографъ!), тѣмъ не менѣе онъ приводитъ одно мѣсто, которое доказываетъ, что Маймонидъ въ своемъ искусствѣ, какъ и въ другихъ вещахъ, съ

особеннымъ пристраціемъ рекомендуетъ взгляды ученыхъ своей родины (Испаніи) и Запада, коихъ ученикомъ онъ считалъ себя, такъ въ XIV онъ говоритъ о lignumbois est cortex radice eius, non autem vult folium, sicut faciunt vivi de aetio (toriente?) et egypta, sic enim vidimus universos senes nobiles facientes in terra hispania et in toto occidente. Similiter utitur cortice etc.". Точно также въ своемъ трактатѣ „*Asthma*“ онъ упоминаетъ объ испытанныхъ имъ слабительныхъ, по мало распространеннымъ сочиненіямъ исавцевъ.

Изъ этого обзора слѣдуетъ, что за исключеніемъ компендія изъ Галена и большого трактата de Coitu (№ II), всѣ существующія въ оригиналѣ медицинскія сочиненія Маймонида сохранились въ еврейскихъ, нѣкоторыя, даже въ двойныхъ переводахъ.

Подложнымъ Steinschneider признаетъ: 1) переводъ *Канона*; 2) *Liber inventi*; 3) не озаглавленное сочиненіе въ Bodleyana.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

А. Къ древней медицинѣ.

Къ медицинѣ въ древнемъ Египтѣ и новѣйшія изслѣдованія д-ра барона Felix'a v. Oefele объ отношеніи къ ней медицины Гиппократъ.

Медицину Гиппократъ принято разсматривать какъ сводъ накопившихся вѣками наблюденій надъ больными, провѣренныхъ, приумноженныхъ и обнародованныхъ Гиппократомъ, причемъ ему, какъ новатору, пришлось впервые создать и установить на прочныхъ началахъ нѣкоторыя важнѣйшія отрасли медицины, какъ этиологию, діагностику, прогностику и терапію. Но, спрашивается, какими источниками, кромѣ записанныхъ въ храмахъ наблюденій асклепиадовъ и собственныхъ, пользовался Гиппократъ при изученіи болѣе древней, задолго до него существовавшей медицины, ибо, какъ замѣчаетъ Daremberg, не вышла же она во всеоружіи изъ головы Гиппократъ, словно Минерва изъ головы Юпитера. Обыкновенно у него находятъ отголоски индійской медицины и только весьма мало египетской. Такой взглядъ держался въ наукѣ до открытія египетскихъ папирусовъ. Но въ новѣйшее время, съ открытіемъ и обнародованіемъ папирусовъ Эберса и Бругша, дѣло приняло другой оборотъ. По мѣрѣ болѣе подробнаго изученія этихъ папирусовъ, выясняется все болѣе и болѣе, что первоисточникомъ греческой медицины слѣдуетъ считать египетскую. Передъ нами цѣлый рядъ статей д-ра барона Oefele, помѣщенныхъ въ послѣднее время въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, въ коихъ авторъ, усвоившій искусство разбирать гіероглифы, на основаніи тщательнаго изученія упомянутыхъ и другихъ папирусовъ, доказываетъ несомнѣнную преемственную связь между египетской и греческой медициной. Вотъ приближительно выводы, къ которымъ привело д-ра Oefele изученіе папирусовъ.

Самая извѣстная по отношенію къ медицинѣ эпоха древняго Египта, это—переходное время на границѣ между древнимъ и новымъ египетскимъ государствомъ, совпадающее съ вторженіемъ Гиксовъ въ древній Египетъ въ 2100 г. до Р. X., слѣдовательно за 1000 лѣтъ до героической эпохи древней Греціи. Но періодъ исторіи египетской медицины обнимаетъ пространство времени гораздо большее, чѣмъ вся исторія медицины отъ Гиппократъ до нашихъ временъ. Начало древняго Египта относятъ за 3800 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, а 300 лѣтъ спустя послѣ начала нашего лѣтосчисленія еще выводили гіероглифы. Время Гиксовъ, отдѣляющее новый Египетъ отъ древняго, полагается между 2100 и 1660 г. до Р. X. Медицинскихъ сочиненій за періодъ времени

господства этихъ чужестранныхъ завоевателей не дошло до насъ никакихъ. Въ эти доисторическія времена медицинской науки можно только проникнуть путемъ обратныхъ умозаключеній. Хотя нѣкоторые отдѣлы папирусовъ Эберса и Бругша выдаютъ себя за продукты времени древняго египетскаго государства, но это еще не доказываетъ дѣйствительной, фактической давности или времени происхожденія ихъ редакцій. Для насъ впрочемъ, отдѣленныхъ отъ этой древней медицины не менѣе, чѣмъ на 6000 лѣтъ, это не имѣетъ особой важности, такъ какъ несмотря на вѣроятныя вѣдшія измѣненія едва ли существовала глубокая разница между состоианіемъ древнѣйшей и слѣдующей за ней сравнительно болѣе молодой фараоновой медициной.

При сравненіи древне-греческой медицины съ египетской прежде всего бросается въ глаза рѣзкое противорѣчіе между поразительнымъ обиліемъ сохранившихся въ послѣдней рецептовъ для медикаментознаго леченія болящихъ и немногочисленностію ихъ въ древнѣйшихъ памятникахъ греческой медицины, вошедшихъ въ составъ Сборника Гипократа, въ которомъ ни одна отрасль медицины не обработана такъ мало, какъ *частная терапія*. Научное обоснованіе медицины Гипократомъ имѣло послѣдствіемъ то, что какъ это зачастую случается и понинѣ, начинающій врачъ смотритъ на свою профессію только съ *научной* точки зрѣнія, совершенно забывая *практическія* нужды публики, которая требуетъ только частной терапіи и оплачиваетъ только спеціальныя терапевтическія услуги. Д-ръ Oefele, на основаніи ставшаго теперь доступнымъ матерьяла, приходитъ къ заключенію, что египетскій врачеватель былъ болѣе *практическимъ* врачомъ, нежели *ученымъ* („doctor“).

Чтобы прослѣдить измѣненія, происшедшія съ вѣками въ терапевтикѣ древнеегипетской медицины, д-ръ Oefele разсматриваетъ отдѣльныя эпохи египетской исторіи, которыя онъ, для большаго удобства, обозначаетъ буквами: А—древній Египетъ, В—владычество Гиксовъ, С—новое египетское государство; а, b и c представляютъ подраздѣленія этихъ эпохъ.

Въ самомъ древнемъ періодѣ, до владычества Гиксовъ (3800—2100 до Р. X.—періодъ Аa), врачи, въ числѣ коихъ были и нѣкоторые фараоны изъ касты жрецовъ (Athotis и Sesorthus), пользовались совершенной свободой изслѣдованія и въ своей медицинской дѣятельности подчинялись только кастовымъ, но отнюдь не государственнымъ законамъ. Съ разширеніемъ кастовыхъ законовъ въ дальнѣйшемъ періодѣ (Ab) терапевтическая дѣятельность была кодифицирована и получила обязательный характеръ. Въ слѣдующемъ періодѣ, періодѣ упадка (Ac), замѣчается отчасти вычеркиваніе изъ рецептовъ веществъ, находящихся въ противорѣчій съ пищевыми законами (кровь, испраженія), отчасти стремленіе къ мистической терапіи, отчасти наконецъ полипрагмазія, выразившаяся въ безконечномъ комбинированіи рецептовъ. Съ воцареніемъ иноземныхъ Гиксовъ (B), египетская медицина обогатилась, благодаря имъ, финикійскими и мидіанистскими рецептами и снадобьями (случай съ Іосифомъ, проданнымъ въ Египетъ семитическими торговцами, везшими туда въ караванахъ индійскія и другія снадобья, и съ Іаковомъ, послывшимъ Фараону въ подарокъ такія же ароматическія вещества). Въ этомъ видѣ и черезъ об-

мѣнѣ медицинскихъ сочиненій различныхъ школъ, медицинскія теоріи, составившія громадный и обременительный для памяти матеріалъ, были обработаны жреческими коллегіями для примѣненія на практикѣ при леченіи болѣзней. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ накопленія врачей въ большихъ городахъ, они для упрощенія своихъ занятій, подѣлили между собою различныя отрасли медицины (Сb), отмѣнивъ существовавшіе быть можетъ раньше дѣленіе по кварталамъ (Ca), отсюда — широкое развитіе впоследствіи спеціализаціи, которая не могла не отозваться на подготовкѣ врачей (Cc). Въ этомъ упрощенномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ испорченномъ видѣ высокоразвитая нѣкогда древне-египетская медицина (Aa) какъ бы окаменѣла. Когда Галенъ писалъ свой уничтожающій приговоръ надъ египетской медициной, онъ вѣроятно имѣлъ въ виду вырожденіе ея въ этомъ последнемъ періодѣ (Cc) главной причиной чего была, по мнѣнію д-ра Oefele, установившаяся у египетскихъ врачей манера — самыя незначительныя заболѣванія лечитъ энергическими средствами, не останавливаясь передъ прижиганіемъ и разрѣзомъ¹⁾. Но, замѣчаетъ д-ръ Oefele, Галенъ не подумалъ, что величайшіе авторитеты до него, какъ Гиппократъ, Діоскоридъ и другіе, опирались на египетскую медицину и что онъ самъ, во всемъ своемъ величіи, стоялъ на почвѣ египетской медицины²⁾.

Медицинскихъ школъ въ Египтѣ было три: въ Saïs, въ On (Heliopolis) и въ Sechem. Изъ нихъ, по мнѣнію д-ра Oefele, городъ On въ древнемъ Египтѣ игралъ такую же роль, какъ Салерно въ средніе вѣка.

Д-ръ Oefele основываетъ свое мнѣніе на томъ фактѣ, что изъ начала папируса Эберса („Я начинаю вступительной главой къ лекарствамъ для каждаго члена больного“ и т. д.) видно, что въ Saïs существовали болѣе древнія медицинскія сочиненія, которымъ приписывалось божественное происхожденіе. Д-ръ Oefele, поэтому, полагаетъ, что въ Saïs должна была существовать коллегія при храмѣ Neith или Изиды, составлявшая высшую школу, гдѣ культивировались научныя знанія, въ томъ числѣ и медицинскія. Въ позднѣйшія времена съ расцвѣтомъ г. On (Heliopolis), лежавшаго юго-восточнѣе на разстояніи нѣсколькихъ дней пути отъ Saïs, онъ въ свою очередь сдѣлался важнымъ медицинскимъ центромъ и притомъ процвѣтавшимъ такъ долго, что даже 1000—2000 лѣтъ спустя послѣ основанія здѣсь медицинской школы, онъ охотно посѣщался любознательными греками. Въ исторіи Іосифа этотъ жреческій городъ On является въ полномъ блескѣ и положеніе его въ Нижнемъ Египтѣ вѣроятно было причиною, что цари изъ Гиксовъ сдѣлали

¹⁾ Врядъ ли, однако, это могло быть причиною упадка египетской медицины, которому вѣроятно содѣйствовало множество другихъ условій, на которыя, къ сожалѣнію, нѣтъ историческихъ указаній.

²⁾ Dr. Freiherr Felix v. Oefele, „Materialien zu einer Geschichte der Pharaonenmedizin“ въ *Wiener klinische Wochenschrift*, 1895, № 13 и, „Das Specialistentum der späteren Aegypter“ etc. въ *Allgemeine Med. Central-Zeitung*, 1895, № 32.

его, предпочтительно передъ другими городами, научнымъ центромъ, въ своемъ блескѣ пережившимъ даже паденіе Гиссофъ. Д-ръ Oefele думаетъ поэтому, что г. Оп, знаменитый своимъ обширнымъ храмомъ Ра, долженъ былъ играть въ новомъ государствѣ такую же роль, какую игралъ Салерно въ средніе вѣка. „И въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, здѣсь впервые люди заявляютъ о себѣ какъ объ авторахъ книгъ, которыми, по восточному обычаю, въ папирусь Эберса выражаются пожеланія „вѣчной жизни и вѣчной медицинской дѣятельности“. Книгамъ этимъ приписывается особенная святость, какъ сочиненіямъ высшей жреческой коллегіи Ра, непосредственно вдохновляемой богомъ Тоті Верхній и Средній Египетъ, продолжаетъ д-ръ Oefele, такихъ книгъ не составляли. Въ папирусь Эберса о городахъ въ этихъ областяхъ и о самыхъ этихъ областяхъ вовсе не говорится. Между тѣмъ папирусь этотъ введенъ въ употребленіе и въ наше время найденъ именно въ этихъ областяхъ а именно, около Фивъ, гдѣ повидному не брезгали прибѣгать къ книгамъ Нижняго Египта, который въ медицинскомъ отношеніи очевидно, господствовалъ надъ южными областями. Такимъ образомъ школа Оп получила какъ бы санкцію отъ школы Saïs, а верховная медицинская коллегія Оп'а представляла собою высшую инстанцію, благодаря авторитету которой было признано санское преданіе“.

Прежде чѣмъ перейти къ выясненію связи, существующей между греческой и египетской медициной, считаемъ нелишнимъ привести здѣсь еще нѣкоторыя сообщаемыя д-ромъ Oefele данныя о папирусь Эберса, о шрифтахъ, которыми писались въ Египтѣ медицинскія сочиненія, о внѣшнемъ бытѣ египетскихъ врачей, дѣленіи ихъ по специальностямъ и т. д.

Папирусь Эберса. Подобно тому какъ это зачастую встрѣчается въ средневѣковыхъ латинскихъ спискахъ, и въ свиткѣ папируса Эберса, имѣющемъ на передней поверхности мѣсто для 102 столбцовъ, текстъ книги Гелиополиса (Оп) помѣщенъ только на 98 столбцахъ. Оставшуюся свободною часть столбца ХСVIII переписчикъ выполнилъ рецептомъ для окуриванія, написаннымъ въ другомъ порядкѣ и измѣненными красками. Остальные четыре столбца онъ употребилъ для приписки отрывка изъ „Тайной книги о сердцѣ“. На задней поверхности свитка онъ прибавилъ еще 8 таблицъ (СIII—СХ) изъ книги Sechem'a (Letopolis). Въ этихъ прибавочныхъ статьяхъ почеркъ тотъ же, но языкъ другой, чѣмъ въ текстѣ книги Оп'а.

Папирусь Эберса написанъ гіератическимъ шрифтомъ, который читается справа на лѣво и отличается отъ гіероглифовъ, представляющихъ болѣе или менѣе точныя изображенія служащихъ какъ письменные знаки предметовъ, тѣмъ, что въ гіератическомъ шрифтѣ (камышевымъ перомъ на кожѣ или папирусь) эти изображенія претерпѣвали общепринятія условенныя измѣненія. Д-ру Oefele удалось для многихъ измѣненныхъ письменныхъ знаковъ въ папирусь Эберса возстановить соответствующія имъ гіероглифическія изображенія. Какъ на примѣръ египетской медицины, писанной гіероглифами, онъ указываетъ на обнаруженный Dümichen'омъ рядъ специальныхъ рецептовъ, и въ частности рецептовъ для окуриванія, сохранившихся въ гіероглифахъ на

¹⁾ Dr. Oefele, „Die Stellung der Stadt On (Heliopolis) im alten Aegypten entspricht der von Salerno im Mittelalter“ въ *Allgemeine Med. Central-Zeitung*, 1895, № 19.

ствѣнахъ храма въ Edfu. Кромѣ того открыты позднѣйшіе медицинскіе тексты, написанные демотическимъ шрифтомъ, въ которомъ знаки претерпѣли дальнѣйшія существенныя измѣненія. Такимъ образомъ для изученія египетской медицины имѣются тексты во всѣхъ трехъ системахъ египетскихъ шрифтовъ, къ которымъ д-ръ Oefele прибавляетъ еще четвертую систему, возникшую въ александрійскій періодъ, когда египетскіе знаки и египетскій языкъ оказались недостаточными и для нѣкоторыхъ звуковъ египетскаго языка, которыхъ нельзя было выразить греческими знаками, пришлось изобрѣсти новыя звуки: это коптскій языкъ и шрифтъ. Въ коптской литературѣ также встрѣчаются медицинскія сочиненія (подобный отрывокъ обнаружилъ Zoëga), изъ коихъ не мало заимствовала въ первые вѣка ислама арабская медицина¹⁾.

Врачебный бытъ. Въ древнемъ Египтѣ занятіе медициной считалось, какъ вообще у всѣхъ древнихъ культурныхъ народовъ, дѣломъ жрецовъ или религіи. Такъ изъ папируса Эберса видно, что медицинскою практикою занимались жрецы солнца (Ra), Тот-Гермеса и жрецы въ Sais; по Галену хранителями медицинскіхъ знаній были также жрецы храма Ptah въ Мемфисѣ. Утвержденіе же Гомера, что „всякій египтянинъ врачъ“, или показаніе Геродота, который былъ пораженъ массой практиковавшихъ въ странѣ фараоновъ врачей, д-ръ Oefele считаетъ преувеличеніемъ и полагаетъ, что какъ бы ни было велико число врачей, все же это не противорѣчитъ факту принадлежности ихъ исключительно къ кастѣ жрецовъ.

Такъ, учебныя книги и руководства по отдѣльнымъ отраслямъ медицины находились въ исключительномъ вѣдѣніи жрецовъ извѣстныхъ храмовъ. Проведеніе, подъ эгидой религіи, строгихъ гигиеническихъ правилъ во всѣхъ мелочахъ частной жизни также говоритъ въ пользу медицинскаго образованія жрецовъ и весьма можетъ быть, что каждый жрецъ дѣйствительно былъ и врачомъ. Далѣе д-ръ Oefele справедливо находитъ, что каста египетскихъ жрецовъ соответствуетъ понятію о нынѣшнемъ сословіи людей съ академическимъ образованіемъ. Не смотря на замкнутость этой касты, многіе врачи или жрецовъ занимали также другія должности, какъ архитекторовъ, хранителей сокровищъ и другія мѣста, если только послѣднія не были униженными для достоинства сословія. Само собой разумѣется, что сынъ врача или кандидатъ изъ другого сословія, желавшій сдѣлаться врачомъ, принимался въ это званіе не иначе, какъ прошедши черезъ цѣлый рядъ мистерій и принявъ установленную присягу²⁾.

Интересно, что медицинскою практикою въ Египтѣ занимались также женщины, изъ коихъ д-ръ Oefele называетъ пять, считая въ томъ числѣ двухъ Моисеевыхъ старѣйшихъ повивальныхъ бабокъ, по имени Ш и ф р а и П у а, бывшихъ повидимому не особенно высокаго происхожденія, тогда какъ остальные три были царицами, куда относятся: королева-мать Шешъ, отъ коей сохранился рецептъ для приданія лицу благообразія³⁾,

1) Dr. Oefele, „Materialien zu einer Geschichte der Pharaonenmedizin“, II, Schriftsysteme des aegyptischen Arztes, въ „Wiener Klin. Wochenschrift“, 1895, № 24.

2) Dr. Oefele, „Materialien zu einer Geschichte der Pharaonenmedizin“ III, Die Person des Arztes, въ „Wiener Klinische Wochenschrift“ 1895, № 36.

3) Вотъ этотъ рецептъ: „когти борзой собаки (абиссинской), финиковыя цвѣты, ослиное копито, — варить съ деревяннымъ масломъ въ кострюлѣ, пока будетъ готово. Этими дѣлать притиранія“. Папирусъ Эберса, по переводу Trosse—Oefele. Ср. статью послѣднѣго: „Aerztinnen im Pharaonenlande“, въ „Allgem. Med. Central-Zeitung“, 1895, № 39.

царица Полидама у Гомера и наконецъ знаменитая Клеопатра хотя дѣятельность этихъ древнихъ женщинъ-врачей ограничивалась только акушерствомъ и косметикою. Не удивительно поэтому, что женщины-врачи имѣлись и у историческихъ египтянъ египетской медицины: у коптовъ, арабовъ и салеридцевъ. Прекрасный примѣръ добрыхъ коллегіальныхъ отношеній между мужскими и женскими товарищами являли собою египетскіе медицинскіе боги, изъ коихъ рядомъ съ Ra, Thoti, Chonsu, Aпери и Ptah врачеваніемъ занимались богиня Изнда и ея сестра Nebthi¹⁾.

Образъ жизни египетскихъ врачей-жрецовъ былъ урегулированъ тѣлымъ рядомъ предписаній, касавшихся опрятнаго содержанія и діеты и представлявшихъ собою нѣчто въ родѣ полицейской гигиены или медицинской полиціи. Д-ръ Oefele находитъ даже, что первые зачатки асептики нужно искать въ соблюденіи египетскими врачами изъ жрецовъ строжайшей чистоты и опрятности: имъ предписывалось гладко выбривать бороду (что, впрочемъ, дѣлали и простые египтяне) и голову, коротко выстригать даже брови и тщательно обрѣзывать ногти на рукахъ и ногахъ, что указываетъ на существованіе уже у египтянъ закона объ удаленіи всѣхъ лишнихъ эпидермоидальныхъ образований, гдѣ могутъ накопляться продукты разложенія выдѣленій. Сюда же относится и обрѣзаніе, какъ извѣстно, введенное египтянами. Для удаленія пыли и пота съ поверхности тѣла, представляющей обширную и удобную почву для развитія микробовъ, предписывалось брать по двѣ ванны днемъ и столько же ночью. Согласно климатическимъ условіямъ, и одежда египетскихъ врачей состояла изъ синяго или изсиня-желтаго платка на головѣ, плотно прилегавшаго камзола на голомъ тѣлѣ и поверхъ этого, епанчи изъ легкой матеріи, доходившей до лодыжекъ.

Ограничительный для врачей изъ жрецовъ законъ объ одноженствѣ не стѣснялъ ихъ однако въ свободѣ выбора подругъ жизни, въ которыхъ они могли выбирать даже мать, сестру или дочь, что не имѣло этихъ бракамъ считаться вполне богоугодными.

Въ отношеніи *діететики*, также на основаніи климатическихъ условій, врачамъ и жрецамъ какъ людямъ, занимавшимся только умственнымъ трудомъ, запрещалось употребленіе трудноваримыхъ бобовъ и свинины, дозволенныхъ только рабочему классу населенія. Они, какъ служители храмовъ, получали готовую пищу, между прочимъ, мясо и вино. Вообще урегулированіе образа жизни египетскихъ врачей сильно напоминаетъ законы и предписанія Моисея, повидимому привившаго египетскіе законы своему народу, который онъ хотѣлъ сдѣлать народомъ, состоящимъ только изъ священниковъ.

¹⁾ Dr Oefele, *Materialien zu einer Geschichte der Pharaonenmedizin* III въ Wiener klinische Wochenschrift, 1895, № 36.

Гонораръ они получали въ формѣ золотыхъ колець съ вѣсовымъ штемпелемъ, которыя больными приносились въ даръ собственно храмамъ, хотя главный источникъ доходовъ для содержанія храмовъ и служившихъ въ немъ жрецовъ и врачей составляла арендная плата съ земель, принадлежавшихъ храмамъ ¹⁾.

Раздѣленіе врачебнаго искусства въ Египтѣ на специальности имѣло мѣсто и въ болѣе древній періодъ, и въ позднѣйшій періодъ упадка. На первое есть указанія въ „Тайной книгѣ сердца“ (папирусъ Эберса, табл. 99), гдѣ различаются троякаго рода представители врачебнаго искусства въ Египтѣ: „каждый врачъ, каждый банщикъ, каждый заговариватель ошутываетъ пульсъ“. Изъ нихъ послѣдній очевидно лечилъ только „заговоромъ“. Всѣ они принадлежали къ кастѣ жрецовъ и д-ръ Oefele допускаетъ относительно врачей двухъ послѣднихъ категорій аналогію съ пасторомъ Кнейпомъ и его водолеченіемъ и съ пасторомъ Blumhart'омъ въ Боллѣ и его рукоположеніемъ. На таблицѣ 102, строка 4 папируса Эберса упоминается еще одно медицинское званіе: „hebcher“, каковое слово Эберсъ и Штернъ читаютъ: „cherheb“, что означаетъ: „заклинатель“, который лечилъ извѣстныя болѣзни внушеніемъ, рукоположеніемъ и дыханіемъ на больного. По словамъ Эберса они составляли особую группу жрецовъ и дѣлились на высшихъ, къ которымъ принадлежали и лица царской крови, и низшихъ или обыкновенныхъ маговъ, чародѣевъ и заклинателей. Д-ръ Oefele, однако, считаетъ ихъ за особое сословіе врачей, занимавшихся по даваніемъ хирургической помощи ²⁾.

Специализація врачебнаго искусства въ позднѣйшемъ Египтѣ развилась только послѣ написанія папируса Эберса. Хотя врачи изъ школы Оп повидимому занимались всѣми отраслями медицины, но это имѣло мѣсто только до 1552 г. до Р. X. Впослѣдствіи же накопленіе врачей въ большихъ городахъ заставило ихъ, для упрощенія и облегченія занятій, подѣлится между собою различныя специальности, о чемъ рѣчь уже была выше. Здѣсь же прибавимъ еще, что распаденіе египетскаго врачебнаго искусства на медицину и хирургию вѣроятно произошло уже во времена Гиксовъ (B) и, быть можетъ, еще ранѣе (Ab), въ пользу этого говоритъ уже то обстоятельство, что папирусъ Эберса содержитъ такъ мало хирургическихъ данныхъ ³⁾.

¹⁾ Oefele, *Materialien* etc. III въ *Wiener klinische Wochenschrift*, 1895, № 36.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Oefele, „Aeusserere Verhältnisse der Aerzte im Pharaonenlande“ въ *Allgem. Med. Central-Zeitung*, 1895, № 24 и „Das Specialistentum der späteren Aegypter hat sicherst nach der Niederschrift des Papyrus Ebers entwickelt“. Тамъ же № 32.

Что касается собственно *медицинской части* изслѣдованій д-ра Oefele, то первоначально имъ напечатано въ одной нѣмецкой газетѣ 15 статей по египетской медицинѣ, которыя онъ назвалъ „*Massagen*“ и мы ограничимся приведеніемъ однихъ только названій ихъ, составляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ заглавія тѣхъ 15 статей:

- I. Къ опредѣленію медицинской мѣры у древнихъ египтянъ.
- II. Отношеніе папируса Эберса къ герметическимъ книгамъ.
- III. Установленіе законныхъ дозъ лекарственныхъ веществъ у древнихъ египтянъ.
- IV. Рецепты папируса Эберса, по своему изложенію, представляютъ сокращенное воспроизведеніе рецептовъ герметическихъ книгъ.
- V. Египтянамъ для цѣлей опороженія кишечнаго канала была извѣстна также форма свѣчекъ.
- VI. Во времена упадка египетской медицины нѣсколько герметическихъ рецептовъ соединялось въ одинъ сложный рецептъ.
- VII. Затрудненія при разложеніи сложныхъ рецептовъ на ихъ составныя части, т. е. на герметическіе элементарные рецепты.
- VIII. Египтянамъ были извѣстны различные способы исправленія вкуса.
- IX. Папирусъ Эберса составленъ при династіи Гиксовъ и записанъ въ сохранившемся экземплярѣ въ скорости послѣ ихъ изгнанія.
- X. Для нерастворимыхъ внутреннихъ лекарствъ египтяне имѣли въ своемъ распоряженіи другую, болѣе рѣдкую форму—въ видѣ пасты.
- XI. Выдѣленіе круглыхъ глисть при лихорадочныхъ движеніяхъ замѣчено уже египтянами.
- XII. Египтяне распознавали [слизистую] дизентерію какъ особую болѣзнь и обозначали ее словомъ *ааа*.
- XIII. *Cholera nostras* считалась древними египтянами разновидностью дизентеріи.
- XIV. И кровавый поносъ распознавался въ Египтѣ какъ *morbus sui generis*.
- XV. Египтянамъ былъ извѣстенъ геморрой и *haemorrhoides furentes* лечились ими съ такихъ же точекъ зрѣнія, какъ въ средніе вѣка и въ новое время¹⁾.

Обращаясь къ точкамъ соприкосновенія между египетской и греческой медициной, мы прежде всего отмѣтили, что, согласно д-ру Oefele,

¹⁾ Всѣ эти статьи помѣщены въ „*Allgemeine Medicinische Central-Zeitung*“ за 1894 г.

I. Первые заимствованія грековъ у египетской медицины сдѣланы еще въ доисторическій греческій періодъ, другими словами, въ періодъ мифологической медицины.

Thotі, какъ богъ медицины и учености у египтянъ, является у грековъ въ двухъ лицахъ боговъ: Гермеса и Эскулапа. Единство происхожденія послѣднихъ обнаруживается общимъ имъ обоимъ атрибутомъ посоха, обвитаго змѣей, и если египтяне надѣляли Thot'a символомъ ибиса, то по находкамъ Шлимана во времена Трои Эскулапъ также изображался съ головою ибиса со змѣей на клювѣ. Впослѣдствіи Гермесъ получилъ крылья ибиса, а Эскулапъ съ человѣческимъ лицомъ получилъ въ руки посохъ, обвитый змѣей ('*οφιούχος, anguipennis*). И подобно тому какъ Thotі или смѣшивается съ египетскимъ царемъ Theta или Athotis, бывшимъ въ тоже время врачомъ, точно также Эскулапъ является у Гомера смертнымъ ессалийскимъ принцемъ съ выдающимися медицинскими способностями. Еще сходство между мифологической греческой и египетской медициной заключается въ признаніи Эскулапа синоиъ бога солнца, Аполлона, этого высшаго божественнаго представителя медицины у грековъ. Точно также въ папирусъ Эберса всякое медицинское знаніе исходитъ отъ бога солнца Ra, который, склонившись надъ больнымъ, говоритъ: „Я защищаю его отъ враговъ и руководителемъ его да будетъ Thotі“. Даже греческія герметическія книги составляютъ, по мнѣнію д-ра Oefele, переложеніе египетскихъ книгъ Thotі. Этотъ богъ Thotі считается также изобрѣтателемъ к л и с т и р а, что вполне согласуется съ рассказомъ Плинія о томъ, что ибисъ научилъ египтянъ употребленію клистира.

Въ средніе вѣка это изобрѣтеніе приписывалось Гиппократу, чему доказательствомъ служить среднегерманская рукопись въ Мюнхенѣ отъ 1457 г., въ которой приводится слѣдующій рассказъ. Гиппократъ стоялъ однажды на берегу моря и видѣлъ птицу, страдающую запоромъ. Эта птица набрала въ клювъ соленой морской воды, которую влила черезъ задній проходъ въ животъ. Отъ этой птицы Гиппократъ научился помогать людямъ морской водой. Отсюда и мы вѣдемъ это лекарство“.

Изъ всего этого д-ръ Oefele выводитъ заключеніе, что медицинскія божества заимствованы греками изъ Египта и что первыя заимствованія греческой медицины изъ египетскихъ источниковъ слѣдуетъ отнести къ героической эпохѣ Греціи, которая опять таки наступила лишь нѣсколько столѣтій спустя послѣ написанія папируса Эберса ¹⁾.

Дальнѣйшіе пункты, въ которыхъ греческая медицина сходится съ египетской, суть:

II. Установившійся у древнихъ египтянъ обычай—леченіе острыхъ болѣзней медикаментами продолжать только пять дней. Еще Аристотель (*Politica*, III, 2, 15) указывалъ на то, что въ острыхъ болѣзняхъ въ древнемъ Египтѣ врачамъ не дозволялось употребленіе медикаментовъ по истеченіи пяти дней. Съ этимъ вполне согласуется сохранившее силу до

¹⁾ Oefele, „*Die ersten Entlehnungen der Griechen von der aegyptischen Medicin wurden schon in der vorgeschichtlichen griechischen Zeit gemacht*“ въ *Allgem. Med. Central-Zeitung*, 1895, № 5.

нашего столѣтїя правило греческой медицины: начинать пользование острыми болѣзней краткимъ вступительнымъ леченіемъ, а именно драстическими средствами, и только на второй день переходить къ специфическому леченію. Такимъ же образомъ и со времени Парацельса въ первый день болѣзни принимали рвотный камень и каломель, а въ наши дни принимается пилокарпинъ. Къ вступительному леченію относятся рвотныя, слабительныя, потогонныя, кровоусканія и, можетъ быть, и каутеринъ. Тоже направленіе замѣчается въ папирусы Эберса, гдѣ для каждой болѣзни сначала приводятся рецепты на одинъ день, съ цѣлью обрывать болѣзнь (опорожняющее вступительное леченіе), а затѣмъ рецепты на четыре дня, все съ тою же цѣлью купировать болѣзнь. Послѣ пятого же дня египетскій врачебный кодексъ запрещалъ дальнѣйшее внимательство и приемленіе лекарственныхъ веществъ, такъ какъ это, по понятіямъ египтянъ, можетъ мѣшать благопріятному исходу болѣзни, а неблагопріятнаго исхода все равно не предотвращало бы. Изъ сказаннаго д-ръ Oefele выводитъ заключеніе, что показаніе Аристотеля находитъ подтвержденіе въ папирусы Эберса, представляющемъ значительное сходство съ греческой медициной въ отношеніи обрывающаго метода леченія болѣзней ¹⁾.

III. *Jusjurandum* Гиппократова—египетскаго происхожденія. Опираясь на текстъ „*Присяги*“ Гиппократова, согласно которой начинающій врачъ долженъ былъ давать клятвенное обѣщаніе посвящать въ свою науку только своихъ сыновей, сыновей своего учителя и „внесенныхъ въ списокъ“ учениковъ д-ръ Oefele находитъ, что такая кастовая замкнутость врачебнаго сословія не вяжется съ господствовавшимъ во всемъ древнемъ эллинизмѣ свободнымъ духомъ и потому такое заботливое охраненіе медицинскаго искусства, какъ собственности отдѣльныхъ семействъ и ихъ пріемшей, могло быть занесено только изъ Египта съ его дѣленіемъ на касты.

На это указываетъ также даваемое „*Присягой*“ обѣщаніе — не заниматься нѣкоторыми специальностями, какъ произведеніемъ выкидышей и камнеотченіемъ. Эти операціи какъ въ Греціи, такъ и въ Египтѣ, запрещались только врачамъ, но не возбранялись специалистамъ, ибо произведеніе выкидышей было въ большомъ ходу во всей древности (да и нынѣшняя медицина допускаетъ эту операцію для спасенія жизни матери), какъ видно изъ сочиненія Сорана (гл. 19) и изъ *De natura pueri* Гиппократскаго Собранія, только дѣло это находилось исключительно въ рукахъ повивальныхъ бабокъ и акушеровъ ²⁾. Точно также камнеотченіе представлялось только литотомамъ. Первое открытіе существованія камней въ мочевомъ пузырьѣ, связаннаго съ извѣстнымъ комплексомъ признаковъ

¹⁾ Dr. Oefele, „*Die alten Aegypter behandelten acute Erkrankungen nur fünf Tage mit Medicamenten*“, въ *Allgemeine Med. Central-Zeitung*, 1895, № 15.

²⁾ Dr. Oefele, „*Das Jusjurandum des Hippocrates stammt aus aegyptischen Quellen*“ въ *Allgem. Med. Central-Zeitung*, 1895, № 25.

могло быть сдѣлано только въ странѣ, гдѣ вскрытія труповъ дозволялись закономъ, слѣдовательно только въ Египтѣ, но отнюдь не въ Греціи, гдѣ каждое вскрытіе считалось наказуемымъ смертью преступленіемъ. Между тѣмъ изъ „Присяги“ видно, что присутствіе камней въ мочевомъ пузырьѣ распознавалось греческими врачами при жизни и что они удалялись черезъ посредство операціи, слѣдовательно, знакомство съ образованіемъ камней, которое можетъ быть основано только на многочисленныхъ вскрытіяхъ, коихъ греческая медицина не знала. могло быть занесено въ Грецію только извнѣ, т. е. изъ Египта, располагавшаго большимъ опытомъ въ секціяхъ. Д-ръ Oefele приходитъ поэтому къ заключенію, что еслибы даже изъ Гиппократоваго Сборника не дошло до насъ ничего, кромѣ „Присяги“, то изъ одной послѣдней съ необходимостью вытекало бы, что источникъ, изъ котораго греческая медицина почерпала свои познанія, нужно искать въ древнемъ Египтѣ. И подобно тому, какъ изъ греческихъ источниковъ извѣстно, что величайшіе умы Греціи изучали египетскую мудрость на египетской почвѣ и вступали въ число ученихъ только послѣ цѣлаго ряда обрядовъ и мистерій и по принесенія присяги въ египетскомъ храмѣ обязывались подвергать своихъ учениковъ, при посвященіи ихъ въ египетскую мудрость, такой же присягѣ, точно также этотъ обычай былъ перенесенъ изъ Египта и въ греческую медицину. Это подтверждается названіями медицинскихъ боговъ, къ которымъ взываютъ дающіе клятву въ началѣ „Присяги“ (Аполлонъ, Эскулапъ-Гермесъ Гигіея и Панакея)¹⁾, каковыя божества, по мнѣнію д-ра Oefele, совершенно соотвѣтствуютъ египетскимъ Ra, богу солнца, Thotі съ головою ибиса, Neith и Isis, что согласуется вообще и съ обычной передачей названій египетскихъ божествъ греческими писателями. Все это относится только къ медицинскимъ божествамъ города Оп. Согласно берлинскому папирусу, въ Мемфисѣ четыре медицинскихъ божества назывались Hognis, Thotі, Chonpu и Isis. Во времена Птолемеевъ яляется Chonpu-Segariv. Нахожденіе между этими богами Аполлона, т. е. Ra, указываетъ на школу г. Оп, изъ чего видно, что изъ всѣхъ медицинскихъ школъ Египта изъ школы Оп заимствовали свою медицинскую мудрость не только египетскія Оивы, но и Греція время Гиппократа. Въ періодъ, слѣдовавшій непосредственно за Гиппократомъ, на сцену выступаетъ божье ученіе школы S e c h e m (см. ниже).

Наконецъ египетскія мистеріи для начинающаго врача напоминаютъ также гл. 4 гиппократоваго *Lex*: „священные вещи открываются только святымъ людямъ, но открывать ихъ непосвященнымъ дозволяется лишь послѣ того, какъ они посвящены въ тайны науки“. Согласно этому, по мнѣнію д-ра Oefele, и книгѣ *Lex* слѣдуетъ также приписать египетское происхожденіе²⁾.

IV. Воспаленія зѣва какъ въ папирусь Эберса, такъ и у Гиппократа лечились одинаковой ингаляціей. Въ папирусь Эберса, какъ и въ берлинскомъ, между прочимъ, заходитъ рѣчь о болѣзни „serit“ или „seri“, т. е. воспаленіи зѣва или дифтеритѣ, леченіе коего представляетъ удивительное сходство съ таковымъ же у Гиппократа.

¹⁾ Ср. С. Ковнеръ, *Исторія древней медицины*, стр. 148, русскій переводъ „Присяги“.

²⁾ Oefele, „Das Jusjurandum des Hippocrates setzt eine Specialisirung der aegyptischen Medicin voraus“ въ *Allgem. Med. Central-Zeitung*, 1895, № 31.

Hippocrates, *De morbis II*.
Littre, VII, 40—42 § 26.

„Назначаютъ паровую ванну [ингаляцію] съ уксуомъ, селитрой, origanum и зернами кардамона [кресса], все истолочь и смѣшать съ уксуомъ и водою по равной части, съ прибавленіемъ небольшого количества деревяннаго масла, тогда мацерируютъ, вливаютъ въ сосудъ [горшокъ], накрываютъ его крышкою, которую обматываютъ тряпкою, затѣмъ въ крышкѣ продѣлываютъ отверстіе, въ которое вставляютъ полный камншъ и аппаратъ ставятъ на уголь и подогреваютъ. Когда паръ показывается изъ камнша, больной, открывъ ротъ, втягиваетъ [вдыхаетъ] паръ, только осторожно, дабы не обжечь горла“¹⁾.

„Другое воспаленіе зѣва... приготовить такую же теплую ингаляцію, какъ было описано раньше... Когда онъ начинаетъ принимать пищу, то пусть употребляетъ возможно жирную и соленую пищу“²⁾.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ текстовъ видно, что Гиппократъ, кромѣ трехъ составныхъ частей, перечисленныхъ въ папирусь Эберса, примѣнялъ для нихъ какъ *constituens* еще уксусъ, воду и деревянное масло. Смыслъ же рецепта папируса Эберса ясенъ: на раскаленную кирпичную или каменную плитку, на которой влажное лекарство шипитъ и испускаетъ пары, опрокидывается продиравленный на дѣтъ горшокъ, вродѣ нынѣшнихъ горшковъ для цвѣтовъ, снабженный камышевою трубкою, вѣрный прототипъ шлема всѣхъ позднѣйшихъ возгонныхъ снарядовъ. Такъ какъ въ дѣло употреблялись безъ сомнѣнія свѣжія зерна кресса и свѣжая душица, то смѣсь была достаточно влажной, чтобы не загораясь доставлять нѣкоторое время эфирные пары для дыханій. Разница между текстами Эберса и Гипократа бесспорно велика. Но не слѣдуетъ забывать,

Папирусъ Эберса, табл. 51.
(По переводу Trosse-Oefele).

„Другое (для ангин): крестъ, шатровой шелокъ, душица (*origanum heracleoticum*). Стереть въ одну массу. Прикеси семь кирпичныхъ плитокъ. Наложихъ на огнѣ. Возьми одну изъ нихъ, положи на нее немного изъ этого лекарства и накрой ее новымъ кубикомъ. Пробурши дно. Вдѣнь кусокъ камнша въ это отверстіе. Приложи ротъ къ камншу, дабы ты могъ дышать поднимающійся изъ него паръ. Тебѣ также поступай съ остальными шестью. Закуси послѣ того жиромъ, толстыми кусками сала или деревяннымъ масломъ“.

¹⁾ Ср. С. Ковнеръ, *Исторія древней медицины* стр. 352, гдѣ приведенъ полнѣе здѣсь переводъ означеннаго мѣста *De morbis II*, причѣмъ сдѣланныя теперь въ нѣкоторыхъ мѣншенія мы ставили въ [].

²⁾ Hippocrates, *De morbis II*, изд. Littre, VII, 44, § 27.

что время написанія того и другого текста раздѣляетъ промежутокъ въ тысячу лѣтъ ¹⁾).

Въ pendant къ сказанному приведемъ, со словъ д-ра Oefele, по воду примѣнявшагося въ странѣ фараоновъ *aa m* (*Origanum Heracleoticum*) параллель между Діоскоридомъ (по *Matthioli Commentaria, Venet. 1554* и *Arcolae St Amand'a* въ 13 вѣкѣ) и папирусомъ Эберса:

Діоскоридъ, I. III, с. 28.)

„Conficitur ex eo (origano) et cepis, et rhoë, quo obsonia utuntur, vomitorium medicamentum.

„A tres humores per alvum extrahit“.

„Succus virentis (origani) tonsillas, uvam, oris ulcera sanat“.

Въ *Arcolae St Amand'a*: ²⁾

„Origanum masticatum confert dolori dentium et gingivam tumidam sanat exsiccando“.

Изъ сказаннаго видно, что *origanum* въ греческой медицинѣ имѣло такое же примѣненіе, какъ и въ древней странѣ фараоновъ и что показанія для примѣненія *aa m* египтянъ (*origanum heracleoticum*) безъ измѣненія перешли въ греческую и средневѣковую медицину ⁴⁾).

¹⁾ Oefele, „*Papyrus Ebers und Hippocrates behandeln Angina mit der gleichen Inhalation*“ въ *Allgem. Med. Central-Zeitung* 1894, № 93 и 1895, № 83.

²⁾ Pedanius Dioscorides, *De medicinali materia*, въ 5 книгахъ (изд. Matthioli, Venet. 1554, съ комментаріями).

³⁾ St. Amand, *Arcolae* s. Tractatus de virtutibus et operationibus medicinarum simplicium et compositarum (рукопись въ Берлинѣ).

⁴⁾ Д-ръ „Oefele, *Origanum Heracleoticum, ein Arzneistoff im alten Pharaonenlande*“ въ „*Pharmaceut. Post*“, 1895, Mai.

Папирусъ Эберса

На таблицахъ III, VII, IX. „Опорожняющее лекарство“. „Другое для опорожнения живота, оно изгоняетъ всё негодныя вещества, которыя находятся въ мѣсѣ больного“... „Отдѣльныя средства для опорожнения“, подъ каковыми заглавіями слѣдуетъ понимать опороженіе вверхъ, т. е. рвотныя средства, что вполне согласуется съ сообщеніями Діодора Сицилійскаго о частомъ примѣненіи этого метода въ древнемъ Египтѣ.

На табл. 24 *Origanum* названо какъ одно изъ средствъ, употребительныхъ при заболѣваніяхъ кардинальныхъ влагъ.

На табл. 27 „Другое средство для леченія язвъ во рту“, причемъ приводятся 13 средствъ, въ томъ числѣ *origanum*, которыя настаиваются, мацерируются и фильтруются.

На табл. 85: „Начинаю со средствъ для утоленія боля языка“. „Другое средство для языка, который болитъ“, и вездѣ здѣсь рекомендуется *origanum*.

Еще однимъ доказательствомъ сродства, существующаго между египетской и греческой медициной, можетъ служить:

V. Пережиганіе животныхъ веществъ въ древней странѣ фараоновъ (*senenich—comburere*). Подобно тому какъ нынѣ мы употребляемъ пережженный уголь и т. д., точно также и древніе примѣняли различныя вещества, зола коихъ содержала еще животныя или минеральныя составныя части. Приводимъ и здѣсь, со словъ д-ра Oefele, параллель между Діоскоридомъ и папирисомъ Эберса.

Діоскоридъ.

Книга V, гл. 96 (изд. Venet. 1554) содержитъ указанія на примѣненіе пережженныхъ губокъ.

(При alopecia).

Кн. II, гл. 22: „*Hirrorotami pellis cinis alopecias explet*“.

Кн. II, гл. 52: „*Cervi cornu contusum, crudo fictili, luto circumlito et in furnum indito, uritur donec albescat. Id cadmiae modo elotum, ulceribus oculorum et defluxionibus [capillorum] salutare est*“.

Кн. II, гл. 40: *Ungularum asini cinis*“.

Кн. II, гл. 2 рекомендуетъ пережженную кожу ежа съ жидкой смолой или деревяннымъ масломъ для втираній при выпаденіи волосъ.

Папирисъ Эберса.

На таблицѣ 52 рекомендуется пережженная губка сваружи при заболѣваніи горла.

На табл. 64 имѣется рецептъ съ пережженной кожей гипнопотама.

На табл. 65 въ рецептѣ сказано „для укрѣпленія выросшихъ волосъ и окрашиванія ихъ въ чернѣйшій цвѣтъ—пережженный олений рогъ съ деревяннымъ масломъ: нѣсколько дальше какъ составная часть рецепта для роста волосъ рекомендуется пережженное ослиное копыто.“

На табл. 66 также рекомендуется пережженная кожа ежа съ деревяннымъ масломъ для втираній при выпаденіи волосъ.

Всѣ приведенныя здѣсь пережженные вещества примѣнялись, конечно, не въ горячемъ или нагрѣтомъ, а въ холодномъ видѣ¹⁾.

(Интересно, что подобныя животныя вещества, хотя и не въ пережженномъ видѣ, нашли примѣненіе и въ современной дерматологіи, какъ напр. *ol. pedum tauri*, *adeps colli equini*, входящія въ составъ рецептовъ Lassar'a при alopecia areata. Реф.).

VI. Названіе „*Turhus*“ должно быть сведено къ египетскому названію болѣзни *aa*. Эта болѣзнь считалась египтянами ниспосылаемой богомъ Сетомъ, изображавшимся съ ослиными головой и ушами (*aa* по египетски—осель) и отождествленнымъ греками съ Тифономъ или знойнымъ вѣт-

¹⁾ Д-ръ Oefele, „*Senenich—comburere. Das Bronnen thierischer Substanzen im allen Pharaonenlande*“, оттискъ изъ издающейся въ Вѣнѣ „*Pharmaceutische Post*“ (годъ и номеръ не обозначены).

ромъ,—и потому она получила названіе „Typhos“, каковое слово встати и погречески означаетъ: дымъ, парь или туманъ. У Гиппократѣ эта болѣзнь описана въ концѣ книги *De internis affectionibus*, между тѣмъ какъ въ папирусѣ Эберса она фигурируетъ въ началѣ (въ рецептѣ 164, изъ котораго видно, что эта болѣзнь имѣла эпидемическій характеръ). Отмѣтивъ, что въ обоихъ памятникахъ древней медицины матеріалъ иногда расположенъ въ обратномъ порядкѣ, д-ръ Oefele приводитъ слѣдующее описаніе тифа изъ *De internis affectionibus* Гиппократѣ:

„Болѣзнь называемая typhos. Слѣдующая болѣзнь носить названіе тифа. Она поражаетъ лѣтомъ въ знакъ Сиріуса, когда желчь приведена въ движеніе во всемъ тѣлѣ. У больного тотчасъ обнаруживается сильная лихорадка, колючій, жгучій жаръ, являются усталость, сопряженная съ чувствомъ тяжести въ членахъ, и слабость въ ногахъ и рукахъ, какъ въ параличѣ; въ особенности эти части отказываются служить. Наступаетъ поносъ. Испражненія крайне зловонны. Къ этому присоединяется сильное урчаніе въ животѣ. Если больной пытается встать, онъ не въ силахъ сохранить прямое положеніе. Отъ жара онъ не въ состояніи смотрѣть глазами и на вопросы не отвѣчаетъ, вслѣдствіе боли. Но передъ кончиной зрѣніе его обостряется, онъ начинаетъ говорить съ оживленіемъ и требуетъ пить и ѣсть. Когда же ему дадутъ поѣсть, то если его не вырветъ, онъ испускаетъ духъ“.

Краткіе періоды и форма рѣчи приведеннаго мѣста напоминаютъ д-ру Oefele древнеегипетскій способъ выраженія и онъ поэтому въ приведенномъ описаніи склоненъ видѣть греческій переводъ герметической книги περί νόσων ¹⁾.—Но онъ упустилъ изъ виду, что, согласно общепринятому мнѣнію всѣхъ знатоковъ Гиппократѣ, краткая рѣчь и вообще лаконичность выраженій считаются именно особенностью Гиппократѣ и служить даже критеріемъ при опредѣленіи подлинности той или другой изъ книгъ Гиппократоваго Сборника.

VII. Ученіе пневматиковъ заимствовано изъ древняго Египта. Между тѣмъ, какъ главная часть папируса Эберса принадлежитъ школѣ Оп, въ немъ однако замѣтно вліяніе болѣе древней школы Saïs, отстоявшей отъ Оп на сто километровъ. Но кромѣ того, какъ мы видѣли, въ этомъ папирусѣ на сцену является еще третья школа въ Сехемѣ (Letopolis), по сосѣдству съ Оп. Ей обязано своимъ происхожденіемъ „анатомо-физиолого-терапевтическое“ сочиненіе, какъ называетъ его д-ръ Oefele, которое въ нильской долинѣ вѣроятно пользовалось большимъ почетомъ, ибо какъ папирусъ Эберса, такъ и Бругша заключаютъ въ себѣ, съ незначительными варіаціями въ редакціи, начало этого сочиненія, изъ перевода коэго (Grosse-Oefele), при сличеніи его съ нѣкоторыми книгами канона Гиппо-

¹⁾ Oefele, „Der Krankheitsname Typhus führt sich zurück auf den aegyptischen Krankheitsnamen 𓂏𓂏“, въ *Allgem. Med. Central-Zeitung*, 1894, № 100.

крата, видно, что въ школѣ Сехема, точно также какъ и въ книгѣ Гипократа *De musculis* гл. 5 и въ другихъ сочиненіяхъ *Сборникъ* Гипократа, жизненнымъ началомъ считается рпеиша со свойственной ему теплотой.

Въ книгѣ школы Seseh, которой упоминаются парусы, во время ихъ воз- жденія, приписываютъ 5-тысячелѣтнюю древность, проведены взгляды на роль этихъ началъ, совершенно согласны съ взглядами школъ времени Гипократа. Въ гіероглифѣ оба эти элементарныя физиологическія понятія изображены въ видѣ огненнаго пламени и надутаго паруса. Носителями этихъ жизненныхъ началъ служатъ сосуды (жизн. Stränge въ переводѣ Oefele). При этомъ вены, которыя послѣ смерти находятъ наполненными кровью, считаются носителями теплоты и берущими начало въ сердцѣ которое въ гіероглифѣ изображено съ ушками и началомъ сосудовъ, совершенно такъ, какъ оно описывается гипократиками. Артеріи же, представляющіяся послѣ смерти пустыми, казались египтянамъ, какъ поудіе и грекамъ и даже средневѣковымъ врачамъ, наполненными рпеиша, и ихъ центральными пунктами считались крылья и носъ. Этия артеріальныя „жилы“, которыя древній египтянинъ „зналъ анатомически, онъ приписывалъ нервную функцію, замѣченную имъ физиологически“. Между тѣмъ анатомія наступающихъ нервовъ ускользнула отъ его вниманія [и неудивительно, такъ какъ она ускользнула даже отъ вниманія Аристотеля, гипократиковъ и до-галеновскихъ врачей вообще пока ей не было положено основаніе физиологическими опытами Галена. Реф.]. Описаніемъ египетской сосудистой системѣ приписывалось вліяніе на образованіе *флеммонозитис* воспаленія, ибо „больной ощущаетъ субъективно въ заболѣвшихъ частяхъ бленіе гнула, которое врачъ оцупываетъ объективно въ каждой нормальной артеріи“ (Oefele). Этой же сосудистой системѣ, по понятіямъ древняго египтянина, обязаны своимъ происхожденіемъ *несралити* и *водянки*. Въ описываемой этиологіи имѣется множество родственныя чертъ, напоминающихъ ученіе книги Гипократа *De ventis*. Подвздошныя артеріи и вены упоминаются здѣсь вмѣстѣ съ ихъ вѣтвями, бедренными артеріей и веной и *a. и v. poplitea*. При этомъ каждое послѣдующее развѣтвленіе названо „сниномъ“ главнаго ствола. Точно также *ischias*, причиняемый бедренными сосудами, названъ „сниномъ тазовыхъ сосудовъ“. Интересно здѣсь еще названіе таза: „черепъ бедра“, представляющее мѣткую картину костянаго таза. Греческая медицина въ данномъ случаѣ говоритъ о „бедрахъ“. Изложеніе этихъ анатомическихъ и теоретическихъ подробностей практической египетской врачъ сопровождаетъ тутъ же сообщаемымъ рецептомъ для *ischias*. Тоже имѣетъ мѣсто (при описаніи послѣдующихъ частей) для подагры, боли во лбу и хирагры, причемъ послѣдняя смѣшивается съ извѣстнымъ явленіемъ при ударѣ въ локоть. Боль во лбу приписывается наружной сонно-мозговой артеріи съ ея вѣтвью, височной артеріей, болевое ощущеніе во лбу послѣдовательно названо „сниномъ сонно-мозговой артеріи“. Съ сосудами верхнихъ конечностей авторъ сехемскаго сочиненія расправляется коротко. Вообще при перечисленіи дальнѣйшихъ частей замѣчается все больше и больше сокращеній. Послѣ сосудовъ носа перечисляются сосуды уха. Трудно понять, какимъ образомъ ушнымъ сосудамъ приписывается усненіе хорошаго или дурнаго рпеиша изъ воздуха, тогда какъ ниже приводится другая теорія, приписывающая болѣе послѣдовательно эту функцію крыльямъ носа (что, по мнѣнію Oefele, происходитъ можетъ быть, отъ смѣшыванія „mesdet“ — ухо, „mester“ — носъ). Точно также при объясненіи происхожденія *водянки* здѣсь проведены такіе же пневматическіе взгляды, только безъ прибавленія рецепта, такъ какъ *водянка* считалась началомъ неминуемаго неблагоприятнаго исхода.

Въ *Iatrica* Менон'а, греческіе отрывки которой находятся въ откритомъ недавно папирусѣ позднѣйшаго александрійскаго періода, пневма, какъ элементарное вещество съ вспомогательнымъ понятіемъ о теплотѣ, выставляется какъ ученіе Гиппократа. Здѣсь человекъ описывается какъ существо, коренящееся носомъ во всеодушевляющемъ пневма и плавающемъ въ воздушномъ океанѣ подобно водной чечевицѣ (см. ниже). Слѣдовательно, заимствуетъ д-ръ Oefele, не только рецепты изъ кантаридъ, ингаляціонный приборъ и признаки беременности, но даже цѣлая теорія болѣзни заимствована Гиппократомъ (какъ о послѣднемъ свидѣтельствуемъ Аристотель) въ нильской долинѣ¹⁾.

Мало того, д-ръ Oefele, на основаніи отрывка изъ лондонскаго греческаго папируса 137, въ которомъ сообщается характеристика Гиппократа, сдѣланная Аристотелемъ, и который помѣщенъ въ газетѣ „*Гермесъ*“ въ переводѣ филолога Diels'a, находитъ даже возможнымъ выставить слѣдующее, на нашъ взглядъ, однако, слишкомъ смѣлое, положеніе:

VIII. Изъ Сборника Гиппократа самому Гиппократу принадлежать только книги *De flatibus*, *De natura pueri*. и кн. IV. *De morbis*! Вотъ упомянутый отрывокъ:

„По возрѣніямъ Гиппократа, болѣзни причиняются въ трамн (пневма). Такъ характеризуетъ его Аристотель. Гиппократъ говоритъ, что болѣзни возникаютъ такимъ именно образомъ: отъ чрезмѣрнаго приема (пищи) или отъ неоднородности, или тяжести, или неудобоваримости принятаго образуются негодные остатки. Когда прибывъ такъ великая теплота, способствующая пищеваренію, побѣждается и перестаетъ переваривать прибывающую пищу, такъ какъ послѣдней слишкомъ много. Отъ воспрепятствованнаго пищеваренія происходятъ негодные остатки. Когда принимаемое неоднородно, оно застаивается въ животѣ, а отъ этого застоя явится превращеніе въ негодные остатки. Если же принимаемое крайне неудобоваримо и недоброкачественно, то этимъ путемъ возникаетъ препятствіе къ пищеваренію, ведущее также къ образованію негодныхъ остатковъ. Изъ этихъ негодныхъ остатковъ выделяются и поднимаются вверхъ кѣтры (газы), которые и причиняютъ болѣзнь“.

„Мужъ, возведшій это ученіе въ отлчіе школы, выражается такъ: пневма изъ всѣхъ составныхъ частей тѣла самое необходимое и высшее (начало), ибо правильный токъ его производитъ здоровье, неправильный болѣзнь. Мы существуемъ подобно растеніямъ: подобно тому какъ они пускаютъ корни въ землю, точно также мы коренимся въ воздухъ носомъ и всѣмъ тѣломъ. Мы похожи именно на растеніе, называемое *Pistia stratiotes*. Подобно тому, какъ это растеніе коренится по влажной средѣ и болтается на поверхности влаги въ разныя стороны, точно такимъ же образомъ коренимся и мы, словно растенія, въ воздухъ и, неспокойные, метемся то туда, то сюда. Но если такъ, то пневма—самое высшее, благородное начало“.

¹⁾ Oefele, „*Die Lehre der Pneumatiker ist altaegyptischer Entstehung*“ въ *Allgem. Med. Central-Zeitung*, 1895, № 11.

„Если образовались негодные остатки, то изъ нихъ, какъ было объяснено, развиваются вѣтры, поднимающіеся въ видѣ паровъ и производящіе болѣзни. И отъ неправильнаго развитія вѣтровъ происходятъ болѣзни. Ибо если ихъ много, они навлекаютъ болѣзни, а если ихъ мало, они тоже причиняютъ болѣзни. И изъ превращеній и видоизмѣненій вѣтровъ происходятъ болѣзни. Превращеніе же это можетъ быть двоякое, т. е. въ чрезмѣрную теплоту или въ чрезмѣрный холодъ. Но каково бы ни было измѣненіе, оно всегда причиняетъ болѣзни. Это было мнѣніе Аристотеля объ ученіи Гиппократѣ“.

„Но самъ Гиппократъ говоритъ, что болѣзни происходятъ отъ неправильнаго взаимнаго отношенія между кардинальными влагами“.

Сообщеніе о Гиппократѣ, приведенное въ упомянутомъ папирускѣ, доказываетъ, что во время написанія этого папируса, т. е. во II в. послѣ Р. X., существовалъ уже Гиппократовскій Сборникъ и что всѣ книги его съ гуморально-патологическимъ направленіемъ считались подлинными, такъ что авторъ приведеннаго отрывка, гдѣ Гиппократъ изображенъ Аристотелемъ какъ пневматикъ, считаетъ нужнымъ опровергнуть это мнѣніе словами самого же Гиппократѣ. Д-ръ Oefele, съ своей стороны, повидимому склоненъ примкнуть къ выраженному въ упомянутомъ папирускѣ мнѣнію Аристотеля и его ученика Менона, а вообщемъ почему. Во второмъ отдѣлѣ упомянутаго отрывка, по мнѣнію д-ра Oefele, рѣчь идетъ объ основателѣ ученія о рпеиша, какъ о единственномъ и высшемъ жизненномъ началѣ, а именно о Діогенѣ изъ Апполоніи. Изъ этого же источника происходитъ также уподобленіе здѣсь человѣка египетскому водяному растенію (*Pistia stratiotes*), каковое сравненіе приведено также въ папирускѣ Эберса. Къ Гиппократу же относятся только первый и третій отдѣлы отрывка, которые, какъ уже указалъ Diels, не только по духу ученія, но и по отдѣльными выраженіямъ имѣютъ прямое отношеніе къ книгамъ: *Deflatibus*, *De natura pueri* и кн. IV *De morbis*. Эти книги, поэтому, д-ръ Oefele считаетъ единственными подлинными книгами Гиппократовскаго Сборника. Приведенный же четвертый періодъ сказаннаго отрывка о гуморально-патологическомъ ученіи Гиппократѣ д-ръ Oefele считаетъ позднѣйшей вставкой, имѣвшей мѣсто лишь 500 лѣтъ спустя послѣ написанія греческаго папируса.

Въ отличіе отъ грубаго пневматическаго ученія Діогена, ученіе о рпеиша Гиппократѣ представляется, по выраженію д-ра Oefele, „смягченнымъ“, такъ какъ въ этомъ ученіи рпеиша, хотя и занимаетъ выдающееся мѣсто, но не захватываетъ собою все ученіе о болѣзняхъ, оставляя мѣсто и другимъ важнымъ факторамъ, каковы теплота и холодъ и, кромѣ того, негодные остатки. Это „смягченное“ ученіе о рпеиша однако, по его мнѣнію, гораздо древнѣе Гиппократѣ, такъ какъ въ относящемся къ 1550 г. до Р. X. папирускѣ Эберса оно излагается какъ ученіе школы Сехема. Д-ръ Oefele, по этому, считаетъ Гиппократѣ насадителемъ и, такъ сказать, пионеромъ египетской медицины въ Греціи, а то обстоятельство, что онъ воспользовался ученіемъ о рпеиша школы Sechem, а не ученіемъ школы Оп о кардинальныхъ влагахъ, обличаетъ, по мнѣнію д-ра Oefele, въ Гиппократѣ только врача съ трезвымъ, практическимъ умомъ, желавшаго опираться

лишь на анатомическія данныя, а эти послѣднія должны были привести его къ принятію двойной сосудистой системы: артерій, содержащихъ воздухъ, и венъ, содержащихъ кровь ¹⁾.

Послѣ смерти Гиппократа одни изъ учениковъ его придерживались рещша, другіе теплоты или холода, еще другіе другіхъ основныхъ началъ. Зять же Гиппократа, Полвій, которому Аристотель приписываетъ книгу *De natura hominis*, обращался къ тому же источнику, какъ и его тесть, т. е. къ медицинѣ страны фараоновъ, но при этомъ воспользовался не ученіемъ пневматической школы, а гуморально-патологическимъ ученіемъ школы Оп о кардинальныхъ влагахъ, какое ученіе, какъ известно, послѣ смерти Гиппократа получило болѣе спекулятивное, теоретическое направленіе, которое, по мнѣнію д-ра Oefele, перешло въ Грецію также изъ Египта ²⁾.

Къ рецептурѣ древнихъ египтянъ. Въ папирусѣ Эберса д-ръ Oefele насчиталъ до 800 рецептовъ. Чаще всего медикаменты приготавливались внутри въ видѣ свяжеприготовленныхъ настоевъ, рѣже въ видѣ камей, юред (для нерастворимыхъ веществъ) булочекъ. Грудныхъ младенцевъ лечили, давая лекарства кормилицамъ. Далѣе приготавливались жевательныя, полосканиа, ингаляціи, кромѣ того кистирн, свѣчки, тампоны и проч., для дѣтороднаго члена изъядкии и втиранія, для магалища вприскиданія, шарикн, окуриранія и проч., для носа чихательныя, на наружныя покровы пластыри, мази, лаки, припарки. Мѣрѣ жидкостей служила „драхма“ и ея дробн, что соответствуетъ 1, 1/2, 2, 3, 6 dl. Медицинскимъ вѣсомъ служила го—ротъ (т. е. столько, сколько можно набрать въ ротъ), что соответствуетъ 6 граммамъ. Греческая драхма (= 6 grm) получила названіе отъ слова „содержать“ (т. е. столько, сколько можетъ помѣститься во рту), а го можно назвать египетской драхмой, служившей для опредѣленія вѣса жидкихъ лекарственныхъ веществъ (обыкновенно брались 8, 16, 32, 64 драхмы или 1, 2, 4 и 8 египетскихъ унцій, каждая унція равнялась приблизительно 50 грам.). Интересенъ способъ построения египетскихъ рецептовъ. Такъ первый рецептъ папируса Эберса для живота гласитъ такъ:

Тявина 8 унцій (не полныхъ 400 grm.).

Гусиного жира 1 унція (не полныхъ 50 grm.).

Молока 1 dnat (около 6 dl.).

Варить, вжимать, принимать внутрь.

Въ сложныхъ рецептахъ (изъ 2, 3 и болѣе) распредѣленіе составныхъ частей отдѣльныхъ рецептовъ оставалось тоже, а именно:

Первое основное вещество, первое адъюванс, первое вытягивающее средство,
второе основное вещество, второе адъюванс, второе вытягивающее средство.

Но болѣею частью этотъ порядокъ видоизмѣнялся такъ:

Первое основное вещество, первое адъюванс, второе основное вещество,
второе адъюванс, первое и второе вытягивающія средства.

Такимъ же образомъ составлялись сочетанныя рецепты изъ трехъ и болѣе рецептовъ ³⁾.

Подведя итогъ работамъ д-ра Oefele по медицинской египтологіи, коихъ до настоящаго времени накопилось уже до 34, необходимо признать, что ему, благодаря искусству читать іероглифы и другіе египетскіе шрифты, которому онъ нарочно для этой цѣли научился, болѣе чѣмъ кому либо до сихъ поръ удалось установить тѣсную преемственную связь между египетской и греческой медициной и по всей вѣроятности никто не станетъ оспаривать его вѣскіе доводы за происхожденіе послѣдней отъ первой.

¹⁾ На это замѣтимъ, что ученіе объ артеріяхъ какъ воздухоносныхъ сосудахъ не затронуто Гиппократомъ, хотя онъ и различалъ артеріи и вены; оно беретъ начало отъ Аристотеля и Герофила и окончательно установлено Галеномъ.

²⁾ Dr Oefele, „Vom Hippocratischen Corpus stammt nur *De flatibus, De natura pueri und das vierte Buch De morbis von Hippocrates selbst!*“ въ „*Aestliche Rundschau*“, 1896, № 17.

³⁾ Oefele, Die Receptirung der alten Aegypter, въ *Wiener Klin. Wochenschrift*, 1894, № 46.

Только едва ли можно назвать удачнымъ сравненіе Гелиополиса (Оп) с Салерно по той роли, которую они играли въ исторіи медицины. Салернская школа, какъ извѣстно, была хранительницей преданій научной греческой медицины, хотя не безъ приѣмъ средневѣковыхъ суевѣрій, и въ свое время послужила образцомъ, по которому были устроены университеты не только въ Италиі, но и въ другихъ пунктахъ Европы (Парижъ, Монпелье), изъ каковыхъ университетовъ вышли люди, немало способствовавшіе возрожденію медицины. Но развѣ можно тоже сказать о Гелиополисѣ? Точно также врядъ ли возможно считать доказаннымъ выставленное д-ромъ Oefele положеніе, что *De flatibus*, *De natura pueri* и *De morbis IV*—единственныя подлинныя книги Сборника Гиппократата. Отрывокъ лондонскаго греческаго папируса 137, на который онъ опирается и который относится ко II в. по Р. X., отнюдь не древнѣ Галена, а Галенъ, полагаясь, и менѣе заслуживаетъ довѣрія, чѣмъ приведенный отрывокъ. Изъ сочиненій же Галена и изъ книгъ самого Сборника Гиппократата, а также благодаря и слѣдованіямъ такихъ знатоковъ Гиппократата, какъ Литтре и Dagensberg, можно усмотрѣть, какъ указано нами въ другомъ мѣстѣ¹⁾, что въ гиппократовскомъ Сборникѣ нѣтъ абсолютной системы этиологіи и патологіи и что ученіе Гиппократата о происхожденіи болѣзней есть въ сущности доктрина, приписывающая преобладающую, но не исключительную роль въ патогеніи и измѣненіямъ влаги, то плотныхъ частей, то воздуха. Въ этомъ ученіи гуморизмъ, солидарная патологія, пневматизмъ и натурализмъ тѣсно между собою связаны и соединены въ одно цѣлое, извѣстное подъ названіемъ Гиппократовскаго догматизма. Тѣмъ не менѣе, оставляя въ сторонѣ указанныя и нѣкоторыя другія имъ подобныя натажки, можно только привѣтствовать предпринятый д-ромъ Oefele, повидимому, еще не законченный имъ циклъ работъ по занимающему насъ вопросу, бросающихъ новый свѣтъ на этотъ темный періодъ исторіи медицины. И неустойчивости его въ этой области мы должны тѣмъ болѣе удивляться, что онъ, какъ врачъ, практикующій въ Bad Neuenahr, немало потрудился въ другой области, а именно въ области, столь отдаленной отъ египетской, еврейской, греческой и materia medica, гдѣ имъ обнаружены очень дѣльные работы о *capsella bursae pastoris*, какъ кровоостанавливающимъ, о *cocainum phenylicum*, какъ противокатарральномъ средствѣ, о *merium oleander* какъ замѣняющемъ наперстянку, *gymnema silvestris* при неприятомъ вкусѣ, *kali cantharidatum* при бугорчатѣ, о *pyoktanin*'ѣ при злокачественныхъ новообразованіяхъ, *ommorbin*'ѣ (*Josethylochloral*) и проч. Но объ этихъ работахъ не здѣсь мѣсто говорить.

¹⁾ Ср. С. Ковнеръ, Исторія древней медицины, стр. 288.

Оглавление.

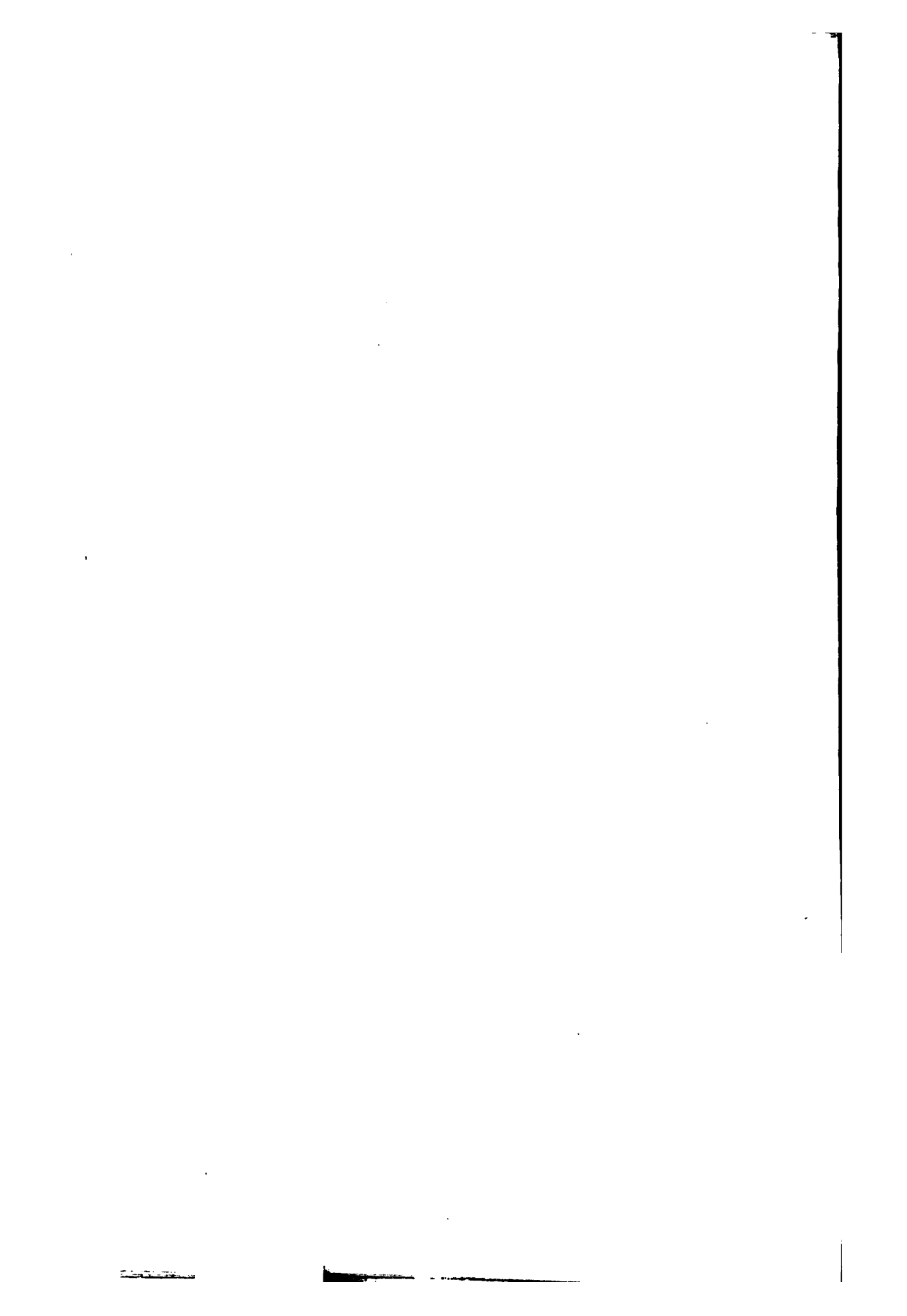
	стр.
I. <i>Западная (Ново-латинская медицина)</i>	353
Школа въ Monte Cassino	357
Anthamus Исидоръ Испанскій	359
Benedictus Crispus. Beda Venerabilis. Hrabanus Magnetius Maurus. Walahfridus Strabus	360
Шабатай бенъ Абрагамъ. Marbodus. Odo Magdunensis	361
Гильдегарда. Alexander Neckam	362
<i>Салернская школа</i>	365
Исторія салернской школы	365
Краткій обзоръ медицинскихъ сочиненій салернской школы	372
Греческій періодъ салернской школы. Gargiropontus	373
Petroncellus. Alphanus. Sorphon—старшій, Sorphon—младшій	374
Johannes Platearius I Trotula	375
Johannes Afflacijs. Bartholomaeus Salernitanus	376
Archimatthaeus. Petrus Musandinus	377
Анонимныя сочиненія салернской школы	378
Греко-арабскій періодъ салернской школы. Nicolaus Praepositus	381
Matthaeus Platearius	382
Magister Salernus	383
Maurus, Otho Cremonensis. Арабскій періодъ. Aegidius Corboliensis	384
<i>Медицина салернской школы въ общихъ чертахъ и въ частности. Практическая медицина.</i>	387
Диагностика. Общая терапия. Частная патологія	390
Фармакологія. Хирургія	395
Roger	396
Отіатрія, Офтальміатрія. Акушерство и гинекологія	397
Заключеніе	398
Школа въ Монпелье	399
Раймундъ Лилльскій. Bernhard Gordon. Gilbertus Anglicus	401
John Gaddesden. Парижская школа	402
<i>Вліяніе Крестовыхъ походовъ на медицину</i>	405
<i>Вліяніе схоластической философіи на медицину</i>	407

	стр.
Albertus Magnus	408
Thomas Cantimprè. Bartholomæus Anglicus	413
Главные представители схоластической медицины; Thaddæus Florentinus	414
Dino di Garbo, Tommaso di Garbo, Torrigiano de Torrigiani. Petrus Aponensis (Pietro изъ Abano	416
Giacomo de Dondis	418
Giovanni (Johann) de Dondis. Nicolo di Santa Sofia. Giovanni di Santa Sofia, Marsilio di Santa Sofia, Galeazzo S. Sofia. Jacobus Foroliviensis	419
Francesco di Piedimonte. Jacque des Parts.	420
<i>Частная патология и терапия. Компендиум, словари, consilia и сборники.</i> Guglielmo Corvi. Johannes a Tornamira. Valescus de Taranta	422
Nicolo Falcucci, Michael Savonarola	423
Antonius Guainerius. Matthaëus Ferrarius de Gradibus	424
Joh. Arculanus. Simon Januensis. Matthaëus Sylvaticus	425
Vitalis de Furno. Gentilis da Fuligno	427
Antonio Cermisone.	427
Hugo Bencius. Bartholomeo Montagano-Baverius de Baveriis	428
Первые попытки освобождения от схоластики	432
<i>Arnoldus Villanova</i>	432
<i>Окончательное освобождение от схоластики. Начало возрождения</i>	441
Франческо Петрарка	442
<i>Анатомия</i>	447
Mondini de Liucci	448
Nicolaus Betruci s. Bertutius	452
Pietro di Argelata, Alexander Achillini, Gabriel de Zerlbi, Marc Antonio de la Torre Alexander Benedetti	454
Хирургия	453
Hugo Borgognone a Lucca	454
Theodorico Borgognone	455
Bruno	455
<i>Gwilielmus de Saliceto</i>	458
Petrus ab Argelata, Marcello Cumano, Antonio Guaineri, Nicolaus Bertrucci, Bartolo- meo Montagnana, Giovanni d'Arcoli	460
Leonardo Bertapaglia, Durante Scacchi Branca—оружъ. Antonio Branca	461
Vicenzo Vianeo. Antonio Beniveni. Alexander Benedetti	462
Jean Pitard	463
L a n f r a n c h i	464
Henri de Mondeville	468
Guy de Chauliac	467
Johan Vperman	476
John Ardern	478
Heinrich von Pfolspendt	480
Hieronymus Brunschvig. Hans von Gersdorf	483
<i>Фармакология и бальнеология</i>	483
Jean de St. Amand; Petrus de Tussignana. Christophorus de Honestis	484
Токсикология. Santes Ardoyno. Бальнеология	486
Офтальмиатрия. Benevenutus Graphæus (Haeser) s. Grassus Hierosmolimitanus	487

Акушерство и гинекологія. Paulus изъ Merida	488
Дѣтскія болѣзни. Paolo Baggelardo, Bartholomaeus Metlinger.—Психіатрія. Медици- нская полиція и судебная медицина	489
<i>Ретроспективный взглядъ на западную (неолатинскую) медицину. Общая характере- стика отдѣльныхъ вѣковъ</i>	490
II. <i>Эпидемическія и новыя болѣзни во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Проказа</i>	497
Священный или Антоновъ огонь	501
Черная смерть	504
Повальные душевные болѣзни: Плеска св, Витта	510
Тарантисмъ	511
Дѣтскіе крестовые походы	511
Ликантропія	512
<i>Сифилисъ въ древніе и средніе вѣка</i>	513
Древніе вѣка: Сифилисъ у египтянъ и евреевъ	527
У вавилонянъ и ассирянъ	528
Въ Индіи	529
Въ Китаѣ	530
Въ Японіи	531
У Грековъ	532
У Римлянъ	534

Среднія вѣка:

У арабовъ	539
Салернская школа. Врачи послѣднихъ столѣтій средневѣковья	540
Ретроспективный взглядъ на давнія о сифилисѣ въ древности и средніе вѣка	544
Причины болѣзни	550
Начало эпидеміи	552
Сущность и мѣстопребываніе болѣзни	555
Теченіе болѣзни. Терапія сифилиса въ средніе вѣка	563
Прибавленіе	571
Дѣленіе эпидеміи сифилиса 15 и 16 вв. на періоды	572
<i>Врачебный бытъ въ средніе вѣка</i>	579
<i>Гражданское положеніе врачебнаго сословія</i>	584
Эмпірики	590
Хирурги	591
Акушерки	592
Аптекари	593
Прибавленіе	599

Замѣченныя опечатки:

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть
354	11 снизу	према	время
355	15 „	Тарса	Тарса,
357	5 и 6 снизу	славой какъ медицинскій центръ	славой, какъ медицинскій центръ,
361	19 сверху	въ Repe	Repe.
369	7 снизу	любятъ	любятъ
375	8 сверху	причемъ латыню	причемъ, латыню,
378	4 „	образчикъ	образчикъ
379	2 „	но	но,
—	3 „	повидимому	повидимому,
—	— „	быль	быль,
383	8 „	сочиненіе Пропозита	сочиненіе, Пропозита,
—	9 „	которой	которой
—	8 снизу	фигурируютъ арабами	фигурируютъ, арабами,
384	10 „	сочиненія	сочиненія
386	10 „	о мочи	и мочи
389	4 „	любятъ	любятъ
—	8 „	ни болѣе ни менѣе	ни болѣе, ни менѣе.
390	19 сверху	egritudines	aegritudines
—	74 „	разнчаетъ	различаетъ
391	4 снизу	Phrenesia	Phrenesia
—	2 „	отломеніе	воспаленіе
392	14 сверху	виномъ	виномъ
392	18 снизу	zucore	zucore
393	8 сверху	pustulis	pustulis
394	14 „	хозаева	хозаева
416	17 „	накопецъ	накопецъ,
626	14 „	саого	своего
428	2 „	egritudines	aegritudines
432	2 „	лабораторіи	лабораторіи
433	2 „	Henschel	Henschel
435	7 снизу	ислѣдованію	ислѣдованію,
443	2 „	образчикъ	образчикъ
447	11 сверху	большія	большія
449	15 „	hydropiä	hydropiä
457	10 снизу	легкаго	легкаго
460	8 „	о бума	о бумагахъ
—	2 „	желѣзные	желѣзные

СТРАН.	СТОКА	НАПЕЧАТАНО	ДОЛЖНО БЫТЬ
461	17 сверху	разширенія	расширенія
465	5 снизу	отравленные	отравленными
468	6 сверху	привязанный	привязаннымъ
—	16 снизу	причемъ обращаетъ	обративъ
472	2 сверху	примѣнявшіеся	примѣнявшіася
473	8 "	повязки	повязки,
475	13 снизу	седьмая	седьмая
477	16 сверху	поврежденія	поврежденія
478	12 снизу	итальянскія	итальянскія
481	16 "	Pfolpreundt	Pfospreundt
481	8 "	конхъ	конхъ
485	17 сверху		
487	9 "	оперативный	оперативная
489	9 снизу	facit	facit
491	15 сверху	недошедшимъ	недошедшихъ
492	9 снизу	Въ	Въ
501	7 сверху	проказы	проказы
502	4 "	лѣтописцевъ	лѣтописцевъ,
504	6 "		
539	6 снизу	распространенная смнъ	распространенными смнн
540	12 "	но	во
579	14 "	ни въ Италіи	ни въ Италіи,
—	14 "	открывшимъ	открывшими
—	15 "	первое	первая
588	14 снизу	клятственное	клятвенное
584	8 "	пиршенствахъ	пиршествахъ